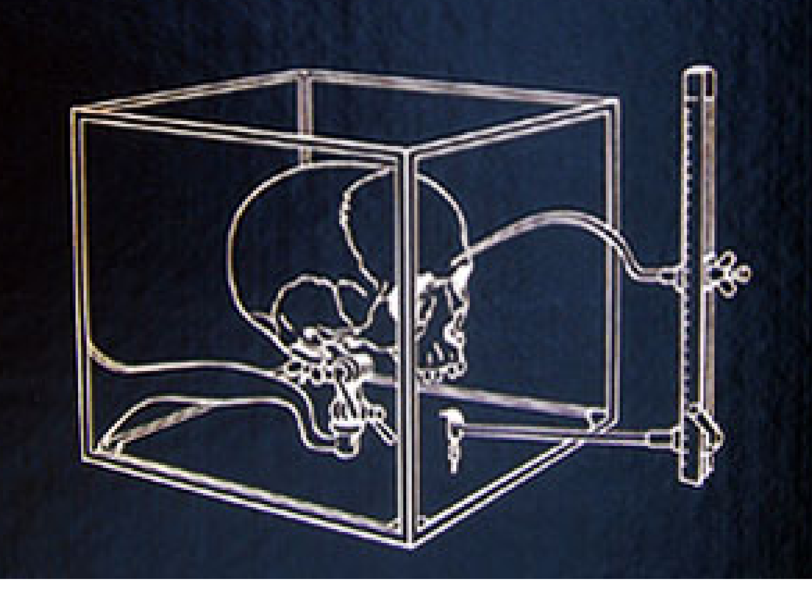
РУССКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ ДО 1917 ГОДА

ВЫПУСК № 2

( )

Владимир Борисович Авдеев

Выход фундаментального сборника «Русская расовая теория до 1917 г.» является выдающимся событием издательской и интеллектуальной жизни России начала XXI столетия.

В сборник вошли работы основателей отечественной антропологии, психофизиологии и неврологии — труды А. П. Богданова, В. А. Мошкова, И. А. Сикорского, И. И. Мечникова, С. С. Корсакова и др.

Издание затрагивает проблемы естественных различий между народами, которые в значительной мере предопределяют также и многие социально-политические процессы в современном мире. Сборник снабжен предисловием известного отечественного расолога Владимира Борисовича Авдеева.

Мало кто знает, что расовая теория в России была отнюдь не маргинальным явлением, она пропагандировалась с кафедр наиболее престижных учебных заведений. Научная деятельность в данной области патронировалась монаршей династией и лучшей частью государственно мыслящего дворянства, а также неоднократно благословлялась иерархами Русской Православной Церкви.

Современные исследователи монархии упорно обходят молчанием эту, одну из самых интересных и значительных сторон русской официальной духовной жизни дореволюционного периода. Данное фундаментальное издание и призвано восполнить этот пробел.

Том иллюстрирован многочисленными портретами русских ученых, фотографиями и уникальными гравюрами.

В некоторых статьях сборника частично сохранены особенности авторского правописания и формулировки отдельных терминов.

Проект издания вышеозначенной книги носит поистине уникальный характер, не имеющий аналогов в современной научной в публицистической литературе, так или иначе затрагивающей проблемы естественных различий между народами, которые в значительной мере предопределяют также и многие социально-политические процессы в современном мире.

Материалы публикуются с личного разрешения В. Б. Авдеева.

Использование материалов приветствуется.

РУССКАЯ РАСОВАЯ ТЕОРИЯ ДО 1917 ГОДА

в 2-х томах

Сборник оригинальных работ русских классиков

под редакцией В. Б. АВДЕЕВА

ТОМ II

Предисловие

В. Б. Авдеев

«Мы бились мечами. На память сынам
Оставил я броню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам».

Н. М. Языков

Издание в 2002 году фундаментального тома «Русская расовая теория до 1917 года» вызвало огромный общественный резонанс в среде читающей публики как у нас в стране, так и за рубежом. И действительно, коммунистам на протяжении свыше семидесяти лет и либералам-реформаторам вот уже более десяти лет с завидным постоянством удавалось поддерживать в обществе сусально-лубочный образ царской России, интеллектуальная жизнь которой якобы была преисполнена кротости и христианского всепрощения. Биографические работы и художественные фильмы десятилетиями освещали судьбы очень узкого круга политически удобных фигур, вписывающихся в эту модель — духовная и незлобивая «Матушка Россия».

Горящий взор юнца и пламенные речи космического масштаба или, напротив, старческая улыбка беспомощного умиления прочно сделались физиогномическими штампами русских просветителей. Стало модным быть юродствующим «всечеловеком», закладывающим собственную душу, а также физическое тело русского народа на алтарь выспренных и сумасбродных идеалов мистического гуманизма. Философская «маниловщина» сделалась признаком хорошего тона и даже разновидностью некоей академичности при описании жизненного пути «титанов мысли земли русской».

Правомерность этого образа, сколь дегенеративно-непристойного, столь же и противоестественного в самой своей сути, к стыду всей нашей вечно диссиденствующей элиты до сих пор не встречала

никакого должного осмысления, и издание оригинальных текстов русских классиков антропологии, психологии и смежных дисциплин вызвало протрезвление биологически здоровой части общества от опьянения дурманом выдуманной России. Каждый русский здравомыслящий человек, берегущий память предков и ведущий сегодня социально-активный образ жизни, прочитав эти бесценные первоисточники, отчетливо осознал, что организм гигантской Российской Империи, как живая система, был способен к росту и расширению ареала могущества только потому, что обладал устойчивой иммунной системой культуросозидающего народа — русских.

Плоды земные, которыми всегда была богата русская земля, а также земли, ставшие русскими, могли принадлежать только сильным и волевым людям, осуществляющим на практике воплощение «мифа крови». Это правило, наглядно показанное русскими расовыми теоретиками, спустя столетие справедливо и для нас — их потомков и наследников. И мы имеем полное моральное право гордиться достижениями нашей научной школы, а также извлекать из ее деяний бесценный исторический опыт, который сможет содействовать биологическому выживанию русского народа.

Огромное количество восторженных писем и откликов, а также научных рецензий поступило практически из всех стран, где волею судеб сегодня проживают русские люди. Независимо друг от друга многие читатели сборника, разделенные тысячами километров, высказали одну и ту же основополагающую и вместе с тем радикальную мысль, что издание такого рода обобщающих трудов, способно избавить весь современный русский народ от идеалистического комплекса неполноценности в области расового сознания. Кровь, а не пространство, объединяет великие исторические общности. И мы теперь точно знаем, что русский «миф крови», оформленный по всем академическим канонам, был не хуже западноевропейских и американского, но иногда и превосходил их как в новизне идей, так и в качестве системного обобщения информации. А блеск литературного изложения всегда был отличительной чертой русской словесности, в том числе и расовой, в чем мы также имели возможность убедиться.

Именно эта позитивная, окрыляющая реакция читателей и подвигла нас к работе над вторым выпуском, в который могли бы войти дополнительные оригинальные работы русских классиков несправедливо, а иногда и злонамеренно преданные забвению.

Предисловие к первому выпуску мы позволили себе завершить метафорой, сравнив свод трудов по русской расовой теории с золотоносным пластом, однако продолжение начатой работы в данном направлении со всей серьезностью заставляет нас извиниться перед уважаемыми читателями за недостаточную глубину сравнения. Очень скоро выяснилось, что богатейший идеями пласт русской расовой мысли по значительности можно сравнить, например, с Периодической системой элементов Д. И. Менделеева.

Не только факты, их осмысление и систематизация, но и многочисленные постановки проблем совершенно не устарели за сто с лишним лет. Ну а то, что, несомненно, до сих пор возвышает работы русских классиков над уровнем современности, так это осознанная гражданская позиция, обозначенная со всей ясностью.

Личности, создававшие в России грандиозную эпоху расового мышления, пресеченную большевиками, были аристократами духа и носителями безупречного стиля. Само представление о культуре в их понимании было нанизано на вектор дисциплины духа и кропотливой работы по самосовершенствованию и не отождествлялось с тем безответственным разгулом нездоровых страстей, который теперь принято приписывать всей русской интеллигенции. Наши ученые хотели и могли работать с самым драгоценным достоянием — силой наследственности предков, чтобы преумножить ее, а не промотать.

Естественно, что не всех могло устраивать такое положение вещей, ибо Россия до 1917 года была самым динамично развивающимся государством в мире. Мало того, государством, где ценности молодого капитализма легко уживались с традиционным патриархальным укладом. Дальнейшее развитие и усиление плодотворного синтеза традиции и модернизма грозило но всем прогнозам изменить расклад сил на международной арене уже к середине XX века. Гигантская держава, покрывающая шестую часть суши и имеющая полмиллиарда подданных (согласно расчету Д. И. Менделеева), проникнутых расовым мировоззрением, неминуемо сделалась бы лидером Белого мира. Враги этого закономерного процесса естественно постарались вначале расшатать биологические устои России, а затем и ввергнуть ее в пучину братоубийственной гражданской войны. Ленин, как и иные большевистские лидеры, многократно публично заявлял об этом, нисколько не скрывая циничности своих целей.

Большевизм — это идеология, оправдывающая паразитизм вирусной инфекции в теле здорового организма. Именно поэтому

большевизм, равно как и его легализованный отпрыск — коммунизм, всегда пытались силой пропаганды поставить права инорасовых элементов выше, чем права представителей доминирующей расы. Концепция так называемого «интернационального долга» — это квинтэссенция данного рода противоестественной идеологии. Сегодня ее адепты либо вообще не знают историю нашего вопроса, либо симулируют свою убежденность в противоположном в духе приснопамятных идеалов общечеловеческих ценностей.

Согласно законам физики, электрический ток течет от положительного потенциала к отрицательному, точно так же и в нашем случае: непреоборимое желание создать второй выпуск сборника работ «Русская расовая теория до 1917 года» было вызвано не только положительными отзывами, но и отрицательными.

Подлинным перлом «научной критики» может служить статья «Рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости» (Природа, № 6, 2004), оформленная как «письмо в редакцию» данного журнала за подписью четырнадцати корифеев отечественной науки, истративших четверть полезного объема статьи не на научный разбор, а на перечень собственных регалий. Вот их имена: Т. И. Алексеева, Е. В. Балановская, Е. И. Балахонова, Т. С. Балуева, С. В. Васильев, М. М. Герасимова, Е. З. Година, Н. А. Дубова, С. Г. Ефимова, А. А. Зубов, Д. В. Пожемский, Г. Л. Хить, В. М. Харитонов, Т. К. Ходжайов. Вышеозначенные господа данной публикацией явили миру чудеса своей воинствующей безграмотности, заявив, что, «в числе авторов, собранных под одной обложкой, только несколько имеют непосредственное отношение к становлению отечественной антропологической науки…»

В ответ на это мы можем лишь посоветовать глубокоуважаемым отечественным академикам и докторам биологических наук чаще ходить в библиотеку своих профильных научных заведений, чтобы получше узнать подлинные научные степени и заслуги авторов, опубликованных нами в томе «Русская расовая теория до 1917 года». Это, во-первых, а, во-вторых, люди, получившие научные чины при советской власти за традиционно добросовестное цитирование классиков марксизма-ленинизма в начале диссертаций, естественно, не понимают, чем отличается антропология от расовой теории. Их просто этому не учили, и в этом не их вина. Но тогда, следовательно, и считать себя наследниками русской расовой школы они тоже не имеют права. А вот эта фикция сопричастности, увы, в их сознании присутствует, ибо они по собственному разумению трактуют

классиков русской расовой мысли, и это притом, что ни во времена СССР, ни за длительный срок, последовавший за его распадом, мэтры отечественной академической антропологии так и не отяготили себя переизданием ни единой русской дореволюционной работы (!!!). С прискорбием приходится констатировать, что борцы с «рецидивами» позволяют себе произвольно толковать русские классические тексты, никого к ним не допуская, на манер раннехристианской гностической секты, присвоившей себе «Слово Божие». Естественно, что осмелившиеся переиздать хотя бы часть первоисточников, вызывают у них гневно-ревнивое неприятие. А называть людей, популяризирующих науку, непрофессионалами и дилетантами — это самый простой шаг. На что мы можем ответить просто. А почему же вы, профессионалы, десятилетиями ничего не делали в области пропаганды и популяризации русской классики? Как известно, природа не терпит пустоты, и эту работу должен был кто-то проделать. Ваш пасквильный укор — это обыкновенная зависть, зависть поколения испуганных «красных профессоров», всюду видящих «рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости».

Авторы письма в редакцию журнала «Природа» пишут также: «Однако мы не можем относиться как сторонние наблюдатели к наращиванию тиражей подобной литературы на фоне сокращения средств для издания научных и научно-популярных трудов, посвященных проблемам изучения биологической дифференциации человечества, соотношения этнокультурных и расовых общностей, экологии человека и многим другим направлениям, которые объединяет современная антропология».

Вновь чувствуется традиционный советский иждивенческий подход: «вы нам дайте средства», и это притом, что мы на собственном примере наглядно показали, что переиздание классических работ экономически целесообразное предприятие, окупающее любые затраты. Кроме того, мы неоднократно предлагали вышеозначенным господам совершенно бескорыстно воспользоваться нашими финансовыми и издательскими возможностями в благородном деле популяризации трудов, «посвященных проблемам изучения биологической дифференциации человечества», но встречали стойкий отказ.

В силу того, что в данном письме нас неоднократно величали представителями «псевдонаучной и спекулятивной литературы», мы можем также ответить «любезностью на любезность» и предлагаем научиться светилам отечественной науки пользоваться нормальным

русским литературным языком, доступным пониманию читателей, интересующихся данной проблематикой. Сочинения лиц, подписавших письмо, так же как и многих других наследников советской школы, написаны неудобоваримым «марсианским» языком, что автоматически отталкивает от них читателя, и, в свою очередь, ведет к мизерным тиражам. Поэтому за «сокращение средств для издания научных и научно-популярных трудов» нужно обижаться только на самих себя. Советская эпоха с ее духом заискивания и низкопоклонства перед абстрактными марксистскими догмами закончилась раз и навсегда, и мы не намерены, как и впредь, спрашивать разрешение у бездействующих сидельцев академического Олимпа, что и как нам издавать.

В этом пункте, как и выше подписавшиеся, мы также уповаем на «здравомыслие наших граждан», нашедших в себе мужество и умственные силы пересмотреть и переосмыслить многие страницы нашей истории. Очень жаль лишь, что расовая антропология оказалась на последнем месте в числе ревизируемых тем. Причины сопротивления четырнадцати «подписантов» поэтому понятны, ибо они наивно полагают, что разнарядкой сверху, как и раньше, могут устранить любое инакомыслие и далее продолжать считать русскую антропологию своей приватизированной вотчиной. Они не понимают, что времена гностического тайноведения закончились.

И, наконец, самое главное. Как выяснилось, многие из этого списка даже не держали в руках наших книг и подписались по старой советской привычке «единодушным коллективом». В гротескной форме повторилась ситуация с «народным возмущением» по случаю присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго», когда рабочие, хотя сочинение автора сами и не читали, но с уверенностью писали, что нам такая литература не нужна. Таким образом, существует инициативная группа из нескольких человек, занятая традиционным ремеслом советской эпохи — плетением интриг и распусканием порочащих слухов, ибо ни к чему другому она не способна.

Мы не обвиняем этих людей, как они нас, в дилетантизме, хотя их познания в области истории русской антропологии существенно ниже наших. Нет, мы обвиняем их в отсутствии гражданской позиции, подобающей отечественной научной школе. Не делая ничего сами в области популяризации классического наследия, они буквально «в штыки» воспринимают каждую стороннюю инициативу.

Великий английский ученый и философ Карл Пирсон (1855–1936)

в своем фундаментальном сочинении «Грамматика науки» (М., 1911) вводную главу назвал: «Наука и обязанности гражданина». Крупнейший немецкий философ-неокантианец Генрих Риккерт (1863–1936) обосновал критерии различий между гуманитарными и естественными науками и в книге «О системе ценностей» также со всей отчетливостью указал, что «там, где нет ценностей, там нет и науки».

Общеизвестно, что одной из главных причин, вызвавших распад СССР, был именно недоучет «соотношения этнокультурных и расовых общностей», о которых пишут в своем письме «борцы с расизмом». Результатом этого явились вооруженные конфликты, охватившие буквально всю территорию страны, с тысячами убитых и миллионами беженцев, однако блюстители научного пуританства и высоких принципов интернационализма остались глухи к насущным проблемам родины. Сегодня ситуация ухудшилась. В России умирает один миллион человек каждый год, страну охватил разгул криминалитета, наркоторговли, этносепаратизма и этнобандитизма. Пресса наводнена пропагандой всех возможных форм половых извращений, а Государственная Дума фактически легализовала педофилию. Детская проституция, работорговля, продажа детей на донорские органы, а также взрывы, устраиваемые чеченскими боевиками, сделались постоянными спутниками нашей жизни, но отечественные ученые, изучающие природу человека, до сих пор не выдали ни одной рекомендации по профилактике и предотвращению этих отвратительных явлений, которые напрямую подрывают биологическую жизнеспособность нашего народа. Напротив, они даже позволяют себе в данном письме иронизировать и издеваться над понятиями «арийство», «нордизм», «белая раса», то есть ведут себя в точном соответствии с идейными постулатами большевизма, как инородное тело.

Финансирование науки осуществляется из средств общефедерального бюджета, то есть на наши с вами средства простых налогоплательщиков. Но тогда мы имеем полное моральное право задать естественный вопрос: а нужно ли нам содержать ученых, потворствующих геноциду русского народа?

Справедливости ради следует отметить, что вышеозначенные господа вовсе не отражают официальную точку зрения всей отечественной науки. Руководство Института антропологии имени Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова в целом позитивно оценивает нашу подвижническую деятельность, естественно,

корректируя ее своей конструктивной и доброжелательной критикой. За данную гражданскую и научную позицию мы выражаем искреннюю благодарность администрации прославленного научного заведения.

Однако в целях полноты нашего исследования, которому мы уделяем предисловие и свод первоисточников русских классиков во втором выпуске, необходимо понять истоки и генезис подобных культурбольшевистских взглядов. По словесным оборотам текста данной топорной критики легко догадаться, что не эти четырнадцать человек являются родоначальниками жанра, они лишь неталантливые последователи. Стиль уничижения алогичных, но эффектных обвинений идеологических противников во всех смертных грехах оттачивался десятилетиями на партийных собраниях, но, лишенный государственной поддержки, как видно, потускнел.

Однако разберемся всё же, откуда взялась эта постыдная манера, и назовем поименно тех, кто приложил руку к фальсификации русской расовой мысли.

Крупный русский антрополог Алексей Арсеньевич Ивановский (1866–1934) стал редактором основанного им «Русского антропологического журнала», который явился значительной вехой в деле развития физической антропологии не только у нас в стране, но и во всем мире. Однако уже в самом конце 20-х, в условиях торжества большевистских идей, когда уже полным ходом шло осквернение и уничтожение русской культуры, издание было свернуто.

В 1932 году возник новый журнал, потерявший слово «русский» из названия, это уже был просто «Антропологический журнал». Сменился также состав редколлегии, и один из ее членов Аркадий Исаакович Ярхо с подлинно якобинским рвением обрушился на головы читателей программной статьей «Против идеалистических течений в расоведении СССР», напечатанной в первом номере журнала. Вначале он сообщил читателям, что по сравнению с приматами и другими животными расами для человеческих рас в первую очередь характерна «потеря видового (расового) инстинкта».

Особенно забавно это слышать из уст представителя «богоизбранного» народа, чья бесспорная видовая (расовая) солидарность признается как антисемитами, так и иудейскими теологами. Сам принцип сионизма также построен на видовой солидарности евреев, которая у других народов, с точки зрения Ярхо, в процессе эволюции почему-то исчезает. Далее автор этой «научной» статьи утверждает, что «большая часть объединений внутри рода

«homo», за исключением некоторых примитивных племен, в расовом отношении смешана». Тогда, следовательно, предписания о соблюдении расовой чистоты, которыми кишат Ветхий Завет и Талмуд, и на которых также основан закон о гражданстве государства Израиль, — это не более чем измышления «примитивного племени». Генетический же контроль иммиграционной службы Израиля на принадлежность к этническим евреям — «глупости дикарей».

А. И. Ярхо пишет далее: «Вся история вида «homo» является примером «снятия», изжития биологических закономерностей. Новые объединения неизбежно «снимают» реальность расы как биологического коллектива. Возникшие в процессе очеловечивания производственные отношения «снимают» реальность расы как таковой». Согласно своим политизированным измышлениям Ярхо дает такое определение: «Антропология есть наука, изучающая изменения биологических особенностей населения в историческом процессе». Обратите внимание на тлетворную логику красной профессуры и подмену ею элементарных понятий: получается, что расы «размылись» и «снялись», а народ незаметно, но плавно «подменился» населением.

Известный немецкий расовый теоретик начала XX века Герман В. Сименс мудро подметил однажды, что «антропология принадлежит к числу тех редких наук, которую могут полностью приватизировать всего несколько профессоров». Пророчество этой фразы мы испытали на себе почти столетие спустя. Впрочем, тот же Ярхо даже не считал нужным скрывать истинную подоплеку своих идеологических замыслов, ибо отмечал: «Перед советским расоведением стоят большие задачи. Первой главной на данном этапе является разоблачение всякого рода попыток перенесения биологических закономерностей на общество и вскрытие лживости антропосоциологических и прочих империалистических расовых теорий и, наконец, создание марксистской теории происхождения рас в борьбе с полигенизмом».

А в 1934 году Ярхо опубликовал в 3-м номере «Антропологического журнала» новую программную статью «Очередные задачи советского расоведения», в которой писал: «Антропологические теорийки, казавшиеся еще сравнительно безобидными 8–12 лет назад, открыто пропагандировались в советской печати. До 1930 года советское расоведение находилось всецело под влиянием чуждых нам буржуазных расовых теорий и различных буржуазно-идеалистических течений в области

археологии, этнографии и лингвистики».

Далее Ярхо дает четкую методологию искажения антропологической науки: «Борьба с расовыми теориями предполагает наличие совершенно определенной тактики и стратегии. Только при условии, если в противовес тезисам расизма нами будет выставляться концепция исторического материализма, если мы перенесем центр тяжести критики из плоскости биологии в плоскость социологии, наша критика будет действенной». Наконец, автор этой статьи даже не считает нужным скрывать, зачем же собственно нужно так изощренно уродовать целую отрасль естествознания в СССР: «Первое и основное — это систематическое разоблачение роли расового фактора в историческом процессе».

Целая когорта новоявленных светил молодой «советской науки» начинает массированную атаку на классическую антропологию, переделывая ее в интересах партийного меньшинства, затеявшего мичуринские манипуляции с русским народом: Марк Соломонович Плисецкий, Михаил Антонович Гремяцкий, Борис Яковлевич Смулевич, Максим Григорьевич Левин, Яков Яковлевич Рогинский. Последний особенно отличился введением в научный обиход специальных ругательных терминов в адрес расовых теоретиков — «антропофашист», «нордоман», «расовик». По стилистике здесь легко угадывается всё тот же генетический источник — дети местечковых портных и шинкарей, что наводнили русский язык той эпохи пролеткультовской фразеологией и словами-мутантами типа «массовик-затейник».

Давление политиков на умы ученых было столь беспрецедентным, что даже выдающийся русский советский антрополог Виктор Валерианович Бунак, имеющий заслуженный авторитет в мире науки, невзирая на политическую ориентацию того или иного режима, был вынужден в 1938 году, буквально спасая от разгрома и истребления свою научную школу, написать в угоду политической конъюнктуре работу с озаглавленную «Раса как историческое понятие», само название которой противоречило действительности, ибо раса — это явление биологического и, следовательно, не исторического, а доисторического характера. В этой статье он договорился до того, что «раса — абстрактное понятие», и что «расы возникают в результате мутаций». Мало того, «раса не абсолютная категория, а историческая, некоторый этап формообразования, «каждая эпоха имеет свои расы в их конкретном проявлении».

По логике Ярхо и Бунака получалось, что русские люди

петровских времен принадлежали к другой расе, чем мы, а Александр Невский, Дмитрий Донской, Евпатий Коловрат и подавно. И что у нас неправильное зрительное восприятие, когда мы смотрим на древнегреческие и древнеримские статуи: нам только кажется, что это люди нашей расы, на самом деле они совсем другие.

Дальше больше: корифеи от науки сделали официальное заявление. Н. А. Бобринский писал, что в биологии «вид реально не существует», что «схема, некая идеальная особь существует лишь в нашем представлении». Другими словами, различия между негром и европейцем — это результат аберрации зрения. М. А. Гремяцкий считал, что «разделение на расы, разумеется, условно», и что «раса выступает как абстракт в результате математического анализа». А. С. Серебровский также утверждал, что в понятие расы неизбежно привносится субъективный момент.

В помощь антропологам подключили официальных философов и историков. Так, придворный коммунистический интеллектуал В. Ф. Асмус в 1933 г. в предисловии к своей книге «Маркс и буржуазный историзм» ясно писал: «…биологизм и историзм несовместимы».

Всё это лишь малая толика того давления и инсинуаций, которые враги русского народа и Белой расы обрушили на развитие величайшей русской натурфилософии. Творцы пролетарской революции прекрасно понимали, что только уничтожив основы биологического миропонимания, можно сотворить химерического мутанта, сообщество големов — советский народ. В современной отечественной и мировой научной литературе данный феномен извращенного политизированного сознания имеет характерное устоявшееся название — лысенковщина.

Со всей очевидностью становится ясно, что огромные интеллектуальные и административные силы были истрачены на уничтожение русской расовой теории, ибо именно она больше всего мешала распространению коммунистического мифа. Из всех проявлений русской духовности ее удалось сломить в числе последних и именно поэтому до сих пор о ней практически ничего не известно. Ведь не могли же лысенковцы бороться с тем, чего не существует. Русская расовая теория была, и это до сих пор одна из самых табелированных тем. Прозрения и выводы русских ученых по-прежнему неудобны тем, кто мыслит категориями «россиян», «общечеловеков» и иными абстрактными категориями.

Стряхнув пену красного мракобесия, обратимся теперь к

нетленным работам русских ученых, чтобы осознать всю суть и фундаментальность изучаемого нами явления. Поэтому второй выпуск издания «Русская расовая теория до 1917 года» мы просим считать закономерным продолжением начатой темы. А свод новых «хорошо забытых» текстов бесценных первоисточников следует рассматривать как единое целое в совокупности с первым изданием. Теперь наш уважаемый читатель будет иметь более глубокое и панорамное представление о русской расовой теории.

В 1838 году Алексей Леонтьевич Ловецкий, возглавлявший кафедру натуральной истории в Московском университете, опубликовал сочинение под названием «Краткое руководство к познанию племен человеческого рода», которое по сути явилось первой русской расовой классификацией.

Алексей Леонтьевич родился в 1740 году в селении Ловцы Рязанской губернии. В 1834 ему было поручено заведование музеем.

А. Л. Ловецкий, как и большинство ученых той поры, отличался всесторонней эрудицией, что позволило ему внести весомый вклад в развитие зоологии, физиологии, минералогии и антропологии. Его подвижническая деятельность просветителя была по достоинству оценена монаршей властью и обществом; помимо вышеупомянутых степеней и званий он был также ординарным профессором натуральной истории, академиком, статским советником, кавалером орденов Святого Владимира 3-й степени и Святой Анны 2-й степени, и членом многих ученых обществ.

А. Л. Ловецкий скончался внезапно в 1840 году в возрасте пятидесяти трех лет и не довел до логического завершения множество своих начинаний, но его работа «Краткое руководство к познанию племен человеческого рода» имеет исключительное научное и историческое значение, а в контексте нашего исследования является бесценным первоисточником. Главный труд русского ученого был востребован обществом и оставил глубокий след в сознании современников и потомков.

В. Г. Белинский в 1839 году в своей статье в журнале «Московский наблюдатель» указывал: «Труд Ловецкого достоин похвалы по многим причинам, особенно по двум: бедности у нас зоологической и, в особенности, антропологической литературы и хорошему изложению предмета».

Основоположник русской антропологической школы А. П. Богданов уже в 1885 году вновь подчеркнул обстоятельность и современность этой книги, отметив, что «в ней в первый раз

систематически изложена на русском языке естественная история человека в форме краткого руководства к изучению».

Положительный отзыв о деятельности русского ученого был дан и в советское время в статье Н. Г. Залкинд «Алексей Леонтьевич Ловецкий (1787–1840) как антрополог» (Советская антропология, № 2, 1958). Однако в условиях засилья марксистско-ленинских взглядов на науку не было отмечено его революционное нововведение в области составления расовых классификаций, а именно: увязывание им воедино физических, психических и моральных признаков больших расовых подразделений человечества. Данный принцип вызывает оторопь и шок у современных антропологов, видящих признаки расизма в любом перенесении биологических законов природы на человеческое общество. Но даже у революционных демократов вроде Белинского такой взгляд на природу вещей не вызывал отвращения, а, напротив, симпатию, что может свидетельствовать только о моральной деградации современной интернациональной науки, поскольку в основу первой русской расовой классификации было заложено учение о ценностях. И действительно, какое самостоятельное значение имеют расовые признаки, если их не проецировать на социокультурные проявления рас? Так, после описания физических и психических особенностей строения жителей северного Средиземноморья А. Л. Ловецкий говорит, в частности, о греках, что они «уважают свою независимость, суетны, непостоянны, хитры до плутовства». При описании монголоидной расы он заостряет внимание на калмыках и делает такое глубокое замечание: «Прежде страшные завоеватели, но побуждаемые только склонностью к грабежу, они нигде не основали долговременного владычества, многоженцы». О коренных жителях Австралии русский антрополог совершенно ясно пишет: «Самое близкое сходство с орангутангом: продолженные вперед челюсти образуют род рыла; лоб наклоненный кзади; ноздри сильно поднятые; лицевой угол от 61 до 67; кожа черноватая; волосы хлопкообразные, не кудрявые; члены худые, тонкие — составляют низшую степень развития человеческого рода. Весьма много наречий малоизвестных, состоящих вообще из бормотания и свиста, более похожих на зверский голос, нежели на человеческую речь. Похожи на почти бессмысленных животных как в моральном, так и телесном отношении. Чуждые всякой общественности, без религий; живут бедно, четами, в хижинах, грубо состроенных; питаются добычею охоты и рыбою; животных домашних не имеют».

В свою очередь, об индейцах Нового Света в книге было сказано дословно следующее: «Вообще красное племя состоит из людей самых грубых, бродяг, звероловов, беспечных, людоедов, пожирающих не только побежденных неприятелей, но даже и своих родителей. Они чужды гражданской образованности и общежития; не имеют никакой религии; впрочем, веруют в бытие добрых и злых духов; отважность и мужество, которое они иногда обнаруживают, означает более скотскую бесчувственность, нежели истинное геройство».

На основе этих пассажей можно сделать вывод, что очевидно В. Г. Белинский и иные революционные демократы, равно как и передовые русские ученые вроде А. П. Богданова при жизни придерживались не совсем тех розово-либеральных и наивно-гуманистических взглядов, которые им настойчиво пытаются приписать поколения красных профессоров, вольготно орудующие на ниве истории русской науки.

От проницательного взгляда университетского преподавателя натуральной истории не скрылась чистоплотность тех или иных племен: «бушмены отвратительно нечисты, беззаботны, молчаливы, робки», а также особенности строения их детородных органов: «у бушменских женщин нижняя часть туловища весьма уродлива».

Ну и наконец, самое главное состоит в том, что А. Л. Ловецкий еще в те времена, когда наука не имела никаких представлений о генетике, и многие полагали, что различия в строении рас обусловлены воздействием климатических условий, в духе постулатов классической расовой теории давал исчерпывающий ответ: «Неосновательность этого суждения очевидна: негр везде негр, хотя бы он жил под небом суровым и холодным. Климат имеет влияние на густоту, на оттенки, так сказать, цвета; но не на сущность его, которая заключается в особенном смешении плотных и жидких частей организации, которое (смешение) с незапамятных времен столь сделалось прочным и постоянным в разных племенах и поколениях людей, что невзирая на переселения в разные климаты, оно в сущности своей не меняется».

Таким образом, мы вновь убеждаемся в том, что русская расовая мысль развивалась по правильному естественному пути, не имеющему ничего общего с измышлениями культурбольшевизма. Лысенковщина и тому подобные спекуляции — это злонамеренные политизированные искажения более позднего времени.

В советской научной и научно-популярной литературе, начинал с

30-х годов, появилось множество критических отзывов и статей о «реакционной сущности империалистических расовых теорий», большей частью написанных в возмутительной манере, также и арийская проблема была подвергнута шельмованию и осмеянию как антинаучная. И всё это делали те, кто привык использовать имена А. П. Богданова и Д. Н. Анучина, как жупел, в идеологической борьбе, искажая суть проблемы. И им это легко сходило с рук, ибо первоисточники работ русских классиков скрывались от просвещенной публики. Однако теперь, имея в своем распоряжении подлинные тексты, мы можем со всей уверенностью заявить, что мэтры русской антропологии мыслили вполне в духе классической расовой теории.

Крупный немецкий антрополог Александр Эккер (1818–1887) в 60-х годах XIX века обнаружил черепа «северного типа» в могилах Южной Германии и установил их тождество с черепами современных ему немцев. Черепа чистого «северного типа» повсюду в Скандинавии и Северной Германии обнаружил и крупнейший шведский антрополог Андерс Ретциус (1796–1860). Лингвисты, археологи и антропологи всё больше стали склоняться к мысли, что не Азия, как первоначально думали, но именно Север Европы является родиной Белой расы. Известный немецкий языковед и историк Отто Шрадер (1855–1919) в 1884 году выдвинул тезис: «Арийская раса первоначально соответствовала белокурым северным расам, среди которых развились арийский язык и культура, привившиеся при переселении и скрещивании другим, неарийским расам». Его соотечественник антрополог Юлиус Колльман (1834–1918) пришел к заключению на основе данных археологических раскопок, что в Германии времен Римского владычества превалировали длинные долихоцефалические черепа. Основоположник Немецкого антропологического общества Рудольф Вирхов (1821–1902), систематизировав обилие полученной им информации, пришел к однозначному выводу: «И германцы, и славяне были первоначально блондины». Другой корифей немецкой антропологической школы Иоганнес Ранке (1836–1916) в большом двухтомном сочинении «Человек» (1901) развил те же идеи, подчеркнув: «Древняя типическая форма как германского, так и славянского черепа была длинноголовая, долихоцефалическая. Подобно тому, как мы встретили на севере Средней Европы главную область распространения блондинов, мы видим на севере славянского и германского мира довольно компактное ядро длинноголовых черепов».

Таким образом, стало совершенно очевидным, что культуросозидающей биологической основой европейской культуры был расовый тип длинноголового блондина. Это первый и главный постулат классической расовой теории. Его доказательству посвящена прекрасная работа А. П. Богданова «Изучение черепов и костей человека каменного века побережья Ладожского озера» (СПб., 1882). В ней он в самом начале пишет: «Я уже обращал внимание на особенное значение, которое может иметь не только для этнологии России, но и для уяснения ее соотношения с прилегающими местностями западной Европы изучение того длинноголового курганного племени, которое распространено у нас от Олонецкой и Тверской губернии до Киевской и Курской, и от Московской до Царства Польского и Галиции. Не случайно и произвольно разбросан он по России, как видно из раскопок: чем больше добываем мы черепов из курганов разных местностей и разных эпох, тем яснее выступает для нас факт особенного значения этого типа в наиболее древние эпохи заселения России… Можно даже сказать, что в России сохранились еще несомненные указания на такие местности, в которых, судя по черепам, население было так однородно длинноголово, как этого только может желать антрополог (…) где нападали на кладбища первых колонизаторов страны, там чистота типа и единство краниологических признаков, бесспорно, бросались в глаза и говорили за свое расовое значение».

Великолепно владея как методологией расового анализа в Европе, так и теоретической базой выводов, построенных на ее основе, Анатолий Петрович указывал на несомненные преимущества русских ученых, занятых разработкой сходной проблематики. В то время, как европейские коллеги основывали свои теории на сериях черепов, содержащих десятки, а иногда и единицы экземпляров, то у нас «другое дело, когда черепа являются десятками, сотнями, тысячами, как это уже есть в настоящее время в краниологических собраниях России». Высочайший уровень синтетического обобщения естественнонаучного материала позволил русскому ученому делать весьма масштабные умозаключения: «Поэтому для белых европейских рас мы должны признать единое первоначальное происхождение и для этой первоначальной гипотетической расы даже и существует научное название — арийцы».

А на общности расово-биологического происхождения белых народов русский ученый делал совершенно справедливое умозаключение о генеалогии великорусского племени: «Это антропологическое указание на длинноголовый тип, как на коренной или первобытный, из коего произошло великорусское население, имеет еще особый интерес, если мы сравним среднерусские курганные черепа со скифскими… На место скифов по истории являются славяне, но славяне-арийцы, а следовательно, по убеждению многих антропологов — длинноголовые… Если признать между новгородскими черепами длинноголовые за славянские, то тогда сказание летописей, что и Киев, и Новгород — земли славянские, получает и естественноисторическое объяснение, а вместе с тем это становится и в соответствие с тем предположением, что славяне, как и арийцы, длинноголовые, и что они в сравнении с другими индоевропейскими племенами всего юнее даже в естественноисторическом смысле, всего менее отдалились от своего корня, что подтверждается и лингвистическими изысканиями».

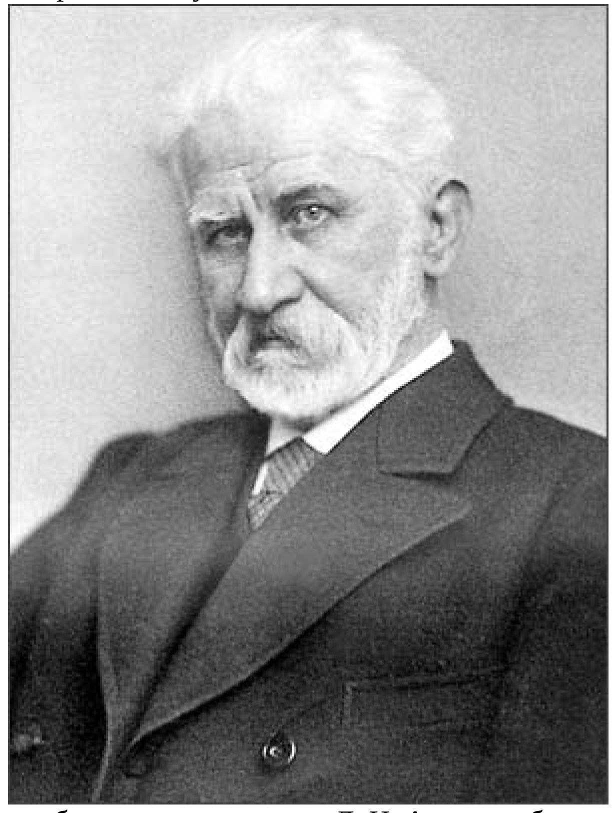
Данная работа А. П. Богданова до сих пор важна и актуальна еще и потому, что вносит предельную ясность в трактовку так называемой «норманнской проблемы». Выдуманная лингвистами, этнографами и историками концепция мирного подчинения славян варягами как основа формирования русского государства на самом деле никогда не опиралась на данные антропологии. Русский ученый, основываясь на огромном и достоверном археологическом материале, указывал: «… но до сих пор не найдено еще ничего, что могло бы быть названо норманнским черепом, своеобразным и отличительным, несмотря на то, что норманнов приходило довольно в Россию: они были одного и того же происхождения с местным первобытным населением России, одного и того же индоевропейского корня, и потому черепа их не могли существенно и заметно отличаться… Древних норманнов, как происшедших от того же индоевропейского корня, как славян и германцев, нужно счесть долихоцефалами, так как они выходили из тех племен, то первоначально должны были быть длинноголовыми». Таким образом, вся суть норманнской проблемы, по Богданову, сводится к политическому взаимодействию двух родственных естественноисторических общностей, имеющих единую расово-биологическую основу, поэтому ни о каком подчинении коренного населения Руси пришлыми завоевателями и речи быть не может. Это было всего лишь внутрисемейное распределение ролей на очередном этапе эволюционного развития. Своего рода соглашение, в рамках которого одни предоставляли наиболее активный биологический материал, а другие — обширные пространства. Именно этот союз «крови и почвы» и явился естественным фундаментом при создании молодого Русского государства. Такой подход позволил основоположнику русской антропологической школы сделать масштабный и верный с исторической точки зрения вывод: «В настоящее время, имея пред собою черепа каменного века из различных местностей России, я считаю, что наибольшею научною вероятностью является то мнение, что славяне-великоруссы не есть какое-либо пришедшее впоследствии, в новые времена, племя в среднюю Россию, но потомки искони, с каменного века населявшего ее народа, представившего значительное единство антропологического строения и явившегося цельным краниологическим типом».

Однако уровень эрудиции в совокупности с гражданской позицией позволял Анатолию Петровичу Богданову решать не только теоретические проблемы этногенеза славян-великоруссов, но также

прикладные вопросы о месте и значении тех или иных племен, населяющих огромную Российскую Империю. В этом плане значительный интерес до сих пор представляет его работа «Антропологические данные к изучению цыган», особенно в связи с социальной спецификой поведения данного племени. Склонность к обману, нечистоплотность и социальный паразитизм, по мнению многих наблюдателей, изучавших цыган, составляют их особую устойчивую суть как расы. Активность цыганских женщин, специализирующихся на околдовывании мужчин из числа более сильных и культурных рас, не имеет эволюционно-биологических аналогов у других народов. Ни один народ в отличие от цыган не может веками существовать без повышения своего общего образовательного ценза. В противовес высшим инстинктам «высших» рас цыгане пускают в ход низшие инстинкты «низших» рас; такая разница биопсихологических потенциалов ведет их по пути эволюции. И только очень наивные, романтически настроенные личности склонны в любовных уговорах и откровенном картежном мошенничестве искать некую особенную этнографическую прелесть данной расово-этнической группы. Как истинный ученый А. П. Богданов искал причины этой социально-поведенческой установки в особенностях антропологического строения.

Прямой продолжатель идей Богданова Дмитрий Николаевич Анучин также не считал нужным в своих работах вуалировать прямую связь между биологическим и социальным как в самой природе человека, так и в структуре организованных сообществ. Весьма показательна в этом плане его теоретическая статья «Антропология и этнография» (Русская мысль, 1884, декабрь), в которой он прямо высказал свои суждения по целому комплексу ключевых проблем, связанных с происхождением человека и его рас. Он писал в частности: «…мысль, что человек связан в своем происхождении с животным миром, что есть люди, составляющие как бы переход к зверям, выказывающие те или другие животные признаки, — эта мысль не оставляла человечество с отдаленных времен и не исчезла и по настоящее время… Тем не менее, нельзя отрицать, как это и разделяется более или менее всеми, что между физическим и психическим развитием существует известное соотношение, и что как второе отражается несколько на первом, так и в особенности первое оказывает влияние на второе. Низшие расы, представляющие уклонения от белой в строении черепа, мозга, цвете кожи и т. д., отличаются также и в степени развития своей

психической природы. Известные повреждения или недоразвития мозга неизбежно отражаются и на психических функциях. Вес мозга и вместимость черепа, при равных других условиях, стоят в соответствии с развитием умственных способностей».

Весьма одобрительно отзывался Д. Н. Анучин об успехах школы криминальной антропологии Чезаре Ломброзо, в адрес которой советские антропологи в соответствии с социально-классовым заказом также вылили не один ушат грязи. «В последнее время было обращено также внимание на изучение физического склада преступников. Изучение это явилось результатом взгляда, основанного отчасти на наблюдениях, что преступники не всегда делаются таковыми, а иногда уже унаследывают порочные наклонности, и что у преступников известных категорий существуют некоторые общие признаки, и, притом, не только в психическом складе, но и в особенностях физической организации… В результате этих исследований Ломброзо пришел к заключению, что класс преступников отличается своеобразными антропологическими

особенностями, что преступники могут быть уподоблены отчасти душевнобольным, отчасти — грубым дикарям, что они выказывают многие признаки в физической организации и психическом складе, сближающие их с только что указанными категориями».

Наконец, и в вопросе о прародине Белой расы русский ученый был столь же конкретен, ибо примкнул к той точке зрения, что европейцы как биологическая общность не могли зародиться в Азии, согласно первоначальному мнению лингвистов, а только на севере Европы, что было неоднократно доказано данными краниологии.

В работе «Изучение психофизических типов» («Вестник Европы», 1890, май, № 3) Дмитрий Николаевич еще более радикализировал свою позицию, заявив, что «антропологическая теория уголовного права должна была бы, нам думается, пользоваться в большей степени данными антропологии, то есть той науки, с именем которой она связывает свое имя, свои задачи и методы».

Высочайший уровень эрудиции, соответствующий академическим канонам европейской образованности, снискал Дмитрию Николаевичу славу также и популяризатора науки, в результате чего он получил предложение по написанию ряда статей к крупнейшему русскому энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона по весьма широкому спектру проблем, связанных с антропологией, этнографией и историей. Даже по прошествии целого столетия они не утеряли своей научной ценности, а легкость литературного изложения, соединенная с информативностью, делают их образцовыми для данного жанра вообще. Рассматривая проблему в совокупности, русский ученый структурировал выводы различных наук, чем повышал достоверность своей объективной точки зрения и представлял на суд читателя целую панораму суждений узкопрофильных специалистов.

Свою статью «Великоруссы» (Брокгауз и Эфрон, том 10, СПб., 1892) он начинает так: «Название «Великая Россия» — искусственного происхождения; оно было составлено, по-видимому, духовенством или, вообще, книжными людьми и начало входить в царский титул лишь в XVI веке… Первоначальный смысл его был, по-видимому, риторический, возвеличивающий; искусственность его видна и в том, что прежние названия «Русь», «Русия» были заменены в нем византийским — «Россия». Искусственностью и чуждым происхождением поэтому сквозит и в современном термине — «россияне». В связи с такой постановкой вопроса Д. Н. Анучин подчеркивает: «Термин «великоруссы» может представлять

географическое, антропологическое, этнографическое и историческое значение, смотря по тому, какие признаки имеются в виду или чему придается большее значение». Такое определение вновь идет в разрез с современными спекуляциями, будто русским может себя считать каждый, причем вполне самопроизвольно. Чтобы быть великоруссом, по Анучину, необходимо иметь психологическую сопричастность к русской культуре, кроме того, великоруссом нужно родиться этнически, а сверх того — принадлежать к этому типу антропологически в исторически обозримой череде поколений.

Таким образом «великорусс» — это одновременное совмещение проекций антропологии, психологии, этнографии и истории, определяющих суть данного понятия. Исключение хотя бы одной ипостаси порождает на свет таких культурюридических мутантов в современной «Россиянии», как «афро-русский». Это когда негр, с грехом пополам выучивший русский язык и обманом приобретший гражданство нашей страны, считает себя ровней тому, чьи предки тысячи лет проливали кровь за самоутверждение и кристаллизацию этнопсихологического и антропологического типа «великорусе». Нелепость и откровенная провокационность методов современной культурной антропологии в совокупности с подменой абстрактных юридических понятий становится совершенно очевидной.

В этой публикации со всей наглядностью проявился талант Д. Н. Анучина, когда он разобрал особенности физического строения отдельных типов, влившихся в состав единого этноса, а также проанализировал их исходные различия в религиозной лингвистической сферах организации способов хозяйствования, жилища, костюма, нюансах питания и даже особенностях народного песнопения.

Столь же яркой и убедительной является его статья «Негры» (Брокгауз и Эфрон, том № XX-А, СПб., 1897). Исторический образ этой расы русский ученый также создавал на основе специфики ее антропологического строения и не боялся при этом быть уличенным в расизме. Эволюционная неразвитость и примитивность строения негров предопределила возникновение негроторговли еще во времена глубокой древности. Причем, вопреки расхожему мнению, культивируемому современными правозащитниками, использование чернокожих обитателей Африки в качестве рабов впервые было предпринято и узаконено древними египтянами и арабами, а никак не белыми европейцами, которые, напротив, прекратили эту практику в Новейшее время. В рамках своей эволюционной социально-

биологической доктрины Анучин констатирует: «Тем не менее, до сих пор не было, кажется, ни одного чистокровного негра, заявившего себя чем-нибудь выдающимся в литературе, искусстве, науке, технике. Негры обладают заметной способностью к подражанию, но в них слаба инициатива. Путешественники отзываются иногда с похвалою об их толковости, преданности, любви к детям и т. д., но чаще отзывы менее благоприятны, их обвиняют в лживости, жадности, лени, вероломстве, жестокости, животной страстности и т. д. Многие племена практикуют людоедство, у других убиваются старики; в некоторых местностях, например, в Дагомее, производились массовые убийства пленных».

Однако все эти «культурные» свойства негров как расы не берутся из некоей абстрактной социальной среды, но являются прямым результатом их наследственного физического строения: «В скелете негров замечаются некоторые особенности, например, в форме грудной клетки, узости таза, несколько ином взаимном отношении костей конечностей по их длине и т. д. Вместимость черепа у негров в среднем меньше, чем у белой и монгольской расы, примерно на $^{1}/_{10}$; черепные швы выказывают стремление к более раннему зарощению; лицевая часть черепа представляет нередко прогнатизм, то есть выступание челюстей вперед». Объединение белых и черных в рамках одного социума в Америке неизбежно повлекло за собой возникновение противоречий, ибо расы, находящиеся на разных ступенях развития, обладают различными врожденными системами ценностей. «Освобождение негров не было ни поводом, ни целью войны между северными и южными штатами; оно явилось лишь неизбежным следствием, необходимым в видах ослабления южных штатов и привлечения на сторону союза миллионов освобожденных рабов. В первое время после войны, под влиянием недоверия к южанам, правительство Соединенных Штатов вызвало негров к деятельному участию в выборах и охотно смотрело на занятие ими мест в управлении; но скоро оказалось, что управление, составленное из менее культурных элементов, повело к отягощению южных штатов долгами и к разного рода злоупотреблениям».

Поколения красных профессоров, приватизировавших антропологию, десятилетиями безнаказанно эксплуатировали имя Д. Н. Анучина в соответствии с социально-политическим заказом и изображали его демократом-общечеловеком, борцом с «химерами расизма». Однако стоит лишь обратиться к первоисточникам и прочесть их самостоятельно, без марксистских поводырей и

толкователей, как картина изменится самым радикальным образом. В статье «Расы или породы человечества», написанной для того же энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, русский ученый, обрисовав историю создания расовых классификаций, открыто провозгласил соблюдение принципов расовой чистоты со страниц этого популярнейшего издания: «Аристократия породы настолько определяет собой социальные отношения и в то же время, настолько поддерживается различием типа, темперамента, и т. д., что союзы между особями различных рас возможны только как исключения, и притом не между лучшими представителями рас».

Весьма интересна и показательна в контексте нашего изложения одна из самых ранних работ Дмитрия Николаевича с весьма красноречивым названием «Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества» (Природа, М., № 1, 1874). Она написана в поддержку и развитие теории Дарвина, причем русский ученый трактовал взгляды великого английского эволюциониста не в духе примитивных постулатов марксизма, как это делалось у нас в стране в коммунистическую эпоху, но на основе богатейшего этнографического материала, отображающего взгляды самых различных племен на проблему происхождения человека. Не абстрактное человечество, но реальные расовые типы являются наглядной иллюстрацией к существованию ступеней эволюции от животных первопредков к виду homo sapiens. И эта точка зрения не может быть признана расистской, ибо сам факт воспроизводится в мифологических сюжетах в разных частях света с завидным постоянством, а также представлен и во многих религиозных доктринах. «Вообще можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением как между полудикими народами (преимущественно тропических стран), так и между культурными — с тою лишь только разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам (как, например, индусами — тибетцам), или же только отдельным (иногда даже аристократическим) фамилиям».

Причем, что характерно, манера отождествления племен, находящихся на низких ступенях культурного и биологического развития, с обезьянами — принадлежит отнюдь не оголтелым белым расистам, но самим туземцам, которые выстраивают свою иерархию рас.

«В большинстве случаев, особенно при достижении известной степени культуры, возможность близкого родства с обезьянами допускается, как мы сказали, только относительно таких племен, которые и физически, и духовно, стоят на относительно низшей ступени развития, чем их окружающие. Часто эти низшие племена даже смешиваются в понятиях с обезьянами, до такой степени, что иногда настоящие обезьяны принимаются за людей и, обратно, настоящие люди описываются как обезьяны. Еще чаще при этом допускается возможность обратного, так сказать регрессивного метаморфоза, то есть превращения людей в обезьян».

Еще в античные времена крупнейшие философы и естествоиспытатели указывали, что по их мнению не существует признака, различающего человека и животное. В новейшее время многие ученые от Линнея до Дарвина высказывались в том же духе. Но за отсутствием четкой «грани» между живыми существами в цепи эволюции существуют тем не менее четкие морфофизиологические границы между расами. Позиция Д. Н. Анучина в этом плане запечатлена со всей ясностью в названии этой интереснейшей и не устаревающей работы. «Все существа могут быть распределены последовательно в форме цепи или лестницы, начиная от наименее совершенных и кончая наиболее организованными. В этой лестнице — обезьяны, орангутанг и «лесной человек» представляют соединительные ступени между четвероногими животными и человеком. Таким образом, выводы специалистов-зоологов вполне сошлись с заключениями психологов и философов и общий результат был тот, что главнейшие черты организации и основной план строения животных и человека — настолько же сходны между собою, насколько сходны и общие основы их психических явлений, то есть, что различие в этом случае, как бы ни было оно значительно, есть различие степени, а не сущности».

Авторитет Д. Н. Анучина в мировом научном сообществе был чрезвычайно высок, а его взгляды находили живейший отклик среди деятелей науки разных стран, поэтому он был избран почетным членом 88-ми российских и иностранных обществ. Его методики определения «высших» и «низших» рас по данным краниологии снискали повсеместную признательность, и докторская диссертация «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» (М., 1880), посвященная их анализу, стала канонической работой, которую без устали цитировали специалисты по расовому вопросу. Ажиотажный интерес к проблеме

вызвал необходимость создать постоянно действующее периодическое издание, а в 1900 году при поддержке Д. Н. Анучина видный русский антрополог Алексей Арсеньевич Ивановский (1866–1934) основал и возглавил «Русский антропологический журнал». Его особенность состояла в том, что это был, пожалуй, первый профильный научный журнал в мире, в котором были применены современные по тем временам методы дизайна и оформления. Человек большой эрудиции, А. А. Ивановский добился того, что научные статьи по физической антропологии стали писать в доступной манере на хорошем русском литературном языке (такая традиция ныне начисто предана забвению) и сопровождать фотографиями и иллюстративным материалом. Много публикаций посвящалось хронике научной жизни в России и за рубежом, так что читатели были в курсе всех конгрессов и конференций антропологов, деятельности институтов и обществ, а также программ исследований и открытий. Юбилейные даты и некрологи, снабженные портретами, очерчивали уникальный жизненный путь ученых, что делало издание не только сугубо научным, но еще и научно-популярным, а следовательно, и более интересным. Даже сегодня по прошествии ста лет старый «Русский антропологический журнал» выгодно отличается от множества современных скучных и невыразительных профильных журналов, от которых буквально веет аптечным духом политической корректности. Это был уникальный синтез науки, гражданской позиции и стиля, энергия творческой мысли умело сочеталась в нем со смелостью и эстетикой.

Алексей Арсеньевич Ивановский родился 23 февраля 1866 года в селении Муюта Бийского округа, Алтайской губернии. Среднее образование получил в Томской гимназии, полный курс которой окончил с серебряной медалью. Высшее образование получил на историко-филологическом и физико-математическом факультетах Московского университета. В 1894 году А. А. Ивановский был командирован за границу, в Лейпцигский университет, где стажировался у профессоров Ратцеля и Геттнера по географии и у профессора Эмиля Шмидта по антропологии, а также в город Готу, где работал в Географическом институте. За диссертацию, посвященную монголам, он был удостоен Лейпцигским университетом степени доктора философии.

По возвращении из-за границы он сдал в Московском университете магистерские экзамены по географии, метеорологии и антропологии. Затем защитил диссертацию на тему «Об

антропологическом составе населения России» и получил степень магистра географии, а в 1913 году после защиты диссертации «Население земного шара. Опыт антропологической классификации» получил звание доктора географии.

Помимо академической эрудиции, Алексей Арсеньевич имел большой опыт полевых натурных исследований различных этнических групп, который начал приобретать еще в молодости. Юношей он прожил целый год среди киргизов Семипалатинской области, кочуя вместе с ними, чтобы изучить их быт и язык. В 1889 году он проводил археологические раскопки и этнографические исследования на Южном Алтае в приграничных с Китаем районах. В 1890 году он обследовал с теми же целями Монголию. В 1891 году он исследовал захоронения в Московской губернии. Затем на протяжении нескольких лет он посвятил себя исследованию Кавказа, где осуществил несколько археологических открытий. В 1894 году он исследовал ряд областей Турции и Персии.

В 1903 г. А. А. Ивановский был избран ординарным профессором кафедры географии и этнографии Харьковского университета, в связи с чем переехал в Харьков. После большевистской революции он был вынужден заниматься антропологическими исследованиями голодающих и по цензурным соображениям свернул свои бесценные работы по расовому вопросу. Алексей Арсеньевич Ивановский скончался 4 мая 1934 года в Харькове.

В контексте нашего изложения наибольший интерес представляет

его деятельность в качестве главного редактора «Русского антропологического журнала» с 1900 по 1914 годы. Именно в это время им были созданы лучшие работы, а издание в целом благодаря его усилиям достигло своего наивысшего расцвета.

Статья А. А. Ивановского «Зубы у различных человеческих рас» (Русский антропологический журнал, 1901, № 3) до сих пор может считаться образцовой среди работ обзорно-аналитического жанра. В ней он писал: «В нижеследующих строках мы намерены суммировать те отличительные признаки зубов у различных человеческих рас, которые констатированы антропологами и врачами. По взаимному расположению верхних и нижних резцов возможно разделить человеческие расы на ортогнатные, эвригнатные и прогнатные. Прогнатизм в более или менее заметно выраженной степени мы встречаем у цветных рас (черной и желтой); более всего он развит у бушменов. Белая раса — ортогнатная. Кроме различий во взаимном расположении, зубы человека представляют расовые отличия и по их величине. Различия эти, особенно в резцах и коренных зубах, иногда очень значительны. Низшие расы характеризуются огромною величиною резцов и коренных зубов, последние у них равны клыкам, как то находим у человекообразных обезьян. В то время, как величина коренных зубов у человека белой расы уменьшается спереди кзади, у низших рас (австралийцев, ново-коледонцев) и у обезьян она идет в обратном порядке».

Зубной показатель (dental index), выведенный учеными для представителей различных рас, служит наглядной иллюстрацией к положению этих рас в цепи эволюции, в точном соответствии с теорией Дарвина. Так у европейцев он равен 41, у туземцев центральной и южной Индии — 41,4; у китайцев — 42,6; у американских индейцев — 42,8; у африканских негров — 43,9; у меланезийцев — 44,2; андаманцев — 45,5; австралийцев — 45,5; тасманийцев — 48,1; у шимпанзе — 47,9; у гориллы — 54,1 и у орангутанга — 55,2.

«Различные расы разнятся между собою и по форме зубов. Резцы человека представляют ту особенность, что конец их тем острее, чем ниже раса. В противоположность резцам, относительная ширина коронки задних коренных зубов (по отношению к их шейке) у низших рас больше, нежели у высших. Указывают на тот факт, что у некультурных народов нет той разницы между зубами разных сторон челюстей, какая наблюдается у цивилизованных народов и которая выражается в том, что зубы на правой стороне плотнее, чем на левой,

так как большинство европейцев, обрабатывая зубами пищу в полости рта, действует всего больше, а иногда и исключительно правой стороной. Верхние резцы малайцев, помимо их прогнатического положения, также бывают обезьяньей формы, с выпуклой передней и слегка вогнутой задней поверхностью. Это несомненный обезьяний признак, постоянно встречающийся у обезьян».

Русский ученый в данной публикации подробно рассмотрел также и обычай уродования зубной системы, практикуемый многими туземными племенами в различных частях света.

Будучи автором системы расовой классификации, А. А. Ивановский высоко оценил классификацию европейских рас, составленную видным русским антропологом французского происхождения Иосифом Егоровичем Деникером, чему и посвящена его работа «Расы Европы» (Русский антропологический журнал, № 3–4, 1905).

При всей интенсивности развития антропология той поры была еще, в сущности, весьма молодой наукой, в которой не всегда соблюдались единые нормы и методы измерений. Русская национальная школа также была не лишена этих изъянов и недугов роста. Исправлению положения с целью ввести единую унифицированную систему антропометрии в отечественной науке посвящена статья А. А. Ивановского «Антропологические исследования по международному соглашению антропологов» (Русский антропологический журнал, № 3–4, 1913).

Одно из самых своих крупных достижений в деле пропаганды русской расовой теории мы видим в переоткрытии имени нашего гениального антрополога и психолога Ивана Алексеевича Сикорского. Большой блок текстов, отражающих масштаб его творческого дарования, был помещен в первом выпуске издания «Русская расовая теория до 1917 года». Но его научный портрет как мыслителя и одного из бесспорных столпов русской культуры был бы не полным, если бы мы не рассмотрели еще несколько утонченных философско-психологических эссе, принадлежащих его перу.

Одной из современных наук, основанных на междисциплинарных подходах, является биополитика. Это наука, изучающая биологические предпосылки политического поведения. Ее прогресс был отчасти обусловлен развитием биохимии и расширением наших представлений о строении нервной системы человека. В процессе многочисленных исследований было установлено, что психические переживания, в том числе и вызываемые внешними факторами,

значительно влияют на обмен веществ в организме вообще и в головном мозге, в частности.

Предлагаемые на суд читателя работы И. А. Сикорского можно вполне отнести к числу тех лучших, образцовых, что предопределили возникновение и развитие биополитики и методологически близкой ей психологической антропологии. Данная дисциплина ставит в соответствие психическим феноменам поведения людей особенности их антропологического строения и физической конституции. Но методы исследования, применявшиеся русским ученым, полностью соответствуют постулатам и этой современной науки. И всё это написано русским гением более ста лет тому назад. Творчество И. А. Сикорского сегодня должны анализировать как специалисты в вышеозначенных дисциплинах, так и философы и даже литературоведы, ибо из всех русских ученых данной области знания он, бесспорно, был самым великолепным и изысканным стилистом. Современные отечественные учебники по манере изложения в сравнении с его работами производят впечатление бульварного чтива.

В своей статье «Физиология нравственных страданий» (1890) И. А. Сикорский анализирует поэтические образы классиков мировой литературы с точки зрения физиологии и показывает меткость и точность их языка, передающего тончайшие психические переживания человека. Он подчеркивает всячески ту естественнонаучную грамотность, которая была заключена в образцах литературных произведений «золотого века» русской культуры. Это позволило ему прийти к совершенно верным, даже с точки зрения современной науки, выводам: «Изменения в отправлениях мозга касаются быстроты психических процессов, ассоциаций идей и силы воли».

Произведения Ивана Алексеевича, несомненно, отличаются от работ наших современников ясностью и высотой его гражданской и гуманистической позиции. «Последствия, причиняемые нравственными страданиями, должны найти себе противовес в противоположных впечатлениях. И в самом деле, вред, наносимый организму нравственными страданиями, устраняется этической практикой и верой в нравственные идеалы: воздействия этого рода оказываются на весь организм — на сердце, на дыхание, на мозг — влияние, противоположное во всех отношениях тому, которое вызывается нравственными страданиями. Пусть же идеалы и вера в лучшее будущее живут в нашей душе: они являются истинным целительным средством, они будут истинным противоядием против

нравственных страданий. И так в наш материальный век расчета и цифры пусть идеальное служит человеческим знаменем. С этим знаменем в годину нравственных испытаний человек найдет в своей душе много отрадного, много возвышающего. И так, побольше веры в добро, побольше идеалов!»

Близка по смыслу его работа «Психологические основы национализма» (1910). В ней он подчеркивал: «Нравственная сила, духовная мощь, психическая энергия представляют собой важнейший элемент в народной и международной жизни человечества… Националисты во всех странах — это такие люди, которые хотят показывать душевные качества и духовную мощь своего народа».

Сегодняшние «гуманисты» и «правозащитники» всячески пытаются представить национализм как пристанище маргиналов и даже психически ущербных людей, добавляя к нему эпитет «зоологический». Русский ученый, напротив, считал его высшим проявлением нравственного и психического здоровья, а всех противников националистического мировоззрения открыто именовал врагами и дегенератами.

«Психические и биологические события, как уже упомянуто выше, стоят близко. Их связь состоит в том, что историческим событиям предшествуют, а затем идут с ними рядом события биологические. Этими последними созидается значительная часть истории. Необходимо это знать, чтобы вполне оценить силу тех великих факторов, которые положены в фундамент истории народов. Биологические исследования, а также и исторические, показывают, что талантливость рас и антропологические качества их стоят в теснейшей связи и взаимоотношении. Таким образом, черепа народов и другие особенности телесного строя рас так же различны, как и душевные качества, и соответствуют одни другим. Тело и дух взаимно определяют себя и взаимно характеризуют».

Психические особенности народа И. А. Сикорский обосновывал, таким образом, факторами наследственной расовой биологии. А жизнеспособность народа, уже совершенно в духе современных биополитических тенденций, он называл «биологической правдой». Анализируя ситуацию и разбирая суть рассматриваемой проблемы, русский ученый, верный своим принципам, всегда предлагал комплекс практических мер, направленных на повышение жизнеспособности русского народа.

«Националисты должны охранять народную душу со всеми ее атрибутами: языком, поэзией, художественным творчеством, школой,

прессой, религией.

Важнейшей же активной задачей должен быть подъем национального духа до такого потенциала, чтобы вековое национальное создание продолжало развиваться и крепнуть как великое явление жизни.

Увеличение количества самоубийств в наши дни и усиление порнографии — это верные знаки упадка национальных и нравственных идеалов; это — проявление того разъедающего начала, которое стремится вытравить корни из глубины народной души.

Обратим внимание на эти «знамения и времена», но не поколеблемся духом: сомнениям нет и не должно быть места! Хотя в воздухе слышится карканье на тему о вырождении русского народа, но у эксперта, которому вы оказали высокую честь вашим вниманием при слове: Россия, русский народ — в душе вспыхивает живая радость, но не чувствуется ни отчаяния, ни плача Иеремии. Я уверен, что в этом чувстве мы все единодушны!»

Какой же благодарности удостоился всемирно известный ученый от «красных профессоров», многократно признававшихся в своей искренней любви к классической русской антропологии? Пренебрежительного забвения. Один из лидеров советской науки М. Г. Левин в книге «Очерки по истории антропологии в России» (М., 1960) открыто писал: «Нельзя не видеть заслуги Д. Н. Анучина в том, что тлетворное влияние расизма, всё шире и шире распространявшееся в зарубежной антропологии, не затронуло русскую науку. Отдельные попытки пропаганды расизма в России вроде брошюр киевского профессора И. А. Сикорского, получившего скандальную известность в качестве эксперта обвинения в «деле Бейлиса», или анекдотического сочинения И. И. Пантюхова «Значение антропологических типов в русской истории», были встречены с молчаливым презрением».

В этом отрывке всё ложь от начала и до конца, ибо Россия, как мы это уже не однократно показывали, была одной из лидирующих держав в области выработки и формирования расового мировоззрения, а Д. Н. Анучин был всемирно признанным авторитетом. Именно поэтому истребительный молох интернационального большевизма и обрушился в первую очередь на Россию, ибо подъем расового сознания в крупной «белой» державе мира вызывал наибольшие опасения у международных творцов банковского капитала. Кровь всегда была против золота.

Но мы больше не будем обращать внимание на злобные

инсинуации «красных профессоров» и обойдем их стороной с «молчаливым презрением» в точном соответствии с их же предписаниями. Формирование и укрепление расового и национального сознания, согласно мысли И. А. Сикорского, осуществляется в том числе и посредством охранения и пропаганды имен личностей, посвятивших жизнь укреплению жизнеспособности своего народа. В работе «Психологические основы национализма» он оставил нам такое завещание: «Великая задача направления корабля жизни есть труднейшее дело и труднейший долг. Но трудность облегчается, если следовать верному компасу вещих людей страны и самую память этих людей не только оберегать от поругания, но оценивать ее и хранить в недрах народной души, как это делают все великие нации».

Изданием первого и второго выпусков сборников «Русская расовая теория до 1917 года» мы следуем этой заповеди, извлекая из незаслуженного забвения имена людей, боровшихся за «биологическую правду» русского народа и всей Белой расы.

Рассмотрим теперь еще одно имя, совершенно вымаранное из скрижалей русской культуры. Чем же так не угодил И. И. Пантюхов, и в чем же заключена «анекдотичность» его сочинений?

При первом же обращении к личности и книгам И. И. Пантюхова мы вновь видим, что это еще один забытый гений земли русской, весьма не удобный для современных толкователей истории «Россиянии».

Один из первых русских расовых теоретиков Иван Иванович Пантюхов родился 19 июля 1836 года в Глуховском уезде Черниговской губернии, в имении матери, урожденной Гриневич. Обучался Иван Иванович до третьего класса гимназии в Чернигове, где отец его служил чиновником, а затем в Новгород-Северской гимназии. Высшее образование он получил на медицинском факультете Университета Св. Владимира в Киеве. По окончании полного курса в 1862 году он был командирован в качестве врача в действующую армию, которая вела боевые действия против горцев Кавказа. В 1864 году во время одного из жестоких боестолкновений с ними Иван Иванович получил множественные тяжелые ранения, в результате чего в течение двух с половиной лет был вынужден пользоваться костылями. Увечья заставили его покинуть военную службу, и в 1869 году он занял должность смотрителя училища. К 1870 году состояние его здоровья улучшилось, и в 1872 Пантюхов занял должность врача и наставника Киевской учительской

семинарии, а в 1873 — должность земского врача во Владимирской губернии. Однако бодрость духа и патриотический порыв позволили ему вернуться на военную службу в 1874 году сначала в качестве ординатора Киевского военного госпиталя, а во время войны с Турцией — врача для особых поручений в армии, действующей на Балканском полуострове, где он заведовал статистическим отделом. По окончании войны Иван Иванович был назначен членом комиссии по составлению медицинского отчета и о ее результатах, а затем старшим ординатором Киевского военного госпиталя и бригадным врачом Пятой саперной бригады в Одессе. С 1885 по 1889 годы он был начальником отделения в Главном военно-медицинском управлении, а с 1889 по 1902 — врачом для особых поручений Пятого класса при Кавказском военном округе, причем одновременно исполнял должности корпусного врача и армейского медицинского инспектора. В 1902 году он вышел в отставку и поселился в Киеве, где скончался 15 июня 1911 года.

Литературная деятельность Ивана Ивановича началась еще в Новгород-Северской гимназии, где он писал стихи, некоторые из которых напечатаны в «Черниговских Губернских Ведомостях», а, будучи студентом университета, он начал печатать статьи в газетах «Киевский телеграф» и «Современная медицина». Позднее он сочетал службу в армии с написанием статей, рефератов и отчетов для «Медицинского Вестника» и «Трудов Общества Кавказских и Киевских врачей». На страницах таких изданий, как «Русская медицина», «Кавказ», «Кавказский календарь», «Протоколы Русского Антропологического общества в Петербурге» он оставил множество статей по расологии, этнографии, народной медицине, санитарии, эпидемиологии. Он собрал и опубликовал множество антропологических данных о кавказских евреях, айсорах, армянах, грузинах, имеретинах, мингрельцах, гурийцах, сванетах, абхазцах, осетинах, турках, персах, азербайджанских татарах, курдах, лезгинах, текинцах, кумыках, ингушах, каракалпаках, русских, немцах и греках.

Причем расовые и психологические особенности данных этнических групп он изучал не в тиши лабораторий, но на поле боя, в экстремальных условиях.

Актуальность работ Пантюхова повышается из-за проблем России на Кавказе. За свою неустанную и всестороннюю деятельность Иван Иванович Пантюхов был удостоен множества военных и академических наград.

Если такая личность вызывает у товарища Левина и его

единомышленников «молчаливое презрение», то тем хуже для них, ибо враждебность позиции здесь обозначена со всей ясностью. Однако, как и следовало ожидать, наибольший их гнев вызвала самая блестящая и фундаментальная книга И. И. Пантюхова «Значение антропологических типов в русской истории» (Киев, 1909). Профессиональным историкам еще предстоит дать ей соответствующую оценку, так как данное пророческое творение никак не может быть отнесено к категории букинистического антиквариата. Это одна из самых блестящих всеохватных историй государства Российского, причем до сих пор единственная, объясняющая исторический процесс становления нашей страны не с помощью абстрактных политологических умствований и не посредством постного марксистско-ленинского историзма, но на основе взаимодействия конкретных расовых типов. Это подлинный шедевр классической расовой теории, безупречно созданный по всем законам жанра, где в простой, доходчивой, но вместе с тем доказательной форме объясняются многие спорные и драматические вопросы нашей истории, перед которыми традиционно пасовала классическая гуманитарная историософия. Там, где для Левина анекдот, для нас там — «биологическая правда» русской души и русского типа.

Четкость в постановке проблемы с первых же строк вызывает неподдельное уважение и доверие к автору: «Антропологические типы составляют фундаменты, на которых выросли народы. На почве типа каждый жизнеспособный народ сохраняет свою, только ему свойственную физиономию. Народы, теряющие свою физиономию, сливаются с другими народами и вырождаются». Далее И. И. Пантюхов дает антропологическое описание четырех основных расовых типов, стоявших у истоков создания русского государства, а также очерчивает географические зоны их возникновения. Это историческая антропогеография вопроса. Выживание и расселение этих типов автор также объясняет действием не абстрактных исторических законов, но сугубо естественнонаучными причинами, так как «борьба за существование русских народностей находилась в зависимости и от высоты роста, и от формы черепа и носа, и от цвета глаз и других антропологических признаков».

Принятие судьбоносных решений теми или иными личностями в нашей истории он очень убедительно объясняет, основываясь на принадлежности к тому или иному расовому типу, описанному в общеизвестных источниках и документах, при этом показывает устойчивость психологии поведения данных типов на протяжении

веков, подтверждая свои выводы емкими обобщениями. И. И. Пантюхов как въедливый исследователь антропометрически проверяет точность народных примет и преданий, что невольно вызывает трепет и восхищение при таком взгляде на историю нашей страны. Это нисколько не устаревший, подробный анализ расового архетипа. «Стойкость русских типов выразилась в том, что они ассимилировались другими типами и даже почти ничего из них не заимствовали, но сами оказывали на них влияние и ассимилировали их». Хитросплетения деятельности польского, еврейского и татарского типов, прилепившихся к русским типам под действием центростремительных сил, также описаны живо и образно. Но главная честь в создании русского государства воздается Пантюховым северорусскому типу. Таким образом, и в этом ключевом вопросе наш ученый придерживался принципов классической расовой теории, согласно которым высшая, нордическая раса цементирует культуру и государственность в исторических общностях.

Устойчивость расовых типов автор без труда читает и в фактах религиозной, хозяйственной, законотворческой и научной жизни, а также в особенностях костюма, устройстве жилища и специфике этнической поэтики. Объяснение расового состава сословий русского общества, а также психологических побудительных мотивов народных смут вновь заставляет нас согласиться с правотой автора и убедиться в универсальности его научного метода.

Следует отметить, что вся книга написана сочным, образным языком в хорошем энергичном темпе, а лаконичность и информативность делают чтение вообще захватывающим. Редкий журналист, специализирующийся на ажиотажных темах, умеет так легко расправляться с простыми словами, доступными пониманию каждого читателя, и высекать из них искру интереса. И если И. А. Сикорского можно было бы по стилю охарактеризовать, как Пушкина в русской антропологии, то И. И. Пантюхов — это, несомненно ее Гоголь, так много искрометной мудрости и живой народной речи излито в этом сугубо научном труде.

Его книга повествует не о сокрытии «мертвых», но о раскрытии живых душ народа, в этом-то и заключена неослабевающая сила гражданской позиции русского ученого и русского военного врача. Неповторимость метода И. И. Пантюхова состоит также и в том, что, анализируя биологические пружины деятельности расовых типов, он сумел дать не только обозримую и достоверную картину их проявления в русской истории, но и дал прогноз, которому, увы,

суждено было сбыться. Этот анализ событий будущего сквозь призму изменения расовой динамики в обществе сближает его с идеями В. А. Мошкова, который также предсказал неизбежность кровавого октября 1917 года. Истинный патриотизм обоих выражается в том, что они не пели бездумные дифирамбы русскому народу, но указывали на изъяны русского психотипа, предупреждая о фатальности последствий, если процессы разложения элиты не будут своевременно остановлены.

«К концу столетия под влиянием сделавшейся почти исключительно анархическою — русской, и, излюбленной обществом, утопической — иностранной, литературы, чуть не вся интеллигенция, начиная от дворян и разночинцев, до научившихся читать либеральные книжки мещан и крестьян, превратилась в утопистов, всем недовольных, всё отрицающих и увлекающихся только утопическими теориями. Во всем конечно было виновато правительство, и по мнению утопистов, стоило его только переменить, и всё пойдет превосходно. Возникли крайние требования социализма, коммунизма и книжного анархизма, разнуздались и чисто звериные и разбойничьи инстинкты. При таком положении дел расовый русский, главным образом великорусский, анархизм проявился во всей силе. На почве анархического, не склонного к анализу и не знающего удержу, типа, с ослабленною алкоголизмом и анархическую литературою волею, голодная, с увеличивающимися аппетитами интеллигенция, водимая, а не редко и косвенно подкупляемая имеющими свои цели людьми, была конечно уверена, что она шествует по собственному своему желанию для достижения свободы и разных самых высоких целей. Начавшаяся с конца девятнадцатого века психическая эпидемия перешла и в двадцатый век, когда она после неудачной войны достигла своего апогея».

Анархизм, инородческие космополитические теории, пьянство, нездоровая литература «чеховых» и «горьких» — вот та извращенная патологическая среда, в которой начали разлагаться расовые инстинкты великорусского типа, стоявшего у истоков создания русского государства. А другие расовые типы, затянутые в водоворот русской цивилизаторской миссии, сразу же обнаружили своенравие и биологический эгоизм, стоило основному типу явить слабость и временное замешательство. О правах малых народов начинают говорить едва умолкают народы большие, и русская история в этом плане не составляет исключения. Инорасовые попутчики великорусского северного типа в минуту испытаний заявили об иных

исторических целях в соответствии с психическими требованиями своих типов. Большевистский переворот был неизбежен, а пропаганда интернационализма понадобилась, чтобы узаконить и легализовать бунт негосударствообразующих типов против государствообразующего.

Но в данной блестящей и новаторской работе «Значение антропологических типов в русской истории» есть еще один пласт информации, изучение которого весьма актуально в условиях современного политизированного общества. Гениальность этого метода состоит в том, что на его основе Ивану Ивановичу удалось проанализировать законотворческую деятельность первой Государственной Думы. Идеологическую ориентацию отдельных депутатов и даже целых фракций он метко и доказательно объяснял, исходя из их расовой принадлежности. «В Государственную Думу вошли как избранники всего русского народа, так и представители всех главнейших, входящих в состав государства, других народностей. Все они внесли с собою не только модные и утопические, навеянные последними событиями теории, но самое главное, внесли ту суть, которая, помимо теорий, лежит в основе их антропологических типов. Помимо всяких утопий, эта основа, при столкновении разнообразнейших интересов и желаний членов Думы, должна была выйти на чистую воду. При этом скоро и оказалось, что русский тип между всеми другими самый сильный, и хотя под влиянием гипноза, ослабления воли и расовых свойств русский человек временно и подчинялся разнообразным веяниям, но в сущности он тот же самый, какой был и при Владимире Святом, и Мономахе, и при Петре Великом».

Как последовательный и системно мыслящий натурфилософ, Иван Иванович сделал в своей работе и выводы относительного того, каким должно быть идеальное государственное устройство в России, исходя из особенностей расового архетипа северных великоруссов — создателей державы: «Для существования русского государства и прочного объединения как весьма неодинаковых по типу собственно русских народностей, так и вошедших в государство многочисленных инородцев русского зоологического региона, как была, так и есть, и будет возможна только самодержавная власть».

Отметим вновь, что вышеозначенная работа была издана еще в 1909 году, тогда как зарубежные аналоги объяснения истории на основе психического взаимодействия расовых типов начали появляться в Европе лишь к середине 20-х годов. Из их числа

необходимо отметить книги выдающегося немецкого расолога Ганса Ф. К. Гюнтера (1891–1968) «Расология немецкого народа» (1922), «Расология Европы» (1924), «Расовая история эллинского и римского народов» (1928), «Нордическая раса среди индогерманцев Азии» (1934). Его соотечественник историк Вильгельм Эрбт в 1934 году издал фундаментальное сочинение «Всемирная история на расовой основе». Председатель Немецкого психологического общества Эрих Рудольф Енш (1882–1940) во второй половине 30-х годов поставил в соответствие расовым типам классификации Гюнтера их психические проявления, чем дополнил и углубил понимание действия биологических факторов в мировой истории. Помимо этих наиболее удачных и значимых работ, в данной области были написаны еще десятки книг и сотни статей, и имена их создателей сегодня известны хотя бы в среде профессионалов, а вот имя русского основоположника данного жанра начисто предано забвению. Однако, вопреки чаяниям красных профессоров, мы намерены изменить положение дел со всей решительностью.

До сих пор весьма интересен доклад Ивана Ивановича Пантюхова «О вырождающихся типах семитов», прочитанный им на заседании Русского Антропологического общества 29 декабря 1888 года. Эта работа, по сути, явилась его первым самостоятельным расологическим произведением, по которому можно оценивать уровень развития науки того времени. В ней автор проанализировал расовое и евгеническое законодательство древних евреев с той целью,

чтобы показать, что ритуальные запреты на браки с представителями других этносов имели прежде всего жесткое биологическое обоснование.

Приведя данные антропометрии евреев, проживающих на различных территориях, и соотнеся их с каноническими описаниями из Ветхого Завета, И. И. Пантюхов позволил себе сделать глубокий естественнонаучный вывод: «Прилив крови европейских рас был для семитов полезен, и смешанные типы по тем данным, которые собраны, крепче, чем более чистые. Сравнивая более чистокровных евреев Закавказья, внутренней Азии, европейской Турции, мало предприимчивых и слабо размножившихся, с помесями европейских евреев, которые, несмотря на страшное гонение и истребление их в средние века, сделались очень предприимчивы и хорошо размножаются, должно признать, что примесь крови арийцев весьма благоприятно повлияла как на физический тип, так и на умственную деятельность и предприимчивость евреев».

Теперь в контексте нашего исследования следует сделать одну весьма существенную оговорку. Возможно, уважаемый читатель в нашей разоблачительной риторике усмотрел некий антисемитский подтекст, которым, увы, очень часто страдают многие борцы за правду. Мы хотели бы сразу же дистанцироваться от этих людей, ибо наша позиция в этом вопросе, помимо благонравных помыслов, подкреплена неопровержимыми фактами. Не только имена блистательных русских ученых, создававших фундамент нашей расовой теории, были преданы забвению, но и имена деятелей науки других национальностей, достигших успехов в данной области, также сегодня упорно замалчиваются. С точки зрения марксистской этики, не национальность, но именно сопричастность к определенной теме является греховной. Сквозь советские лагеря Гулага прошли диссиденты разных национальностей, объединенные общностью неприятия режима. То же самое справедливо и в случае с русской расовой теорией, ибо имена антропологов еврейского происхождения, содействовавших ее развитию, вымараны из истории нашей культуры на общих основаниях. В этом плане весьма показателен пример Аркадия Даниловича Элькинда — члена Антропологического Отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

А. Д. Элькинд родился в 1868 году. Среднее образование получил в Новгороде, где окончил гимназию с золотой медалью в 1888 году. После поступил на медицинский факультет Московского университета, на котором окончил курс в 1894 году. Еще будучи студентом, всерьез заинтересовался антропологией, поэтому в 1898 году отправился за границу, где, помимо медицинской стажировки в клиниках Берлина и Гейдельберга занимался, в Антропологическом институте Мюнхена под руководством профессора Иоганнеса Ранке и освоил новейшие по тем временам методики краниологических измерений.

В 1899 году вернулся в Россию и вступил в члены Антропологического Отдела Общества, а в 1912 году, защитив диссертацию на тему «Евреи», получил звание доктора медицины. В трудные годы Первой мировой войны, а также последовавшей за ней революции Аркадий Данилович стал редактором «Русского антропологического журнала», всячески стараясь сохранить высокий уровень издания, что ему и удалось. А. Д. Элькинд скончался 23 ноября 1920 года после продолжительной болезни.

Большую часть своей научной карьеры он посвятил расовому изучению племени, к которому принадлежал сам. Его объективный подход, избавленный от перегибов нездорового антисемитизма, а также и беспочвенного филосемитизма, которым невольно страдают

многие, прикасающиеся к этой теме, до сих пор можно признавать как эталонный. В своей фундаментальной монографии «Евреи» он обобщил огромное количество антропометрического, фотографического и статистического материала о евреях России, Западной Европы, Палестины, Египта, Кавказа и Америки, что позволило ему сделать вывод: евреи в основной своей массе принадлежат к одному обособленному и устойчивому расовому типу. Углубленному рассмотрению данного вопроса посвящены и другие его работы: «Евреи (Сравнительно-антропологический очерк)» (Русский антропологический журнал, № 3, 1902) и «Антропологическое изучение евреев за последние 10 лет» (Русский антропологический журнал, № 2–3, 1912). Также его перу принадлежат статьи «К антропологии арабов» (Русский антропологический журнал, № 3–4, 1916) и «К антропологии негров» (Русский антропологический журнал, № 1, 1912). Последняя особенно примечательна тем, что в ней были приведены данные натурных измерений группы из тридцати дагомейцев, выставлявшихся в 1909 году в Московском Зоологическом саду. А. Д. Элькинд много и плодотворно занимался вопросами гигиены и борьбы с вырождением.

Сегодня, когда в результате драматических событий XX века отношение к еврейскому вопросу приобрело эмоциональный и резко политизированный характер, очень важно уклониться от бесплодной социологической и культурологической полемики и перевести вектор беспристрастного анализа в область расовой биологии. Базис научных изысканий А. Д. Элькинда дает нам такую возможность.

Весьма показательна в этом плане также судьба Рихарда Лазаревича Вейнберга, ибо и его вклад в отечественную науку пришелся не к марксистско-ленинскому двору. «Неудобных» евреев убрали так же, как и «неудобных» русских.

Р. Л. Вейнберг родился 31 декабря 1867 года в городе Талькофе в Латвии. Среднее образование он получил в Митавской и Рижской гимназиях, высшее — в Московском и Дерптском университетах. В 1892 году он защитил диссертацию на соискание степени доктора медицины, а в 1897 получил звание приват-доцента по анатомии и антропологии. Рихард Лазаревич много печатался на страницах отечественных и зарубежных антропологических, психологических и неврологических изданий. Помимо собственных оригинальных исследований, он активно популяризировал новейшие взгляды крупнейших европейских антропологов. В контексте же рассматриваемой нами темы следует отметить его неоценимый вклад в изучение расовых различий в строении мозга.

В работе «О строении мозга у эстов, латышей и поляков. Сравнительно-анатомический очерк» (М., 1899) на базе статистической информации Р. Л. Вейнберг делал такой вывод: «Мы видим, таким образом, что хотя человеческий мозг устроен относительно своей наружной формы, несомненно, по одному плану, общему для большинства человеческих типов, тем не менее он представляет целый ряд таких признаков, которые заметно разнятся по своей частоте у различных племен человечества или даже свойственны только одним племенам, совершенно отсутствуя у

других».

В следующей своей статье «К учению о форме мозга человека. Мозг евреев» (Русский антропологический журнал, № 41, 1902) Р. Л. Вейнберг в духе программных заявлений ученых той эпохи подчеркивал, что и теоретическая медицина, а равно и антропология, должны подвергнуть всестороннему изучению расовые различия в строении мозга. Исходя из обычного для тех времен чувства гражданского долга и научной объективности, автор считал нужным подчеркнуть: «После целого ряда работ, вышедших за последние три десятилетия по соматологии евреев, едва ли может оставаться какое-либо сомнение в существовании среди них особого физического типа, выражающегося не только в своеобразных чертах так называемой еврейской «физиономии», но также в устройстве скелета, в пропорциях черепа и туловища, в особенностях внешних покровов. Резче физических особенностей выступают психологические черты еврейской расы. Те и другие, преимущественно же последние, отражаются, как известно, на развитии центральной нервной системы, или, точнее говоря, являются внешним выражением особого устройства центрального органа психической и физической жизни у данного племени».

Далее были выявлены особенности в организации борозд и извилин у евреев. К числу расово-диагностических особенностей относятся прежде всего направления так называемых Роландовых и Сильвиевых борозд, специфика разделения между лобными и теменными долями, а также многочисленные перерывы и мостики между соседними извилинами, составляющие племенную особенность строения мозга евреев, что выражается в их повышенной социальной приспособляемости и особом ситуативном чутье, обычно отсутствующих у русских.

Описывая специфику строения мозга евреев, Р. Л. Вейнберг подчеркивал: «Таким образом, и в этом случае мы встречаемся с рядом таких особенностей рисунка мозговой поверхности, которые, по нашим и других авторов наблюдениям, несомненно принадлежат к разряду редко наблюдаемых вариантов мозговых извилин и поэтому не должны быть обойдены молчанием при сравнительно-расовом исследовании человеческого мозга». Именно у евреев чаще всего наблюдается аномалия срастания Роландовых и Сильвиевых борозд. К числу отличительных черт следует отнести также и форму обонятельной борозды у евреев. С древнейших времен известно, что все расы и племена имеют специфический запах, ведущий свое

происхождение еще с этапа дочеловеческой истории развития. Не случайно поэтому отделы мозга, ответственные за обоняние, имеют самое древнее с эволюционной точки зрения происхождение и их развитие предшествовало всем формам психической деятельности.

Таким образом, в свете всего вышеизложенного, на основании неопровержимых фактов, можно сделать правомерный вывод, что культурная, социальная, религиозная и политическая специфика поведения евреев является следствием особой конструкции их мозга. И в этом умозаключении не содержится ничего расистского или антисемитского, так как все данные для него почерпнуты из работ добросовестных антропологов, никогда не скрывавших своего еврейского происхождения.

После 1917 года Рихард Лазаревич Вейнберг уже не мог позволить себе писать работы подобного характера, ибо торжество идей большевизма, запечатленное в расовом составе первого советского правительства, наглядно показало всю правоту его натурфилософской теории. Он был вынужден сосредоточиться на преподавательской деятельности в анатомическом зале и печатался уже исключительно в Германии, где интерес к данной проблематике нарастал всё больше и больше. Его последние работы были посвящены вопросам расовой патологии нервной системы. Скончался Р. Л. Вейнберг в Ленинграде 21 марта 1928 года.

Не угодной новой власти оказалась и деятельность и приват-доцента Императорского Юрьевского университета Эбера Гиршовича Ландау, который в 1912 году опубликовал емкое по содержанию и смелое по форме «Краткое руководство к изучению расовой антропологии», в самом названии которого четкость постановки вопроса достигла своего апогея. Обрисовав в начале своей работы доминировавшие на тот момент концепции эволюционного происхождения рас человека, автор планомерно перешел к описанию их морфологических различий, причем сделал это с литературным талантом хорошего методиста. Вообще, нужно отметить, что ученые в дореволюционной России умели не только теоретизировать и витийствовать, как нам это обычно стараются внушить, но были, на самом деле, очень хорошими практиками. Научные пособия той эпохи отличались как хорошим русским языком, так и наглядностью повествования, а общий высокий уровень культуры ученых давал возможность разнообразить узкоспециальный текст аналогиями из других дисциплин, а также удачными историческими примерами. Чтение трудов современных антропологов является на этом фоне

крайне мучительным занятием, а требования политической корректности донельзя обезобразили сам стиль изложения. Невнятность, порожденная призраками всеобщей расизмофобии, сделалась сегодня нормой.

Отсутствие практических выводов в антропологических работах при полном тумане в сфере оценок ошибочно отождествляется с «научностью» и «гражданской благонадежностью». Моральная трусость людей, скрывающих свою расовую принадлежность, сквозит до такой степени, что иногда создается впечатление, будто новейшие учебники по антропологии написаны людьми, вообще не имеющими цвета кожи. Такая «бесхребетная» антропология оскверняет нашу расу.

Для иллюстрации разительных отличий в самих принципах подачи материала в дореволюционных работах по сравнению с современными лучше всего обратиться к книге прекрасного русского ученого Владимира Егоровича Эмме «Антропология и медицина (К вопросу о санитарных исследованиях расы)» (Полтава, 1882). Его имя, увы, также забыто совершенно незаслуженно.

Означенная работа корифея русской науки представляла собой доклад Первому губернскому съезду земских врачей Полтавской губернии, в городе Кобеляки, 19-го сентября 1882 года.

Однако уровень обсуждаемой проблемы в этом малороссийском провинциальном городке был крайне недостижим для современных отечественных красных профессоров, совершенно извративших со временем дух классической русской науки своими псевдогуманистическими блажениями. Дореволюционные врачи, антропологи и психологи мыслили не категориями абстрактного всечеловечества, но исходили из необходимости привязывать все методы исследований к тому или иному конкретному расовому типу. В. Е. Эмме во введении писал: «Мы говорим здесь не о тех отвлеченных представлениях рода homo sapiens, о которых нам читались лекции по анатомии и физиологии на медицинских факультетах, а о реальных существах, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, — существах, принадлежащих к известной расе, к известной национальности, к известному культурно-историческому периоду, к известному классу общества, к известной профессии, — все условия, далеко не безразличные и налагающие глубокую печать как на строение, так и тем более на отправления этих существ».

Таким образом, извечные нормы клятвы Гиппократа, по мысли Эмме, должны быть применяемы вариабельно к людям различных

рас, ибо то, что полезно и хорошо для физиологии и психологии человека одного племени, может быть тлетворно для представителя другого. «Ввиду того обстоятельства, что податливость человеческого организма в отношении к изменяющим влияниям среды прежде всего может обуславливаться природою этого организма, необходимо определить эту природу, то есть вид или расу, к которой принадлежит организм, подлежащий изучению с точки зрения гигиены и медицины. Основным принципом нашего исследования мы ставим следующее положение: определение антропологического характера изучаемого субъекта должно считаться первым условием всякого рационального медицинского или гигиенического исследования, ибо известно, что различные расы подвержены в различной степени различным болезнетворным причинам; что как строение, так и отправления различных рас — различны; что острота чувств, мышечная сила, пищеварительная способность, выносливость в работе, умственные способности, производительная способность, способность к акклиматизации и т. д. и т. п., — все эти свойства более или менее различны у различных рас».

Чистота научного метода, помноженная на ясность гражданской позиции, отличает и работу профессора Казанского университета Сергея Михайловича Хомякова «Как измерять людей» (Справочник по антропологии, Казань, 1911).

Свою сугубо методическую брошюру автор начинает с утверждения, что русский интеллигент обязан иметь представление об антропологических типах народностей, населяющих Российскую Империю: «Вот почему всякий врач, под руками которого ежедневно проходят сотни больных и здоровых людей, учитель, изнывающий в глухом медвежьем углу, следователь обширного участка могли бы принести огромную пользу науке, посвящая часы своего досуга измерениям окружающего их населения».

Со всей очевидностью становится ясно, что тип русского интеллигента, навязываемый общественному мнению на протяжении всего XX столетия, не соответствует исходному биологическому прототипу. Толпы рафинированных идеалистов, определяющие свою общность по некоей абстрактной культуре и готовые принять в свои ряды любого мутанта, симулирующего умственную активность, не являются подлинными представителями расовой элиты нашего народа.

Абстрактные всечеловеческие блажения и гуманистические утопии не могут считаться адекватным продуктом деятельности

интеллигенции, ибо она призвана выполнять функцию нервной системы социального организма. А любой организм, в том числе и социальный, не жизнеспособен, если наделен больной нервной системой. Следовательно, антропологическая грамотность есть первый и самый необходимый признак настоящей интеллигентности.

Крупным ученым и систематизатором науки был также Николай Васильевич Гильченко, оставивший нам уникальное сочинение «Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию» (СПб., 1899). Свод данных, приведенных в нем, и их обобщение не устарели до сих пор, что позволяет пользоваться ими в целях объяснения политических, а также социокультурных феноменов на всем современном так называемом постсоветском пространстве.

Существующая ситуация в области этнической преступности также во многом может быть объясняема на основе изысканий очередного нашего ученого провидца, ныне забытого.

Николай Васильевич Гильченко, происходивший из казаков Запорожской Сечи, родился 20-го мая 1858 года в городе Лебедине. По окончании курса в 3-й Харьковской классической гимназии он в 1878 году поступил в Петербургскую Медико-хирургическую академию. А в 1883 году, окончив в ней полный курс, он был назначен младшим врачом в 20-ю артиллерийскую бригаду в город Владикавказ. В 1884 году он был переведен в 80-й Кабардинский пехотный пата, с прикомандированием к Владикавказскому военному госпиталю, в котором на протяжении четырех лет состоял штатным

ординатором.

Наблюдая пестрое кавказское население, Николай Васильевич, по совету крупнейших отечественных антропологов А. П. Богданова и В. Е. Эмме, приступил к изучению расовых особенностей туземцев. Результатом этого труда явилась его диссертация «Материалы для антропологии Кавказа» (СПб., 1890), а в 1892 году вышло очередное его исследование «Терские казаки». Ну и наконец, в 1899 году был опубликован главный труд «Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию», сразу же удостоенный специальной премии Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Классик русской антропологии Д. Н. Анучин писал в этой связи, что работа «Составляет существенный вклад в неврологию, а по отношению к России и к русским народностям труд господина Гильченко является выдающимся по своему значению». Проанализировав весовые параметры как мозга целиком, так и отдельных его частей у представителей множества племен, населяющих Российскую империю, Н. В. Гильченко подготовил статистическую базу расовых различий в области локализации функций высшей нервной деятельности. Он указывал: «Влияние народности (племени) на вес мозга также, несомненно, существует, помимо всех прочих уже рассмотренных влияний роста, возраста и пр. Расовые и племенные признаки не изменяются от предков к потомкам. Различия в весе головного мозга, замечаемые в отдельных областях нашего обширного отечества, не могут быть объяснены ни влиянием роста, ни влиянием возраста, а исключительно влиянием народности (племени)».

В 1892 г. Н. В. Гильченко был переведен на службу в Москву, в военный госпиталь, а уже через год — избран секретарем Антропологического отдела Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, занимая эту должность до 1895 года, а затем был переведен в Петербург в Главное военно-медицинское управление, где его назначили начальником перевязочного отдела завода военно-врачебных заготовлений. С 1898 по 1899 годы Н. В. Гильченко с научными целями посетил Германию, Англию и Францию, а в 1902 году был назначен в Варшаву старшим врачом Варшавского укрепрайона. Перед началом русско-японской войны Н. В. Гильченко посетил военную базу в Порт-Артуре и по результатам поездки составил отчет о ее неудовлетворительном санитарном состоянии, чем вызвал нескрываемый гнев командования.

Однако предостережения русского ученого и военного врача не были услышаны, и этот факт также должен быть отражен современной исторической наукой при объяснении причин поражения России в той войне.

Николай Васильевич Гильченко скончался 17 августа 1910 года.

На протяжении всей своей карьеры он самым удивительным образом сочетал в себе неподдельное рвение на военной службе с неустанными глубочайшими научными исследованиями, что отражено во множестве его публикаций как в военно-медицинских, так и академических изданиях.

Но справедливости ради необходимо всё же отметить, что его пример был не единственным. Напротив, жизненный путь Н. В. Гильченко был скорее нормой для биографий подлинных русских ученых, которые мыслили себя прежде всего гражданами великой страны и уже затем — носителями принципов академической науки. Любые современные разговоры о ее вненациональной и интеррасовой ценности определенно показались бы им несомненным кощунством.

Активистки феминистского движения во всем мире причисляют себя к наиболее образованной и прогрессивной части человечества. Аналогичная ситуация наблюдается и у нас в стране. Однако, как и всюду, в качестве образцовых личностей, символизирующих воплощенные идеалы движения, выбираются весьма сомнительные с биологической точки зрения персонажи, вроде Крупской и Коллонтай. Мы же хотели бы предложить кандидатуру Тарновской П. Н., действительно достойную подражания во всех отношениях, не только женщинами, но и сильной половиной человечества.

Прасковья Николаевна Тарновская, хотя и была крупнейшим русским антропологом и психиатром, однако все свои научные сочинения подписывала достойно и элегантно: «женщина-врач Тарновская».

Советские школьные учебники десятилетиями вбивали в неокрепшие умы детей устрашающий образ царской России как «тюрьмы народов», в которой, помимо угнетения национальных меньшинств, якобы существовало также и притеснение женщины.

Однако уже одного факта достаточно для того, чтобы разбить этот штамп, так как Прасковья Николаевна длительное время исполняла должность казначея Антропологического Отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Была она также и постоянным членом Русского Общества охранения

народного здравия, на секциях которого постоянно выступала с докладами, посвященными широкому спектру тем повышения биологической жизнеспособности русского народа. В этом плане весьма интересен ее доклад «Новые работы по криминальной антропологии» (1891), ибо данные, приведенные в нем, не устарели до сих пор, а наглядность и доказательность подачи материала позволяет нам пользоваться идеями П. Н. Тарновской в повседневном быту и сегодня. Характерно, что русская ученая также считала, что «антрополог — это труженик естествознания», — так велика его миссия в жизни народа, а знание о наследственных причинах вырождения и пропаганда методов борьбы с ними является одной из основных задач антрополога. Перечисляя и описывая основные признаки вырождения, П. Н. Тарновская указывает, что «только одновременное существование нескольких таких признаков у человека в совокупности с отклонениями моральной сферы, дает право причислять его к дегенеративному типу».

Все свои наблюдения и выводы зарубежных авторов она обобщила в виде ясного и практического предписания: «Нужно желать и надеяться, что в ближайшем будущем криминальная антропология ляжет в основу уголовного права и положения о наказаниях».

В другом своем докладе «Об органах чувств у преступниц и проституток» (СПб., 1894) П. Н. Тарновская приложила принципы криминальной антропологии к означенным категориям населения, причем вновь исходила из генетических свойств их представительниц. Согласно ее исследованиям выходило, что на путь проституции женщину толкают не социальные условия, но факторы наследственной дегенерации. Убожество и ущербность строения органов чувств и приводят к моральному падению, а неразборчивость в связях есть результат низкой организации ассоциативного аппарата подобных женщин.

Свои практические наблюдения Прасковья Николаевна Тарновская подкрепила следующим теоретическим резюме: «Таким образом, задачи криминальной антропологии всё более и более расширяются в том отношении, что для всестороннего, подробного изучения преступника становится необходимым: 1) тщательное изучение его внешней организации; 2) обстоятельное знакомство с прошлым — детство, воспитание, семья, болезни; с дальнейшей его жизнью — занятия, привычки, социальный быт; 3) знакомство с его нравственным обликом для уразумения причин, побудивших его совершить преступление, и, наконец, 4) — что составляет до

настоящего времени существенный недостаток — посмертное исследование с более подробным и тонким изучением нервных центров».

На основе всего вышеизложенного становится очевидным, что в дореволюционной России базовые постулаты уголовного права Чезаре Ломброзо разделялись и открыто поддерживались самой передовой частью ученого сообщества. Пример работы Д. Н. Анучина «Изучение психофизических типов», о которой мы говорили ранее, говорит в пользу этого утверждения. И лишь поколения красных профессоров исказили позднее подлинную картину развития русской науки, всячески убеждая нас в том, что идеи криминальной антропологии не пользовались популярностью как «реакционные». Напротив, помимо социальных и правовых аспектов, разрабатывались также и этнорасовые, ибо в условиях многоплеменной Российской Империи давным-давно уже был накоплен опыт, наглядно показывающий, что не все народы, ее населяющие, обладают одинаковой наследственной предрасположенностью к совершению преступлений.

С этой точки зрения очень злободневна и актуальна статья Э. В. Эриксона «Об убийствах и разбоях на Кавказе», напечатанная в 1906 году в профильном периодическом издании «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», редактором которого был крупнейший русский психиатр и невролог Владимир Михайлович Бехтерев. Уже сам факт существования такого журнала, руководимого столь маститым ученым, вскрывает всю лживость и безосновательность марксистской пропаганды советской эпохи. Запрятав первоисточники в специальные хранилища библиотек, красные профессора позволяли себе как угодно коверкать наше бесценное наследие.

Свою работу Э. В. Эриксон начал так: «Кавказ по распространенности убийств и разбоев занимает из всех стран, входящих в состав Российской Империи, первое и выдающееся место, несмотря на весьма энергичную борьбу с этими преступлениями административных и судебных властей и немалыми материальными средствами, издерживаемыми на просвещение местного населения». Как видно, за сто лет ситуация в этом регионе нисколько не изменилась, и просветительская миссия гуманизма, не последнюю роль в пропаганде которого сыграли и «прогрессивные» советские ученые, окончательно провалилась.

«Естественно, что психиатру и психологу, интересующемуся этнопсихикой и криминальному антропологу может прийти иной раз

на мысль вопрос: не имеют ж значение в этиологии убийств и разбоев на Кавказе врожденные особенности психики отдельных племен и рас, населяющих край, и не играют ли в этого рода преступлениях также некоторой роли, а если играют, то в какой степени — психические и нервные болезни людей».

Проведя в своем очерке подробный психометрический анализ криминогенных наклонностей коренного населения Кавказа, Э. В. Эриксон положительно ответил на поставленный вопрос, в результате чего сделал вывод: «Какая бы раса не явилась господствующей над населением Кавказа через 300 лет — славянская ли, тевтонская ли или монгольская — всё равно: многие черты характера, свойственные испокон веков аборигенам страны, будут считаться неизменившимися».

Следует вновь подчеркнуть, что русские ученые той поры были вовсе не рефлексирующими интеллигентами, но людьми с активной жизненной позицией. Мы уже отмечали, что такие корифеи нашей науки, как В. А. Мошков и И. И. Пантюхов откровенно вскрывали дегенеративную сущность декадентского искусства, буквально опутавшего своими метастазами сознание правящих классов России. Творчество литераторов, поэтов и художников так называемого «Серебряного века», которым нас принуждают восхищаться безответственные критики, было глубоко ущербным и болезненным. Мало того, именно его разлагающие каноны не в последнюю очередь привели к кризису, окончившемуся «красным октябрем», с его откровенно сатанинской стилистикой.

На необходимость открытой борьбы с вырожденческими аномалиями в искусстве указывал и классик русской невропатологии Григорий Иванович Россолимо (1860–1928). В своей глубокой по смыслу и великолепной по манере изложения работе «Искусство, больные нервы и воспитание» (М., 1901) он поставил перед собой задачу «…отражения объективированного искусства и художественного творчества наших дней в зеркале биологической критики». Как профессионал, многие годы посвятивший изучению строения и функционирования нервной системы, он подчеркивал, что декадентское искусство ориентировано на «неправильное понимание психологических законов эстетики» и представлено «больными людьми, специально эксплуатирующими свои эстетические вкусы и стремления». Россолимо провел четкую границу между здоровым, нормальным творчеством и патологическим, а также обосновал критерии, по которым они определяются, мало того, он даже призвал

к «гигиенической нормировке произведений искусства». В своей и ныне актуальной работе Григорий Иванович Россолимо высказался вполне радикально и мужественно: «Другое дело представляет вырождающееся искусство: лечить такое зло, как вырождение в искусстве, было бы делом совершенно бесплодным: дегенерат неизлечим; но обезвредить больного — это уже одна из важных задач гигиены, так как многие психопатические состояния отличаются своей заразительностью, особенно, когда доходят до восприимчивого сознания субъекта с предрасположенной нервной системой. Вот откуда вытекает необходимость гигиены эстетического воспитания, ее медико-педагогическая задача; отсюда вытекает и необходимость нормировки художественного воспитания вообще».

Накапливая огромный материал по всем видимым проявлениям расовых типов, населяющих бескрайние просторы Российской Империи, ученые не боялись делать глобальные выводы об эволюционной и биологической неравноценности рас. Неоднократно подчеркивалось, что их культуротворческие способности поэтому также не равны. Приводимые фактические данные для обоснования этой позиции были безупречны.

Совершенно неоценимую роль в контексте обсуждаемой нами темы имеет статья «Материалы для антропологии русского народа» (Русский антропологический журнал. 1902, № 3) русского ученого А. Н. Краснова. Уникальность данного исследования состоит в том, что статистические антропометрические замеры проводились автором на призывных пунктах, расположенных по территориальному принципу в центральной России. Автор писал по этому поводу: «Подводя итоги измерений из 10 различных губерний и 21 уезда, мы не можем не поразиться тою однородностью состава, которая их характеризует. Везде бросается в глаза преобладание белокурого светлоглазого типа. Блондины составляют от 20 до 50 % всех измерявшихся, поэтому, допуская всевозможные случайности при составе отдельных партий, нельзя все-таки не признать, что в 10 означенных губерниях основным элементом великорусского населения должна была быть какая-то белокурая, светлоглазая раса, которая, несмотря на смешение с черноволосою, давшая малочисленных гибридов с переходного цвета глазами и волосами, сохранилась в своем чистом виде в лице столь многочисленных абсолютных блондинов.

Ее влияние сильно и в помесях, так как число серых глаз еще больше, и серые глаза преобладают и у тех гибридов, у которых

волосы приняли более темную окраску под влиянием примеси крови более пигментированной расы. Белокурые представители вместе с тем более однородны. В них мы находим наиболее обычные, так сказать, типичные для великороссов физиономии, которые на всем обширном протяжении, занятом 10 означенными губерниями, постоянно повторяются, так что, смешав снимки, вы будете поставлены в затруднение сказать, из какой губернии он взят. Нет ничего невозможного, что эти русские долихоцефалы есть лишь вариант скандинавской расы.

Так или иначе, из всего сказанного ясно вытекает следствие, что темноволосая раса не может быть названа русскою. Это — привходящий элемент, заимствованный главным образом от финских и тюркских и, быть может, от южных и западных народностей, с которыми приходили в соприкосновение основные белокурые элементы русского народа».

Таким образом, названия Руси и русского народа имеют древнейшее, сугубо расово-антропологическое происхождение, восходящее к главному признаку северной расы — русым волосам. Поэтому становится совершенно очевидным, что изначальным созидателем и носителем культуры на всей территории Европы и европейской части России всегда был один и тот же расовый тип — длинноголовый голубоглазый блондин.

В подтверждение данного натурфилософского тезиса, положенного в основу классической расовой теории в дореволюционной России, было написано множество научных работ. Их обзор был выполнен нами в предисловии к первому выпуску «Русская расовая теория до 1917 года», и поэтому перейдем к рассмотрению других, важных по значению работ.

Современные историки и лингвисты в основной своей массе склонны отстаивать подобную точку зрения. Так, например, крупный отечественный этнолог Валентин Васильевич Седов в монографии «Древнерусская народность» (М., 1999) указывает: «Утверждения лингвистов об иранском или индоарийском происхождении этнонима Русь приобретает надежную историческую подоснову. Он восходит или к иракской основе rauka, ruk — «свет», «белый», или произведен от местной индоарийской основы ruksa, russa — «светлый», «белый».

Но ведь совершенно очевидно, что белыми могли называть именно людей, населявших данные огромные территории, что указывает на их расовую принадлежность. Средняя полоса России совершенно не похожа на заснеженную тундру, и ее саму по себе не могли называть

«белой». Русь — это расовое название, свидетельствующее о нордическом происхождении ее исконных обитателей.

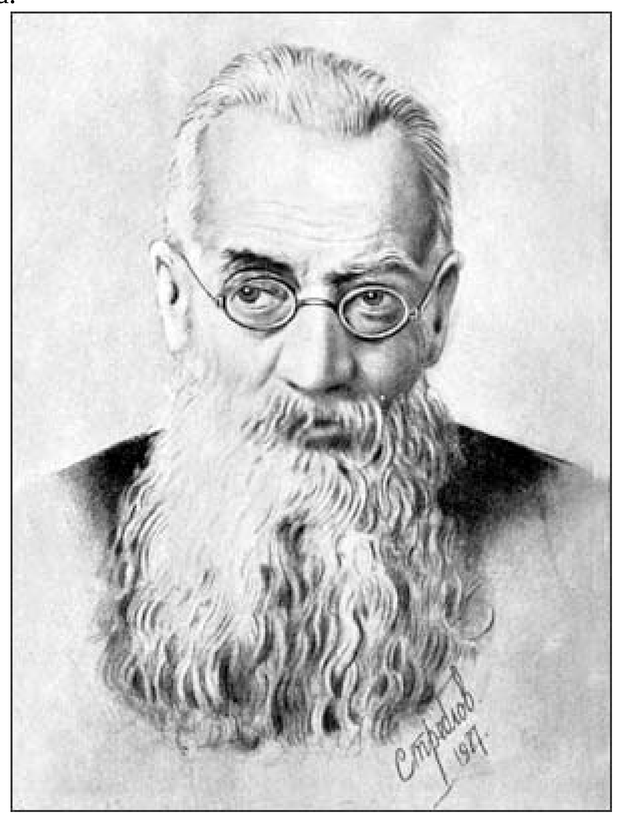
Итак, вновь под воздействием уникальных, но неопровержимых фактов мы убеждаемся в том, что все самые смелые теоретические выводы русские дореволюционные расовые теоретики делали только на основе обобщения огромного статистического материала, именно поэтому их тезисы и подтверждаются современной наукой. В этом плане весьма показателен пример крупного этнографа и путешественника Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. Достигший высот научной карьеры еще в царской России, он получил признание и при советской власти за исследование Средней Азии, Забайкалья и Дальнего Востока. Но несколько его фундаментальных исследований до сих пор никак не вписываются в канву «общепринятой» истории, до такой степени акцептация на реальной иерархии рас меняет наше мировоззрение.

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло родился 5 февраля 1860 года в Санкт-Петербурге в семье нотариуса Министерства юстиции. По окончании военной гимназии он в 1880 году поступил на естественное отделение Физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Уже в студенческие годы Григорий Ефимович развил бурную научную деятельность, много путешествовал и посвящал время практическим занятиям, в результате чего уже в 1884 году по сдаче последнего экзамена был утвержден в ученом звании кандидата естественных наук.

С этого момента начинаются его многочисленные экспедиции на Кавказ, Алтай, Памир, в Среднюю Азию, Забайкалье, Монголию, Китай, Маньчжурию, Дальний Восток, снискавшие ему всемирную славу, причем во многих из этих областей он побывал в качестве первого европейского исследователя. Знаток восточных языков, археологии, этнографии и антропологии, Грумм-Гржимайло первым из ученых начал подкреплять сведения, почерпнутые из древних сказаний и легенд, данными сравнительного изучения черепов и костей из могильников, расположенных на этих обширных территориях Азии. Позднее он стал профессором и вице-президентом Русского географического общества, написал множество монографий и обобщающих энциклопедических работ. Скончался Г. Е. Грумм-Гржимайло 3 марта 1936 года.

Две работы русского ученого до сих пор считаются очень «неудобными» для современной науки, до такой степени выводы, содержащиеся в них, повергают в шок любителей усредненного

псевдогуманистического взгляда на историю Евразийского континента.

Будучи подлинным энциклопедистом, как и абсолютное большинство русских ученых той поры, Г. Е. Грумм-Гржимайло проанализировал старинные китайские летописи и пришел к выводу, что исходным расовым типом, создавшим культуру северного Китая, бесспорно, был европеоидный. Этот тезис прекрасно обоснован в его монографии с характерным названием «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)» (СПб., 1899). В ней он писал: «Одним из докитайских народов, населявших бассейн Желтой реки, были рыжеволосые «ди». Китайцы в своих летописях добросовестно признают, что не являются автохтонами в тех местностях, которые по обыкновению связываются с традиционной китайской культурой. На многочисленных живописных изображениях эпохи ранних династий можно обнаружить подробные портреты демонов ада — «гуи», которые представлены с рыжими волосами, голубыми глазами и прочими

характерными антропологическими признаками европеоидной расы. Характерно, что много позднее, уже в эпоху великих географических открытий, когда китайцы впервые увидели европейских путешественников, они тотчас назвали их «янь-гуй-цзы» — заморскими чертями. Таким сильным оказалось влияние расового стереотипа в их сознании.

В XXV веке до Р. Х. китайцы занимали ничтожную часть территории современного Китая и называли себя «народом ста семейств» или «черноволосыми», а все окрестные народы различали не по месту обитания, а по расовым признакам, чему оставили немало письменных свидетельств. Именно у своих инорасовых соседей китайцы обучились обработке и орошению полей, строительству дамб и иным инженерным ухищрениям очень сложного ирригационного искусства, а также строительству башен, дворцов и прочих архитектурных сооружений. Среди всех племен китайцы особенно выделяли многочисленное рыжеволосое племя «ди». Наконец, рыжеволосыми были представители одной из ранних китайских династий Чжоу (1122–225 до н. э.), что по мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, указывает на метисацию с представителями этого загадочного племени, так как иероглиф «ди» составлен из двух иероглифов, дословно обозначающих выражение «огненная собака».

Он указывает: «Что «ди» принадлежали к белой (и, вероятно, белокурой) расе, подтверждается это и тем обстоятельством, что среди них были великаны. Подобное предположение не заключает в себе ничего невозможного. В доисторические времена белая раса имела совершенно иное распространение, чем теперь. Ее остатки в различных градациях метисации и теперь сохранились на островах Полинезии и Зондских, в Индокитае, в Южном Китае, в Маньчжурии, в Японии на крайнем северо-востоке Сибири и в Северной Америке; наконец, в Северном Китае и по настоящее время сохранился еще длинноголовый тип. Следы крови белой расы видны и среди некоторых групп населения Бутана, Непала и Кашмира, чем, между прочим, и объясняется их длинноголовость, прямо поставленные глаза и тонкий, прямой нос».

На арийское происхождение племени «ди» указывает также и тот факт, что своих вождей и царей они называли «ас».

В VII веке до Р. Х. племя «ди» распалось на две ветви — «белую» и «красную». «Белая» получила название «динлины», а от смешения «красной» возникло множество современных народов, населяющих гигантские просторы Средней Азии и Дальнего Востока, в результате

чего у многих из них до сих пор встречаются совершенно европеоидные черты лица.

Восстанавливая расово-психологический облик древних динлинов, Г. Е. Грумм-Гржимайло приходит к следующим, весьма характерным в плане нашего изложения, выводам. Мужчины динлинов отличались высоким ростом, атлетическим телосложением, выносливостью, крутым и воинственным нравом, женщины же их были, напротив, чрезвычайно утонченными, грациозными и блюли целомудрие. Их воины были свирепы и никогда не расставались с оружием, не задумываясь, они применяли его по любому поводу, но воевали не числом, а умением. Кованые латы, шлемы, кинжалы и мечи, которыми они пользовались, были весьма высокого качества. Мастера их строили деревянные срубы, умели шить дорогую одежду и создавать тонкие ювелирные украшения из золота, серебра и самоцветных камней. Шумные застолья с большим количеством вина и танцами были излюбленным времяпрепровождением. Мужчины всегда ходили гладковыбритыми, а женщины вплетали в свои роскошные белые локоны колосья, бусины и морские раковины. Все формы власти у динлинов были выборными. Собака считалась священным животным, и за ее убийство полагалось такое наказание, как за убийство человека. Дух свободы и независимости пронизывал весь их жизненный уклад, а необузданность нрава вошла во многие китайские поговорки. Народная молва «Поднебесной империи» величает их не иначе, как «косматыми буйволами». Никто не мог у них принудить девушку выйти замуж против ее воли. Кроме того, только у динлинов из всех народов этой гигантской территории Азии моногамия составляла первичную и основную форму брака, отсутствовали похотливость и идолопоклонство, напротив, культ предков и рыцарство были весьма распространены.

Задаваясь справедливым вопросом: что же это была за раса? — крупнейший русский ученый — исследователь данного региона — сам же пришел к однозначному выводу, что по всем внешним описательным признакам, совокупному психологическому портрету, а также по деталям бытового жизнеустройств и специфическим чертам поведения, это могла быть только европеоидная раса с очевидным доминированием в ее биомассе субстрата северного происхождения. Ответив на вопрос о расовом происхождении автохтонного населения Центральной и Восточной Азии, Г. Е. Грумм-Гржимайло реконструирует динамику исторических процессов в этом регионе, выдвигая свою версию сокращения численного состава белокурой расы.

Длинноголовые блондины проиграли схватку в борьбе за жизненные ресурсы Азии короткоголовым брюнетам не из-за недостатков своей физической и психической организации, но, напротив, из-за чрезмерной их концентрации в регионе, не приспособленном к их выявлению и раскрытию. Движимый чувством индивидуальной свободы и не способный к подчинению, наделенный от природы инициативой и богатым творческим воображением, он неминуемо вынужден был проиграть толпе безынициативных существ, способных только к азиатскому раболепию и слепому повиновению. Лишенный похотливости и наделенный рыцарским, возвышенным отношением к женщине, белокурый блондин утвердил единственно возможную для себя форму брака — моногамию, чем и предопределил всё возрастающий численный перевес за монголоидами и метисами, придерживающимися из-за специфики своей сексуально-психической конструкции полигамии гостевого брака и тому подобных форм половой активности, совершенно не доступных пониманию белого человека.

Эти смелые революционные взгляды на историю Г. Е. Грумм-Гржимайло уверенно развил в следующей своей тематической работе «Белокурая раса в Средней Азии» (СПб., 1909). Прежде всего русский автор ссылается на слова французского авторитетного ученого в области антропологии, профессора Поля Топинара, указывавшего: «Можно считать доказанным существование в былые времена в Центральной и Северной Азии расы с зелеными глазами и рыжими волосами».

Раскопки курганов и могил в долине реки Селенги вскрыли существование в доисторическое время в этом районе двух расовых антиподов: это короткоголовый тип с цефалическим указателем 93,6 и длинноголовый тип с цефалическим указателем 68,4. «Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту горную область как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующее длинноголовое население этой области, принадлежавшее, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, скорее всего, даже европейской, что доказывается как формой их черепов, так и гипсовыми масками, из коих многие отличаются замечательной красотой и чертами лица совершенно европейскими».

Кроме того, классические древние китайские трактаты повествуют о племенах, населявших Среднюю Азию вне Китайской стены, а

именно: об усунях, хагясах, динлинах и бома, при этом подчеркивая, что у них голубые глаза и белокурые (рыжие) волосы. Примечательно, что у китайцев под именем «рыжих» известны все нечерноволосые племена, начиная от белокурых и кончая темно-русыми. Трактат «Бэй-шы» прямо подтверждает, что южная окраина Гоби была родиной динлинов. Для обозначения многих племен, обитавших на этих гигантских просторах, китайцы использовали иероглифы, в точном переводе означающие «белый» и «пегий».

Только к концу IV века после Р. Х. Алтайско-Саянское нагорье было наводнено тюрками, смешавшись с которыми динлины и образовали уйгурский народ, долго называвшийся в китайских летописях «желтоголовыми». Что касается киргизов, обитавших поблизости, то сохранились сведения относительно канонов расовой красоты, существовавших у них еще в начале IX века: рост высокий, цвет кожи белый, румяное лицо, цвет волос рыжий, глаза голубые. И этот базовый тип преобладал настолько, что черные волосы считались нехорошим признаком, а люди с карими глазами просто считались потомками китайцев. Уже в XVII веке, когда русские принялись осваивать Сибирь, то столкнулись с совершенно иным в расовом отношении народом, представленным в основном черноволосыми и смуглыми типами. Китайские летописи отмечают, что еще в XVIII веке среди маньчжуров встречалось множество субъектов «со светло-голубыми глазами и орлиными носами».

Обобщая всю эту богатейшую информацию, Г. Е. Грумм-Гржимайло приходит к выводу, что «динлины составляли обособившуюся ветвь белокурой расы».

Ну и наконец, приведем самый наглядный и убедительный довод в поддержку концепции нашего великого этнографа и путешественника. Во всем мире Конфуций признан одним из столпов китайской культуры, но он по своим расовым признакам никак не может быть отнесен к чистым автохтонным монголоидам, ибо, как известно, для них характерна незначительная волосяная растительность на лице. Однако Конфуция на всех канонических изображениях до сих пор рисуют с весьма пышной бородой, что в свою очередь может свидетельствовать, как минимум, о высоком проценте у него европеоидной крови.

Все вышеизложенные взгляды и научные построения Г. Е. Грумм-Гржимайло были хорошо известны в среде духовенства и интеллигенции тех областей Азии, где он проводил свои исследования, и никому никогда и в голову не могло прийти назвать

его белым расистом. Что было бы весьма возможно, начни он сегодня излагать свои взгляды с кафедр престижнейших университетов, где вся «наука» оплачивается грантами «Соросов» и тому подобных биржевых спекулянтов.

Когда десятилетие спустя один русский путешественник повторил маршрут экспедиции Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло по Монголии, то из уст местного мудреца услышал песню «о русском с длинной бородой, который знает, как вырастают горы и какие тайны они в себе хранят».

Из выше сказанного следует, что все разговоры о мистической восточной мудрости несколько преувеличены, ибо без первородного гения белой расы она бы просто не смогла возникнуть.

Приоткроем наконец завесу тайны и еще над одним шедевром нашей культуры, также совершенно замалчиваемым.

Современная наука этология, считается всецело достижением современной эпохи, и ее возникновение связывают с именами таких ученых, как Конрад Лоренц и Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт. Этология — наука, изучающая биологические предпосылки любых форм поведения, — является по сути самостоятельной формой новейшего социал-биологизма. Однако в контексте ее становления начисто забывается имя прекрасного и совершенно самобытного русского историка Леопольда Францевича Воеводского, который оформил основные принципы этологии еще за сто лет до ее современного расцвета.

Л. Ф. Воеводский родился в 1846 году и по окончании курса в Санкт-Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию на тему «Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности» (СПб., 1874), а затем докторскую «Введение в мифологию Одиссеи» (Одесса, 1881). С 1882 года он стал ординарным профессором классической филологии в Новороссийском университете.

Однако в плане рассматриваемой нами темы наибольший интерес вызывает его работа «Чаши из человечьих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа. (Этологические и мифологические заметки)» (Одесса, 1877).

Целый букет современных узкопрофильных дисциплин занимается изучением мифов с точки зрения структуры и принципов развития языка, однако Воеводский, наверное, одним из первых в мировой науке сформулировал тезис, что миф — это прежде всего концентрированная проекция биологических фактов, запечатленных в

истории. Именно базируясь на таком подходе, он и объясняет причины расовой активности древних ариев. Отвергая всевозможные идеалистические причины возникновения мифов, Л. Ф. Воеводский писал: «Вот почему, признавая в солярных и метеорологических объяснениях мифов долю правды, можно вместе с тем считать их иногда очень неудовлетворительными. Напротив, всё ведет к тому, что в наших мифологических источниках следует усматривать один из драгоценнейших остатков глубочайшей старины, — времени до разъединения индогерманской семьи. Мы находим множество явных следов существования каннибализма у всех индогерманских народов: индийцев, греков, римлян, кельтов, германцев, славян».

Каннибализма древних ариев не следует страшиться, как некоего непристойного факта нашей эволюционной биографии, напротив, его нужно верно оценивать с точки зрения практики борьбы за существование. Рафинированный «культурологический» подход и здесь всё портит и затуманивает, ибо древние арии практиковали не абстрактное людоедство, но конкретное поедание инорасовых врагов, побежденных в процессе борьбы видов. Ни одному арию никогда и в голову не пришло бы поедать своих соплеменников, так же как этого никогда не делают львы, волки, орлы или иные хищники. Биологическому уничтожению подлежит только иноплеменный инорасовый организм, как это и существует в органическом мире. Отсюда закономерно возникает и проблема практической утилизации трупа поверженного врага, который даже питательными продуктами или элементами упаковки своего организма должен способствовать выживанию и возвышению сильнейшего, что мы ежедневно и наблюдаем во множестве телевизионных программ, посвященных живой природе.

«То, что для теперешнего образованного человека является результатом поэтического творчества, может на иных ступенях развития являться путем простого наблюдения и сухой логической работы мыслительной способности».

Демифологизация мифа — вот суть метода Воеводского и в этом заключена его гениальность. Людоедство у древних ариев до момента их распада на племенные группы было основой их биологической активности, приведшей в конечном счете к захвату огромных территорий, за пределами ареала первоначального возникновения их как расы. Но это людоедство не было формой их самоуничтожения, как утверждает современная «гуманистическая философия», но символом физического и ритуального поедания инорасовых

противников, что и запечатлено во множестве легенд, сказаний, мифов и сказок.

Вот почему в понимании древних ариев только воин, человек с активной жизненной позицией, считался носителем морали как таковой, ибо безропотная пассивная жертва не наделена от природы никакими этическими принципами. У баранов не может быть морали, ибо с точки зрения древнего арийца в основе любой моральной оценки всегда была заключена свобода выбора, лежащая на хрупкой грани жизни и смерти.

Именно этот психобиологический факт и заключен в сердцевине всех древнейших индоевропейских мифов. А мифологическое мышление, в свою очередь, поэтому и является этологическим ключом к объяснению поведения всех народов Белой расы. Воеводский абсолютно прав, утверждая, что в сердцевине мифа не содержится ничего поэтического. Миф — это своего рода биологический субпродукт, консервант, способный храниться сколь угодно долго в памяти архетипа. Его назначение — насыщать расу питательным продуктом волевого выбора даже тогда, когда она силой обстоятельств лишена свободы действий. Миф — это заменитель нормального «дикого» поведения, поэтому он известен «культурным» людям и не существует у животных. Он необходим для того, чтобы не очерствели природные инстинкты расового типа, временно отлученного от активной жизни.

Ничего подобного исследованиям Леопольда Францевича Воеводского не появлялось с тех пор ни в отечественной, ни в мировой науке, занятых исключительно прискорбным расовым самоедством.

Ну, а теперь, уважаемый читатель, настало время пролить свет еще на один пласт информации, совершенно замалчиваемый как советской, так и современной историографией.

Всё то обилие научных фактов, что открывались русскими учеными, вовсе не повисало в вакууме «политкорректности» как сегодня, но было востребовано в деле решения насущных задач страны. В предисловии к первому выпуску тома «Русская расовая теория до 1917 года» мы уже подчеркивали, что еще в 1862 году профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Степан Васильевич Ешевский начал читать курс лекций по философии истории на расовой основе. А к началу XX века русский антрополог французского происхождения Иосиф Егорович Деникер создал основы расовой типологии, признаваемой до сих пор всем мировым сообществом. Это говорит лишь о том, что изыскания множества специалистов в данной области не являлись стихийным интуитивным порывом, но были осознанной деятельностью, направленной на создание целостного мировоззрения нового типа.

Наконец, даже сама стилистика нагрудного жетона членов Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии говорит о его сугубо расовой направленности, так как на его передней стороне была изображена русская белокурая красавица в народном костюме, а на обратной — представители иных «цветных» рас. Так называемые советские наследники русской антропологической школы либо ничего не знают о существовании данного жетона, выдававшегося всем членам Общества, либо вновь вводят нас в заблуждение, что свидетельствует об их низком профессиональном уровне.

Факты, приведенные нами в предисловии к первому тому, которые наглядно доказывают востребованность расовых исследований в дореволюционной России, подтверждаются вновь и вновь, если отстраниться от штампов советской эпохи. Главное, прежде всего, состоит в том, что все многочисленные научные изыскания, проводившиеся в данной области, были отнюдь не подвижничеством энтузиастов, но планомерной деятельностью государственных мужей,

выполнявших социальный заказ правящих классов русской монархии, благословленный Русской Православной Церковью, чего, как мы отмечали неоднократно, совершенно не наблюдалось ни в Европе, ни в Америке.

Россия была единственной державой в мире, где проблема изучения рас находилась одновременно в фокусе интересов научной элиты, имперской власти и христианского духовенства. Русский Император в союзе с церковными иерархами, правившие самой большой в мире многоплеменной империей, ясно отдавали себе отчет в том, какие преимущества они будут иметь, если расовые качества подданных описаны и учтены в целях гармонизации и повышения эффективности высшей власти. Именно поэтому расовая наука в России той эпохи в прямом смысле этого слова шла в народ, а не была достоянием секты профессоров, скрывающих от общественности всю фатальность биологических различий между подразделениями человеческого рода.

После освещения теоретических изысканий, проводившихся в России, обратимся теперь к практической стороне вопроса, чтобы показать, насколько хорошо обстояли дела с расовой грамотностью.

В крупных городах Империи каждый интересующийся мог свободно приобрести по доступной цене оборудование для расовых измерений, а также эталонные бюсты всех известных расовых и этнических типов, выполненные в натуральную величину. Поколения красных профессоров постоянно заявляли нам о невозможности определения конкретных расовых типов, ибо они условны. Это лишний раз дает нам повод утверждать, что советская антропология не является прямой наследницей принципов и идеалов русской

классической школы, ибо подменила исходное расовое самосознание нашей элиты ментальностью ущербного местечкового универсализма. До сих пор от нас сокрыт богатейший пласт русской общественно-культурной традиции, различавшей людей по их наследственным и племенным качествам. Вместо этого нас потчуют суррогатами беззубого и постного идеализма, созданного персонажами сомнительного биологического достоинства. Всё сильное, здоровое, энергичное и величественное по-прежнему изымается из нашего умственного оборота. Бесцельностью и астеничностью, а более всего — размытостью здоровых инстинктов обучают нас восхищаться в так называемой «русской классике». Комплексы «маленького» чеховского человека, изъеденного «короедой пошлости», внушаются нам под видом национальной идеи. Настал предел, и мы должны заявить со всей ясностью, что подобного рода пропаганду необходимо считать тлетворной биологической диверсией как против русского народа, так и против Белой расы вообще. Ясность гражданской позиции в данном случае как раз и содействует объективности метода. Всем, кто и дальше будет обвинять нас в «рецидивах шовинизма и расовой нетерпимости», мы ответим «любезностью» на «любезность», обвинив их в рецидивах средневекового мракобесия.

А теперь давайте остановимся на другой русской классике и других русских характерах.

Род Трындиных происходит от крестьян-старообрядцев Владимирской губернии. Сергей Семенович Трындин еще во второй половине XVIII века пришел в Москву и устроился в Московский университет механиком, а через некоторое время основал собственную оптическую мастерскую. В 1809 году семья Трындиных расширяет дело и открывает в Москве на Кузнецком мосту, дом 16, первый в России оптический магазин, а в 1831 году фирма Трындиных уже участвовала в первой Московской промышленной выставке.

Младший сын Сергея Семеновича, Егор Сергеевич, родился 6 февраля 1806 года, в купечестве состоял с 1858 года. Именно ему фирма обязана своим начальным процветанием. После приобретения участка земли на Лубянке им были открыты магазин и фабрика. После смерти Егора Сергеевича Трындина 29 декабря 1868 года, его сыновья Сергей Егорович и Петр Егорович взяли на себя руководство фамильным делом и учредили фирму «Е. С. Трындина С-вей», которой позднее суждено было стать самым крупным отечественным предприятием данного направления.

В 1882 году фирма «Е. С. Трындина С-вей» приняла участие во Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. По итогам выставки фирма была награждена серебряной медалью «За отчетливое изготовление физических, хирургических приборов, и за стремление к усовершенствованию и расширению производства, значительных в настоящее время размеров». Приблизительно в этот период начинается производство инструментов и антропологической номенклатуры. К 1885 году фирма настолько расширилась, что была открыта первая и единственная в России «паровая» фабрика физических приборов и хирургических инструментов с самым современным оборудованием. При фабрике действовала первая в России ремесленная школа для подготовки специалистов по изготовлению широчайшего спектра хирургических, ветеринарных, антропологических инструментов и физико-механических приборов.

Наконец, венец признания успешных трудов семейства Трындиных: они официально становятся «придворными физиками-механиками Императорских театров и Императорских дворцов, поставщиками князя Черногорского и Общества русских врачей». Фирма начинает изготавливать медицинские инструменты для армии и земских врачей, а также антропологическое оборудование для учебных кабинетов. Выпускалось буквально всё на самом высоком мировом уровне: от сантиметровых лент и штативов до протезов и переносных кресел; от скальпелей и ортопедических приспособлений

до термометров и фонарей.

В официальном каталоге фирмы значится, что одной из основных и приоритетных задач ее деятельности является «охранение народного здравия».

В 1885 году фирма приняла участие в Ремесленной выставке в Москве, посвященной столетию дарования Императрицей Екатериной II самостоятельных прав ремесленному сословию. Экспозиция фирмы «Е. С. Трындина С-вей» пользовалась особым вниманием публики. В том же году фирма представляла Россию на Всемирной выставке в Антверпене, и в результате ее экспонаты были удостоены золотой медали за физические приборы и серебряной медали за хирургические инструменты.

В 1886 году фирма «Е. С. Трындина С-вей» была награждена высшей наградой Российской Империи — правом изображать Государственный герб на своих изделиях и рекламных материалах. Причем и русские, и иностранные комитеты, присуждавшие высокие награды фирме, подчеркивали доступность цены ее приборов при высочайшем качестве.

В 1896 году в Нижнем Новгороде состоялась крупнейшая в истории России Промышленно-художественная выставка. Фирма представляла на ней свои экспонаты в четырех отделах. Были выставлены: хирургические, антропологические инструменты и принадлежности, ортопедические аппараты и протезы, дезинфекционные приборы, всевозможные приборы и аппараты для хирургических операций и ухода за больными и ранеными, оборудование для массовой санитарной обработки населения и его антропометрических измерений. Были также представлены: физические приборы, геодезические, астрономические приборы и ветеринарные приспособления. Решение комитета выставки, присуждавшего премии, было таким: «За долговременное существование фирмы, при постоянном расширении производства; за весьма удовлетворительно исполненные приборы по физике и очень хорошие хирургические инструменты, а равно за хорошую постановку обучения учеников мастерству, наградить повторно правом изображения Государственного Герба».

С 15 апреля по 18 августа 1900 года проходила знаменитая Всемирная Парижская выставка. Россия была представлена на ней 2500 экспонатами. Торговый дом «Е. С. Трындина С-вей» принял в ней участие и по итогам выставки был награжден высшей наградой «Grand prix» и бронзовой медалью.

Всего к 1908 году фирма была удостоена двух Государственных гербов и 53 высочайших наград. Она была известна качеством, практичностью и дешевизной своей продукции, значительная часть которой поставлялась в соответствии с плановыми, благотворительными программами учебным заведениям, в дар земским врачам и отделениям Красного Креста.

Присмотримся повнимательней к этой породе людей, столь качественно отличавшихся от манерных и болезненных типажей русской интеллигенции, упорно навязываемых нам в эталоны духовности. Они не пропагандировали идеалы наподобие чеховских профессиональных неудачников, а создавали материальную базу для их воплощения на практике. Не русский идеализм, но русский реализм они несли в массы.

Старший сын Егора Сергеевича, Трындин Сергей Егорович родился 10 сентября 1847 года. 22 июля 1847 года он «в воздаяние особых трудов и заслуг, оказанных им по званию Действительного члена Российского Общества Красного Креста, Всемилостивейше

пожалован Кавалером Императорского и Царского Ордена Святого Станислава третьей степени». Этот орден давал право на получение звания Потомственного почетного гражданина и 28 февраля 1888 года Сергей Егорович обращается в Московскую купеческую управу с прошением о выдаче ему свидетельства на испрошение звания Потомственного почетного гражданства. На заседании Купеческой управы 6 апреля 1888 года было решено выдать Сергею Егоровичу указанное свидетельство. В том же году он и его семейство: жена Александра Михайловна и дочь Анастасия — получили звание Потомственных почетных граждан. С 1896 по 1915 годы он был Выборным Московского купеческого сословия, а в 1903 был назначен коммерции советником.

Сергей Егорович в наибольшей степени унаследовал от отца коммерческую хватку, энергичность, умение добиваться поставленной цели, способность не только сохранять, но и преумножать капитал. Имея вместе с братом в начале XX века самое крупное русское предприятие по производству оптических, физических, хирургических инструментов и приборов, он умудрялся при этом исполнять еще и десятки общественных обязанностей. Среди них самые значительные:

— гласный Московской городской думы с 1889 по 1893 годы;

— старшина Московского купеческого собрания в 1898–1899 и в 1913–1915 годах;

— член Управления и кандидат казначея Российского общества Красного Креста Московского местного управления с 1890 по 1913 годы;

— один из самых деятельных членов попечителей Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей с 1891 по 1913 годы;

— член комиссии по рассмотрению проектов и надзору над строительством здания Московского купеческого собрания в 1904–1909 годах;

— председатель Московского городского попечительства о бедных с 1894 по 1915 годы;

— действительный член Московского мужского благотворительного тюремного комитета с 1897 по 1903 годы;

— действительный член Комитета христианской помощи в 1877–1898 годах;

— почетный благотворитель Общества военных врачей в 1892–1898 годах;

— член Комиссии при Московской Городской управе по распределению бедным пособий с пожертвованных капиталов.

За свои труды на разных поприщах Сергей Егорович был награжден званием коммерции советника и знаками отличия, до ордена Святого Владимира 4 степени включительно. Как и все предки, он был ревностным старообрядцем, состоял в общине и личными средствами участвовал в сооружении храмов и училищ. Скончался Сергей Егорович 14 июля 1915 года.

Его младший брат, Петр Егорович Трындин, родился 13 июня 1852 года. Купеческой деятельностью он начал заниматься вместе со старшим братом, — с 1896 года купец II гильдии. 14 ноября 1899 года Петр Егорович Трындин «в воздаяние особых трудов и заслуг, оказанных им по званию Действительного члена Московского комитета «Христианская помощь», Всемилостивейше пожалован Кавалером Императорского и Царского Ордена Святого Станислава третьей степени». Этот орден давал право на получение звания Потомственного почетного гражданина, и он обратился в Московскую купеческую управу с прошением о выдаче ему соответствующего свидетельства. 17 февраля 1900 года на заседании Купеческой управы

было принято решение о его выдаче, и Петр Егорович вместе с женой и детьми получили звание Потомственных почетных граждан. С 1907–1909 годов он являлся выборным Московского купеческого сословия. Действительный член комитета «Христианская помощь» Российского общества Красного Креста, он также являлся крупным жертвователем в различных благотворительных учреждениях, Петр Егорович Трындин скончался 30 марта 1909 года.

Казалось, семейной идиллии не будет конца, но над Трындиными, равно как и над всей Россией, сгустились тучи. Сын Петра Егоровича, будучи уже от рождения Потомственным почетным гражданином, родился 17 июня 1886 года в Варшаве. В 1897 году поступил в Московскую практическую академию коммерческих наук, где получил блестящее всестороннее образование. В 1905 он окончил ее с серебряной медалью, получив звание Кандидата коммерции и устроился на фамильное предприятие на техническую должность. После смерти отца он вошел в состав учредителей Торгового дома «Е. С. Трындина С-вей», а в 1907 году поступил в Московский университет на Естественное отделение физико-математического факультета, который окончил в 1915. Следуя семейной традиции, Петр Петрович также активно занимался благотворительностью, параллельно расширяя производство. Именно под его техническим руководством был существенно расширен спектр выпускаемых геодезических инструментов, внедрены новые революционные технологии. Наследственная широта кругозора была отмечена принятием его в 1913 году в пожизненные члены Московского Общества Любителей астрономии.

В 1920 году всё огромное имущество торгового дома было национализировано большевиками, а помещения магазина, фирмы и жилые дома были облюбованы ведомством НКВД. Объем и качество производимой продукции резко пошли вниз, часть завода затопило водой и нечистотами, а на месте уникальных технологических линий открыли ночлежку. Фабрика торгового дома вместе с другими предприятиями была переименована в государственный завод экспериментальных и измерительных приборов «Метрон», вошедший в состав треста Точной механики.

Пытаясь хоть как-то защитить фамильное дело и спасти от деградации всю отрасль, Петр Петрович Трындин, невзирая на препоны, связанные с происхождением, долгое время работал на технических должностях на заводе и в тресте, организовывал выставки и руководил поставками точномеханических приборов из Германии и Австрии.

В 1937 году новые хозяева семейного жилья Трындиных на Лубянке арестовали бывшего владельца по обвинению в контрреволюционной деятельности, за то, что он, будучи высочайшим специалистом в своей области, имел неосторожность публично восхищаться немецкой техникой.

По постановлению тройки при Управлении НКВД СССР по Москве и Московской области от 23 ноября 1937 года за «резкую контрреволюционную, фашистскую деятельность» Петр Петрович Трындин был приговорен к расстрелу. 27 ноября 1937 года. Приговор был приведен в исполнение на Бутовском полигоне НКВД под Москвой. В эту ночь было расстреляно 159 человек.

27 июня 1989 года прокуратурой г. Москвы Петр Петрович Трындин был реабилитирован, но его имя, так же как и имена его славных предков, своими трудами и общественной деятельностью составлявших силу и гордость России, ныне прочно забыты.

Над восстановлением исторической справедливости сегодня трудится прямой потомок этой династии Евгений Николаевич Трындин. Узнав о нашем проекте, он активно принялся помогать нам, предоставив все необходимые уникальные документы и фотографии, за что мы, пользуясь случаем, выражаем ему самую искреннюю благодарность.

В контексте нашего повествования весьма важно отметить, что судьба этого рода была скорее типичным явлением на фоне истории России, а никак не исключением. Расовая идея была востребована самыми широкими слоями русского общества, а ее практическое воплощение было коммерчески оправданным предприятием, сулившим достаток и уважение, а также покровительство монаршей власти и духовенства. Чтобы подтвердить этот факт, неоднократно

проиллюстрированный нами в предисловии к первому выпуску издания «Русская расовая теория до 1917 года», обратимся к истории еще одного предприятия.

После грандиозных реформ Петра Великого многие европейцы устремились в Россию, ибо быть подданным русского царя стало престижно и выгодно. Если в начале XVIII века в общей массе переселенцев процент авантюристов и искателей приключений был весьма велик, то к середине XIX века ситуация стабилизировалась, и в Россию стали приезжать иностранцы, действительно желавшие связать с ней свою судьбу, чтобы принести свои таланты и труд на алтарь процветания гигантской Империи. Помимо честолюбия, ими, конечно же, двигал еще и расовый инстинкт, ибо многие из них быстро принимали православие, брали русские имена, а их дети и внуки уже устойчиво считали себя русскими. Деление Европейского континента на «восток» и «запад» искусственно и придумано политиками и культурологами лишь в середине XIX века. Биологически полноценный белый человек в нем не нуждается, ибо мыслит категориями «Севера» и «Юга», а Россия во все времена являла собою становой хребет северной цивилизации. Процесс ненасильственного естественного обрусения иностранцев многократно и достоверно описан в русской классической литературе.

Теодор Швабе родился в Швейцарии в 1814 году, затем некоторое время жил в Берлине. Наконец он переезжает в Россию, где в 1840

основывает свое коммерческое предприятие по торговле механическими и оптическими приборами, а в 1845 ставит дело на широкую ногу, основывая фабрику по их производству. 1852 годом датируется основание крупной фирмы «Ф. Швабе», и в Москве на Кузнецом мосту открывается магазин по продаже очков, пенсне и других оптических принадлежностей. К этому времени он берет русское имя — Феодор Борисович Швабе. В 1853 году его приняли в купечество, в качестве купца III гильдии, а в 1872 становится купцом II гильдии. В России родились и все четверо его детей: два сына и две дочери. В 1856 году был издан первый каталог фирмы на русском и немецком языках, в 1867 — второй, в 1875 — третий, хорошо иллюстрированный, в котором уже появляются специальные разделы физики и хирургии. А в издании 1878 года вводится подразделы ветеринарии.

Дальнейшими своими успехами фирма обязана главным образом Альберту Ивановичу Гамбургеру. Его судьба столь же типична. Давид-Альберт Гамбургер 1842 года рождения был баварским подданным. Но в 1872 году он устроился на фирму Феодора Борисовича Швабе в качестве простого служащего, несмотря на то, что приходился ему племянником. Он сразу же взял имя Альберт Иванович Гамбургер, в 1873 стал купцом III гильдии, а в 1884 — II гильдии.

Энергичный и трудоспособный, он уже с первых шагов своей

деятельности обратил на себя особое внимание основателя и владельца фирмы, который сделал его в скором времени своим компаньоном, а затем передал ему всё свое дело. Единоличным хозяином фирмы А. И. Гамбургер стал в 1880 году. При нем предприятие стало стремительно развиваться, превращаясь в солидный торгово-промышленный дом, с большим штатом служащих и узкопрофильных специалистов. Продукция фирмы становится известной во всех концах Российской Империи и за рубежом. Прежде организованные отделы расширяются и обогащаются новыми многочисленными предметами производства и продажи, а новые отделы обособляются и приобретают большее развитие и самостоятельность. Именно под руководством А. И. Гамбургера начинается массовое производство антропологического оборудования и различного инвентаря для этнографических изысканий. Данные направления деятельности выделяются в самостоятельную отрасль.

В июле 1901 года Альберт Иванович Гамбургер скончался, оставив дело своей супруге, Матильде Юльевне Гамбургер. Под руководством этой умной и практичной женщины фирма «Ф. Швабе» достигла наивысшего расцвет, ибо еще в 1882 году она добилась права ставить герб Российской Империи на всю свою продукцию и документы, а в 1884 — герб дома Романовых, став официальным поставщиком Двора Его Императорского Величества. Этому наивысшему признанию заслуг фирмы предшествовала долгая и кропотливая работа по завоевыванию общественного признания.

• 1853 год — Мануфактурная выставка в Москве. Московскому купцу Ф. Б. Щвабе была присуждена медаль «За трудолюбие и искусство».

• 1855 год — Мануфактурная выставка в Варшаве. Серебряная медаль и диплом.

• 1857 год — Варшавская выставка. Серебряная медаль.

• 1861 год — Мануфактурная выставка в Санкт-Петербурге. Большая серебряная медаль.

• 1865 год — Выставка в Москве. Малая золотая медаль.

• 1872 год — Всероссийская промышленная выставка в Москве (будущий Политехнический музей). Три большие золотые медали.

• 1876 год — Международная санитарная выставка в Филадельфии. Специальная отличительная медаль.

• 1882 год — Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве. Высшая награда — Государственный герб 1905 год — Всемирная выставка в Льеже (Бельгия). Высшая награда — Гран-при.

До начала Первой мировой войны фирма была удостоена более 50 медалей, дипломов и почетных отзывов за участие в Международных и Всероссийских выставках, кроме того, ее изобретателями было

зарегистрировано свыше 100 патентов на изобретения новых приборов, многие из которых были лучшими в мире, а также производились только в России.

Десятилетиями советские учителя вдалбливали в головы учеников, что царская Россия была бескультурной, отсталой в техническом отношении страной, не способной производить собственное оригинальное оборудование. Это наглая и возмутительная ложь, по опровержению которой до сих пор не ведется никакой вразумительной работы. В просвещенной и цивилизованной Европе антропометрическое оборудование для расовых измерений могли позволить себе иметь лишь единицы специалистов, не говоря уже о серийном производстве. А в Российской Империи его мог приобрести каждый, причем по доступной цене и в любом крупном городе или даже просто заказать по почте. Расовая грамотность самых широких слоев населения была чрезвычайно высока. В каталоге фирмы «Ф. Швабе» в разделе «этнография» был представлен широчайший ассортимент наглядных пособий для изучения расового и этнического состава как Российской Империи, так и всего земного шара. За разумные деньги каждый желающий мог приобрести искусно выполненный бюст в натуральную величину любого этнического типа обоих полов, дабы иметь возможность сравнивать с ними окружающих. Поэтому, когда современные отечественные и зарубежные антропологи публично заявляют, что не могут с большой степенью вероятности определить расовую и этническую принадлежность того или иного индивида, они просто лукавят или признаются в собственной некомпетентности, а также констатируют деградацию всей науки в целом.

Сто лет назад эту науку дифференциации типов людей по их физическим признакам мог освоить самостоятельно каждый, кто посещал магазины фирмы «Ф. Швабе» по всем необъятным просторам Российской Империи. Эта продукция была столь популярной, что фирме пришлось даже открывать в 1906 году дополнительное производство на другом конце страны, в Иркутске.

Даже поверхностное обращение к этому бесподобному и совершенно забытому пласту нашей истории, несомненно, вызывает восхищение: настолько всё было продумано и основательно сделано, а главное — со вкусом. Прекрасно полиграфически изданный каталог фирмы начался с благодарственных рекомендаций Их Императорских Величеств Александра II и Александра III, благосклонно оценивших усердие фирмы в поднятии общей технической культуры в стране, а также превосходное качество продукции, принятой за эталон при Августейшем Дворе. В этом каталоге значилось свыше 6500 (!!!) наименований продукции, которую каждый гражданин мог заказать в любой части Российской Империи за весьма умеренную цену. Кроме того, глава фирмы под личную ответственность обязывался предоставить существенное количество всевозможных льгот для неимущих категорий подданных, а также для разнообразных благотворительных организаций. И всё это — под гарантии монархической государственной власти и дома Романовых. Нигде в мире ничего подобного не было. Какие астенические и разношерстные идеалы из чеховских пьес и иных богемных проявлений физиологической деградации, навязываемые нам до сих пор в виде эталонов русскости, могут вообще рассматриваться рядом с этими фактами? Понимают ли легионы современных историков, ревизионистов и правдоискателей, какой высокий градус

прагматической нравственности был достигнут в дореволюционной России? И чего мы на самом деле лишились с захватом большевиками власти?

Анализ взаимоотношений главных действующих лиц фирмы — это тоже тема отдельного исследования как по теории менеджмента, так и по расовой психологии, ибо это крупнейшее в своей отрасли предприятие в Европе являло собой образец синтеза немецкого порядка, швейцарской точности и русского инженерного гения.

Интеллектуальное техническое превосходство обеспечивал гениальный русский изобретатель Павел Михайлович Недопекин (1871–1926) — главный конструктор фирмы. В целом это был общий триумф созидательной способности нашей расы, разложенный на симфонию этнических талантов. И на вершине этого объединения в период его расцвета стояла русская капиталистка швейцарского происхождения Матильда Юльевна Гамбургер, которая на всё оборудование, в том числе предназначенное для расовых измерений, ставила фамильное клеймо Русского Царя.

В каждом полицейском участке Империи имелся переносной портативный ящичек с антропометрическими инструментами для обмера преступников по методу Альфонса Бертильона, в целях постановки их на полицейский учет как носителей наследственных отягощающих признаков. Это свидетельствовало о высочайшем уровне развития идей и методов школы криминальной антропологии в царской России, о которых умалчивали поколения красных профессоров. Естественно, ведь большевиков отлавливали, исходя из результатов обмеров, а не по каким-то абстрактным идейным соображениям. В структуре дореволюционного Министерства внутренних дел каждый сыщик и городовой твердо знали, что

«профессиональный революционер», — это не профессия, как учили нас в советских школах позднее, а диагноз.

На антропометрических инструментах, служивших для этой цели, равно как и на самом ящичке, красовалась символика фирмы «Ф. Швабе», — поставщика Двора Его Императорского Величества. С 70–80-х годов XIX века Российскую Империю буквально захлестнула волна этнографических, антропологических и археологических экспедиций, имевших целью сведение воедино информации о происхождении всех племен, ее населявших.

Высшая власть тогда, в отличие от нынешней, прекрасно осознавала, что для эффективного управления социальной структурой гигантского многоплеменного государства необходимо иметь четкое представление о расово-биологических свойствах всех этнических групп, его составляющих. Весь этот гигантский объем работ был осуществлен, при передвижении на лошадях, верблюдах и оленях через тысячи километров и безо всякой компьютеризации проводился с высочайшей степенью эффективности и достоверности на оборудовании фирмы «Ф. Швабе». Императорское не значит элитарное и дорогое, императорское — значило доступное всем подданным Империи. Это в целом была другая система ценностей, не доступная по глубине и всеохватности пониманию современного либерального мира, рисующего карикатурно-невежественные образы монархии, и в силу своей одномерности, не способного видеть иные ее измерения.

К началу XX века Россия явила миру не только самые высокие темны построения капитализма, о чем теперь все вдруг разом вспомнили: она шла быстрыми шагами в деле совершенствования собственной социобиологической структуры. А в условиях торжества

европейского типа цивилизации, а также быстрого прироста и обогащения государствообразующего этноса — русских, Россия к концу XX века неминуемо стала бы лидером не только Белого мира, но и всего мира вообще.

Все самые смелые расовые проекты, обычно связываемые в общественном сознании с Третьим Рейхом, на самом деле были лишь бледной тенью гораздо ранней русской реальности, задушить которую и призван был «красный октябрь». «Кто был ничем, тот станет всем» — изуверский, подлинно сатанинский смысл этой известной фразы из «Интернационала» еще не рассматривался в качестве сигнала к нападению вируса на здоровый организм. Большевизм — это не идеология, а управляемая химическая реакция.

В случае же нашего исследования все основные постулаты расовой теории полностью подтверждаются, ибо главными создателями и распространителями оборудования для расовых измерений в России были две честно конкурировавшие фирмы: одну возглавляли потомственные русские старообрядцы, а другую — быстро русеющие немцы. Именно высокая общность нордической крови подвигла и тех и других к соревнованию в такой специфической области. Они явственно ощущали себя совершеннейшим инструментом расы, обязанной победить.

После национализации в 1920 году фирмы «Ф. Швабе», ее производство вошло в состав объединения «Геофизика», а сегодня — это огромное предприятие «Геофизика-Космос», принимающее участие во всех отечественных космических программах. Все необходимые уникальные, а подчас и просто фантастические данные нам с готовностью и участием предоставила хранительница музея ФГУП НПП «Геофизика-Космос» Тамара Алексеевна Кащеева, за что мы, пользуясь случаем, выражаем ей свою самую искреннюю и сердечную благодарность.

В наше смутное время перемен и переоценки всех ценностей случилось так, что два человека: Е. Н. Трындин и Т. А. Кащеева, совершенно далекие от антропологии, сами того не ведая, своей бескорыстной любовью к истории спасли от исчезновения одну из самых драгоценных страниц нашей русской летописи. Красные профессора, похваляясь своими регалиями и спекулируя на именах русских дореволюционных ученых, идеи которых они извратили до неузнаваемости, довели историю нашей блистательной расовой науки до полной деградации и исчезновения. Не ведающие сами, они отбивают и у других желание изучать самую важную науку —

расологию — науку о наследственных качествах людей, ибо весь наш окружающий рукотворный мир есть прежде всего следствие проявления данных качеств. Никакое знание о человеческом обществе не может быть достоверным, если оно не изучает его биологическую наследственную основу, иначе социология неизбежно выродится в абстрактную лженауку. Те умственные приемы и словесные штампы, что еще употребляются в современной постсоветской антропологии, в других науках уже давно сданы в архив как ненужный хлам. Ибо, вновь напомним слова Генриха Риккерта, «там, где нет оценки, там нет и науки».

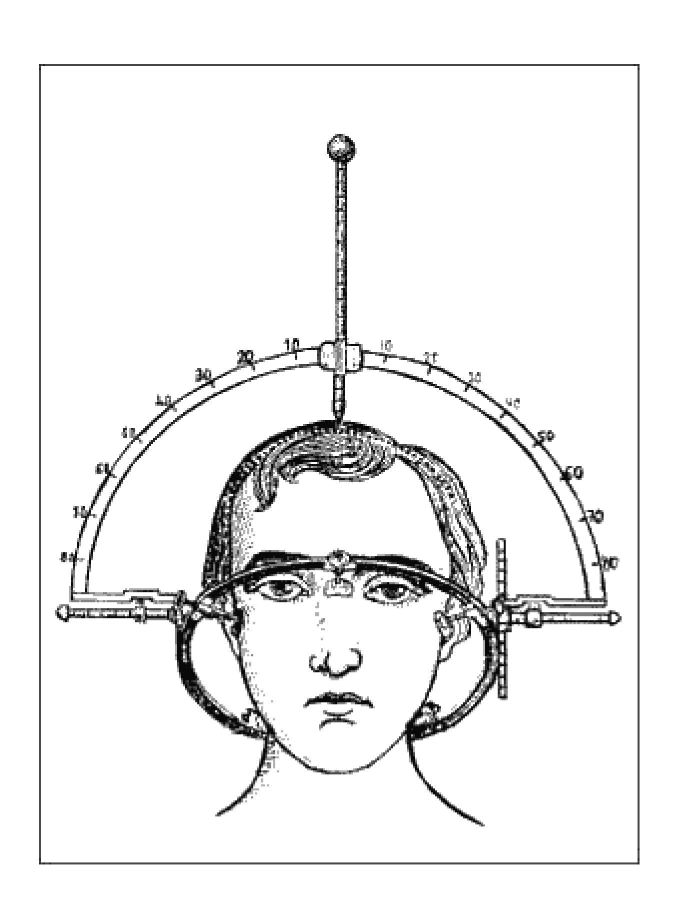
Создатель первой русской расовой классификации Алексей Леонтьевич Ловецкий, как мы помним, рассматривал основные племена человеческого рода в триединстве проявления ими физических, психических и моральных качеств.

Напомним также слова Анатолия Петровича Богданова, писавшего в «Антропологической физиогномике» (М., 1878): «Для современного антрополога-натуралиста изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в своей форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного древа, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин. Для своих целей антропологическая физиогномика ставит иногда на значительное место при своих заключениях такие признаки, кои не важны для физиогномиста вообще, как например, цвет волос и глаз».

Поэтому и получается, что, когда современные наши антропологи намеренно устраняются от обсуждения расовой проблемы в обществе, прикрываясь опахалом чистой науки, то они низводят всю антропологию на уровень подмастерьев и школяров. Именно в этом и нужно искать причины ее такой вопиющей непопулярности в среде молодежи, желающей получить высшее образование. Ибо, выхолощенная от оценок и стерилизованная от практических выводов, антропология неминуемо превращается в свод ненужных знаний, в своего рода обузу, мешающую молодому человеку при вступлении в большую жизнь. Только вырвав ее из рук средневековых мракобесов, трактующих знания о природе человека в соответствии со своими клановыми интересами, мы сможем вернуть ей статус

привилегированной науки, способной давать ответы на самые мучительные и сокровенные вопросы бытия. Только тогда антрополог вновь станет тружеником естествознания, как считала наша ученая Прасковья Николаевна Тарновская.

Ну и наконец, те, кто гневно критиковал нашу деятельность по переизданию русских и зарубежных первоисточников расовой теории, до сих пор не могут понять, что это вовсе не то же самое, что обыкновенная физическая антропология. Это совершенно другая дисциплина. Определение расовой теории мы давали многократно в первом выпуске как в нашей, так и в различных авторских редакциях. На обложке тома было ясно написано «Русская расовая теория до 1917 года», и если кто-то, взявшийся критиковать нас, не умеет читать названия, то это его проблемы, и обилие перечисляемых регалий в данном случае лишь содействует ужесточению диагноза. Для всех тех, кто нашу огромную проделанную работу по оживлению и реабилитации истории науки в России до сих пор считает вымыслами и шарлатанством, мы специально приводим в приложении список членов Русского антропологического общества, а также фрагменты каталога фирмы «Ф. Швабе», в части расового оборудования и этнографического инвентаря. Мы от души просим красных профессоров, заработавших свои звания на цитировании «научных» трудов Маркса и Энгельса, больше не срамиться прилюдно и не доводить свое отчаянное положение до полного абсурда, а чаще ходить в библиотеки и помогать нам конструктивной критикой и продуктивными замечаниями, с тем чтобы грядущие поколения граждан могли по праву гордиться самыми яркими и значительными страницами нашей истории. Повышению ее престижа и посвящен второй выпуск издания «Русская расовая теория до 1917 года».

10
20
30
40
10
50
60
70

Краткое руководство к познанию племен человеческого рода

А. Л. Ловецкий

МОСКВА
Университетская Типография
1838

Род человеческий происходит от одной лишь четы, «Адама и Евы». Несмотря на то, географические и физические влияния климатов, среди которых он распространился по земному шару, столько изменили первоначальный состав плотных и жидких частей его организации, что первообразы его (Адам и Ева) распались на множество форм как бы производных или вторичных, которые, нимало не теряя существенных свойств, сродных основной человеческой форме, отличаются одни от других собственными физическими и динамическими признаками. — Замечательно, что эти физические и динамические признаки, напечатленные на органическом их составе, и обнаруживающие в самых жизненных их действиях, столь сделались прочными и постоянными, что несмотря ни на какие влияния, они сохраняют главные свои выражения неизгладимо, во все времена и во всех климатах, через весь длинный ряд потомков и предков. Из числа этих признаков самый примечательный — цветность кожи.

И так род человеческий составляет одно великое целое, и состоит только из одного вида «Homo sapiens», но раздробленного, подобно белому солнечному лучу, на несколько цветных разностей, подавших повод разделить людей на столько отдельных групп, сколько находится главных различий в цвете кожи. Эти группы названы племенами (races). Линней, приняв за основание эту различную цветность кожи, разделил род человеческий на пять племен: 1 на Американское — бурое; 2 на Европейское — белое; 3 Азиатское — желтое; 4 Африканское — черное; и 5 безобразное или уродливое (monstrosa).

После Линнея начали обращать внимание и на другие физические признаки, различающие людей одних от других. Так Петр Кампер, рассматривая черепа людей, принадлежащие различным племенам, нашел, что кости лица и черепа имеют у них различную длину, ширину и направление, и что по этим признакам легко можно определить, к какому племени принадлежит исследуемый череп. «Если, — говорит он, — провести две прямые линии, которые бы себя взаимно пересекали, и из которых бы одна проходила горизонтально от края верхней челюсти, через наружный слуховой проход, к затылку, а другая, от того же края, простиралась бы прямо кверху до выпуклой части лобной кости; то выйдет угол, называемый лицевым, которого раскрытие на черепе людей белых будет составлять от 85 до 90 градусов, на черепе Монгольского племени от 80 до 85 град., а на

черепе Негра от 75 до 80 град.; в черепе же Орангутанга — не более 65 град.» Этот способ измерения назван «лицевой линией» (linea facialis).

Блюменбах употребляет другой способ, который называется теменным или макушечным (norma verticalis). Для этого он ставит рядом несколько черепов на одну доску так, чтобы они скуловыми своими костями образовали одну горизонтальную линию, и смотрит на них сзади и сверху (с макушки), и судит о различии их по направлению или челюстей, или скуловых костей; также и по тому: широк ли череп, или узок; лоб плосок или выпукл.

Вообще, в наше время, разделение рода человеческого на племена преимущественно основывается на цвете кожи, величине и форме черепа, равно как и на величине лицевого угла. — Блюменбах разделяет людей на пять племен: 1 Кавказское (Varietas Caucasica); 2 Монгольское (V. Mongolica); 3 Эфиопское (V. Aethiopica); 4 Американское (V. Americana); 5 Малайское (V. Malaica).

Дюмериль в своих «Les elemens des sciences naturelles» принимает так же пять племен в человеческом роде: 1 Кавказское, или Арабо-Европейское; 2 Гиперборейское; 3 Монгольское; 4 Негрское; 5 Американское.

Знаменитый Кювье принимает только три таких племени, которые можно отличить друг от друга ясными и очевидными признаками: 1 Белое или Кавказское; 2 Желтое или Монгольское; и 3 Негрское или Эфиопское.

Демулен разделяет людей на одиннадцать племен: 1 составляют Кельто-Скифо-Арабы; 2 Монгольцы; 3 Эфиопы; 4 Восточные Африканцы; 5 Южные Африканцы; 6 Малайцы или Океанийцы; 7 Лапландцы; 8 Негры Океанийские; 9 Австралийцы; 10 Коломбийцы; 11 Американцы.

Бори де Сен Винсан в своем сочинении о «человеке» принимает пятнадцать разностей человеческого рода: 1 Иафетская (Iapetique), которая подразделена на 4 племени; 2 Арабская, подразделена на 2 племени; 3 Индийская (Indoue); 4 Скифская; 5 Китайская 6 Гиперборейская; 7 Нептунийская, подразделена на 3 племени; 8 Австралийская; 9 Коломбийская; 10 Американская; 11 Патагонская; 12 Эфиопская; 13 Кафрская; 14 Меланийская; 15 Готтентотская.

То же число племен принимает Кауп, издатель Зоологии, известной под заглавием «Das Thierreich in seinem Hauptformen, etc.». Из этого числа пять первого ряда считаются коренными, а прочие производными.

1	2	3	4	5
Кавказец	Монгол	Малаец	Североамериканец	Негр
H. Iapeticus	H. Scythicus	H. Neptunianus	H. Colombicus	H. Aethiopicus
Индеец	Китаец	Новоголландец	Американец	Кафр
H. Indicus	H. Sinicus	H. Australaticus	H. Americanus	H. Caffer
Араб	Лапландец	Малаец	Патагон	Готтентот
H. Arabicus	H. Hiperboreus	H. Melaninus	H. Patagonicus	H. Hottentotus

Мальтебрюн принимает шестнадцать племен. 1 Племя Полярное; 2 Финское (Finoise); 3 Славянское; 4 Гото-Германское; 5 племена западной Европы; 6 племена Греческое и Пеласгийское; 7 Арабское; 8 Татарское и Монгольское; 9 Индийского океана; 10 Малайское; 11 Черное племя Тихого океана; 12 Смуглое (basanea) Великого океана; 13 Маврское (Мавры);14 Негрское (Негры); 15 племена восточной Африки; 16 племена Америки.

Вирей разделяет род человеческий сперва на две большие группы, которые потом подразделяет на племена и поколения.

1. В первой группе заключаются люди, которых физический характер — белизна или смуглость, не похожая впрочем на черноту Негров; волосы прямые, длинные; лицевой угол от 85 до 90 град. — Они ходят прямо; имеют письменные законы; духовные их способности более развиты, нежели у других народов. Разделены на три племени: 1 белое, 2 смугловатое, 3 медно-красное.

2. Вторая группа вмещает людей, имеющих цвет кожи темно-каштановый, либо совершенно черный; волосы черные, курчавые; губы толстые; лицевой угол от 75 до 82 град. Ходят косвенно, держа колени, выдавшиеся вперед. Умственные их способности находятся на низкой степени развития. Сюда принадлежат племена: 1 темно-смуглое — Индийцы, Малайцы; 2 черное — Негры и Кафры; 3 смугло-черное — Готтентоты, Папуанцы.

Все эти разделения и подразделения ясно доказывают, что при настоящих наших сведениях о человеке, мы еще не имеем основательной, и следовательно, удовлетворительной классификации племен человеческого рода. Впрочем, классификация Вирея нам всегда казалась более удовлетворительной, нежели его предшественников.

Из числа новейших методов достойны замечания две классификации, из которых одна составлена доктором Соссеротом, а другая профессором Броком. Вот перевод первой:

СОКРАЩЕННАЯ ТАБЛИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЛЕМЕН,

показывающая их происхождение, географическое распределение по земному шару,

отличительные признаки телесного образования, произошедшие от них поколения, и проч.,

составленная доктором Сосероттом

Племя белых, или Арабо-индо-европейское

Общие признаки белого племени: лицевой угол от 80° до 90°, овал (лица) правильный; нос длинный и выдавшийся; кожа белая, с оттенками, начиная от бледно-розового (телесного), до смуглого цвета; волосы длинные, гибкие, густые, переходящие от цвета белокурого в каштановый, и теряющиеся в оттенках цвета черного. Пространство, занимаемое их населением, распространяется до 50° и 60°, начиная от полярного северного круга до тропика Рака и даже несколько далее. По количеству оно — второе; превосходит телесными и нравственными качествами все другие племена; гражданское образование совершенствуется. Мы разделяем это племя на пять поколений, а именно:

1. Поколение Арабское (Rameau arabique).

	1. Семейство Арабское.	2. Семейство Абиссинское.	3. Семейство Еврейское.
Место первого поселения и географическое распределение	Площадь между Тигром и Евфратом; оттуда распространилось по Аравии и Сирии, и по Северному берегу Африки и по Абиссинии, через перешеек Бабель-Мандельский.	На хребте гор при истоке Нила; оттуда распространилось к северу по течению этой реки, и составило население Египта.	Место-жительство его одинаковое с Арабами; оттуда распространилось на юго-запад; прежде кочевое, потом оседлое в Палестине; ныне рассеяно по разным странам.
Свойства телесные и моральные	Овал растянутый к двум оконечностям; глаза черные или карие; веки открытые, нос прямой, губы тонкие, волосы черные или темно-каштановые. Возмужалость ранняя; трезвы, предприимчивы, алчны, хитры.		
	Верхушка головы весьма выпуклая; цвет кожи переходит от белого до весьма смуглого; у мужчин рост высокий; телосложение тонкое; воображение пылкое; независимы, горды, гостеприимны, коварны против иностранцев.	Не столько красивы, сколько Арабы; цвет кожи от светло-смуглого переходит в темно-бронзовый; волосы длинные, полумягкие; борода редкая; рост высокий; хитры, жестоки; мало исполняют правила Христианской религии, которую исповедуют.	Кожа белая, волосы и борода густые, нос чаще горбоватый; рукодельны и промышленны; жадны к приобретению; будучи давно унижаемы в общественном мнении, сделались бесхарактерными.
Язык, религия, образованность	Имеют много сходства в наречии (idiomes) языков, которых корень существовал, вероятно, в Вавилоне задолго до Моисея, которого писания (Священные книги) показывают правильно устроенное наречие; веруют во единого Бога; исполняют обрезание.		
	Говорят Арабским языком; прежде идолопоклонники, ныне исповедуют Исламизм. Стремились ко всемирному завоеванию; многоженцы; степень общественной образованности различна.	Говорят Газским (Ghaz) и Амгаринским наречием. Все вообще Христиане; одноженцы; образованность несовершенная, в упадке.	Язык народный Еврейский; образованность сходная со странами, в которых живут. Составляют отдельное общество между обитателями, отличаясь своей особой религией – Иудейством.
Народы производные или вторичные	Древн. Геогр. Ассирийцы, Халдеи, Финикияне, Нумидийцы, Мавритане, Ливийцы, Гетулы. Нов. Геог. Сарацины или Мавры, Арабы (Бедуины и оседлые).	Др. Геогр. Эфиопы, Троглодиты? Нов. Кофты, Абиссинцы, Нубийцы (смесь Арабского поколения с Африканцами).	Геог. Др. и Нов. Жиды или Евреи, Иудеи, расселенные в Аравии и в Азии по торговым местам, также в Европе.

2. Поколение Индийское.

Одно семейство.

Место первого поселения и пр.	**Вероятно на возвышенных площадях Гималайских гор, а оттуда распространилось по течению Инда и Ганга, около которых оно поселилось с незапамятных времен.**
Свойства и пр.	Кожа темно-желтая (смуглая); волосы всегда черные, гладкие, лоснящиеся; борода редкая, голова меньше, нежели у европейцев; нос горбатый; глаза большие, губы более тонкие, нежели пухлые; телосложение правильное, красивое; рост средний, 5 ф. 2 дюйм.; женщины способны рожать на 10 году; трезвы, простодушны, покорны, тихи, промышленны, мало воинственны; не работящи; существенные черты их изменились от смешения с другими племенами, особенно с Арабами.
Язык и пр.	Язык Санскритский, замечательный по своей древности и совершенству, источник настоящих наречий Индийских (Телинга, Бенгальского, Индостанского, Тамулийского и др.). Вера Буддийская и Браминская, ныне господствующая; образованность остановившаяся около 3000 лет почти в одном и том же положении; многоженцы; издавна разделены на касты (сословия), почитающие за бесчестие всякое смешение одной касты с другой. - Занимаются земледелием.
Производные народы	Др. Геогр. Индийцы, нов. Геогр. Индусы (Маратты, Сейки, часть жителей Афганистана, Индо-Британских владений, Цейлона и пр.); впоследствии смешались с Индусами и жителями окр. стран многие Арабы, Монголы, Португальцы.

3. Поколение Греко-Кавказское.

	1. Семейство Греческое.	**2. Семейство Кавказское.**	**3. Семейство Татарское.**
Место первого поселения и проч.	По-видимому, отрасль Кавказского семейства, давно от него отделившаяся; а по мнению других, первоначальное его отечество Фракийские горы.	Вероятно, с Кавказских гор; одна часть (с. Кавк.) поселилась около этих гор; другая (с. Тат.) по берегам Каспийского моря - распространилась на Юг и В. в независимую Татарию, на С. в Россию, а на З. в Малую Азию и Европейскую Турцию.	
Свойства и пр.	Тип (образцовая форма) этого семейства, еще заметен у жителей Архипелага и Италии: состоит в красоте овала (лица) и прямизне носа, в величине глаз, немного впалых, и выглядывающих из-под длинных бровей; в каштановом цвете волос весьма заметной длины - как теперь, так и прежде. Уважают свою независимость: суетны, непостоянны, хитры до плутовства.	Замечательно по правильности и благородству в чертах лица, свежести и блеску кожи, увеличиващемуся еще более от черных волос; роста высокого, богатырского у некоторых племен; стан стройный. Неблагодарны, распутны, коварны. Есть Черкесы белокурые и с голубыми глазами.	Рост высокий, тело тучное, так что суставов почти не видно; овал правильный; глаза черные, волосы кудрявые, черные; бороды длинные; кожа волосистая, немного желтоватая, черты благородные: горды, степенны; невежды, верят предопределению (фаталисты), хладнокровны, беззаботны, гостеприимны.
Язык и пр.	Язык Греческий, нынешний есть испорченное наречие прежнего; в древн. многобожие; ныне Греко-Кафолическая религия. История их просвещения общеизвестна; долго угнетаемые чужеземным игом, они снова начинают приобретать самобытность и политическую свободу.	Многие местные языки (Армянский, Грузинский, Осетинский). Вера Христианская: Греко-Кафолическая, Армянская; есть племена дико воинственные, исповедующие Магометанскую религию.	Татарский, Турецкий, смешанный Афганский, Курдский, у Персиян-Зендский (le Zend) древний мертвый язык, le pehlevi, le parsi, - прежде идолопоклонники, ныне Магометане. Шаманство в независимой Татарии, невежество.
Народы	Др. Геогр. Греки, Римляне, с их поселениями. Нов. в Греческом Арх., Морее, в Италии, Евр. Турции и пр.	Др. Геогр. Леги (Legae) Колхид., Албанцы, Иберийцы и др.; нов. Армяне, Грузины, Черкесы и проч.	Др. Геогр. Скифы, Парфяне, Мидяне, Бактрияне, Персы, Гирканы и др. Нов. Турки, независ. Татары, Кайсаки, Курды.

4. Поколение Кельтское или Галльское.

Одно семейство.

Место первого поселения и пр.	Населяет с незапамятных времен запад Европы, так что не легко положительно сказать, тут ли его начало, или оно переселилось сюда с севера Европы или Азии, как полагали некоторые, по сходству его наречия с Кельтским и Санскритским.
Свойства телесные и душевные	Тип этого поколения заметен у некоторых Нижне-Бретонцев и Басков средних Пиринеев, у Галлов Английских и др. Рост высокий, телосложение пропорциональное, тело волосистое, черты правильные, волосы и борода густые, темные; глаза карие или серые; кожа бледно-цветная. Это одно из семейств, которое изменилось более в физическом, нежели в моральном отношении. Галлы остроумны, суетны, легкомысленны, охотники до новостей, храбры и жертвуют всем для славы; мало покорны властям; уважают независимость. Таковы были Галлы даже во времена Цезаря.
Языки и проч.	Говорили языком Кельтским (наречие Галльское и Кимврское, которое дошло до нас в наречиях Галльских, Нижне-Британском и др., после которых водворилось Тудесское (Tudesque) и Римское, от коих произошел Французский язык). - В древности поклонялись тем же богам, каким и Римляне, но под другими наименованиями, прибавляя много суеверных обрядов; приносили богам человеческие жертвы; были прежде в состоянии варварском, ныне в образованном.
Географ.	Древн. Три различные отрасли Кельтские: Кельты Бельгийские, смесь с Германцами: они первые населили Британские острова; 2. Кельты Аквитанские и Иберийские; 3. собственно Кельты, занимали Галлию и северную Италию. Нов. Французы, смесь Кельтов и Франков, Бургунды, Норманцы и др.

4. Поколение Германское.

	1. Семейство Германское.	2. Семейство Славянское.	3. Семейство Финнское.
Место первого поселения и пр.	Населяют с незапамятных времен сев. и средн. Германию, где, вероятно, их первородное место.	Обитают с незапамятных времен к вост. от Германцев, и вероятно первородные с гор Карпатских; оттуда распр. к С. по Висле и к З. и Ю. до Адриатики.	Первородное место, вероятно, на склонах Уральских гор, оттуда распространилось на З. и С. до Балтийского и и Белого моря, на В. до Енисея.
Свойства физич. и нравств.	Глаза голубые, волосы белокурые, тонкие; кожа белая, без лоска, нос розовой оттенкой; тело соразмерное, тучное, могучее; рост средний, 5 ф. до 6 и 7 дюйм. Возмужалость поздняя; нрав флегматический; храбрость хладнокровная; добродетельны в семейной жизни; простота нравов, честность.	Народный облик довольно неопределителен, по причине смешения с с Финнами и Скандинавами; глаза карие или черные; волосы вообще русые, и борода густая, весьма приятного вида; рост довольно большой. Кротки, переимчивы; держатся предрассудков, ленивы, гостеприимны, изобретательны.	Рост более малый; телосложение слабое, лоб узкий; скуласты, затылок выдавшийся; нос различного вида; глаза малые, бледно-голубого цвета, тень лица бледно-смуглая; волосы красновато-желтоватые, гладкие; выражение дикое или или бесчувственное; беспечны, ленивы, держаться предрассудков, мстительны.
Языки	Разные Тевтонские и Готские наречия, составляющие основу высокого и простонародного Немецкого языка. Преданные в древние времена многобожию, приносили в жертву людей; занимались охотой; одноженцы; после - взошли на высокую степень образованности. Протестанты и Католики.	Славянские наречия: Русское, Польское и другие. Древняя их Мифология состоит из многих божеств и духов. Ныне Греческого и Католического вероисповедания; образованность еще недавняя - сильная, но не равно совершенная; в России идет быстрыми шагами к совершенству.	Финнские наречия: собственно Финское, Чухонское, Венгерское, Лапландское; прежде идолопоклонники, ныне Христиане. Образованность различна, смотря по образованности народов, которым они подвластны.
Геогр.	Др. Геогр. Собств. Германцы и Скандинавы (Кимвры, Готы, Франки и др.); позднее стали известны под именем Саксонцев, Норманнов, Датчан и др. Нов. Народы Севера и часть центра Германии.	Др. Геогр. Сарматы, Свевы, Венды, Лигийцы, Даки и др. Нов. Геогр. 1. Вос. Славяне (Русские, Сербы). 2. Зап. Славяне (Поляки, Богемцы). 3. Северн. Славяне (Литовцы).	Др. Геогр. Скифы Европейские, Фенни или Зуми. Нов. 1. Финны Балтийские (Финляндцы, Лифляндцы). 2. Волжские (Венгерцы, Пермяки и др.).

Племя желтоцветное, или Азиатское

Общие признаки. Лицевой угол от 76 до 85°; голова большая, шарообразная, лицо плоское, угловатое, скуластое; нос малый, плоский; глаза черные, малые, поднятые к вискам; веки толстые, рот большой, губы толстые; подбородок острый, борода редкая; уши большие, отдаленные от головы, кожа желто-оливковая, волосы черные, толстые, редкие, хотя длинные. Первое — по многолюдству, занимает пространство от северного полюса до 10° за экватор; — несклонность к умственному образованию, отвращение от всякого усовершенствования.

1. Монгольское поколение.

	1. Семейство Калмыки.	2. Семейство Тунгусы.	3. Семейство Китайцы.
Место первон.	Вероятно первородные жители Алтайских гор; оттуда распространились от Белурских гор (Belur) до Японского моря, по течению Амура, а к С. по течению Енисея и Оби.		Вероятно, первородные жители Тибета оттуда распространились по напр. рек, текущих в Тихое море.
Свойства телесн. и моральн.	Сильное развитие качественных примет поколения: кожа оливковая, глаза далеко друг от друга сидящие; брови густые, жесткие, кожа морщиноватая от самой юности; формы тела широкие, приземистые; рост средний: 5 ф. или немного более; невежи, лентяи, хитры, заносчивы, непокорны.	Лицо менее плоское и черты более правильные, чем у Калмыков; рост посредственный; телосложение более крепкое, чем у Китайцев, с которыми сходствуют; превосходят мужеством и другими качествами соплеменные поколения.	Менее безобразные из этой породы; рост средний от 5 ф. до 5 ф. 4 дюйм.; телосложение несоразмерное; кожа менее цветна; нос менее расплюснут, нежели у соплеменных; брови тонкие, дугообразные; глаза имеют форму миндального зерна. Промышленны, хитры, подозрительны, трусливы и чуждаются войны; ненавидят иноземцев, раболепны.
Язык и проч.	Язык Монгольский; религия Ламская; образованность несовершенная, собственно у Монголов; – у Калмыков жизнь кочевая. – Прежде страшные завоеватели, но побуждаемые только склонностью к грабежу, они нигде не основали долговременного владычества; многоженцы.	Язык Манчжурский в Манчжурии, у Тунгусов наречие то же; Шаманство – господствующая религия; образованность близкая к Китайской; собственно Тунгусы кочевые, звероловы, или ведут пастушескую жизнь; – многоженцы.	Язык Китайский и некоторые соседственные, как напр., Тибетский; Деизм в ученых классах народа (вера Фо, Конфуция, Тао-Тзе); в низших одни предрассудки и обряды; образованность остановилась в одном состоянии ок. 3000 лет; но во многих ремеслах довольно на высокой степени; более склонны к земледелию.
Народы произв.	Др. Геогр. Скифы за Гимусские, Гунны, Нов. Монголы, Калмыки Российские, Китайские, Монгольские.	Др. Геогр. Скифы за Гимусские. Нов. Манжуры, Дауры, Сибирские Тунгусы.	Др. Геогр. Неизвестна почти, похожа на загадочную. Нов. Китайцы, Японцы, Тонкинцы, Кохинхины, Бирманцы и др.

2. Поколение Гиперборейское.

Одно семейство.

Место и проч.	**К северному полюсу, к самому холодному поясу известного земного материка (Сибири) древнего и нового, куда, вероятно, были отброшены какими-нибудь набегами в неизвестные времена.**
Свойства и пр.	Облик Монгольский, выражающийся в самом безобразии черт; рост средний 4,5 ф.; телосложение приземистое, худое, хотя туловище утверждено на толстых ногах; голова до безобразия большая; зубы редкие; кожа весьма смуглая; глаза желто-карие. Возмужалость поздняя; голос слабый; старость непродолжительная; привязаны к своему суровому климату, занятия их мирные; невежды, подвержены пьянству.
Язык	Говорят на многих языках, из которых некоторые смешаны с Финским. Есть общества отдельные, к северу нового и старого света; существуют некоторые суеверные обряды, но религиозных понятий не имеют. Пасут оленей и ловят рыбу, питаются рыбой, жиром китов и моржей, мясом и молоком ручных оленей; собранные в юртах, полусокрытых в земле, они весьма неопрятны в домашнем быту; многоженцы.
Народы производные	Древн. Геогр. Гиперборейцы. Нов. Самоеды, Лапландцы, Остяки, Камчадалы, Гренландцы, Чукчи, Эскимосы (новый свет); многие соединены с Финнами, слившимися с Монгольским племенем.

Племя, или разности людей медно-красных

1. Поколение Океанийцы.

Одно семейство.

Место пребыв.	**Живут с незапамятных времен в Океании; полагают, что они родом из Борнео и островов Сондских; также производят их от Азиатских, Индийских или Американских племен; или считают смешением разных вышеозначенных поколений.**
Свойства и проч.	Череп весьма похож на череп Л. белых, если случайно не обезображен; лицевой угол от 80 до 85°; скулы немного выпуклы, нос толстый, довольно правильный; рот широкий, губы алые, средственно пухлые; глаза черные, большие; волосы черные, лоснящиеся, длинные; борода менее густа у восточных, нежели у западных; кожа медно-красная, изменяющаяся в оттенки желтые и черные; рост довольно высокий, члены гибкие; женщины созревают на 10-м году; деятельны; предприимчивы, мстительны, жестоки. Нравственность их изменяется судя по степени образованности; женщины редко пользуются равными правами с мужчинами: везде почти поступают с ними как с рабочими животными.
Язык, религия	Наречия туземные; на Малайских же островах, в Полинезии и Микронезии различные, впрочем Малайское есть господствующее; более суеверные обряды, а господствующей религии собственно нет; более образованные - Магометане; многоженство и род многомужия в Маркизских островах; людоедство, усвоенное обычаем; детоубийство допускается во многих коленах (tribu); привычка испещрять (татуировать) тело и лицо; пристрастны к крепким напиткам. Звероловы, а более рыболовы; в местах более образованных, занимаются торговлей; образованность более процветает на Малайских островах, нежели в других частях Океании; предрассудок Табу (Tabou) в Полинезии.
Народы производные	Природные жители Полинезии и Микронезии преимущественно; Малайцы по желтому цвету кажутся отродьем Азиатским, и составляют отрасль, отличную, по многим обстоятельствам, от Полинезийцев и Океанийцев.

2. Поколение Американцы.

	1. С. Колумбийцы.	**2. С. Американцы.**
Первон. место насел.	Происхождение их еще не известно; сообщения с Азией предшествовали временам историческим. Нашли ли Азиатские переселенцы природное народонаселение, составившее массу жителей Америки, не известно. Поколение Американцев представляет два раздельные типа.	
Свойства телесные и моральные	Колумбийское семейство населяет материк Америки от С. к З. берегу, на Ю. от Чили до Куманы. Кожа медно-красная, волосы черные, толстые, жесткие, гладкие, лоснящиеся, редкие и никогда не седеющие; борода весьма редкая; голова продолговатая, лоб плоский, короткий, лицо продолговатое, нос много выдавшийся, рот средней ширины, глаза карие, большие, впалые; брови дугообразные, резко обозначенные; рост высокий.	Народонаселение их простирается от С. к Ю. Ореноко и Амазонской реки, и до В. Чили и т. д. Голова шарообразная, плечи высокие, лицо короткое, треугольное; глаза косые; скуласты; лоб весьма плоский; нос плоский, широкий; губы толстые; кожа смугловато-красноватая у Бразильцев, у других же смугловатая; рост различный.
Язык и проч.	Хотя наречия Америки весьма многочисленны (422 по исчислению Бальби), однакож по Гумбольдту могут разделиться на два коренных языка: 1. Толтекский (от Тултеков, пересилившихся из Азии за 100 лет до Р. Х.). 2. Апалашский; но наречия Перуанское, Мексиканское и Караибское более других распространены. До прибытия Европейцев, туземцы боготворили звезды, признавали доброе и злое начало, и предавались фетишизму; приносили человеческие жертвы и были людоедами. Везде дикое состояние кроме Перу, Мексики и Кондинамарса.	
Народы проч.	Население первородных жителей не составляет и 1/4 всего населения.	
	Народы туземные Колумбии, Мексики, Чили, Соединенных Штатов, Английских владений (Караибы, Осажи.).	Туземцы Перу, Бразилии, Парагвая. – Патагонцы замечательные по огромному росту, и др.

Племя Негры, или Океано-Африканцы

Общие признаки. Кожа темноцветная, но разных оттенков, волосы черные, без лоска, короткие и кудрявые, как шерсть животных. Лицевой угол от 61 до 75°; затылочная дыра подавшаяся кзади; нос плоский, скулы и нижняя челюсть выдавшаяся; передние зубы (incisores) косвенные, выдавшиеся вперед, губы толстые, мясистые, смугловатые (Каффрское поколение из сего исключается); образованием и умственными способностями ниже других народов; меньшее по количеству; — обыкновение не покрывать себя одеждой; мы их подразделяем на Н. Африканских и Н. Океанийских.

Негры Африканские.

	1. Поколение. – Собственно негры. Семейство одно.	**2. Поколение. – Кафры. Семейство одно.**	**3. Поколение. – Готтентоты. Семейство одно.**
Место и проч.	Зап. Африка, вероятно, первородное место их населения, от Сенегала и Нигера за Ю. тропик.	Восточный берег Африки, вероятно, есть их родина, от Готтентотии до владений Адель.	Южный мыс Африки за тропиком; загнаны Европейцами во внутренность земель.
Свойства и проч.	Череп спереди узкий, сдавленный на лбу и темени, сзади выпуклый; и вместимость его на 1/9 меньше относительно вместимости черепа белого племени; глаза большие круглые; кожа черная; борода редкая, клочьями; кровь и прочие соки темноцветны; кости белые; сутуловатость; от значительного наклонения спинного позвоночного столба нижние члены согнутые; таз широкий; пот вонючий; ленивы, не предусмотрительны, раболепны, мстительны, смело и охотно вдаются в опасности; мало понятия о моральном порядке.	К числу важнейших признаков, отличающих Кафра от Негра, принадлежат: возвышенный лоб и горбоватый нос, и даже совершенно бы отдалились от типа поколения, если бы цвет серо-железный кожи, толстые губы и курчавые волосы не сближали их с другими семействами племени. Не имеют беззаботности Негров, но жестоки, непокорны, мстительны и скрытны.	Голова малая, весьма удлиненная от переда кзаду; темя весьма плоское, лицо сверху широкое, а внизу острое, подбородок весьма малый, нос весьма широкий; губы очень выдавшиеся, глаза закрыты веками и подняты к вискам; бороды почти нет; кожа смуглая; рост высокий (исключая Бушменов), ноги малые; - отвратительно нечисты; беззаботны, молчаливы, робки.
Язык, религия и проч.	Более 100 наречий, мало сходных между собой, фетишизм; состояние среднее между варварством и образованностью; занимаются охотой, рыболовством, торгом; другие пасут стада; иные поколения кочуют, даже едят людей: и приношение в жертву людей весьма обыкновенно; всеобщее многоженство.	Язык особенный; веруют в высшее существо; доверяют предсказателям, колдунам; исполняют обрезание; образованность выше против Негров; строют города, имеют понятие о некоторых искусствах; многоженцы; преимущественно занимаются пастьбой и охотой.	Много наречий, весьма несовершенных, состоящих из странных звуков, живут отдельно; законов не имеют, исполняют некоторые суеверные обряды; но религии не имеют; одноженство по бедности.
Народы производ.	Собственно Негры или жители Сенегала, Гвинеи, Конго Фуласы, Сусу и др.	Туземцы восточного берега Африки (Негры Мозамбикские и др.).	Готтентоты, Бушмены. У Бушменских женщин нижняя часть туловища весьма уродлива.

Негры Океанийские.

	1. Поколение Черных или Меланезийское. Семейство одно.	2. Поколение Папуанское	
		1. С. собств. Папуанское.	2. С. Австралийцы
Место перв. жительства	Рассеяны на многих Островах Малайских. По Риенци они составили первоначальное население Океании, а оттуда были загнаны во внутренность некоторых островов Малайцами, белыми жителями тех стран.	От них получила свое имя Папуания или Новая Гвинея и некоторые острова, на которых обитают.	Урожденцы Папуанские; по Риенци они переселились, избегая преследования Папуанцев.
Свойства и пр.	Существенно не отличаются от Афр. Негров головой и туловищем, но длинные и худые их члены сближают их с Австралийцами. Глаза меньше, нежели у Негров; нос широкий, рот большой с смугловатыми дугообразными губами; недоверчивы, беззаботны, коварны, жестоки и воинственны в Новой Каледонии и на островах Фиджи.	Если почитать Кафров Неграми, то можно и Папуанцев туда же причислить по толстым губам, расплющенному носу, по скуластости и по курчавым волосам. Кожа у них темно-смуглая; лицевой угол от 63 до 69°; рост средний. Жестокость, трусость, недоверчивость общи всем им.	Самое близкое сходство с Оранг-Утангом: продолженные вперед челюсти образуют род рыла; лоб наклоненный кзади, ноздри сильно поднятые; лицевой угол от 61 до 67°; кожа черноватая; волосы хлопкообразные, не кудрявые; члены худые, тонкие; - составляют низшую степень развития человеческого рода.
Язык	Весьма много наречий, мало известных, состоящих вообще из бормотания и свиста, более похожих на зверский голос, нежели на человеческую речь. Похожи почти на бессмысленных животных, как в моральном, так и в телесном отношении. Чуждые всякой общественности, без религии; живут бедно, четами, в хижинах, грубо состроенных; питаются добычей охоты и рыбой; - животных домашних не имеют.		
Народы производн.	Рассеяны по островам Борнео, Молукским, Новой Гвинее, Новой Каледонии, о. Св. Духа и др.	Туземцы Новой Гвинеи или Папуании и некоторых близлежащих островов.	Туземцы Новой Гвинеи (Австралии) и Ван-Димен.

Классификация Проф. Брока, в главных разделениях, сходствует с классификацией Доктора Соссерота; отличается от сей последней большим числом подразделений и более подробным и ученым изложением признаков, отличающих племена и поколения людей одни от других.

Так как рассуждение Г. Брока о племенах человеческого рода, по новости своей не всем Русским ученым известно, то надеюсь, что перевод этого рассуждения (несколько сокращенный), здесь помещенный, не сочтется за излишество.

1. Племя белое

Белое племя, рассматриваемое в обширном смысле, населяет самое большое пространство на земном шаре, простирающееся от востока к западу, начиная от западного и южного берега Каспийского моря до мыса Финистерра, а от юга к северу от источника Нила до стран полярных; сверх того Европейские поселения распространились по всему американскому материку, на многих островах и точках материков, населяя отчасти Атлантическую Африку, Египет, Абиссинию, и в Азии до Инда (и даже Ганга), принимая что Индейское племя принадлежит к белому, по заключению Вирея, хотя не все разделяют его мнение.

Белое племя распространилось с цепи гор, лежащих параллельно 45° с. ш., почти на все точки Земного Шара.

Основные признаки белого племени суть: лицо продолговатое (овальное), нос длинный, лицевой угол от 80° до 90°; брови более или менее дугообразные, веки тонкие средней длины, ресницы гуще и длиннее, нежели у большей части других племен; темя округленное, лоб открытый; зубы передние (резцы) вертикальные; скулы мало выдавшиеся и неширокие; рот небольшой, губы, из которых верхняя немного уже и снабжена на средине вертикальной чертой, приятного цвета и не толстые; уши малые, слегка выдавшиеся наружу; борода густая; глаза открытые и почти горизонтальные, цвет радужной оболочки различный: голубой, серо-зеленый и темно-бурый; волосы длинные, гладкие и тонкие; цвет их также различен: черный, темно-русый и белокурый; кожа белая (смотря по климату), имеющая свойство изменять цвет: краснеть, бледнеть и темнеть, смотря по душевным движениям; но цветность эта случайная; она проходит по уничижении производящей причины; рост вообще выше 5 футов; бедра суживаются к коленам, которые вообще малы; икры резко обозначены, поступь твердая; груди округленные полушарием у женщин, сосцы розовые или темноватые, соответствующие вышине подмышек; лобок (pubis) волосистый; но волосы светлее, нежели на голове.

Одноженцы; возмужалость у женщин появляется около 13.16 года, смотря по месту жительства; способность рождать прекращается между 34 и 45 годом[1]; мужчины начинают мужать на 15.17 году, и способность деторождения продолжается у них до 60 лет и более.

Народы белого племени сначала были многобожники, но это многобожие давно уже заменилось понятием о бессмертии души, и теперь исповедуют религии: христианскую и магометанскую.

Племя белое более других склонно к общественной жизни и гражданской образованности, содействовавшей развитию умственных и нравственных способностей человека. В нем существовали величайшие гении, приносящие честь человеческому разуму. Склонность к мышлению и математической точности, любовь к отечеству, влечение к высшим познаниям, чувство изящного в искусствах и в ремеслах, храбрость и благоразумие — таковы блистательные качества, отличающие это племя во все времена и во все эпохи, качества, которые поставили его властелином над всеми прочими племенами. Его можно разделить на два главные Поколения: 1) Европейское, и 2) Восточное.

I. Европейское Поколение

1.) Европейское поколение подразделяется на 4 главные ветви: 1. на обитающих к Востоку — Кавказская; 2. к Югу — Пеласгийская; 3. к Западу — Келтическая; 4. к Северу — Германская. 2.) Восточное заключает Арабскую (а по Вирею и Индийскую) ветвь. В них заключаются принятые Г. Жерди четыре разности белого племени: белокурое, рыжее, русое и бурое.

1. Ветвь Кавказская. Народы этой ветви обитают у подножия Кавказских гор между Черным и Каспийским морями, и встречаются еще в некоторых местах около источника Евфрата; они населяют Мингрелию, Грузию и земли Черкесов.

Страны эти некоторым образом считаются отечеством красоты человеческого рода; особенно женщины признаются первыми красавицами в свете; свежесть и белизна кожи их удивительны; кожа тонкая, гладкая; рот маленький, брови узкие, приятно дугообразные; волосы тонкие, лоснящиеся, стелющиеся локонами, с отливом черного прелестного цвета; нос почти прямой; лицо совершенно овальное, груди в виде весьма красивых полушарий; рост величественный, хотя немного дородный. Таковы отличительные черты этих знаменитых красавиц Востока. Мужчины не менее прекрасны; рост их 5 ф. и до 4 дюйм. Темперамент лимфатико-сангвинический.

Женщины этих стран составляют предмет торга и наполняют гаремы Магометан. Влияние этого смешения замечательно в том отношении, что Турки, Персияне и Кашемирские Индийцы сделались оттого красивыми племенами.

2. Ветвь Пеласгийская. — Она также весьма замечательна; по красоте своей служила образцом изваяниям Юпитера Олимпийского, Аполлона Бельведерского и Венеры Медицейской; цвет кожи этого племени хотя белый, но менее выразителен, нежели в Кавказском; рост — 5 ф. 3 д. Волосы на голове тонкие, черные или каштановые, редко белокурые; часто весьма длинные; нога немного велика, и голень снизу несколько толста, толще, нежели сколько нужно по нашему понятию о красоте; нос совершенно прямой, без впадины при переносье; глаза немного сближенные и впадшие; брови прямые; глаза замечательны по величине, от чего и получили название воловьих.

Еще и ныне, несмотря на многие смешения и уменьшение этого рода, у некоторых Гречанок и Римлянок заметен тип Пеласгийский; впрочем, в этих двух народах, несмотря на одинаковое происхождение, находятся замечательные различия.

Темперамент желчно-сангвинический; они родоначальники Греков и Итальянцев. Гораздо позже, переселенцы Азийские, Финикияне, принесли им письменность; скоро из этого смешения возникли сильные гражданские общества, и Пеласги, в образе Греков и Римлян, долгое время были владыками мира.

3. Кельтская. Рост немного выше Кавказского и Пеласгийского; около 5 ф. и 5 д. Волосы короче и гуще, цвета темного или темно-русого, но не так красив, как у Пеласгов; переносье более или менее вдавленное; глаза вообще черные или карие, меньше, нежели у Пеласгов; борода густая и жесткая; кожа не так красива и чиста, оттеняет бледно-желтым цветом; рот средней ширины; темперамент желчно-лимфатический; тело и члены сильные, волосистые, даже у женщин. Народ Кельтский, коренные Туземцы Галлии, на левом берегу Рейна, распространился вдоль рек Западной Европы и населил Испанию и Британские острова. Эта беспокойная и непостоянная нация несколько раз переходила Альпы для завоевания земель у Пеласгов, и под начальством Бренны грабила Рим и храм Дельфийский, и даже проникла в Малую Азию, где имя Галаты надолго сохранило воспоминание о сих набегах. Но спустя долгое время, Кельтское племя, в свою очередь покоренное Пеласгами из Италии и Греции, народами Германии и Скандинавии и Маврами (Арабами), при Карле Мартеле поселилось в Галлии, и из этой смеси произошла Французская нация. Несмотря на это перерождение, еще с удивлением открываем остатки древнего Кельтского племени в Галлах Англинских, в Нижне-Бретонцах Французских, и в Басках Пиринейских.

4. Ветвь Германская. Рост высокий, до 5 ф. 6 и 7 дюйм.; темперамент лимфатический; ткани мягкие и жирные; цвет часто багровый, кожа отличной белизны, даже иногда бледная; лицо круглое; глаза голубые, зубы дурные; волосы весьма тонкие, гладкие, желто-белокурые и седеющие поздно; телосложение пропорциональное; мужчины этого племени храбры, способны к тяжелым работам; любят крепкие напитки; женщины высоки ростом, цвет кожи красивый; замечательны по ширине форм; имеют особенный запах; к замужеству редко бывают способны ранее 16 или 17 лет; наружные половые их части весьма широки и потому легко

родят; вообще волосяная система у них не столь сильно развита, как у женщин Кельтского племени.

Германская ветвь подразделяется на две большие отрасли (branche).

1. Отрасль Тевтонская. Физические признаки Тевтонцев те же самые, о которых было говорено выше. Они в свое время жили весело; любили сладко есть и пить хмельные напитки; были откровенны и честны, храбры и воинственны и способны к самым смелым предприятиям; враги рабства, и будучи щекотливы насчет чести, они изобрели поединки; женщины их пользовались полной свободой, и им оказывалось глубокое почтение. Народы Тевтонские пришли в Скандинавию под именем Кимвров, и там составили Свенонов, названных потом Готами, которые, распространяясь к югу Европы, оставили в Испании, Италии и Галлии следы своего пребывания. От них произошли Борусы, или Прусаки. Под именем же Саксонов, Норманцев и Датчан они опустошали прибрежные страны Кельтов, Британцев и даже Италии, Греции, а на севере, под именем Норвежцев, распространились даже до Исландии. Признаки Тевтонской крови сохранились на севере Европы у Датчан, Шведов, Норвежцев и северных Германцев, которые в своих чертах и нравах напоминают еще и теперь достоинства и недостатки своих предков.

2. Отрасль Славянская. Славяне ростом высоки и тонки, черты мужественные, дикие, взгляд быстрый, проницающий, голос громкий и резкий; глаза карие; волосы темнее, нежели можно бы было ожидать, судя по холодным климатам, в которых они обитают; знак, что начальный желчный характер у них еще преобладает. Как азиатские выходцы, они сохранили до сих пор еще много Азиатских обычаев; склонны к лестности, хитры, лукавы; но не смотря на это, они храбры, гостеприимны и способны к тяжелым трудам; женщины их менее свободны и менее уважаемы, нежели у Тевтонцев.

Черты и нравы Славянской крови весьма еще заметны в Русских, в Поляках, Венгерцах и Богемцах. Самохранительное направление жизни в этом племени так постоянно, что семейства Славян, окруженные иноплеменниками со всех сторон в странах Германии, противоборствовали всем несродным для них влияниям, и потому сохраняют до сих пор черты, характер и язык своей отрасли.

II. Поколение Восточное

1. Отрасль Арабская. Арабы составляют смуглое отличие белого племени. Господствующий в них темперамент — желчный; мужчины вообще высоки ростом, но женщины ниже, нежели во всех других различиях белого племени; лицо овальное, но весьма длинное, так что подбородок оканчивается острой верхушкой; лоб большой и весьма возвышенный к макушке; нос большой, тонкий, орлиный, глаза черные или темно-карие, большие, открытые; у женщин они так выразительно тихи, скромны, что поэты сравнивают их с глазами лани; брови дугообразные, довольно густые; губы тонкие и рот приятный; голова часто бывает без волос, но только в верхней части лба, и кажется крепче сложена, нежели у Европейцев; тело и члены пропорциональны; вообще они мало-тучны, но у женщин задница и груди весьма развиты, что замечается и теперь у женщин, населяющих Андалузию и Валенцию, где Арабы оставили следы своего пребывания. Волосы черные, гладкие, редко в кудри вьющиеся и несколько толстые, достигающие значительной длины; женщины носят их заплетенными в косы, висящие до пяток.

Женщины достигают зрелости на 9–12 году; рано теряют способность деторождения; мужчины же сохраняют ее до преклонных лет.

Племя Арабское вообще имеет кожу нежную, тонкую, смуглую, часто весьма темного цвета, но не черную; она очень смугла в жгучих песках Абиссинии, но в гористых местах почти белая, так что чернота есть более случайное, климатное качество, а не принадлежность племени. Арабы вообще степенны и серьезны; ум открытый, поэтический; воображение пылкое, романтическое; впрочем к наукам весьма способны; они обладают тонкостью, проницательностью ума, но скупы и корыстолюбивы; часто весьма обходительны с иноземцами, но более для обмана, поскольку вообще не гостеприимны.

Вообще Арабы убегают оседлости, а любят кочевую жизнь; образ жизни пастушеский, неприхотливый; живут в палатках; воинственны, предприимчивы, горды, склонны во всех эпохах к религиозному фанатизму.

Арабы разделяются на два семейства; на Восточное и Западное.

1. Семейство Западное, или Атлантическое. Это кочующие

племена северной Африки от Марокко до нижнего Египта; это Мавры, менее смуглые и малорослее Арабов; нос более округленный, рост средний; глаза черные, блестящие; женщины Мавританские любят пляску до исступления, и продолжают ее до истощения и до обморока; они смешались со многими другими народами: Финикиянами, Греками, Римлянами, Готфами, Вандалами, Норманнами и Турками, которые их покорили в свою очередь; то, что осталось от этой семьи на прибрежных местах, занимается торговлей и морскими разбоями; они населяли некогда Щастливые о-ва, сохраняя в нравах и обычаях некоторое сходство с египтянами.

2. Семейство Восточное, или Адамическое, или Семитическое. Первоначальные народы жили около истоков Нила, и оттуда распространяясь, образовали народы, долго владычествовавшие по Истории; от них произошли знаменитые Египтяне и Евреи, или Жиды, рассеянные ныне по лицу земли, Финикияне и некоторые другие народы около берегов Средиземного моря; они же населили страны около Черного моря, Персию и большую часть Восточной Африки.

2. Отрасль Восточная, или Индийская. Индийцев, говорит Г. Брока, едва ли должно причислять к племени Белых. Если принять в рассмотрение цвет их кожи, то эти народы принадлежат к Базанскому поколению. Подробнее о них будет упомянуто в статье о желтом племени.

Патагонцы. Порода малоизвестная, но существование ее не подвержено сомнению; она малочисленна и кажется заключается вся под 45° южной широты, на мысу, кончающем южную Америку, в климате довольно уже суровом; гражданской образованности у них нет; нравы их мирные; богатырский рост не сделал их ни воинами, ни повелителями, вероятно, потому, что силы физические не соответствуют великому их росту.

Ничего положительно о них не известно; но путешественники единогласно утверждают, что их телосложение не сходно с другими обитателями Нового света.

2. Племя желтое или оливково-зеленое

Сюда относятся племена: Монгольское по Кювье; Гиперборейское и Монгольское по Дюмерилю; Китайское, Гиперборейское по Бори де Сент-Винсану. Желтое племя обитает преимущественно в Азии, наиболее в северных частях нового и старого света, в Китае и прилежащих к нему в Индейском море островах.

Физические признаки. Рост вообще посредственный, около 5 ф.; тело крепкое, сильное; волосы редкие и жесткие; борода — одни усы и несколько редких клочков в других местах, как то: на подбородке и проч.; цвет желтый, смугло-сальный или оливковый, более или менее темный; лицо плоское, скуластое, с острым подбородком; передние зубы всегда вертикальные, глаза черные, отдаленные один от другого; веки косвенные, полуоткрытые; нос расплюснутый, едва выдающийся на лице, составляющий иногда ровную плоскость со щеками; уши большие, весьма вдавшиеся; руки и ноги гораздо меньше, нежели у Европейцев; у всех особей этого племени голова вообще ромбоидально-сферическая, лицо широкое, почти круглое от того, что подбородок поперечно значительно расширен, и скулы выдались.

Череп, рассматриваемый сверху, имеет вид сплюснутого квадрата или полушария, сжатого почти равномерно с четырех сторон; если смотреть сбоку, то лицо пропорционально занимает спереди кзади менее пространства, нежели у другого племени; надбровные дуги почти плоски; носовой край верхней челюсти, вместо того, чтобы иметь внизу, при соединении с носовыми костями, вырезку, идет прямо ко лбу, образуя едва приметную выпуклость. От сего происходит то, что самая выпуклая часть этого края отстоит одной третью менее от височного края скуловой кости, нежели в голове Европейца или даже Негра. У всех Негров сочленовный носовой край верхней челюсти всегда образует угол со свободным носовым краем, который у них также более или менее вырезан. Эта сплющенность носовой части у желтого племени производит то, что выпуклость, соответствующая коренным зубам, немного удалена назад от плоскости, касающейся передней дуги верхних резцов, и поскольку основа, которую кости щек составляют для скуловых костей, подалась назад, то от этого происходит, что скулы у желтого племени на четверть более занимают пространства, считая сзади кпереди.

У живого человека эти признаки головного черепа еще более выразительны; нос у Монгола хотя сплюснут, отднакож у Бушмена и Готтентота он расплюснут в две трети более. Его губы хотя тосты, но не так выпуклы, как у Негра; вместо того, чтобы губы в профиль

образовали часть лица более выпуклую, они напротив составляют род впадины, идущей от носа к подбородку, который у Монгола всегда выпукл, между тем, как у Бушмена он мало заметен. Этот промежуток у Негра и Готтентота занят мясистым веществом (grouin). Глаза их, открывающиеся косвенно, параллельно бровям, не имеют во внутреннем угле такой ширины и округлости, какая находится у Бушмена. Наконец, узкий лоб их сплющивается кзади от бровей до темени, между тем, как Готтентоты и Бушмены и большая часть Негров не имеют этой сплющенности.

Поколение Индейско-Китайское по Демулену; Китайское по Бори де Сент-Винсану.

Оно обитает в средней и южной части Азии и на островах, близких к Азиатскому берегу; состоит из Корейцев, Японцев, Китайцев, Тункинцев, Кохинхинцев и народов, населяющих Бирманскую Империю.

Физические признаки. Бирманцы и Сиамцы суть самые рослые из этого племени; рост их простирается от 5 до 6 ф. Голова у них ромбоидальная, более протянутая вверх, нежели у других народов того же племени; лицо, широко поднимающееся до высоты щек, вдруг суживается на высоте глаз, оканчиваясь лбом, почти столько же острым, сколько и подбородок; нос прямой и весьма правильный сверху, короток и округлен на кончике; глаза косо кверху поднятые, миндалевидные, более открытые и блестящие у женщин, нежели у мужчин; радужная оболочка (iris) черная, белки желтые; скулы выдавшиеся, щеки впалые, губы толстые и бледные; груди у женщин, в 17 или 18 лет, висят до пупка. Вообще формы их красивы, правильны, хотя и расположены к ожирению. Густота цвета кожи различна, смотря по народам: у Сиамцев она темнее, нежели у Кохинхинцев; у Тункинцев буро-оливковая.

По рассказам Ля-Бинашера (La-Binachire), Французского миссионера, между Кохинхинцами и Тункинцами часто встречается изменение кожи и волос, похожее во всем на албинизм (бледно-цветность). Впрочем, оно не причиняет вреда здоровью и может развиться само по себе у взрослых, рожденных со всеми принадлежностями своего поколения; женщины рано зреют и удивительно плодородны. Должно ли приписать это плодородие тому, что они питаются рыбой?

Качества моральные — нравы, обычаи общежития и проч. Из всех народов, составляющих это многочисленное племя, мы изберем один тип, именно Китайцев. Отличительные качества их: любовь к

семейной жизни, отчуждение от неравенства браков и ненависть к иноземцам. Известно, что избегая сообщения с другими племенами, они воздвигли огромную стену для ограждения северных своих границ. Народ этот никогда не находился в пастушеском образе жизни, еще менее занимался звериной ловлей, и устремил все свои попечения на усовершенствование земледелия, состоящего под покровительством законов; учредил в честь его праздники; и Император ежегодно лично на одном из них присутствует. Чрезвычайно привязаны к родной земле, чуждаются путешествий; отлучившийся из отечества лишается права в него возвратиться.

Индо-Китайцы вообще тихи, учтивы, низкопоклонны, притворны, охотники до мены и до барыша. Пища умеренная — состоящая из плодов, риса и рыбы. Жители преимущественно рыболовы; трезвы, и вообще правильной жизни; почти вовсе не употребляют крепких напитков; любимое же питье — чай: страсть к благовониям чрезвычайная. Не отличаются мужеством, и всегда были дурными солдатами; первоначально употребляли лук и стрелы, щиты и шишаки, но с давнего времени это оружие заменили огнестрельным; платье носят всегда шелковое.

Гражданское образование народа относится к отдаленной древности, но оно нейдет вперед. Китайцы промышленны, искусные торговцы; они занимались всеми ремеслами и искусствами, изведали все роды торговли. Когда еще западные народы находились в варварском быту, они уже разводили сады, строили дворцы, употребляли компас, изобрели порох.

Одинаковое состояние гражданской образованности может происходить, с одной стороны, от уединенной семейственной жизни и привязанности к месту рождения, соединяющих, в тесном смысле, любовь к местной родине; с другой же стороны, от неразвитая мыслей и понятий, происходящего от их языка, которого изучение весьма трудно и для них самих; почти у всех религиозные обряды одни, именно Буддизм есть господствующая вера почти у всех народов Индо-Китайского поколения.

Поколение Монгольское

Физические признаки. Рост двумя или тремя дюймами менее, нежели в предыдущем поколении; грудь широкая; сутуловаты; члены крепкие, нескладные; голени короткие, выдавшиеся дугой наружу (косоногие). Голова, несоразмерная по своей величине, и углублена в плечи; лицо очень широкое и расплющенное; глаза маленькие; отверстие век короткое и прямолинейное; кожа желтая, похожая более на смуглую; щеки морщиноватые; скулы в поперечном размере очень широкие; виски глубоко впалые; волосы всегда жесткие, черные, прямые, но густые и длинные; тело и лицо гладкие; радужная оболочка глаз каряя.

Люди этого поколения достигают глубокой старости. Оно разделяется на две первоначальные ветви: на всоточную — Тунгусы; на западную — собственно Монголы.

1. Ветвь — Тунгусы.

Общие признаки описаны при общем изложении признаков племени.

2. Ветвь — Собственно Монголы.

Физические признаки те же, которые выше изложены.

Они разделяются на три отрасли: 1. собственно так называемые Монголы, 2. Калмыки, 3. Якуты. Все эти ветви и их различные отрасли имеют признаки общие. Обитают в Бухарии, Зюнгории и Даурии, на поверхности огромного пространства, начиная в длину от Каспийского моря, до Японского и Охотского, а в широту, от 4° до 60° с. ш.

Не так малорослы как Гиперборейцы; кожа менее смугла; зубы всегда вертикальные и редкие, но несколько длинные; лицо весьма широкое и расплющенное, глаза малые, впалые и так один от другого отдаленные, что часто пространство между ними бывает шириной в ладонь; веки толстые; волосы на бровях крупные и жесткие; нос весьма расплющен; очень скуласты; верхняя челюсть впалая; подбородок суживается к концу и кажет лицо выдавшимся вперед; борода довольно густая; волосы гладкие, черные или темные. Очевидно, что физиономия этих людей есть самая неприятная.

Что касается до их нравов и обычаев, то они составляют народ кочующий; звероловы, пастухи, но не земледельцы; непокорны, мало привязаны к своей родине.

Поколение Индусов

Это поколение распространилось от источников Инда, по высокой цепи Гималайских гор, и переселяясь с одного места на другое, близ лежащее, населило весь западный Индийский полуостров.

Физические признаки. Нос кругловатый, но не расплющенный; рот средней ширины; зубы вертикальные; губы тонкие и цветные; подбородок круглый, почти всегда с ямочкой; глаза круглые, довольно большие; роговая оболочка глаза желтоватая; радужная оболочка темная или черная; ресницы весьма длинные; брови тонкие и дугообразные; уши средней величины и красивые; кожа желтая, смуглая, волосы длинные, гладкие, весьма черные. Борода редкая, исключая усов; рост 5 ф. 2 дюйм. или немного менее.

У женщин плечи весьма складные; груди совершенно полушаровидные, несколько вниз опущенные; соски черные или смуглые; на лобке почти нет волос; рождают весьма легко; сладострастны, рано созревают, так, что бывали случаи, где они на десятом году делались матерями; но способность рождать прекращается на 30-м году. У мужчин возмужалость также ранняя, и рано прекращается способность деторождения. Эти народы редко живут до глубокой старости.

Признаки моральные. — Индусы нравом тихи, добры, простодушны, покорны, трудолюбивы, воздержны и мало склонны к войне. Вот причина, почему они так легко покорились Европейцам, присвоившим себе богатую торговлю той страны.

Разделение на касты, существующее у этих народов, стало причиной того, что они сохраняют свои отличительные признаки; ибо брачный союз одной касты с другой не допускается и презирается. Всё доказывает, что гражданская образованность Индийцев гораздо древнее нашей Хронологии; образованность их замечательна тем, что она не двигается вперед; ибо хотя Индусы имеют непосредственное сношение с Европейцами, но это нимало не изменяет их гражданского быта и образованности.

У Индийских женщин сохранился варварский обычай — сжигать себя с прахом мужа, и еще более варварский — бросаться под колеса церемониальных колесниц своих идолов. Впрочем, этот обычай теперь мало-помалу прекращается.

Поколение Малайское

Большая часть приморских владений Суматры, часть Молукских островов, Никобарских, Нинангских, Ниасских, Сингапуры и др. населена этим поколением.

Признаки физические. Малайцы, кажется, принадлежат вместе и к Индийцам и к Китайцам; величина головы менее, нежели седьмая часть роста, нос короткий, толстый, иногда расплюснутый; рот весьма широкий; цвет кожи различных оттенков; рост красивый, правильный, средней высоты; форма квадратная; не тучны.

Поколение это разделяется на бесконечное множество других поколений, населяющих острова Полинезии, которые исчислять считаю излишним.

Поколение Гиперборейское

Поколение это обще как новому, так и старому свету. В Европе и Азии оно известно под именем Лапландцев и Самоедов, и населяет, к северному полюсу, самую северную часть Скандинавского полуострова, России, и большую часть восточного берега Северного океана. Под именем Эскимосов оно обитает на самом северном краю нового материка, от Берингова пролива до Гудзонского и до северного мыса Ньюфундленда (terre-neuve).

Признаки Гиперборейского поколения. Рост не выше 5 футов, а иногда не более 3; голова необыкновенной величины относительно к величине тела, и вдавшаяся в плечи; тело приземистое, хотя худое; волосы черные, не гибкие; голени короткие, довольно прямые, но до того толстые, что похожи на опухшие от водянки; лицо весьма широкое и короткое, плоское, особенно лоб; нос хотя не слишком широк, но сплющен; скулы весьма широкие и возвышенные, что уменьшив вертикальную величину лица, расширяет его значительно поперек. Рот чрезвычайно широк; щеки отвислые; подбородок длинный, острый; губы широкие, как бы вывороченные; ноздри широкие, открытые; веки оттянутые к вискам; радужная оболочка глаза черная; зубы вертикальные, редкие; борода редкая; тело вообще гладкое; мужчины имеют голос слабый, дрожащий; женщины безобразны, но сравнительно более мясисты, нежели мужчины, и почти одинакового с ними роста; груди мягкие и висящие, формы грушеобразной, и с самого начала их развития делающиеся столь длинными, что во время кормления детей перебрасывают их через плечи; сосок большой, длинный, морщиноватый, и черный, как уголь; женщины поздно мужают; по уверению некоторых путешественников, они не имеют месячных очищений; но это невероятно; кожа их совершенно гладкая, исключая головы; рождают обыкновенно легко; и это происходит от значительной ширины маточного влагалища (vagina), так что некоторые путешественники считают это состояние за искусственное и уверяют, что faeminae dilalant genitalia frustulis ligni.

По наблюдению Блюменбаха, необыкновенная величина головы Гиперборейцев происходит от значительного развития затылочной части черепа; он же был изумлен тонкостью и легкостью костей черепного свода в отношении к его величине. Носовые кости длинные

и узкие, как то доказывают головы двух Эскимосов из Лабрадора. Признаки эти, изложенные Блюменбахом, заметны на портретах, снятых с натуры Эдвардсом, и на двух других портретах, писанных масляными красками знаменитым живописцем Лондонским Г. Русселем. Демулен дает заметить, что малое развитие понятий и ума у людей, имеющих такую огромную голову, доказывает, что ум не зависит от величины мозга; но приверженцы Френологии могут возразить, что развитие это происходит не на передней части головы, вмещающей будто бы органы мышления, а только на задней, принимаемой, по учению Галля, за вместилище качеств чувствования и страстей.

Цвет кожи у Гиперборейцев более смугл, нежели у народов средней Азии и Европы; и, что весьма замечательно, Гиперборейцы тем чернее, чем ближе к Северу, и на 70° видали некоторых, которые были чернее Готтентотов, живущих на другой оконечности древнего материка, и даже встречали их столько же черными, сколь черны Эфиопы, живущие под экватором.

Эти люди довольно подробно описаны Капитаном Парри, Франклином, во время их путешествия в страны их жительства.

Признаки нравственные; род жизни, обычаи, болезни, долговечность и проч.

Гиперборейцы весьма привязаны к месту своего рождения, и не любят переменять место жительства; когда их отчуждают от родины и переселяют в страны более образованные, где изобретено так много житейских наслаждений, они погибают от скуки и тоски по отчизне (Nostalgia). Они нрава тихого, мирного и совершенно не способны к войне. Капитан Росс рассказывает, что одно встретившееся ему колено Эскимосцев не имело ни малейшего понятия о том, что такое значит война. Известно также, что Густав Адольф никак не мог успеть сформировать полк из Лопарей. Впрочем Гиперборейцы употребляют лук и стрелы и малые метательные копья единственно для охоты.

По рассказам путешественников, они не имеют никакой основной религии, ни даже религиозных понятий; и потому они суеверны и преданы волшебству.

Гиперборейцы редко бывают больны и, по уверению Бори де Сент-Винсана, они умирают в преклонных летах и не дряхлеют от старости. Лапландцы, говорит Бюффон, питаясь только рыбой, приведенною в брожение хлебом, приготовленным из порошка рыбьих костей и березовой коры, утоляя жажду питьем, составленным из китового жира, настоянного можжевеловыми ягодами, живя под

землей, в самом суровом климате, имея ночи, продолжающиеся несколько месяцев, и обитая летом в шалашах среди густого дыма, как единственного средства, придуманного ими против укушения комаров, достигают до глубокой старости и никогда не бывают больны, несмотря на столь однообразный и печальный образ их жизни; даже старцы их столь крепки, что с трудом можно отличить их от молодых.

Самая обыкновенная болезнь между Гиперборейцами, особенно у стариков, слепота, которая, вероятно, происходит от сильного блеска снега, утомляющего зрение. Одежда состоит из мехов и шкуры зверей, которыми они покрываются от головы до ног.

Собака и олень — единственные животные, которых они приучили к домашнему быту.

Пищу их составляют: полусгнившая рыба, мясо собак и оленей, китовый жир, который они весьма любят; для питья употребляют китовое масло, молоко оленье, и настойку можжевеловых ягод в воде; крепкие спиртные напитки им не по вкусу.

Гиперборейцы не имеют ни городов, ни деревень, живут семействами в хижинах и землянках в состоянии многоженства, вместе с домашними животными под одной крышей.

3. Черное племя

Черное племя, населяющее склоны Атласа, южные части Африки, отдаленные места Великой Индии, новой Голландии и многочисленные острова Тихого моря, представляет нам столь многочисленные и разнообразные оттенки в физических своих чертах, что трудно между ними найти образцовую форму, которая бы могла служить масштабом для определения их разностей. Писатели об этом племени впадают в величайшие противоречия между собой. Одни, считая его за падшее, проклятое племя, ставят Негров наряду с скотами; другие, напротив, ложно приписывают им большие способности, и находят, что они своим удивительным инстинктом заменяют недостаток разума, и способны к высшему образованию.

Ошибки насчет физических и моральных качеств Негров происходили от того, что, считая их за одно общее, каждый писатель, каждый путешественник описывал только то, что сам видел и заметил, и делал заключения от части к целому: один видел Эфиопа, другой Кафра, третий страну Готтентотов, иные Негров колонистов, составленных из многих разнородных элементов, по причине смешения их с белыми. Новейшие путешественники-наблюдатели удостоверили нас, что эти народы не сходны между собой, и что Кафр, Гвинеец, Готтентот представляют резкие различия между собой, как в физическом, так и нравственном отношении.

Профессор Брока, по примеру Проф. Жерди, разделяет черное племя на семь поколений, и признает, что это разделение еще недостаточно; поскольку, говорит он, существует более семи черных поколений, представляющих видимые органические различия, которые, может быть, произошли от смешения семи коренных поколений между собой.

Черное племя вообще и поколение собственно так называемое Негрское или Ефиопское.

Отличительный признак черных поколений состоит в черноте их кожи, от которой они и получили название «Черных». Много находится суждений насчет причин, производящих разноцветность кожи в племенах человеческого рода. Большая часть писателей, согласно с Кампером, Бюффоном и Циммерманом полагают, что та или другая цветность кожи есть следствие климатического влияния, и что Негры потому черны, что живут под небом знойным.

Неосновательность этого суждения очевидна: Негр везде Негр, хотя бы он жил под небом суровым и холодным. Климат имеет влияние на густоту, на оттенки, так сказать, цвета; но не на сущность его, которая заключается в особенном смешении плотных и жидких частей организации, и которое (смешение) с незапамятных времен столь сделалось прочным и постоянным в разных племенах и поколениях людей, что не взирая на переселения в разные климаты, оно в сущности своей не изменяется.

Место цвета кожи у каждого человека, так и у каждого племени, находится в Малпигиевой слизи, имеющей положение между кожей, собственно так называемой, и кожицей. Причина, производящая цвет, есть особенное цветное вещество, отделяемое особенным краскоотделительным аппаратом, лежащем в толще кожи. Об этом аппарате, до времен Брешета и Русселя де Возема, издавших свои наблюдения в 1834 г. «о строении кожи», ни Малпигий, ни Меккель, ни Беклярд, ни Бишат в своих сочинениях не упоминали, хотя и догадывались, что причина цветности кожи заключается в Малпигиевой слизи.

Итак Негры вообще имеют цвет кожи черный. У Африканца, собственно так называемого, этот цвет гораздо гуще; накожная его испарина крепкая, вонючая, особенно тогда, когда кожа, мягкая впрочем как бархат, бывает в разгоряченном состоянии. По этим признакам, равно как и по многим другим, легко различить Ефиопа от Кафра. Черный цвет в организации Негра не может быть принят за существенный характер, потому что и по уничтожении этого признака, в нем остаются органические черты, составляющие неизмеримый промежуток между Негром и Европейцем, и эти черты похожи на те, которые в анатомическом отношении служат для различия животных от человека. Рассматривая лицо и череп Негра, находим, что эти две части развиты иначе, нежели у Европейца. Лоб узкий, наклоненный кзади, сплюснутый; череп, сжатый с боков, сплющенный на теме, имеет затылочную часть весьма округленную; большая затылочная дыра в этом черепе гораздо шире, нежели в нашем черепе, и более подалась кзади, нежели у нас; от этого происходит, что шея Негра площе нашей. Внутренняя вместимость черепа $^1/_9$ меньше против вместимости черепа людей Иафетского (белого) племени. Передняя часть верхней челюсти и подбородок косвенно наклонены одна к другому, равно как и резцы, которые у некоторых народов этого поколения так остры, как у плотоядных зверей. Скуловые кости и дуги значительно развиты, а носовые кости

приметно сплющены; жевательные и височные мышцы имеют силу необыкновенную. Нос расплюснутый, губы весьма толстые, дающие лицу выражение, известное под именем «Move»; брови весьма выпуклые и почти безволосые; глаза большие, круглые, выпуклые, весьма влажные; роговая прозрачная оболочка по-видимому желтоватая; зрачок уже, нежели у нас; уши больше наших и дальше отстоят от виска, нежели у обезьян; подбородок короткий и округленный; волосы короткие, черные, курчавые, как баранья шерсть; борода редкая, короткая, в виде курчавых клочков, вырастающая на 24 году от рождения.

Так как уже выше сказано, что внутренняя вместимость черепа у Негров меньше против вместимости нашего черепа, то очевидно, что и объятность мозга их меньше в сравнении с объятностью нашего (белого племени) мозга. В самом деле: извилины (gyri cerebri), находящиеся на поверхности мозговых полушарий, у них не столько многочисленны и возвышенны, сколько у нас. Мозжечок пропорционально велик; но большая мозговая спайка (Commissura cerebri major, mesocephale) мало развита. Продолговатый мозг, спинной мозг и нервы, от них происходящие, имеют больший объем, нежели у нас. От превратного образования лица и черепа, в сравнении с лицом и черепом нашим, выходит, что лицевой угол, вместо того, чтобы быть в 90°, имеет только около 75°.

Кроме исчисленных, есть еще и другие наружные признаки, которые отличают их от людей белых. Сюда относятся: большая длина передних членов, то есть рук, зависящая от значительной длины плечной кости (humerus), приметная кривизна бедер и голеней, согнутость колен, наклонение тела кпереди, выпуклость поясницы и т. п., которые дают телу их положение косвенное, как бы разбитое и надсаженное, как во время стояния, так и при хождении. У Негритянок поперечник между тазовыми костями весьма значительный, влагалище матки (vagina) как в девственном, так и в искусобрачном состоянии широкое: membrum virile valde longum, ad erectionem perfectam ineptum; груди (mammae) висячие, грушеобразные.

По наблюдениям многих испытателей природы, кровь у Негров темнее, нежели у людей белых. Желчь и другие жидкости имеют тот же признак, равно как и ткань мышечная. Слизистые перепонки яркого красного цвета; клетчатая плева и жир обыкновенного цвета, но корковое существо мозга, по наблюдению Меккеля, цвета черноватого. Кости их белее и много содержат фосфорно-кислой

извести. Пот их вонючий, нашатырный, марающий белье.

Темперамент флегматический; пульс, по наблюдению еще Галена, чаще бьется, нежели у нас; голос у них чистый, серебристый; они не могут выговорить литеры R, и это, вероятно, зависит от выпуклости их губ и от челюстных костей, выдавшихся вперед наподобие рыла, и также от косвенного направления передних зубов, или резцов. Впрочем, этот признак свойствен не всему черному племени. Кафры, и особенно те из них, которые давно имеют сношение с образованными народами, изучаются довольно хорошему выговору.

И так вот, в кратких словах, существенные признаки Негров: цветность кожи черная, выключая ладоней и подошв; волосы курчавые, черные, короткие; лоб сплюснутый; глаза большие, выпуклые; роговая оболочка глаза желтоватая; нос сплюснутый; лицо скуластое; губы толстые, значительно вперед выдавшиеся; подбородок плоский; уши длинные, направленные к бокам и значительно развитые по направлению диаметра передне-заднего; затылок подался кзади; лопатки длиннее и острее, нежели у людей Кавказского племени; грудные члены (руки) длинные, задница (nates) подавшаяся кзади, но не толстая; нижние члены (ноги) тонкие; колени выпуклые и слегка согнутые; пятки кзади направленные; ступени широкие и плоские. Земмеринг утверждает, что у Негров селезеночная часть желудка (Cul-de-sac de l'estomac) круглее и поднята выше при соединении с пищеприемником, нежели у людей белых.

Кафры.

Они населяют юго-восточную часть Африки, занимая весь берег, начиная от мыса Доброй Надежды и простираясь до Мономотапы. На западе они граничат с Голландской колонией и с Канаками, которые составляют средину между Кафрами и Готтентотами, но по организации своей более подходят на последних, нежели на первых. Кафры имеют образование более правильное, нежели Негры; походка их бодрая; члены округленные; словом: они строением своих органов ближе подходят к белым, нежели все прочие поколения черного племени. Вот существенные черты их организации: череп, как у белых, образует свод выпуклый; форма носа походит на дугообразную; губы толсты, как у Негра, и выпуклы, как у Готтентота; рост высокий и стройный; женщины отличаются от

мужчин меньшим ростом, который у них редко достигает до роста Европейских женщин; впрочем, они так же хорошо сложены, как и мужчины; физиономия их приятная. Сверх того Кафры отличаются от Негров меньшей дикостью своих нравов; они занимаются земледелием, ремеслами и художествами. Имеют понятие о верховном существе и Его всемогуществе; веруют в будущую жизнь, ожидая наказания за худые дела, и награды — за добрые; публичного воспитания у них нет.

Готтентоты.

Они населяют среднюю часть Африки, далее на юг от Кафров, и мыс Доброй Надежды. У них характер животности яснее выражен, нежели у Негров, составляющих, по-видимому, среднее звено между человеком и Орангутангом. Впрочем и Готтентоты имеют признаки и обезьяны, и одаренного разумом человека. Признаки человечества выражаются у них речью, разумом и способностью к высшему образованию; но с другой стороны, рост их не превышает пяти футов; лицевой угол простирается до 75°; волосы курчавые и расположены полукругом на лбу; носовые кости, точно так у некоторых видов обезьян, соединены в одну пластинкообразную кость, нос гораздо площе, нежели у других Африканцев; плечевая кость чрезмерной длины, и впадинка, служащая для вмещения отростка (olecranou) локтевой кости, сквозная: признак — общий всему поколению Готтентотов, обезьянам, собакам и многим другим породам зверей плотоядных; резцы и подбородок косее, нежели у Эфиопов; скулы и дуги скуловые значительно развиты; глаза отдалены один от другого; лоб очень плоск; верхняя часть головы сплющенная; затылок острый, так что череп сзади весьма сжат; лицо, рассматриваемое в профиль, имеет вид безобразного животного; губы синие, выдавшиеся, мясистые, сливающиеся с носом; бороды почти нет; ушей спереди не видать, потому что ушная их раковина имеет направление более кзади, а не кпереди. Форма ступни их столь отлична от нашей и от ступни Негров, что с первого взгляда можно отличить следы Готтентота, оставшиеся на земле.

Женщины их по безобразному устроению требуют особенного описания. Уродливость их[2] состоит в чрезмерном развитии наружных половых частей, именно «Labiorum minorum s. nympharum», и в большом жирном наросте, находящемся на верхней части задницы.

По исследованию Кювье, этот нарост состоит не из мышечной, но из упругой дрожащей массы, лежащей над задницей. Он приходит в колебание при всяком движении женщины. Впрочем, такие уродливости редко встречаются между Готтентотскими женщинами: они свойственны только Бушменкам.[3]

Новая Голландия и многочисленные острова, возвышающиеся на поверхности Тихого Океана, населены также народами черного племени: Папуанцами, Австралийцами и Океанийцами.

Папуанцы.

Считаются ублюдками, происходящими от Австралийцев и Негров. Населяют маленькие острова, рассеянные около Новой Гвинеи. Организация их весьма сходна с организацией Африканских Негров. Рост их вообще средний; кожа не черная, но темно-бурая, нередко пораженная сыпью, похожей на проказу (lepra); волосы черные, тонкие, весьма кудрявые, дающие голове объем необыкновенный; борода редкая, черная; нос приметно сплюснутый; зрачок и глаза одинакового цвета; губы толстые; скулы широкие; физиономия вообще непротивная. В женской организации нет ничего особенного.

Австралийцы.

Населяют Новую Голландию. Они отличаются многими признаками от Папуанцев: волосы гладкие, короткие и черные; кожа черная; члены (руки и ноги) тонкие и длинные, несоразмерные с величиной туловища. Череп круглый, макушка сплюснутая, но челюсти, будучи слишком протянуты вперед, делают то, что лицевой угол их простирается только до 65°; лоб подавшийся кзади; носовые крылья широкие, приподнятые; губы, особенно верхняя, безобразно толстые и выпуклые, образующие вид рыла, так, что лицо их походит на рыло Папиона; бурые глаза их нимало не выражают лютости и варварства; брови выпуклые, покрытые густыми волосами. Впрочем, существенный характер, отличающий их от сродных с ними поколений, состоит в несоразмерности членов к туловищу.

Океанийцы.

Населяют новую Гвинею, острова Андерманские, Формозу, Борнео, некоторые из островов Филиппинских и Молукских. Цвет их густо-черный; волосы на голове черные, курчавые, расположенные в виде полукруга; нос от самого корня расплющенный и тупой; губы большие; словом, имеют большое сходство с Неграми.

Из всех этих трех поколений, Папуанцы занимаются, по крайней мере, звериной и рыбной ловлей; но Австралийцы и Океаницы более глупы, нежели дики. Они не имеют ни одеяния, ни домов, и среди ужасного голода, влача свои изможденные члены, ссорятся между собой самым отвратительным образом за полусгнившую пищу.

Мулаты.

Это ублюдки, происшедшие от Негритянки и белого мужчины, или от женщины белого племени и Негра. Цвет их не так черен, как у настоящих Негров. Впрочем, по всем другим признакам организации, Мулат есть настоящий Негр. Однакоже не должно забывать, что Мулаты не все имеют одинаковое образование. Оттенки организации их различны, по различию поколений как Негров, так и Негритянок, совокупляющихся с белыми. По наблюдению Бори де Сент-Винсана, Мулаты, родившиеся от совокупления Европейцев с Готтентотами, имеют цвет старого высохшего лимона; волосы их хотя становятся длиннее, но курчавость еще остается; по мере примеси белой крови к произведениям Готтентота и Европейца белизна цвета увеличивается и делается похожей на Европейскую белизну, а наконец и волосы их становятся гладкими. Одно, что в них остается неизменяемым, это выпуклость скул, или скуластость.

Дети, родившиеся от Мулатов, имеют величайшее сходство со своими родителями; от них произошло новое, уже весьма многочисленное поколение в колониях и особенно в Южной Америке. Но Мулаты, совокупляясь с белыми, теряют напоследок свои особенные признаки и приобретают такие, которые существенно принадлежат Европейским племенам; совокупляясь с черными, теряют признаки Европейцев, а получают такие, которые свойственны Неграм. Очевидно, что Мулат одарен организацией, существенно изменяемой, способной подчиняться организации тех племен, которые его окружают. Прилагаемая при сем таблица яснее покажет постепенные перехождения черных в белых и белых в черных.

Родители	Произведения их	Степень смешения
Белый и Черный	Мулат	1/2 Белого 1/2 Черного
Белый и Мулат	Терцерон Сальтатрас	3/4 Белого 1/4 Черного
Черный и Мулат	Замбо или Griffe	3/4 Черного 1/4 Белого
Белый и Терцерон	Квартерон	7/8 Белого 1/8 Черного
Черный и Терцерон	Квартерон Сальтатрас	7/8 Черного 1/8 Белого
Белый и Квартерон	Квинтерон	15/16 Белого 1/16 Черного
Черный и Квартерон	Квинтерон Сальтатрас	15/16 Черного 1/16 Белого.

4. Красное племя

Это племя, вышедши, вероятно, с гор Алеганиских и Аналахских, населило к северу обширную равнину реки Св. Лаврентия и распространилось даже до 45° и несколько далее. Переходя из Флорид, с острова на остров, к югу оно заняло восточные страны Мексики, Антильские острова и все места, называемые материком с Гвианами. К этому племени принадлежат Канадцы, многочисленные народы, сливающиеся мало-помалу в общественном быту Северной Америки, Караибы, Галибы и проч.

Красное племя, теперь немногочисленное, беспрестанно удаляющееся во внутренние пределы Нового света, чтобы избегнуть насилий и истребления, которые оно терпит около 400 лет от Европейцев, состоит из людей темперамента флегматического и желчного, высокорослых, красивых, деятельных и сильных. Голова их имеет красивое устроение, лицо приятно-овальное, но лоб сплюснут особенным образом. По уверению древних и новых писателей, это сплющение лба происходит от того, что они детям своим с младенчества накладывают на эту часть дощечки, которые крепко привязывают шнурками. Нос длинный, выдавшийся, орлиный; рот средней ширины, зубы вертикальные; губы похожи на наши. Глаза большие, черно-бурые; волосы черные, гладкие, толстые, жесткие, лоснящиеся, средней длины, до плеч не достигающие, и в кудри невьющиеся. Говорят, что волосы их никогда не седеют. Мужчины мало имеют волос на тех местах, где у других народов они растут в большом количестве. Уверяют, что они их выщипывают. В разгоряченном и потном состоянии они издают запах, похожий на собачий.

Кожа медно-красного цвета; груди у женщин красивые; возмужалость ранняя.

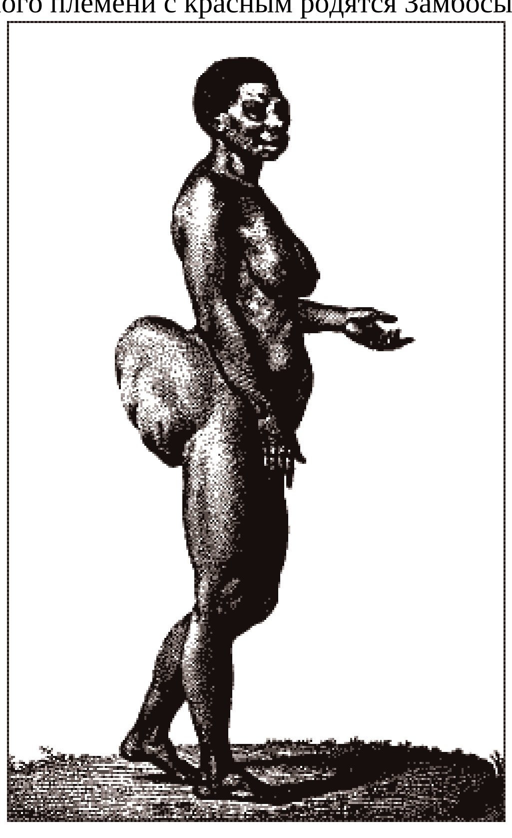
Вообще красное племя состоит из людей самых грубых, бродяг, звероловов, беспечных, людоедов, пожирающих не только побежденных неприятелей, но даже и своих родителей. Они чужды гражданской образованности и общежития; не имеют никакой религии; впрочем, веруют в бытие добрых и злых духов; отважность и мужество, которое они иногда обнаруживают, означает более скотскую бесчувственность, нежели истинное геройство.

Караибы и Канадцы ходят почти нагими. Они не имеют никакого

другого одеяния, кроме лоскутка из какой-нибудь растительной ткани, или из звериной шкуры, прикрепленного к нижней части живота. Любят хмельные напитки и потому променивают платье на вино даже там, где зима бывает суровая.

Они не знают никакого другого оружия, кроме лука, стрел и дубинки; разделены на орды, из которых каждая управляется своим начальником; законов не имеют, но одни только принятые обычаи; нигде не основали постоянного владычества и гнушаются земледелием.

От смешения белого племени с красным происходят Местисы (Mestizos, Mameluchi), которые от белых менее отличны, чем Мулаты, и уже во втором поколении признаки красного племени исчезают. От смешения черного племени с красным родятся Замбосы.

Изучение черепов и костей человека каменного века побережья Ладожского озера

А. П. Богданов

Санкт-Петербург
1882

Коллекция черепов, найденных А. А. Иностранцевым близ Ладожского озера у впадения в него Волхова, состояла из десяти черепов и значительного числа обломков черепов и отдельных костей скелета. Черепа эти можно было (по нахождению) разделить на две серии, из коих одна, в шесть черепов, найдена была ниже, или глубже

остальных. Кроме того, я мог сравнить с ними один неполный череп каменного века из курганов С. Гамарни Киевской губернии, Каневского уезда, добытый профессором Д. Я. Самоквасовым, и пять черепов, переданных мне для изучения Гр. А. С. Уваровым из Уткино, Ярославской губернии, и найденных в могилах, заставляющих предполагать о их принадлежности к каменному веку. Волосовский череп, тоже найденный графом Уваровым, описан уже был А. А. Тихомировым и мог быть также принят для сравнения. Значительное число черепов из курганов Новгородской и Тверской губерний, а также несколько черепов из курганов же Олонецкой губернии, доставленные г. Барсовым, послужили материалом для сравнения черепов каменного века с таковыми же, полученными из курганов позднейшего периода. Весь этот материал имеет, несомненно, большой интерес, так как совершенно нов, касается местностей почти еще не тронутых в краниологическом отношении и относится, в древнейших своих представителях, к совершенно еще не изученной антропологическим методом эпохе каменного века и курганному периоду. Нужно прибавить, однако же, что материал этот еще незначителен по численности для каких-либо окончательных выводов и может служить только для постановки предварительных вопросов.

В предварительной заметке, представленной мною Петербургскому съезду естествоиспытателей 1879 года и затем напечатанной в «Известиях Общества Любителей Естествознания», я уже обращал внимание на особенное значение, которое может иметь, не только для этнологии России, но и для уяснения ее соотношения с прилегающими местностями Западной Европы, изучение того длинноголового курганного племени, которое распространено у нас от Олонецкой и Тверской губернии до Киевской и Курской, и от Московской до Царства Польского и Галиции. Этот же длинноголовый тип встречается и в курганах Кавказских и в черепах каменного века. Не случайно и произвольно разбросан он по России, как видно из раскопок: чем больше добываем мы черепов из курганов разных местностей и разных эпох, тем яснее выступает для нас факт особенного значения этого типа в наиболее древние эпохи заселения России. Наблюдения над довольно значительным числом курганных и новейших черепов, Московских, Киевских, Новгородских и некоторых других местностей, например, Нижнего Новгорода и Курска, везде указывают, что чем древнее кладбище, тем процент длинноголовых больше, и чем новее, тем больше примеси

короткоголовых. Основываясь на раскопках в некоторых курганах, например около Суджи (Курской губернии), у Подольска (Московской губернии) и других, можно сказать, что в России сохранились еще несомненные указания на такие местности, в которых, судя по черепам, население было так однородно длинноголово, как этого только может желать антрополог: целые серии в несколько десятков черепов, полученных из таких курганов, представляют, вне общих возрастных и половых различий, замечательное единство. И этого единства тем, по-видимому, больше, чем древнее могилы, дающие нам такие черепа.

Если бы было справедливо мнение, что череп представляет одну из наиболее подвижных частей организма и не может потому служить расовым или племенным указателем, то в могилах мы должны бы встретить не определенную последовательность долихоцефалии и брахицефалии, а случайное смешение их. Но этого нет: во всех тех случаях, когда раскопки производились более или менее систематически, в смысле антропологических требований, когда их делали в местностях более или менее обособленных от исторических и этнологических переворотов и перемещений народонаселения, где нападали на кладбища первых колонизаторов страны, там чистота типа и единство краниологических признаков, бесспорно, бросались в глаза и говорили за свое расовое значение. Если поверья, обряды, предания и мифы настолько живучи, что переживают тысячелетия и по ним археолог может воссоздать в общем первобытные воззрения народов, если речь и слово, при всех своих внешних видоизменениях, сохраняют свою коренную основу и дают нам указания на лингвистическую связь народов, то и кранология, в особенности русская, показывает, что череп сослужит нам не менее важную службу в уяснении первобытных элементов населения Европы. Трудность состоит только в том, чтобы напасть первобытный, мало измеренный различными историческими пертурбациями, материал и чтобы подойти к нему без предубеждений.

Мы сказали, что русская краниология может особенно помочь делу и снова повторяем это, так как для такого убеждения существует много данных. Их можно получить как из общих выводов из всего добытого историей по происхождению и образованию народов, так и из того, что выработано краниологией, хотя она только что еще начинается, и хотя ее материал и до сих пор еще крайне скуден. Лучшим примером последнего может служить господствовавшее еще до последнего времени убеждение в отсутствии людей каменного века

в России и в отнесении ее народонаселения к более новым эпохам истории человечества. Исследования последнего десятилетия, открытие следов присутствия человека в России в эпоху мамонта, сделанные гг. Феофилактовым и гр. Уваровым и, наконец, нахождение несомненных черепов каменного века профессором Иностранцевым, поставили вопрос о времени заселения России иначе и открыли для нее путь новых антропологических изысканий по действительно первоначальным колонизаторам ее. Отысканию этих первоначальных обитателей в наибольшей частоте помогают и особенные условия России, в особенности громадные пространства, делавшие возможным нахождение целых территорий, стоявших вне больших и частых исторических перемещений и смешений народов. Лесистость средней и северной России давала возможность первобытным племенам долго сохраняться в чистоте и находить себе местообитание, в которое заходили из инородцев разве только отдельные торговцы и охотники. Эти же леса, покрывавшие кладбища первобытных народов, скрывавшие их от последующих колонизаторов, и сохранили такое значительное число древних могил до нашего времени. Редкость населения и малочисленность жителей, притом разбросанных островами по наиболее удобным для жилья местностям, как например, только по течению больших рек и их притокам, были также удобным фактором для обособления отдельных племен и для сохранения их остатков до наших дней в могилах. Только в последнее время, при большом возрастании населения, при вырубке лесов, при увеличении запашек выходят наружу древние памятники и, к сожалению, в большом числе погибают бесследно. В Западной Европе скученность народонаселения началась в более отдаленную эпоху, чем в России; там ранее установились не только большие, обще-исторические, так сказать, военные и торговые пути, но и второстепенные — местные, помогавшие смешению народонаселений, уменьшению их чистоты даже в отдаленных от центров исторического движения местностей. Поэтому-то мы можем еще в России находить тысячами черепа древних обитателей, как это показали раскопки графа Уварова в Ярославской губернии, Л. К. Ивановского в Петербургской, мои в Московской и других, тогда как в Западной Европе останки древних жителей попадаются только единицами. Это составляет важное преимущество России, и уже по одному этому она заслуживает особенного внимания антропологов и археологов, не говоря о других общих вопросах по историческим судьбам народов, связанных с изысканиями по Русской

антропологии.

В чистоте антропологического типа, в его устойчивости и этнологическом значении можно тогда только убедиться, когда имеются массы фактов, подтверждающих это. Трудно сказать что-либо определенное относительно этнологического значения отдельного черепа и отдельного костяка: только в немногих резко-очерченных типах, как например, в чисто монгольском и в негритянских, иногда довольно и одного представителя, чтобы иметь право высказать какое-либо определенное суждение; но в большинстве случаев это невозможно из единичных наблюдений, не дающих достаточного основания отличить единичное, случайное от постоянного, племенного. Другое дело, когда черепа являются десятками, сотнями, тысячами, как это уже есть в настоящее время в некоторых краниологических собраниях России, по крайней мере по курганному периоду. При значительной численности, постоянство в форме черепа, встречаемое в могилах известной эпохи и известных местностей, есть уже несомненное свидетельство единства племенного происхождения. В таком положении находится иногда русский краниолог, имеющий еще и то удобство, что во многих местностях, черепа которых он изучает, и именно в лежащих вне больших исторических путей, выбор между племенами, населявшими некогда эти страны, очень невелик, так как исторические свидетельства и этнографические данные говорят за то, что там происходило мало антропологических наслоений. Эти соображения нужно иметь в виду для того, чтобы оценить возможность и значение такого широкого распространения длинноголового типа в средней и северной России и сохранение его в замечательной чистоте в значительно отдаленных друг от друга местностях, как например, Москва и Минск, и далее к западной границе. Этот факт большого распространения первоначального, довольно однородного, длинноголового типа в России, по мнению некоторых антропологов, составляет вовсе не случайность, а естественную необходимость, отражение того, что должно быть, если только верны те естественно-исторические и лингвистические сведения, которые мы имеем по отношению переселения народов.

Известно, что лингвистика дает нам группу Индоевропейских языков, сходных и по строению корней, и по составу речи. Так как трудно предположить себе, чтобы это сходство обусловливалось только одним позаимствованием, а не выражалось в единстве происхождения, то и в антропологическом и этнологическом

отношениях группа народов, говорящих Индоевропейскими языками, считается происходящей от одного корня, имеющей кровное родство. Исторические сказания и научные данные говорят нам за то, что различные подразделения на племена суть продукты времени, а не первоначального происхождения. Вряд ли даже полигенисты, допускающие несколько центров происхождения человека и, следовательно, несколько основных первичных племен, могут допустить также, что расы Романская, Англо-Саксонская, Скандинавская и Славянская появились как результат первичного творения. И они принимают только несколько первобытных первичных рас и не могут отнести к ним такие, новые по происхождению и имеющие столь много единого, племена, как только что указанные. Поэтому для белых европейских рас мы должны признать единое первоначальное происхождение, и для этой первоначально гипотетической расы даже и существует научное название — арийцы. В последнее время явилась попытка в сочинении Пёше выяснить антропологические признаки этих первоначальных арийцев, равно как и место их первоначального происхождения, которое Пёше полагает в нашей Белоруссии. Арийцев он считает длинноголовыми, высокими, голубоглазыми и белокурыми. Можно многое, может быть, сказать против частностей воззрений Пёше, в особенности против фактов первоначальности заселения Белоруссии арийцами, но метод, принятый им для решения вопроса, равно как и самый вопрос, поднятый им, заслуживают большого внимания и имеют особенный интерес для России, особенно по отношению древнего длинноголового типа, найденного не только в курганах, но и в толщах несомненно каменного века, как это показали исследования профессора Иностранцева.

Если принимать особое происхождение для каждого племени Индоевропейцев, то всё исследование об этих племенах может ограничиваться только изысканиями путей перемещения этих племен и влияния смешения их друг на друга. Такое исследование необходимо, полезно и составляет один из прочных базисов научных работ, но им все-таки еще не уясняется вопрос: почему они и антропологически, и лингвистически, и этнографически имеют так много общего? Это общее составляет ключ вопроса и от него можно отстраняться, но нельзя не признать его коренного значения, особенно в виду того, что сама сущность этнологических данных выставляет вопрос о происхождении на первом плане. Когда мы издали или с высоты смотрим на какой-нибудь город, когда мы не можем еще при

таких условиях осмотреть частности, то мы явственно различаем главнейшие пункты его, главнейшие здания и их относительное положение. Такая точка зрения дает нам только общий план города, общее представление о нем, но зато она нам крайне облегчает последующее изучение частностей: с планом, набросанным с высоты, в руках, мы можем затем смело ориентироваться в частностях, и изучение их окажется для нас легче, удобнее и всестороннее. То же и с вопросами этнологическими, особенно, если они решаются краниологическим путем.

Лингвисты и этнографы установили множество названий племен и народов; они в основу своей классификации брали признаки языка и быта; история показывает нам, что с течением времени, вследствие исторических событий, различные племена принимали различное название, смешивались друг с другом, подпадали друг другу под лингвистическое и бытовое влияние. Требовать, чтобы антропология, а особенно краниология, дала признаки, характеристичные для каждого из этих племен можно только при смешении задач естественно-исторических с историческими и забывая то, что изменение в языке и обычаях вовсе не связывается необходимо с изменением организации и особенно черепа, за исключением только тех обычаев, кои необходимо влияют на последнюю. Череп может варьировать только в известных, сравнительно немногочисленных признаках, коих главнейших наберется едва два десятка, из которых некоторые, кроме того, по закону соотношения частей стоят в зависимости друг от друга. Поэтому краниология может отличить не француза, немца и русского, так как эти народности, эти нации группируются по бытовым и политическим условиям, а не естественно-историческим; краниология отличает не различные роды и колена одной и той же исторической группы, из коих по бытовым и другим особенностям этнографы устроили свои племена, а те естественно-исторические группы, которые отличаются единством кровного происхождения и несут на себе признаки естественно-исторического племени. По отношению естественно-исторического исследования России особенно возможны выводы по отношению племен длинноголовых и короткоголовых, широкоскулых и узкоскулых, низкоголовых и высокоголовых, узконосых и широконосых. Эти признаки настолько типичны, когда они являются в значительной чистоте, что мы постоянно и в общежитии, вне всякой антропологии, употребляем их для наших классификаций. Это несомненно естественно-исторические племенные признаки,

говорящие за кровное сродство, за близость происхождения; но эти признаки и дают нам возможность установить с большей или меньшей определенностью только большие группы, а не их вторичные подразделения, что составляет дело дальнейшего изучения и задачу, возможную только после удовлетворительного решения более общей задачи, — вопроса о главнейших группах. Это дальнейшее будет уже нанесение частностей на план, добытый общим обзором предмета a vol d'oiseau и составляющий необходимое начало для систематического изучения народонаселения России с краниологической точки зрения и для установления признаков второстепенных подразделений племен.

Таким образом, по самому свойству краниологического метода мы можем прежде всего удобнее и легче изучить только общие большие этнологические группы, а затем все наши естественно-исторические данные говорят за то, что чем глубже мы идем в ряд веков, тем с меньшей численностью разновидностей мы должны иметь дело, так как вторичные племенные видоизменения суть результат последующих исторических влияний. Из этого следует, что чем древнее эпоха, из которой антрополог имеет черепа, и чем первобытнее население, к коему принадлежат они, тем задача более облегчается, становится на более твердую почву, так как получается более однородный, более резко очерченный материал в своих краниологических признаках. Трудность для антропологического исследования увеличивается по мере всё большего и большего сближения исторических народов и их взаимодействия друг на друга. В новейшие эпохи, конечно, последовательные серии черепов различных доисторических и исторических периодов, а также сравнение с племенными, ныне живущими, могут помочь делу, как это мы видели из опытов изучения различных наслоений народонаселения в Московской, Киевской и Новгородской губерниях; но это имеется еще крайне в редких случаях и при недостаточной численности материала. Чем древнее народонаселение, чем оно чище, тем даже меньшая численность материала может привести к более или менее серьезным выводам.

Курганное население, дошедшее до нас, сравнительно не особенно древне, так как в нем мы находим и бронзу, и железо, и другие указания на сравнительно недалекое прошлое; но те же курганные остатки говорят нам, что ему предшествовало, по-видимому, во многих местностях России другое, более древнее, население каменного века. Поэтому начинать дело с курганов бронзовой эпохи

по отношению племен России значит не идти с начала, но с середины, ибо существуют свидетельства о более древнем населении обитателей России, о еще более первобытных племенах. Киевская губерния, Петербургская и Владимирская дали нам указания в черепах и костяках каменного века на такое первобытное заселение, и изучение этих остатков особенно важно для выяснения значения и места того длинноголового племени, о коем мы имеем так много свидетелей в русских курганах. До сих пор, до находок А. А. Иностранцева, мы имели только отрывочные данные по людям каменного века, но эти находки дали нам и изделия и обстановку этих первобытных людей. Кроме курганного человека каменного века, мы получили еще и торфяного, — еще более древнейшего. Принадлежали ли эти люди каменного века к той же Индоевропейской расе, как и последующее население России, или они были другого типа, иного происхождения? Его ли мы должны счесть за ближайшего потомка тех предполагаемых арийцев, из коих обособились Индоевропейские племена, или это было нечто особенное? Вот вопросы, которые невольно приходят исследователю, когда он, собрав и изучив насколько это возможно, весь фактический материал, обратится для удовлетворения своей естественной любознательности к общему суммированию добытого им, хотя бы только с целью, при помощи такой общей сводки фактов осмысления их, и выяснить себе с большей ясностью пути дальнейших изысканий.

Всякий, кто занимался антропологией и старался решить краниологические данные об этнологии различных местностей, необходимо проходил путь уныния и разочарования на первых порах при сопоставлении массы общих и детальных вопросов, имеющих большое антропологические и историческое значение, с недостаточностью средств, даваемых существующей численностью имеющегося материала и малым числом несомненно характерных признаков в сравнении с массой племен, соотношение коих требовалось выяснить.

Всякий, мало имеющий дело с черепами, видит в каждом черепе нечто особенно и нечто достаточное для полного решение вопроса о расе, и археологи, сплошь и рядом, присылая один или два черепа, полагают, что всегда возможен положительный ответ о расе. Люди, видевшие значительное число черепов из различных местностей смешанного народонаселения и знакомые с индивидуальными, болезненными и искусственными изменениями черепов, переходят в другую крайность, пока они имеют дело с решением частностей: они

начинают сомневаться в какой-либо правильности, в каком-либо законе формы черепа, вытекающем из племенных свойств. Палеонтологи уже перешли этот период сомнения в науке, и благодаря их исследованиям не только установлены доисторические расы домашних животных, но и общепризнан метод определения расы по черепу и костяку. Они знают, что не всегда всякий череп домашнего животного может служить для определения племени или расы, и что скрещивание и индивидуальная изменчивость сглаживают отличительные признаки; но это они признают только за факт, который нужно иметь в виду при исследовании и выводе, а не за обстоятельство, прямо отвергающее возможность каких-либо выводов на основании черепа потому только, что он меняется в своих признаках от многих причин. Антропология еще переживает свое детство, особенно по отношению краниологической классификации, и в ней изменяемость черепа еще часто утрируется с одной стороны от отрицания краниологических племенных признаков вообще и до возведения почти каждого различия в 1 % в среднем числе до значения племенного признака. Эти крайности с каждым днем всё более и более сглаживаются, и изучение размещения краниологических типов в России и ее областях может убедить и не верующего в существование определенного закона в распределении типов черепов, несмотря на все обстоятельства, исторические и бытовые, которые содействовали смешению и сглаживанию этих типов.

Весьма серьезные люди высказывают, как нечто серьезное и нечто научное, требование теперь же определить по черепу его племенное происхождение без указания местности и условий нахождения, эпохи его происхождения. При этом забывается только то, что признаки краниологические суть не видовые в естественно-историческом смысле, а расовые или племенные, часто доходящие до значения разновидностей, связывающихся со многими переходными формами. Чтобы убедиться в том, что череп представляет однако же, даже в своих племенных признаках, нечто постоянное, стоит только просмотреть географическое распространение типов черепов в России, распределяющихся в общем с замечательной правильностью, особенно, если принять на вид, как еще мало исследованы краниологически древние, первобытные, доисторические племена. Всякий, кто имел под рукой значительное число черепов из Туркестана, не мог не поразиться той общей короткоголовостью, которая господствует там. В коллекции Общества Любителей

Естествознания находятся серии черепов, собранные различными лицами: А. П. Федченко, доктором Моровицким, А. И. Вилькинсом и другими, и все они несут на себе явственные признаки брахицефалии. Раскапывая курганы средней России, мы встречаем в громадном преобладании долихоцефалов, к которым в более новых могилах примешивается всё большее и большее число короткоголовых. Все исследователи великорусских черепов находили их гораздо длиннее других славянских черепов по среднему, и встречали значительный процент между ними длинноголовых вообще. Если сравнить этот результат с тем, что в средней России первобытное население было длинноголовое, с тем, что впоследствии оно подвергалось смешению с короткоголовыми финскими племенами, например мордвою, и нападению и порабощению короткоголовых азиатцев, так называемых татарских племен, то уменьшение длинноголовости в великоруссах в историческое время получит естественно-историческое кровное основание, равно как и большая длинноголовость великорусского черепа сравнительно с западно-славянским. От Москвы к северо-востоку и юго-востоку идет преобладание короткоголового типа, а к западу — длинноголового.

Это антропологическое указание на длинноголовый тип как на коренной или первобытный, из коего произошло великорусское население, имеет еще особый интерес, если мы сравним средне-русские курганные черепа с скифскими и примем в соображение исторические факты и предположения. Первыми жителями, о которых только повествует нам история, в юго-восточной России были скифы, а они, сколько можно судить по имеющимся изображениям, были по чертам лица не монголы, а по черепу долихоцефалы, как это можно видеть из описанного мной собрания скифских черепов, добытых раскопками В. Б. Антоновича, Д. Я. Самоквасова и Т. Б. Кибальчича. Монголы были у скифского народонаселение только как примесь. Этот скифский длинноголовый череп очень сходен с тем длинноголовым черепом из Гамарни, который нашел Д. Я. Самоквасов в могиле с каменными орудиями Киевской губернии. На место скифов по истории являются славяне, но славяне — арийцы, а следовательно, по убеждению многих антропологов — длинноголовые. Здесь краниология приводит к тому же предположению, к какому не раз приходили и историки, что славянские племена искони жили, с каменного века в России, но что они известны были в истории под другими именами и в особенности скифов. Если принять, что название славян придано было

впоследствии тем же скифам, то мы выясняем себе вполне краниологию Киевского округа. И здесь первоначальную основу составляло туземное длинноголовое племя, жившее с каменного века в степях южной России и еще в доисторическое время подвергавшееся влиянию короткоголовых кочевников в юго-восточной России и колонизации короткоголовых племен с запада. Как показывают киевские кладбища, эта колонизация всё более и более увеличивается в последующие исторические времена, и вместе с тем появляется и большее смешение краниологических типов.

Но славяне были и в Новгороде, и новгородские славяне влияли на Киев; каков же был их краниологический тип? На это у нас также уже существуют некоторые фактические ответы. К сожалению, по отношению Новгорода мы не имеем таких резко-определенных хронологических серий, какие были даны для Киевской губернии раскопками археологов, но сравнивая курганные черепа вообще из Новгородской губернии с черепами из жальников, описанными покойным Волкенштейном, и черепами из более общих могил кладбищенских близ самого Новгорода, мы видим: 1) курганные являются в значительной степени длинноголовыми, особенно мужчины; 2) что могилы в жальниках и в самом Новгороде, принадлежащие более новому времени, характеризуются преобладанием короткоголовых, так что и здесь является также хронологическая последовательность типов черепа, как и в Киевских и Московских населениях; 3) что короткоголовостью, почти вдвое большей в процентном отношении, отличаются женские и женоподобные черепа, как будто новгородцы себе приобретали жен из другого, отличного от них, племени; 4) короткоголовый тип как будто сосредоточивается по преимуществу в кладбищах около Новгорода, в жальниках Валдая и курганах Старой Руссы; в других же местностях, как в Лужском уезде, и других, больше длинноголовых. Наконец, что всего интересней, самые древние черепа Новгородской области, как видно из коллекции А. А. Иностранцева, длинноголовые, и притом не субдолихоцефалические, а чисто долихоцефалические.

Трудно на основании имевшихся у меня материалов утверждать с несомненной уверенностью о первоначальном славянском длинноголовом типе в Новгороде, но ничто его пока не опровергает и, если возможна при таких фактах уверенность, то я убежден даже, что последующие раскопки несомненно древнейших могил Новгородцев дадут длинноголовый тип в значительно большем числе, хотя может быть и не в таком преобладании, как в южной и средней России, и

именно по следующим причинам. Заселение севера славянами происходило позднее, чем на юге, как это можно предположить, основываясь на данных по распределению финских рас, по-видимому происшедших от смешения арийцев с алтайскими племенами, вышедшими от Урала и заселившими север России прежде других племен. Эти племена поселились, естественно, в наиболее удобных местностях для звероловства и охоты, и их уже нашли явившиеся с юга славяне и должны были подчинить их себе и оставить их следы рядом со своими в древних могилах. Словом, Новгородская губерния было пограничною, где славяне необходимо должны были столкнуться с другими племенами, и потому не могли так долго остаться в значительной чистоте своего длинноголового типа, как в губерниях Полтавской, Черниговской и иных средней России. Это смешение началось давно, и как кажется, в ту эпоху, к какой принадлежат черепа г. Иностранцева, несущие на себе гораздо меньшую чистоту племени и представляющие гораздо большую изменчивость, чем курганные черепа средней России и скифские вообще. С нахождением населения длинноголового в эпоху каменного века в значительной численности в известных местностях Новгородской земли является параллель с Киевской областью, где тоже пока следы каменного века представлены только длинноголовым черепом. Если признать между Новгородскими черепами длинноголовые за славянские, то тогда сказание летописей, что и Киев, и Новгород — земли славянские, получает и естественно-историческое объяснение, а вместе с тем это становится и в соответствие с тем предположением, что славяне, как и арийцы, длинноголовые, и что они в сравнении с другими Индоевропейскими племенами всего юнее даже в естественно-историческом смысле, всего менее отдалились от своего корня, что подтверждается лингвистическими изысканиями, насколько мне это только известно.

Но можно еще далее провести умозаключения и еще значительнее обобщить их, хотя бы для того, чтобы вызвать естественно-исторические, основанные на раскопках, предпринятых в достаточных размерах и в исторически доказательных местностях, опровержения. Для такого обобщения мы должны принять в соображение следующие обстоятельства. Существует целая литература, старающаяся доказать распространение славянского племени в доисторические времена далеко за пределы нынешнего размещение славян в западной и северо-восточной Европе. Существуют доказательства, что славяне заселяли Балтийское прибрежье до Дании и далее, что они доходили

до Швеции. Этим даже думают объяснить и призвание Рюрика, не как иноплеменного, а единокровного князя. Много писали против этих стремлений расселить славян по Европе, и еще более смеялись над различными славянскими теориями потому, что, к сожалению, к ним примешивается вопрос политический, вопрос генеалогических и исторических прав одних народов над другими. Но в настоящее время наука уже пережила эпоху аристократического воззрения на племена, по которому одни представлялись избранными и предназначенными для господства, а другие обделенными природой и низменными, с которыми совестно было иметь кровное сродство. Для науки существуют только племена, более или менее благоприятствуемые внешними обстоятельствами, историческими условиями и внешней обстановкой. Но не так еще давно ученые, спокойно выслушивавшие лопарские и финские теории первобытного заселения Европы, с особенной энергией восставали против славянской. Только теперь, понемногу, начинает проникать не только в жизнь, но и в антропологию, то убеждение, что происхождение народов одно, а политическое их право и значение — другое, и потому поспокойнее стали относиться к славянской теории, смотря на нее как на такое же правомерное предположение, требующее научного разбирательства и доказательств, как и другие. При таком более спокойном научном взгляде на дело и могла только появиться гипотеза об арийцах Пёше и доброжелательное отношение к ней антропологов, например Эккера и других.

Итак, исторические и лингвистические факты могут быть представлены для древнего, доисторического размещения славян далеко по Западной Европе и около Балтийского прибрежья. Со своей стороны краниология может представить также некоторые доводы в пользу этого. Тип черепов, и именно длинноголовый, найден в Западной Европе, не только около границ России в Галиции, но и далее, в так называемых рядовых могилах (Reihengraber) в Германии, и тип этот очень сходен с нашим курганным. Тот же тип попадается и в древних могилах Швеции, найден и в Пруссии. Отсюда две теории: по одной, принимающей эти черепа за славянские, славяне обитали в этих пространствах как древнейшие владетели, по другим — это были германцы, так как тип черепа считается за древне-германский. С последней точки зрения германцы жили некогда, в первобытные времена, в России и распространились от нее далее на запад. По нашему, это и то и другое вместе, или лучше сказать ни то, ни другое, а то первоначальное племя, прото-европейцы, арийцы, или что иное,

назовите, как хотите, но только то население общее, из коего расчленились потом различные Индоевропейские племена, изменившиеся затем в различных местах, в Германии, Швеции, Дании и России, как от влияния физических условий, так и от смешения с различными короткоголовыми и черноволосыми племенами. Задача европейской этнологии и состоит в выяснении того, насколько в основу населения каждой страны легло это первоначальное арийское племя и насколько оно изменилось от обособления и местных физических условий и в особенности от смешения. Определение этих-то элементов смешения и составляет особенную трудность, так как они были не только различны в различных странах, но и в разные эпохи в разных местностях, примеры чему, особенно убедительные, мы видим и в этнологии России. Допустивши существование такого общего антропологически коренного населения, арийцев, и олицетворив его в нашем длинноголовом племени, мы выясняем себе и некоторые темные стороны, но вместе с тем наталкиваемся и на новые вопросы, требующие дальнейшего выяснения и на первый раз, теперь, кажущиеся противоречиями.

Одно и то же племя, но поставленное в различные условия при большем или меньшем обособлении, с течением времени получит сначала бытовые, затем лингвистические и, наконец, физиономические различия. Жители моря и жители континента, равно как и жители приполярных стран при продолжительном обособлении друг от друга, хотя бы они и принадлежали естественно-исторически к одному и тому же племени, примут, несомненно, с течением времени форму разновидностей. Различные потребности вызовут иное приспособление костюма и других гигиенических и бытовых условий. Местные продукты будут во многом иные, и пути, по которым доходят покупные вещи, приобретаемые от торговцев, тоже иные в таких различных местностях, потому и бытовые остатки в могилах или вообще в земле будут носит различный характер. Моряку будет нужен во многом иной запас слов, чем жителю континента, и им будут также часто встречаться иные предметы, иные ощущения, требующие иных слов, иных оттенков выражений. Темперамент и характер выработаются иные на деле, и это отразится неизбежно на языке, так как это постоянно выражается даже и при более мелких различиях; книжная закругленная речь профессора будет отлична от отрывочной, повелительной военного; обороты священника иные, чем у купца. Занятие, темперамент, преобладающие впечатления кладут, наконец, свою печать на физиономию, на мускулы, наиболее часто

приводимые в движения, а вследствие того и на частности формы и развития костей, и вызовут под конец естественно-исторические отличия — независимо от смешения. Если же прибавить к этому еще смешение, то однородная антропологическая основа в различных местностях может выработать весьма понятные племенные различия, что и действительно вырабатывалось с течением времени у германцев, скандинавов, англосаксов и славян, хотя они вышли из одной основы, и было время, когда они составляли нечто однородное, цельное в естественно-историческом смысле. Если это так, то в самые древние эпохи не было столь коренного различия между прибалтийскими племенами, и вопрос о норманнах и их отношениях к древним славянам становится понятным: происхождение то же, тип естественно-исторический тот же, но условия их жизни различные. Отделение было еще не особенно древне, и потому не сгладились ни фактические основные черты сходства, ни воспоминание, оставшееся в преданиях и языке, об общем происхождении. Этим объясняется тот удивительный факт на первый раз, что наши летописи говорят о норманнах и норманнских могилах не только у Новгорода, но и в средней России; но до сих пор не найдено еще ничего, что могло бы быть названо норманнским черепом, своеобразным и отличительным, несмотря на то, что норманнов приходило довольно в Россию: они были одного происхождения с местным первобытным населением России, одного и того же Индоевропейского корня, и потому черепа их не могли существенно и заметно отличаться. Неудивительно, что и новгородские славяне, помнившие о единстве своего происхождения с так называемыми норманнами, призвали к себе их для княжения, так как они были люди свои, а приморский образ жизни развил в них ту энергию и административную, организаторскую способность, при трудных и смутных обстоятельствах, для развития которых было сравнительно меньше места у берегов Волхова, чем у берегов Балтийского моря. Не было же ничего удивительного, когда белоруссы или малоруссы обращались к великоруссам, более их опытным в деле государственной организации и выработавшим в себе, по своим территориальным, физическим и историческим условиям, большую способность устраивать государственное здание.

Можно было бы еще привести несколько примеров, показывающих удобство такого предположения о значении первоначального длинноголового племени в решении этнологических вопросов, но для нашей специальной цели изучения черепов каменного века гораздо полезнее те сомнения и затруднения, кои

встречаются при переводе сказанной этнологической гипотезы на краниологическую почву. Исследование курганов Чудских было произведено еще крайне недостаточно, особенно со стороны антропологических признаков, но тем не менее добытые черепа из могил Приохотской Чуди Е. В. Барсовым — длинноголовые и, по-видимому, напоминающие наши скифские: курганы мерянские, исследованные А. И. Кельсиевым и В. Ф. Ушаковым, дали тоже значительный процент длинноголовых, а их относят к финским по археологическим и бытовым данным. Последнее обстоятельство еще можно выяснить себе тем, что понятие финнов в этнографическом и культурном смысле далеко не совпадает с финнами как естественно-историческим племенем. Кроме того, с точки зрения естественно-исторической классификации племен, финское племя не может в генетическом отношении считаться равномерным с понятием об Индоевропейской расе, предполагаемых арийцев, и чисто монгольской расе, которые в типических своих представителях считаются первобытными, тогда как финские племена более новейшими и происходящими от соединения арийской крови с монгольской или иной, то есть вторичными по происхождению. Если это так, если действительно, то, что составляют в этнографии и лингвистике финские племена, есть результат смешения двух первичных рас старого света, и если между ними одни, как самоеды и другие, несут преобладающий монгольский тип, а другие, как настоящие финны, характеризуются преобладанием арийских признаков, то тогда понятно появление между мерянскими черепами длинноголовых в значительном числе, как по условиям сказанного происхождения, так и по тому, что мерянское племя жило именно на границе распространения скифского племени и должно было подвергаться его влиянию более, чем какое-либо другое из финских племен. Московские черепа тоже длинноголовые в курганный период и весьма сходные с мерянскими; изучение могильного и современного населения великоруссов показывает, что это длинноголовое племя наложило свою печать на великорусский череп, как об этом мы уже упоминали. Если есть основание предполагать, что скифы легли в основание образования великоруссов в других местностях, если есть сходство в краниологии между черепами скифскими и длинноголовыми мерянскими, то можно предположить, что ветвь скифов, прошедшая на север в Ярославскую губернию, поселившаяся на рубеже финских племен и придя с ними в соприкосновение, смешалась с ними, мало-помалу слилась и образовала ту смешанную

группу курганов, которая в археологическом отношении и в названии местностей сохранила финские черты, а в антропологическом — получила характер резко выраженного скифского происхождения. Замечательно, что изучая типические черты великоруссов, мы находим, что именно ярославцы представляют нам наичаще то, что мы называем великорусским типом. Гораздо труднее выяснить себе принадлежность чудского черепа к Индоевропейскому племени и объяснить долихоцефализм чуди с избранной нами точки зрения, хотя гипотетической, но имеющей право на то, чтобы ее рассмотреть и опровергнуть фактами, и притом фактами антропологическими и имеющими за собой достаточную численность, не страдающими случайностью и отрывочностью. Не были ли то норманны, о которых так часто говорится, которых нужно бы довольно часто находит в древних могилах, но которые все-таки не найдены в достоверном краниологическом типе? Древних норманнов, как происшедших от того же Индоевропейского корня, как и славян и германцев, нужно счесть долихоцефалами, так как они выходили из тех племен, кои первоначально должны были быть длинноголовыми.

Но может быть и другое решение. Долихоцефальные черепа могли принадлежать не одним только потомкам Индоевропейских племен, но может быть от общего первоначального корня их отделились издавна, до обособления отличительных признаков арийцев, часть населения, которая, проходя иные против последних исторические и бытовые условия, живя в иных местностях, например, в Сибири и около Урала, хотя и сохранила свой длинноголовый тип, но с такими изменениями, кои вызвали из него образование особого племени, названного в преданиях и летописях чудью. При таком предположении первоначальный анализ по черепам населения России сводится к следующим вопросам: 1) где распространен был и в какое время существовал длинноголовый арийский тип, из коего потом выделились славянские племена и был ли этот длинноголовый тип более германским, как полагают некоторые западные антропологи, или скифско-славянским, как это можно предполагать по нашему мнению с гораздо большим основанием; 2) какое распространение имело и в какие эпохи жило длинноголовое чудское племя, встречаемое на севере и северо-востоке России и Сибири; 3) были ли различны эти два длинноголовых типа, южной и средней России с одной стороны и северной с другой; отличаются ли они по черепам существенными признаками, дающими возможность установить между ними одинаковое с естественно-историческими признаками

систематическое значение, то есть признать их племенами одинаковой степени кровного родства, или же нет?

С точки зрения таких существенных для краниологии вопросов, самый древний длинноголовый тип, какой мы встречаем в черепах, приобретенных для науки А. А. Иностранцевым, получает особенное значение, так как с ними существование длинноголового типа в северной России устанавливается с несомненно древних времен и должно быть относимо к значительно далекому от нас периоду, более далекому, чем все другие, относительно коих мы имеем доисторические черепа. Что скажет нам этот первичный долихоцефал? Несет ли он на себе признаки, сходственные с теми, которые мы познали на южных и северных долихоцефалах или представит нам что-либо особенное? Вот вопросы, на которые, насколько возможно, должны ответить факты, полученные из изучения черепов и взятые независимо от тех или других гипотез.

Описанные выше черепа, по-видимому — самые древнейшие из найденных до сих пор в России и потому представляют образчик одного и первобытнейших племен, обитавших в ней. По отношению таких черепов было еще недавно в обычае у краниологов отыскивать следы тероморфических свойств и признаки, характеризующие устройство черепов самых диких племен. Это было весьма естественно, как потому, что еще недавнее появление человека на земле считалось очень поздним, характеризующим последние геологические времена, так и потому, что господствовавшие воззрения унитаристов, принимавших существование одного центра распространения всех рас, допускали весьма быстрое изменение человеческого организма под влиянием различных внешних деятелей, как то: климата, пищи и образа жизни. Когда находили какой-нибудь череп, предполагавшийся, с большей или меньшей достоверностью, принадлежащим глубокой древности, то прежде всего старались найти в нем что-либо антропоморфное, то есть сближающее его с черепом высших обезьян. Одним из видных примеров этого может служить Неандертальский череп, подавший повод к самым разнообразным воззрениям и даже к восстановлению облика древнего обезьяноподобного человека. Такое стремление — отыскать переход от высших приматов к человеку между древними черепами происходило вследствие нахождения уже многих переходных форм между высшими позвоночными и вследствие задач эволюционной теории. Теоретически сознавалась возможность и вероятность найти тероморфные первоначальные формы человеческого черепа, и

каждому естествоиспытателю, имевшему случай найти череп древнее других, казалось, что он именно добыл такой переходный череп. В настоящее время найдено уже сравнительно довольно много древних, геологических черепов человека, далеко уходящих за пределы, еще недавно ставимые для человеческой истории на земле. Вопрос о человеке третичной эпохи с одной стороны, а с другой — более ясное понимание анатомических отношений высших антропоморфных к человеку, — как ветви, во всяком случае не основной, а непосредственно прилегающей к первобытному человеку, а отклонившейся и оспециализировавшейся, — не дают уже не только права, но даже достаточных оснований утрировать особенности древних человеческих черепов в смысле обезьяноподобности их. Если и были переходные формы, то их палеонтологи найдут в гораздо более древних толщах, чем те, человеческие остатки которых находятся в настоящее время в руках краниологов, и в особенности чем те, кои найдены с каменными орудиями в Петербургской губернии. И действительно, рассматривая эти черепа, даже с желанием отыскать в них что-либо особенно выдающееся в смысле тероморфности, — мы не найдем ничего. В них нет ничего такого, как увидим, чтобы даже выдвигало их особенно их ряда близких к ним по форме, но отделенных от них продолжительным временем и более позднейших, курганных черепов. По моему мнению, в этом сходстве с известной точки зрения, и именно — понимания краниологии племен России, и лежит их особенный интерес и значение. Будь они настолько отличны, что между ними и последующими была бы резкая грань, то мы получили бы, конечно, любопытный факт нахождения какого-то своеобразного племени, но, может быть, надолго имели бы его необъясненным и непонятным. Получая же в них только видоизменение последующего типа, мы, напротив того, тотчас же приобретаем новое, чрезвычайно важное по своей древности, звено, которое стоит в ясной и определенной связи со всем последующим развитием краниологических форм в северной и средней России и обогащает нас в высшей степени важным и несомненным фактом о неизмеримо большей древности происхождения первоначальных русских краниологических типов.

Если мы не имеем в наших черепах ничего, приближающего нас к столь желанному первоначальному древнейшему человеческому типу, а только более древнее выражение одного из обособившихся впоследствии типов, — то не представляют ли они чего-либо такого, что указывает на их относительную первобытность, на их большее

сходство с признаками ныне существующих первобытных диких и низших рас, чем с расами более изменившимися, более подвергавшимися действию новейших исторических причин? Несут ли они на себе какие-либо признаки расы низшей, первобытной, мало уклонившейся от своего ближайшего первоначального типа? На это можно ответить отчасти утвердительно, хотя и подобный ответ нужно сделать с крайними оговорками. Указано значительное число признаков, которыми характеризуется первобытность рас и более низшая степень их краниологических форм, но каждый из этих признаков может быть и не исключительно результатом племенной наследственности, а следствием различных индивидуальных причин. Все эти признаки получают особенное значение только тогда, когда мы имеем дело с более или менее чистым в кровном отношении и однородным племенем, так как тогда только они являются характерными и не могут считаться происшедшими от скрещивания или частных особенностей известной особи или семьи. Особенно трудно придавать значение каким-либо признакам при малочисленности черепов и при их, в известных отношениях, нерезкой типичности; поэтому прежде всего нам важно выяснить себе, имеем ли мы в черепах г. Иностранцева дело с однородным племенем, или нет?

Просматривая с этой целью наши таблицы измерений, мы видим действительную однородность в том, что все черепа имеют особенное развитие в длину, все принадлежат к группе длинноголовых в ее двух подразделениях, — настоящих длинноголовых и субдолихоцефалов, но по отношению к частностям морфологическим, не только лица, но даже черепа, являют такие колебания, что вполне чистым, первобытным назвать наше племя нельзя, — основываясь по крайней мере на имеющихся только черепах, относительно которых, по самому их заложению на различных высотах, нужно быть осторожным. В иных местностях мы имеем действительно примеры настолько однородных черепов, как это только может желать краниолог. Курские Суджанские черепа г. Самоквасова, Подольские, многих групп курганов под Москвой, Тобольские курганные, и другие, действительно составляют серии, в которых наглядно для каждого проходит один и тот же тип с достаточной резкостью и ясностью даже в частностях, даже в мелочах, особенно между Суджанскими. Этой полной морфологической однородности мы и не видим в черепах г. Иностранцева, а в особенности в тех, которые должны быть отнесены к нашей женоподобной группе, то есть, к

черепам, не представляющим резко и ясно выраженных мужских признаков. Это заставило меня в первой моей предварительной заметке о наших черепах высказать предположение, что черепа найдены на пограничной местности, на месте встречи близких, но значительно друг от друга морфологически удалившихся двух или трех племен, хотя возможно и другое предположение ввиду того, что особенное разнообразие видоизменений представляют женские и женоподобные черепа. У первобытных племен часто существует обычай умыкать жен у соседних племен, воровать их, выманивать и брать в плен. Возможно, что один из этих способов практиковался у наших людей каменного века, и тогда понята большая чистота и довольно значительное единство типа в мужских черепах, и большие видоизменения и различия в женских. В выборе себе подруг мужчины всегда были восприимчивы к женским лицам, казавшимся им более миловидными, чем к племенным или другим особенностям, и в этом случае представляют черту, свойственную и многим высшим животным, не только не брезгающим, но иногда даже предпочитающим самок иных племенных признаков и иных разновидностей. Различие в мужских и женских черепах, замечаемое в силе мускулатуры, в толщине костей, в развитии различных отделов черепа, а, следовательно, и в относительном развитии тех или других отделов мозга, может быть, дает нам право к тому предположению, что круг деятельности мужчин и женщин у наших людей каменного века был не одинаков. Мы знаем значительное число примеров, что у тех племен, у которых еще не произошло разделения физического труда между обоими полами, оба они представляют и значительное сходство, иногда такое, что вообще, не зная происхождения, нельзя бывает отличить череп взрослой и вполне сложившейся женщины от черепа мужчины. Чем больше разделение труда и чем более физическая работа, требующая силы, начинает выполняться неодинаково, и мужчина, предоставляя женщине внутреннее хозяйство, берет на себя труд внешней охраны и употребления физической силы, тем резче становится различие между двумя полами в мускулатуре и силе костей. Так как такое различие мы замечаем между нашими мужскими и женскими черепами каменного века, то и предположение о различии роли обоих полов в жизненном обиходе нашего народца должно быть принято в соображение при воссоздании его возможной деятельности и обстановки.

Итак, черепа, взятые в совокупности, по общей форме своей не представляют нам того единства и однородности, которые мы

встречаем даже у черепов менее древних, найденных в русских курганах в различных местностях. То же можем мы сказать и о других частностях, так как они приводят нас к подобным же заключениям. Поэтому уже самое смешение признаков и недостаток их однородности говорит за то, что мы имеем дело не с одним однородным племенем, а с инородцем, более или менее потерпевшим видоизменение от различных условий их быта и обстановки. Это не мешает, однако же, тому, чтобы в нем отыскивать признаки относительной первобытности и свойств, общих дикарям и нецивилизованным племенам, и определить степень совершенства организации, поскольку она выражается в черепе и костяке. Действительно, были замечены некоторые общие черты, свойственные людям, живущим в первобытных условиях и недалеко ушедших от состояния дикости. Указания на некоторые из них мы можем найти и у наших черепов каменного века.

Значительная толщина черепных костей составляет у многих первобытных племен явление, общее для стадии их первоначального существования, и она более или менее уменьшается по мере того, как племя подвергается культуре. Само собой разумеется, что здесь следует быть крайне осторожным в выводах, так как развитие костной системы может обусловливаться различными причинами, и даже некоторые патологические признаки могут стать со временем общими, как полагает Вирхов, установивший понятие о патологических племенах в антропологии и между высшими позвоночными. Тем не менее, в некоторых случаях, действительно, имеются факты, говорящие за то, что одно и то же племя в различные эпохи представляло преобладающую различную толщину костей. Из числа почти 1500 черепов, полученных из курганов и виденных мной, мне казалось, вытекал довольно наглядный факт о большей толщине костей свода черепа тех покойников, которые были найдены в самых старых могилах. В таких почти каждый череп представлял значительную толщину своих стенок, тогда как в более новейших курганах и в исторических кладбищах процентное отношение толстостенных к остальным уменьшалось. Черепа, находящиеся в нашем собрании из различных кладбищ ныне живущих европейских народов, весьма редко и в небольшом проценте, как бы случайно, представляют ту толщину костей, которая преобладает или почти что является общей у древних курганных европейских черепов. Если это явление можно считать за характеристичное, то в черепах каменного века, в типических мужских, мы встречаем тоже толщину стенок

черепа, не уступающую самым древним курганным, хотя женские и не подходят под это правило так, как некоторые курганные женские, у которых этот признак хотя и несколько менее развит, но все-таки менее отличается от мужских, чем это мы видим у наших женоподобных особей каменного века.

Второй особенностью более низших рас может служит малое развитие лба и в особенности его, так сказать, моделировка. Факты, получаемые нами из обыденных наблюдений, показывают несомненно, что между малым развитием лба, его отлогостью и низшей степенью умственного развития существует действительно несомненное соотношение. Это подтверждается и наблюдениями над людьми действительно умными, не говоря уже о попытках доказать связь известных размеров частей головы с умственным развитием посредством различного рода измерений. Что касается до меня лично, то моделировке лба и его развитию я готов приписать большое значение как физиономическому признаку, так как в этом отношении многолетние наблюдения над живыми и над расовыми черепами убедили в связи формировки лба с умственным развитием и даже характером. Всего более умным в массе русского народа и всего более сделавшим для чисто русской научной и общеобразовательной деятельности было долгое время сословие духовных. Посмотрите на головы выдающихся лиц этого звания, на моделировку лобной части их голов, и вы несомненно убедитесь в том, что эти головы носят именно тот тип, который встречается в преобладающей форме у наиболее развитых рас. Люди, вышедшие из простого звания, пробившие себе дорогу умом, по преимуществу тоже представляют хорошо устроенный лоб; проныры и берущие хитростью или посредственность в большинстве представляют лоб отлогий. Головы людей курганных по величине иногда были снабжены хорошими условиями для развития, и если чего им недоставало, так это хорошей моделировки лба развитых людей, но это и понятно. У людей каменного века А. А. Иностранцева головы почти все были или малых, или средних размеров, а лбы отлогие; в этом, несомненно, по крайней мере для меня, выражается низшее развитие найденных представителей каменного века, сравнительно с курганными позднейшими, так как имеющийся в нашей коллекции череп из курганов Гамарни Киевской губернии, найденный профессором Самоквасовым вместе с одними только каменными орудиями, представляет тоже значительную отлогость лба.

Общим у черепов каменного века г. Иностранцева является то, что

все они длинноголовые и притом большинство настоящих долихоцефалов (6 из 10); но эта длинноголовость представляет некоторые особенности, на которых следует остановиться. Длинноголовым череп может быть во 1) вследствие увеличения размера черепа в длину равномерно во всех его отделах, как это замечается у типических курганных русских и у некоторых, весьма немногих, черепов каменного века. Такой тип длинноголовости я называю настоящим длинноголовым курганным; он характеризуется тем, что темя обыкновенно бывает плоское и последовательно переходит к округленному затылку. Суджанские курганные почти все представляют такой тип в значительной чистоте, и он явственен также во многих группах курганов Подольского, Бронницкого и Можайского уездов Московской губернии. 2) Длинноголовость может происходить и от того, что череп между теменем и затылком является как бы срубленным, косвенно плоским Такие черепа также нередки в курганах и попадаются между найденными А. А. Иностранцевым, например № 1. Такие черепа обыкновенно имеют не эллиптическое вертикальное очертание, а более или менее удлиненно яйцевидное, так как теменные бугры гораздо явственнее, чем у первого типа, и очертания черепа сверху не представляют овала, равномерно закругляющегося к заду и переду. Тип этот можно назвать затылочно-длинноголовым, так как особенное влияние на удлинение продольного диаметра оказывает коническая, так сказать, форма затылка. 3) Затылок может выдаваться не конически, а в виде бугра, резко выступающего из остального очертания при рассматривании черепа по боковому очертанию, — это бугристо-длинноголовые черепа. 4) Широкий очень череп может оказаться однако же в указателе длинноголовым по тому, что он очень сильно развит и в длину, и поперечный диаметр, обыкновенно могущий увеличиваться в меньшей пропорции при общем увеличении черепа, чем продольный, начинает составлять всё меньшую и меньшую часть его, что в указателе приводит к последовательно увеличивающейся длинноголовости. Такой тип длинноголовости встречается у больших монгольских черепов, в сущности несомненно происшедших от короткоголовых и к ним принадлежащих. Сибирские курганы представляют такую именно длинноголовость, которую можно назвать мнимой, а тип ложно-длинноголовым. Наконец, 5) иногда давление земли может сильно деформировать череп и придать ему искусственно значительную длинноголовость — это группа сдавленно-длинноголовых, попадавшихся не раз в Московских

курганах и особенно при раскопке Сетунских курганов близ Москвы, но ее нет между черепами г. Иностранцева.

Черепа г. Иностранцева оказываются относящимися к типам затылочно-длинноголовых, бугристо-длинноголовых и типически длинноголовых; нет, следовательно, той однородности моделировки головы, которая так радует краниолога при изучении серии черепов из некоторых русских курганов, и которая явственно говорит за чистоту типа племени. Когда является подобное смешение черт, как между Петербургскими каменного века, то возможны различные предположения: можно объяснить себе это смешением племен, индивидуальными вариациями, патологическим происхождением; можно даже, считая отрицание за верх научного остроумия, признать, что изучение черепов ни к чему не может привести. Но, к счастью, в настоящее время, из тысяч курганных черепов, найденных в России, имеются, несомненно, племенные чистые серии, типически однородные, а не сходные только черепа, не могущие возбуждать сомнения в том, что их признаки случайны или искусственны. Такие черепа позволяют и относительно весьма варьирующих черепов каменного века г. Иностранцева сделать некоторые, весьма вероятные предположения. Между ними мы встречаем несомненно курганного типа типических долихоцефалов, хотя и в небольшом числе. Отличные от типических, хотя и уклоняются от них, но варьируют в тех же пределах, которые замечаются и в курганных типа длинноголового. Отсюда я заключаю, с большой для себя вероятностью, что найденные люди каменного века были предшественниками, прародителями, в общем значении этого слова, а не в частном, курганных обитателей средней России, и что они, вместе с курганными, принадлежат к одной и той же группе или естественно-историческому племени.

Отчего же эти прародители представили меньшую стойкость своих краниологических свойств, чем их курганные потомки, хотя по теории нужно было бы ожидать совершенно обратного; чем отдаленнее эпоха, тем меньше условий для смешения, тем менее разнообразны пути взаимодействия различных племен друг на друга. Это можно объяснить двумя обстоятельствами, которые могли действовать и отдельно, исключая одно другое, и вместе. Если принять во внимание то, что и Петербург сам — крайне новая местность в истории, и что болота его в прежнее время представляли те же условия заселения, которые и теперь замечаются на севере, то нужно принять, что выселки были очень редки, на далеком

расстоянии друг от друга, и вообще население было крайне немногочисленное. Длинноголовый курганный тип, насколько можно судить теперь по раскопкам, расселялся от Киева до Москвы, Твери, Галиции и Польши, и, по-видимому, шел с юго-запада на север и северо-восток при своем расселении. Вызывать это расселение могли и условия и удобства охотничьего промысла, подобно тому как и теперь европеец подвигается всё более на север в Америке, и как подвигались и великоруссы на восток России и Сибирь, — или же отыскивание более спокойного, более скрытого убежища. Север заселялся потому, что там было больше простора для охотника, меньше борьбы и конкуренции с людьми. Для удобства охоты нужно иметь в своем распоряжении значительные пространства, и следовательно, население должно быть редко. Если поселения первобытных Петербуржцев были редки, то для размножения себе подобных им предстояло два выхода: или пережениться с ближайшими соплеменными соседями или брать жен из других племен. При том и другом условии тип в естественно-историческом смысле мог испортиться, то есть представить искажение; при соединении с иноплеменными чистота признаков утрачивалась, а при близких кровных соединениях могли чаще произойти болезненные, патологические явления, так как о возможности такого влияния кровных соединений имеются указания. Последнее, то есть возможность жениться между близкими соплеменными лицами указывается тем, что и мужские, и женские черепа представляют только различие, но не существенную разнородность; они все длинноголовы и все в черепе представляют общий основной тип, проходящий даже в лицевых признаках, так как все черепа оказались не широконосыми и все низкоорбитными. Правда, что один череп и широкоскуласт и имеет то своеобразное лицевое очертание, которое напоминает монгольскую кровь и сибирские курганные черепа, но это случай исключительный, и, может быть, череп принадлежал какому-нибудь пришельцу; на остальных ничего такого выдающегося не замечается. Гораздо вероятнее, что найденная местность в Петербургской губернии принадлежала не к поселку, а к постоянной стоянке различных охотников, приходивших сюда на промысел по преимуществу из средней России, а может быть и с севера. За это говорит то, что черепа найдены были не на одном уровне и в условиях, не вполне тождественных. Если это так, то тогда различия в типе черепов не требуют никаких предположений о влиянии смешения в тесном родственном кругу или с другими близкими

племенами, а объясняются просто тем, что люди принадлежали хотя и к одному основному племени, но жившему в очень различных местах и потому представившему некоторые частные особенности.

Сводя всё сказанное, можно придти к некоторым фактам, вносимым вновь в науку открытием А. А. Иностранцева стоянки людей каменного века, и весьма любопытным. Факты эти суть:

1) Самый древний тип народонаселения до сих пор известный для Петербургской губернии был длинноголовый.

2) В нем существовали несомненные черты, родственные с курганным типом средней России.

3) Так как и другие черепа из курганов с длинноголовым населением, как например, Полтавской и Ярославской губернии, в могилах с предметами исключительно каменными, дали тоже длинноголовый тип, то этим значительно отдаляется в глубь веков заселение средней и северной России длинноголовым типом людей, представившим значительное единство в своих краниологическх черепах. В самые древние времена мы встречаем в коренных областях России только длинноголовых, и они пока должны считаться первыми заселителями этой области земли русской.

4) Этот факт важен для нас потому, что выясняет нам и значительную наклонность к длинноголовости современных русских черепов. Если стала потом появляться всё большая и большая примесь короткоголовых к великоруссам, то потому, что уже в период каменного века на пограничных северных и восточных местах, начиная с Мурома, восточных уездов Московской губернии и Петербурга, длинноголовое племя стало окружаться короткоголовыми урало-алтайскими племенами, всё более и более с ним смешивавшимися. Замечательно, что Муромский череп каменного века гр. Уварова такой же короткоголовый, как и многие курганные последующие черепа той же местности.

5) В настоящее время, имея перед собой черепа каменного века из различных, хотя и немногих, местностей России, я считаю, что наибольшей научной вероятностью является то мнение, что славяне-великоруссы не есть какое-либо пришедшее впоследствии, в новые времена, племя в среднюю Россию, но потомки искони, с каменного века, населявшего ее народа, представившего значительное единство антропологического строения и явившегося цельным краниологическим типом.

6) Петербургская стоянка каменного века характерна наклонностью к длинноголовости своего народонаселения, малыми

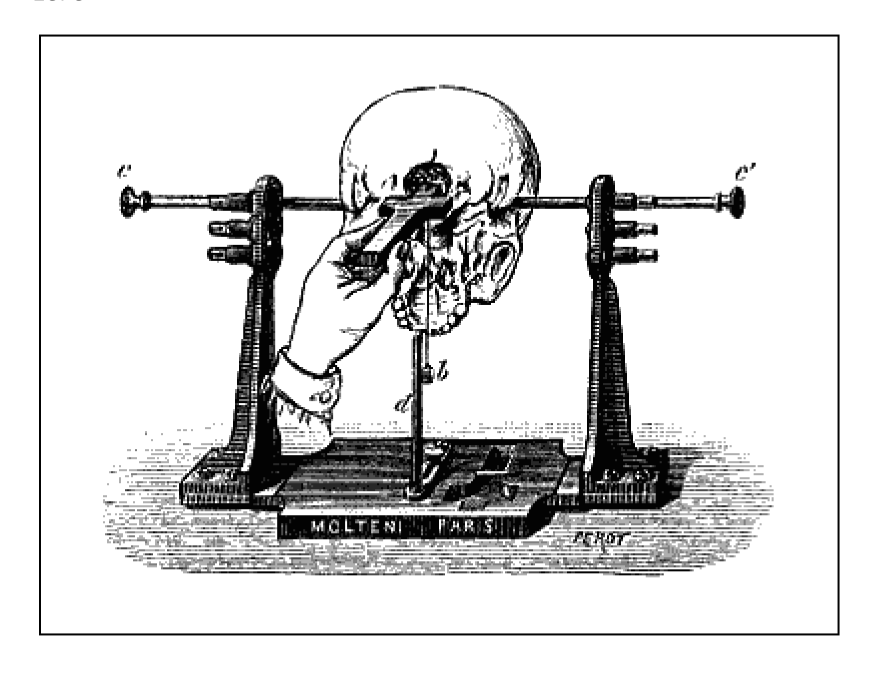
размерами черепов и выразившимся уже резким различием в мужских и женских типических черепах. Последнее указывает уже на то, что женщины и мужчины уже выработали разделение труда, при котором на долю мужчин выпала физическая работа, а на долю женщины домашний обиход, не требовавший особенного развития мышц.

Основывать какие-либо выводы на найденных костях скелета я не считаю возможным: во-первых, по их малочисленности, а во-вторых, потому, что до настоящего времени племенные признаки разработаны на скелете не настолько, чтобы можно было отличить с некоторой вероятностью постоянные племенные от индивидуальных личных вариаций.

Антропологические данные к изучению цыган

А. П. Богданов

Москва
1878

Цыгане несомненно имеют право на то, чтобы обратить на себя внимание с чисто антропологической точки зрения, не говоря уже об этнографических и исторических особенностях их быта и истории. Это раса, сохраняющая свои типические черты и свои обычаи при самых разнообразных условиях, начиная от Испании и доходя до Индии. В Москве цыгане составляют одну из этнографических особенностей, укоренившихся с давних времен и возбуждающую внимание всякого как серьезного, так и поверхностного постороннего путешественника. Быть в Москве и не послушать цыган нельзя для всякого наблюдателя, желающего ознакомиться с особенностями Москвы. Кроме того, Московские цыгане, вследствие бытовых причин Москвы, внесли в строй своей жизни некоторые характерные особенности, которые могут иметь значение при сравнительном изучении вопроса о цыганах вообще, заинтересовавшего значительно в последнее время и археологов, вследствие той роли, которую стали приписывать цыганам по отношению к бронзовому периоду Европы.

Антропологический отдел Общества Любителей Естествознания

возбудил несколько лет тому назад вопрос об изучении Московских цыган, но долгое отсутствие средств для систематической разработки антропологических вопросов тормозило и это изучение, как и многое другое в деятельности отдела. Впрочем, благодаря И. И. Вилькинсу и В. Н. Бензенгру, собраны были некоторые предварительные сведения, весьма интересные. С учреждением особого Комитета антропологической выставки, с его значительно развившимися учеными и материальными средствами, быстро подвинулся вперед и вопрос о цыганах, так что в настоящее время работы по изучению их идут последовательно и систематично: делается серия бюстов, снимается систематическая серия портретов, изучается их наречие и их антропологические особенности. Деятельное содействие В. К. Попандопуло, обладающего значительной медицинской практикой между Московскими инородцами, в том числе цыганами, значительно облегчило и подвинуло систематическое изучение цыган. Затруднения не устранены только по отношению получения цыганских черепов. Поездки наших сочленов в южные губернии России и нахождение наших корреспондентов и сотрудников в Бессарабской области также позволили надеяться на пополнение наших собраний материалом, необходимым для удовлетворительной обстановки пособий по изучению цыган. Согласно обычаю, начинающему установляться в нашем Комитете, представлять по мере обработки вопроса предварительные доклады, как по сделанному уже прежде, так и по указанию фактов особенно желательных с точки зрения антропологической выставки, я имею честь представить Комитету в настоящем докладе некоторые предварительные материалы, могущие, по моему мнению, облегчить содействие Комитету тех из наших сочленов, кои захотели бы помочь ему.

Прежде всего я остановлюсь на тех данных о московских цыганах, кои мне удалось получить. Всего интереснее в этом отношении замечания протоиерея Руднева (близко знакомого с бытом Московских цыган, состоящих его прихожанами), сообщенные И. И. Вилькинсом.

«Рано, по крайней мере, задолго до 1812 года, — говорит г. Руднев, — появляются в приходе Св. Великомученика Георгия, что в Грузинах, равно как и в приходах Василе Кесарийском, Ермолаевском и частью Спиридоновском, новые прихожане — цыгане, народ, вероятно, прежде кочевавший, неутративший и теперь своего характера, своего языка, своих привычек. Цыганам даны были некоторые привилегии, с бурмистрами во главе, производившими

между ними суд и расправу, которых они сами выбирали из среды своей. Теперь они совершенно уравнены с русскими. Цыгане находятся еще около Калужских и Серпуховских ворот, поблизости этого места к поприщу их деятельности — конной площади, но здесь их много меньше.

Собственных домов у них мало, каких-нибудь 5–6, и теми завелись они в последнее время. Все они исповедания православного и исполняют постановления церкви не хуже русских. Пьяных между ними сравнительно меньше, чем между русскими, может быть потому, что между ними нет мастеровых и фабричных, особенно преданных пьянству; о ворах также почти не слышно. Народ крикливый, но трусливый. Людей грамотных между ними очень мало; детей своих ни дома не учат, ни в школы не отдают. Лет 27 тому назад, когда открыт был Пресненский детский приют, попечительница оного А. И. Васильева просила меня привлечь туда для обучения грамоте, закону Божию и рукоделию детей цыганских. Как ни старался я, но только одна вдова цыганка согласилась отдать в приют дочь свою, но и той впрок не пошло. Прочие упорно отказывались, несмотря на обещания пособия бедным из них. Интересы умственные и служебные совершенно чужды цыганам, и потому в умственном отношении они тупы. Нет между ними ремесленников, все мелкие купцы и мещане. Главное занятие их — лошадиная торговля, пришедшая теперь в упадок, может быть от уменьшения конных заводов; потому большая часть из них не столько торговцы солидные, сколько мелкие комиссионеры или факторы по части лошадиной торговли; доверяться им в этом деле опасно; обмануть лошадью они и грехом не считают, хотя бы пришлось бедного мужика по миру пустить. Один мой прихожанин в великий четверг купил лошадь у цыгана, который уверял покупателя в доброте лошади тем, что он в этот день причащался: «спросите хоть батюшку», говорил он, и в следующую ночь лошадь оказалась с сильным пороком. Цыган взял ее обратно, но с уступкой в цене. Это у них дело обыкновенное.

Несмотря, однакоже, на всю невыгоду их ремесла, цыгане вследствие умственной неразвитости, никак не хотят пролагать себе другого какого-нибудь пути. В неторговые дни они большей частью толкутся около своих домов, около трактиров, сидят на ступеньках и тумбах, иногда дрессируют лошадей или ищут покупателей. Вечером некоторые из них поют песни и пляшут в рощах, в ресторанах и в домах, опоражнивая карманы молодых, а нередко и пожилых, по-видимому, почтенных, купцов и дворян. Для этого у них есть

певческие своеобразные хоры, в которые входят и мужчины, и женщины с девицами, умеющие и неумеющие петь, ради умения плясать и ловко вести дело. Впрочем, это не обогащает их: что получают, то и проживают, не заботясь о будущем. Пьют и едят лучше русских из простого народа. Потому зажиточных между ними очень мало, а богатых и вовсе нет. Бедным своим помогают; женщины их почти не занимаются рукоделием, разве только тем, без чего никак обойтись нельзя; часто ходят в трактир чай пить, хотя и дома имеют чай. Молодые женщины и девицы поют, пляшут, увлекают молодых и немолодых богатых людей, получая (некоторые) от них содержание, а иногда делаясь их женами. Приходя в старость, иные пускаются в ворожбу, но это ремесло почти исчезает; одни полевые цыганки занимаются им. Женщина у них пользуется большой свободой, и семейная жизнь, хотя и неопрятная, едва ли не лучше, чем у русских из подобного им звания. Браки у них бывают в собственном их кругу; исключения редки. Жених за невестой ничего не берет. Это немало содействует их устойчивости в своей национальности. Впрочем, по словам цыган, их теперь меньше, чем прежде было».

В Библиотеке для чтения 1837 г. т. XX под заглавием «Цыгане в России», помещено письмо одного миссионера Общества для распространения христианской веры, который путешествовал по Европе с целью обращения цыган. Вот что пишет он из Москвы от Сентября 23, 1835. «Одной из главных причин моей поездки в Москву было желание узнать ближе часть ее населения, особенно для меня занимательную. Собранные о тамошних цыганах известия возбудили во мне сильное любопытство, и скоро после моего приезда я стал искать случая удовлетворить его. Цыгане, или как они сами себя называют Романы, живут в Москве до нескольких тысяч, пропитываясь разными родами обмана. Люди привыкшие почитать это племя за кочевых варваров, неспособных принять никакого образования или понять удобства спокойной оседлой жизни, удивятся, когда узнают, что многие из этого дикого племени живут в Москве в пышных и больших хоромах, выезжают в прекрасных экипажах и не уступают русским ни в телесной красоте, ни в умственных способностях. Главной причиной этого странного феномена в Москве суть цыганки. Они с незапамятных времен отличались музыкальной способностью и, наконец, так усовершенствовали искусством свои природные дарования, что даже в стране, где вообще искусство пения стоит на высшей степени, нежели в других странах Европы и Азии, цыганский хор признается за лучший в своем роде. В России всем

известно, что знаменитая Каталани была так удивлена, услышавши голос одной цыганской певицы (Танюши), что сняла со своих плеч драгоценную шаль, которую подарил ей папа, обняла цыганку и убедила ее принять этот знак своего восхищения. Каталани сказала, что эту шаль сама получила в качестве первой певицы, но что теперь нашла ту, которой по праву принадлежит подарок его святейшества. Цыганки получают очень высокую плату за свое пение, и потому могут жить роскошно и мужей своих содержать в роскоши. Многие из них замужем за весьма порядочными людьми и составляют украшение своего пола и общества, в которое они вступили. Однако не должно думать, что все московские цыганки принадлежат к почтенному разряду даровитых женщин; напротив того, между ними есть много низких и развратных; такие поют в питейных домах и на публичных гульбищах, а мужья их промышляют барышничеством и тому подобными средствами. Главное их местопребывание — Марьина роща, лежащая в двух верстах от Москвы. Туда я поехал в сопровождении наемного лакея. Лишь только я появился, цыгане высыпали из своих палаток, из харчевни и обступили меня. Я приветствовал их на языке английских цыган, стоя в коляске. Вдруг раздался крик удивления и радости; со всех сторон посыпались приветствия на музыкальном размере Романского языка. С первого раза они приняли меня за одного из своих собратий, кои, говорили они, блуждают по Турции, Китаю и другим странам, и думали, что я приехал к ним через большую «пауни» воду, чтобы с ними повидаться. Видом они совершенно сходны со своими соплеменниками в Англии. Они смуглы, большей частью красивы, имеют блестящие глаза, исполненные дикой понятливости; волосы их черны, как смоль и несколько жестки. Я делал им много вопросов, особенно касательно их веры и земли, из коей они происходят. Они сказали мне, что Божество у них называется Девель, и что они страшатся черного духа, которого зовут Бенгель, что предки их вышли из романской земли, но что они не знают, где эта земля находится. Они спели мне много песен, русских и романских. Русские песни были по большей части новые театральные арии, а их национальные песни носили явные признаки высокой древности и не походили на русские ни стихосложением, ни общим характером; они казались не принадлежащими ни Европе, ни новейшим временам. Я часто посещал Марьину рощу и говорил с цыганами об их порочной жизни, о пришествии и страдании Иисуса Христа. Прощаясь с ними, я сказал, что они могут надеяться в скором времени получить слово

спасения, переведенное на их собственный язык; это приняли они не без явной радости. Они слушали меня с большим вниманием и во все время моего пребывания с ними не обнаружили в поведении и разговорах своих ничего предосудительного для благопристойности».

По отношению цыган особенно интересна Бессарабская область. К сожалению, любопытные статьи о цыганах этой области помещены в местных изданиях, недоступных мне, и потому я должен буду ограничиться здесь только указанием тех фактов, кои приведены капитаном Защуком в его «Бессарабской области», помещенной в «Материалах для географии и статистики России», 1862.

По данным Кеппена (1852) в Бессарабской области показано 18 738 человек обоего пола цыган. В 1858 году было одних крепостных 11 491 человек, из коих 5615 поселенных и 5876 дворовых. В войсковом сословии новороссийских казаков цыгане поселены в хуторах Каире (506 мужчин и 488 женщин) и Фараоновке (729 мужчин и 583 женщин). Молодые цыгане очень способны к казачьей службе, но возвращаясь домой на льготу, превращаются в ленивых и беспечных цыган. Большинство бессарабских цыган, показываемых в отчетах под названием поселенных, кочуют и стоят на самой низкой степени развития, ничем не отличаясь от диких народов. От земледелия они убегают с боязливым отвращением; скитальчество под окнами оседлых домохозяев, воровство и мелочный обман — единственные средства их существования. Только небольшая часть из них занимается кое-какими ремеслами и, за исключением проживающих в г. Кишеневе, у остальных цыган всякая добытая копейка расходуется преимущественно на пьянство. Цыгане в Бесарабии православного исповедания. В отношении образа жизни разделяются на три класса: первый, так называемый Ватрас от слова Ватра — очаг), живет в услужении или промышляет музыкой, к которой цыгане очень способны. Второй — Лингуры (от молдавского слова Лингур — ложка) живет частью оседло в землянках, а больше перекочевывает по лесным местам, где занимаются выделкой деревянной посуды. Третий — Урсары (от урса — медведь) кочуют в своих кибитках, переходя из деревни в деревню, занимаются кузнечным ремеслом или коноводством, а иногда промышляют обманом и воровством. Цыган в Бессарабии называют Лаеши, что значит злой, ленивый и бесчестный. Одежда у цыган не есть предмет необходимости: все взрослые мужчины и женщины ходят обыкновенно в лохмотьях, а мальчики и девочки лет до 14, особенно в летнее время, совершенно нагими. В Кишеневском, Оргеевском и

Ясском уездах есть несколько деревень, в которых живут оседло вольные цыгане. Эти цыгане находились прежде в ведомстве особого управления, существовавшего под именем конторы казенных цыган. Потом предположено было причислить их к Дунайскому казачьему войску, но как они еще до этого распоряжения обзавелись хозяйством на местах нынешнего своего жительства, то велено оставить их там, с зачислением в общую массу бессарабских цыган. Они живут отдельно от прочих поселенцев Бесарабии, резко отличаются от них образом жизни и представляют собой редкий пример прочной оседлости этого бродячего в России племени.

Самое лучшее и более населенное (83 семейства) из цыганских поселений есть вотчина Миклеушены, расположенная в 35 верстах от Кишинева; оно принадлежало монастырю св. Киприана. Это селение находится на левой стороне дороги, ведущей из Кишенева к реке Пруту, на горе у опушки леса. Издали оно кажется несколькими навозными кучами, беспорядочно разбросанными одна возле другой, и только на довольно близком расстоянии замечаются следы кое-какого устройства. Вокруг бродят собаки, козы и бегают целые десятки курчавых полунагих детей. По приближению к селению каждого незнакомого окружают с шумом собаки и дети и провожают до самых шалашей, или бурдеев по местному названию. Лай собак и пронзительные крики детей заставляют жителей цыган выглянуть из своих нор, и мало-помалу в отверстие бурдеев показываются смуглые лица цыган разного пола и возраста. Несмотря на десятки лет, прошедшие со времени основания этими цыганами своих постоянных жилищ и на беспрестанные сношения с молдаванами, они еще и теперь придерживаются своих кочевых привычек и не отстают от обычаев, унаследованных ими от прежних времен и от племен, с коими имели более сообщения. Так, например, у них мужчины среднего возраста и старики носят волосы на голове по-малороссийски чупруной, т. е. подбривают их вокруг головы вершка на два, а остальные на маковке ровно обрезают в кружок. Подбородки и щеки бреют, оставляя длинные усы. Молодые не стригут волос, и они спускаются с головы беспорядочными спутанными космами.

Замужние женщины, в числе которых встречаются замечательно красивые с пламенными черными глазами, носят на голове большие драдедамовые или бумажные платки ярких цветов, повязывая их вокруг головы наподобие чалмы, и оставляя один конец сзади в виде хвоста, точно так, как это делают женщины простого звания в западных губерниях России. Волосы более или менее приглаженные,

выходя из-под повязки, ложатся по лбу и вискам до нижней конечности ушей, а за ушами прячутся под платком, или, входя в хвост повязки, опускаются с ним на спину незаплетенной косой. Старухи безобразно обматывают всю голову под шею такими же платками, или же по-молдавански полотенцами, и таким образом составляют вокруг лица овальную раму, из-под которой беспорядочно вырываются пряди седых волос и сыпятся в разных направлениях по лбу и щекам. Девицы заплетают волосы в две косы и обвязывают их вокруг головы или спускают на плечи. Обыкновенное одеяние женщин составляет рубаха, сшитая по-молдавански, без складок и воротника, с высоким лифом и небольшим разрезом на груди, никогда не застегивающимся, а вместо юбки — полосатый шерстяной передник, плотно охватывающий нижнюю половину тела, словом — малороссийская запаска. Эти передники называются катрынцами, поддерживаются на пояснице широкими шерстяными поясами, постоянно красного или зеленого цвета.

Цыгане строят свои бурдеи очень просто: роют квадратную яму, глубиной в аршин, а длиной и шириной в полторы или две сажени, смотря по численности семейства и его богатству. По краям этой ямы вколачивают в землю несколько бревен, длиной в два аршина. Возле них кладут одно на другое бревна такой величины, чтобы концы их легли на противоположных углах каждой стороны ямы, и сбивают их со стоячими бревнами деревянными гвоздями. На лицевой стороне оставляют пространство, в которое с трудом можно пройти боком, для дверей, состоящих обыкновенно из двух едва сплоченных досок, привязанных бичевой к крайнему стоящему бревну, или из куска шерстяного одеяла. Эта бревенчатая ограда забрасывается грязью и составляет стены бурдея. На стены кладут бревна, перекрещивают их поперечниками, накидывают сверху валежником и покрывают землей. Потом внутренность вымазывают серой глиной, делают с левой стороны очаг, дым которого выходит через выдолбленное наподобие улья дерево, или же через круглую плетенку из древесных прутьев. Теперь бурдей готов. Окон в этих шалашах нет, а свет в них проходит чрез щели, оставляемые в стенах и потолке. Зимой же, когда щели для теплоты засыпаются землей, бурдей освещается только огнем очага. Некоторые хозяева строят такие же точно бурдеи для летнего пребывания, но без очагов, а иные просто разбивают шатер возле зимнего бурдея и там проводят лето. Внутри жилого бурдея теснота невообразимая: тут, кроме домашней посуды, земледельческих орудий и разного домашнего хлама, помещается и коза с козлятами, и

теленок, а иногда и поросята. Около многих бурдеев сделаны загоны для рогатого скота: это небольшие пространства земли, обнесенные сухим хворостом, раскиданным кругом или четырехугольником. Спросите оседлого цыгана, почему он не строит жилища удобнее, наподобие, например, молдаванской касы. «Зачем? — ответит он Вам, махнув рукой, — лишь бы был хлеб, да что-нибудь до хлеба, а каса — пустое дело».

Замечательно, что в Молдавии и Бессарабской области были крепостные цыгане. По присоединении Бесарабии к России большая часть крепостных цыган принадлежала роду князей Кантакузиных.

В дополнение к этому рассказу капитана Защука о бессарабских цыганах можно привести заметку доктора Обеденаре о румынских цыганах, помещенную в Bulletin de la Societe d’Anthropologie de Paris 1875 г.

В Румынии около 230 000 цыган. Прежде они были рабами, теперь свободны. Они теперь склонны к следующим ремеслам: кузнецы, коновалы, повара, отыскиватели золота (aurari), показыватели медведей (ursari); некоторые делают ложки из олова, другие делают вещи из дерева, становятся поденщиками, кирпичниками. Им в 1864 году раздали земли, но немногие из них стали земледельцами; большей частью отдают внаймы свою землю. Как поденщики они занимаются земледелием, но сами неспособны вести хозяйство; они живут в палатках и кочуют, полунагие люди, свиньи, дети и собаки все вместе. Разводят ослов и мулов. Ленивы до чрезвычайности, постоянно в долгу на счет будущего труда, и умирают неоплатными должниками. С ними еще можно иметь дело, если их ублажать водкой, маленькими подарками или страхом наказаний, но если вести дело как со свободными людьми, то они, как негры, надуют. Если их нанимают, то кормят подрядчики, а то, если дадут деньги на пищу, они растратят в один день их и затем станут голодать и нищенствовать. Каждый табор имеет начальника (по цыганский vataf, по-румынски primar). Привыкший к рабству цыган не может жить без хозяина, который должен господствовать над ним, направлять его. Свободный перестает работать; для возможности работать ему нужна палка и начальник. Начальник от имени табора заключает условие и знак начальства — длинный кнут с украшением. Чем более кнут начальника возбуждает страх, тем продолжительнее его власть. Если vataf слаб, против него бунтует весь табор и разом восстает против его власти, в особенности после праздника, сопровождавшегося попойками и если время идет к грозе. Старого свергают, нового

возводят.

Цыгане не лишены ума и имеют способности к некоторым промыслам. Они никогда не бывают пастухами. В военной службе некоторые цыгане даже делались хорошими сержантами. Одного даже хотели произвести в под-лейтенанты, но он случайно подавился пирожным, желая проглотить несколько их раз за разом. В Румынии есть цыган, сын повара вельможи, изучивший медицину и получивший диплом доктора. Цыганский акцент у него, однако, остался, который состоит в том, что все согласные произносятся в сопровождении вдыхания и слоги растягиваются непомерно.

Цыгане, живущие в деревнях и городах, менее черны и менее губасты, чем лесные. Они занимаются выделкой вещей из дерева. Они несколько уже смешаны с кавказской расой: во времена их закрепощения эта помесь шла в большом размере.

Турецкие цыгане называются Турцити и Споитори. Некоторые из прежних рабов чинят кастрюли, обрабатывают медь, выливают подсвечники, их называют Caldarari. Они или живут в деревнях, или же кочуют. Но, кроме них существует другая категория цыган турцити, турецкие цыгане или споитори, лудящие посуду, а иногда и исправляющие ее. Сами себя называют Calamgi. Их всего до 5 тысяч и они появились в Румынии только в начале этого века. Довольно значительное число их находится в общине Добрени в 25 километрах от Бухареста. У них нет настоящих домов, но хижины, вырытые в земле, называются бурдеи, такие, какие еще встречаются около понтийских болот; это троглодиты своего рода. В своих деревушках споитори живут только зимой, в теплое же время они кочуют и отправляют свое ремесло. Жена, дети, снаряды, багаж, провизия, палатка — всё укладывается в телегу, запряженную буйволами. К телеге часто позади бывают привязаны еще 1–2 буйвола с потомством. Цыган раскидывает свою палатку у заставы города и с котомкой на спине идет предлагать свои услуги. Turciti не обрабатывают железа и не воруют. Женщины вычищают посуду прежде лужения. Они кладут песок в нее; и сверху кусок буры; затем запускают туда ноги, как бы в ножную ванну. Захвативши крепко руками какую-нибудь перекладину, они начинают вращать свое тело около вертикальной оси, то направо, то налево, сближая при этом ноги. Сила трения увеличивается всем весом тела.

Язык turciti есть цыганский, смешанный с турецким. Они считаются принадлежащими к мусульманской религии, но в сущности у них нет никакой; у них нет ни храмов, ни священников, ни

молитвенников, никакого религиозного обучения. Так как они не знают ни читать, ни писать, то для них и не нужны священные книги; впрочем, хотя без религии, но они очень нравственны. Они на слово занимают деньги для покупки олова перед временем кочевки и точно отдают долг. Опрятность и порядок господствуют у них, а цыгане христиане — воры и обманщики. Прежде они обрезывали годовалых детей, теперь же этот обычай выходит из моды. Есть основание полагать, что praeputium у них длиннее, чем у Кавказской расы, ибо у доктора Обеденаре из 12 обрезанных им детей, по разным медицинским целям, оказалось на половину цыган и притом только из среды одного небольшого заселения их в 800 душ. Praeputium были любопытны по своей длине.

Turciti сближаются только между собой. Девочки выходят замуж в 12–13 лет, мальчики — в 17–18. После свадьбы новобрачную возят по деревне при звуке музыки. Она скорее скрючивается, чем сидит, на первобытной тележке, состоящей из оси, двух колес и перекладинки, прикрепленной к оси. Двое мужчин тащат эту тележку, а новобрачная имеет спереди головы, в виде вуали, свежий *epiploon* ягненка. Хотя цыгане эти и мусульмане, но они не берут несколько женщин за раз. Мужчины бреют волосы на голове, оставляя, как китайцы, волос столько, сколько нужно, чтобы сделать косу. Никто не смеет трогать рукой волосы молодой девушки, даже отец, ибо у них существует убеждение, что после этого девушка потеряет все волосы. Музыка их состоит из *piffero* (по-цыгански *surla*) и из мавританского тамбурина, на коих они разыгрывают только турецкие арии. Чтобы собаки были злы, они дают молодым щенкам по ложке женского молока. Главную пищу цыган зимой составляют молоко и масло от буйволов.

По Кеппену численность цыган распределяется так по губерниям. Всего больше их в Бессарабии — 18 738 душ обоего пола. В Таврической губернии их 7726; в Воронежской и Херсонской — по 2500. В губерниях: Курской, Московской и Харьковской — около 1200. В Киевской — 880, Смоленской — 808, Полтавской — 775; в губерниях Витебской и Калужской несколько более 600. В Орловской, Рязанской и Самарской — более 500. В земле Войска Донского, Екатеринославской губернии, Могилевской, Подольской, Черниговской и Ярославской — более 400. В Вятской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Саратовской, Тульской, Петербургской — более 200. В Виленской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Казанской, Ковенской, Олонецкой, Симбирской, Тамбовской и Тверской — более 100. В Оренбургской и

Гродненской — более 80, в Курляндской — 60, Ставропольской — 42, Лифляндской — 6.

По результатам однодневной переписи 1871 года исчислено цыган в Москве: мужчин — 90, женщин — 127, детей — 13.

Появление цыган в Европе и исследование о языке цыган. Вопрос о времени поселения цыган в Европе занимал неоднократно в последние годы антропологические общества и был предметом исследования специалистов. Относительно происхождения цыган существовали два мнения: одни считали их выходцами из нижнего Египта, другие производили их из Индии. Вот что говорит Ланьо о появлении цыган во Франции. Изгнанные из Индии Тимуром (Тамерланом) около 1398, а может быть около 1408 или 1409 г., они появились во Франции в 1419. В 1427 г., 27 августа 100–120 человек цыган пришли в Париж, и их поместили в Сен-Дени. Они описываются так: все имели уши прободенные и в каждом ухе кольцо или два серебряных кольца. Мужчины были очень черны, волосы имели курчавые, женщины из них самые некрасивые и самые черные.

Разбросанные маленькими группами от Персии до Испании цыгане, по-видимому, сохранили везде свой язык. Их изгоняли из Франции в 1560, в 1666 и др. г., и они скрывались в горах Пиринейских, где они и теперь больше всего сохранились. Цыгане одинаково устойчивы против жара и холода и почти никогда не болеют.

На границе Кантона Битч живет племя Huidns или Zigeuners, обозначаемое также именами Hungar, Hongres, Honcks, так как их считают некоторые за колонию Венгров. Признаки, коими отличаются эти цыгане: голова объемиста, лоб низок, лицо широкое; нос сжатый у основания, горбоносый, недлинный; волосы черные и обильные; брови и ресницы очень темного цвета; кожа коричневая, тело пропорциональное, хотя худое; ноги и руки малых размеров. Цыгане в Европе носят названия: Bohemiens, Egyptiens, Gypsies, Gitanos, Tsiguanos, Zigari. Сами себя называют Romanichol, Romaneich, Roumnachal, (кочевники долин) Sintes, (от берегов Sind или Indus).

Батальяр высказывает следующие соображения о языке цыган: Грелльман, сравнивая Индустани с цыганским, нашел связь между ними. Но Индустани язык смешанный и недавний. По легенде основание его положено в Dehli в 1002 г., но общее употребление этого языка, составленного из hindi и персидского (а след., также и арабского), началось в конце XV в. и начале XVI. Индустани делится на три диалекта: 1) urdu или hindoustani собственно, 2) hindi

современное, называемое также nayari и 3) davini, употребляемого на юге или в Деккане. Поэтому употребление индустани для каких-либо выводов по отношению цыган неудачно, как уже показали Краус и Циппель, изучившие цыган и их язык в прусской Ливонии и Ермланде; эти ученые приходят к тому результату, что цыганский язык гораздо оригинальнее, однороднее, правильнее и богаче флексиями, чем индустани. Ими уже замечено, что сравнение цыганского языка с санскритом гораздо серьезнее, а также высказано было во-первых, что скорее индустани происходит от цыганского или от языков Индии, стоящих с ним в связи, чем наоборот; во-вторых, что цыгане отделились от общего ствола прежде, чем сформировался индустани; в-третьих, что только глубокое изучение языков Индии, в особенности языков северо-запада ее, может бросить свет на миграцию цыган и на эпоху, когда она совершилась.

Потт говорит: язык цыган происходит от народных наречий северо-западной Индии и, несмотря на свою порчу, стоит в связи с санскритом (а не индустани), составляющем наречие, родственное цыганам. По Асколи Sindhi и авганский язык представляют наибольшее сходство с цыганским: цыгане не суть ли Синды (Sindhiens), жившие долго между Авганами. Миклошич издал три мемуара (1872–1873) и исследовал эпоху миграций; указал на сродство цыган с индустани по языку. Но еще прежде, в 1763 г., случай указал сходство между языком цыган и Малабарцев, учившихся в Лейдене. По всей вероятности, хотя это были и сыновья браминов, но они говорили не по-санскритски, а языком dakni. Бакмейстер, библиотекарь Академии Наук в Петербурге, составил словарь в 2 т., 1782–1789, и дал 286 слов на двухстах языках Европы и Азии. Цыганские слова в этом словаре собраны Палласом от цыганки, жившей в Галле, и им еще в 1777 г. указано сходство с индустани, что подтверждено и Бакмейстером.

Батальяр развивает свои воззрения на происхождение и родство цыган с другими племенами, указывает на тождество цыган и некоторых колоний Djatt, переселенных из Индии в западную Азию арабскими завоевателями VII–IX века, а несколько тысяч выведенных из Сирии на территорию Византийской империи в 855 г. самими византийцами. Батальяр утверждает, что это сходство им уже указано в 1849 г. Он говорит во-первых, что и теперь эта мысль только правдоподобна, но не достоверна, несмотря на некоторые новые доказательства, во-вторых, что это идентифицирование может быть только частным и приложимо к весьма небольшой части цыганского

племени: a) невероятно, чтобы только по меньшей мере 500 000 цыган, ныне живущих на Ю.-З. Европы, произошли от нескольких тысяч Djatt, переселенных в 855 году; b) невозможно, чтобы Djatt, разводители буйволов и других промыслов, несвойственных цыганам, произвели расу, отличающуюся тремя главными занятиями: обработкой металлов, музыкой и гаданием, и в обработке металлов употребляющую с большой ловкостью первобытные способы, идущие от глубокой древности. Кроме того, при гипотезе Goeje совершенно невозможно объяснить название цыган, как невозможно и объяснить прибытие цыган только впоследствии, во времена исторические. Действительно, у цыган сирийских можно допустить элементы djatt, но только у них одних. Батальяр полагает, что в Малой Азии, на Кавказе и на средиземноморских восточных островах цыгане живут с незапамятных времен. Батальяр находит их там под именем Сигинов со времен Геродота, а со времен Гомера под именем Синти, имя какое и теперь придают себе сами цыгане, и которое они сохраняют с наибольшей таинственностью. Это же доказывал и Наже еще в 1803 г. Но ни тот, ни другой не могли доказать это этнографическими и историческими данными. Это мнение до сих пор принималось с недоверием учеными, тем более, что цыган изучали только лингвисты, кои даже проповедывали мысль, что «история всей расы цыган в их наречии», и кои с 1778 г. придерживались воззрения Грелльмана о недавнем переселении в Европу цыган.

Батальяр видит подтверждение и основание своих воззрений в общем названии «Tsiganes» во всех странах Европы (России, Германии, Италии и Португалии). Геродот (V, 9), рассказавший о «Сигинах», расселенных в большой пустынной территории, доходившей до страны Венетов на Адриатике, говорит: «Лигуры, живущие около Массалии, называют «Сигиннами» купцов, но Киприоты называют так копья или дротики». Если другое название, чем Сигины, но значащее тоже копье или дротик или нечто сходное, мы найдем прилагаемым еще и теперь к цыганам в странах, где употребляется греческий язык, то не будет ли это материальным доказательством тождества древних Сигинов с цыганами, а равно и объяснением слова цыган, говорит Батальяр?

Черепа цыганские. Относительно изучения цыган в краниологическом отношении мы имеем исследование Коперницкого, удостоенное премии Парижского Антропологического Общества. Но уже прежде его Блюменбах дал описание цыганского черепа. Вейсбах описал тоже цыганские черепа, о которых указания мы встречаем и в

сочинении Велькера. Краниологическое исследование черепа цыган из различных местностей важно в том отношении, что оно дает ответы на очень существенные вопросы, каковы: Придунайские и Египетские цыгане, Московские и Испанские представляют ли один тип или несколько? Произошли ли они от одних родичей или нет?

По Коперницкому мужские цыганские черепа имеют средний объем, ортоцефальны или субдолихоцефальны. Явственно выраженная долихоцефалия и брахицефалия встречается редко. Вертикальная норма имеет овальное очертание. Профиль черепа представляет лоб в большинстве случаев низкий и никогда не бывает высоким. Лобная кость составляет значительную долю бокового очертания и, следовательно, имеет значительную длину. Лицо длинное и более или менее прогнатическое в своей нижней части. Носовые кости обыкновенно длинны. Верхняя челюсть более или менее прогнатична в своей альвеолярной части. Зубы обыкновенно крепки, здоровы и более или менее косвенны. Нижняя челюсть средней величины, и горизонтальная ветвь ее обыкновенно длинна и часто косвенная. Угол челюсти обыкновенно значителен, а в исключительных случаях бывает прямой. Подбородок выдающийся, заостренный. Лобная часть более или менее сферическая в своей кривизне. Надбровные дуги хорошо очерчены. Лицо обыкновенно более или менее удлиненное и узкое. Очертание лица иногда бывает треугольным, иногда четырехугольным. Глазницы очень широки и высоки, четырехугольны и не особенно удалены одна от другой. Основание носа несколько углублено; спинка носа никогда не бывает сплюснутой. Затылочное очертание удлинено в вертикальном направлении. Линии прикрепления мускулов и сосцевидные отростки хорошо развиты. Затылочное отверстие удлиненное.

Средний объем черепов 1,385. Широтный указатель их 78. Высотный указатель 75. Череп вообще узок у лба, но мало-помалу расширяется к вискам, и наибольшая ширина его находится над слуховым отверстием и несколько сзади его. Отсюда он медленно суживается кзаду и образует довольно развитый затылок. Основание черепа довольно значительно (103 мм).

Черепа женщин представляют большие видоизменения, чем мужские. Объем черепа у них меньше, ширина больше, основание черепа короче, лицо менее удлинено и глазницы сравнительно объемистее.

В виду предполагаемой связи цыган по происхождению с Индусами Коперницкий сравнивал цыганские черепа с черепами

индусов, находящимися в Парижских краниологических собраниях. Результат этого сравнения можно сформулировать в следующих положениях: 1) как индусский, так и цыганский черепа отличаются малым своим объемом и малой вместимостью. 2) Оба черепа представляют замечательное сужение в лобной и височной части. 3) Наклонение лобной кости у черепов обоих племен больше, чем у большинства черепов иных рас. 4) Относительное положение наибольшей ширины черепа одинаково почти у обоих племен. 5) Одинаково также положение затылочного отверстия. 6) Лицо индуса несколько менее прогнатично (на 3°), чем у цыган, но лицевой угол цыган приближает их к большинству ортогнатических рас Европы. 7) Индусский череп долихоцефалический, тогда как цыганский ортоцефальный, представляющий только некоторую наклонность к долихоцефалии. 8) Большинство индусских черепов ассиметричны, чего не замечается у цыган. 9) Высота индусских черепов больше их ширины, тогда как цыганский череп имеет высотный указатель средний 0,75, а предельные 0,71–0,79, следовательно, вовсе не отличается развитием в высоту. 10) Теменная дуга длиннее у индусов, а основание черепа короче. 11) Относительное положение слуховых отверстий лежит более кзаду у индусов, чем у цыган.

Что особенно желательно для изучения Московских цыган. Закончив краткий очерк вопросов, придающих особый интерес изучению цыган, нам остается сказать несколько слов и о том, на что должно быть обращено особое внимание исследователей по отношению к московским цыганам.

1. На первом месте, по нашему мнению, следует поставить вопрос о помесях цыган с русскими, как представляющий особый интерес. Известно, что браки между русскими и цыганками нередки, но существуют ли обратные, т. е. мужчин цыган на русских женщинах? Какие особенности представляют дети от таких браков? Замечается ли в них цыганская лень к учению и какие их умственные способности? Каков физический тип таких детей. Нельзя ли для антропологического собрания получить портреты отца, матери и детей в разные возрасты из таких смешанных семей? В чем особенно выразилось в детях влияния отца русского и матери цыганки? Медикам, имеющим близкий доступ в такие семейства, подобные наблюдения не представят особенной трудности.

2. Какие видоизменения в физиологических и анатомических особенностях произошли от оседлого образа жизни московских цыган сравнительно с кочующими их соплеменниками? Так ли они

выносливы к холоду и жару, так ли мало болеют, как и последние? Не ускорились ли у них регулы? Замечается ли у них особенная длина praeputium? Не стали ли черты лица их правильнее, нежнее?

3. Не осталось ли каких-либо суеверий, тайных обрядов, напоминающих об их прежней кочевой жизни? При сравнении языка Московских Цыган с наречиями других местностей, значительно исследованных, какие замечаются отличия? Какие слова преимущественно утрачены и какие введены вновь из других языков, особенно русского?

4. Сведения о быте московских цыган крайне поверхностны и недостаточны. Желательно бы иметь более подробную характеристику его.

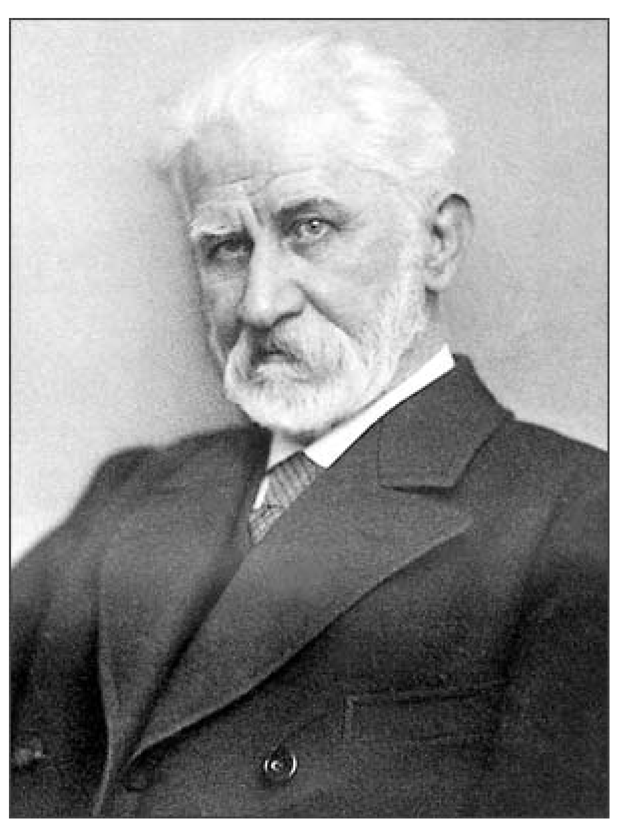
5. Официальное число цыган в Москве, по-видимому, меньше действительного; нельзя ли собрать более точные данные?

Само собой разумеется, что измерения живых, собрания черепов, и тому подобные общие антропологические требования, имеют существенное значение и при собирании материалов для нашей выставки по отношению цыган.

Антропология и этнография

Д. Н. Анучин

«Русская мысль»
1884 год, декабрь

Новейшее развитие науки о человеке; возрастание материалов по антропологии и этнографии. — Вопрос о древности человека и о первой его родине. — Мнение о существовании человека в третичную эпоху. — Одновременность человека с ледниковым периодом. — Исследование Пенка. — Отсутствие следов человека в области древнего обледенения. — Доказательства существования человека в межледниковый и последний ледниковый период. — Новейшие находки следов палеолитического человека в Германии и Австрии. — Быт и

обстановка человека в палеолитический период; их сходство с бытом и обстановкой эскимосов. — Древнейшие останки человеческого скелета. — Гипотезы относительно происхождения человека. — Мнимые переходные формы между человеком и животными. — Хвостатые и волосатые люди. — Возможен ли у человека хвост? — «Крао» или мнимая «девочка-обезьяна». — Аномалии общей волосатости. — Соотношение между физическим и психическим развитием. — Изучение идиотов и гениальных людей. — Антропологическое изучение преступников. — Исследования Ломброзо и его последователей; новейшие наблюдения Баженова. — Изучение низших племен. — Деятельность местных институтов; обогащение европейских этнографических музеев. — Изучение австралийцев и меланезийцев. — Исключительно благоприятное положение обитателей островов Фиджи под английским владычеством. — Новейший прогресс по исследованию тропической Африки. — Племена Конго по наблюдениям Джонсона. — Изучение этнографии Америки; деятельность вашингтонского этнологического бюро. — Немецкие исследования; экспедиция Якобсена. — Изучение племен восточной и средней Азии. — Область столкновения арийцев с монголами. — Исследование западных Гималаев, Гинду-Куша и Памира. — Вопрос о колыбели арийской расы. — Антропологические различия на почве лингвистического единства.

Когда говорят о научных успехах новейшего времени, то разумеют обыкновенно успехи в области наук физико-химических, выражающиеся наглядно в различных технических открытиях и изобретениях. Но помимо этой области не менее важный прогресс выказывают науки биологические, для которых с появлением теории Дарвина открылась, можно сказать, новая эра развития. Первой воспользовалась этой теорией зоология, затем, хотя гораздо менее, ботаника и, наконец, геология, особенно тот ее отдел, который носит название палеонтологии и который тесно связан с естественной историей животных и растений. Но влияние плодотворной теории эволюционизма не ограничилось только этими науками; оно отразилось и на многих отраслях знаний, посвященных изучению человека. Принцип постепенного развития стал прилагаться всё более и более, как при изучении физических сторон человеческой природы, так и ее психических свойств, и им руководятся теперь не только антропология, этнология, анатомия, но также психология, история, науки экономические и юридические.

Для некоторых из только что упомянутых наук появление теории эволюционизма совпало с наступлением эпохи их возрождения или, по крайней мере, их нового усиленного роста. Конечно, такое движение было вызвано не одной только теорией Дарвина, но и многими другими условиями, в общем оказавшими благотворное влияние; однако, нельзя отрицать, что без руководящей идеи о постепенности развития, анализ многих явлений человеческой жизни не был бы проводим так далеко, до таких подробностей, и не сопровождался бы столь интересными результатами. В области науки отдельные успехи также отражаются на общих, как и в человеческой жизни; прогресс одной области знания влияет и на развитие других, более или менее с ней сходных или соприкасающихся, а иногда даже и таких, которые принадлежат другому разряду или циклу.

Та область знаний о человеке, которая выделяется теперь в особые науки, называемые антропологией и этнологией, также принадлежит к числу тех, начало усиленного развития которых приблизительно совпадает с появлением теории Дарвина. Хотя первые основы естественной истории человека были заложены еще в XVIII веке, хотя собирание этнографических фактов началось еще раньше, в эпоху классической древности, хотя самые термины «антропология» и «этнография» были введены уже довольно давно (первый в XVI, второй в конце XVIII века), тем не менее то, что подразумевалось под этими терминами, долгое время едва ли заслуживало название науки. Только с конца прошлого столетия, со времени Бюффона и Блуменбаха — естественная история человека стала принимать научный характер; только с первой трети нынешнего, со времени Причарда — стало возможным обоснование науки о человеческих племенах.

Мало-помалу, с развитием сношений с отдаленными странами, с накоплением сведений о племенах за пределами Европы, с успехами зоологии, анатомии, эмбриологии, лингвистики, истории, археологии, стал расти и материал, пригодный для антропологии и этнографии. Открытие останков человека и его культуры в отложениях предшествовавшей современной геологической эпохи и вместе с остатками так называемых «допотопных», вымерших до начала исторического периода, животных, значительно изменило взгляд на древность человеческого рода и, в то же время, открыло новые точки зрения на его первобытную историю. Сравнение данных доисторической археологии с наблюдениями над бытом современных дикарей повело к основанию особой отрасли знания — истории

первобытной культуры, а те же наблюдения, дополняемые данными истории, языкознания, индивидуальной психологии, положили основание сравнительной психологии племен, составляющей важный отдел современной этнологии.

Что касается древности человека, то в настоящее время не подлежит сомнению, что человек существовал в средней Европе еще в те отдаленные времена, когда в ней водился мамонт и другие виды ископаемых слонов, носороги, исполинский гиппопотам, «пещерные»: медведь, лев, гиена, ирландский олень с колоссальными рогами, мускусный бык, северный олень и другие виды животных, давно уже вымершие или, по крайней мере, эмигрировавшие в северные или южные страны. Вместе с тем, доказано, что человек застал еще в Европе так называемый «ледниковый» период, когда не только горные ледники Альп и Пиренеев представляли, сравнительно, колоссальное развитие, но и вся северная Европа была покрыта мощными слоями льдов, спускавшимися по склонам скандинавских, шотландских и финляндских гор в равнины Англии, северной Германии и России. Таким образом, человек заселял Европу еще в тот отдаленный период, когда климатические условия ее значительно отличались от современных и когда, притом, распределение в ней суши и моря представляло также особенности, выражавшиеся, например, в соединении Великобритании с материком, в существовании суши на месте нынешнего Немецкого и Балтийского морей, в соединении Аппенинского полуострова с Африкой и так далее. Условия жизни тогдашнего человека в Европе были, следовательно, существенно отличны от нынешних, и ему пришлось быть свидетелем великих изменений, последовавших в климате Европы, и в распределении в ней морей, суши, ледников, озер, рек, растений и животных. Всё это говорит в пользу значительной древности человека, хотя и не определяет точнее эту древность и не указывает, когда он впервые появился.

Ранее ледникового периода, в течение так называемой третичной эпохи, Европа отличалась сравнительно более теплым климатом, и чем древнее, чем ближе к началу этого периода, тем климат был теплее. Новейшие исследования показывают, правда, что различие в температуре между странами полярными и тропическими существовало уже и тогда, но оно не было столь резким, как впоследствии, и в такой полярной стране, как Гренландия, могли существовать тогда обширные леса. Есть даже основания думать, что именно в полярных странах, на существовавшем там в третичную

эпоху материке происходило образование многих видов животных, которые впоследствии должны были спуститься южнее и мало-помалу заселили среднюю Европу. По мере того, как температура северных стран понижалась, как место суши стал занимать отчасти океан, а на суше стал образовываться ледяной покров, северные виды животных должны были подвигаться в те страны, которые представляли большие удобства для их существования — южные, умеренно-холодные. Здесь могли они встретиться с формами иного, южного происхождения, отчасти начавшими тоже подвигаться южнее, отчасти приспособлявшимися к новым условиям существования и вырабатывавшими новые виды. Как бы то ни было, но в период, предшествовавший современному и более или менее совпадающий с периодом ледниковым, фауна средней Европы представляла своеобразное смешение северных и южных форм, ближайшие родичи которых распределяются теперь по весьма различным климатическим поясам. Спрашивается теперь, какого происхождения был сам человек, северного или южного, другими словами, получил ли он начало в северных странах, по крайней мере, в Европе, или он распространился из стран более южных, из средней или южной Азии, или из тропической Африки?

Положительного ответа на этот вопрос наука дать еще не может и различными учеными были высказаны по этому вопросу весьма различные гипотезы. Одни полагали колыбель человеческого рода на севере, другие — на среднеазиатском плоскогорье, третьи — в южной Азии, четвертые — в Африке, а некоторые — на исчезнувшем теперь материке, находившемся будто бы в Индийском океане и соединявшем Мадагаскар, может быть даже восточную Африку — с Цейлоном, южной Азией и даже — Целебесом. Гипотетический материк этот был придуман английским зоологом Склэтером для объяснения некоторых фактов географического распространения животных, особенно так называемых лемуров или полуобезьян, почему он и дал этому материку название Лемурия. Но затем гипотезой Склэтера воспользовались и для приложения ее к древней истории человека, и известный Геккель составил даже карту, на которой показал, как из этой гипотетической Лемурии происходило расселение человечества и образование рас. В новейшее время, однако, существование Лемурии признается маловероятным, и это тем более, что, как показал Уэллес, в принятии ее нет достаточно побудительного повода, так как многие из затруднительных фактов географического распределения животных могут быть объяснены и

помимо ее, при допущении значительных климатических изменений. Всего вероятнее, при настоящем состоянии наших сведений, что человек впервые появился в Азии, где соприкасаются монгольская и белая расы, а во времена глубокой древности могла соприкасаться и черная, встречающаяся кое-где еще и теперь на азиатских островах и даже в южных областях азиатского материка. На Азию же указывают и древнейшие предания некоторых народов: семитических, арийских, малайских, — помещающие в ней первобытный «рай» или, по крайней мере, родину своих древнейших праотцев.

Было высказано мнение, что человек мог явиться еще в третичную эпоху, когда климатические условия были для него более благоприятны, когда ему требовалось менее заботы о своем питании и о прикрытии своего тела, как известно, незащищенного шерстью. Некоторые находки, сделанные в третичных отложениях Европы, именно во Франции, Италии, Португалии, дали даже повод думать, что только что приведенное мнение не лишено фактического основания. Были найдены оббитые кремни и кости животных, со следами на них зарубок, которые как бы указывали на участие разумного существа — на удары, нанесенные человеком. Но, во-первых, не всегда слои, в которых находили такие следы, оказывались при ближайшем исследовании третичными, а, во-вторых, самые следы эти представляются иногда сомнительными или могут быть объясняемы, как оставленные не человеком, а животными. Так, зарубки, констатированные на костях некоторых ископаемых китообразных (Balaenotus, Haiitherium), оказались произведенными не ударом какого-либо орудия, а зубами больших акул (Sergus serratus, Carcharodon megalodon), которые и найдены были в тех же отложениях, или мечем так называемого «меча-рыбы». Подобным же образом нарезки на костях некоторых наземных животных можно было объяснить работой обгладывавших их крупных грызунов, а что касается оббитых кремней, то следы обделки их представляются довольно сомнительными, не исключающими возможности происхождения их от естественного раскалывания, вследствие взаимных ударов (например, в быстром потоке) или при резких изменениях температуры, какие и теперь бывают, особенно в жарких странах.

В настоящее время, что касается Европы, можно утверждать только одно, что человек застал здесь еще ледниковый период. Но и то неизвестно в точности, появился ли он в начале этого периода, в середине его или уже к концу. Новейшее исследование этого вопроса

принадлежит Пенку в Мюнхене (см. его статью «Mensch und Eiszeit» в «Archiv fur Anthropologie» 1884); оно сопровождается двумя картами, показывающими распределение древних ледников в Европе. Оказывается, что в период своего наибольшего развития ледники покрывали всю Ирландию, Шотландию и большую часть Англии, спускались с Скандинавских гор в Немецкое море, Данию и северную Германию (до линии, идущей от устьев Рейна, вдоль северо-германских гор до Татры), а из Финляндии распространялись на всю северную и среднюю Россию, доходя до среднего Днепра, верхнего течения Дона и среднего — Волги. С другой стороны, альпийские ледники спускались до Швабии, пиренейские и кавказские представляли также большое развитие, так что для распространения животных и человека мог служить в то время (к северу от Альпов) только сравнительно узкий пояс, вмещавший в себя большую часть Франции, южную Германию, значительную часть Австрии и южную Россию. Интересно, что древнейшие следы человека и были найдены именно в этой области, то есть вне пределов ледяного слоя, покрывавшего некогда всю северную Европу до 50 градуса северной широты. Как ни богаты Скандинавия, Шотландия, северная Германия и северная Россия находками древних каменных орудий, но все они относятся к более позднему каменному веку, так называемому неолитическому; следов же древнейшего, палеолитического века здесь не встречается. Подобным же образом, как ни многочисленны находки неолитического века в Швейцарии, по берегам озер и на месте древних свайных построек, однако, следов древнейшего каменного века здесь нет, очевидно, по той причине, что тогда Швейцария, покрытая колоссальными ледниками, не представляла удобств и даже возможности для жизни человека. Области древнего обледенения Европы и места находок остатков и изделий палеолитического человека исключают себя взаимно в Европе; отсюда понятно, почему, например, Франция много богаче находками древнейшего каменного века, чем Германия. Первая во время ледникового периода была только кое-где (не более как на $^1/_{20}$ поверхности) покрыта ледниками, тогда как в Германии, из 540 000 кв. километров более половины — около 350 000 кв. километров — были погребены под ледяным покровом.

Уже это одно обстоятельство, именно, что палеолитический человек жил только вне пределов древнего обледенения, самое большее на окраине его, может служить доказательством одновременности его с ледниковым периодом. Если бы появление

человека относилось к более поздней эпохе, то было бы непонятным, почему он не распространился на область древних ледников, почему он не поселился, например, по берегам швейцарских озер или на равнинах северной Германии, где он мог бы, во всяком случае, рассчитывать на богатую охотничью добычу. Но еще более в пользу одновременности первобытного человека с ледниковым периодом говорит та фауна, которая окружала этого человека, которая доставляла ему материал для питания и одежды. Изделия и останки палеолитического человека встречаются совместно с костями северного оленя, мускусного быка, лемминга или пеструшки, росомахи, песца и других северных животных. Мало того, в Шуссенриде (в Швабии, к югу от Дуная) остатки человеческой индустрии оказались в одном и том же слое с полярными и альпийскими мхами, рядом с костями песца и северного оленя. Человек, во всяком случае, застал еще ледниковый период, появился в Европе еще в продолжение его.

Любопытно, однако, что многие характеристичные находки палеолитического века были сделаны на окраине древних ледников и даже на их конечных моренах (то есть на тех скоплениях ледниковых наносов, которые образуются на нижней границе ледников, где льды тают вследствие более высокой температуры). Это показывает, что человек жил здесь в то время, когда ледники уже начали отступать, когда граница их стала отодвигаться к северу (или выше к Альпам). Такое отступление должно было совершаться, конечно, медленно, в течение тысячелетий, и, притом, как есть основание думать, не без значительных колебаний. Отступая и уменьшаясь в течение известного времени, ледники могли снова приобретать большее развитие и снова распространяться на более обширные пространства. Многие факты показывают, что именно так и было, и современная геология принимает не один ледниковый период, а несколько, допуская промежуточные периоды, с более теплым и сухим, сравнительно, климатом. К числу таких фактов относятся находки промежуточных пластов, например, сланцевого угля, песков, между ледниковыми образованиями. Так, на Боденском озере и в Альгаусских Альпах встречается сланцевый уголь в промежутке между древними моренами; около Берлина такое же положение занимают Риксдорфские пески с их богатой фауной ископаемых млекопитающих. В этих случаях очевидно, что на месте древних ледников отлагались впоследствии речные наносы, или даже развивалась лесная растительность, а затем ледники снова заняли свои

прежние места. С другой стороны, относительно Альпов уже давно известно, что за пределами типичных конечных морен встречаются еще местами поддонные морены и валуны, и то же самое было констатировано и для области древнего северного обледенения. Здесь также, за пределами типичных конечных морен, к югу от них, можно было открыть следы других, внешних морен, утративших гораздо более свою типичность и по всем признакам более древних. То же явление представляет нам и северная Америка, где ледниковый период также существовал и, притом, еще в большем развитии, нежели в Европе (в последней северные ледники доходили до 50-го градуса широты, а в Америке — до 40-го). Здесь также, за пределами типичных морен, охвативших большие американские озера, встречаются (как доказал недавно Чемберлен) более древние, внешние, уже утратившие типичные признаки моренного ландшафта. Внутри типичных, позднейших морен (то есть к северу от них или ближе к Альпам) останков палеолитического человека никогда не находили, но в пространстве между ними и внешними, более древними моренами, они были найдены, например, около Тиле, Веймара и Геры, на границе северного обледенения, и в Шуссенриде и Таингене — у подножия Альпов. Всё это показывает, что существование палеолитического человека относится к эпохе промежуточной между двумя ледниковыми периодами и ко времени позднейшего из них, с окончанием которого исчез, по-видимому, и палеолитический человек. На место его явился неолитический, принесший с собой не только большее искусство в обделе камня, уменье его шлифовать и пробуравливать, но также уменье приручать животных, знание земледелия, гончарства и тканья. Этот новый приток племен последовал, по-видимому, с юга, из Африки, как на то указывают некоторые породы возделываемых растений и домашних животных, остатки которых были найдены в культурном слое швейцарских свайных построек, относящихся к неолитическому веку.

Выше было сказано, что наиболее богатые данные для познания палеолитического человека дала Франция, климатические условия которой уже в ту отдаленную эпоху были, по-видимому, более благоприятными, чем Германии. Действительно, древние речные наносы Соммы и Сены, пещеры департамента Дордони и Пиренеев доставили покуда наиболее ценные материалы для суждения о быте и обстановке палеолитического зверолова. Тем не менее, аналогичные находки были сделаны также в южной Англии, Бельгии и южной Германии, а в новейшее время и в средней Германии, Австрии и в

русских пределах (особенно в Келецкой губернии). Как на самые новейшие можно указать на находки Фрааса в пещере Бокштейн, в Лонентале; Гакера — в пещере Гуденус, в долине Кремса, в нижней Австрии; Мачки и Ванкеля — около Пшедмоста, на реке Бечве, в Моравии, и Оссовского — в Машицкой пещере, Келецкой губернии. В пещере Бокштейн Фраас нашел много изделий из костей мамонта и носорога, вместе с изделиями из кремня и рога северного оленя, а также костями лошади, оленя, пещерного медведя, гиены, песца, дикой кошки и других; останков самого человека найдено не было. Находки Оссовского интересны тем, что они дополняют данные, полученные для пещер той же местности графом Завишей, и именно указывают на большое сходство в быте и культуре между палеолитическим населением Польши и Франции. Наконец, находки Мачки и Ванкеля любопытны в том отношении, что они были сделаны не в пещерах, а в открытом отложении, в лёсе (глине), и познакомили с обширной стоянкой охотников палеолитического века, стаскивавших сюда свою добычу, устраивавших здесь свои пиры и изготовлявших здесь же кремниевые и костяные орудия.

Из всех сделанных до сих пор находок можно было составить довольно наглядное понятие о быте и обстановке людей палеолитического века. Это были дикари, умевшие пользоваться огнем, питавшиеся, по-видимому, по преимуществу мясом и довольно искусные в обделке кремня и в особенности кости и рога. В то же время, это были ловкие звероловы, успевшие одолевать таких зверей как мамонт, носорог, пещерный медведь, дикий бык, лошадь, олень. Они были большие лакомки до костного мозга, как то можно судить по тому, что почти все трубчатые кости добытых ими зверей оказываются расколотыми. Звери доставляли им и нужные шкуры, которые они умели, по-видимому, обрабатывать и шили из них себе одежды, на что указывают находки искусно сделанных костяных иголок. Не были чужды они художественного таланта: их костяные гарпуны и стрелы снабжены нередко правильными насечками и узорами, их орудия выказывают иногда еще более совершенные украшения — в форме резных или сделанных рельефно изображений животных. Можно полагать также, что они были знакомы с элементарным счетом; некоторые костные палочки с зарубками весьма напоминают позднейшие бирки. Но они не знали способа приготовлять глиняную посуду и не имели ни одного домашнего животного. У них не было даже собаки, и варить пищу они могли только на манер некоторых североамериканских дикарей до прибытия

европейцев, именно, вырывая в земле яму, выстилая ее кожами, наливая воды и потом нагревая воду посредством опускания в нее раскаленных камней. Это была, следовательно, до-горшечная и до-собачья эпоха, — одна из древнейших в развитии человеческой культуры.

По многим подробностям быта и обстановки палеолитические обитатели Европы представляли большое сходство с современными эскимосами, населяющими северную окраину Америки. И здесь и там мы видим каменный век, искусство в обделке кости и рога, сходные формы гарпунов, стрел, скребков, ножей и других орудий, разбивание оленьих костей для извлечения мозга и художественную наклонность к резьбе и к изображениям животных. Сходство это так значительно, что благодаря эскимосам можно было уяснить значение некоторых палеолитических орудий, которые иначе остались бы совершенно непонятными. С другой стороны, это сходство навело на мысль, высказанную недавно Мортиллье, что нынешние эскимосы представляют прямых потомков европейских палеолитических дикарей, отступивших к северу с наступлением более теплого периода. Такое заключение, однако, требует более положительных доказательств, так как сходство в быте может объясняться сходством в климатических условиях, в окружающей природе и в ближайших потребностях. С другой стороны, важно также иметь понятие о физическом типе палеолитического человека для того, чтобы судить, насколько он был близок к типу современных эскимосов.

К сожалению, данные, которые имеются для суждения о типе палеолитических обитателей Европы, еще весьма скудны, чтобы на основании их можно было составить вполне определенное представление. Известно, правда, несколько десятков случаев нахождения человеческих костей в слоях с остатками культуры палеолитического века, но древность многих из этих костей подлежит сомнению, в том смысле, что они могли принадлежать и позднейшему неолитическому веку. Если в течение палеолитического века человек пользовался пещерами для жилья и стоянки, то сомнительно, чтобы он погребал в них и своих покойников; с другой стороны, по отношению к неолитическому веку доказано, что пещеры служили в эту эпоху для погребения мертвых. Но, погребая мертвых в пещере, поневоле приходилось зарывать их в слой земли, находившийся на дне ее, и который иногда мог заключать в себе остатки культуры более древнего периода. Таким образом, не всегда нахождение костей человека в слое с остатками палеолитического века может считаться

доказательством одновременности первых с последними. Впрочем, известно несколько остатков человеческого скелета, глубокая древность коих не может подлежать, по-видимому, сомнению. Число их, однако, весьма невелико и многие из них слишком фрагментарны для составления вывода об особенностях организации. Наиболее шуму наделали в последнее время две нижних челюсти (или, точнее, обломки их), найденные — одна уже несколько лет тому назад в Нолетской пещере, в Бельгии, а другая — в пещере Шипка, в Моравии. Обе они отличаются сравнительно крупными размерами и представляют некоторые признаки низшего строения. Однако, вторая из них, по мнению Вирхова, должна быть признана ненормальной, выказывающей задержу в прорезывании постоянных зубов, а первая, хотя и представляет некоторые черты низшего типа, однако, такие, которые можно встретить и на черепах современных дикарей. Вообще, если собрать все уклонения, замеченные в строении скелета у различных современных рас и особей, то можно воссоздать в воображении еще более низкий тип человека, чем какой мы можем себе составить из сравнения древнейших, известных до сих пор человеческих останков.

Недостаток фактов представляет обширное поле для догадок и фантазии, и мы видим, что уже со времени классической древности начинаются гипотезы относительно происхождения человека. Одни полагали, что он был создан из земли, другие — что из камней, а Анаксимандр Милетский полагал, что первые люди образовались из каких-то рыбообразных животных. Ванини (писатель XVII века) говорит об атеистах, по мнению которых первые люди получили начало из какого-то ила, загнившего вследствие разложения в нем трупов обезьян, свиней и лягушек. «Другие атеисты, — продолжает он, — думали, что только эфиопы образовались из одной породы обезьян, и ссылались в подтверждение на одинаковую температуру их тела» (?). В половине прошлого столетия де-Малье в своем Телльямеде или беседах индийского философа с французским миссионером развил идею, что человек явился из моря, произошел от каких-то человекообразных водяных существ — «морских людей». Но уже к концу XVIII века стало встречаться всё чаще и чаще предположение, что человек мог произойти от высших обезьян или приматов, и воззрения такого рода мы встречаем у Монбоддо, де-ла-Меттри, Бёрнета, Бонне, даже Гердера, Канта, Жоффруа Сент-Илера. В начале нынешнего столетия Ламарк, в своей Философии зоологии, придал этой догадке форму определенной гипотезы, выразившись

таким образом, что «если человек не отличался от животных ничем другим, кроме особенностей своей организации, и если бы мы не знали, что происхождение его совершенно иное, то можно было бы доказать, что все отличительные признаки его организации суть ничто иное, как результаты изменений в его повадках, последовавших в древние времена, и привычек, которые он приобрел мало-помалу и которые сделались характеристичными для всех особей его вида». Гипотеза Ламарка в свое время мало обратила на себя внимания, и о ней вспомнили только по прошествии полустолетия, когда явилась теория Дарвина. Эта последняя, трактуя о способах происхождения органических форм и о генетической связи между различными видами и группами животных, не могла не включить в пределы своих обобщений и человека, указав на те черты, которые сближают его организацию с организацией высших животных. Труды самого Дарвина, а также Гексли, Геккеля, Фохта, Уоллеса, Клапареда, Брока и других во многом разъяснили отношение, существующее между строением человека и приматов, и установили на более солидных основаниях положение человека, как физического существа, во главе класса млекопитающих. Но это научное разъяснение такого рода, что может показаться не удовлетворительным для тех, которые требуют от науки категорического ответа и вполне ясного представления. Любопытство подстрекает знать, кто именно был ближайший предок человека и каким именно образом образовался «царь творения». Но решить этот вопрос для науки невозможно, так как ей известно, что ни один из современных видов приматов не может претендовать на честь ближайшего родства с человеком, а, с другой стороны, палеонтология не открыла еще никаких остатков существ, в которых бы можно было видеть непосредственных прародичей человека. Затем, если наука и имеет теперь некоторое понятие о том, чем вызываются изменения в организации и каким факторам может быть приписано расхождение разновидностей и образование видов, то она не может еще сказать, как эти факторы слагались при образовании типа человека, какое здесь происходило соотношение в развитии, насколько здесь участвовали процессы, названные Дарвиным «борьбой за существование» и «естественным подбором». Было высказано мнение, и, притом, даже таким ученым как Уэллес, который сам принадлежал к числу ревностных поборников изменяемости видов, что одной борьбой за существование и естественным подбором невозможно объяснить образование многих особенностей, характеристичных для человека, и что, несомненно, тут участвовали

другие факторы, разъяснить которые наука покуда не в состоянии.

Тем не менее, мысль, что человек связан в своем происхождении с животным миром, что есть люди, составляющие как бы переход к зверям, выказывающие те или другие животные признаки, — эта мысль не оставляла человечество с отдаленных времен и не исчезла и по настоящее время. Со времен классической древности, через все средние века проходят предания о существовании различных дивных, чудовищных людей, — племен с песьими головами, с хвостом, покрытых шерстью, с колоссальными ушами, пигмеев, гермафродитов и т. д. Мало-помалу, с расширением сведений об отдаленных странах и о живущих в них народах, эти предания утрачивали свое вероятие и отбрасывались как нелепые сказки. Но такой критицизм развивался лишь мало-помалу и не без некоторых колебаний. Так, в XVII веке Гуго Гроций, отвергнув существование людей, покрытых шерстью или с собачьей мордой, не мог, однако, признать вполне баснословными известия о людях с лицом на груди. В первой половине прошлого столетия знаменитый Линней еще верил в существование людей с хвостами, «ночных» или «лесных» и — диких, четвероногих, немых, мохнатых. Что касается хвостатых людей, то известие о них продолжают встречаться во всё продолжение нынешнего столетия, и, притом, не только у мало известных путешественников, но иногда и в ученых журналах, и в сообщениях лиц, способных внушать к себе значительное доверие.

Новейшие наблюдения, впрочем, не оставляют сомнения, что хвост (конечно, в форме небольшого отростка) может встретиться как исключительная аномалия и у человека. Доктор М. Бартельс, сгруппировавший недавно все известия о случаях хвостатости у человека, мог установить даже классификацию этих образований, подразделив их на «ложные» и «настоящие» хвосты, а последние на «приросшие» и «свободные». Под ложными хвостами он разумеет разные опухоли и наросты, могущие иногда представлять подобие хвостов, но не гомологичные последним по своему положению и развитию. Настоящие хвосты обуславливаются выступанием конца позвоночного столба — хвостовых позвонков, которые нормально у человека весьма мало развиты и представляют небольшой, так называемый «хвостец», скрытый между мягкими частями, но которые, в исключительных случаях, могут являться более развитыми и ясно выделяющимися от окружающих частей. В большинстве случаев такое выступание хвостеца зависит, по-видимому, от увеличения толщины его позвонков или от более прямого его положения, но

может быть, что к этому присоединяется иногда и увеличение числа позвонков, хотя подтвердить это наблюдением до сих пор еще не удалось. Объяснение подобных образований дает нам отчасти история эмбрионального развития человека. Она показывает, что в известный период утробной жизни человеческий зародыш также снабжен хвостом, то есть выступающим концом позвоночного столба, как и зародыши других млекопитающих, с тем только различием, что у большинства последних хвост увеличивается по мере роста плода, а у человека он останавливается в росте, обгоняется в развитии окружающими частями и остается скрытым между ними, как зачаточный орган. Но возможно представить себе, что остановка в развитии происходит иногда позже, чем обыкновенно, так что хвостовые позвонки получают несколько большее развитие; в результате мы получим более или менее заметное ненормальное образование, которое придется признать однородным с настоящим хвостом. Образования такого рода представляют индивидуальные уклонения или аномалии строения, подобные многим другим уродствам, встречающимся у человека. Впрочем, Бартельс думает, на основании известий путешественников, что в некоторых странах, как например на Малайском Архипелаге и в некоторых частях тропической Африки, эта аномалия встречается чаще, чем в Европе, и, так как некоторые аномалии способны передаваться по наследству, то он считает даже возможным существование целых семейств, родов и даже народцев, у которых подобная аномалия может быть значительно распространенной. Такое мнение, однако, едва ли можно признать достаточно вероятным, так как существующие известия о хвостатых племенах довольно сбивчивы и противоречивы. Во всяком случае, существование подобной аномалии нисколько не способствует разъяснению вопроса об отношении человека к животному миру. Что тело человека построено по типу млекопитающих, в частности приматов, и что эмбриональное развитие его следует также общему плану, это известно уже давно и с одинаковой убедительностью может быть доказано на всяком органе, равно как мы знаем, что всякий орган может представлять уклонения в своем строении, недоразвитие, или, наоборот, усиленный рост. Заметим притом, что хвост является зачаточным уже у многих животных, и что высшие приматы отличаются таким же отсутствием хвоста, как и человек.

В прошлом году в лондонском аквариуме показывалась одна «девочка-обезьяна» по имени Крао, которую антрепренер Фарини выставлял в своих объявлениях как недостающий промежуточный

член в соединительном ряду между человеком и обезьяной («Крао» — the Missing Link, a living proof of Darvins's theory of the Descendent of Man). Это существо было родом из царства Лаос (в Индокитае) и имело вид хорошо сложенной, интеллигентной девочки, лет семи или восьми, с большими, блестящими глазами, плоским носом, полными румяными щеками, и с тем только отличием, что ее тело было покрыто черными, густыми, прямыми волосами, которые спускались на лоб до бровей, а на щеках образовали род бак; остальное лицо было покрыто нежным, темным пухом, а на плечах и на руках волосы достигали 1–2 дюймов длины. Кроме того, Фарини утверждал, что у Крао есть зачаток хвоста, и это известие перешло во многие газеты, с прибавлением, что у девочки имеются один или два лишних хвостовых позвонка. Однако, все усилия Бартельса получить в этом отношении более точные сведения оказались тщетными и, по-видимому, этот «зачаток хвоста» был только придуман Фарини для возбуждения большего интереса в публике. Девочка была довольно понятлива и скоро научилась нескольким английским словам, характер ее был открытый и доверчивый, и она очень восхищалась своими платьями и украшениями. Очевидно, что эта девочка представляла только ту аномалию, что ее тело было несколько более волосисто, и что волосы покрывали, притом, у нее лоб, щеки и даже, в виде темного пуха, всё лицо. Выражаясь специальным термином, это был случай «hypertrichosis universalis», то есть ненормального, усиленного развития волосатости, подобные которому встречались неоднократно и ранее. Наиболее характеристичный пример такой аномалии представляло одно бирманское семейство, где волосатость перешла от отца к дочери, а от нее к внукам. Затем такую же особенность представлял один костромской крестьянин, Адриан Евтихиев, показывавшийся несколько лет тому назад в Москве и разных городах Западной Европы, а равно один мальчик, которого называли сыном Евтихиева. Известно также, что подобная аномалия передавалась в ряду нескольких поколений в одном итальянском семействе XVII века, что ею отличалась одна американская танцовщица, Юлия Пастрана, и так далее. Такая ненормальная волосатость невольно наводит на сравнение с животными, но объяснять ее атавизмом или возвращением к типу предков едва ли возможно. Развитие волос в таких случаях замечается особенно на лице, между тем как лицо у ближайших к человеку животных не покрыто волосами, подобно тому как и ладони, и ступни. С другой стороны, эмбриология показывает, что в известный период утробной

жизни зародыш человека бывает покрыт почти весь мелким пухом, который впоследствии исчезает, уступая место волосам, развивающимся сначала только на голове. Пух этот покрывает и всё лицо зародыша, не исключая носа, представляя в этом отношении сходство с «hypertrichosis universalis». Отсюда возможно сделать предположение, что указанная аномалия представляет как бы остановку на известной стадии зародышевого развития, или, точнее, усиленное развитие того покрова, который бывает преходящим и гораздо менее выраженным, но нормальным для всякого человека в известную стадию его эмбрионального развития. Любопытно также, что всё более точно обследованные случаи чрезмерной волосатости сопровождались и аномалиями в развитии зубов, именно недостатком их (особенно коренных) в одной или обеих челюстях. Этот факт ясно указывает на патологический характер аномалии, более обстоятельное изучение которой возможно ожидать только при увеличении наблюдений над подобными субъектами.

Значительная волосатость была наблюдаема также у некоторых идиотов, но вообще нельзя сказать, чтобы идиоты отличались, по преимуществу, расположением к так называемым животным аномалиям. Правда, один вид идиотизма, микроцефалия, связан с необыкновенно малым развитием мозга и черепа, но в других отношениях микроцефалы не представляют заметных уклонений от общей нормы в строении тела. С другой стороны, человек может представлять многие и даже довольно значительные аномалии и, тем не менее, оставаться вполне человеком как в отношении физических, так и психических признаков. Тем не менее, нельзя отрицать, как это и разделяется более или менее всеми, что между физическим и психическим развитием существует известное соотношение, и что как второе отражается несколько на первом, так и в особенности первое оказывает влияние на второе. Низшие расы, представляющие уклонения от белой в строении черепа, мозга, цвете кожи и т. д., отличаются также и в степени развития своей психической природы. Известные повреждения или недоразвития мозга неизбежно отражаются и на психических функциях. Вес мозга и вместимость черепа, при равных других условиях, стоят в соответствии с развитием умственных способностей. Существование такого соотношения, вообще, несомненно, но ближайшее определение его степени и подробностей принадлежит еще будущему. Здесь важно определить пределы индивидуальных колебаний и затем особенно изучить эту связь в применении к весьма низким и к весьма высоким

ступеням психического развития, то есть, с одной стороны, к идиотам, с другой — к людям, выдающимся и гениальным. По первой категории имеется уже порядочно наблюдений, но по второй гораздо менее, и, притом, не всегда достаточно аутентичных и обстоятельных. В последние годы материал, впрочем, стал накопляться, и мы имеем теперь не только результаты взвешивания многих мозгов, но и несколько обстоятельных описаний их (и черепов), принадлежавших выдающимся людям. Укажем, например, на изучение черепов Рафаэля, Петрарки, Канта, Шиллера, мозгов — Гаусса, некоторых французских писателей и т. д. Покуда, конечно, имеющихся данных слишком недостаточно, но, по мере накопления их, они могут повести к интересным обобщениям.

В последнее время было обращено также внимание на изучение физического склада преступников. Изучение это явилось результатом взгляда, основанного отчасти на наблюдениях, что преступники не всегда делаются таковыми, а иногда уже унаследывают порочные наклонности, и что у преступников известных категорий существуют некоторые общие признаки, и притом не только в психическом складе, но и в особенностях физической организации. Под влиянием этой идеи стали изучать черепа, мозги, физиономию преступников, развитие частей их тела, их чувствительность, физиологические отправления, старались определить их особенности, типы, вариации и т. д., одним словом подвергли преступников такому же естественноисторическому изучению, как какую-нибудь группу органических видов. Наиболее материала в этом направлении было собрано известным психиатром Ломброзо, сочинение которого «Uomo delinquente» выдержало в сравнительно короткое время три издания. Последнее из них представляет толстый том в 600 страниц и разделяется на три части. Первая посвящена эмбриологии преступления, причем автор рассматривает проявление преступности у животных и у дикарей, и факты нравственного вырождения и преступления — у детей. Вторая глава озаглавлена: «Патологическая анатомия и антропометрия преступления»; в ней приведены результаты изучения 350 черепов преступников, наблюдения над развитием их мозга и других органов, выводы из измерений тела у 3839 преступников, наблюдения над их физиономией и установление различных типов ее. Третья глава носит название: «Биология и психология урожденного преступника»; в ней автор говорит о татуировке преступников, о развитии у них чувствительности — общей и частной, о самоубийствах, привязанностях и страстях их, о

рецидиве и о нравственности преступников, о религиозности у них, об их умственном развитии, жаргонах, литературе, ассоциациях, неудержимой наклонности к преступлению и т. д.

В результате этих исследований Ломброзо пришел к заключению, что класс преступников отличается своеобразными антропологическими особенностями, что преступники могут быть уподоблены отчасти душевнобольным, отчасти — грубым дикарям, что они выказывают многие признаки в физической организации и психическом складе, сближающие их с только что указанными категориями. По своей физической организации преступники отличаются малой вместимостью черепа, покатым назад лбом, сильным развитием надбровных дуг, большими челюстями и скулами, малой чувствительностью к боли; в психическом отношении их характеризует нравственная нечувствительность, отсутствие угрызений совести, непредусмотрительность, неустойчивость страстей, усиленное развитие чувства собственной личности, склонность к каннибализму и к кровожадной жестокости и т. д. Во всех этих особенностях Ломброзо видит проявление возврата к прежнему низшему типу — атавизм; животные инстинкты, ослабленные в человеке воспитанием, средой, страхом наказания, в этих случаях снова воскресают и пробиваются наружу. «Преступники, — говорит Пейк в своей «History of crime in England», — суть дикари, живущие в нашей среде и сохранившие или, правильнее, унаследовавшие дикие склонности в то время, когда громадное большинство обитателей той же страны усвоило уже новые уроки жизни».

Исследования, начатые Ломброзо, продолжались Лакассаном, Флешем, Тен-Кате и Павловским, Дордье, Мануврье, Бенедиктом, Эгером, Ферри и др. В результате их оказалось, что у преступников, действительно, часто встречаются многие анатомические, физиологические и психологические особенности, но, во-первых, не всегда, так как встречаются и такие преступники, которых череп, физиономия, мозг не представляют никаких заметных отличий от нормы, а, во-вторых, многие особенности, замечаемые у преступников, попадаются нередко и у людей честных или, по крайней мере, не опороченных. Впрочем, оно так и должно быть, если мы примем во внимание, что роды преступлений весьма разнообразны, и что признак преступности, как чего-то обособленного, далеко не может быть признан вполне устойчивым. «Не было и нет преступления, — замечает Пейк, — помимо тех

действий, которые закон объявляет преступными и за которые он назначает наказание», и «нет действия, — продолжает он далее, — которое не могло бы стать преступным, если господствующая в той или другой стране власть издает закон, чтобы его наказывать». С другой стороны, нельзя не согласиться с г. Дрилем (см. его Малолетние преступники. М., 1884 г., стр.168), что преступная часть общества вовсе не может считаться состоящей из одних нормальных людей. «Напротив, низшие классы общества, разъедаемые крайней бедностью, и высшие, часто поражаемые всеми излишествами роскоши и расслабляющего образа жизни, заключают в себе не мало вырождающихся личностей в различных степенях вырождения и со всеми физическими и нравственными признаками последнего. Множество таких личностей никогда не попадает в число преступников, а некоторые из них, — как указывает доктор Морель, и, вероятно, собственный опыт каждого, — выполняют еще важные общественные функции. Тщательное исследование разновидностей, даваемых пауперизмом, который, по мнению д-ра Тука, представляет собой состояние, худшее всякого состояния дикости, вероятно, показало бы, что и значительная доля непреступной части общества по своим физическим и психическим особенностям вполне походят под особенности преступников, указанные Ломброзо». Заслуживает внимание еще и другое замечание г. Дриля, что нужно быть осторожным с применением к преступности теории атавизма и подведением ее под понятие болезни. Несомненно, что между преступниками есть душевнобольные различных форм, но они составляют особую группу душевнобольных преступников; остальные же сюда не подходят. Что же касается атавизма, то следует принять в соображение, что особенности низших рас — суть результат их низшего развития, тогда как особенности преступников могут представлять результат влияния таких факторов как алкоголь, рафинированный половой разврат, крайняя скученность и бедность и т. д.

Вообще, при изучении преступников, важно различать между ними различные категории, вроде тех, какие были установлены Маудсли, Пулья, Ферри и др. Новая позитивная школа уголовного права принимает обыкновенно четыре категории. Первая, это — преступники сумасшедшие и полусумасшедшие или матоиды (mattoidi): они обыкновенно совершают наиболее ужасные кровавые преступления и, притом, с поразительным хладнокровием. Ко второй категории относятся преступники прирожденные (delinquenti nati) или

неисправимые. Это — дикари, грубые, лишенные идей нравственности и чуждые раскаянию; они не отличают убийства и воровства от честного промысла. К третьей категории могут быть отнесены преступники привычные. Они, хотя и не отличаются специфическими признаками, но обыкновенно еще в детстве начинают свою преступную карьеру, продолжают ее в течение жизни и, вследствие того, приобретают хроническую привычку к преступлению. Все эти три категории, относящиеся, по мнению профессора Ферри, к области уголовной антропологии, составляют приблизительно 40 % всех преступников. Остальные 60 % выпадают на долю преступников случайных, в которых, следовательно, нельзя искать специфичных, отличительных антропологических признаков преступности.

К сожалению, исследователям, которым приходится изучать анатомические особенности преступников, их череп и мозг, например, редко бывает известна их история, характер и все условия их жизни, предшествовавшие преступлению. По необходимости приходится ограничиваться чисто внешними рубриками, например, убийц или воров, хотя в ту и другую категорию могут попадать преступники весьма различного типа. Впрочем, если избранная категория довольно характеристична, то подобного рода исследования могут, все-таки, представлять значительный интерес. К таким можно отнести и новейшее исследование доктора Баженова (из Москвы), сделавшего недавно сообщение в парижском антропологическом обществе о результатах изучения бюстов казненных убийц и замечательных людей. В парижских музеях, в Jardia des plantes, в музее Орфила и в музее Брока находится довольно много таких бюстов, слепленных с натуры. Выбрав из них только вполне аутентичные и относительно коих имеются точные сведения, г. Баженов получил серию из 55 бюстов убийц и другую — из 19 бюстов замечательных личностей. Затем он мог дополнить свои наблюдения измерением голов живых людей, и именно двадцати пяти членов парижского антропологического общества, а также нескольких бюстов дикарей, именно жителей Ново-Гебридских островов. Свои измерения г. Баженов производил при помощи цефалометра Антельма, которым он определял величину радиусов, идущих от общего центра к различным точкам продольной окружности черепа (по средней его линии), начиная от лобно-носового шва и кончая затылочным бугром, отстоящим одна от другой на 5 градусов. Сравнивая величину однородных радиусов во всех четырех сериях голов, г. Баженов мог

убедиться, что лобные радиусы значительно больше у замечательных людей, чем у убийц, тогда как в задней половине головы и, особенно, в затылочной области замечается обратное: здесь радиусы убийц превышают радиусы замечательных людей. Различие это выступает весьма наглядно при сравнении кривых, построенных на основании цифровых данных для радиусов различных серий. Из этих кривых ясно видно преобладание лба у людей выдающихся и преобладание затылка, хотя и гораздо менее выраженное, у убийц. Наибольший радиус (144,3 мм) у замечательных людей идет к средине лобной кости (приблизительно к вершине лба, т. е. к началу волос — у живого человека), тогда как наибольший радиус у убийц (140 мм) идет к средине теменного (стреловидного) шва или, приблизительно, к макушке головы. У членов антропологического общества (размеры радиусов которых, вообще, меньше, чем у замечательных людей) наибольший радиус приходится в верхней половине лобной кости, приблизительно на одной трети расстояния от венечного шва (брегмы), а у ново-гебридцев (134 мм) почти там же, где и у убийц. Все эти данные выведены из средних чисел, и у отдельных особей встречаются вариации; тем не менее, из замечательных людей 75 % выказывают заметное преобладание лба, тогда как из убийц это преобладание встретилось только у 5 %. Г. Баженов измерил также лицевой угол у замечательных людей и убийц с целью определит точнее степень развития и выступания вперед у тех и других челюстей. Оказалось, что в то время как из замечательных людей 70 % имеют лицевой угол в 80 и более градусов, и 30 % — в 75 и более градусов, — из убийц только 14,5 % представляют угол 80 градусов, 53 % имеют его — от 75 до 80 градусов, 27 % — от 70 до 75 градусов и 5,5 % — меньше 70 градусов. Таким образом, преступники-убийцы характеризуются, главным образом, малым развитием лба, несколько большим — затылка и значительным — лица; к этому следует еще прибавить усиленное развитие нижней челюсти. Все эти признаки, как справедливо замечает Мануврье, не могут еще считаться ненормальными или патологическими, и убийц вообще нельзя считать больными. «Убийцы, — продолжает Мануврье, — это такие особи, у которых части мозга, служащие субстратом для социальных инстинктов, для инстинктов самых высоких, развиты слишком мало, чтобы уравновешивать инстинкты эгоистические. Индивидов такого рода много во всех классах общества, но большинство их предохраняется от преступления своим материальным положением, воспитанием, влияниями среды,

противоположными тем, которые обыкновенно толкают на убийство». Таким образом, люди с сильно эгоистическими, даже преступными наклонностями, с нравственно-порочной, преступной организацией, могут и не попадать в число преступников, как, с другой стороны, преступниками могут становиться иногда и люди нормальные под влиянием страсти, аффекта, алкоголя и т. п.

Главные предметы изучения антропологии составляют, однако, нормальные, племенные разновидности человеческого рода, его породы или расы, точно также и главным объектом этнологии или этнографии служат различные племена и народы. В последнее время изучение рас и племен, их типа, быта, языков, социального строя, подвигается вперед с усиленной энергией. Составляются целые экспедиции в отдаленные страны; отправляются отдельные путешественники, подготовленные к антропологическим и этнографическим наблюдениям; собираются слепки с голов, портреты, костяки, различные предметы быта и обстановки, произведения искусства и древности. Изучение идет двояким путем: с одной стороны, на месте, путем собирания данных в среде самих изучаемых племен, с другой — путем сравнительного изучения в европейских музеях и лабораториях тех материалов, которые доставляются туда экспедициями и отдельными путешественниками. Это собирание материала теперь как нельзя более кстати, так как с распространением европейских колонистов и европейской культуры тип и быт многих племен подвергается быстрым изменениям и утрачивает свои характеристичные особенности. Не мало было племен, например, в Полинезии, Америке, Сибири, которые уже исчезли, которые вымерли сравнительно в недавнее время, на глазах, так сказать, европейцев и, большей частью, вследствие их преследований или внесенных ими болезней, разврата, рабства и других неблагоприятных условий. Многие дикари уже помешались с европейскими колонистами, почти все вступили с ними в прямые или посредственные сношения и с каждым годом теряют чистоту своего типа, забывают многие из своих искусств или отраслей промышленности, усваивают себе европейские изделия, костюмы, нравы, религию, пороки. Чтобы встретить более чистые, девственные племена, приходится забираться всё далее и далее, в глубь материков, в горы, леса и пустыни, на отдаленные острова, да и то нужно торопиться, покуда еще не проникло туда достаточно европейское влияние, покуда племенные особенности не погибли еще под европейской нивелировкой. Пройдет еще несколько десятков, сотен

лет, и дикарей уже не будет, драгоценные материалы для истории человеческого типа и культуры исчезнут, и всюду проникнут внешние формы европеизма, которые поглотят и задавят массу оригинальных особенностей.

Ученые Европы это сознают, а потому и употребляют все усилия, чтобы собрать драгоценные материалы, покуда еще возможно. Важность антропологических и этнографических музеев доказывалась некоторыми лицами уже давно, как о том свидетельствуют, например, старания собирать антропологические коллекции — Блуменбаха (в конце прошлого века) и усилия по созданию этнографического музея в Париже — Жомара и в Лейпциге — Клемма (в сороковых годах нынешнего столетия). Полное осуществление получили эти попытки, однако, лишь в новейшее время, благодаря возрастанию числа деятелей и сочувствию к их стремлениям со стороны правительств и общества. Ученые миссии, посылаемые французским правительством, собирание коллекций английскими и немецкими музеями, умножение путешественников в отдаленные страны, наконец, основание местных центров для этнографических исследований в Соединенных Штатах, Индии, Японии, на Малайском Архипелаге, в Австралии и т. д., — всё это дало возможность собрать такие материалы, в таком количестве и полноте, какие были немыслимы в прежние времена, при скудости тогдашних сил и средств, и при отсутствии в то время надлежащей поддержки и сочувствия. Новейшие антропологические и этнографические музеи в Лондоне, Берлине, Париже, Копенгагене, Вене, Флоренции, Вашингтоне, Гамбурге заключают в себе массу материалов для изучения племен, вполне соответствующую той богатой литературе по этнографии, которая накопилась за последние 10–15 лет.

Особенную важность представляют данные, собираемые местными институтами, обществами и исследователями, имеющими возможность ознакомится подробнее и обстоятельнее со всеми особенностями изучаемых племен. Так, например, наблюдения, собранные австрийскими «попечителями о туземцах», новозеландским ученым институтом, полинезийскими миссионерами и агентами немецкой фирмы Годефруа, ведущей торговые сношения с островами Меланезии и Микронезии, значительно обогатили и увеличили те сведения, которые имелись о племенах австралийских и полинезийских. Так, различные отделения «азиатского общества», имеющего главную резиденцию в Калькутте, обогатили науку многими данными об Индии, Сингапуре, Китае; батавское ученое

общество собрало много материалов для изучения племен Малайского Архипелага; немецкое общество для исследования восточной Азии в Иеддо (Эдо) — для изучения Японии; этнологическое бюро в Вашингтоне — для изучения американских индейцев. Весьма ценные материалы собираются, впрочем, и учеными экспедициями, посылаемыми из Европы, как, например, немецкой экспедицией в Лоанго, французскими миссиями Пинара, Винера, де-Цессака и др. в Америку, немецкими миссиями Финша — в Меланезию, Бастиана — в Перу, новейшей Якобсена — в бывшую русскую Америку и др. Упомянем и о русских путешественниках в Азию: Пржевальском, Потанине, Полякове и других, проникающих в этот материк с севера, навстречу англичанам и немцам, исследующим его с юга.

Из всех частей света Австралия и соседние с ней Новая Гвинея и острова Меланезии сохранили в наибольшей чистоте тип и быт первобытных их обитателей. Новая Гвинея, как известно, только в самое последнее время стала привлекать к себе европейских миссионеров и поселенцев (из Австралии), которые, впрочем, основались покуда только на некоторой части южного и восточного берега и имеют лишь весьма скудные сведения о внутренних частях острова. Между тем, Новая Гвинея по величине равняется Франции, и обстоятельное исследование ее потребует, несомненно, многих лет. В Австралии европейцы уже утвердились давно, а потому и материк этот сравнительно более изучен, хотя внутри его есть также области, в которых еще не была нога европейца. Первобытные жители Австралии, однако, никогда не были, по-видимому, многочисленны, а в настоящее время при раздробленности и разобщении племен, из коих многие не превышают по численности нескольких сот душ, их ждет, по всей вероятности, скорое вымирание. Между тем, тип, особенности, культура этой расы настолько примитивны и характеристичны, что изучение ее представляет весьма значительный интерес для антропологии и этнографии. Поэтому нельзя не отнестись с благодарностью к новейшим трудам по собиранию и обработке данных, касающихся различных групп австралийских племен. В ряду таких трудов особенно выдаются: Смита о туземцах штата Виктории (2 больших тома, изданных на правительственные средства); Таплина о быте, литературе и языке туземцев южной Австралии; Палмера о языках, социальном строе и обычаях некоторых австралийских племен (в Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, 1884) и др. Для различных групп островов Меланезии и Микронезии наиболее богатые материалы были собраны за последнее время по

инициативе гамбургского торгового дома Годефруа (Godeffroy) и обработаны в различных изданиях музея той же фирмы, существующего в Гамбурге. Целый ряд монографий об отдельных островах и группах островов, в том числе и о жителях их, появился в Jornal des Museum Godeffroy; затем тот же музей издал подробный каталог своих коллекций со множеством рисунков, картой, описанием черепов, предметов быта и т. д., и альбом фотографических портретов туземцев. Что касается Меланезии, то на многих островах ее, как, например, Новой Британии, еще процветает каннибализм, как то видно из новейших наблюдений Пауля (Powell: Unter den Kannibalen von Neu-Britannien, deutsch v. Schruter, 1884). Впрочем, каннибализм встречается также, хотя и редко, у туземцев Австралии, а равно распространен и у некоторых первобытных племен Малайского Архипелага, особенно даяков Борнео (C. Bock: Unter den Kannibalen auf Borneo, 1882). Любопытно, что в то время как во многих островах Полинезии (и в Австралии) туземцы, видимо, вымирают при столкновении с европейцами, в Меланезии они являются более устойчивыми. Впрочем, большинство меланезийцев еще не испытало покуда европейского владычества; эта черная, курчавоволосая раса вообще успела остаться более изолированной. Только на островах Новой Каледонии и Фиджи она подпала под влияние европейцев, в первом случае — под владычество Франции, во втором — Англии, но и там условия ее существования довольно благоприятны. Особенно фиджийцы теперь почти все христиане и почти в каждой деревне имеется школа. Они усердно занимаются земледелием, владея землей (и стадами) сообща, и благосостояние их под английским владычеством за последнее время заметно повышается. Объясняется это, впрочем, исключительными условиями, именно тем обстоятельством, что островам Фиджи удалось получить образцового губернатора в лице сэра Артура Гордона, весьма известного в Англии деятеля, бывшего члена палаты общин. Сэр Гордон начал с того, что ознакомился обстоятельно с местными условиями, общинным хозяйством, нравами жителей и затем произвел коренную реформу системы налогов. Он ввел поземельный налог, распределяемый не по индивидам, а по общинам, и, притом, в форме натурального сбора продуктами, а не деньгами. Ежегодный размер налога определяется в фунтах стерлингов по соглашению высшего «законодательного совета» с губернатором, а затем разносится по двенадцати провинциям, составляющим колонию, причем расценка оклада производится относительно каждой провинции на основании

соображений о размере обрабатываемой земли, ее плодородию и свойств продуктов, численности населения и степени его цивилизации. В то же время, законодательным советом составляется также и такса или расценки продуктов, в которых налог может уплачиваться, как-то: кокосов, хлопка, табаку, маиса, кофе и т. д. Следующая инстанция — «провинциальный совет» — разносит денежную сумму налога, приходящуюся на провинцию, уже по отдельным округам и, притом, переводя ее согласно таксе на продукты известного рода. Окружной совет, в свою очередь, разносит причитающуюся на его долю сумму продуктов отдельным общинам, а те — между отдельными членами последних. Собранные продукты продаются колониальным правительством европейским торговцам с аукциона, причем, если цена продукта случайно повышается, то излишек цены возвращается общинам. Кроме того, так как правительство является заинтересованным в качестве и хорошей доставке продуктов, то колониальное управление раздает общинам лучшие сорта семян, усовершенствованные орудия, мешки, сопровождая всё это практическими указаниями относительно улучшения земледельческой культуры. Результаты такого образа действий оказались весьма удовлетворительными. Налоги стали поступать в большем числе, без отягощения туземцев, которые избавились этим путем от наглой эксплуатации их европейскими плантаторами и торговцами, сделались более зажиточными и более преданными английскому правительству. Факт этот вполне доказывает возможность выполнения европейцами их цивилизаторской миссии без сопровождающей ее обыкновенно зловредной ломки всего быта туземцев. «Очевидно, — замечает профессор Янжул (в своем реферате, прочитанном 15 октября 1884 г. в годичном заседании общества любителей естествознания, этнографии и антропологии и помещенном в вышедшем недавно Сборнике общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым под заглавием Влияние финансовых учреждений на экономическое положение первобытных народов), — очевидно, что для достижения таких результатов необходимо считаться с обычаями, нравами, привычками и иными условиями жизни низшей расы, перерабатывая европейские формы согласно этим последним, и что, наконец, для европейца необходимо отрешиться от многих вековых предрассудков в отношении к другим расам и постараться в человеке видеть, прежде всего, лишь человека, к какой бы он расе не принадлежал».

Наибольшее внимание путешественников было в последнее

десятилетие обращено на Африку — этот труднодоступный континент, давно уже привлекающий к себе неустрашимых исследователей. Все западноевропейские нации приняли участие в его исследовании, но немцам мы обязаны, по-видимому, более других, по крайней мере, что касается антропологии и этнографии страны. Исследования Фрича, Гартмана, Бастиана, Фалькенштейна, Гюсфельдта, Пегуель-Лёше, фон-Декена, Швейнфурта, Рольфа, Нахтигалля, Бугхольца, Ленца, Поге, Вебера, Висмана и других познакомили нас обстоятельно с типом и бытом многих африканских племен, с их распределением и взаимным сродством. Новейшая колонизационная политика Германии побудила немцев к еще более подробному ознакомлению с Африкой, и, несомненно, что, например, основание германской колонии в Камеруне вызовет скоро такие же дельные, между прочим, и этнографические исследования, как и основание колонии Чинчочо на берегу Лоанго, сопровождавшееся известным трудом «Die Loango-Expedition». Восстание магди в Судане дало повод к появлению нескольких обзоров живущих здесь племен и их взаимных отношений; неутомимая деятельность Стэнлея по открытию для европейцев Конго повела, между прочим, к более обстоятельному изучению этнографии этого бассейна. Еще назад тому семь лет, европейские торговцы не проникали за устье Конго, и по всей этой реке не было ни одного европейского миссионера и поселенца. Теперь река доступна на протяжении 1100 километров, и на ней имеются три миссионерских станции, два небольших города — Виви и Леопольдвилль и еще 21 европейская станция меньших размеров. Кроме того, исследовано всё течение реки Ниари, и проведена прямая дорога между ее устьем и Стэнлей-Пуль на Конго. Благоприятным условием для Стэнлея служило то обстоятельство, что в бассейне Конго нет таких обширных негритянских монархий как государство Муата-Янво (открытое Поге) или негритянские царства далее к северу. Население распадается на отдельные небольшие племена, стоящие особняком и независимо одно от другого. Это и помогло Стэнлею здесь утвердиться, обходя при помощи одних племен препятствия и затруднения, выставляемые другими племенами. Страна, впрочем, населена довольно густо и, по приблизительному расчету, всё население бассейна Конго составляет около 40 миллионов, что составляет, примерно, 22 жителя на один квадратный километр (в Европе вообще — 32 жителя, в Европейской России — 14, в Швеции — 10).

Новейший обзор племен Конгосского бассейна дал Джонстон в его

сочинении Конго; путешествие от ее устья до Болобо, со многими рисунками. Племена эти относятся не к неграм собственно, а к группе банту, населяющей также юго-западную Африку (овагереро, кафры), бассейн Замбези, область озер Танганийка и Ньясса, западные берега озера Виктория-Ньясса и верхнее Конго. В антропологическом и лингвистическом отношении эта раса отличается довольно резко от настоящих негров, нубийцев и хамитов севера, также как и от готтентотов и бушменов на юге. В верхнем Конго живет, впрочем, какое-то малорослое племя wa-twa, довольно волосистое, судя по описаниям, и которое можно было бы, пожалуй, принять за ветвь южных готтентотов или бушменов. Но последние два племени не отличаются волосистостью и, кроме того, характеризуются совершенно оригинальным строем языка, тогда как язык wa-twa, по-видимому, принадлежит к группе банту. С другой стороны, обильный рост волос по телу замечается и у племен банту в области Конго, только они заботливо выдергивают себе волосы на теле, даже нередко из бровей и ресниц, оставляя только на голове, да еще на верхней губе и щеках. В нижнем Конго тип населения более безобразный, — народ худой, кривоногий, безбородый, с толстыми губами, с отходящим назад подбородком и с резко отделенным шерстистым париком на голове, — что указывает, по-видимому, на смешение с типично-негритянской расой. Но чем выше по Конго, тем тип населения становится красивее и характеризуется пропорциональностью сложения, маленькими руками и ногами, более тонкими чертами лица, высоким носом, развитыми икрами, более обильным ростом волос на голове, на щеках и на верхней губе, и более светлым шоколадным цветом кожи. Наибольшее влияние европейцев испытало на себе живущее ближе к устью племя каконго, которое дает наибольший контингент слуг, матросов и рабочих у европейцев, и в котором почти каждый мужчина понимает португальский язык (как известно, самый распространенный из европейских в тропической Африке к югу от экватора). Меньшее влияние испытали баконго, баянзи и другие племена, все преданные фетишизму, помешанные на колдовстве и предающие жестокой казни мнимых колдунов, виновных в смерти того или другого лица, по указанию своих «nganga» или знахарей. По всему нижнему Конго господствует также культ фаллоса, и почти в каждом селении можно встретить легкую постройку со стоящими в ней мужскими и женскими деревянными фигурами, долженствующими изображать мужской и женский принцип, и отличающимися непомерно большими половыми частями. Джонстон,

однако, уверяет, что этот культ вовсе не соединяется с какими-нибудь грязными обрядами, и что ближе к берегу, где нравы более испорчены, культ фаллоса уже не встречается. Культ этого стоит, по-видимому, в связи с институтом «nkimba» — особым классом людей, большей частью мальчиков 12–15 лет, составляющих особое общество и отличающихся тем, что они окрашивают себя белой краской и носят длинный передник из травы. В других местах nkimba заменяются евнухами, которые соединяют, по-видимому, почитание фаллоса с поклонением месяцу. Одежда этих племен вообще самая примитивная, и ее заменяет отчасти раскрашивание тела, — белыми, желтыми, бурыми или черными линиями, отчасти же — украшение кожи посредством насечек или нарезок. Пища преобладает растительная: бананы, маниок, маис, картофель; Конго доставляет также рыбу, которую ловят сетями и которую одно племя подвергает копчению и продает другим племенам, живущим выше или далее от реки. Ловят еще иногда мелких зверей и птиц, иногда даже гиппопотама, но чаще питаются мясом домашних животных — козы, свиньи, собаки, курицы, реже — овцы; крупный же рогатый скот неизвестен. Любопытно, что почти все домашние животные происхождения несомненно азиатского, тогда как почти все возделываемые растения происходят из Америки. Непонятно даже, чем питались эти темнокожие племена до картофеля. Жилища их имеют четырехугольную форму, с покатой крышей и большой верандой; внутри имеются оригинальные столы и сиденья, деревянные подставки под голову (подушки) и глиняные сосуды. Орудия преобладают железные, иногда с медными украшениями; из музыкальных инструментов имеются барабан, рога антилоп и один струнный инструмент; туземцы вообще любят музыку и пляску.

Что касается Америки, то в последнее время замечается также усиленная деятельность по изучению первобытных племен и культур этой части света. После выхода в свет обширного труда Банкрофта началась деятельность этнологического бюро в Вашингтоне — специального правительственного учреждения Соединенных Штатов для исследования первобытных народов и древностей страны. Обладая значительными средствами, это учреждение, находясь в заведывании Пауля (Pawell), успело в короткое время издать целый ряд замечательных и весьма интересных трудов. Упомянем, например, о труде Маллери: О языке жестов у северо-американских индейцев сравнительно с таким же языком других народов и глухо-немых. Обширный труд этот, украшенный множеством рисунков, открыл

целую новую область для этнографов, психологов и, отчасти, даже лингвистов, и обратил внимание на тот же предмет исследователей других народов, например, австралийцев, меланезийцев и т. д. Весьма интересный обзор был представлен Яррау — погребальных обрядов у северо-американских индейцев, также с приложением множества рисунков и с указанием на подобные же обряды других народов. Гольдену обязаны мы изучением иероглифов племени «мая» (в центральной Америке), Пауерсу — обширной монографией о племенах Калифорнии, Даллю и Гибсу — такой же монографией о племенах бывшей русской Америки, северо-западного Орегона и западной Вашингтоновской территории. В недавно вышедшем втором годовом отчете «Bureau of Ethnology» помещено также несколько весьма замечательных трудов, каковы, например: Стевенсона — иллюстрированный каталог этнографических предметов, добытых для национального музея в Вашингтоне из Новой Мексики и Аризоны; Кушинга — о племени zuni и особенно об его амулетах и фетишах; г-жи Смит — мифы и религиозные представления ирокезов. Усиленная деятельность по изучению первобытных племен и доисторических древностей замечается также и в Южной Америке — в Бразилии (работы института в Рио-Жанейро), в Аргентинской республике и в Чили. Недавно вышло обширное сочинение Медины «Los Aborijnes de Chile», в котором предоставлено подробное описание быта арауканцев, а также изучены и местные древности. Из находки кремней в слое с остатками мастодонта в лагуне Тагуатагуа автор делает предположение, что, может быть, человек существовал здесь еще в предшествовавшую геологическую эпоху. Но кажется, что это предположение так же мало основательно, как и отнесение к человеку мнимых зарубок на черепе мегатерия, найденном близ Буэнос-Айреса, и как некоторые подобные же сомнительные находки в Соединенных Штатах. Покуда несомненно только то, что Америка была населена человеком весьма давно, но в какой именно период — сказать трудно. О древности же здесь человека можно судить из нахождения громадных развалин и иероглифов в таких местностях, как, например, пустыня Атакама, долина Амазонки, леса Ориноко и Мадейры, где уже со времени испанской коквисты утрачено было всякое предание о бывшей здесь некогда цивилизации, и страна была или пустынной, или ее населяли грубые дикари.

Кроме местных ученых этнография и археология Америки привлекли к себе в последнее время многих французских и немецких исследователей. В Германии (именно в Берлине) издано было, в

особенности, несколько обширных и замечательных монографий, как, например, Рейса и Штюбеля: Могильник Анкон в Перу (всё сочинение, выходящее выпусками, будет стоит 420 марок, около 210 рублей); Майе: Скульптурные изображения в Копане и Квиригве, с 20 фотографиями in folio; Северо-западный берег Америки. Новейшие результаты этнографических исследований (вышел один выпуск, но всего будет два — ценой до 50 рублей). Это последнее сочинение издается этнологическим отделом королевского берлинского музея и заключает в себе, главным образом, результаты экспедиции Якобсена, снаряженной для собирания предметов быта западных эскимосов. По инициативе директора упомянутого отдела профессора Бастиана несколько лет тому назад в Берлине образовался кружок лиц, изъявивших готовность оказывать материальное содействие этнологическому музею в приобретении желательных коллекций. Во главе этого «вспомогательного комитета», состоящего всё из капиталистов, стал банкир Рихтер, и вот этот-то комитет и доставил нужные средства для полуторагодичной экспедиции Якобсена в Британскую Колумбию и Аляску, результатом которой было приобретение более 6000 этнографических предметов для Берлинского этнологического музея. Сам Якобсен — не ученый, и его задача была чисто коллекторская, но за то едва ли кто другой был способен выполнить эту задачу лучше. Уроженец севера и моряк, он с детства навык переносить всякие лишения, а потому мог по целым дням плыть в байдарке вдоль берегов Британской Колумбии и вынести тягость 180-дневной езды в санях по полуострову Аляске. Результатом его поездки явилось обширное собрание предметов первобытной индустрии и искусства эскимосов, заключающее в себе множество любопытных изделий из камня, кости, дерева, раковин, образцы одежд, оружия, украшений, посуды и т. д., и превосходно иллюстрирующее как быт этих народов, так и вообще первобытную культуру каменного века. Результаты поездки Якобсена недавно популярно обработаны Вольдтом и изданы небольшой книгой, со множеством — правда, довольно мелких, но, тем не менее, весьма любопытных — рисунков. Сам Якобсен, между тем, отправился уже в новую экспедицию, нынешний раз на восток, через всю Европу и Азию — в Амурский край. И вот, в то время как в русских музеях имеется только кое-что из этой отдаленной окраины, в Берлине скоро, наверное, окажется масса этнографических предметов и из этого края, и послужит весьма важным материалом для плодотворных этнологических сопоставлений и исследований.

Впрочем, по отношению к северной и средней Азии мы можем отметить за последнее время и несколько русских исследований. Правда, новейшее исследование чукчей было сделано не русскими, а экспедицией Норденшельда; правда, иностранцы (например, Соммье, Финш, Уйфальви) изучали и других сибирских инородцев, тем не менее мы можем указать на исследования гг. Потанина, Полякова, Ядринцева, Витковского, Адрианова, на изыскания Пржевальского в Тибете, Иванова на Памире и некоторые другие. Мы получили за последние годы сведения о древних могилах каменного века в Восточной Сибири, о некоторых группах сибирских курганов, о распространении в Южной Сибири, Монголии и Туркестане каменных изображений («каменных баб»), о физическом типе различных обитателей Туркестана и Семиреченской области, о быте разных сибирских инородцев и сибирских русских и т. д. Обитатели крайнего востока Амурского края: гиляки, айны, тунгузы были предметом обстоятельного исследования академика Шренка, основанного, впрочем, на результатах путешествия, совершенного им почти 30 лет тому назад, в 1854–57 гг. Вышедший покуда том заключает в себе только результаты антропологического изучения, этнографические же результаты имеют быть обработаны в следующем томе. Содержание труда Шренка изложено обстоятельно и с некоторыми добавлениями в рецензии на это сочинение — Мережковского (Журн. Минист. Народ. Просвещения, 1884, сентябрь), причем автор воспользовался всей новейшей литературой, между прочим краниологическими исследованиями профессора Богданова и др. Что касается айнов (первобытного племени острова Иессо и южной части Сахалина), то все данные о них, имевшиеся до 1876 года, были сгруппированы в труде г. Анучина (Племя айнов, Изв. Моск. Общ. Любит. Естесвозн., Антропол. и Этнографии, М., 1876), который дополнил их изучением нескольких скелетов, древних орудий, предметов культа и т. д. В новейшее время ряд новых данных был представлен гг. Зибольдом, Коперницким и Шеубе, а также Поляковым, который, правда, еще не напечатал своих наблюдений, но доставил в академию наук 37 айнских черепов с о-ва Сахалина, отчасти изученных г. Мережковским. Как по форме черепа (долихоцефального), так и по строению лица и значительной волосатости тела, айны сильно выделяются из ряда нынешних северо-азиатских народов и, может быть, чрез посредство первобытного племени Ликейских островов, связывались некогда с некоторыми расами Южной Азии и даже Меланезии. Несомненно, что они

составляли древнейшее население Японского архипелага, которое впоследствии было покорено и отчасти истреблено выходцами с азиатского материка, отчасти отодвинуто ими к северу, или воспринято в себя.

Народы Средней Азии, в частности Монголии и Тибета, были в последние годы предметом изучения гг. Пржевальского и Потанина. Первый познакомил нас с бытом восточных монголов и с некоторыми народностями Тибета (тангуты, далды); второй — собрал массу материалов для изучения взаимных отношений, культуры и народной литературы племен северо-западной Монголии. К сожалению, г. Пржевальский обращал в своих путешествиях более внимания на географию и естественные произведения посещенного им края, чем на племена, которые интересовали его только со стороны их внешнего быта. Он не снимал даже фотографий, и портреты, приложенные к его Третьему путешествию большей частью сделаны с посредственных карандашных рисунков, а иногда смахивают даже на карикатуры. Типы племен описаны им довольно кратко; внутренняя, духовная жизнь очерчена вскользь. Г. Потанин, напротив того, обратил главное внимание на изучение быта, преданий, поверий, социального строя монгольских и тюркских народностей и собрал в этом отношении много любопытного материала; укажем, например, хотя бы на его обстоятельное описание всех подробностей и обстановки шаманства. Недостаточное знакомство с монгольским языком и с буддизмом отразилось, правда, несколько неблагоприятно на сочинении, тем не менее, ценность многих собранных им данных не подлежит никакому сомнению. Г. Потанин собрал также серию фотографий (к сожалению, не изданных), но вообще также обращал мало внимания на антропологию посещенных им местностей. В этом отношении наиболее данных заключают в себе скромные Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района, составленные (по предложению генерала Колпаковского) докторами Мацеёвским и Поярковым. Кроме очерка быта таранчей, китайцев, дунганей, сибо (манджур), киргизов, калмыков (чахар, торгоутов и др.), кашгарских сартов и афганцев, ими были сделаны измерения тела всех этих народностей (большей частью над 30 особями каждой народности) и отмечены: цвет кожи, волос, глаз, особенности в формах тела и т. д. Подобный труд имеет значительную важность для антропологии и составляет существенное дополнение к альбомам фотографических портретов, исполненных по распоряжению покойного генерала Кауфмана и генерала Колпаковского, для

ознакомления с типами средне-азиатских народностей.

В Средней Азии, именно на пространстве между Гималаями и Туркестаном, сталкиваются, как известно, две великие расы человечества, монгольская и так называемая кавказская, в частности арийская. Уже в Туркестане мы видим рядом с народностями чисто-монгольского и тюркского корня представителей иранского племени, таджиков, гальча, афганцев и др., проникших туда с юга и юго-запада. Изучение всех этих народностей началось сравнительно недавно и в промежуточной полосе, в области западных Гималаев, Гинду-куша и Памира, стало подвигаться только в последнее время. Важным вкладом в этнографию этих стран является труд Биддульфа: Племена Гинду-куша (The Tribes of the Hindoo-Koosh), изданный в 1880 г. в Калькутте. Затем сочинение Уйфальви: О западных Гималаях (Uifalvy, Aus den Westlichen Himalaja, L., 1884), наконец, Новейшее путешествие на Памир — Иванова (Изв. Геогр. Общ. 1884 г., вып.3 и Petermann.s. Geograph. Mittheilungen 1884), которому удалось во многом дополнить сведения, собранные ранее об этой стране — Северцовым с одной стороны, и Вудом и Форсайтом — с другой. Коренная народность Памира — киргизы, племя монгольского типа с широкими скулами, но с более развитыми, чем у других монголов, бородой и усами. Другая народность живет в западной части Памира и принадлежит к арийскому корню, это — таджики. Загнанные в горы, притесняемые мелкими ханами и беками, они, однако, сохранили все существенные особенности высшей расы. У них правильные черты лица, открытые глаза, густые брови и бороды, часто русые волосы. С другой стороны, они не грубые кочевники и барантачи, как киргизы, а народ оседлый, крепко привязанный к земле, с необыкновенным усердием обрабатывающий свою каменистую почву. Их бедные хаты представляют целый ряд хозяйственных приспособлений, оштукатурены и окрашены, выказывают уютность, некоторый вкус, желание удобства и чистоты. У таджиков развиты кустарные промыслы, и всё нужное для своего обихода они делают сами. Общественная жизнь их также отличается от киргизской. Женщина у них не раба и вечная работница как у киргизов, у которых мужья ничего не делают по хозяйству, а помощница мужу, который сам работает еще больше жены. Песни приморских таджиков характерны и мелодичны, язык приятен для слуха и до известной степени напоминает итальянский.

Памир считался некогда «сердцем земли» и «колыбелью человеческого рода»; позже в нем думали видеть колыбель арийской

расы. Но, очевидно, что эта горная страна также не могла быть первоначальной родиной арийцев как и Кафиристан, присутствие в котором красивого и, как уверяли, белокурого племени сиахпошей побудило некоторых также видеть в нем прародину индоевропейцев. Новейшие исследования показывают, что Памир и Кафиристан представляют подобия Кавказа и что они служили таким же убежищем для народов различного типа и языка, отступавших перед напором варварских орд, которые захватили последовательно Бактриану, долину Кабула и другие окрестные страны. Другие ученые полагали родину арийцев между озерами Балхашем и горами Ала-Тау, или около Аральского моря, или в долинах, соседних с Памиром, Дарвазом, Каратегном, Когистаном и т. д. Расходясь в подробностях, все принимали, однако, что арийцы вышли из Азии, но, с другой стороны, многие полагали, что теперь в Азии трудно уже встретить чистых арийцев, так как они помешались там с монголами, тюрками, первобытными народностями Индии и др., и что более верное понятие о древнем типе арийцев могут дать европейские народности, особенно потомки кельтов, германцев, славян. В новейшее время, однако, явились противники этого общепринятого воззрения и стали утверждать, что первоначальная родина арийцев находилась не в Азии, а в Европе. Один из первых высказал такое мнение известный археолог Минденшмидт, затем Поше, отождествивший арийский тип с белокурым, обособившимся, по его мнению, в области нынешней Белоруссии, наконец, в последнее время Шрадер и Пенка. Шрадер полагает, что арийское племя выделилось из древнейшего европейского населения каменного века и признает, что обитатели свайных построек Швейцарии уже были арийцы. Пенка видит прародину арийцев в северной Европе, в частности в Скандинавии, откуда будто бы и расходились последовательно разные арийские народности.

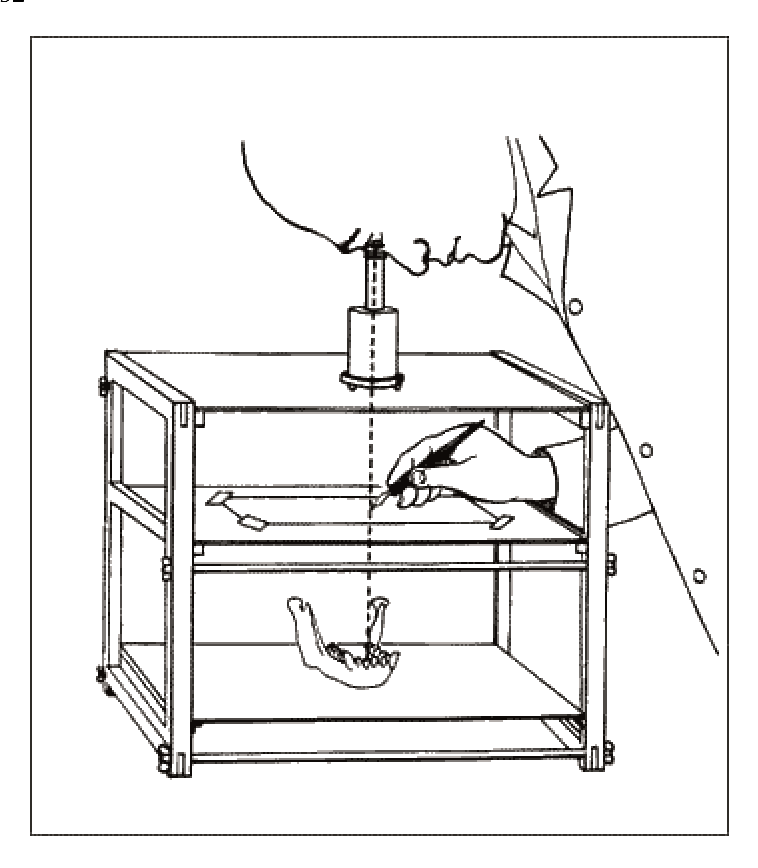
Новые исследования, однако, не оставляют сомнения, что, несмотря на общность языка и лингвистическое сродство, арийская раса в антропологическом отношении не представляет единства и заключает в себе несколько рас весьма различного типа. Такое различие замечается уже между индусами и иранцами, и, притом, не только между населением собственно Индии и Ирана, испытавшем, вероятно, значительную примесь других рас, но и между более первобытными народностями тех же племен, каковы, например, сиахпоши (кафиры) с одной стороны и гальча — с другой, разобщенные массивным хребтом Гинду-Куша. Первые, по

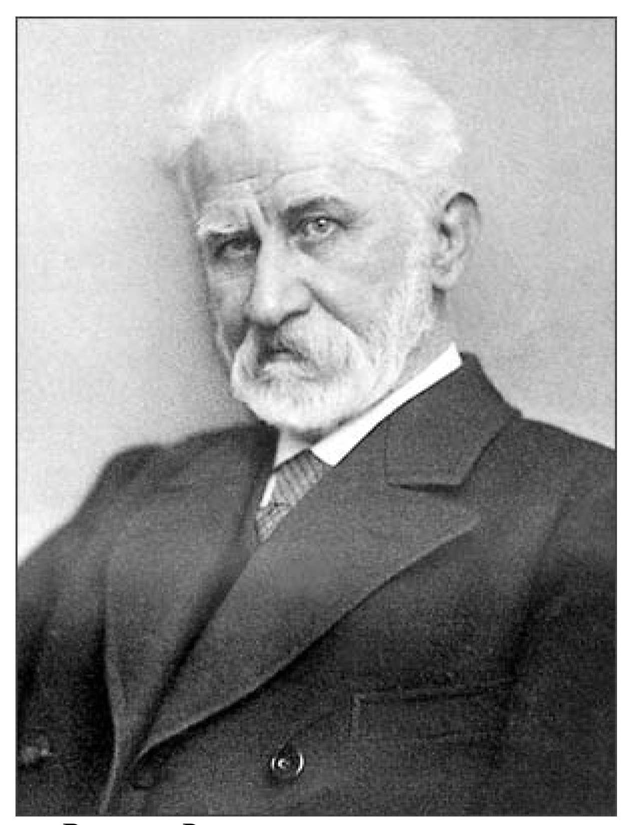
исследованиям Уйфальви, имеют длинный (долихоцефальный) череп и черные волосы; вторые — характеристичные брахицефалы и заключают в себе значительный процент блондинов. Подобные же антропологические различия замечаются и между арийскими племенами Европы. Рядом с крайними брахицефалами, каковы, например, обитатели средней Франции (оверньяты), северной Италии, Тироля, славянских стран, мы встречаем и долихоцефальные племена в среде южных народностей на почве Германии, Скандинавии и России. Брахицефальный тип уже существовал в Европе в течение каменного века; с другой стороны, долихоцефалы преобладают между древнейшими найденными до сих пор черепами, как и между черепами древних германских и славянских могил. Подобное же различие существует и в цвете волос и глаз: на севере средней Европы преобладают блондины, на юге — брюнеты, а равно и в величине роста, как то было еще замечено римлянами, удивлявшимися росту германцев, и как то может быть констатировано и теперь из сравнения роста рекрутов в различных областях Франции, Германии, Австрии, Италии. В настоящее время не может подлежать сомнению, что антропологические различия нечто совершенно иное, чем лингвистические, и что племена одного физического типа могут говорить совершенно разными языками, как и наоборот — одним языком могут говорить представители весьма различных рас. В антропологическом отношении обитатели южной и северо-восточной Франции, южной и северной Италии, южных и северных славянских земель относятся к различным расам и даже в одной и той же области, например, Баварии, Швейцарии, Тироле, северо-западной Германии, можно констатировать следы нескольких рас. Объяснение этого различия и изучение тех последовательных этнических наслоений, которыми оно обусловлено, составляет задачу будущего и может быть достигнуто только совокупными усилиями антропологов в различных странах Европы.

Великоруссы

Д. Н. Анучин

Брокгауз и Эфрон. Т. Х. СПб.
1892

Название «Великая Россия» — искусственного происхождения; оно было составлено, по-видимому, духовенством или, вообще, книжными людьми и начало входить в царский титул лишь в XVI веке. Впервые, кажется, оно встречается в «Апостоле», первой книге, напечатанной в Москве, в 1556 г., при Иоанне Васильевиче Грозном, а затем в «Чине венчания» царя Феодора Иоанновича, в 1584 г. Первоначальный смысл его был, по-видимому, риторический, возвеличивающий; искусственность его видна и в том, что прежние названия «Русь», «Русия» были заменены в нем византийским — «Россия». Впрочем, эпитеты «Великая» и «Белая Руссия» в применении к Московии употреблялись иногда на западе даже в XV в. Но более определенное, географическое значение термин «Великая Россия» получил только при Алексее Михайловиче, с подчинением Малороссии в 1654 г., когда царь стал именовать себя самодержцем «всея Великия и Малыя России», присоединив еще к этому титулу, в следующем 1655 г., после занятия Вильны, выражение «и Белыя России». С этих пор различие между «велико-» и «малороссиянами»

сделалось общепринятым в книжной литературе и образованном обществе, но именно в этой форме, а не в форме «мало-руссы» и «великоруссы». Эти последние обозначения стали употребляться сравнительно недавно, с пятидесятых и шестидесятых годов, отчасти вследствие оставления вообще искусственного и высокопарного имени «россияне», а отчасти и по примеру Костомарова, который пользовался наименованиями то «северно»- и «южно-руссы». То «велико»- и «мало-руссы». Название «южноруссы», введенное, впрочем, несколько ранее Костомарова, писателями малороссийского происхождения, имело, очевидно, целью, устранив понятие о «малости» или «великости», ввести более определенные обозначения, основанные на различии географического распространения. К этому присоединилось еще представление, развитое Максимовичем, Костомаровым и другими, что теперешние малоруссы составляют прямых потомков, и по крови, и по языку, древних южно-русских славянских племен, что ильменские или новгородские славяне (по Костомарову) были ветвью этого южно-русского племени, оторванной от него какими-то неизвестными обстоятельствами и удалившейся на север, но что остальные великоруссы — тверитяне, суздальцы, москвичи, — хотя и оставались русскими по происхождению, вере, книжному языку, однако уклонились от прочих русских славян в своем народном языке, быте, нравах, обычаях, общественном и государственном строе, под влиянием иных географических условий, иных исторических судеб, а также и иных, вошедших в их состав этнографических элементов. Влияние этих последних особенно было преувеличено некоторыми польскими писателями, которые старались доказать, что «москали» — даже не русские, не славяне, а финны и татары, усвоившие себе некоторую славянскую примесь и испорченный славянский язык. Такая теория, развитая особенно Духинским и его последователями, встретила возражения со стороны многих, не только великорусских, но и малорусских и вообще славянских исследователей, и была всеми понята, как вызванная не столько научными, сколько политическими тенденциями. Тем не менее мысль, что малоруссы (как и белоруссы) представляют более чистую в антропологическом и этнографическом отношении ветвь русского народа, чем великоруссы, уклонившиеся всего далее на Север и Восток и смешавшиеся с различными инородцами, получила некоторое распространение не только у западно-славянских и южнорусских писателей, но отчасти и среди образованного русского общества вообще.

Термин «великоруссы» может представлять географическое, антропологическое, этнографическое и историческое значение, смотря по тому, какие признаки имеются в виду или чему придается большее значение. В географическом отношении имя «Великой России» должно признаваться равнозначительным с древней «Московией» иностранцев, например, — как это предлагал Надеждин, — в пределах великого княжества Московского, в 1462 г., при смерти Василия Васильевича Темного, когда оно простиралось уже от Ельца до Устюга и от Калуги до Вятки, причем необходимо пополнить эту территорию тогдашним великим княжеством Тверским, областью Пскова, пятинами Новгородскими, восточной частью древнего Смоленского княжества, Северскими уделами по Оке, между Десной и Доном, и великим княжеством Рязанским. Впрочем, такое географическое определение Великой России едва ли может в настоящее время иметь какое-либо значение. С одной стороны, даже на территории Великороссии XV в., рядом с великоруссами, жили (как и живут отчасти еще и теперь) белоруссы и финны; а с другой стороны, великоруссы давно перешли за пределы Московского государства XV в., расселившись и по течению Камы с ее притоками, и по нижней Волге, и в бассейне Дона, и в Новороссийском крае, Сибири, на Кавказе и т. д. Гораздо большее значение представляют Великоруссы в этнографическом отношении, как народность, выработавшая себе известный язык и своеобразные черты быта и нравов. В прежнее время, и еще сравнительно не так давно (в 30-х годах нынешнего столетия), некоторые, даже из «ученых» великоруссов, видели (по словам Венелина) в украинцах какую-то смесь малоруссов, татар, поляков, литвы, а язык их считали каким-то испорченным, мужицким говором, с примесью польских и татарских слов (Греч в 1827 г. утверждал даже, что малорусское наречие «может назваться наречием языка польского»). Наоборот, писатели малорусского происхождения старались доказать, что малороссийский язык не только равносилен великорусскому, но даже древнее, первобытнее его, что это был язык Киевской Руси, и что скорее великорусский язык должен быть признаваем новой формацией, образовавшейся под влиянием инородческого (финского) элемента, или (как утверждал галицкий писатель Огоновский еще в 1880 г.), что великорусский (московский) язык «присвоил себе элементы церковно славянского и древне-русского языка, давши им свою новую, чуждую окраску, в ущерб старому и подлинному основанию и произошел из смеси московского наречия, русинского и

церковнославянского языка, — могущественно развившись, в своей литературной речи, на счет малорусского». Все эти утверждения должны быть признаны в настоящее время неосновательными. Малорусский язык есть, несомненно, самостоятельное наречие русского языка, сохранившее в себе даже некоторые большие признаки древности, чем великорусское и, во всяком случае, ему равноправное и более обособленное, чем, например, наречие белорусское, которое некоторые подчиняют великорусскому, хотя лучшие новейшие исследователи считают его также самостоятельным, наравне с великорусским и малорусским. Но, с другой стороны, и великорусское наречие не может считаться какой-то смесью малорусского с церковно-славянским, и образование его, в основных чертах, должно быть отнесено к тому же времени как и вообще расхождение первоначального русского языка на главные свои ветви. Изучение древнейших южно-русских памятников XII–XV вв. доказывает даже (по словам проф. Соболевского), что «древний киевский говор был великорусский» и что «нынешнее малорусское население мест, ближайших к Киеву, как и всей страны к востоку от Днепра — население пришлое, пришедшее сюда приблизительно в XV веке с Запада, из Подолии, Волыни и Галиции». Последнее утверждали еще ранее Погодин и Лавровский; но взгляд этот продолжает оспариваться южно-русскими исследователями, — гг. Житецким, Антоновичем и др. Как бы то ни было, можно считать доказанным, что новгородское наречие, которое Костомаров признавал родственным малорусскому, есть, несомненно, великорусское и представляет одно из подразделений последнего. Этих подразделений принимается теперь (за выделением белорусского) два или три, хотя у разных исследователей замечаются различия в подробностях. Наиболее явственно различие между северно-великорусским и южно-великорусским поднаречием; но северное может быть разделено, в свою очередь, на два: а) собственно северное, или новгородское (в Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской губерниях, в Сибири, также в Псковской и Тверской, где оно соседит с белорусским, и в Костромской, где оно соседит с восточным); б) восточное, или суздальское (в губерниях Владимирской, Казанской, Симбирской, отчасти Пензенской, Саратовской, Оренбургской). Другие исследователи выделяют, однако, эту восточную разновидность северновеликорусского наречия в особое, среднее великорусское наречие, промежуточное между северным и южным.

Последнее, то есть южно-великорусское наречие называется еще рязанским и подразделяется некоторыми также на два: на восточное, или собственно, рязанское (в губ. Рязанской, Тамбовской, отчасти в Пензенской и Саратовской) и западное (в губерниях Тульской, Орловской, Курской, отчасти Воронежской и Харьковской, где великоруссы соседят с малоруссами, и в губерниях Смоленской и Калужской, где они соседят с белоруссами). К этому западному южно-великорусскому говору относится и московский, который, однако, некоторые исследователи (напр. Шихматов) выделяют в особый, образовавшийся из соединения северно-великорусского наречия с южно-великорусским и стоящий, по основным чертам своего вокализма, ближе к последнему. Этим, специально московским наречием народ говорит только в Москве и в ее ближайших окрестностях; но оно распространилось по всей России как язык образованного класса. Остальные части Московской губ. должны быть причислены к западному и восточному говорам южно-великорусского наречия, а на севере — к восточному поднаречию северно-великорусского.

Обособление этих поднаречий и говоров должно было последовать после обособления великорусского наречия от малороссийского, т. е. после XIII века и, вероятно, в течение многих столетий, хотя первые зачатки их могли быть налицо также в языке различных племен русских славян, перечисленных в Начальной летописи. Всего раньше должно было сложиться новгородское наречие, следы которого мы встречаем в некоторых древнейших письменных памятниках, хотя и оно, распространяясь на север и на северо-восток, должно было несколько измениться, по крайней мере в своем лексическом составе, восприняв в себя немало инородческих, финских слов. В образования восточного северно-великорусского поднаречия приняли, вероятно, участие кривичи (белоруссы), смешавшиеся с новгородцами, а в образовании южно-великорусского — также вятичи. Как бы то ни было, все эти поднаречия и говоры остаются чисто русскими; влияние финского элемента сказывается только в некоторых заимствованных словах и является еще недоказанным в морфологии и фонетики, хотя, по отношению к последней, оно и предполагается некоторыми исследователями.

Морфологическая и фонетическая чистота великорусского наречия представляется даже несколько странной, если принять во внимание, что наречие это сложилось на почве, заселенной первоначально инородческими, финскими племенами, которые,

несомненно, принимали участие в образовании великорусской народности. При начале русской истории, в X веке, мы видим, что еще вся область позднейшей Ростовско-Суздальской земли, колыбели великорусского государства, была заселена финскими племенами. Новгород является на Западе самой северной славянской колонией. Но если мы обратимся к географической, именно хорографической номенклатуре (особенно к названиям рек), то, как показал еще Надеждин, мы можем убедиться, что даже в славянских областях, по Днепру, Сейму и Десне, встречается масса инородческих, финских названий наиболее чиста от чужеземных названий хорографическая номенклатура в верховьях рек Вислы, Днестра и Припяти до Днепра; но чем далее от этого центра, тем сильнее становится инородческая примесь в названиях рек, и именно на Западе встречаются литовские названия, на Юге — тюркские, на Севере и Востоке — финские. К северу от Смоленска и на Днепровско-Окском водоразделе финские названия уже преобладают, так что было, следовательно, время, когда финны придвигались к самому Днепру с Севера и Востока. Но это было, вероятно, еще до VI в., так как в VI в. Прокопий упоминает уже о славянах на Севере от Азовского моря, и есть основания предполагать, что и новгородские славяне пришли к Ильменю по крайней мере столетия за два до начала русской истории.

Таким образом, русские славяне, расселяясь из области в верховьях Вислы, Днестра и Припяти, должны были утвердиться в областях, занятых первоначально неславянскими племенами. В частности, новгородские славяне, кривичи, вятичи должны были заселить область, занятую ранее финскими народами. Невольно представляется вопрос, как славяне не потонули в этом финском море и куда девались все эти финские племена? Как могли славяне не только поддержать свое политическое преобладание, но и сохранить свой язык, свой быт, и выступить историческими деятелями, как новгородцы, суздальцы, москвичи, как народ славяно-русский? Для объяснения этого факта, следует прежде всего принять во внимание, что и южные славяно-русские племена, расселяясь по Днепру и за Днепр, должны были, судя по хорографической номенклатуре, заселить места, где ранее их сидели племена тюркские. Что касается специально полян (и древлян), то известно, что они постоянно должны были бороться с тюркскими племенами, с черными клобуками, торками, берендеями и печенегами, которые позже, с появлением половцев, входят даже в состав княжества, образуют пограничные поселения по Роси и Суле, как передовой оплот против

половцев, причем и последние входят потом в более близкие сношения с киевлянами, роднятся с ними и т. д. Вообще, уже в то отдаленное время славянское население Киевской земли стало ассимилироваться с соседними тюркскими элементами, а позже, в эпоху казачества и Запорожья, южнорусское население восприняло в себя еще более разного инородческого элемента. И тем не менее, кроме некоторой лексической примеси, малоруссы сохранили чистым свой славянский, русский язык, хотя, может быть, и видоизменив его в выговоре, под влиянием позднейших колонистов с запада, из Прикарпатья. Таким образом, если южноруссы, несмотря на тюркскую и иную примесь, могли сохранить свой язык и народность, это было возможно и для тех русских племен, которые двинулись на север и северо-восток, тем более, что им пришлось здесь иметь дело с более мирными и слабыми племенами финскими.

Была, однако, существенная разница в колонизации русскими славянами юга и севера. На юге их колонизация не простиралась далеко, и область к востоку от Днепра была заселена прочно малоруссами только в XVII веке, когда им пришлось встретить здесь необитаемую территорию и столкнуться только с встречной колонизацией великорусской. Иное дело было на севере, где пришлось заселять громадную территорию, углубляясь всё далее на восток и запад, в области, занятые финскими племенами. И притом нельзя сказать, чтобы эти финские племена, в эпоху славянского среди них расселения, были лишены всякой культуры. Это не были уже те Fenni, о которых говорит Тацит, что они занимались только звероловством и имели всю надежду на пропитание в стрелах с каменными или костяными наконечниками. Следы этой древнейшей культуры, правда, найдены в области Оки, Средней Волги, Вятки и Камы, и притом довольно обильные и во многих местах; но они относятся ко времени гораздо более раннему, чем эпоха расселения славян. В последующие же века финские племена уже имели железное оружие и бронзовые украшения, усвоили себе (на Западе под влиянием готов, а на Востоке — тюрков) скотоводство и земледелие, и, судя по находкам в некоторых, несомненно финских, могильниках, вели также кое-какие торговые сношения. Культура славянских пришельцев едва ли в то время значительно превосходила финскую, и потому успех славянской колонизации едва ли можно объяснять превосходством тогдашней славянской культуры. Нет также никаких оснований предполагать, чтобы славяне истребляли финнов; напротив того, всё свидетельствует в пользу того, что колонизация славян была

по преимуществу мирная. Едва ли можем мы также думать, что финны вымирали сами, подобно тому, как вымирают теперь первобытные племена Австралии и Полинезии, или как вымерли некоторые мелкие племена Сибири. В этих случаях разница в культуре пришельцев и туземцев была настолько велика, что последние должны были безусловно подчиниться первым и резко изменить весь свой быт или исчезнуть, особенно под вредным влиянием отрицательных сторон цивилизации. Но такой резкой разницы в культуре не было между финнами и славянами, и особенности быта тех и других не исключали возможности мирного сожития и общения и совместного участия в государственной жизни.

Для объяснения того, что происходило при расселении славян на территории России, можно до некоторой степени пользоваться данными, касающимися позднейшей русской колонизации, происходившей уже на памяти истории, например, колонизации Заволочья, и отчасти — колонизации русских среди вотяков, черемис, пермяков и вогулов. Говорим — до некоторой степени, потому что в это позднейшее время русские стояли в своей культуре уже много выше финских инородцев, были крепки единством и верой, тогда как финские племена представляли множество подразделений и жили разбросанно. Впрочем, и при начале русской истории на стороне славян было то преимущество, что их предводителями и руководителями были нередко воинственные и предприимчивые варяги (норманны), следы которых мы встречаем, например, в Суздальской земле, в т. наз. мерянских курганах, еще до установления здесь русского владычества. Следы эти выражаются в обычае трупосожжения, в присутствии норманнского вооружения и характерных украшений эпохи викингов (IX–X и нач. XI в.), например, т. наз. скорлупчатых фибул и т. п. Вообще, необходимо допустить, что славянская колонизация происходила не массами, а проявлялась более в основании небольших поселков и городков. Есть основание думать, что среди Мери, например, в эпоху участия ее в призвании варяжских князей, уже был значительный славянский элемент, что область ее была уже отчасти заселена славянами, хотя и продолжала носить название Мери, подобно тому, как и позже Вятка, Пермь, Сибирь удержали туземные названия, хотя и стали уже областями русскими, с господствовавшим русским населением. Успеху славянской колонизации могло благоприятствовать и то обстоятельство, что финское население было, по-видимому, не густо и жило разбросано среди лесов, к тому же сравнительно мирно и

невоинственно. Когда же славянские колонии начали его теснить, оно могло уходить далее на Восток, как это мы знаем, например, в позднейшее время относительно вотяков, черемис, вогул и мордвы. В более раннюю эпоху также уходили перед русскими, по-видимому, югры. В XVI веке они были уже за Уралом, тогда как несколькими веками ранее они, судя по некоторым историческим данным и хорографической номенклатуре, жили в пределах нынешней Вологодской губернии и даже, может быть, южнее: известно, что часть их прошла в конце IX в. за Карпаты и основала Угорское (Мадьярское) государство; с другой стороны, Европеус указал на угорское происхождение названий некоторых рек даже в Московской губ. и еще южнее, например, р. Угра. К этому надо прибавить, что финские племена распадались, вероятно, на многие группы и говоры, как напр. теперешние черемисы, у которых насчитывается шесть наречий, или как вотяки, распадающиеся на два главных племени, да еще на несколько мелких, причем вотяки одной местности с трудом иногда понимают других. В виду этой разбросанности и разноплеменности русские колонисты были крепки своей сравнительной однородностью, единством в языке, а затем и верой, которая послужила также важным объединяющим фактором и для инородцев. Последние, принимая русскую веру, язык и подчиняясь влиянию русских обычаев, становились сами русскими и помогали последним в обрусении своих соплеменников.

Мы сказали, что славянская колонизация должна была идти, в большинстве случаев, постепенно, мелкими группами и поселками, как это мы видим и в последующие века, на Севере и Востоке. Но это не исключало возможности, в некоторых случаях, и более усиленной, массовой колонизации, в подтверждение чего можно также привести аналогичные примеры из исторической уже эпохи. Не говоря даже о массовом переселении малоруссов в XVII веке на левый берег Днепра и в нынешнюю Харьковскую губернию, можно указать, например, на быстрый рост заселения Перми при Строгоновых и на последующее движение массами русских из Двинской земли, Вятки и Перми — в Сибирь. Пример Строгоновых показывает, что стоило только предприимчивым властным и богатым людям основаться на новых, вольных и прибыльных местах, как к ним уже начинали стекаться переселенцы, в надежде на простор, выгодный промысел и покровительство крепкой власти. Именно такая крепкая русская власть появилась в пределах Мерянской земли, с утверждением во Владимире и Суздали князей Мономахова рода. Нашествие татар,

уничтожившее Киев, низведшее его на степень второстепенного поселка, разорившее Переяславское княжество и Чернигов, сопровождалось перемещением политических центров из Чернигова и Новгорода-Северского — в Муром и Рязань, из Киева — во Владимир. Это способствовало еще более возвышению значения Владимирского княжества, центр которого перешел затем в Москву, т. е. западнее и южнее, как бы навстречу тем западным и южным славянским элементам, которые начали сюда приливать с новой силой. Этот прилив прежние исследователи представляли себе так, что южно-русское население после татарского разгрома начало массами передвигаться на север, ища себе там более спокойного существования и более надежной защиты. В новейшее время эта теория подвергнута сомнению и иными даже совершенно отвергается; указывают на то, что южно-русское население было или истреблено, или бежало на Запад, и что массовое передвижение его на север не подтверждается никакими свидетельствами. Истина, по-видимому, лежит здесь в средине между крайностями. Массового движения, кажется, действительно не было; тем не менее и самые князья и их дружина явились на север с юга, а их переход, вместе с молвой о силе и значении их власти и с разорением юга, должен был иметь следствием переселение на север же многих лиц из высшего сословия, духовенства, купцов и простого народа. Но здесь эти переселенцы встретили уже ряд городов, заселенных ранее выходцами из варяг, Новгорода, Киева, Земли Кривичей, а также ославянившимися инородцами; здесь уже оказывалась народность, в которой смешанные славянские и финские элементы сливались в нечто особое и более общее; к этому общему оставалось только примыкать и содействовать, сознательно или бессознательно, укреплению и расширению нового государства и складыванию одного русского (великорусского) народа, на обширном пространстве Средней, Северной и Восточной Руси (а также, через посредство донских казаков, отчасти и Южной).

Это образование великорусского народа из соединения разных элементов, происходило ли оно путем брачного смешения славян с финнами или путем непосредственного, постепенного обрусения последних, по необходимости должно было оказать известное влияние на видоизменение первоначального типа, какой представляли в своем сложении и облике русско-славянские племена прежде их утверждения на территории финнов. К сожалению, выяснение этого вопроса соединено с значительными трудностями и требует

основательного ознакомления как с типом современных финских и славянских племен, так и, по возможности, с тем, какой выказывали предки этих племен в эпоху их первоначального столкновения и смешения. Но такое ознакомление предполагает массовые наблюдения и обстоятельную их разработку, чему покуда положено только слабое начало; что же касается до выяснения типа древних славянских и финских народов, то для этого имеется и слишком мало материалов. Впрочем, нельзя сказать, чтобы эти материалы совершенно отсутствовали; они имеются в виде тех костяков и черепов, а иногда и остатков волос, которые находят в многочисленных, разбросанных по русской земле курганах и могильниках. Материалы эти отчасти уже описаны трудами профессора Богданова и других лиц; но многое еще остается сделать для выяснения особенностей по местностям и эпохам и для сравнения их с соответственными антропологическими особенностями современного населения. Покуда мы не имеем еще ни детальных карт с указанием распределения древних курганов, городищ и т. д., ни сочинений, в которых были бы сведены и анализированы все известные данные об исследованных могильниках и выяснены все констатированные особенности различных славянских и финских курганных и могильных древностей. Немногие обобщения, сделанные по отношению к этим археологическим памятникам, иногда только затемняют вопрос или дают ему фальшивое освещение. Так, например, финские ученые считают почти все доисторические древности средней и северной России финскими, так что славянских здесь, можно сказать, совершенно не оказывается. Наоборот, некоторыми русскими учеными был высказываем взгляд, что почти все эти остатки принадлежат нашим собственным предкам, а иные склонны даже причислять к славянским и разные курганы и могильники Сибири. Понемногу, однако, и в этой области начинает кое-что уясняться, хотя покуда лишь в слабых намеках. Начинают определяться, с одной стороны, остатки древнейшей культуры каменного и костяного века, со следами бронзового, констатированные от Урала, Перми, Вятки до Мурома, Москвы и Приладожья и принадлежавшие, очевидно, древнейшему населению, как кажется, угорскому. Затем идут могильники (не курганы), заключающие в себе остатки финнов более поздней эпохи, но еще несколькими столетиями предшествующие эпохе расселения славян. Настоящих курганов (могильных насыпей) мы не находим в исконной области финнов, например, в нынешней Пермской губернии (за

исключением степных зауральских уездов, где курганы насыпались, очевидно, тюркскими кочевниками), в Вятской, большей части Вологодской и Архангельской, в Прибалтийских областях. С другой стороны, мы встречаем и в пределах Средней России могильники, относящиеся, по-видимому (судя по вещам), к VI–VIII векам и принадлежавшие, по всем вероятиям, финнам. Таковы, например, исследованные недавно Курманский могильник (в Касимовском уезде Рязанской губ., раскопки графа Ф. Уварова) и Люцинский могильник Витебской губернии (раскопки Романова и Сизова). Наконец, мы имеем курганы иногда с арабскими диргемами и византийскими и другими монетами, позволяющими определить точнее эпоху, и относящиеся, по-видимому, (в пределах Средней и Северной России), к IX–XI векам. Несомненно, что курганы насыпались в Южной и Средней России разными народами начиная с эпохи скифов, а может быть и раньше. Известны некоторые курганы с греческими изделиями IV в. до Р. Х., есть затем более поздние — эпохи около Р. Х. и последующей, так наз. Скифо-сарматской; но затем идут курганы несомненно славянские, именно на юго-западе России, в области, где и все хорографические названия — славянские. Удалось даже выяснить некоторые особенности курганов полян, древлян, северян, смоленских кривичей, иногда со следами норманнского влияния (особенно в богатых, княжеских курганах). Не может быть сомнения, что славяне, расселяясь в период язычества далее к северу и востоку, должны были принести туда с собой и обычай насыпания курганов; и действительно, мы видим многочисленные группы древних могильных насыпей и в земле ильменских славян, кривичей, радимичей и вятичей. Курганы эти идут обыкновенно по рекам, а реки, несомненно, были главными путями славянской колонизации; мы знаем, например, что в Обонежье и Заволочье славяне утвердились по Двине, Свири, Онеге, оттеснив финнов к Белому морю, в верховья р. Ояти, в глухую Белозерщину, к Ладоге и т. д. Таким образом едва ли может подлежать сомнению, что большинство курганов в области первоначального расселения славян, до принятия ими христианства, принадлежат славянам, хотя это не исключает возможности, что под влиянием славян и сопредельные с ними финны стали в более позднюю эпоху тоже насыпать курганы над своими умершими. В Нижегородской губернии исследованы, например, курганы, принадлежавшие, несомненно, Мордовским князьям (у с. Бол. Тимерево); но они относятся к более поздней эпохе, не ранее XII и даже XIII в. Некоторую точку опоры могло бы дать в этом случае (для

определения славянства или финства) сравнение самих остатков людей, похороненных в курганах; но, к сожалению, на них только в последнее время стали обращать большее внимание. Притом, не следует забывать, что костяки и черепа могут дать понятие только о признаках расы, породы, а не племени или народности; между тем, в составе одного и того же племени могут присутствовать различные расовые элементы и, наоборот, одни и те же краниологические признаки могут встречаться у представителей различных племен или народностей. Кроме того, известный физический тип может подлежать в течение веков изменению, вследствие ли постепенного вырождения тех или других признаков в потомстве, или вследствие большого умножения потомков одного типа, сравнительно с потомками другого, или, наконец, вследствие кровного смешения одного типа с другим, в течение многих поколений. В Германии, например, констатировано, что в древних курганах ее (Hunengraber) было погребено высокорослое население, с преобладающей длинной и узкой, так наз. долихоцефальной, формой черепа. Эти курганы, очевидно, заключают в себе остатки древних германцев; между тем современное немецкое население имеет преобладающей формой головы — короткую и широкую, брахицефальную, и долихоцефалия встречается только спорадически, или на таких окраинах, как побережье Немецкого моря, в Швеции и т. д. Очевидно, тип черепа нынешних немцев не тот, что был у древних германцев, как и характерная древняя белокурость германского племени встречается теперь у меньшинства населения, тогда как большинство — шатены, с немалой примесью брюнетов. Подобное же явление видим мы и на славянской территории России. Древнейшие курганные черепа, как из скифских и скифо-сарматских, так и из славянских курганов, выказывают преобладание долихоцефалии, тогда как у современного русского населения преобладает брахицефалия. И это применимо в одинаковой степени как к южно-русскому, так и к северно-русскому населению, причем у современных малоруссов встречаются, по-видимому, даже более сильные степени брахицефалии, чем у великоруссов. Этот факт преобладания теперь брахицефалии, а в эпоху насыпания курганов — долихоцефалии, заставил некоторых исследователей (напр. проф. Таранецкого) прийти к заключению, что курганные черепа — не славянские, а принадлежат, вероятно, финнам. Но такое заключение также не может быть признано убедительным; известно, что современные финны, как западные (корелы, тавасты, эсты), так и восточные (мордва и другие), тоже представляют

преобладание брахицефалии, как равно и большинство тюркских народностей. Если же допустить, что древние финны отличались по своему типу от нынешних, то с одинаковым правом это можно сделать и по отношению к славянам. Более оснований имело бы предположение, что древние курганные долихоцефалы были не финнами, а угорцами, то есть югрой, как это и высказывал Европеус. Современные вогулы и остяки (потомки югров), действительно, выказывают преобладание долихоцефалии, и в этом отношении довольно резко отличаются как от своих соседей, самоедов, так и от приуральских, поволжских и прибалтийских финнов. Весьма вероятно, что те длинноголовые черепа, которые были найдены проф. Иностранцевым вместе с изделиями каменного века в отложениях Приладожья, должны быть приписаны именно югре, имевшей в глубокой древности значительное распространение на севере России; но мы не имеем никакого основания приписывать югре те длинноголовые черепа, которые были найдены в курганах X–XI вв. в областях, населенных славянами и со следами культуры славяно-варяжской. Вопрос о югре, или, точнее, о физическом ее типе, заслуживал бы, вообще, более тщательного исследования, так как это, несомненно, один из древнейших типов на почве Северной России, существенно отличающийся еще и теперь от типа всех соседних современных народностей.

Допущению, что русские славяне представляли преобладание долихоцефалии, может противоречить то обстоятельство, что долихоцефалия является редким исключением вообще у современных славян, у поляков, чехов, словаков, сербов, которые все характеризуются, по-видимому, преобладанием брахицефалии. Немецкие ученые склонны думать, что и изменение формы германского черепа последовало от смешения со славянским элементом, вошедшим в значительной дозе в состав нынешнего населения Германии. Однако, представляется еще вопросом, действительно ли все современные славяне выказывают преобладание брахицефалии. Современные болгары, по-видимому, по преимуществу долихоцефалы: в пользу этого говорит, во-первых, тот факт, что болгарские черепа, добытые из несомненно болгарских кладбищ д-ром Радаковым, во время последней Русско-турецкой войны, и доставленные в московский антропологический музей, оказались долихоцефальными, а с другой стороны, это же подтверждают наблюдения над современными болгарами, поселившимися в Крыму, которые, по измерениям над живыми

особями г. Гинкулова, оказались также почти все долихоцефалами. Если это так, то мы имеем и теперь одно славянское племя с преобладанием долихоцефалии. Правда, племя болгар производят от волжских болгар, из народности тюркской; но эти волжские болгары в такой степени смешались с придунайскими славянами, что утратили совершенно свою народность и усвоили себе язык преобладавшего славянского большинства. С другой стороны, все известные нам тюрки отличаются короткоголовостью, и такой же тип представляют и черепа из некоторых древних тюркских курганов (напр. в Зауралье), а это позволяет предположить, что и волжские болгары были короткоголовыми и, следовательно, не могли вызвать появления у своих потомков долихоцефалии. Возможно, во всяком случае, что среди древних славянских племен были и коротко- и длинноголовые, как и теперь есть — одни с преобладанием белокурости (поляки), а другие — темноволосости (южные славяне), одни — высокого роста, другие — более низкого и т. д. Правда, то же самое может быть сказано и относительно племен финских, даже еще с большим правом, потому что и теперь мы встречаем как высокорослые финские племена (корелы, эсты, ливы), так и крайне малорослые (лопари, пермяки), как по преимуществу белокурых (эстов, лопарей), так и с преобладанием темноволосости (большинство восточных финнов). Нельзя, поэтому, отрицать, что и среди финских племен могли быть в древности длинноголовые, и это, как будто, подтверждают те длинноголовые черепа, которые находили в некоторых курганах Среднего Поволжья, к востоку от области расселения славян в IX–XI веках. Но всё это недостаточно для того, чтобы отрицать принадлежность массы курганов в западной половине Европейской России, с их долихоцефальными черепами и с их бытовыми предметами эпохи славянского расселения, — именно славянам.

Но если допустить, что древние русские славяне были долихоцефалы и — судя опять-таки по курганным находкам — вообще высокого роста, то как объяснить изменение этого типа в брахицефальный и, в большинстве случаев, менее рослый? На этот счет могут быть высказаны только более или менее вероятные догадки. Можно предполагать, например, кровное смешение пришельцев-славян с туземцами-финнами и вызванное этим постепенное изменение типа у потомков. Что такое смешение должно было происходить, это едва ли может подлежать сомнению. Мы знаем, например, что многие их наших дворянских родов происходят от татар, казанских и иных мурз, из Золотой Орды, из крымских

выходцев и т. д., приходивших в Москву, принимавших крещение, женившихся на русских боярышнях, поступавших на царскую службу и жалованных поместьями и вотчинами. Многие из дворянских фамилий (как Юсуповы, Карамзины, Салтыковы и проч.) выказывают и по сей день свое татарское происхождение. С другой стороны, родоначальниками многих дворянских фамилий были также выходцы из Польши, Литвы, Швеции, из немцев, западных славян, итальянцев, валахов, грузин, черкес и т. д., и все эти представители разных типов, вступая в брак с русскими, передавали более или менее свои особенности потомству, которое, путем браком между членами различных дворянских фамилий, могло еще более упрочивать существование в дворянской среде различных иноземных типов. В среде духовенства были также выходцы из греков, южных славян, мордвы и т. д.; среди купцов и ремесленников являлись иностранцы; наконец, простой народ, особенно в местностях со смешанным русско-финским населением, также мог принимать участие в метисации. В Сибири, например, как известно из исторических свидетельств, браки русских с инородческими женщинами были местами нередки, а из некоторых наблюдений можно заключить, что кое-где такое смешение повело даже к заметному изменению у русских физического типа. Но, с другой стороны, мы знаем также, что там, где русские поселились массами и семьями, они сторонятся инородцев и брачатся почти исключительно в своей среде. Таковы, например, общины «каменщиков» в Алтае или т. наз. «семейских». В Приуралье вотяки и пермяки также обыкновенно не смешиваются с русскими, хотя присутствие помесей может быть констатировано и там, даже у вогулов и остяков. Впрочем, для объяснения изменения типа нет надобности предполагать непременно кровное смешение племен неодинакового телесного склада, тем более, что продукты такого смешения могут приближаться то к типу отца, то матери, т. е. могут и удерживать славянский тип. К такому изменению должно было вести уже то обстоятельство, что русское население всё более и более умножалось принимавшими русскую веру и язык инородцами, которые тем самым становились русскими, не вступая даже в кровную связь с последними. Надо также принять во внимание, что среди древних русских славян встречались, хотя в меньшинстве, брахицефальные особи, потомство которых могло со временем получить преобладание по численности, по тому ли, что оно оказывалось более живучим и устойчивым, или по другим причинам, нам неизвестным. Наконец, не следует упускать из виду, что и теперь

встречаются еще долихоцефальные особи как среди южно-русского, так и северно-русского населения, и, за недостатком массовых наблюдений, особенно в более удаленных от центров местностях, нельзя отрицать возможности, чтобы они кое-где имелись и в более значительном числе. Д-р Эмме, в Кобелякском уезде Полтавской губ., измеряя крестьян в своей амбулатории, констатировал среди них до 30 % длинноголовых, а проф. Краснов, производя измерения над населением Харьковского уезда, нашел у великоруссов более долихоцефалов, чем у малоруссов. Сравнение черепов из старинных московских кладбищ XVII и XVI вв. показывает, что в это время брахицефальный тип уже был преобладающим, тогда как в курганах Московской губ. X–XI вв. преобладал еще тип долихоцефальный. Но и в это отдаленное время кое-где, особенно в курганах восточной части губернии, встречалась уже примесь короткоголового типа.

Для разъяснения физического типа великоруссов, его особенностей и его большей или меньшей однородности важно было бы массовое изучение современного великорусского населения, но покуда в этом отношении собрано еще очень мало точных наблюдений. Пишущий эти строки имел возможность, на основании данных об исполнении воинской повинности в Империи, проследить вариации одного физического признака, именно величины роста, насколько о том можно судить по неполным и не вполне точным опубликованным данным о принятых на военную службу двадцатилетках. Оказалось, что как процент непринятых за недостаточным ростом (ниже 2 арш. 2,5 вершк.), так и средний рост новобранцев представляют характерные колебания по различным частям (губерниям и уездам Империи), причем весьма существенным фактором является, несомненно, расовое и племенное различие. Так, процент малорослых значительно ниже, а величина среднего роста больше на малорусском юге и в Прибалтийском (финско-латышско-немецком) крае, чем, напр., в Польше и С.-В. и С. (в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Казанской, Костромской и Уфимской губ.), где была и есть значительная примесь инородцев. В общем, великорусское население 20-летнего возраста отличается меньшим средним ростом, чем малорусское тех же лет, но большим, чем польское и восточно-финское, тогда как в Прибалтийских губерниях, в области эстов, ливов, латышей и немцев, восемь уездов дают наибольшие цифры среднего роста новобранцев для Империи. Выведение среднего роста рекрут по уездам показало, однако, что как в области распространения малоруссов, так и

великоруссов замечаются значительные местные различия в цифрах среднего роста. Так, например, средний рост рекрут в Подолии и Волыни, коренной области малоруссов, ниже, чем в Полтавской губ. и Новороссийском крае, колонизованном малоруссами лишь в XVII и XVIII ст., а еще ниже он в Слободской Украине, в Харьковской губ., где притом, по наблюдениям проф. Краснова, не замечается никакого различия между средним ростом малоруссов и великоруссов. Наоборот, в Саратовской и Самарской губ. рост малорусских новобранцев в среднем выше роста великорусских. В пределах Великороссии наиболее высокий средний рост рекрут, на более обширном пространстве, замечается в Новгородской и Псковской губерниях (впрочем, не всех уездах), а затем, чем далее на Восток, тем меньшее число уездов выказывают средний рост в 165 и более сантиметров и тем чаще встречаются уезды с ростом в 163 см и менее. Еще более понижается рост, по-видимому, на Севере, в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губ., хотя и там есть уезды (Архангельский, Сольвычегодский), сходные по величине роста с новгородскими. Наиболее обширные участки низкорослости оказываются в С.-В. части Вятской губ. (Слободской, Глазовский и Сарапульский уезды, где преобладают вотяки), в некоторых уездах Казанской (татары, чуваши) и в северных уездах Пермской (Чердынском и Соликамском, где преобладают пермяки), тогда как Оханский, Осинский, Верхотурский, Ирбитский и Камышловский уезды, заселенные почти сплошь русскими, большей частью потомками новгородцев и выходцами с Вятки, Двинской земли и т. д., выделяются своим сравнительно высоким ростом. Сибирские (русские) новобранцы также выказывают вообще высокий рост, хотя местами, напр. в некоторых округах Тобольской губ., в Туруханском крае и, особенно, в Якутской обл., замечается его понижение, что, в связи с констатированным здесь распространением у русских монголовидных черт (скуластости, безбородости, узкоглазия) указывает, очевидно, на влияние инородческой крови. Русское население Кавказа (помимо казачьего) также дает довольно высокорослых новобранцев, что может объясняться как присутствием в его среде значительного малорусского элемента, так и многих потомков бывших солдат кавказского гренадерского корпуса (вообще высокорослых). Нельзя отрицать, впрочем, влияния на рост и некоторых условий жизни, большего или меньшего благосостояния, занятий. В Соединенных Штатах было сделано наблюдение, что рост солдат из западных земледельческих штатов, колонизованных

сравнительно недавно, выше, чем в восточных. Аналогичное явление представляет повышение роста у малоруссов Новороссийского края, а отчасти и у русских сибиряков. Рост двадцатилетков в городах (Петербурге, Москве, Казани, Туле) оказывается выше, чем в соответственных уездах, тогда как в Варшаве, Одессе и Николаеве такого различия не замечается, а в Кронштадте замечается даже обратное явление, что все зависит, вероятно, от большего или меньшего скопления в городах пришлых элементов. Рост привилегированных классов в одной и той же народности, вообще, выше — по крайней мере в 20-летнем возрасте, — чем у крестьян, тогда как рост фабричных, особенно на фабриках, обрабатывающих волокнистые вещества, по измерениям проф. Эрисмана на фабриках Московской губ., ниже, чем рост поденщиков и крестьян-земледельцев, хотя по точным данным, собранным д-ром Дементьевым, и здесь имеет значение происхождение особей, т. е. влияние более высокорослой или низкорослой породы.

Влияние смешения племен или рас различного роста может выражаться не только в понижении среднего роста более высокорослой из них (и повышения более низкорослой), но и в том еще (как показали это в особенности детальные исследования Бартилльона над ростом двадцатилетков в восточных департаментах Франции), что кривая роста для таких смешанных групп населения уклоняется от своей более правильной формы и представляет часто двойную вершину, т. е. что величины роста особей такой группы располагаются не около одной средней цифры, а около двух, одной большей, другой меньшей, как бы указывая тем самым на сложение данной группы из особей, относящихся к двум типам неодинакового роста. Это раздвоение вершин кривой роста было констатировано и мной для некоторых уездов Новгородской губернии (Белозерского — на основании данных для 2100 особей) и, на основании более обширных и точных данных, проф. Зографом, для различных уездов Ярославской, Костромской и Владимирской губ. Зограф мог констатировать даже три средних цифры: 168 сантиметров — для высокорослых, 162 — для малорослых и 165 — для среднерослых, что указывает как бы на состав населения из высокорослой и низкорослой расы и их продуктов помесей между ними. Пользуясь, кроме того, специальными измерениями над особями из только что указанных губерний, а равно большой серией фотографических портретов того же населения, Зограф мог убедиться, что присутствие двух расовых типов в современном населении этих губерний подтверждается не

только группировкой цифр среднего роста, но также и сравнением пропорций туловища, головы, конечностей, цвета волос и т. д. Высокорослый великорусс этих губерний имеет, по наблюдениям Зографа, более стройное сложение, округленную (не длинную, но и не широкую) голову; цвет волос обыкновенно русый (но не светло-русый); глаза чаще серые, с открытым, правильным прорезом; нос правильный, довольно крупный, но неширокий, иногда с горбинкой, реже с небольшой выемкой; грудь широкую, со значительной величиной окружности; таз неширокий; туловище и руки умеренной длины; кисти, сравнительно, небольшие; ступни тоже довольно короткие, но с высоким подъемом; в зрелом возрасте у него, обыкновенно, окладистая, длинная русая борода. Низкорослый великорусс имеет довольно стройное сложение (стройнее, чем, например, низкорослые немцы), но все-таки более коренастое; голова его несколько больше (в отношении к росту) и шире; цвет волос — темно-русый, иногда даже черный; глаза чаще светло-карие или карие, хотя не редкость и серые, но с более узким разрезом; лицо более широкое, с более выдающимися скулами; нос также довольно широкий, немного вздернутый и часто с плоской, расплывшейся переносицей; борода развивается значительно позже, чем у высокорослого типа, а иногда и совсем не развивается; в плечах он шире, хотя окружность груди относительно развита немного больше; в тазу также несколько шире, но туловище и ноги почти такой же, относительно, длины, тогда как руки несколько длиннее, да и кисти рук относительно крупнее. Оба эти типа живут смешанно, но в некоторых местностях преобладает один из них, в других — другой. Так, в средней и западной части Владимирской губ., а также в соседних с Новгородской губернией уездах Ярославской замечается преобладание высокорослого типа, тогда как в уездах Владимирской и Ярославской губерний, окружающих Ростовское озеро (Нехо), в уездах Владимирской губ. при слиянии Клязьмы с Окой и в северных, прилегающих к Вологодской губ., уездах Костромской преобладает тип низкорослый. По большим рекам, в уездах, расположенных по Оке и Волге, типы эти выражены гораздо менее явственно, население выказывает более смешанный характер. Г. Зограф полагает, что высокорослый тип в указанных губерниях должен быть признаваем за славянский, соответствующий типу древних славянских колонистов, тогда как низкорослый тип может считаться финским, принадлежащим обруселому финскому (мерянскому?) населению той же области. К подобному же выводу пришел и г. Куликовский,

обратившиий внимание на вариации русского типа на севере, особенно в Обонежье. Он различает здесь также два типа: высокорослый, стройный, с правильными чертами лица, прямым, иногда несколько горбатым, носом, выразительными серыми, голубыми или карими глазами и длинной густой бородой, — тип, распространенный по рр. Двине, Онеге, Чурьеге, на Кенозере и т. д. и, по-видимому, соответствующий древнему новгородскому, — и тип низкорослый, скуластый, иногда с пирамидальным, заостренным к подбородку лицом, коротким вздернутым или приплюснутым носом, светлыми глазами, — соответствующий, по-видимому, «белоглазой» чуди. Кое-где — например (по словам Зографа), в Романо-Борисоглебском у. Ярославской губернии — встречаются среди крестьян особи с монголовидными чертами. Уклонение это г. Зограф, на основании некоторых исторических свидетельств, объясняет тем, что здесь были поселены после казанского разгрома татары с их семьями. Другая, значительная колония татар была, как известно, в Касимовском уезде — и любопытно, что средний рост новобранцев этого уезда (162 см) ниже, чем во всех прочих уездах той же губернии. Различие в росте, сложении, иногда также в цвете волос и чертах лица населения смежных уездов было констатировано у нас многими наблюдателями, но, к сожалению, без достаточной точности. Так, Тургенев и Максимов указали на различие между типом малорослого финского мужика западной части Орловской губ. и соседнего «полеха» Жиздринского у. Калужской губ. В некоторых местах Тульской губ. был подмечен особый тип курчавоволосых и сероглазых брюнетов и т. п. В пример того, какой смешанный состав населения встречается в некоторых местностях России (помимо больших городов), можно привести население некоторых уральских заводов (напр., Нижнетагильского), которое составилось из семей, переведенных из Тульской, Черниговской, Рязанской, Московской, Херсонской и других великорусских и малорусских губерний.

Если в антропологическом отношении великоруссы не представляют одного типа, то в этнографическом, бытовом, они выказывают еще большее разнообразие, в зависимости от окружающей природы, от исторических условий, от большего или меньшего влияния культуры, а также от первоначальных особенностей различных русско-славянских племен и от влияния быта соседних инородцев. Сделать общую эстнографическую характеристику великоруссов весьма трудно, и, во всяком случае, труднее, чем, например, белоруссов и даже малоруссов, во-первых,

потому, что великоруссы занимают гораздо большую территорию, распространяясь от Беломорского побережья до турецко-персидской границы и от Балтийского моря до Тихого океана, а во-вторых — и потому, что они приходили в соприкосновение с большим числом разнообразных народностей и отличались всегда большей подвижностью, чем другие отрасли русского племени, принимая широкое участие как в отхожих промыслах, так и в колонизации новых мест. Притом, как это ни может показаться странным, но мы имеем еще мало исследований, которые бы облегчали труд общей характеристики великоруссов в этнографическом отношении. Имеется, правда, масса наблюдений сырого материала, описаний отдельных местностей, собраний песен, сказок, обрядов, поверий и т. д.; но этого, в научном отношении, недостаточно. Кроме того, что материал этот должен быть еще пополнен по отношению ко многим вопросам, он должен быть разработан сравнительно, и именно по сравнению с этнографическими данными о соседних народностях, как славянских (мало- и белорусской, а также других славянских), так и инородческих (финских и тюркских). В этом отношении этнографический материал стал разрабатываться только недавно, и чем более подвигается эта разработка, тем настоятельнее становится потребность в более обстоятельном выяснении некоторых существенных вопросов.

Обыкновенно характеристику великоруссов проводят либо по отношению к малоруссам, либо к финским инородцам; но о последних лишь в недавнее время наши сведения начали существенно пополняться. Да и по сравнению с малоруссами дело ограничивается обыкновенно более внешними, бросающимися в глаза различиями, как например, в бороде и прическе (отсюда народные взаимные прозвания «хохлов» и «кацапов», ныне, впрочем, утратившие свое прежнее значение, так как чубы уже оставлены малоруссами, которые местами отпускают и бороду). В костюме — мужском: у великоруссов — пестрядинная, белая, ситцевая или кумачная, навыпуск рубаха, с косым воротом, с ластовицами и подоплекой (подкладкой до половины туловища), узенький пояс под брюхо, и полосатые или плисовые порты; на ногах — лапти, сапоги, коты или валенки; сверху — армяк, сермяк, кафтан, с подпояской или кушаком, часто также жилет, поддевка, а зимой полушубок или тулуп; на голове — войлочная шляпа (гречневик), картуз, шапка или малахай. У малоруссов — белая, холстинная рубаха, с прямым воротом, с маленьким стоячим вышитым воротником, иногда еще, у парубков, с

яркой лентой, заправленная в широкие шаровары, которые, в свою очередь, заправлены в тяжелые чоботы и перетянуты широким цветным поясом; сверху — свитка, кобеняк или кожух; на голове высокая шапка решетиловских смушек, у парубков — белая или, летом, соломенная шляпа с полями. В женском костюме: у великорусских женщин — белая рубаха с короткими и широкими, собранными на концах, рукавами, цветной сарафан или понява, шушун, душегрейка или шугай, передник, шубка с сборками назади, или длинная шуба с откидным овчинным воротником; на голове платок с завязанными напереди или назади концами или, особенно в прежнее время, кокошник, кичка, сорока — разнообразных форм, смотря по местностям, или меховая шапка особого покроя; наконец, ожерелье, бусы, запястье, серьги. У малороссиянок — белая рубаха, вышитая по подолу и рукавам красной и синей бумагой, плахта (род юбки) и запаска (передник), с широким поясом, гирсет (безрукавка) и свитка; на голове очипок, повязь, ленты и цветы или платок; ноги или босые, или в черевиках, или сапогах с подковами; для украшения — монисто и серьги. В жилище: у великоруссов — бревенчатые избы с тремя-двумя окнами на улицу, иногда еще «волоковыми» (без стенок), прежде часто и с топкой «по-черному», но теперь обыкновенно с трубой, с двускатной крышей, соломенной или тесаной, украшенные иногда снаружи резьбой («коньками» на князьке и проч.) ил расписными оконницами и карнизами, располагаемые обыкновенно в один или два ряда вдоль улицы, имея на противоположной стороне или позади амбары, за ними — сараи, и далее — овины; изба чаще в одно жилье, из сеней и жилой комнаты, реже из двух — белой и черной (зимней), соединенных сенями, с подпольем или подклетьем, иногда еще со светелкой; в связи с избой двор, с воротами и навесом и с надворным строением (хлевом, стойлами, мшанниками), обыкновенно не особенно опрятный, как и самая изба; около избы — огород и редко плодовый сад. У малоруссов — хаты или мазанки, крытые соломой и обыкновенно заботливо выбеленные внутри известью, разбросанные в беспорядке вдоль балок и летом тонущие в зелени, окруженные садами, огородами с цветами и плодовыми деревьями, что вместе с белеющей на возвышенности церковью, ветряными мельницами, колодезными журавлями, расстилающимися кругом нивами, бахчами, пасеками, степью и разбросанными кое-где деревьями, придает селениям часто большую живописность. В пище: у великоруссов, главным образом — ржаной хлеб, щи, похлебка, гречневая каша, картофель, огурцы, квас, изредка мясо, пироги, блины

и т. д.; у малоруссов, кроме ржи, еще пшеница, кукуруза, сало, борщ, галушки, вареники и т. д. Все подобные различия обуславливаются отчасти влиянием природы и климата (напр. на юге, в степи, и великорусс живет в мазаной хате и имеет надворные постройки из плетня; точно также там, где много пшеницы, он предпочитает пшеничный хлеб черному), отчасти различными для обеих народностей культурными влияниями, отчасти, наконец, различием темперамента, характера, чувства, вкусов, унаследованных от далеких предков и развивавшихся при различных условиях, Это различие духовного склада выражается и в характере песен и музыки, и в отношении к природе и к религии, и в семейном и общественном быту, и в развитии промышленности и торговли, и в народных типах и идеалах. Но, при проведении здесь параллелей, особенно при недостатке точных детальных наблюдений и исследований, необходимо быть очень осторожным, чтобы не придти к слишком односторонним и поспешным выводам и не пропустить имеющихся аналогий и сходств.

По отношению к песенному творчеству, уже Бодянский (в 1837 г.) доказывал, что южно-русская народная поэзия представляет совершенную противоположность с поэзией северно-русской. В песнях великоруссов заключается глубокая унылость, мрачность, покорность судьбе, томность и «какое-то раздолье и плавная протяженность», обусловливаемые, по мнению Бодянского, влиянием суровой, бедной, однообразной природы. Великорусс редко передает природе свои жалобы, чувствования, думы; его взгляд, так сказать, скользит по природе, не проникает вглубь; оттого описания его поверхностны, как бы мимоходом набросаны; всего чаще он предается забвению, хочет растеряться в своих протяжных, заунывных звуках и переливах, в полном смысле слова — «заливается»; отсюда же и «отрицательные сравнения, столь любимые, повсеместные в песнях северно-русских». «Историческими песнями великороссиянин небогат… Он охотнее остается в своем семейном кругу… Но всего чаще предается глубокому унынию, или же, с тоски, беззапретному разгулу, просторному раздолью, отчаянному самозабвению, и, стараясь отделиться от окружающего его, ищет потеряться в протяжных плавных звуках, потопить в них и свое горе, и себя-горемыку. Это — поэзия повествовательно-описательная». Совсем другое, по Бодянскому, поэзия южно-руссов, малороссиян, переживших бурную историю, постоянно боровшихся с ордами азиатов, с татарами, турками, поляками, выработавших себе

такие исторические явления, как казачество и «гайдамацтво». В поэзии их слышится горькая жалоба на судьбу, глубокая тоска, недовольство своим жребием; ладе в песнях веселых, гульливых, шуточных — замечается примесь грусти и кручины. Изложение везде почти драматическое, и в этом отношении они единственны в своем роде и стоят выше песен всех прочих славян. Кроме того, они выше прочих и своей музыкой, напевом, поэтическим языком, стройным и разнообразным ритмом; «песня — дневник малороссиянина, в который он вносит всё, что ни мыслит, ни чувствует, ни делает». Описания в них лишь эпизодические, «всегда притом удивительно согласные с природой» и «употребляемы лишь для точнейшего, сильнейшего выражения душевных чувств»; «напротив, всюду порыв страсти, сжатость, лаконизм выражения, простодушие, естественность, особенная нежность и сила чувств», тогда как в песнях северно-русских (по замечанию Максимовича) «больше искусственности, некоторого рода произвол, желание прикрас». «Сравнения в малорусских песнях почти всегда положительные», а не отрицательные, как у великоруссов. «В великорусских песнях», — замечает Костомаров, — «есть тоска, раздумье, но нет почти той мечтательности, которая так поэтически пленяет нас в южно-русских песнях». Участие природы, столь необычайно сильное в песнях южно-руссов, очень слабо в великорусских; «даже любовное чувство редко возвышается здесь над материальностью», тогда как в малорусских «достигает высочайшего одухотворения». «Историческое воспоминание в великорусских песнях сейчас обращается в эпос и превращается в сказку, тогда как в песнях южно-русского племени оно более удерживает действительность и часто не нуждается в возведении этой действительности до эпоса для того, чтобы блистать силой роскошной поэзии». Лучшими великорусскими песнями Костомаров склонен был считать разбойничьи, в которых он усматривал «ту же стихию общинности, то же стремление к воплощению государственного тела, какое находим во всем проявлении исторической жизни великорусского племени».

Во всех этих замечаниях писателей малорусского происхождения есть, конечно, немало верного; тем не менее, эти исследователи не могли избежать некоторого пристрастия к своей народности и некоторого недостатка объективизма по отношению к народной поэзии великоруссов. С другой стороны, за последние десятилетия материал по русской народной поэзии вообще значительно увеличился и особенно записано много нового из произведений

великорусского песнотворчества. Нашлись и новые, неизвестные ранее исторические песни, и масса духовных стихов, и многочисленные причитания, а в особенности — богатый запас былин так называемого Владимирова цикла, давший благодарный объект для целого ряда ученых изысканий и обративший на себя большое внимание и заграницей. Открытие массы этих былин на великорусском севере послужило даже к подкреплению высказанного ранее мнения о переходе южно-русского, киевского населения на Север и о том, что великорусская народность является в большей степени преемницей древнерусского славянства, чем малорусская, утратившая всякое воспоминание об этой отдаленной киевской старине и явившаяся на опустелые места уже позже, из-за Днестра и Карпат. Но в таком великорусском взгляде проявилась, несомненно, также крайность: богатырские былины, созданные, по всей вероятности, в среде княжеской дружины, могли распеваться и в Новгороде, и в Суздали, и, передаваясь от «сказителя» к «сказителю», распространились, наконец, до Обонежья и Сибири, где, в этих отдаленных, менее затрагивавшихся историей уголках, успели лучше сохраниться, чем в более оживленных и скорее забывавших старину центральных местностях. С другой стороны, более тщательные наблюдения показали, что отрывочные отголоски былинного эпоса сохранились и на юге, только они померкли здесь пред близкой и глубже отразившейся в народе исторической стариной — эпохи казацких войн и борьбы за веру и народность.

Различие между великоруссами и малоруссами в отношении к религиозной сфере, к обрядам, к молитве и т. д. было замечено также давно и анализировано, например, подробно Костомаровым. Уже в начале исторической жизни «в религиозности великорусской является свойство, составляющее ее отличительную черту и впоследствии, — в противоречии с тем складом, какой религиозность приобрела в южно-русской стихии. Это — обращение к обрядам, формулам, сосредоточенность во внешности». Южно-русская народность была непричастна к расколам. «Южно-руссы исполняют обряды, уважают формулы, но не подвергают их критике… Если бы понадобились какие-нибудь изменения в наружных сторонах богослужения или переводе книг святого Писания, южно-руссы никогда не восстали бы против этого, им бы не взошла мысль подозревать какого-нибудь искажения святыни. У южно-русского народа много именно того, чего недостает у великоруссов: у них сильно чувство всеприсутствия Божия, душевное умиление, внутреннее обращение к Богу, тайное

размышление о Промысле над собой, сердечное влечение к духовному миру». Стараясь объяснить, откуда возникло в Великороссии «это стремление спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляет часто не более, как грамматический вопрос или дело обрядословия», Костомаров пришел к заключению, что, «кажется, это происходит от того же практического, материального характера, которым вообще отличается сущность великорусской натуры». Костомаров выставляет также на вид религиозную нетерпимость великоруссов — особенно в московский период, — сравнительно с духом терпимости со времен Киевской Руси у южно-руссов. Не отрицая некоторой доли правды в таких замечаниях, нельзя, однако, не признать, что в них также есть преувеличения. Раскол из-за обряда и буквы возник в Великороссии лишь к концу XVII в. и вызван был особыми условиями; ему содействовало, во-первых, то, что исправление книг было произведено, главным образом, малорусскими справщиками, заподозривавшимися в уклонении от истинного православия, а затем — крутые и насильственные меры, принятые правительством против сторонников прежних книг и обычаев, — меры, сделавшие из них, в глазах народа, мучеников и страдальцев за истину. Возможно, что нечто подобное произошло бы и в Малороссии, если бы там предпринято было, например, исправление книг и обрядов московскими справщиками и затем употреблены были бы насильственные меры по введению этих исправлений в церковную жизнь. Ведь восстал же малорусский народ против унии, «поднялся», как выражается сам же Костомаров, «пластом на защиту своей старины и свободы убеждений». С другой стороны, веротерпимость великоруссов едва ли может подлежать сомнению: вспомним отношение народа (в тесном смысле этого слова) к татарам, полякам, немцам, старообрядцам, сектантам и евреям. Наконец, что касается до утверждения, будто великорусс привязан в деле религии только к обрядам, формулам, букве, — то и это неверно, по крайней мере в том противоположении, как оно является у Костомарова. И у малорусских крестьян религиозные верования, смешанные часто еще в значительной степени с остатками языческими, выражаются более в обряде и формулах, чем в сознательных представлениях, а с другой стороны, малоруссы увлекаются иногда критикой и создают даже особые рационалистические секты, какова, например, штунда. Весьма возможно, что эта секта возникла под влиянием баптизма и вообще протестантства, занесенного на юг России немецкими колонистами;

но к подобным влияниям не относится пассивно и народ великорусский, у которого мы также видим секты духоборцев, молокан и многие другие, более или менее рационалистические и возникшие тоже, по-видимому, не без косвенного влияния протестантских учений. Можно даже утверждать, что в великорусском народе встречается больше, чем у какого-либо другого славянского племени, активное отношение к религии, и притом в самых различных формах — крайнего экстаза и рационализма, обрядности, подвижничества и т. п.

Что касается до различия, замечаемого между великоруссами и малоруссами по отношению к промышленности, ремеслам, торговле, то оно было вызвано, по-видимому, в значительной степени влиянием различных природных и исторических условий. Богатая черноземом почва Южной России достаточно обеспечивала потребности земледельца, тогда как скудная глинистая почва Севера, не вознаграждавшая достаточно трудов по ее обработке, должна была вызвать стремление к добавочным промыслам. Подобным же образом обширные леса на Севере и их скудость на Юге благоприятствовали развитию, в первой области, плотничества и столярного дела; нельзя отрицать также и тех влияний, которые были занесены в Новгород, Владимир и в Москву иностранными мастеровыми и зодчими, строившими тут храмы и палаты; недаром многие названия инструментов и технические выражения строительного дела у нас иностранного происхождения. Развитие туземной промышленности и торговли на юге было задержано также приливом сюда евреев, сосредоточивших эти отрасли деятельности в своих руках, а также своеобразный духом местного рыцарства, казачеством. Впрочем, отрасли эти вообще мало развиты у большей части южных и западных славян, за исключением чехов. Нельзя, во всяком случае, отрицать большей способности к этим отраслям великоруссов, одаренных сметкой и сообразительностью, благодаря которым иногда случайно занесенный в известную местность вид промысла — как показывает история некоторых видов кустарной промышленности — скоро усваивался, укоренялся и распространялся в целом районе. Такой способностью великоруссы заметно выделяются как между своими славянскими собратьями, так и финскими, отличающимися, и те и другие, большей консервативностью; не менее выделяются они и стремлением к отхожим промыслам, что, может быть, стоит в связи и с распространенной у них вообще некоторой наклонностью к вольной и бродячей жизни, выражавшейся, в прежние времена, в

ушкуйничестве, казачестве, разбойничестве, в проведывании новых земель в Сибири, а позже — в странничестве и искании счастья на далекой стороне. Не следует упускать, однако, из виду, что во многих местах и великоруссы кормятся исключительно землей, почти не зная других промыслов, и что, с другой стороны, и между финскими племенами есть весьма предприимчивые по части промышленности и торговли; таковы, напр., зыряне, а отчасти тавасты и корелы Финляндии.

Весьма характерную особенность великорусссков, в противоположность, например, малоруссам, составляет их семейный и общинный быт, который, однако, лишь сравнительно недавно обратил на себя внимание исследователей. Еще Надеждин в 1837 г., в своей статье о великоруссах, обошел совершенно отличие в данном отношении, и только благодаря иностранному наблюдателю, Гакстгаузену, особенности этого быта сделались предметом научного изучения. Патриархальность исконной великорусской семьи, с полным подчинением большаку, с общностью семейного имущества, со стеснением свободы личности, особенно женщины, является резкой противоположностью семейным отношениям у малоруссов, у которых, как выражается Костомаров, «опека родителей над взрослыми детьми признается несносным деспотизмом», «семьи делятся и дробятся, как только у членов семьи является сознание о потребности самобытной жизни» и «правило: каждому свое, строго соблюдается в семействах». Вообще, в великорусском обычном праве общинное начало имеет выдающееся значение и выражается как в организации семьи, так и в общине, в способе владения землей и в артели. Основное начало общинного землевладения заключается в равномерном пользовании членов общества землей и в уравнительной раскладке между ними общинных сборов и повинностей, причем различие и сложность общинных порядков, устанавливаемых «миром», вызывается разнообразными условиями крестьянского хозяйства в различных местностях и особенно количеством и качеством общинной земли. Возникающая по истечении некоторого времени неуравнительность пользования устраняется переделом земли. Общинное начало подвергается некоторому ограничению началом личным (правом лица на плоды его труда). Так, например, при общинном владении, расчистки, сделанные отдельными лицами, остаются в их пользовании, пока не окупится их труд; точно так же личный труд не остается без влияния и на величину долей при разделе семейного имущества. В некоторых артелях, построенных вообще на

начале общности труда и разделе между членами общего заработка — лицо, труд которого слишком неравен с трудом остальных, получает неравную с ними долю из общего заработка. В противоположность таким порядкам у великоруссов, южно-русс смотрит на обязательную общинность и ответственность личности миру, как на «несноснейшее рабство и вопиющую несправедливость»; в малороссийской «громаде» каждый член — независимая личность и самобытный собственник; «обязанность его к громаде — только в сфере тех отношений, которые устанавливают связь между членами для взаимной безопасности и выгод каждого». И тем не менее, новейшие исследования выяснили, что и у малоруссов существовало общинное владение землей и в некоторых местностях существует и по настоящее время, а также, что у них есть и разнообразные виды артелей. Несомненно, однако, что малорусское обычное право, как оно сложилось под влиянием исторических условий, отличается от великорусского большим развитием личного начала и слабостью начала общинного.

В тесной связи с русским семейным и общинным бытом, с господством в семье большака, а в общине «мирового» начала, подчиняющего себе личность, развилось, по-видимому, и то государственное начало, которое воплотилось в Московском царстве. Прежний великий князь, старший из удельных князей, превратился в отчича и дедича государства, в большака-домохозяина, в «великого государя», владетеля всей земли и господина над всеми на ней сидящими. Царь явился олицетворением «мира», перед которым все равны и все обязаны беспрекословным повиновением, который собирает и назначает в пользу мира сборы и повинности, который раздает в пользование большие или меньшие наделы (поместья) и приставляет к разным делам приказчиков, судит и рядит, карает и жалует, лишь по своей воле советуясь со «стариками» и «духовными отцами», или обращаясь даже, в трудных случаях, за советом к настоящему миру, к лучшим выборным людям, к земским соборам.

Объяснение этого представления о царской власти, по мнению Кавелина, надо искать в той обособленной среде, в которой развивалось великорусское племя, образовавшееся из слияния славянских колонистов с финнами и во внесении последними новых элементов в русское начало, принесенное колонистами с Запада. «В образовании великорусской ветви, ее расселении и обрусении финнов, состоит интимная, внутренняя история русского народа, оставшаяся как-то в тени, почти забытая; а между тем, в ней-то именно и лежит

ключ ко всему ходу русской истории». В этих словах Кавелина, несомненно, есть значительная доля правды, но какая — сказать очень трудно, потому что, вообще, финский субстрат великорусского племени только недавно начал серьезно изучаться, в его отдельных современных остатках, а для выяснения культуры прежних финнов и ее влияния на русских колонистов покуда имеются только некоторые намеки.

Изучение языков и быта современных финских племен показало, что племена эти представляют различные степени обрусения, и даже те, которые сохранили еще свою народность, усвоили себе многие русские культурные слова, житейские предметы, нравы и т. д. Исследование языков однако свидетельствует, что ранее русского влияния финны находились под влиянием германским (готским), заимствовали также кое-что от литовцев, а восточные финны испытали значительное тюркское влияние, которому обязаны, по-видимому, и своим переходом к земледелию. Есть также следы древнейшего общеславянского влияния, ранее образования еще ветви, развившейся потом в великоруссов. Мы не станем приводить многочисленных примеров и доказательств, собранных у Томсена, Альквиста, Веске и др. Важнее, в данном случае, указать на следы обратного влияния — финской культуры на русскую, которых также имеется, по-видимому, не мало, хотя исследования в этом направлении только что начались. Всего нагляднее бросается в глаза это влияние на Севере, на окраине Великороссии, где русские колонисты столкнулись с финнами, не достигнув еще того культурного развития, как впоследствии. Здесь мы встречаем в русских областных наречиях массу слов, заимствованных у финнов (помимо названий местностей), напр. для обозначения разных видов леса, озера, реки, гор, болот, растений, ягод, птиц, рыб, способов, принадлежностей рыбной ловли, звероловства, судоходства, лесного промысла и т. д. Но подобное усвоение финских слов может быть констатировано и вообще в русском языке, например, в словах: турить, холить, ботать, ковырять, кувыркать (ся), морошка, ягель, тундра и др. От финнов заимствовал, вероятно, русский северный колонист систему подсечного хозяйства, вырубания и выжигания леса и распахивания получаемых при этом «лядинок», а также, может быть, и архитектуру больших изб на Севере, содержимых притом с гораздо большей чистотой, чем в средней России. Можно проследить, также, как кажется, заимствования в костюме (особенно — женском головном уборе), в украшениях и орнаменте, в способе перевозки

тяжестей (волокуши, езда гуськом), в некоторых суевериях и предрассудках, повериях и обрядах, взглядах на половые отношения (местами — очень снисходительное отношение к любовным похождениям девиц) и т. д. Было подмечено еще кое-какое влияние финнов (а также и тюрков) в сфере русского былинного эпоса (проф. Миллером, Стасовым, Потаниным) и в сфере музыкальных инструментов (Фаминцыным), и предстоит еще уяснить отношение великорусского семейного и общинного начала к таковому же у финнов. Что начала эти крепки у некоторых финских племен — доказывают, например, вотяки (особенно — по отношению к понятию о «мире»). Но всё это еще предстоит выяснить, как и предстоит еще вообще точнее анализировать русский тип, далеко не такой простой и однородный, как это прежде полагали, а представляющий многие характерные областные и местные вариации, но вместе с тем и сохраняющий некоторые существенные, коренные черты, которые он не утрачивает даже в наиболее отдаленных от центра местах — в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии и т. д. Другой интересный объект для исследования, это — проследить, как видоизменились и видоизменяются быт и мировоззрение народа под влиянием новых западных порядков и влияний, проникающих через посредство городов, фабрик, мастерских, иностранных колонистов, школ, чтения и т. д.

Литература.

Надеждин, «Великая Россия» (в «Энциклопед. Словаре» Плюшара, 1837 г., т. IX);

«Опыт исторической географии русского мира» («Библиотека для Чтения», 1837, XXII);

«Russiche Mundarten» (в венских «Jahrbucher der Literatur», 1841, т. XCI);

Сахаров, «Сказания русского народа» I;

Снегирев, «Русские в своих пословицах» (1831–34);

«Русские простонародные праздники» (1837.39) и др.;

Бодянский, «О народной поэзии славянских племен» (1837);

Терещенко, «Быт русского народа» (1848);

Максимович, «Начатки русской филологии» (1845);

Венелин, «О споре между южанами и северянами» (в «Чтениях общества Истории и Древности», 1847);

Срезневский, «Мысли об истории русского языка» (1849.50);

Даль «О наречиях великорусского языка» (в «Вестнике Геогр. Общ.», 1852;

перепечатано в «Толковом Словаре», I); статьи Бэра и Надеждина (в «Зап. Геогр. Общ.», I);

Лавровский, «О языке древних русских летописей»(1852);

Погодин, «Записки о древнем языке русском» (в «Изв. Акад. Наук», 1856) и «Ответные письма» Максимовича;

Соловьев, «История», I и сл. и крит. разборы К. Аксакова и др.;

Костомаров, «Две русских народности» (в «Истор. моногр.» I, 1863) и др.;

Рыбников, «Песни» и др. сборники нар. поэзии, также разборы их, и «Отчет о собирании русских песен на Севере» Истомина (в «Изв. Геогр. Общ.», 1887, XXIII);

Кавелин, «Мысли и заметки о русской истории» (в «Вест. Евр.», 1866, II);

Потебня. «Два исследования о звуках русского яз.»;

Е. Барсов, «Причитанья Северного края»;

Стасов, «Происхождение русск. былин» (в «Вест. Евр.», 1868) и разборы Буслаева, А. Веселовского, Ореста и Вс. Миллера и др.;

Веселовский, «Розыскания в области русск. нар. стиха» (1889); Максимов, «Год на Севере» и др.;

Ефименко «Заволоцкая чудь» (1869) и др. работы по северно-русской этнографии;

Колюпанов, «Колонизация Пермской г.» (в «Беседе», 1871);

Майков, «Замечания по географии древней Руси» (1874);

гр. Уваров, «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (в «Трудах» I Арх. съезда и другие статьи в «Трудах» разных арх. съездов);

Корсаков, «Меря и Ряз. княжество»;

Европеус. «Об угорском народе, обитавшем в средн. и сев. России» (1874). Этногр. карты Евр. России — Кеппена и — Риттиха; Риттих, «Племен. состав контингентов рос. армии»;

Барсов, «Очерки русской историч. географии» (2 изд. 1885);

Грот, «О топогр. названиях» (в «Ж. М. Нар. Пр.» 1869) и «Слова областн. Словаря, сходные с финскими»;

Забелин, «Ист. русск. жизни» I;

Castren, «Vorlesungen uber die fin. Volker» и др. сочинения:

Sjogren, «Ueber die altesten Wohusitze der Jemen» и другие статьи в «Gesam. Schriften» I, Ahlquist, «Die Kulturworter der wesfinn. Sprachen»;

Кеппен, «Мат. к вопросу о первоначальной родине индо-европейских и финно-угорских племен» (1886) и др.;

Веске, «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (в «Изв. Казан. Общ. Арх. Ист. и Этн.» VIII, 1890);

Смирнов, «Черемисы», «Вотяки», «Пермяки» и др. статьи (в «Изв. Казан. Арх. Общ.»);

Подвысоцкий, «Слов. обл. архангел. нар.»;

Ogonowsky, «Studien auf dem Gebiete d. ruthen. Sprache» (Львов, 1880); Соболевский, «Лекции по истории русского языка» (1888 и нов. изд.);

Житецкий, «Очерк истории малороссийского наречия»;

Грушевский, «Очерк истории Киевской земли» (Киев, 1891);

Шапов, «Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении» (в «Известиях» Восточно-Сибирского отдела, III и сл.);

Вс. Миллер, «Отголоски финского эпоса в русском» («Журн. Министерства Народного Просвещения», CCVI);

его же, «Экскурсы в область русского эпоса» (в «Русской Мысли», 1891);

Потанин, «Монгольские сказания о Гессер-хане» и др. статьи в «Этнографическом Обозрении» (1889–1891);

Фаминцын, «Домра» (1891);

Пыпин, «История русской этнографии» (1890–92);

Гатцук, «Исследование курганов Московской г.» (в «Древностях», изд. московским Археологич. Общ.», I);

Богданов, «Кург. племя Московской г.»;

«Материалы для антропологии Московского периода»; «Меряне в антропологич. отношении»; «О черепах, найденных проф. Иностранцевым»; «Древние и современные болгары»; «Антропологическая физиогномика» и др. статьи в «Известиях» Общества люб. естествознания и в издании Иностранцева: «Доисторический человек на побережье Ладожского оз.»;

Эмме, «Антропология и медицина» (Пол., 1882);

Taranetzky, «Beitrage zur Craniologie der grossruss. Bevolkerung» («Mem. De l.Acad. des Sc. de St.-Pet.», 1884);

Краснов, «Об антропологических типах Харьковского уезда» (в «Географическом Сборнике», Харьков, 1891);

Зограф, «Русские народы» (вып. I, 1891);

Heikel, «Die Gebdude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen» (Гельсингф., 1888);

Весин, «Великорусс в его свадебных обрядах» («Русская Мысль», 1891);

Анучин, «Этнографические очерки Сибири. Русско-сибирская народность» (в «Ремесленной Газете», 1876);

«О географическом распределении роста мужского населения России» (в «Записках Географич. общества по отделу статистики», VII. 1889), «О задачах русской этнографии» (в «Этнографическом Обозрении» 1889, I) и др.

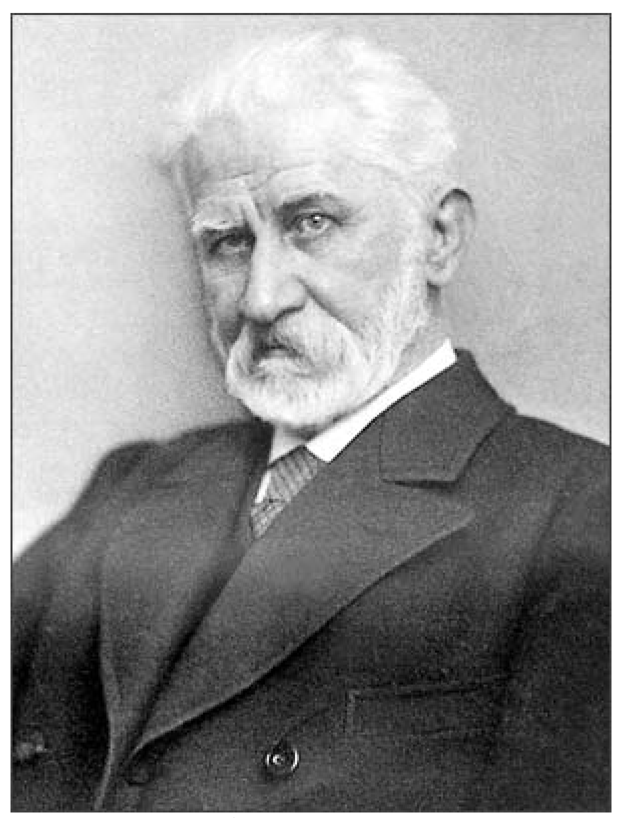
Не указываем многих сочинений и статей по русскому обычному праву, статистике, переселениям, расколу, раскопкам курганов, финским народностям и т. д. При составлении настоящей статьи автор пользовался еще не вышедшими из печати сочинениями: Спицын, «Арх. разыскания о древнейших обитателях Вятской губ.» и Зограф, «Антропологические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губ.», а также рукописными заметками и указаниями: П. Н. Милюкова, А. Н. Пыпина, Е. И. Якушкина, Н. Ю. Зографа, Г. И. Куликовского и В. В. Каллаша.

Негры

Д. Н. Анучин

Брокгауз и Эфрон. Т. XX.
СПб., 1897

Негры — чернокожие обитатели тропической Африки. С давних пор они обращали на себя внимание ближайших культурных народов особенностями своего типа, рано, по-видимому, внушившими убеждение, что черная порода представляет как бы низший род людей, предназначенный для рабства. На памятниках древних египтян мы встречаем изображения негров, передающие весьма реально главнейшие признаки их типа. Рабы-негры были обычным явлением как на древнем Востоке, так и в Греции и Риме. Научное изучение негров началось в XVIII веке исследованиями Зёммеринга, Вайта, Кампера, Блуменбаха, которые нашли, что негр больше приближается к животным (обезьянам), чем представители других рас, и что он, во всяком случае, должен быть выделен в особую породу или даже, как принимали некоторые, в особый вид людей. Развитие рабства и торговли неграми еще более упрочило убеждение в их низшей природе. Дальнейшие изыскания внесли много поправок в такие взгляды и свели «животность» негров в более умеренные пределы.

Черный цвет кожи негров обусловливается красящим зернистым

веществом, пигментом, отлагающимся в слизистом мальпигиевом слое кожи, под наружной кожицей (epidermis). Новорожденный негр имеет более светлый, красноватый или розовато-бурый цвет, скоро начинающий темнеть. Впрочем, и у взрослого негра цвет кожи никогда не бывает совершенно черным, а скорее коричневатым, причем ладони и подошвы окрашены всегда светлее. Цвет негров значительно различен по племенам и особям. При скрещивании со светлокожими расами чернота кожи тоже ослабляется, хотя иногда мулаты бывают немногим светлее чистокровных. В третьем и четвертом поколении помесей тип негров уже почти исчезает, но темная окраска некоторых частей тела (особенно луночек при основании ногтей) и желтоватый цвет белка глаз держаться довольно упорно. Кроме кожи, пигмент отлагается еще и в слизистых оболочках (на деснах, небе, в горле, легких), отчасти на мозговых оболочках и т. д. Радужная оболочка глаз — черная или коричневая, волосы на голове тоже черные, очень редко рыжие. Волосы отличаются и видом, позволяющим отнести негров к шерстоволосым или руноволосым расам, т. е. имеющим мелко-курчавые волосы, завитые наподобие овечьего руна. Эта мелкая курчавость обусловливается спиральным закручиванием волос мелкими пучками, чему способствует, по-видимому, форма отдельных волос, не круглых или овальных в поперечном разрезе, а скорее почковидных и более или менее сплюснутых. На остальных частях тела растительность у негров развита слабее, чем у европейцев. По росту негры не отличается от европейцев; некоторые племена даже выдаются своей высокорослостью. Будучи, в общем, крепкого сложения, негры, однако, чаще являются долговязыми, чем коренастыми, что обусловливается сравнительной короткостью туловища, при длинных ногах и руках. Несколько большая длина рук приближает негров к чимпанзе или оран-утангу, но это приближение ослабляется тем, что ноги у негров также отличаются большей длиной, тогда как у антропоморфных обезьян, наоборот, туловище длиннее и ноги короче. Ступня у негров чаще длинная и плоская, с выступающей несколько взад пяткой; икры (на задней стороне голеней) обыкновенно слабо развиты. Грудь широкая (менее цилиндрическая), но объем груди относительно меньше; у женщин груди конические. Голова — средних размеров по величине, обыкновенно узкая и длинная (долихоцефалия), с узким, выпуклым лбом и выступающим затылком; ее постановка на позвоночном столбе отличается большим наклоном наперед. В лице наиболее характерными признаками служат толстые,

вздутые губы, короткий и широкий нос, более или менее выдающиеся челюсти и довольно широкие скулы; ширина в скулах и в нижней челюсти как абсолютно, так и относительно (по отношению к ширине лба) больше, чем у европейцев. По величине отношения ширины носа к его длине негры относятся к группе platyrhini (широконосых), наравне с готтентотами, австралийцами и т. д., и отличаются в этом явственно от белой и монгольской расы (lepto- и mesorhyni, узко- и средненосые). В скелете негра замечаются некоторые особенности, например, в форме грудной клетки, узости таза, несколько ином взаимном отношении костей конечностей по их длине и т. д. Вместимость черепа у негров, в среднем, меньше на $^1/_{10}$; черепные швы выказывают стремление к более раннему зарощению; лицевая часть черепа представляет нередко прогнатизм, то есть выступание челюстей вперед. Некоторые особенности констатированы в глазах (несколько большее развитие полулунной складки — plica semilunaris), зубах (крупные, белые; резцы иногда наклонены кпереди; нередкое присутствие лишних коренных), гортани, половых органах (большая величина), мозге (меньшая величина большого головного мозга, вес которого в среднем — 1250 гр.), крови (большее число красных и меньшее — белых шариков и, по-видимому, большая растворимость гемоглобина). Способность краснеть, хотя и в меньшей степени, чем у европейцев, замечается и у негров; температура их тела была найдена на 0,2–0,3° меньшей: емкость легких у них заметно меньше, испарения их тела имеют специфический запах.

Физическое и половое развитие негров идет несколько быстрее, чем, например, у европейцев, но они и стареют скорее, хотя старческие признаки выражаются более в утрате округлости очертаний тела и морщинистости кожи, чем в седине и, особенно, плешивости. Плодородие негритянок, по-видимому, большое, хотя местами обычай вытравления плода, долгое кормление грудью и изнурение работой влияет на его ослабление. В патологическом отношении негры отличаются большей способностью противостоять вредным влияниям тропического климата, особенно опасным лихорадкам (малярии); они также менее подвержены желтой горячке, дизентерии, раку, но гибнут в большем числе от чахотки, оспы, гриппа, холеры и страдают от разных накожных болезней и специальных недугов тропических стран. Негры вообще отличаются физической силой и выносливостью; они могут быть хорошими солдатами (в египетских, алжирских, английских войсках) и незаменимы в качестве рабочих на тропических плантациях (труд их

там производительнее, чем труд кули-индусов и даже китайцев); вся торговля и всё передвижение европейцев в тропической Африке производятся носильщиками-неграми.

В характере негров преобладает веселость, подвижность, общительность, непредусмотрительность, непостоянство, тщеславие. Они — большие любители музыки и танцев; в Африке существует много оригинальных музыкальных инструментов. К пению они также склонны, но их голоса часто хриповаты. В языках негров, как и в названиях племен и местностей, довольно обыкновенны негармоничные сочетания согласных mb, ng, nd и т. д. Дети негров легко выучиваются грамоте, музыке, ремеслам, но их развитие обыкновенно скоро останавливается, и позже их обгоняют белые сверстники. Из них выходят, впрочем, пасторы, сельские и городские учителя, ремесленники, в Америке — даже адвокаты, врачи, чиновники, артисты; тем не менее, до сих пор не было, кажется, ни одного чистокровного негра, заявившего себя чем-нибудь выдающимся в литературе, искусстве, науке, технике. Негры обладают заметной способностью к подражанию, но в них слаба инициатива. Путешественники отзываются иногда с похвалой об их толковости, преданности, любви к детям и т. д., но чаще отзывы менее благоприятны: их обвиняют в лживости, жадности, лени, вероломстве, жестокости, животной страстности и т. д. Положение женщины у негров вообще рабское.

Религия негров — грубый фетишизм, соединенный с верой в колдовство и нередко с человеческими жертвами. Многие племена практикуют людоедство, у других убиваются старики; в некоторых местностях, например, в Дагомее, производились массовые убийства пленных. Право у негров заменяется обычаем. Нигде деспотизм начальников и князей не достигает, кажется, такой степени, как в Африке, где от него не гарантирована ничья жизнь и имущество, и где нередко «король» является и главным жрецом, и единственным крупным негоциантом, присваивающим себе все доходы от торговли, и владыкой, располагающим по произволу и капризу судьбой своих подданных. Тем не менее, в культурном отношении негры — все-таки не примитивные дикари. Они все знакомы с железом, каменный век уже давно исчез из их памяти; многие племена умеют отлично обрабатывать металлы, выковывают разнообразные орудия и оружие, изготовляют посуду, выделывают кожи, ткани из коры и т. д. Всюду распространено земледелие и скотоводство.

В различных частях Африки негры представляют многие

разновидности по типу, языку, культуре. Разновидности типа выражаются в вариациях цвета кожи (от темно-коричневого до почти смуглого), формы волос (от мелкошерстистой до кудрявой), формы черепа (некоторые племена зап. Африки и верховьев Нила выказывают наклонность к брахицефалии), физиономии (от типично негритянской до хамитической и семитической, более правильной, с узким, загнутым носом и более тонкими губами). Характерный негритянский тип, со всеми его признаками, встречается не часто; некоторые исследователи склонны выделять значительное число африканских племен из категории негров, видя в них более или менее значительную примесь светлокожих типов. Эти переходы к типу белой расы особенно заметны по южной окраине Сахары и в сев. — вост. тропической Африке. По языку, в среде негров особенно выделяется семейство языков банту, занимающее всю Африку к югу от экватора, за исключением юго-западного ее угла (области готтентотов и бушменов), а местами распространяющееся и севернее, по западному берегу — до Камеруна и почти до устья Нигера. Языки эти характеризуются изменением слов помощью приставок в начале (префиксов), которыми определяется число, падежи, спряжения и т. д. В стране Угого, например, народ называет себя «Ва-гого», одно лицо из народа — «М'гого». Слова оканчиваются обыкновенно гласными, род не различается, произношение или интонация часто придает различный смысл звукам. От племен банту отличаются негры Судана, часть которых испытала влияние языков хаматичских. К неграм должны быть отнесены также сакалавы, заселяющие зап. часть Мадагаскара. В культурном отношении негры могут быть подразделены на племена земледельцев и скотоводов. Исключительно скотоводством занимаются, впрочем, только степные племена Сахары и Нубии (и племена готтентотов на Юго-Западе); в остальных частях скотоводство соединяется с земледелием (как у кафров и в верховьях Нила) или последнее является почти исключительным занятием населения (в бассейне Конго, у верхнего Замбези, у племен Ньясы). Возделываются разные виды просо, сорго, местами бобы, а на западном берегу распространились американские растения — маис, маниока, картофель; разводятся также бананы, табак, конопля и т. д. Плуг неизвестен; почва вскапывается железными или деревянными мотыгами. Из домашних животных наиболее распространен крупный рогатый скот разных пород, овцы и козы; лошадь и осел встречаются только на Севере, на окраине Сахары и по соседству с Абиссинией; верблюд не переходит за пределы пустыни, свиньи и куры мало

распространены. Характерную особенность многих частей тропической Африки составляют племена скотоводов, господствующие над племенами земледельцев; мы встречаемся с ними во всей области Нигера, около озера Чад, в Кордофане, верховьях Нила, в области Великих озер и верхних притоков Конго. Распространяясь с Севера и Северо-Востока, эти племена, отличающиеся более светлым цветом кожи и хамитическим типом, подчинили себе различные, ранее жившие в тех же местах племена негров-земледельцев и, отчасти смешавшись с ними, образовали ряд варварских государств, в которых первоначальное племенное различие выражается еще в кастах или сословиях, в противоположности более свободных, состоятельных и воинственных скотоводов — и подчиненных, еле прокармливающих себя, земледельцев. Скот в большей части Африки, составляет главную ценность, единственную, могущую доставить богатство, влияние и политическое значение.

Движение скотоводов-хамитов способствовало значительному переселению народов на африканском континенте, начавшемуся, по-видимому, в незапамятные эпохи и продолжающемуся до настоящего времени. Даже относительно живущих в самом юго-западном углу Африки готтентотов указывалось на некоторые черты сходства в строении их языка с языками хамитическими и на возможность их прихода, в глубокой древности. С Севера относительно кафров есть основания думать, что они переселились из более северных стран, оттеснив готтентотов и бушменов к Юго-Западу. Многие племена западного побережья Африки пришли туда сравнительно недавно с Востока, из глубины материка, потесненные в свою очередь воинственными племенами номадов. Эти передвижения племен сопровождались войнами, взаимным истреблением и основанием государств, иногда весьма обширных, но редко прочных, так как новое нашествие часто раздробляло обширное царство на мелкие, или вело к новой группировке государств. Влияние древнего Египта не шло далее восточной половины Сахары и Нубии, влияние северной Африки (карфагенян, римлян, мавров), выразившееся (по Ратцелю) особенно в распространении плуга — не далее линии, идущей косвенно с Северо-Запада на Юго-Восток от южной границы Марокко до страны Сомали.

Широкое влияние получил в Африке ислам, охвативший в большей или меньшей степени всю южную окраину Сахары, бассейны Сенегала Нигера, озера Чад и верхнего Нила, страну Великих озер и

всю вост. Африку до среднего течения Конго. Преобладание европейско-христианского влияния сказывается только в южной Африке (среди готтенотов и кафров) и по западному берегу, до устья Конго.

Характерную особенность негритянской Африки представляет еще рабство и вывоз рабов. Рабы-негры вывозились уже в древние времена — в Египет, переднюю Азию, Грецию, Рим; позже арабы и мавры стали их вывозить в сев. Африку, Аравию, Турцию, Персию. В нынешнем столетии главным центром арабской работорговли сделались Занзибар и Египет; отсюда работорговцы отправлялись с вооруженными шайками вглубь Африки — в страны по верховьям Нила и Конго и в область Великих озер, производили там опустошительные набеги (рацции), основывали, местами, укрепленные станции и выводили толпы рабов к прибрежным пунктам вост. Африки. Запрещение работорговли в Египте, утверждение немцев в тропической вост. Африке и энергические меры, предпринятые со стороны государства Конго, сломили эту деятельность арабов, но тайком она практикуется иногда и теперь. Участь рабов-негров на Востоке, впрочем, никогда не была столь тяжелой, как, например, в Америке; рабы здесь часто составляли как бы младших членов семьи, нередко отпускались на волю и не изнурялись особенно тяжелой работой. В Зап. Европу негры-рабы стали вывозиться прежде всего португальцами, в половине XV в., а с начала XVI в. испанцы начали доставлять их в Вест-Индию, португальцы — в Бразилию. В течение XVI–XVII вв. торговля рабами составляла королевскую привилегию, передававшуюся частным лицам, большей частью как монополия, с обязательством доставить в колонии известное число рабов, в определенное время. Расцвет торговли негров последовал с основанием больших торговых компаний в Голландии, Франции и Англии (1621–31), получивших привилегии на вывоз рабов из зап. Африки, на пространстве от тропика Рака до мыса Доброй Надежды. В сев. — американских колониях, особенно в Виргинии, англичане пользовались сначала, в качестве рабов, шотландскими и ирландскими военнопленными; негры были ввезены впервые в 1620 г., причем английское правительство навязало их колониям, введя монополию. Мало-помалу развилась целая системы негроторговли; особой профессией стала охота за неграми или покупка их за бесценок у прибрежных племен. Рабы выводились к берегу караванами, связанные по рукам и с наложенными на шеи деревянными развилками; затем их нагружали

массами на корабли и доставляли в американские порты. Множество их погибало от тесноты, болезней, плохого питания. Жалкая участь негров-рабов стала возбуждать еще в XVIII в. протесты со стороны более развитой части общества, и в Англии уже в 1798 г. возникло первое противо-невольничье Общество «Африканская Ассоциация». По ее настояниям парламентом была назначена комиссия для исследования положения африканских рабов, результатом чего был первый акт для облегчения их участи. В 1808 г. последовало запрещение торговли неграми, в 1823 г. — запрещение перевозки рабов из одной колонии в другую, в 1834 г. — полное освобождение, с обязательством отпуска на волю через четыре года. Еще ранее торговля неграми была приравнена к пиратству; особые военные крейсеры следили в этом отношении за торговыми судами в атлантическом океане. Освобождение негров вызвало сначала упадок некоторых колоний, но позже они оправились, при помощи вольнонаемных негров-кули и китайцев. Во французских колониях некоторые меры к облегчению участи рабов были приняты в так называемом Code noir 1685 и 1724 гг.; в 1794 г. последовало общее освобождение, но осуществилось оно фактически лишь на Гаити. В других французских колониях рабство прекратилось только в 1848 г. На Кубе, где из 1650 т. населения насчитывается 530 т. цветного, эмансипация рабов последовала позже, чем в Соединенных Штатах, где она осуществилась как результат междоусобной войны между северными и южными штатами, окончившейся в 1865 г. Участь негров-рабов в южных штатах Сев. Америки была хуже, чем где-либо, вследствие большой разницы между ними и белыми в культурном отношении и тесной связи рабства с материальным благосостоянием белых. Выгоды от плантаций хлопка и сахарного тростника и возраставшая цена рабов побуждали принимать всевозможные меры для охраны института рабства и для держания рабов в возможно более подчиненном положении. Рабы находились фактически в полной власти их хозяев; в некоторых штатах обучение их письму наказывалось штрафом; попытки насильственного освобождения или возбуждения к тому приравнивались к государственным преступлениям и т. д. В нравственном отношении рабская зависимость не могла не отражаться на неграх, развивая в них притворство, хитрость раболепство, продажность. В 1860 г. негры составляли $^1/_7$ всего населения штатов: на 27 миллионов белых насчитывалось 4 450 000 темнокожих (негров и мулатов), в том числе 3 954 000 рабов и 488 000 свободных.

Освобождение негров не было ни поводом, ни целью войны меду северными и южными штатами; оно явилось лишь неизбежным ее следствием, необходимым в видах ослабления южных штатов и привлечения на сторону союза миллионов освобожденных рабов. В первое время после войны, под влиянием недоверия к южанам, правительство Соединенных Штатов вызвало негров к деятельному участию в выборах и охотно смотрело на занятие ими мест в управлении; но скоро оказалось, что управление, составленное из менее культурных элементов, повело к отягощению южных штатов долгами и к разного рода злоупотреблениям. С последовавшим замирением страстей, прекращением военного положения на Юге и возвращением полноправности белому населению усмиренных штатов, последнее получило возможность к более полному осуществлению самоуправления, которым оно и воспользовалось, прежде всего, для отстранения негров от участия в законодательной, судебной и административной деятельности. Для этого пущены были в ход всевозможные средства: повышение образовательного и имущественного ценза, материальная зависимость негров от белых, обман, насилие и т. п. До сих пор при сплоченности белого населения это ему удавалось; негры, хотя de jure и считаются полноправными гражданами, но de facto почти исключены из участия в самоуправлении и составляют как бы низшую касту. Их не пускают даже в фешенебельные церкви, тем более — в общественные собрания, клубы, отели, рестораны; на железных дорогах для них есть особые вагоны; у них имеются свои церкви, клубы, лавки, школы, богадельни, газеты, врачи, пасторы, адвокаты, учителя и т. д. Общее число темнокожих в соединенных Штатах составляет теперь менее $^{1}/_{8}$ общего числа населения (по цензу 1890 г. — 7 470 040 на 54 983 890 белых), но в бывших рабовладельческих штатах — Виргинии, Сев. и Юж. Каролине, Георгии, Флориде, Алабаме, Луизиане и Миссисипи, с общим населением (в 1890 г.) в 10 575 055, процент темнокожих значительно больше и в четырех штатах (Юж. Каролине, Миссисипи, Луизиане и Алабаме) даже превышает число белых. Принимая во внимание, что негры размножаются сильнее белых, что иммиграция последних всё сокращается, а эмиграция усиливается, можно предположить, что лет через 20 темнокожее население будет в южных штатах вдвое многочисленнее белого.

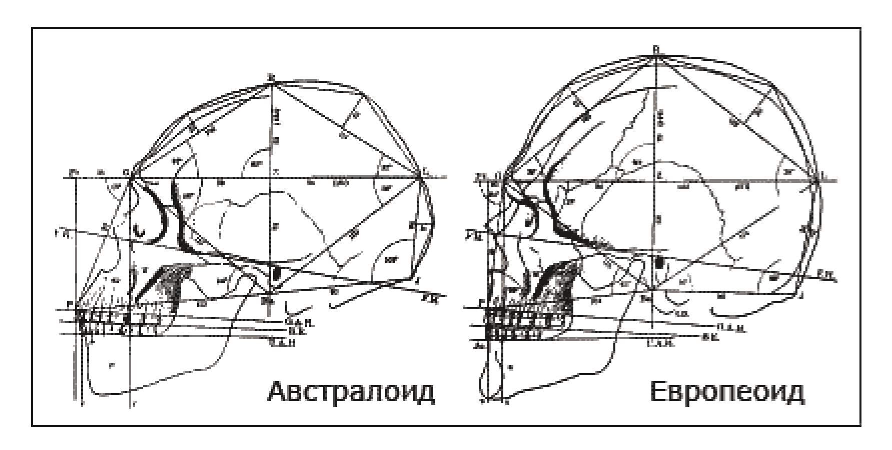
Всего позже освобождение негров-рабов последовало в Бразилии, где негры наиболее смешались с португальцами и индийцами; в 1872 г. (единственная перепись населения) здесь насчитывалось

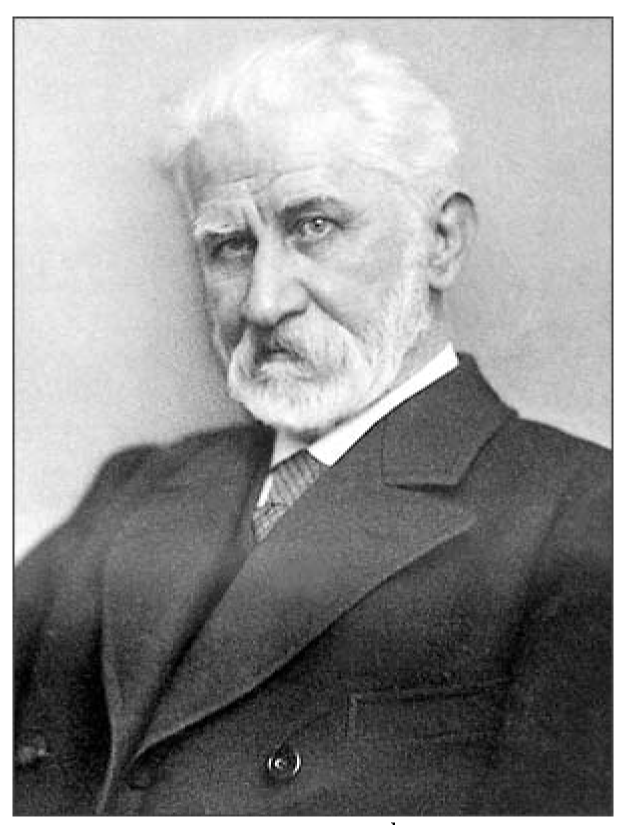
3787 т. белых, 1954 т. негров, 3802 т. помесей (метисов) и 387 т. индийцев; из негров около 1,5 млн. было рабов. Первый шаг к уничтожению рабства был сделан в 1850 г. запрещением ввоза рабов; в 1866 г. были освобождены рабы монастырей и некоторых учреждений; в 1871 г. были объявлены свободными на будущее время все дети, рожденные в Бразилии, освобождены все казенные и императорские рабы и учрежден особый фонд для выкупа ежегодно известного числа рабов; в 1885 г. были освобождены все рабы, достигшие 60-летнего возраста; в 1888 г. последовало, наконец, окончательное освобождение остальных рабов в числе около 740 000. Эта мера послужила одним из поводов к революции, низвергнувшей императора Дон-Педро и его фамилию и провозгласившей республику. Свободным негритянским государством является республика Либерия.

Расы или породы человечества

Д. Н. Анучин

Брокгауз и Эфрон, том XXVI,
Спб., 1899

Существование между людьми физических различий или разделение человечества на отдельные породы сознается более или менее всеми народами, имеющими сношения с другими. Даже у полудиких бушменов южн. Африки мы встречаем на стенах пещер, служащих им жилищами, изображения их военных стычек с кафрами и европейскими колонистами, причем как сами бушмены, так и их противники представлены весьма натурально, со всеми характерными расовыми их особенностями. Более сознательное представление о расовых типах мы находим у культурных народов древнего Востока, в особенности у египтян, изображавших на стенах монументальных построек победные триумфы фараонов. Из этих изображений мы можем наглядно ознакомится с типом различных племен сев. — восточной Африки и западной Азии — негров, нубийцев, семитов, ливийцев, греков и др. Подобное разнообразие племенных типов представляют нам и изображения на памятниках ассирийских и хиттитских, а также на художественных изделиях классической эпохи.

Древним, однако, оставались неизвестными многие группы

племен; с другой стороны, не только древность, но и средние века верили в существование разных «дивьих» людей и народов. Всё это затрудняло решение вопроса о границах человечества и о существующих вариациях человеческого типа. Уже в средние века замечается, однако, тенденция к отделению «настоящих» людей, происходящих от общих родителей Адама и Евы, от сходных с ними человекоподобных существ. По толкованию раввинов, негр был создан Богом из другой земли, чем белый человек. Есть известие, что на одном церковном соборе времен Юстиниана обсуждался вопрос, произошли ли негры от тех же прародителей, что и прочие люди, и могут ли они быть христианами. В XVI в. Джордано Бруно утверждал, что ни один здравомыслящий человек не станет производить негров от одной и той же протоплазмы с евреями. Когда была открыта Америка, то первое заключение, которое было сделано европейцами относительно индейцев, состояло в том, что они не могли проникнуть туда из Старого Света, и, следовательно, не могут считаться потомками Адама. Потребовалась булла папы для разъяснения, что индейцев — ut pote veros homines — следует признавать такими же людьми, как и прочих, и способными к восприятию христианского учения. Известный Парацельс еще в 1520 г. доказывал, что обитатели «заморских островов» не могли произойти от Адама и, «может быть, не имеют душ». Несколько десятков лет позже появилось сочинение Исаака де ла Перейра, «Preadamitae» (1655), в котором автор, основываясь на Библии, утверждал, что Адам и Ева были родоначальниками только евреев, а язычники имели иное происхождение, и прародичи им были созданы в 6-й день творения, вместе с животными. От этих «преадамитов» произошли и американские индейцы. Книга Перейры была признана еретической; тем не менее взгляды его еще долго находили последователей.

В половине XVIII в. накопление новых и часто противоречивых известий о разных дикарях с одной стороны и о человекоподобных обезьянах — с другой, вызвало значительное колебание во взглядах на границы человечества: одни были склонны отрицать человечность негров, готтентотов, папуасов и т. д., другие верили в существование хвостатых, лесных, уродливых людей. К концу XVIII в. антропологический горизонт начинает проясняться, известия о баснословных племенах подвергаются критике, данные о действительных народах сводятся в систему и классифицируются. Первые попытки антропологической классификации относятся еще к концу XVII и началу XVIII веков (Бернье, Брадлей), но они еще не

обнимали всех рас. Линней, во втором издании своей «Системы природы» (1740) принимал (кроме «дикого и «уродливого» человека) четыре разновидности: европейскую, американскую, азиатскую и африканскую, характеризуя их, прежде всего, цветом кожи (Europaeus albus, Americanus rubescens, Asiaticus fuscus, Africanus niger), а затем (в 10-ом изд.) — и некоторыми другими признаками. Бюффон был вообще противник классификации; хотя в 3-м томе его «Естественной истории» (1749) и приведены описания многих рас (Races — термин, применявшийся ранее по преимуществу к породам охотничьих собак), однако, трудно определить с точностью, различал ли он 6 основных рас (как утверждает Блуменбах), или 8, 10 и даже более. Деление на четыре расы принималось Лейбницем, Кантом, Циммерманом и Форстером, хотя и с некоторыми отступлениями от Линнея. Так, Кант делил всё человечество на расы белую, черную, гуннскую (мунгальскую или калмыцкую, к которой он причислил и американцев) и индийскую или индостанскую; Форстер (известный путешественник) — на белую, черную, азиатскую и американскую. Блуменбах распределил людей на пять разновидностей: 1) белая или кавказская («кавказской» он называл ее потому, что наиболее правильный виденный им череп этой расы принадлежал грузинке); 2) монгольская (к которой он отнес также лопарей, финнов и эскимосов Северной Америки); 3) эфиопская — обнимающая всех обитателей Африки к югу от Сахары; 4) американская и 5) малайская — обитатели островов Тихого океана. Малайского архипелага и Австралии. Свое деление Блуменбах основывал не на одном цвете кожи, но также на виде волос и форме черепа; его классификация считалась долгое время наиболее удовлетворительной, хотя она страдает многими недостатками, и последняя разновидность (малайская) характеризована в особенности неверно; для некоторых других рас, например, готтентотов, места в его системе совершенно не оказывается.

Для дополнения таких пробелов и большей естественности подразделений некоторые натуралисты принимали 6, 7, 11, 15, 16, даже 22 и более рас. Другие, признавая шаткость подобных мелких делений, считали достаточным принять три основных расы или ветви — белую, черную и желтую. Это деление, предложенное Кювье, принятое Флурансом, отчасти также Причардом, затем Катрфажем и Вайцем, а в новейшее время — Флауэром, Герландом, Топинаром, может считаться теперь наиболее распространенным. Нетрудно убедиться, однако, что первые две из этих трех разновидностей —

белая и черная — представляются более обособленными и в то же время более оправдывающими свое название, чем третья, желтая порода, цвет которой, в сущности, не желтый, а смуглый, и которая, заключая в себе, кроме азиатских народов, все первобытные племена Полинезии и Америки, представляет значительные вариации типов. Если принять во внимание, что и черная порода может быть разделена, географически и по типу, на несколько весьма характерных разновидностей, то до известной степени может быть оправдан взгляд, что лучше вместо трех принимать две основных породы, белую и черную (как это предлагал еще в начале XIX в. Вирей), разделяя каждую из них на несколько вторичных пород или рас.

Заслуживает упоминания еще дихотомическая классификация, по форме волос, предложенная лет 65 тому назад Бори-де-Сен-Венсаном, возобновленная Гексли, дополненная Геккелем и принятая Фр. Мюллером. Классификация эта делит всё человечество на курчаволосых и гладковолосых, подразделяя затем первых на шерстоволосых (негры) и пучковолосых (готтентоты, папуасы), а вторых — на прямоволосых (монголы, американцы, малайцы) и волнистоволосых (нубийцы, дравиды и «расы Средиземного моря» — хамиты, семиты, арийцы). Ст. Уэк (Wake) пытался ввести еще добавочный классификационный признак — большую или меньшую бородатость, т. е. степень развития растительности на лице и теле: так, пучковолосые и безбородые готтентоты отличаются от пучковолосых, но бородатых папуасов и т. п. Классификация эта не могла, однако, выдержать строгой критики, доказавшей переходы в форме волос у одной и той же расы и отсутствие резкого различия между шерстистыми и пучковатыми волосами. Другие предпочитали делить человечество по форме черепа. Так, Ретциус (в 50-х годах) предложил деление на длинноголовых (dolichocephali) и широкоголовых (brachycephali), и затем каждую из этих групп на прогнатных (prognathi — с заметными выступанием вперед челюстей) и отогнатных (прямочелюстных). Позже была введена еще промежуточная группа (meso- или orthocephali) для формы черепа, а Колльман указал на значение большей или меньшей вышины (длины) или ширины или короткости лица, введя термины — leptoprosopi (с длинным, узким лицом) и chamaeprosopi (с низким, широким лицом). Обращено было также внимание на скуластость, на относительную ширину носа и на другие признаки, а для определения этих различий был введен метод измерения и сведения их к средним величинам, причем различные размеры (например, длины и широты черепа,

длины и ширины носа и т. д.) выражались в процентном отношении меньшего размера к большему. В последнее время проф. Серджи вернулся к описательному методу Блуменбаха, предлагая определять форму черепа (рассматриваемого по преимуществу сверху, в так наз. norma vericalis) на глаз и введя для характеристики черепов известные родовые и видовые названия, например Ellipsoïdis, Ooïdes, Sphenoïdes, Sphenoïdes latus и т. п. Система эта еще не получила большого распространения. Попытку комбинации различий по форме волос и цвету кожи с различиями по форме черепа, носа, величине роста и т. д. представляет классификация Деникера (1889). Он принимает 13 главных рас, а со вторичными подразделениями — 30 типов.

Классификация эта наглядно показывает, как трудно провести детальное подразделение рас, признаки которых вообще выражены нерезко и переходят одни в другие. Каждая раса состоит из множества особей, представляющих индивидуальные особенности и многочисленные переходы к типам других рас. Для получения более ясного и верного представления о расовых типах необходимы, поэтому, массовые наблюдения над возможно большим числом достаточно однородных особей и установление для каждой расы среднего типа и пределов его вариаций. Необходимо, кроме того, принимать во внимание различия, вызываемые возрастом, полом, патологическими изменениями и т. д. и сравнивать только взрослые, здоровые особи одного пола. При таком сравнении двух групп оказывается, например, что у 100 200 и более особей одной группы рост тела (или величина роста) варьируется, положим, от 150 до 165 см и в среднем равна 161 см, а у такого же (приблизительно) числа особей другой группы он изменяется от 152 до 178 см, и в среднем равен 165 см; последняя группа будет, несомненно, более высокорослой. В одной группе оказывается, напр., 25 % чистых блондинов (с голубыми глазами, белокурыми волосами) и 5 % чистых брюнетов (остальные — смешанного типа), а в другой — 5 % чистых блондинов и 30 % чистых брюнетов; первую группу можно признать более белокурой, вторую — более темноволосой. То же найдем мы при сравнении относительной ширины черепа или носа, скуластости, цвета кожи и т. д. При этом надо иметь в виду, что расовые признаки не совпадают с племенными или национальными (язык, вера, быт, принадлежность к известному государству); в среде одного и того же народа могут быть представители разных расовых типов, или представители одной расы могут встречаться у различных племен и народностей. Расовые типы представляют собой более или менее

отвлеченные концепции признаков, которым лишь отчасти удовлетворяют живые представители этих типов. Мы можем составить себе определенное представление о типе негра, австралийца, негритоса, монгола, еврея, патагонца и т. д. — но полное воплощение этих типов встречается сравнительно редко, и мы видим гораздо чаще смешанные или переходные типы. Объясняется это, прежде всего, тем, что род человеческий представляет собственно один вид, и самые обособленные его разновидности имеют лишь значение подвидов. Другими словами, всё человечество происходит от одних и тех же общих прародичей, потомство которых лишь постепенно образовывало различные расы. Возникавшие вариации типов могли упрочиваться в отдельных группах, благодаря наследственности, естественному и половому подбору, приспособлению к условиям жизни в различных странах. Где бы ни была первоначальная родина человека, он постепенно расселялся по земле, вынуждаемый к тому, может быть, отчасти климатическими изменениями (например, распространением ледников в ледниковый период), отчасти — исканием пастбищ, размножением, междоусобной враждой и т. д. Примеры переселений отдельными особями и народными массами мы видим в течение всего исторического периода; несомненно, что им предшествовали и более ранние, доисторические передвижения. Переселения из одних стран в другие, часто с иными особенностями климата, почвы, растительности и рельефа, должно было вызвать приспособление к новым условиям существования — и это должно было способствовать вариациям типа. При расселении одни племена встречались с другими и приходили с ними в столкновение из-за охотничьих районов, пастбищ, похищений скота, женщин и т. д.; эти столкновения часто вели к опустошительным войнам, причем некоторые племена совершенно истреблялись или загонялись в горы, леса, пустыни. В новейшие времена, при расселении европейцев в Австралии, Полинезии, Америке и т. д., туземные племена, кроме войн, гибли еще массами от занесенных болезней — оспы, кори, сифилиса и др. Совершенно вымерли первобытное население о-ва Тасмании, некоторые племена американских индейцев, сибирских инородцев; близки к вымиранию австралийцы, андаманцы и многие другие народы. Число маори уменьшилось с 1843 по 1891 г. с 114 890 до 41 993, число гавайцев — с 142 000 (в 1823 г.) до 34 436 (в 1890 г.), число сев. — амер. индейцев — с 471 000 (в 1822 г.) до 248 253 (в 1890 г.).

Вымирание одних расовых типов должно было способствовать

большему обособлению других. С другой стороны, сталкиваясь между собой, племена приходили и во взаимное (кровное) смешение, сглаживавшие различия между расами путем образования промежуточных типов. Такие помеси, однако, возникали в большом числе только между племенами, не очень резко разнящимися одно от другого по физическому типу и, в особенности, по степени культурного развития. Там, где это различие более значительно, помеси сравнительно редки и промежуточные типы почти отсутствуют (например, между первобытными австралийцами и английскими колонистами Австралии, между англичанами и неграми). В Соединенных Штатах, несмотря на существование до 7 миллионов свободных негров, браки между белыми и черными сравнительно очень редки и помеси вообще не увеличиваются, а скорее уменьшаются (со времени отмены невольничества). Аристократия породы в этом случае настолько велика, настолько поддерживается различием типа, темперамента и т. д., что союзы между особями различных рас возможны только как исключения, и притом не между лучшими представителями рас. Естественный подбор у человека вызывался не только вымиранием менее совершенных и более слабых, покоряемых народностей, но также и вымиранием более сильного, деятельного, победоносного элемента. Он мог гибнуть именно в силу своей большей деятельности и отваги — и этим самым давать большую возможность размножения элементам сравнительно пассивным. Так, по-видимому, вымерли древние типы греков, германцев, славян, уступив место другим типам арианизированных народностей. Статистические наблюдения показывают, что потомство возвышающихся над общим уровнем особей через несколько поколений обыкновенно вымирает и исчезает, и его место занимают потомства других пришлых особей. Так вымерло потомство римских императоров, многих английских пэров; в Париже, настоящие парижане, отцы и деды которых были парижанами, составляют минимальную долю населения города. Постепенно тип известной страны или области изменяется. Так, например, современное население Германии и славянских стран значительно разнится — по крайней мере по цвету волос и форме черепа — от населения тех же стран в V–X вв. Древние типы если и встречаются, то сравнительно редко; напротив того, типы, ранее бывшие редкими, становятся с течением веков, преобладающими. В общем, однако, нельзя не признать, что в Европе различие типов, с течением времени, сглаживается: вырабатываются общие средние

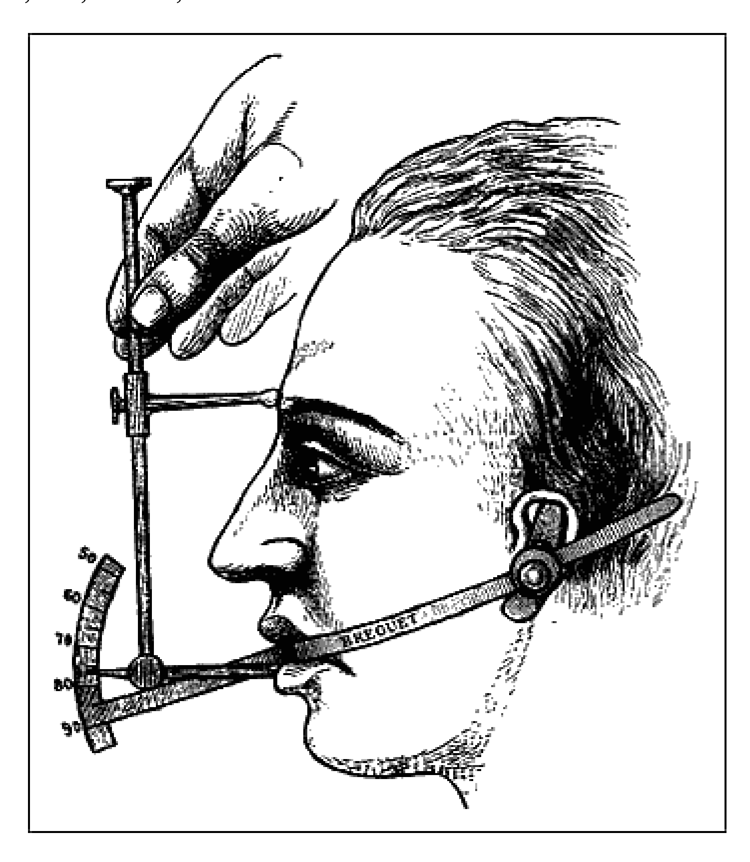
расовые типы, представляющие множество индивидуальных, отчасти также групповых вариаций.

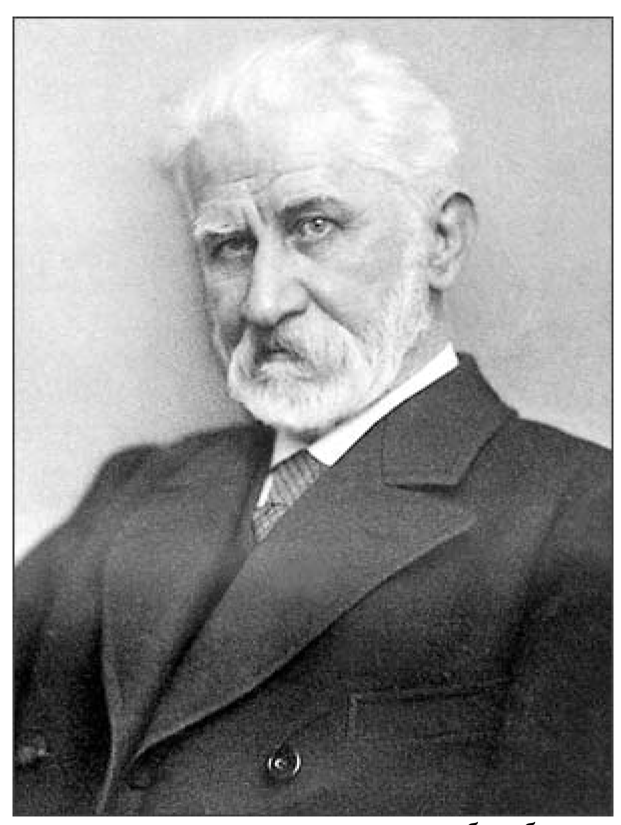
Со временем, вероятно, многие расовые типы совершенно вымрут, останутся только основные типы — белого, черного и, может быть, «желтого» человека, с бесконечным разнообразием типов индивидуальных. Возможно, однако, что со временем выработаются и новые типы, на что есть, например, намеки в Соединенных Штатах, в Австралии, в южной Африке и т. д. Цивилизация также должна оказывать здесь известное влияние; замечено, например, что в культурной среде развивается всё более и более близорукость, отсутствие последних коренных зубов (зубов мудрости), уменьшение вообще челюстей, гниение и раннее выпадение зубов, плешивость, седина, ранняя зрелость и т. д. Факт быстрого, сравнительно, вымирания многих расовых типов вызывает необходимость в ускоренном их изучении; но за пределами Европы эта работа подвигается вперед весьма медленно. В Европе, благодаря наблюдениям над призываемыми к воинской повинности, над учащимися в школах и т. п., имеется возможность собирания массовых наблюдений над вариациями типов (величиной роста, цветом волос и глаз, пропорциями тела, формой головы и части лица, физиологическими особенностями и проч.), которые отчасти уже привели к интересным выводам относительно видоизменения отдельных признаков и их распределения в различных областях Европы. Изучение остатков человека из древних могил, пещерных отложений и т. п. позволяет сравнивать до известной степени современные типы с древними и приходить к заключениям относительно изменения типов с течением веков. Для уяснения причин изменения важны также наблюдения над влиянием различных занятий (например, фабричных, ремесленных), большего или меньшего достатка и питания, местности (болот, гор) и т. п. О способах и методах наблюдений над физическими расовыми типами дают понятие руководства по антропологии (напр. Топинара, Ранке и др.), в особенности же антропологические и антропометрические инструкции (Брока, Шмидта, Гарсона, антропологического отдела моск. общ. люб. естествознания, проф. Таранецкого и др.).

Изучение психофизических типов

Д. Н. Анучин

«Вестник Европы»
1890, май, том III, СПб

В последнее время в уголовном праве обособилась новая, так называемая «антропологическая» школа, приобретшая себе многих сторонников, особенно в Италии, но затем также во Франции и в других странах. У нас в России одним из видных представителей этой школы является Д. А. Дриль, напечатавший обширное сочинение в двух выпусках: «Малолетние преступники», и выступающий теперь с новым этюдом по частной психологии преступности. На «антропологическую» школу сыплется не мало нападок; против многих положений ее возражают не только юристы классической или метафизической школы, но и натуралисты-врачи. Стремление видеть в преступнике ненормального человека, особый психофизический тип, или типы, и ставить преступность в связь с известными органическими уклонениями — возбудило против себя особенно много возражений. Было указано, что многие обобщения сделанные Ломброзо и его последователями по отношению к антропологическим признакам преступности основаны на преувеличенной оценке различных особенностей, значение и распространение которых

недостаточно изучены и даже положительно неверны и тенденциозны. С другой стороны, было выставлено на вид, что нравственность и преступность зависят в значительной степени от состояния и степени развития общества, и что говорить о преступном или преступных типах можно, самое большее, лишь постольку, поскольку можно рассуждать о типе чиновников, духовных лиц, купцов, художников и разных других сословий, состояний, классов общества, профессий и т. д., — да и то если имеются в виду так называемые «профессиональные» преступники, а не случайные, ставшие такими вследствие несчастного стечения обстоятельств, дурного примера, крайности и т. п. Г-н Дриль, хорошо знакомый с литературой предмета, конечно, знает о всех этих промахах и увлечениях «антропологической» школы, но, по его мнению (как это он объясняет во введении к своему новому труду), «при выяснении достоинств или недостатков школы, преимущественное значение имеют не столько отдельные работы ее последователей, сколько ее руководящие основные положения». Автор и считает нужным формулировать эти положения, сводящиеся в конце концов к тому, что антропологическая школа изучает не только преступление, но и прежде всего самого преступника в его многочисленных разновидностях, в производящих его причинах, и притом не какого-то отвлеченного, всегда себе равного преступника, а многоразличные разновидности действительных преступников, и изучает их не умозрительно, а при помощи всех возможных точных методов. «В преступлении антропологическая школа видит результат взаимодействия особенностей сложившейся психофизической организации или натуры преступника… и особенностей внешних воздействий, т. е. воздействий окружающей его естественной и общественной среды», причем первому фактору, то есть особенностям организации самого преступника, школа приписывает главнейшую роль. «Антропологическая школа рассматривает преступника как в большей или меньшей мере несчастную, порочную, неуравновешенную, оскуделую, недостаточную и неприспособленную организацию, которая, вследствие этой недостаточности и неприспособленности, и не может при данных неблагоприятных условиях бороться за свое существование в установленных легальных формах». Соответственно этому, антропологическая школа считает ближайшими причинами преступлений кроющиеся в порочностях психофизической организации деятеля преступления и более отдаленными — те, которые кроются в неблагоприятных внешних

условиях, под влиянием которых вырабатываются особенности организации; затем она принимает еще предрасполагающие причины, под влиянием которых уже сложившиеся дурно уравновешенные организации наталкиваются на преступления. Центр тяжести принимается, следовательно, в порочной или оскуделой организации преступника, которая заявляет себя преступностью при предрасполагающих к тому социальных условиях. При этом, так как типы порочной организации могут быть различны и вызываться различными причинами и условиями, то и меры репрессии по отношению к каждому осужденному преступнику не могут определяться только категорией преступления, а должны сообразоваться с особенностями каждого отдельного случая и длиться лишь постольку, поскольку в них есть действительная необходимость.

Не подлежит сомнению, что формулированные таким образом положения антропологической школы, может быть и трудно поддающиеся покуда практическому применению, заслуживают, тем не менее, серьезного внимания. Как медицина в настоящее время изучает не отвлеченные болезни, а стремится изучать больных и руководится в лечении болезней в значительной степени особенностями организации пациентов, так точно и для уголовного права важно не ограничиваться только распределением и каранием преступлений, но достигнуть понимания их; а для этого необходимо тщательное изучение различных типов преступников, причин, вызывающих порочность и преступность, и поводов, предрасполагающих к преступным деяниям. Необходимо, с одной стороны, изучение тех неблагоприятных условий, которые способствуют появлению и умножению преступности; с другой — самых личностей преступников, через которые совершаются преступления и которые, во многих случаях, действительно выказывают нечто ненормальное в своем психо-физическом развитии. Допуская даже, что антропологическая школа придает слишком большое значение этой возможной связи преступности с болезненностью и ненормальностью организации, нельзя не признать, что усиленное изучение преступников при помощи строго научных методов может в значительной степени способствовать выяснению тех сложных и запутанных факторов, в результате коих являются многоразличные, вредные для общества, порочные и преступные деяния.

Новое сочинение г. Дриля и имеет целью разъяснить некоторые факторы преступности. Оно посвящено «нервным, истерикам,

эпилептикам и оскуделым разных степеней». Все эти категории болезненных натур являются уклонениями от нормального типа, — уклонениями умножающимися, по-видимому, в современном обществе и дающими значительный контингент преступников. Автор очерчивает сперва «совершенный и сильный органический тип хорошо уравновешенного и равномерно и полно развитого и развивающегося человека», — тип, который теперь, по его словам, является сравнительно очень редким. Вследствие неблагоприятных условий питания и существования вообще, масса людей подвергается «физиологическому обеднению», закрепляемому «прогрессирующей наследственностью» и ведущему к физическому и нравственному вырождению. Это вырождение представляет, однако, различные степени и типы. Сперва идут различные оттенки нервного темперамента, с повышенной возбудимостью нервной системы, неблагоприятной для спокойного, внимательного, однородного труда и влекующей к изменчивости, неустойчивости, раздражительности, инстинктивности деяний, — способным при предрасполагающих условиях проявляться в преступных действиях. Затем следуют люди в большей или меньшей мере истеричные, представляющие собой «различные изменяющиеся функциональные неуравновешенности». Это люди с сильной, но ненормальной чувствительностью и слабой волей, с наклонностью к эксцентричности, к противоречию, крайне впечатлительные и склонные к бурным чувственным влечениям. Недалеко от них стоят эпилептики, одержимые тяжелой формой невроза, стоящей в очевидной связи с усилившейся наклонностью к алкоголизму, а последняя — «со множеством наиболее темных сторон общественных отношений, приводящих к физиологической бедности и пауперизму». Автор разбирает печальное влияние алкоголизма и приводит данные, что алкоголизм и преступление это — «два явления общественной жизни, находящиеся в тесной связи друг с другом». Но с алкоголизмом стоит в близком родстве и эпилепсия, доставляющая также благоприятную почву для развития преступности. Эпилептики склонны как к припадкам, так и к импульсивным неодолимым влечениям и нравственным извращениям, способным выражаться в форме преступных действий, бессознательных или сознательных. Тем не менее, все-таки это — натуры еще сильные, «способные освобождать значительные количества энергии». Но «процесс органического оскудения, если не наступают благоприятные условия оздоровления, подвигается вперед и порождает в ряде нисходящих поколений всё более и более оскудевающие разновидности породы,

вплоть до самых жалких отребий человечества». Переходной ступенью являются «слабонервные темпераменты»; за ними следуют оскуделые, представляющие уже «уничтожение и отрицание темперамента» и характеризуемые «слабой, недостаточной возбудимостью и замедленной реакцией». Это — бродяги, апатичные лентяи, слабоумные, узкие эгоисты, лишенные всякой предприимчивости, легко подпадающие постороннему влиянию, вялые, дряблые, подлые натуры, дающие обширный контингент мелких воришек и мошенников, профессиональных бродяг и нищих. Все эти разновидности психофизического оскудения размножаются преимущественно в больших городских центрах, где, вследствие скопления населения, усиленной конкуренции, нездоровых условий существования и всевозможных приманок, раздражающих чувственность, даже люди сравнительно сильные способны терять нравственное равновесие, а оскуделые организации легко увлекаются «к суме, тюрьме и преждевременной могиле».

Таков остов, если можно так выразиться, исследования г. Дриля, но у автора он обставлен массой примеров, извлеченных из психиатрической и криминальной литературы и даже из литературы изящной; так, например, в качестве образцов психического оскудения им разбираются подробно типы Обломова и Рудина. Автор сообщает также интересные данные о попытках борьбы с бродяжничеством и нищенством — Наполеона I и голландско-бельгийского правительства. В заключение автор старается показать, что государство может сделать многое в сфере широких мер предупреждения органической дряблости и оскудения, путем вмешательства в экономические отношения между сильными и слабыми и в дело общественного образования и воспитания. Вообще книжка г. Дриля дает новый повод задуматься над неблагоприятными условиями в жизни современных цивилизованных обществ, — условиями, которые способствуют физическому вырождению и оскудению известной доли их членов и влекут к умножению некоторых форм болезненности, а в связи с ними — также порочности и преступности.

Признавая, таким образом, немалый интерес за этюдом г. Дриля, мы не можем, однако, не заметить, что этюд этот, подобно многим этюдам других авторов в той же области, страдает, по нашему мнению, некоторой односторонностью взглядов, недостаточной критикой источников и наклонностью к довольно смелым обобщениям. Эта наклонность сказывается уже в исходной точке

автора, в понимании им «совершенного и сильного органического типа уравновешенного и равномерно и полно развитого и развивающегося человека». Тип этот, по мнению автора, характеризуется «сангвиническим темпераментом», который «наиболее благоприятен для полного и правильного развития организма и для наилучшего выполнения всех функций». Во-первых, автор не разъясняет, что собственно он разумеет под темпераментом, понимает ли он его в более тесном смысле, как «степень возбудимости организма от внешних и внутренних стимулов и продолжительность его реакции от последовавшего возбуждения» (по определению Лесгафта), или в обширном, смешивая его с характером или типом, то есть со степенью умственного развития (сознательного отношения к окружающей среде) и развития нравственного. По-видимому, предполагается более тесный смысл, именно степень и качество чувствования, зависящие от состава крови, силы сердца и упругости сосудов, энергии кровообращения. По этим признакам темпераменты делятся, как известно, на сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический; первые два отличаются быстрыми чувствованиями и проявлениями, вторые два — медленными. Вторичное же подразделение обусловливается большей или меньшей силой чувствований и проявлений. У холериков они быстры и сильны, у сангвиников — быстры и слабы; у меланхоликов — медленны и сильны, у флегматиков — медленны и слабы. Г-н Дриль понимает, по-видимому, сангвинический темперамент несколько иначе; он говорит, что движения у сангвиников совершаются быстро и с силой, чувство характеризуется напряженностью, мысли следуют свободно и быстро друг за другом в многообразных ассоциациях; при этом сангвиники самоуверенны, решительны, отважны, веселы. Вследствие этого он видит в сангвиниках «по истине любимых и хорошо одаренных детей природы», считает их представителями нормального человеческого темперамента. Другие, однако, определяют сангвинический характер иначе. По Лесгафту, например, «сангвинический темперамент с быстрыми, но слабыми чувствованиями и проявлениями, быстро на всё накидывается и так же легко обо всём забывает и всё бросает; он сговорчив, всему сочувствует, легко сближается и дружится, но у него всё так же скоро исчезает и расторгается; постоянства и настойчивости мало, всё изменчиво и легко забывается». Лесгафт и не считает поэтому сангвинический темперамент за наилучший и наиболее нормальный. Имея в виду, что наблюдения на трупах

доказывают существование заметных различий между особями в калибре кровеносных сосудов и толщине их стенок, и исходя от положения, что «сила и быстрота течения крови имеют несомненное отношение к питанию, следовательно и к силе и энергии, какую ткани человеческого тела могут обнаружить, и к связанным с этой работой ощущениям и чувствованиям», то есть к темпераменту, Лесгафт соединяет темпераменты с такими особенностями кровеносных сосудов:

- *Малый просвет сосудов, толстые стенки — холерический темперамент.*
- *Малый просвет сосудов, тонкие стенки — сангвинический темперамент.*
- *Большой просвет сосудов, толстые стенки — меланхолический темперамент.*
- *Большой просвет сосудов, тонкие стенки — флегматический темперамент.*

Нормальный темперамент, по мнению Лесгафта, должен обладать средним просветом сосудов и средней толщиной их стенок.

Во всяком случае, признавать ли сангвинический темперамент за наилучший, или нет, нельзя считать его единственно нормальным. С давних пор психологи и физиологи различали четыре темперамента, признавая их в одинаковой степени прирожденными, связанными с конституцией тела, с качеством, составом и движением крови. Как Гиппократ и Гален, так и Кант, и Вундт, в этом согласны между собой, и признавать один из темпераментов более нормальным, чем другие, значит вводить субъективную оценку в изучение естественно-исторических явлений, долженствующих рассматриваться совершенно объективно. Притом, рассуждая о различии темпераментов, нельзя сосредоточивать свое внимание исключительно на современном европейском обществе. «Антропологическая» школа должна пользоваться данными действительной антропологии и включать в свой кругозор все известные разновидности человечества. Данные же антропологии доказывают, что как нельзя говорить об одном нормальном морфологическом типе человека, так нельзя принимать и один нормальный темперамент. В морфологическом отношении нормальный человек может принадлежать к белой или к черной расе, иметь шерстистые волосы, как негр или готтентот, или прямые и

гладкие, как монгол или американец; быть высокорослым, как полинезиец, патагонец, кафр, или малорослым, как негритос, японец, лопарь; обладать длинным, узким и высоким черепом или коротким и широким; длинным тонким носом или широким и приплюснутым; выказывать черные или белокурые волосы, карие или голубые глаза и т. д. Подобным же образом он может нормально представлять сангвинический или меланхолический темперамент; типичным представителем первого может считаться негр, второго — американский индеец. Лица, имевшие возможность наблюдать негров и индейцев вместе, в одном и том же климате, например, в Бразилии, удостоверяют, что обе эти расы относятся неодинаково как к солнечному жару и болотным миазмам, так и к различным внешним и внутренним стимулам, выказывая также различие в продолжительности реакции на последовавшие возбуждения. Подобные же различия могут быть констатированы и между более мелкими подразделениями человеческих пород: преобладающий темперамент англичанина — иной, чем француза; у немца другой, чем у итальянца. Проф. Бушарда, на которого ссылается Дриль, мог считать сангвинический темперамент наиболее благоприятным и нормальным, так как он, по-видимому, является, действительно, наиболее преобладающим, а следовательно, и наиболее естественным среди французов; но обобщать это заключение для всего человечества было бы так же странным, как считать только белого человека нормальным, а в неграх, монголах и других видеть ненормальных, выродившихся и оскуделых представителей рода homo. В виду смешанности состава европейского населения, естественно ожидать, что в нем могут попадаться представители различных темпераментов, более или менее явственно выраженных, но одинаково нормальных. Даже у ближайших к человеку животных мы встречаем различные темпераменты: меланхолический или флегматический орангутанг значительно отличается от сангвинической гориллы. Мало того, у представителей одного вида и расы, как диких, так и домашних, мы встречаем у различных особей неодинаковые темпераменты. Не все лошади, собаки, медведи, даже одной породы, одинаково относятся к однородным стимулам.

Признавая, что различные темпераменты могут быть одинаково нормальными, возможно предполагать, однако, что один какой-нибудь из них наиболее благоприятен для человека, характеризует наиболее совершенные его разновидности, является типичным для высших представителей человеческой культуры. Но такое

предположение должно основываться на достаточном числе убедительных данных; нужно доказать, например, что сангвинический характер преобладает у наиболее культурных наций, или что он является типичным для выдающихся гениальных личностей — в области мысли, чувства и воли. Никаких таких доказательств у г. Дриля нет, да и не может быть. Как среди европейских культурных наций у одних является преобладающим один, у других — другой темперамент, так и среди выдающихся представителей человечества, с именами которых связан прогресс человеческой культуры, можно отыскать и сангвиников, и меланхоликов, холериков и флегматиков. С другой стороны, и наоборот, среди павших и преступных людей можно, по-видимому, также встретить различные темпераменты. Достаточно, например, прочитать «Записки из Мертвого дома» Достоевского, чтобы прийти к убеждению, что среди каторжных встречаются представители самых противоположных темпераментов, и притом выраженных, может быть, наиболее резко. Г-н Дриль склонен, по-видимому, жалеть о том, что не все люди обладают излюбленным им сангвиническим темпераментом, и что существуют многие «ненормальные» уклонения от этого типа. Мы же скорее склонны думать, что если бы все люди обладали одинаковым темпераментом, то прогресс культуры совершался бы много медленнее и одностороннее. По мнению Вундта, идеальным человеком может считаться такой, который соединяет в себе все темпераменты. «Он должен быть сангвиником (действовать быстро, но слабо) под влиянием мелких невзгод и радостей ежедневной жизни; меланхоликом (действовать медленно, но сильно) в серьезных моментах важных событий в жизни; холериком (действовать быстро и сильно) в случаях, касающихся серьезных его интересов, и флегматиком (действовать медленно и слабо) в исполнении предпринятых решений». Не вдаваясь в оценку этого идеала Вундта, можно заметить, что подобное совмещение темпераментов (смешиваемых Вундтом отчасти с характерами) редко в состоянии являться у одной особи, но оно, несомненно, характеризует человечество в его целом. В различные моменты культурного развития и в различных его отраслях выступают и действуют различные темпераменты, дополняя и поправляя друг друга, и все в совокупности многообразно отражая в себе различные впечатления и многообразно в них реагируя. Что по одному скользит, то на другом оставляет прочный след, что один подготовляет, то другой приводит в исполнение, и в общем из этой толчеи чувств,

мыслей, поступков слагается прогресс человечества и развитие его цивилизации.

Не меньшая смелость может быть констатирована у г. Дриля и в толковании генезиса различных психологических типов. Происхождение нервности, истерии, эпилепсии, оскудения, г. Дриль склонен приписывать неблагоприятно действующим условиям нашей общественной жизни. Цитируя мнения по этому вопросу различных писателей, автор охотно отдает предпочтение более близким и ярким, хотя и сомнительной научности, в роде, например, что «наш век в полном смысле нервный век»; «наши отцы имели слишком много крови; все их болезни требовали ланцета; мы же имеем слишком много (?) нервов, и наша обеднелая кровь не в состоянии их успокаивать»; «тихая, правильная и уравновешенная жизнь, которую вели в прежние времена, сменилась неровным, возбужденным и лихорадочным существованием». Любопытно знать, когда были эти «прежние времена» с «правильной жизнью» — в эпоху ли наполеоновских войн, великой революции, религиозной борьбы, господства инквизиции, средневекового варварства или в какую-либо иную? Бесспорно, что современная общественная жизнь представляет и темные стороны, и что в борьбе за существование гибнет, вянет и глохнет не мало людей, но для более точного определения этого вредного влияния современных обществ необходим опять-таки более широкий кругозор и применение сравнительного метода. Нервные, истеричные, эпилептики и слабоумные встречались и в прежние времена, и притом не только в Европе, но и в других частях света, как на благодатном юге, так и на суровом севере. У первобытных народов, правда, уроды и калеки встречаются вообще реже, чем в культурных обществах; но это объясняется в значительной мере тем, что уродливых и слабых детей там нередко убивают, или они гибнут скоро сами, неспособные выносить трудности первобытной охотничьей жизни. Но истерия и эпилепсия, развивающиеся лишь с возрастом, нередки и у первобытных народов, у которых эти болезни внушают к себе даже особое уважение и боязнь, так как в них видят обыкновенно проявление таинственных духов, способных влиять на судьбу людей. Из истеричных и эпилептиков там вербуются шаманы — посредники в сношениях людей с духами, — существующие не у одних сибирских инородцев, но, под различными наименованиями, также у эскимосов, американских индейцев, негров и кафров, меланезийцев и других. Г-н Дриль приводит примеры из криминалистики, как алкоголики и эпилептики иногда в

бессознательном состоянии совершают убийства и акты грубого насилия; но такие же насилия в подобном состоянии совершаются и у неевропейских народов. У малайцев, например, не особенно редки случаи так называемого amok, когда туземец впадает в исступление и в бессознательном состоянии пускается бежать с крисом (кинжалом) в руке, поражая всех, кто попадается ему на пути. По Ливингстону, у негров также нередки случаи внезапного припадка бешенства. Паллас в прошлом столетии в Сибири у качинцев, и Бастиан лет двадцать тому назад у перуанских индейцев, были свидетелями местных истерических эпидемий. О нервности и истерии у северных наших инородцев, лопарей, остяков, самоедов, тунгузов, камчадалов, сообщали многие путешественники; был предложен даже термин: hysteria septentrionalis. С другой стороны, следует принять во внимание, что как физическое, так и психическое вырождение может иногда обусловливаться влиянием климата, почвы, воды. Известны, например, местности, где от неизвестных в точности причин развивается эндемический зоб и соединенный с ним кретинизм. Такие местности есть в Альпах, Андах, у нас на Кавказе, в Туркестане, в пермской губернии и в Восточной Сибири, по р. Ангаре. В Баварии есть округа, где настоящий зоб и кретинизм не особенно часты, но где население представляет много полукретинов или кретиноидов, с ненормальным строением головы, тугих на ухо, невнятно говорящих или заикающихся и с ограниченными умственными способностями. Все эти данные и факторы необходимо принимать во внимание при суждении о вредных влияниях условий современной общественной жизни. Впрочем, и по отношению к влиянию естественных условий стран (по сравнительному богатству или бедности) надо быть очень осторожным. Г-н Дриль приводит, например, результаты исследований Виллерме, по которому во Франции «освобождение от военной службы по причине малорослости настолько многочисленнее, насколько страна беднее и жители ее хуже питаются». Но этот вывод Виллерме давно опровергнут основанными на гораздо большем материале исследованиями Будена, Брока, Бертилльона и Топинара, которые доказали, что главным фактором, определяющим различия роста французского населения по областям и департаментам, является влияние породы, расы, — преобладанием иберо-лигуро-кельтического элемента на юго-западе и галло-германского элемента на северо-востоке в населении.

Нельзя не назвать также несколько смелым утверждение, что «постоянно прогрессирующая наследственность закрепляет за каждой

новой генерацией свой особый тип последовательно увеличивающегося физиологического обеднения». Выражение «постепенно прогрессирующая наследственность» едва ли может быть допущено: наследственность есть свойство по преимуществу консервативное; не будь этой консервативности, виды и породы расплылись бы в массе всевозможных вариаций. Наследственность заключается в передаче потомству основных форм родичей; благодаря наследственности удерживаются признаки предков, и частные уклонения снова возвращаются в потомстве к первоначальному типу. Вопрос о наследственности, вообще, еще очень мало разработан научно; только в самое последнее время он стал предметом более точных исследований. Но как ни мало разработан этот вопрос, все-таки едва ли может подлежать сомнению, что качества и особенности, приобретенные особью при жизни, лишь в редких случаях могут передаться потомству. Если же мы видим довольно часто такую кажущуюся передачу, то это происходит от того, что мы смешиваем наследственность с влияниями при зачатии и утробном развитии и при последующем росте и развитии в семье и обществе. На практике часто очень трудно анализировать степень влияния каждого из этих отдельных факторов. У алкоголика — сын-алкоголик; спрашивается, насколько это обусловливается наследственностью, условиями развития, влиянием семьи и общества? Как передача чахотки детям может зависеть и от наследственности, и (что более вероятно) от вне-утробного заражения, так передача известных психических свойств и способностей может сводиться только к сходству условий в развитии и росте, к однородности темпераментов и к сходству действовавших на них влияний. Вообще, покуда наследственность представляется еще мало изученным фактором, опасно слагать на нее всё то, что мы не можем или не желаем объяснять другими причинами.

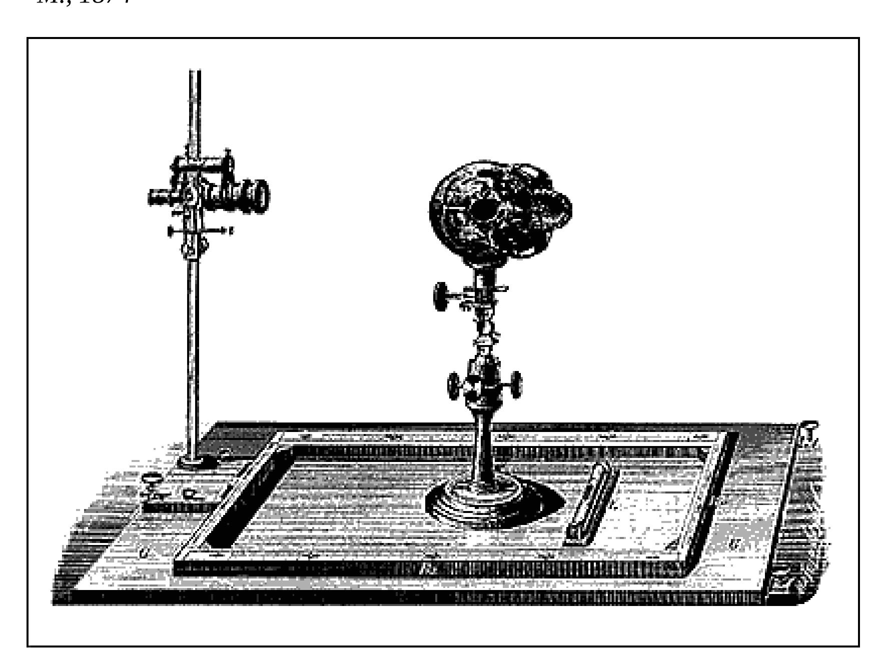
Г-н Дриль однако, по-видимому, не сознает этой опасности. Он не только всюду вводит наследственность, и притом наследственность прогрессирующую, но и показывает нам, что происходит в организме поколений при их прогрессирующем оскудении. «Первым результатом раз начавшегося обеднения прежде роскошно развитой (?) органической жизни, является, по-видимому, более или менее резко выраженный нервный темперамент». «В общей основе нервного типа организации, по-видимому, лежит часто наследственное ослабление и обеднение органической системы кровообращения и проистекающее отсюда ослабление и обеднение кровяного орошения и питания тканей». «Органическое обеднение по различным органам и

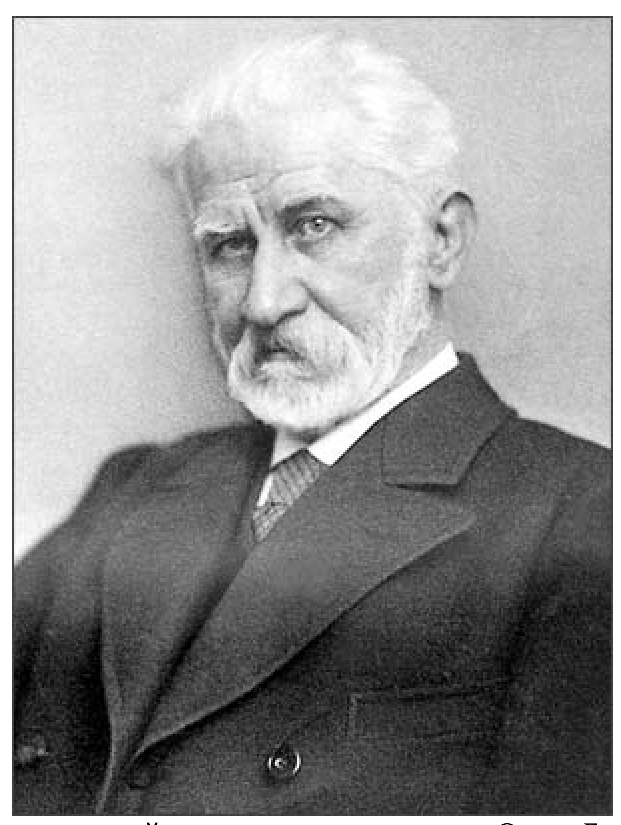
их системам происходит, по-видимому, неравномерно. Отсюда и порча породы может идти, по-видимому, двумя путями». «Вообще, можно сказать, что, переходя от нервности к истерии, а затем к эпилепсии, мы вместе с тем переходим как бы по ступеням нарощающейся тяжести расстройств и уклонений, а вместе с тем, по-видимому, и нарощающегося органического вырождения». «Механизм принудительных и неодолимых влечений у алкоголиков, нервных, истериков и оскуделых, по-видимому, остается тот же самый», и т. п. Все эти «по-видимому» представляют, очевидно, лишь догадки, основанные на аналогиях; научно-точного в этой области соприкосновения физиологии, психологии, патологии и социологии известно еще очень и очень немного, а потому и возводить стройные системы «оскудения» и «вырождения» едва ли еще не преждевременно. Изучение преступности и преступников при помощи всех возможных научных методов, в целях разъяснения генезиса их различных типов и связи между психической и физической организацией, конечно, весьма желательно и в будущем способно, вероятно, принести значительную пользу социологии; но при этом изучении следует остерегаться от впадения в односторонность, в преждевременные обобщения, в попытки кажущегося, мнимого объяснения — при недостатке к тому точных научных данных. С другой стороны, «антропологическая школа уголовного права» должна была бы, нам думается, пользоваться в большей степени данными антропологии, то есть той науки, с именем которой она связывает свое имя, свои задачи и методы.

Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества

Д. Н. Анучин

Вестник «ПРИРОДА» № 1
М., 1874

«В начале вещей, — так рассказывают Оранг-Бирма (одно первобытное Малайское племя, живущее на полуострове Малакке), — в горных лесах Офира жили две белые обезьяны — «ункапуте». Весело резвясь на ветвях деревьев, они вели мирную и невинную жизнь, были соединены между собой тесной, взаимной любовью и окружены многочисленным потомством. Когда последнее подросло и пища стала становиться скудной, родоначальники обезьян собрали своих детей и, показав с вершины горы широкие равнины, расстилающиеся у ее подошвы, предложили им спуститься вниз и населить землю. Напутствуемые пожеланиями своих родителей, обезьянки спустились в открытую, солнечную равнину, где всё казалось им красивее и лучше, чем в сырых, болотистых лесах их гористой родины. Принужденные довольствоваться прежде жесткими, деревянистыми плодами, скудными кореньями и ягодами, они увидели себя вдруг окруженными бесчисленным множеством самых сочных и питательных фруктов. Такая перемена пищи не замедлила скоро оказать свое действие. Рост обезьянок стал увеличиваться, они

начали заметно поправляться и хорошеть. Скоро они открыли хлебные злаки, которые оказали на них такое влияние, что внутренности их стали изменяться, а затем — прочие органы и кожа. Волосы на их теле стали выпадать, руки — понемногу укорачиваться и, в одно прекрасное утро, маленькие обезьянки проснулись настоящими людьми. Сочная и питательная пища имела, однако же, и другие следствия. Добродушная природа обезьян подверглась при этом коренному преобразованию. Пробудились страсти, возникли споры, вражда, и облагороженные из обезьян люди, наверно, все перебили бы друг друга, если бы не явились на кораблях иноземцы и не водворили бы порядка и законности».

Приведенное предание, как бы ни напоминало оно в своей оригинальной, детски-наивной форме некоторые новейшие научные теории, далеко не представляет еще собой совершенно исключительного этнографического факта. С большими или меньшими вариациями, оно встречается у самых разнородных народов в Африке, у южно-американских Индейцев, в Средней Азии и проч. Так мы встречаем его в Тибете, где одна буддийская легенда (индийского происхождения) рассказывает, что первоначальные обитатели страны произошли от пары обезьян, именно самца Брагсринпо, в которого превратился тибетский святой Авалокитесвара или Дьян-рей-юг и самки Брагсринмо, форму которой приняла одна из богинь или фей воздуха — Кадрома. От этой пары произошли три сына и три дочери — родоначальники тибетского народа. Один святой отшельник, живший на горе Падала, научил их возделыванию растений, которое, изменив совершенно первоначальный род пищи, оказало на них такое влияние, что хвосты у них мало-помалу исчезли, волосы понемногу вылезли, они получили дар слова, превратились в людей и стали одеваться древесными листьями. Мало-помалу потомство их размножилось и образовало несколько отдельных племен, находившихся еще долго в полудиком состоянии, покуда не явился к ним один индийский князь из рода Сакия и не соединил отдельные племена в одно самостоятельное государство.

Вообще можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением, как между полудикими народами (преимущественно тропических стран), так и между культурными — с той только разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам (как напр. индусами — тибетцам), или же

только отдельным (иногда даже аристократическим) фамилиям. Так в Индии есть поверье, что княжеская фамилия города Парбандера произошла от обезьяны Ганумана, от которой ей достался в наследство и хвост, существовавший у первых членов этой фамилии. Диодор рассказывает также об одной княжеской фамилии в Африке, что хвост, как естественный придаток тела, передавался из рода в род, в ряду многих поколений. Заметим при этом, что предание о первоначальной хвостатости людей пользуется вообще широким распространением, так как мы встречаем его в Южной Америке, на островах Фиджи, у Тасманийцев и др. народов. По мнению некоторых южно-американских племен, эта потеря людьми свойственного им некогда хвоста имела даже скорее вредное, чем полезное влияние. Именно она сделала людей раздражительными и злыми, так как с потерей его, стало уже труднее отгонять от себя докучливых комаров и москитов, укусы которых могут, как известно, раздражить человека до бешенства. Напротив того, по мнению Тасманийцев, обладание хвостом составляло для первоначальных людей большое несчастье, для избавления от которого потребовалось даже вмешательство особого сверхъестественного посланца, освободившего их от этого придатка помощью ампутации.

В большинстве случаев впрочем, особенно при достижении известной степени культуры, возможность близкого родства с обезьянами допускается, как мы сказали, только относительно таких племен, которые и физически и духовно стоят на относительно низшей ступени развития, чем их окружающие. Часто эти низшие племена даже смешиваются в понятиях с обезьянами, до такой степени, что иногда настоящие обезьяны принимаются за людей и, обратно, настоящие люди описываются как обезьяны. Еще чаще при этом допускается возможность обратного, так сказать, регрессивного метаморфоза, т. е. превращения людей в обезьян. Примеров всех таких и подобных им представлений можно отыскать довольно много у самых различных народов. Так, в Индии название «народа обезьян» придается еще до настоящего времени некоторым первобытным племенам страны, живущим в горных и лесистых местностях индостанского полуострова (так называемым hill and wood tribes). С другой стороны, известно, что санскритские легенды об обезьянах, сражавшихся в армии Ганумана, относятся собственно к людям, именно к первобытным племенам Индии, оттесненным впоследствии в горы и леса Дравидами и Арийцами. Наоборот, многие племена Негров, Малайцев и южно-американских Индейцев полагают, что

обезьяны, в особенности высшие, суть настоящие люди, которые, если не говорят, то только из опасения, чтоб их не лишили свободы и не заставили работать. По мнению же других, они были некогда людьми, но потом потеряли свой человеческий образ — за свое кощунство над богами, как полагают некоторые малайские племена относительно орангутанга, или за свою гордость и высокомерие, как думают Арабы Кордофана относительно мартышек. Подобные же поверья о превращении людей в обезьян встречаются также в Мексике, где легенды Толтеков упоминают о таком превращении под конец так называемого «воздушного века», — у Мусульман, одна легенда которых рассказывает, что такой же участи подверглись жители одного Иудейского города, за несоблюдение субботы, — у Кафров, которые верят, что одно из их племен было превращено некогда в павианов и т. д. Некоторые племена негров верят, что обезьяны имеют такую же душу как и человек, другие же полагают, что в них переходят души людей (всех, или только привилегированных особ, или, наконец, только грешников) после смерти, — поверье, существующее также и в Южной Америке у бразильского племени Бугров (Тупи). Отсюда недалек уже переход к признанию в обезьянах чего-то демонического, сверхъестественного, что выразилось как в суеверном почитании их многими племенами негров, называющими их «слугами фетишей», так и в особенности, в тех размерах, которые получил культ обезьян в религиях Египта, Индии, Вавилона, Карфагенской Африки, Перу и пр., и некоторые следы которого, в форме суеверных предрассудков, замечаются даже у древних Греков и Римлян.

Возвращаясь к смешению понятий об обезьянах с понятиями о людях, встречающемуся довольно часто в народных воззрениях, заметим, что наглядным примером могут служить иногда в этом случае самые языки некоторых народов. Так, например, малайское название оранг-утан, бразильское Cauiari, сиамское — Кхон-па и др., означающие «лесной человек», прилагаются большей частью безразлично, как для обозначения обезьян, так и живущих в тех же местностях первобытных народцев. Следы такого смешения понятий, такого qui pro quo, замечаются иногда даже у цивилизованных народов, стоящих на относительно довольно высокой ступени цивилизации. Так в одном старом португальском манускрипте, где описываются Индейские племена Бразилии, говорится между прочим, что к востоку от Юруэны живет племя Cuatas, весьма замечательное тем, что принадлежащие к нему Индейцы ходят обыкновенно на

четвереньках, отличаются малым ростом и изобилием волос на теле, спят прямо на земле или на деревьях, не знают ни орудий, ни жилищ, ни земледелия и питаются только плодами, дикими кореньями и рыбой. Автор манускрипта по-видимому и не подозревал, что описываемые им Куаты вовсе не люди, а обезьяны, носящие у новейших зоологов видовое название Ateles paniscus. В другой пример можно привести одного тибетского (Буддийского) писателя, который, описывая распространение религии Будды, рассказывает между прочим, что когда религия эта распространилась уже по всему Индостану и соседним с ним странам, глава буддийской церкви, не видя более людей, которых бы можно было обращать, решился просветить один большой вид обезьян, называемых «якча» или «ракча». Предприятие это было поручено известному духовному лицу, почитаемому воплощением одного буддийского святого. Муж этот вполне удовлетворительно исполнил данное ему поручение и обратил к новой религии великое множество обезьян. Замечательно, что существует одна подобная же христианская, именно коптская легенда, где рассказывается об обращении одного павиана — «человека из племени Циноцефалов, с собачьей головой». Смешение павианов с людьми встречается впрочем, у многих писателей, как древних, так и средних веков. Так Плиний описывает семь различных видов обезьян в Эфиопии и рядом — один народ Цинамолгов, с собачьими головами. Элиан говорит об Индийском народе Кинокефалах, которые имеют собачью голову, но в остальном похожи на людей и одеваются в звериные шкуры: они отличаются справедливостью и не причиняют вреда людям, дара слова не имеют, но ревут, могут, прочем, понимать язык Индусов. Живут они охотой, скоры на ногах и приготовляют себе добычу не на огне (которого не знают), а разрывая на куски и высушивая на солнце; они разводят коз и овец и питаются их молоком. Мнение, что Циноцефалы составляют особую породу людей существовало еще, по-видимому, в девятом столетии по Р. X., так как от этого времени сохранилось письмо некоего Бертрама к священнику Римберту, в котором подробно разбирается вопрос, произошли ли Циноцефалы от Адама, или они имеют животную душу; Бертрам склоняется в пользу последнего мнения. Наконец, как пример обратного смешения, можно привести одного старинного путешественника по Лапландии, который, заканчивая свое описание Лопарей, говорит: «Вот верное описание этого маленького существа, называемого Лапландцем; можно сказать утвердительно, что после обезьяны, он из всех животных стоит всего

ближе к человеку». Любопытно, что один (анонимный) писатель конца XVII столетия, делая попытку разделить человечество на отдельные виды, выражается о лопарях немногим лучше, хотя уже признает их людьми: «Лопари, — говорит он, — могут составить четвертый вид людей. Это маленькие, короткие создания с толстыми ногами, широкими плечами, короткой шеей и необыкновенно вытянутым лицом, весьма некрасивые и очень напоминающие медведя. Я видел только двух из них, в Данциге; но, судя по тем рисункам, которые я имел в руках и по рассказам лиц, хорошо их знающих, это должно быть прежалкие животные».

Допуская во многих случаях близкое родство и возможность взаимного перехода между человеком и обезьянами, народная фантазия не останавливается, впрочем, только на этих, наиболее сходных по своему внешнему виду, животных. За отсутствием обезьян, она с одинаковой уверенностью готова вести человеческое происхождение от собаки, волка, бобра, медведя, слона, крокодила, черепахи, змеи, даже улитки, муравья, червей и проч. Так у Алеутов (по Сарычеву) существовало предание, что первые люди обязаны были своим происхождением одной собаке, которая упала с неба на остров Умяк, и родила двух детенышей, одного мужского, другого женского пола, похожих на людей, но еще с собачьими лапами; эти два выродка и положили начало человеческому роду. По другому преданию Алеутов, (приведенному Вениаминовым), — первые люди произошли от каких-то двух существ, видом похожих на человека, но с длиной шерстью на теле, — что-то вроде обезьян или медведя. Различные племена северо-американских Индейцев производили себя каждое от отдельного животного, кто от бобра, кто от ворона, от волка, журавля, рыбы, черепахи и т. д.; каждое такое животное считалось родоначальником племени, его имя и изображение составляли так называемый Тотем — племенной знак или герб племени. От слона производило себя племя Бари в северо-восточной Африке; от крокодила — южно-африканское племя Бакуэна, от червей — жители островов Мореплавателей, от муравьев — некоторые племена Антильских островов и т. д. Современный человек с трудом может даже представить себе, каким образом люди могли дойти до таких странных понятий; они должны казаться ему просто нелепыми и смешными, не имеющими никакого смысла и значения. Однако же возможность их происхождения становится несколько более понятной, как скоро мы бросим беглый взгляд с одной стороны на те отношений, в которых стоит первобытный человек к окружающему

его миру животных, с другой — на тот образ мыслей, которым руководствуются вообще люди на низших ступенях развития.

Прежде всего, не трудно убедиться, что в глазах первобытного человека животный мир не отделен от него так резко, как это должно казаться человеку современному. Конечно, первобытный человек замечает, что животные отличаются от него по своему наружному виду, но он считает отличия эти более второстепенными и далеко менее существенными, чем их внутреннее сходство. По его понятиям, напр., животные имеют такую же бессмертную душу, как и человек, и душа эта точно также может переходить после смерти тела в загробный мир, как и человеческая. Так, Камчадалы полагали, что душа каждого животного, как бы ни было оно мало и ничтожно, всякого червяка и мухи, будет жить на том свете, рядом с человеческими. Ассамские Куки верят, что душа каждого убитого ими на охоте животного точно также, как павшего в сражении врага, будет служить им на том свете. Основываясь на подобном же воззрении, Эскимосы (точно также, как и некоторые племена североамериканских Индейцев), клали напр. в гроб младенца собачью голову, с той целью, чтобы душа собаки не дала заблудиться душе младенца во время ее трудного пятидневного перехода на тот свет. Это же воззрение было причиной, почему напр. у Патагонцев закалывалась на могиле покойника лошадь, подобно тому, как это делалось в старинные времена в Европе и др. странах. Некоторые народы идут в этом одухотворении еще далее. Даяки, Карены, жители островов Фиджи, некоторые из Индейских племен принимают, что не только животные имеют душу, но и растения, камни, даже искусственные предметы, как, напр., дома, лодки, топоры и т. д. Так, например, жители островов Фиджи верят, что, если будет срублено дерево, то дух его немедленно отправляется на тот свет (отождествляемый ими с мифическим островом Болоту); если сломается ножик, разобьется горшок, развалится хижина, то души всех этих предметов также ожидает бессмертие на том свете, где они будут находиться в употреблении богов. Сопоставив с этим воззрением то понятие, которое имеют первобытные народы о будущей жизни, почитаемой ими за непосредственное продолжение настоящей и почти при тех же самых условиях, мы легко можем объяснить себе известный обычай, столь распространенный у самых различных народов: класть в могилы покойников, кроме трупов любимых животных (а также иногда и рабов), их оружие, украшения, трубки с табаком, горшки с пищей, а в случае женщин — иглы,

гребни, веревки для ношения тяжестей, весла и т. п. Не довольствуясь тем, что первобытное воззрение приписывает животным душу, оно считает их во многих случаях однородными с человеческими и допускает, что души животных могут поступать иногда в тело человека и наоборот. Так, у некоторых племен Негров существует поверье, что животные, питающиеся часто трупами людей, как напр. гиены, могут присваивать себе тем самым и души умерших. Так Эскимосы были убеждены, что их «ангекоки» или кудесники могли, в случае болезни, заменять душу больного человека другой, здоровой, взятой от зайца, оленя, птицы или человеческого младенца. У многих народов существовало и существует еще поверье, что волшебники и ведьмы силой чар (точно так же, как и простые смертные силой заклинаний или дьявольского наваждения) могут превращаться в животных и принимать на себя вид и все склонности тигра, льва, волка, леопарда, гиены и других животных. Такая вера в оборотней особенно развита в Африке у Негров, Кафров, Готтентотов, но она существует и у многих других Азиатских и Американских народов, а также существовала и в Европе, где по временам, число таких оборотней (волкодлаи, loupsgarous, Wehrwoelfe) до того увеличивалось, что всё явление принимало характер особой психической эпидемии, известной в медицине под названием «Ликантропии». Когда Солиман в 1542 г. вступил на турецкий престол, Константинополь был до такой степени наполнен этими оборотнями, что в несколько дней их было казнено более полутораста. Еще более была распространена эта эпидемия во Франции, в Юрских кантонах в конце XVI столетия. Верование в оборотней и до настоящего времени существует еще у сельского населения Франции, Италии, Германии, Славянских стран, а Планси де Коллен рассказывает про одного оборотня, Марешалля де Лонгвилля, который не далее, как в 1804 году, был приговорен к пожизненному заключению на галерах. Еще большим распространением пользовалась (и пользуется еще до настоящего времени) у многих народов вера в т. н. «метампсихозис», или переселение душ после смерти одних существ в другие, из людей в животных и наоборот. Мы встречаем ее как у первобытных племен (Индейцев, Негров), так и у гораздо более цивилизованных, например, Индусов, по понятию которых, всё различие между существами касается только степени, а не сущности; все они сродни человеку, слон, обезьяна, червь могли быть некогда людьми и могут сделаться ими снова, парии или варвары составляют низшие касты у людей и высшие у животных.

Следы таких воззрений можно заметить также у некоторых Греческих философов, у каббалистов, в учении Манихеян и даже у более новейших мыслителей, как, например, у Юма.

Признавая у животных душу, как и у человека, первобытное воззрение наделяет их таким же умом, такими же чувствами, страстями и способностями; так оно приписывает им дар слова, способность говорить и понимать язык человека. Этим объясняется, например, первоначальное происхождение басни, где животные говорят и действуют как люди, разговаривая не только между собой, но и с человеком. На дальнейших ступенях развития народное воззрение уже принимает, что люди имели некогда способность понимать язык животных, но потом потеряли ее (тем, что выдали этот секрет бабам, как утверждают Негры в Борну). Впрочем, люди знающие, «знахари», могут и теперь еще понимать его, такой дар приписывался, например, в свое время, Аполлонию Тианскому, — а Индусы полагают, что даром этим может обладать всякий, нужно очистить только предварительно свои уши известными обрядами. У Австрийских немцев существует поверье, что в ночь на Рождество Христово, около 12 часов, все животные получают дар слова и могут сообщить, что они испытали в прошлом году и чего следует ожидать в будущем. Какое понятие может иметь первобытный человек относительно своего отличия от животных видно, например, из ответа одного Бечуана, который на вопрос миссионера Моффата, в чем, по его мнению, заключаются преимущества человека, отвечал, что он не знает их, исключая разве того, что человек более склонен к подлостям. В некоторых случаях, первобытное воззрение ставит животных даже выше человека, как существа, превосходящие его по силе, ловкости, предусмотрительности или разумности действий. Вообще, по первобытным понятиям, человек вовсе не стоит во главе природы, неизмеримо выше всех прочих животных созданий; напротив того, эти последние кажутся ему иногда гораздо более совершенными и привилегированными, чем он сам, или он видит в них каких-то таинственных существ, жизнь и действия которых для него темны и загадочны, и которых он готов признать, вследствие этого, одаренными высшими, сверхъестественными силами, — готов преклоняться перед ними, умилостивлять жертвами, одним словом, обоготворять и поклоняться им. С постепенным развитием культуры этот первоначальный страх и преклонение перед животными, конечно, должны были потерять свои первоначальные размеры, тем не менее, следы его сохраняются еще долго в народных воззрениях.

Они заметны, например, в почтительных приветствиях диких животных охотниками, в опасении упоминать имена их, особенно в лесу и пр. Известно, что многие из сибирских инородцев, Гольды, Коряки, Самоеды не любят, например, называть медведя по имени, а стараются выражаться иносказательно: зверь, старик, дедушка. Убив его, они извиняются перед ним, сваливают всю вину на русских, преклоняются перед его трупом и т. д. В том же роде поступают и северо-американские Индейцы, когда, убив медведя, суют ему трубку в зубы, устраивают в честь его особый танец, или Эскимосы, которые, убив молодого кита, просят извинения перед его матушкой, говоря, что ведь им нужно что-нибудь есть, что иначе они бы с голоду померли и т. д. Это унижение может доходить иногда до того, что превращение в животного может считаться благодеянием и наградой для человека. Так у Ирокезов существовало предание, что их «Маниту», желая наградить одного человека их племени за то, что он при самом страшном голоде удержался от людоедства, превратил его в бобра, и что отсюда-то и ведут бобры свое происхождение. Здесь, очевидно, подразумевается, что быть бобром лучше, чем быть человеком; и действительно, один путешественник, Паркман, рассказывает, что он слышал, как один довольно развитой Индеец серьезно доказывал, что бобр и белый человек — самые умные «люди» на свете.

Многие из наиболее характеристических черт первобытных воззрений на животных могут быть объяснены до некоторой степени тем жалким положением, в котором находился первобытный человек, почти нагой и безоружный, в постоянной борьбе с животным миром за свое существование, — борьбе, несомненно, страшной, и оканчивавшейся нередко для него смертью или изувечением. Но главное объяснение все-таки заключается в его неразвитости, ограниченности его понятий, в его невежестве относительно себя и окружающей его природы, в его неспособности к анализу и критике. Известно, что способность к анализу предметов и явлений, к уловлению различий между ними, является тем совершенней, чем более развит человек, т. е. чем он обладает большим числом сознательных понятий; и, наоборот, чем совершеннее может распознавать человек существующие различия, тем его выводы и сопоставления являются более правильными, а воззрения более полными, рациональными и логичными. Первобытный человек обладает весьма ограниченным числом понятий, количество сознаваемых им объектов ничтожно, сравнительно с тем, которое

входит в круг мыслей цивилизованного человека, имеющего за собой длинный период культурного развития. Большая часть абстрактных понятий для него чужда и непонятна; ему доступны только конкретные понятия, и то, настолько же узкие и односторонние, насколько узок его умственный горизонт и односторонняя сфера его деятельности. В каждом из немногих доступных его сознанию предметов он схватывает только то, что производит на него наибольшее впечатление, часто упуская при этом из виду многие из наиболее существенных, но не различаемых его сознанием, особенностей. При этом, очень часто, у него не достает силы связать свои отрывочные понятия и свести их в одно, сколько-нибудь целостное и логичное представление. Этим мы не хотим сказать, чтобы первобытный человек не имел вовсе общих понятий; напротив того, история языка и психологические наблюдения (напр. над детьми) показывают, что общее познается обыкновенно ранее частного. По наблюдениям д-ра Гупенбуля, дети-кретины, при пробуждении своих способностей, скорее получают понятие о Боге, чем о каком-нибудь предмете, доступном чувствам. Но нужно заметить, что прогресс знания требует анализа того, что сначала представляется только в общей и неясной форме, для того, чтобы потом, путем индукции, снова придти, но уже к осмысленному и сознательному, общему. У первобытного же человека, общие понятия суть только бессознательные выражения однородных (для его сознания) впечатлений, — не разложенных анализом и не проверенных критикой. Там же, где дело касается до вывода из ряда частных понятий заключающего их в себе общего, мы встречаемся часто с оригинальными примерами бессилия мысли. Так, например, во многих американских языках не существует вовсе слов для выражения понятий: «быть», «дерево», «растение», «животное» и проч., и, наоборот, часто для одного и того же конкретного предмета или действия существует множество слов, смотря потому, в каком состоянии находится предмет или при каких обстоятельствах и условиях совершается известное действие. Такой неспособностью к логичному синтезу и анализу явлений, к составлению абстрактных понятий и к уловлению различий между предметами первобытный человек напоминает в значительной степени детей, которые, как известно, если им начать задавать сколько-нибудь абстрактные вопросы, скоро устают и совершенно теряются. Африканский путешественник Бёрчелль говорит, что «мыслить для большинства дикарей весьма трудно и если их спрашивать о сколько-нибудь

абстрактных вещах, то они очень скоро начинают жаловаться на усталость и головную боль». Точно так же, подобно ребенку, дикарь в состоянии удовлетвориться первым попавшимся ответом на какой-либо, случайно явившийся у него вопрос, — и ленивый ум его не почувствует потребности, да и не может, не умеет отнестись к нему критически и подвергнуть его логическому обсуждению. Немногих аналогий ему достаточно уже, большей частью, для того, чтобы установить тождество немногих совпадений или последовательностей, чтобы объяснить причинность. Известно, какую обширную роль играет, например, в истории умственного развития народов обманчивая максима: post hoc ergo propter hoc, и какое важное значение имеет в периоде первобытной культуры процесс так называемого «смешения субъективного с объективным». Уяснение этих и подобных им психическим процессов значительно облегчает понимание первобытных воззрений и дает ключ к объяснению многих из наиболее запутанных явлений давнейшей культуры человечества.

Если, таким образом, первобытный человек имел лишь весьма смутные понятия о своем отличии от животных и своем физическом и психическом совершенстве, то весьма понятно, что во всех тех местностях, где обезьяны, особенно высшие, были для него знакомым явлением, он должен был прийти к заключению, что существа эти весьма близки к нему, если не родственные и не тождественны. В этом убеждало его как сходство в общих очертаниях их тела, так и многие особенности их быта и нравов, напоминающие до некоторой степени человеческие и притом, в большинстве случаев, значительно преувеличенные и дополненные его собственным воображением. Выше уже было сказано, что многие Негры, Индейцы, Малайцы думают, что обезьяны могут говорить, только скрывают эту способность. Другие прибавляют, что у обезьян существует такое же общественное устройство и быт, как и у людей, — что они имеют начальника или князя, отличающегося тем, что он носит повязку на голове и опирается на палку; — имеют род правления и чинов; — собираются по временам в кружок и производят суд и расправу над своими ближними; — ведут правильные стратегические войны, как между собой, так и с другими животными, напр. слонами; — защищаются в случае нужды каменьями и палками, одеваются листьями, строят себе жилища, хоронят своих умерших собратий, любят, подобно дикарям, вымазывать себе лицо краской и т. д. Наконец, у многих народов распространено еще поверье, что обезьяны любят утаскивать к себе женщин, живут с ними и

приживают детей, а древние Египтяне (по Элиану и Гораполло) верили, что серебристый павиан может быть выучен письму и музыке, и что попадаются особи, которые уже умеют писать, вследствие чего каждому, приводимому в храм циноцефалу, жрецы предлагали табличку и инструмент для письма, с целью удостовериться, принадлежит ли он к ученым или к неученым особям. При таких понятиях и представлениях естественно было придти к заключению, что обезьяны — те же люди и что между человечеством и животным миром не существует никаких сколько-нибудь резких и существенных различий.

Однако, как бы долго ни разделялись подобные воззрения многими народами, как бы часто ни встречались мы со следами их в умственной жизни человечества, все-таки, с развитием культуры, они должны были значительно утратить свое первоначальное значение. Научившись опытом и усовершенствовав свое оружие, человек поставил себя в более независимое положение относительно животных; он успел почти совершенно истребить одних и одомашнить других. Расселяясь по окрестным странам и вступая в борьбу или мирные сношения с соседними племенами, он, мало-помалу, расширил свой умственный горизонт, и приобрел много новых понятий. Его страх перед животными значительно ослабел, он стал сознавать их ограниченность, их относительное несовершенство. Всё это не могло остаться без влияния на его воззрения, не могло не пробудить в нем сознания своих преимуществ, и, если некоторые племена даже до настоящего времени, не могут еще отрешиться от своих первобытных воззрений, зато другие, поставленные в более благоприятные условия, уже рано перешли к совершенно иным понятиям — об особенностях своей природы и ее отношениях к природе животных.

В ряду этих племен наиболее видное место по своему влиянию на дальнейшую историю умственного развития человечества занимают Греки. Выйдя еще в очень отдаленную, доисторическую эпоху из периода первобытного варварства и грубого фетишизма, рано ознакомившись с употреблением металлов, скотоводством, земледелием, торговлей, народ этот, благодаря счастливым задаткам своей расы и благоприятным условиям страны, скоро достиг такой ступени умственного и гражданского развития, что оставил далеко за собой не только все древнейшие и современные, но многие и из гораздо позднее его явившихся на исторической сцене народов человечества. Увеличение материального богатства, а следовательно,

и досуга, по крайней мере в среде свободных граждан и жителей городов, вызвало потребность в комфорте, в образовании и послужило одним из главных толчков к развитию ремесел, искусств, литературы и, наконец, науки. С другой стороны, победа и духовное преобладание над окружающими варварскими племенами, и развитие в среде полноправных граждан более сознательных понятий о своих правах и обязанностях, вызвало немыслимое до той эпохи сознание своих духовных сил и своего человеческого достоинства. Всё это не могло остаться без влияния на господствующие воззрения, по крайней мере, более образованного класса, относительно положения человека в природе и его отношений к животному миру. Явилось сознание, что человек составляет особое, привилегированное существо на земле неизмеримо высшее прочих животных, как по своей физической организации, так и в особенности, по своим психическим качествам, по своему уму. Возникло убеждение, что психическая природа человека коренным образом отлична от природы животных, что человек один только обладает разумом, есть единственное существо на земле, обладающее стремлением и способностью к исследованию истины, познанию причин и следствий вещей; — единственное существо, одаренное (по Аристотелю) способностью воспоминания, способное познавать и восторгаться красотой, признающее и почитающее богов, имеющее понятие о праве и нравственности, т. е. сознающее необходимость гражданского порядка и известных нравственных правил для своих действий. Признавая, что животные имеют также душу (отождествляемую большей частью с понятием о жизни, жизненной силой) как и человек, большинство древних мыслителей, полагало, однако, что кроме этой животной души (anima) человек обладает еще особым «духом» или разумом (animus, spiritus, genius, mens, нп. т.), представляющим собою непосредственную эманацию божества, частицу божественной природы. По воззрению Пифагорийцев, человек занимает среднее место между богами, героями и духами с одной стороны и животными, вообще органическими существами, с другой: люди имеют небесное происхождение и принадлежат к числу духов, происшедших при возникновении мира из эфира (первобытного духа); земная жизнь составляет только короткий эпизод их существования, которое началось в небесных пространствах и, после более или менее продолжительного метампсихозиса, будет продолжаться там снова. Подобные же воззрения высказывали Платон и другие философы. Впрочем, уже и по своему телесному сложению человек значительно

отличается от животных: он один обладает вертикальным положением тела, один, (как думали Анаксагор, Аристотель и Гален), имеет совершенно организованную руку. Однако эти телесные отличия далеко не имеют еще того значения, как психические преимущества, как обладание духом, который собственно и есть главнейшая сущность человека и есть — самый человек.

При таких понятиях и воззрениях мысль о происхождении человека от животного, — существа бессловесного, лишенного не только разума, но даже (как принимали Стоики) чувств, воли и страстей, естественно была невозможной, должна была казаться совершенно неестественной и унизительной для человека. Взамен ее, нужно было придумать какую-нибудь другую гипотезу, и вот явилась теория, что человек не был создан вовсе, что он существовал вечно, подобно богам, или по крайней мере бесконечно долго, с самого начала мира. Эта теория, которую принимали Орест Лукан, Ксенократ, Дикеарх, Архит Тарентский, Пифагор, Теофраст и, по-видимому, также Платон, не разделялась, однако, другими философами, которые доказывали, что человек должен был иметь определенное начало, хотя и расходились в объяснении его происхождения. Одни, в том числе Эмпедокл, Парменид, Демокрит и Эпикур думали, что он произошел сам собой, из земли и воды, или воды и огня, под влиянием солнечной теплоты, каким-то процессом произвольного зарождения; другие, как Зенон и стоики, полагали, что он был непосредственным созданием богов. Эти две последние теории, как более вероподобные и притом стоящие в некотором соответствии с народными мифами (напр. мифом о Прометее или Девкалионе и Пирре), пользовались, по-видимому, наибольшим распространением как у Греков, так и у Римлян; есть некоторые основания предполагать, что первой из них, то есть теории произвольного зарождения, придерживался и величайший натуралист древности — Аристотель.

С появлением и распространением Христианства, высокое понятие о человеке, составленное Греками (а также разделяемое Римлянами и некоторыми другими древними цивилизованными народами, напр. Китайцами), должно было утвердиться еще более. По средневековым понятиям человек был средоточием мира, высшей и конечной целью творения. Для него создан был весь мир, только для него светило солнце, луна и звезды на небе; в нем и вокруг него были сосредоточены и действовали все духовные (как благодетельные, так и враждебные) силы мира. Он есть первое, избранное существо на

земле, неизмеримо превосходящее все прочие земные создания. Силой своего ума и добродетели он может постигать и покорять весь мир; силой молитвы и благодати Божьей, или также магии и содействием дьявола, — он может заклинать духов, предсказывать будущее, нарушать естественный порядок творения, производить чудеса и воскрешать мертвых. Происхождение его совершенно отлично от происхождения прочих животных, так как он создан был по подобию Божию в последний день творения. Все животные, сравнительно с ним, суть бессловесные, неразумные, бездушные твари, созданные исключительно или преимущественно для него, для его пользы, забавы или также искушения и кары. Еще решительнее и полнее стали развиваться эти понятия в XV и XVI столетиях. По воззрениям Агриппы фон-Неттесгейма, Кардана, Джордано Бруно, Бёма, Парацельса и др. мыслителей того времени, человек есть конечная цель развития земной жизни, средоточие бытия, связь и символ всех вещей. Он соединяет в себе небесное и земное, вечное и преходящее, он представляет из себя целый мир — микрокозм, миниатюрное подобие великого мира — макрокозма; кто познает себя, тот познает всё. Душа человека есть часть мировой души, есть сила и разум всех вещей; тело его (по Бёму) есть эссенция материальных сил всех существ, в которой сконцентрирована вся природа. Жизненная сила человека (по Парацельсу) исходит от планет: сердце связано с солнцем, мозг с луной, почки с Юпитером и Венерой; на небе и в макрокозме содержится сущность всех членов человеческого тела. Судьбы человека представляются в созвездиях, не потому, (говорит Кардан), что человек управляется ими, но потому, что их взаимные положения соответствуют качествам человека, одно отражается в другом.

В соответствии с этим возвышением человека, животные низводились, между тем, всё ниже. В XVI столетии Гомец Перейра объявляет уже, что животные суть просто машины, действующие не по внутренним побуждениям, а по вложенному в них механизму. Еще решительнее развивают эту теорию в XVII столетии Декарт и его последователи, по мнению которых, животные не имеют ни ума, ни чувств, ни воли, и представляют только, как выражается один из Картезианцев, Кроциус — «гидравлико-пневматические машины». Но такие теории уже слишком противоречили обыденным понятиям и наблюдениям, чтобы не вызвать опровержений и даже насмешек.

Тем не менее, влияние этой теории не прошло бесследно; и, если в животных и стали признавать чувство, а до некоторой степени также

волю и рассудок, то все-таки при этом подразумевалось, что их психическая природа коренным образом отлична от человеческой, так что если некоторые их поступки и поражают своей целесообразностью, то, во всяком случае, они только в ограниченной степени являются следствием размышления, большей же частью составляют просто проявления слепого, бессознательного инстинкта. Несмотря на нападки, которые возбудила против себя эта новая гипотеза со стороны многих мыслителей XVIII в., особенно Вольтера, она весьма прочно укоренилась в науке и, благодаря особенно авторитету знаменитого Кювье, сделалась господствующей с начала нынешнего столетия. Человек считался существом, хотя и принадлежащим по своей физической организации к животным, но тем не менее настолько отличным от них, что даже по одним анатомическим своим признакам он должен быть отделен в особое царство, наряду с царствами животных, растений и минералов.

Таков был, в кратких чертах, исторический ход развития господствующих воззрений на человека и на его отношения к животному миру, — со времен классической древности до второй половины XIX столетия. Мы говорим господствующих, потому что с большими или меньшими вариациями в подробностях они принимались большинством мыслящих и образованных людей своего времени, — хотя появлялись по временам личности, которые высказывали и иные мнения, далеко не отводящие человеку такого исключительного места в природе и понимающие несколько иначе его психические преимущества. Но в большинстве случаев, эти мнения были, так сказать, уже исключительными явлениями: они возбуждали мало сочувствия, проходили бесследно или принимались только известным кружком мыслителей. Были, правда, эпохи, когда эти мнения получали большее распространение, когда они развивались и разделялись большинством передовых мыслителей, когда они готовились, по-видимому, сделаться преобладающими; но такое преобладание продолжалось, однако же, относительно весьма недолго, наступал период реакции, и мыслящее человечество снова возвращалось к своим прежним теориям и воззрениям, только несколько исправив и видоизменив их, сообразно необходимым требованиям времени.

Тем не менее, мнения таких отдельных личностей, школ или эпох, представляют значительный интерес с точки зрения истории культуры, так как они показывают, что мысль о возможности происхождения человека от животных и об однородности их

физической и психической природы, никогда не могла совершенно исчезнуть в мыслящем человечестве, — даже в эпохи, наименее, по-видимому, благоприятствовавшие таким воззрениям. Так, мы встречаем эту мысль еще в период классической древности, — у Анаксагора, который полагал, что человек, путем различных метаморфоз, мог произойти от рыбы или вообще какого-то водного животного. С другой стороны, если большинство древних философов и признавало, что психическая природа человека существенно отлична от природы животных, и что человек один только обладает разумом или духом, совершенно отличным по своей природе и происхождению от его материального субстрата, — то были и такие мыслители, которые допускали в этом случае только количественное, а не качественное различие и полагали, что психический агент есть только орган тела, неразрывно связанный с существованием последнего. По воззрениям Анаксагора, Демокрита и других философов, животные, по крайней мере, высшие, обладают также умом, и что если он не проявляется у них в таких же разумных действиях как у человека, то это зависит от порочного сложения их тела, изобилия в нем влажности, а главное, отсутствия речи. У одного из ново-платоников, Порфирия, жившего в III веке по Р. Х., мы встречаем мнение, что животные обладают не только чувствами и памятью, но и разумом, отличающимся от человеческого не по существу, а только по степени (non essentia sed gradu). Наконец, у Секста Эмпирика, (II в. по Р. Х.) мы встречаем даже положение, что не существует никакого признака, на основании которого можно было бы провести резкое различие между человеком и другими животными.

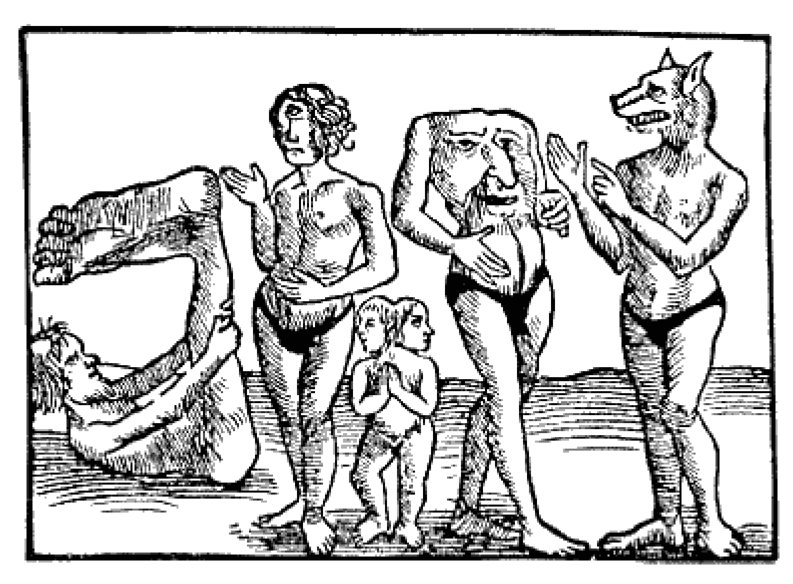
Подобные же мнения мы встречаем у некоторых Христианских писателей первых веков по Р. Х. Так, Арнобий (III в. по Р. Х.), рассуждая о сходстве природы животных с природой человека, задает вопрос: в чем же состоит отличие человека и какие такие имеет он преимущества, которые бы могли отвратить нас от мысли причислить его к числу животных? И затем проводит полную параллель между отправлениями и способностями, (как они тогда понимались), животных и человека. Другой писатель конца III — начала IV века, Лактанций, выражает мнение, что главное и даже единственное отличие человека заключается в религиозности, в способности понимать или воспринимать религию; все же прочие особенности человеческой природы замечаются, хотя и не в той же степени развития, и у животных. Такое мнение, очевидно, поддерживалось убеждением, высказанным еще Цицероном и Плутархом, что не

существует ни одного народа, как бы ни был он дик и необразован, который бы не имел понятия о богах и о необходимости религии. Заметим, впрочем, что один древний философ, Ксенократ Карфагенский, полагал, что некоторое понятие о религии имеют и высшие животные; нечто подобное же допускали, по-видимому, и Иезуиты, как то можно судить по книге, изданной в Лилле в 1672 г.

Что касается собственно до происхождения человека, то, хотя в средние века догмат о происхождении всех людей от Адама (или одной протопласты, как выражались в то время) и стоял непоколебимо, так что схоластикам оставалось только рассуждать о том, сколько ребер было у Адама, какого он был роста, на каком языке говорил, и где находился тот земной рай, из которого он был изгнан после своего грехопадения, — однако, к XVI веку мы уже встречаем мыслителей (Джордано Бруно, Парацельс, Исаак Пейрере), которые доказывают, что происхождение Негров и Индейцев должно было быть существенно отличным от происхождения белой расы. От одного писателя начала XVII столетия, Ванини, мы узнаем о существовании в то время «атеистов», которые думали, что первые люди получили свое начало из земли, пришедшей в состояние гниения от разложения в ней трупов обезьян, свиней и лягушек, чем они и пытались объяснить то сходство, которое, по их мнению, существует между строением и склонностями этих животных и человека. Другие атеисты полагали, что одни только Эфиопы (Негры) произошли от животных, именно от обезьян, потому что будто бы один и тот же градус теплоты (?) существует в обоих. «Атеисты кричат нам постоянно, — говорит Ванини, — что первые люди ходили на четвереньках как животные, и что только благодаря воспитанию они изменили эту привычку, к которой, впрочем, снова возвращаются, — в дряхлой старости». — Были и такие личности, которые полагали возможным провести генеалогию человека до рыб; так Скалигер упоминает о мнении одного «мудреца», по которому человек, через посредство Каннибалов, Финнов, Пезиоров, Пигмеев, Эфиопов находится в родстве с некоторыми породами обезьян, а через них и с другими животными, до рыб включительно. Ходячие предания и рассказы того времени о баснословных животных и фантастических племенах — уродах, существах, в которых природа человека была смешана с животной, придавала таким и подобным им гипотезам некоторую долю вероятности в глазах современников. Не верить же совершенно таким рассказам было трудно; их разделяли знаменитейшие ученые своего времени, каковы, например, Исидор

Севильский и Рожер Бэкон, почерпавшие их в свою очередь из сочинений древних географов и историков — Геродота, Элиана, Страбона, Плиния и др., которые, впрочем, приводили их большей частью только как местные рассказы и слухи, часто указывая на их неправдоподобность. В числе этих баснословных существ были целые племена людей без головы со ртом и глазами промеж плечей, или безглазых, — безротых, — об одой ноге, (вроде гусиной, под тенью которой они могли удобно скрываться от лучей солнца, как под зонтиком), — людей с извращенными, т. е. обращенными назад ступнями, — безносых, — хвостатых, — с ушами до того длинными, что ими можно было закрывать всё тело, как плащом, — спящих зимой и бодрствующих летом, и т. д. Ученые люди рассказывали, что на севере, в стране Магог, живут люди до того маленькие, что самые рослые из них не достигают трех пядей; кожа их покрыта густой шерстью, и они имеют большие, висячие уши. Подобные же, мохнатые пигмеи принимались существующими в Африке и других местах. С другой стороны, с открытием Америки, южной Африки, тропической Азии стали распространяться слухи о существовании там целых наций великанов, рост которых почти вдвое больше обыкновенного, именно до 11 футов, (Патагонцы), нации гермафродитов (во Флориде), людей с хвостами (в королевстве Ламбри по Марко Поло, в различных частях Америки и пр.), людей, которые не говорят, а шипят, щелкают, или клохчут как индейки и т. д. Выше мы уже упоминали, что циноцефалы считались за людей еще в IX столетии по Р. Х.; здесь прибавим, что известный средневековый путешественник Марко Поло, говоря о жителях Андаманских островов, описывает их как жестоких людоедов с собачьим головами. Несколько позже, Кирхер упоминает даже о людях с птичьими головами; другие толковали о человекоподобных рыбах (морских людях), даже человекоподобных грибах и пр. Большинство тогдашних ученых было убеждено, что человек может скрещиваться с животными и производить более или менее уродливые помеси; сохранились даже описания и изображения нескольких таких уродов — диких, человекоподобных существ, с длинными ушами или рогами, мохнатых, ходящих на четвереньках и т. д. Одно из таких существ, найденное будто бы в 1530 г. в лесах Эпископа Зальцбургского, имело, судя по рисунку, туловище, руки и ноги как у человека, но на голове у него был мясистый гребень как у петуха, пара козлиных рожек и уши — длинные и острые как у осла. На шее у него было три кожистых мешка, доходивших до средины груди и

прикрытых огромной бородой, которая напереди заворачивалась кверху и оканчивалась на одном уровне с носом. Всё тело было покрыто густыми, длинными волосами, а сзади оканчивалось хвостом, похожим по своей форме на волчий. Вместо кистей у него были четырехпалые лапы, а ступни по своей форме напоминали лапы хамелеона.

Мало-помалу, с возрождением и развитием наук, особенно Анатомии, Зоографии и Этнографии, этот хаос понятий стал, конечно, несколько проясняться. В XV столетии Газа и Барбарус впервые знакомят мыслящее человечество в полных переводах с сочинениями Аристотеля, Теофраста, Плиния и других древних натуралистов. В XVI столетии Везалий, Евстахий, Фаллопий, Фабриций де Аквапенденте и др. полагают уже прочные основания анатомии человеческого тела и делают первую научную попытку объяснить его отправления и развитие. В то же время Гесснер, Алдрованди, Северино и др. собирают в одно целое все накопившиеся сведения об известных тогда животных и пытаются дополнить сравнительно-анатомические факты, добытые в особенности Аристотелем, своими собственными наблюдениями. Наконец, морские путешествия Испанцев, Португальцев, Голландцев — знакомят со множеством новых животных и человеческих племен, всё более и более расширяя пределы известного тогда света. Всё это не могло не привести к критике, принимаемых до того времени на веру, баснословных рассказов, не могло не убедить в наивности и преувеличенности, по

крайней мере, многих из них. Тем не менее, это убеждение явилось не разом; человечество не вдруг освобождалось от тех воззрений, в которых оно воспиталось, с которыми оно успело уже свыкнуться. Некоторые ученые (как напр. Рабенер) пытались еще отстоять баснословные племена Геродота, основываясь на подобных же рассказах более новейших путешественников, Мериана, Шмиделя и др. Другие, как Гуго Гроциус, находя баснословными большую часть этих уродов, допускали однако же возможность действительного существования для некоторых из них — напр. безголовых людей с лицом и глазами на груди. В особенности долго не могло искорениться убеждение о возможности помесей между людьми и животными и о существовании диких и «сомнительных» людей, переходных форм, в которых человеческий вид был смешан с животным (dubii homines, in quibus forma humana et brutina mista fertur, как выражается Зелигман в своей диссертации 1679 г.). Можно сказать даже, что в конце XVII и начале XVIII столетия это убеждение получило большую вероятность и распространение, чем когда-либо прежде, что отчасти понятно, так как в это время стали получаться первые более подробные известия о высших человекоподобных обезьянах и многих первобытных племенах человечества. А какого рода часто были эти известия, можно судить по следующим примерам. Путешественник Николай Коппинг, Швед по происхождению, лейтенант корабля, описывает, что во время своего путешествия в Восточную Индию, он имел возможность познакомиться на одном из островов с весьма замечательным племенем хвостатых людей. Это были страшные существа, наполовину черные, бегавшие на четвереньках как кошки и снабженные кошачьим хвостом. «Когда мы приблизились к берегу, они подъехали к нашему судну на лодках и стали предлагать нам в обмен на железные вещи раков и попугаев, когда же они увидели, что никто не хочет торговать с ними, они тотчас же передушили своих попугаев и стали пожирать их сырьем, в нашем присутствии. Под конец их собралось столько, что мы начали опасаться враждебного действия с их стороны, и с целью предупредить его дали залп из пушек, что заставило многих из них тотчас же пуститься в бегство. Но другие были смелее, подошли к нам ближе без всякого страха и стали обшаривать все углы корабля с целью поживиться железными вещами. Между тем наш рулевой, желая исследовать, нет ли в их стране чего-нибудь съестного, взял с собой 5 своих товарищей и отправился к берегу на лодке. Всю ночь ждали мы их возвращения,

наконец, капитан потерял терпение и рано утром послал другую лодку со многими людьми (в том числе и я) и двумя пушками. Когда мы подъехали к берегу, вытащили пушки и дали два залпа, все эти хвостатые люди бросились бежать в лес. Мы начали осматривать берег и нашли остатки лодки, разбитой на мельчайшие куски; затем мы заметили небольшой дымок на холме, куда тотчас и отправились. Но там мы нашли одни только кости наших друзей, мясо которых было, очевидно, пожарено этими кровожадными чудовищами. Так мы и возвратились, пораженные ужасом и горем, на наш корабль, где и передали остальным товарищам всё, что мы видели на берегу». Другие путешественники находили подобных же хвостатых людей на острове Формозе, на Филиппинских и Молуккских островах, в Китае, Бразилии, Африке, даже в России, а по Де-Маллье (1748) они встречались, и даже довольно часто, в Англии и Ирландии. Обыкновенно хвост этот был небольшой, от 4 до 5 дюймов, голый или покрытый волосами, иногда похожий на воловий или даже длиннее, вроде, например, как на прилагаемом рисунке, представляющем уменьшенную копию старинного рисунка Геснера. Не менее интересны были известия о племенах троглодитов или «ночных людей», найденных многими путешественниками в Центральной Америке, в Африке, на островах Малайского Архипелага и т. д., и отличавшихся белым как мел цветом кожи, белыми как лен волосами на голове, иногда длинными, иногда короткими и шерстистыми, и красными или золотистыми глазами. Они не могли выносить дневного света, глаза их слезились, и они выходили из своих убежищ (пещер) только ночью. Роста они были маленького, уши имели длинные, лицо их было заросшим волосами (Wafer 1704 г.), а Малайские троглодиты отличались еще, кроме того, тем, что руки у них достигали до колен, походка была весьма своеобразна, а глаза были снабжены третьим веком или мигательной перепонкой. Язык их был совершенно особенный и состоял из ряда неподражаемых, свистящих звуков; в свою очередь, они были положительно неспособны выучиваться языку других людей, за исключением разве только односложных, утвердительных и отрицательных частиц.

Еще более диковинные вещи рассказывались в то время путешественниками об антропоморфных обезьянах. По словам Баттеля (Purchas) «понго», водящиеся в стране Лоанго (в зап. Африке) совершенно похожи на человека и отличаются от него только большим ростом и силой, изобилием волос на теле и еще тем, что у них не замечается икр и пяток на ногах. Они ходят прямо, на двух

ногах, как и люди, дерутся палками, утаскивают к себе детей и женщин, строят хижины на деревьях и хоронят своих мертвых, набрасывая над ними кучи хвороста. Подобные же известия шли из Вост. Индии, откуда Бонциус, врач, живший долгое время в Батавии, на острове Яве, сообщал (1658), что на Борнео водятся существа («сатиры», как он называет их), до того похожие на человека как своим внешним видом, так и своими манерами, что им недостает только дара слова, для того, чтобы быть настоящими людьми. Бонциус уверяет, что он сам видел самку, которая была чрезвычайно стыдлива, совестилась когда на нее пристально смотрели, закрывала лицо руками, проливала слезы, горько вздыхала и т. д. Другой путешественник, Лекомт, рассказывал, что эти дикие люди Борнео до того похожи на настоящих, что если бы они могли говорить, то их нельзя было бы отличить от некоторых Африканских дикарей, которые сами едва разнятся от животных. Они ходят как люди, на двух ногах, и бегают так быстро, что догнать их стоит немалого труда. Тело их покрыто волосами, глаза впалые, вид дикий, лицо загорелое, но все черты лица правильные, хотя и загрубевшие от солнца.

В то время, как заморские путешественники сообщали о таких диковинках из тропических стран, в самой Европе то и дело оказывались случаи нахождения «диких людей», большей частью мальчиков и девочек, в лесах, часто в сообществе с медведями и волками, в среде которых они будто бы воспитывались с самого раннего своего детства. Из многих описаний таких уродцев (подобных случаев известно было десятка полтора) видно, что при всём различии в подробностях, они имели то общее, что были лишены дара слова, отличались волосатостью, ходили часто на четвереньках, ловко лазили по деревьями, следовательно, так замечает Линней, «были более сходны с животными и обезьянами, чем эти последние между собой, откуда следует, что между ними и обезьянами с трудом может быть отыскано различие». В самом деле, если бы мы, основываясь только на таких и подобных им известиях и рассказах, принятых за достоверные, пожелали бы составить себе более определенное понятие о границах между человечеством и животным миром, то нам по необходимости пришлось бы прийти к заключению, что или, как думал Ж. Ж. Руссо, все эти оранг-утанги, Понго и т. д. были отнесены к животным только по ошибке невежественных путешественников, а при более тщательном изучении окажутся вероятно настоящими людьми или же, как полагал Линней, что не существует никакого признака для отличия человека от обезьяны, так как оба эти типа

соединены между собой целым рядом промежуточных, антропоморфных существ — диких людей, пигмеев, сатиров, хвостатых людей, троглодитов. Заметим, впрочем, что в глазах Линнея близкое сходство видов не предполагало еще непременно родства между ними, так как по его теории каждый вид (по крайней мере — животных) был создан отдельно и все оставались неизменными с самого начала своего существования. С другой стороны, сближая человека с обезьянами, Линней оговаривался, что он поступает так только с зоологической точки зрения; в отношении же духовной природы он вполне де признает высокое превосходство человека над прочими животными. Тем не менее, даже с зоологической точки зрения, может показаться странным, каким образом Линней, такой всеобъемлющий ученый своего времени, не мог отыскать никакого отличительного признака между человеком и обезьянами, смешивал альбиносов с орангутангами и придавал веру всем ходящим в то время рассказам о баснословных антропоморфных существах. Отчасти это можно объяснить тем, что Линней сам не видал ни одной человекоподобной обезьяны и принужден был судить только по описаниям других; но все-таки непонятно, почему он не обратил, например, никакого внимания на исследования английского анатома Тизона (Tyson), который еще за несколько десятков лет до Линнея, в конце XVII столетия, издал подробное и прекрасное по своему времени анатомическое описание Чимпанзе (или Пигмея, как он называет его), с приложением и критического разбора всех древних и новых известий об антропоморфных существах, как действительных, так и мнимых (Оранг-утане, Пигмеях, Сатирах и проч.). Как бы то ни было, только такие взгляды и промахи Линнея не прошли без того, чтобы не вызвать сильных нападок со стороны многих из современных ему ученых, одни из которых недоумевали, каким образом мог он доверять рассказам о хвостатых людях, другие удивлялись, как он не мог отличить альбиносов от оранг-утана, третьи, наконец, указывали на важные анатомические и психические отличия обезьян, даже наиболее высших, от человека. Живые экземпляры Оранга и Чимпанзе, доставленные около этого времени в Европу, способствовали еще более ограничению и опровержению Линнеевских воззрений, доставив возможность ознакомиться подробнее с особенностями внешнего вида и анатомического строения этих видов. Мало-помалу — в особенности после работ Добантона, Кампера, Блуменбаха и др., различие взяло такой верх над сходством, что почти все зоологи пришли к убеждению в

несуществовании вовсе переходных форм между человеком и обезьянами. Утвердилось мнение, что все эти рассказы о хвостатых людях, сатирах и пр. чистая выдумка, что наиболее человекоподобные существа, оранг и чимпанзе, во всех существенных чертах своего строения остаются настоящими обезьянами и резко отличаются от человека устройством своих задних конечностей, (имеющих более сходства с руками, чем с ногами), неспособностью к вертикальному хождению, отсутствием речи и многими важными морфологическими и анатомическими признаками, что даже с одной только зоологической точки зрения обезьян, (в том числе и антропоморфных), начали отделять в особый отряд «четырех-руких» (Quadrumana), в отличие от двуруких (Bimana) или человека, производить которого от обезьяны (в особенности при том понятии, которое стало утверждаться тогда относительно постоянства видов), сделалось почти немыслимым. Впрочем, такие воззрения начали укореняться прочно не ранее конца прошедшего столетия или даже начала нынешнего, ранее же мнения относительного этого предмета далеко не представляли такой определенности, не только в массе публики, но даже и между передовыми учеными и мыслителями. Мысль, что человек мог произойти от животного, и что обезьяны, в особенности антропоморфные, могут считаться его ближайшими родичами, казалась еще весьма естественной для многих — в тот век, когда монистические теории и материалистические воззрения пользовались весьма значительным распространением и популярностью. Здесь было бы неуместным, конечно, говорить подробно о том, в чем состояла сущность этих воззрений и как они могли возникнуть и распространиться в тогдашнем обществе. Заметим, впрочем, что уже в XVI столетии начинали появляться личности, особенно в Италии, как, например, Помпонаций, Забарелла и др., которые с научной точки зрения стали высказывать сомнение в том, может ли психический агент существовать и действовать независимо от тела.

В XVII веке этот скептицизм начинает распространяться и усиливаться, переходя мало-помалу в более или менее полное отрицание многих из господствовавших до того времени идеальных и мистических воззрений. В 1641 г. Декарт доказывает уже, что все явления природы, без различия органического мира от неорганического, происходят по определенным, механическим законам, вследствие передачи движения от одних тел другим; этим воззрением разом устранялись все допускаемые до того времени

мистические объяснения природы и проводилась мысль, что порядок явлений, законы природы не могут быть никогда нарушены. Доказывая такую механичность внешней природы, Декарт принимал, однако, что дух, (обладание которым он из всех земных существ приписывал одному человеку), есть субстанция, отличная от прочей природы, противоположная ей и стоящая таким образом вне действия ее механических законов. Однако уже современник и антагонист Декарта, Гассенди, возражал, что «не видно, почему бы телесная и мыслящая субстанция, при всём различии их понятий, не могли бы быть, в сущности, одним и тем же», а другой современник их обоих, Гоббс, доказывал, что ощущения человека суть не что иное, как движение или колебание частиц тела, обусловленные движениями внешних предметов, которые (т. е. движения) передаются через посредство воздуха органам чувств, а отсюда — мозгу и сердцу. Несколько позже Локк отвергает уже положительно существование у человека прирожденных идей и доказывает, что все они берут свое начало из ощущений, полученных чувствами и воспринятых внутренним сознанием; душа, по его понятиям, есть tabula rasa, на которой может быть изображено то или другое, более или менее, смотря по качеству и количеству тех впечатлений, которые получает человек, особенно в период своего детства и воспитания. Но если идеи обусловливаются ощущениями, а эти последние влиянием внешней природы на органы чувств, которые через посредство нервов находятся в соединении с мозгом, то отсюда уже легко можно было прийти к заключению, что образование идей совершается в тесной зависимости от мозга, этой «цитадели души, лаборатории разума», как его называет Гуе (род. 1630). Во всяком случае, в чем бы ни заключалась сущность психического агента, стало ясным, что различие между человеком и животным не может быть настолько значительным, как его понимал Декарт, допускавший гипотезу об автоматичности животных в противоположность двойственности природы у человека. Наблюдение показывало, что животные также обладают мозгом, нервами и органами чувств, как и человек, следовательно, они должны иметь и некоторый запас идей, обладать в известной степени разумом. Можно было, впрочем, предположить, что число идей у них незначительно, и что при своих поступках они руководятся не столько умом или размышлением, сколько простыми, бессознательными побуждениями. Однако и человек, как то доказывал Спиноза, не всегда может руководиться умом в своих действиях, не всегда может иметь власть над своими побуждениями;

при том и дух его не есть что-либо независимое от внешней природы, ибо наблюдение показывает, что человек так же не в силах сохранить здоровым свой ум, как и свое тело. Таким образом, оставалось одно из двух: или допустить, что животные имеют также душу, т. е. особую, независимую от тела психическую субстанцию, — воззрение, которого придерживались Лейбниц, Хр. Вольф и многие другие, преимущественно германские мыслители, или же, согласившись с Декартом относительно автоматичности животных, распространить это понятие и на человека, что действительно и сделали Де-Ламетри, Гольбах и др., преимущественно французские материалисты. Во всяком случае, как те, так и другие, пришли к выводу, что пропасть, отделяющая в психическом отношении животных от человека, не так глубока, как то принималось ранее, что это различие скорее количественное, нежели качественное, обусловленное в значительной мере воспитанием человека в продолжении многих поколений, а главное обладанием языка, который почти всеми мыслителями того времени от Гоббса и Локка до Ламетри и Блуменбаха рассматривался как человеческое изобретение, как способ, придуманный людьми для передачи друг другу своих мыслей с помощью условленных звуков. Некоторые мыслители высказывали даже мнение, что человек родится собственно животным, и что он становится человеком только с развитием речи и сознания, с воспитанием в среде человеческого общества; лишенный же речи и предоставленный самому себе, человек был бы диким существом, отличавшимся от прочих животных только некоторыми особенностями своей физической природы. Но эти физические отличия, в тот век, для многих, по крайней мере, не могли казаться особенно существенными. По закону непрерывности в природе, провозглашенному Лейбницем, мировой порядок образует непрерывный, постепенный ряд существ и явлений, и между различными степенями существ нет промежутков, нет скачков, а везде замечаются правильные, постепенные переходы (natura non facit saltum). Смотря издали, может казаться, что тела неорганические и органические, растения и животные, животные и человек, относятся между собой как противоположные полюсы; но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они составляют только соседние ступени, весьма тесно примыкающие одна к другой. Все существа могут быть распределены последовательно в форме цепи или лестницы, начиная от наименее совершенных и кончая наиболее организованными; и в 1744 г. Бонне действительно составляет такую лестницу, где отдельные классы существ соединены

между собой помощью переходных ступеней. В этой лестнице обезьяны, оранг-утан и «лесной человек» представляют соединительные ступени между четвероногими животными и человеком. Наконец, в 1725 г. Этьен Жофруа Сент-Илер уже выступает со своей теорией единства плана в строении животных и доказывает, что различные формы, в которых природа осуществила известные классы или отряды, могут быть произведены одни из других, что все различия, даже самые существенные, отдельных семейств одного класса происходят только от другого размещения, от постепенного осложнения или изменения тех же самых органов. Таким образом, выводы специалистов-зоологов вполне сошлись с заключениями психологов и философов, и общий результат был тот, что главнейшие черты организации и основной план строения животных и человека — настолько же сходны между собой, насколько сходны и общие основы их психических явлений, т. е. что различие в этом случае, как бы ни было оно значительно, есть различие степени, а не сущности.

Но этот вывод, (хотя на нем и остановилось большинство ученых, не считавших возможным и необходимым идти далее), невольно однако же мог навести других на мысль попытаться дать ему реальное объяснение, истолковать его действительной генетической связью. Мы видели уже, что некоторые попытки такого рода делались еще в XVII столетии, тем более встречаем мы их в XVIII и начале XIX веков, когда они являются чаще, открытее и принимают характер более или менее округленных теорий. В 1735 г. Демаллье в своем сочинении «Телльямед или беседы Индийского философа с французским миссионером» развивает мысль, что животные появлялись на земле постепенно, что сперва образовались морские животные, затем, с увеличением суши, из них развились земноводные, и, наконец, от этих произошли наземные. Человек, по его понятиям, также явился из моря, и Демаллье приводит множество самых невероятных и фантастических рассказов всех времен о различных человекоподобных водяных существах, «морских людях», несколько экземпляров которых было поймано будто бы живьем в различное время моряками в открытом море. Как ни странной казалась бы такая теория о происхождении человека из моря, однако, с различными вариациями, мы встречаем ее у многих мыслителей, даже в относительно весьма неотдаленное от нас время. Так, например, ее принимал в тридцатых годах нашего столетия известный натурфилософ Окен, по мнению которого человек, как и все прочие

животные, получил начало из морской слизи, из первобытного, свойственного соленой морской воде живого вещества, образующегося постоянно в тех частях моря, где вода приходит в соприкосновение с землей и воздухом, то есть около берегов. Причина же, почему в настоящее время не образуются таким образом люди и животные, Окен объяснял тем, что для этой цели необходимы известный состав воды, известное количество теплоты и известное качество и количество света — условия, которые довольно редко могут быть совмещены одновременно, на одной и той же местности. Другой, более новейший пример подобной же теории, представляет гипотеза известного зоолога-систематика Фитцингера (члена Венской Академии наук), который не далее, как в 1872 году, старался доказать, что первоначальные органические споры, клетки, семена или яйца произошли подобным же образом, как и теперь еще образуются кристаллы неорганических тел, т. е. путем осаждения частиц из жидкой, полужидкой или твердой первобытной массы, насыщенной элементами органической материи. Желтка и белка в этих первоначальных яйцах, говорит он, конечно, должно было быть значительно больше, чем в тех, которые стали производиться позже в телах животных, так как существа, которые развивались из них, не имея возможности найти для себя в окружающей природе достаточной пищи, должны были находиться в яйце и питаться его содержанием до тех пор, покуда они не достигали полного развития.

Гораздо чаще, однако, как уже сказано, мы встречаемся с мыслью, что человек произошел от высших форм млекопитающих животных и что ближайшие его родичи — суть антропоморфные представители отряда приматов или четырехруких. Так мы встречаем эту мысль у Итальянца Москати (1770) и Голландца Шраге, которые доказывали, что хождение на двух ногах не составляет прирожденной способности человека, так как некогда-де человек ходил на четвереньках, как и обезьяна; у Джемса Бёрнета, который принимал, что оранг-утан принадлежит к одному виду с человеком, с которым он сходен не только по своей физической организации, но и своей духовной природе, по обладанию значительной долей «гуманности»; у Лорда Монбоддо, который предполагает, что человек находился некогда на той же ступени развития, как и оранг-утан, и который в то же время считал анропоморфных обезьян Зап. Африки (Чимпанзе), за особую нацию «диких людей»; у Деламетри и Бори де Сент-Венсана, которые думали, что если бы дать Чимпанзе или Орангу надлежащее образование, воспитывать их с раннего детства в среде образованных

людей, в особенности, если бы можно было продолжить это воспитание в продолжении нескольких поколений, то, по всей вероятности, умственные способности их достигли бы того же уровня, как и у человека, и они, несомненно, получили бы дар слова. Подобные же мысли мы встречаем также у Вирея, Гердера, Канта, Эт. Жофруа Сент-Илера и многих других. Никто, однако же, не изложил их с такой ясностью и подробностью, как знаменитый французский зоолог Ж. Б. Ламарк, который в своей известной «Философии зоологии» (1809), выразил мнение, что «если бы человек не отличался от животных ничем другим, кроме особенностей своей организации, и если бы мы не знали, что происхождение его совершенно иное, — то можно было бы доказать, что все отличительные признаки его организации суть не что иное, как результаты изменений в его повадках, последовавших в древние времена и привычек, которые он приобрел мало-помалу и которые сделались характеристичными для всех особей его вида». Такое убеждение являлось у Ламарка как выводы из его общей теории о происхождении видов, в которой он старался показать, что все признаки, отличающие различные виды животных, образовались не разом, а постепенно, вследствие последовательных изменений в строении и отправлениях органов, обусловленных их большим или меньшим употреблением; что, в свою очередь, было вызвано изменением привычек или повадок, соответственно появлению новых требований со стороны окружающих условий. Так как, по мнению Ламарка, из всех животных наиболее совершенным и близким к человеку по своей организации, должен считаться Чимпанзе, то Ламарк и пришел к заключению, что этот вид обезьян всего скорее мог бы считаться нашим прародичем, некоторые потомки которого, оставляя мало-помалу, вследствие стечения обстоятельств, свою привычку лазить по деревьям и употреблять ноги вместо рук, приучались ходить по земле, держаться вертикально и употреблять свои задние конечности исключительно для хождения, что, в совокупности, вызвав новые потребности, привычки и изменения органов, содействовало вместе с тем развитию умственных способностей и в конце концов обусловило происхождение человека со всеми особенностями его физической и психической природы.

Эта теория Ламарка, несмотря на то, что она представляла гораздо более научный вид, чем все прежние гипотезы и фантазии в том же роде, обратила на себя, однако же, весьма мало внимания; можно сказать даже, что она прошла совершенно бесследно в науке, не

вызвав ни достаточно основательных возражений, ни исследований, которые бы ее подтверждали и развивали далее. Большинство натуралистов, по примеру Кювье, ее совершенно игнорировало, а если некоторые и упоминали о ней вскользь, то только для того, по-видимому, чтобы выставить ее как пример научного заблуждения или чтобы поглумиться над ее, во всяком случае, далеко не дюжинным основателем. Отчасти такой факт может быть объяснен тем обстоятельством, что в это время материалистические воззрения XVIII века стали вообще вызывать против себя значительную реакцию, а с другой стороны тем, что в зоологии в это время, под влиянием авторитета Кювье, теория постоянства и неизменяемости видов приобрела в глазах ученых значение такой несомненной научной истины, что восставать против нее значило уронить себя в глазах всех специалистов.

Такое состояние вещей продолжалось всю первую половину нынешнего столетия до его шестидесятых годов. За описанием высших позвоночных животных наука обратилась к изучению низших, от описания наружного вида и образа жизни перешла к исследованию строения, развития, географического распространения и геологической последовательности. Мало-помалу количество фактов всё увеличивалось, материалу накоплялось всё больше и больше, списки животных беспрестанно пополнялись новыми видами. Незаметно и смутно стала сознаваться потребность обработать этот материал, обобщить отдельные факты, перейти от анализа к синтезу. Необходимость такого синтеза сознавалась многими натуралистами, но никто не решался выступить с новой теорией, ни у кого не хватало сил придать ей научную форму, подтвердить достаточным числом доказательств, установить необходимые законы. Наконец такой человек нашелся в лице английского натуралиста Дарвина, и созданная им теория происхождения видов, путем природной отборки родичей, оказалась настолько соответствующей потребностям времени, что не прошло и десятка лет со времени ее обнародования, как она была принята почти всеми известными натуралистами и сделалась исходной точкой для множества специальных работ, имеющих целью объяснить непонятные до того времени биологические факты или добиться разрешения некоторых весьма сложных антропологических вопросов.

Раз принятая в ее основных положениях, эта теория несомненно должна была привести к убеждению, что цепь, связывающая между собой узами родства все виды существующих и существовавших

некогда животных, не могут миновать человека, или, выражаясь проще, что особенности человеческой природы должны быть рассматриваемы как явления общего прогресса органического мира, как результаты естественного подбора, вырабатывавшиеся постепенно, в течение долгого периода времени. Это убеждение было неизбежно как дедуктивный вывод из теории Дарвина, и если сам Дарвин на первых порах и не счел нужным его высказать, то это сделали другие, а, наконец, и сам Дарвин решился выступить в его защиту и подтвердить несколькими новыми фактами и соображениями.

В том виде, в каком эта теория происхождения человека является в настоящее время, в сочинениях Дарвина, Гёксли, Геккеля, Фохта, Уоллеса, Клапареда и др., она представляет приблизительно следующее. Человек, по всем существенным особенностям своей физической организации, точно так же как и своего эмбрионального развития, принадлежит к группе одноутробных, дископлацентарных млекопитающих животных и именно к высшим ее представителям, отряду Приматов или обезьян. Это сходство в организации и развитии не может быть объяснено ни чем иным, как взаимным родством и действительной генетической связью, которая может быть прослежена далеко за пределы отряда Приматов, до двуутробок, рыб, асцидий, даже до наиболее простейших организмов — первобытных амёб или монер. Ближайшую же генетическую ступень представляют Приматы и именно семейство узконосых обезьян (Catarrhini) или обезьян старого света, которые представляют такое же число и расположение зубов, как и у человека и, подобно ему, обладают сходно устроенными ноздрями. Существуют некоторые факты, как напр. явления атавизма и так называемых зачаточных органов, на основании которых можно даже воссоздать до некоторой степени, в воображении, тип тех узконосых приматов, потомство которых послужило, так сказать, ареной для действий естественного подбора в его последовательном шествии к человеку. Это были, говорит Дарвин, животные, покрытые шерстью, с бородами у обоих полов; их уши были заострены кверху и имели способность двигаться; их туловище оканчивалось хвостом, управляемым особыми мышцами, которые теперь являются у человека только как случайные аномалии, но присутствие которых составляет норму у обезьян. Их нога, подобная обезьяньей, обладала способностью схватывать предметы, и по своему образу жизни это были, несомненно, животные лазающие, обитавшие в жаркой и лесистой стране. Наконец, самцы их были

снабжены большими, острыми клыками, которые составляли для них весьма существенное орудие защиты.

Так как антропоморфные обезьяны, Горилла, Чимпанзе, Оранг стоят всего ближе к человеку, как по своему внешнему виду, между прочим, величине роста, отсутствию хвоста и седалищных мозолей, так и по анатомическим способностям своего строения, и так как, с другой стороны, невероятно, чтобы какой-нибудь член более низшей группы обезьян, мог бы, по закону аналогичных изменений, произвести, помимо группы антропоморфных обезьян, человекоподобное существо, сходное в столь многих отношениях с последними, то необходимо допустить, говорит Дарвин, что генетическое развитие человеческого типа шло, так сказать, через посредство этой последней бесхвостой группы узконосых приматов (Catarrhina Lipocerca). Впрочем, мы отнюдь не должны предполагать, говорит он и его последователи, чтобы эти промежуточные ступени были тождественны с которым-либо из ныне существующих видов; мы должны помнить, что с тех пор протек громадный период времени, в продолжении которого большая часть существовавших некогда форм вымерла, и место их заступили другие, хотя и происшедшие от них же, но уже значительно преобразованные действием естественного подбора. Притом, многие психические особенности человеческой природы заставляют предположить, что эти древние, промежуточные существа уже тогда отличались развитием своих духовных способностей, гораздо более высоким, чем у какого-либо из ныне живущих обезьян, точно так же, как и обладанием некоторой, хотя бы и весьма несовершенной формы речи. Так, по крайней мере, думает Дарвин; но другие натуралисты, как, например, Геккель и Уоллес, полагают, что, наоборот, человек получил все главнейшие отличительные признаки своей физической организации ранее развития многих из своих духовных способностей, в особенности дара слова и связанных с ним высшего самосознания и образования понятий; так что, следовательно, некоторый период времени человек, хотя и имел вид человека, но был нем и по своему духовному развитию стоял почти наравне с обезьяной (Alalus, Pithecantropos Haeck). Затем, мало-помалу он развил в себе способность речи, научился простейшим ремеслам, как, например, изготовлению каменных и костяных орудий, глиняной посуды и пр., расширил несколько круг своих понятий и стал уже настоящим «первобытным человеком», особи которого уже тогда распадались на два типа или расы — гладко- и шерсто-волосых, из коих первая

походила к нынешним Австралийцам, а вторая напоминала в значительной степени Папуасов. Причина, или вернее, процесс, обусловивший ряд этих изменений, был тот же, как и при образовании вообще органических видов, то есть заключался главным образом в естественном и половом подборе всех тех особей, которые оказывались способнейшими и счастливейшими в борьбе за существование и за самок, т. е. на стороне которых оказывалось наиболее шансов продлить свое существование и передать свои особенности большему числу потомства. Некоторое влияние могло иметь также большее или меньшее употребление известных органов, а также, хотя в весьма ограниченной степени, и прямое действие внешних условий.

Такова приблизительно сущность теории, развитой Дарвином и его последователями и разделяемой в настоящее время многими из наиболее известных современных зоологов и антропологов. Благодаря своей кажущейся простоте, наглядной и конкретной форме, она в короткое время получила значительное распространение и в массе публики, что отчасти весьма понятно и естественно. Сходство обезьян с человеком бросается в глаза каждому, а первобытные народы, как мы видели, не задумываются во многих случаях считать их непосредственными своими родичами; поэтому, нет ничего удивительного, что если является теория, которая на основании доводов науки развивает ту же мысль, что является смутно сама собой при первой попытке объяснить сходство между человеком и обезьяной, — что эта теория имеет все шансы сделаться общепринятой.

Другой вопрос, насколько она принимается публикой сознательно, — насколько распространены и как обширны те элементарные сведения, которые необходимы для правильной, объективной ее оценки, — насколько верны те понятия и как велик тот запас фактов, которые имеются в публике относительно особенностей типа обезьян в сравнении с типом человека, относительно видоизменений, представляемых обоими типами, особенно последним, на различных ступенях развития, пределов их изменчивости и пр., что всё необходимо для того, чтобы иметь возможность сколько-нибудь ориентироваться в данном вопросе и составить хотя бы приблизительное понятие о степени достоверности теории как в ее основной мысли, так и в ее отдельных доводах и выводах. С этой точки зрения нельзя не согласиться, что многие из ходящих до настоящего времени в публике антропологических

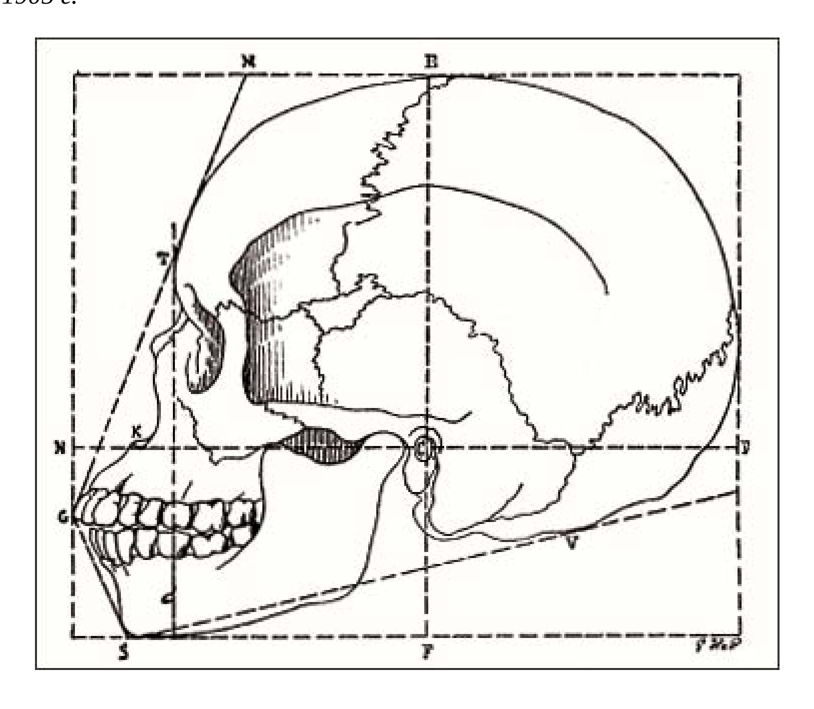
понятий — довольно смутны и сбивчивы, а частью — даже положительно неверны и преувеличены. С другой стороны, и самая теория, по крайней мере в том виде, как она излагается перед публикой в большинстве (преимущественно популярных) сочинений, страдает некоторой, часто весьма заметной, односторонностью. Большей частью при этом указываются с достаточной подробностью только те черты строения, которые могут считаться общими для обоих типов, и подбираются с заметным предпочтением только те факты, которые, как бы ни были они иногда маловажны или исключительны, могут быть объяснены в смысле благоприятном для теории; о различиях же говорится обыкновенно кратко и глухо, затруднительные факты обходятся, другие же, сознательно или бессознательно, иногда явно преувеличиваются и искажаются. Между тем, позволительно думать, что в вопросе настолько сложном и важном по своим выводам, как вопрос о происхождении человека, необходима значительная доля осторожности, что имеющиеся факты должны быть принимаемы все как они есть, и гипотеза, синтез — должны быть допущены лишь настолько, насколько они непосредственно вытекают из фактов и не более, хотя общий вывод и мог бы заметно пострадать оттого в своей законченности и конкретности. На первом плане должно стоять, конечно, по возможности популярное и обстоятельное ознакомление с самими фактами, с состоянием вопроса и с материалами, имеющимися для его разрешения, и в этом отношении всякая попытка содействовать возможно наглядному ознакомлению с имеющимися в науке данными может считаться до некоторой степени оправданной, в особенности, если изложение имеет задачей сохранить возможно объективный характер.

А такую цель и имеет в виду настоящая статья, которая может быть рассматриваема как пробный пример подобной попытки.

Расы Европы

А. А. Ивановский

«Русский Антропологический Журнал» №№ 3–4
1905 г.

Известный французский антрополог, президент Парижского Антропологического Общества И. Деникер в своих трудах не раз касался вопроса о расах Европы (см. его «Les races europeennes» «Les rases de L'Europe. I. L'indice cephalique en Europe», «Les races et les peoples de la terre» и др.) В статье, название которой приведено выше, автор, пользуясь многочисленными антропологическими исследованиями, появившимися в печати за последние годы, дополняет, а местами и исправляет свою прежнюю антропологическую классификацию населения Европы.

Из четырех больших кефалометрических областей, установленных автором в своих прежних трудах, три и теперь остаются почти без всяких изменений в тех же границах, а именно: долихоцефальная область с примесью мезоцефалии — на северо-западе Европы, область долихоцефалии — на юго-западе Европы и в восточной части Балканского полуострова и, наконец, область очень брахицефальная — в центре Западной Европы и в западной части Балканского полуострова. Что же касается четвертой области, суббрахицефальной, в восточной части Европы, то относительно ее теперь довольно определенно можно сказать, что она занимает внутреннюю часть западной России, русское и прусское побережье Балтийского моря, между тем как Польша занята мезоцефалами и славянские народности восточной России относятся также к мезоцефальным. Таким образом прежняя четвертая область подразделяется теперь еще на три новых: суббрахицефальную в центре и две мезоцефальных к западу и востоку

от этой последней, и, следовательно, вместо прежних четырех кефалометрических областей Деникер устанавливает теперь шесть. Географическое распределение их таково:

1-я область (долихоцефальная с примесью мезоцефалии) охватывает Британские острова и Скандинавию, за исключением побережья северной части Северного моря, где долихоцефалия сменяется мезоцефалией и даже суббрахицефалией. Эта область простирается также почти по всему южному берегу Северного моря, по Голландии (где, однако, встречаются островки и суббрахицефалии) и по Германии. Северный берег Па-де-Кале и западное побережье Балтийского моря относятся к этой же области в Нормандии, по юго-западному берегу Финляндии (шведское население) и между западными финнами (эсты и ливы). Народности, принадлежащие к рассматриваемой 1-ой области, отличаются от народностей южной Европы (2-ая область) не только более умеренным головным указателем (от 76 до 79), но также и некоторыми другими признаками: высоким ростом, светлой пигментацией и пр.

2-я область (долихоцефальная) занимает Пиренейский полуостров, южную Италию, острова, лежащие в западной части Средиземного моря, и изолированными пятнами встречается в области между Пиренеями и Гаронной (древ. Аквитания) и на побережьях Лионского и Генуэского заливов. Затем она наблюдается в восточной части Балканского полуострова: в Болгарии (на севере смешанно с мезоцефалами), в восточных частях Македонии и Греции и, быть может, в Нижне-Дунайской низменности, в Румынии. Она занимает также почти всё Закавказье. Народности, входящие в эту область, — чистые долихоцефалы (с головным указателем от 73 до 78), по большей части брюнетические и высокого или среднего роста.

3-я область (очень брахицефальная, с головным указателем от 84 до 88) представляется на карте в виде огромного треугольника, вершина которого, несколько усеченная, упирается в область басков, а основание лежит около 10-го градуса долготы (от Гринвича), между Тюрингенскими горами на севере (близ Эрфурта) и той точкой на юге, где Апеннины наиболее близко подходят к Адриатическому морю (у Анконы). Эта треугольная область, прерываемая местами мезоцефальными островками (в Баварии, Верхней Италии), отделяет от себя к востоку две ветви, очень брахицефальных, из которых одна покрывает собой Богемию, Карпаты и Трансильванию, тогда как другая направляется на юго-восток, захватывая собой Венецианскую область, Славонию-Кроацию, Боснию, Далмацию, восточную

Македонию и, вероятно, Сербию и Албанию, так как ее осколки были находимы вплоть до западной Болгарии и западной Греции. Между этими двумя ветвями, северо-восточной и юго-восточной, находится область, которая в антропологическом отношении не была еще исследована, за исключением ее западной части (немецкая Австрия). Здесь констатировано существование суббрахицефальной зоны (головной указатель 82–83), которая клином (острый угол его приходится около Инсбрука) врезывается в брахицефальный треугольник и до некоторой степени указывает на первоначальное направление двух вышеупомянутых его ветвей. Эта зона ограничена на севере приблизительно течением Дуная, а на юге — верхним течением Дравы; в ней попадаются и мезоцефальные пятна (в Каринтии, в Нижней Австрии и пр.).

К этим трем областям Западной Европы и Балканского полуострова необходимо присоединить еще три краниологических области в России, которые в дальнейшем изложении будут называться 4-й, 5-й и 6-й областями.

4-я область (мезоцефальная) занимает всё побережье Балтийского моря, простираясь приблизительно от 64-го градуса северной широты (в Финляндии) до Данцига и продолжаясь, вероятно, далее, до устья Одера (в Пруссии). Она проникает очень далеко внутрь Финляндии, где головной указатель постепенно увеличивается в направлении с юго-запада на северо-восток до суббрахицефалии между квенами Улеаборгской губернии и в населенной карелами восточной Финляндии. Она проникает также очень далеко в западную Польшу (к западу от Вислы). Что касается остальной России, то то слабое повышение поверхности (от 200 до 500 метров высоты), которое протянулось по средине России с севера на юг, от Валдайских холмов до Харькова (50° с. ш.) и которое служит водоразделом между бассейнами Волги, Западной Двины, Днепра и Дона, является естественной границей между суббрахицефалами на западе и мезоцефалами на востоке. Трудно сказать, какими краниологическими типами характеризуется сама средне-русская возвышенность, так как эта часть России очень мало исследована в антропологическом отношении; единственные местности, о которых имеются данные — это Тульский уезд (суббрахицефалия) и северная часть Курской губ. (суббрахи- и мезоцефалия). Как бы то ни было, но можно вполне определенно указать к западу от этой возвышенности огромную область суббрахицефалии (5-ая область Европы, 2-я России), с несколькими брахицефальными о островками на юге Псковской,

Новгородской и Тверской губерний, а также в области Пинских болот и в некоторых уездах центральной России. К востоку же от указанной возвышенности, в бассейнах рек Волги (за исключением Тверской губ.) и Дона, расположена мезоцефальная область (6-ая область Европы, 3-я России), в средине которой наблюдается довольно значительное число островков долихоцефальных или мезоцефальных финских народностей (вотяки, мордва, черемисы, зыряне и пр.) и суббрахицефальных островков тюркских народностей (волжских татар, чуваш, башкир и пр.). Крайний север России, может быть, населен наполовину представителями 1-ой (4-ой в Европе) области, наполовину — 2-ой. Для юга России данных нет. Настоящие брахицефалы вновь появляются на юго-восточной окраине России (киргизы) и в восточном Закавказье (лезгины, тюркские народности Кавказа и пр.).

Рассматривая рост населения Европы, автор находит, что высокорослые особи хорошо представлены на северо-западе континента. Всё население Британских островов (за исключением двух округов на западе Ирландии, где рост мал), Швеции, Норвегии (за исключением трех небольших округов с средним ростом в центре страны), северной Голландии, Шлезвиг-Голштинии, затем население полосы Прибалтийских губерний России — высокого роста. На юго-востоке континента есть также обширные области с высокорослым населением: Далмация, Босния, Герцеговина, Сербия, Албания, Македония и вся половина Кавказа.

Остальная Европа, за исключением некоторых стран (четырех или пяти округов в восточной Франции, Эльзас-Лотарингии, баварской Франконии, южной Баварии, северо-восточного Тироля, Нижней Австрии, Венецианской области, Истрии и трех округов на западе России), заселена народностями среднего или малого роста.

Средний рост группируется всюду по соседству с высоким ростом: в северо-восточной Франции, в романской Швейцарии, в Бельгии, на юге Голландии, в Дании и, вероятно, в Пруссии, за исключением, быть может, восточных провинций, Силезии и области вендов, где малый рост должен господствовать по сравнению с окружающими странами (русская Польша, Саксония, австрийская Силезия, северо-восточная Богемия). Средний рост является господствующим также в южной Германии (за исключением Шварцвальда и центра Баварии, занятых малым ростом), между ладинами в Швейцарии и Тироли, наконец, в Итальянских Альпах, в центральной Богемии, в Верхней Австрии, Каринтии, Штирии и Славонии-Кроации. На составленной

Деникером карте видно, что среднерослые народности соединяют северную высокорослую область (Голландия, Шлезвиг-Голштиния) с южной, занимающею северо-западную часть Балканского полуострова. Остальное пространство этого полуострова занято народностями среднего роста с несколькими островками высокого роста. Средний рост в Румынии уступает место низкому только в юго-восточной Валахии и Молдавии.

Резкий контраст наблюдается между Балканским полуостровом, «страной высокого и очень высокого роста», и полуостровной Италией и Иберийским полуостровом, где господствует малый или очень малый рост.

Однако зону среднего роста (с несколькими высокорослыми островками) можно наблюдать на всем побережье Средиземного моря, начиная с Луккской провинции в Италии до Валенсии в Испании; она встречается далее, но уже более или менее фрагментарно, на океанических побережьях Испании, Португалии и Франции или по соседству с ними. Она занимает место атланто-средиземной расы Деникера. Наконец, среднерослость хорошо представлена в русском Прибалтийском крае; она продолжается затем на северо-востоке Финляндии, а также и на юге этой страны.

На западе, севере и востоке средне-русской возвышенности, а равно и на ней самой обитают народности низкого роста; таково же население Польши, Моравии и, вероятно, Силезии. Эта обширная область низкорослости соединяется узкими полосами с другими зонами, занятыми низким ростом: Молдавией, Венгрией, северной Штирией и центральной Баварией.

Эти малорослые народности, которых Деникер называет «восточными», отделены обширной областью высоко- и среднерослости от других малорослых народностей, которые занимают юго-западную половину Франции, верхнюю часть долины р. По в Италии, и центральную часть Швейцарии, с присоединением к ним еще нескольких местностей на северо-востоке Франции, в Бельгии и Шварцвальде. Деникер называет эти малорослые народности «западными» в отличие от «южных», от которых они отделены народностями высокого роста, занимающими Пиренеи и северные Апеннины. Область этой «южной малорослости», в центре которой встречаются многочисленные островки очень низкого роста (менее 1625 мм), покрывает собой весь Иберийский полуостров, за исключением прибрежной области, занятой среднерослыми, а также всю южную Италию (к югу от линии Рим-Анкона) и острова

Средиземного моря: Сицилию, Сардинию (наиболее низкий рост во всей Европе) и Корсику; но Балеарские острова должны быть исключены из этой области, — население их находится в родстве с каталонцами не только с лингвистической точки зрения, но и с точки зрения физических признаков (роста, головного указателя и пигментации). Границы этой «южной малорослости» почти совпадают с границами распространения иберо-островной расы Деникера.

По цвету глаз и волос населения Европы Деникер различает в последней три области или зоны: зону шатенов или переходную (от 17 до 30 % брюнетического типа, т. е. с темными волосами и темными глазами), зону блондинов (менее 17 % брюнетического типа) и зону брюнетов (более 30 % брюнетического типа). Крайние пределы 3 % в Швеции и 70 % — в южной Италии.

Эти зоны следуют одна за другой в направлении от севера (блондины) к югу (брюнеты), но границы их образуют очень извилистые линии, и иногда зона брюнетическая врезывается в зону блондинов (напр., около Люттиха, по берегам Днепра около Киева и в окрестностях Перми). Граница блондинов на севере не спускается ниже 50-й параллели в Германии и на западе русской Польши. Но к западу от Германии эта линия повышается, касаясь границы между Бельгией и Голландией и проходя через Утрехт и Роттердам на Британские острова, где она отделяет юго-западную часть Англии и страну галлов от остального королевства. На западе русской Польши пограничная линия блондинов делает крюк к северу, к тому месту, где Висла входит в пределы Пруссии, затем снова спускается к юго-востоку до реки Днепра и вниз по ней до города Черкассы, вновь поднимается по течению этой реки до впадения в нее Десны, идет по этой последней реке до ее верховьев с тем, чтобы направиться на север, к истокам Волги, а затем на восток, проходя около городов: Весьегонска, Вологды и Костромы. На высоте г. Кологрива линия образует дугу и направляется на юго-запад до Владимира, чтобы здесь снова повернуть на восток, к г. Вятке, и описать затем дугу по направлению к востоку, окружая города Пермь, Соликамск и Чердынь; наконец, она поворачивает на север, к Мезени.

Северная граница брюнетов образует также очень извилистую линию. Она начинается на полуострове Котантене, у Авранша, описывает затем кривую линию, проходящую через Орлеан, Париж, Кантен, Мож, Брюссель, и опускается к Люттиху; далее она идет на Мец, Нанси, Страсбург, Базель, Берн и следует вдоль французско-итальянской границы до Средиземного моря. Отсюда она идет вдоль

Лигурийских Альп, затем окружает страну озер Верхней Италии и поворачивает к северу, проходя через Ури и Цюрих до Констанцкого озера, откуда она следует в косвенном направлении на юго-восток, к Брегенцу и Ботцену, чтобы, идя подле западной границы Венецианской области, достигнуть Адриатического моря. Скрывшись здесь под морем, пограничная линия брюнетов снова появляется в Истрии, откуда она идет вдоль северной границы Кроации и проходит через Каринтию около Цилли до границ Венгрии. Ее крайнее протяжение к востоку может быть обозначено по большей части только проблематично. Она должна задеть южный берег Балатонского озера и пройти через Венгрию к востоку до Буковины; затем она должна спуститься к Днестру, затем к Днепру, подняться по этой реке, по ее левому берегу, к Киеву, пройти затем вблизи Харькова, Полтавы, Екатеринослава и направиться, наконец, на восток, к кочевьям астраханских калмыков. Отсюда пограничная линия идет на Кавказ, затем, перескочив через Каспийское море, направляется на север от мест, занятых киргизами, башкирами и татарами, и на восток от Волги, в область волжских финнов, чтобы приблизиться, наконец, около Перми к пограничной линии блондинов в России.

Страны, заключенные между двумя описанными линиями, заняты народностями смешанного типа или шатеновыми. Само собой разумеется, что в этой смешанной зоне встречаются острова светлого и в особенности брюнетического типа точно так же, как в каждой из двух вышерассмотренных зон можно встретить острова смешанного типа. Вот несколько относящихся сюда данных. Острова блондинов в зоне шатенов довольно редки: они наблюдаются на юге Англии, около Лемберга в Галиции и, наконец, на юге России (область, которая захватывает все целиком или частями губернии Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую, Астраханскую и, может быть, северную часть области Войска Донского). Средне-русская возвышенность на севере, юге и западе населена блондинами; на востоке же ее лежит область смешанного типа, где татары и финны-брюнеты живут смешанно с русскими и финнами-шатенами. Относительно же центра возвышенности нет данных; только Тульский уезд обозначается принадлежащим к светлому типу. Что касается брюнетических отростков в зоне шатенов, то хотя они и многочисленны, но все очень малы; главнейшие из них: Зальцбург, Каринтия. Лембергский округ, северо-западная часть Богемии в Австрии, территории, занятые народностями тюркского происхождения на востоке России, и др. Островки шатенов в зоне

блондинов встречаются исключительно только на Британских островах, а именно, в Шотландии и Ирландии. Напротив, страны, занятые шатенами в брюнетической области, довольно многочисленны в западной Европе; таковы: вся восточная часть Франции от Мезьера до Лиона, затем одно место в Италии (около Снеции), несколько местностей в северной Далмации, но они совсем не встречаются в России, где, впрочем, зона брюнетов изучена еще очень мало.

Присоединяя к данным о головном указателе, росте и цвете волос и глаз данные о других физических признаках: форме лица, носа, свойстве волос и пр., Деникер подразделяет всё население Европы на следующие расы:

1) Светловолосая раса, длинноголовая, очень высокого роста, которая может быть названа северной расой, так как ее представители живут почти исключительно на севере Европы. Характерные ее признаки: очень высокий рост (в среднем 173 см), светлые, иногда рыжеватые, волнистые волосы, светлые, по большей части голубые глаза, удлиненная, долихоцефалическая голова (головной указатель на живых — от 76 до 79), розовато-белая кожа, удлиненное лицо, прямой нос. Раса эта в чистом или слегка измененном виде распространена в Швеции, Дании, Норвегии (за исключением южного и западного побережья), на севере Шотландии, на восточном берегу и на севере Англии, вероятно, на северо-востоке Ирландии, на северных Фарерских островах, в Голландии (к северу от Рейна), в Фрисландии, Ольденбурге, Шлезвиг-Голштинии, Мекленбурге и, вероятно, в странах, пограничных с Пруссией; наконец, она распространена в прибрежных частях Прибалтийских губерний в России и в Финляндии среди населения, говорящего по-шведски. Эта раса соответствует кимрийской расе Брока, германской расе или расе «рядовых могил» немецких ученых, тевтонской расе Риплея или, наконец, Homo europaeus Ланужа-Аммона.

К этой расе относится вторичная раса, белокурая или шатеновая, мезоцефальная, высокого или среднего роста (подсеверная), с угловатым лицом, вздернутым носом и прямыми волосами; она встречается в особенности в северной Германии, среди летто-литовцев, среди тавастов и соволаков Финляндии, может быть, также на западном берегу Норвегии и в Дании, наконец, на западном берегу Шотландии и на юге Фарерских островов (остатки в этой стране народностей бронзового века?).

2) Раса белокурая, суббрахицефальная, малорослая или раса

восточная, тоже названная так потому, что ее представители особенно многочисленны на востоке Европы. Для нее характерны: низкий рост (163–164 см в среднем), голова умеренно округлая (головной указатель на живых 82–83), прямые волосы пепельно-серого или льняного цвета, лицо широкое, квадратное, нос часто вздернутый, голубые или серые глаза. Представителями этой расы являются белорусы, полешуки Пинских болот. В смешении с татарским или финским типом этот тип часто встречается среди великоруссов северной России. Он наблюдается также местами в южной России, а также среди карелов Финляндии.

К этой расе должна быть отнесена вторичная раса, белокурая или шатеновая, мезоцефальная, очень низкого роста (привислянская раса), признаки которой часто можно видеть у поляков, прусских кашубов, а также, вероятно, в населении Саксонии и Силезии.

В смешанном виде тип этот наблюдается среди литовцев и у некоторых народностей северной (Вологодская, Олонецкая губ.), южной (Курская, Воронежская) и центральной России (Рязанская и западная часть Ярославской губ.).

3) Раса брюнетическая, долихоцефальная, малорослая, названа Деникером иберо-островной, так как встречается преимущественно на Иберийском полуострове (за исключением некоторых побережий) и на островах западной части Средиземного моря (Корсика, Сардиния и пр.). Ее можно встретить также, в чистом или слегка измененном виде, во Франции (Ангумуа, Лимузен, Перигор) и в южной Италии, к югу от линии Рим-Асколи. Она характеризуется очень низким ростом (161–162 см в среднем), очень удлиненной формой головы (средний головной указатель на живых 73–76), черными, часто курчавыми волосами, очень темными глазами, смуглой кожей, прямым или вздернутым носом и пр. Это — средиземная раса или Homo mediterraneus, или еще раса «долихоцефальных брюнетов» различных авторов.

4) Раса брюнетическая, очень брахицефальная, малого роста, носящая название севенольской расы или западной, вследствие нахождения наиболее характерных типов ее на западе Европы, в Севеннах, на центральном плоскогории Франции, а также в западных Альпах. Но она встречается еще, правда, несколько измененная, во внутренней Бретани (за исключением Морбигана), в Пуату, Креси; в довольно чистом виде наблюдается она в Провансе, затем в Италии, верхней части долины р. По, в Умбрии, в одной части Тосканы, в Трансильвании и, вероятно, в центральной Венгрии. В смешении с

другими расами она встречается во многих местах Европы, начиная от бассейна средней Луары и до юго-западной России и, проходя через Пьемонт, вероятно, через центральную Швейцарию, затем через Шварвальд, через центральную Баварию, Каринтию, Моравию и Галицию до Подолии. В южной Италии она смешивается с иберо-островной расой. Это — раса кельтская, кельто-лигурийская, кельто-славянская, сарматская, ретийская, лигурийская или Homo alpinus различных авторов. Ее характеризуют: очень округленный череп (средний головной показатель на живых — 85–87), малорослость (163–164 см), каштановые или черные волосы, светло- или темно-карие глаза, круглое лицо, довольно широкий нос, коренастое сложение.

5) Раса брюнетическая, субдолихоцефальная, высокорослая, которую Деникер называет прибрежной или атланто-средиземной, так как она встречается вдоль берегов Средиземного моря, от Гибралтара до устьев Тибра, а также в восточной части Балканского полуострова (восточная Болгария, Македония, Греция и пр.) и в нескольких местах Атлантического побережья: в Испании, от Гибралтарского пролива до устья Гвадалквивира, в северной прибрежной части Португалии, у Бискайского залива, в нижней долине Луары и пр. Она не встречается в более или менее чистом виде на расстоянии более 200 или 250 километров от моря. Для нее характерны: тенденция к мезоцефалии (средний головной указатель для живых — 79–80), средний рост, который редко спускается ниже 166 или 167 см и очень темная окраска волос и глаз.

6) Раса брюнетическая, брахицефальная, высокорослая (адриатическая или динарская), в наиболее чистом виде встречается на северном берегу Адриатического моря и в особенности в Боснии, Далмации, Кроации и почти во всей центральной части Балканского полуострова. Она наблюдается также, несколько модифицированная, в Румынии и Венецианской области, среди тирольских ладинов, швейцарских романшей, а также в франко-бельгийской стране, которая тянется с юга на север, сначала от Лиона до Люттиха между Луарой и Соной, затем по Лангрскому плато, в верхних частях Сонской и Мозельской долин, далее в Арденнах и, может быть, в нидерландской провинции Зеландии. Она отличается высоким ростом (от 168 до 172 м в среднем), крайней брахицефалией (головной указатель — 81–86), темными волосами, прямым, тонким или орлиным носом и слегка смуглой кожей. Те же признаки, но несколько смягченные, встречаются среди населения нижней долины

По, северо-западной Богемии, вероятно, в романской Швейцарии, Эльзас-Лотарингии, во Франции, к востоку от среднего течения р. Луары (между Руаном и Орлеаном), наконец, в Нижней Австрии, в Моравии, среди руссинов-горцев, живущих в Карпатских горах, и среди украинцев Полтавской губернии.

К этим двум последним расам следует присоединить еще две вторичные расы, которые, быть может, являются просто «типами», происшедшими от смешения этих двух рас между собой или с северной, подсеверной западной расами.

Раса вторичная, северо-западная, долихоцефальная или мезоцефальная, с шатеновыми, иногда почти темными волосами; эта раса — переходная между северной и атланто-средиземной. Она встречается преимущественно на западе Ирландии, на юго-западе Англии, по всей области галлов, на западе Бельгии, на юге Голландии и реже в Нормандии.

Раса вторичная, субадриатическая, суббрахицефальная, реже брахицефальная, среднего роста, с шатеновыми волосами, имеет средний рост около 166 см и головной указатель между 82 и 84. Она произошла, вероятно, от смешения с адриатической расой или же с расами подсеверной и западной. Она распространена в Шампани, Франшконтэ, Люксембурге, в нидерландской провинции Зеландии, прирейнских провинциях, на севере великого герцогства Баденского, в восточной Баварии и в юго-восточной Богемии. Она встречается среди словенцев, и в одной части Ломбардии и Венецианской области. Она смешана с западной расой в Швейцарии и южной Германии и с северной расой — в центральной Германии и, быть может, в Люксембурге.

Таким образом к прежним трем классическим европейским расам: северной (Homo europaeus) западной (Homo alpinus) и иберо-островной (Homo mediterraneus), следует, на основании исследования Деникера, присоединить еще три: восточную (Homo vistulensis), атланто-средиземную (Homo atlanto-mediterraneus) и адриатическую (Homo adriaticus).

Антропологические исследования по международному соглашению антропологов

А. А. Ивановский

«Русский Антропологический Журнал» №№ 3–4
1913 г.

Во время международных конгрессов по доисторической археологии и антропологии, происходивших в 1906 г. в Монако и в 1912 г. в Женеве были образованы международные комиссии с целью согласования краниометрических и антропометрических исследований. В состав Монакской комиссии входили следующие лица: Джиуфрида Руджери (Рим), проф. Гами (Париж), проф. Герве (Париж), проф. Лисауэр (Берлин), проф. Ф. фон Лушан (Берлин), проф. Папильё (Париж), пр. — доц. Питтард (Женева), проф. Поцци (Париж), проф. Г. Серджи (Рим), проф. Вальдейер (Берлин) и проф. Верне (Париж). Монакская комиссия остановилась на вопросе об объединении краниометрических и кефалометрических исследований. По мнению комиссии необходимо производить следующие измерения:

I. Краниометрия

1. Наибольшая длина черепа или наибольший передне-задний диаметр измеряется толстотным циркулем в продольном направлении между glabella спереди и наиболее удаленной от нее точкой сзади. Последняя по большей части приходится на затылочном бугре, но она может лежать и выше его. Вообще нужно иметь в виду наибольшую длину, какую можно найти на данной черепной коробке.

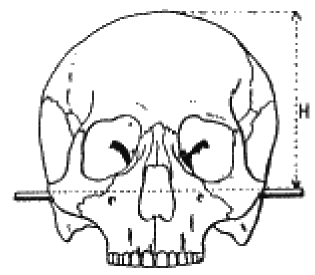
2. Передне-задний инионный диаметр измеряется толстотным циркулем между glabella и inion (точка пересечения protuberantiae occipitalis externae срединной сагиттальной плоскостью) (это измерение комиссия признает необязательным).

3. Наибольшая ширина черепа или наибольший поперечный диаметр, измеряемый также толстотным циркулем, представляет наибольшее расстояние между теменными буграми. Случаи, когда наибольшая ширина черепа оказывается между височными костями, должны быть отмечаемы особо.

4. Высота черепа измеряется двояко:

a) как прямое расстояние между basion (по середине переднего края затылочного отверстия) и bregma (точка, в которой соприкасается sutura sagittalis и sutura coronalis) — толстотным циркулем.

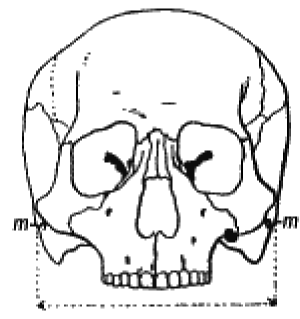
b) как разница между уровнем bregma и верхнего края слухового отверстия (см. рис. 1) — может быть измерена скользящим циркулем с длинными ножками.

5. Наименьшая ширина лба или наименьший лобный диаметр — наименьшая ширина лобной кости между височными гребнями (толстотным циркулем).

6. Наибольшая ширина лба или наибольший лобный диаметр измеряется толстотным циркулем там, где приходится наибольшее

расстояние между чешуей лобной кости.

7. Наибольший мастоидальный диаметр — наибольшее расстояние между внешней поверхностью сосцевидных отростков на уровне средины слухового отверстия (см. рис. 2, m-m) — измеряется толстотным циркулем.

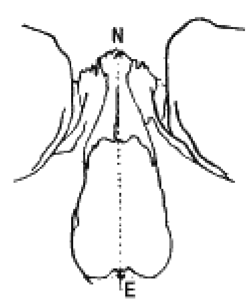
8. Скуловой диаметр — наибольшее расстояние между скуловыми дугами (толстотным циркулем).

9. Носо-основной диаметр измеряется толстотным циркулем как расстояние между nasion (срединная точка носо-лобного шва) и basion

10. Альвеоло-основной диаметр измеряется скользящим циркулем между альвеолярной точкой или средней переднего края альвеолярной дуги и basion.

11. Носо-подбородочный диаметр — скользящим циркулем между niason и срединой нижнего края нижней челюсти (необходимо предварительно нижнюю челюсть приставить на свое место к черепу, челюсти сблизить и отметить состояние зубов).

12. Носо-альвелярный диаметр — скользящим циркулем между nasion и точкой нижнего края альвеол между верхними, средними резцами.

13. Высота носа измеряется скользящим циркулем между nasion и точкой, лежащей посредине линии, касательной к нижним краям грушевидного отверстия (см. рис. 3, N-E); если выемки грушевидного

отверстия имеют желобообразную форму, то последняя точка измеряется на уровне дна носовых впадин.

14. Ширина носа — наибольшая ширина грушевидного отверстия (скользящим циркулем).

15. Межглазничная ширина — скользящим циркулем между точками, где задний лакримальный гребень встречается с нижним краем лобной кости.

16. Ширина глазниц — скользящим циркулем между dacryon (точка на внутреннем крае орбиты, где сходятся лобная кость, processus frontalis верхней челюсти и слезная кость) и внешним краем орбиты в той точке, где оканчивается поперечная ось ее (идущая от внутренней точки), параллельная, насколько это возможно, верхнему и нижнему краям орбиты. В тех случаях, когда dacryon сросся или положение его ненормально, берут точку, в которой задний лакримальный гребень встречается с нижним краем лобной кости.

17. Высота глазниц — наибольшее расстояние между верхним и нижним краем орбиты (измеряется скользящим циркулем по направлению, перпендикулярному к предыдущей оси).

18. Ширина верхнего края альвеол измеряется скользящим циркулем; анатомические точки — внешние поверхности альвеолярного края; в тех случаях, когда на уровне свободного края имеются костные наросты, следует избегать последние и ставить ножки циркуля над ними; измеряется длина поперечной линии, представляющей maximum ширины.

18 bis. Высота или стрелка альвеолярной дуги измеряется скользящим циркулем между пунктами: передняя поверхность альвеолярного края (между двумя средними резцами) и точка, расположенная в срединной плоскости, на линии, касающейся задних концов альвеолярного края; эту линию легко получить, если натянуть нитку, помещенную возможно глубже в вырезке, отделяющей альвеолярный край от крыловидного отростка.

19. Костное нёбо (измерение его необязательно):

a) длина свода нёба измеряется скользящим циркулем между срединной точкой на линии, касающейся заднего альвеолярного края средних резцов, и срединной точкой на линии, касающейся дна выемок заднего края нёба (см. рис. 4, L).

b) ширина свода нёба измеряется скользящим циркулем между альвеолярными краями на уровне вторых коренных зубов.

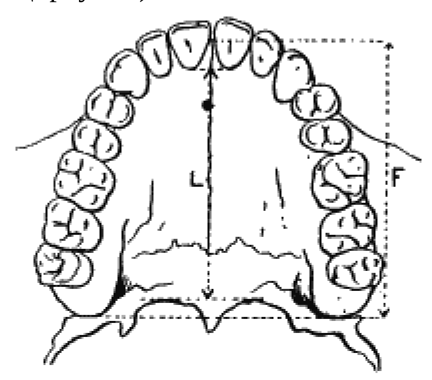
20. Орбито-альвеолярная высота — наименьшее расстояние между нижним краем глазницы и альвеолярным краем (скользящим

циркулем, необязательное измерение).

21. Затылочное отверстие:

a) длина его — скользящим циркулем между basion и opisthion (срединная точка заднего края затылочного отверстия).

b) ширина его — наибольшее поперечное расстояние боковых краев (скользящим циркулем).

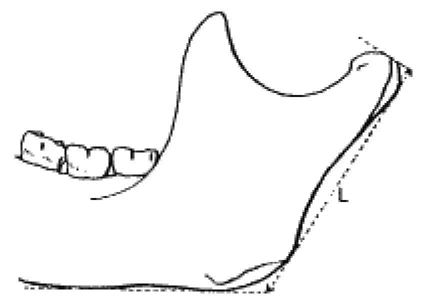

22. Продольная дуга черепа измеряется лентой[4] от nasion по черепному своду до opisthion; продольная дуга подразделяется, соответственно трем костям свода, на лобную, теменную и затылочную части.

23. Поперечная дуга измеряется лентой от точки, лежащей на самом выдающемся гребне корня скуловой кости сзади, как раз над слуховым отверстием, по черепному своду в поперечной плоскости через bregma до такой же точки на противоположной стороне.

23 bis. Горизонтальная окружность измеряется лентой, которая спереди накладывается над надбровными дугами, а сзади над подзатылочной костью так, чтобы получилась наибольшая окружность.

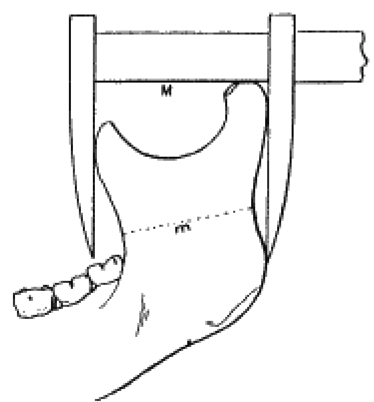
24. Вместимость черепа. Комиссия не делает определенного выбора между различными методами и, всецело признавая ценность способа измерения вместимости черепа по Брока, рекомендует иметь несколько контрольных черепов, самой различной вместимости, с помощью которых возможна проверка точности произведенного измерения. Комиссия рекомендует также во всех случаях, когда это возможно, пользоваться для определения вместимости черепа прямым измерением водой при посредстве каучукового пузыря.

25. Ширина между мыщелками нижней челюсти измеряется скользящим циркулем между внешними концами мыщелков.

26. Бигониальная ширина нижней челюсти — между gonion'ами или вершинами углов, образуемых восходящей ветвью с телом нижней челюсти (ножки скользящего циркуля прикладываются к наружной поверхности их).

27. Длина восходящей ветви нижней челюсти измеряется скользящим циркулем между верхним краем мыщелка и gonion, но так как эту точку на краю нижней челюсти часто бывает трудно определить, то следует брать пересечение двух линий, являющихся продолжением касательных к нижнему и заднему краям челюсти (см. рис. 5).

28. Ширина восходящей ветви нижней челюсти

a) Минимальная ширина — измеряется скользящим циркулем наименьшее расстояние между передним и задним краями (см. рис. 6, m).

b) Максимальная ширина (измерение необязательное) определяется также скользящим циркулем от наиболее выдающейся точки переднего края короноидального отростка и до наиболее удаленной точки заднего края челюсти (см. рис. 6, M).

29. Высота нижне-челюстного шва измеряется (не в проекции, а действительное расстояние) скользящим циркулем в срединной плоскости между наиболее выдающейся точкой альвеолярного края и нижним краем symphysis'а.

30. Высота тела челюсти — от предыдущего измерения отличается тем, что в этом случае оно берется в вертикальной плоскости, проходящей между первым и вторым коренными зубами.

31. Ширина максимальная тела челюсти (необязательно) определяется в плоскости, проходящей между первым и вторым коренными зубами (берется наибольшее расстояние между обеими поверхностями).

32. Угол нижней челюсти — измеряется с помощью гониометра Брока степень отклонения заднего края ветви от нижнего края челюсти.

II. Кефалометрия

1. Наибольшая длина головы или наибольший передне-задний диаметр измеряется толстотным циркулем так же, как и наибольшая длина черепа (не следует сильно нажимать ножками циркуля).

2. Наибольшая ширина головы или наибольший поперечный диаметр — то же измерение, что и на черепе.

3. Высота головы определяется при помощи антропометра между макушкой головы (vertex) и верхним краем слухового отверстия.

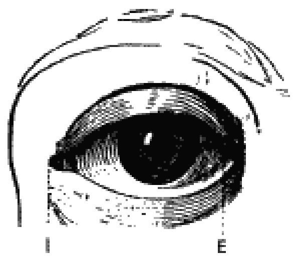
4. Наименьшая ширина лба измеряется так же, как и на черепе.

5. Наибольший мастоидальный диаметр — так же, как и на черепе.

6. Скуловой диаметр — то же измерение, что и на черепе (необходимо отыскивать maximum, который часто находится более кзади, чем это кажется).

7. Бигониальная ширина нижней челюсти — то же измерение, что и на черепе; следует избегать мясистой части жевательной мышцы.

8. Полная длина лица (необязательное измерение) — от начала роста волос на лбу до нижнего края нижней челюсти (толстотным циркулем).

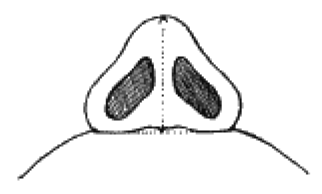
9. Носо-подбородочный диаметр измеряется в тех же точках, в каких и на черепе.

10. Носо-губной диаметр — расстояние между nasion и междугубной линией.

11. Носо-альвеолярный диаметр — так же, как и на черепе (губы измеряемого субъекта всегда легко приподнять, чтобы увидеть свободный край десен).

12. Высота носа — между nasion и носовой перегородкой на уровне соединения ее с верхней губой (не следует нажимать).

13. Ширина носа — между верхней поверхностью крыльев носа.

14. Выступ основания носа — от наиболее выдающейся вперед точки кончика носа до точки, лежащей в углу между носовой перегородкой и верхней губой (см. рис. 7).

15. Внешний глазничный диаметр — между внешними углами век, в их углубленной части, в месте соприкосновения с глазным яблоком; измеряется это расстояние ножками циркуля, которые прикладываются к щекам исследуемого субъекта (см. рис. 8, Е).

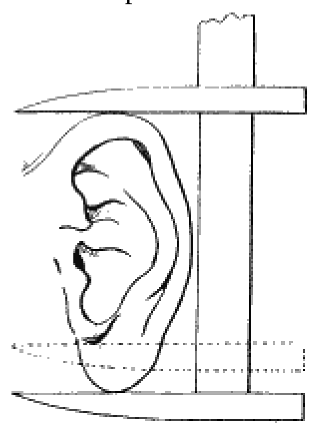
16. Внутренний глазничный диаметр — между внутренними углами каждого глаза (см. рис. 8, I), не захватывая слезный бугорок (caruncula).

17. Ширина рта измеряется скользящим циркулем между теми точками соединения губ, где слизистая оболочка соприкасается с кожей (измерение берется при обыкновенном, нормальном положении рта).

18. Высота краев губ определяется между вершинами кривых верхней губной дуги и вершиной дуги нижней губы (измерять расстояние между обеими названными вершинами нужно, поставив стержень циркуля предварительно вполне вертикально).

19. Ухо.

a) Наибольшая длина его — между самым верхним краем завитка (helix) и нижним краем мочки (см. рис. 9, сплошная линия), не нажимая ножки циркуля на измеряемые точки.

b) Длина хрящевого уха — между самым верхним краем завитка

(как и в предыдущем случае) и нижним краем хрящевой раковины (см. 9, пунктирная линия).

c) Ширина уха — между линиями, параллельными большой оси уха, из которой одна касается переднего края завитка (helix), а вторая его заднего края.

Международная комиссия, заседавшая в 1912 г. в Женеве, продолжая работу Монакской комиссии, посвятила свои занятия вопросу об объединения антропометрических исследований.

Из общих положений комиссия выставила следующие:

a) При измерениях исследуемый субъект должен стоять совершенно прямо.

b) Измерения должны производится в проекции.

c) В тех случаях, когда измерения могут быть взяты и на правой, и на левой стороне, рекомендуется выбирать левую сторону: но высоту acromion'a и trochanter major следует измерять на той и другой стороне.

d) Об употребляемых исследователями инструментах и применяемых ими методах необходимо давать точные сведения.

e) Необходимо, чтобы лица, желающие заняться антропометрией, не ограничивались одним теоретическим изучением способов измерений, а знакомились бы с последними практически в той или иной лаборатории.

Из отдельных измерений комиссия предлагает брать следующие:

1. Рост. Измеряемый субъект стоит на горизонтальной твердой (не колеблющейся) поверхности, не прислоняясь к стене, с опущенными руками («руки по швам»), с вытянутыми пальцами, с сомкнутыми пятками, с взором, обращенным прямо вперед. В таком положении измеряется высота макушки над почвой.

2. Высота слухового отверстия — на основании уха, между tragus и helix (incisura tragohelicina); от этой же точки определяется на живых и высота головы (см. выше Кефалометрия, пункт 3).

3. Высота подбородка — от средней точки на нижнем крае нижней челюсти.

4. Высота верхнего края грудины — в наиболее глубоко лежащей точке incisura jugularis.

5. Высота грудного соска — по средине соска (у женщин с отвислыми грудями эта высота не измеряется).

6. Высота пупка — по средине пупка.

7. Высота symphysis pubis — от верхнего края лобковой кости (иногда эта точка прощупывается с большим трудом; рекомендуется

искать ее на высоте нижней складки живота).

8. Высота остистого отростка пятого поясничного позвонка — чтобы легче найти эту точку, наклоняют туловище исследуемого субъекта, и при таком положении последнего остистый отросток пятого поясничного позвонка выступает вполне явственно.

9. Рост сидя — измеряемое лицо сажают на горизонтальное прочное сиденье, высотой (смотря по росту исследуемого) от 30 до 40 см; ноги при этом должны быть в коленях согнуты; спиной измеряемый прислоняется к стене или к антропометру так, чтобы она касалась последних в своей крестцовой части и между лопатками; голова должна находиться в таком же положении, как и при измерении высоты роста (см. выше, № 1); измеряется высота vertex над плоскостью сиденья.

10. Высота таза — исследуемый субъект остается в том же положении, в каком он был при предыдущем измерении (роста сидя); измеряется высота верхушки гребня подвздошной кости над плоскостью сиденья.

11. Высота acromion — от верхнего и внешнего края acromion'a.

12. Высота большого вертела — от верхнего края trochanter major.

13. Высота верхнего отростка подвздошной кости — от самой верхушки этого отростка; если искомую точку трудно найти, рекомендуется отыскивать ее, идя по Пупартовой связке до места ее прикрепления, которое вполне соответствует искомому отростку.

14. Высота локтя — от локтевого сочленения (между radius и himerus, с внешней стороны).

15. Высота запястья — от нижней точки шиловидного отростка лучевой кости (processus styloideus radii).

16. Высота конца среднего пальца руки.

17. Высота колена — от верхнего края (с внутренней стороны) margo glenoidalis tibiae.

18. Высота лодыжки — от нижней точки верхушки внутреннего мыщелка.

19. Большой размах рук — измеряемый должен быть поставлен у стены с распростертыми горизонтально руками, причем кисти рук должны быть обращены ладонями вперед; измеряется расстояние между концами средних пальцев. Если нет стены, то можно измерить большой размах рук, приставив горизонтально сзади измеряемого антропометр. От измеряемого всегда следует требовать, чтобы он вытягивал руки возможно сильнее.

20. Ширина плеч — наибольшее расстояние между внешними

краями обоих acromion'ов.

21. Бигумеральная ширина — наибольшая ширина между выступами плечевых мускулов (необязательное измерение).

22. Расстояние между сосками — между центральными точками обоих сосков (необязательное измерение).

23. Ширина между гребнями подвздошных костей — наибольшее расстояние между наружными гребнями подвздошных костей (чтобы взять действительно наибольшее расстояние, следует ножки скользящего циркуля направлять сверху вниз и спереди назад).

24. Биспинальный диаметр — расстояние между двумя верхними, передними отростками подвздошных костей (см. выше, № 13).

25. Расстояние между большими вертелами — наибольшее расстояние между наружными поверхностями больших вертелов (следует сильнее нажимать на мягкие части).

26. Наружный передне-задний диаметр таза — от средней точки верхнего края лобкового сочленения (symphysis pubis) и до верхушки остистого отростка пятого поясничного позвонка.

27. Поперечный диаметр грудной клетки № 1 — измерение производится в горизонтальной плоскости, лежащей на уровне основания мечевидного отростка грудной кости; берется среднее из измерений, произведенных при вдыхании и выдыхании, или же берется измерение в промежуточном состоянии между вдыханием и выдыханием.

28. Поперечный диаметр грудной клетки № 2 определяется в горизонтальной плоскости, лежащей на уровне верхнего края четвертого реберно-грудного сочленения (articulatio chondro-sternalis IV); сказанное в предыдущем параграфе приложимо и к этому измерению (необязательное измерение).

29. Передне-задний диаметр грудной клетки № 1 измеряется в той же плоскости, как и поперечный диаметр № 1 (см. выше измерение № 27).

30. Передне-задний диаметр грудной клетки № 2 измеряется в той же плоскости, как и поперечный диаметр № 2 (см. выше измерение № 28).

31. Высота грудной кости измеряется скользящим циркулем от наиболее глубоко лежащей точки верхнего края sternum до основания мечевидного отростка.

32. Расстояние между сочленениями плечевых костей (необязательное измерение).

33. Расстояние между шиловидными отростками предплечья —

processus styloidei radii et ulnae (необязательное измерение).

34. Расстояние между сочленовными мыщелками бедренной кости — epicondylus femoris (необязательное измерение).

35. Расстояние между мыщелками голени (необязательное измерение)

36. Окружность груди измеряется в плоскости, проходящей через основание мечевидного отростка; см. выше № 27 (необязательное измерение).

37. Окружность шеи — измеряется наименьшая окружность.

38. Окружность плеча — наибольшая окружность при спокойном положении руки, измеряется ниже дельтоидной мышцы (musculus deltoideus).

39. Окружность плеча при напряженном состоянии мышц — измеряется наибольшая окружность на том же месте, как и в предыдущем измерении (необязательно).

40. Наибольшая окружность предплечья — на уровне сгибательных и разгибательных мускулов.

41. Наименьшая окружность предплечья — выше шиловидных отростков предплечья (processus styloidei radii et ulnae).

42. Наибольшая окружность бедра — на уровне ягодичной складки.

43. Наименьшая окружность бедра — выше колена.

44. Окружность икры ноги — берется наибольшая окружность.

45. Наименьшая окружность ноги измеряется повыше лодыжек.

46. Наименьшая окружность талии — на уровне самой узкой части туловища.

47. Контур кисти руки — правая рука кладется на лист бумаги таким образом, чтобы пальцы слегка были расставлены и чтобы ось среднего пальца находилась на продолжении оси предплечья; двумя чертами отмечаются концы линии, соединяющей шиловидные отростки лучевой и локтевой костей (processus styloidei radii et ulnae); затем, начиная отсюда, карандашом (расщепленным вдоль и направленным вертикально) наносится контур ладони и пальцев; нужно отметить самые глубокие точки выемок между пальцами и места пястно-фалангового сочленения (articulationes metacarpophalangeae II et V).

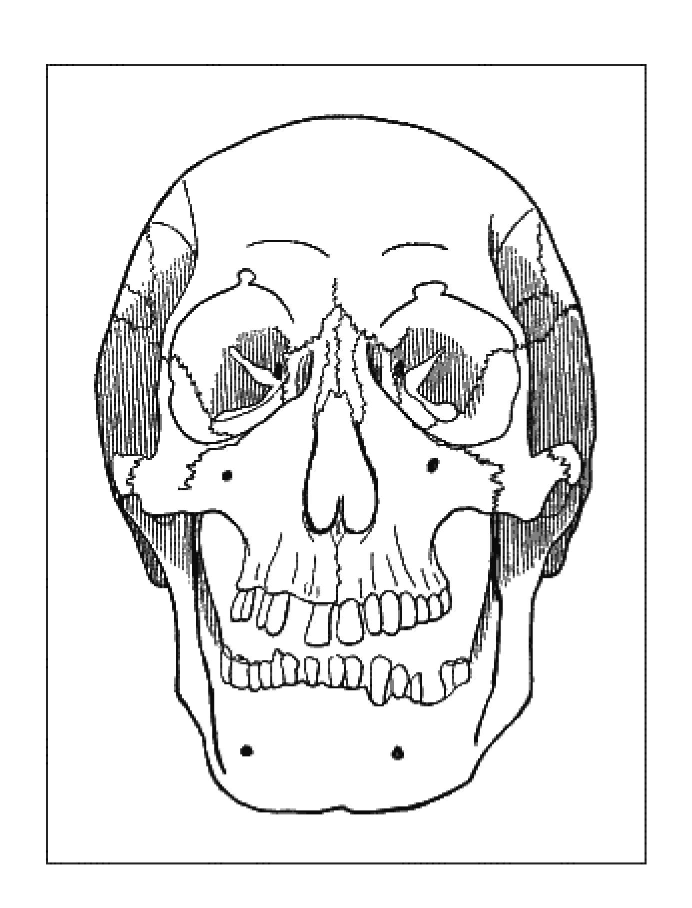
48. Контур ступни — ступня ставится на лист бумаги таким образом, чтобы нога была перпендикулярна к нижней поверхности стопы; четырьмя чертами отмечаются концы мыщелков и плюсно-фаланговые сочленения (malleoli et articulationes metacarpophalangeae)

и затем обводится контур ступни и пальцев точно таким же образом, как это делалось раньше с кистью руки; и здесь также отмечаются самые глубокие точки каждой из выемок между пальцами; бесполезно зачерчивать внутренний край, между точкой malleolus internus и articulatio metatarsophalangeae I, так как рисунок в этом случае всегда бывает неправильным.

49. Высота свода ступни (необязательное измерение) — нога ставится в том же положении, как в предыдущем случае (см. № 48); скользящим циркулем измеряется расстояние между нижней поверхностью стопы и верхним краем ладьевидной кости (os naviculare).

Международная комиссия в Женеве приняла также предложение относительно определения роста с помощью длинных костей; измеряется наибольшая длина этих костей, за исключением бедренной (femur) и большой берцовой (tibia) костей, которые измеряются в их естественном положении (отросток tibia при измерении не принимается во внимание).

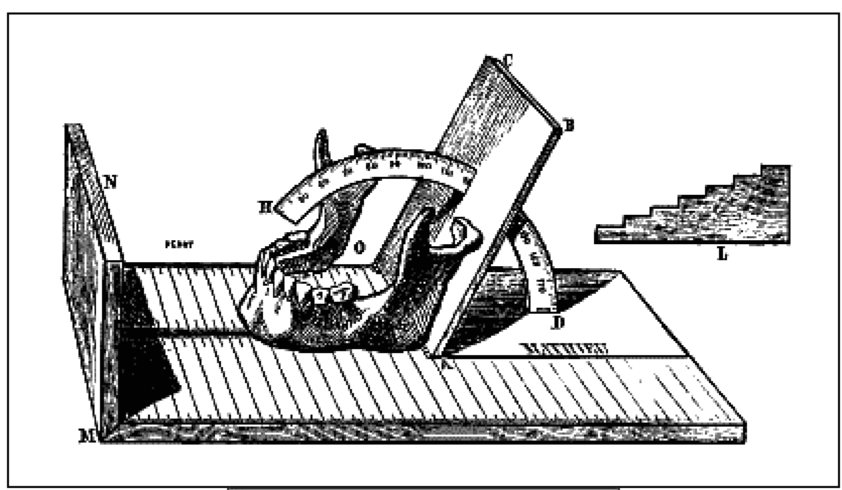
Комиссия выразила следующие пожелания: 1) чтобы черепа при изображениях их устанавливались или в плоскости Брока, или во франкфуртской плоскости; 2) чтобы антропологи все производимые ими измерения публиковали полностью.

Зубы у различных человеческих рас

А. А. Ивановский

«Русский Антропологический Журнал» № 3
1901 г.

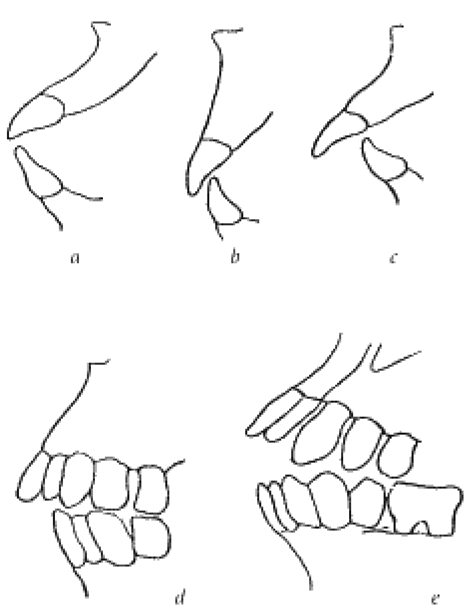

В сравнительно-анатомических и антропологических

исследованиях различных рас зубы человека до последнего времени обращали на себя мало внимания исследователей. Между тем даже те немногочисленные данные, которые имеются в специально-одонтолотической и антропологической литературе по этому вопросу, не оставляют сомнения в том, что зубы человека представляют значительные расовые различия — в их форме, числе, величине, во времени прорезывания и выпадения их, в искусственных деформациях и т. п., и потому тщательное изучение зубов, при антропологических исследованиях различных племен, является не только желательным, но и безусловно необходимым.

В нижеследующих строках мы намерены суммировать те отличительные признаки зубов у различных человеческих рас, которые констатированы антропологами и врачами. Более подробные сведения об этих признаках стали собираться в 1879 г., когда Брока издал свою программу для антропологического исследования зубной системы. К сожалению, собранные сведения разбросаны в массе изданий, нередко трудно доступных, и только исследования профессора парижской одонтотехнической школы О. Амоэдо и Х. фон Еринга облегчают задачу собирания этих сведений, делая сводку некоторых из них.

По взаимному расположению верхних и нижних резцов Жоффруа Сент-Илер делит человеческие расы на ортогнатные, эвригнатные и прогнатные. Прогнатизм, по Брока, может быть естественный или искусственный. Естественный прогнатизм охватывает многие вариации: 1) двойной полный прогнатизм; в этом случае резцы идут в косвенном направлении, образуя при соединении тупой угол; 2) простой полный прогнатизм — в случае, если верхняя челюсть и резцы косые, нижние же резцы остаются прямыми; 3) челюстной прогнатизм — если только одна верхняя челюсть косая, а зубы ее остаются вертикальными; 4) альвеолярно-зубной прогнатизм — когда только одни зубы направлены вперед. Прогнатизм в более или менее заметно выраженной степени мы встречаем у цветных рас (черной и желтой); более всего он развит у бушменов. Белая раса — ортогнатная.

Г. Велькер по взаимному расположению верхних и нижних резцов различает пять главных типов (см. статью Р. Л. Вейнберга: «Новейшие успехи в области антропологии костной системы» в VI книге «Русск. Антропол. Журн.»): a) щипцеобразный (лабидодонтия), который представляет собой тероморфное (питекоидное) образование; b) ножницеобразный (псалидодонтия), который среди германской и романской рас наблюдается у 80 %, тогда как у финнов только в 70 %, у славян и китайцев — в 50 %, у полинезийцев, негров и папуасов — 40 %, у малайцев — 20 %, у готтентотов и древних перуанцев — в 15 %, у микронезийцев — в 10 %, у американских индейцев — в 5 %, а у австралийцев этот тип совершенно отсутствует; c) крышевидный (стегодонтия), наиболее часто встречающийся у китайцев и японцев; d) карнизообразный, с отодвинутыми назад нижними резцами (опистодонтия), — у некоторых племен Малайского архипелага; e) зияющий (хиатодонтия) — у финских племен, а также у негров (см. рис. a, b, c, d, e).

Кроме различия во взаимном расположении, зубы человека представляют расовые отличия и по их величине. Различия эти, особенно в резцах и коренных зубах, иногда очень значительны. Низшие расы характеризуются огромной величиной резцов и коренных зубов; последние у них равны клыкам, как то находим у человекоподобных обезьян. Оуэн и Прюнер-Бей показали своими исследованиями, что в то время, как величина коренных зубов у

человека белой расы уменьшается спереди кзади, у низших рас (австралийцев, ново-каледонцев) и у обезьян она идет в обратном порядке. По мнению Л. Брандта, Паррейдта и др., зубы человека, равно как и челюсти, вообще уменьшаются с развитием культуры, так как культурные способы приготовления пищи делают излишним то энергическое пользование челюстями и зубами, которое было необходимо при первобытной грубой пище. Челюсти при этом уменьшаются в величине в большем размере, нежели зубы. Благодаря тому, что челюсти имеют более долгий период развития (в течение которого только и может оказаться влияние уменьшения), нежели зубы, рост которых продолжается только с начала развития эмали и до начала дентификации. У. Г. Флоуэр делит человеческие расы по величине зубов на микродонтные (зубной указатель до 42), мезодонтные (42–44) и мегалодонтные (выше 44-х). К микродонтным он относит: британцев (41,3) и других европейцев (41,1), древних египтян (41,0), жителей Сандвичевых островов (40,1) и туземцев центральной и южной Индии (41,4); к мезодонтным: китайцев (42,6), американских индейцев (42,8), малайцев Явы, Суматры и других Зондских островов (43,3) и африканских негров (43,9); к мегалодонтным: меланезийцев (44,2), андаманцев (45,5), австралийцев (45,5) и тасманийцев (48,1). У человекоподобных обезьян цифры зубного показателя, по исследованиям того же Флоуэра, значительно выше: у шимпанзе — 47,9, у гориллы — 54,1 и у оранга — 55,2.

Различные расы разнятся между собой и по форме зубов. По Ренье, резцы человека представляют ту особенность, что конец их тем острее, чем ниже раса. В противоположность резцам, относительная ширина коронки задних коренных зубов (по отношению к их шейке) у низших рас, по Флоуэру, больше, нежели у высших. По данным Спенс-Бейта интерглобулярные пространства (неправильные полые пространства, ограниченные шаровидными выступами дентина), существующие в зубах у цивилизованных народов, у эскимосов, краснокожих и ашантиев не встречаются. Мажито и Галипп указывают на тот факт, что у некультурных народов нет той разницы между зубами разных сторон челюстей, какие наблюдаются у цивилизованных народов и которая выражается в том, что зубы на правой стороне плотнее, чем на левой, так как большинство европейцев, обрабатывая зубами пищу в полости рта, действует всего больше, а иногда исключительной правой стороной. Видерсгейм, основываясь на исследованиях Рёзе, высказывает мнение, что верхние коренные зубы человека развились из четырехбугорчатого и нижние

из пятибугорчатого типа, и что это численное сокращение бугорков обязано у человека его более нежной пище, так как первым недоразвивающимся бугорком является тот, который присоединяется последним для образования сложного зуба; в верхней челюсти таким является задний язычный бугорок, в нижней — задний непарный. В третьем коренном, или так называемом зубе мудрости, редукция может зайти так далеко, что вместо коронки с 4-мя или 5-ю бугорками остается один зачаточный. В относительно большом числе случаев, однако, зуба мудрости вовсе не бывает, или потому, что он совсем не развивается, или потому, что если и развивается, то остается в десне. По Дарвину, Брока и Мантегацца, отсутствие зуба мудрости характеризует более развитые и высшие расы, и зуб этот обречен на исчезновение, как орган совершенно лишний. Повторные исследования этого вопроса все были направлены к тому, чтобы доказать, что эти признаки недоразвития, столь ясно выраженные у европейцев, наблюдаются также и у не-европейцев. Но не в таких размерах, как у арийской расы. Не считая патологических случаев, верхние коренные с тремя бугорками, нижние с четырьмя и недоразвитый зуб мудрости встречаются у европейцев, по словам Видерсгейма, гораздо чаще, чем у негров, монголов и австралийцев. Последняя низшая раса по своей зубной формуле является наименее удаленной от гипотетичного первоначального типа, так как у нее еще имеются полные ряды прекрасных зубов, с сильными клыками и коренными, из которых последние или одинаковой величины, или даже увеличиваются в размерах, по мере того как мы подвигаемся назад, так что зуб мудрости является самым большим в ряде. Это — несомненный обезьяний признак, постоянно встречающийся у обезьян. Верхние резцы малайцев, помимо их прогнатического положения, случайно также бывают обезьяньей формы, с выпуклой передней и слегка вогнутой задней поверхностью. Предки европейцев, по-видимому, имели ту же самую форму зубов, потому что древнейшие обломки черепов века мамонта (челюсти из Ля-Нолетта, Шипка и др.) обнаруживают такие признаки зубов, по которым их можно поставить рядом с низшими современными расами.

Сверхкомплектные зубы, по Фонтану, очень часто встречаются у новокаледонцев, а именно у них увеличено число передних коренных зубов.

По вопросу о расовых различиях во времени прорезания и выпадения зубов нам не встретились точные данные. Есть указания, ничем, однако, не обоснованные и требующие еще проверки, что в

тропических странах прорезание зубов наступает сравнительно поздно. Так, напр., у детей анамитов, по словам Лориона, нижние резцы никогда не показываются ранее 7-го месяца, а верхние — 9-го, и все резцы нередко прорезываются только по истечении 12-ти месяцев.

По вопросу о сравнительной прочности зубов в этнологическом отношении наибольшее количество данных сгруппировано д-ром А. А. Вырубовым. Известно общераспространенное мнение, что народы мало-культурные, стоящие на низкой степени цивилизации, обладают более прочным зубным аппаратом и менее предрасположены к страданию костоедой. Одни авторы (Л. Брандт) объясняют это явление сильным развитием челюстей, дающим возможность более свободного размещения зубов, чем у культурных народностей; другие (Спенс-Бейт) чисто химической разницей зубов, именно отсутствием в дентине диких народов интерглобулярных пространств. Но стираются зубы у некоторых малокультурных народов скорее, чем у европейцев. П. Топинар объясняет этот факт тем, что многие из них жуют едкие вещества, как, например, эскимосы и патагонцы. Наиболее обширный материал по вопросу о сравнительной прочности зубов дали исследования европейских рас. У европейцев, по Морелю, в среднем один кариозный зуб приходится на 9 здоровых, тогда как у китайцев один кариозный зуб встречается на 52 здоровых зуба. Некогда Вельд высказал мнение, что славянское племя всего менее обладает наклонностью к страданию костоедой зубов, но позднейшими исследованиями было опровергнуто это мнение. По исследованиям д-ра Яворского, поляки дают 44,2 % страдающих костоедой, великоруссы — 40 % и малороссы — 28,2 %. У евреев, по тому же автору, костоеда распространена у 58,7 % и у латышей — у 41 %. Поразительная разница в порче зубов в различных департаментах Франции обратила давно на себя внимание ее ученых (Бондин, Шервин, Дюбуа). «Были употреблены, — пишет доктор Вырубов, — все усилия отыскать причину такого различия. Оказалось, что ни климатические условия, ни употребляемая пища не могли объяснить последнее. Загадочный вопрос был разрешен только при помощи этнологии. Французская нация образовалась из трех групп, значительно различающихся друг от друга по своим физическим качествам: 1) кельтов, — маленьких, смуглых, 2) кимвров или франков, бельгийцев, саксов, норманнов, — высоких и русых, и 3) иберо-лигуров, — также смуглых, среднего роста и хорошо сложенных. Кельты имели превосходные зубы и передали их по

наследству всем народностям, происшедшим от них. Кимвры не обладали таким качеством и передали своим потомкам предрасположение к костоеде зубов. Факт племенной наследственной передачи прочных зубов особенно характерно выступает в департаменте Deux-Sevres, жители которого, кельты по происхождению, совершенно не страдают костоедой зубов, тогда как жители всех соседних департаментов делаются ее жертвой. Мажито, которому наука обязана статистической разработкой вопроса о порче зубов во Франции по народностям, делает вывод, что германское население со светлым пигментом значительно чаще представляет испорченные зубы, нежели темная кельтическая раса. Большая часть современного нам прибрежного населения Средиземного моря, северо-германцы, шведы и норвежцы происходят от кимвров и все они обладают непрочным зубным аппаратом. Южные германцы, австрийцы, швейцарцы, ирландцы, галлы происходят от кельтов, и у всех у них зубной аппарат в прекрасном состоянии». Вообще племенные особенности в вопросе о сравнительной прочности зубов выступают на первый план. Франциус, исследовавший в Выборге большое количество солдат Печорского полка, констатирует тот факт, что блондины отличаются меньшей прочностью зубов, чем русые или брюнеты, и что рост влияет на прочность зубов, а именно с уменьшением роста прочность зубов увеличивается. Последнее он склонен объяснять более совершенным периферическим кровообращением у людей небольшого роста. Вырубов обращает внимание будущих исследователей на то, что, по имеющимся пока данным, долихоцефалические расы Европы отличаются более плохим зубным аппаратом по сравнению с брахицефалическими. Некоторые авторы указывают, что и цвет волос стоит в постоянном, определенном отношении к предрасположению к порче зубного аппарата: наибольшая прочность зубов, по наблюдению профессора Склифосовского, совпадает с черным цветом волос. Что касается пола, то Линдереру, Мажито, Л. Брандту и др., зубы женщины являются гораздо менее прочными, чем зубы мужчин. Л. Брандт замечает, что большинство женщин обладает зубами белого цвета, длинник которых значительно превышает поперечник, что особенно выступает в резцах. Кроме того, на жевательной поверхности коренных зубов, по словам упомянутого автора, резко выступают остроконечные бугорки, и зубы, представляющие такие особенности, дают наибольший процент заболевания костоедой. По Галиппу, зубы женщин содержат гораздо менее извести, нежели зубы мужчин, и

поэтому менее прочны. Половая разница в прочности зубов становится особенно резкой со времени замужества. Известна французская поговорка, что «каждая беременность стоит матери зуба» («chaque grossesse coute une dent a la mere»).

По вопросу об искусственной деформации зубов, очень распространенной у многих народов, наиболее подробные сведения сгруппированы Х. фон Ерингом. Способ деформирования зубов у некоторых народов настолько характерный и своеобразный, что деформация может иногда служить вспомогательным средством при определении племенной принадлежности черепов. Мажито делит искусственную деформацию зубов на шесть родов: 1) обрезывание, 2) подпиливание, 3) выдергивание, 4) вставление посторонних тел, 5) сламывание коронки и 6) искусственный прогнатизм.

Обрезывание зубов совершается при помощи клинка или долота и молотка. Оно очень распространено в Африке, на ее западном берегу и в области верхнего Нила. По мнению Еринга, этот способ деформации свойственен народностям, уже подпавшим под влияние европейцев.

Подпиливание или, вернее, обтачивание зубов широко практикуется у многих некультурных народностей. Операция производится обыкновенно при помощи камней из песчаника или гнейса, даже в тех случаях, когда данной народности хорошо знакомо употребление железа, как, напр., у монбуттов по наблюдениям Швейнфурта. Чаще всего заостряются резцы. Еще Риттер указывал на то, что горные негры обтачивают у детей резцы, благодаря чему последние кажутся у них очень длинными. Заостряются передние зубы, по данным А. Эккера, также у различных северо-африканских народностей. Про ньям-ньям Швейнфурт говорит, что у них заостряются зубы с целью, чтобы ими лучше было в борьбе вцепляться в руки противника. Заостряются зубы, по Рольфсу, у бассов, живущих по Бенуэ, притоку Нигера, а по данным Гартманна и Ливингстона, вообще у многих африканских народов. Тот же обычай искусственного заострения зубов наблюдается путешественниками в Центральной Америке, у полинезийцев, меланезийцев, австралийцев и у папуа. Подпиливание зубов в форме зубцов констатировано у народов Банту. Относительно жителей Сьерра-Леонского берега есть

указание, что у них невеста идет с женихом к кузнецу, который подпиливает ей передние зубы, и уже после этой операции заключается брак. Подобный же обычай существует и у жителей Сенегамбии. Как разнообразны бывают формы деформации зубов, достигаемой подпиливанием их, можно судить по прилагаемому рисунку. Форма 1-я распространена в Сьерра-Леонском берегу, в Сенегамбии, на Золотом берегу и в других ближайших к этим областях Африки. 2-я форма встречается у народностей по Белому Нилу, у дамаров и овампов. Формы 3, 4 и 5-ю можно встретить от берегов Лоанго до Мозамбикского берега. 6-я форма характерна главным образом для малайцев. У них же больше всего распространены формы 7 и 8, хотя они наблюдаются и у других соседних им народностей Индийского и Тихого океанов. Деформированные зубы 7 и 8-й форм обыкновенно окрашиваются в черный цвет, тогда как все прочие, недеформированные, зубы остаются белыми.

В географическом распространении обычая вырывания зубов можно указать на три центра: Африку, Австралию и Полинезию. В первых двух вырывают зубы, обыкновенно резцы, или при наступлении половой зрелости, или при вступлении в брак, в Полинезии же этот обычай служит по большей части выражением траура точно так же, как практикуемые здесь же с той же целью отрубание пальцев, отрезывание ушей и пр. У людей пожилых в Полинезии, перенесших не единичный траур, нередко бывают выбиты все передние зубы. В Бразилии выбивали прежде передние зубы у всех негров-рабов в отличие их от свободных. Что касается прежних утверждений Эдриси, Ольдендорпа, Нибура и других, что случаи выдернутых зубов нередки у египетских мумий, то Еринг против эти утверждений, и недостающие зубы считает просто выпавшими.

Пробуравливание зубов с целью вставления в них посторонних тел встречается вообще сравнительно редко, чаще в Малайском архипелаге и Полинезии. В пробуравленное отверстие вставляют обыкновенно какой-либо металлический цилиндр, чаще всего золотой (Суматра), или блестящий камешек.

Отламывание коронки зубов путешественники наблюдали у эскимосов, живущих по берегам Мэкензи. У жителей Золотого берега, по словам Винтерботтома, передние зубы перед моментом вступления в брак отламываются кузнецом; тот же обычай встретил у жителей республики Либерии Г. фон Шлагинтвейт.

Обычай уродования зубов с целью достижения искусственного

прогнатизма встречается, по-видимому, очень редко. В литературе мы находим указание на существование этого обычая у сенегальских племен, у которых детям вытягивают верхние зубы, так что они далеко выступают вперед. Файдхербе констатирует тот же обычай у арабов, берберов и негров Северной Африки, у которых иногда девушкам при помощи щипцов оттягивают вперед верхние резцы, благодаря чему получается значительный прогнатизм.

Вставливание искусственных зубов, широко практикуемое теперь всеми цивилизованными народами, было известно еще в глубокой древности. Тогда нередко пользовались для замены выпавших зубов зубами покойников или телят и прикрепляли их к соседним зубам на основе из слоновой кости или кости гиппопотама, выточенной по измерению циркулем. Особенно распространен был в древности обычай вставливания искусственных зубов у египтян, иудеев, римлян и этрусков. Древние египтяне, как показали исследования зубов мумий В. Д. Миллера, умели и пломбировать зубы, и заменять испортившиеся искусственными; для последних употребляли слоновую кость и дерево из рода дикой смоковницы. Укрепление зубных протезов о соседние зубы производилось при помощи золотых нитей. У Марциала есть несколько эпиграмм, указывающих на употребление искусственных зубов римскими женщинами: «У Таисы зубы черные, а у Лекании белые. Почему? Потому, что у первой они свои, а у второй они покупные». Указание на материал, из которого делались у римлян искусственные зубы мы находим также в одной из эпиграмм упомянутого сатирика: «Эглея думает, что у нее есть зубы, потому что она носит аппарат из костей или слоновых клыков». Этрусски употребляли искусственные зубы, которые приготовлялись из зубов какого-то крупного животного, на что указывает этрусский череп в музее Cameto в Тоскане. Зубы были укреплены тонкой золотой полоской. Череп был найден в могиле с вещами, которые относят к V или XI в. до Р. Х.

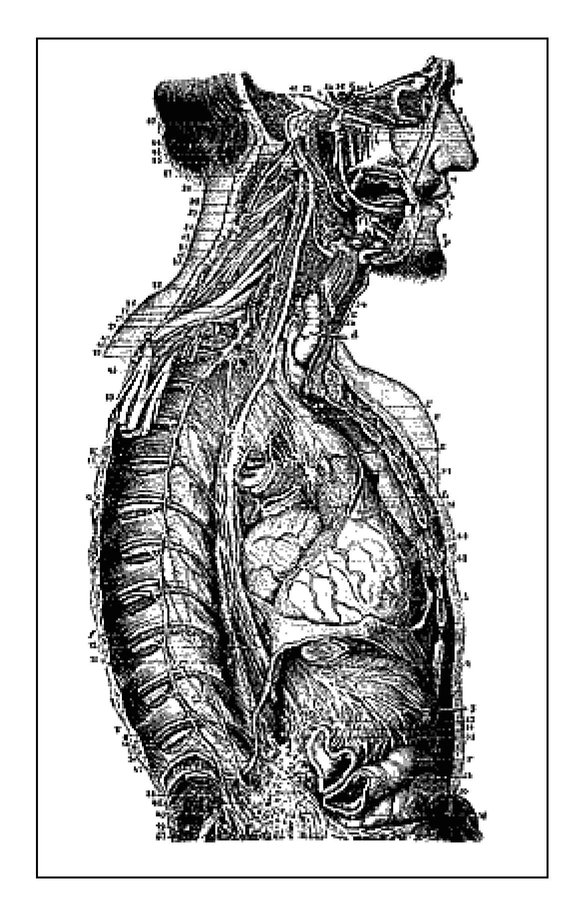
Наконец, следует еще упомянуть об окрашивании зубов. В то время, как одни народности употребляют различные средства, чтобы придать своим зубам возможно большую белизну, другие, наоборот, окрашивают свои зубы в совершенно черный цвет. Так, относительно зубов жителей Кельто-Иберии у Катулла существует следующее замечание: «Жители Кельто-Иберии имеют обыкновение тереть зубы и десны ежедневно поутру собственной уриной; и чем зубы более белы и гладки, тем, значит, более вы употребляете означенное средство». Окраска зубов в черный цвет очень распространена в

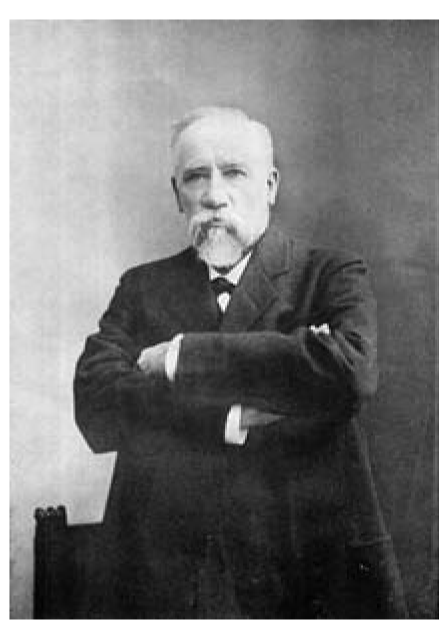
области Малайских островов. У аннамитов, у которых, по Лориону, зубы окрашиваются в блестяще-черный цвет, девушки по выходе замуж перестают красить зубы. Часто наблюдали путешественники окрашивание зубов в черный цвет и у индейцев Центральной Америки. Окраска в другие цвета встречается реже; так, например, в Бирме женщины-борну окрашивают свои зубы в красный цвет.

Психологические основы национализма

И. А. Сикорский

Читано в собрании членов Клуба русских националистов 8 апреля 1910 года

В восьмидесятых годах истекшего столетия, лет двадцать пять тому назад, один полувоенный человек, очень значительного ранга, сделавши смотр некоторой части армии своей страны и восхищаясь силой этой армии, сказал о себе и о тех, кого смотрел, следующие слова: «Мы (имя рек) никого не боимся, кроме Бога». Под словом никого он разумел соседние народы. Другой столь же значительного ранга человек, участвуя в праздновании столетия Главного Артиллерийского Управления, при виде блестящего состояния артиллерийской части сказал: «Как всё это хорошо и сильно. Только дай Бог, чтобы мне никогда не пришлось употреблять всё это в дело». Из этих двух современников первый показал соседям физическую силу; второй показал силу нравственную.

Нравственная сила, духовная мощь, психическая энергия представляют собой важнейший элемент в народной и международной жизни человечества. Значение этого элемента стали оценивать практически и научно лишь с недавнего времени, и значение это оказывается чрезвычайно большим, а самый элемент обещает быть в своем развитии безгранично плодотворным. Тот решительный человек, который входит в клетку льва или тигра, предъявляя ему свою духовную силу, этот человек одерживает в одну минуту быструю и верную победу, какой он вовсе не одержал бы, если бы вошел в клетку дикого зверя с револьвером, ручной пушкой или бомбой. Не только человек показывает свою духовную силу,

когда это необходимо, но более развитые и умные животные делают то же: они также стараются заменить физическую силу духовной мощью. Английский архиепископ Гибер, путешествовавший из Индии в Европу на пароходе, на котором также везли слона для большого лондонского зверинца, познакомился с этим животным и оценил его духовные качества. Когда слона выгружали, он ни за что не хотел идти по сходням на берег, и его кололи в чувствительные места тела острыми железными палочками, как это обыкновенно делается, и он принужден был повиноваться. Но на полпути сходня обломалась, и слон упал в воду. Это умное животное, у которого многие части мозга развиты так же хорошо, как и у человека, поняло сразу, что сходням не выдержать его грузного тела. Несколько дней спустя высокопреосвященный Гибер посетил цирк, чтобы повидать своего дорожного приятеля. Слон радостно приветствовал архиепископа и, коснувшись концом хобота своих израненных ушей, показал архиепископу кровь. Высокопреосвященный Гибер говорит: язык слона был так ясен, что его можно было перевести на человеческую речь следующими словами: «Посмотри, как они жестоко обошлись со мной в твое отсутствие!» Архиепископ дал слону два яблока, которые слон бережно взял и съел. Видя это, хозяин цирка велел поставить в клетку слона корзину, наполненную яблоками, — слон пришел в бешенство и во мгновение истоптал в кашу корзину и яблоки. Слон показал свою духовную силу! Своим поступком он как бы сказал: «Господа люди! Я зверь большой физической силы, но я выработал в себе и высшие духовные качества: кротость, терпение, великодушие; так обращайтесь же со мною по-человечески и не будите во мне зверя». Слон имел право выразить такую мысль, потому что он первое в мире животное, которое выработало в себе кротость, великодушие и родительскую любовь, притом в таких широких размерах, какие недоступны ни одному животному, но свойственны только человеку.

Националисты во всех странах — это такие люди, которые хотят показывать душевные качества и духовную мощь своего народа. Националисты не располагают физической силой, у них нет ни пушек, ни бомб; если они бывают сильны, то только духовной мощью. Они разыскивают эту мощь, стараются ее развить, собрать воедино ее части и этот цельный духовный образ стараются показывать другим.

Народный дух и народная мощь сказываются во многом. На парижской всемирной выставке в 1889 году русский отдел живописи привлек к себе горячее, полное симпатий, отношение международной публики, которая посещала этот отдел более внимательно, чем другие.

Иностранцев поражало, что бедная и серая русская природа могла вызвать у художников столь серьезные темы. Темы, почти сплошь, носили психологический характер, изображали глубины человеческой души; этим они привлекали к себе внимание и сердце наблюдателя. Русские художники сказали новое слово для душевного прогресса человечества! Но то же сделали наши писатели: Достоевский, Тургенев, Лермонтов, Лев Толстой, и оттого все они сделались нравственной необходимостью для человечества и стали властителями мировых дум. Недаром французы, провожая в Россию гроб Тургенева, говорили, что у него два отечества: Россия и Франция. Для них он был такой же великий писатель и такое же духовное сокровище, как и для нас. Одно небольшое произведение Толстого «Хозяин и Работник» произвело необычайное впечатление во всей Европе, в особенности в Англии. Сильные духом и волей англичане, более, нежели другие народы, оценили значение душевной мощи у «Работника», который готовился встретить смерть с тем спокойствием и с той детской простотой чистой души, с какой, по словам Михаила Ивановича Драгомирова, живет и умирает русский солдат. Русские художники и русские писатели внесли крупную лепту в сокровищницу всечеловеческой души и тем сослужили великую службу международному психическому прогрессу, который состоит из суммы национальных прогрессов, согласно удачной мысли Николая Александровича Добролюбова. Русские, отстав от Запада в разработке объектов внешней культуры, не отстали в разработке вопросов духа, которым не без основания, придает такое значение маститый старец нашего времени Лев Толстой. Поэзия, искусство, художество, наука, — всё это плоды высших душевных доблестей; всё это вопросы духа, которые равно дороги всему человечеству, какая бы нация их не разрабатывала.

В разработке вопросов духа человеческие расы не в одинаковой степени талантливы по всем направлениям, но отличаются весьма существенно: так, англичанину присуща физическая мощь и неподражаемая сила воли и самообладания, почти недоступные другим народам; французу свойственны тонкий ум и рафинированное чувство, едва ли вполне доступное другим народам.

Особливые качества, свойственные душе каждого народа, стали, с недавнего времени, предметом научного исследования, почин которому положил немецкий психолог Лаццарус, начавший впервые издавать специальный журнал, посвященный изучению психологии народов. У всех народов, не исключая и нашего отечества, началось

научное изучение народной души. Важность такого изучения столь велика, что все размеры его в настоящую минуту едва ли могут быть вполне оценены. Народный дух — это величайшее биологическое богатство, созданное веками биологической и исторической жизни, глубокие пружины которой скрыты от современного взора. Слон, которого теперь безбожно истребляют (и скоро вконец истребят!) для добывания слоновой кости, вызвал у французских психологов справедливое сетование. Природа, — рассуждали они, — употребила полтора миллиона лет, чтобы создать слона с его белой костью и с его высокими духовными качествами, а человек варварски уничтожает эту биологическую ценность, не понимая ее значения. Нечто подобное происходит в оценке индивидуальных особенностей народов. Эти особенности находят себе истинный прием и своевременную оценку только на родной почве, где эти особенности зародились и возросли. Но чужому народу они были бы мало понятны. На международном рынке, при гуртовой оценке, эти высшие психологические новинки подвергались бы риску не быть замеченными и опасности не быть правильно оцененными. Сила воли англичан, вероятно, котировалась бы за пределами Англии (что мы видим и теперь) как грубость и бесцеремонность; тонкость ума и чувства французов шла бы, на чужом рынке, за сентиментальность и т. д. Но на родной почве все психические особенности рано подмечаются и бережно культивируются. Эти родные черты каждому народу дороги, как величайшее биологическое и духовное наследие, которым определяются судьбы народа и которое, в годину народных бедствий, выступает всеми своими выпуклостями и нередко является спасительным средством для народа. В этом факте лежит глубокая причина существования и процветания национальных партий у всех народов, где возникла политическая жизнь и политическая борьба. Национальные партии являются главным штабом национального психизма и первыми оценщиками и таксаторами духовных богатств своего народа.

Духовные богатства каждого народа накоплены задолго до появления национальной партии. К этим богатствам относятся: язык, поэзия, литература, художество, религия, нравы и обычаи. Все эти проявления народной души имеют свою особенность у каждого народа и дороги каждому народу, как самая жизнь. Национальные партии должны взять на себя главную охрану этих национальных богатств и главную заботу об их развитии и направлении.

Психологическое орудие, которым направляется национальная

жизнь, заключается в чувствах симпатии и антипатии. Значение первого чувства достаточно всем известно; чувство же антипатии, в самое недавнее время, было предметом исследования хорошо известного и у нас французского философа Рибо. Этот мыслитель определяет психологическое и, если можно так выразиться, международное значение чувства антипатии. Чувство это имеет гораздо больший удельный вес и обладает большей психологической валютой, чем то предполагалось раньше. Всем было известно чувство симпатии, и все одинаково признавали за антипатией лишь отрицательное значение и психологическую противоположность симпатии. Рибо доказывает психологическую самостоятельность антипатии и положительное значение этого чувства. Антипатия, по взглядам Рибо, есть оборотная сторона чувства самосохранения; она помогает народам крепче чувствовать себя и крепче держаться за свои духовные особенности, которые нередко могут быть и большими психологическими ценностями, недоступными для других, часто непонятными для других и потому сугубо ценными для обладателя. Счастливый обладатель может вырастить из них национальную, а, впоследствии, и общечеловеческую ценность. Высокая оценка, какую дало всё культурное человечество Тургеневу и Льву Толстому за то, что ими созданы многоценные художественные этюды русской души, показывает, какое значение для международной души имеют национальные типы народов. Один Тургенев, рассказы которого из русской жизни с жадностью выслушивались избранниками интеллигенции Парижа всякие две недели, снискал нашему отечеству больше симпатий, чем то могли сделать целые серии дипломатов и ученых. Жил и умер этот писатель в Буживале возле Парижа двадцать пять лет тому назад, и всё еще до сего дня он продолжает жить в нежнейшей памяти всех народов. И другой писатель, еще здравствующий и имеющий жительство в Ясной Поляне, обитает также и в сердцах всего человечества. Через этих писателей русская душа вошла в международную и стала ее достоянием. Не слова министров и их интервьюеров, но художественные штрихи писателей поднимают психическую валюту народов. Таково значение духовной мощи!

Легко понять, милостивые государи, почему те, которые враждебны русскому народу, нападают главным образом и всего более на его поэтов, писателей, ученых, на его великих людей и проч. Такие нападатели и хулители одушевлены не чувством антипатии (она дозволительна и законна!), но чувством гнева, презрения и

другими низменными страстями. Приведем несколько таких примеров, так как они более, нежели что-либо другое, должны быть предметом ведения националистов. Эти типические гневные нападки представляют собой авангардные выступления и обнаруживают мысли и цели тех, для которых существование великодушного и мирного слона восточной Европы является чем-то вроде острого ножа в сердце. Вот одно из таких выступлений. Это стихотворение, помещенное в одной из газет и озаглавленное: «На мотив Лермонтова».

Мы приводим это стихотворение целиком:
Скажи мне, банда черной сотни,
Где родилась ты, где цвела?
Каких задворков, подворотни
Ты первой гордостью была?
Поведай, чьею волей злою
Ты даже в Думу заползла?
Тому ли Грингмут был виною.
Иль в Крушеване корень зла?
Иль вражьей рати лучший воин
Честной отец Илиодор
Нашел, что злобы дух достоин
Представлен в Думе быть тобой?
Нагайки свист, шипенье гада,
Из-за угла наскок лихой, —
Всё полно мерзости и смрада
В тебе самой и под тобой.

Все знают, конечно, чудное стихотворение Лермонтова «Ветка Палестины»:

Скажи мне, Ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

Все также знают, что этот художественный перл вылился из души скорбного поэта в тот момент, когда ему предстояла вторая административная ссылка на Кавказ. Поэт скоро справился с личным горем, вызванным перспективой этой ссылки, но для него тяжка была мысль о страданиях близких ему, которым предстояла разлука с ним. И вот, объятый высокой альтруистической скорбью, поэт

олицетворяет себя в «Ветке», а своих близких в «Пальме», от которой насильственно отторгается ветка: пред его художественным взором восстает картина возможной смерти друзей или близких людей. Это повергает поэта в глубочайшую печаль, и он, в тяжком томлении души, задает вопросы и ведет разговор с веткой:

И Пальма та жива ль поныне?
Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?

Таковы были мысли и тревоги поэта! Для нас, русских, стала святыней каждая минута скорбной жизни поэта, вылившейся в звуках его поэзии. Друг и переводчик Лермонтова, немецкий поэт Боденштедт, называет всю поэзию нашего великого поэта «драгоценными слезами», которые, как выражается Боденштедт, служили Лермонтову утешением при жизни и создали неувядаемый венок славы по смерти. И, вот, в эти драгоценные слезы газетный кривляка дерзнул кощунственно обмакнуть свое нечистое перо, чтобы сводить счеты со своими политическими противниками. Когда дурной человек (какого только можно представить себе!) желает обидеть и оскорбить своего противника, он для этого оскорбляет и позорит его мать. Рифмоплет, о котором идет речь, сделал это со священной памятью великого русского человека. Все лучшие произведения Лермонтова, например, «Бородино», и произведения многих других поэтов стали мишенью для людей, которые исполнены гнева и презрения в отношении русского народа и нападают на всё священное для нас. Вдумайтесь: нападают не на наши недостатки, а на наши святыни.

Господа русские националисты! С той минуты, когда вы народились на свет как политическая партия, — злобные выступления, подобные приведенным сейчас, прекратились, как бы волшебством. Такова духовная сила национального знамени!

У русских националистов и у представителей национализма других стран есть еще один противник. Противником этим являются те бесчисленные люди, которые ежечасно, из глубины своих контор, воссылают мольбы ко Всевышнему, чтобы Он не уменьшил их барышей на международных займах. Эти благочестивые люди, не верящие в силу национальных идей, верят в силу золота. В последние 4–5 лет они прилагали все усилия к тому, чтобы силой золота зараз:

уменьшить нашу духовную мощь и увеличить проценты на свои капиталы.

И те, и другие противники, оценивая по-своему явления жизни, не догадываются о великом значении духовной мощи. Игнорируя правду жизни, или ее не понимая, они не понимают и того факта, что народы и царства держатся не силой физической и не силой денежной, но величием и мощью народного духа. Выше грубой силы оружия и выше коварной силы денег стоит великая психическая сила и великая биологическая правда, — ими определяется будущность важнейших мировых событий. Народ или раса, которые довольно проницательны в этих душевных тонкостях, могут обеспечить себе дальнейшее верное существование и успехи.

Обращаясь к этой стороне темы, мы не поднимаем хитроумных вопросов о праве силы или о силе права, — пусть знатоки силы и права разрешают смысл этих метафизических тонкостей; мы охотнее останавливаемся на вопросах реальных — на вопросах психической силы и биологической правды. Вопросы эти стоят ближе один к другому, чем это может показаться с первого раза; но для более верной перспективы я попрошу у вас позволения взглянуть на современные события несколько отступя, — иначе из-за близости к деревьям можно не заметить леса. Отсутствие дальности взора или широты взгляда — это такие достоинства, из-за которых впоследствии приходится всё поправлять или переделывать. Итак, не побоимся ни широких, ни далеких перспектив.

Я хотел бы, чтобы на этом пути русские националисты не были похожи на финляндских, которые в своих исторических воспоминаниях не хотят подняться дальше Боргосского сейма. Но все знают, что и раньше этого сейма существовала история! С этой историей, а в особенности, с той ее частью, которая называется антропологической историей, — очень и очень не мешало бы познакомиться и нашим, и финляндским националистам, да и вообще образованным людям.

История — великое дело! Кто не знает истории — будет ли то отдельный человек, или отдельный народ — ему придется, в своем историческом прогрессе, по нескольку раз возвращаться назад, как тому путнику, который не знает маршрута и не хочет спросить людей.

Психические и биологические события, как уже упомянуто выше, стоят близко. Их связь состоит в том, что историческим событиям предшествуют, а затем идут с ними рядом события биологические. Этими последними созидается значительная часть истории.

Необходимо это знать, чтобы вполне оценить силу тех великих факторов, которые положены в фундамент истории народов.

Биологические исследования, а также и исторические, показывают, что талантливость рас и антропологические качества их стоят в теснейшей связи и взаимоотношении. Известный всему миру Вирхов, исследуя черепа и психические достоинства некоторых рас, дал о славянах очень хороший отзыв, но об одном небольшом народе Европы выразился, что у него самый плохой череп, какой только можно встретить в Европе. Это вызвало бурю негодования и протестов. Правда, эти протесты не были так резки, как протесты и отзывы московских фармацевтов о Менделееве, который в отношении к ним стал в такое положение, как Вирхов в отношении народа (имя рек). Фармацевты, в ответ на это, высказали, что Менделеев когда-то был немножко ученым человеком, а теперь он и совсем поотстал. Скоро обе эти антрополого-психологические бури улеглись, и всё осталось по-прежнему, то есть Менделеев, несмотря на лишение его диплома московскими фармацевтами, все-таки остался великим ученым, а черепа представителей этого народа, о котором говорил Вирхов, остались без перемены не только в коллекции Вирхова, но и в своих живых экземплярах. Таким образом, черепа народов и другие особенности телесного строя рас так же различны, как и душевные качества, и соответствуют одни другим. Тело и дух взаимно определяют себя и взаимно характеризуют.

В оценке судеб и будущности народов необходимо принимать в расчет все пережитые ими исторические и биологические прецеденты. Современные народы, сильные духом и числом, представляют собой не простую случайность или беспочвенный каприз судьбы, но являются естественным, органическим заключением необозримой цепи предшествующих событий. Выделившись из ряда других своими биологическими особенностями в незапамятные доисторические времена, талантливые народы внесли затем в свою природу и жизнь колоссальные, неисчислимые затраты психической энергии и этим составили высокопробный духовный капитал. Этот капитал они передали своим потомкам, как бесценное биологическое наследие, на котором у потомков зиждется их современное историческое величие. Предки современных великих народов культивировали свой дух и свое тело, развивали доблести телесные и душевные и продолжали неустанно дружным сомкнутым строем всех своих единиц свою духовную работу в течение тысячелетий. Вот чем создано духовное величие и крупный численный контингент некоторых народов!

Сделаться участником этого великого духовного капитала возможно для постороннего индивидуума или народа только путем антропологического объединения, так как природа не знает и не практикует ни подражаний, ни дарственных записей, ни отчуждения духовных качеств.

Биологическое и психологическое существуют совместно и не подлежат ни разделению, ни расслоению; всё дается разом сыну своего народа. Поэтому вопрос о раздельном самобытном существовании маленьких рас и народов или о приобщении их к великим народам — это вопрос их инстинкта и разума. Существующее ныне господство великих народов — это не продукт истории и исторических событий, но глубочайшее доисторическое и биологическое явление, служащее выражением эволюции и прогресса жизни. Это великая наследственная почесть природы, оказанная тем, кто много потрудился в деле культуры духа и тела! Это личное приобретение, а не завоевание! Если бы какой-нибудь народ, малый или великий, захотел отступиться от своих исторических, а тем паче от биологических начал и требований, — то он легко мог бы оказаться в том положении, которое художественно изображено Тургеневым в его «Стихотворениях в прозе», в рассказе «Природа». Рассказ этот, по-видимому, написан для государственных людей. Вот этот рассказ.

Природа

Мне снилось, что я вошел в огромную подземную храмину с высокими сводами. Ее всю наполнял какой-то тоже подземный, ровный свет.

По самой средине храмины сидела величавая женщина в волнистой одежде зеленого цвета. Склонив голову на руку, она казалась погруженной в глубокую думу.

Я тотчас понял, что эта женщина — сама Природа, и мгновенным холодом внедрился в мою душу благоговейный страх.

Я приблизился к сидящей женщине и, отдав почтительный поклон: «О, наша общая мать!» — воскликнул я: «О чем твоя дума? Не о будущих ли судьбах человечества размышляешь ты? Не о том ли, как ему дойти до возможного совершенства и счастья?»

Женщина медленно обратила на меня свои темные грозные глаза. Губы ее шевельнулись, — и раздался зычный голос,

подобный лязгу железа:

— Я думаю о том, как бы придать большую силу мышцам ног блохи, чтобы ей удобнее было спасаться от врагов своих. Равновесие нападения и отпора нарушено. Надо его восстановить.

— Как! — пролепетал я в ответ. — Ты вот о чем думаешь? Но разве мы, люди, не любимые твои дети?

Женщина чуть-чуть поморщила брови:

— Все твари мои дети, — промолвила она, — и я одинаково думаю о них и забочусь — и одинаково их истребляю.

— Но добро… разум… справедливость, — пролепетал я снова.

— Это человеческие слова, — раздался железный голос, — я не ведаю ни добра, ни зла. Разум мне не знаком… — И что такое справедливость? Я тебе дала жизнь, — я ее отниму и дам другим, червям или людям… мне всё равно… А ты, пока, защищайся — и не мешай мне!

Я хотел было возражать… но земля кругом глухо застонала и дрогнула, — и я проснулся.

В приведенной художественно-философской интерпретации биологических явлений и фактов мы трижды подчеркиваем слова: — А ты, пока, защищайся — и не мешай мне! Из этих слов вполне очевидно, что природа, давши народу или группе известную дарственную, предоставляет всё дальнейшее личному труду и энергии, не обещая вперед своего содействия. В благожелательном совете Природы слышится психологический мотив: защищайся, о нападении речи нет, а только о самозащите. Вот почему, сугубо ошибочна роль рифмоплета, или рифмоплетов, которые усвоили себе агрессивное чувство гнева. Если это представители политики какого-нибудь малого народа, то такая политика безгранично опасна для этого народа в духовном отношении.

Всем известно слово долг; известные и два другие слова: «национальный долг». Слова эти не вычеркнуты ни из словарей, ни из жизни. Природа, о которой мы сейчас слышали мнение Тургенева, не потерпит, чтобы слова эти оставались вотще — только для украшения академических изданий. Долг подлежит исполнению! Долг националистов состоит в охранении и развитии величайшего наследия веков — национальной души. Если бы слон мог говорить человеческим языком, то он так бы сказал людям, истребляющим

слоновую породу для получения слоновой кости: «Люди! Я, подобно националистам всех стран, более всего дорожу своей национальной слоновьей душой с ее кротостью, терпением и великодушием; я автор этих драгоценых, даже с вашей точки зрения, качеств: до меня животное царство этих качеств не знало. Если вам нужно мое хозяйство, то есть мои белые зубы, я готов отдать их в пользу вашей человеческой жадности; но многоценной души своей я ни за что не отдам: она выстрадана тысячелетиями душевных усилий». То, что является биологическим долгом животного, применимо и к человеку. Человек должен ценить свои высшие качества.

Националисты должны охранять народную душу со всеми ее атрибутами: языком, поэзией, художественным творчеством, школой, прессой, религией. Охранной силой может быть не армия и флот, но великое напряжение и неусыпная бодрственность национального духа.

В наши дни национальное самосохранение представляет более трудную задачу, нежели в века минувшие. Тогда один народ захватывал у другого его территорию и присваивал себе. Это называлось территориальной войной. Затем народы стали опутывать друг друга хитроумными путами народных займов и торговых трактатов. Это экономическая борьба наций или борьба за рынок. Теперь выступила на сцену борьба за душевную целость. Это — национальная борьба в самом строгом смысле этого слова. Она ведется двумя различными приемами. С одной стороны, широко действуют современные войны, в которых принимают участие миллионы лучшей части населения каждой страны, и где люди рискуют быть истребленными или в конец нервно-изувеченными с той безжалостностью и бессмыслием, с каким истребляется порода слонов. А с другой стороны, нациям угрожает духовное разрушение — денационализация, которой, не без основания, боятся даже сильные из современных наций. Если войны действуют механически, посредством разрушения физических организмов у тех, кто состоит носителем биологических ценностей, то денационализация действует, так сказать, химически, разрушая и разъедая самый состав и склад народного духа. В начале христианской эры существовала профессия переписчиков, в которую втерлись мошеннические элементы фальсификаторов, занимавшихся специально извращением и подменой идей великих авторов, с которыми было трудно справиться честным путем. В наши дни существует сходное явление: тысячи безымянных авторов выпускают свои произведения подобно тем

фабрикам, которые не ставят клейма на плохих фабрикатах, а редактирование некоторых повременных изданий обратилось в бесстыдный подыменный промысел. Одни квазичестные люди не смеют открыто называть своего имени, другие такие же бесстыдно продают свое имя и свою честь. В интересах гигиены национального духа, партиям националистов необходимо бороться с литературным обманом, создавая честные органы мысли, а не фабрикаты — без клейма. Это пассивная сторона националистической работы.

Важнейшей же активной задачей должен быть подъем национального духа до такого потенциала, чтобы вековое национальное создание продолжало развиваться и крепнуть, как великое явление жизни.

В заключение позвольте высказать, что великая задача направления корабля жизни есть труднейшее дело и труднейший долг. Но трудность облегчается, если следовать верному компасу вещих людей страны и самую память этих людей не только оберегать от поругания, но оценивать ее и хранить в недрах народной души, как это делают все великие нации.

С другой стороны, при движении вперед, необходима верность маршрута и программ. Важнейшей из программ нашего времени должна быть точная оценка событий и верное определение лозунгов. По этому вопросу возможно сделать следующие краткие предварительные замечания.

Увеличение количества самоубийств в наши дни и усиление порнографии — это верные знаки упадка национальных и нравственных идеалов; это — проявление того разъедающего начала, которое стремится вытравить корни из глубины народной души. В то же время усилившееся нападение на народные святыни — на поэзию и религию, в особенности же применение гнева, как боевого оружия, взамен мирных чувств — симпатии и антипатии — указывает на то, что нападающие выступили из рамок того заповедного круга самозащиты, который так определенно начертан природой в истолковании великого национального ясновидца. Вы понимаете, почему так ненавистны наши национальные ясновидцы для тех, которые стали или готовятся стать в боевую позицию — взамен мирного духовного сожительства. Это оттого, что мы забыли о великом долге самозащиты!

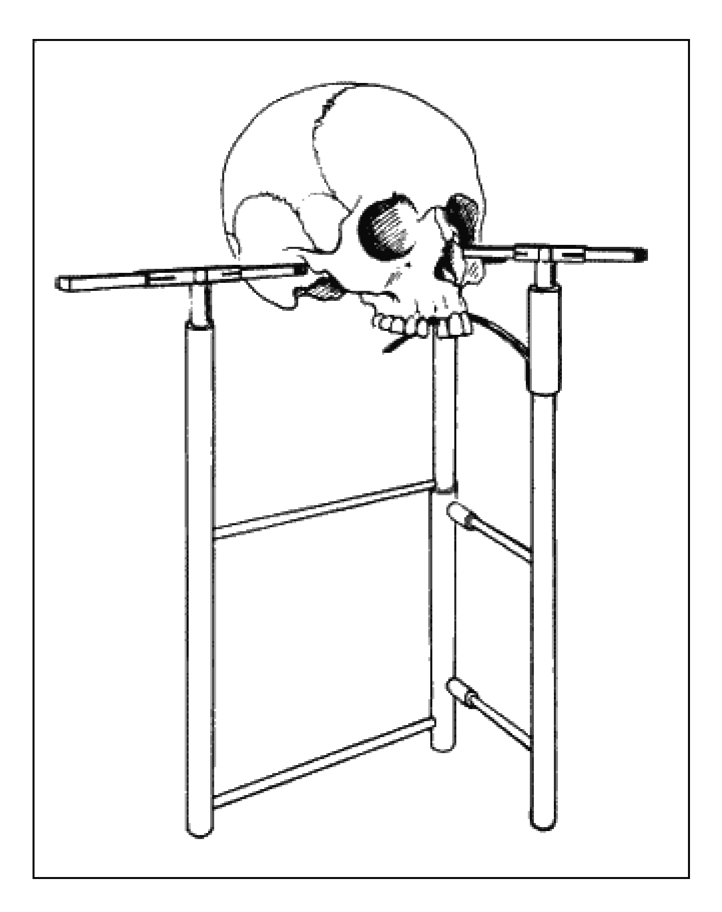
Обратим внимание на эти «знамения и времена», но не поколеблемся духом: сомнениям нет и не должно быть места! Хотя в воздухе слышится карканье на тему о вырождении русского народа,

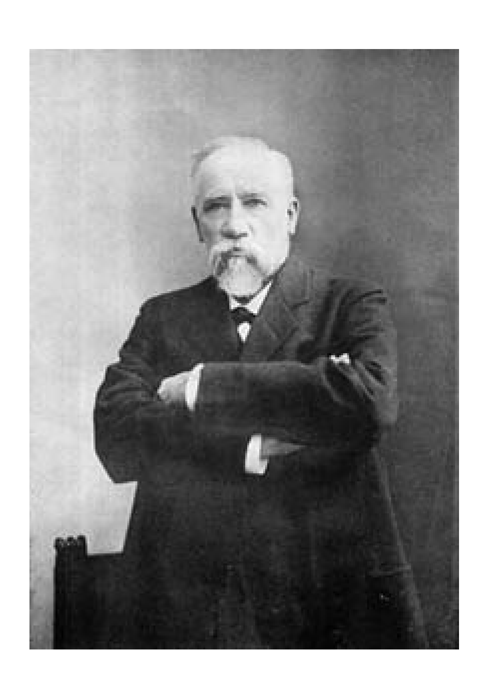
но у эксперта, которому вы оказали высокую честь вашим вниманием при слове: Россия, Русский Народ — в душе вспыхивает живая радость, но не чувствуется ни отчаяния, ни плача Иеремии. Я уверен, что в этом чувстве мы все единодушны!

Физиология нравственных страданий

И. А. Сикорский

Публичная лекция, читанная с благотворительной целью 20 марта 1890 года

Влияние нравственных страданий на организм человека

Когда в 1870 году Париж был окружен железным кольцом немецкой армии, население столицы мира испытывало величайшие лишения в отношении первых потребностей жизни. В осажденном городе более всего недоставало молока, и это вызвало усиленную смертность грудных детей: дети умирали от недостатка естественной пищи. Когда мать голодающего младенца должна была беспомощно смотреть на таявшую жертву, то сколько нравственной муки, сколько томления и страданий таилось в ее безмолвном взоре. Молох войны получал двойную жертву: дети гибли от голода, их матери умирали от горя или от горя впадали в безумие. И кто возьмется решить, что ужаснее — физические ли страдания голодавших детей или душевные муки их матерей!

Нравственные страдания так же убивают организм как и физические, но они страшнее физических потому что они поражают высший орган жизни — нервную систему и поражают ее во всех частях, не оставляя свободного места.

Если, вооружившись точными инструментами, мы станем исследовать все изменения, вызываемые в организме нравственными

страданиями, то нашему взору представятся глубокие расстройства во всех без исключения отправлениях нервной системы.

Иннервация всех отправлений, начиная от мышечной или физической силы до дыхания и кровообращения, поражаются при нравственных страданиях; даже высшие отправления нервной системы — чувство и мысль претерпевают глубокие изменения.

Если бы мы захотели охарактеризовать одним словом все изменения, производимые в организме нравственными страданиями, то правильнее всего было бы сказать, что нравственные страдания убивают организм медленной смертью, вызывая в высшей степени тяжелые симптомы, способные убить вполне здоровый организм посредством продолжительных мучений.

Человеческое слово с поразительной меткостью и пластичностью старается изобразить изменения, производимые в организме нравственными страданиями. Поэтический вопль страдающей человеческой души гораздо раньше указал на те симптомы, которые в наши дни опытная психология старается определить со всей точностью научного анализа.

В великих творениях поэтов, в пламенных вздохах библейских пророков находим поразительные подробности в изображении нравственного самочувствия.

Изобразительные описания вдохновенного языка в соединении с точными инструментальными исследованиями новейшей науки дают возможность глубоко проникать в тайники страдающей человеческой души и исследовать физиологические процессы, которыми сопровождаются нравственные страдания.

Самым очевидным признаком нравственных страданий является упадок физических сил, т. е. ослабление степени мышечных сокращений. Мышцы служат для движений организма, и надлежащая иннервация их составляет источник физической крепости и приятного самочувствия. Нравственные страдания в чрезвычайной степени ослабляют силу мышц. Если сила сжимающей руки у человека равна 70–80 килограммам, т. е. 20–30 фунтам, то под влиянием тоски сила эта может упасть до 4–6 фунтов.

То же уменьшение мышечной силы распространяется на все (без исключения) мышцы тела. Если оно наступает быстро и в значительной степени, то человек лишается сил на самые обыкновенные действия, даже на поддержание собственного тела в состоянии надлежащего равновесия, вследствие чего позвоночник сгибается, голова склоняется, руки опускаются и падают и, если мы

говорим, что человек склоняется под тяжестью нравственных испытаний, что от горя опускаются руки, поникает голова, что страдалец изнемогает и падает под ударами рока, то эти выражения вполне точны не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. Библейский страдалец говорит о себе, что его сила иссохла, и он превратился в трость, колеблемую ветром. Если в таком состоянии человек должен работать, то силы его истощаются гораздо скорее, чем в обыкновенном состоянии, и наступает в высшей степени тягостное бессилие и утомление. Человеческий язык справедливо называет нравственные муки томлением.

Упадок сил, вызываемый нравственными страданиями, распространяется на все мышцы тела, даже на те, которые служат самым главным потребностям организма. К таким мышцам относятся, прежде всего, все мышцы дыхательные.

Дыхание совершается при посредстве ритмического расширения грудной клетки мышцами, охватывающими ее со всех сторон. Под влиянием нравственного страдания деятельность этих мышц подавляется и дыхательная работа является трудной, утомительной, несовершенной. Исследование дыхания у человека, убитого горем, представляет собой один из самых неожиданных и поразительных примеров расстройства телесных отправлений под влиянием нравственных причин.

В особенности поучительно сравнить дыхание здорового человека с дыханием человека, перенесшего нравственный удар. В этом отношении поразителен следующий пример.

Молодой человек нежной души неожиданно получил тяжкий нравственный удар. Страдания молодой души продолжались два дня, после чего недоразумение, послужившее источником мимолетного горя, разъяснилось, и радость жизни снова вступила в свои права, поглотивши собой, как казалось, бывшее горе. Но так только казалось. На самом же деле молодой человек чувствовал нервное расстройство и обратился за врачебной помощью. На душе у молодого человека было ясно, и существовали только многочисленные нервные расстройства. Исследование дыхательной деятельности точным аппаратом показало, что дыхание еще носит на себе все следы расстройств, произведенных горем. Несмотря на то, что уже прошли две недели с того времени, как горе рассеялось, подобно дыму, дыхание всё еще оставалось подавленным, измененным, расстроенным. Было очевидно, что горе исчезло, но последствия его продолжали оставаться в нервной системе.

Приведенный пример указывает на необыкновенную стойкость нервных расстройств, вызываемых нравственными причинами.

Затруднение дыхания составляет один из самых мучительный припадков тоски. Понятно, почему человек, который измучен нравственными страданиями, просит, чтобы ему дали спокойно вздохнуть.

Тяжелые виды физических и нравственных страданий производят характеристическое изменение дыхательного ритма. Нормальное дыхание, как известно, совершается таким образом, что грудь, при помощи дыхательной мускулатуры, постепенно расширяется до известных пределов, а затем спадается пассивно без участия мышц, а лишь силой тяжести самой грудной клетки. В состоянии же тоски, не только вдыхание, но и выдыхание совершается активно, и притом выдыхание совершается с большей силой и даже судорожно. Такой тип дыхания называется стоном. Стон является спутником и показателем острого физического страдания или тяжкой нравственной боли. При умеренных нравственных страданиях стон не слышен. Однако же, записывая на точном приборе дыхание стонущего человека и дыхание нравственного страдальца и сравнивая их между собой, мы видим, что оба вида дыхания совершенно между собой сходны. Очевидно, что и физическая боль и нравственная боль одинаковым образом изменяют дыхание. Таким образом, дыхание человека, страдающего нравственно, есть, в сущности, молчаливый или неслышимый стон, в самом точном значении этого слова.

Если горе продолжалось долгое время, дыхательная мускулатура утомляется, и мы наблюдаем уменьшение дыхательных движений, поразительные примеры которого можно видеть у тех больных, которые страдают болезненной тоской.

Все нравственные страдания в высшей степени отражаются на деятельности сердца. Будучи одним из главных органов жизни — центром кровообращения — сердце связано нервными нитями с мозговой корой, которая представляет собой седалище психических деятельностей — центр сознания и воли. По нервным путям, связывающим сердце и мозг, сердцу беспрерывно передается часть возбуждения от головного мозга. Все процессы, совершающиеся в мозгу, всякое малейшее движение мысли и чувства отражаются на сердце, изменяя и колебля его деятельность. Эти колебания сердечной деятельности бывают то едва заметны и едва уловимы для самых тонких приборов, то обрушиваются как ураган и заставляют сердце биться с силой живого существа, готового вырваться из груди.

Благодаря таким физиологическим условиям сердце является материальным средоточием чувства, отражая в себе всю сложную жизнь высшей нервной системы. Эта физиологическая отзывчивость сердца явилась великой школой для развития нравственного самочувствия. В самом деле, тончайшие движения нашей мысли и чувства во многих отношениях остаются неясными, неуловимыми, непонятными для нас самих; но когда эти таинственные и непонятные движения начинают колебать ритм нашего сердца, они становятся осязательными и ясными для нашего духа, и тогда мы читаем в нашем собственном сердце то, что без этого осталось бы для нас неуловимым и незаметным. Легко понять после этого, почему во все времена люди познавали сердце средоточием чувств, полагая, что чувство локализируется и живет в сердце. Физиология показала, что мысль и чувство живут в головном мозгу, а сердце лишь отражает на себе то, что происходит в мозгу.

Физиологическая чуткость и отзывчивость сердца выражены гораздо более в организме женщины, нежели у мужчины. Нервы, связывающие головной мозг с сердцем, работают гораздо энергичнее и тоньше в организме женщины, и в этом лежит причина того, что женщина более мужчины проницательна в вопросах чувства и нравственного такта. Ее чуткое сердце уже начинает биться и дрожать там, где сердце мужчины еще не отзывается.

После сказанного легко понять, что нравственные страдания должны действовать на сердце самым глубоким и самым существенным образом. Без сомнения, нравственные страдания локализируются там, где живет человеческая мысль — то есть в мозгу. В мозговой коре тот очаг, где горит Прометеева искра и где незримо таятся человеческие чувства. Здесь сосредоточена вся психическая жизнь в ее низших и высших проявлениях. Испытываем ли мы физическую боль или нравственные муки, в обоих случаях соответственные материальные процессы совершаются в мозговой коре, и уже отсюда отражаются на сердце. Следовательно, из мозга, из этого истинного средоточия жизни — исходят те толчки, которые поражают сердце.

Воздействие нравственных страданий на сердце состоит в том, что они замедляют и ослабляют силу ударов сердца, причиняя тем крайне тягостное субъективное ощущение в области сердца. Следовательно, нравственные страдания угнетают сердце в буквальном значении этого слова. Если поэтический язык говорит, что тоска гнетет сердце, то это выражение чрезвычайно тонко передает то, что происходит на

самом деле. В высокой степени интересно, что физические страдания, напр. боль, вызванная тяжелым ранением или разможжением части тела, равным образом подавляет деятельность сердца. Таким образом и физическая и нравственная боль одинаково угнетают сердце. Это гнетущее действие передается сердцу в обоих случаях по одним и тем же нервным нитям.

Физическая или нравственная боль может до такой степени угнетать сердце, что количество крови, посылаемой сердцем головному мозгу становится недостаточным для его питания, и деятельность этого органа на минуту приостанавливается. Такое состояние называется обмороком. Человек может упасть в обморок и от сильной физической боли, и от тяжкой нравственной муки. Сильнейшие виды физической или нравственной боли могут совершенно остановить сердце и причинить смерть.

Быть может самыми поразительными явлениями нравственные страдания обнаруживаются на деятельности сосудодвигательной системы тела. Субъективный анализ страдающей человеческой души более всего останавливается на этих именно изменениях. Сосудодвигательные нервы с их центрами составляют удивительный прибавочный механизм к сердцу: назначение этих нервов состоит в том, чтобы регулировать кровообращение. Сердце движет кровь по кровеносным жилам, а сосудодвигательные нервы управляют распределением крови по отдельным органам и участкам тела. Краска стыда, внезапно покрывающая лицо, зависит от мгновенного расширения кровеносных сосудов головы; мертвенная бледность лица, вызываемая испугом, происходит от внезапного сужения сосудов. Изменение просвета сосудов является показателем всех колебаний чувства и чрезвычайно тесно связано с субъективными состояниями. Важное значение сосудодвигательной системы выясняется, быть может, лучше всего из того факта, что наполнение кровью и питание самого мозга находится под тончайшим, удивительным контролем сосудодвигателей. Когда наше внимание напряжено, когда мы готовимся дать хотя бы самый краткий ответ на предложенный вопрос, нервные механизмы внезапно суживают сосуды всего тела и расширяют сосуды мозга и, благодаря этому, мозг в момент ответа находится в условиях наилучшего питания кровью. Кончили мы наш ответ — кровообращение возвращается к своей норме. Посредством точных приборов, изображающих графически подробности кровообращения, удалось подметить всю удивительную механику этих процессов. Профессор Моссо, бывший ученик

профессора Людвига, делавший на самом себе подобные опыты, рассказывает, что когда Людвиг входил в лабораторию во время опытов, то кровообращение иначе изменялось у него, чем в том случае, когда входили другие, и по этим изменениям Моссо мог определить приближение Людвига без помощи внешних органов чувств, а лишь по изменению деятельности своего сердца и сосудов. Таким образом, благоговение, которое Моссо питал к своему учителю, изменяло его кровообращение, и на точных приборах он мог объективным образом изучить проявление возвышенного чувства, наполнявшего его душу.

Вы понимаете до какой степени эти чувствительные механизмы, о которых мы ведем речь, подвергаются изменениям при нравственных страданиях. И в самом деле, наблюдения показывают, что под влиянием тоски и нравственных мук кровеносные сосуды всего тела сильно суживаются, чем до крайней степени затрудняется приток крови к органам и питание тканей. Последствия нарушенного кровообращения обнаруживаются на всех самых важных для жизни отправлениях и, прежде всего, на дыхании. Сужение кровеносных сосудов легких затрудняет легочное кровообращение и обмен газов, т. е. освобождение крови от вредных газов и поступление в нее кислорода. Этим вызывается более или менее тягостное чувство недостатка воздуха в груди, которое заставляет человека по временам делать глубокие вздохи, чтобы пополнить газовый недочет. Но эти вздохи, при слабости дыхательных движений, являются крайне утомительными, и человеческий язык по справедливости называет их тяжкими вздохами. Вздохи являются самым характеристическим знаком печали, подобно тому как стон составляет знак физического страдания.

Сужение сосудов, вызываемое нравственными страданиями, отзывается самыми тяжелыми последствиями на деятельности сердца и на отправлениях головного мозга. Мозг и сердце как главные орудия жизни нуждаются более всех других органов в правильном и обильном питании кровью, и всякое нарушение достаточного притока крови к ним действует на них убийственно.

Сердце, питая кровью весь организм, питает той же кровью и самое себя. Кровь входит в мышцу сердца через артерии, которые опоясывают его как венцом и называются венечными артериями. Свободное течение крови по венечным артериям составляет главное условие успешной работы сердца. Заболевание же этих артерий и затруднение притока крови к сердцу вызывает одну из самых тяжких

болезней — так называемую грудную жабу. Легко понять, до какой степени важен и необходим для сердца правильный, обеспеченный приток крови, особенно в виду того, что сердце должно работать 24 часа в сутки. Между тем под влиянием нравственных страданий венечные артерии сердца, подобно всем другим артериям тела, суживаются, и приток крови к сердцу уменьшается. При таких условиях деятельность сердца подвергается тяжким, чрезвычайным затруднениям. Я прошу вашего позволения войти несколько подробнее в разбор физиологических условий, в которых находится сердце, угнетенное нравственными страданиями.

При нормальных условиях сердце совершает в течении 24 часов работу, равную двухчасовому труду работника, следовательно, работу сердца надобно назвать громадной. Вся живая сила сердца уходит на преодоление препятствий в системе кровообращения. Под влиянием нравственных страданий — когда сосуды тела суживаются, препятствия для кровообращения нарастают, и работа, предстоящая сердцу, значительно увеличивается. Если препятствия возникают внезапно, сердце с трудом побеждает их, и усилие, которое оно должно делать, дает такое субъективное ощущение, как будто сердце надрывается. Это состояние с удивительной точностью передано в поэтическом изображении Лермонтова. Жена купца Калашникова, опозоренная злым опричником Кирибеевичем, вернувшись и услышав грозные речи мужа, говорит ему:

Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто вострый нож;
От них сердце разрывается.

Несмотря на кажущееся логическое противоречие у Лермонтова в художественном изображении разрывания сердца под действием острого ножа — в сущности эти поэтические образы глубоко правдивы и передают физиологические факты с удивительной точностью. Кажущееся логическое противоречие свидетельствует лишь об изумительной проницательности поэта. Поэтические сравнения, подобные приведенному у Лермонтова, общеизвестны: мы говорим о надрывающих сердце известиях, о сердце, готовом разорваться от горестной вести и т. д. Все эти выражения буквально верны. В самом деле, врачебный отчет показывает, что в силу нравственного огорчения может последовать внезапная смерть от разрыва больного сердца.

Параллельно с расстройством кровообращения во всем теле, нарушается правильность кровообращения в самой мышце сердца: происходит сужение венечных артерий сердца. Наступающий вследствие того недостаток питания в столь важном для жизни и столь чувствительном органе как сердце сказывается крайне тяжелыми ощущениями томления и тупой боли в сердечной области. Человеческий язык, руководясь субъективным анализом, употребляет множество сравнений, образов и описательных выражений, чтобы передать словами те тяжелые ощущения, которые испытывает сердце, лишенное надлежащего количества крови. Таковы выражения: тоска змеей впилась в сердце, грусть-тоска сосет и гложет сердце.

Если сужение сосудов, питающих сердце, наступает быстро, вызываемое им внезапное малокровие сердца причиняет острую сердечную боль. Сравнение этого ощущение с раной, наносимой сердцу острым орудием, принадлежит к числу самых обыкновенных и общераспространенных образов человеческого языка. Великий психиатр недавнего прошлого, глубоко изучивший человеческую душу в здоровом и больном состоянии, называет нравственные страдания невидимыми слезами — внутренними ранами. Это сравнение физических ран с нравственными представляет более, нежели простую аналогию и сходство; оба состояния тождественны по своему воздействию на чувствительные нервы сердца: и непосредственное ранение сердца, и внезапное затруднение притока крови к нему одинаково раздражают нервы сердца и вызывают чувство острой, режущей боли. Мы говорим о ранах сердца, о свежих ранах, о неисцелимых ранах сердца, о горе, проникающем сердце насквозь и т. п. Основание для всех подобных выражений лежит в ощущении более или менее острой физической боли, локализующейся в сердце.

Субъективный анализ рисует нам еще одно тяжелое ощущение, именно сжатие сердца. Остается неизвестным, какие физиологические условия дают это ощущение, но всего вероятнее оно вызывается судорожным сокращением сердца и совпадает со сжатием груди, сжатием горла и другими судорожными явлениями в области дыхательной и сосудодвигательной иннервации.

Если суммируются многие расстройства в дыхании и кровообращении, если в особенности на первом плане выступают расстройства в питании сердца, то развивается то состояние, которое в науке известно под именем предсердечной тоски. Предсердечная тоска — это чувство болезненного, страшного ожидания, соединенное

с невыразимым томлением и тоской. Это нестерпимое чувство, стоящее на границе между физическими и психическими страданиями, превосходит по своей субъективной тяжести всё, что человек может испытывать. Это чувство является ближайшей причиной большей части самоубийств.

Нравственные страдания отражаются на всех без исключения процессах в организме. Они ослабляют и нарушают все питательные процессы в теле. Ежедневный опыт показывает, что под влиянием душевной тоски организм человека тает точно так же, как под влиянием физического страдания или болезни.

Головной мозг и его отправления подобно всем остальным органам и отправлениям организма подвергается глубоким изменениям под влиянием нравственных страданий.

Самое питание ткани мозга кровью затрудняется вследствие сужения сосудов и ослабления деятельности сердца. Между тем мозг принадлежит к органам наиболее богатым кровью и наиболее чувствительным к ее недостатку. Представляя собой самое сложное и совершеннейшее орудие жизни, мозг нуждается в более совершенном кровообращении, нежели всякий другой орган. И в самом деле, точные исследования открыли удивительные факты касательно процессов питания и обмена веществ в мозговой ткани. По остроумному сравнению Фойта, мозг представляет совершеннейший механизм, всегда стоящий под парами, всякую минуту готовый к действию. Но для того, чтобы ухо готово было всегда слышать, глаз видеть и т. д., чтобы всякий орган чувств ежеминутно готов был к работе, требуется огромная затрата живых сил. Она в действительности и происходит. Этим, однако же, не исчерпывается физиологический бюджет мозга. За пределами видения, слышания — этих элементарных психических деятельностей — лежит беспредельная область человеческой мысли. Мысль — эта неугасимая искра — в свою очередь требует материальных субстратов и совершается не иначе как с огромной затратой живых сил, подобно другим процессам организма. Легко понять, что обмен веществ и трата материала в мозгу должна быть велика, и требует самого совершенного кровобращения. Легко понять также, какие серьезные последствия влечет за собой сужение сосудов и расстройство мозгового кровобращения, вызываемое нравственными страданиями. И в самом деле, продолжительное расстройство мозгового кровообращения неумолимым образом приводит к психическим заболеваниям. Заботы, горе, тоска, нравственные страдания всегда

вызывают сужение питающих мозг сосудов и тем самым вызывают глубокое физическое истощение этого органа. Этим, однако же, не ограничивается разрушительное влияние нравственных страданий на мозг; оно идет гораздо далее, и мы поймем его если на минуту взглянем на психические деятельности с материальной точки зрения, которая позволит нам с большей очевидностью измерить и взвесить вред, причиняемый мозгу и его отправлениям.

И физическое, и нравственное страдание — если их рассматривать с физиологической точки зрения, как процессы, совершающиеся в организме, представляют собой громадную истощающую работу. Всякое страдание утомляет человека, потому что сопровождается огромной затратой сил и быстро истощает мозг. Измеряя степень этого истощения материальной мерой, мы встречаемся с фактом существенного различия между физическими и нравственными страданиями в отношении воздействия на мозг. Исследуя влияние нравственных страданий на деятельность дыхания, на сердце и на кровообращение, мы видели, что и нравственная, и физическая боль в равной степени нарушают эти отправления. Но когда дело идет о головном мозге и его деятельности, то мы впервые встречаемся с фактом великой важности, — показывающим, что нравственные страдания истощают мозг гораздо сильнее, гораздо глубже, нежели страдания физические. Если для утоления физической боли требуется известная доза наркотического лекарства, то для облегчения тоски и горя, для некоторого забытья — требуется доза несравненно большая. Таким образом нравственные страдания тягостнее физических. Понятно, почему человек готов предпочесть последние первым, готов скорее подвергнуться физическим мукам нежели позору и предпочитает смерть бесчестью. Древние мучители христиан знали это, и когда желали проявить свою месть старались заменять смертную казнь позором и, однако же, мученицы предпочитали смерть: она была менее ужасна, чем позор и вызываемые им нравственные муки. Одна шестнадцатилетняя мученица с насмешкой переносила орудие пытки, раздиравшее ее тело. Раздраженный ее терпением мучитель в заключение пытки, велел пьяному солдату обнять мученицу, говоря: у тебя больше не остается тела, так я стану мучить тебе душу, потому что твоя душа крепче тела.

Нравственные страдания, производя свое воздействие на все отправления организма, поражают их не в одинаковой степени. Слабейшие виды нравственных страданий поражают по преимуществу дыхание и кровообращение, но чем глубже страдание,

тем более поражается мозг и его отправления, и самочувствие страдающего человека становится более тяжким.

Изменения в отправлениях мозга касаются быстроты психических процессов, ассоциации идей и силы воли.

Психические процессы совершаются во времени, и быстрота их определена помощью точных хронографических приборов. В нормальных условиях происходит непрерывное течение мыслей, нескончаемая смена одних представлений другими. Подобно ударам пульса, мысли правильно следуют одна за другой со скоростью, измеряемой частями секунды, и среди этого непрерывного тока мыслей не остается пустых промежутков, за исключением лишь кратких мимолетных отдыхов продолжительностью в $^{1}/_{60}$–$^{1}/_{30}$ секунды, между каждыми двумя смежными представлениями. За исключением этих кратких промежутков, всё остальное время заполнено сознаваемыми или несознаваемыми мыслями. Таким образом, искра мысли не угасает всё время, пока человек бодрствует. Но под влиянием нравственных страданий психические процессы угнетены и замедлены в большей или меньшей степени. В тяжелых случаях это замедление и ограничение может дойти до полной остановки мысли. В подобных состояниях лишь немногие представления, как мертвые неподвижные глыбы, остаются в сознании, подавляя собой мыслительные процессы и тормозя свободный обмен их. Эти изменения в ходе представлений вызывают леденящее чувство нравственной летаргии и оцепенения и составляют один из самых тяжких симптомов нравственного самочувствия. Художественное изображение такого состояния мы находим у Шиллера в его «Шильонском Узнике». Переживший пять братьев, узник следующими чертами описывает свое нравственное самочувствие:

Но что потом сбылось со мной,
Не помню… свет казался тьмой,
Тьма светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Всё бледным, темным, тусклым мне;
Всё в мутную слилося тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,

Столь ненавистный для очей:
То было — тьма без темноты;
То было — бездна пустоты
Без протяжения и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой
Недвижный, темный и немой.

Изменение в течении и смене психических процессов отражается на воле подавляющим образом. Воля парализуется, появляется упадок духа, нравственное бессилие, неспособность к мысли, к психологическому выбору и решению:

И мнилось, были отняты
Все силы у души моей,

говорит Шильонский узник о себе.

Мы проследили шаг за шагом за теми разрушительными изменениями, которые происходят во всех частях организма по влиянием нравственных страданий. Последствия, причиняемые нравственными страданиями должны найти себе противовес в противоположных впечатлениях. И в самом деле, вред, наносимый организму нравственными страданиями, устраняется этической практикой и верой в нравственные идеалы: воздействия этого рода оказывают на весь организм — на сердце, на дыхание, на мозг — влияние, противоположное во всех отношениях тому, которое вызывается нравственными страданиями. Пусть же идеалы и вера в лучшее будущее живут в нашей душе: они являются истинным целительным средством, они будут истинным противоядием против нравственных страданий.

Итак, в наш материальный век, в век расчета и цифры пусть идеальное служит человеческим знаменем. С этим знаменем в годину нравственных испытаний человек найдет в своей душе много отрадного, много возвышающего.

Итак, побольше веры в добро, побольше нравственных идеалов!

Значение антропологических типов в русской истории

И. И. Пантюхов

Типография «Просвещение», Крещатик, дом Пастеля № 27
КИЕВ, 1909

I. Антропологические типы. II. Образование государства. V–VI стол. III. Южнорусский тип. IV. Северорусский тип. V. Белорусский тип. VI. Полесский тип. VII. Метисация. VIII. Аристократия. IX. Польский тип. X. Еврейский тип. XI. Народные волнения. XII. Запорожцы. XIII. Москва. XVII стол. XIV. Формальное соединение Малороссии с Москвою. XVIII стол. XV. Русский этнографический тип. XIX стол. XVI. Использование зоологического района. Состояние общества. XX стол. XVII. Государственная Дума.

I. Антропологические типы

Антропологические типы составляют фундаменты, на которых выросли народы. На почве типа каждый жизнеспособный народ сохраняет свою, только ему свойственную, физиономию. Народы, теряющие свою физиономию, сливаются с другими народами или вырождаются.

Расовые типы, как и виды животных, наилучше развиваются в тех зоологических районах, где они формировались. Если и не соглашаться со мнением Фатера, что в тех же районах они были и сотворены, то во всяком случае первобытные люди и животные для успешной борьбы за существование приняли соответствующие каждому району формы и инстинкты.

Гонимые голодом и другими стихийными причинами, люди и животные передвигались с места на место, заходили и в другие, чуждые им, зоологические районы, но там, раньше или позже, гибли, или, претерпев существенные изменения, приспособлялись. В Европе монголы, ослы и верблюды не акклиматизировались, а от переходивших в Азию, как доисторических, так и позднейших европейских народов — киммерийцев, скифов, треров — остался только незначительный след в виде голубых глаз, встречающихся между туземцами Западного Кавказа, Западных Малой Азии и Индостана.

В Европе, прародине белого человека, были свои зоологические районы и соответствующие им типы. На севере типы должны были быть более светлые, на юге — более темные; на гористой, изрезанной морями, западной половине, где по условиям природы часто требовались быстрота и решительность действий, типы должны были формироваться более предприимчивые и активные, а на восточной, равнинной — менее предприимчивые и пассивные.

Из многочисленных, живших в Европе народов, следы которых видны в открываемых археологией разнообразных культурах, постепенно выделялись и совершенствовались более сильные и к данным условиям более приспособившиеся. По разделении европейских языков наиболее сильные оказались на западе германские и на востоке славянские.

В начале истории они были уже смешаны, и в объединенные языком их этнографические типы, судя по историческим сведениям,

вошли народы разных антропологических типов. Большинство ученых думает, что предки германцев были по преимуществу долихоцефалы, а предки славян по преимуществу брахицефалы.

О прародине немцев, как и славян, в точности ничего не известно. Под названием Скифии древние разумели чуть не всю восточную Европу. Есть данные утверждать, что русские племена жили между финскими и другими народами в бассейне Днепра и возле Балтийского моря, уже в отдаленные периоды каменного века. Эти местности и должны почитаться прародиной славян.

Большинство историков предками славян считает живших в V–VI веке до Р. Х. к северу от Черного моря скифов земледельцев. По словам Геродота, эти скифы были народ спокойный, к грекам и вообще иностранцам относились дружелюбно, чем вероятно и объясняется процветание в это время греческих черноморских колоний. Вместе с тем скифы не выносили подчинения кому бы то ни было, ненавидели как господ, так и рабов, не любили ни городов, ни сел, не образовывали никаких, а тем более государственных организаций, жили разбросано, и, обладая чувством сильно развитого личного достоинства, были неуживчивы и постоянно враждовали между собой.

О физическом типе скифов, как по описаниям, так и по изображениям их на древних греческих памятниках и сосудах, известно только, что скифы были крепкого телосложения, ширококосты, русоволосы, лоб имели прямой, волосы густые, глаза открытые, прямо поставленные, нос прямой, узкий.

Из этих сведений видно только, что тип скифов не был монгольский и вообще азиатский, а принадлежал к европейским. Костюм скифов Н. Е. Забелин находит весьма похожим на костюм современных русских крестьян земледельцев.

Образ жизни и психология скифов соответствует зоологическому району восточной Европу, где нет гор и вообще защитных мест, возле которых блуждавшие по равнине народы, могли бы остановиться, сговориться, объединиться в государство.

Когда появившиеся на востоке Европы, около времени начала нашей эры, организованные и хищные народы, особенно монголы, рассеяли и смели неорганизованных анархистов скифов с юга восточной Европы, скифы ушли частью на запад, где под влиянием новых географических условий и метисаций, образовали новые, с более обостренной психикой, народы — сербов, болгар, чехов, поляков, — частью на север, где в лесных и болотистых бассейнах

Днепра и Волги, жили их соплеменники.

Среди смешанного, неисторического населения восточной Европы, славяне, как и другие жившие там народы, долго оставались неизвестными, и только, когда в VII–IX веке, под влиянием римской культуры и сношений с дунайскими славянами, в среднем бассейне Днепра, между р.р. Росью и Беризиной укрепилась более сплоченная группа их, они выступают на политическую сцену, под именем руссов.

Быстрое распространение руссов, причем в IX веке они уже занимали почти весь бассейн Днепра и проникли до Балтийского моря, может быть объяснено только тем, что независимо от племен, поселившихся в среднем бассейне Днепра, в VII–VIII веке, там уже жили близкие им по языку племена. Предположения некоторых, что эти племена усвоили славянский язык позже, — невероятно.

Руссы, как и их предполагаемые предки скифы, занимались земледелием и звероловством, не образовывали государств, жили разбросано и враждовали между собой. Несмотря на свою многочисленность, руссы-анархисты не могли противиться даже небольшому, жившему возле Каспийского моря и смешавшемуся с евреями, народцу хазарам, которые, снаряжая небольшие торгово-военные экспедиции, брали с них дань.

Каков был антропологический тип руссов, — неизвестно.

Эволюция антропологических типов имеет пределы. Кроме доисторической антропологии, доказавшей неизменяемость черепов с каменного века, прочность типов доказывается и, напр., тем, что скульптурные и живописные изображения на памятниках Египта, Индии, Китая, типов египтян, семитов, монголов, относящиеся ко времени за 3–5 тыс. лет до настоящего, — ничем не отличаются от современных.

Нет основания предполагать, чтобы и ныне существующие русские типы были иные, чем типы их предков. Желая обратить внимание на ход истории в зависимости от антропологического типа, мы приведем некоторые характерные черты типов потомков древних русских, ныне живущих.

По исследованиям проф. Д. Н. Анучина, на основании десятилетних измерений роста призывавшихся к отбыванию воинской повинности, средний рост населения Киевской губернии 1654 мм, Полтавской 1652, Подольской 1646, Черниговской и Волынской 1641, Гродненской 1638, Могилевской 1637, Новгородской, Владимирской, Московской и других центральных 1640–1650 мм. Рост населения

Киевской губернии на 13 мм выше общего среднего — 1641 мм, выведенного Д. Н. Анучиным для всего государства.

Цвета радужной оболочки глаз карий, серый и голубой существуют во всех местностях, в равных процентных отношениях. В общем самый распространенный цвет глаз — серый. Приблизительно серый цвет глаз у 50 %, карий у 25 %, голубой и голубоватый у 20 % и средний, черный и зеленый у 5 % всего русского населения. По большим районам за некоторыми исключениями серый цвет глаз дает наибольший процент на востоке от Днепра, голубой на западе, а карий на юге, приблизительно южнее параллели р. Роси. В частности по исследованиям д-ра Рождественского и моим, от Роси до Березины наибольший процент глаз голубоватого неяркого цвета у 40–45 % населения; по исследованиям д-ров Дибольта и Эмме южнее Роси и в Полтавской губернии, — карий у 41–47 %; по Белодеду в Кролевецком уезде Черниговской губернии, серый у 59 %. Наибольший процент серых глаз, по Галаю, у населения Тверской губернии — 61 %, а голубых, по Эйхгольцу, у белоруссов — 60 %.

Голубые глаза, переходящие в серые, также распространены и среди населения различных других местностей преимущественно юга, и в губерниях как Волынской, так и Воронежской (по Прохорову, их более 40 %).

В центральных губерниях на востоке от Днепра голубых глаз в Московской г., по Анучину, 5 %, в Черниговской, по Белодеду, 4 %, в Тверской, по Галаю. 3 %. Карих в центральных губерниях от 10 до 30, а в Рязанской губернии, по В. В. Воробьеву, и еще больше.

Чисто черные волосы составляют по местностям, от 1 до 5 %, а по Талько-Гринцевичу, в южно-русских губерниях 1,2 %. Темно-русые волосы и однотонный, смугловатый цвет кожи преобладают на юге, русые и белый цвет кожи — на севере.

Форма черепа везде преобладает брахицефалическая. Наиболее долихоцефалов у белоруссов, по Икову, 23 %, в Минской губернии, по Янчуку, 19 %, в Смоленской, по Щедровицкому, 18 %, Ярославской, по Вильке, 13 %. В остальных губерниях — 5–10 %. В частности долихоцефалия встречается как бы гнездами и в Кролевецком уезде, долихоцефалов 1 %, в Уманском 5 %, в Киевском 10 %, в Новоградволынском 31 %. Все эти цифры по малочисленности их имеют только относительное значение.

Указания на другие многоразличные частности типа для нашей цели не имеют особого значения, поэтому упомянем только об одном из важных и бросающихся в глаза признаков типа — форме носа. Во

всем среднем бассейне Днепра, среди малорусской народности, преобладает нос короткий, длиною 48–50 мм, вздернутый с 10–20 % носов седлообразных. В среднем бассейне Днепра, у белоруссов, нос длиннее, прямее, и вздернутых носов меньше. В бассейне Волги среди великорусского населения носы крупнее, чем на западе и юге, но по форме и величине весьма разнообразны. У владимирцев Прохоров определил носов прямых 92 %, горбатых 5 % и вздернутых 3 %. В центральных губерниях прямых носов меньше а весьма часты носы толстые, грушевидные и длинные до 55–56 мм. Носы приплюснутые, монгольского типа, чаще на юго-востоке, носы узкие и длинные на северо-западе. Носов горбатых и выпуклых по местностям от 5 до 20 %.

В отдельных случаях встречаются типы первобытных дикарей с сильно развитыми надбровными дугами и низкими лбами; типы желтые чисто монгольские и крайне долихоцефалические, голубоглазые, шведские.

Вместе с разнообразием физического типа, и в большей или меньшей связи с ним, и разнообразие типа психического. Кроме неодинаковой интенсивности психики, неодинаковы говоры, обычаи, костюмы, верования, предания, суеверия и проч., не только между северным по преимуществу сероглазым, южным, более брюнетическим и западным голубоглазым населением, но и между, например, костромичами и орловцами, волынцами и черниговцами. Даже в одной и той же губернии, например, Волынской, Курской население разных уездов, по костюму, обычаям, говору имеет существенные различия.

Существующие в настоящее время антропологические типы, и, происшедшие от метисаций их, многочисленные промежуточные формы, находятся как бы в непрерывной между собой борьбе, и каждый период представляет только известную стадию этой борьбы. Между ними есть более сильные, идущие к большему и большему размножению, и слабые, идущие к вырождению и уничтожению. Из того, что несмотря на метисации русские сохранили свою народную физиономию, видно, что основные типы их были сильнейшие, наиболее соответствовавшие зоологическому району, и при метисациях передавали потомству наиболее своих признаков. Типы слабейшие постепенно ассимилировались и вырождались, оставляя после себя только больший или меньший антропологический и психический след.

Наука не пришла к положительным заключениям, какой именно

был антропологический тип праславянина или пранемца. Объединенные языком и психикой, народы разных антропологических типов, еще в доисторическое время, слились в типы сборные, этнографические. Кроме типов, вполне ассимилировавшихся, в Германии, Франции, Испании и проч., как и в России, более или менее сохраняются и группы населения, имеющие свои особые типы. Уже из немногих приведенных сведений можно видеть, что в русский этнографический тип входят следующие главнейшие антропологические типы:

1) Среднерослый, русоволосый умеренный брахицефал, с крупным, толстым носом и серыми глазами; 2) более высокого роста брахицефал с темно-русыми волосами, смугловатым цветом кожи, небольшим вздернутым носом и карими глазами; 3) среднерослый брахицефал также с однотонным смугловатым цветом кожи и коротким носом, но с серо-голубыми, разных оттенков, глазами; и 4) мезоцефал с значительным процентом долихоцефалии, русыми волосами, белым цветом кожи, длинным, нередко узким, носом и чисто голубыми глазами. Более или менее распространенный, и, по исследованиям профессора А. П. Богданова, постепенно уменьшающийся долихоцефализм, составляет остатки частью некогда преобладавшего, первобытного народа, частью результата позднейших наслоений.

Эти типы, как лежащие в основе народа и дающие ему свою физиономию, должны были существовать и при начале русской истории. Нет основания предполагать, что и кадры живших в начале истории в известных местностях, хотя и распространившихся впоследствии, племен, переместились. Согласно местожительству их по летописи Нестора, и судя по современному типу их потомков, самыми высокорослыми, роста 1654 мм — были жившие в нынешней Киевской губернии до р. Роси, самые культурные поляне, и жившие к югу от параллели Роси, самые храбрые торки, а самые малорослые, роста 1637 мм, жившие по Припяти, наименее, по летописи, культурные, — древляне.

В общем четыре основные антропологические типа русского народа, с присущим им своеобразным психическим складом, соответствовали четырем главным его народным группам: сероглазый — новгородской, великорусской, кареглазый — киевской, малорусской, сероголубоглазый — волынской древлянской или полесской, и голубоглазый — смоленской, белорусской.

Представители этих групп не теряют своей оригинальности и

переселяясь в другие районы, а там, где они преобладают, сохраняют и свою собственную, только им свойственную, народную физиономию.

В борьбе за существование каждая народность боролась только за себя, и у каждой были свои способы для этой борьбы. Эти способы находились в зависимости от антропологического типа и топографий. Существует множество теорий, доказывающих, что физическим признакам типа соответствуют и признаки психические. По Гобино и Ляпужу, долихоцефалы прирожденные господа и инициаторы, а брахицефалы — рабы, ищущие господина, по Мантегатца, нос короткий и вздернутый указывает беспечность, крючковатый — хищничество, толстый — решительность, по Бертодону и Ломброзо, развитые надбровные дуги указывают на преступность и пр.

Из сложности этих признаков образуется физиономия. Д-р Гузе рассказывает, что один из высокопоставленных военных на основании антропологических признаков даже определял на должности подведомственных ему солдат.

Если эти теории и не выдерживают всесторонней критики, то в общем они имеют основания, и борьба за существование русских народностей находилась в зависимости, и от высоты роста, и от формы черепа и носа, и от цвета глаз и других признаков антропологических типов. Точно также она должна была быть иная у народностей, живущих в степях, чем у живших в болотах и лесах, или при больших водных бассейнах.

Объединяло русские народности то, что по причинам зоологическим, этнографическим и топографическим, все они, при своем естественном распространении, должны были направляться по наиболее соответствующему им зоологическому району, в сторону наименьшего сопротивления, на восток. До призвания князей между русскими народностями история не отмечает ничего выдающегося. Отсутствие по дороге гор как бы препятствовало возвышаться и людям. Из массы не выдвигались ни герои, ни большие хищники и завоеватели. Все народности, как стада без пастуха, двигались стихийно.

Общий характер истории восточно-европейского зоологического района обусловливался тем, что по причинам лесистости и болотистости страны, в ней не могло образоваться больших государств, а многочисленные населявшие его народы финского, славянского, литовского, урало-алтайского и других типов, жили уединенно, ревниво отстаивая свою обособленность. В борьбе за

существование некоторые из их групп гибли, другие усиливались. Нашествия народов других зоологических районов в сущности ничего не изменяли, а сами посторонние народы, раньше или позже, гибли или ассимилировались туземцами.

Борьба за существование находилась в зависимости от степени приспособляемости, трудоспособности, плодородия женщин, умения строить соответственные жилища, качества домашнего скота — коровы, овцы, лошади, оленя, собаки и проч., а вообще от тех внутренних, неподдающихся точному определению, физических и психических свойств, которые лежат в основании каждого самостоятельного антропологического типа. Важную роль в борьбе народностей играл и престиж. Как сильный человек, так и сильный народ уже и без активной борьбы подчиняют себе слабого.

Наиболее характерные черты русского народного типа, как они изображаются в описаниях древних, были — стойкость, независимость личности и чувство собственного достоинства, неуменье сплотиться и организоваться, слабая инициатива, демократизм, терпимость к иностранцам, анархизм и индивидуализм.

Громадной силой русский в борьбе за существование было земледелие, которое у них было распространено больше, чем у других народов того же зоологического района. Связывая свое существование с землей, русские, занявшие землю, и смотря на нее как на кормилицу, уже не бросали ее так легко, как кочевники и охотники. Нужда в хлебе ставила в некоторую зависимость от русских все окружавшие их народы.

Общие свойства русского этнографического типа были неодинаково интенсивны между народностями разных антропологических типов, а поэтому эти народности и неодинаково реагировали на ход исторических событий.

II. Образование государства

В летописи Нестора русские язычники описываются почти как дикари, «живущие по звериному» разбросанно, в лесах и постоянно враждующие между собой. О культуре и образе жизни русских язычников более ценные сведения дает археология. На местах поселений и в могильниках русских VIII–IX века проф. И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов, В. Б. Антонович и другие находили много разнообразной, преимущественно глиняной, но иногда и серебряной посуды, ведра, серпы, огнива, кожи, конскую сбрую и другие хозяйственные вещи, много женских преимущественно серебряных украшений и сравнительно мало оружия. Проф. Д. Я. Самоквасов доказал, что русские передвигались не набегами, а систематически, строя предварительно земляные, окруженные валом и рвом, городки. В хозяйственном инвентаре русских язычников многое напоминает инвентарь современного земледельца. О типе язычников по их скелетам нельзя составить точного представления, потому что руссы покойников сжигали, а число несомненно славянских скелетов, исследованных проф. А. П. Богдановым, В. Б. Антоновичем, и другими слишком незначительно.

В общем, у русских славян не было таких крайних форм долихоцефалии и брахицефалии, какие нередки на Кавказе и в Западной Европе, а преобладали черепа средние.

По Далю и Н. И. Костомарову в племенных типах славян VIII–X века было менее различия, чем впоследствии, а наречия их соединялись мало заметными переходами. Ильменских славян Костомаров считает потомками днепровских полян и основывает свое мнение между прочим на сходстве произношения, причем у тех и у других буква ѣ, произносится как и. По проф. М. П. Погодину тип полян и северян — великорусский, а по М. А. Максимовичу — малорусский, причем он однако подсмеивается над В. Б. Антоновичем, выводящим его из Галиции. Соболевский, Ключаров, Срезневский, в наречиях северных и южных славян также не находили большого различия. Начало партийного разделения славян проф. Ключаров относит ко временам доисторическим, и видит это в былинах о Василии Буслаевиче. В Новгороде, как и в Киеве, еще задолго до Рюриковичей, были сильные и богатые люди, державшие в своих руках власть. Какого типа и происхождения были

эти люди — не выяснено.

История начинается с того, что обладающие слабой инициативой и не умевшие организоваться собственными силами, русские анархисты и индивидуалисты сознали необходимость порядка и, наиболее культурные и находившиеся в более благоприятных географических условиях, славяне ильменские для утверждения порядка призвали на царство князей от своих соседей варягов.

Варяги или норманны, знаменитые мореплаватели и храбрецы, известные своими набегами и похождениями во всей западной Европе, нередко появлялись и в восточной, по Днепру, единственной тогда дороге с севера на юг, доходили до Черного моря и Византии. Северные, жившие близко к Балтийскому морю, славяне должны были быть давно знакомы с ними и, призванные ими, варяжские князья с дружиной не встретили никаких затруднений в управлении краем. Возможно, что варяги занимали влиятельное положение в крае еще задолго до воцарения Рюрика в 862 году.

Смелость, предприимчивость, способность в инициативе варягов находились в зависимости от их, выработавшегося среди скал и морей Скандинавии, антропологического типа. Судя по типу современных шведов, тип варягов был почти исключительно долихоцефалический, голубоглазый. Северные голубоглазые долихоцефалы, по Лапужу, везде представляют как бы офицеров и штаб армии прогресса, а брахицефалы — рядовые, идущие за офицерами.

Быстрота, с какой опекун сына Рюрика — Игоря Олег покорил приднестровских славян и перенес столицу в Киев, показывает как то, что среди индивидуалистов и анархистов славян он не встретил почти никакого сопротивления, так и то, что северные славяне были близки южным, и что нахлынувшая в Киев смешанная русско-варяжская дружина нашла там подготовленную почву. Объединение славян нельзя назвать завоеванием, а тем более порабощением их. Власть князей не сопровождалась жестокостями и не была абсолютна. Законодатели в своих действиях опирались на народ и считали законом то, что считал народ, т. е. вековечные обычаи, освященные преданием. По законам Ярослава никакое преступление не вело за собой не только телесного наказания, но даже тюрьмы, и только за убийство предоставлялось родственникам право на жизнь убийцы. За нарушение права собственности и другие преступления назначались только денежные пени.

Государственная организация могущественно повлияла на этику славян. Блеск княжеского двора гипнотизировал массы. Основные

свойства типа славян не могли измениться, но личный индивидуализм подчинялся индивидуализму государства. Славяне заражались настроением инициаторов долихоцефалов варягов, у них развились самодеятельность, предприимчивость, национальное самопознание, народная гордость. Появились сильные и славные богатыри и воспевавшие их подвиги народные певцы, баяны. В городах, особенно в Киеве, необыкновенно быстро возникла высокая культура, развились торговля, ремесло, искусство и наука.

Могущественное, провиденциальное значение для объединения русских славян и укрепления идеи одного русского государства, имело и принятие ими от греков христианской православной веры. Начавшись с гипноза, подражания князьям, она укреплялась высоким идеалом любви и равенства всех пред Богом и подвигами святых. Бог один, Бог милосердный наиболее соответствовал мировоззрению и типу русских славян. Сила наследственных традиций так велика, что, расставшись с идолами, народ приурочил к христианским событиям и языческие празднества. Коляду — к Рождеству Христову, Купалу — к Троице и проч. Народ объединяло воспринимаемое им от духовенства убеждение, что истинная вера только одна, православная, что государь — избранник Божий, которому должно повиноваться. Ненавидящие господ и рабов индивидуалисты не считали себя рабами, повинуясь князю и поставленным им властям.

Важную роль для объединения русских славян имел и введенный в богослужение, общий для всех племенных типов, церковно-славянский язык. Не совсем понятный язык при торжественном христианском богослужении должен был как бы гипнотизировать массы. Вместе с тем этот язык с небольшими изменениями вошел и в администрацию всех русских народностей.

О типе русских по сведениям истории можно составить только некоторое представление.

По происхождению Рюрик, Олег и Игорь были чистокровные варяги. У Святослава, сына Игоря от русской жены, уже есть признаки местного типа. По описанию греков, видевших Святослава во время свидания его на берегу Дуная с греческим императором Цимисхием, Святослав приехал на это свидание на лодке, которой сам правил. Он был одет в простое белое платье, рост имел средний, грудь широкую, шею толстую, глаза голубые, нос плоский, брови густые, усы длинные, бороду редкую, на голове клок волос, а в одном ухе золотая серьга с жемчужинами и рубином. В этом, как и в описании его образа жизни, видно и нечто южнорусское. Владимир Святой,

судя по былинам, был тип великорусского. Сын Владимира Святого, Тмутараканский князь Мстислав Удалой по летописи, был чермен лицом и имел необыкновенно большие глаза, следовательно был и не варяжского и не великорусского типа. Владимир Мономах, судя по его поучениям своим детям «ни правого, ни виноватого не убивайте, чтите гостя, откуда бы он ни пришел, будьте всегда заняты, скажите каждому доброе слово» и пр. напоминает скорее великорусса.

Если прибавить к этому былинного богатыря, убежденного поклонника земли, Микулу Селяниновича, не имевшего блестящего оружия, неуклюжего, но наглядно доказавшего другим богатырям, что сильнее земли нет ничего на свете, и что все их подвиги ничто против силы земли, то Мономах и Селянинович могут служить показателями миролюбивого земледельческого характера русских. На мирный, пассивный характер русских указывает и быстрое распространение между ними христианства и уважение, каким между ними пользовались презревшие материальные блага, святые Антоний и Феодосий. Малорусский тип в чистом виде не выражен, но он чувствуется в поэтическом, художественном восхвалении епископом Илларионом почившего Владимира Святого, в высоко-художественном слове о Полку Игореве, в чисто хохлацкой иронии, с какой воевода Ярослава — Будый, стоявший с дружиной против войска польского короля Болеслава, подсмеивался над тучностью короля; в отношениях воеводы Волчий Хвост к пришедшим, чтобы отнять Киев у Святополка, новгородцам, Хвост смотрел на новгородцев уже как на чужих и с насмешкой говорил им: ваше дело плотничать, а не воевать. Любимец Изяслава, погибший во время бунта в Киеве, Космичко, воеводы Мономаха Иван Войтишич и Фома Ротибарович имеют фамилии; некоторые черты типа также скорее южнорусские. Былинные герои, характеризуемые спокойствием, самоуверенностью, сознанием личного достоинства, большой физической и психической силой, имеют общерусский, скорее великорусский, характер. В характерах их крайности — неподвижность и кипучая деятельность, осторожность и безоглядность.

Общий характер Киевского княжеского периода — великорусский.

Идея монархизма упала на вполне подготовленную почву, и народ сознательно усвоил ее. Произошло мировое событие, как бы предуказанное провиденциально. Цель существования определилась — народ нашел своего Бога и своего царя. В беспорядочный удельный период и позже власть князей держалась уже не столько на

материальной силе, сколько на нравственной — праве потомков Рюрика на власть. Престиж этой силы был поразителен. Не признававшие целые тысячелетия никакой власти, анархисты и индивидуалисты были как бы гипнотизированы и на власть рюриковичей смотрели как на нечто неподлежащее спору, священное. Предоставив несвойственное его типу, хлопотливое управление государством, чуждым ему по типу рюриковичам и их боярам, и избегая городов и суеты, народ как бы считал этот вопрос окончательно решенным.

Некоторое различие антропологических типов русских намечалось и в начале истории, но в общем между ними не заметно такой нетерпимости, мелочности, злости, какая видна у западных славян.

X–XVI СТОЛЕТИЯ

III. Южнорусский тип

Отношение к власти у племен разного типа и культур было неодинаково. Наибольшее обаяние монархизма и власти рюриковичей было у племен южного типа, признававших власть без всякого протеста и без каких-либо попыток избавиться от нее, или ее ограничить.

Протесты против князей и их тиунов были нередки у смешанного, с преобладанием варяжского и других инородческих типов, населения городов Киева, Чернигова и Галича. На шумных вечах этих городов князей судили и даже изгоняли, но южнорусский земледелец считал власть князей как бы неподлежащей критике, и чем энергичнее и самодержавнее был князь, тем он народу больше нравился.

Особенно характерен престиж власти на народности, не входившие в состав государства.

Наиболее типичными представителями кареглазого, высокорослого, брахицефалического, коротконосого типа были жившие к югу от р. Роси и на севере Полтавской губернии, народности, известные по летописи под названием торков, а также берендеев и черных клобуков. Эти народности и в X–XIII веках не входили в состав русского государства, но тяготели к нему и составляли передовой его оплот против набегов, как монгольского типа — печенегов, так и более близкого и смешивавшего с русскими, кавказского — половцев.

Кроме участия торков в походах князей на кочевников и в княжеских междоусобицах, торки не оставались равнодушны и к делам управления государством. Сочувствуя киевлянам, недовольным князем Игорем и под влиянием горожан, они посылали к ним и своих представителей и выразили желание вместо Игоря избрать более доброго Изяслава. В усобицах черниговских князей торки становились на стороне более, по их мнению, законной. Участвовавшие в походе в 1127 году под предводительством любимого ими воеводы Войчишича на Полоцк, торки в летописи называются храбрыми и верными. В одном сражении, когда половцы начали одолевать, торки, желая оградить юного храброго князя Михаила от опасности, насильно увели его из передовых рядов. В 1195 году торки вместе с берендеями были приглашены князем Романом на большой пир в Киеве.

Точные границы торков неизвестны, но они жили и на левой стороне Днепра и, смешиваясь с половцами и другими кочевниками, проникали всё далее на юг и восток. Как по типу, так и по более интенсивной психике, торки отличались от близкого им по языку и обычаям типа, живущего севернее.

Судя по большому проценту высокорослых, следовательно, не азиатского типа, кареглазых во внутренней России, этот тип с отдаленных времен смешивался с сероглазым.

Этические черты малорусского типа более ясны в Галиции у князей галицких. Тип галичан смуглее типа киевлян и северян. Галиция изрезана горами и соприкасалась с более культурными иноземцами, поэтому в типе галичан больше живости, чем у жителей русских равнин. У галицких князей уже нет, так сказать, прямолинейности рюриковичей. Они более дипломатичны и эгоистичны и у них более свойственного южнорусскому типу такта. Они одинаково искусно ведут дела и с венгерцами, и поляками, и с литовцами, и татарами. Поддерживая православие и угождая православному духовенству, галицкие князья вступают в сношения и с римским папой. Вместе с тем они энергично борются с индивидуалистами боярами и жестоко расправляются с противогосударственными течениями. Заботясь об укреплении власти, князь Роман четвертовал, казнил и зарыл в землю 500 непокорных бояр, и это не только не лишило его популярности, но встречало сочувствие и поддержку со стороны народа и духовенства.

Местные летописцы, восторженно описывая деяния князя Романа (+1205), называя его самодержцем всей Руси, львом и орлом и сравнивая с героями древности, только дружески подшучивают над тем, что Роман запрягал литовцев в соху и пахал ими землю. Так же энергично боролись как с внешними врагами, так и с внутренними противогосударственными течениями, сын Романа Даниил (+1265) и внук его Лев. Даниилу, жестоко расправлявшемуся с боярами, галицкий народ делал самые восторженные овации.

В XIV–XVI веках этическое различие главнейших русских групп малорусской, великорусской, белорусской и полесской, более и более выясняется.

Дорожа личной независимостью, любя поле и простор, малоросс, как и скиф, не любил городов и всякой суеты и тесноты. Каждый стремился жить сам по себе, как ему хочется, селился по возможности подальше от соседей, легко разрывал связи даже с родными и, не требуя никакой обязательной помощи от других, не считал и для себя

обязанным делать что-либо для общества. Для разбора спорных дел выбиралось три-четыре старика, а для решения общественных — собиралась по мере надобности из всех желающих, громада. При несогласии с судом, малоросс расправлялся сам или уходил на свободные земли, где основывал свой хутор. На почве индивидуализма даже между родственниками возникали ссоры, вражда и мстительность. Атавизм и метисации с кочевниками, особенно на юге, вместе с потребностью развернуть свои силы и борьбой за существование, поддерживали инстинкты хищничества, и похищение чужой собственности, особенно лошадей и другого домашнего скота, у чужих, считалось молодечеством. Признавая только свою веру истинной и сливая ее неразрывно с народностью, народ был терпим и к другим верам.

Обладая чувством весьма развитого личного достоинства и независимости, но не будучи способны сами организоваться, малороссы оставались верны самодержавию и после ухода рюриковичей, и без всякого протеста и вполне искренне признали над собой власть сначала литовских князей, а потом и польских королей.

Малорусское духовенство, особенно старшее, до XV века было смешанного происхождения, и епископы часто были греки или великороссы. После избрания Киевским Митрополитом в 1416 году болгарина Григория Цимбляна и отделения Киевской Митрополии от Московской, южнорусские епископы и прочее духовенство было почти исключительно малорусские уроженцы. Свойственные типу отсутствие инициативы, реализм, индивидуализм, забота главное о себе и равнодушие к интересам других, не могли исчезнуть и у представителей религии, православного духовенства. Мистиков, подвижников во имя вечной правды и самоотверженных проповедников, жертвующих собой ради общего блага, между ними не было.

Сельское духовенство, материально зависимое от прихода, блюдя свои интересы, естественно стояло за православие и народность, епископы же, желая быть угодными иноверным властям, нередко уклонялись и от православия. Уже в 1445 году Митрополит Спиридон обнаруживал преклонность к унии с Римом. Такую же преклонность проявил и епископ Иосиф в 1495 году, а особенно епископы XVI века — Рагоза, Терлеций, Поцей и другие. На протесты народа Поцей грубо отвечал, что «холопство по простоте своей могущество себе присвоило, что овцы жалуются на пастыря» и проч. Епископ Арсений Балабан (1560–1575) и сын его из-за своекорыстных расчетов просто

сражались с желавшим сохранить свою самостоятельность Львовским братством, — отнимали имущество, сажали в тюрьмы его священников и проч. Почти все епископы были искренними и ярыми приверженцами польских королей и короля Стефана Батория за некоторые неважные льготы чуть не боготворили.

Народ не понимал догматических тонкостей и различия религий, но православие, укрепившееся на почве древнего язычества, сливалось в его представлении с народностью, и было так глубоко заложено в тайник его психологии, что уже не зависело от того или иного отношения к нему духовной иерархии. По образованию церковно-приходских братств, народ, часто не доверяя духовенству, сам заботился о нуждах церкви и нередко наказывал и даже изгонял священников, которые не удовлетворяли его идеалам.

Польские казаки были храбрый, беспокойный сброд и как и их выборные гетманы — громадного роста, деловой Лобода, хитрый Полтора-Кожуха, льстивый Перевязка и другие — были верными слугами польского короля. Будучи хорошими исполнителями, все гетманы были индивидуалисты, без инициативы, заботились только о себе и почти никакого значения для народа не имели. Единственный талантливый, с инициативой гетман, был галицкий шляхтич Конашевич Сагайдачный.

IV. Северо-русский тип

В противоположность малороссам, великороссы были общественники и для достижения общих целей соединялись в ненавидимые малороссами общины и артели. Постановления общины были обязательны, и им, безусловно, подчинялись все члены ее. Передвигались великороссы также обыкновенно связанными родством общинами. Доказанное проф. Самоквасовым постепенное движение русских в VIII–IX веке на восток, строя предварительно небольшие укрепленные городки, характерно преимущественно для великорусского типа. То, что эти города идут правильно по р. Десне и затем продолжаются и дальше на восток, вместе с преобладанием там сероглазого типа, дает опору мнению проф. М. П. Погодина, что в населенной ныне главным образом народностью малорусского типа Черниговской губернии, в языческий период жили великороссы.

В типе великороссов инициативы и анархизма больше, чем у малороссов. Призвав князей, новгородцы желали, чтобы власть их была сильная и справедливая. Если этому князья не удовлетворяли, они их изгоняли. В решающих важные дела народных вечах принимали участие не одни только бояре и жившие в городах разнообразные инородцы, как на юге, а главным образом местное в значительной степени торговое население. Такой же справедливой власти новгородцы требовали и от духовенства. Не обращая внимания на иерархию, они своей властью в 1212 году изгнали епископа Митрофана, а на его место поставили постригшегося в монахи Добрыню Ядринкевича. Группы вольных людей, не выносивших никакой власти, в том числе и республиканской, на свой страх и риск, разрывая связи с государством, уходили в отдаленные страны. Уже 1147 году новгородские ушкуйники образовали республики на р. Вятке, существовавшие независимо более 250 лет. Это стремление уходить вдаль обусловливалось не одним только желанием личной свободы и экономическими причинами, а находилось в связи с особенностями формировавшегося в бесконечной равнине и дебрях антропологического, с мистическими наклонностями, типа, вечно стремящегося найти страну, где все люди праведны и счастливы, а власть справедливая и абсолютная.

Заложенная рюриковичами и сознательно усвоенная сильными представителями новгородского типа, идея одного русского

государства, однако прочно внедрилась в сознание большинства, и во имя ее новгородцы сплачивались и готовы были на жертвы. Идея единства государства поддерживалась не только варягами, а самим народом по инициативе рюриковичей.

Уже при Ярославе варяги своими притязаниями и своевольством возбудили к себе ненависть новгородцев, и несмотря на то, что Ярослав любил варягов, новгородцы в 1015 году перебили их. Возмущенный Ярослав, призвав под видом пира к себе в загородный дом зачинщиков этого избиения, умертвил их. Новгородцы негодовали, но когда Болеслав, король Польский, покорил Киевскую область и Ярослав приходил в отчаяние, новгородцы сами обложили себя большими налогами и сказали князю: «Мы хотим и можем противиться Болеславу, у тебя нет казны, возьми, что имеем».

Во многих и других случаях новгородцы увлекались идеей рюриковичей, если во главе их стояли любимые князья. Так, в 1212 г., несмотря на то, что кроме старых врагов у них явились и новые — рыцари, на убеждение князя Мстислава идти на Киев помогать князьям Мономахова рода новгородцы отвечали: «Куда обратишь очи свои, там будут наши головы», — затем пошли, взяли Киев и возвратились.

К иноверцам и язычникам новгородцы относились терпимо, веры своей никому не навязывали, и когда ливонские рыцари с епископом Альбертом насильно крестили туземцев, новгородцы негодовали. В 1222 году ливонцы, разрушив немецкие церкви, отреклись от христианства, послали послов к новгородскому князю Ярославу и молили его о защите, а когда он явился, благодарили его и выдавали ему немцев. По своей веротерпимости новгородцы стояли выше фанатиков как ливонцев, так и немцев.

Как из образования республик Новгорода и Пскова, так и из того, что отдельные группы великороссов на свой страх и риск селились между инородцами по Северной Двине, Вятке и в других, удаленных от метрополии, местностях, как будто видно, что при благоприятных обстоятельствах, если бы можно было мирно размежеваться с соседями, они могли организоваться в государства и без князей. Не говоря однако об особых причинах, обусловивших возможность существования олигархических республик и условиях зоологического района, тип народный, вечно стремящийся к чему-то абсолютному, в конце концов не мог примириться с властью купцов.

Считая, как и малороссы, землю Божьею, великороссы занимали все свободные местности. Когда эти земли князья и бояре

обкладывали налогами, казавшимися поселенцам обременительными, они бросали землю и переходили на другие свободные места. Становилось и здесь тесно, они бросали и эти места и шли дальше. В этом отыскивании свободной земли, где бы ни было никаких господ, была и главная причина быстрого расселения в разные стороны русских анархистов. Занимая чужие земли, великороссы туземцев не истребляли, веры их не касались и смешивались с ними меньше, чем думают историки. Это доказывается уже тем, что тип великорусский разных местностей мало разнится. Причина быстрого размножения русского типа и вымирание туземных заключается главным образом в естественной борьбе за существование, при которой русские оказывались сильнее туземцев.

Православная религия у великороссов не была так пассивна, как у малороссов. Между духовенством было много мистиков и подвижников, жертвовавших жизнью за свои убеждения. На почве анархизма, причем каждый считал себя имеющим право толковать веру по-своему, образовались многочисленные секты. На почве мистицизма и радикализма великороссы доходили до самосожжения и оскопления.

Анархизм, отсутствие мстительности, мистицизм и что-то вроде непротивления злу, вместе с земледельческой культурой и религиозной терпимостью великороссов, в данных обстоятельствах были не минусом, а плюсом в их движении среди инородческого населения на востоке.

Важную роль в судьбе великорусского типа играло купечество. Еще до призвания князей русские купцы имели торговые сношения с варягами, датчанами, финнами и русскими племенами. Если поляне и северяне и не были великороссы, и если ильменские славяне и не были, как думает Костомаров, колонией полян, то уже тот великорусский характер, какой имел двор великого князя Владимира и цикл богатырей показывает, что в Киеве во время первых рюриковичей кроме дружинников были и новгородские купцы. Судя по некоторым сведениям, они жили там и до Рюрика, в княжение Аскольда и Дира, и, вероятно, еще раньше.

Насколько торговое значение новгородцев было значительно, видно из того, что они вели торговлю и с западной Европой, отправляли свои корабли в Данию и Шлезвиг, а на острове Гельголланде имели свою церковь. В 1057 году при осаде Шлезвига король Датский Свен IV захватил много русских кораблей с товарами.

Торговые сделки, уменье купить подешевле, продать подороже,

вырабатывали особые деловые, умышленные, жадные типы. При сношениях с малокультурными племенами и отсутствию конкуренции эти типы должны были иметь большую силу. При торговых сделках типичный анархизм должен был регулироваться и смягчаться. Купцы должны были опираться на силу, на свою или государственную, защищающую собственность, власть.

Перенесение центра тяжести торговли в Москву должно было необыкновенно усилить значение этого города. Вместе с торговлей купцы распространяли и русскую государственность, и организовывали промышленные предприятия. Купцы Строгановы в Пермском крае устроили железоделательные заводы, имели свою вооруженную стражу. Будучи знакомы по торговым сношениям с соседними странами, они помогли Ермаку проникнуть в Сибирь и положить начало завоеванию ее.

В беспорядочные времена XIII–XV столетия народность великорусского типа еще только объединялась из многих отдельных, в одно государство, и, хотя московские цари и называли себя, как потомков Рюрика, обладателями всей Руси, на самом деле они были царями только народности великорусского типа и почти всякая связь их с Киевской Русью прекратилась.

V. Белорусский тип

Связующим звеном между всеми русскими группами была белорусская. Если согласиться с мнением Нидерле, что прародитель славян был долихоцефал и блондин, то из всех славян наиболее признаков этого типа сохранилось у белоруссов. В психике белоруссов меньше инстинктов анархизма и расплывчатости, чем у великороссов, и меньше индивидуализма, чем у малороссов. Уже в Киевский княжеский период у белоруссов заметны твердость и патриотизм. Они энергично отстаивали потомков Рогнеды. Князя Святополка полочане выгнали за то, что он не любит своего народа и непостоянен в мыслях. В 1228 году Смоленский князь Мстислав заключил самостоятельно союз с немцами. В 1386 г. полочане, недовольные князем Свидригайлом, посадили его в повозку и с бесчестьем вывезли.

Белоруссы смягчали резкость русских типов, были более объективны, восприимчивы к культуре и обладали чувством государственности в большей степени, чем великороссы и малороссы. Будучи буфером между Польшей и Литвой, и Великороссией и Малороссией, белоруссы не могли спокойно организоваться, но успешно отстаивая свою веру и народность, заводили школы, организовывали братства и сделались самой образованной русской народностью в XIV–XVI столетиях. Западно-европейская культура заносилась в Москву в значительной степени через белоруссов. Появившиеся в XVI и даже XV столетиях в Москве книги гражданского содержания писались, очевидно, белоруссами. Уже в 1534 г. был переведен с польского или немецкого языка на русский «Зельник», разрисованный красками. В сочинении польского писателя Гонсиоровского «История медицины в Польше» между многими лицами с именами Иванов и Петров, называемых автором поляками, автор подробно говорит и о двух ученых врачах, называемых и им русскими — Филомирском, 1534 г. любимом враче короля Сигизмунда Августа, и Латошинском, 1566, протестовавшим против вводимого Григорианского календаря папой Григорием VII.

Белоруссы внесли культуру, русский язык и православие в Литву и выдвигали энергических и убежденных защитников единства русского народа на север и юг. Активные, умные и деятельные, государственные люди в московском царстве — Глинские, Бельские,

Курбский были белоруссы, и в наиболее энергических деятелях южной России, организаторе польских казаков — Евстафие Дашковиче и некоторых Вишневецких также заметна кровь белоруссов.

Сила духа и убежденность в единстве и великом значении славянства, ярко выразившиеся в недавно скончавшемся высоко ученом представителе белорусского типа проф. А. С. Будиловиче, характерны для типа. Указывая на типичность и значение белоруссов, проф. М. О. Коялович даже выразился, что белоруссы едва ли не более русские, чем великороссы.

VI. Полесский тип

Серо-голубоглазый, низкорослый тип, и по измерениям д-ра Талько-Гринцевича, наиболее брахицефалический из русских, с головным показателем 86, полесский тип населения был наиболее пассивным и без всякого протеста подчинялся совершившимся вокруг него событиям. В сущности не меняясь и сохраняя главные свойства типа — упрямство, стойкость, отсутствие инициативы и инстинкты анархизма, полесская группа по типу, психике, говору, обычаям имеет неодинаковый характер и кое-где в ней заметны и несвойственные другим русским типам черты сервилизма.

И по типу, и по топографическим, и политическим причинам, не имея возможности самостоятельно организоваться, народность полесского типа, обладая большей приспособляемостью и замечательной трудоспособностью, энергично распространялась, и уже в XIII–XIV столетиях занимала и местности на восток от Днестра.

Имея довольно разнообразный характер и незаметно сливаясь с малорусским, а также белорусским и великорусским типами, полесский тип не может быть точно отграничен от них, но если считать основным малорусским только кареглазый, высокорослый тип, то к полесскому должно принадлежать большинство населения Волынской, Киевской, Черниговской и в настоящее время даже Воронежской и других южных губерний. Незаметными переходами сливаясь с малорусским типом и будучи по языку и психике близок к нему, полесский тип, подвигаясь медленно на восток, вытеснял другие типы. Проф. А. Соболевский доказывает, что до XVI столетия в Киеве еще сохранялся древний Киевский говор и только в XVI, XVII, вследствие многочисленных переселений туда из Волыни и Галиции, в Киеве появился и малороссийский язык. Если в начале истории в Киевской и Черниговской области и жили народности великорусского типа, то по удалении государственного ядра великороссов из Киева, они были оттуда вытеснены более соответствующим району и лучше приспосабливающимся полесским типом.

VII. Метисации

Татарский погром, присоединение к Литве и Польше и соприкосновение и смешение с северными и восточными инородцами финского и урало-алтайского типа, имели последствием многочисленные метисации русских типов с инородческими, но не произвели особенно важных изменений русских типов и не помешали их естественной эволюции. Стойкость русских типов выразилась в том, что они не ассимилировались другими типами и даже почти ничего от них не заимствовали, но сами оказывали на них влияние и ассимилировали их. Это особенно видно в Литве.

Уже при Гедимине, но еще больше при его преемниках, великокняжеский двор наполнился сравнительно образованными русскими людьми, языком литовского двора и высших чиновников сделался язык русский; государственные акты, литовский статут 1529 г., и вообще все документы в Вильне писались по-русски, почти на таком языке, на каком они писались в Киеве, Львове, Москве. Все Ягеллоны до Сигизмунда Августа знали русский язык. В греко-российскую веру крестились не только женившиеся на дочерях потомков Рюрика, но и разного звания простые литовцы. В управлении русского народа ничего не изменилось, и только вместо рюриковичей были гедиминовичи. Во главе управления находилась почти та же русская, смешавшаяся с литовской, аристократия. Что русский тип был сильнее литовского видно из того, что гедиминовичи, как и рюриковичи быстро ассимилировались и делались по духу вполне русскими. Сын Ольгерда Владимир, женатый на дочери великого князя Московского, бывший киевским князем с 1385 по 1397 год, боролся за автономию киевского княжества с самим Витовтом и защищал чистоту православия против Киевского митрополита Исидора, перешедшего в унию. Такими же вполне русскими людьми были и сын его, энергичный и умный Олелько, и еще более внук Семеон, которого Киевляне хотели даже провозгласить великим князем.

Такое же упорство и прочность типов и южно- и северо-русских. Сталкиваясь и смешиваясь на юге с татарскими и монгольскими, на севере и востоке с финскими типами, и приобретая некоторые антропологические признаки этих типов, русские везде сохраняли свою народную физиономию. Только в немногих местах, усваивая

русский язык и православие, в русский народ входили и целые народности на севере — финского, мордва; а на юге кавказско-татарского типа, к которому, по-видимому, принадлежали слившиеся с русскими берендеи и половцы.

VIII. Аристократия

Русские привилегированные сословия, аристократия, ведут свою родословную от рюриковичей, гедиминовичей и их бояр. Тип их в большей или меньшей степени сохранялся неопределенно долгое время. Сохраняя монархические традиции, аристократия сдерживала, обуздывала, смиряла разбойничьи инстинкты и вносила дисциплину и культуру в массы.

Привилегированные сословия северной России долго и ревниво оберегали свои права, как потомков рюриковичей, и вели счеты родства. После татарского нашествия к ним примешивались и татарские типы, и они усвоили некоторые татарские порядки и обычаи. С усилением единодержавия московских царей, привилегированные сословия постепенно превращаются в ближайших слуг царя. Вся полнота государственной власти сосредоточивается в царе, и привилегированные сословия делаются только исполнителями его повелений.

Так как расходившиеся в разные стороны русские анархисты сплачивались в государство личностью одного царя, и только частью религией, то служба для укрепления этой идеи была важнейшей заслугой привилегированных.

Значение аристократии южно- и западно-русских типов было иное.

Польское правительство сознавало значение русских аристократов и в управлении краем опиралось на них. Большие русские феодалы имели свой двор, своих дворян и войско, не признавали законов, воевали между собой и татарами, сносились с Крымом, Молдавией. Самыми сильными родами из южно-русских феодалов были князья Вишневецкие и Острожские. Они сознавали себя русскими, а в этом сознании вели свою политику. Храбрец и авантюрист Дмитрий Вишневецкий сумел организовать вольные разбойничьи, удалившиеся в низовья Днепра, дружины и в 1510–1520 годах положил основание Запорожской Сечи. Михаил Вишневецкий в 1569 г. с войсками Ивана Грозного участвовал в походе на Астрахань, а потом по поручению царя ездил к князьям черкасским. Почти вся остальная русская аристократия была только верными слугами польской короне. Адам Вишневецкий был, между прочим, покровителем первого русского самозванца и враждебно относился к Борису Годунову. Последний из православных, следовательно, считавших себя русскими,

Вишневецких — Иеремия, — был одним из самых могущественных магнатов Польши. Он имел свою столицу уже в г. Лубнах Полтавской губернии и мог выставить до 8000 человек своего собственного войска. Принявши в 1622 г. католичество, он сделался яростным врагом Хмельницкого и гонителем православия. Деятельность князей Острожских была более мирная. Федор Острожский после бурной жизни в 1433 г. постригся в Киеве в монахи и за свою святую жизнь причислен к преподобным. Некоторые Острожские дружески сносились с Москвой, и иные в составе польских войск воевали с ней. Знаменитый, владевший многими городами и селами, князь Константин Острожский, был ревностнейшим защитником православия, помогал церковным братствам, сочувствовал восставшим казакам и в 1570–80 годах завел в г. Остроге первую русскую типографию, оборудованную бежавшим из Москвы Иваном Федоровым.

Судя по деятельности, энергичные инициаторы Вишневецкие должны были принадлежать к долихоцефалам, а более осторожные консерваторы Острожские — к брахицефалам.

Кроме разве двух Вишневецких и Константина Острожского, все эти знаменитые князья преследовали только свои личные выгоды и расчеты, а собственно народом и русским, да и польским государством не интересовались и реальной пользы народу не принесли. Потомки их, приняв католичество, слились с поляками.

IX. Польский тип

Значительную роль в жизни запада и юга России играли поляки.

Польский тип, как и русский, смешан. В среднем рост поляков несколько ниже роста русских, сложение стройнее, лицо уже, черты лица тоньше, волосы русые, часто каштановые, глаза у 30–40 % голубые. Поляки составляют самостоятельную, как в физическом, так и психическом отношении этнографическую группу. В психическом отношении польский тип живой, пылкий, впечатлительный, увлекающийся; еще более, чем в физическом, отличается от медленно двигающегося и думающего, сдержанного, осторожного и недоверчивого типа русских, и в частности, южнорусского. У поляков чересчур развито воображение, они преувеличивают свои силы и средства. Самообманы, в которых жило и живет человечество, особенно сильны у поляков. Психическое различие малоросса и поляка можно бы выразить словами, что малоросс во всем сомневается, а поляк ни в чем не сомневается.

После татарского разгрома и временной вспышки литовского могущества, к Польше, по естественному ходу дел, присоединилась и западная и южная Русь. Переход к польской власти был почти незаметен для народа, так как привилегированные сословия оставались русские, православные, а польских королей народ почитал как бы естественными преемниками рюриковичей и гедиминовичей. Также постепенно и незаметно селились в крае и польские паны.

Имея государственную организацию, поляки внесли некоторый порядок в находившиеся в анархии русские земли, и более или менее ограждали их от набегов южных хищников. Высокая культура, художественный вкус, большая мягкость и деликатность, и рыцарские качества высших сословий поляков, вливали свежую струю в жизнь мало подвижного, непредприимчивого и равнодушного к государству, русского населения. Организуя для защиты себя и государства казачество, поляки способствовали объединению до того разъединенного народа, проникновению к нему некоторой культуры.

Польские паны, необыкновенно гордясь своей расой и культурой, смотрели на народ, как на расу низшую, а народ, восхищаясь великолепием панов, снисходительно, как взрослый на детей, смотрел на их шумные пиры и проказы, и по традициям повиновался им. Насколько польский тип был чужд народу видно из того, что народ от

поляков почти ничего не позаимствовал. Даже, например, орнаменты вышивок на рубахах народ выработал самостоятельно, или, если и заимствовал, то не от поляков.

Подсмеиваясь над польскими претензиями и культурой, народ был более горд, в сущности, чем поляки. Увлекались польской культурой только привилегированные сословия и, принимая католичество, делались чуждыми православному народу; на народ же, особенно в местностях, удаленных от собственно Польши, чуждый ему польский тип влияния почти не имел.

X. Еврейский тип

Евреи в небольшом числе появлялись в России уже в IX–X столетиях, но массовое передвижение их в Польшу и западную и южную России произошло после гонения их в западной Европе, в XV и XVI столетиях. При добродушии, терпимости и неорганизованности русских и покровительстве, оказываемом евреям польскими панами, евреи здесь размножились быстрее, чем в других странах. Народ подсмеивался над ними, но не относился враждебно. Польские паны к евреям, как и к русскому народу, относились высокомерно. Несмотря на свою изолированность и требование культа сохранять чистоту крови, евреи в Польше хотя и нелегальным путем, смешивались с поляками.

Польские всемогущие паны, частью насильственно, частью с разрешения еврейских раввинов и по разным сделкам, нередко брали в любовницы еврейских женщин. Любовницы еврейки были и у королей Казимира III, Сигизмунда IV, и, вероятно, у очень многих, потому что признаки смешения еврейского и славянского, главное польского типов, в виде светлых волос, голубых и серых глаз, курносых носов, сохраняются у русских евреев и до настоящего времени. Метисация со славянами значительно смягчила резкие черты еврейского типа. Для укрепления польского государства евреи оказали громадные услуги.

Евреи представляют как бы исключение из биологического закона о зависимости типов от зоологического района и почти не меняются, но это происходит оттого, что они недавно сравнительно, например, с Китаем и Японией, выделились в обособленный тип и на почве его специализировались. Еще позже они поселились в Европе. Еврейский тип слишком нервный и специальный, чтобы сохраниться изолированным от других; с распространением просвещения, заколдованный круг, в котором их держит теократия, постепенно размыкается.

XI. Народные волнения

Систематической племенной вражды на почве разности типов между русскими и восточными инородцами не было. С великороссами, жившими с XV века по Тереку, роднились и смешивались даже своеобразные группы кавказских горцев. Только позже, со времени усиления магометанства, отношения между великороссами и инородцами обострились.

Наибольшая непримиримость типов была на западе. В XVI веке, когда под влиянием казачества между малороссами произошло некоторое объединение, против поляков и евреев, эксплуатировавших народ и оскорблявших его веру, начались восстания.

Разбои на почве индивидуализма, заботы только о себе и пренебрежения интересов других, при отсутствии законности и порядка, были обычным и естественным явление в крае, но восстания, начавшиеся с конца XVI века, хотя тоже сопровождались грабежом, имели совершенно другой характер. При индивидуализме и разобщенности народа, восстания не могли быть делом обдуманным, подготовленным, соображаемым со средствами и обстоятельствами. Тут мы встречаемся с явлением, проявившимся в первый раз между малороссами, которое можно назвать психической эпидемией. Сомкнуться во имя одной идеи массы могли только гипнозом. Экзальтированные сильные люди, в значительной степени из свободных запорожцев, заражали массы и когда восстания разгорались, зараза принимала эпидемический, стихийный характер, заражая и старого, и малого. Народ видел чудеса, верил самым невероятным слухам, не считался ни с какими препятствиями. Теряя всякое сознание опасности и справедливости, народ не щадил никого и ничего, но и сам не искал и не ждал пощады. Народ охватывала такая беспощадная и безоглядная ненависть, что он не допускал возможность примирения и требовал истребления или изгнания всех панов, жидов и католиков с их женами и детьми.

Первое, охватившее большие пространства, имевшее характер эпидемии, восстание было под предводительством Павла Наливайко в 1596 году. Провозглашенный собравшимися в Чигирине казаками и народом гетманом, Наливайко сначала отправил письмо к польскому королю, в котором говорил, что народ русский никогда не был побежден поляками, а соединился добровольно, и затем жаловался на

притеснения. Когда письмо результатов не имело, разгорелось восстание.

Борьба велась не на живот, а на смерть, и сопровождалась страшными с обеих сторон жестокостями. Не руководясь никакой государственной идеей, не имея центра, вокруг которого можно было бы объединиться, почти безоружные, полуодетые, недисциплинированные, часто голодные и пьяные, крестьяне, конечно, не могли устоять против хорошо вооруженных и организованных войск. Казаки, на которых рассчитывали повстанцы, играли двусмысленную роль, а в общем остались верными королю и согласились на компромиссы с поляками, и восстание, как и всякая эпидемия, быстро окончилось. Наливайко был убит коронным гетманом Лободою.

После довольно продолжительного перерыва такие же восстания были под предводительством кошевого атамана Тараса Трясилы в 1625, Павлюка в 1630, Остряницы с Гунею в 1638 г. На неодинаковость средств воевавших указывают, между прочим, цифры убитых при восстании Остряницы: в сражении под Старицей убито: повстанцев 11 317, а поляков около 300. Во время последнего восстания заметно тяготение к Москве, и после него многие тысячи народа перешли в Московские пределы.

Несмотря на неудачи, имена предводителей восстаний сохранились в памяти народа как героев. Думки о Тарасе Трясиле, как он истребил войска польского военачальника Конецпольского, пелись кобзарями и до последнего времени.

В народных преданиях сохранились и лица, неизвестные истории, и прославляемые за то, что они ничего не боялись, грабили богатых и помогали бедным, как атаман Анцибар и уже позднейший разбойник Кармелюк. Оба они были характерными и появлялись неожиданно, под разными видами, там, где их не ждали. Для себя им ничего не нужно было, но, ограбив панов или евреев, а если они были виновны в преступлениях против народа, то и убив их, характерники всё ограбленное раздавали нуждающимся.

Всеобщих эпидемического характера восстаний между народностями велико- и белорусского типа не было.

XII. Запорожцы

Совершенно своеобразную группу представляет образовавшаяся в начале шестнадцатого века на юге России Запорожская республика.

Запорожцев Бантыш-Каменский производит от кочевников, Кулиш от рюриковских дружинников, но по антропологическим, топографическим и лингвистическим признакам основание этой независимой группе должны были положить обитавшие с начала истории к югу от р. Роси и по реке Суле храбрые брюнетического типа торки.

В борьбе с кочевниками торки смешивались с ними и постепенно подвигались на восток и юг, и в XV веке, по М. А. Максимовичу, жили в Полтавской губернии по р. Суле под именем севрюков. По мере оттеснения татар они подвигались все южнее, в степи, где занимались частью земледелием, частью охотой и разбоями.

Организатором вольных казаков был православный князь Дмитрий Вишневецкий. Как и первые Рюриковичи, Вишневецкий, обладая инициативой и предприимчивостью, объединил, воодушевил и вооружил казаков и сделался грозой соседних татарских орд. На легких чайках он с запорожцами появлялся и на берегах Крыма, и Балканского полуострова и, наконец, попав в плен, был замучен турками. Возможно, что, как думал Кулиш, на объединение запорожцев влиял и престиж рюриковичей, но, во всяком случае, Вишневецкий удовлетворил их назревшую потребность в объединении и организации. О подвигах и смерти Вишневецкого сохранилась трогательная думка, где он называется Байда и Байда Молодецкий.

По инициативе Вишневецкого на порожистых островах низовья Днепра в 1510–1520 годах возникла независимая республика — Запорожский Кош, или Запорожская Сечь. В этой демократической республике нашли удовлетворение наиболее идейные представители типа южнорусских индивидуалистов. Сечь сделалась их идеалом и притягательным центром. Для того, чтобы быть принятым в Сечь, нужно было быть православным, для доказательства этого достаточно было перекреститься, но всякий, поступавший в запорожцы, подчинялся строгому режиму, — преступления — воровство, разврат и пр. жестоко наказывались, и, в конце концов, если поступивший выдерживал режим, он приобретал общую, только запорожцам

свойственную, физиономию. Личный индивидуализм поглощался индивидуализмом Коша. Постепенно образовалось своеобразное демократическое государство.

Одной из особенностей, выделяющих собственно южный русский тип торков и, в частности, запорожцев, не только от великороссов и белоруссов, но и от полещуков и галичан, — юмор, с которым они относились чуть не ко всему на свете. Юмор, на почве презрения к мелочности, торгашеству, роскоши и всяким претензиям, сквозит и в их домашних делах и отношениях друг к другу, и особенно в отношениях к презираемым ими полякам и евреям. Он проявлялся и в разгаре самых рискованных дел, и в том, например, как они составляли ответ на торжественное послание турецкого султана, во время составления которого, как художественно изображено и на картине Репина, на лицах всех составителей играет самая насмешливая, хотя и не злая, улыбка.

Юмор — это не только характерная черта, а громадная нравственная сила, которой народ защищал себя от других и давал возможность, не падая духом, выдержать всякие испытания.

Другие свойства типа запорожцев вообще соответствовали брюнетическому типу малороссов, хотя не были тождественны. В крови запорожцев была, без сомнения, кровь кочевавших на юге кавказцев, половцев. Малорусский народ видел в запорожцах людей особого сорта, чуть не волшебников, и, преклоняясь перед их сильным характером и неустрашимостью, называл характерниками.

Запорожцы не боялись никого и ничего, и с полным презрением к опасности, как бы в порыве поэтического вдохновения, на небольших лодках, чайках, предпринимали походы в Крым, Малую Азию, на берега Балканского полуострова и даже Мраморного моря. Они были также если не всегда активными деятелями, то всегда вдохновителями и сочувственниками восстаний народа против притеснителей православия — католиков поляков и евреев. В этом нужно видеть не разбойничество, как думают поляки, а нечто идейное, рыцарское; борьбу с неверными, защиту слабых. Между прочим, в народных думках поэтически описывается опасный поход Гамалея к крепости Скутари на Мраморном море, с единственной целью освободить находившихся в тамошних тюрьмах казаков.

Что запорожцы были народными героями, доказывается сохранившимися в памяти бандуристов думками о многих предводителях их — Богдане (1575), Самойле Кушке (1578), Серпяге или Подкове (1577), Скалозубе, Тарасе Трясиле, Анцибаре,

Хмельницком.

Сохраняя основные свойства русского и, в частности, малорусского, типа — индивидуализм, чувство личного достоинства и независимость с наклонностью к анархизму, запорожцы вместе с тем были более идеалисты, чем не только великороссы, но и большинство говорящих по-малорусски и почитаемых малороссами. В основе их психологии лежал южный, с особенно развитым художественным чутьем, брюнетический тип торков. Естественной эволюцией, а также искусственным подбором, на почве типа, запорожцы выработали собственную этику, по которой материальные расчеты отходили на задний план. У них был идеал высшей Божьей правды и в своей деятельности запорожцы выполняли как бы религиозную миссию. Они почитали себя как бы обязанными сражаться с неверными турками и татарами и защищать угнетаемых панами-католиками православных, и если при этом и грабили, то грабежи были естественным последствием всяких тогдашних войн. Запорожье было убежищем для всех ищущих свободы, людей идейных, в том числе, конечно, и для преследуемых за разного рода преступления. По своей идейности, религиозности и тому, что в Сечь не допускались женщины, запорожцы наиболее подходят к рыцарям некоторых средневековых полумонашеских орденов, но запорожцы не становились в трагические позы рыцарей, не окружали себя искусственными нормальностями, а действовали просто и естественно, искренне, как художники. Кроме того запорожцы и не находились ни под каким покровительством, а жили на свой страх.

Запорожская Сечь представляет замечательное создание русского гения. Несмотря на окружавших их врагов, запорожцы не только никому не подчинились и сохранили свою веру и народность, но сами были грозой иноверцев. Они ни на кого не могли опереться, а верили только в помощь Бога, и у них была смутная надежда на какого-то, им неведомого, одного для всех русских православного царя. В то время, когда высшие сословия Малороссии были нравственно порабощены поляками, а простой народ ничего не знал о других государствах, запорожцы были достаточно знакомы с положениями дела в Крыму, Турции, Молдавии, Польше, Москве.

С Запорожской демократической республикой не могут быть сравниваемы ни западно-европейские рыцарские ордена и разные союзы, ни русские олигархические республики Новгорода и Пскова, ни, тем более, объединившиеся временно и под влиянием одной сильной личности дружины Ермака или Стеньки Разина. В

противоположность великороссам, двигавшимся почти стихийно и с их непротивлением злу, сливавшимся с инородцами почти бессознательно, политики и скептики запорожцы принимали в свою среду только после испытания и руководились не материальными, а главное идейными соображениями.

Несмотря на различие этических типов, Запорожье сделалось вторым после Москвы русским самостоятельным ядром, сохранившим не только православную веру, но и идею свободы и единства русского народа. Идея, однако, русского православного царства зрела у запорожцев самостоятельно и была прочнее и сознательнее, чем у великороссов. Как художников их увлекало и величие самой идеи. Вместе с тем, хотя запорожцы о москалях имели только смутные представления, они знали, что Московские цари могущественны, и что Москва — их естественная союзница против общих врагов: татар и поляков. Свободные мыслители, запорожцы, были как бы продолжением поколения, внушивших русским князьям мысль о собирании русской земли. Совершенно самостоятельно созревали эти мысли и у более образованных, чем собственно в Малороссии, русских Галиции и Белоруссии.

XIII. Москва

В XV–XVI столетиях идея рюриковичей объединить все русские народности в одно государство, казалось, потерпела крушение. Все главные четыре русские народности жили каждая своей жизнью. Они почти не сообщались между собой, а две главнейшие из них — великорусская и малорусская — сделались как бы врагами. Вместе с тем во всех народностях царила анархия, сдерживаемая только внешней силой. Попыток самостоятельно объединиться, не считая объединенной князьями Москвы, кроме запорожцев нигде не было. Объединяло все русские народности только православие, а объединительными центрами были церкви и монастыри.

По причинам географическим, отсутствию естественных границ, общим бассейном рек и другим, на восточной половине Европы не могли прочно установиться несколько государств, и должно было раньше или позже создаться только одно. Какая из русских народностей должна была стать во главе его (малорусская, великорусская, белорусская или полесская), это не имело особого значения. При прочности и неизменяемости типов ход истории от этого едва ли бы существенно изменился. Главное то, что во главе государства, с расплывающимися во все стороны элементами анархизма, должна была быть одна, понятная для всех, абсолютная власть. Только такая власть соответствовала расовым потребностям всех типов и могла удовлетворять их.

Народность великорусского типа еще более, чем другие русские народности, вовсе не интересовалась государством и своими родичами других типов. Живя в сравнительно благоприятных условиях и обладая некоторыми особенными свойствами типа, между которыми смелость и решительность играли выдающуюся роль, великорусский тип в XVI веке уже распространился до границ Азии. Колебавшаяся в удельный период власть московских князей при Иване III восстановилась, и при Иване IV Грозном (1533–1584) достигла полной силы. Только с этого времени вновь сделалась осязательной идея рюриковичей «о единстве русского народа и государства».

Как человек большого ума и сильного характера, сохранивший традиции первых рюриковичей и назвавший себя в разговоре с одним иностранцем даже немцем, Иван IV, для укрепления своей

самодержавной, абсолютной власти, не останавливался ни перед чем. Несмотря на многочисленные казни подозреваемых им в измене власти бояр и другие жестокости и чудачества, восстаний или даже народных протестов против него, как например и против так же жестоко расправлявшегося с боярами, Романа Галицкого, не было. Подчиняя всё абсолютной власти, Иван IV был терпим к религиозным убеждениям и на жалобы духовенства о распространении ереси отвечал: «Какая вера правая — один Бог знает, а нам об этом судить не дано». В преданиях народных о его жестокостях, слишком утрированных духовенством, и не вспоминается.

Будучи по идее мистической, исходящей от Бога, самодержавная власть, независимо от личности Государя, покоряет народы уже одним своим престижем. При Иване IV престиж власти московского царя почувствовался не только собственно русскими, но разноплеменными народами Сибири, кавказскими горцами, искавшими защиты его, жившими за Кавказом грузинами и армянами.

В это время продолжали соперничать и бороться с Москвой поляки, литовцы, шведы, немцы, татары, но по географическим причинам и свойству типов это не могло иметь почти никакого значения на дальнейший естественный ход истории.

С Ивана IV уже почувствовалось и наметилось, что соответствует русскому типу только власть непререкаемая, абсолютная, и что при сохранении ее, все населявшие восток Европу народности, несмотря на существенные между ними различия, сольются в одно Русское государство.

После Ивана Грозного идея самодержавия, никем не реализуемая, уже носилась над всей восточной половиной Европы.

XVII СТОЛЕТИЕ

XIV. Формальное соединение Малороссии с Москвой

В смутные времена самозванцев и междуцарствия Московское государство находилось в самом печальном состоянии. Везде царила анархия. Отовсюду грозили враги. Бояре интриговали. Попытка избрать царя из бояр не удалась. О возможности устроить республиканскую форму правления или о разделении государства не было и намека. Под сильным влиянием духовенства народ, наконец, в 1613 году избрал царем родственника Ивана Грозного по женской линии Михаила Феодоровича из дома Романовых. Растерявшиеся было анархисты, почувствовав над собой необходимую им, единую самодержавную власть, быстро успокоились.

Обаяние самодержавия, как соответствующего русскому типу, пронесшись несокрушимо чрез период смут, окружало и сына Михаила, благодушного и миролюбивого царя Алексея Михайловича. Бояре, как и народ, безусловно, подчинялись царю. При усилившихся сношениях с Западной Европой появились и образованные люди, как боярин Матвеев. Наиболее занимали царя однако дела церкви, и характерными фигурами в его царствование были религиозные фанатики — Патриарх Никон, протопоп Аввакум, Никита Пустосвят. Религиозность на почве типа доходила до самоуничтожения. Кликуши, юродивые, вечные странники, проповедники самосожжения, оскопления находили сочувствие и пользовались уважением в массах. Слухи о появлении святых икон, чудесах, светопреставлении встречали самое доверчивое отношение.

Когда малороссийский гетман, умный и энергический Богдан Хмельницкий, из-за личных счетов поднявший восстание против поляков и попавший в безвыходное положение, обратился к московскому царю с просьбой о заступничестве и принятии Малороссии в подданство, царь и вся боярская дума колебались и отказывались. На решение их повлияло однако то, что Хмельницкий, зная религиозность царя и бояр, упирал на то, что без помощи царя погибнет вся Малороссия и преследуемое католиками-поляками православие. Духовенство и вся Москва заговорили, что надо вступиться за православных. И присоединение состоялось в 1654 г.

Когда в Малороссии появились серьезные, бородатые,

прямолинейные стрельцы и важные, непреклонные московские бояре, казацкая, усвоившая польскую культуру, старшина и паны взволновались. Уже самая этика москалей, их нравы, обычаи, язык были им чужды и противны. Кроме того, типичные индивидуалисты казацкие паны, вовсе не заботившиеся о народе, а только обиравшие его, видели, что произволу их положен предел. Уже Хмельницкий не исполнял некоторых требований договора, не собирал рады, не платил жалованья казакам и пр. и потому чувствовал себя не совсем ловко.

После смерти Хмельницкого, казацкие паны, захватившие в свои руки бывшие польские земли и привыкшие к произволу, продолжали протестовать и волноваться. Почти все гетманы не понимали государственной идеи. Некоторые из них, как поляк по убеждениям Виговский, полуполяк Ханенко, просто ненавидели москалей, другие, как пьяница Многогрешный, ученый Тетеря, находили, что соединение с Польшей было бы для них выгоднее, и только искренний мечтатель, не эгоист, Дорошенко в своих фантастических планах заботился не о панах и не о себе лично. Малорусские епископы Балабан, Коссов, Винницкий, Тукальский, к изумлению бояр, также были враждебны к Москве. Балабан просто не хотел и присягать царю, а Коссов отговаривался тем, что «он опасается мести короля и не хочет ответить за невинные души».

Единственный гетман, сознавший неизбежность соединения Малороссии с Москвой, был Бруховецкий. Он не принадлежал к сословию старшин, а происходил из простых казаков, и пробывши три года в Запорожье, приобрел любовь и уважение запорожцев. Когда на раде в Нежине в 1663 году, на которой были не одни, обыкновенно подбираемые претендентами, казаки, но и посольство, и поэтому названной Черною Радою, — выбирали гетмана, то, несмотря на интриги богатой и влиятельной старшины, Бруховецкий с громадными овациями провозглашен был гетманом. Народ до такой степени ненавидел старшину, что вслед за избранием Бруховецкого принялся грабить и убивать ее, причем были убиты и весьма энергические полковники Золотаренко и Сомко.

По сохранившимся в коллекции Н. М. Тарновского портретам, только у одного портрета Бруховецкого с упрямым, твердым взглядом, небольшим с подстриженными волосами лбом, висящими усами и слегка вздернутым кончиком носа, — виден малорусский тип; у остальных же гетманов тип скорее польский, но при этом чуть не у всех большие носы. Тип Дорошенко с приподнятой головой, небрежно накинутым на голову башлыком, мечтательным, куда-то

устремленным взглядом и большим подбородком — тоже не малорусский, а, по-видимому, долихоцефалический.

Совершенно иначе отнеслось к присоединению к Москве посольство и запорожцы. Самая инициатива присоединения при Хмельницком принадлежала запорожцам. Свободы, как под властью польских, так и казацких панов, народ не понимал. Как у индивидуалистов, демократов, хлеборобов, так и у ультра-демократов запорожцев, сохранилась или воскресла идея о независимости и славе русского народа при православных русских царях. Горячий защитник этой идеи был знаменитый запорожский гетман Серко. Из духовных, вспоминавших о рюриковских временах, интересен глуховский протоиерей Шматковский, в своих посланиях к царю Алексею Михайловичу называвший его самодержцем и прямым наследником Владимира Святого и Романа Галицкого. Народ, подшучивая над языком и этикой великороссов, побаивался их, как строгих дядюшек, и уважал, как единоверцев и верных слуг могущественного, общего для всех православных, самодержавного русского царя.

Последний гетман Мазепа был наиболее типичен. По остроумному замечанию Ф. М. Уманца, Мазепа и его измена были необходимы для проверки действительного настроения народа. По портретам и описаниям тип Мазепы с темно-карими глазами, малорусским юмором и индивидуализмом и в физическом, и в психическом отношении малорусский. По словам Прокоповича, лично знавшего Мазепу, он не терпел москалей. Как умный и хитрый, но увлекающийся и с художественным чутьем, Мазепа, однако не только по личным расчетам признавал власть Петра I, но, судя по его письмам, искренно увлекался им, как гением.

Обладая почти неограниченной и бесконтрольной, предоставленной, вполне доверявшим ему Петром, властью, Мазепа нажил громадное состояние, окружил себя панами, угождал духовенству, строил церкви с своими гербами, а на народ, его обычаи и язык смотрел, как и паны, свысока. Когда появился новый герой Карл XII, Мазепа увлекся и им, и провалился.

Таким образом, по произведенному испытанию оказалось, что Мазепа, как и значительная часть казацких панов, самообольщался, и хотя духовенство и славило его щедроты, народ оказался не на его стороне. Насколько Мазепа был ненароден, видно из того, что в приводимых проф. Максимовичем народных думках Мазепа, как изменник, проклинается, а противник его, Палей, прославляется, и что самое имя «Мазепа» сделалось в народе бранным. Из этого видно, что

идея единства русского государства, как соответствовавшая русским типам, несмотря на продолжительное разделение их, сохранилась в южно-русском народе.

XVIII СТОЛЕТИЕ

XV. Русский этнографический тип

С Петра Первого начинается, предуказанное зоологическим районом, свойствами типов и историей, органическое соединение народностей всех антропологических типов русского этнографического типа в одно русское государство.

Анархисты северорусского типа, признавая в идее и Божескую и царскую власть, не совсем удовлетворялись теми формами, под которыми выражались эти власти, их представителями и пробовали исправлять эти формы. Будучи по типу людьми крайностей, ищущими вечной правды и не умеющими ни на чем остановиться, анархисты для обуздания себя выработали обряды, понятные для всех внешние формы религии, из которых уже, под страхом отлучения от церкви, никто не смел выходить. В этих постепенно как бы окаменевших формах, причем отступление от них, даже, например чтение неправославной книги, почиталось ересью, и заключилась православная религия при царе Алексее Михайловиче.

Ища высшей справедливости и на земле, и не удовлетворяясь ничем, великорусские анархисты постоянно искали тоже и земной власти абсолютной, которая бы положила решительный предел их не имеющим пределов желаниям. Такую власть они нашли в Иване Грозном. Петр I, как сын царя Алексея, уже поэтому был самодержавным царем и помазанником Божиим, но вместо погруженных в квиетизм царей московских, он сделался свободным от московских предрассудков императором всей России. Петр за различные убеждения никого не преследовал, хотя и резал бороды, поэтому, кроме части духовенства и некоторых особенно фанатизированных раскольников, он не встретил сопротивления при той ломке, которую он произвел во всех частях управления государством.

Царь Алексей квиетист, и император Петр радикал, могущий сломить всё, не исключая и религии, могут почитаться представителями великорусского типа. Анархисты оставались верны и всемогущему Богу в тех формах, в каких более ярко выработалось поклонение Ему при царе Алексее, и всемогущему царю, как более осязательно начал понимать его народ при Иване Грозном. Свой всемогущий Бог и свой всемогущий царь соответствовали типу анархистов и были в их понятиях неразделимы от понятия

государства. Военные и гражданские власти только тем приобретали свою силу, что были слуги царя. В глазах народа они облекались как бы неким, исходящем от царя, ореолом. Допустить, что власть чиновников исходит не от царя, а от какой-нибудь коллективной власти, народ не мог. Чиновники приказывали и распоряжались только как агенты царя. Народ часто видел их несправедливость, но объяснял это тем, что царю это неизвестно.

Почти так же смотрели на самодержавную власть Петра I и южно-русские и западнорусские индивидуалисты. По свойствам антропологических типов, которые подтверждаются и опытом истории, эти народности никогда не могли сами самостоятельно организоваться.

Идея обязательности подчинения самодержавной власти, под каким угодно названием — князя, короля, или царя — оставалась у них несокрушима с эпохи рюриковичей, и подчинение русскому царю было только продолжением той же идеи. Предуказанное зоологическим районом и историей, неизбежное, органическое соединение их в одно русское государство, обусловливалось тем, что по общему этнографическому типу все русские славяне составляли одну своеобразную, соответствующую зоологическому району, группу, что у них была общая православная вера и близкие одно другому наречия, и что, по сохранившимся у них преданиям и инстинктам, соединение их в одно государство было предначертано самим Богом еще во времена рюриковичей.

Раскрывая дверь в Европу, пригласив множество иностранцев и выбирая на службу государству способных людей всех народностей, Петр I нанес жестокий удар той страшной схоластике, какая царила в просвещении как Москвы, так и более образованного Киева. Проповеди Голятовского (+1688), Барановича (+1694) и проч. состояли из витиеватого, риторического набора слов и ничего не говорили ни уму, ни сердцу. При Петре схоластика уступила место живому слову.

Закрепленная Петром Великим самодержавная власть, как органически соответствующая народностям всех русских типов и всего русского зоологического района, не поколебалась даже во время разнообразных переворотов и беспорядков, царствовавших почти целое столетие при женщинах императрицах. Единственный важный бунт против власти при Екатерине II, Пугачева, тоже находился в связи с будто бы нарушенной идеей самодержавия. Гайдамачина, в принадлежащей Польше части Малороссии, не коснулась России, да и

была вызвана стремлением к соединению с Россией.

Преследуя задачи государственные, административные, и имея ближайшие утилитарные цели, Петр I, а затем и его преемники, сравнительно мало обращали внимания на общее образование, и не только народ, но и почти всё привилегированное великорусское сословие и духовенство, оставались в невежестве.

Русский язык весьма неодинаковый у народностей, особенно юга и севера, в администрации и литературе был почти одинаков у всех народностей. С Петра Великого, когда потребовалось введение в язык новых слов и понятий, эволюция его пошла быстрее, и, по естественному ходу дел, в основу литературного языка лег более богатый великорусский говор.

Из культурных представителей великорусского анархического типа блистательно выдвинулся архангельский мужик Ломоносов. Получив окончательно образование в Германии, Ломоносов обнаружил самые разнообразные способности. Он был и многосторонний ученый естествоиспытатель, и серьезный, улучшивший книжный язык, филолог, и замечательный поэт. Вместе с тем он был националист, рьяно воевавший с сидевшими в Русской академии учеными немцами. Другой серьезный представитель типа был ученый барин Сумароков. Кроме многочисленных литературных трудов, между которыми высокопарные патриотические драмы играли главную роль, Сумароков своими средствами поддерживал русский театр, и вообще много делал для просвещения.

Из других литераторов заслуживает внимания весьма трудолюбивый уроженец Астрахани, и, по-видимому, не чисто русского типа, филолог Тредьяковский, и с присущими типу анархическими чертами Радищев.

Великолепный поэт Державин, остроумный, написавший комедию «Недоросль» Фонвизин, и сама тонкая художница писательница Екатерина II были не русского типа.

Чисто ученых, занимавшихся специальностями, а в особенности науками точными, естественными, между великороссами было весьма мало. Занятия ими как бы считалось не совсем приличным, не дворянским делом, а для лиц других сословий не было и учебных заведений.

Недостаток образованных людей великорусского типа в XVIII столетии пополнили образованные люди типа малорусского. Как в Киевской духовной Академии, так и в южнорусских семинариях молодые люди всех сословий получали несравненно лучшее

образование, чем в немногих учебных заведениях великорусских. В сочинении д-ра Змеева «Русские врачи писатели», где говорится и вообще об ученых естествоиспытателях, из 149, насчитанных им в XVIII веке ученых, воспитанников южных учебных заведений — 96, а северных — только 33. Наиболее — 24 — было из уроженцев Черниговской губернии, издревле служащей связующим звеном трех русских народностей. По сословиям, где они обозначены, из 112 малорусских уроженцев было — 67 духовного, 22 дворянского, 8 казачьего, 7 мещанского, 5 солдатских детей и 3 купеческого. Многие священники были дворяне. Из великорусских дворян ученых натуралистов не было.

Некоторые из южнорусских ученых, как Шумлянский (1748–1795), Самойлович (1745–1805), Максимович (1744–1802), получив окончательное образование за границей были европейские ученые и оставили сочинения частью на латинском и французском языках, имевшие научное значение.

Ученые врачи и естествоиспытатели, кроме заслуг как научных работников, должны были прокладывать первые пути для научной мысли, изобретать терминологию, писать учебники, составлять словари. Заслуги в этом отношении малорусских ученых в XVIII веке гораздо выше, чем великорусских. Пригоровский, Политковский, Барсук-Моисеев, Вонсович, Джунковский, Велланский, Погорельский, Полетика, Тимковский занимали должности профессоров и другие, требующие специальных знаний, главное в Москве и Петербурге.

Не меньшее, а в некоторых отношениях еще большее, значение для государства имели южно-русские проповедники, писатели, чиновники и вся, внесенная ими в великорусскую среду, этика.

Огонь вдохновения, каким проникнуты проповеди знаменитого сподвижника Петра, Феофана Прокоповича, зажигал сердце. Его вера в величие Петра, могущество России, великую будущность народа, переливалась в массы. Окаменелые формы московского режима и православия, препятствовавшие естественной эволюции и внесению культуры, расшатывались.

Между многими другими деятелями, имевшими влияние на объединение русских типов, из духовных лиц особенно характерен епископ Георгий Конисский (1717–1795). Кроме своих ученых трудов, он действовал на объединение государства и другой стороной малорусского гения — юмором. Имея цель возвратить униатов белоруссов в православие и зная, что против гипноза, до которого

доводили иезуиты своих прозелитов, прямые убеждения бессильны, Конисский походил к униатам с шутками, анекдотами, насмешкою, и заколдованный круг распадался. Конисский составил и эпитафию себе: «Град Нежин — колыбель, град Киев — мой учитель, а в тридцать восемь лет я был уже святитель».

Среди, так сказать, тяжеловесных представителей великорусского типа — Ломоносова, Тредьяковского, Сумарокова и слишком торжественного Державина, малорусские, хотя и небольшие, писатели — полтавский уроженец, внук грека, Капнист, с его комедией «Ябеда» и другими, остроумный автор веселой поэмы «Душенька», харьковский уроженец, Богданович, начавший писать по-малорусский Котляревский с его «Наталкой Полтавкой», также как и оригинальнейший, писавший своеобразным литературным языком, философ Сковорода (1730–1798), смягчали грубые типы и вносили оживление и поэзию в общество. Котляревский, как и Мазепа, имел темно-карие, почти черные глаза.

Несмотря на значительную разницу говоров и этики, народности двух главных антропологических типов великорусского и малорусского, после продолжительного, с эпохи киевских рюриковичей, разъединения их, с Петра Великого снова органически соединились в одно русское государство. Не говоря о географических и исторических причинах и общем зоологическом районе, уже по свойству своих типов, при усложняющейся борьбе за существование, эти народности не могли образовать двух отдельных государств, а должны были дополнять одна другую.

Анархист великоросс, склонный к величайшим крайностям, прущий «на авось» куда угодно и не умеющий остановиться, пока не упрется в стену, слишком размашист и прямолинеен, а индивидуалист малоросс, заботящийся главное о личных интересах, недоверчивый, упрямый и мало интересующийся общественными или государственными делами, слишком осторожен и подозрителен, чтобы каждый из них отдельно при усложняющихся условиях мог успешно бороться за свое существование. Для всестороннего развития государства к наивному доверию и альтруизму великоросса необходимо добавить скептицизм и анализ малоросса; к размашистым и широким обобщениям великоросса, умение сосредоточиться и разбирать частности малоросса, и наконец к грубоватому реализму великоросса — идеализм и большую сдержанность малоросса.

Народность полесского типа, естественно, пассивно шла за южно-русской, а народность белорусского — была, как и всегда, связующим

звеном между всеми, в том числе и польском, типами, и играла важную, хотя мало заметную роль в объединении их.

Провинциальный, положивший начало русского государства, период княжения рюриковичей в Киеве, далеко не разъяснен историей. Вопрос о том: не жили ли племена великорусского или близкого к нему белорусского типа в Киевской и Черниговской областях, нельзя считать решенным. Если однако они там и не жили, то уже из характера первых князей, а особенно из сохранившихся в памяти великорусского народа былин о подвигах Киевских богатырей, нельзя сомневаться, что великорусский, как более предприимчивый и решительный тип, играл при образовании государства первенствующую роль.

Великороссы и в дальнейшей истории всегда шли впереди, на свой страх, не взирая на препятствия, и осторожные, не умеющие самостоятельно организоваться малороссы шли по дорогам проторенным. Совершенно естественно, что, как в период рюриковичей, так и Романовых, гегемония в государстве была великорусская.

Этому соответствуют и многие черты их этики. Малоросс всегда на что-нибудь жалуется, великоросс не жалуется, а требует. Малоросс подсмеивается, великоросс не любит шуток.

В песнях великоросса — ширь, удаль, разбой, — в песнях малоросса — жалоба, любовь, мольба. Малоросс умоляет девушку полюбить его, жалуясь на свое одиночество, сиротство; великоросс увлекает девицу своей силой, подчиняет ее и заставляет полюбить себя своей решительностью. Других православных христиан малоросс, пожалуй, пожалеет, но ничего для них не сделает, а великоросс может для них пожертвовать даже жизнь.

Всё это, конечно, заключается в основных свойствах антропологических типов и находится в связи с формой их черепа, носа и другими физическими, пока мало изученными признаками.

XIX СТОЛЕТИЕ

XVI. Использование зоологического района. Состояние общества

Русский народ, двигаясь почти стихийно на восток и юг и исполняя свою историческую миссию, в XIX веке достиг до естественных границ своего зоологического района — на востоке Восточного океана и Амура, на юге Кавказского хребта. Там, где русские вышли из этого района — к югу от Амура, и в Закавказский край, они уже не имеют шансов утвердиться и должны раньше или позже потерять свою физиономию, погибнуть.

Передовыми бойцами в этом движении был шедший на «ура», сероглазый, крупноносый великорусский тип, за ним и рядом с ним двигался более осторожный, серо-голубоглазый с небольшим вздернутым носом тип полесский, и, слившийся с ним, тип более решительный, высокорослый, кареглазый. Белорусский голубоглазый тип смешивался с великорусским и самостоятельные группы его мало участвовали в этом движении. Эти типы, хотя во многих местностях и смешивались, сохраняли свою своеобразность.

Объединяли народности всех типов и смягчали их резкие особенности общие школы и литературный язык, общие религия, армия, чиновничество.

Русский крестьянин в XIX столетии оставался почти таким же, каков он был во времена рюриковичей. Даже освобождение крестьян почти не изменило дела. Веря в Бога и царя, народ и при крепостном праве нравственно не был порабощен. Он исполнял приказания господ и чиновников, но, кроме западной части полесского типа, не раболепствовал. К иностранцам и инородцам он относился или равнодушно, или снисходительно, насмешливо.

Оставаясь в сущности таким же, каким были и его отдаленные предки, народ в девятнадцатом веке начал чувствовать гнет капитала.

Естественный ход жизни народа русского зоологического района коренным образом нарушился, когда с половины девятнадцатого столетия, в его совершенно неподготовленную, не получившую никакого образования и живущую по старинным, выработанным им традициям, среду, начала проникать чуждая ему европейская промышленность с ее машинным производством. Для освобождения государства от зависимости промышленных стран, помощь

покровительственных пошлин и разных льгот, государство вызвало к жизни и русскую промышленность, на которую ушло миллиона два-три рабочих. Кустарные промыслы, которыми удовлетворялись насущные нужды населения, при распространении фабрик стали гибнуть. Железные дороги лишили населения сотен миллионов рублей, оставшихся у него от извозного промысла, и вместе с тем были причиной упадка коневодства и земледелия. Лишение права свободно пользоваться лесами и водами также легло тяжелым бременем на хозяйство. В наиболее печальном положении оказалось промышленное, живущее на бедной почве, население центрального великорусского типа. При размножении населения часть его выселялась в малогостеприимную холодную Сибирь.

В несравненно лучших условиях находились народности южнорусского типа. Кустарная промышленность у них развита слабо и мало страдала от фабрик. Кроме лучше обеспечивающей их плодородной земли, при размножении населения они и передвигались на такие же, открывавшиеся для колонизации плодородные земли на юго-востоке и в Кубанской области.

При отсутствии образования и при внезапно нахлынувшем на него капиталистическом производстве, народ не мог выработать никаких форм самозащиты от надвигающихся на него новых условий борьбы за существование, и экономическое благосостояние, особенно населения северных губерний, сильно пошатнулось. Сравнительно быстрое увеличение населения не показывает, однако, что крестьяне, в общем, нуждались более чем в начале столетия.

Правящими классами в девятнадцатом веке было дворянство, главным образом великорусского типа, и в значительном числе прибалтийские немцы. От типа прежних бояр у дворян сохранились монархические традиции, гордость, неспособность к усидчивому труду, леность. Более ответственные должности по администрации, так же как и многие, требующие специального труда — профессоров, председателей и членов ученых комиссий, в первой половине века и до восьмидесятых годов, занимали немцы.

На почве расового анархизма, безграничности желаний и порывов идти на «ура» для достижения иногда гуманных, но вредных для народа и государства целей, дворянство вовлекало правительство в рискованные и дорого стоившие войны с персами и турками за освобождение живущих в другом зоологическом районе, чуждых русским — армян, греков, грузин. Неумеренные претензии защиты единоверных нам балканских славян, вызвали против России,

окончившуюся для нее бесславно, и европейскую коалицию.

Получая хорошее образование, дворяне нередко обнаруживали блестящие способности в науках и искусствах. Уже в первой половине столетия в России появилась, созданная преимущественно дворянами, изящная литература, соперничавшая с западно-европейской. Гениальный Пушкин, блестящий Лермонтов и историк Карамзин, наиболее поднявшие народное самосознание и гордость, были смешанного происхождения, но множество и других писателей чисто-русского типа — Крылов, Грибоедов и другие возвысили и украсили литературу. Из писателей южно-русского типа особенно замечательны поэт индивидуалист, писавший по-малорусски, Шевченко и большой художник, мистик и юморист, Гоголь. Из художников белорусского типа замечателен создатель оперы «Жизнь за Царя» Глинка.

В научных работах и специальной литературе в девятнадцатом столетии принимали участие народности всех антропологических типов. Вследствие значительной метисации образованных классов и свойству самих, требующих объективности, научных работ, характерные черты типов заметны разве в исторических работах.

В большинстве случаев стимулами для занятия наукой были практические цели — получение привилегий, занятие кафедры и какой-либо специальной должности.

Многочисленные работы русских, обыкновенно остававшихся при университетах, ученых по всем отраслям знаний, доказали однако, что мозг русских, о котором западно-европейцы до того имели очень плохое мнение, не уступает западно-европейскому. Особенности его разве в том, что по свойству типа, он склонен к безграничности и редко останавливается на разработке частностей. Из сделавших вклады в науку европейских ученых наиболее важны математик Лобачевский, антрополог А. П. Богданов, историки Соловьев и Костомаров, анатом Пирогов, врач С. П. Боткин, химик Менделеев. Вклады в музыку на расовой почве внесли Глинка, П. А. Римский-Корсаков, А. И. Бородин, Мусоргский. Многие хорошие музыканты, как и Мусоргский, на почве типа, не знающие удержу, были пьяницы.

Необыкновенно большое значение в государстве в девятнадцатом столетии получил класс разнообразных смешанных с дворянством и мещанством, чиновников и разночинцев. Для удержания государства в порядке с Петра I требовалась целая армия чиновников, которая, всё разрастаясь, составляла особое, весьма большое и влиятельное, оторванное от народа, сословие. Получивши недоступное народу

большее или меньшее образование и состоящее как из народностей всех русских типов, так и инородцев и иностранцев, это сословие постепенно обезличивалось, и только формально служило своему чиновничьему начальству.

Учебные заведения с Петра I были предназначены почти исключительно для подготовки людей, необходимых для службы государству. Окончание учебных заведений давало право на поступление в государственную службу и другие преимущества, поэтому все русские привилегированные сословия, относившиеся с величайшим презрением ко всякому самостоятельному производительному труду, употребляли все усилия для того, чтобы избавить своих детей от такого труда и сделать чиновниками, «благородными», и только для этого отдавали их в учебные заведения. Страсть сделаться «благородными» охватила и бросивших профессиональные занятия детей духовенства и купечества. Такие же, благородные, чиновники, не уважающие производительного труда, учителя и профессора, за исключением немногих, давали детям соответственное образование. Учебные заведения давали, может быть, и не меньше, чем западно-европейские, сведения, но о том, чтобы воспитать характер, закалить волю ученика, развить его способность к самостоятельному производительному труду, внушить уважение к своей вере и отечеству — русские учебные заведения совершенно не заботились. Пользовалось покровительством только чтение разнообразных без всякого выбора книг, и так называемое развитие. Все были убеждены, что от чтения книг человек делается умнее и бывали очень оскорбляемы, когда какому-нибудь «весьма развитому человеку» не давали хорошего чиновничьего места.

Так как учебные заведения, кроме немногих школ грамоты, были почти исключительно предназначены для дворян, чиновников и разночинцев, а народ от образования оставался в стороне, то чиновничество и сделалось самой могущественной силой в государстве. Нуждами и потребностями народа чиновники не интересовались. Почти безответственные, привыкнув жить на вперед точно определенное и выдаваемое в данный срок жалованье, обеспеченное пансионом, и воспитывая детей на казенный счет, чиновничество как бы выключалось из оборота житейской борьбы. Отвыкнув от всякого, кроме канцелярского и какого-нибудь учительского или архивного труда, привыкнув с отдаленнейших времен кроме жалованья брать и взятки, а нередко и просто торговать правосудием, чиновники и их дети становились в безвыходное

положение, когда им приходилось бросать службу чиновника, или не находить ее. При перепроизводстве чиновников, увеличившемся образовании и возрастании потребностей, армия чиновников неизбежно должна была сделаться страшным бременем для государства и вместе главным очагом для всяческого недовольства и протестов.

Появлявшаяся на почве типа и космополитического характера учебных заведений, и выходящая почти исключительно из чиновничьей среды, литература осмеивала людей производительного труда, более деловых и предприимчивых называли мироедами и кулаками, над семейной жизнью и религией издевалась и героями выставляла только развитых людей, которые всегда протестовали против буржуазных порядков и правительства, мешавших будто бы им делать очень важные дела.

С воцарением слабого Императора Александра II, распространением образования и ослаблением цензуры, для интеллигенции открылась большая свобода выразить все накопившиеся у нее протесты и желания. На почве типа, искания вечной правды и свободы, появлялась и укреплялась и своеобразная, анархического характера, литература.

Кроме, так сказать, официальных, европейских представителей русского анархизма, Бакунина и Кропоткина, наиболее типичны Салтыков-Щедрин, беспредметно издевавшийся над всем русским, и граф Л. Н. Толстой в стремлении отыскать истину, как и русские раскольники крайних типов, дошедший до отрицания всякого государства и непротивления злу. Анархизм, с равнодушием к государству и неопределенными стремлениями куда-то, заметен и чуть не у всех, даже талантливых, писателей, но он проявлялся с полной откровенностью у писателей посредственных, а особенно у критиков, представителями которых могут считаться происходившие из духовного звания и, следовательно, вероятно более чистого великорусского типа, Добролюбов и Чернышевский. Они всё разрушали, ничего взамен не давая. Из борцов против анархизма наиболее типичен большой художник, мистик и психолог Достоевский. С вдохновением пророка он между прочим высказал мысль, что русский есть по преимуществу всечеловек, и что он на почве православного христианства когда-нибудь явится примирителем, гибнущих в анархии, европейских народов.

Опошление общества в конце столетия превосходно изобразил уроженец юга, смешанного происхождения, А. П. Чехов. Тревога,

разочарование общества во всем, как бы ожидание какого-то конца и вмешательства сверхъестественных сил, нашли выражение в значительной группе людей с особенно обостренной психикой, и многие и с признаками вырождения, преимущественно великорусского, типа. Талантливые представители этой, называемой декадентской, группы — Андреев, Брюсов, Белый, Блок имели большое влияние на молодое поколение. Максим Горький (Пешков) очень хорошо изобразил животные инстинкты русских типов. Если верить Горькому, то русский без веры — наглое, злое, ленивое, похотливое животное, повинующееся только палке. Таких же животных под ореолом мучеников за идею, но руководимых только половыми инстинктами, выставляли как идеалы и многие другие литераторы.

Необыкновенно вредное влияние на ослабление типа имело чрезвычайное распространение между всеми зажиточными классами пьянства. Эта чрезмерность может быть объясняется тоже свойствами не умеющего удержаться типа. Выпивать перед обедом и ужином не только одну, но несколько рюмок крепкой, часто смешанной с какой-нибудь дрянью и закусываемой соленостями, водки, считалось чем-то естественным, даже обязательным. Пьянство и обжорство дворян, особенно в больших центрах, как Москва, сделались традиционным. Богатые купцы самодуры поражали своими бессмысленными оргиями. Пьяное духовенство, в опьянении исполнявшее и христианские обряды, было явлением обыкновенным, никого не удивляющим.

Не только бросалось в глаза пьяное чиновничество, по необходимости несколько сдерживающееся от публичного появления, но, кроме пьянства дома оно напивалось за единственным своим развлечением — картами у знакомых или в клубах. Вечно находившиеся в опьяненном состоянии, генералы командовали отдельными частями и даже бывали начальниками областей.

Общество так привыкло везде видеть пьяных, что не только снисходительно, но чуть ли не с уважением относилось к пьяницам писателям, ученым, музыкантам, врачам.

Повальное пьянство по разным случаям, в том числе и церковным торжествам, как и безобразные оргии самодуров, не почитались не только позором, но и проступком.

Неизбежным последствием, передаваемого по наследству чуть на повального пьянства всех обеспеченных, преимущественно великорусского типа классов населения, имело естественным

последствием ослабление их работоспособности и воли. Общество легко подчинялось людям с сильной волей, было весьма восприимчиво ко всякого рода слухам и сплетням.

Вместе с пьянством, и как последствия его, шли разврат, сифилис, нервные расстройства, потеря душевного равновесия и веры в себя, надежда на обещающих всевозможные блага шарлатанов, недовольство настоящим, и ожидание каких-то пророков и переворотов, которые быстро сделают всех счастливыми. Бесчисленные, сложившиеся исторически, непорядки и беззакония, и всё увеличивавшиеся в борьбе за существование при усложнявшихся условиях, нужду и бедность, считалось возможным изменить быстро. Важную роль на всё возраставшее недовольство имели всё увеличивавшиеся потребности интеллигенции, а часто и просто голод.

Такое состояние психики естественно должно было расшатать все основы, на которых до того держалось государство. Общество как бы потеряло способность бороться нормальными средствами и начало надеяться на чудеса.

К концу столетия под влиянием сделавшейся почти исключительно анархической — русской и излюбленной обществом, утопической — иностранной, литературы, чуть не вся интеллигенция, начиная от дворян и разночинцев, до научившихся читать либеральные книжки мещан и крестьян, превратилась в утопистов, всем недовольных, всё отрицающих и увлекающихся только утопическими теориями. Во всем, конечно, было виновато правительство, и, по мнению утопистов, стоило его только переменить и всё пойдет превосходно. Более крайние требовали социализма, коммунизма и книжного анархизма. Разнуздались и чисто звериные и разбойничьи инстинкты.

При таком положении дел расовый русский, главным образом великорусский, анархизм проявился во всей силе. Великорусские анархисты всегда легко поддавались гипнозу юродивых, кликуш, фанатиков, проповедовавших самосожжение, оскопление и проч. Еще в девяностых годах сектант Ковалев, ради спасения душ, зарыл живых в землю с их согласия десять человек. При отсутствии задерживающих рефлексов религии и категорической власти, всякий предел для проявления анархизма исчез. Вместо юродивых и оскопителей анархистов направлял в любую сторону чуть не каждый с сильной волей утопист. Очень часто гипнотизировали как отдельных лиц, так и целые массы молодых людей в учебных заведениях и на фабриках и настоящие юродивые, маньяки и инородцы. Евреи, тип с

сильной волей и преследующие в общем такие же дела, как и анархисты, то есть полную свободу, получили громадное значение. Против более сильных гипнотизеров, как Гершуни, говорят, никто и никогда не мог устоять.

На почве анархического, не склонного к анализу и не знающего удержу, типа, с ослабленной алкоголизмом и анархической литературой волей, голодная, с увеличившимися аппетитами, интеллигенция, видимая, а нередко и косвенно подкупляемая имеющими свои цели людьми, была, конечно, уверена, что она шествует по собственному своему желанию, для достижения свободы и разных самых высоких целей. Их увлекали и свойственные типу молодечество, спорт, риск. Их заинтересовывали и загипнотизировали конспиративные квартиры, получаемые от каких-то таинственных лиц приказания, заговоры, печатание прокламаций, изготовление бомб. В конспиративных квартирах их обыкновенно связывали клятвами и угрозами, и попавши в такие сети, многие и колеблющиеся слабовольные люди уже не имели возможности отступить. Более рьяные, нередко больные, истерические и психически ненормальные, люди жаждали подвигов и требовали, чтобы их посылали а самые опасные предприятия.

Несчастные загипнотизированные девицы, юноши, а иногда и взрослые, по указаниям гипнотизеров утопистов, а иногда и просто дельцов, имеющих свои цели, шли куда угодно на что угодно и, то хитро подкрадываясь, то с веселым видом и открыто бросали бомбы или стреляли.

Чуть не повальный психоз среди интеллигенции, проникавший и на фабрики, и заводы, а в отдельных случаях и в деревни, захватил преимущественно народность великорусского типа. Между народностями типов южного и западного, у которого анализ более силен, психоз был гораздо слабее.

Утопические, а также инородческие космополитические теории, у них хотя и находили иногда весьма фанатизированных адептов (Лизогуб, Кибальчич), в общем, встречали серьезный отпор. Недостижимые идеалы анархистов великороссов у индивидуалистов малороссов выводились в простое разбойничество. Убивались, иногда с жестоким цинизмом, из-за грошей, целые семьи.

Начавшаяся с конца девятнадцатого века психическая эпидемия, перешла и в двадцатый век, когда она после неудачной войны достигла своего апогея.

XX СТОЛЕТИЕ

XVI. Государственная Дума

Русская народность, достигши Восточного океана и отграничившись от Китая р. Амуром, использовала свой зоологический район. Выход из него означал вторжение в зоологический район большой желтой расы и должен был сопровождаться неизбежной там гибелью русской расы.

Бессознательное движение на юг и восток соответствовало прущему на «ура» и не знающему пределов своим желаниям, по преимуществу анархическому великорусскому типу.

Кроме бессознательно двигавшегося народа, за это движение стояли и образованные люди, великорусского типа, которые, на почве анархизма и непрерывных успехов в движении на восток, были убеждены, что для русского всё возможно, что китайцы и японцы какая-то дрянь и проч.

Наиболее ярким представителем этого типа новгородских ушкуйников был пользовавшийся большим влиянием и, следовательно, соответствовавший расовым инстинктам, редактор наиболее влиятельной газеты «Новое Время» А. С. Суворин, и ставший во главе ушкуйников талантливый, предприимчивый с авантюристическими наклонностями, варяг Витте.

Постройка Порт-Артура и Дальнего и вторжение в Корею было уже не стихийное движение, а прямое объявление войны двум могущественным державам желтой расы — Китаю и Японии, и должно было окончиться, совершенно ясным для антрополога, и неизбежным поражением.

Это неизбежное, но всеми русскими неожиданное, поражение послужило началом громадного переворота в жизни русских. Уверенность в силе русского Бога и царя поколебалась.

Печальное состояние психики, в котором находилось чуть не всё грамотное население России в конце XIX и в начале XX века после несчастной войны, достигло высочайшей степени. Все ждали и требовали какого-то переворота. Людей, пробовавших доказывать невозможность такого переворота оскорбляли, их травили газеты, а нередко, вслед за газетной травлей и убивали.

Продолжительное существование психоза объясняется тем, что идеи, на которых он создавался, не были только наносные, и что анархизм принадлежал к основным свойствам, вечно искавшего белой

Арапии, великорусского типа. При распространении просвещения, улучшений сообщений и некоторой свободе слова, он непременно должен был когда-нибудь обобщиться, прийти к заключениям. Ослабление воли вследствие хронического алкоголизма и безделья обеспеченных классов, и распространение анархической, свойственной типу, литературы, при расшатанности, как светской, так и духовной власти, в конце девятнадцатого века только способствовали доведению анархизма до степени психоза целых масс.

Кроме анархической литературы на это имели влияние посторонние типы. Кроме непосредственного влияния отдельных лиц, других типов с ограниченным кругозором и потому имеющих твердые и ясные цели, в русском, с неопределенными идеалами и расшатанной волей обществе, появились образовавшиеся под гипнозом инородцев, чуждые русскому типу, организации. Такие искусные организации, как железнодорожные и телеграфные забастовки и иные, не могли быть делом плохих организаторов русских, а образовывались при непосредственном участии, имеющих готовые денежные средства и определенные цели, людей других типов, главным образом евреев. Сами евреи, всегда находящиеся под гипнозом своей религии, ища равноправия, доведены были своей литературой тоже до состояния психоза. Этот психоз, при способности евреев проникать всюду, денежных их средствах, газетной литературы, которую чуть не всю они взяли в свои руки и искусно и талантливо руководили ей, — заражал русские с расшатанной волей массы и подчинял их хорошо задуманным организациям.

Психическая, охватившая русское общество, эпидемия должна, однако, была раньше или позже кончиться. Собственно едва ли не всё то, о чем мечтали утописты, в том числе и социализм, уже перерабатывалось в течение истории в мозгах русских анархистов. Под влиянием причин, о которых упоминалось выше, русские анархисты только потеряли те точки опоры, на которых до того держалось общество и государство. Для того, чтобы психоз разрешился возможно скорее, необходимо было каким-нибудь образом объединить общество, дать ему возможность гласно и откровенно высказать свои желания в присутствии не одних загипнотизированных, а и людей, которые бы могли делать поправки к желаниям утопистов и могли поставить вопросы на реальную почву. Необходимо было познакомить общество со сложными потребностями государства, о котором большинство имело совершенно смутные представления. Необходимо было, чтобы

причины той ненависти, какая накопилась у народа против помещиков и вообще интеллигенции, а у интеллигенции против правительства, были всесторонне рассмотрены. Вообще необходимо было, чтобы народ принял в соображение не одни свои личные, хозяйственные, сословные, сектантские вожделения, а интересы всего государства.

Как всемогущий Бог, так и самодержавный царь, конечно, не могут быть заинтересованы в том, чтобы одним людям жилось хорошо, а другим худо. Цель у самодержавного государя может быть только та, чтобы всем его подданным, без различия их званий и состояний, жилось возможно лучше, а самая высокая цель, чтобы они научились сами, без участия власти, защищать как свои, так и государственные интересы.

По исторически сложившимся обстоятельствам, при необыкновенных крайностях и неуменью организоваться народностей русских типов, правительство для обеспечения государства вынуждено было сделаться регулятором этих крайностей, всеобщим опекуном.

Не может быть сомнения в том, что всем русским государям должна была приходить мысль свалить с себя это непосильное время и по возможности передать всё внутреннее управление государства в руки самого народа. Но народ, кроме власти царя и веры, ничем другим не объединялся, а помещики и чиновники были уверены, что народ повинуется только палке, и что изменение режима грозит страшной опасностью государству.

Самым существенным препятствием, как для введения самоуправления, так и еще более для принятия участия в законодательстве и делах государственного управления была почти полная безграмотность народа. При оторванности от народа дворян и чиновников всякое, состоящее только из этих классов представительное, законодательное, или учредительное собрание могло выразить желания только этих, не знающих производительного труда, классов.

С воцарением Императора Николая Второго, когда в первый раз было обращено серьезное внимание на образование народа, и число народных школ, не только общеобразовательных, но и, прежде вовсе несуществовавших технических, к 1905 году увеличилось, может быть в десять раз, против числа школ, бывших в предшествующее царствование и под впечатлением брожения умов и охватившего образованные массы психоза, признано было наконец возможным

сделать попытку проверить действительное настроение народа, а в 1905 году была учреждена Государственная Дума.

В Государственную Думу вошли как избранники всего русского народа, так и представители всех главнейших, входящих в состав государства, других народностей. Все они внесли с собой не только модные и утопические, навеянные последними событиями, теории, но самое главное, внесли ту суть, которая помимо теорий лежит в основе их антропологических типов. Помимо всяких утопий, эта основа, при столкновении разнообразнейших интересов и желаний членов Думы, должна была выйти на чистую воду. При этом скоро и оказалось, что русский тип между всеми другими самый сильный и хотя под влиянием гипноза, ослабления воли и расовых свойств, русский человек временно и подчинялся разнообразным влияниям, но, в сущности, он тот же самый, какой был и при Владимире Святом, и Мономахе, и Петре Великом.

По народностям чистые русские типы, вероятно, составляли не более половины членов Думы. Треть членов — русские смешанных типов, и около четверти принадлежат к разного рода инородцам. Фамилии, из 442 членов последней Думы, оканчивающихся на ов — 149, на ев — 38, на ин — 40, на ский — 50, на цкий — 15, на ич — 26, на ко — 19, на ук и юк — 5, всего 343. Множество фамилий с разнообразными, часто немецкими (33), окончаниями принадлежат также большей частью к русским смешанным типам. Фамилии на ский, цкий и ич частью польские, но большая часть русские, часто белорусские.

По антропологическим исследованиям современного населения, у русских членов Государственных Дум преобладает брахицефалический тип, с 10–12 % долихоцефалов. Цвет глаз у 50 % серый, у 25 % карий, у 20 % голубоватый и голубой, и 5 % черный, зеленый и смешанный. Волосы преобладают темно-русые, носы прямые, крупные. Возможно, что долихоцефалы и кареглазые более соответствовали требованиям избирателей и их выбрано больше. Типы нерусских членов Дум, кроме поляков и латышей, брюнетические и еще гораздо более брахицефаличны как татары, евреи, некоторые финны, а особенно армяне, у которых черепной показатель 85–86, вместо 81–82 черепного показателя русских. У евреев и армян носы преобладают горбатые, крючковатые. Из южных инородцев наиболее долихоцефалы имеретины и мингрельцы (Чхеидзе, Гегечкари), по языку принадлежащие к брахицефалической грузинской группе.

При неизменности антрополигических типов основные свойства их такие же, какие они были и тысячу лет тому назад. Ассимилируемые инородческие типы вырождаются и тонут в массе государственного типа, не изменяя его сущности.

Главную руководящую роль в Государственных Думах, как и в русской истории, играет северорусский, сероглазый, крупноносый, брахицефалический, с 10 % долихоцефалов, тип. Эта группа состоит из потомков земледельцев, ушкуйников и купцов, с небольшой примесью потомков варягов, которые с начала истории, смело преодолевая все препятствия, не зная хорошо куда идут и не находя границы, где бы можно было остановиться, шла в неведомые страны, отыскивая землю и свободу. Между ними было много толков и людей с крайними убеждениями, готовых для защиты их даже на самосожжение. Были проповедники и социализма (духоборы) и анархизма, почитающие насилием и грехом паспорта и взимание налогов (бегуны).

Впоследствии между ними появились приказные и формалисты, стоящие на почве закона, как протопоп Аввакум. Все они легко подчинялись гипнозу фанатиков и юродивых. В глубоких тайниках души народа, со времени Рюриковичей и принятия христианской веры, всегда однако таилась идея своего Бога и своего царя.

Из членов Государственных Дум этого типа большинство, отыскивая землю и свободу, руководствуется расовыми инстинктами, нутром (Белоусов, Образцов, Гулькин, Сторчак, Сурков, Кузьмин, Розанов и др.), другие объясняют расовые инстинкты сложными научными и утопическими соображениями (Покровский, Гучков, Маклаков, Шенгирев и др.), а иные стоят на почве формы, закона (Аджелов, Муромцев, Милюков, Щепкин и пр.). Есть типы почти истерические (Родичев). Большинство, обвиняя во всем правительство, чувствует, однако, что примирить все разнообразные желания может только сильная власть.

Все они стремятся к достижению высшей, Божьей, правды. Есть что-то гордое и наивное в широких, беспредельных идеалах и перспективах великорусского типа. Расчищая дорогу для колонизации, русские никого не порабощали, присоединение к государству разных племен было печальной необходимостью, а для этих племен благодетельно, а присоединение грузин и армян вызвано только чувством милосердия к ним. Смотря на инородцев и иностранцев несколько свысока, русский не желает их ни в чем стеснять, и даже готов посторониться, чтобы дать им дорогу. В

государственном смысле ошибкой правительства может быть разве то, что оно навязывает инородцам русский язык. Русский народ, хотя и чувствует стеснение от эгоистов — латышей, евреев, армян и других, но как бы совестится ставить какие-либо препятствия для их узеньких национальных целей.

Отсутствие национального эгоизма, признание обязательных для человечества, христианских норм и Божьей правды, выдвигает мировой великорусский тип из всех других имеющих эгоистические, узко-национальные цели, типов. В Государственной Думе идея русского национализма, чуть не у большинства членов великорусского типа также не встречает сочувствия.

Другая большая группа русских членов Государственных Дум состоит как из наиболее из русских групп, брахицефалического и брюнетического типа малороссов и полещуков, так и из наиболее долихоцефалического и голубоглазого, белоруссов. Эти народности и при иноземном владычестве всегда оставались верны православию и самодержавию, и, не отыскивая новых путей, сохраняли традиции и шли по дорогам намеченным.

Члены Государственных Дум этих типов (Алексеенко, Созонович, Шубинский, Замысловский, Коваленко, Лучицкий, Проценко и другие), преследуя достижения возможных целей, улучшения государственного порядка и более критически относясь к утопическим и космополитическим теориям, шли за членами великорусского типа, но регулировали и умеряли его крайности. К этой группе должен быть причислен и тип запорожца, смело, как бы в порыве вдохновения, бросающегося на неверных (Пуришкевич).

По сословиям отношения членов Государственных Дум к их задачам не совсем одинаковы.

Громадное большинство крестьян, хотя и ничего не понимало в государственных потребностях, и временно подчинялось гипнозу утопистов, твердо верило, что всем распорядиться может только Государь.

Дворянская группа представляла большое разнообразие. Древних бояр, блюдущих престиж царя, больше чем сам царь, — немного (Марков 2-й, Вязигин, Доррер, Шульгин и др.). Несравненно большая группа дворян и чиновников, глубоко преданных самодержавию и убежденных, что государство сильно только под защитой его, но под влиянием наследственной праздности и алкоголизма, лишенных твердой воли и способности идти против течения. Очень многие дворяне из типа подьячих и книжников держатся за форму (Милюков,

Кузьмин-Караваев).

Купеческая группа представлена слабо, хотя влияние купцов, умеющих приспособляться к обстоятельствам и завидующих дворянам, заметно.

Духовенство, лишенное вдохновения и талантов, нередко выступало с защитой православной веры и христианского просвещения, но чувствовалось, что оно под влиянием чиновничьего воспитания и режима, обеспеченное жалованьем и независимое от прихожан, потеряло идею самопожертвования во имя Христа, преследует не столько государственные и даже религиозные цели, сколько свои, кастовые интересы. Исключения составляют епископ Евлогий и еще немногие. Были священники и чуть не анархисты (Тихвинский).

Из числа членов Думы нерусских, самую сильную группу, особенно в первых двух Думах, составляли поляки. Будучи культурнее русских и сохраняя свои исторические традиции, поляки свысока и с некоторым пренебрежением смотрели на мятущихся россиян. Преследуя свои цели, они вносили полезный корректив в заседании Думы.

Расчетливые, деловые и преданные Государю члены Думы татары (Махмудов), преследовали исключительно интересы своих единоверцев.

Нерасчетливые и неделовые члены Думы грузины говорили страстным и возвышенным слогом о всяческих неправдах, но собственно ни о чем не заботились и ничего хорошо, даже Кавказа, не знали.

Армяне и евреи, по свойству типов и историческим условиям, стояли за свободу и равноправность, имея в виду только свои народности.

По естественному ходу дела заседания Дум были сначала очень бурны, и на них высказывались самые разнообразные, главным образом, крайние, мнения. Когда всё, что накипело в сердцах взволновавшегося и не умевшего бороться с усложнившимися требованиями жизни народа, было высказано, заседания Думы сделались спокойнее и, хотя первые две Думы вследствие большой взволнованности членов их и были распущены, нет сомнения, что занятия Думы постепенно войдут в надлежащее русло.

Наиболее последовательны и верны типу были крестьяне всех русских народностей. Когда они узнали, что Государь разрешил всем высказать свои нужды и были убеждены, что Государственной Думе

предоставлено сделать всё то, что желательно и необходимо народу, то совершенно не зная государственных потребностей и не интересуясь управлением государством, как делом государевым, крестьяне прямо и решительно выразили свое единственное, такое же, как и во времена рюриковичей, желание, чтобы им отдали все, лежащие впусте, государственные и частновладельческие земли. Крестьяне были убеждены, что высказывая свои желания, они только выполняют волю Государя. Когда Государь сказал, что собственность каждого священна, — крестьяне успокоились.

Мнения и пожелания остальных членов Дум, частью весьма дельные и выясняющие насущные потребности государства и народа, частью утопические, не заключали в себе ничего особенного оригинального. В общем уже из первой Думы было заметно, что на ход истории не будут иметь почти никакого влияния ни разработанные утопии, ни инородцы, а руководить Думой будут, как и прежде, анархисты с беспредельными желаниями великорусского типа, и регулирующие эти желания, осторожные индивидуалисты типов южного и западных. Высшей санкцией, как и всегда, будут русский Бог и русский царь.

Инородческие влияния, хитросплетения Винавера и Пергамента, умные и энергичные речи поляков Дмовского и Жуковского, вопли Гегечкори и Чхеидзе, слушались достаточно терпеливо и ими нередко восхищались, но было видно, что как эти речи, так и стенания русских мистиков и раскольников, не в состоянии поколебать те основные свойства русских типов, какие были заложены при самом формировании их. Большинство членов Думы всё еще держится сдержанно и как бы из любезности к гостям, не проявляет своего типа, но уже ясно, что господами положения будут они. Инородцы, особенно более культурные поляки, уже почувствовали это, и только евреи еще вероятно долго не будут в состоянии освободиться из своего заколдованного круга, но и они, как умеющие ко всему приспособиться, без сомнения, пойдут за русским государственным этнографическим типом.

Когда народ узнал, что всё, что накипело у него на душе, высказывалось в Думе, он, хотя и перестал верить во всемогущество Думы, постепенно начал успокаиваться.

Есть все данные предполагать, что представители русского, мирового, доказавшего свою жизнеспособность, типа, скоро окончательно выйдут из некоторого гипноза, в котором они, как и народ, находились, и что Государственная Дума, регулируя

свойственные типу, неопределенные и стремящиеся к бесконечному, анархические порывания, сделается твердой и прочной опорой нового государственного строя.

Опасности для существования Думы однако есть. Хотя анархические инстинкты народа, признавшего своего Бога и своего царя, и подчинились государству, и хотя идея государственности несомненно существует у всех и самих крайних членов Государственной Думы, свойства расового анархизма у них остаются. Расовые инстинкты всё тянут их то к мечте о всеобщем счастье, то к исправлению по своему вкусу религии, или основных государственных форм, то к вмешательству в чужие дела и заступничеству за действительно, или в их воображении, угнетаемых, то к чрезмерному самомнению.

Часть потерявшей веру и традиции интеллигенции под влиянием общераспространенных шаблонов полагает, что Государственная Дума может сделаться такой же авторитетной и обладающей таким же престижем в глазах народа и всего мира, как и Государь. Она думает, что шапка Мономаха не тяжелое, независимое от личной воли Государя и не могущее быть сброшенным, исторически наложенное на него, бремя, а может зависеть от пестрого состава Думы. В Думе было брошено и принято значительной группой сочувственно высказанное с молодцеватым видом мнение смешанного типа купца Гучкова, что было бы лучше, если бы военное управление, военачальники и министры зависели от Думы, а не от Государя.

Такое грубое непонимание характера типов и положения государства, совершенно напоминает идущих без оглядки и не умеющих остановиться, пока не упрутся в стену, ушкуйников. Хотя это, идущее против свойств антропологических типов и народных традиций и губительное для государства, мнение и не может восторжествовать, но если бы, под влиянием гипнозов, оно настойчиво проводилось, то это обозначало бы, что и состав третьей, избранной в период волнений, Думы, не понимает действительных потребностей государства и народа, и было бы необходимо избрание нового состава Думы.

Другая опасность для Думы — это неопределенность желаний, безоглядность и порывания идти на «ура», не разбирая препятствий и подробностей, свойственные, главным образом, великороссам северного типа. Хотя теперь прежней самоуверенности и убеждения в том, что мы всех шапками закидаем и нет, но стремление с кем-то воевать, вмешиваться в непосильные для государства и вредные для

народа предприятия, остались. Очень многие уверены, что нам необходимо будет воевать с высококультурными и, идущими уверенными на почве труда шагами, немцами.

Необыкновенный шум, который подняли из-за никогда не могущих объединиться с нами и, вероятно, будущих наших врагов, западных славян, весьма видные члены Думы великорусского типа Маклаков, граф Бобринский и сам председатель Думы Хомяков, показывает, что Дума может когда-нибудь увлечься и другими, вредными для государства и народа, предприятиями. Не невозможно, что под гипнозом весьма влиятельных русских купцов Дума когда-нибудь, как бывало и встарь, придет к решению изгнать или даже истребить всех евреев и армян. Можно представить и то, что под влиянием демократических идей, Дума порешит вместо войска устроить милицию. Но не говоря о таких крайностях, что зараженные излишним самомнением и воинственностью члены Думы потребуют вмешательства государства в дела Персии, Турции и даже войны с Германией, вполне возможно. Расовые свойства типов так могущественны, что их не преодолевает ни воспитание, ни положение, поэтому подобные же, на анархической почве, инстинкты существуют и у многих членов Государственного Совета (Таганцев).

Такого же, не умеющего остановиться типа, не только фельетонист, но и министр — Столыпин.

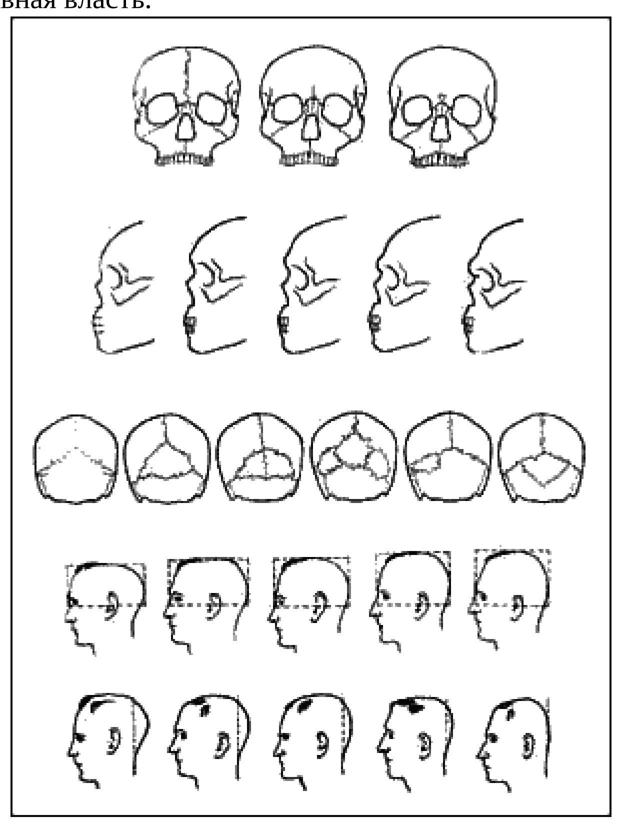
При таких свойствах преобладающего, с анархическими инстинктами, типа, необходимо иметь в виду, что при могущей случиться опасности для государства, сделаются необходимыми и такие меры, к которым в подобных случаях прибегали Роман Галицкий, Иван Грозный, Петр Великий. Такие меры, как соответствующее расовым свойствам всех русских антропологических типов, всегда вели к успокоению народа и усилению государства.

Европейские народы живут слишком недавно исторической жизнью, чтобы решить, что те формы, в которых уложилась их государственность, наиболее им свойственны. Европейцы всё мечутся и придают большое значение всевозможным теориям до устройства пролетарных республик и коммуны. Пережившие целые тысячелетия множество культур и теорий, в роде переживаемых Европой, китайцы и японцы дано уже пришли к заключению, что самая лучшая, регулирующая все страсти и стоящая выше всех партий, форма государства, есть имеющая божественное начало, самодержавная монархия. Хотя они не совсем уверены в бессмертии, но чувствуют, что есть непостижимая Верховная Сила, которая в своих

провиденциальных целях, нисходит на монарха.

Самодержавие, окруженное ореолом престижа, ограниченное законами и употребляющее свою власть только в совершенно исключительных случаях, наиболее совместимо как с свободой отдельных личностей, так и всевозможных союзов и корпораций, и поэтому вероятно все народы со временем дойдут до необходимости ввести такую форму правления.

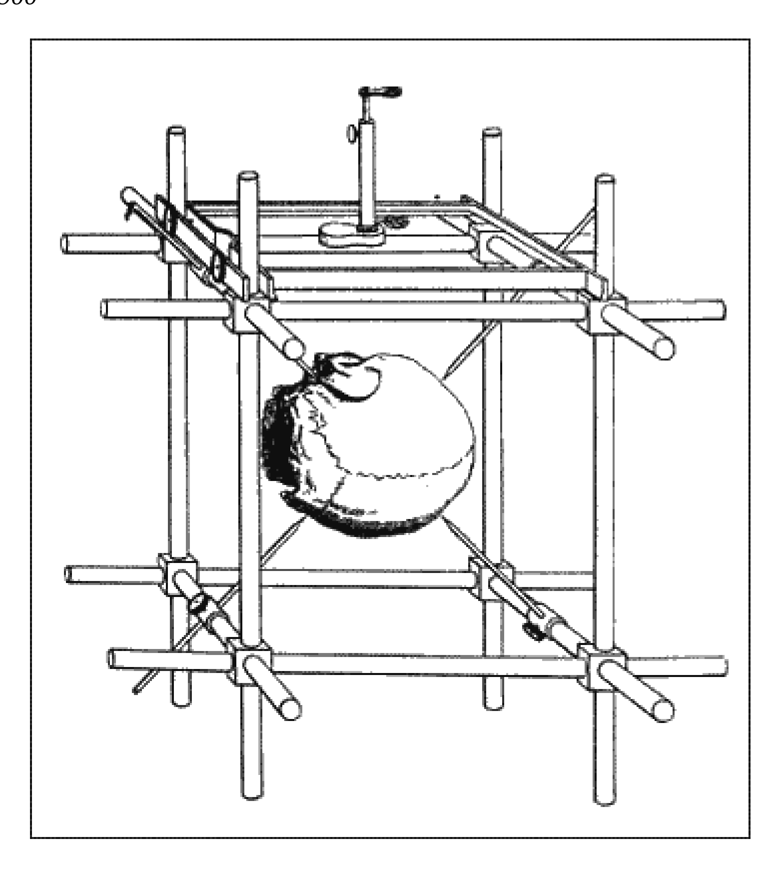
Для существования русского государства и прочного объединения как весьма неодинаковых по типу собственно русских народностей, так и вошедших в государство многочисленных инородцев русского зоологического района, как была, так и есть, и будет возможна только самодержавная власть.

Расы Кавказа

И. И. Пантюхов

ТИФЛИС
Типография М. Щарадзе и Ко
1900

В настоящей работе рассматриваются только расы Кавказа аборигенные или и чуждые, но существовавшие до движения русской расы на юг, которая, появившись среди этих рас в XI–XII столетиях, постепенно заняла большую часть местностей Северного Кавказа, бывших занятыми расами Кимров и Арало-Алтайской. В Закавказском крае, в главных чертах, распределение рас остается без изменения с древнейших времен.

В последние годы делались попытки распределить ныне живущих людей на типы или расы на основании одних только физических качеств их — роста, черепного показателя, цвета глаз и пр. Кроме Колльмана, распределившего европейцев исключительно по измерениям черепа, наиболее важная попытка характеризовать европейцев по их физическим признакам принадлежит И. Деникеру. В своем последнем, напечатанном в 1898 году, в L'Anthropologie № 2, труде, под заглавием — les races de l'Europe, Деникер за основание для классификации европейских народов берет три признака — черепной показатель на живых, рост и пигментацию, т. е. цвет глаз и волос, обещая в будущем принять в соображение и другие признаки.

Черепной показатель на живых Деникер установил иной чем принят Брока, А. П. Богдановым, а также и немецкими антропологами, а именно:

	череп. показатель
Гипердолихоцефалы	75 и менее
Долихоцефалы	76–77
Судолихоцефалы	78–79
Мезоцефалы	80–81
Субрахицефалы	82–83
Брахицефалы	84–85
Гипербрахицефалы	86 и выше

Средний рост Деникер принимает по Топинару — 1,50 м. Кроме обозначения роста, выше и ниже среднего, в своем труде он приводит и средние цифры действительного роста.

Для определения пигментации Деникер, приняв в соображение цвет глаз и волос, называет брюнетами или блондинами тех, у которых и глаза и волосы соответствуют одному и тому же типу. Расы блондинов те, между которыми брюнетов не более 17 %, а расы брюнетов, — между которыми брюнетов более 30 на 100. Где брюнетов от 17 до 30 на 100 — расы средние. По такому распределению блондины преобладают севернее 50° параллели, а брюнеты преимущественно на полуостровах.

Распределив всех европейцев по этим трем признакам, Деникер находит в Европе шесть рас главных и четыре второстепенных.

В кратких словах характеристика и местопребывание главных рас следующие: I. Первая раса — блондины, долихоцефалы с черепным показателем 76–79, весьма высокого, в среднем 1,73 м, роста, занимает север Европы, Британские острова, Скандинавию, побережья Балтийского моря. Эту расу Деникер называет северной (nordique), Брока — расой кимров, немцы — германской, а некоторые антропологи — Homo Europaeus.

II. Вторая раса — тоже блондины, субрахицефалы, с черепным показателем 82–83, ниже среднего, 1,63–1,64 м, роста, живет в Белоруссии, в Минской губернии, частью в центре России, восточной Пруссии и Финляндии, а примыкающая к этой расе второстепенная, очень малого роста, в Польше, Силезии и Саксонии.

III. Третья раса — брюнеты, долихоцефалы, с показателем 73–76 очень малого, 1,61–1,62 м, роста иберо-островная, распространена на

Иберийском полуострове, островах Корсике, Сардинии, а также на юге Италии и Франции. Это средиземная раса, Homo Mediterraneus некоторых авторов.

IV. Четвертая раса — брюнеты, сильные брахицефалы, с показателем 85–87, небольшого, 1,63–1,64 м, роста, занимает крайний запад Европы и распространяется по Севенам, Альпам, на север Италии и далее в Венгрии, Коринтии, Моравии, Галиции, Подолии. Эта раса кельтическая, кельто-славянская, рутенская.

V. Пятая раса — брюнеты и мезоцефалы, с показателем 79–80, роста выше среднего 1,66 м, называется Деникером расой береговой или атланто-средиземной, потому что живет по берегам морей от Гибралтара до устья Тибра, не распространяясь далее 200–250 километров от моря.

VI. Шестая раса — брюнеты брахицефалы с показателем 85–86, высокого, 1,68–1,72 м, роста, называемая адриатической или динарской, распространена главным образом в Боснии, Далмации, Кроации, Албании и также на Карпатах и в Малороссии.

Характеристика Деникера четырех второстепенных рас менее определенна.

При естественной неполноте этой первой попытки характеризовать европейские расы по некоторым физическим их свойствам, она заслуживает большого внимания и дает много важных указаний. При дальнейшем развитии и постепенном введении в классификацию большего числа признаков, классификация рас будет служить не только для понимания настоящего, но и для выяснения прошлого и предвидения будущего человечества.

Принятые Деникером главнейшие признаки для классификации — черепной показатель и рост, вполне определенны и, насколько позволяет количество наблюдений, точны, но этого нельзя сказать относительно пигментации. Цвет волос, при современном способе определения его, нельзя назвать точным. Большинство наблюдателей, напр. на Кавказе, отмечают преобладающий цвет волос чуть не у всех Кавказцев — черный, между тем как напр. у имеретин, мингрельцев, бжедухов вполне черные волосы составляют не более 10 %, а преобладают только у 16–20 %, а остальные имеют больше или меньше русые оттенки. Комбинация цвета волос с цветом глаз допускает еще более произвола. Многие наблюдатели промежуточные цвета райка, смотря по впечатлению, относят то к пигментированным, то к беспигментированным. Д-р Н. В. Гильченко в своем специальном антропологическом исследовании осетин, вовсе не указывает числа

глаз цвета среднего. Шантр, отмечая цвет глаз по производимому ими впечатлению, большую половину глаз мингрельцев и гурийцев называет зелеными.

При неопределенности обозначения пигментации по цвету волос и глаз, эту рубрику следовало бы заменить характеристикой брюнетов и блондинов только по цвету радужной оболочки. Для полного определения необходимы общепринятые семь подразделений цветности глаз, для определения же пигментации целых групп и племен достаточно трех — раек сплошь пигментированный, раек вовсе без пигмента и раек, где на беспигментном фоне наслоены пигментные кружки, лучи и пятна. При таком обозначении можно будет не по произволу, а с научной точностью определить число лиц как с пигментированным и беспигментированным райком, так и число лиц с райком средним, что особенно важно на границах столкновения рас кареглазых со светлоглазыми, как на Кавказе.

Признавая достаточно точное определения пигментации или цветности населения Кавказа, комбинацией цвета волос и глаз, при настоящих способах наблюдения, невозможным, мы полагали бы вместо него установит определение цветности по следующим семи рубриками цвета радужной оболочки:

	% лиц, имеющих пигментированный раек
Гиперблондины	10 и менее
Блондины	11-30
Сублондины	31-40
Средние	41-60
Субрюнеты	61-70
Брюнеты	71-90
Гипербрюнеты	91-100

Так как цвет волос в большинстве соответствует цвету райка, то в среднем степень пигментации известного типа выразится достаточно точно.

По величине черепного показателя ныне живущие на Кавказе племена распределяются следующим образом:

	Черепной показатель
Персы	76,5
Курды	77,3
Адербейджанцы-татары	77,6
Абадзехи	78,5
Бжедухи	78,6
Адербейджанцы-шииты	79,1
Шапсуги	79,4
Мингрельцы	80,5
Черкесы Адыге	81,2
Имеретины	81,3
Абхазцы	81,3
Ингуши	81,4
Осетины	82,6
Закавк. татары суниты	82,6
Горные татары	83,4
Чеченцы	83,4
Кабардинцы	83,7
Ногайцы	83,8
Сванеты	84,3
Турки Ахалцихские	84,5
Дидойцы	84,6
Кумыки	84,7
Грузины собств.	85,5
Армяне Ахалцихские	85,8
Казикумыки	86,2
Табасаранцы	86,2
Даргинцы	86,2
Армяне Тифлиса	86,3
Армяне г. Вана	86,6
Уды (удины)	86,6
Лазы	86,8
Кумыки по изм. д-ра Свидерского	87,0
Евреи горские	87,0
Евреи Кубинского уезда	87,3
Кюринцы	87,6
Айсоры	87,8

Долихоцефалы занимают юго-восточную часть Закавказья (персы,

курды, татары) и западную часть Кавказского хребта (шапсуги, бжедухи), а брахицефалы — средину Закавказья (грузины, армяне, евреи) и восточную часть Кавказского хребта (дидойцы, кюринцы и другие лезгины).

Распределение Кавказских племен по росту.

Самые высокорослые долихоцефалы — персы, адербейджанцы и западные горцы, а также занимающие средние части Кавказского хребта мезацефалы, осетины, кабардинцы, чеченцы и крайние брахицефалы восточные горцы, лезгины. Самые низкорослые — грузины, армяне, евреи, живут в долинах и нагорьях Закавказья и принадлежат к брахицефалам и ультра-брахицефалам.

	Средний рост, мм.
Шапсуги и абадзехи	1704
Персиане	1694
Чеченцы	1692
Адербейджанцы татары шииты	1691
Казикумыки	1690
Хевсуры	1690
Осетины (по Гильченко)	1695
Осетины Горийского уезда	1670
Пшавы	1688
Курды	1685
Татары суниты	1680
Кабардинцы	1675
Айсоры	1666
Тушины	1665
Имеретины Рачинского уезда	1661
Сванеты	1660
Турки Ахалцихские	1660
Самурзаканцы	1658
Абхазцы	1652
Грузины Сигнахского уезда	1652
Армяне г. Тифлиса	1652
Евреи Дагестана	1644
Грузины Тифлисского уезда	1640
Армяне Ахалкалакского уезда	1630
Армяне г. Вана	1623
Армяне Нахичеванского уезда	1620
Евреи Кубинского уезда	1618
Греки Сухумского округа	1610

Распределение кавказцев по цвету радужной оболочки глаз.

	На 100 наблюдений радужная оболочка:		
	Сплошь пигментированная	Средняя и беспигментированная	Беспигментная
Персы	95	5	2
Адербейдж. Татары	94	6	2
Курды	92	8	3
Айсоры	90	10	3
Евреи	87	13	5
Аварцы	83	16	7
Армяне Нахичеванские	82	18	7
Кумыки	82	18	6
Армяне Тифлиса	80	20	8
Грузины	77	23	10
Кабардинцы	80	20	13
Имеретины	71	29	13
Самурзаканцы	72	28	17
Восточные горцы	66	34	26
Осетины(по Гильченко)	65	35	35
Турки Ахалцыхские	58	40	20
Даргинцы	50	50	18
Кюринцы	49	51	14
Осетины Горийские	42	56	24
Чеченцы	42	58	22
Мингрельцы	44	56	24
Бжедухи	42	58	26

Брюнеты и гипербрюнеты, с интенсивной карей радужной оболочкой, более чем у 71 %, живут почти в Закавказье, главным образом в юго-восточной и южной его половине (персы, татары, курды, армяне, айсоры); обитатели же Кавказского хребта и его северных и западных склонов, за исключением аварцев, кумыков, ногайцев и кабардинцев, имеют радужную оболочку на треть и на половину среднюю и беспигментную.

Сопоставляя всё вышеизложенное, на кавказском перешейке выясняются четыре главные расы, — две европейского и две азиатского происхождения.

I. Первая кавказская, европейского происхождения, раса занимает всю среднюю и западную часть Кавказского хребта и его западные

склоны к Черному морю. В более типичных своих представителях (бжедухи, натухайцы, шапсуги), по росту 1,70 м и черепному показателю — 78–79, она почти соответствует расе северо-европейской Деникера, расе Кимров и Homo Europeus. Большая половина их долихоцефалы. По измерениям профессора А. А. Тихомирова у современных, ныне однако почти исчезнувших, натухайцев долихоцефалов до 85 %.

Относительно цвета глаз нет точных цифровых сведений, но заслуживает внимания наблюдение весьма почтенного ученого барона Гакстгаузена, что у натухайцев и других западных горцев голубых глаз более, нежели карих. По нашим наблюдениям у бжедухов сплошь пигментированных глаз менее 50 %, а вовсе беспигментных 25 %. Принимая в соображение и другие признаки — густую бороду, узкое овальное лицо и пр., должно признать, что несмотря на частые метисации с кареглазыми широкоголовыми типами, эта раса сохранила все главные черты своего прототипа расы северо-европейской или расы Кимров. Соседние с западными горцами мезоцефалы — черкесы-адыге, также как и живущие южные джегеты, самурзаканцы, мингрельцы, имеретины и субрахицефалы чеченцы и особенно осетины, судя по значительному проценту между ними беспигментных глаз и сравнительно узкой головы, также произошли от метисации северо-европейских кимрской и кельто-славянской рас с кавказскими и среднеазиатскими брахицефалами. Самыми поздними переселенцами из Европы должны почитаться осетины, сохранившие как до 35 % беспигментных глаз, так и много слов в языке, имеющих немецкий, реже славянский корень.

II. Вторая кавказская, соответствующая шестой Деникера расе, населяет восточную половину главного Кавказского хребта и состоит по преимуществу из разного названия лезгин. По гипербрахицефалическому — 86 и более — черепному показателю, росту 1,68–1,70, также как по определению Деникера, и пигментации, относящей ее к рубрике брюнетов, эта дагестанская раса почти вполне соответствует расе адриатической. Судя по большому количеству между некоторыми дагестанскими племенами беспигментных глаз, а особенно принимая в соображение значительное число глаз средних, доходящее, по определению г. Эркерта, до 32 % у даргинцев и дидойцев, 37 % у кюринцев и даже до 42 % у табасаранцев на всё число осмотренных, лезгинские племена не могут, однако, почитаться настоящими брюнетами.

III. Третья Кавказская раса уже чисто азиатского происхождения,

долихоцефалическая с черепным показателем 77–78, средним ростом около 1,70 м и цветом глаз гипербрюнетов, т. е. пигментированных глаз более 90 %. К этой весьма чистой расе принадлежат персияне, адербейджанские татары, курды и таты.

IV. Четвертая кавказская раса, брахи- и гипербрахицефалическая, характеризуется показателем 85–87, ростом ниже среднего 1,62–1,64 м и радужной оболочкой брюнетов с 71–87 % карих глаз. В эту расу входят евреи, армяне, лазы, частью грузины и греки. Эта раса в основе семитическая.

Из второстепенных рас более важные брахицефалы с черепным показателем 84–87, ростом — 1,60–1,70 м с пигментированной, у 80–85 %, радужной оболочкой. К этой расе принадлежат — кумыки, частью аварцы, горские татары, кабардинцы и вошедшие в состав Закавказских сунитов, смешанные с грузинами и другими племенам, турки. Эта раса составляет часть великой Урало-Алтайской расы.

Вторая второстепенная раса халдейская с гипербрахицефалическим, 87,5, черепным показателем, ростом 1,66 м и райком в 90 % пигментированным, имеет на Кавказе не многих чистых представителей — айсоров. Эта раса имеет многие общие признаки, особенно строение носа и глаз с расой семитической, с которой и соединяется некоторыми антропологами, но кроме более высокого роста и большей брахицефалии, важной особенностью этой расы — обильная волосистость тела. Представители этой расы в значительной степени вошли в состав семитической расы — армян, евреев, грузин.

О времени распространения на кавказском перешейке долихоцефалов и брахицефалов можно сделать только некоторые предположения.

До последнего времени почиталось не подлежащим сомнению, что древняя культура проникла в Европу из Азии, что оттуда вышли арийцы и привели в Европу уже одомашненных животных, принесли орудия каменного и бронзового века. Основываясь главным образом на одинаковости корней европейских языков с санскритским, ученые отыскивали прародителей европейцев, то на бесплодных плоскогорьях Памира, то в пустынях внутренней Азии, то среди разных племен Индостана. Дорога, по которой, по предположению многих, передвигались арийцы из Азии в Европу, шла через Кавказ.

В настоящее время это мнение пошатнулось. Ломбард доказывает, что в Южной Европе и на Кавказе после четверичной эпохи господствовала Средиземная раса, что блондинов в Азии не было, а

первое отечество их обладавшая некогда высокой культурой, Скандинавия. Макс Мюллер не видит никаких следов арийцев на предполагаемом пути их из Азии в Европу. Пенка на основании антропологических, топографических и других соображений пришел к заключению, что отечество арийцев — Скандинавия. Р. Рейнах в своем напечатанном в конце 1893 года труде Le mirage oriental, не определяя места первого отечества арийцев и допуская, что оно могло быть в Южной России, Германии или на нижнем Дунае, говорит, что во всяком случае в настоящее время никто, не имеющий предвзятой идеи, уже не будет отыскивать его в Азии. Мы не можем останавливаться здесь на лингвистических доказательствах самостоятельности европейской культуры, например, скандинавских саг и проч., но независимость ее от азиатской доказывается и непосредственно антропологией. Так, несомненно доказано, что европейские животные — лошадь, бык (от Bos primigenius) — свинья, коза существовали в Европе и в палеологическую эпоху и здесь же были одомашнены; что домашнего животного Азии, верблюда, в Европе не было и что орудия каменного и бронзового века Европы имеют свой собственный характер. Констатируя поразительное сходство предметов бронзового века Ассирии, Вавилона и Египта, Рейнах категорически утверждает, что ни в раскопках с археологическими и антропологическими целями, ни в пещерах, дольменах и озерных жилищах Европы, не только характерных ассирийских и финикийских амулетов, но и ни одного какого бы то ни было предмета несомненно восточного происхождения до настоящего времени не найдено.

Границей культуры европейской и азиатской уже с каменного века был кавказский хребет. Равнины и степи не благоприятны для развития и закрепления культуры. Всякое блуждание затрудняет оседание, кристаллизацию. Если в степях зарождалась культура, то это зависело от случайных причин и такая культура не была прочна. Последующие движения и брожения не давали ей возможности окрепнуть, осесть. Только там, где задерживается движение и юной культуре представляется возможность защиты, она может развиваться и совершенствоваться. Такой защитой для блуждающих по равнинам Европы и Азии племен сделались Кавказские горы.

Кавказский хребет, громадной стеной отделяющий Европу от Азии, в древнее время был почти неодолимым препятствием для перехода из одной части света в другую. На вершинах его сидели грозные божества, неблагосклонно смотревшие на дерзкого,

осмелившегося преступить их владения. Для южных жителей Кавказ был как бы гранью мира. К скале Эльбруса Зевсом был прикован Прометей, на вершинах и в ущельях жили Амиран и другие страшные божества. Переходы через хребет, даже переходящим его налегке, так опасны, что и в настоящее время на перевалах таинственным и страшным, охраняющим их духам, туземцы приносят жертвы.

Гонимые врагами, а также голодом, эпидемическими болезнями, изменением физического строения местности и, наконец, вследствие естественного размножения, разные группы народов с юга и севера, еще в самые ранние эпохи существования человека, подходили, наконец, к Кавказскому хребту. Дальше идти было некуда. Так как за этими толпами следовали другие, то более слабые постепенно углублялись в горы, пока наконец, не находили безопасного для себя убежища. Замкнувшись в ущельях эти, по выражению барона Услара, остатки народов, были от внешних врагов безопасны и могли, наконец, приняться за устройство своего собственного постоянного дома. При дальнейших передвижениях народов в укрепленные и защищаемые, кроме природы и храбрыми обитателями их, горы, могли попадать уже только отдельные струйки этих народных течений, которые или образовали свои собственные озерцы, или таяли среди оформившихся племен, оставляя между ними только больший или меньший антропологический и лингвистический след.

Нет основания предполагать. Что попавшие в Кавказские горы в доисторическое время племена были изгоняемы оттуда последующими нашествиями. Через кавказский хребет никогда не могли переходить большие армии с необходимыми при этом вьючными животными, запасами провианта и фуража. Еще менее вероятно, чтобы через хребет переходили целые народы с семействами, имуществом и стадами. Все такие нашествия разбивались у подножия хребта. Не оставаясь без большего или меньшего влияния на тип коренного населения, небольшие попадавшие в горы группы, подходивших к хребту народов уже не могли его уничтожить и антропологические факты вполне подтверждают мнения лучших исследователей горцев Люлье и барона Услара, что главные горские племена жили на занимаемых ими местах уже несколько тысяч лет. Люлье говорит собственно о западных племенах Адыге, что если они здесь не первобытные, то древнейшие.

Какого антропологического типа народы населяли Кавказ в каменный и бронзовый век, пока в точности неизвестно. Черепов

каменного века Cro-Magnon и других не находили здесь, или они не могли быть измерены; черепа бронзового века по местностям представляют значительные колебания. По измерениям А. А. Ивановского, средние черепные показатели черепов из могильников бронзового века некоторых местностей Северного Кавказа следующие:

Количество черепов	Местность	Черепные показатели
4	Рутха	71,2
4	Камунта	72,2
3	Задалиск № 4	74,0
4	Задалиск № 3	80,5
20	Близ Пятигорска	75,8
10	Даргавс	81,3

Одиночные экземпляры имели показатели между 66 и 88. По моим измерениям двух черепов, добытых А. В. Комаровым в Дагестане, хранящихся в Кавказском музее, черепной показатель меньшего 78,8, большего 81,2. Показатель черепа из Кюринского округа, из музея общества кавказских врачей, 84. Долихоцефалический и субдолихоцефалический тип составлял 50,6 % всех 67, исследованных А. А. Ивановским черепов Северного Кавказа. В Дагестане и местностях ближе к Каспийскому морю, по-видимому, преобладали брахицефалы. При всей недостаточности собранного до настоящего времени антропологического материала, мы, однако, имеем основание сказать, что в период бронзы у племен, живших в центральном и западном Кавказе, преобладал долихоцефалический тип, а между племенами прикаспийскими, где степень культуры в эпоху бронзы, по имеющимся данным, была несравненно ниже — брахицефалический.

Таким образом, основной характер типов — долихоцефалического на западной, и брахицефалического на восточной половине Северного Кавказа, заметны уже с периода бронзы. Кроме приведенных выше признаков, на северное происхождение основных северо-кавказских групп указывают между прочим преобладающая у них волосистость лица, широкие, густые бороды, которых нет у иранцев и монголов. Одним из важных доказательств того, что первые, положившие основание прочному заселению предгорий Северного Кавказа,

племена пришли сюда из западной и северной Европы, служит и существование на западном Кавказе дольменов, почти тождественных с дольменами стран прибалтийских.

Подвергаясь влиянию своих соседей с севера, и уже с доисторических времен смешиваясь с племенами русскими, кавказские горцы сравнительно мало подвергались нашествиям со стороны Азии.

Ни Кир, ни Дарий Гистасп, ни другие грозные покорители Азии, также как и ближайшие соседи горцев, грузины и армяне, даже в периоды самого высокого своего могущества, не покоряли горцев. Они, как и греки, являлись туда в виде торговцев, проповедывателей религии, миссионеров, иногда союзников, но еще чаще в виде рабов и пленников. Если антропологические следы метисации горцев с иранцами и разного типа семитами и сохранились, особенно между ближайшими к югу племенами, как осетины и дидойцы, то это смешение произошло, главным образом, от увода пленных, преимущественно женщин.

Совершенно другого характера типы преобладают к югу от Кавказского хребта, в Азии.

В четвертичную эпоху в Азии вообще преобладал долихоцефалический тип населения. На основании имеющегося антропологического материала Колльман определяет в Азии в эту эпоху долихоцефалов 65 %, а в Европе 57 %. Ломбард, без твердых оснований, говорит, что начиная с Ирана на западе там жила Средиземная раса (Mediterrain, Melonochroid), впоследствии распространившаяся, с цивилизацией полированного камня, по всем берегам Средиземного моря.

В период бронзы в Западной Азии жило несколько групп разного типа. Услар главной расой завоевателей, строителей городов, изобретателей бронзы почитает кушитов. Бертен по раскопкам Вавилона и Ниневии, среди черепов длинноголовых, с прямыми лбами и загнутыми носами, принадлежащих господствовавшему племени, находил черепа короткоголовые, с низкими лбами и убегающим подбородком. На Кавказе есть местности, где жили люди одного долихоцефалического типа, например, в Самтавро возле Мцхета, где в более глубоких, принадлежащих бронзовому периоду могильниках, большинство черепов с показателем 70–72 и даже 69.

В последнее время многие антропологи пришли к заключению, что наиболее определившиеся, своеобразные народы ни откуда не приходили на ныне занимаемую ими местность, а суть продукты

именно этой местности. Знаменитый географ Карл Риттер также представляет материки как бы отдельными индивидуумами, а населяющие их народы продуктами, долженствовавшими под влиянием природы страны сделаться только такими, какими они и сделались. Это, разделяемое и нами положение, имеет научные основания. Если от природы и климатических зон находятся в прямой зависимости почва, растительный и животный мир, то от этой зависимости не может избавиться и человек. На основании этой теории, главные своеобразные типы, существующие в Азии, должны были здесь же и формироваться.

Они не пришли ни с запада, ни с востока, а со времени появления человека уже находились приблизительно на тех же местностях, где живут и в настоящее время. От времени до времени от них отделялись и уходили в другие страны иногда весьма большие массы населения, но выделившиеся обыкновенно и исчезали среди несвойственных им условий жизни, а кадры их оставались на прежнем месте. Попадавшие в Европу монгольские и даже урало-алтайские племена почти бесследно тонули в ней. Не только негры, но и малайцы, или индусы не распространились севернее 45–50°.

Если выделившиеся, ушедшие из своего первоначального отечества группы и находили благоприятные для себя условия, то в конце концов в значительной степени теряли свои первоначальные свойства и только наиболее стойкие кости скелета и цвет глаз, как у кавказских горцев, обнаруживают связь этих групп с их первоначальными отдаленными предками.

Господствующей расой в древнейшие периоды, почти везде были долихоцефалы. По словам Лапужа, долихоцефалы отличаются предприимчивостью, инициативой, изобретательностью, авантюризмом. В движении человечества к прогрессу долихоцефалы по Лапужу составляют штаб армии и офицеров, а брахицефалы рядовые, пассивная масса, идущая по указанной долихоцефалами дороге.

Господствовавшая в Ассирии и Персии долихоцефаическая раса — предки нынешних иранцев и курдов. Важное значение персов в культуре западной Азии и Кавказа известно. Они многие столетия и физически, и нравственно порабощали край. Парализуемая невежеством и бесправием в Иране, предприимчивость персов блистательно проявляется и теперь, например, в Бомбее, где между прочим все лучшие благотворительные учреждения созданы и содержатся персами, а также и у нас, в Баку и Тифлисе, где персы, не

имея почти никакого образования, успешно конкурируют с более культурными людьми.

Курды, несмотря на свою нынешнюю одичалость, также пережили не одну культуру. Загнанные обстоятельствами на малоплодородные горы, разбитые на множество, почти ничем друг с другом не связанных обществ, находясь в глубоком невежестве, нередко голодая, курды за неимением другой возможности проявить свойственную их организации инициативу и предприимчивость, проявляют их в хищничестве. Когда сильная власть, как во времена ассирийского могущества и знаменитой Семирамиды, объединяла их, курды образовывали могущественное и, судя по оставшимся с того времени ирригационным и другим сооружениям, культурное государство.

Таким образом, с самых отдаленных времен преобладающей и господствовавшей расой в Малой Азии и сопредельных странах была долихоцефалическая. С таких же отдаленных, доисторических эпох существовали в Малой Азии, главным образом в долинах рек, и порабощенные долихоцефалами, расы брахицефалов.

Первоначальным отечеством малоазиатских брахицефалов, по-преимуществу земледельцев, должны были быть равнины и плоскогорья. О месте формирования этого типа имеются интересные, если не вполне исторические, то основанные на весьма распространенных преданиях, сведения. После всемирного потопа, когда погибло всё известное малоазийцам население, ковчег Ноя остановился на горе Арарате, которую по изысканиям барона Услара обитателями плоскогорья называется не нынешний Арарат, а гора Лубари недалеко от озера Ван. Ной со своим семейством естественно сначала поселился там, где остановился и ковчег, но когда потомство размножилось, одна часть его заняла страну Халдейскую, а оттуда Фарра, отец Авраама, двинулся в землю Ханаанскую, другая же часть или осталась на месте, или разошлась на север, восток и запад. Непосредственно от Ноя ведут свое происхождение не только евреи, но и армяне и грузины. Родоначальник армян, Гайк, и родоначальник грузин, Картлос, считаются внуками Ноя.

Кроме части евреев, ушедших на юг и смешавшихся с долихоцефалическими арабскими и другими племенами, остальные потомки Ноя — кавказские евреи, армяне, грузины, также, как и примыкающая к ним группа халдеев, принадлежит к резко выраженной брахицефалической группе. По среднему черепному показателю евреев 86–87, армян 85,7–86,3, грузин 85–85,5, халдеев до

87, они не имеют ничего общего с долихоцефалами курдами и персами. Точно также и средний рост их — евреев 1620, армян 1630, грузин 1640, значительно ниже роста долихоцефалов.

При благоприятных обстоятельствах люди размножаются быстро. При удвоении населения только в 50 лет, от одной человеческой пары через 1000 лет произойдет 2 097 000, а через 1200 лет до 35 000 000 людей. Считая согласно Библии от Р. Х. до потопа 3246 лет, а до времени Семирамиды 1700 лет, в течении 1500 лет население при таком размножении достигло бы двух тысяч с лишним миллионов. Допуская возможность после неизвестного, может быть соответственного Девкалионову потопу, геологического переворота, уничтожение населения обширных территорий, происхождение евреев, армян и грузин от одного брахилоцефалического рода не заключает в себе ничего ненаучного. Когда происшедшие от одного корня брахицефалы размножились, они постепенно начали вытеснять бывших своих повелителей долихоцефалов. Под влиянием новых религий, сомкнувшись во имя высших идей и предводимые энергическими людьми, брахицефалы образовали компактные группы среди не имевших между собой прочной связи, по преимуществу индивидуалистов, поклонников огня и сил природы, долихоцефалов. Не обладая инициативой и предприимчивостью брахицефалы удерживали позиции замкнутостью, настойчивостью, трудолюбием.

Дальнейшая судьба брахицефалов зависела от столкновения с другими, истории неизвестными, народами, климатических условий и пр. История указывает, что с изменением условий нередко меняются обычаи, нравы, язык. Ренан доказывает, что евреи в земле Халдейской поклонялись идолам и говорили на языке арамейском, и только пришедши в Ханаан начали говорить по-еврейски. По словам его же, за 5–6 веков до Р. Х. евреи снова переменили язык. В настоящее время на Кавказе родной язык евреев то грузинский, то фарский. Точно также подвергались большим изменениям и языки грузинский и армянский. Евреи разошлись со всеми другими народами и прочно объединились после выхода из Египта, когда по Ренану, еврейский бог сделался не богом всех людей, а богом, любящим одних евреев, и ненавидящим всех других. Грузины и армяне подвергались влиянию аборигенных Кавказских племен и, подчиняясь своеобразной природе и языку этих неизвестных племен, также разнообразно изменились. Во всяком случае, эта резко обрисовывающаяся брахицефалическая группа несомненно сформировалась в Малой Азии, и только соприкасаясь и смешиваясь с разнообразнейшими, как попадавшими в

Азию европейскими типами, так и аборигенами горного Кавказа и внутренней Азии, потерпела многообразные изменения.

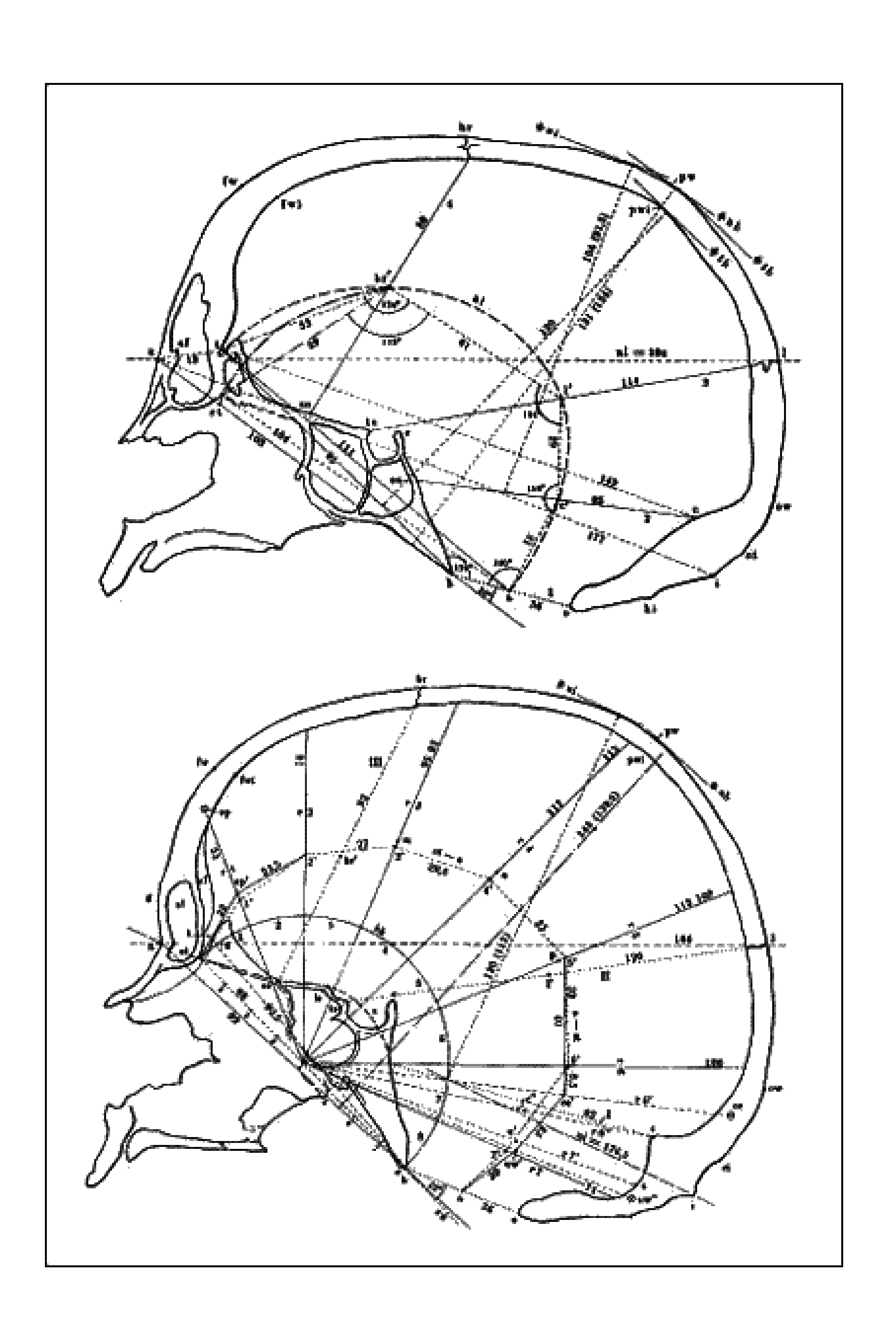
Бесчисленные комбинации и метисации долихоцефалического и брахицефалического типов, начавшиеся уже с отдаленнейших эпох каменного периода, естественно должны были произвести изменения в типе потомков смешанных типов. Изменения эти однако на Кавказе менее резки, чем в других местностях, и основные долихоцефалический иранский и брахицефалический семитическо-халдейский типы, сохранились в довольно чистом виде. Между иранцами более 70 % с головными показателями 70–77; из 32 измеренных Шантром татов ни у одного не было показателя выше 82, а между исследованными Эркертом и нами табасаранцев, аварцев, казикумуков, армян, горских дагестанских евреев, не было ни одного долихоцефала. Главная перемена в типах с периода бронзы — это сильное уменьшение крайнего долихоцефализма. Долихоцефалических черепов, с черепными показателями 67–70, принадлежавших, вероятно, наиболее хищным типам, у современных людей уже вовсе нет. В остальном, даже в цвете глаз, особенно больших перемен не произошло. Влияние метисации с европейцами более заметно только в народностях, живших ближе к берегам Черного моря — мингрельцах, имеретинах, свантах, а также некоторых племенах курдов.

Вследствие отсутствия, достаточных для научного выяснения темных вопросов о происхождении человеческих рас и племен, данных, антропологи, этнографы и лингвисты делают об этом разнообразные, часто противоречивые и основанные на случайных находках, предположения. Колльман, а потом Деникер делают попытку, чтобы иметь более прочную точку опоры классифицировать расы только на основании наименее изменчивых, анатомических признаков. Руководствуясь пока тремя, установленными Деникером, признаками и не входя в рассмотрение частностей, а тем более теории лингвистов и этнографов, мы приходим к заключению, что древнейшие племена Северного Кавказа происхождения европейского и соответствуют расам кимров и адриатической. А народы, обитающие к югу от хребта, происхождения азиатского и образуют две главные весьма характерные группы — иранскую и семитическую.

Антропологические типы Кавказа

И. И. Пантюхов

СПб, 1893

Изучение человеческого организма, с целью определить его свойства и качества, существовало уже и в самые древние времена. Человечество всегда чувствовало, что антропологические исследования представляют нечто важное, хотя до последнего времени и таинственное, и, среди блужданий философии и психологии в поисках ответа на жгучие вопросы жизни, искало этого ответа в антропологии. Нельзя, конечно, назвать антропологами тех знаменитых оракулов и волхвов, которые по глазам и другим признакам предсказывали судьбу обращавшимся к ним, но несомненно, что физическое исследование при их предсказаниях играло важную роль. В разные эпохи и у разных народов появлялись мудрецы, имевшие способность разгадывать такие явления, которые могли быть разгаданы только с помощью физического исследования человека. В крайностях и шарлатанствах людей, от времени до времени бравшихся удовлетворять естественную потребность человека знать свою судьбу, физическим наблюдениям обыкновенно придавалось также большое значение. Уже давно отгадывали прошлое и будущее по расположению линий руки (хиромантия), по форме черепа (френология), а недавно одна английская дама начала определять людей только по цвету и качеству волос. Таким предсказаниям в свое время верили не одни необразованные, а нередко и ученые люди. Очевидно, во всём этом что-то есть.

С расширением знаний, для изучения человека начали постепенно употреблять более сложные приемы. Когда трудами ученых

антропологов Катрфажа, Брока, Вирхова, А. П. Богданова, антропологические исследования были поставлены на научную основу, отдельными наблюдениями и обрывками науки начали пользоваться, по мере своих сил и возможности, все желающие. Кроме появившихся во множестве популярных сочинений, где некоторые научные факты разводятся потоками разговоров на современные темы, появились и целые теории, спешащие дать ответы на разнообразные, имеющие практическое значение, вопросы. Между довольно многими беллетристическими трудами, где вкривь и вкось затрагиваются вопросы о наследственности, есть некоторые, пытающиеся стать на антропологическую точку зрения.

Нет сомнения, что антропология со временем ответит на такие сложные и важные вопросы жизни, возможности ответа на которые мы в настоящее время и не подозреваем. Вполне вероятно, что она будет в состоянии предсказывать как судьбу отдельного человека, так и целых родов и племен. В настоящее время мы останавливаемся в недоумении, почему вырождаются и вымирают некоторые могущественные роды и племена, мы не можем научно объяснить, вследствие каких именно причин наблюдаются признаки вырождения французов, мы не знаем, что будет через несколько сот лет с населением Северной Америки, какая судьба англичан в Индии и проч., и проч., но всё это доступно изучению антропологии.

Разрешение сложных вопросов, какими занимается антропология, не может, однако, воспоследовать скоро. Антропология делает свои заключения не на основании теоретических умозрений и отдельных наблюдений, а на весьма большом числе сложных, проверенных фактов. Кроме тщательного изучения организации людей для выяснения физического и находящегося в неразрывной связи с ним психического типа человека, необходимо изучить законы наследственности и значение метисации. Влияние наследственности обнаруживается не только в передаче особенностей физического и психического типа ближайших предков, но восходит до самых отдаленных, доисторических эпох; поэтому видное место в ряду изучающих человека наук занимает антропология доисторическая. Описания, даже самые художественные для научной антропологии мало имеют значения, а главное дело в ней — измерения, взвешивания, фотографии, цифры. Ограничиваться поверхностными и случайными наблюдениями в антропологии невозможно. Во главе всех исследований стоят специальные науки, сравнительная анатомия и морфология, а к ним примыкает этнология, то есть изучение свойств

и отличий отдельных типов и рас, как в отношении их физической организации, так и умственного развития. Кроме этого, наука о человеке должна пользоваться и всеми точными сведениями, какие дают о человеке и его деятельности другие науки.

При сложности и трудности задач антропологии нельзя ожидать, что она уже в настоящее время может ответить на все подлежащие ее решению вопросы. Не увлекаясь туманными теориями и остерегаясь одностороннего освещения, какими пользуются для своих целей то шарлатаны, то искренние, но мало знающие люди, антропология, однако, уже и в настоящее время может разъяснить такие явления в жизни и отдельного человека и целых племен и рас, которые никакими другими науками разъяснены быть не могут. Большая или меньшая точность ответа зависит только от большего или меньшего накопления точных фактов. Заключая в себе жизненный, драматический, касающийся каждого интерес, научная антропология едва-ли, однако, может когда-либо сделаться популярной, доступной неспециалистам наукой, потому что свои заключения она должна делать на основании кропотливых работ и цифр. Другое дело — выводы. Нет никакого сомнения, что с прогрессом науки и развитием культуры заключения антропологии будут руководящей нитью в деятельности не только отдельных лиц и семей, но и целых государств и народов.

Прежде чем приступить к решению каких бы то ни было сложных вопросов, касающихся прошлого и будущего отдельных лиц и племен, необходимо прочно установить основные, физические свойства исследуемых типов. Относительно определения физического типа кавказских племен до самого последнего времени не было почти никаких верных фактов и не только у историков, но и у антропологов, например, Топинара, о физическом типе их встречались весьма сбивчивые сведения. Не задаваясь никакими другими вопросами, мы в настоящее время имеем в виду только представить самые простые сведения о крупнейших особенностях физической организации главнейших живущих на Кавказе племен. Без цифр при этих определениях обойтись невозможно.

Один из важнейших антропологических признаков человеческих типов — рост. Уже и сам по себе рост говорит много, но еще большее значение получает он при наблюдении постепенности повышения и понижения его или кривой, при сравнении роста разных, встречающихся в каждом племени, антропологических типов и по сравнению роста с размерами отдельных частей тела измеряемых лиц.

Чтобы можно было сопоставлять цифры измерений, как отдельных лиц, так и целых племен, измерения разных частей тела необходимо привести к какой-нибудь общей единице. Такой единицей может быть только рост.

Из данных, полученных при измерении призывавшихся к отбыванию воинской повинности молодых людей 21 года, и некоторых других измерений, средний рост главнейших кавказских племен следующий:

		Число наблюдений	Рост в мм
Евреи	Кубинского уезда	240	1618
	Кутаисского	41	1630
	Кайтаго-Табасаранского округа	61	1644
Армяне	Нахичеванск. уезда	524	1620
	Шаруро-Дарал.	186	1626
	Зангезурского	834	1630
	Ахалкалакского	491	1630
	Джебраильского	135	1640
	Елисаветпольск.	230	1648
	Тифлисского	230	1652
Грузины	Горийского уезда	474	1639
	Тифлисского	525	1642
	Сигнахского	185	1652
	Тионетского	391	1665
Имерет.	Кутаисского	1366	1653
	Шорапанск.	1222	1658
	Рачинского	101	1661
Мингр.	Сенакского	643	1642
	Зугдидского	279	1647
Самурзак.	Сухумского округа	561	1657
Абхазцы	Сухумского округа	228	1651
Сванеты горн.	по Ингуру	142	1658
	по р. Цхенис-Цхали	37	1625
Осетины	Горийского уезда	258	1670
	Терской области	200	1695
Русские уроженцы Закавказья	православные	195	1688
	сектанты	226	1680
Немцы	Тифлисск. и Елисаветпольского уездов	75	1684
Греки	Тифлисского уезда	17	1645

Относительно измерения роста других народностей нет достаточно однообразного материала. По измерениям разных наблюдателей, рост турок — 1660, азербайджанских татар — 1658, айсоров — 1683, курдов — 1685, персов — 1687, казикумуков —

1690, чеченцев — 1680, кабардинцев — 1670, вообще лезгин — 1650–1670 миллиметров.

Уже из приведенных цифр видно, как неодинаков рост населяющих Кавказ народностей не только по племенам, но и одного и того же племени по местностям. Еще большее разнообразие оказывается при разборе частностей. Так, общий рост грузин Тионетского уезда 1665; но если разделить народности, населяющие уезд, на те этнографические группы, на которые он разделяется с древнейших времен, то оказывается, что средний рост жителей уезда грузин — 1650, тушин — 1660, пшавов — 1688 и хевсур — 1690.

Относительная развитость груди наибольшая у земледельцев армян ахалкалакского плоскогорья, у равнинных грузин и мингрельцев, а наименьшая — у имеретин Рачинского уезда и хевсуров. У последних окружность груди едва превышает полурост.

Цвет волос головы у всех народностей, за исключением русских и немцев, по первому впечатлению черный, но обыкновенно самыми разнообразными оттенками переходящий в темно-русый. Наибольший процент чисто черного цвета волос у айсоров и курдов, наименее — у мингрельцев и некоторых лезгин. Из особенностей волос населения Кавказа заслуживает внимания раннее появление седины. У двадцатилетних мингрельцев седина встречается у 7,6 %, у абхазцев у 4–5 %, у армян и грузин реже. Волосы на лице раньше всего появляются у азербайджанских татар и армян некоторых местностей, у которых усы растут уже на 14–15 году, а позже — у деревенских грузин и осетин, у которых в 20 лет у многих еще только пушок. Брови правильной дугой обыкновенны у грузин, армян, имеретин; у халдеев и персиян они кустятся снаружи и тонкими концами сходятся к носу. У трети армян и грузин брови срастаются на переносье. Ресницы длинные до 7–8 мм почти у всех кавказских народностей. Цвет волос лица только у айсоров, части курдов и татар черный, у остальных же народностей он более или менее русый с самыми разнообразными, нередко, особенно у жителей Кутаисской губернии, рыжими оттенками. Волосатость тела наибольшая у айсоров, затем у ахалцихских евреев. Весьма нередко густые волосы покрывают не только переднюю часть тела, но и спину; у халдеев, у армян, меньше у грузин довольно часта волосатость всей нижней половины тела. Волос на теле мало у имеретин и почти совсем нет у текинцев, татар и некоторых лезгин.

Преобладающий цвет глаз у всех туземных народностей карий, нередко, особенно у армян и части грузин, переходящий в интенсивно

карий или черный. У некоторых народностей, как турок и мингрельцев, интенсивно карих глаз почти вовсе нет, а преобладают светло-карие. Преобладание сплошного карего цвета глаза колеблется между 80–92 % — у курдов, айсоров, евреев, персиян, армян, татар, 60–70 % — у грузин, осетин, имеретин, и 40–50 % — у мингрельцев, сванет и у некоторых племен Дагестана. Процент беспигментных серых и голубых глаз колеблется по народностям между 2–15 %. Оттенки беспигментных глаз весьма разнообразны — у осетин глаза встречаются почти синие, у мингрельцев наблюдались цвета золы, у абхазцев ярко желтые, но особенно часты разнообразные оттенки зеленого цвета. У сванетов зеленые глаза составляют 20–30 %, у некоторых лезгин 15–20 %. Несравненно чаще, чем глаза светлых цветов, встречаются переходные, средние цвета, указывающие на смешанность типа. Такие глаза нередко также дают впечатление зеленого цвета и некоторыми наблюдателями, как напр., Шантром, причисляются к зеленым. Наиболее смешанного цвета глаза встречаются у грузин, имеретин — 20–30 %, а по Эркерту у табасаранцев — 45 % и кюринцев — 37 %.

Горизонтальная окружность головы у главнейших народностей:

Курды	534
Персияне	539
Татары	540
Табасаранцы	542
Грузины	545
Евреи	547
Армяне	548
Абхазцы	550
Имеретины	552
Мингрельцы	554
Осетины	558
Русские	558
Немцы	559
Горные сванеты	560

Окружность головы находится в зависимости от цвета глаз, но не зависит от роста. У голубоглазых армян Елисавет. уезда, при среднем росте 1,645 мм, окружность головы найдена 557 мм, а у кареглазых, при росте 1,650, окружность головы 550 мм, у голубоглазых мингрельцев окружность головы 563, а у черноглазых 552 и проч. Особенно большие головы у голубоглазых хевсур.

Черепные показатели не находятся в связи с окружностью головы и мало зависят от цвета глаз. По черепным показателям главнейшие группы кавказских племен распределяются:

		Показатель
Долихоцефалы	Персияне	74,5
Субдолихоцефалы	Курды	76,5
Мехатицефалы	Татары	77,4
	Калмыки	78,9
	Имеретины	79,2
	Чеченцы	79,4
	Черкесы Адиге	79,5
	Абхазцы	79,7
	Мингрельцы	79,8
	Осетины	80,6
Субрахицефалы	Кабардинцы	81,8
	Сванеты	82,6
	Дидойцы	82,6
	Казикумуки	83,2
	Грузины	83,5
	Армяне	84,1
Брахицефалы	Евреи	84,4
	Даргинцы	84,5
	Табасаранцы	84,6
	Кюринцы	85,4
	Айсоры	85,6

Емкость черепной полости наибольшая у черепа из грузинского кладбища возле Абастумана — 1,560 куб. см, а наименьшая у разбойника Мегр-оглы — 1,395 куб. см.

Наиболее длинные лица у персиян, в среднем от корня волос до подбородка 188 мм, а наименьшая у осетин — 172, абхазцев — 174 и

мингрельцев — 178 мм.

Верхняя ширина лица, т. е. расстояние наиболее удаленных точек скуловых костей, у персиян — 138 мм, курдов — 140, имеретин, айсоров, евреев и армян — 141,1–141,8, у грузин — 142, а самая большая у некоторых племен Дагестана: дидойцев — 145, даргинцев — 146, казикумуков — 147 и аварцев — 148. Большая ширина происходит по всем вероятностям от монгольского типа. У текинцев ширина лица 145 мм.

Длина носа наименьшая у текинцев — 50 мм, казикумуков — 51 мм, персиян — 53 мм, а наибольшая у армян — 56, курдов — 57, андийцев (по Эркерту) — 58 мм. Главная форма носа у большинства выпуклая, слегка загнутая, но нередки носы прямые, сводчатые, и горбатые. Иногда, особенно у имеретин, носовая перегородка опускается слишком низко. Ширина носа самая меньшая у имеретин — 28–30 мм, так что носы у них как бы сдавлены с боков. Наиболее широкие носы до 40 и более мм, и с показателем выше 75, — у ногайцев 38, рутульцев 40 и калмыков 50. У айсоров и евреев широких носов вовсе не наблюдалось.

Самые густые крепкие зубы у татар, горных армян и лезгин, самые редкие у сванетов, причем у них процент редких зубов колеблется от 20 до 50 всех зубов.

Величина костей скелета, особенно длина рук и ног, разнообразны. Вообще, все чисто кавказские племена отличаются стройностью и пропорциональностью тела, но между всеми встречаются лица то с особенно длинными, то с короткими костями. В среднем самые длинные руки, по измерению величины наибольшего размаха рук между концами средних пальцев, у сванетов — 105 % роста, у айсоров и персиян — 104 %, а самые короткие — у грузин — 102 и мингрельцев — 101,9 % роста. По величине отдельных костей скелета эти отношения изменяются.

Вес мужского пола возраста 21–23-х лет колеблется между 125 и 210 фунтами или 50 и 84 килограммами, а в среднем по местностям между весом уроженцев уездов Кубинского и Шемахинского — 61 кг и весом уроженцев Тифлисского и Кутаисского уездов — 62 и г. Тифлиса — 63 кг. Выше 75 кг весило 7 % лиц Тифлисского уезда и не было ни одного из уездов Кубинского и Нухинского.

Относительно размеров внутренних органов наиболее важно, что длина кишечного канала у туземцев больше, чем у европейцев и составляет 600–650 % роста, против 550 % роста европейцев. Самый длинный кишечный канал был находим у армян — до 700, а самый

короткий — у татар — до 440 % роста.

В частности относительно антропологического типа некоторых кавказских племен можно сказать еще следующее:

Айсоры принадлежат к одному из самых широкоголовых, довольно чисто сохранившемуся, волосатому халдейскому типу.

Кавказские евреи большей частью также халдейского, но несколько иного, чем айсоры, типа. У евреев тифлисских, кутаисских и ахалцихских рост выше, а черепной показатель меньше, чем у кубинских. Рост светлоглазых евреев — 1644 мм — больше роста кареглазых — 1617 мм. Арабский семитический тип между кавказскими евреями редок.

Рост армян юго-восточных уездов Закавказского края ниже, и черепной показатель больше, чем у армян Тифлисской губернии. У армян, имеющих волосы на груди, рост, а больше у светлоглазых меньше среднего, а окружность головы больше у светлоглазых. Стопа у армян — 259 мм — больше, чем у айсоров и евреев — 252 мм. По черепному показателю армяне не имеют ничего общего с иранским типом, куда их причисляет Л. П. Загурский, а также Топинар и др.

Тип народностей, говорящих по-грузински, весьма неодинаков и представляет почти наполовину смешанные формы. Западные грузины Кутаисской губернии, с черепным показателем 79–80, принадлежат к совершенно другому антропологическому типу, чем восточные, тифлисские, с показателем 83–84. Настоящий грузинский тип наблюдается в некоторых обществах сванетов, осетин, лезгин. Рост голубоглазых грузин меньше, а окружность головы больше, чем кареглазых.

Имеретинский тип не имеет сходства с другими кавказскими типами, и вместе с живущими в Колхидском бассейне народностями составляет самостоятельную группу. Рост дворян имеретин на пять сантиметров выше среднего.

Мингрельцы, кроме языка, отличаются от имеретин более низким ростом и сравнительно большей шириной груди и вообще скелета. Между ними особенно много широких и деформированных черепов. Общий склад лица и выражение как бы рассеянности, вместе с другими признаками, указывает на особенности организации их.

Между гурийцами наблюдается заметная примесь арабского семитического типа. Особенная музыкальность, наклонность к рискованным предприятиям и разбоям и некоторые особенности организации показывают, что этот смешанный тип другого происхождения, чем их соседи мингрельцы.

Между абхазцами арабский семитический тип более част, чем между всеми другими народностями Кавказа. Совершенно своеобразный язык и некоторые обычаи показывают, что поселившиеся здесь семиты слились с коренным, имевшим свою особую культуру, племенем.

Основной тип сванетов, по-видимому, совершенно отличен от типа других обитателей Колхидского бассейна. Средний черепной показатель 82, доходящий до 90 и более, показывает, что происхождение сванетов другое. Разнообразие типов вследствие помесей между сванетами больше, чем между другими народностями. Население вырождается по Цхенис-Цхале, где эндемичен зоб.

Осетины по черепному показателю 80,6 подходят к имеретинам, некоторым лезгинам и горским татарам, но у них большая окружность головы — 560 мм, и более широкий нос — 36 мм и лицо — 144 мм. На смешанность типа осетин указывают, между прочим, неодинаковые величины полученных разными наблюдателями измерений, так, длина лица осетин по Шантру 195, а по Гильченко — 172. В какой степени и какие типы примешаны к основному, по-видимому, иранскому типу осетин, еще нельзя определить.

Суниты, известные под названием турок, живущие в Тифлисской губернии, принадлежат главным образом к грузинской народности, но влияние на них чисто турецкого типа весьма значительно и выражается как большим ростом сунитов — 1660 мм, так и меньшим черепным показателем (82) против грузин. Между турками сравнительно много светлоглазых.

Персияне по своей наиболее длинной голове, малому черепному показателю — 74, весьма длинному — 189 мм и узкому — 138 мм лицу совершенно выделяются от других антропологических групп Кавказа.

К типу персиян подходят курды и адербейджанские татары шииты, а также удины, таты и карапапахи. Главное отличие курдов от персиян — большая величина — 56 мм — и нередкая горбатость носа, большая ширина лица и меньшая горизонтальная окружность головы. Адербейджанские татары представляют весьма смешанный тип и черепной показатель, как и тип их, в тех местностях, где они во время своего господства жили по соседству с армянами, нередко весьма близко подходят к армянским. Основной тип татар несомненно длинноголовый, не имеющий ничего общего с монгольской расой, к которой причислял их Загурский и другие этнографы.

Различные племена лезгин в антропологическом отношении

представляют большое разнообразие. Самые широкие черепа с показателем до 86 — у кюринцев, самые узкие — 80 у хиналугов, самые широкие лица — 148 у андийцев, самые узкие — 141 у будухов, наиболее прямые носы у табасаранцев, наиболее выпуклые — у андийцев. Несомненно, что лезгины происхождения неодинакового и составляют несколько основных типов, к которым примешаны: частью монгольский — андийцы, даргинцы, частью семитический — чеченцы, дидойцы, частью грузинский, славянский и другие типы.

Текинцы, уроженцы окрестностей Асхабада, по верхней и нижней ширине лица и длине носа подходят к казикумукам, по черепному показателю к персианам, но в целом по желтой коже, косым глазам, высокому росту и пр. представляют одну из ветвей монголов.

Уроженцы Закавказского края русские и южные немцы, в общем, сохраняют все свои племенные особенности, но физическое и половое развитие их наступает раньше, чем у жителей метрополии.

Произведенными до настоящего времени антропологическими и лингвистическими исследованиями ставится на твердую почву факт существования на Кавказе многочисленных типов и племен, о разнообразии которых говорят древние и позднейшие наблюдатели. Математически определенные размеры головы, рост, также как неодинаковый язык и другие признаки, дают точки опоры для классификации племен и выяснения их происхождения не на основании темных и не могущих иметь решающего значения сказаний летописцев и путешественников, а опираясь на точные, доступные проверке, факты. Не касаясь определения типа человека эпохи полированного камня и бронзы, для чего собрано еще мало материала, относительно жившего на исторической памяти и современного населения Кавказа антропология и лингвистика пришли к некоторым положительным заключениям.

Непосредственными измерениями и наблюдениями установлено, что от крайних брахицефалов — айсоров, евреев, армян, до крайних долихоцефалов — татов и персиян на Кавказе существуют целые десятки антропологически самостоятельных групп. Точно также много здесь и самостоятельных или, по крайней мере, носящих печать своеобразности языков и говоров. Язык грузинский и языки восточных и западных горцев, по исследованиям В. Ф. Миллера, не представляют сродства с языками других народов белой расы, т. е. принадлежат к типу, по-видимому, нигде больше, кроме Кавказа, не существующему. Отдельные наречия этих языков также носят печать

своеобразности.

Сформировавшиеся и определившиеся в доисторическую эпоху, в неизвестных местностях, физический и лингвистический типы кавказских народов весьма устойчивы и прочны. Высокая цивилизация, которую в доисторический период пережили предки, превосходно физически одаренных, поселившихся в неизвестную эпоху, по всем вероятностям, после одного из обширных геологических переворотов, на Кавказе племен — влияла так глубоко и своеобразно, что, несмотря на позднейшие столкновения и смешения с другими народами, племена Кавказа более или менее сохранили не только свой тип и язык, но и многие другие особенности.

В противоположность тому, что мы видим в Западной Европе, где основные типы выступают неясно, и большинство населения представляет смешанные формы, многочисленные метисации кавказских племен сравнительно мало влияли на изменения основного типа. Между всеми измеренными айсорами, евреями, аварцами не встретилось ни одного долихоцефала, а между татами ни одного брахицефала.

Точные цифры не могут оставлять сомнения в своеобразности большинства кавказских племен. Еще решительнее обнаруживается это при разборе частностей.

Кроме размеров головы, длины и ширины лица, высоты роста и проч., антропологический тип характеризуется цветом глаз. Для понимания как происхождения кавказских племен, так и способности их к метисациям и ассимиляциям, это вопрос в высокой степени важный, хотя пока весьма мало выясненный. К глазам с преобладающим, разной интенсивности, карим райком, здесь примешаны в большей или меньшей степени глаза беспигментные, принадлежащие совершенно другого характера типам. Какие светлоглазые племена смешались с кавказскими туземцами и когда произошло это смешение пока неизвестно, но из некоторых, приведенных выше, цифр видно, что антропологический тип светлоглазых одного и того же племени, отличается от типа кареглазых. Голубоглазые грузины и армяне в среднем ниже ростом, но с большей окружностью головы, чем кареглазые. В Самурзакани, отчасти и других местностях, высший рост и большая окружность головы у сероглазых. Хотя основные типы на Кавказе сохранились сравнительно лучше, чем в других странах, но и здесь, как везде, кроме смешения светлоглазых с кареглазыми, существует множество

и других, происшедших от смешения нескольких самостоятельных типов, промежуточных форм. Очень важную роль при метисациях кавказских племен играли халдейский и семитический типы. Семитический тип, определяющийся пока только по общему впечатлению, особой складке губ и выражению глаз, более или менее наблюдается почти между всеми народностями Кавказа. Он не имеет ничего общего с халдейским, но его также нельзя признать основным типом и большинства кавказских евреев. Во многих случаях смешанность типа выражается разнообразными частностями организации.

Ничто не может быть делом слепого случая, а есть необходимое следствие закона, сущность которого видна в разнообразии его проявления. Пока еще не собрано достаточно материала для объяснения законности проявления той или другой смешанной формы или того или другого кажущегося уклонения от общих законов. Распутать все эти, ныне кажущиеся непонятными, комбинации, показать, на основании каких законов произошли те или другие смешанные формы, и объяснить, какая роль их в прошлом и настоящем, дело не близкого будущего.

Но очевидно, что мрак, до последнего времени окутывавший прошлое и находящееся в непосредственной связи с прошлым настоящее многочисленных племен Кавказа, антропологическими, лингвистическими и археологическими исследованиями начинает кое-где разъясняться; главнейшие типы или, по некоторым, виды человеческого рода, в общих чертах определены; важнейшие особенности языка и связь древней культуры кавказских племен с языком и культурой других народов во многом установлены. Весьма важной помощью для изучения человека служат и появившиеся в последнее двадцатипятилетие, главным образом под редакцией Н. К. Зейдлица, многочисленные статистические исследования, осветившие экономическое и биологическое положение ныне живущего населения, и некоторые труды геологов, ботаников, врачей, химиков, инженеров и других естествоиспытателей, способствующие выяснению условий, в которых жил и живет человек на Кавказе. Сравнительно с тем, что было известно о типе кавказских племен лет 20–30 тому назад, успехи науки о человеке — антропологии — весьма значительны. Всё это, однако, должно почитаться только началом дела.

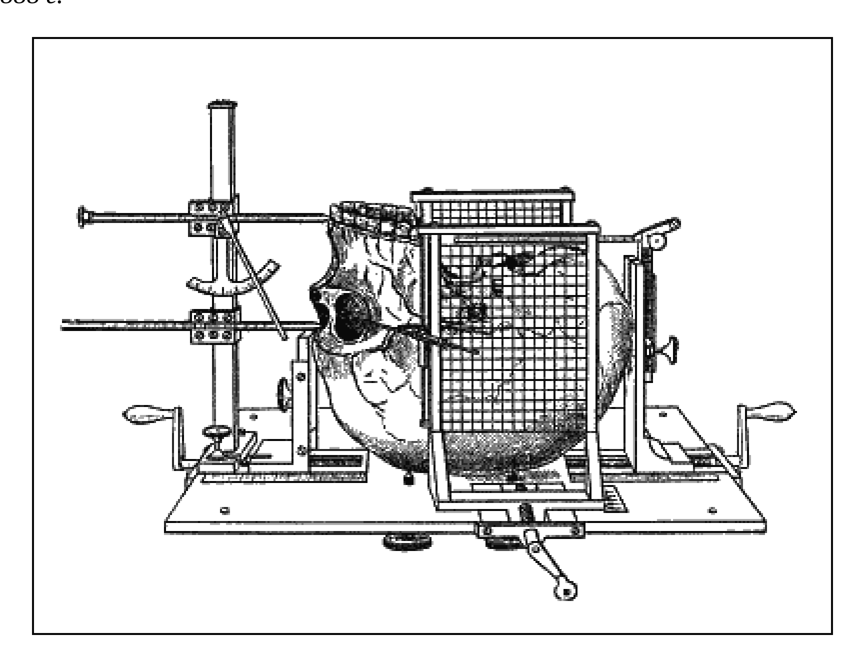
Нельзя обольщать себя мыслью, что великие проблемы, затрагиваемые антропологией и другими, рядом с нею идущими,

науками, близки к разрешению. Пока самые существенные вопросы остаются темны. Антропология, можно сказать, еще только выбралась из темных и запутанных тропинок на прямую дорогу, чтобы можно было твердо, с уверенностью, идти по этой дороге и дать положительные ответы на жгучие вопросы, касающиеся самого существования человека в настоящем и будущем, — занимающимся антропологией еще долго будет предстоять скромная задача, главным образом, собирать факты. Более или менее быстрое движение по этой дороге находится в прямой зависимости от степени накопления точных фактов.

О вырождающихся типах семитов

И. И. Пантюхов

Читано в заседании Русского Антропологического Общества 29 декабря 1888 г.

Первыми документальными сведениями о типе семитов должно почитать изображение этого типа на египетских пирамидах, где изображается процессия каких-то пришельцев с классическим профилем семитов, темно-карими глазами и черными, блестящими, слегка курчавыми волосами. В Библии о типе семитов нет никаких сведений, но в ней приводится множество мер, установленных еврейским законодателем, для сохранения и защиты типа. Во время завоевания Палестины евреи так ревниво берегли чистоту типа, что истребляли покоряемые народы, без исключения, с их женами и детьми. Впоследствии, особенно при царях, имевших множество жен иностранок, к типу начали приливать некоторые посторонние помеси. Пророки, однако, жестоко бичевали и преследовали таковое отступление от основной идеи законодателя. Ездра, а особенно Неемия, решительно требовали изгнания не только всех жен евреев иностранок, но также прижитых от них детей. Вместе с тем Неемия потребовал клятвы, чтобы евреи не роднились с иностранцами, и для еще большего ограждения типа установил праздник Кущей, запретил торговать в Субботу и вообще употребил множество мер для сохранения и закрепления чистоты типа. Во время плена Вавилонского чистота типа однако сильно нарушилась, главным образом тем, что вследствие страха перед евреями, во время Артаксеркса и Эсфири, многие народы земли сделались иудеями (кн. Эсфирь VIII, 17). Суровые требования пророков Иоиля (гл. IV), Амоса (I,6) об истреблении людей чужого типа уже не всегда могли быть

выполняемы. Множество как чистокровных евреев, так и принявших еврейство, в это время расселилось в Персидской монархии и, вероятно, за Кавказом, и по берегам Черного моря (караимы). В Палестину и Иерусалим они большей частью уже не возвратились. Около времени Рождества Христова семиты в больших массах расселились по побережьям Средиземного моря, и Страбон говорит, что в его время нет места на земле, не занятого евреями. По расселении семитов, судьба их была неодинакова: те, которые остались в Азии, Закавказском крае, турецких провинциях Африки и на Балканском полуострове, а также караимы, хотя и подвергались многоразличным преследованиям, но посторонней крови к ним приливало мало и они сохранили наибольшую чистоту типа, а те, которые попали в западную Европу, подверглись многочисленным метисациям. В средние века в Испании, Португалии и Средней Европе им нередко предлагались дилеммы быть убитыми, изгнанными или креститься. Часто они бывали вещью, с которой распоряжались властители по произволу. Для защиты типы уже с давних времен служили евреям деньги. Воздержное, трезвое и организованное во имя культа еврейское племя везде, где оно ни поселялось, собирало богатства. Туземцы не находили никаких других средств для экономической борьбы с ним, как крайнее ограничение прав и даже поголовное истребление евреев. Карл IV в своей грамоте прямо сказал, что жизнь и имущество евреев принадлежит ему и государству. При таких обстоятельствах, при красоте еврейских женщин и общей грубости нравов произошла громадная метисация евреев с туземцами и чистота типа евреев сильно пострадала.

В настоящее время уже весьма резко разделяются два главных типа семитов — более чистый, старый, Палестинский — в странах, где господствовали магометане, и тип с большими помесями, европейский. До какой степени велика разница между ними можно видеть особенно из того, что по исследованиям Коперницкого, Мейера и др., евреи Галиции, так же как поляки и русины, в большинстве принадлежат к брахицефалам, евреи Забалканские по исследованию Икова к долихоцефалам, а евреи Западной Европы к смешанным типам.

Примесь арийской крови, хотя и сильно изменила классический тип семитов, была ему полезна, так как семиты с явными признаками помесей физически развитее и предприимчивее более чистокровных, а семиты, где старый тип более чист, обнаруживают признаки вырождения.

Для всестороннего решения этого вопроса требуется множество обширных и точных исследований, но ввиду интереса вопроса и для того, чтобы обратить на него внимание других исследователей, И. И. Пантюхов представляет обществу несколько собранных им статистических данных, из которых уже видна как метисация европейских евреев, так и то, что наиболее чистые типы семитов представляются наиболее слабыми.

По сведениям, собранным д-ром И. И. Пантюховым во время осмотра призываемых к отбыванию воинской повинности в 1883 г. в г. Умани 156 и в 1884 г. в г. Одессе 385 евреев призывного возраста, оказалось имели волосы:

Светлые	Светлорусые	Темнорусые	Черные	Рыжие
(В процентах)				
0,3	14,5	51,5	28,0	5,5

и глаза:

Серые	Голубые	Смешанные	Карие	Черные	Издали зеленые	Вблизи зеленые
16,5	8,3	18,5	54,2	4,0	0,8	0,5

Средний рост осмотренных призывных евреев Одессы — 37,25 вер.[5]

Средняя окружность груди 18,31 в. на 0,31 меньше полуроста, средняя длина ног 18,15 в., средняя окружность живота по пупку 15,5 в.

По цвету волос было:

	Число наблюдений	Рост	Окружность груди	Окружность живота	Длина ног
Светло-русые	58	37,14	18,44	15,31	17,73
Темнорусые	197	37,61	18,45	15,58	18,18
Черноволосые	103	37,03	18,16	14,82	17,60
Рыжие	23	36,67	18,18	15,26	18,40

Следовательно, самый большой рост имеют темно-русые и светло-русые, самую развитую грудь — светло-русые, а самый низкий рост и узкую грудь — черноволосые.

Крепость типов наиболее выясняется при сопоставлении цвета волос с цветом глаз.

По цвету глаз рост и размер груди светлорусых были:

	Серые	Голубые	Смешанные	Карие
Число осмотров	10	14	21	6
Средний рост	36,74	36,83	37,53	37,39
Средн.окружн.груди	18,42	18,25	18,45	18,93
Разность	+0,05	-0,16	-0,31	+0,26

Только у светло-русых с серыми и карими глазами, да еще у рыжих с серыми глазами между всеми осмотренными окружность груди более полуроста.

Тип темно-русых с серыми глазами, 33 чел., имел рост 37,54, грудь 18,37, дал между темно-русыми наиболее годных в военную службу, а тип темно-русых с карими глазами, в числе 96 человек, был преобладающим и наиболее подходит по росту и груди к средним цифрам.

Черноволосых по цвету глаз, не считая 2 голубоглазых и 1 с зеленоватыми глазами, осмотрено:

	С серыми	Смешанными	Карими	Черными
Всего	7	5	67	11
Средний рост	37,30	37,30	36,97	36,40
Средн.окружн. груди	18,20	18,02	18,18	17,47
Разность	-0,43	-0,63	-0,30	-0,73

Самый низкий рост и узкую грудь дали черноволосые с черными глазами.

Прибавляя к ним трех черноглазых (2 при темно-русых и 1 при рыжих волосах), группа черноглазых в 14 человек оказалась самой слабой в физическом отношении и из них ни один не принят в военную службу. Из болезней и недостатков их, кроме общей узости груди найдены: неправильно развитая грудь, близорукость, расширение вен, малый рост, у четырех неправильные зубы, у троих зубы весьма редкие, у одного недостаток 12 зубов, у 4 припухлость шейных и других лимфатических желез. Средняя окружность живота 14,36, а у четырех только 13,1.

Из черноволосых с другим цветом глаз, у имеющих карие глаза — рост 0,28 ниже среднего, грудь развита немного лучше черноглазых, но вообще они подходят к черноглазым. Наиболее принято в военную службу из черноволосых лиц имеющие серые (42 % осмотренных) и смешанного цвета (с радиальными штрихами, кругами и пр.) глаза

(40 %).

В общем черноволосые, кроме более низкого роста и узкой груди, отличались от среднего типа семитов меньшим животом (14,8 в.) и более короткими ногами (17,6 в). Из них не принято по малому росту 5 %, а из 8 %, имевших рост более 39 в., не принят ни один. Порченые зубы найдены у 65 % осмотренных; не менее 10 разрушенных кариозным процессом зубов было у 5 %. Между болезнями их было: 3 случая слепоты, 6 близорукости, по одному: искривление челюсти, укорочение конечности, неправильная грудь, ненормальное устройство пальцев ноги, искривление влево полового члена, болезнь сердца, грыжа, расширение вен семянного канатика, косноязычие и весьма у многих редкие неправильно растущие зубы и опухоли лимфатических желез.

У рыжих преобладали карие глаза (до 51 %), чем доказывается, что это тип древний, мало смешанный, так как у арийцев рыжих карие глаза найдены только у 7–8 %. Наиболее здоровые и развитые имели серые глаза, причем окружность груди их была даже на 0,08 более полуроста. Принято на службу из четырех с серыми глазами трое и из девяти с карими глазами двое. Наиболее крепкие типы темно-русый и светло-русый с серыми и карими глазами, рыжий с серыми и черноволосы с серыми и голубыми глазами. Число принятых из них на военную службу 30 %. Самое плохое развитие представляли черноволосые с черными и рыжие с смешанного цвета и голубыми глазами: из 24 осмотренных их не принят ни один. Самый низкий рост и узкая грудь были у черноволосых с черными глазами.

Судя о чистоте типа только по цвету волос и глаз, в Одессе чистого типа евреев черноволосых с черными и карими глазами 20 %, рыжих с карими глазами 3 %, а всего 23 %. Прибавляя к ним темнорусых с карими глазами, которые хотя и уклоняются от классического типа, изображенного на египетских памятниках, но очевидно принадлежат также к древним типам, и составляют 25,4 %, а также и светлорусых с карими глазами — 1,5 % — всего евреев чистого типа в Одессе 49,5 %. Из них классического типа с черными, немного курчавыми, волосами черноволосых всего 5 %.

Из остальных 50,5 % — семиты, имеющие глаза смешанного типа, со штрихами и кругами, 16,6 %, также должны быть признаны типами более старого происхождения, а 34 % со светло-русыми волосами и светлых цветов глазами по всем признакам позднейшего и, главным образом, европейского происхождения.

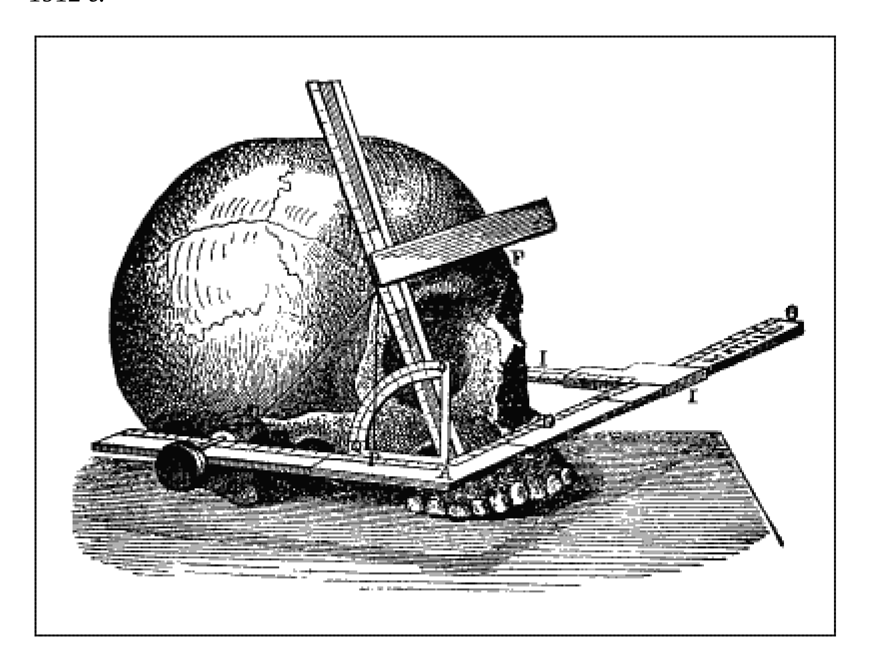
Прилив крови европейских рас был для семитов полезен, и

смешанные типы, по тем незначительным данным, которые собраны, крепче, чем более чистые. Сравнивая более чистокровных евреев Закавказья, внутренней Азии, Европейской Турции, мало предприимчивых и слабо размножившихся, с помесями европейских евреев, которые, не смотря на страшное гонение и истребление их в средние века, сделались очень предприимчивы и хорошо размножаются, должно признать, что примесь крови арийцев весьма благоприятно повлияла как на физический тип, так и на умственную деятельность и предприимчивость евреев. У многих талантливых представителей еврейства, например, Гейне, Лассаля и др., тип весьма значительно уклоняется от семитического. Семиты чистокровные черноволосые с немного вьющимися волосами и темнокарими глазами, по-видимому, более наклонны к созерцательной жизни, философии, мистицизму.

Антропологическое изучение евреев

А. Д. Элькинд

Оттиск из «Русского Антропологического Журнала» 1912 года, №№ 2 и 3.
МОСКВА
Типография П. П. Рябушинского, Страстной бульвар, соб. дом
1912 г.

В своем исследовании «Евреи», появившемся в 1903 г. и суммирующем накопившийся к тому времени антропологический материал об евреях, я пришел к выводу, что, во-первых, «евреи, разбросанные по разным странам, сохраняют тем не менее довольно сходную физическую организацию, отличающуюся тем же ритмом развития, которому следуют остальные культурные народы», и, во-вторых, что «евреи, независимо от их географического распространения, более или менее отличаются известным однообразием, в особенности своих главных антропометрических и физиономических признаков, благодаря чему является возможным говорить о существовании обще-еврейской физиономии, объединяющей рассеянных представителей этой народности в одну этическую группу».

Последнее заключение нашло свое подтверждение в вышедшем в следующем 1904 г. капитальном труде А. А. Ивановского: «Об антропологическом составе населения России», труде, обнимающем все наличные данные по антропологии многообразного населения России. Систематизируя весь этот громадный материал по новому, им самим разработанному методу, А. А. Ивановский дает классификацию, опирающуюся исключительно на антропологических признаках и позволяющую разделить всё население России на целый ряд антропологических групп. В то время, как во многих случаях та

или другая группа объединяла несколько народностей, евреи, над которыми автором собраны еще и собственные наблюдения в количестве 50-ти человек, образовали самостоятельную антропологическую группу, совершенно обособившуюся, по словам А. А. Ивановского, от всех народностей и охарактеризованную им следующим образом. «По цвету волос и глаз большинство представителей этой группы принадлежит к темному типу; значительно число особей и смешанного типа; светлый тип выражен сравнительно мало. Рост — преимущественно низкий, в особенности у варшавских, литовских, ковенских, могилевских, курляндских и одесских евреев, у которых число низкорослых особей превышает 70 %. По форме головы евреи — брахицефалы (среди ковенских, курляндских, южно-русских и одесских евреев таковых более 80 %); число долихоцефалов ни в одной из губерний не достигает 10 %. Малый размер продольного диаметра головы является характерным признаком этой группы; особенно он мал у варшавских, одесских и южно-русских евреев. При небольшой длине голова евреев низка, и по высотно-продольному указателю 90 % их относится к хамэцефалам. По форме лица евреи — мезопрозопы; число лепто- и хамэпрозопов почти одинаково (13 % первых, 14 % вторых). По носовому указателю 83 % лепторинов; платиринов только 1 %. Длина туловища у большинства (45 %) средних размеров; особей с длинным туловищем немного меньше (26 %), нежели с коротким (29 %). Грудь развита сравнительно слабо, и хотя число особей со средней окружностью ее достигает 61 %, но малая окружность груди встречается вдвое чаще (26 %), нежели большая (13 %). Руки и ноги у большинства — длинные».

Работы следующих лет хотя в основе и не поколебали изложенного взгляда на антропологический тип евреев, далеко, однако, расширили и углубили познание последнего. Это объясняется тем, что в течение указанного периода времени были произведены новые антропологические наблюдения не только над европейскими евреями, но и над евреями внеевропейских стран, а именно в Сев. Африке — Фишбергом, в Палестине и Египте — Вайсенбергом и на Кавказе, среди горских евреев, — К. М. Курдовым. В порядке хронологического изложения я начну с работ Фишберга.

Фишберг собирал свои наблюдения в течение нескольких лет в Нью-Йорке среди еврейских эмигрантов, стекающихся в Америку ежегодно в очень значительном количестве из разных мест Старого Света. Наибольшее число этих переселенцев-евреев происходило из

разных стран Восточной и отчасти Западной Европы — России, Польши, Австрии, Венгрии, Румынии и других, и только меньшинство — из Сирии, Палестины, Алжира, Туниса и Марокко Всего им исследовано более 2000 суб. обоего пола в возрасте старше 20 лет. Наблюдения собирались по краткой схеме: сначала отмечались пол, возраст, происхождение, занятие и продолжительность пребывания в Соединенных Штатах, затем определялся цвет глаз, цвет волос на голове и бороде, форма волос и, наконец, производились измерения роста, окружности груди, наибольших продольного и поперечного диаметров головы, окружности головы, высоты (длины) и ширины носа и высоты (длины) и ширины лица; отсюда вычислялись указатели головной, лицевой и носовой.

Описание некоторой части этого материала первоначально было помещено Фишбергом в журнале «American Anthropologist»; подробная же обработка появилась позднее в Анналах Нью-Йоркской Академии Наук. Ею мы и пользуемся для настоящей статьи. Так как число африканских евреев, измеренных в Нью-Йорке, составляло всего 31 чел., то Фишберг исключил их при обработке всего материала. Впоследствии он совершил поездку в Сев. Африку, где ему удалось измерить еще 46 взрослых евреев, уроженцев Марокко, Алжира и Туниса, и 606 мальчиков в возрасте от 5 до 16 лет из тех же мест. Обработке этого материала Фишберг посвятил особую статью. Не ограничиваясь одними эмигрантами, Фишберг для сравнения измерил еще 124 еврея, уроженцев Соедин. Штатов. Таким образом у него составилось крупное число в 1528 евреев, средний рост которых оказался равным 1645 мм при максимуме в 1875 и минимуме в 1350 мм. Разность между этими двумя крайними величинами роста, равная 525 мм, или 31 % среднего роста, отличается той особенностью, что она, с одной стороны, не велика сравнительно с другими европейскими народностями, а, с другой стороны, она значительно больше, нежели у евреев в различных европейских странах: так, для рижских (Блехман) эта величина равна только 17 %, для белорусских (Яковенко) и польских (Элькинд) — 19 %, для южно-русских (Вайсенберг) — 22 % и для малорусских (Тал. — Гринцевич) — 23 %. Для сравнения с аналогичными данными среди неевреев укажем на обширный статистический материал Гульда, который нашел разницу между наибольшим и наименьшим ростом в 1080 мм.; Пальяни в Италии получил соответственную величину в 740 мм. и таковую же абсолютную или относительную в 45 % среднего роста констатировал Аммон среди баденских призывных, в то время, как баденские евреи

дали разницу, равную всего 300 мм или 18 % среднего роста, т. е. величину слишком в два раза меньшую. И полученная Фишбергом разность между наибольшим и наименьшим ростом измеренных им евреев оказалась бы, вероятно, не столь значительной, если исключить крайние величины роста, как встречающиеся лишь в единичных случаях; подсчитать это, однако, не представляется возможным в виду отсутствия в его работе индивидуальных данных. Что такое предположение не лишено основания, можно видеть на примере упомянутых баденских призывных: если в этом случае исключить крайние величины роста, то разность между наибольшим и наименьшим ростом с 740 мм и 45 % падает до 520 мм и 31 % среднего роста. При подобном же условии для роста поляков, измеренных мной, получается 20 % вместо 24.

При обработке своего материала Фишберг преследует двоякую цель. Прежде всего он имеет в виду выяснить разницу в росте между евреями-эмигрантами и их сородичами, оставшимися в Европе; вслед за тем, разбив измеренных им евреев на группы по их происхождению и комбинируя с данными своих предшественников, он сопоставляет рост евреев из разных стран Европы с ростом туземного христианского населения.

В первом направлении оказалось, что еврейские эмигранты по средней величине роста выше евреев, измеренных в Европе. Преобладание среди последних низкого роста сравнительно с первыми еще яснее выступает при группировке тех и других по рубрикам роста:

	Евреи в Европе (1681 суб.)	Евреи в Нью-Йорке (1528 суб.)
Низкий рост (ниже 1600 мм)	35,46%	23,30%
Ниже среднего (1601–1650)	32,48%	30,10%
Выше среднего (1651–1700)	21,41%	27,49%
Высокий рост (1701 мм и выше)	10,65%	19,11%

Как видим, субъектов высокого роста среди евреев в Нью-Йорке почти вдвое больше, нежели в Европе, Между тем, как низкого роста, наоборот, в Европе слишком в полтора раза более, чем в Нью-Йорке; точно также и рубрика выше среднего значительно больше среди эмигрантов, рубрика же ниже среднего больше в Европе.

Что касается того, каков, по данным Фишберга, рост евреев в различных странах, то соответственная группировка их дает следующий результат:

Страна	Число измеренных субъектов	Средний рост
Галиция	305	1622
Польша	315	1634
Литва и Белоруссия	275	1642
Малороссия	219	1657
Румыния	150	1660
Венгрия	140	1657
С.-А. Соедин. Штаты	124	1679

Отсюда можно, по-видимому, заключить, что рост евреев, будучи самым низким в Галиции, увеличивается из этого центра по направлению и к востоку, и к западу, а самыми высокорослыми евреями оказываются уроженцы Сев. — Американских Соединенных Штатов.

Для выяснения разницы между ростом евреев и неевреев Фишберг соединяет свои измерения с данными других авторов и по отношению к Польше, Галиции, Литве, Малороссии, Белоруссии и Румынии приходит к заключению, что там, где местное христианское население отличается более высоким ростом, и евреи, оставаясь повсюду ниже ростом, дают все-таки более крупную величину для среднего роста. Касаясь того же вопроса в своей работе, я указал, что этот параллелизм не везде имеет место: ему противоречат в особенности некоторые данные в иностранной статистике. Подобные противоречия можно отметить и в таблице самого же Фишберга, которая составлена им на основании своих и чужих материалов и в которой он, со своей стороны, хочет видеть лишь полное подтверждение сказанного параллелизма, в виду чего я привожу здесь эту таблицу:

Страна	Народности	Ниже 1600	1600-1649	1650-1699	1700 и более	Низкоросл. ниже 1650	Высокоросл.	Число суб.	Ср.рост	Авторы
Галиция	Евреи	36	33	20	11	69	31	1141	1623	Фишберг, Коперницкий
	Поляки	14	33	29	24	47	53	2861	1622	Коперницкий
	Румыны	22	26	23	29	48	52	1355	1640	Коперницкий
Польша	Евреи	36	30	24	10	65	35	515	1625	Фишберг, Элькинд
	Поляки	24	38	22	16	62	38	191	1640	Элькинд
Литва и Белоруссия	Евреи	27	34	26	13	61	39	414	1635	Фишберг, Яковенко
	Белоруссы	24	29	32	15	53	47	961	1636	Талько-Гринцевич
	Поляки	18	32	28	22	50	50	476	1644	Талько-Гринцевич
Малороссия	Евреи	24	30	28	17	55	45	657	1639	Фишберг, Т.-Гринцевич
	Малороссы	14	33	27	26	47	53	1694	1670	Ивановский
Румыния	Евреи	18	27	24	31	45	55	150	1660	Фишберг
	Румыны	12	30	32	26	42	58	151	1650	Питтар

Данные этой таблицы, противоречащие взгляду Фишберга, сводятся к следующему. Белорусские евреи имеют средний рост более высокий, чем польские и галицийские; белоруссы же, хотя также по росту выше галицийских поляков, но вместе с тем, однако, они ниже и привислянских поляков, и галицийских русинов. Малорусские евреи ниже румынских, но малороссы, напротив, выше румын. Далее, процент особей малого роста среди белорусских евреев меньше, нежели у галицийских; у белоруссов тот же процент выше, нежели у галицийских поляков. С другой стороны, процент особей с ростом выше среднего у малорусских евреев больше, чем среди румынских; среди малороссов же их меньше, чем у румын. Те же румынские евреи отличаются значительно более высоким процентом особей высокого роста сравнительно с галицийскими евреями; галицийские же русины и румыны представляют с этой стороны обратные отношения. Можно было бы привести еще несколько примеров, но и этих достаточно, чтобы видеть, что параллелизм в ритме роста между евреями и неевреями нарушается довольно часто.

Характеристику роста евреев Фишберг дополняет еще сведениями о зависимости величины роста от предмета занятий. С этой целью он выделяет две большие группы: людей, работающих в закрытых помещениях (720 чел.), — портных, сапожников и др., и людей, работающих на открытом воздухе (344 чел.), — плотников, каменщиков и др. В то время, как рост первых составляет 1620 мм, у вторых он равен 1664 мм. Подобное явление отмечено также мной среди польских евреев, именно, работавшие на табачной фабрике имели рост в 1601 мм, работавшие же на фабрике металлических изделий отличались значительно большим ростом — в 1637 мм.

Кроме мужчин, Фишберг, как сказано, измерил еще 435 женщин,

средний рост которых составил 1535 мм (min. — 1334, max. — 1703), то есть на 11 сантиметров короче мужского роста. По нормам роста еврейки Фишберга группируются следующим образом: низкого роста (139 см и ниже) — 7 суб. или 1 %, ниже среднего (140–152 см) — 186 суб. или 33 %, выше среднего (158 см и выше) — 142 суб. или 33 % и высокого роста (158 см и выше) — 100 суб. или 23 %. Далее, при группировке их по происхождению обнаруживаются известные, — местами, правда, не очень значительные, — вариации среднего роста, а именно:

Страна	Число измеренных субъектов	Средний рост
Галиция	122	1524
Польша	56	1522
Литва и Белоруссия	100	1537
Малоруссия	74	1546
Румыния	44	1545
Венгрия	39	1544

Подобно мужчинам, еврейки дали низший рост в Польше и Галиции и нарастание его к востоку и западу. В Польше (Элькинд), Белоруссии (Яковенко) и Малороссии (Т.-Гринцевич) рост евреек-эмигранток оказывается выше роста местных евреек; сравнительно же с нееврейками этих же областей и те, и другие в совокупности отличаются меньшим ростом.

Для характеристики взаимоотношений роста евреек и неевреек Фишберг составил следующую таблицу, соединив также и тут материалы свои и других авторов:

Рост	Польша		Литва и Белоруссия			Малороссия	
	Еврейки	Польки	Еврейки	Литвино-латышки	Белорусски	Еврейки	Малоросски
139 см и ниже	2	–	3	–	–	1	–
140–152 см и ниже	61	46	53	34	44	53	23
153–157 см	25	36	28	45	32	26	40
158 см и выше	12	17	16	21	24	20	37
Число субъектов	181	149	200	106	141	280	235
Средний рост	1517	1533	1522	1526	1523	1526	1545

В этой табличке Фишберг пытается доказать присутствие среди женского населения этих районов того же параллелизма в росте, что и среди мужчин. Это, действительно, наблюдается для рубрики

высокого роста (158 см и выше), в которой белоруссок больше, нежели полек, а малороссок больше, чем белоруссок; такую же градацию представляют и еврейки: наименьшее число особей этого роста дали польские еврейки. С другой стороны, однако, можно в той же таблице отметить и данные, не подтверждающие этого параллелизма. Так, например, для роста выше среднего белорусских женщин меньше, нежели полек; белорусских же евреек больше, чем польских евреек. Затем, в той же рубрике роста малороссок больше, нежели белоруссок; малорусских же евреек меньше, чем белорусских. Наконец, средний рост белорусских евреек больше среднего роста польских евреек, между тем, как средний рост белоруссок, наоборот, ниже роста полек.

Покончив с ростом, Фишберг переходит к описанию окружности груди, которую он определил на 983 особях мужского пола. В среднем она составила 859 мм или 52 % роста; пределы ее колебаний — 109 и 70 см. Польские евреи, мною измеренные, имели абсолютную окружность груди в 830 мм и относительную в 52, т. е. меньше не только, чем у всех эмигрантов, вместе взятых, но также меньше, чем у одних польских эмигрантов. Для 118 евреев, нью-йоркских уроженцев, окружность груди оказалась наибольшей: слишком на 2 см больше общей средней — 881 мм. Все прочие евреи, по измерениям Фишберга, отличаются меньшей окружностью груди, как видно из следующего:

Страна	Число суб.	Абс. велич. окружн. груди	Отнош. ее к среднему росту
Галиция	191	839	51,74
Польша	173	855	52,34
Литва	126	849	51,72
Малороссия	108	850	51,30
Румыния	146	844	50,85
Венгрия	121	863	52,08

В зависимости от величины роста окружность груди евреев, измеренных Фишбергом, изменяется обычным образом: абсолютные размеры ее — в прямом отношении к росту, относительные — в обратном.

Ограничиваясь сказанным о росте и окружности груди евреев-эмигрантов, исследованных Фишбергом, я перейду к изложению

важнейших данных, касающихся размеров и формы их головы.

Длина головы (наиб. продольный диаметр) составляет в среднем 188 мм или 11,43 % роста, при крайних пределах в 169 и 208 мм. У польских евреев абсолютная величина этого размера (184 мм) меньше, но относительная (11,45) почти совпадает. Ширина головы эмигрантов (наиб. поперечный диаметр) равна в среднем 154 мм или 9,37 % роста, при индивидуальных колебаниях между 130 и 174 мм. Польские евреи дали также меньшую абсолютную ширину головы (151 мм) и почти одинаковую (9,38) относительную. Указанные средние обоих головных диаметров обнаруживают небольшие вариации при группировке всех измеренных Фишбергом субъектов по их происхождению:

Страна	Число суб.	Наиб. прод. диаметр			Наиб. попер. диаметр		
		Средняя	Max.	Min.	Средняя	Max.	Min.
Галиция	305	186	206	169	155	173	138
Польша	315	188	206	171	154	171	139
Литва и Белоруссия	275	190	207	173	154	168	138
Малороссия	219	188	208	171	155	170	138
Румыния	150	187	205	175	153	174	143
Венгрия	140	188	201	171	155	168	130
Соед. Штаты С.А.	124	190	205	170	154	164	135

Фишберг рассматривает также зависимость обоих диаметров головы от роста:

	Число	Длина головы		Ширина головы	
		Абс.	Отн.	Абс.	Отн.
Низкий рост	356	186	11,91	153	9,80
Ниже среднего	460	187	11,50	154	9,37
Выше среднего	420	188	11,43	154	9,37
Высокий рост	292	190	10,95	156	8,99

Тут констатируется то же явление, какое отмечено и среди польских евреев: абсолютные размеры того и другого диаметра изменяются в прямом отношении к росту, относительные же в обратном.

Те же диаметры у 435 евреек, измеренных Фишбергом, имеют следующие размеры: наибольший продольный — 179, крайние

пределы — 199 и 159 мм; наибольший поперечный — 149, крайние пределы — 165 и 131 мм. Колебания этих величин в зависимости от происхождения самих евреек таковы:

Страна	Число	Длина головы			Ширина головы		
		Средняя	Max.	Min.	Средняя	Max.	Min.
Галиция	122	178	192	163	151	165	136
Польша	56	181	193	160	148	159	136
Литва и Белоруссия	100	179	196	163	149	159	134
Малороссия	74	180	199	160	148	159	136
Румыния	44	179	197	169	149	160	139
Венгрия	39	178	191	167	148	161	142

Польские еврейки, измеренные мной, обладают, сравнительно с еврейками Фишберга, наименьшей и длиной (176 мм), и шириной (146 мм) головы. Вообще, по данным Фишберга, оба головных диаметра у евреев-эмигрантов — и мужчин, и женщин — большей частью соответственно крупнее, чем у их сородичей в Европе.

Головной указатель евреев, на основании 1528 измерений Фишберга, равен 81,91. Он почти совпадает с головным указателем (81,89) моих двухсот польских евреев. Пределы колебаний указателя среди евреев-эмигрантов заключаются между 65,66 и 94,76; впрочем, этот minimum Фишберг считает патологическим: он и встретился только в одном случае, ближайший же subminimum — уже на 4 единицы больше.

Колебания головного указателя при вычислении средних по отдельным группам особей в зависимости от их происхождения видны из следующего сопоставления:

Страна	Число суб.	Сред.гол.указ.	Max.	Min.
Галиция	395	83,33	92,51	73,63
Польша	315	81,91	94,76	70,52
Литва и Белоруссия	275	81,05	88,24	73,74
Малороссия	219	82,45	90,18	75,42
Румыния	150	81,82	91,32	76,14
Венгрия	140	82,45	91,88	65,66
Соедин. Штаты	124	81,05	87,53	74,69

Тут оказывается, что только у польских евреев и отчасти у румынских средний головной указатель совпадает с его общей средней величиной, в то время как у малорусских и венгерских он поднимается до 82,45, у галицийских — до 83,33, у литовских же и белорусских и уроженцев Соед. Штатов понижается до 81,05.

Группировка головного указателя по нормам, согласно схеме Деникера, дает следующие результаты:

	Евреи-эмигранты (1528 суб.)	Евреи в Европе (1113 суб.)	Те и другие вместе
Гипердолихоцефалы (менее 76)	44 или 3%	2%	2%
Долихоцефалы (76–77)	112 или 7%	5%	6%
Субдолихоцефалы (78–79)	236 или 16%	12%	14%
Мехоцефалы (80–81)	394 или 26%	23%	25%
Суббрахицефалы (82–83)	367 или 24%	25%	25%
Брахицефалы (84–85)	246 или 16%	19%	17%
Гипербрахицефалы (86 и более)	129 или 8%	14%	11%

Для сравнения Фишберг собрал 1113 наблюдений различных авторов над европейскими евреями. Из этого сопоставления видно, что евреи-эмигранты отличаются от своих европейских соплеменников значительным преобладанием долихоцефалов при меньшем числе брахицефалов всех категорий. Схема Деникера отличается от норм головного указателя по Брока, которому я следовал при обработке своего материала; в значительной степени благодаря этому, у Фишберга получились иные результаты сравнительно с моими, что особенно сказалось в неодинаковом количестве длинноголовых евреев у него и у меня. На основании доступной мне антропологической литературы я нашел среди европейских евреев 7 % долихоцефалов и 76 % брахицефалов. Фишберг же, следуя схеме Деникера, дает, как видим, для европейских евреев 19 % долихоцефалов и 58 % брахицефалов, для евреев-эмигрантов — 26 % долихоцефалов и 48 % брахицефалов и, наконец, для тех и других вместе (2641 суб.) — 23 % долихоцефалов и 53 % брахицефалов. Эти цифры сильно меняют данную мною картину распределения основных типов головного указателя среди евреев. В виду этого является затруднительной и антропологическая оценка того или другого сочетания этих признаков. К сожалению, Фишберг не приложил к своей работе индивидуальных величин своих измерений, поэтому нет возможности провести по схеме Брока анализа и сравнения его наблюдений с моими данными для польских

евреев.

Фишберг располагает далее свой материал по отдельным группам особей в зависимости от их происхождения и каждую группу, в свою очередь, классифицирует по тем же нормам головного указателя; рядом с евреями он собирает и соответственные данные для неевреев.

Страна	Народности	Число особей	Сред.гол.указ.	75 и менее	76–77	78–79	80–81	82–83	84–85	88 и более
Польша	Евреи	515	81,75	2	7	15	24	28	17	6
	Поляки	226	80,85	3	17	23	20	23	8	6
Литва и Белоруссия	Евреи	550	81,10	4	10	18	28	22	11	7
	Литовцы	476	80,60	2	6	14	22	24	20	12
	Белоруссы	961	83,20	3	6	13	20	22	19	17
Малороссия	Евреи	757	82,45	2	4	12	20	25	21	16
	Малороссы	1055	83,20	1	2	8	17	24	22	26
Румыния	Евреи	150	81,82	1	9	21	25	19	18	7
	Румыны	190	82,92	4	6	14	18	19	18	21

На основании этой таблицы и некоторых других сопоставлений Фишберг утверждает, что и ритм головного указателя евреев соответствует также ритму указателя окружающего нееврейского населения. На существование такого параллелизма указано также и мною. Но вместе с тем необходимо повторить и сделанную мной оговорку, что, при более подробном анализе наблюдений, этот параллелизм представляет ряд исключений, да, кроме того, и там, где он даже выражен, он варьирует нередко довольно неправильно. Так, по средней величине головного указателя белорусские евреи долихоцефальнее румынских; те же белоруссы имеют одинаковый указатель с малороссами, малорусские же евреи заметно брахицефальнее белорусских. Далее, особей с указателем в 75 и менее среди польских евреев больше, чем среди румынских; среди же румын и поляков отношения обратные. То же можно сказать и относительно евреев и неевреев Белоруссии с одной стороны и Румынии — с другой. Укажем, пользуясь этой таблицей, еще на один-два примера того паралеллизма. Особей с указателем в 78 и 79 среди малорусских евреев почти вдвое меньше, нежели среди румынских, а среди румын этих особей в такой же пропорции больше, чем среди малороссов. Наконец, особей с указателем в 84 и 85 среди польских евреев слишком на 5 % больше, чем среди литовско-белорусских, но гораздо больше их, наоборот, среди литовцев и белоруссов. Подобные уклонения, равно как и совпадения в ритме головного указателя евреев и неевреев наблюдаются и в диаграммах, построенных Фишбергом на основании всего антропологического материала, собственного и чужого. Возможно, что в случае параллелизма по величине головного указателя, как и вышеупомянутого по величине роста, следует видеть не столько факты расового характера, на чем

особенно настаивает Фишберг, сколько проявления конструкционного закона, присущего архитектонике человеческого тела, независимо от расовых отличий отдельных типов человека.

Головной указатель евреек (435 особей) Фишберг определил равным в среднем 83,24 или на 1,31 более, нежели у мужчин. Его крайние величины — 91,17 и 71,47, в пределах которых свыше 60 % особей падает на указатель 80–84. Сравнительно с еврейками, измеренными в Европе, еврейки-эмигрантки отличаются самым большим средним головным указателем. Впрочем, такое отношение несколько меняется в ту и другую сторону при определении его для отдельных групп евреек в зависимости от их происхождения, как видно из следующей таблички:

	Число особей	Ср.гол.указ.	Max.	Min.
Галиция	122	84,83	91,81	71,58
Польша	56	81,77	91,87	76,40
Литва и Белоруссия	100	93,24	88,41	72,38
Малороссия	74	82,22	88,73	74,39
Румыния	44	83,24	90,19	75,84
Венгрия	39	83,15	89,92	78,72

При этом оказывается, что наибольший головной указатель падает на долю галицийских евреев, польские же еврейки, по Фишбергу, имеют, наоборот, меньший указатель, нежели по моим измерениям; еврейки прочих стран заключаются между теми и другими. Таким образом, еврейки-эмигрантки, за исключением переселившихся из Польши, отличаются большим головным указателем, чем их единоплеменницы, живущие в Европе, между тем как мужчины-эмигранты с тем же исключением отличаются, напротив, меньшим указателем.

Соответственно такой средней головного указателя евреек-эмигранток, и группировка их по тем же принятым Фишбергом нормам, представленная в нижеследующей таблице (верхняя половина), обнаруживает среди них более низкий процент долихоцефальных групп и более высокий, исключая группу с указателем 84–85, брахицефальных сравнительно с еврейками в Европе. Соединяя тех и других вместе, получаем, по указанной уже причине, совершенно другие данные, характеризующие частоту основных типов головного указателя среди евреек, а именно 18 %

долихоцефалов против 9 % у меня и 58 % брахицефалов против 72 % у меня:

		Число особей	Сред. голов. указ.	Нормы головного указателя (%)						
				Гипер-долихо-цефалы (75 и ниже)	Долихо-цефалы (76–77)	Суб-долихо-цефалы (78–79)	Мезо-цефалы (80–81)	Суб-брахи-цефалы (82–83)	Брахи-цефалы (84–85)	Гипер-брахи-цефалы (86 и выше)
Еврейки-эмигрантки		435	83,24	1	5	10	25	24	19	16
Еврейки в Европе		481	–	3	5	12	22	22	21	15
Те и другие вместе		916	–	2	5	11	24	23	20	15
Польша	Еврейки	181	83,18	1	4	12	26	24	21	12
	Польки	153	83,35	4	10	21	28	17	13	7
Литва и Белоруссия	Еврейки	200	82,00	5	13	10	25	24	13	10
	Летто-литвинки	107	82,60	5	15	11	26	18	11	14
	Белорусски	141	82,30	7	1	10	26	23	21	12
Малороссия	Еврейки	280	82,72	1	4	10	25	22	20	18
	Малорусски	237	83,40	–	3	8	14	31	19	25

В нижней половине этой же таблицы сопоставлены данные о головном указателе евреек разных местностей по совокупным данным Фишберга и других авторов и соответственные данные для нееврeек. Некоторый параллелизм наблюдается кое-где и здесь, но еще в меньшей степени, чем для мужчин, что, по мнению Фишберга, следует объяснить ограниченным в отдельных случаях, числом наблюдений над женщинами.

Кроме головного указателя, Фишберг определил также и горизонтальную окружность, но только для мужчин (1528 суб.). Не вдаваясь в подробности, скажу только, что в среднем она оказалась равной 55,5 см или 33,77 в процентах роста (у польских евреев — 553 мм и 34,39). У высокорослых абсолютные размеры ее больше, чем у низкорослых; относительные же, наоборот, у последних больше, нежели у первых. Сравнение с данными других авторов показывает, что горизонтальная окружность головы евреев — и абсолютно, и относительно — варьирует в очень ограниченных пределах как в различных странах Европы, так и в Соед. Штатах Америки.

Вкратце привожу также данные о размерах лица евреев по материалам Фишберга. На лице им определялись только высота, т. е. расстояние от корня носа до подбородочной точки (или, как он выражается, до конца лежащей под серединой нижней челюсти), и ширина, за которую принято, по-видимому, расстояние между наиболее отстоящими точками скуловых дуг. Высота лица мужчин равна 119 мм при max. — 142 и min. — 98, женщин — 109 при max. — 128 и min. — 90. Ширина лица мужчин — 135 (max. — 156, min. — 114), женщин — 127 (max. — 143, min. — 107). Сравнительно с данными других авторов, оба размера не представляют значительных

колебаний у евреев различного происхождения. Отношение между высотой и шириной лица выражается для мужчин величиной в 88,15, для женщин — 85,83; та и другая величина также мало уклоняется от соответственных данных прочих авторов.

Описанию размеров носа и их взаимных отношений Фишберг уделяет особую главу. Средняя длина или, как она называется, высота носа 1510 мужчин равна 52 мм, 423-х женщин — 47 мм (у польских евреев: муж. — 56, жен. — 52); средняя ширина носа первых — 36, вторых — 40 (у польских евреев: муж. — 34, жен. — 32). Средний носовой указатель — почти тождественный у обоих полов: муж. — 69,23, жен. — 69,14. По этому указателю евреи Фишберга распадаются следующим образом:

	Евреи, измер. Фишбергом		Польские евреи	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Лепторины (менее 70)	760 (51%)	210 (50%)	128 (87%)	96 (96%)
Мезорины (70–84,9)	692 (46%)	202 (48%)	19 (13%)	4 (4%)
Платирины (85 и более)	58 (3%)	11 (2%)	–	–

Другими словами, как мужчины, так и женщины, за незначительным исключением, оказываются почти в одинаковом числе случаев или лепторинами, или мезоринами. Сравнительно с измеренными мной польскими евреями (носовой указатель мужчин — 62,05, женщин — 60,71), евреи Фишберга отличаются более широким носом, что особенно видно из вышеприводимой таблички, где польские евреи обнаружили совершенное отсутствие платиринов, при подавляющем числе лепторинов.

Что касается формы носа, то Фишберг отмечает таковую для 2836 муж. и 1284 жен. Среди этого обширного материала он нашел около 60 % прямых носов у лиц обоего пола, а горбатых носов — 14 % у мужчин и 13 % у женщин; остальные проценты падают на долю плоских носов. Среди моих польских евреев горбатых носов — 10 % у мужчин и 4 % у женщин.

Закончив описание измерительных признаков, Фишберг переходит к изложению данных о цвете волос и глаз евреев-эмигрантов. С этой стороны он исследовал последних в значительно большем количестве, а именно 2716 муж. и 1519 жен. В нижеследующей таблице приводится деление всех этих субъектов как по цвету волос и глаз, так и по взаимному сочетанию того и другого:

		Муж.		Жен.	
Волосы	Черные	1219	45%	650	43%
	Каштановые	760	28%	430	28%
	Темнорусые	293	11%	148	10%
	Светлорусые	191	7%	137	9%
	Белокурые	165	6%	94	6%
	Рыжие	88	3%	60	4%
	Темные	1172	84%	1328	81%
	Светлые	356	13%	231	15%
	Рыжие	88	3%	60	4%
Глаза	Черные	570	21%	314	21%
	Карие	925	34%	621	41%
	Серые	597	23%	288	19%
	Голубые	624	22%	296	19%
Тип	Темный	1429	52,62%	865	57%
	Светлый	283	10,42%	156	10%
	Смешанный	1004	36,96%	498	33%

Группировка цветных типов в разных областях видна из следующего:

		Число	Тип (%)		
			Темный	Светлый	Смешанный
Галиция	Муж.	305	44	13	43
	Жен.	12	51	16	33
Польша	Муж.	315	54	9	37
	Жен.	56	50	5	45
Литва и Белоруссия	Муж.	275	53	9	38
	Жен.	100	53	12	35
Малороссия	Муж.	219	49	7	44
	Жен.	74	55	8	37
Румыния	Муж.	150	47	11	42
	Жен.	44	50	14	36
Венгрия	Муж.	140	46	12	42
	Жен.	36	62	5	3
Соед. Штаты.	Муж.	124	51	9	40

Цифры обеих таблиц показывают, что наблюдения Фишберга над евреями-эмигрантами более или менее соответствуют данным всех прочих авторов и снова, таким образом, подтверждают установившийся уже взгляд на значительное преобладание среди евреев брюнетического типа независимо от места их обитания и на отсутствие в этом отношении какого-либо параллелизма, подобно отмеченному при измерительных признаках, между евреями и неевреями.

На заключительных страницах своего труда Фишберг делает ряд сопоставлений между типами цветности, роста и головного указателя, причем констатирует, что т. наз. «арийское» сочетание высокого роста со светлой пигментацией и долихоцефалией несвойственно исследованным им евреям. Среди последних, напротив, является правилом, что высокорослые субъекты отличаются более темными волосами и глазами и меньшим процентом длинноголовых, низкорослые же имеют более светлую комплексию и больший процент долихоцефалов. Подобное же явление подмечено и мною

среди поляков и польских евреев. Опираясь на целый ряд авторов, исследовавших много других славянских народностей и находивших то же сочетание упомянутых признаков, Фишберг сближает современных евреев с типом славянского населения, среди которого евреи преимущественно живут уже в течение многих столетий. На этом основании он так формулирует конечный вывод своей работы: «Вост. — европейские евреи, составляющие около 80 % всего наличного еврейского населения земного шара, по своим физическим признакам более близки к тем народностям, среди которых они живут в Вост. Европе, нежели к т. наз. семитам». Что нынешние евреи, с антропологической точки зрения, весьма далеки от настоящих семитов, считается уже бесспорным. Но, с другой стороны, подлежит еще проверке вопрос о том, насколько близки они к славянскому типу; хотя Фишберг и старается обосновать его на своем столь богатом материале, однако Ауэрбах показал, что отождествлению блондинов-евреев со славянами препятствуют цифровые данные окраски волос и глаз, совершенно противоположные у тех и других.

Как ни относиться к выводам Фишберга, его труд об евреях-эмигрантах — по обилию и качеству наблюдений, по тщательности их обработки — является чрезвычайно ценным вкладом в антропологическую литературу об евреях. Его другая работа — о сев. — африканских евреях — далеко не так велика и основана на несравненно меньшем числе наблюдений; тем не менее она имеет весьма большое значение для познания антропологического типа евреев, ибо касается такой области их расселения, которая совершенно еще не затронута антропологами.

Как уже выше было сказано, для сев. — африканских евреев Фишберг располагал наблюдениями над 606 мальчиками в возрасте от 5 до 16 лет и 77 взрослыми, уроженцами Марокко, Туниса и Алжира.

Цветовой тип их виден из следующего:

		Взрослые евреи С.Африки (в %)	Дети (в %)				
			Сев. Африка	Германия	Австрия	Венгрия	Болгария
Волосы	Темные	92	94	56	72	76	76
	Светлые	5	6	32	27	24	22
	Рыжие	3	–	–	1	–	2
Глаза	Темные	83	78	52	46	58	61
	Серые	14	16	27	31	24	22
	Голубые	3	6	19	23	18	17

Для сравнения приводятся в этой табличке аналогичные сведения для еврейских школьников Германии (Вирхов), Австрии (Шиммер),

Венгрии (Karasi) и Болгарии (Wateff). Их этого сопоставления видим, что дети сев. — африканских евреев по количеству как темных волос, так и темных глаз значительно превосходят еврейских детей в Европе: светлых волос у первых в 4.6 раз меньше; подобная же пропорция наблюдается и в частоте голубых глаз. Точно также и взрослые сев. — африканские евреи отличаются подавляющим количеством темноволосых и темноглазых субъектов, при еще меньшем числе голубоглазых. Вообще, светлоглазых евреев, т. е. серых и голубых вместе, в Сев. Африке едва 17 %, между тем, как в Вост. Европе число их достигает 40–50 %. Аналогичны соотношения и в окраске волос. Что касается рыжеволосых субъектов, то частота их в Сев. Африке мало уклоняется от соответственных данных в Европе. В сочетаниях цвета волос и глаз северо-африканские евреи дают 76 % темного типа, 19 % — смешанного и только 5 % — светлого. Среди же их европейских соплеменников темный тип редко превышает 60 %, в то время, как светлый достигает 10–15 %, а смешанный — почти 35 %. Таким образом, темный тип среди сев. — африканских евреев выражен значительно сильнее, нежели среди европейских.

Измерительные признаки, собранные Фишбергом среди сев. — африканских евреев, ограничиваются только указателями головным, лицевым и носовым. Головной указатель детей равен в среднем 78,45, взрослых — 78,24, т. е. в том и другом случае он обнаруживает значительную наклонность к долихоцефалии, сравнительно с европейскими евреями, головной указатель которых обыкновенно не опускается ниже 80. Еще сильнее выступает преобладание долихоцефалии среди сев. — африканских евреев при группировке их по нормам головного указателя (в процентах):

	Сев. Африка		Европа
	Дети	Взрослые	
Гипердолихоцефалы (до 76)	17	26	2
Долихоцефалы (76–77)	23	25	6
Субдолихоцефалы (78–79)	26	20	14
Мезоцефалы (80–81)	19	13	25
Суббрахицефалы (82–83)	10	9	25
Брахицефалы (84–85)	4	6	17
Гипербрахицефалы (86 и более)	1	1	11

Отсюда видно, что среди взрослых сев. — африканских евреев долихоцефалов более 50 %, среди же их европейских соплеменников таковых лишь менее 9 % (по Фишбергу). С другой стороны, брахицефалов в Европе — 28 %, в Сев. же Африке — только 8 %. Долихоцефальный тип сев. — африканских евреев выражен, следовательно, довольно сильно.

Что касается остальных двух указателей — лицевого и носового, то первый для всех сев. — африканских евреев равен в среднем 88,97, второй — 60,71. Сравнительно с европейскими евреями (по Фишбергу) сев. — африканские мало отличаются по лицевому указателю, но заметно удаляются от них по носовому, который у последних значительно меньше, чем у первых (69,23 по Фишбергу). Впрочем, измеренные мною польские евреи имеют носовой указатель (62,05), довольно близкий к сев. — африканским. Таким образом, сев. — африканские евреи обладают более узким и длинным носом. Далее, и горбатые носы среди них очень редки: так, Фишберг среди 77 взрослых встретил только у пятерых, или у 6,5 % такую форму носа.

Все эти сведения о сев. — африканских евреях, несмотря на их ограниченный характер, в известной степени все-таки заполняют пробел, существовавший до сих пор в антропологической литературе об евреях. Столь же важными и ценными являются новейшие работы Вайсенберга, касающиеся другой отрасли еврейской народности, которая до того также была почти совершенно неизвестна в антропологическом отношении, а именно современного еврейского населения Палестины и Египта.

Д-р С. А. Вайсенберг, при содействии вирховского фонда в

Берлине, совершил в 1908 г. поездку в Палестину, Египет и Константинополь, где производил антропологические наблюдения среди различных групп туземного населения. Результаты этого путешествия в настоящее время уже подвергнуты автором предварительной обработке и опубликованы в различных немецких специальных изданиях. Собранный Вайсенбергом материал обнимает автохтонное население Палестины в лице местных евреев, самаритян и феллахов, затем йеменитских евреев, спаньюолов, евреев — выходцев из Сред. Азии и Кавказа (грузинских и горских), далее сирийских, персидских и месопотамских евреев, наконец, египетских и марокккских евреев и египетских караимов. Измерения производилось, как и Фишбергом, по краткой схеме. Для большинства субъектов определены рост, большой размах, горизонтальная окружность головы, важнейшие диаметры головы и лица, форма носа и окраска волос и глаз, для других же, кроме цвета волос и глаз даны еще только рост и головной указатель. В прилагаемой таблице, в которой при каждой группе указано число измеренных особей, я привожу средние величины всех измерений, произведенных Вайсенбергом на востоке; к ним я присоединил еще его же измерения небольшой группы крымских караимов и сведения о головном указателе ста немецких евреев, собранные им в недавнее время в Кельне и Франкфурте-на-Майне. Для сравнения я поместил в этой же таблице соответственные данные как об южно-русских евреях, изученных Вайсенбергом, и польских, исследованных мной, так и о самаритянах Huxley, спаньюолах Глюка и сев. — африканских евреях Фишберга.

Сравнивая при помощи этой таблицы различные группы евреев Пер. Азии и Сев. Африки, где они или очень мало, или совершенно еще не подвергались до настоящего времени антропометрическому исследованию, с названными двумя группами европейских евреев, можно указать на существование между теми и другими некоторых признаков сходства, но в немалой степени и признаков несходства.

Рост палестинских и йеменитских евреев, вообще очень малый, оказывается даже еще меньше, чем у наиболее низкорослых польских евреев, что может отчасти служить подтверждением приписываемой евреям малорослости. С другой стороны, феллахи, а в особенности самаритяне, по измерениям Вайсенберга (1742 мм) и Huxley (1730 мм), образуют собой самую высокорослую группу из всех исследованных первым. Ни одна группа евреев не может быть названа сколько-нибудь близкой по росту к самаритянам. Египетские евреи

(1690 мм), наиболее высокорослые после них, отстают-таки слишком на 5 см. Между этими двумя пределами роста: палестинских евреев, с одной стороны, и египетских — с другой, всех остальных можно разделить по росту на две категории: одна — с ростом 1630–1640 мм — обнимает среднеазиатских, кавказских, персидских и марокксских евреев и спаньюолов Глюка, другая — с ростом около 1660 мм — заключает сирийских евреев и спаньюолов Вайсенберга. Вообще же вариации роста азиатских и африканских евреев, по данным Вайсенберга, заключаются между 1580–1690 мм, в то время, как рост европейских евреев, по собранным мною материалам, представляет гораздо более узкие пределы колебаний, именно 1610–1656 мм. Что касается роста караимов, то обе группы их — египетские и крымские — представляют между собой заметную разницу по величине роста: первые приближаются к наиболее высокорослым египетским же евреям, последние, будучи ниже на 3 см, соответствуют среднему росту европейских евреев.

Величина большого размаха всего этого ряда измерений, за некоторыми исключениями, следует более или менее колебаниям роста. Высота темени в сидячем положении у йеменитских евреев почти совпадает с польскими евреями; у грузинских же этот размер значительно приближается к южно-русским. Горизонтальная окружность головы, наименьшая (525 мм) у палестинских евреев, достигает наибольшей величины (553 мм) у грузинских; с этой последней совпадает и горизонтальная окружность головы польских евреев. Вообще этот размер отличается среди азиатских и африканских евреев гораздо более широкими колебаниями, чем среди европейских по собранным мною сравнительным данным. Оба головных диаметра варьируют: наибольший продольный — между 178 мм у палестинских евреев и 190 мм у марокксских, наибольший поперечный — между 141 мм у египетских караимов и 158 мм у грузинских евреев. В этих пределах продольный диаметр грузинских и месопотамских евреев и крымских караимов и поперечный — среднеазиатских и алеппских евреев тождественны (184 и 151 мм) с польскими евреями, продольный же диаметр среднеазиатских, горских, сирийских, персидских евреев тождествен (183 мм) с южно-русскими. Если обратить внимание на то, что поперечный диаметр последних такой же, как и у польских евреев, и что продольный диаметр этих двух групп разнится между собой всего на 1 мм, то можно сказать, что азиатские и африканские евреи приближаются к польским и южно-русским гораздо более по величине продольного

диаметра, чем по величине поперечного.

Головной указатель колеблется от 74,3 для йеменитских евреев до 85,9 для грузинских. Впрочем, подобный высокий указатель имеют еще только кавказские евреи и крымские караимы; за исключением этих трех групп, самый высокий указатель (82,5) оказывается у среднеазиатских евреев и совпадает с головным указателем южно-русских евреев. Это — единственный случай сходства по головному указателю азиатских и африканских евреев со сравниваемыми двумя группами европейских. И по величине головного указателя можно также отметить значительно более широкий размах колебаний у внеевропейских евреев сравнительно с европейскими: даже исключая грузинских и горских евреев, этот размах составляет у первых слишком 8 единиц, между тем как у последних он не достигает и полных двух единиц.

В виду преобладающих низких величин среднего головного указателя азиатских и африканских евреев, само собой разумеется, что и долихоцефалия имеет место среди них несравненно чаще, чем среди их европейских сородичей. Так, из составленной мной таблицы видно, что в некоторых случаях, как, напр., у египетских евреев, у йеменитских, у спаньюолов встречается гипердолихоцефалия, то есть субъекты с указателем ниже 70; значительно больше — долихоцефалов, которые отсутствуют только у среднеазиатских, кавказских и алеппских евреев. Эти три группы, с другой стороны, единственные, давшие по одному ультрабрахицефалу, то есть субъектов с указателем выше 95. Наибольшее же число субъектов падает на рубрику мезоцефалов с указателем 75–80. Южно-русские и польские евреи, как известно, не дали ни одного гипердолихоцефала, всего 1 % долихоцефалов, а наибольшее число их, свыше двух третей, оказались брахицефалами с указателем 80–85. Самыми длинноголовыми являются йеменитские евреи и спаньюолы, далее месопотамские, марокккские и египетские евреи и египетские караимы. Обращает на себя внимание значительная разница по головному указателю между алеппскими и дамасскими евреями, хотя те и другие образуют одну и ту же группу сирийских евреев. Брахицефалию алеппских евреев Вайсенберг не считает случайной, так как она свойственна, по его измерениям, и мужчинам, и женщинам, и думает, что она явилась результатом их большого смешения с испанскими евреями. Однако, спаньюолы, измеренные им же, образуют, как сейчас сказано, одну из наиболее долихоцефальных групп. Остается поэтому предположить, что ограниченное число субъектов,

исследованных автором для тех или иных групп туземного населения, оказалось недостаточным, чтобы ослабить влияние на среднюю величину индивидуальных крайних величин, чем и обусловливается известная пестрота полученных им результатов как в этом, так и в некоторых других случаях. Несколько слов скажу еще о головном указателе немецких евреев, измеренных Вайсенбергом. По средней величине (80,8) они удаляются от польских и южно-русских и приближаются к сирийским евреям и к спаньюолам, исследованным Глюком. Благодаря этому, долихоцефалов у них втрое более, чем у южно-русских и польских евреев, т. е. 3 %; далее, мезоцефалов значительно больше, нежели гипербрахицефалов; остальные, свыше половины всех субъектов, — брахицефалы.

Размеры лица и взаимные отношения этих размеров или лицевой указатель обнаруживает, по-видимому, большее преобладание среди азиатских и африканских евреев лептопрозопии (указатель выше 90), сравнительно с южно-русскими евреями. Размеры носа и носовой указатель не представляют каких-либо значительных отличий. Однако, по форме носа наблюдается заметная разница в виду того, что семитический нос, встречающийся среди польских и южно-русских евреев только у 10 % достигает среди разных групп азиатских и африканских евреев гораздо более высокой пропорции — от 20 до 40 %.

Наконец, по окраске волос и глаз всё еврейское население Пер. Азии и Сев. Африки отличается резким превосходством брюнетов, при совершенном, за исключением спаньюолов, отсутствии блондинов. Смешанный тип обнимает едва 10–13 % всех субъектов. Соответственные данные для польских евреев только отчасти могут быть сопоставлены с этими данными Вайсенберга, так как и у меня процент светлого типа ничтожен; однако, дальше те и другие сильно расходятся в виду весьма высокого процента особей смешанного типа среди польских евреев сравнительно с азиатскими и африканскими евреями.

Одним словом, если ни степень белокурости, ни данные о росте не образуют резкой грани между польскими евреями и ныне исследованными Вайсенбергом внеевропейскими, то, с другой стороны, по количеству особей брюнетического типа, а в особенности по головному указателю, мы наталкиваемся здесь на значительную антропологическую разницу между этими двумя обширными группами современных евреев.

Вообще, опираясь на материалы Вайсенберга и Фишберга, можно

с большим основанием сказать, что в Пер. Азии и Сев. Африке довольно сильно распространен в высокой степени долихоцефальный тип евреев, какой не встречается в Европе. В поисках последнего Вайсенберг обратил внимание на современных ааронидов (коганим) и левитов, ведущих свое происхождение от первосвященника Аарона и колена Левитова. Но и здесь неутомимый автор нашел ту же короткоголовость, какая свойственна вообще всем европейским евреям. Далее, предпринятая им же попытка проследить антропологический тип евреев на существующем, правда, в ограниченном количестве краниологическом материале привела его к тому выводу, что, во-первых, «черепа древнего времени, за редким исключением, могут быть причислены к длинноголовым, в то время, как черепа Средних веков на три четверти короткоголовы», и, во-вторых, что «черепа испанских евреев, будучи почти без исключения длинноголовыми, удивительно однообразны по своему типу; черепа же вост. — европейских евреев в большинстве случаев отличаются короткоголовостью». Эти заключения побуждают Вайсенберга сделать предположение, что «длинноголовые, как и все семиты, древние израильтяне на пути своего рассеяния пришли в соприкосновение, во-первых, с короткоголовыми обитателями Кавказа и альпийской Европы и, во-вторых, с длинноголовыми побережья Средиземного моря. В то время, как первая ветвь превратилась в современных вост. — европейских евреев, вторая, не изменив типа, продолжает жить в сев. — африканской группе и отчасти в испанской». Вообще Кавказу Вайсенберг приписывает, по-видимому, крупное значение в происхождении европейских евреев. К этому же вопросу он возвращается еще раз в своей статье о сев. — африканских евреях, откуда я приведу здесь соответственные места.

Во введении к этой статье Вайсенберг доказывает, что Африка принадлежала к первым и самым ранним этапам еврейской диаспоры, и что местное еврейское население насчитывает тысячелетия своего существования. «При этих условиях, — говорит автор, — среди сев. — африканских евреев скорее можно предположить сохранившимся первобытный тип, чем среди их европейских единоверцев, тесную и раннюю связь которых со старой родиной, исключая несколько гаваней Средиземного моря, трудно допустить по многим причинам». Прежде всего отсутствуют, по его мнению, точные известия из до- и даже похристианской эпохи, свидетельствующие о переселениях евреев большими массами из Палестины в Среднюю Европу. Далее нет также, насколько ему

известно, какого-либо археологического материала, который указывал бы на раннее пребывание евреев в Европе вне их старого исторического круга. В то время как в Египте найдены еврейские надгробные плиты и предметы еврейского обихода с еврейскими эмблемами, в Европе, за исключением немногих остатков, найденных в еврейских катакомбах в Риме, совершенно отсутствуют подобные предметы, и тем не менее евреи, как утверждают, должны были проживать во многих местах и даже достигали в рядах римских легионов долины Рейна. Поэтому, «замечательно, — продолжает Вайсенберг, — что при тщательных раскопках древних стоянок римского лагеря не оказалось никаких предметов культа Иеговы, между тем таковые других азиатских культов и даже культа Митры были находимы, из чего следует заключить об отсутствии последователей первого и присутствии последователей прочих культов». Всё это побуждает его предположить, что «евреи проникли в Сред. Европу значительно позднее, чем обыкновенно принято думать». «Откуда же пришли они и что это были за евреи, и вообще были ли они в соматическом отношении евреями, на это, — рассуждает он далее, — дать определенный ответ еще трудно. Строение тела нынешних европейских евреев, отличное от семитического, допускает не без некоторого основания возможность влияния здесь прозелитизма». Исходя из этого предположения, Вайсенберг кончает свои рассуждения заявлением, что, не разделяя взгляда на первоначальный тип евреев, как на брахицефалический, он скорее думает, что «изменение их типа произошло либо в самой Европе, либо на пути в Европу (через Азию?)». Сев. — африканские же евреи остались длинноголовыми, благодаря тому, что им приходилось смешиваться с родственными хамитическими или чисто семитическими племенами. Стоя на точке зрения долихоцефальности первобытного еврея, Вайсенберг не соглашается и с возможным объяснением долихоцефалии нынешних сев. — африканских евреев тем, что, последние, явившись в страну, представлявшую, по его выражению, море длинноголового населения, растворились будто бы в этом море и превратились таким образом в евреев только по религии, а не по крови.

О прозетилизме я, со своей стороны, говорю как в моих «Евреях», так и на страницах этой статьи. Что же касается отсутствия в Сред. Европе археологических находок, которые могли бы подтвердить существование здесь еврейских поселений в до- и раннюю по-христианскую эпоху, то мне кажется, что значение этого факта

следует несколько ограничить, так как о переселениях евреев в дохристианскую эпоху — в эпоху их относительной политической независимости — и притом переселениях в столь отдаленную по тем временам страну, как Сред. Европа, вообще не может быть и речи. Начало таких переселений надо отнести к середине и к концу первого похристианского столетия, после разрушения Иерусалима Титом и вместе с тем окончательного падения политической самостоятельности евреев. Но вообще появление еврейских поселений в Сред. Европе правильнее начинать с еще более позднего времени — с последних веков древнего мира и первых Средневековья.

Как бы однако ни относиться к изложенным взглядам Вайсенберга, требующим, по его собственному признанию, для своего подтверждения еще новых исследований, надо иметь в виду, что они высказаны им в предварительной, а потому неполной обработке его материалов. Следует поэтому пожелать скорейшего появления его обстоятельного, сводного труда, обнимающего воедино все собранные им наблюдения, чем будет значительно облегчена возможность разобраться в сложной антропологической проблеме евреев, над изучением которой так неутомимо и успешно работает автор.

Перехожу к рассмотрению работ К. М. Курдова о горских евреях. В очерке антропологической литературы, приложенном к моим «Евреям» мною указывается на чрезвычайную скудость материалов о кавказских евреях. Работы К. М. Курдова таким образом значительно восполняют этот пробел. Им подробно измерено 180 дагестанских и 50 шемахинских евреев мужского пола.

По росту (1610 мм), по величине головы в вертикальной проекции (222 мм), по высоте черепа (124 мм) и наибольшему поперечному диаметру (151 мм) польские евреи значительно уступают и дагестанским, и шемахинским евреям, соответственные цифры которых таковы: 1610 и 1669, 243 и 240, 137 и 132, 158 и 157 мм; наоборот, горизонтальная окружность головы (553 мм), равно как и наибольший продольный диаметр (184 мм) отличаются у польских евреев более крупными размерами (у дагест. — 545 и 183, у шемах. — 542 и 182). Благодаря этому, оба указателя — головной (81,89) и высотно-продольный (67,17) — у них далеко ниже, чем у дагестанских (86,35 и 75,06) и шемахинских евреев (86,22 и 72,55), другими словами, последние характеризуются, сравнительно с польскими, высокой степенью брахицефалии и гипсицефалии. По размерам лица разница между польскими евреями (длина — 184, ширина — 136 мм), с одной стороны, и обеими кавказскими группами

(длина лица дагестанских евреев — 175 и шемахинских — 178 мм; ширина лица у первых — 143 и у вторых — 141 мм), с другой, заключается в том, что среди первых лицо длиннее и уже, почему и лицевой указатель их меньше (73,69, у дагест. — 81,50 и у шемах. — 79,83), т. е. представляет большую наклонность к лептопрозопии. Размеры носа (длина его у польских, дагестанских и шемахинских евреев — 56,56 и 57, ширина — 34,35 и 35 мм) и уха (длина — 63,59 и 58, ширина — 35,33 и 32) мало различаются у всех трех групп евреев. По скуловому указателю (58,37) польские евреи стоят на последнем месте, другими словами, скулы выдаются у них наименее сравнительно с дагестанскими (62,91) и шемахинскими (65,03). Окружность груди — абсолютная — ниже всего у польских евреев (830 мм, у дагест. — 896 и шемах. — 885), по относительной же (51,57) они почти совпадают с шемахинскими (51,90) и значительно уступают дагестанским (54,07). Длина руки, будучи абсолютно короткой у польских евреев (731 мм, у дагест. — 755 и шемах. — 767), относительно почти одинакова у всех трех групп (у польских — 45,55, дагест — 45,53 и шемах. — 45,98); напротив, нога, абсолютно хотя также самая короткая у польских евреев (829 мм, у дагест. — 839 и шемах. — 870 мм), по относительным размерам оказывается у них самой длинной (52,06, у дагест. — 50,59 и шемах. — 51,04). Наконец, туловище и абсолютно, и относительно всего короче у польских евреев (543 мм и 33,88, у дагест. — 686 мм и 41,35 и шемах. — 678 и 40,60). По цвету волос наблюдается значительное сходство между польскими и дагестанскими евреями, сказывающееся в равном количестве в том и другом случае рыжеволосых и в ничтожном — светловолосых особей. Такое же сходство имеет место и между польскими и шемахинскими евреями с той лишь особенностью, что среди последних совершенно отсутствуют рыжеволосые субъекты. По количеству же темных волос различие состоит в том, что среди обеих кавказских групп евреев преобладают черные волосы, между тем, как среди польских — темно-русые. Далее, по цвету глаз, рядом с преобладанием повсюду черных и карих глаз, среди польских евреев оказывается гораздо большее число серо- и голубоглазых субъектов. Соответственно с этим среди них, сравнительно с дагестанскими и шемахинскими евреями, встречается очень часто смешанный тип, хотя господствующим и там, и здесь является темный тип, у дагестанских на 30 %, у шемахинских на 15 % более частый, чем у польских.

Таким образом, признаки сходства тех и других довольно

ограничены. К. М. Курдов, характеризуя дагестанских евреев по методу А. А. Ивановского и указав на то, что все евреи, как упомянуто уже в начале нашей статьи, в классификации этого автора обособились в совершенно самостоятельную группу, находит, что исследованные им дагестанские евреи «разнятся от евреев по суммарным данным более, чем 9-ю «единицами разницы», а для некоторых отдельных еврейских групп разность эта возрастает еще больше». В виду этого автор пришел к заключению, что горские евреи Дагестана по своим физическим признакам представляют «продукт метисации, с одной стороны, с горцами Дагестана, а, с другой стороны, с каким-то еще неясно выраженным на его материале народом, несомненно только монгольской крови». Что же касается шемахинских евреев, то хотя, как видно из предыдущего, они по некоторым признакам и приближаются к польским евреям больше, нежели дагестанские, тем не менее остальные различия настолько значительны, что позволяют более или менее отнести и к шемахинским евреям всё сказанное относительно дагестанских. Несмотря на то, К. М. Курдов отмечает всё же наличность у горского еврея некоторых черт общееврейского типа: опытный глаз, по его мнению, всегда узнает горского еврея и отличит его как от его западного сородича, так и от горца.

Работы Фишберга, Вайсенберга и Курдова, благодаря обилию положенных в их основу наблюдений, значительно обогащающие антропологическую литературу о евреях, заслуживали того, чтобы на них подробнее остановиться. Все прочие работы, появившиеся за тот же период времени, потребуют для своего изложения гораздо меньше места. Но прежде считаю нужным сказать несколько слов о двух ранее вышедших монографиях — Аммона и Вирхова, которые в свое время остались для меня недоступными и поэтому не вошли в мой первоначальный очерк антропологической литературы о евреях.

Аммон, обработавший обширный материал о росте, окружности груди, головном указателе, цвете глаз, волос и кожи и отчасти о весе тела призывных и учащихся в средних школах Бадена, выделил в особую главу сведения о евреях, которых оказалось 207 призывных и 168 учащихся в возрасте от 11 до 18-ти лет. Отсутствие индивидуальных величин и некоторые особенности в обработке не позволяют провести более подробного сравнения измерений Аммона с моими над польскими евреями; поэтому я ограничусь лишь изложением тех выводов, к каким пришел автор при сопоставлении своих евреев-призывных с призывными-неевреями. Евреи, по

Аммону, отличаются большим числом особей малого роста и меньшим числом высокого; средний рост их ниже, хотя высота темени в сидячем положении несколько выше; они заметно более коротконоги. Их окружность груди на 2–3 см меньше. По форме головы среди них преобладает простая брахицефалия. Типы высшей короткоголовости отсутствуют. Средний головной указатель евреев-двадцатилеток на 0,64 ниже, чем у неевреев того же возраста. Головные диаметры несколько больше. Далее, исследование цвета глаз и волос показало, что голубые глаза встречаются среди евреев значительно реже и еще реже светло-русые волосы, белая же кожа попадается одинаково часто. Напротив, карие глаза наблюдаются наполовину чаще, черные волосы — даже в три раза чаще. Самый частый цвет глаз среди евреев — зеленый, самый частый цвет волос более, чем у половины субъектов, — черный. Сочетание голубых глаз, светло-русых волос и белой кожи, составляющие у неевреев одну четверть, достигает у евреев едва одной шестнадцатой. Последним всего более свойственно сочетание зеленых глаз с черными волосами и белой кожей, обнимающее приблизительно шестую часть всех особей. Присоединяя еще некоторые другие второстепенные особенности, Аммон следующим образом характеризует физический тип евреев, сравнительно с неевреями: первые — kleiner, kurzbeiniger, langkopfiger, dunkler, fruhreifer, haariger, bartiger, engbrustiger, leichter. Что касается взаимной зависимости роста, головного указателя и окраски волос и глаз, то в этом отношении следует отметить, что среди евреев связь между высоким ростом и долихоцефалией (т. наз. сев. — европейский тип) неясна, также отсутствует связь между малым ростом и долихоцефалией (средиземноморский тип); обнаруживается связь между высоким ростом и светлой окраской, но почти совершенно не наблюдается связи между светлой окраской и долихоцефалией. Свои выводы Аммон заканчивает указанием, что в образовании современного еврейства принимали участие как сев. — европейский тип, так и средиземноморский и еще какой-то короткоголовый тип, родство которого с альпийским типом, встречающимся среди местного населения, остается недоказанным. Неправильность в сочетаниях различных признаков доказывает, по его мнению, что смешение среди евреев началось уже в ранней древности, позднейшие же примеси оказали меньше влияния на их физический тип.

Относительно еврейских школьников Аммон пришел к аналогичным результатам, а именно они также ниже своих

христианских сверстников, обнаруживают с возрастом увеличение долихоцефалии, уменьшение числа голубых глаз и более резкое падение светло-русых волос рядом со значительным увеличением черных волос.

Как видим, выводы Аммона относительно физических особенностей данной группы баденских евреев более или менее соответствуют наблюдениям различных авторов над вост. — европейскими евреями. Что же касается генезиса типа евреев, то материалов Аммона слишком недостаточно для решения такого вопроса; для этой цели необходимы не только более многочисленные наблюдения, но и сравнительно-антропологическая обработка их должна быть проведена более подробно, чем это сделано самим автором. Гораздо шире поставлена задача антропологического исследования зап. — европейских евреев в работе Вирхова, посвященной вопросу о распространении цвета глаз, волос и кожи среди населения Германии и основанной на громадном материале, собранном по почину Берлинского Антропологического Общества над учащимися в немецких средних школах.

Число обследованных учащихся составляло без малого семь миллионов (6 758 827), из которых евреев (75 377) оказалось свыше 75 тысяч или 1,1 %. Группировка тех и других по цвету волос, глаз и по взаимным сочетаниям этих признаков такова:

	Все вместе	Евреи
Светлорусые **волосы**	68%	32%
Темнорусые	29%	54%
Черные	2%	12%
Рыжие	0,25%	0,42%
Голубые **глаза**	40%	19%
Карие	27%	52%
Серые	33%	27%
Белая **кожа**	92%	74%
Смуглая	8%	24%
Блондины	32%	11%
Брюнеты	14%	42%
Смешанный тип	54%	47%

Прежде всего обращают на себя здесь внимание обратные отношения в степени окраски наружных покровов среди евреев, с одной стороны, и среди всего населения — с другой. Так, у еврейских школьников брюнетов почти в четыре раза более, чем блондинов, между тем как во всем населении, напротив, брюнетов в два с четвертью раза менее, нежели блондинов. Далее, брюнетов среди евреев втрое более, чем среди всего населения; кроме того, в то время, как среди первых почти столько же брюнетов, сколько и смешанного типа, среди последнего брюнетов в четыре раза меньше, нежели субъектов смешанного типа. Что же касается блондинов, то таковых среди евреев почти в три раза меньше сравнительно с количеством их среди всего населения. По отношению к смешанному типу блондинов-евреев менее четверти, между тем как среди всего населения блондинов больше половины особей смешанного типа.

При 11 % блондинов светловолосые составляют среди евреев 32 %, светлоглазые — 46 %; с другой стороны, при 42 % брюнетов у них оказывается 66 % темноволосых и 52 % кареглазых. Излишек в том и другом случае, комбинируясь между собой, образует смешанный тип, и в следующей табличке представлена частота той

или иной окраски волос и глаз среди особей этого типа:

Голубые глаза	17%
Карие	21%
Серые	58%
Светлорусые волосы	45%
Темнорусые	46%
Черные	5%
Рыжие	1%

Из этой таблички нетрудно усмотреть, что в группе евреев смешанного типа на 75 % светлоглазых и 45 % светловолосых приходится только 21 % темноглазых и 51 % темноволосых; другими словами, данная группа еврейского населения Германии унаследовала в значительно большей степени элементы светлого типа, нежели темного.

Как уже сказано, материал, обработанный Вирховым, был собран среди малолетнего населения, т. е. среди особей с незаконченным еще развитием teint'a наружных покровов. По этому поводу Вирхов отмечает, что в то время, как цвет глаз становится постоянным уже на втором году жизни, потемнение волос идет гораздо медленнее и продолжается годами; постоянная окраска их наступает нередко после периода зрелости. Сопоставляя на своем материале школьников моложе 14-ти лет со школьниками старше этого возраста, он пришел к заключению, что 15 % блондинов впоследствии темнеют за счет увеличения пигмента в волосах. Если внести эту поправку в приводимые выше соотношения, то окажется, что среди немецких евреев в позднейшем возрасте можно констатировать 71 % темноволосых (у школьников — 66 %) против 72 % (у школьников — 31 %) для всего населения. Я в свое время, при суммировании различных данных о евреях, нашел среди них соответственную величину несколько большую, а именно 79 % темноволосых, что, без сомнения, объясняется в значительной степени влиянием более старшего возраста субъектов, подлежавших моей обработке.

Вирхов касается также вопроса о территориальных различиях типа евреев в пределах Германии. Составленная им для этой цели нижеследующая табличка показывает, что брюнетический тип среди евреев уменьшается в меридиальном направлении и отчасти еще в

направлении с севера на юг; колебания же светлого типа не везде совпадают с колебаниями темного.

	Темный тип	Светлый тип
Пруссия	43%	11%
Гессен	42%	11%
Баден	42%	10%
Бавария	40%	10%
Эльзас-Лотарингия	35%	14%

Оценивая значение найденных 11 % блондинов-евреев, Вирхов не признает эту величину достаточной для подтверждения существования белокурого вариэтета среди евреев. Он считает, далее, необходимым отличать светло-русоволосых евреев от полного белокурого типа: первые составили у него 32 % (24 154 суб.), последние — только 11 % (8421 суб.), т. е. едва одну треть; если принять еще во внимание, что к настоящему брюнетическому типу принадлежали 42 % (31 673 суб.) еврейских школьников, то едва ли можно, по мнению Вирхова, признавать равноценными оба типа. Вообще Вирхов, по-видимому, отрицает существование двух первоначальных типов евреев. Он указывает на то, что некоторые сторонники такого взгляда, как Фогт и Маурер, пользуются для своих заключений физиономическими или мимическими признаками, которые обусловливаются социальными и культурными влияниями и имеют большое значение для различия отдельных индивидов или целых групп, но не могут быть поставлены на место соматических признаков. Происхождение же белокурых евреев Вирхов объясняет смешением семитов с аллофильными белокурыми племенами.

В заключение приведу мнение Вирхова о рыжих волосах, большая частота которых среди евреев подтверждается также и на его громадном материале и которые всецело отнесены им к смешанному типу. Он не считает возможным выделять их в группу светлых волос: из 319 рыжеволосых еврейских школьников только 85 имели голубые глаза и белую кожу, то есть принадлежали к белокурому типу; 152 имели карие глаза и 80 — серые.

Ознакомившись с монографиями Аммона и Вирхова и возвращаясь к работам последнего десятилетия, мне остается рассмотреть только работы Ю. Д. Талько-Гринцевича по

антропологии еврейских и христианских детей на Украине и Р. Л. Вейнберга о мозге евреев.

Материалом для Ю. Д. Талько-Гринцевича послужили измерения 181 христианских и 112 еврейских детей в возрасте от двух до 16-ти лет, произведенные им в 1887–1888 гг. в Уманском и Звенигородском уездах Киевской губ. Схема измерений та же, какой следовал автор во всех своих прежних работах по антропологии взрослого населения. Не останавливаясь более подробно на этой новой работе Талько-Гринцевича, я приведу группировку исследованных им детей по типам цветности сравнительно со взрослыми этого района, измеренными им же:

	Евреи		Украинцы	
	Дети	Взрослые	Дети	Взрослые
Блондины	43 или 38%	141 или 16%	87 или 48%	891 или 33%
Брюнеты	25 или 22%	456 или 53%	17 или 91%	534 или 20%
Смешанный тип	44 или 39%	272 или 31%	76 или 42%	1194 или 46%

Из этой таблички видно, что блондинов среди еврейских детей всего в полтора раза с лишним более, нежели брюнетов, между тем как среди христианских детей блондинов почти в пять с половиной раз больше, чем брюнетов. Эти соотношения не согласуются с приведенными выше данными Вирхова, по которым уже среди еврейских школьников брюнеты значительно преобладают над блондинами, что у Тал. — Гринцевича имеет место лишь среди взрослых. Следует, однако, иметь в виду, что подавляющее число детей, исследованных Тал. — Гринцевичем, было в возрасте от 6 до 13 лет; у Вирхова же немалое количество школьников — старше этих лет. Далее отметим, что на Украине еврейские дети имеют брюнетов в два с половиной раза более, нежели христианские, и, странным образом, таковы же отношения в количестве брюнетов, по Тал. — Гринцевичу, и среди взрослых той и другой группы местного населения. Однако, по количеству блондинов наблюдаются уже большие колебания в зависимости и от возраста, и от происхождения: так, в то время, как у детей-евреев только на одну пятую меньше блондинов, чем у детей-христиан, взрослые евреи дали блондинов вдвое меньше, чем христиане. Подобные же различия имеют место и в количестве субъектов смешанного типа. Таковых среди детей почти одинаково как у евреев, так и у христиан. Но взрослые евреи имеют особей смешанного типа уже в полтора раза менее, чем взрослые

христиане. Отмечу еще на основании этой работы Тал. — Гринцевича степень потемнения волос в зависимости от возраста. Среди христиан это явление слабо выражено, но для евреев получаются следующие цифры: к 16-ти годам среди них на 77 % светловолосых приходится 23 % темноволосых; у взрослых же число первых понижается до 40 %, т. е. светловолосых становится почти вдвое меньше, а число последних поднимается до 60 %, то есть темноволосых становится слишком в два с половиной раза больше. Что касается цвета глаз, то из материалов Тал. — Гринцевича оказывается, что в старшем возрасте как среди евреев, так и среди неевреев наблюдается больше светлых глаз и меньше темных, чем в младшем. Это обстоятельство требует, однако, проверки, так как оно противоречит свидетельству такого авторитетного антрополога и анатома, как Вирхов.

Исследования Вейнберга о мозге евреев представляют собой одну из немногих еще работ этого рода. Наиболее видным предшественником его в этом направлении был Н. В. Гильченко, сделавший взвешивания 23-х еврейских мозгов. При этом оказалось, что средний вес мозга евреев равен 1336,7 грамма (средний рост этих же субъектов — 1663 мм, средняя величина горизонтальной окружности головы — 545 мм, средний возраст — 32,65 л.); наибольший вес мозга составлял 1569,7 грамма у 22-летнего субъекта роста 1688 мм, наименьший же вес — 1134,6 грамма у 56-летнего субъекта роста 1625 мм. На основании полученной средней и рядового расположения индивидуальных взвешиваний Н. В. Гильченко делает заключение, что «евреи вообще обладают небольшим по весу мозгом». Р. Л. Вейнберг дополнил наблюдения Гильченко шестью новыми взвешиваниями своими и Вейсбаха и нашел средний вес мозга евреев в 1320,4 грамма, т. е. почти на 29 граммов ниже среднего веса мозга европейцев (1350 граммов). В число этих 29-ти мозгов вошли один женский, один малолетний и 4 мозга старше 50-ти лет. Если исключить эти мозги из общей суммы, то получается новая средняя — 1334,5 грамма, несколько выше предыдущей, но всё же не достигающая указанного среднего веса мозга европейцев. Р. Л. Вейнберг сообщает далее сведения об емкости 14-ти еврейских черепов, давших среднюю величину ее в 1421 куб. см, что также на 30–70 куб. см ниже средней емкости черепа, принятой для Европы. Автор, однако, не считает на основании этих данных доказанным факт малого веса мозга евреев; для этого подлежащий материал — количество и мозгов, и черепов — недостаточен. Против того же вывода говорят еще и некоторые другие

соображения. Так, в виду низкого роста евреев оказывается, что, несмотря на абсолютно меньший вес их мозга, количество его, соответствующее одному сантиметру роста — 8,05 грамма, мало, напр., уступает подобной же величине, определенной Ретциусом для германской расы, у которой на единицу длины тела в лучшем случае падает 8,22 грамма мозгового вещества. Исходя далее из того, что горизонтальная окружность головы до известной степени характеризует собой и величину мозга, Р. Л. Вейнберг, на основании многочисленных литературных данных, сопоставляет этот размер у евреев и неевреев и констатирует при этом некоторое преобладание его у первых сравнительно с последними.

Кроме всего мозга, Р. Л. Вейнберг на своей коллекции еврейских мозгов, состоявшей из трех экземпляров, весьма подробно изучил характер и направление борозд и извилин и открыл на поверхности этих мозгов ряд очень редких и своеобразных особенностей. На одном мозгу он нашел слияние обеих Роландовых борозд своими нижними концами с Сильвиевой щелью, особую поперечную борозду на поверхности теменной доли правого полушария, свободное окончание затылочно-теменной и шпорной борозд на внутренней поверхности левого полушария и поверхностное положение ножки клина там, где эти две борозды обыкновенно сливаются между собой. На другом мозгу им отмечены перерыв левой шпорной борозды и отчасти также правой и направление верхней височной борозды в виде непрерывной щели на обоих полушариях, между тем, как обыкновенно она, по крайней мере, на одной стороне подвергается типичному перерыву. Последний мозг отличался тем, что Роландова борозда оказалась у него прерванной одновременно на обоих полушариях; далее, обращали на себя внимание присутствие на его поверхности «перехода т. наз. восходящей ветви верхней височной борозды в постцентральную борозду» и почти полное отсутствие на левой стороне нижней лобной извилины; затем, на нем же имел место своеобразный характер правой обонятельной щели, задний конец которой подвергался вилообразному расщеплению. Таковы главнейшие особенности и уклонения в конфигурации борозд и извилин трех еврейских мозгов, изученных Р. Л. Вейнбергом, — уклонения, которые, в виду очень малого числа объектов и совершенного отсутствия аналогичных контрольных наблюдений, не позволяют еще делать из них какие-либо обобщающие выводы. Довольно подробная сравнительно-анатомическая и антропологическая оценка всех особенностей, найденных на этих

мозгах, дана самим автором, и, благодаря ее исчерпывающему характеру, я позволю себе привести ее здесь. «Некоторые из этих особенностей, — говорит он, — характеризуются, как явления явного возврата к животному типу развития мозга. Другие напоминают собой устройство, чаще всего наблюдаемое у низших человеческих рас (расовые варианты). Третьи, наконец, представляют собой явления чисто индивидуального характера, но наблюдаемые необычайно редко. К категории последних, по всей вероятности, принадлежат и такого рода варианты, как перерыв шпорной борозды, развитие на обоих полушариях цельной верхне-височной борозды (левая почти всегда бывает прервана у человека), переход средней височной борозды в постцентральную и проч. Всё это такие варианты, которые не принадлежат к обыкновенному рисунку мозговой поверхности, и относительно которых мы пока не знаем с положительностью, насколько они являются чисто индивидуальными образованиями и насколько они могут служить для характеристики тех или иных рас человечества. Известное отношение к племенным особенностям можно было бы приписывать и наблюдавшейся нами на одном из вышеописанных наших еврейских мозгов своеобразной форме обонятельной борозды, если бы та же особенность не была констатирована нами уже ранее у других рас, напр., у латышей. Вообще мы должны воздержаться пока от толкования описанных в настоящей статье вариантов в смысле особенностей, так или иначе характерных для еврейской расы, такое заключение было бы слишком поспешно и представлялось бы понятным лишь с точки зрения таких исследователей, которые, во что бы то ни стало, стремятся открыть расовые особенности всюду, где только к тому представляется случай. Относясь критически к наблюдаемым фактам, мы должны убедиться, что одно доказательство тех или иных особенностей формы скелета или других органов тела само по себе имеет небольшое значение. Факт наличности некоторых особенностей формы становится многозначительным лишь тогда, когда последние оказываются обладающими известным постоянством, одним словом, в случае их типичности для той или другой группы или расы человечества. А пока степень постоянства или типичности известного явления еще не установлена достаточно определенно, — заключает Р. Л. Вейнберг, — мы не имеем основания говорит об отношении его к организации целой расы».

Работами Р. Л. Вейнберга о мозге евреев мы можем закончить рассмотрение одной группы трудов, появившихся за указанный

период времени и обогативших антропологию евреев новыми материалами, касающимися их соматических особенностей, и перейти далее к изложению другого ряда исследований, задающихся целью разобраться критически в господствующих воззрениях на антропологический тип евреев и высказать попутно другой, более обоснованный взгляд.

На заключительных страницах моих «Евреев» я изложил взгляды различных ученых на прошлое антропологического типа евреев, на его генезис. И мне пришлось отметить существование двух взаимно противоположных взглядов. Именно, я закончил свою книгу указанием на то, что одни ученые «совершенно отвергают антропологическое единство евреев и считают их продуктом непостоянных, изменяющихся условий исторической жизни», другие стремятся, напротив, доказать, что «евреи, далеко не являясь представителями чистых семитов, образуют тем не менее довольно однородную антропологическую группу». В течение периода, истекшего со времени написания этих строк, спор этот продолжался и вращался, главным образом, вокруг теории Лушана, изложенной уже в моем труде, — теории, которая под давлением новых данных и более всесторонних исследований значительно потеряла в своей стройности и, по-видимому, обречена еще на дальнейшее изменение своих положений, а, может быть, даже и на полное их крушение. Уже сам автор ее в статье «Zur physischen Anthropologie der Juden», лишает свою теорию известной доли достоверности. Так, он уже без прежней настойчивости говорит здесь о связи белокурого элемента среди современных евреев с древними аморитами, пришельцами с севера, но требует новых статистических данных для выяснения этого вопроса. Однако более подробному разбору теория Лушана была подвергнута Ауэрбахом, причем этот автор поставил своей задачей доказать несостоятельность ее по многим пунктам.

Во введении к своей статье Ауэрбах высказывается, что на протяжении т. наз. исторического периода евреи почти не подвергались никаким смешениям, что они представляют собой на всём земном шаре довольно однообразную расу; она неоднородна, как неоднородны и все прочие культурные расы, но различия, которые свойственны ей в какой-нибудь одной стране, более или менее те же самые, что и в любой другой стране. Евреи, по мнению автора, представляют собой яркий пример преобладающего влияния наследственности, сравнительно с приспособлением, в целях сохранения племенных особенностей. В результате таких

предпосылок он считает необходимым выяснить, действительно ли евреи в течение исторического периода не испытали сколько-нибудь заметного смешения, можно ли, далее, доказать наличность более глубоких смешений в доисторическую эпоху и, наконец, как следует себе представить первичную расу евреев.

При оценке влияния на антропологический тип евреев смешения с окружающим населением решающее значение имеет вопрос о том, насколько часты смешанные браки между евреями и неевреями, а, в особенности, в каком направлении развивается потомство от этих браков. Статистические данные для Германии, которые более или менее могут служить показателем и для других стран, свидетельствуют, что в названной стране смешанные браки среди евреев составляют в настоящее время одну шестую часть чистых, несмешанных еврейских браков; такой процент довольно значителен и должен был бы по справедливости считаться роковым для немецкого еврейства. И, действительно, так было бы, если бы столь сильное инокровное влияние распространялось в ряду ближайших поколений вширь и вглубь. На самом же деле из всего потомства, происходящего от упомянутого количества браков между евреями и неевреями, только одна десятая часть остается в лоне еврейства; другими словами, этим путем инокровное смешение простирается всего лишь на $^{1}/_{60}$ всех немецких евреев. Эта пропорция, сама по себе не ничтожная, понижается еще более, если оглянуться на 20 лет назад, когда смешанные браки среди евреев были вдвое реже сравнительно с настоящим, между тем как уменьшение всего еврейского населения Германии в такой же пропорции наблюдается значительно раньше, именно при восхождении назад на втрое больший период, т. е. за 60 лет или почти к началу 19-го столетия. Продолжая еще далее подниматься назад во времени, находим отношения всё более незначительные, которые на протяжении средних веков сводятся почти на нет, а для евреев период Средневековья можно считать вплоть до французской революции: если и встречались единичные примеры смешанных браков, то дети от такого брака уже ни в коем случае не оставались евреями. Правда, можно указать на два-три случая, где, по-видимому, имело место действительное смешение евреев с неевреями. Это, во-первых, — арабско-испанская эпоха. Благоприятное правовое и экономическое положение евреев в Испании во времена арабского владычества, их деятельное участие в общественной жизни страны могло бесспорно содействовать смешанным бракам между ними и прочим местным населением, хотя

положительные указания довольно скудны. Ауэрбах однако указывает на то, что евреи этой эпохи, в противоположность своим современным эпигонам, сами не обнаруживали склонности к оставлению своей племенной обособленности. Еще меньше значения следует приписывать другому, часто повторяемому историческому факту, свидетельствующему об обращении будто бы целого хазарского племени в еврейство. Вопреки мнению Икова, Ауэрбах считает достоверным только, что хазарский царь вместе с некоторыми своими приближенными принял иудейство, массового же смешения с евреями здесь не могло быть в виду ограниченного количества самих евреев в этих областях; далее, и хазары, по разрушении их царства, всецело примкнули к караимству. Оспаривает, наконец, автор и то объяснение, которое прилагают многие исследователи к издававшимся в Средние века указам о запрещении браков с евреями. Он видит в этих указах не доказательство того, что такие браки действительно происходили, но лишь одно из многих проявлений фанатической вражды к евреям. Таковы соображения автора, которые приводят его к заключению, что «евреи в течение всего Средневековья до начала 19-го столетия сохранили в абсолютной чистоте свою расу».

Иные были отношения, существовавшие в римско-эллинскую эпоху, обнимающую последние века до Р. Х. и первые по Р. Х. Различные источники согласно свидетельствуют о том, что в это время среди евреев был широко развит прозетилизм. Но этот период продолжался сравнительно недолго, и те расовые элементы, которые, благодаря временному процветанию прозелитизма, приникли в среду тогдашних евреев, не могли значительно видоизменить тот антропологический тип их, который они унаследовали на своей старой родине, в Палестине.

Ко времени появления евреев в этой стране последняя была заселена племенами как семитического, так и несемитического происхождения. Допуская смешение с первыми, Ауэрбах относится критически к вопросу о влиянии несемитических племен Палестины и соседних с ней областей на антропологический тип евреев. В этом отношении он останавливается подробнее на хеттитах и аморитах, как имеющих преобладающее значение в современных теориях об антропологическом прошлом евреев.

Хеттитам, как известно, приписывается происхождение брахицефалии среди современных евреев. Принимая во внимание, что последние представляют собой около 80 и более процентов брахицефалов, следует ожидать, что и предполагаемые производители

такого подавляющего количества короткоголовых должны были быть также представлены в соответственном же количестве; между тем исторические данные, приводимые Ауэрбахом, совершенно не подтверждают этого. Царство хеттитское находилось уже в состоянии упадка ко времени вторжения евреев. Оно, по библейским известиям, подтверждаемым и новейшими археологическими раскопками, простиралось к северу от Палестины, занимая область Сирии, так что палестинские хеттиты, относительно которых высказываются даже сомнения в тождестве их с сирийскими и которые только и могут быть приняты в расчет при смешении с евреями, представляли лишь небольшую южную часть, отколовшуюся от главного северного ядра. Если бы хеттитам, действительно, принадлежала выдающаяся роль в образовании еврейского народа, как можно думать по теории Лушана, то это выразилось бы в более частом упоминании о них в Библии; однако там о хеттитах говорится не больше, чем о прочих ханаанских племенах, кроме того, необходимо иметь в виду, что нынешние евреи являются потомками двух колен, Иудина и Вениаминова. Остальные десять колен Израилевых жили севернее, составляя как бы естественный барьер, служивший значительным препятствием для смешения первых с хеттитами. Известно далее, что обе ветви, на которые разделились древние евреи, — царство Израильское и царство Иудейское — состояли между собой в постоянной вражде, доходившей до полного запрещения браков между ними. По разрушении же ассириянами Израильского царства, последнее унесло с собой и то большее или меньшее количество хеттитской крови, протекавшей в жилах древних евреев, едва ли много оставив ее на долю их современных потомков. Оспаривает также Ауэрбах правильность отнесения хеттитов к брахицефалам на основании рельефных изображений только в профиль, как поступает Лушан: если даже художник и точно передал пропорции черепа, то отсутствие представления о ширине не позволяет судить о величине головного указателя, который может колебаться в очень широких пределах при одной и той же длине черепа. Наконец, еще и следующее обстоятельство говорит против хеттитского влияния на евреев. Армяне, с которыми Лушан сближает хеттитов, — гипербрахицефалы, между тем, как евреи, по данным различных авторов, оказываются хамебрахицефалами; тут наблюдается, следовательно, коренная разница в конфигурации еврейского черепа и гипотетического хеттитского.

Другим этническим элементом, вошедшим в состав древних

евреев, являются, по теории Лушана и его последователей, амориты, в которых желают видеть представителей светловолосого, голубоглазого, длинноголового и высокорослого германского типа. Однако имеющиеся данные не позволяют, как думает Ауэрбах, судить с такой определенностью о физических признаках этих предполагаемых производителей евреев-блондинов нашего времени. Долихоцефалия хеттитов не может быть вполне достоверной, так как она, подобно брахицефалии хеттитов, определяется только по изображениям в профиль. Далее, и светлая пигментация аморитов может подлежать некоторому сомнению в виду той неясности, с какой древние египтяне разбирались в окраске наружных покровов различных представителей современных им народов. Кроме того, и Флиндерс-Петри, со своей стороны, определяет цвет волос аморитов термином «red-brown», что также не вполне соответствует белокурому оттенку. Рядом с этим имеющиеся исторические известия далеко не отличаются богатством положительных указаний на смешение евреев с аморитами. Последние, распространенные в свое время по всей Палестине и особенно компактной массой жившие в южной части ее, совершенно не упоминаются Библией со времени завоевания Палестины евреями. Единичные упоминания о белокурых евреях еще не свидетельствуют о смешении евреев с аморитами, так как в подлежащих местах Библии говорится только о красных или рыжих волосах, что едва ли тождественно с белокурыми волосами аморитов, если только последние, действительно, отличались этим признаком.

Таким образом, в виду отсутствия положительных доказательств, следует, по мнению Ауэрбаха, относиться с большой осторожностью к вопросу о влиянии аморитов на антропологический тип евреев. К этому обязывают и некоторые цифровые данные о частоте различных физических признаков среди современных евреев. Так, незначительный процент долихоцефалов среди последних уже говорит за неглубокое смешение их с аморитами, особенно, если иметь еще в виду, что в этот же процент входят и продукты позднейшего смешения евреев с длинноголовыми арабами. Далее, число светловолосых и светлоглазых евреев совершенно не параллельно количеству долихоцефалов, несоизмеримо малому, сравнительно с первым, между тем как в действительности должно было бы быть наоборот. Долихоцефалия евреев, сложившаяся из длинного черепа индогерманцев-аморитов и длинного же черепа семитов, должна бы отличаться значительно более сильным ритмом, нежели светлая пигментация волос и глаз, являющаяся, согласно

разбираемой теории, продуктом скрещения двух противоположных факторов: светлой комплексии аморитов, с одной стороны, и темной комплексии хеттитов и семитов — с другой. Оказывается, стало быть, трудно приемлемым и толкование Лушана об индогерманском источнике происхождения долихоцефалии и белокурости современных евреев. Ауэрбах поэтому не без основания отмечает чрезмерный схематизм, присущий теории Лушана и основанный на предположении, что евреи унаследовали брахицефалию от хеттитов, а от аморитов — длинноголовых блондинов — только бедность пигмента в окраске волос и глаз, как будто известная народность, вопреки законам наследственности, по своему произволу выискивает наследуемые ею и характеризующие ее физические признаки.

Изучение этнических влияний в Палестине в эпоху появления и пребывания там евреев не дает, следовательно, сколько-нибудь определенного ответа на вопрос о генезисе их антропологического типа. Мало разъясняется этот вопрос и справкой о доисторическом периоде, о периоде первоначальных семитических переселений. Основанные лишь на одних гипотезах, сведения об этом периоде весьма скудны. По теории Кремера и Гоммеля, опирающейся на ряд сравнительно-лингвистических сопоставлений и разделяемой Ауэрбахом, древнейшие поселения семитов следует искать в Средней Азии к западу от Памира. Отсюда семиты компактной массой двинулись через Иран, южную Армению и Мидийские горы в долину Месопотамии, где с течением времени разделились на отдельные племена. Благодаря этому, первоначальный общий миграционный поток распался на несколько самостоятельных течений: одно проникло далее к юго-востоку, в плодородную страну Двуречья и, покорив первобытное несемитическое население — сумерийцев, аккадицев и эламитов, явилось носителем ассиро-вавилонской культуры; другое прошло к югу и заняло обширные и замкнутые со стороны Азии горами, а со стороны Африки горами и морем равнины Аравии; наконец, третье направилось на запад и образовало собой ханаанитские народности, финикиян и евреев. Однако все эти миграционные волны прасемитов не проливают много света на антропологический характер евреев. Господствующий в этом отношении взгляд, поддерживаемый также Лушаном, состоит в том, что прасемиты представляли длинноголовую расу, каковой признак они утратили под влиянием смешений с короткоголовыми иранцами и армянами, обитавшими на пути их миграции. С этим взглядом, противоречащим теории Кремера и Гоммеля, Ауэрбах не соглашается;

скорее следует, как он думает, усомниться в том, действительно ли прасемиты отличались долихоцефалией. И в самом деле, с одной стороны, современные евреи почти в 90 % являются настоящими брахицефалами или близкими к таковым; попытка же рассматривать это обстоятельство, как продукт смешения с короткоголовым арменоидным типом, опровергается вышеизложенными соображениями. С другой стороны, вавилоняне, ассирийцы, финикияне, арабы и евреи отличаются многими общими чертами, выражающимися в их изображениях, в их языке, преданиях, архитектурных памятниках, в их основных религиозных формах. Принимая всё это во внимание, Ауэрбах решается высказать гипотезу, что прасемиты были короткоголовыми или обладали наклонностью к брахицефалии; этим самым легко и просто объясняется, откуда взялось среди евреев 80 % короткоголовых; остальные же 20 % средне- и длинноголовых можно рассматривать, как результат смешения с теми или другими этническими группами — египтянами, аморитами, арабами. Коснувшись последних — длинноголовых арабов, цитируемый автор указывает прежде всего на то, что антропологические измерения арабов произведены в несравненно меньшем количестве сравнительно с евреями, да и аутентичность этого материала, особенно краниологического, часто подлежала сомнению. Но еще важнее вопрос, кого — арабов или евреев — следует считать более близкими к прасемитам. Ауэрбах не видит оснований считать таковыми арабов: ведь и они, насколько известна их история, также немало странствовали и подвергались многочисленным этническим влияниям в Египте и на вост. — африканских берегах, на побережье Персидского залива и, наконец, со стороны различных сирийских племен. Современных бедуинов Лушан признает, правда, непосредственными потомками древних семитов. Для подтверждения этого он, между прочим, указывает на сходство финикийских черепов с черепами современных бедуинов, но измерения Ломброзо семи финикийских черепов констатировали присутствие среди них одного брахицефала и трех мезоцефалов. Упоминая об этом, Ауэрбах добавляет, что при переводе на живых эти семь черепов дали бы только двух с указателем ниже 75, трех мезоцефалов, из которых один был бы на границе брахицефалии, и двух резких брахицефалов. Что же касается физиономических черт, а в особенности формы носа, резко отличающей, по Лушану, евреев от бедуинов и являющейся у него решительным поводом для отнесения евреев к арменоидному типу, то Ауэрбах, пользуясь известными уже

цифровыми данными о распространении среди евреев различных форм носа, отмечает, что арменоидный тип далеко не самый частый среди них и совершенно не может считаться столь же постоянным признаком, как и короткий череп. Вместе с тем Ауэрбах указывает на присутствие среди евреев целого ряда физиономических типов, появление которых нетрудно объяснить влиянием разнообразных условий среды, постоянно меняющейся на протяжении их многократных переселений. Среди этих типов не последнее место занимает и настоящий семитический, приближающийся к типу арабов-бедуинов и к изображениям древних ассирийцев; знатоки Палестины утверждают, что там нередки случаи смешения по наружности евреев с арабами.

В заключительной части своей статьи Ауэрбах еще раз несколько подробнее останавливается на вопросе о происхождении блондинов-евреев. Отрицая связь их с аморитами на основании своих предшествовавших рассуждений и указывая на значительную неправильность в распространении белокурости среди евреев, он считает этот признак явлением вторичного характера, подверженным поэтому широким вариациям и развивающимся в значительной степени под влиянием полового отбора. В итоге всего хода своих мыслей Ауэрбах делает тот вывод, что евреи не представляют собой смешанной расы kat exochen, по выражению одного автора, но, напротив, остаются относительно чистой расой, настоящей Inzucht-rasse, т. е. развившейся под исключительным влиянием внутриплеменного подбора.

Статья Ауэрбаха вызвала со стороны профессора Лушана возражения, которые помещены в том же выпуске «Archiv fur Rassen- und Gesellschafts-Biologie» и сводятся к следующему. Лушан, отдавая справедливость историческим разысканиям Ауэрбаха, считает все-таки доказанным на основании как своих продолжительных исследований, так и новейших открытий Винклера, что до середины второго дохристианского тысячелетия, Пер. Азия, т. е. Мал. Азия и вся Сирия, была заселена многочисленным, совершенно однородным племенем хеттитов. Это были люди брюнетического типа, обладавшие крупным носом и весьма коротким и высоким черепом с очень плоским, точно срезанным затылком. Тип этих древних передне-азиатов, названный Лушаном арменодиным, лучше всего сохранился среди нынешних армян. Что же касается их рельефных изображений в профиль, то, в виду значительной короткости и высоты последнего, всем этим древним изображениям должна быть свойственна, по

мнению Лушана, и большая ширина головы, ибо узкие размеры ее при этих условиях представляли бы собой патологическое явление. В объяснении происхождения белокурых евреев Лушан присоединяется к тем ученым, которые приписывают их появление смешению с окружающим населением, хотя он не отвергает совершенно и толкования Ауэрбаха, но, в противоположность последнему, он отрицает возможность особого еврейского типа или расы и признает только существование самостоятельной еврейской религиозной общины.

В своем кратком ответе на эти возражения Ауэрбах указывает, что арменодиное население Сирии и Мал. Азии не входило в рамки его обзора, так как миграционная волна той соматической ветви, которая дала евреев, остановилась в Палестине и никогда не достигала северной Сирии, благодаря чему влияние хеттитов могло быть только поверхностным, а что брахицефалия евреев иная, нежели армян, видно из данных самого проф. Лушана, по которым армяне отличаются головным указателем выше 85, между тем как головной указатель евреев колеблется между 80 и 85.

Ауэрбах, как видим, своим анализом исторических данных значительно поколебал воззрения Лушана. С другой стороны, однако, считая прасемитов короткоголовыми и, как таковых, непосредственными родоначальниками брахицефалии современных евреев, он тоже дает довольно спорное объяснение происхождения этого признака, так как пока еще едва ли может быть доказана брахицефалия первобытных семитов.

Еще более подрывает теорию Лушана Вайсенберг своими измерениями, произведенными среди населения Палестины и изложенными мной выше. Оказывается, что не только туземные евреи, но и в особенности автохтонное население Палестины, в лице современных феллахов и самаритян, является преимущественно длинноголовым, чего, по мнению автора, не могло бы быть, если бы, согласно Лушану, решающая роль в образовании населения Палестины принадлежала короткоголовым хеттитам. Вместе с тем, Вайсенберг мог отметить на том же материале совершенное отсутствие блондинов, что также противоречит учению Лушана, относящего происхождение блондинов среди современных евреев к отдаленной древности и считающего производителями их белокурых амoритов.

Если таким образом исследованиями Вайсенберга и Ауэрбаха выясняется, что хеттито-аморитская теория Лушана о происхождении

евреев не вполне удовлетворяет своему назначению, то вместе с тем нуждается в проверке и другое выше цитированное мнение Лушана, что евреи не образуют определенного антропологического типа, но составляют лишь религиозную общину людей, вступавших в нее из среды окружающего населения Европы, — мнение, которое неоднократно высказывалось и ранее. В свое время настойчиво проводил этот взгляд Ренан. Несколько позднее в таком же смысле выразился и Топинар. Из новейших сторонников того же взгляда можно назвать Гольдштейна, на статье которого, несмотря на ее небольшие размеры, нелишним будет остановиться, особенно в виду того, что для подтверждения своей мысли автор прибегает к новому доводу, до него, кажется, мало обращавшему на себя внимание исследователей.

Гольдштейн прежде всего низводит до ничтожной степени влияние ханаанских выходцев на происхождение современных европейских евреев; своим появлением последние обязаны преимущественно прозетилизму, бывшему широко распространенным в первые периоды христианства. Но и допуская наличность ограниченного числа еврейских семейств, которые по торговым или иным интересам переселились из древней Иудеи в разные места Европы и других частей света, следует всё же иметь в виду, что эта горсть представителей древних евреев никоим образом не могла иметь своим потомством всё нынешнее еврейское население Европы. Надо помнить, что все эти выходцы проживали исключительно в городах, что они подвергались всяким экономическим и политическим ограничениям, а часто и преследованиям, а при таких условиях живучесть их поколений не могла быть долговечной. И для доказательства Гольдштейн ссылается на результаты статистического обследования дворянских родов Швеции В этой стране с 1626 г. по 1890 г. было возведено в дворянство 2890 родов; из этого числа к январю 1896 г., по официальным данным, существовало только 802 рода, т. е. целых 2088 или 72 % вымерло, причем более пострадало городское дворянство сравнительно с земельным. Статистика дворянских фамилий в некоторых немецких и других городах также свидетельствует об относительно скором их вымирании именно в городах. Так, в Аугсбурге в 1368 г. была 51 дворянская фамилия, в 1468 г. — 13, а в 1538 г. из них осталось всего 8; в этом году, вследствие недостатка дворян для выборов в местный совет, были возведены в дворянство 42 новых лица, но тем не менее уже в 1649 г. число всех дворян в том же Аугсбурге понизилось до 28, из которых

немногие сохранились до настоящего времени, благодаря только тому, что перешли в ряды земельного дворянства. В Нюрнберге в 1490 г. насчитывалось 112 дворянских фамилий, из которых только 49 могли похвалиться столетним существованием. В Любеке некогда многочисленные и влиятельные патрицианские роды все вымерли: их последний представитель сошел в могилу в 1848 г. В Мюльгаузене в 1552 г. было всего 629 дворянских фамилий, из которых к настоящему времени сохранились только 152 или едва 25 %; из этих последних лишь 46 ведут свое происхождение с того же 1552 г., между тем как 18 вступили в это сословие в XVI столетии, 82 — в XVII и 6 — в XVIII. Опираясь на подобные данные, Гольдштейн и утверждает, что учение, будто миллионы современных евреев произошли от немногочисленных рассеявшихся из древней Иудеи еврейских родов, является сплошным заблуждением. Откуда же шла еврейская колонизация в Европу? Другими словами, где же собственно родина современных евреев? Этот вопрос автор цитируемой статьи считает равносильным вопросу о том, откуда появились и сами христиане; и как разнообразен антропологический тип последних, так же далеки, по его мнению, от соматического единства и евреи.

Таково, по Гольдштейну, решение задачи, формулированной им в заголовке к своей статье. Нельзя не видеть всей необоснованности этого решения. Давно никто не отрицает, что прозетилизм составлял довольно частое явление среди евреев первых веков христианства. Но это имело место в течении сравнительно ограниченного периода времени, и с конца древних веков, на протяжении всего Средневековья и новой истории, уже не может быть речи о сколько-нибудь заметном прозетилизме среди евреев; поэтому, стоя на точке зрения самого же Гольдштейна, трудно приписывать влиянию двух-трехвекового прозетилизма происхождение всего современного миллионного еврейства. Далее, эмиграция евреев из Палестины далеко не составляла спорадического явления, как думает автор. Напротив, не раз была она вынужденной и отличалась массовым характером и без сомнения дала Европе немало представителей древнего еврейства. Статистических данных о состоянии еврейского населения в минувшие эпохи не существует, имеются лишь одни догадки. Бесспорным является факт их преимущественного проживания в городах, но одного этого обстоятельства еще недостаточно, чтобы перенести судьбы немецкого городского дворянства и на евреев; за этим территориальным сходством лежит глубокая разница в политическом, социальном, экономическом,

религиозном и других отношениях,— разница, которая могла видоизменить в совершенно иную сторону эффекты рождаемости и смертности. Наконец, отрицая антропологическое единство современных евреев, особенно европейских, Гольдштейн обнаруживает полное незнакомство с результатами всего антропологического изучения евреев. Вообще приходится отметить, что его статья может служить примером и, к сожалению, не единичным слишком поверхностного и одностороннего отношения к столь запутанному и сложному вопросу, каким является вопрос о происхождении современных евреев.

Подобно Гольдштейну, и Штрац в своей попытке выяснить, что представляют собой евреи, уделяет мало внимания накопившимся данным антропологического исследования последних. Благодаря этому, у него происходит смешение и недостаточное разграничение понятий еврейского типа и еврейской физиономии, и, говоря о первом, он большей частью имеет в виду особенности последней. Так, опираясь на сведения, сообщаемые некоторыми путешественниками и исследователями о том, что еврейские черты встречаются нередко у самых отдаленных друг от друга народов земного шара, Штрац высказывается, что общепризнанный в Европе еврейский тип далеко не является свойственным одним только евреям. Характерные признаки еврейской физиономии упомянутые свидетели находили среди японцев, тодасов, бакаири (племени центральной Бразилии), кафров, яванцев и многих других. Такое явление Штрац объясняет, согласно Леману-Нитше, изоморфией, состоящей в том, что некоторые физические особенности, встречающиеся повсюду, не имеют расового значения, но представляют образования, как, напр., рыжие волосы, свойственные всем расам. Большую же распространенность этих черт среди евреев автор объясняет чрезвычайно развитым среди них в течение многих столетий внутриплеменным подбором (Inzucht). Но и оставаясь в рамках физиономической характеристики, Штрац, по-видимому, признает всё же, хотя и с большими ограничениями, некоторую племенную обособленность евреев. Он относит их к южной ветви белой средиземноморской расы, характерные особенности которой полнее сохранились среди малозиатских и сев. — африканских евреев; что же касается европейских, то и среди них уцелели некоторые черты того же первоначального происхождения, которыми они и отличаются от окружающего населения. Этим исчерпываются важнейшие взгляды Штраца, заключающиеся в его небольшой брошюре, посвященной

антропологической характеристике евреев.

Значительно шире и всестороннее разработана та же тема Цольшаном. Не соглашаясь ни с одним из существующих толкований антропологического типа евреев, Цольшан прежде всего подвергает подробному критическому анализу ту триаду антропологических признаков — пигментацию, рост и головной указатель, которая служат отправным пунктом в этом отношении. Начав с указания, что все библейские сведения о белокурых евреях отличаются условным характером, автор присоединяется к давно высказанному Вольтманом взгляду о параллельных вариациях: на этом основании белокурый элемент среди евреев мог возникнуть в виде собственного варианта внутри самой хеттитской расы. Таким же способом, а не скрещиваниями следует объяснить и констатированное Штрацем, Гагеном, Клачем, Швейнфуртом присутствие светловолосых индивидуумов среди таких изолированных племен, как австралийцы, папуасы, племя акка в Центр. Африке. Что касается роста евреев, то Цольшан, подобно многим другим исследователям, приписывает их малорослость преимущественно влиянию неблагоприятной среды. Критике головного указателя, антропологическое значение которого не отрицается автором, последний посвящает ряд страниц, где, опираясь на работы Ранке, Nystrom.a и других, старается доказать, во-первых, что брахицефалия особенно свойственна жителям горных стран и, во-вторых, что долихоцефалия с ростом культуры превращается в брахицефалию. Касаясь евреев, он и считает их брахицефалию следствием усиленной интеллектуальной деятельности, между тем, как в брахицефалии народов, с которыми отождествлялись евреи, можно видеть влияние жизни в горах. В своих дальнейших рассуждениях Цольшан, отвергая лингвистические основы классификации человечества и руководствуясь данными физической антропологии, принимает классификацию Гексли и делит индогерманскую семью народов на две неравные группы: северную, ксантохройную, т. е. со светлой окраской, обнимающую кельтов, германцев и славян, и южную, меланохройную, т. е. с темной окраской, обнимающую народы греко-романские, передне-азиатские и сев. — африканские. Из этой последней, меланохройной, которая в свою очередь распадается на три подгруппы: цепь народов Сев. Африки и Аравии, зап. — и южно-азиатские народы и южные европейцы, и дифференцировались евреи, явившись результатом скрещения первой и второй названных подгрупп. Прародителями же евреев следует, по мнению Цольшана, признать древних египтян, как

представителей африканской ветви, и древних поселенцев Месопотамии, как представителей передне-азиатской ветви. Резюмируя свой анализ, автор полагает, что еврейское племя образует собой однородный расовый организм («einheitlicher Rassenkorper»), сохраняющийся в чистоте в течение уже, по крайней мере, двух с половиной тысячелетий и представляющий поэтому в генеалогическом отношении гомогенную единицу.

Все эти заключения способны без сомнения вызвать ряд возражений. В особенности является спорным вопрос о возможном изменении формы головы под влиянием тех или иных факторов. Утвердительное решение этого вопроса, принимаемое Цольшаном и обоснованное хотя на заявлениях крупных авторитетов, все-таки далеко не может считаться общепринятым в науке. Точно также еще менее доказательно и мало вяжется с фактами объяснение брахицефалии неевреев, с которыми сближают евреев, влиянием повсюду горного рельефа. Если этот фактор в некоторых отдельных случаях и наблюдается и может быть поэтому привлечен в качестве решающего момента, то приписывать ему значение повсеместной причины едва ли имеется достаточно оснований в виду значительного разнообразия орографических условий тех местностей, где живут рядом евреи и неевреи. Далее, последнее положение Цольшана оказывается весьма аналогичным выводам Юдта и Ауэрбаха, на которых он ссылается не раз, а первого кроме того излагает очень подробно. Нельзя однако обойти молчанием того обстоятельства, что оба названных автора — Юдт и Ауэрбах — не вполне одинаково трактуют древнейшие судьбы и этнические влияния, которым повергались предполагаемые родоначальники современных евреев. Первый, Юдт, в своем анализе следует, по-видимому, схеме Лушана, которую он и подтверждает едва ли не во всех ее подробностях; Ауэрбах, напротив, решительно опровергает эту схему. Цольшан, со своей стороны, исходя отчасти из данных обоих предыдущих авторов, но в значительной степени руководствуясь совершенно другими основаниями, рисует иную картину того отдаленного периода жизни тех же предков нынешних евреев. На чьей стороне тут истина, ответить еще трудно. Пока можно только с большей или меньшей уверенностью сказать, что стройная теория Лушана, так, по-видимому, удачно разрешавшая вопрос об антропологическом происхождении евреев, значительно потеряла в своей убедительности. Но за берлинским ученым остается заслуга в том, что он своими исследованиями дал новое направление антропологической мысли,

именно в сторону археологического изучения тех областей, которые служили местом обитания многочисленных этнических групп, в среде которых складывался тип древних евреев. И в самом деле, археология Пер. Азии сделала в настоящее время большие успехи и продолжает обогащаться всё новыми и новыми открытиями, проливающими много света на далекое прошлое этой страны. Можно надеяться, что основательный анализ этих находок даст исследователям новые руководящие нити для раскрытия того «judaeus primigenius», в поисках которого Вайсенберг производил свои многочисленные наблюдения в Египте и Палестине.

Крупное значение, какое могут иметь успехи археологического знания в разрешении этой задачи, нисколько однако не умаляет цены настоящих и будущих антропологических и антропометрических работ, предпринимаемых с той же целью, тем более, что исходной точкой в том и другом направлении остается, несмотря на раздающиеся по временам скептические отзывы, всё тот же кардинальный антропометрический признак — головной указатель. Можно без преувеличения сказать, что развитие антропологии за последнее полустолетие тесно связано с учением о головном указателе, получившем в нашей науке характер догмы. И если в настоящее время стал раздаваться упомянутый скептицизм, то это объясняется влиянием той эволюции, которой антропология подчиняется, подобно всякой другой науке, и которая обусловливает собой на известной ступени ее развития необходимость пересмотра господствующих положений, а в том числе и вытекающих из применения головного указателя, как мерила для характеристики человеческих типов. Современные успехи естествознания и, в особенности, биологии, обогатили также область антропологического ведения новыми точками зрения, новыми критериями разновидностей человека. Наблюдение и опыт стремятся указать и объяснить различные неизвестные ранее или еще мало изученные условия изменчивости и стойкости этих последних в связи с неотъемлемым влиянием закона наследственности. Головной указатель и другие соматические признаки, являясь непреложным выражением этого закона, а потому оставаясь навсегда исключительной основой, на которой строится распознавание человеческих вариаций, не могут тем не менее не считаться, в силу сказанного, с требованиями новейшей научной мысли. Догматическое отношение заменится критическим, которое очертит пределы и условия приложения этих основных факторов антропологического анализа. Изучение племенных

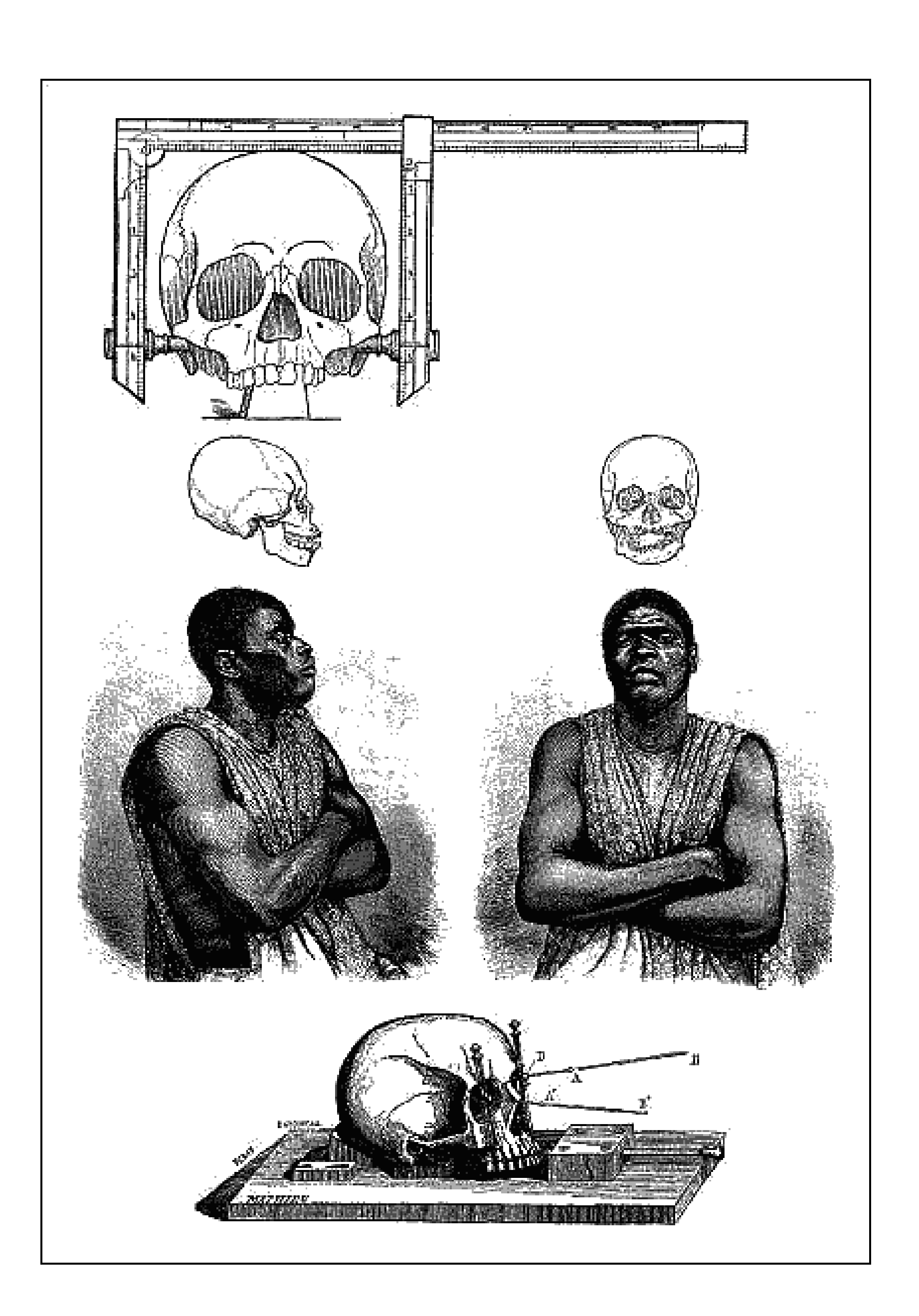
особенностей современного человечества будет поставлено, благодаря этому, на более прочную почву, а вместе с тем дана будет возможность и более правильного решения антропологической проблемы евреев.

Подводя итог всему тому, что сделано в области антропологического изучения евреев в течение последних десяти лет, следует признать, что за этот промежуток не только собрано много совершенно новых наблюдений, но и высказаны новые взгляды, новые теории. Продолжая развиваться, эти взгляды и теории под давлением критического анализа будут без сомнения видоизменяться и, может быть, уступят место другим, более плодотворным, но они бесспорно указали антропологическому исследованию путь, обещающий принести положительные результаты. Новые наблюдения, с редким усердием собранные Фишбергом и Вайсенбергом, не поколебали, правда, проводимой многими, в том числе и мной, мысли о монотипичности европейских евреев и, в частности, главного ядра их — русско-польских, но, с другой стороны, они подтвердили давно уже высказывавшийся об аллотипичности внеевропейских евреев — евреев Пер. Азии и Сев. Африки. Однако, установив такой факт, названные ученые еще не объяснили ни условий происхождения и распространения этих двух типов, ни причины их различия. Требуется дальнейший труд и над переработкой существующих материалов при свете всё развивающейся науки, и, может быть, над собиранием новых, проверочных наблюдений. То и другое составляет очередную задачу для будущих исследователей.

К антропологии негров

А. Д. Элькинд

Русский Антропологический журнал, книга XXIX

Негры, от которых получил свое название населяемый ими материк, обитают приблизительно в границах между 9° с. ш. и 25° ю. ш. Вайц считал областью распространения негров пространство в 10–12 градусов ширины к югу от линии, проводимой от устья Сенегала к Тимбукту и продолженной отсюда на восток в Сеннаар. Другие еще более суживали эту область, ограничивая ее реками Сенегалом и Нигером. Ратцель следует однако старому взгляду и принимает за негров всё темное, шерстистоволосое население Африки, за исключением светлых южноафриканцев, а также и более светлых волнистоволосых северных и восточных африканцев. В указанных пределах негры распадаются на две большие ветви — суданских негров, занимающих Судан и побережье Верхней Гвинеи, и негров-банту, живущих в субэкваториальной и южной Африке. Основанием для этого деления служит разница в языке. Так, языки банту характеризуются тем, что различные этимологические формы слов получаются изменением приставок в начале слова: напр., «ому-нту» значит «человек»; множественное же число — «люди» будет «аба-нту». Суданские же негры говорят на языках агглютинирующих, подвергавшихся известному влиянию со стороны хамитических языков. Вообще, изучение негров в лингвистическом отношении дало довольно богатые результаты и позволило выделить, в частности среди черного населения Верхней Гвинеи, целый ряд

самостоятельных этнических групп.

Одной из этих последних, и притом довольной значительной, являются народы «эуэ», «эве», или «иви», занимающие побережье Бенинского залива от р. Вольты до р. Огуна, а к северу простирающиеся до 8-ой параллели. По данным М. Шлегеля и Д. Альбека, которые лучше других изучили язык этих туземцев и с выводами которых соглашаются Ратцель и Реклю, население эве можно подразделить на следующие группы. Во-первых, собственно «эуэ». Они живут к западу между реками Куфо и Моно и отчасти в нижней Дагомее до лагуны Нокуэ. Другая группа «фон», более известная под именем дагомейцев, занимает плато Абомей между реками Куфо, Зу и Веме. «Маги», третья ветвь народов эуэ, основалась на холмистых местах к северу от Абомей. Остальные ветви этого населения — «анло» между р. Вольта и лагуной Того и «анфуэ» или «крепи» уже выходят отчасти за пределы дагомейской территории. Кроме названных, так сказать, автохтонных этнических групп, в пределы Дагомеи входят, по всей вероятности, представители других окружающих ее племен, как иоруба на востоке, ашантии на западе и различные ветви фульбе на севере.

Обусловливает ли собой всё это лингвистическое разнообразие и определенные физические различия, вопрос в значительной степени еще открытый. Одни ученые не находят большой разницы в типе не только между многочисленными ветвями суданских негров, но и между последними и неграми-банту. Другие же, напротив, констатируют наличность вариаций многих антропологических признаков, как, напр., роста, головного указателя, отчасти даже степени окраски кожи и др.

Небольшое число представителей суданских негров, а именно той части их, которые известны под именем дагомейцев и говорят на языке «иви», можно было видеть в 1909 г. в Москве, в зоологическом саду, где в течение второй половины лета давала своеобразные представления труппа, человек из 30-ти, уроженцев Дагомеи и соседних с ней местностей. Все они были подвергнуты мной подробному антропологическому исследованию, результаты которого послужили материалом для настоящей статьи. Предварительно, однако, сообщу несколько географических сведений относительно родины исследованных субъектов в дополнение к изложенным лингвистическим данным.

Дагомея большей частью составляет в настоящее время французскую колонию, образованную в 1894 г. из прежнего

дагомейского царства и мелких самостоятельных владений, которые были в большей или меньшей зависимости от него. Своими границами она образует большой четырехугольник. Южной стороной Дагомея занимает Невольничий берег Верхней Гвинеи и омывается водами Атлантического океана, в частности Бенинского залива; на востоке она ограничена немецким владением Того, на западе английской колонией Лагос; на севере она соприкасается с областью Маге. Поверхность Дагомеи, равная 369 тыс. кв. км, представляет обширное плато, равномерно поднимающееся к северу. Приморская низменная зона богата лагунами и озерами, из которых отличаются своей величиной Авон, Нохуэ или Денгам и Инкораду; последнее вместе со своими многочисленными разветвлениями дало имя городу Лагос (т. е. — озерный). Остальная часть страны, довольно холмистая, покрыта местами богатой тропической растительностью, рощами пальм и хлопчатником. С севера на юг Дагомея прорезывается несколькими реками, из которых самая значительная Веме или Окпара; реки, большей частью, несудоходны. Климат неровный, меняющийся по временам года, и характеризуется четырьмя периодами: 1-ый с декабря до середины марта — период большой сухости, 2-ой — с середины марта до середины июля — период больших дождей, 3-ий — с средины июля до середины октября — период малой сухости и 4-ый — с середины сентября до декабря — период малых дождей. В гигиеническом отношении северная Дагомея отличается более здоровым климатом, чем южная, где, особенно в периоды дождей, очень часты различные заболевания, между прочим, тяжелыми формами желтой лихорадки. Важнейшими городами Дагомеи являются Вайда или Ахуда, Порто-Ново, Абомей, Кутону, Большой Попо и некоторые другие. Туземное население, по преданию, проникло в пределы Дагомеи из внутренних частей материка. Вообще исторические сведения о дагомейцах крайне скудны, да и восходят они лишь к позднейшему времени, ко времени появления здесь европейцев, в 17-ом и 18-ом столетиях, сначала с промышленными целями, а впоследствии и с завоевательными намерениями. Первоначально распадаясь на ряд самостоятельных независимых государств, суданские негры, в том числе и дагомейцы, то в борьбе между собой, то под влиянием продолжительных войн с европейцами постепенно утратили свою политическую самостоятельность, и в настоящее время большая часть не только Верхней Гвинеи, но и Нижней поделена на множество колониальных областей, принадлежащих европейским державам. Сама же Дагомея

является, как сказано, собственностью Франции. Численность дагомейского населения не поддается точной оценке. По Цоллеру, оно определяется в 180 тысяч; по другим же сведениям, эта цифра должна быть значительно увеличена.

Все исследованные мной субъекты — 22 мужчины и 3 женщины — родом из различных упомянутых дагомейских городов; только один мужчина — уроженец города Badagre, в соседней английской колонии Лагос, близ границы с Дагомеей. Возраст их колеблется между 16 и 42 годами. Что касается трех женщин, то, хотя они объявили свой возраст в 27.28 лет, но, по некоторым соображениям, он сильно уменьшен, и нашим дагомейкам должно быть не меньше 40 лет. Относительно двух субъектов (№ 20 и 21) необходимо отметить, что они оказались не чистокровными дагомейцами, так как только матери их были родом из Дагомеи, отец же одного (№ 20) был уроженцем Бомбея, отец другого (№ 21) — уроженцем острова Ямайки. Эти два субъекта и по внешнему виду несколько отличались от остальных, о чем будет сказано далее. Следует упомянуть, что некоторые (а в том числе и три женщины) из измеренных мной дагомейцев были в 90-х годах измерены уже в Берлине и Лондоне и, кажется, еще в Цюрихе, но все старания найти в литературе обработку этих результатов оказались, к сожалению, безуспешными.

Мои заметки относительно наружности дагомейцев позволяют очертить последнюю следующим образом. Лоб у них, большей частью, выпуклый или округлый; покатых взад лбов между ними не оказалось. Надбровные дуги нередко слабо выражены. Темя и в продольном направлении, и в поперечном преимущественно выпуклое. Затылок, большей частью, равномерно округлый; другие формы его, как выдающийся взад или плосковатый, встречаются редко. Лицо удлиненное и широкое, очень редко округлое. Переносье обыкновенно вдавленное, иногда плоское. Прорезы глаз горизонтальные, открытые; узкие — редки. Нос прямой, широкий и незаметно сливающийся со щеками. Губы — толстые; щеки средней толщины; подбородок, большей частью, покатый взад и прямой, гораздо реже выдающийся. Уши — средние, оттопыренных нет, изредка прижаты. Мочка нередко приросшая, но чаще отделена. Раковина вообще равномерно загнута по краю, иногда имеет 1–2 выступа кверху. Зубы крупные, плотные, без промежутков; испорченных зубов очень мало. У некоторых субъектов резцы были выбиты для украшения. На трех субъектах оказались следы татуировки. У одного она имела характер поперечных нарезок на лбу,

по линии лобного шва, и на передней поверхности левого предплечья. У другого — такие же нарезки вдоль позвоночника. У третьего татуировка была сложнее: на внутренней стороне левого предплечья был изображен какой-то цветок, а на внутренней стороне правого — какое-то животное. Волосатость тела дагомейцев довольно скудная. Упитанность средняя. Только трех женщин можно было назвать толстыми. Средний пульс (одних мужчин) — 76. В заключение физиономической характеристики дагомейцев упомяну, что лицевой угол их измеренный гониометром Брока, составляет у мужчин — 69°, у женщин — 68°.

Волосы у всех субъектов черные, курчавые, за исключением № 20, волосы которого темно-русые, волнистые. У всех они жесткие и густые; только у субъекта с волнистыми волосами последние оказались мягкими. Глаза только у одного отмечены мной, как чисто черные, у большинства остальных — черно-карие; у № 20 — карие, у № 21 — светло-карие с радиальными карими полосками. Что касается кожи, то квалифицировать ее как черную не пришлось, что согласно с воззрением большинства наблюдателей. У наших дагомейцев мы отметили кожу, как темно-коричневую, у обоих же мулатов, как весьма смуглую. Таким образом, по окраске волос, глаз и кожи все они представляют вполне однородную группу темного типа. К этому же типу я отнес и светло-карего мулата на том основании, что рядом со светло-карим пигментом у него в радужной оболочке оказались и карие же радикальные полоски.

Рост наших негров составляет в среднем 1651 мм для мужчин и 1617 мм для трех женщин. Мис, измеривший 8 дагомейцев и 19 дагомеек, получил средний рост для первых 1654 мм, для последних — 1573 мм. Вольф, изучивший население немецкой колонии Того, соседней с Дагомеей, нашел средний рост некоторых туземцев, выведенный также из небольшого числа наблюдений, в 1649 мм (для мужчин). В обоих случаях мужской рост почти совпадает с нашей величиной. Не то оказывается при сравнении наших дагомейцев с данными других авторов. Так, д'Альбека, непосредственно наблюдавший дагомейцев, относит их к особям высокого роста, величину которого определяет в 170–180 см. Негры и мулаты, измеренные Гульдом, обладали ростом в 1707 мм. Эти цифры уже значительно выше наших. Однако, ближе присматриваясь к величинам роста низших дагомейцев, а в особенности располагая эти величины по рубрикам роста, мы находим, что наибольшее число субъектов, почти в равном количестве, падает на обе крайние рубрики

низкого роста (до 1600 мм) и высокого (1700 мм и выше), и получаются таким образом, две новых средних величины роста, а именно 7 человек низкого роста дали средний в 1562 мм, 8 человек высокого роста дали средний рост в 1752 мм. Последняя величина может уже стоять в ряду данных д'Альбека и Гульда; первая же стоит пока особняком. Как ни мал наш антропометрический материал, тем не менее та правильность, с какой располагаются наши наблюдения, дает некоторые основания для предположения, что здесь мы имеем дело с двумя определенными типами роста, может быть, двумя расами: низкорослой и высокорослой. В то же время нельзя обойти молчанием и другое обстоятельство. Если не все, то большинство дагомейцев, подлежавших моему исследованию, в течение ряда лет ведут кочующую, полную лишений и напряженной деятельности жизнь, которая привела их к временному пребыванию и в Москве. Недостаточное питание, неумеренное потребление алкоголя, к которому они пристрастились в течение своего продолжительного путешествия по Европе, не могли не влиять отрицательно на их физическое развитие, а в частности и на развитие их роста.

Обратимся теперь к рассмотрению головного указателя. Средняя величина его (для одних мужчин) равна 77,56, т. е. наши дагомейцы отличаются настоящей долихоцефалией, хотя и довольно близкой к субдолихоцефалии. Туземцы Того имеют, по данным Вольфа, головной указатель 73,7. У Деникера также находим величины меньшие, чем наши. Так, для 13 ашантиев средний указатель составляет 76,9, для 37 представителей племени Фульбе — 74,3, для 14 туземцев Камеруна — 75,1, для 27 негров Кру — 75,1, для 62 иолофов — 75,2, для 29 представителей различных племен Мандинго — 75,5. Соответственно этой разнице по средней величине, дагомейцы при группировке по нормам головного указателя оказываются в девяти случаях долихоцефалами, в восьми — субдолихоцефалами, в трех — мезоцефалами и в двух случаях — суббрахицефалами. Определяя головной указатель отдельно для низкорослых субъектов, находим для первых 77,23 для последних — 76,28, т. е. высокорослые дагомейцы по головному указателю стоят несколько ближе к данным Деникера, чем низкорослые. Отметим также, что вместе с большей долихоцефалией, высокорослые дагомейцы отличаются и большими размерами (193 мм) наибольшего продольного диаметра, чем низкорослые (185 мм). Головной указатель женщин равен 76,53.

Вслед за головным или поперечно-продольным указателем

приведем сведения о высотно-продольном указателе дагомейцев, дающем возможность судить о форме их головы в плоскости, более или менее перпендикулярной к плоскости головного указателя. Средняя величина высотно-продольного указателя равна 67,66, указывает на хамецефалию, свойственную нашим дагомейцам. И, действительно, среди них оказались только два ортоцефала и один гипсицефал; все же остальные, числом 19, являются низкоголовыми. Несколько иная картина получается при определении этого указателя отдельно для низкорослых и высокорослых субъектов. Высотно-продольный указатель первых равен 67,29, последних — 69,08: другими словами, высокорослые дагомейцы являются более высокоголовыми, нежели низкорослые. У женщин этот указатель равен 67,31.

Описанными двумя указателями — головным и высотно-продольным — выясняются более или менее особенности в форме черепной части головы наших дагомейцев. Для характеристики очертаний лица их остановимся на указателях лицевом и носовом и лицевой линии. Лицевая линия или полная длина лица дагомейца, равная в среднем 184 мм, отличается средними или большими размерами; малая величина ее (до 170 мм) встречается только в одном случае; у высокорослых (187 мм) она несколько больше, чем у низкорослых (184 мм). Относительная величина лицевой линии (11,2), выраженная в долях роста, для низкорослых дает, напротив, меньшее отношение (10,7), чем для низкорослых (11,8). Лицевой указатель, давший в среднем 74,45, характеризует дагомейцев, как относящихся преимущественно к мезопрозопам: и, действительно, таковых оказалось среди них 19 человек, а лептопрозопов только один и хамепрозопов — два. При сравнении в этом отношении низкорослых и высокорослых оказывается, что лицевой указатель первых (72,88) несколько меньше, чем у вторых (74,34), т. е. высокорослые дагомейцы, несмотря на то, что абсолютно лицо у них длиннее, обладают относительно более широким лицом, чем низкорослые.

Носовой указатель, при средней величине 88,86, оказывается значительно ниже данных Деникера для 13 ашантиев (107,5), 21 мандинго (101,6), 52 негров с р. Замбези (101,5), для 17 представителей Фульбе (95,3) и 44 тунисских негров (96,3). По носовому указателю наши дагомейцы распадаются только на мезоринов (6 чел.) и платиринов (16 чел.); ни лепторинов, ни гиперплатиринов между ними не оказалось. Высокорослые обладают несколько более узким носом, так как у них этот указатель (86,61)

меньше, чем у низкорослых (89,0).

Три дагомейских женщины, имея полную длину лица, равную в среднем 183 мм, отличаются лицевым указателем в 75,23; носовой указатель их равен 88,38.

Резюмируя сказанное о размерах головы и лица дагомейцев, можно придти к заключению, что среди них определяются, по-видимому, два типа, один — высокорослый, долихоцефал, гипсицефал, хамепрозоп и лепторин; другой — низкорослый, с меньшей долихо- и гипсицефалией, с более узким лицом и более широким носом. Войти в более подробную оценку этих двух типов не представляется возможным как ввиду малочисленности нашего собственного материала, так еще более ввиду почти совершенного отсутствия сравнительных данных. С другой стороны, такая двойственность физического типа дагомейцев может в известной степени служить выражением их антропологической смешанности, на что имеются указания у некоторых исследователей, непосредственно наблюдавших туземцев Невольничьего берега. Так, напр. Циндель отмечает, что прибрежные жители и сильнее развиты, и выше ростом, чем население внутренних областей.

Горизонтальная окружность головы дагомейцев равна в среднем 556 мм и варьирует между 535–602 мм; отношение ее к росту равно 33,7 (при максимуме 36,2 и минимуме 30,8). При вычислении горизонтальной окружности отдельно для различных групп роста, получается для группы низкого роста абсолютная величина ее в 548 мм и относительная — 35,1, а для группы высокого роста — 561 мм и 32,0, другими словами, абсолютные размеры горизонтальной окружности изменяются в прямом отношении к росту, относительные же — в обратном. Для женщин соответственные величины этого размера будут 570 мм и 35,3; ввиду обилия волос на голове у наших дагомеек эти величины должны быть на самом деле несколько ниже.

Величина головы в вертикальной проекции дала среднюю 220 мм, а по отношении к росту 13,3, при индивидуальных колебаниях первой от 206 до 240 мм, а второй — от 12,3 до 14,7. Для группы низкого роста этот размер составляет 212 мм и 13,6, для группы высокого — 229 мм и 13,1, т. е. и в вертикальном направлении вариации величины головы дагомейцев в зависимости от роста такого же характера, как и вариации горизонтальной окружности. У трех женщин мы имеем средние 218 мм и 13,5.

Высота черепа дагомейцев в среднем равна 128 мм (min. — 110, max. — 143); отношение ее к вертикальной величине головы

составляет 58,01, а к росту — 7,7. Колебания этого размера в зависимости от величины роста такие же, как и описанных сейчас размеров, а именно в группе низкого роста высота черепа абсолютно (125 мм) меньше, чем в группе высокого роста (133 мм), относительно же, наоборот, высокорослые отличаются меньшей высотой черепа (7,7), чем низкорослые (8). Для наших дагомеев высота черепа составляет 129 мм, по отношению к величине головы в вертикальной проекции — 59,25, и по отношению к росту — 8,0.

О наибольшем продольном диаметре было уже сказано. Наибольший поперечный, при средней величине в 147 мм, колеблется между 136–157 мм; его относительная величина в процентах роста равна 8,9 и варьирует в тесных пределах от 8,1 до 9,7. Среди низкорослых он абсолютно меньше (143 мм), нежели у высокорослых (147 мм); относительно же, напротив, у первых (9,1) несколько больше, чем у последних (8,4). Величина этого диаметра для женщин абсолютная — 147 мм, относительная — 9,1.

Ушной диаметр, равный 128 мм, у низкорослых несколько менее (125 мм), чем у высокорослых (129 мм); относительная величина его, выраженная в долях наибольшего поперечного (87,3), не изменяется в названных двух рубриках роста, но совпадает в обоих случаях с общей средней. У женщин соответственные величины этого диаметра — 133 мм и 90,4.

Наименьший лобный диаметр, средняя величина которого — 106 мм, также короче немного у низкорослых (104 мм), сравнительно с высокорослыми (107 мм); и его относительные размеры (72,3); выраженные тоже в долях наибольшего поперечного диаметра, мало отступают от общей средней как в группе низкого роста (72,9), так и в группе высокого (72,4). У женщин размеры наименьшего лобного диаметра таковы: абсолютные 111 мм, относительные — 75,6.

Лицевая линия уже описана выше. Наибольшая ширина лица, равная в среднем 137 мм, среди высокорослой группы больше (139 мм), нежели среди низкорослой (134 мм); относительная же величина ее, в процентах роста (8,3), у первых (7,9), меньше, чем у последних (8,6). Для женщин наименьшая ширина лица дала средние 138 мм и 8,5.

Верхняя ширина лица дагомейцев как абсолютно (103 мм), так и относительно (75,5 — по отношению к наибольшей ширине) мало отличается от нижней (101 мм и 74,1), т. е. лицо у них только весьма незначительно суживается книзу. У женщин разница больше, причем нижняя ширина (108 мм и 78,5) у них значительнее верхней (104 мм и

75,4), т. е. лицо у них, напротив, расширяется книзу.

Описание размеров лица закончу указанием, что лицевой угол дагомейцев среди низкорослой группы (67°) несколько менее, чем среди высокорослых (69°); у последних он совпадает с вышеуказанной общей средней.

Описание размеров и пропорций туловища и конечностей я начну с длины туловища, за величину которой принято расстояние от acromion'a до raphe perinei. Определенная таким образом длина туловища дагомейцев по своей относительной величине отличается в большинстве случаев малыми размерами, с отношением до 33,0: таковые оказались у 12-ти субъектов; по 5-ти субъектов обладают средней и большей относительной длиною туловища. При средней величине — абсолютной 545 мм и относительной 33,02 — низкорослые дагомейцы имеют более короткое туловище как относительно (32,41), так в особенности и абсолютно (506 мм), чем высокорослые (32,65 и 572 мм).

Окружность груди дагомейцев мала: уже в среднем (822 мм и 49,83) она оказывается менее полуроста; и, действительно, более половины субъектов (12 человек) имеют такую узкую грудь. Еще хуже размеры груди у высокорослой группы: при абсолютной величине ее в 845 мм, относительная достигает только 48,26 роста. Лучше несколько развита грудная клетка среди низкорослых: у них относительные размеры ее превышают половину роста, а именно, определяются отношением 50,91 при абсолютной величине в 794 мм.

Руки и ноги дагомейцев преимущественно длинные. Малые размеры с отношением до 43,0 для руки и до 50,0 для ноги встретились только в одном случае для руки; средние — в 6 и 7 случаях, большие же размеры конечностей, с отношением 45,01 и выше для верхней и 52,01 и выше для нижней, наблюдаются у 15-ти субъектов. При сравнении низкорослых и высокорослых по длине конечностей, оказывается, что относительные размеры и руки, и ноги у тех и других одинаковы; абсолютные же заметно короче у низкорослых (низкорослые: рука — 711 мм и 45,62, нога — 834 мм и 53,41; высокорослые: рука — 798 мм и 45,59, нога — 937 мм и 53,45).

О величине отдельных частей той и другой конечности, как то: плеча, предплечья и кисти, с одной стороны, и бедра, голени и ступни, с другой, можно сказать следующее. Абсолютные размеры у высокорослых повсюду значительно превышают таковые низкорослых; относительно же более или менее одинаковы для той и другой рубрики роста. Далее, и отношение плеча+предплечья к бедру

+голень, как в отношении кисти к ступне и целой руки к целой ноге мало изменяются в зависимости от величины роста. Только отношения предплечья к плечу и голени к бедру у высокорослых несколько ниже, чем у низкорослых; другими словами, предплечье и голень у субъектов низкого роста длиннее, нежели у субъектов высокого. Ввиду отсутствия сравнительного материала не представляется возможным провести сравнение или проверку сказанного о пропорциях тела дагомейцев.

В заключение опишем величину их большого размаха и ширину распростертых рук. Этот размер только в одном случае оказался меньше роста, в другом равным росту, у всех же остальных 20-ти субъектов он превышает величину роста, достигая максимального отношения в 110,1. Давая среднее отношение в 104,6, большой размах низкорослых (105,5) больше, чем у высокорослых (103,4); абсолютная величина его представляет обратное явление: высокорослые дагомейцы обладают (1811 мм) значительно большей шириной распростертых рук, нежели низкорослые (1647 мм).

Дагомейцы, следовательно, отличаются коротким туловищем, узкой грудью и длинными конечностями. Вообще, пропорции их тела во многом близки к пропорциям тела европейцев. Некоторые отступления могут быть объяснены ограниченным количеством наблюдений. Это обстоятельство удерживает меня от приведения более подробного сравнения измерений и отношений, полученных над дагомейцами, с соответственными данными для некоторых европейцев.

Не представляя, таким образом, значительных уклонений в общей конструкции своего тела, дагомейцы, однако, в смысле физического благополучия оставляют желать многого. Их окружность груди слишком низка; она далеко ниже окружности груди евреев, этих наиболее узкогрудных в Европе. И то, что было сказано о возможных причинах, обусловивших малый рост дагомейцев, еще с большим правом следует отнести к объяснению недостаточного развития их грудной клетки. Влияние европейцев, с особой настойчивостью устремившихся в течение последних десятилетий к побережью Верхней и Нижней Гвинеи, не во всём оказывается положительным для туземцев. Отменив работорговлю, уничтожив жестокие обычаи, сопровождавшиеся многочисленными человеческими гекатомбами, европейцы в то же время принесли с собой и целый ряд отрицательных факторов своей цивилизации, как алкоголизм, сифилис, туберкулез и другие болезни, вредное значение которых уже

начинает обнаруживаться понижением уровня физического благосостояния населения. По свидетельству д-ра Кюльца, много лет живущего в соседней с Дагомеей немецкой колонии Того, сумма отрицательных влияний европейцев не покрывается теми положительными мероприятиями, которые осуществляется ими на пользу местного населения. В недавнее время выступил Эткер своеобразным идеологом воспитания негров в целях приобщения их к европейской цивилизации, — идеологом, признающим необходимость для них телесного воздействия, но совершенно игнорирующим меры борьбы с пагубным влиянием на негров упомянутых бичей наших цивилизации. Надо пожелать, чтобы до своего применения программа Эткера подвергалась коренному пересмотру и чтобы она в новом переработанном виде условием культурного облагорожения поставила на первом плане охранение физического здоровья многомиллионного негрского населения Африки.

Закончив антропологический очерк дагомейцев, считаю приятным для себя долгом выразить глубокую признательность Антропологическому музею Московского университета в лице проф. Д. Н. Анучина за деятельное содействие, без которого моя задача — собрать настоящий материал — не могла бы быть выполнена. Весьма благодарен я далее Н. А. Синельникову за его помощь при производстве измерений, а, в особенности, за труд по фотографированию дагомейцев.

Краткое руководство к изучению расовой антропологии

Э. Г. Ландау

ЮРЬЕВ
Печатано в типографии К. Матиссена
1912

ВВЕДЕНИЕ

В то время, как все естественные науки имеют в своем распоряжении большое количество всевозможных руководств для практических работ, начиная с многотомных энциклопедий и кончая краткими карманными книжками, в антропологии не только у нас, в России, но и за границей ощущается за последнее время большой недостаток в кратком руководстве, в котором были бы изложены современные принципы антропологии.

Отсутствие руководства, принципов которого придерживались бы во всех странах, сильно вредит успехам антропологии, так как лишает возможности сопоставлять исследования различных авторов и, кроме того, задерживает распространение антропологических исследований.

Над выработкой схемы измерений у нас много поработали покойный проф. А. Петри, проф. Р. Вейнберг, пр. — доц. А. А. Ивановский, покойный акад. Таренецкий и др., но всё же, когда приходится встретиться с тем или с другим (по преимуществу врачем) интересующимся антропологией, то оказывается, что ни у кого нет печатного руководства под руками, а обыкновенно лишь заметки, списанные у того лица, которому они случайно обязаны знакомством с антропологической техникой.

Как мы знаем, антропология, по определению проф. Р. Мартина, «морфология человеческих вариаций», в России далеко не занимает того положения, которое ей подобает среди других биологических наук. Небезынтересно будет вскользь посмотреть, где в настоящее время эта наука причислена к предметам университетского курса. Оказывается, что не только в Германии антропология читается при 6 университетах, 3 лицеях и одной академии; не только в 6 итальянских и 5 университетах Соединенных Штатов Северной Америки, она читается не только в 3 университетах маленькой Швейцарии, не только в Ливерпуле и Оксфорде, — в Париже имеется специальное высшее учебное заведение Ecole d'Anthropologie, — антропология читается в Австрии, в Венгрии, в Португалии, в Испании, в Болгарии, в Киото, в Токио, в Буэнос-Айресе, всюду специалистами антропологами. У нас же, в России — лишь при Московском университете, благодаря заслугам нашего маститого ученого Дмитрия Николаевича Анучина, процветает антропология, хотя она и причислена официально в кафедре географии. Единственным

представителем кафедры антропологии является в России приват-доцент СПб. университета Ф. К. Волков.

Нужно надеяться, что и в России антропология раньше или позже получит право гражданства[6] и будет признана самостоятельной наукой. Ведь каждый согласится, что антропология — естественная история человеческого рода — во всяком случае не менее интересна и не менее важна, чем естественная история остальной природы; ведь каждый человек должен интересоваться своим положением в мире живых существ, в особенности теперь, после целого ряда удачных раскопок в Швейцарии, в Германии, во Франции, в Бельгии, в Австрии, в России, в Америке и в других странах.

При составлении этого краткого руководства автор имел прежде всего в виду своих учеников, которым всё изложенное в этой брошюре известно из практических занятий. Но возможно, что и другим, заинтересовавшимся соматической антропологией и не имеющим возможности обратиться в тот или иной университет, это руководство даст возможность на месте ознакомиться как с принципами антропологической техники, так и с наиболее важными вопросами, выдвинутыми в настоящее время этой наукой. Это краткое руководство, конечно, не претендует на полность ни в каком отношении, и автор будет искренно благодарен читателю за всякое указание на тот или иной пробел, который будет исправлен, если этой книжке будет суждено появиться новым изданием.

Желающим более подробно ознакомиться с антропологией можно рекомендовать в качестве технических пособий:

1. *P.Broca. Instructions generales pour les recherches antropologiques. Paris 1875. Mem. Soc. d.Anthr. II Ser. Tom. II.*
2. *E.Schmidt. Antropologische Methoden. 1888. Lpz.*
3. *Bertillon et Chervin. Anthropologie metrique. Paris. 1909.*
4. *Р.Л. Вейнберг. «Главнейшие приемы современной антропологической техники». Русск. Антр. Журн. Год 5-ый. 1905 г.*
5. *К.З. Яцута. Краниометрия и антропометрия. Оттиск из Реальной Энциклопедии медицинских наук. Т. X. 1912.*

Весьма желательно ознакомление по возможности со следующими журналами:

1. *Русский антропологический Журнал. Москва.*

2. Известия Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Императорском Московском Университете (Труды Антропологического отдела).

3. Известия Императорской академии Наук.

4. Bulletins de la Societe d'Anthropologie. Paris.

5. L'Antropologie. Paris.

6. Bulletins de l'Ecole d'Anthropologie. Paris.

7. Archiv fur Antropologie. Braunschweig.

8. Zeitschrift fur Morphologie Und Anthropologie, Stuttgart.

9. Zentralblatt fur Anthropologie. Stettin.

10. Zeitschrift fur Ethnologie und Urgeschichte. Berlin.

11. Globus.

12. Journal of the Anthrop. Sociation.

13. Journ. of the Anthropol. Institute of Great Britain and Ireland.

14. American Anthropogist. Lancaster.

15. Revue anthropologique.

16. Atti della Societa d.Anthropologia. Roma.

17. Petrus Camper. Amsterdam.

18. Biometrika. Cambridge.

19. Mitteilungen der Winer anthropologischen Gesellschaft и многие другие.

Учебники и введения в антропологию:

1. Ranke. Der Mensch (есть русский перевод).

2. Topinard. L'Anthropologie (имеется русский перевод).

3. Denicker. Les races et les peuples de la terre. Paris. 1900.

4. А. Петри. Антропология. Ч. I. 1890, ч. II. 1897.

5. J. Ranke. Физические различия человеческих рас (перевод Д. Краснова). 1911. СПб.

6. M. Hornes. Natur- und Urgeschichte des Menschen. 1909 г. I и II том. Wien.

7. Haddon. The Races of Man. London. Milner и др.

Для врача человеческий организм является самодовлеющей целью, для антрополога — человеческое тело есть последнее звено в цепи высших организмов, т. е. антропология смотрит на человека, как на индивид зоологического типа Homo, как в его прошлом, так и в настоящем, всюду, где только встречается человек или останки его.

Антропология принадлежит, по Брока и Мартину, к коллективным наукам; этим одним уже подчеркивается ее различие от наук индивидуальных, к которым принадлежат, например, анатомия, физиология и другие главные науки, на которых строятся положения антропологии, это — анатомия, эмбриология и палеонтология и, следовательно, тем самым показывается, какие области являются необходимыми условиями для успешного развития антропологии.

Антрополог должен быть знаком с основами строения человеческого тела и с законами его развития, его роста и его изменяемости под влиянием условий окружающей среды, как то климата, профессии, образа жизни и т. д. Антрополог должен считать одной из своих наиболее важных задач знакомство с формами человеческого тела (скелета) в древнейшие, доисторические периоды; — и все эти данные тогда только получают научное значение и приближают нас к выяснению вопроса о происхождении человека, одной их наиболее важных задач антропологии, если исследователь становится на точку зрения сравнительной анатомии, признает себя сторонником эволюционной теории.

Целый ряд интереснейших вопросов, наконец, предстоит разработать антропологу-теоретику. Вопросы происхождения и эволюции видов (дарвинизм, ламаркизм, неодарвинизм, неоламаркизм, теории мутации де Фриза), вопросы наследственности и так называемой фамильной антропологии, вопросы гибридизации, которые после знаменитых опытов Г. Менделя за последние 10 лет создали обширную литературу, посвященную этому вопросу.

Желающим ознакомиться с современным состоянием учения о происхождения и эволюции видов, включая сюда и человека, можно рекомендовать сборник публичных лекций, читанных в Мюнхене в память 100-летия со дня рождения Ч. Дарвина.

§ 1

Вопрос о происхождении человека изобилует многими гипотезами, но главные различия их в том, что по одним — человек зародился на одном только месте земного шара, по другим — в нескольких местах. Теории, допускающие зарождение человека на земном шаре лишь на одном пункте и один только раз, называются монофилетическими; допускающие же многократное зарождение называются полифилетическими. Главными представителями первого учения являются в настоящее время Геккель, Швальбе, Раубер, Плате и др.; вторую теорию в новейшее время защищают известный геолог Штейнман, Клаач и др.

Наиболее детальную, но в то же время весьма догматичную схему родословного древа человека дает Э. Геккель.

В этой генеалогической таблице (Progonotaxis hominis) Э. Геккель насчитывает 30 видов предков Homo sapiens и разделяет их на 2 большие группы, сообразно с тем, имеются ли налицо окаменелости органических пород, или нет. Для высших позвоночных Геккель дает следующую классификацию:

1. *Старейшие мартышки, современными представителями которых являются павиан и мандрилл.*
2. *Более молодые мартышки, к которым принадлежат так называемые носатые обезьяны.*
3. *Более старые человекообразные обезьяны, — первичные гиббоны.*
4. *Более молодые человекообразные обезьяны, к которым принадлежат оранг и шимпанзе.*
5. *Обезьяно-человек — Pithecanthropus erectus (Дюбуа)*
6. *Первичный человек — Homo primigenius.*
7. *Разумный человек — Homo sapiens.*

Эта догматическая гипотеза Геккеля в настоящее время имеет мало сторонников.

По другой гипотезе, которую отстаивают Штрац, Ван ден Брук и другие, человек является самой древней и в некоторых отношениях самой примитивной, но вместе с тем, по общему своему развитию, наиболее высокой формой животной организации. На основании

биогенетического закона Геккеля (онтогенез есть краткое повторение филогенеза), следовало бы ожидать, что череп и таз человеческого зародыша будут обнаруживать обезьяноподобные формы, — которые должны, следовательно, быть характерными для предтечи человека. В действительности оказывается обратное: не человеческий зародышевый череп и таз показывают питекоидные формы, а наоборот — обезьяний зародыш обнаруживает человекоподобные формы. Во всяком случае, полагают защитники этой гипотезы, формы черепа и таза у обезьян сложились уже после того, как человек отделился от общего корня предков.

Большую главу в антропологии занимает вопрос об ископаемом человеке.

L'homme fossile n'existe pas, т. е. ископаемого человека нет, — со времени этого положения знаменитого Кювье, непреклонного последователя учения о неизменяемости видов, авторитет которого задушил зародившееся в то время учения Ламарка о трансформизме организмов, не прошло еще столетия; а мы уже имеем массу удачных раскопок, несомненно доказывающих существование ископаемого человека и притом человека совершенно своеобразного, т. наз. неандертальского типа, который жил в самом начале четвертичной эпохи.

Уже в 20-х годах прошлого столетия было сделано много раскопок, но самым важным оказалось открытие, сделанное в Рейнской провинции в 1856 году (недалеко от Дюссельдорфа в Неандерской долине). В то время там находились каменоломни; в одном гроте рабочими было найдено несколько человеческих скелетных костей и покрышечная часть человеческого черепа. Первыми учеными, признавшими и правильно оценившими значение этих костей были Фюльро, Шаафхаузен, Брока, Гексли и Кинг. По предложению последнего, этот скелет был признан принадлежавшим к вымершей человеческой расе, названной Homo neandertalensis.

В 1889 году профессор анатомии в Люттихе Фрайпонт описал два других человеческих скелета, найденный в Spy, в Бельгии. На этих черепах бросалось в глаза большое сходство со скелетом неандертальского человека… Затем последовали в северной Кроатии, недалеко от местечка Крапина, удачные раскопки профессора палеонтологии и геологии в Аграме, Горяновича-Крамбергера. Эти раскопки продолжались до 1903 года и были затем описаны в целом ряде научных монографий. По своеобразному строению лобной кости и чешуи затылочной, найденные тут черепа оказались также очень

похожими на неандертальский.

За последние годы было произведено много весьма удачных раскопок во Франции Боуле и О. Хаузером (совместно с профессором Клаачем). Кроме того, в Гейдельберге была найдена профессором Шотензаком знаменитая нижняя челюсть. Вся группа человеческих костей, извлеченных из недр земли в Неандертале, Спи, Крапине, Chapelle aux Sains, Perigord и Mauer около Гейдельберга, принадлежит вымершей человеческой расе, которую стали называть одним общим названием Homo primigenius. (Швальбе).

Проф. Клаач указывает на следующие характерные признаки костей этой расы:

У большинства современных черепов носовое отверстие расположено между орбитами, которые, следовательно, перерезываются горизонтальной касательной, проведенной в самую верхнюю точку aperturae nasalis. На черепах же Hominis primigenii это наблюдается в гораздо меньшей степени: орбиты и apertura piriformis очень велики, орбиты почти круглые, расстояние между ними довольно значительное.

Относительно костей конечностей Клаач находит, что диафиз бедренной кости на поперечном сечении оказывается совершенно круглым; суставные концы очень широкие и неуклюжие; точно также и caput femoris большой толщины. Свойственное современному человеку постепенное утолщение бедра по направлению к обоим эпифизам у этих ископаемых не наблюдается. Далее бросается в глаза сильное искривление лучевой кости.

Проф. Швальбе занялся исследованием формы черепов этого ископаемого человека. После многих проверок он предложил для диагноза несколько основных измерений на исследуемом черепе. Эти измерения, сообразно своей величине, прямо указывают, принадлежит ли данный череп к типу Homo primigenius или к современному «рецентному» типу, причем к последнему Швальбе причисляет и людей доисторического периода, имеющих, однако, по своему строению сходные черты с современным человеком.

Из неандертальского черепа можно воссоздать череп современного человека, если лобную кость приподнять вперед, а затылочную назад и вверх. Но в таком случае, дабы следовать за увеличившимся объемом мозга, понадобится, чтобы теменная кость стала длиннее, в особенности в ее верхней медиальной части.

Неандертальский череп отличается сильно развитыми и утолщенными краями находящихся над глазами лобных пазух. Эти

сильно вздутые края сливаются на средине, ограничивают непрерывной дугой всю надглазничную частицу (Tori supraorbitales) и переходят друг в друга лишь с легким понижением в области так называемой глабеллы. У Homo recens ничего подобного не бывает, а лишь наблюдается более или менее утолщенный arcus superciliaris, который даже в случае сильного развития, приближаясь к наружным краям орбиты, переходит в так называемый planum supraorbitale. В то время, как torus supraorbitalis лежит впереди той части черепа, где с внутренней стороны расположен мозг, arcus superciliaris, образующий верхний покров глаза, является вместе с тем и покровом находящегося в черепе мозга. Необычайно интересным является тот факт, что по новейшим исследованиям проф. Клаача, tori supraorbitales обнаружены у современных Австралийцев.

В лице базельского анатома-антрополога, проф. Колльмана, учение о неандертальском человеке, как о перворордном человеке, встретило ярого противника. Дело в том, что существует несколько человеческих черепов, тоже найденных в доисторический период, но не имеющих с неандертальским типом по форме своей ничего общего. Напротив того, они, как оказывается, совершенно схожи с черепами современного человека, как например, кроманьонский череп, crane de Galley-Hill, череп Hominis mousteriensis, aurignacensis и др. Колльман настаивает на том, что уже в начале четвертичной эпохи жил и Homo «recens», а Homo neanderthalens, будучи современником других типов людей, тем самым теряет право на эпитет перворожденных (primigenii). На специфические черты всей группы так называемых Hominis primigenii Колльман смотрит не как на мутацию, а как на вариацию и причисляет поэтому всю эту группу к виду и к расе современного человека. Что же касается сильной покатости лба и больших надбровных дуг у Неандертальского черепа, то их большое сходство с таковыми и у обезьян указывает, по мнению Колльмана, не на непосредственное происхождение одного из другого, а на отдаленнейшее историческое родство и объясняется ламарковским законом конвергенции, по которому, в силу влияния известных условий окружающей среды, вырабатываются и соответствующие сходные органы у различных животных.

В противовес учению Швальбе о Homo primigenius, Колльман выставил свою гипотезу о происхождении современного человечества от очень низкорослых рас, самые чистые представители которых и в наши дни еще встречаются в Африке. Это пигмеи Akka. Биологическое значение пигмеев состоит по предположению

Колльмана в том, что существует определенная связь между ними и общим развитием человеческого рода. По мнению исследователя первичное суммирование человеческого рода нужно себе представить состоявшим из пигмеев и из больших рас. Но так как пигмеи несомненно происходят из времен более древних, чем неолитических, то обе формы человеческого рода должны были по меньшей мере одновременно появиться в эпоху зарождения человека. На основании общих принципов истории развития организмов, низкорослые люди должны были возникнуть одновременно с большими. Двойное независимое возникновение человеческого рода с естественной точки зрения — как полагает Колльман, — недопустимо. В таких спорных случаях, говорит он, уместен вопрос: имеем ли мы в данном случае эволюционную зависимость, или нет. Если мы признаем ее, то остается допустить, что пигмеи и высокорослые расы находятся в эволюционной зависимости друг от друга, а тогда или большие происходят от мелких, или наоборот. Второе предположение будет основываться на предположении дегенерации крупных, но этого Колльман не допускает. Остается поэтому допустить первое, а именно, что большие люди произошли от пигмеев.

Пигмеи, учит Колльман, должны быть признаны за первичную расу, которая первой появилась на земле. Из пигмеев затем путем мутации развились и современные расы.

Самым резким противником этой гипотезы выступил Швальбе, и вообще в последнее время эта гипотеза вызвала к себе отрицательное отношение биологов.

Недавно проф. Клаач выступил с оригинальным учением о двойственности происхождения человека. На основании изучения скелета ископаемого человека из Ориньяка, Клаач находит, что в неандертальском человеке с одной стороны, а в ориньякском с другой — должно признать две совершенно различные формы. Отличия между неандертальским и ориньякским человеком напоминают различия между гориллой и оранг-утаном. На основании детального изучения костной системы ископаемых остатков человека, Клаач пришел к выводу, что из первоначально общей группы предков — Propithecantropi — уже очень рано обособились две большие человеческие группы: западная неандертальских гориллоидов и восточная — ориньякская орагоидов. На антропоидов Клаач смотрит, как на неудавшиеся попытки природы к созданию человека; он в них видит опустившиеся ветви первичного человечества, которые, приноравливаясь к жизненным условиям, должны были в борьбе за

существование пожертвовать важными частями своей организации. Уже одна редукция большого пальца закрыла обезьянам путь к дальнейшему развитию; между тем, как одна из побочных ветвей, благодаря благоприятным условиям, медленно и постепенно развиваясь, но сохраняя при этом много примитивных признаков, постепенно приобретает человеческий облик.

Много шума наделал за последнее время своими публикациями южно-американский исследователь Амегино. По его мнению, южно-американский ископаемый человек должен был произойти от тамошних же обезьяньих форм. Считаем лишним распространяться о ненаучных фантазиях этого автора, принявшего черепную крышку современного человека за своеобразного ископаемого, которому им дано оригинальное название Diprothomo.

§ 2

В предыдущем были приведены в конспективной форме проблемы нарождающейся палеонтологии; не менее важные задачи ожидают антрополога, посвящающего себя изучению морфологии еще сохранившихся до наших дней примитивных рас.

Мы можем всё современное человечество схематически разделить на две большие группы: на группу примитивных и группу высших рас. При таком делении приходится считаться с комплексом примитивных свойств данной группы с одной стороны и с явлениями обратного развития и развития вперед — с другой. И, как замечает Штрац, чем сильнее развиты рудиментарные и одновременно с ними обще-прогрессивные свойства определенной группы, тем выше она стоит на ступени человеческой культуры.

В борьбе за существование менее одаренные группы людей должны были, конечно, отступать, и, в конце концов, совершенно уходить с мировой сцены, и могли сохраниться лишь в изоляционных центрах — недоступных местностях — как: острова, леса, болота, недоступные горы. Такими изоляционными центрами являются Австралия, Новая Гвинея, Америка и, в доисторическое время, Африка и полярные страны. Сообразно с этим, к основным типам примитивных рас относят: Австралийцев, Папуасов, Акка (центр. Африка), Американцев (индейцев), Койкойн (южн. Африка), Эскимосов, Веддов (на Цейлоне), Айнов (на Иессо и южн. Сахалине), Андаманцев и нек. др.

Для примера антропологического изучения примитивной расы мы себе позволим вкратце прореферировать обширный труд братьев Саразинов о Веддах.

Из числа более 3 миллионов обитателей Цейлона в настоящее время почти $^2/_3$ населения составляют Сингалезы, первое переселение которых из Индии на Цейлон произошло в середине VI века до Р. Х. Постоянно подкрепляемые всё новыми притоками свежих сил из Индии, они быстро овладели всем островом, и вскоре здесь развилась внушающая к себе уважение культура, достигшая своего апогея тогда, когда буддизм, изгнанный из Индии индуизмом (Брама), укрепился на о. Цейлоне. Под влиянием буддизма здесь стали воздвигаться памятники и возникла целая литература.

Древнейшие жители острова — Ведды, стоящие, как и

Австралийцы, на самой низкой ступени человеческого развития и культуры, или слились с победителями, или укрылись от них в недоступные леса и болота восточной части острова, где их число насчитывается в настоящее время до 2500 человек.

Но и Сингалезам не удалось беспрепятственно владеть прекрасным островом, т. к. с XIII столетия им пришлось воевать с надвигавшимися с севера Индии на остров более сильными и воинственными Тамилами.

Все три народности: Тамилы, Сингалезы и Ведды принадлежат к дравидоидной расе, причисляющейся к негроидному типу.

По своему внешнему виду Ведды представляют собой малорослую, хотя и далеко не самую малорослую вариацию человека. Средняя величина мужчин равна 1576 мм, средняя величина женщин 1473 мм. Женщины в среднем ниже мужчин на 10 см. Грудь у Веддов развита хорошо, если не лучше, чем у европейца. Напротив того, верхние и нижние конечности очень худощавы; особенно бросается в глаза почти полное отсутствие у них икры, но также обхват ляжки (бедра) и плеча не достигает размеров, наблюдаемых у других человеческих вариаций. При этом обе конечности по отношению к длине тела длиннее, чем у нас; далее, отношения обеих частей каждой конечности другие, чем у нас, причем как предплечье в сравнении с плечом, так голень в сравнении с бедром (ляжкой) оказываются более длинными, чем у европейца. Ноги несколько площе, и промежуток между большим пальцем и остальными более зияющий, чем у нас. Окраска кожи обнаруживает большие колебания. В то время, как лицо (у мужчин) обыкновенно окрашено в средние коричневые цвета, их грудь и живот окрашены в более темные. Женщины обнаруживают менее значительные колебания в окраске тела, так как самые темные мужские тоны у них вообще отсутствуют. Радужная оболочка всегда темно-коричневого цвета, у женщин обыкновенно несколько светлее, чем у мужчин. Волосы на голове и борода чаще черного цвета. Волосы на голове различной длины, грубые на ощупь, слегка волнистые или немного вьющиеся, но не курчавые. Для чистого Ведды характерны козлиная бородка и небольшие усы. Густые бороды у них всегда указывают на смешение. Волосатость всего тела у чистого Ведды слабо развита.

Голова длинна, но узка, лоб у взрослых мужчин обыкновенно слегка покат. Костные, надбровные дуги очень сильно развиты; иногда эти дуги сливаются на средине лба, вследствие чего глаза кажутся глубоко лежащими. Лицо относительно широко и низко,

подбородок заострен, большие глаза. Нос с низким корнем и слабо поднятой переносицей. Крылья носа широки и часто переходят кожными складками непосредственно в щеки. Губы только у молодых субъектов иногда вздуты, обыкновенно они грубы, но не толсты. Рот средней величины, челюсти ортогнатны.

У женщин все формы округленнее и нежнее, но тип Веддов вполне сохранен. Что касается грудной железы, то она у женщин всегда останавливается в своем развитии на стадии mammae areolatae и никогда не достигает mammae papillatae, как у европейской женщины. Грудной сосок велик и цилиндричен.

Обращаясь к остеологической диагностике Веддов, мы наталкиваемся на еще более интересные данные, которые дают нам право, при рассматривании этого вопроса с филогенетической точки зрения, поставить скелет Веддов между скелетом европейца, с одной стороны, и скелетом человекоподобных обезьян, с другой — конечно, ближе в сторону европейца, чем антропоморфных.

Все кости Веддов, в том числе и череп, отличаются нежностью и изяществом; самая костная ткань слабо развита. Вес черепа очень незначительный, в среднем он равен 574 г, между тем как у европейца вес черепа в среднем равен 755 г. Уместно будет указать на то, что череп австралийца, емкость которого едва превышает вместимость черепа Веддов, оставляет по своему весу далеко за собой не только череп Веддов, но и череп европейцев. Череп Австралийца — грубый и толстый — весит нередко свыше 1000 г. Череп у Веддов сильно продолговат и узок, его боковые стенки круто подымаются вверх, темя слабо выпукло, виски — плоские, foramen occipitale magnum лежит более назад, a pars basilaris ossis occipitalis с меньшим подъемом вверх, чем у европейца. На женском черепе наблюдаются те же характерные особенности, которые отличают женский европейский череп от мужского европейского, как-то: кругловатая форма со слабым развитием всех костных неровностей, крутой лоб, плоское темя, быстрое падение кривой темени назад, выпячивание затылочной части, относительно сильное развитие теменных областей и более слабое спинки носа.

Внутренняя емкость черепа очень незначительна, она средним числом равна 1289 куб. см, между тем как у европейца она в среднем равна от 1400.1450 куб. см. У женщин внутренняя емкость черепа равна в среднем 1140 куб. см. Черепной указатель ширины в среднем равен 71,5. Около 85 %. Ведд длинноголовы, 14 % — среднеголовы, и только один процент (1 %) — короткоголовых. Орбиты необычайно

высоки и велики. Челюстной указатель обнаруживает ортогнатизм, соединенный с так называемой «prodenti'ей», т. е. с зубами, расположенными в челюстях не вертикально, а косо вперед.

Относительно височной кости нужно указать на следующее. Ее суставная ямка для головки нижней челюсти (capitulum mandibulae) бросается в глаза слабым развитием, реже полным отсутствием т. н. tuberculum articulare. У европейца названное образование почти всегда представляет собой ясно заметный выступ, который ограничивает суставную ямку спереди; перед этим костным бугорком расположена небольшая facies infraorbitalis чешуи височной кости. У Ведды это tuberculum articulare или совершенно отсутствует, так что суставная ямка представляется простым углублением, т. е. напоминает соотношения, существующие у человекоподобных обезьян, так как у последних tuberculum articulare вообще никогда не развивается.

Не менее интересные результаты дало исследование таза. В то время, как у человекоподобных обезьян крылья подвздошных костей подымаются вертикально вверх, остаются относительно узкими и обращены почти прямо вперед, у человека, как известно, эти крылья укорачиваются, но становятся шире и изгибаются настолько наружу, что их fossa iliaca обращена прямо внутрь и вверх. Эти изменения идут у человека, несомненно, рука об руку с приобретением вертикального положения тела. Вместе с тем становится шире и тазовый вход. В то время, как у антропоморфных он представляет узкий овал, продольная ось которого (конъюгата) идет от promontorium к лонному сращению и далеко превышает поперечную ось (между обеими безымянными линиями), у человека поперечная ось всё увеличивается, и тазовый вход принимает форму поперечного овала. — И вот, оказывается, что таз у Веддов относительно уже и выше, чем у европейца, а вход в таз, хотя поперечный размер и больше коньюгаты, имеет форму не поперечного овала, как у европейца, а более или менее форму клина, т. к. по направлению к лонному сращению просвет входа быстро уменьшается.

Что касается грудной клетки, то она оказывается в передне-заднем размере более глубокой, чем у европейца, а грудина — расположенной более косо.

Лопатка тоже занимает среднее положение между лопаткой европейца и шимпанзе. Дело в том, что угол, образуемый нисходящей ветвью margo vertebralis scapulae со spina scapulae у человека почти прямой, у шимпанзе резко тупой и равен приблизительно 135°; у Веддов мы находим отношения, являющиеся переходными между

европейцем и человекоподобной обезьяной, т. к. здесь упомянутый угол равен приблизительно 110°-115°.

Очень интересное наблюдение на позвоночнике Веддов сделано английским анатомом Каннингхэмом. Если положить друг на друга, без fibrocartilagines intervertebrales, все пять поясничных позвонков, то получится дуга, различная для различных существ. Так, у европейской женщины получится сильно выпуклая вперед дуга. У европейца-мужчины выпуклость будет гораздо слабее и будет приблизительно соответствовать выпуклости вперед у женщины-Ведды. Зато у мужчины-Ведды получится вогнутая спереди дуга, т. е. та же картина, что у шимпанзе.

Скелет верхней конечности относительно на три сантиметра длиннее, чем у европейца; предплечье гораздо сильнее развито, чем у европейца, — и в этом отношении Ведды стоят между европейцами и антропоморфными. Бедренная кость искривлена вперед, точно так же, как голень. Стопа более плоска, чем у европейца.

При сопоставлении внешних и остеологических форм у Веддов с таковыми у Тамилов и Сингалез, оказывается, что Сингалезы наиболее близки к европейцам, а Тамилы занимают положение между Веддами и Сингалезами.

Теперь посмотрим, какая эргология, т. е. какие жизненные и какие психические проявления наблюдаются у человеческой вариации, физическая архитектура которой оказалась на столь низкой ступени развития.

Хотя у веддов половые отношения между мужчиной и женщиной не установлены никакими законами, которые были бы категорически предписаны обществом, мы всё же здесь наталкиваемся на неожиданное явление: свобода в этом отношении необычайно ограничена, и половая связь между двумя Веддами несет вполне характер моногамии, свято охраняемой до смерти супругов. Половые отношения между несупругами у натур-Веддов не допускаются. Супружеская измена чрезвычайно редка и всегда ведет к одной и той же развязке, а именно — к смерти виновных. Полигамия, полиандрия и проституция у натур-Веддов совершенно отсутствуют.

Р. Вирхов полагает, что моногамия и супружеская верность при столь легком заключении брака говорят за сердечную доброту этих людей; кроме того, он находит, что мы здесь имеем дело с инстинктом моногамии, которая, и по нашему мнению, является единственной с биологической точки зрения обоснованной формой общения между полами.

По мнению Дарвина, Вирхова и Раубера, самой примитивной и вместе с тем естественной формой человеческой семьи является однобрачие; из него, как полагают Саразины, вторично у более культурных вариаций выработались отношения, граничащие с коммунизмом, а из этих отношений, уже третично, наикультурнейший европеец, часто, правда, только формально, вернулся к моногамии.

Мужья обращаются с женами очень любезно и почтительно, а по словам Невилля, у них даже считается неприличным грубо выражаться в женском обществе. Несмотря на то, что во главе семьи стоит муж, жена у него находится не в порабощении, и ее мнение пользуется в семье всегда уважением. С детьми родители обращаются ласково, рождение ребенка ими празднуется как торжество, и детоубийства у них не существует. Дети к родителям привязаны, и смерть отца или матери их ввергает в грусть и тоску.

Божественного начала натур-Ведды не знают ни в моно-, ни в политеистическом смысле. Единственное, с чем у них связано какое-то поверье, как в нечто сильное и властное — это понятие «лука» и «стрелы». В честь лука у них устраиваются специальные пляски с аккомпаниментом.

Что касается интеллектуальности Веддов, то о ней часто судили крайне неблагоприятно, так что даже подымался вопрос об идиотизме всего племени, но это ошибочное предположение уже было отвергнуто Вирховым. Саразины, прожившие многие месяцы среди Веддов, находят, что их умственные способности вполне нормально развиты, но качественно они стоят гораздо ниже умственных способностей европейца. Горизонт их воззрений, а следовательно и мышления, необычайно узок, но в рамках этого горизонта Ведды расторопны и сообразительны. Память у них довольно хорошо развита, но о прожитой жизни у них не остается никаких воспоминаний, будущее их мало беспокоит. Письма у них нет; попытки научить взрослых натур-Веддов чтению не увенчались успехом. Гораздо легче это удавалось с теми Веддами, у которых была примесь крови Сингалез и Тамилов. Считать натур-Ведды не умеют и научить их этому очень трудно. Ни месяцы, ни дни у них названий не имеют; время дня они определяют по солнцу. У них необычайно сильно развито сознание права собственности; за нарушение этого права европейцами они мстят убийством. Но они не жестоки и без причины никогда не убьют человека. — Они не грабят, не воруют, никогда не лгут.

Они очень гостеприимны и жалостливы, очень услужливы и

благодарны.

Итак, резюмируя всё сказанное о Веддах, мы должны согласиться, что имеем перед собой необычайно интересную вариацию вида Homo sapiens. И физическая, и психическая антропология показали нам, что Ведды стоят, как по своей телесной, так и по своей духовной организации, на очень низкой ступени развития. Они живут инстинктом, который у них проявился, как инстинкт самоуважения, инстинкт права собственности, инстинкт однобрачия.

§ 3

Интересные результаты получаются при изучении и классификации всего человечества, всего населения земного шара. Попытки классифицировать человечество на расы по тому или другому признаку делались давно. Так Андреас Ретциус разделил человечество на основании головного указателя на длинноголовых и короткоголовых; Прюнер-Бей и Э. Геккель производят свою классификацию народов по характеру их волос; Блюменбах — на основании цвета кожи и т. д., и т. д. Затем пришли к убеждению, что подразделять человечество на расы, руководствуясь одним признаком, недостаточно. Стали суммировать для расовой диагностики несколько признаков. Одной из лучших классификаций на основании нескольких признаков считается классификация Деникера. По совершенно оригинальной идее новая классификация на основании нескольких признаков предложена русским антропологом А. Ивановским. В виду доступности и оригинальности этого труда, в виду обширнейшего литературного указателя, приложенного к нему, его следует рекомендовать каждому, интересующемуся антропологией.

Мы же позволим себе здесь привести для примера классификации рас подразделение, предлагаемое А. Воллеманом, которым руководили при составлении ее и лингвистические соображения.

1. Средиземная раса.

К этой расе принадлежат по преимуществу мезоцефалы или брахицефалы и ортогнаты; скулы мало выдаются. Лоб высокий. Большие глаза. Узкий нос с высокой спинкой; тонкие губы и небольшой рот. Волосы не так длинны и жестки, как у монголоидов и слегка волнисты. Волосяной покров тела хорошо развит. Цвет кожи по преимуществу белый, у южных народов темнее, а у некоторых хамитов Африки даже темно-коричневый.

Подразделение средиземной расы.

Хамиты	Семиты	Индоевропейцы	
		Европейцы	Азиаты
Баски(?), Берберы, Египтяне, Фульбы, Жители Габеша, Нубийцы, Галласы, Сомали, Массаи (часто в смеси с Неграми и с семитами, в особенности последние группы.)	Евреи, Арабы и Сирийцы не арабской ветви	Греки, Албанцы, Романцы, Кельты, Германцы, Славяне, Латыши и Литовцы	Гинду, Белуджистанцы, Афганистанцы, Персы, Курды, некоторые народы Кавказа, Армяне (Армяне, по всей вероятности, представляют помесь индо-европейско-семитического племени).

Сюда же причисляются некоторыми этнографами и жители южного Сахалина и остр. Иессо, Аинцы или Айно.

2. Монголоиды.

Монголоиды по преимуществу брахицефалы. Скулы сильно выдаются. Глазная щель идет снаружи внутрь, косо вниз. Лицо широкое, лоб низкий. Нос короткий, корень его низкий, широкий, крылья вздутые. Волосы черные, жесткие, реже — каштановые. Волосяной покров тела незначительный. Цвет кожи желтый, иногда светло-коричневый до красновато-коричневого. Рост колеблется от высокого (китайцы) до маленького (японцы).

Подразделение монголоидов.

Культурные народы Восточной Азии	Малайо-китайцы	Настоящие Малайцы	Урало-Алтайцы		Эскимосы
			Уральская группа	Алтайская группа	
Китайцы, Японцы, Корейцы, Тибетцы	Бирманцы, Сиамцы, Анамиты	Жители Зондских островов, Филиппин и полуострова Малакки	Самоеды, Угры (Мадьяры), Остяки, Вогулы, Волжские племена, Пермская группа, Финнская группа. (Добавление: Болгары.)	Тунгузские племена, Монгольские племена, Тюрко-татары (сюда же принадлежат Османы). (Добавление: изолированные народности северо-восточной Азии.)	Гренландцы, Эскимосы, Лабрадорские и Западные Эскимосы

Хаберландт подразделяет монголоидов на следующие группы: 1. Собственно монгольский тип, 2.Тюркский тип, 3. Манджу-тип, 4. Китайский тип, 5. Малайский тип.

3. Австразийцы.

Подразделяются на две основные группы.

I. Индонезийский тип. Они мезокефалы (субдолихокефалы), указатель в среднем равен 76. Волосы длинные, черные, иногда слегка волнистые. Окраска кожи — коричневая. Сюда принадлежат жители Зондских и соседних с ними островов, например: Батаки (Суматра), Даяки (Борнео), Буги и Макассары (Целебес), Игорроты и Тагалы (Филиппины), жители острова Формозы и островов Лиукшу, Мон-кхмэровские племена задней Индии, племена Мунда и Кол передней

Индии, племена Кхасси из южного Ассама и жители Никобарских островов. Хаберландт причисляет сюда и жителей Мадагаскара, а Вольц еще и Веддов (Цейлон).

II. Полинезийский тип. Данные о форме головы сильно расходятся. Лицо обыкновенно овальной формы; нос плоский или с горбинкой. Радужная оболочка темно- или светлокаряя. Волосы черные или темно-коричневые. Полинезийцы населяют Полинезию и Микронезию, в последней они часто смешаны с Папуасами.

4. Индейцы.

Индейцами называют коренное население Америки. Различные условия, в которых живут Индейцы, разбросанные на обширных пространствах Америки, обусловили и большое разнообразие телесных признаков отдельных индейских племен. Кроме того, многие народности искусственно деформируют себе голову, так что точные измерения становятся невозможными. Форма черепа сильно варьирует; указатель ширины колеблется в пределах от 95 до 63. Скулы выдаются; лоб низкий. Нос часто длинный, орлиный, в особенности у североамериканских Индейцев. Волосы черные, длинные, жесткие, гладкие. Борода слабо развита. Цвет кожи красновато-коричневый. Руки и ноги — малы. По росту одни, как например, Дакота и Патагонцы, принадлежат к самым высоким людям на земном шаре, между тем как жители Огненной Земли в среднем достигают лишь 161 см.

5. Австралийцы.

У Австралийцев наблюдается длинноголовость (72–73) и прогнатизм. Надбровные дуги часто сильно развиты. Корень носа сильно вдавлен, подбородок мал, нос и рот широкие; губы толстые, но не вздутые как у негров; глаза небольшие и глубокие. Волосы черные, жесткие; волосяной покров тела хорошо развит. Цвет кожи темно-коричневый. Мышечная система плохо развита (по мнению Воллемана, от плохого питания). Рост колеблется между 165–155 см. Австралийцы населяют весь материк Австралии. Вымершим населением Тасмании были тоже Австралийцы, имевшие некоторое сходство с Папуасами.

6. Папуасы.

Они длинноголовы, но менее прогнатичны, чем Австралийцы. В некоторых частях Новой Гвинеи встречаются и мезокефальные группы. Губы толстые. Нос широкий, со слегка выгнутой спинкой. Волосы темные, жесткие и курчавые. Волосяной покров вообще хорошо развит. Цвет кожи черно-коричневый, иногда светлее. Рост варьирует, по Мартину, для мужчин от 160–177 см, для женщин от 153–170 см. Папуасы живут на Новой Гвинее и на соседних островах, в особенности на Бисмарковом архипелаге, на Соломониевых о-вах, на о-вах Санта-Круц, на островах Ново-Гебридских, Ново-Каледонских и на о-вах Фиджи.

7. Негритосы.

Негритосы распадаются на три главные группы: Аэты или Айиты на Филиппинах, Семанг на Малакке и Минкопис на Андаманских о-вах. Аэты — брахикефалы, у других негритосов более длинные и более плоские черепа. Их волосы черные, курчавые, спиральноскрученные. Цвет кожи черно-коричневый, но в общем светлее, чем у негров. Рост очень незначительный, он в среднем равен 150–140 см, но бывает и значительно меньше.

8. Дравида.

Дравида — это собирательное имя для целой группы темнокожих народностей передней Индии, отличающихся друг от друга некоторыми физическими признаками, но говорящих на родственных языках. На о. Цейлоне живут Сингалезы, Тамилы и Ведды, — все они причисляются к дравидам. Трудно дать общую характеристику всех этих народностей; как на общесхожие черты можно указать на следующее: они длинноголовы, у них широкое и низкое лицо; нос широкий, у корня иногда вдавленный. Рот большой, губы толстые, но не вздутые. Радужная оболочка черная. Волосы черные, волнистые или вьющиеся; рост бороды — средний. Цвет кожи — темно-коричневый. Тело — стройное; длинные, тонкие конечности. Рост — ниже среднего.

9. Африканские первичные расы.

I Тип. Центральные карликовые племена (или пигмеи).

Эти племена живут между другими неграми центральной Африки, по преимуществу между селениями Банту и девственными лесами Конго, также на северо-западе от этих мест до Камеруна, далее они встречаются на севере от больших озер между суданскими неграми, а на восток они простираются до мест, заселенных хамитскими народами.

Пигмеи отличаются сильным прогнатизмом и очень мелким ростом (от 140–130 см). Рост женщин иногда спускается даже до 124 см. Всё тело покрыто нежным пушком. Цвет кожи варьирует от светло-желтоватого до светло-меднокрасного, кожа морщинистая, мускулатура слабо развита. Нижние конечности относительно коротки. От негров они отличаются более светлой кожей и значительно меньшим ростом.

II Тип. Бушмены и Готтентоты.

а. Бушмены. Они очень походят на пигмеев средней Африки, как по своему росту, так и по (относительно) светлой окраске кожи. Они длинноголовы; указатель ширины в среднем равен 74. Лицо спереди широкое и низкое. Нос короткий, плоский и низкий, крылья не широкие. Рот широкий, губы вздутые. Челюсти выдвинуты вперед. Ушная раковина коротка и широка; ушная мочка или коротка, или совершенно неразвита. Волосы черные, скручены спирально. Цвет кожи матовый, грязно-желтый или желтовато-коричневый. Кожа в морщинах, особенно на животе и на лице. Тело угловатое, худое. У женщин на ягодицах сильное развитие жирового слоя (стеатопигия). Они живут в южной Африке, главным образом в Калахари и в их окрестностях.

б. Готтентоты. Они по преимуществу долихокефалы, ближе к мезокефалии (указ. от 69–76). Череп низкий; скулы сильно выдаются в сторону. Губы слегка вздуты. Нос невелик, глаза маленькие, подбородок длинный и острый. Волосы курчавые. Кожа серо-желтого до желто-коричневого цвета. Мышцы плохо развиты. Ноги и руки маленькие. Ростом они значительно превосходят Бушменов.

10. Негры

Физические признаки довольно непостоянны. В общем они

длинноголовы и обнаруживают прогнатизм; череп высокий, но лоб — скошенный назад, ossa nasalia — слабо развиты. Волосы на голове черные, шерстянистые и короткие. Волосяной покров тела очень слабо развит. Окраска кожи варьирует от кофейного до темно-коричневого. Кожа толстая и эластичная. Икроножные мышцы слабо развиты. Верхние конечности длинные и стройные, нижние конечности относительно коротки. Рост в среднем около 168 см. Лингвистически негры разделяются на две большие группы: 1) Банту-негров и 2) на Суданских негров. Первые живут на юг от экватора, вторые на север.

§ 4

Не только при измерении всего человеческого тела выдвигаются интересные антропологические вопросы, но и при изучении той или иной части человеческого тела, того или другого образования на нашем теле.

Так, например, Х. Фриденталь посвятил целый ряд монографий волосяному покрову тела человека и животных. На основании этих исследований автор разделяет человечество по характеру волосяного покрова тела на три большие группы. Мы имеем, во-первых, темный курчавый тип, который беден терминальным волосяным покровом (Африка). Мы имеем, во-вторых, тоже черноволосый тип, но он отличается гладкими, жесткими волосами на голове и еще более слабо развитым терминальным волосяным покровом тела (Америка, северная и восточная Азия). Мы имеем, в-третьих, между этими двумя характерными типами третий — более примитивный и очень варьирующий (от гладких до курчавых волос), окраска здесь так же сильно варьирует; этот тип сопровождается сильным развитием терминального волосяного покрова (Европа, Австралия, южная и западная Азия. Сюда же нужно отнести Айнов).

Весьма интересные данные имеются уже теперь относительно челюсти и формулы зубов. Уже давно оставлена мысль, что форма и формула зубов представляют из себя нечто постоянное. Зубной аппарат оказался настолько же способным к изменениям и к эволюции, как и другие системы организма. Эти изменения совершаются очень медленно и нередко в связи с изменениями всего черепа. Адлофф, Блюнчли, Эккерман и др. работают над теорией эволюции человеческой формулы из других формул, как с точки зрения эмбриологии и палеонтологии, так и с точки зрения сравнительной анатомии и антропологии. Блюнчли находит, что при филогенезе зубного аппарата играли фундаментальную роль механические факторы, как, напр., форма и характер жевательных мышц, соотношение между скуловой другой и дифференцировкой зубов, лежащих позади от клыков. Прежними авторами уже давно указано на то, что антропологу должно обращать внимание и на взаимное расположение верхних и нижних зубов (прогнатизм и тому подобное), на величину, на форму, на прочность и на искусственную деформацию зубов.

Моментом, подвинувшим вперед научное изучение наружного уха была теория Дарвина, что ушная раковина человека является органом атрофирующимся. Швальбе удалось подтвердить это эмбриональными исследованиями. Таким образом, ухо человека является рудиментарным органом, и небольшой выступ, встречающихся иногда на верхнезадней части завитка наружного уха, т. н. дарвинов бугорок, является остатком измененного заостренного кончика уха животных. По Швальбе наиболее редуцированным является не человеческое ухо, а ухо оранга. Много внимания стали уделять уху со времени Мореля и Ломброзо, когда по учению этих авторов жертвы вырождения должны быть носителями и физических признаков вырождения (stigmata).

Антропология глаза тоже делает свои успехи. Р. Мартин составил прекрасную таблицу для определения окраски глаз (нумерированные стеклянные глаза). Г. Фрич доказал, что лучшее зрение многих народов зависит не только от упражнения, но и от более тонкого строения сетчатки. Е. Фишер обнаружил пигментные клетки в слизистой оболочке животных и цветных рас; Хаушильд описывает три различных типа пигментных клеток в радужной оболочке черных, желтых и белых рас. В plica semilunaris обнаружили Джиакомини у негров, Адахи у японцев, Р. Бартельс у гереро и готтентотов кусочек хряща, — образование постоянное у обезьян, но почти никогда не встречающееся у европейца. Антропологии орбиты посвящена диссертация Дж. Калькхофа.

Расовая анатомия мозга, — специально извилин и борозд его, — уже имеет целую литературу. Несмотря, однако, на многочисленные исследования, вопрос о расовых особенностях извилин по сей день остается открытым.

Что касается вопроса о большем весе мозга у культурных народов, то Кольбрюгге, много занимавшийся исследованием мозгов, оспаривает это.

За самое последнее время обнаруживаются попытки отыскивать расовые особенности мозга путем микроскопических исследований.

По почину Г. Швальбе, вариации мышц стали изучаться и с точки зрения расовых особенностей. Швальбе собирал свою статистику в Страсбурге, на эльзасцах, его ученики Адахи в Киото на японцах, а вариации мускулатуры у негров изучал Лот. Существование расовых различий и более примитивное строение мышц у негров, по мнению исследователей, не подлежит сомнению.

Филогенез человеческой руки, человеческой ноги,

дактилоскопические приемы, строение и расположение papillae vallatae языка и многие другие специальные вопросы в последнее время служат темами для интересных антропологических наблюдений.

Как видно уже из нескольких приведенных примеров, физическая антропология, или просто антропология, (которая пытается совершенно отмежеваться от этнографии, этнологии и географии в самостоятельную дисциплину), уже теперь наметила в своей программе целый ряд интереснейших вопросов, правда, еще далеко не решенных, но пути и методы к выяснению которых уже намечаются и совершенствуются.

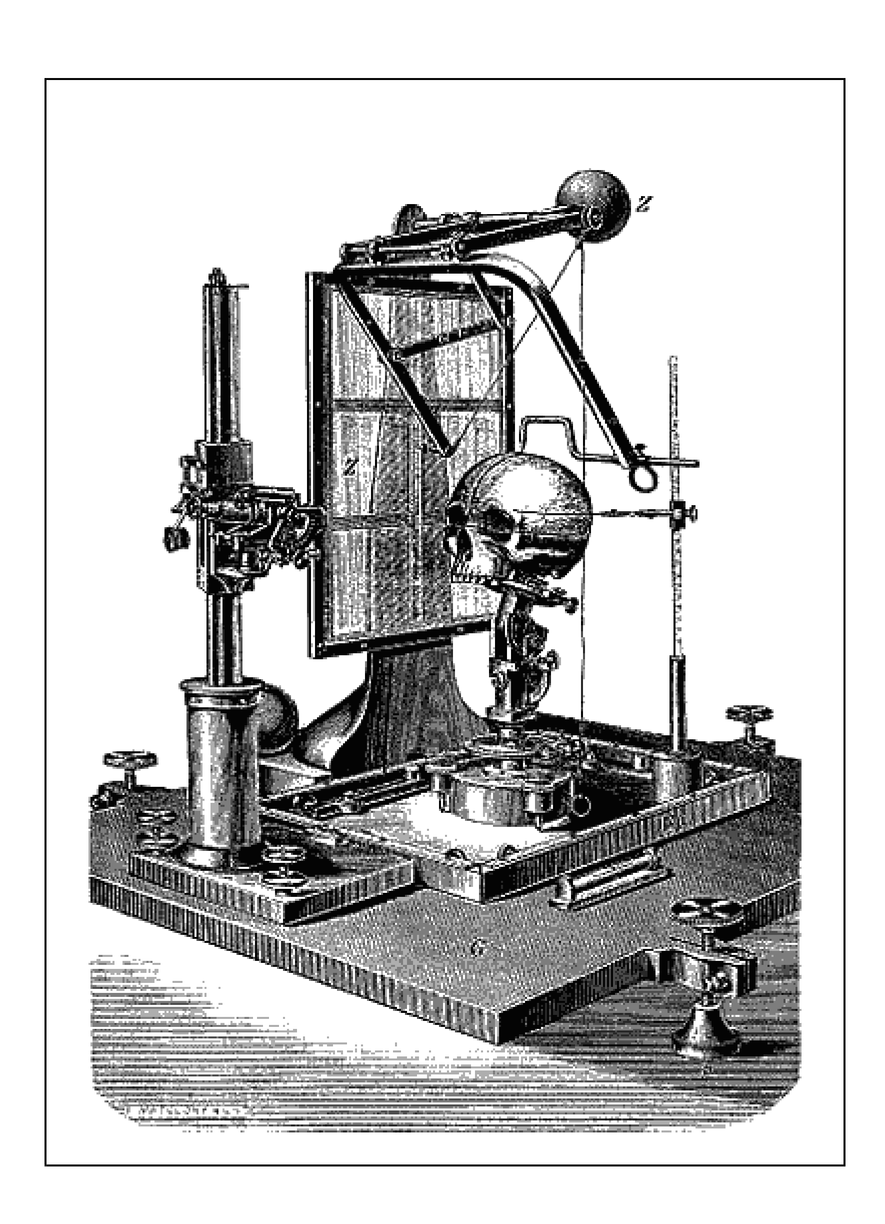
В то время, как археолога интересуют по преимуществу остатки человеческой культуры, этнографа — проявления культуры человека, как такового, и культурные приобретения его, в виде тех или других одеяний, украшений, обычаев, нарядов, технических пособий в домашнем обиходе и на поле битвы, — антрополога интересуют формы, пропорции и вариации человеческого тела в целом, или строение составляющих это тело систем у различных представителей человечества. Приступая к исследованию, антрополог первым делом обнажает свой объект исследования, а затем, произведя на нем ряд объективных исследований, старается по возможности уничтожить индивидуальные вариации путем собирания тех же данных на многих представителях того же типа (той же народности, той же расы, того же пола, того же возраста и т. д.), а затем статистическим методом устанавливает типичные черты для той или другой группы. Этнографические данные подчас очень важны для антрополога тем, что ими иногда объясняются те или другие физические особенности.

За неимением живых объектов, антрополог довольствуется трупами или костяками; антрополог изучает современного, вымершего и ископаемого человека, сопоставляет формы и пропорции человеческого тела с таковыми у животных; он пытается на основании прошлого и настоящего строения человеческого тела или его частей предсказать будущее того или другого органа. Половые различия, изменение форм с возрастом, наследственность форм, экспериментальные изменения форм — всё это входит в область антропологии.

Нельзя не подивиться тому, что антропология так поздно появляется как научная дисциплина среди других биологических наук, так как для человека наиболее интересным должно быть изучение и стремление к познанию своего собственного «я» не только

в духовном, но и в физическом отношении. Учения Ламарка и Дарвина сокрушили и учение Линнея о неизменяемости форм и учение Кювье о катастрофах. Утвердился принцип постепенного и последовательного изменения и совершенствования форм под влиянием тех или иных причин.

Благодаря открытиям голландца Дюбуа, германского врача Фюльрота, трудам анатомов Г. Швальбе, Фрайпонта, в систематике между человеком (Homo sapiens) и человекоподными обезьянами (Anthropomorphae) появились уже Pithecantropus erectus, Homo neandertalensis, Homo aurignacensis, Homo heidelbergensis и др. Благодаря исследованиям анатома Клаача в Австралии, мы теперь знаем, что Австралийцы действительно представляют человеческую расу, стоящую и по своей духовной и по своей физической организации на очень низкой ступени развития. О Веддах мы поговорили. С другой стороны, исследованиями анатомов Элиот Смита, Э. Цуккеркандля, М. Голля, О. Фогта, К. Бродманна и др. выдвигается вопрос о том, что человеческий мозг, пожалуй, еще не завершил своего полного развития даже чисто морфологически, а ведь если эти предположения подтвердятся, то философские пожелания Ницше о сверхчеловеке через много тысячелетий, быть может, увенчаются в научной систематике термином Homo sapientissimus, у которого будет другой формы и с другими высшими функциями мозг.

z
Z

Антропология и медицина

(к вопросу о санитарных исследованиях расы)

В. Е. Эмме

Доклад Первому губернскому съезду земских врачей Полтавской губернии 19-го сентября 1882 года. г. Кобеляки

Главная цель всех человеческих знаний должна заключаться в покоящемся на твердой основе естественных наук изучении человека во все времена и во всех проявлениях его жизни.

Р. ВИРХОВ («Медицинская реформа» 1849 г.)

Возникающая общая наука — Антропология будет решать все вопросы науки и общественной жизни по методу естественных наук.

ТЕОДОР МЕЙНЕРТ (Механика душевной деятельности, перевод В. Кандинского, 1880 г.)

Гигиена, говорит д-р Флюгге, составляет только часть или дополнение антропологии, той обширной науки, предметом которой служит человек, его свойства, развитие, жизнь и его жизненные условия; научная же гигиена имеет своим предметом те процессы, из числа происходящих в обычной обстановке человека, которые могут оказывать более значительное вредное влияние на нормальное течение функций человеческого организма. Составители программы съезда Полтавских врачей, вероятно, имели в виду именно эти задачи, т. е. изучение собственно обстановки человека или среды и тех патологических изменений, которые производит среда в его организме.

С точки зрения психологии весь мир может быть разделен на две части: я и не я; всё, что не я принадлежит окружающей среде. С точки зрения биологии я есть человеческий организм, окруженный средой, с которой организм находится в постоянном взаимодействии.

Самомнение человека представляло когда-то я центром мироздания, для которого создано всё сущее. Теперь мы знаем, что человек является простым членом этого мироздания, осужденным, подобно всем другим существам, на вечную борьбу за существование.

Эта борьба ведется им со всей окружающей средой — неорганической и органической природой.

Для успеха борьбы необходимо знать силы и средства своих врагов. Поэтому мы изучаем среду (санитарные исследования), те вредные, патологические изменения, которые она производит в организме человека (медицинские науки), распределение этих изменений в пространстве и во времени (медицинская география и статистика), способы борьбы с вредными условиями среды (общая, частная и профессиональная гигиена и медицинская полиция).

Изучение среды организовано в настоящее время на прочных началах и обеспечено существованием кафедр Гигиены на всех медицинских факультетах.

Эта «часть антропологии», как совершенно справедливо называет гигиену д-р Флюгге, получила полное право гражданства в системе медицинского образования.

Совсем не в таком положении находится целое, т. е. антропология, части которого заняли уже столь почетное место.

Изучая среду с величайшим рвением и достигнув уже замечательных результатов на пути этого изучения, врачи, можно сказать, почти совершенно упустили из виду изучение окруженного

средою организма человека, что, по словам нашего великого учителя, собственно и должно составлять «главную цель всех человеческих знаний».

Мы решаемся предложить вниманию товарищей вопрос о необходимости изучения на ряду со средой (обстановкой) и самого человека, притом человека нормального для той среды, которая его окружает.

Мы говорим здесь не о тех отвлеченных представителях рода Homo Sapiens, о которых нам читались лекции анатомии и физиологии на медицинских факультетах, а о реальных существах, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, — существах, принадлежащих к известной расе, к известной национальности, к известному культурно-историческому периоду, к известному классу общества, к известной профессии, — всё условия, далеко не безразличные и налагающие глубокую печать как на строение, так и тем более на отправления этих существ.

Заметьте: мы говорим здесь не о патологических изменениях строения и отправлений, а о тех нормальных изменениях, которые возникают в организме человека под влиянием специфических условий борьбы за существование, являясь ответным действием организма на соответствующие воздействия среды, и которые д-р Вильгельм Руа столь удачно назвал функциональными приспособлениями. Так как жизнь есть непрерывное приспособление внутренних отношений (живого существа) к отношениям внешним (условиям среды), то уже a priori мы можем рассчитывать найти в организме человека изменения, возникающие вследствие функциональных приспособлений его организма к требованиям среды. А так как требования, предъявляемые средой (социальный спрос), бывают различны, сообразно различиям, представляемым условиями жизни разных рас, национальностей, культурно-исторических периодов, классов общества или профессиональных условий, то понятно, что на все эти условия необходимо обращать внимание и искать в организме человека соответствующих им изменений.

Не обратив внимания на эти условия и не изучив их изменяющих влияний и производимых ими функциональных приспособлений и структурных изменений, мы не в состоянии будем произвести надлежащую оценку и возникающим на неизвестной антропологической почве патологическим явлениям. Как уже упомянуто, особенности строения и отправлений организма человека,

происходящие вследствие непрерывного его приспособления к окружающей среде, суть физиологические особенности, и потому должны быть принимаемы во внимание и изучаемы раньше патологических изменений, которыми до сих пор только и интересовались врачи и гигиенисты.

Ввиду того обстоятельства, что податливость человеческого организма в отношении к изменяющим влияниям среды прежде всего может обусловливаться природой этого организма, прежде всего необходимо определить эту природу, т. е. вид и расу, к которой принадлежит организм, подлежащий изучению с точки зрения гигиены и медицины.

I

Основным принципом нашего исследования мы ставим следующее положение: определение антропологического характера изучаемого субъекта должно считаться первым условием всякого рационального медицинского или гигиенического исследования, ибо известно, что различные расы подвержены в различной степени различным болезнетворным причинам; что как строение, так и отправления различных рас различны; что острота чувств, мышечная сила, пищеварительная способность, выносливость в работе, умственные способности, производительная способность, способность к акклиматизации и т. д., и т. д., все эти свойства более или менее различны у различных рас.

Вы спросите, может быть, какое же отношение имеет вопрос о необходимости определения расы и антропологического характера изучаемого субъекта вообще, здесь, в Малороссии, когда известно, что мы имеем дело с совершенно однородным, как многие думают, материалом, каким представляется Малорусский народ, народ, говорящий одним языком, исповедующий одну веру, имеющий одни и те же нравы и обычаи и сплоченный историческими условиями в одно этнографическое целое?!

Я принужден буду несколько злоупотребить вашим вниманием и привести вам доказательства, что малорусский народ не есть нечто однородное в антропологическом отношении, что, напротив, он состоит из весьма разнородных антропологических элементов и что поэтому вопрос об определении антропологического характера каждого изучаемого субъекта не может быть чуждым для нас вопросом. Но предварительно я напомню вам факт, приводимый Геккелем; именно он говорит, что «европейцы с смуглой кожей, черными волосами и глазами темных цветов легче акклиматизируются в тропических климатах и гораздо менее подвергаются господствующим эпидемическим болезням (воспаление печени, желтая лихорадка и т. д.), чем европейцы с белой кожей, белокурыми волосами и голубыми глазами».

«При классификации человеческих рас, — говорит Геккель, — основываются отчасти на природе волос, отчасти на окраске кожи, отчасти на форме черепа». Какой важный классификаторный признак для Европейских народов заключается в цвете волос, видно из

следующих слов Топинара: «Вообще окраска дает отличный признак, но не может быть признана за основу для классификации рас. Разделение белых рас (и этой последней на две: белокурых и брюнетов) может считаться единственным удачным исключением». Далее он говорит: «Из сказанного вытекает, что волосы дают точные и определенные признаки, которые могли бы быть приняты за основание для классификации человеческих рас. При этом прежде всего выделяются три группы: 1, плоские волосы, т. е. рунообразные, характеризующие негров; 2, волосы твердые и округленные, как у Монголов, Китайцев, Малайцев и Американцев, и 3, волосы промежуточные по форме и объему, свойственные Европейским расам. Первая группа могла бы быть подразделена, смотря по тому, растут ли волосы отдельными пучками, как у Папуасов, Бушменов, или же равномерно по всей голове, как у других негров; а третья группа в свою очередь могла бы подразделяться, смотря по тому, будут ли волосы темные, как у наших южных рас, или белокурые, как у северных рас. Наконец, соединяя прямизну волос с чистым черным цветом некоторых рас, получилась бы последняя группа, заключающая Австралийцев, Гимиаритов (?) и др. Таким образом получилось бы шесть основных подразделений, основанных на признаках одного и того же органа».

Итак мы видим, что признак, заключающийся в цвете волос, настолько важен, что на нем может быть основано деление всего человеческого рода на шесть основных групп. — Спрашивается, мыслимо ли при научных исследованиях пренебрегать подобным признаком: Если физиолог при производстве своих экспериментов считает долгом упомянуть прежде всего о породе животного, над которым он экспериментирует, определить делает ли он наблюдения над rana temporaria или над rana esculenta, то неужели врачи или гигиенисты могут пренебрегать более важными антропологическими данными?

Другой не менее важный признак, как видно из приведенного мнения Геккеля, с которым согласны все антропологи, заключается в форме черепа.

Форма черепа, рассматриваемого сверху, в так называемой norma verticalis, будучи вообще яйцевидной — суженной ко лбу и более широкой к затылку — бывает в то же время более или менее кругла или продолговата.

Поэтому принимают две крайних формы: коротко- и длинноголовых. Между этими двумя крайностями помещают

среднюю форму мезацефалов или среднеголовых. Степень длинноголовости или короткоголовости, вообще форма черепа, рассматриваемого в norma verticalis, выражается так называемым черепным указателем, т. е. числом, происходящим от выражения наибольшей ширины черепа в сотых долях его наибольшей длины. Таким образом на основании черепных указателей является возможность точного разграничения рас, точной их классификации на следующие три основные группы, с подразделениями 1-й и 3-й еще на две: поддлинноголовых и подкороткоголовых, так что является пять групп. Границы их выражаются следующим числами:

Долихоцефалы Настоящие или крайние — до 75
или Субдолихоцефалы
Длинноголовые или поддлинноголовые — от 75,01 до 77,77
Мезацефалы
или — от 77,78 до 80,00.
Среднеголовые
Брахицефалы Суббрахицефалы или подкороткоголовые от 80,01
Или до 83,33.
Короткоголовые Настоящие или крайние от 83,34 и выше.

Население Малороссии и с точки зрения этой классификации, как оказалось, по крайней мере, по моим предварительным исследованиям в Кобелякском уезде, весьма разнородно. Именно я нашел, что из исследованных мной 41-го человека 26,82 % было длинноголовых, 21,95 среднеголовых и 52,22 короткоголовых. При этом оказалось также, что как черноволосый элемент, так и светловолосый не однородны, а состоят каждый из двух противоположных групп: долихоцефалов и брахицефалов, причем особую наклонность к крайней долихоцефалии проявляют черноволосые, также как и к крайней брахицефалии, так что разнородность их в этом отношении крайне значительна! Крайние черноволосые долихоцефалы и брахицефалы отличаются друг от друга немного меньше, чем самый длинноголовый эскимос от самого короткоголового лапландца, — расы, из которых 1-ая относится антропологами к самым длинноголовым, а 2-ая к самым короткоголовым народам земного шара.

И белокурый элемент также представляется смешанным: в состав его входят и крайние брахицефалы и поддлинноголовые. Присутствие

настоящих длинноголовых белокурых я еще не мог доказать; следовательно, белокурый элемент пока представляется, по крайней мере, для меня, более однородным, сравнительно с черноволосым.

Кроме этих четырех элементов встречается еще один, рыжеволосый и зеленоглазый, что указывает на присутствие финской крови; народы, характеризовавшиеся этими признаками в древние времена, жили в пределах северной и центральной Азии, но были потом вытеснены черноволосыми и черноглазыми расами, которые теперь и занимают страны исчезнувших в тех местах рыжеволосых и зеленоглазых народов.

Из всего вышесказанного видно, насколько сложен антропологический состав современного малорусского народа. Но картина этой сложности усугубится еще более, если мы вспомним, что все эти основные элементы дали массы продуктов смешения и скрещивания, массы самых разнородных метисов различных степеней, о разнообразии которых можно составить себе понятие, сообразив, сколько можно получить различных сочетаний по два, как из чистых элементов между собой, так и с метисами разных степеней, а также и этих последних с другими метисами.

Но так как нет возможности, по крайней мере, в настоящее время, определить установившиеся типы метисов, то мы должны довольствоваться изучением сохранившихся еще в достаточном количестве и в довольно чистом виде крайних антропологических элементов, принимавших участие в образовании малорусского народа.

Чтобы выделить эти крайние чистые элементы из массы окружающей их смеси, необходимо дополнить наши знания относительно основных признаков цвета кожи, волос, глаз и черепного указателя, определением и некоторых других признаков, с которыми первые находятся в известном постоянном соотношении. Чтобы получить более или менее полную антропологическую характеристику данного субъекта необходимо поэтому вышеприведенные данные дополнить следующими: лицевым, носовым и лобным указателями, внешним глазничным диаметром, расстоянием углов нижней челюсти, наибольшей горизонтальной окружностью головы, полной длиной лица и высотой роста.

Я боюсь, что приведенные соображения недостаточно доказательны, чтобы признать 1-й пункт необходимым базисом для всякого медико-санитарного исследования, производимого с целью определения патологических изменений, физиологических или морфологических особенностей, свойственных данной

антропологической почве; но вследствие недостатка места и времени я не могу привести большего количества данных и потому ограничусь вышесказанным, очень хорошо зная, что всякий врач, интересующийся этим вопросом, всегда найдет возможность обставить его более вескими аргументами и из области вероятного и желательного перевести в область достоверного и потому необходимого.

Итак, пока признаем доказанным, что врачу-гигиенисту прежде всего необходимо знать антропологический характер изучаемого индивида, или любой социальной или естественной группы, подлежащей его изучению.

II

Второй вопрос, на который необходимо обратить особенное внимание при изучении человека, есть вопрос о национальности. Национальность указывает нередко, во-первых, на известный племенной состав; во-вторых, всегда на известную степень культурно-исторического развития, на известную степень цивилизации, в-третьих, на известные естественно-исторические свойства среды (география, геология, метеорология). Так как национальность не есть естественная антропологическая группа, а искусственная комбинация, большей частью, различных антропологических элементов, то при изучении необходимо разлагать ее на эти составные элементы, подвергать антропологическому анализу, подобно тому, как это было сделано выше, хотя по необходимости и очень поверхностно, относительно малорусского народа.

Второе указание, вытекающее из знания национальности, — степень культурно-исторического развития, степень цивилизации, для нас особенно важно.

Известно, как разнообразны так называемые характеры различных наций. Не вдаваясь в анализ свойств, определяемых обыкновенно этим термином, мы напомним только, что, по общераспространенному убеждению, национальным характером определяется в значительной мере социально-политический строй общества, а этот строй для современного цивилизованного человека является второй природой. Цивилизованный человек окружен условиями социального строя и связанными с ним политическими, экономическими, нравственными, религиозными, бытовыми, юридическими и другими условиями всюду и всегда, и совокупное воздействие всех этих условий на его организм не может не быть существенным. Должно существовать известное соотношение между культурно-историческим развитием данной нации и биологическим развитием составляющих ее индивидов, потому что степень культурно-исторического развития соответствует степени трудности борьбы за существование.

Физический характер народа, говорит Причард, всегда пропорционален степени его умственного и социального развития, и условия культуры и цивилизации имеют не менее влияния, чем географические и климатические условия.

Антропологи принимают, что различия в строении полов замечательно совпадают с различиями в степени цивилизации, а может быть в значительной мере и обусловливаются высотой цивилизации; чем выше цивилизация, тем более расходятся признаки строения; чем ниже цивилизация, тем разница в строении обоих полов меньше. Ретциус нашел, что в Швеции черепа женщин высшего и среднего сословия вообще гораздо меньше черепов крестьянок, и приписывает это влиянию различного образа жизни и занятий. Этот факт объясняется, быть может, более интенсивной борьбой за существование крестьянок, подобно тому, как разная емкость черепа у дикого и домашнего кролика объясняется бездеятельной и беспечной жизнью последнего.

Аналогичное и весьма понятное взаимодействие умственной жизни, говорит Вайц, выражается и в том, что дети негров, родившиеся свободными в Сьерра-Леоне, красивее, смотрят умнее и держатся прямее и свободнее, нередко бывают даже лучше сложены, чем их родители, бывшие невольниками. По измерениям Айткен-Мейгса, вместимость черепа у негров, родившихся в Африке, гораздо значительнее, чем у негров-невольников, родившихся в северной Америке.

Вообще, говорит Вайц, весьма разнообразная наружность так обширно распространенных во внутренней Африке фуллахов соответствует, как мы это покажем в другом месте, довольно точно различиям в цивилизации и социальных условиях, в которых они живут, и притом эти разнообразия не могут быть достаточно объяснены смешением с негритянскими народами.

По словам Причарда, в 1641 и в следующие года ольстерские ирландцы из Аргама и мест, лежащих к югу от Доуна, были оттеснены англичанами в горы; когда впоследствии их опять нашли, то оказалось, что они совершенно обезображены: ростом всего 5 ф. 2 дюйм., с толстым животом, искривленными ногами, безобразным лицом, с открытым выступающим ртом и выдающимися зубами. В других частях света мы находим более резкие примеры подобного рода, еще нагляднее представляющие действие подобных условий, потому что проявляются в одинаковой степени на всем народе.

Описывая исследования Брока относительно вместимости парижских черепов различный столетий, К. Фогт говорит: «Далее, исследования Брока привели к замечательному выводу, что череп парижского населения в течении столетий очевидным образом увеличился относительно своей вместимости: если сравнить черепа

XII столетия с черепами XIX столетия, то оказывается, что последние имеют большую вместимость, чем первые, несмотря на то обстоятельство, что черепа XII столетия взяты исключительно от людей высших классов». Если, говорит Фогт, и другие факты приведут к тому же, то из этого совершенно основательно можно заключить, что под влиянием цивилизации в течении столетий вместимость черепа расы мало-помалу увеличивается.

Латам приводит таблицу, доказывающую посредством измерений, что вместимость черепа у древних шотландцев была менее значительна, чем у новейших, и считает это следствием цивилизации. Что касается до негров, то черепа их, открытые в Нью-Йорке, по мнению доктора Уаррена, гораздо толще и, рассматриваемые френологически, оказались менее одаренными в умственном отношении, чем новейшие.

Яррольд полагает, на основании древних рисунков, что скулы англичан прежде сильнее выдавались (в северной Англии они и до сих пор сильнее развиты); это напоминает нам те строгие черты, которые сохранились в картинах древне-германской школы, и доказывает, что и немецкая физиономия не осталась без изменений. Утонченные нравы, более разносторонняя внутренняя жизнь и большая подвижность характера, по-видимому, привели к тому, что суровое смягчилось, резкое сгладилось, угловатое округлилось.

Приведенные факты, которыми, за недостатком места, мы и принуждены будем ограничиться, ясно доказывают, что условия культуры и цивилизации влияют изменяющим образом на строение человеческого организма.

Что касается изменения его отправлений, то и в этом отношении имеются весьма веские данные.

Продолжительность жизни увеличивается вместе с ходом цивилизации. Отправления высших органов чувств также совершенствуются.

«Достоверно известно, — говорит Блацерна, — что древние греки не были знакомы с гармонией даже в цветущий период своей культуры». «Вообще музыка играла у них роль весьма второстепенную и служила только средством увеличивать впечатления живого слова».

Известно, какая пропасть существует между музыкой высокоцивилизованных наций и музыкой наций, стоящих на низкой ступени культуры. Наша русская национальная музыка стоит выше грузинской, а музыка народов западной Европы, в ее лучших

представителях, стоит выше русской.

«Пути, проходимые различными народностями в разные периоды их музыкальной культуры, — говорит Блацерна, — были и будут весьма разнообразны».

Зрение прогрессирует также. В Илиаде радуга называется красной или пурпурной. Пророк Иезекииль не находит лучшего сравнения для радуги, как раскаленный металл. Ксенофонт, живший в половине VI века до Р. Х., описывая радугу, определяет только три цвета: пурпурный, красный и светло-зеленый. По Пифагору радуга состоит из 4-х цветов: белого, черного, красного и желтого. Эмпедокл, Демокрит и Феофраст были того же мнения. Такой тонкий наблюдатель, как Аристотель, называет радугу трехцветной. Он отчетливо различал красный, зеленый и фиолетовый цвета и, кажется, допускал существование четвертого оттенка радуги, говоря: «между красным и зеленым часто помещается желтый». Очевидно, ему были еще недоступны все цвета спектра. Это мнение держалось до времен христианства. Плиний видел в радуге три цвета: красный, пурпурный и аметистовый. Гомер не знал зеленого цвета и не видел различия между цветами мёда и травы. По словам Гейгера, небо представлялось древним черным, а не голубым. Ни в Авесте, ни в Библии, ни в Талмуде, ни в Илиаде, ни в Одиссее, ни в Коране, ни в десяти книгах Риксаниты, ни в одном памятнике древнейшей письменности нет других прилагательных для неба, кроме «пространное», «великое», «широкое», «огромное». О случайности, говорит Гейгер, тут не может быть и речи.

Подобно древним, и современные полудикие народы не видят различия многих цветов. По Пальгреву, арабы употребляют слова: зеленое, черное и бурое, как синонимы. Корейцы не различают зеленого и голубого, называя их одним словом — pehurada. По Швейфурту, племя Бонго, живущее в центральной Африке, черный, голубой и зеленый цвета называют одинаково словом — kamakulutch. Марно то же самое говорит о других центрально-африканских народах. У Бонго цветовая шкала состоит из трех цветов: черного, красного и белого.

Заметим, что количественная сторона высших органов чувств, если можно так выразиться, у ниже стоящих народов может быть выше той же стороны у высокоцивилизованных народов; но зато качественная сторона этих отправлений всегда должна быть ниже. Дикарь может быть дальнозорким, очень чутким, но его пониманию недоступны гармонические сочетания звуков и красок; он может

хорошо различать малейшие шумы, но гармонические сочетания тонов ему непонятны. У хищных животных обоняние чрезвычайно тонко в смысле способности открывать следы запахов, недоступных человеку; но зато им недоступно понимание различных ароматов.

О различиях умственных отправлений, играющих главную роль в борьбе за существование человека, мы не будем говорить, так как каждому известно, какое разительное разнообразие в степени умственного развития представляют народы, стоящие на различных ступенях цивилизации. Значение этих различий понятно само собой: как в жизни отдельных индивидов, так и в жизни целых народов преимущества, даваемые превосходством умственного развития, обеспечивают существование, облегчают борьбу за право бытия и гарантируют как индивидуальный, так и коллективный прогресс различных социальных групп.

В следующем параграфе приведена еще масса фактов относительно изменений строения различных органов человеческого организма, а равно и относительно изменений их отправлений. Так как основные законы изменчивости одинаковы для всех организмов и применимы безразлично и к расам, и к национальностям, и к различным классам общества, и к различным профессиям, потому что при всех этих условиях человек остается все-таки человеком, т. е. организмом, подчиненным общим биологическим законам, то мы и ограничимся пока вышеприведенными фактами, потому что новые факты, приводимые в следующем параграфе, будут служить подтверждением вышесказанных положений.

И потому, хотя мы и сознаем крайнюю недостаточность приведенных фактов для доказательства соответственности между степенью биологического и морфологического развития человеческого организма, с одной стороны, и степенью культурно-исторического развития нации, к которой он принадлежит, с другой, тем не менее принимаем пока это положение за доказанное и постараемся выяснить, чем обусловливается эта соответственность.

В общих чертах объяснение заключается в следующем: биологическое развитие, высота типа человека, обусловливается характером его борьбы за существование; характер борьбы за существование в человеческом роде обусловливается степенью культурно-исторического развития народов, — следовательно, биологическое развитие обусловливается степенью культурно-исторического развития.

Если верна основная посылка, то должен быть верен и логический

из нее вывод; доказательством этого мы и займемся.

Человек ведет борьбу за существование со всей средой — как с окружающей природой, так и с другими людьми.

Он борется с людьми с целью воспользоваться результатами их борьбы, потому что инстинкт самосохранения подсказал человеку, что борьба за существование стоит жизни, и что поэтому выгоднее присваивать продукты чужой борьбы, чем тратить свою собственную жизнь на эту борьбу. Поэтому с первобытных времен мы встречаемся с фактом борьбы за существование в среде человечества.

Если нам и не удалось доказать со всей степенью желательной точности выставленное нами положение, что степень биологического развития индивида соответствует и обусловливается степенью культурно-исторического развития той нации, к которой он принадлежит, то мы полагаем, что нам удалось, по крайней мере, хотя несколько приблизиться к понимаю, а быть может и к разрешению этого важного вопроса.

III

Мы переходим теперь к изложению самого важного разряда фактов; именно к описанию тех изменений, которые производят в организме человека специальные условия социальной среды и которые обусловливаются принадлежностью индивида к тому или другому классу общества, к той или другой профессии. Считаю необходимым напомнить вам, что и в данном случае мы будем говорить только о тех изменениях строения и отправлений, которые могут считаться нормальными для данных, специфических условий борьбы за существование и которые, возникая благодаря функциональному приспособлению различных органов и тканей к требованиям, предъявляемым средой, не нарушают нормального течения физиологических функций остального организма.

Красота физиономии и общий habitus. Всем известно, что на физиономии всякого лица, принадлежащего к низшему классу общества, лежит особый отпечаток, по которому легко догадаться о принадлежности этого лица к данному классу. Точно также и физиономии лиц высших классов говорят наблюдателю о принадлежности их к этим классам. Опытный судебный следователь или судебный врач по физиономии трупа, по общему его habitus'у отличает труп простолюдина от трупа человека, принадлежащего к высшему классу общества.

Низшие классы всякого народа гораздо значительнее высших приближаются весьма многими признаками к типу представителей прежних поколений, к вымершим представителям прежних периодов культуры, а также и к современным менее цивилизованным нациям и даже к полудиким и первобытным народам.

Эта параллель может быть проведена весьма глубоко и приблизительно выражается в следующих отношениях:

Древние люди относятся к современным так, как первобытные народы — к цивилизованным, как менее цивилизованные — к более цивилизованным и как низшие классы современных обществ — к высшим.

Причины, сближающие признаки этих категорий, те же самые, о которых шла речь в предыдущей главе: древние люди, первобытные народы, менее цивилизованные нации и низшие классы современных цивилизованных обществ, в отношении к пользованию благами

культуры и цивилизации, стоят в несравненно менее выгодных отношениях, чем их более счастливые соперники. Борьба за существование для английского пролетария поденщика, хотя и легче сравнительно с борьбой такого же русского поденщика, или с той же борьбой современного дикаря, или Лозерского троглодита, однако она далеко труднее борьбы английского лорда, хотя и первый, и последний принадлежат к одной и той же культурной нации.

Низшим классам многих народов доступны только обрывки цивилизации, которой тщеславятся различные нации и которая является достоянием только их высших классов. Вот почему и антропологический тип низших классов всех наций обыкновенно ниже типа высших классов.

У сродных и первоначально сходных между собой во всех отношениях народов, вследствие неодинаковой культуры, физической и умственной жизни, говорит Вайц, постоянно всё больше и больше выступает неравенство в развитии их внутренних и внешних особенностей.

Так, внешняя красота физиономии у низших классов есть явление более редкое и менее совершенное, чем у высших классов. Тонкие красивые черты лица крайне редки в среде народа. А красота лица является одним из весьма важных признаков высоты антропологического типа, в чем можно убедиться из анализа сущности красоты человеческого лица.

Элементы красоты суть вместе с тем и признаки высокого морфологического развития: соразмерно высокий и широкий, более или менее вертикально поднимающийся лоб; узкий, прямой или слегка горбатый нос; малое расстояние между внутренними углами глаз; маленький красиво очерченный рот; весьма мало выдающиеся скулы; невыдающаяся, короткая и узкая нижняя челюсть; ровные, средней величины и вертикально стоящие зубы; красивая, не оттопыренная, снабженная соразмерно развитым завитком ушная раковина — всё это вместе взятое, в совокупности со свежим цветом лица, нежностью кожи, большими, красивыми, осмысленными глазами, составляет то, что мы называем красивой физиономией. Возьмите ряд противоположных признаков и вы получите рожу дикаря, с узким, низким и покатым назад лбом; широким, со вдавленным переносьем, носом; с большими промежутками между внутренними углами глаз, с большим выступающим вперед ртом, очерченным толстыми «скотскими» губами; с громадными скулами и выдающейся вперед широкой и высокой нижней челюстью; белыми

зубами, между которыми нередко значительные промежутки; с оттопыренными «свиными» ушами без завитка, с грязным цветом кожи и хищным или тупым взором маленьких глаз.

«Самая красивая и обворожительная женщина, — говорит Дарвин, — обыкновенно одарена здоровым телом и деятельным умом».

«Многие убеждены и, как мне кажется, не без основания, — говорит он в другом месте, — что члены нашей аристократии (понимая под этим словом всё богатое сословие, в котором право первородства долго преобладало) сделались, согласно европейскому идеалу красоты, более красивыми, чем средние классы, именно потому, что в ряду многих поколений выбирали себе в жены самых красивых женщин из всех классов, хотя и среднее сословие поставлено в одинаково благоприятные условия жизни для полного физического развития». Отсюда видно, что Дарвин одним из признаков полного физического развития считает личную красоту.

Даже у дикарей господствующие классы красивее и лучше сложены, чем парии диких общин.

«Кук замечает, — говорит Дарвин, — что превосходство в чертах лица, замечаемое у господствующего класса на всех островах Тихого Океана, встречается и на Сандвичевых островах; впрочем, — прибавляет он, — это может быть приписано главным образом лучшему качеству их пищи и образу жизни».

Приведя массу подобных фактов, которых за недостатком места мы не станем цитировать, Вайц говорит: «Подобные, хотя вследствие меньшей исключительности, и менее резко выраженные различия между дворянством и народом мы находим везде».

«Когда кто захочет изучить тип физиономии француза, немца или англичанина, — говорит профессор А. П. Богданов, — то он, конечно не возьмет первую парикмахерскую физиономию, первого встретившегося колбасника, а выберет тех представителей, которые воплощают в себе всё, что представляется особенно замечательным в характере данной нации. Мы составляем себе понятие о народе — не только с культурной стороны и художественной точки зрения, но и со стороны физиогномических особенностей — по тем величайшим, наиболее типическим представителям, которые вышли из известного народа. Мы берем физиономию Кювье и Клода Бернара для французов, Гете, Шиллера и Гумбольдта для немцев, Дарвина, Оуэна и Милля для англичан. И мы правы в этом случае. Мы не судим о каком-либо растении по едва заметной, безразличной почке его, а по

вполне распустившемуся цветку, по вполне созревшему плоду».

Рост. «Кетлэ, — говорит Вайц, — статистически доказал, что богатство и бедность имеют решительное влияние на рост и смертность. Голод, употребление в больших количествах одних недостаточно питательных веществ, напр. картофеля, наконец, употребление вообще несоответственных или дурных питательных веществ, оказывает свое действие, что нетрудно наблюдать в больших городах и фабричных округах новейших цивилизованных государств».

Виллерме утверждает, что рост становится больше и раньше достигает своего высшего предела, при одинаковых условиях, по мере богатства страны и распространения благосостояния между жителями.

То же самое явление по Дарвину наблюдается и у первобытных народов. «Если припомнить, — говорит он, — разницу роста между старшинами полинезийских островов и остальными туземцами, или между обитателями плодоносных вулканических островов и низменных коралловых обнажений в том же самом океане; или еще между жителями восточных и западных берегов Огненной Земли, где средства к прокормлению весьма различны, то едва ли мы вправе отвергать, что улучшение питания и умножение удобств жизни имеют влияние на рост».

Вайц приводит подобные же данные относительно находящихся в различных условиях жизни бушменов, якутов и других народностей.

Общий покров кожи. У высших сословий, особенно у женщин, кожа значительно тоньше и нежнее, чем кожа на соответственных частях тела у низших классов населения. У мужчин вообще кожа грубее, чем у женщин, но у крестьянок и работниц кожа на лице и руках бывает значительно грубее, чем у мужчин высших классов или занимающихся умственным трудом.

Эти качества кожи могут передаваться по наследству, как это видно из следующих слов Дарвина: «У младенцев, задолго до рождения, кожа на подошвах толще, чем на остальных частях тела; это уже кажется, несомненно, унаследованное качество, произведенное трением подошв у целого ряда поколений».

Открытые и более подвергающиеся внешним влияниям части тела: лицо, руки и ноги, у низших сословий представляют особенно резкие отличия по качеству кожи от соответственных частей тела высших сословий. Эти отличия особенно резко выступают на частях кожи, подвергающихся особенно резким влияниям обстановки.

Жир в подкожной соединительной ткани рук. Влияние работы не

ограничивается только поверхностными слоями кожи, но отражается и на глубже лежащих частях. Так, у людей, занимающихся тяжелыми ручными работами, по словам Гиртля, жир исчезает из подкожной клетчатки ладонной поверхности пальцев. Фиброзные волокна ее приближаются друг к другу и образуют настоящую поверхностную фасцию, и очень часто между ее слоями или между ней и фиброзными влагалищами сухожилий сгибающих мышц замечаются случайные слизистые сумочки. Жир этот, по-видимому, чрезвычайно стоек, потому что «не исчезает совершенно даже при продолжительных изнурительных болезнях и никогда не разрастается до такой степени, чтобы изуродовать пальцы».

Слизистые сумочки. Еще более глубокое влияние давления, связанного с профессиональными условиями, обнаруживается в образовании или усиленном развитии особых органов — слизистых сумочек, назначение которых состоит в уменьшении трения между двумя соприкасающимися и трущимися поверхностями.

По Гиртлю, на акромиальном отростке лопатки очень часто находится слизистая сумочка, которая, по его исследованиям, всегда бывает у людей, носящих тяжести на плечах или на спине с помощью широких перевязей. Точно так же, по его словам, на локтевом отростке подкожная соединительная ткань лишена жира и представляет там подкожную слизистую сумочку, обращающуюся, при накоплении ее жидкого содержимого, в видимую снаружи опухоль, часто встречающуюся у работников английских каменноугольных копей и известную там под названием the miners elbow.

У людей худощавых, которые по своим обязанностям или по какой-либо другой причине принуждены бывают часто и долго сидеть, слизистые сумочки, находящиеся на седалищном бугре, достигают иногда величины волошского ореха.

Конечности. На руках рабочего человека весьма сильно отражается влияние работы. Как мы только что видели, это влияние сказывается прежде всего на наружных покровах и на непосредственно лежащих под ними тканях и органах, утолщая кожу вообще, образуя мозолистые утолщения в различных частях тела, вызывая исчезание подкожного жира и замену его более плотной фиброзной соединительной тканью и даже вызывая образование целых сложных органов, каковы слизистые сумки.

Влияние это идет, однако, еще глубже: оно изменяет мышцы, сосуды и даже самые кости рабочих органов.

Рука. Характеристические особенности рабочей руки давно замечены не только анатомами, но и поэтами. Припомним, как В. Гюго описывает руку одного моряка: рука — лопата, цвета красного дерева, дубина — по легкости, клещи — при пожатии и, сжимаемая в кулак, — разбивала камни мостовой.

Подобные руки в Великорусских губерниях встречаются гораздо чаще, чем здесь, на юге. Я был, признаться, сильно разочарован, изучая руки здешних новобранцев. Пересмотрев несколько сот человек, я был поражен, найдя очень малый процент тех характеристических лопат, о которых говорит В. Гюго. Тогда я стал обращать внимание на руки возмужалых и старых субъектов и недоразумение разъяснилось.

Оказывается, что и здесь встречаются характерные крестьянские руки, но только в возрасте более позднем, чем в России. У молодых крестьян 21 года кисть руки еще не успевает обезобразиться и представляется довольно узкой и длинной, пальцы еще довольно тонки и подвижность их еще довольно значительна. У пожилых и старых субъектов (здесь, а на севере раньше) ладонь крестьянской руки делается шире и толще, концы пальцев почти такой же толщины, как и основание; самые пальцы относительно укорачиваются и утолщаются, становятся «корявыми»; рука теряет способность плотно сжиматься в кулак, вследствие уменьшенной подвижности пальцев; ногти становятся очень толстыми и плоскими; кожа, покрывающая ладонь, утолщается и покрывается мозолями и трещинами до 2-х миллиметров глубиной, над пястно-фалангеальными сочленениями и на боковых поверхностях ладони. Осязательная способность руки сильно притупляется; вообще она становится неспособной к тем тонким и разнообразным отправлениям, для которых она назначена. Я знал крестьян, которые не в состоянии были захватить толстую швейную иглу, не сдвинув ее предварительно на край стола.

У нас, как вероятно и всюду, кисть руки земледельца больше, чем у дворян.

Дарвин говорит, что у английских землевладельцев эта разница обнаруживается уже при рождении.

Гиртль говорит, что нет никакого сомнения, что по очертанию рук можно узнать, принадлежит ли данное лицо к более благородному или более низкому сословию.

Относительно формы предплечья у кузнецов и матросов он говорит: «Подкожная клетчатка более или менее богата жиром и придает переднему плечу округленную форму, которая на

мускулистой руке матроса или кузнеца переходит в угловатую, потому что мышечные брюшки со своими сухожилиями образуют по длине переднего плеча более или менее параллельные возвышенности.

Ключица. Ключица также изменяется; по Порталю, правая ключица изогнута у обоих полов больше левой. «У людей рабочего класса грудинный конец ключицы толще, более угловат, имеет вид четырехсторонней пирамиды, и спереди и сзади выступает над уровнем ключичной выемки грудины. Чем более мы действуем плечом, тем более развивается ключица и тем явственнее становится ее s-образное искривление. Поэтому может случиться, что у женщины ключица иногда сильнее искривлена, чем у мужчины. То же самое можно сказать и о плотности этой кости и о неровности ее возвышений, к которым прикрепляются мышцы; развитие этой кости идет рука об руку с развитием мышц. Следовательно, должно обращать особенное внимание на ключицу при решении вопроса: принадлежат ли найденные кости лицу рабочего класса или нет?»

Лопатка. Относительно изменяемости лопатки мы находим у Гиртля следующие замечания:

«Эти возвышенные линии (costae scapulares), напротив того, составляют места прикрепления для отдельных пучков подлопаточной мышцы и бывают сильнее выражены у тех людей, которые много работают своими руками. У атлетов лопатки делаются широкими и утолщаются по своим краям; напротив того, у чахоточных лопатки делаются слабыми, края их заостряются» (от бездеятельности).

Как противоположность крестьянской руке можно привести подвижную руку артиста или акушера и аристократическую ручку дамы высшего общества с ее узкой кистью, длинными, тонкими и подвижными пальцами, одаренными тонким осязанием.

Наблюдения подобного рода, относящиеся к развитию руки как целого от усиленной деятельности, были произведены и над первобытными народами. Ренгер приписывает тонкость ног и толщину рук у индейцев племени Пайягуас тому обстоятельству, что все они, из рода в род, проводят большую часть жизни в челноках, причем нижние конечности их остаются в бездействии.

Не указывают ли подчеркнутые нами слова Дарвина, что и у нашего земледельца-крестьянина, из рода в род, в течение многих веков занимающегося обработкой земли, путем функционального приспособления, должны были тоже выработаться своеобразные особенности строения, которые следовало бы определить?

Нога. Известно, что женщины высших сословий гордятся незначительной величиной стопы своих ног, точно также, как маленькими ручками. Маленькая ножка считается всюду признаком аристократического происхождения, точно также, как большая «лапа» всюду считается «хамским» признаком. Действительно, у крестьянок стопа и кисть руки относительно гораздо больше, нежели у дам высшего круга.

Голень у крестьянских баб обратила внимание писателей особым развитием икр и об «ядреных икрах» упоминал неоднократно еще Гоголь в своих «Мертвых Душах».

Спенсер указывает на особое развитие ног танцоров и приводящих мышц голеней жокеев; всем известны кривые ноги кавалеристов, неуклюжие и короткие ноги носильщиков, упомянув о которых, Вебер замечает, что всё это было известно уже и древним, которые изображали быстрые ноги Дианы совершенно иначе, нежели короткие приземистые ноги Геркулеса.

Жители Огненной Земли населяют дикие, чрезвычайно гористые и скалистые берега, которые отчасти предоставляют препятствия даже для свободного движения, почему эти жители принуждены проводить большую часть своей жизни в хижинах или сидя в лодках, прямым следствием чего являются искривленные, тонкие ноги.

Такие же ноги бывают у портных, проводящих жизнь сидя с поджатыми под себя ногами, — обстоятельство, благодаря которому одна из мышц бедра была названа в честь этого почтенного сословия портняжной мышцей (m. sartorius).

Величина и толщина коленной косточки находится в известной зависимости от частоты употребления и степени напряжения мышц, разгибающих голень. Поэтому у женщин она меньше, чем у мужчин, преимущественно рабочего класса.

О костях вообще. Кости человека, привыкшего к сильному мышечному упражнению, говорит Спенсер, массивнее, и отростки, служащие для прикрепления мышц, у него более значительны, чем у людей, которые ведут сидячую жизнь, и такое же различие существует между костями диких и прирученных представителей одного и того же вида. От ношения тяжестей кости не только утолщаются, но и растут в длину. Что рост костей зависит от их употребления и ими усиливается, это доказывается большим развитием отростков и шероховатостей плечевой кости у всех людей, принадлежащих к рабочему классу, говорит Гиртль.

Мы не приводим дальнейших подтверждений, потому что это

чересчур общеизвестные истины; напомним только, что это развитие бугров костей, доказывающее сильную деятельность мышечной системы, должно вместе с тем считаться и признаком, указывающим на более низкий тип строения. Кости негра, говорит К. Фогт, всегда крепкие, белые во всей своей массе, как слоновая кость. Углы и края их резче выражены и вообще контуры костей более угловатые и грубые, чем у европейца.

Соотношение развития рук и челюстей. Более грубая форма руки у низших сословий должна находиться в известном соотношении и с формами других органов, — и что особенно для нас важно, — и с формой челюстей. Из соотношений, существующих иногда между развитием конечностей и челюстей, говорит Дарвин, можно бы вывести заключение, что у тех сословий, которые меньше упражняют свои ноги и руки, челюсти соответственно уменьшаются в объеме. Несомненно, что вообще они гораздо меньше и тоньше у цивилизованных людей, чем у простолюдинов и дикарей. Косвенные, но весьма веские доводы для утверждения этого положения мы находим в подобном же соотношении развития между формой конечностей и формой головы у животных. Андрью Найт заметил, что лицо или голова и конечности изменяются по своим общим размерам обыкновенно вместе. Сравните, например, голову и оконечности ломовой и легкой лошади, или борзой собаки и бульдога.

Если справедливо, как утверждают некоторые натуралисты, говорит Дарвин, что кости челюстей гомологичны с костями конечностей, то нам становится понятным, почему голова и конечности склонны изменяться одновременно, не только по форме, но и по цвету; но множество весьма компетентных судей оспаривают справедливость этого мнения. Тем не менее факт этого соотношения остается фактом. Важность его для нас объясняется влиянием жевательного аппарата на череп, и, следовательно, на головном мозге, развитие коего играет столь важную роль в борьбе за существование.

Челюсти и жевательный аппарат вообще. Известно, что зубы у наших крестьян отличаются большей белизной и крепостью, чем зубы у высших сословий. Подобный факт наблюдается и у негров; по К. Фогту, у негров зубы широки, длинны и очень белы; субстанция их, по-видимому, гораздо тверже, чем у европейцев, так как они стираются чрезвычайно медленно. Несмотря, однако же, на эту большую твердость, зубы наших земледельцев стираются скорее, чем зубы у высших классов. По моим наблюдениям, у крестьян Петербургской губернии они стираются раньше, чем у крестьян

Полтавской; это зависит, вероятно, от более грубой пищи, употребляемой первыми, и вследствие этого, от большей работы жевательного аппарата. Подтверждение мы находим в том факте, что «правые коренные зубы обыкновенно более стираются, чем левые, потому что обыкновенно чаще жуют правой, нежели левой стороной». Стертые зубы исполняют свое назначение хуже целых и, следовательно, опять вовлекают жевательный аппарат в избыточную работу. «От формы венчика зависит механическое действие жевания; если вся сила зуба сосредотачивается в одной только его точке, то тогда он действует подобно клину, — клыки, равно как и острые бугорки на коренных зубах». «Если же силы зубов концентрируется на их бугорковых поверхностях, то они действуют своим давлением точно также, как действуют жернова, — коренные зубы». Коренной зуб, снабженный острыми бугорками, действует этими бугорками как клин или долото — легче раздробляет куски пищи. Работа стертого зуба поэтому должна быть менее производительной. У здешних крестьян я наблюдал зубные промежутки между резцами верхней челюсти гораздо чаще, чем у интеллигентных лиц, — факт, нередко наблюдаемый, по словам К. Фогта, у негров.

Работа челюстей при жевании очень значительна, и сила жевательных мышц очень велика. По Гиртлю, лица, способные разгрызть ядро персика, производят работу, равную давлению 12–15 пудов. Скорость движения нижней челюсти зависит от действия височной мышц.

В силу закона равенства действия и противодействия, обе челюсти при жевании испытывают равномерное давление.

Будэ сравнивает верхнюю челюсть с наковальней, на которую нижняя действует как молот. Удары нижней челюсти через посредство отростков верхнечелюстной кости передаются черепу. Кроме того, височная мышца действует непосредственно на самый свод черепа, а жевательная — через посредство скуловой дуги. Нёбные отростки обеих верхнечелюстных костей, говорит Гиртль, взаимно упираясь друг о друга, препятствуют упомянутым костям расходиться внутрь; скуловой отросток не допускает (посредственным образом, потому что он соединяется со скуловой костью, которая, в свою очередь, крепко упирается[7] на лобную кость), удаления челюсти кнаружи, а вместе с лобным и носовым отростком предохраняет челюсть от ее отклонения вверх и вперед. Понятно, что все эти давления передаются черепу, — посредственно или непосредственно, это всё равно, так как посредственная передача нисколько не

уменьшает их силы.

Нижняя челюсть. Но покончим сперва с нижней челюстью. «Нижняя челюсть австралийцев и негров, — говорит Спенсер, — если ее поставить в ряд с той же челюстью англичан, заметно больше, не только относительно, но и абсолютно. Я видел только одну австралийскую челюсть почти одинаковой величины с средней английской; но она (вероятно, челюсть женщины), принадлежала сравнительно гораздо менее значительному черепу, была гораздо значительнее по отношению ко всему телу, чем английская челюсть той же величины. Во всех остальных случаях нижние челюсти этих низших рас (с более крупными зубами, чем наши) были абсолютно массивнее, чем наши, часто превосходя их по всем измерениям; а сравнительно с менее значительными скелетами этих низших рас, они были гораздо более массивны. Прибавлю к этому, что австралийские и негритянские челюсти имеют такое резкое несходство не со всякими британскими челюстями, а с челюстями только цивилизованных британцев. Один старинный британский череп коллекции имеет челюсть почти или совершенно столь же массивную, как челюсти австралийских черепов. И это находится в полном согласии с предполагаемым нами отношением между большими размерами и более значительной деятельностью челюстей, требуемого образом жизни дикарей». О массивности нижней челюсти негров Фогт замечает, что эта челюсть гораздо массивнее, чем у белого; подбородок, подавшийся назад, широкий и круглый; горизонтальное плечо нижней челюсти очень длинное; вертикальное, напротив того, широкое, короткое и составляет с горизонтальным тупой угол, так что сила, поднимающая челюсть, действует в гораздо более благоприятных условиях.

Припомнив, что мы говорили выше об элементах личной красоты, более свойственных высшим классам, и вспомнив также, что нижняя челюсть у лиц из простого народа более выдается, чем у высших, мы должны иметь в виду, что это большое развитие нижней челюсти есть указание на низший тип строения. Нижняя челюсть негров ближе к обезьяньей, чем челюсть европейца.

Нижняя челюсть у человекоподобных обезьян тяжелее, массивнее и в особенности горизонтальная ее часть гораздо длиннее, шире и крепче, чем у человека; напротив, у них недостает выпуклости, образующей подбородок. Косая линия, составляемая резцами, продолжается книзу и кзаду и переходит всегда тупым углом в нижнюю пограничную линию нижней челюсти. Подбородок, таким

образом, является характеристическим признаком для человека, хотя он у низших косозубых человеческих рас сглаживается более и более, приближаясь по своей форме к обезьяньему.

Всякому наблюдательному физиономисту без сомнения удавалось подмечать у лиц из низших классов общества черты строения, сходные с только что упомянутыми.

Скуловая дуга. Развитие челюстей связано непосредственно с развитием скуловых дуг. С развитием челюстей, говорит Фогт, в тесной связи состоит положение скуловых дуг и затылочной дыры. В человеческом черепе скуловая дуга лежит постоянно в передней половине продольного диаметра черепа и притом всей своей длиной; слуховое отверстие, перед которым оканчивается скуловая дуга, даже у негров с сильно развитыми челюстями, приходится обыкновенно как раз в средине продольного черепного диаметра, а у высших человеческих рас оно лежит еще больше вперед. Скуловые дуги у негров изогнуты и широки, так что височный мускул, служащий для движения массивной нижней челюсти и выполняющий височную впадину, гораздо больше и развитие у негра, чем у белого.

Мы знаем, что правая скуловая кость вообще несколько толще, чем левая, вследствие более частого употребления правой жевательной мышцы.

Понятно, что у низших классов народа, вследствие употребления более грубой и менее питательной пищи, вследствие потребности в большем ее количестве, вследствие большего расхода сил и, следовательно, вследствие большей работы жевательного аппарата, должны проявляться те же самые особенности в строении этого аппарата. И, действительно, несомненно, что в низших классах скулы выдаются больше и более значительное их развитие встречается гораздо чаще, чем в среде интеллигентной публики. Так как некоторые мышцы, приводящие в движение нижнюю челюсть и рот, начинаются от скуловой дуги, то сильно выдающиеся кости щек не будут говорить в пользу душевного совершенства лица.

Вообще, выступающее вперед лицо, с сильно развитыми челюстями, скуловыми костями и широкими скуловыми дугами, есть признак низкого типа. Этот признак указывает на соответственно низший тип черепа, так как известно, что существует антагонизм между развитием черепа и лица: чем сильнее развиты органы, образующие лицо, тем ниже развитие черепа и головного мозга. Тогда как у белого умеренный рост челюстей и лицевых костей совершенно уравновешивается и даже перевешивается развитием и разрастанием

мозга, в особенности передних его долей, у черного всё идет совершенно наоборот, говорит К. Фогт. Череп сильно сжимается с боков, в направлении снаружи к внутри, мышцам, служащими для животной жизни. Формирование черепа оказывает сильное влияние и на формирование мозга.

Говоря об отношениях роста черепа и лица, Гиртль говорит: увеличение лица и уменьшение черепа имеет сильное влияние на положение лобной кости, которая, с одной стороны, составляет переднюю стенку черепной полости, а с другой так тесно соединена с самыми большими верхними костями лица (верхнечелюстными и скуловыми костями), что каждое изменение этих последних должно непременно отражаться на ней.

Развитие дугообразных линий, lineae aricuatae s. semicirculares externae, подтверждая это положение, указывает вместе с тем, что влияние жевательного аппарата отражается не только на лобной, но и на теменных костях, так как сильнее бросающееся в глаза развитие этих линий наблюдается только на черепах неделимых, имевших сильные мышцы и уже пожилых. Это влияние челюстей на форму черепа выясняется гораздо лучше при сравнительно-анатомическом изучении разных человеческих рас и особенно при таком же сравнительном изучении обезьян и человека.

К. Фогт прямо говорит, что различия в образовании человеческого и обезьяньего черепов обусловливается неодинаковым развитием челюстей. Височные мускулы, поднимающие кверху челюсть, должны быть у обезьяны сильнее развиты, по тому одному, что им приходится действовать на более длинное плечо рычагами, не говоря уже о более значительном расстоянии челюстей в ширину. Височные впадины углубляются на обезьяньем черепе так, что кажется, будто этот последний был схвачен сверху и сзади надбровных дуг и сплюснут в поперечном направлении; вследствие этого скуловые дуги гораздо больше отстали от висков.

На некоторых доисторических черепах Флориды и на современных черепах туземцев Новой Каледонии оба височных гребня, нормально отстоящие друг от друга на 8–10 сантиметров, сближаются до 3–4 сантиметров и представляют таким образом расположение, свойственное самкам человекообразных обезьян.

Все приведенные факты суть свидетельства упорной борьбы, существующей между жевательным аппаратом, с одной стороны, и черепом в совокупности с головным мозгом — с другой. Эта борьба может быть прослежена через весь ряд животных, принужденных

раздроблять пищу зубами: у обезьян, у низших человеческих рас, у негров, у европейцев антогонизм тех и других органов выражается с разностью, пропорциональной силе и степени развития жевательного аппарата.

Молодая обезьяна понятливее и умнее старой, что находится в связи с меньшим развитием ее жевательного аппарата, меньшим развитием следов прикрепления жевательных мышц на черепе. Точно также и молодой негритенок настолько же понятлив, как и белые дети.

«Но с наступлением рокового периода зрелости, — говорит К. Фогт, — как скоро срастутся черепные швы и разовьются челюсти, наступает тот же психический процесс (отупения), который мы видим у обезьян».

После этого продолжительного отступления в область сравнительной и описательной анатомии, возвратимся опять к фактической стороне занимающего нас вопроса.

Известно, что у европейских рас емкость черепа больше, чем у первобытных народов.

Есть факты, доказывающие, что у древних народов тех же наций емкость черепа была меньшая, чем у современных; — факты этого рода приведены выше во II главе. У более развитых классов современных обществ емкость черепа больше, чем у низших классов тех же обществ. Так, черепа из частных гробниц имеют большую вместимость, чем черепа из моргов, куда обыкновенно попадают трупы низших слоев населения. Черепная емкость, по-видимому, изменяется со степенью умственного развития, говорит Топинар.

Выше мы привели мнение К Фогта и теперь приведем мнение профессора А. П. Богданова.

«Наблюдения делают весьма вероятным, по крайней мере относительно европейских народов, что под влиянием умственного развития средняя величина черепа увеличивается, очертания головы и относительные частности ее развития изменяются». Затем, высказав сомнение о пригодности выводов Брока, с точки зрения антропологических частностей, относительно древних парижских черепов, он продолжает: «Но существуют наблюдения, замеченные всеми, в особенности шляпниками, несомненно доказывающие самым верным фактом — численностью сбыта товара, что чем сравнительно развитее класс народонаселения, тем больший размер головы он имеет, тем большие шляпы для него нужны. Это изменение головы не выражается только в простом разбухании ее во все стороны, а в

известной моделировке.

Каменщики и землекопы имеют не только меньшие головы, чем, напр., медики, артисты и художники, но голова их представляет своеобразные особенности: с развитием умственной жизни развивается преимущественно лобная часть, и достаточно просмотреть ряд портретов людей, отличавшихся в науке, искусстве, литературе и промышленности, чтобы убедиться в этом. Мы недаром употребляем, желая выразить известное хорошее впечатление о человеке, выражение: «он хорошая голова», но и говорим: у него прекрасный лоб, когда стараемся отметить впечатление, произведенное умным и энергичным человеком».

Я полагаю, что каждому из вас приходилось наблюдать гораздо большее число «хороших голов» и «прекрасных лбов» в среде высших более интеллигентных классов общества, а никак не в среде народа.

Что касается до меня, то усердно следя за впечатлениями, производимыми на меня физиономиями земледельческого населения Кобелякского уезда, в течении трех лет, я, насколько помню, заметил только три красивых женских физиономии, и то это была далеко не красота, о которой выше шла речь, а довольно вульгарное подобие этой красоты. В среде мужского населения красивые открытые лбы встречаются здесь гораздо чаще, особенно в среде более обеспеченных, пожилых казаков.

Между тем, в среде здешнего дворянства и духовенства находится несравненно больший процент весьма выразительных и красивых физиономий, с лучшими из которых далеко не может сравниться красивейшее женское лицо местной казачки или крестьянки.

Итак, мы видим, что большая работа жевательного аппарата у особей, принадлежащих к низшим классам общества, обусловливаемая грубой и малопитательной пищей, большими количествами этой пищи, во-первых — вследствие меньшей ее питательности, и во-вторых — вследствие потребности в больших количествах пищи, соответственно большему расходу силы на борьбу за существование, должна производить и производит усиленное развитие этого аппарата, объясняемое законом функционального приспособления, влечет за собой задержку развития черепно-мозгового аппарата — черепа и заключенного в него головного мозга; что, кроме прямого механического влияния, о котором шла речь выше, объясняется еще и действием закона компенсации роста или уравновешивания развития. И в самом деле, сосуды, несущие кровь в голову, будучи в состоянии доставить только определенное,

типически-нормальное количество питательного вещества, должно направлять относительно большее количество этого вещества в сторону более деятельных органов, каковыми представляются органы жевательного аппарата, вследствие чего на долю мозга должно идти соответственно меньшее количество питательного вещества. Но этим еще не ограничивается влияние больших количеств более грубой пищи, которые приходится принимать низшим классам.

Желудочно-кишечный канал. Слюнные железы. Вовлекая жевательный аппарат в более интенсивную работу, условия жизни и питания низших классов содействуют большему развитию и всех других органов, связанных прямо или косвенно с процессом пищеварения. Так, околоушная железа при каждом открытии рта претерпевает давление, ибо пространство между краями нижней челюсти и сосцевидным отростком уменьшается. Подчелюстная и подъязычная железы претерпевают также давление: первая от действия musculi mylo-hyoidei, последняя от противодействия куска пищи, подвергаемой жеванию. Это давление облегчает излияние секрета этих желез во время жевания, когда присутствие его крайне необходимо.

Желудок. Качество и количество принимаемой пищи должно влиять и на строение желудка. Величина желудка более изменчива, чем какая-либо другая часть пищеварительного канала, говорит Гиртль. Это мнение подтверждает и профессор Эби, по словам которого «форма желудка подвержена значительным колебаниям». У женщин он менее, чем у мужчин, говорит Гиртль, болезненным образом он уменьшается при недостаточном питании, при голоде, а также при употреблении спиртных напитков; напротив, у лиц, употребляющих много пищи, и при сужении выхода он увеличивается. «Если верно то, что сообщил мне прозектор Иозефинской академии, — говорит Гиртль, — будто солдаты отличаются обыкновенно большим желудком, то это делает мало чести провиантскому управлению, потому что это зависит всего скорее от развития обильного количества газов, вследствие преимущественного употребления хлеба».

«Колебания в форме желудка, — по Эби, — касаются частью кривизны его, частью степени расширения. Поэтому, смотря по обстоятельствам, он является то более удлиненным и тонким, то более коротким и округлым. Вместимость его подлежит многим изменениям, и не только по индивидуальным различиям, но еще более по количеству вводимой обыкновенно пищи. Со стороны последней

он испытывает механическое растяжение, которое с течением времени остается постоянным (функциональные приспособления). Поэтому лица, принужденные довольствоваться малопитательной пищей, напр., картофелем, должны вводить большее количество последней, чтобы восстановить потерю организма, имеют вообще больший желудок, чем те, которые принимают питательные вещества в более благоприятной форме, а, следовательно, и в меньшем объеме. При таких обстоятельствах общие числовые данные имеют слишком ничтожную цену, чтобы можно было придавать им какое-либо значение».

Говоря о вероятной истории развития желудка у жвачных, Спенсер высказывает несколько замечаний, вполне применимых к доказательству необходимости возникновения видоизменений желудка у различных классов общества. Он говорит, что «расширение желудочно-кишечного канала легко возникает при растяжениях, обратившихся в обычные. Мы знаем, — говорит он, — что постоянно растягиваемый канал постепенно становится способным более спокойно переносить присутствие содержимым им масс, первоначально его раздражавших. И мы знаем также, что в нем обыкновенно происходят приспособительные видоизменения его поверхностей. Следовательно, если такого рода обыкновение и вызываемые им изменения строения, могут быть (по закону приспособительного или приобретенного унаследования Геккеля, — должны быть) до некоторой степени унаследованы, то ясно, что возрастая в ряду последовательных поколений, как непосредственно, вследствие накопляющегося действия повторений, так и косвенно, вследствие выживания тех особей, у которых эти изменения были наиболее значительны, они могут дойти до того, что разрешатся теми особенностями, которые мы находим у жвачных»… Понятно, что если путем этого объяснения можно приблизиться к пониманию хода развития столь сложного органа, как желудок жвачных животных, то это объяснение должно считаться вполне доказательным для установления факта сравнительно незначительного различия в форме и величине желудка у различных классов общества, принимающих различные количества пищи, различных степеней питательности.

Поэтому мы не будем приводить дальнейших доказательств и упомянем только, что у крестьян великорусских губерний (Петербургской и Тульской) живот, по нашим наблюдениям, имеет значительно больший объем, сравнительно со здешними крестьянами, что объясняется сравнительно более грубой пищей (решетный ржаной

хлеб), которой питаются первые.

Длина кишок. Относительно длины кишок существует мнение, что длина их увеличивается при употреблении малопитательной пищи и уменьшается при употреблении более питательной. Судя по наружному объему живота и принимая во внимание только что высказанные относительно желудка соображения, необходимо допустить, что у низших классов длина и поверхность кишок должны быть больше, чем у высших. По Гиртлю, французские анатомы принимают меньшую длину кишок, чем немецкие и английские; «это можно объяснить, — говорит он, — разве только тем обстоятельством, что немцы и англичане употребляют несколько более грубую пищу, чем французы»… Для опыта Гиртль взял двух кошек, родившихся в одно и то же время, и питал одну исключительно растительной, а другую одной только животной пищей; год спустя у первой тонкие кишки оказались тремя дюймами длиннее, чем у второй.

Всё это весьма понятно, если мы вспомним, что крестьянин и вообще рабочий съедает в сутки три-четыре фунта одного ржаного хлеба, что, например, во время косовицы (сенокоса) эта порция нередко возрастает до пяти-шести фунтов (на «вольном хлебе», когда едят вдоволь) и что суточное количество экскрементов крестьянина превосходит нередко в шесть-восемь раз такое же количество экскрементов интеллигентного человека. Должны же помещаться где-нибудь все эти массы пищи и экскрементов.

Атавизм. Заканчивая перечень известных нам изменений в строении организмов представителей различных классов общества, мы не можем не упомянуть еще об одном весьма важном разряде фактов.

Известно, что в строении человеческого тела нередко открываются «аномалии» строения, выражающиеся проявлениями признаков строения, свойственных различным животным. Дарвин относит эти аномалии к явлениям атавизма и приводит значительное число фактов касательно мышц и костей скелета. Наш знаменитый ученый професс. В. Л. Грубер посвятил описанию подобных аномалий значительную долю своих трудов, которые (к несчастью труднодоступные русским читателям) перечислены в статье професс. Лесгафта, посвященной юбилею професс. Грубера в «Клинической Газете» за 1882 год, № 14.

Для нашего дела весьма важен вопрос: каким сословиям принадлежали трупы, на которых были найдены вышеупомянутые аномалии? Мы думаем, что все они, или по крайней мере,

непропорциональное численности сословий громадное большинство случаев, относятся именно к трупам низших сословий. Вероятность этого чрезвычайно велика, потому что в анатомический институт академии трупы высших сословий попадают весьма редко, во-первых, вследствии громадного преобладания численности низших сословий над высшими, а, во-вторых, потому что трупы принадлежат почти всегда бесприютным беднякам, число которых, опять-таки, несравненно большее, относится к низшим сословиям. Вероятность этого еще более усиливается всеми вышеизложенными соображениями, из которых следует, что высшие сословия представляют, вообще говоря, и высший тип строения, а низшие — низший. Очевидно, что атавистические признаки, в силу закона соотносительного развития, должны встречаться чаще у индивидов низшего типа строения, чем у индивидов, представляющих высший тип. Известно, например, что прободение плечевой кости было довольно обыкновенным явлением, как в период, предшествовавший полированному камню, так и в самый этот период, что оно сохранилось между населениями, поставленными в условия неудобные для скрещивания, и что, затем, прободение стало встречаться реже, начиная с нашей эры. Крайняя его редкость в аристократических кладбищах Шелль, говорит Топинар, по-видимому, объясняет это уменьшение… По мнению Брока, оно более обыкновенно у женщин. В России оно встречается чаще, чем во Франции.

Во всяком случае, нельзя сомневаться, что у низших классов современных наций встречаются упомянутые признаки, указывающие на большее приближение к животному типу; вероятность же нахождения этих признаков у высших классов, в количестве, пропорциональном численности этих классов, весьма ничтожна, и даже самое существование их в этих классах требует еще доказательств. Весьма желательно фактическое разрешение этого вопроса, так как в нем заключается наиболее веский аргумент в пользу выставленных выше положений.

Половые различия. Половые различия у человека, говорит Дарвин, гораздо значительнее, чем у большей части видов четвероруких, следовательно, высшая степень половых различий в сродных видах есть признак высшего типа.

Вообще, можно сказать, говорит К. Фогт, что тип женского черепа во многих отношениях подходит к типу детского, еще более к типу черепа низших рас, а с этим обстоятельством, по-видимому,

находится в связи и то явление, что разница полов относительно образования черепной полости увеличивается с совершенством расы, так что европеец гораздо более превосходит европеянку, чем негр негритянку.

Подобным же образом женщина сохраняет в образовании своей головы указания на прежнее состояние, из которого выработалась раса, или на племя, из которого она опустилась. Отсюда объясняется отчасти тот факт, что различие полов тем больше, чем больше развилась цивилизация. Притом оба пола тем более сходны в своих занятиях и призвании жизни, чем ниже культурное состояние народа.

У австралийских негров, бушменов и других подобных низших рас женщина переносит все труды и тягости мужчины; кроме специальной заботы о детях она занимается, подобно мужчинам, и охотой, и рыбной ловлей. Круг идей и занятий, в котором движутся оба пола, совершенно один и тот же; напротив, чем выше цивилизация, тем совершеннее разделение труда и в материальном, и в нравственном мире.

Действительно, если каждый орган вследствие деятельности крепнет и получает больший размер и вес, то и мозг мужчины должен развиваться тем больше, чем более занятия мужчины обращаются к высшим сферам умственной деятельности.

Понятно, что всё это вполне применимо и к полам различных классов общества. У высших сословий (мы говорили вообще, а не о тех счастливых исключениях, которые у нас в России составляют, можно сказать, анормальные явления, вследствие несоответствия этого прогрессивного явления с явлениями остальной жизни) оба пола должны более различаться, как по строению головы вообще, так и по строению черепа и мозга в частности, так, наконец, и по строению других органов, особенно костной и мышечной систем. Понятно также, что эта область представляет еще открытое поле, требующее многосторонней и тщательной обработки.

Половой подбор. Шансы выбора лучших женщин во всех человеческих обществах всегда склонялись на сторону более сильных мужчин; а так как сила дается более высокой степенью развития и более высоким социальным положением, то понятно, что мужчины высших классов общества в этом отношении всегда имеют преимущество перед мужчинами низших классов.

Что касается выбора женщинами самых привлекательных мужчин, то хотя у цивилизованных наций женщины имеют свободный или почти свободный выбор, чего нет у диких племен, но все-таки этот

выбор сильно обусловливается общественным положением и богатством мужчин; а успех последних в жизни, главным образом, зависит от их умственных способностей и энергии или является плодом тех же самых способностей их предков.

Наследственность. В силу законов наследственности, результаты полового подбора лучших производителей в высших классах передаются следующим поколениям и, нарастая в ряду поколений, должны всё более и более укрепляться и давать всё более и более совершенные результаты. Вследствие этого постепенного нарастания лучших признаков должно получаться, и в самом деле получается, всё большее и большее расхождение признаков строения высших и низших классов. Каждый наблюдательный врач, без сомнения, заметил, что в среде высших сословий красивые дети встречаются гораздо чаще, чем в среде низших. Кроме этой консервативной наследственности, оказывает также свое влияние и наследственность признаков, возникающих путем приспособления, т. е., наследственность приобретенных признаков (прогрессивная наследственность), в силу которой организмы передают своему потомству не только свойства, наследованные от своих предков, но также и индивидуальные свои качества, которые они приобретают в течении своей жизни. Всякому случалось наблюдать, говорит Дарвин, что часовщики и граверы подвержены близорукости, тогда как люди, часто бывающие в поле, особенно дикари, вообще дальнозорки. Близорукость и дальнозоркость, несомненно, наследственны.

Дети английских аристократов, как говорит Дарвин, рождаются с более маленькими руками и ногами, чем дети простых смертных; то же самое я наблюдал и здесь, в Малороссии. На основании упомянутого закона Геккеля, мы можем утверждать, что и все другие признаки строения, свойственные различным классам общества, тоже передаются по наследству. И если бы этого не было, то не могло бы существовать и тех различий в строении, о которых выше шла речь. «Сознание высокого значения наследственности, — говорит Геккель, — высказывается в массе человеческих учреждений (институтов); напр., разделение на касты у многих народов; на касту священнослужителей, касту воинов, касту работников. Учреждение таких каст, видимо, покоится на идее высокого значения наследственных достоинств, присущих различным семействам, и относительно которых предполагается, что они должны всегда передаваться от родителей потомству. Институт дворянства основывается на том убеждении, что вполне специальные качества

могут передаваться от предков их потомкам. К несчастью, это не суть исключительно добродетели, но также и пороки, которые, передаваясь, и усиливаются наследственностью». Гальтон показал, что наследственны даже и те сложные психические свойства, которые называются талантами.

Известно, что кастовый дух свойствен и современным нациям, и если мужчины иногда еще и вступают в брак с женщинами низших сословий, то обратное явление представляется весьма редким исключением. А так как возникновение многих классов современных обществ относится к глубокой древности, то влияние этого условия не могло не отразиться на строении разных классов. Каждый русский крестьянин-земледелец может с уверенностью сказать, что его почтенной профессией, из рода в род, занимался целый ряд восходящих поколений, не изменяя ей может быть со времен каменного века.

Отправления. Продолжительность жизни. В первом ряду мы поставим summa summarum всех отправлений — жизнь, и как показатель ее прогресса — продолжительность жизни. Выше мы указали, что продолжительность жизни возрастает с возрастанием культуры. Точно также мы можем утверждать и a priori, что она возрастает и пропорционально объему пользования благами культуры. Это понятно само собой, так как известно, что носителями культуры являются высшие и более обеспеченные классы общества, вообще ведущие более легкую борьбу за существование. Влияние профессии тоже отражается на средней продолжительности жизни, что объясняется отчасти условиями самой профессиональной жизни, а главным образом, сопряженной с ней степенью благосостояния.

Попытку объяснения различий в продолжительности жизни мы находим у Спенсера, который говорит, что жизнь высшего типа более сложна и более продолжительна, соответственно тому, что и организация высшего типа более сложна и более устойчива, потому что жизнь — это непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним — с каждым шагом вперед должна состоять в прибавлении к предварительно приспособленным отношениям, представляемым организмом, некоторого дальнейшего отношения, параллельно дальнейшему отношению в окружающем. Таким образом установленная большая соответственность должна, при равенстве прочих условий, обнаруживаться как в большей сложности жизни, так и в большей ее продолжительности, — истина, которая представится вполне осязательной, если вспомнить ту огромную смертность,

которая преобладает между низко организованными существами, и то постепенное увеличение продолжительности жизни и уменьшение в плодовитости, которые встречаем, переходя к существам всё более и более высокого развития.

Если бы даже, продолжает Спенсер, связь между продолжительностью и сложностью жизни не была так очевидна, то все-таки было бы верно, что степень жизни измеряется со степенью соответственности. Затем, приведя несколько, по-видимому, противоречащих примеров из мира животных и растений, он говорит: «так как мы за высшую жизнь принимаем ту, которая, подобно нашей, обнаруживает большую сложность в соответственностях, большую быстроту в их последовательности и большую продолжительность их рядов, то эквивалентность между степенью жизни и степенью соответственности не может подлежать сомнению.

Для большего разъяснения этой общей истины и, в особенности, для объяснения только что упомянутых уклонений, должно заметить, что по мере того, как жизнь становится выше, окружающее само становится более сложным». В нашем случае, этим окружающим следует признать условия социальной жизни высших классов, сравнительно с условиями жизни низших, отличающимися нередко первобытной простотой.

Высшие, более развитые и обеспеченные сословия, являясь высшими членами социального организма, в то же время являются и представителями типа, носящего все признаки высшего биологического развития; большее развитие черепа сравнительно с лицом, большой рост и большая продолжительность жизни, — всё это суть координированные признаки биологического прогресса.

Частные отправления. Чувствительность кожи. Наблюдения Фехнера, Ламброзо и других, говорит профессор Ковалевский, показали, «что в деле исследования органов чувств особенно важную роль играет умственное развитие данного лица».

Термэстезия. «Многими учеными было замечено, что чем больше образован человек, тем тоньше его чувствительность и чем грубее человек умственно, тем ниже и грубее его чувствительность. Особенно же на этом положении настаивает Фехнер и Ломброзо. А так как умственное образование и развитие составляет социальную привилегию главным образом среднего и высшего сословий, то понятно, что и чувствительность этих двух классов будет далеко тоньше, чем у низшего класса. Это очень наглядно видно и в наших исследованиях; данные, полученные у низшего класса, почти вдвое

ниже данных, полученных у среднего и высших классов».

Затем, сказав о разногласии своих результатов с данными германских ученых, профессор Ковалевский говорит, что эти разногласия объясняются тем, что у последних исследования производились, вероятно, над средним классом, а у него преобладал низший, и что кроме того могло иметь влияние различие климатов, частота ванн, одежда, занятия на открытом воздухе или в душной атмосфере и прочее. «Желательно, — продолжает он, — было бы иметь подобные антропологические данные и для других местностей России. К числу причин описываемых явлений, по Веберу, относится прежде всего толщина слоя epidermis'a, покрывающего ту или другую область нервных окончаний. Чем толще будет этот слой (у рабочих) и чем плотнее будет лежать, тем худшим проводником тепла (речь идет о чувстве температуры) является он, и тем сильнее должно быть температурное влияние для данного места». Резюмируя всё относящееся к этому отделу, профессор Ковалевский выставляет следующее положение: «Термэстезия низшего класса людей значительно ниже, чем темэстезия высшего и среднего классов».

Болевое ощущение. Вследствие тех же причин и болевая чувствительность у низших классов бывает ниже.

Профессор Ковалевский формулирует этот факт следующим образом: «Высшие сословия обоих полов более чувствительны, чем низшие, что опять-таки подтверждает высказанные положения относительно толщины кожи и кожицы. Люди умственно более развитые гораздо чувствительнее людей неразвитых».

Электро-кожная чувствительность. Женщины и интеллигентные люди, говорит Эйленбург, обнаруживают большую чувствительность. Индивидуальные колебания при этом способе исследования вообще довольно значительны. Вероятно, и они зависят от различной толщины кожицы.

Чувство места. Занимаясь исследованием чувства места или пространства, я нашел, что у лиц из низших классов общества, эта чувствительность значительно ниже, чем у интеллигентных лиц. Приводимая у Эйленбурга шкала, шкала, данная Вебером для исследования «кругов ощущения», ни в каком случае не может служить шаблоном для сравнения наблюдений, произведенных над лицами разных классов. У многих крестьян я находил круги ощущений несравненно большими, чем на соответственных местах у интеллигентных лиц. Это обстоятельство объясняется, вероятно, тем, что, как говорит Вундт, «чем многостороннее и точнее движение

данной части тела, тем точнее ее локализация», и на следующей странице: «так, можно заметить, что у субъектов, у которых различение кожей чрезвычайно тонко, эта тонкость оказывается преимущественно на самых подвижных частях; здесь чувству осязания постоянно помогают поверочные движения ощупывания».

А так как конечности крестьян менее подвижны, особенно кисть руки и пальцы (контрактура плотников), то понятна связь этого факта с их меньшей чувствительностью.

Зрение и слух. Относительно этих чувств мы сошлемся на вышесказанное, так как всё, применимое к древним и первобытным народам, применимо также (по общим причинам), в большей или меньшей степени, и к современным обладателям морфологических, смягченных цивилизацией, признаков первобытных народов. «Историческое развитие нашего слухового органа, — говорит Геккель, — и в других отношениях представляет пример удивительной силы упражнения и привычки, воспитания и применения. Какая разница между звуковыми впечатлениями дикаря, высшее музыкальное наслаждение которого составляет различное повторение шума или, в лучшем случае, простые тоны барабана и дудки, и музыкальным пониманием образованного европейца, ухо которого восторгается классической гармонией Моцартовской оперы и Бетховенской симфонией.

Но пять или десять тысяч лет тому назад наши предки были такими же дикарями, а музыкальный слух наших детей в течение немногих лет проходит тот же путь развития, которым музыкальная эстетика прошла от музыки дикарей до концертной музыки будущего. Так как каждая органическая функция или работа развивается рука об руку со своим органом, то не подлежит никакому сомнению, что это историческое развитие звуковых ощущений тесно соединено с соответственным усовершенствованием нашего слухового лабиринта. Тончайшее строение нашей улитки уха совсем не то, каким оно было пять тысяч лет тому назад у наших диких предков. Точно также слуховой лабиринт дикарей, вероятно, еще теперь представляет известное отличие в тончайшем строении слухового лабиринта цивилизованных народов. Этому не противоречит то, что первые обладают более тонким слухом, чем последние, так как острота слуха дикарей есть нечто совершенно иное, чем тонкость музыкального уха образованного человека. Более сильная количественная функция первого совершенно различна от высшей качественной функции последнего. То же относится и к чувствам обоняния и зрения. Если

дикари видят гораздо дальше и гораздо яснее различают слабые запахи, чем цивилизованный человек, то последний далеко превосходит их в тонком различении запахов и в эстетическом развитии чувства цветов и формы, представляющих результат культурного развития многих тысячелетий». Мерилом развития чувства слуха у народа могут служить его музыкальные инструменты. Здесь, в Малороссии: «цинбали», «реля», «кобза» и «сопилка»; в Великорроссии: балалайка, высший тип того же инструмента, употребляемого более развитым класом, гитары; гармония, занесенная и в Малороссию из Великороссии и теперь всё совершенствующаяся по западным образцам; различные формы пастушеских дудок или рожков.

Какая разница между этими первобытными инструментами и теми же инструментами высших типов, игра на которых доставляет эстетическое наслаждение высшим классам, — скрипкой, виолончелью, роялем и различными духовыми инструментами.

Те же соображения применяются и к органу зрения — глазу. Выше мы привели данные, касающиеся эволюции этого органа в течении ряда веков. Эти данные, понятно, применимы, в большей или меньшей мере, и к развитию глаза у низших классов. Описав строение сетчатки, Геккель говорит: «от сложности строения и порядка расположения этих элементов сетчатки зависит степень органического совершенства глаза, так что у опытного живописца он будет совершеннее, чем у дикаря». «Орган зрения, — по Геккелю, — представляет историческое развитие и постепенное усовершенствование, весьма схожее с тем, что мы видим в органе слуха. Глаз, прекраснейший и совершеннейший орган чувства, также не появился сразу, но, подобно всем другим органам чувств, медленно и постепенно развился в борьбе за существование путем естественного подбора».

Если мы примем во внимание чрезвычайное различие в развитии способности цветоощущения, встречаемое и теперь у культурных народов и отдельных лиц, говорит он далее, различные степени распространения цветовой слепоты или дальтонизма, то можем наверное утверждать, что современное высокое развитие цветовых ощущений есть лишь позднейший продукт культурного развития. Особенно в пользу этого говорит позднее развитие пейзажной живописи, достигшей в наше время совершенства, о котором прежде не могли и думать. Мы воспринимаем тонкие красоты природы несравненно яснее, чем наши средневековые предки. Тончайшие

колбовидные формы сетчатой оболочки, обусловливающие высшее цветовое ощущение, вероятно, развились постепенно в течении последнего тысячелетия. Мы и теперь замечаем грубость световых ощущений у дикарей (также, как и чувство тонов), пугающую развитое эстетическое чувство (любимый красный цвет у русского народа!). Даже дети, подобно дикарям, любят пестрое соединение ярких цветов; восприимчивость к гармонии нежных цветных тонов есть продукт эстетического воспитания.

«Воспитание и развитие, упражнение и привычка, одним словом, — применение, так высоко подняли эстетическое значение глаза и уха; наследственность передает это постоянно — возрастающее имущество от поколения к поколению. Видя удивительные успехи, сделанные уже в историческое время нашими цветовыми и музыкальными чувствами, мы можем надеяться, что они поднимутся на еще высшую ступень совершенства путем дальнейшего усовершенствования и воспитания».

Очевидно, что всё сказанное применимо и к развитию органа зрения у простого народа. Подобно детям, он любит яркие цвета (преимущественно, низшего числа колебаний) и их пестрое соединение, и, подобно детям, не понимает прелести гармонии нежных нюансов.

На основании всего вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что частная цветовая слепота в среде низших классов населения должна встречаться чаще, чем в среде высших классов, и выражаться в более резкой форме.

Вкус и обоняние. Относительно развития чувства вкуса и обоняния у низших классов, каждый врач, без сомнения, может привести несколько наблюдений, указывающих на низкую степень развития этих чувств. Так, нам неоднократно приходилось наблюдать, что крестьяне иногда с трудом различают вкус хины; ассафетиду многие считают вкусной и находят это отвратительное средство схожим по вкусу с луком или «кисленьким»; многие не замечают отвратительного вкуса и запаха гнилой рыбы, и мне привелось быть жертвой крестьянского радушия и аносмии, причем хозяин усердно заставлял меня отведать варенной протухшей щуки, хранившейся в избе в течении трех жарких летних дней, на случай посещения дома почетным гостем.

Обильный расход полупротухших соленой и сушеной рыбы во время постов во всей России, кроме несчастного положения людей, принужденных питаться ей, указывает, несомненно, и на низкую

степень развития органов вкуса и обоняния. Здесь, в Малороссии (Кобелякский уезд) есть даже особое название «скаженній оселедець» для особой соленой рыбы, продаваемой на базарах. Рыба эта настолько гнила, что расползается в руках, кожа сползает с нее и самая масса, как говорят, всходит, т. е. пучится, подобно бродящему тесту, почему и самая рыба получила вышесказанное название: скаженной или бешенной.

Понятие о чистоте воздуха в хатах тоже в громадном большинстве случаев совершенно чуждо народу, и нередко самый отвратительный смрад в хате, не обусловливаемый вовсе экономической необходимостью, совсем не тяготит ее обитателей (например, в теплое время года).

Известно, что вкус способен к значительному совершенствованию, как это наблюдается, например, у присяжных оценщиков чая. Высокая степень кулинарного искусства свойственна только цивилизованным нациям; кухня первобытных народов отличается простотой, которую не всегда можно объяснить одним недостатком средств. Понятно, что и здесь еще открытое поле для научных исследований.

Органы чувств дают нам понятие о внешнем мире, и если эти органы мало чувствительны, то масса «внешних отношений» не будет доходить до сознания, и потому не будет вызывать в состоянии организма «соответственных внутренних отношений». Человек не будет замечать ни полезных, ни вредных воздействий среды и потому не будет в состоянии ни пользоваться первыми, ни избегать вторых; а так как из этих мелких влияний, путем накопления, слагаются крупные, то понятно, какое значение в борьбе за существование будет иметь эта тупость органов чувств для низших сословий.

Психические процессы. Чтобы выяснить этот последний вопрос мы принуждены сделать маленькое отступление в область психологии.

«Психологические явления, несомненно элементарного характера, — говорит Вундт, — суть ощущения.

Очевидно, всего естественнее взять ощущение, как первоначальное понятие, и придать каждому ощущению определенный чувственный тон, который или стушевывается, или более выступает на передний план. В этом состоит обыкновенное различение ощущений в тесном смысле и физических чувств. Итак, первоначальным содержанием сознания мы постоянно считаем чистое ощущение, составляющее элемент, из которого происходят все другие продукты сознания.

Раздражение концевых нервных аппаратов органов чувств и других центростремительных нервов (заложенных в мышцах, слизистых оболочках), передаваясь посредством чувствительных нервов нервным центрам головного мозга, и дает импульс к возникновению ощущений.

Представление, в сравнение с ощущением, есть явление более сложное. Оно заключает в себе ощущения как свои составные части. Так как отнесение представления к какому-нибудь предмету есть уже вторичный акт, то первоначальная сущность представления может только состоять в соединении нескольких или многих ощущений. Следовательно, представление происходит из более простых процессов, именно из ощущений, которые соединяются в представления по известным психологическим законам».

Представление есть поэтому первый психический акт, и сущность его заключается в том, что в нашем сознании является образ предмета. Весь мир, насколько мы его знаем, состоит только из наших представлений. Предмет представления может быть действительным или мнимым; представления, относящиеся к действительным предметам, существующим вне или внутри нас, называются восприятиями. Под этим последним термином мы разумеем усвоение предмета сознанием. Если предмет представления не действителен, но только мним, то мы называем такое представление представлением воображения или фантазии. Все наши представления разделяются на восприятия и представления воображения.

Существуют два психологические процесса, которые всегда, как показывает нам внутренний опыт, неразрывно связаны с сознанием и потому могут считаться самыми характеристическими признаками его; эти процессы суть: образование представлений из чувственных впечатлений и течение представлений. Всякое представление есть соединение нескольких или многих ощущений. Каждому звуку мы приписываем известную продолжительность ощущений. Каждому звуку мы приписываем известную продолжительность во времени, т. е. мы связываем настоящее впечатление с впечатлением предшествовавшим; каждому цвету мы даем известное место в пространстве, т. е. помещаем данное световое впечатление в ряд с другими световыми впечатлениями. Поэтому чистое ощущение есть абстракция; оно, строго говоря, никогда не существует в нашем сознании. В нашем сознании имеются лишь представления, другими словами, — ощущения, координированные по общим формам восприятия, — пространству и времени. Тем не менее, на основании

массы психологических фактов, мы должны принять, что представления всегда получаются из ощущений путем психологического синтеза. Воспроизведение представлений и их ассоциация суть настолько же необходимые условия сознания, насколько и образование отдельных представлений путем синтеза ощущений. Только при этих процессах сознание, несмотря на постоянную смену представлений в нем, может оставаться чем-то постоянным, являясь деятельностью, связующей представления, настоящие и прошлые. Итак, и с этой стороны, необходимое условие сознания есть правильное, по известным законам совершающееся связывание представлений. Мы видим, что синтез ощущений всегда зависит от определенных условий — физической организации.

…Все части нервной системы находятся в правильной и тесной связи между собой; этой связью и обусловливается индивидуальное сознание. Оно зависит от впечатлений, действующих на различные органы чувств, от двигательной инерции, даже от процессов в симпатической системе.

Сознание остается по сущности всегда одним и тем же, к какой бы области ни принадлежали представления, составляющие содержание его в данную минуту. Единство сознания основывается на взаимной связи различных частей нервной системы и потому невозможны различные роды сознания, координированные друг с другом или подчиненные один другому. С другой стороны, строго говоря, невозможно указать на какой-либо определенный орган сознания, потому что на наши представления и чувства влияют различные части нервной системы. Однако, есть одна область, которая находится в более близком отношении к сознанию, чем прочие части нервной системы, это — кора большого мозга, в которой, по-видимому, представлены особыми волокнами не только различные чувствительные и двигательные области периферии тела, но также и центральные мозговые части низшего порядка, как то мозговые ганглии и мозжечок. Таким образом, мозговая кора, по преимуществу, способна служить к соединению, частью непосредственному, частью посредственному, всех процессов в теле, возбуждающих сознательные представления. В этом смысле у человека и, вероятно, у всех позвоночных, кора большого мозга есть орган сознания, причем однако должно помнить, что функция этого органа предполагает функцию известных центральных частей, ему подчиненных, напр., четыреххолмия, зрительных бугров, играющих необходимую роль при синтезе ощущений.

…Кроме возникновения в нашем сознании и исчезании из него представлений, мы замечаем в себе особую деятельность, которую мы называем вниманием. В непосредственном самосознании мы не во всякое время сознаем одинаково связь наших представлений; сознание может быть занято одними представлениями в большей степени, чем другими. Ради наглядности объяснения, мы прибегнем здесь к сравнению сознания с полем зрения глаза; это сравнение тем естественнее, что само сознание называется иногда внутренним чувством. Если мы выразимся о представлениях, имеющихся в данный момент, что и они находятся в поле зрения сознания, то те представления, на которые обращено внимание, могут быть названы точкой фиксации сознания. Вступление представления во внутреннее поле зрения может быть названо перцепцией, его вступление во внутреннюю точку — апперцерпцией.

Внутренняя точка фиксации может последовательно обращаться к различным частям внутреннего поля зрения. Но внутренняя точка фиксации, в отличие от точки фиксации внешнего глаза, собственно есть не точка, а поле с несколько изменяющимся протяжением; это поле может суживаться и расширяться; в первом случае ясность его увеличивается, во втором уменьшается. Для полной ясности необходимо сосредоточение внимания на известных представлениях. Но чем ярче и в то же время ограниченнее точка сознания, тем более затемнено остальное поле зрения сознания.

Простейший случай восприятия внешнего чувственного представления вниманием будет, очевидно, тот, когда впечатление, долженствующее стать представлением, ожидается нами, и при том, когда само впечатление несложно, т. е. состоит в простом световом, звуковом или осязательном раздражении с вперед известным качеством и силой. Время, протекающее в этом случае между моментами перцепции и апперцепции, может быть названо продолжительностью простой апперцепции. Промежуток времени между этими двумя моментами названо астрономами физиологическим временем. Но так как это выражение иногда употребляется в другом смысле, то мы будем пользоваться термином, предложенным Экснером, — время реакции. «Но для отличия этого времени, соответствующего простейшим условиям, от случаев более сложных, мы назовем его временем простой реакции».

Время реакции. Продолжительность времени этого процесса может быть различна. Вообще же физиологическое время удлиняется: a) при отвлечении внимания исследуемого лица, b) при утомлении

мозга, c) при душевных болезнях; в последнем случае увеличивается или средняя продолжительность физиологического времени, или прямо повышается minimum его. Кроме того, у старых субъектов и у субъектов менее развитых Оберштейнер нашел время реакции более продолжительным, чем у молодых и развитых субъектов.

Быстрота психических процессов. Вообще, вам хорошо известно, до какой степени понижены все психические процессы у крестьян и вообще у низших классов населения. Изложенный выше краткий обзор хода и развития простейших психических процессов объясняет это явление. Если и простейшие процессы у лиц менее развитых (низшие классы) протекают медленнее, то само собой разумеется, что более сложные процессы должны еще более замедляться. И мы отлично знаем, до какой степени затрудняет нам собирание анамнеза эта медленная сообразительность. Чтобы добиться у крестьянина ответов на самые элементарные вопросы, приходится тратить весьма много лишнего времени, не говоря уже о том, что мало-мальски сложный вопрос, вроде вопроса о летах от роду, или о времени наступления менструации, или даже о числе членов семьи и количестве находящихся во владении опрашиваемого десятин земли, нередко остается без удовлетворительного ответа.

Высота типа психических процессов. Низкий тип всех психических процессов вообще у низших сословий объясняется незначительностью упражнений и привычки к деятельности органа мысли — коры головного мозга, незначительностью функционального приспособления этого органа к высшим типам той деятельности, для которой он назначен. Так как функция создает орган, то и не мудрено, что мы не находим в среде представителей низших сословий ничего похожего на те сложные, объемистые, тяжелые головные мозги, которыми обладали наиболее выдающиеся представители высших классов — Гаус, Кювье, Наполеон и т. п. Если же и бывают подобные исключения в среде низших классов, то они чрезвычайно редки, редки непропорционально превалирующей численности этих классов. По высшим представителям, мы, как указывает профессор Богданов, можем составить верное суждение и о средних. Подобно типам эстетических понятий, простейших и более сложных психических процессов, и типы нравственных и религиозных понятий должны быть ниже в более низкой социальной среде.

Преступность всех родов более свойственна низкому развитию, и профессор Ломброзо в своем сочинении «Uomo delinquente» доказал,

что преступники являются представителями низшего антропологического типа.

Практический вывод из всего сказанного заключается для нас в необходимости изучения нормального для данной среды организма человека. Этот вывод подтверждается и словами Р. Вирхова, поставленными в эпиграф. Для нас, врачей, антропология должна быть особенно близкой наукой. Материал у нас всегда под руками; не затрачивая лишнего времени, мы можем собирать массы драгоценных фактов, в которых так сильно нуждается наука. Цена необходимейших инструментов, — толстотного и скользящего циркулей и метрической ленты, — не превосходит 12–15 рублей серебром, следовательно, далеко ниже цены набора инструментов, необходимых для любого гигиенического исследования. Между тем факты, получение которых сопряжено со столь незначительной затратой времени и средств, положительно драгоценны. Из сделанного сообщения, которое есть не более, как слабая попытка составления обширной, но далеко еще неполной программы, видно, насколько разнообразны предметы, входящие в круг ведения антрополога. Это обстоятельство особенно важно в том отношении, что всякий наблюдатель может выбрать круг фактов, наиболее его интересующих; может выбрать разряд явлений, к исследованию которых он наиболее подготовлен. Объем программы не должен пугать нас, потому что, во-первых, немыслимо ожидать ее исполнения от единоличных усилий одного исследователя; а, во-вторых, по самой своей обширности она предполагает дружное сотрудничество многих лиц.

Положение начинающего антрополога у нас в России представляет еще то неоценимое преимущество, что он всегда может рассчитывать на содействие и руководство со стороны такого ученого учреждения, как Московское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

Антропология развивалась при несколько иных условиях, чем развивались другие науки. Можно сказать, что она создана усилиями частных лиц и частных обществ.

И мы можем гордится тем, что Россия занимает третье место по порядку возникновения антропологических обществ. П. Брока основал первое антропологическое общество в Париже в 1859 г.; в Лондоне основали общество в 1863 г., а в Нью-Йорке и в Москве в 1865 г. Затем последовало учреждение антропологических обществ: в Манчестере в 1866 г., во Флоренции в 1868, в Берлине в 1869 г., в Вене в 1870 г. и в Стокгольме в 1874 г.

С деятельностью нашего Общества любителей естествознания публика познакомилась, главным образом, по блестящей антропологической выставке, бывшей в Москве в 1879 г. По объему этой выставки, также, как и по численности трудов, изданных Московским обществом, можно судить о колоссальном объеме труда, потраченного обществом на дело развития естествознания и антропологии у нас, в России. Масса драгоценных коллекций собрана уже Московским обществом; масса драгоценных материалов напечатана в тридцати восьми томах его изданий. И всё это сделано в течение каких-нибудь 18–19 лет существования! Несмотря на столь обширную публичную деятельность, это общество считает, по-видимому, своим долгом уделять часть своего времени и на сношения с частными лицами, изъявившими готовность так или иначе послужить делу развития антропологии. Оно никогда не отказывает в своем руководстве обращающимся к нему за разрешением даже элементарных вопросов, и я всегда находил самое радушное содействие как со стороны Общества, так и со стороны г. секретаря антропологического отдела К. Н. Икова. На такое содействие могут, без сомнения, как об этом заявляет и дирекция отделения в I томе известий, предлагая даже свое содействие по выписке необходимых инструментов.

Ввиду высокой важности самого предмета, ввиду глубокого интереса, представляемого его изучением, и ввиду всех перечисленных выше удобств этого изучения, смею думать, что и моя слабая попытка склонить вас к принятию антропологии в круг вашего ведения не останется бесплодной. Врачи составляют естественную армию антропологов и только с их дружным содействием может вполне успешно развиваться эта наука, основателем которой, в ее современном виде, был тоже врач — Поль Брока.

ПРИЛОЖЕНИЯ И ПРОГРАММЫ

Предлагаемая программа составлена мной, придерживаясь инструкций Брока относительно количества необходимых размеров, но не всегда относительно способа их получения. Она дополнена некоторыми вопросами по К. Фогту, Шерцеру и Шварцу, а также теми вопросами, которые казались мне важными и относительно которых нет указаний ни у Бока, ни у упомянутых авторов. Различие от метода Брока состоит в способе получения различных размеров, которые я брал большим скользящим циркулем с ножками в 15 сантиметров длины и с составной шкалой, дающей возможность получать размеры до 80 сантиметров длины непосредственным их определением. Сущность различия обоих способов состоит в том, что по методу Брока (наугольник и метр) мы получаем не всегда истинные размеры различных частей (напр., длина предплечья, бедра и др.), а весьма разнородные их проекций; измеряя же каждую часть непосредственно циркулем, мы получаем, если не истинные величины, то значительно более однородные их проэкции. Кроме того, при этом способе, измеряя, напр., высоту носа, мы не становимся, как при способе Брока, в зависимость от предполагаемой неподвижности целой массы подвижных сочленений. Это особенно важно при несовершенстве измерительных инструментов и при измерении неинтеллигентных лиц.

Измеряя какой-нибудь предмет, физик прежде всего старается обеспечить его неподвижность. При измерениях по способу Брока ничтожные колебания в каждом сочленении, суммируясь, могут дать значительные погрешности; а получение наиболее важных размеров (головы), при этих измерениях, обусловливается проблематическим покоем наибольшего числа подвижных сочленений!

Незначительное число необходимых для выполнения предлагаемой программы (антропометрической) инструментов, их портативность и дешевизна (толстотный циркуль Матье, его же скользящий циркуль, метрическая лента и большой деревянный скользящий циркуль, первые 3 стоят около 15 руб., а последний не более 8) также не безразличны при условиях службы земских врачей.

Но самый важный, как мне кажется, довод в пользу предлагаемой программы заключается в том, что по данным этой программы можно составлять проекционные рисунки головы, как каждого измеренного субъекта, так и из выведенных средних, т. е. можно получить средние ортогонально-проекционные портреты различных рас. Такие портреты, или лучше, геометрические рамки для портретов,

ограничивая произвол художника, дадут возможность получать рисунки, которыми можно будет пользоваться как оригиналами для измерений, и следовательно, для дальнейшего изучения.

Так как ортогональную проекцию всегда возможно перевести в любые центральные, то полученные проекционные, ортогональные, рисунки могут быть уравнены таким способом фотографиям и обыкновенным портретом, если бы художник пожелал получить обыкновенный рисунок. Для лиц, не имеющих возможности завести фотографический аппарат и не умеющих хорошо рисовать, этот способ особенно пригоден, так как, записав личные впечатления и передав их художнику вместе с построенными чертежами, можно восстановить не только резкие основные расовые черты, но и более мелкие особенности.

Даже для истинного художника-антрополога этот способ должен быть контрольным, как гарантирующий от субъективных влияний. Само собой разумеется, что при построении рисунка необходимо строго руководиться правилами начертательной геометрии, иначе легко впасть в грубые ошибки. Желая ввести еще какие-нибудь размеры в программу (например, выпуклость лобных бугров), следует отметить карандашом исходные точки, смерить расстояние между ними (если они не лежат в плоскости профиля) и отстояние от двух других точек; вообще для каждой точки вне профиля следует брать 3 отстояния до других точек, считая за одно из них взаимное расстояние точек, а для точек, лежащих в профиле, достаточно и двух расстояний от двух различных точек, если расстояние последних друг от друга известно. Таким образом можно ввести в рисунок какие угодно размеры.

В прилагаемом письме секретаря Антропологического Отдела К. Н. Икова заключается краткая программа и инструкция для производства наблюдений.

Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии

состоящее при Московском университете

Отдел Антропологии

Августа 30 дня, 1882 года.

Милостивый государь Владимир Егорович!

Предстоящий съезд земских врачей Полтавской губернии дает весьма удобный случай указать его участникам на ту помощь, которую они могут оказать в области антропологии, как науки о человеке, стоящей весьма близко к медицине.

Кроме ряда чисто специальных вопросов, разработка которых часто единственно возможна в музеях и лабораториях, представляющих удобства коллекций, инструментов и библиотек, — область антропологических наук заключает весьма много пунктов, где именно столичные специалисты могут работать меньше, чем кто-либо. Эти пункты, касающиеся весьма серьезных и интересных частностей строения и отправлений населения различных пунктов России, могут быть разработаны только на месте, местными деятелями и, всего лучше, врачами. Самое положение врача дает ему возможность, как никому, сталкиваться с массой самых разнородных элементов населения.

Между тем, русская литература не представляет исследований и разработки часто самых коренных, демографических и антропологических вопросов: отдельные этюды отдельных местностей, вот всё, что дает она. Желательны были бы потому хотя бы только одни факты, один сырой материал, но по целым местностям и рядам местностей, а такой материал только и могут дать местные деятели — врачи.

В последние года Антропологический Отдел и занят собиранием подобного материала, причем, как секретарь его, я весьма рад заявить, что доселе между г.г. врачами нашлось наиболее людей, захотевших откликнуться на призыв о содействии и совместной работе.

Имея в виду, что на предстоящем съезде примет участие значительное число врачей целой губернии, я позволю себе просить Вас предложить съезду небольшую программу, представляющую pia desideria антропологии, и именно в той ее части, разработка коей единственно возможна при помощи местных деятелей — врачей.

Первые 3 пункта программы заключают в себе вопросы, материалом коих могут служить данные, собираемые всяким врачем при его практике. Пункты 4-й и 5-й относятся к лицам, кои, сочувствуя целям русской антропологии, захотят придти на помощь собиранием более специального материала, хотя бы в самом сыром

виде.

1) Дети: губерния, уезд, лета, пол, сословие.
Вопросы:
a) какое было кормление (мать, кормилица, рожок или смешанное)
b) цвет волос и глаз.
c) на каком месяце прорезался первый зуб.
2) Женщины: губерния, уезд, лета, сословие, племя.
Вопросы:
a) цвет волос и глаз.
b) эпоха половой зрелости.
3) Мужчины: губерния, уезд, лета, сословие, племя.
Вопросы:
a) цвет волос и глаз.
4) Призывные к воинской повинности: губерния, уезд, лета, племя, сословие.
Вопросы:
a) рост (в вершках).
b) объем груди (id.).
c) цвет глаз и волос.
5) Воспитанники всяких учебных, городских и сельских заведений: губерния, уезд, лета, пол, племя, сословие.
Вопросы:
a) цвет глаз и волос.

Примечание. Если окажется для кого возможным, — весьма интересно было бы для всех 5 пунктов иметь следующие антропометрические измерения (или, по крайней мере, для первых 4):

1). Z, наибольший длинотный черепа, от glabella до maximum'a
2). Q, наибольший широтный, где бы ни пришелся.
3). NX_1, *длина лица от корня носа до альвеолярного края верхней челюсти.*
4). $Г_4$, *наибольший поперечник лица по pons zygomaticus.*
5). A, горизонтальная окружность (шляпный диаметр)
6). F_1 F_1, *наименьший лобный, при основании linearum semicircularum frontis.*
7). B, полная длина лица с нижней челюстью, от корня носа

до подбородочной точки.

8). $Г_1$, внешний глазничный, между наружными краями proc. zygomatici os. frontis, в месте их соединения с proc. zygomat. maxillae superioris.

Со своей стороны считаю долгом заявить, что я, как секретарь Отдела, всегда с полной готовностью вышлю инструкции и указания лицам, кои заинтересовались бы собиранием означенного материала для отдела и отвечу на всякие вопросы, которые могли бы возбудиться при этом.

Примите уверения в совершенном почтении.

ИНСТРУКЦИЯ

по собиранию сведений о росте и цвете глаз и волос

РОСТ

Для сведений о росте следует воспользоваться таблицами роста призванных по воинской повинности за все года с 1874, хранящимися в городских и уездных по воинской повинности присутствиях. В списки должны войти все призывные, а не одни только принятые.

ПРИМЕРНАЯ ТАБЛИЦА РОСТА

А) Такой-то уезд; 187.. года II участок; (волость):					В) Такой-то город; 187.. года I участок.					
№	Лет	Рост в верш.	Объем груди	Племя	№	Лет	Рост в верш.	Объем груди	Племя	Сословие
1	21	$7^{3/8}$ или $39^{3/8}$	$19^{1/2}$	Русский	1	21	$4^{7/8}$ или $36^{7/8}$	18	Русский	Купец
2	22	$6^{1/4}$ или $38^{1/4}$	$20^{1/8}$	Поляк	2	21	$5^{1/8}$ или $37^{1/8}$	$19^{1/8}$	Еврей	Мещанин
и т. д.					и т.д.					

Из формы таблицы видно, что

1) Город должен быть помещен отдельно от уезда.
2) В городе должна быть лишняя графа — для сословия.
3) Рост можно выразить или полными вершками всего роста, или только лишними против 2 аршин, — смотря по тому, как где принято.

Всего удобнее, — из каждого года, данного уезда или города, образовать особую таблицу с особой нумерацией (с № 1), причем участки отделять, отмечая начало нового, но ведя общую нумерацию для целого года. Таким образом, например, за все года с 1874 по 1882 г. включительно, каждый уезд будет состоять из 9 таблиц городских и 9 уездных.

Было бы желательно, особенно в губерниях, где есть инородцы, указать на основании последних статистических сведений, сколько жителей в губернии, распределивши их: 1) по уездам, 2) по племенам (последние тоже по уездам, а буде возможно, хотя бы приблизительно, по волостям), а в городах и 3) по сословиям.

ЦВЕТ ГЛАЗ И ВОЛОС

По этому вопросу следует обратиться ко всевозможным школам, училищам и проч., определяя цвет волос и глаз воспитанников, мальчиков и девочек.

ПРИМЕРНАЯ ТАБЛИЦА ЦВЕТА ГЛАЗ И ВОЛОС

Такой-то уезд; волость, такое-то (земское или другое) училище, для детей обоего (или одного мужского, женского) пола. 187.. г.

А) Мальчики

1	2	3	4					5							6
№ п/п	Лет	Племя	Цвет волос					Цвет глаз							Сословие
			1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6	7	
1	7	Русский		+					+						
2	9	Мордвин				+						+			
3	10	Черемис	+								+				
и т. д.															

Графа 6-я (сословие) назначена только для городских и вообще таких училищ, где сословия смешаны.

В цвете волос 5 рубрик:

1). Волосы белокурые, т. е. цвета льна или соломы.
2). Волосы светлорусые.
3). Волосы темнорусые.
4). Волосы черные.
5). Волосы рыжие всех оттенков (кроме соломенного).

В цвете глаз 7 рубрик.

1). Глаз, т. е. его радужина, сплошного серого или очень светло-голубого цвета.

2). Радужина сплошная голубая.

3). Радужина серая или голубая, но по ней от зрачка идут радиальные штрихи или полосы желтого или коричневого цвета, не доходящие до ее окружности. Такой глаз издали, даже на расстоянии 1–1,5 шагов, производит часто впечатление светло-карего. Поэтому следует вообще глаза рассматривать вблизи, тщательно и при дневном свете, хотя и не резко-ярком.

4). Глаз карий, т. е. штрихи такие же, как и в предыдущем случае, но занимают решительно всё поле радужины, и голубого или серого нигде не видно.

5). Глаз черный; это зависит от очень темного цвета весьма густо идущих штрихов.

6). Глаз издали зеленый: вблизи он оказывается состоящим из голубоватой радужины и желтых штрихов, не частых и довольно коротких. Следует особенно тщательно рассматривать такие глаза, дабы не смешать этот случай со следующим.

7). Глаз и издали и вблизи зеленый, т. е. вся радужина, после тщательного разглядывания, оказывается сплошного зеленого цвета, без соединения цветов. Существование этого случая еще сомнительно, а потому вообще на глаза, кажущиеся зелеными, следует обращать особое внимание.

Как видно из таблиц, записывание признаков данного субъекта идет так, что если, напр., волосы его светло-русые, а глаза голубые, то в соответствующих рубриках тех граф, в которых обозначаются цвет волос и глаз, т. е. во 2-ой обеих, ставится знак +, как это и имеет место в № 1 «примерной таблицы». Точно так же по этой таблице видно, что № 2-й имеет черные волосы и глаза, № 3 — белокурые волосы и карие глаза.

Самое удобное — каждое училище помещать в особую таблицу, отделяя мальчиков от девочек.

Примечание: случаи разноглазости (один глаз, напр., голубой, а другой вполне или на $^1/_2$ карий) и разноволосости (белокурый пучек среди, напр., черных волос) должны быть отмечены особо.

Собранные постепенно в такие таблицы сведения о росте призывных (из уездных присутствий по воинской повинности) и о цвете волос и глаз детей в школах (лично гг. исследователями, или через посредство гг. учителей и заведующих) необходимо доставлять в Отдел Антропологии в виде простых материалов, которые уже им будут обрабатываться, когда соберется материал, по крайней мере, для нескольких полных губерний.

ПРОГРАММА

для собрания Антропологических данных

Место исследования.

Время исследования: год, месяц, число, время дня, № исследованного субъекта.

Общие сведения. Пол, имя, отчество и фамилия; родина, раса, племя, сословие, звание, занятие, экономическое состояние, семейное состояние, образование и умственное развитие, тип физиономии и личная красота, пропорциональность, крепость и красота телосложения, состояние питания.

При исследовании трупов кроме того: определение причины смерти, рода и продолжительности болезни и степени истощения трупа.

СТРОЕНИЕ

А. Наружное исследование.

1. Лета от роду. Необходимо определять число и месяцев, а для маленьких детей и число прожитых дней.

2. Рост. Необходимо определять в сантиметрах и, по крайней мере в полусантиметрах; лучше определять и миллиметры, особенно для детей. Для определения роста употребляется вертикально стоящая доска со шкалой, разделенной на сантиметры и миллиметры, и наугольник, вроде употребляемого столярами. Измеряемый субъект прислоняется затылком, спиной и пятками к доске, держит голову так, чтобы плоскость Кампера была горизонтальна; наугольник прижимается одним катетом к доске и спускается до прикосновения другим катетом с высшей точкой головы

3. Вес тела. Употребляются десятичные весы фирмы Форбенкс, или пружинные, фирмы Salter's (патентованные, английские); весы должны быть выверены и эта проверка

должна производиться периодически, особенно пружинных весов. Следует отмечать: производилось ли взвешивание натощак или после приема пищи.

4. Цвет волос на голове, их густота, длина, форма (гладкие, волнистые, курчавые).

5. Цвет волос на бороде; ее развитие и величина.

6. Цвет волос на усах; их величина.

7. Цвет волос на лобке.

9. Общая волосатость тела; места наибольшего развития волос: грудь, живот, лопатки или конечности?

10. Цвет кожи на лице.

11. Цвет кожи на закрытых местах тела.

12. Цвет радужной оболочки глаз.

13. Большая горизонтальная окружность головы. Лента налагается через надглазничную или, что то же, через надносовую точку и ведется вокруг головы спереди назад через дальнюю точку затылка (см. № 29), возвращаясь сзади наперед, по другой стороне головы, к исходной точке.

14. Передняя ее часть, т. е. передняя часть предыдущей окружности до пересечения ее брегматической линией.

15. Задняя ее часть, т. е. часть большой окружности, лежащая сзади брегматической линии.

16. Малая горизонтальная окружность. Лента ведется через надглазничную точку и наружный затылочный бугор.

17. Средняя вертикальная окружность. Лента налагается от переносицы и ведется через брегму (см. № 35) до наружного затылочного бугра, в срединной вертикальной плоскости.

18. Передняя ее часть: от переносицы до брегмы.

19. Задняя ее часть: от брегмы до затылочного бугра.

20. Вертикальная поперечная окружность: от надушной точки одной стороны через брегму до надушной точки другой стороны (Топинар, Антропология, русск. пер., стр. 22, 234 и 316). По Брока (Инструкция, пер. А. П. Богданова, стр. 107), эта окружность бралась от центра оного ушного отверстия через брегму до центра другого; я предпочитают следовать указанию Брока.

21. Семициркулярная дуга лба: от передне-нижнего угла полукружной линии (за скуловым отростком лобной кости и над ним, над наружным краем бровей и выше исходных точек внешнего глазничного диаметра (см. № 27) приблизительно на

1,5–2 сантиметра), с одной стороны, через надглазничную точку, до той же точки другой стороны.

22. Височная дуга лба: от начала роста волос на висках с одной стороны, до той же точки, с другой стороны.

Примечание. №№ от 13 до 22 включительно берутся метрической лентой. Следует брать выверенные ленты, преимущественно фирм, налагающих клейма: Cyesterman's patent или John Rabone&Sons, Makers, Birmingham.

23. Наименьший лобный диаметр; те же исходные точки, как и для № 21.

24. Височный лобный диаметр; те же исходные точки, как и для № 22.

25. Наибольший поперечный диаметр головы, где бы он ни пришелся (не следует только искать его ниже верхушки уха).

26. Наибольший высочный диаметр головы; по брегматической линии.

27. Внешний глазничный диаметр, т. е. расстояние наружных надглазничных точек. Получается, захватывая ножками циркуля внешние точки соединения скуловых отростков лобных костей с лобными отростками скуловых, с одой стороны к другой, он приходится почти против наружных углов глаз, и, понятно, больше расстояния между этими углами на толщину прилегающих костей и мягких частей.

28. Расстояние наиболее наружных точек обоих мастоидальных отростков.

29. Наибольший передне-задний диаметр головы: от надглазничной точки до самой задней точки затылка, где бы она ни пришлась.

30. Задняя точка затылка — альвеолярная точка верхней челюсти. (Раз получив заднюю точку при определении наибольшего диаметра, удерживают на ней ножку циркуля рукой, а другую ножку переносят на следующие точки, согласно примечанию в № 29).

31. Задняя точка затылка — переносица.

32. Задняя точка затылка — ухо.

33. Задняя точка затылка — темя.

34. Задняя точка затылка — брегма.

35. Брегматическая точка — переносица. Голова устанавливается так, чтобы плоскость Кампера, проходящая через подносовую точку и центры ушных отверстий, была

горизонтальна; от одного ушного отверстия до другого, в плоскости перпендикулярной к плоскости Кампера и проходящей через центры ушных отверстий, проводят белый эластический шнурок, снабженный двумя петлями, которые надеваются на уши и продолжение которых измеряемый сильно натягивает, придерживая концы шнурка на своей груди. Таким образом шнурок лежит на голове очень плотно, обозначая собой направление вертикальной плоскости, делящей голову на переднюю и заднюю части. Убедившись, что плоскость Кампера горизонтальна и, следовательно, плоскость шнурка вертикальна, принимают высшую точку шнурка за брегматическую точку и отмечают ее синим карандашом. Теперь субъект может ворочать голову как угодно, лишь бы он не ослаблял натяжение шнурка и не изменял положения руки, удерживающей концы шнурка, брегма останется на своем месте, что важно для последующих измерений.

36. Конец мастоидального отростка — переносица.

37. Расстояние ушных отверстий. Ножки циркуляра накладываются на край котелка, против центра ушного отверстия, при таком нажимании, чтобы концы ножек возможно ближе подходили к центру ушного отверстия.

Б. Ухо (центр ушного отверстия).

38. Начало роста волос на лбу (в срединной вертикальной плоскости)

39. Надглазничная точка.

40. Переносица.

41. Подносовая точка.

42. Альвеолярная точка верхней челюсти.

43. Подбородок.

44. Угол нижней челюсти.

45. Конец Mastoideus'а.

46. Затылочный бугор.

47. Темя, т. е. высшая точка головы при горизонтальном положении плоскости Кампера.

48. Брегма.

49. Внутренний угол глаз.

50. Наружный угол глаз.

51. Передняя точка simicircular'ной линии (то же, что и для

№ 21).

52. Наружная надглазничная точка (то же, что и для № 27).

53. Нижняя точка нижнего края границы.

54. Скуловая кость (то же, что и для № 91).

55. Скуловая дуга, т. е. точка дуги, соответствующая концу наибольшего диаметра между скуловыми дугами или наиболшему лицевому поперечнику (та же, что и для № 90).

В. Затылочный бугор.

56. Надушный поперечный диаметр; расстояние надушных точек (см. № 20).

57. Начало роста волос на лбу.

58. Надглазничная точка.

59. Переносица.

60. Конец носа.

61. Подносовая точка.

62. Альвеолярная точка верхней челюсти.

63. Конец срезцов верхней челюсти.

64. Подбородок.

65. Темя.

66. Брегма.

Г. Переносица.

67. Начало роста волос на лбу.

68. Надглазничная точка.

69. Конец носа.

70. Подносова точка.

71. Зубная точка верхней челюсти.

72. Конец резцов верхней челюсти.

73. Побородок.

74. Угол нижней челюсти.

75. Скуловая кость (№ 91).

76. Скуловая дуга (№ 90).

77. Надушная точка.

Д. Подбородок.

78. Конец резцов нижней челюсти.

79. Зубная точка нижней челюсти.

80. Начало роста волос на лбу.
81. Угол нижней челюсти.

E. Альвеолярная точка верхней челюсти.

82. Внутренние углы глаз.
83. Наружные углы глаз.
84. Угол semicircular'ной линии (№ 21).
85. Наружная надглазничная точка.
86. Надушная точка.
87. Нижняя точка нижнего края глазницы.
88. Расстояние нижних точек нижнего края глазниц.
89. Углы нижней челюсти.

90. Наибольший поперечник лица, т. е. наибольшее расстояние скуловых дуг. (Получив этот размер, необходимо отметить синим карандашом конечные точки, точно так же, как и при других размерах, когда приходится отыскивать конечные точки, так сказать, ощупью; напр., следующ. №)

91. Скуловые кости; их расстояние. Ножки циркуля устанавливаются на нижние точки соединения скуловых костей со скуловыми отростками верхне-челюстных костей. Определяются ощупью, накладывая большой палец на скуловой отросток верхне-челюстной кости, а указательный на нижний край скуловой кости; в промежутках между пальцами помещается ножка циркуля.

92. Расстояние внутренних углов глаз.
93. Расстояние наружных углов глаз.

94. Расстояние от подносовой точки до конца носа (определяется прикладыванием масштаба, надавливая его концом по направлению к подносовой точке).

95. Щирина носа, т. е. наибольшее расстояние между боковыми точками носовых крыльев. (Топинар, loc. cit., стр. 348; «берется между наиболее удаленными друг от друга точками носовых крыльев»).

96. Щирина рта.

97. Расстояние от заднего края последнего коренного зуба верхней челюсти до альвеолярной точки верхней челюсти.

98. Расстояние внутренних поверхностей задних коренных зубов.

99. Наибольшее расстояние внутренних, противулежащих

поверхностей коренных зубов, против каких бы зубов оно не пришлось.

100. Наибольшая длина уха.

101. Отстояние верхушки уха от ближайшей точки головы в горизонтальном направлении.

102. Форма носа (прямой, вздернутый и т. д.).

103. Форма губ (толстые, тонкие, оттопыренные).

104. Длина плеча от акромиального отростка до наружного мыщелка плечевой кости.

105. Длина предплечья от наружного мыщелка плечевой кости до шиловидного отростка лучевой.

106. Длина пясти от средины линии, идущей от шиловидного отростка поперек лучезапястного сочленения до пястно-фалангового сочленения среднего пальца.

107. Длина среднего пальца от последней точки до конца пальца, по тылу пальца.

108. Длина большого пальца, т. е. длина двух его фаланг по тылу.

109. От process. acromiallis до конца среднего пальца (руки «по швам»).

110. Щирина кисти у основания пальцев от наружной точки пястнофалагеального сочленения мизинца до той же точки указательного пальца.

111. Большой раздвиг, т. е. наибольшее расстояние от вершины среднего пальца до вершины большого.

112. Малый раздвиг, т. е. наибольшее расстояние от вершины указательного пальца до вершины большого. Оба последние размера определяются, захватывая раздвинутыми пальцами возможно наибольшее расстояние на масштабе.

113. Щирина плеч, т. е. расстояние от одного акромиального отростка до другого.

114. Щирина груди (поперечная) под мышками; руки слегка отведены от туловища для пропуска ножек циркуля.

115. Щирина груди на уровне конца грудины (поперечная).

116. Высота груди, передне-задняя, вверху: от верхней точки грудины до остистого отростка 7-го шейного позвонка.

117. Высота груди, передне-задняя, внизу грудины: от соединения конца грудины с мечевидным отростком до противулежащей, в горизонтальной плоскости, точки позвоночника.

118. Расстояние сосков.

119. Длина грудины от верхней точки рукоятки грудины до соединения грудины с мечевидным отростком.

120. От начала грудины до верхнего края лобкового сочленения.

121. От начала грудины до шва промежности.

122. От конца грудины (без мечевидн. отр.) до верхнего края лобкового соединения.

123. Длина груди сзади, от остистого отростка 7-го шейного позвонка до последнего грудного позвонка, что определяется приблизительно, ощупыванием нижнего края последнего ребра и продолжением этой линии до пересечения с срединной линией позвоночника.

125. Длина туловища сзади, от остистого отростка 7-го шейного позвонка до конца хвостка, который определяется ощупью.

126. Расстояние передних верхних остей подвздошных костей.

127. Лобок — крестец; от середины лобкового соединения спереди до крестцово-поясничного сочленения, что определяется приблизительно, судя отчасти по изгибу позвоночника, отчасти по ямочкам на крестце, лежащим по бокам крестцовой кости.

128. Расстояние наружных точек гребней подвздошных костей. (Наибольшее расстояние).

129. Расстояние наружных точек больших вертелов.

130. Длина бедра, от передней верхней ости подвздошной кости до наружной точки сочленовной линии колена.

131. Длина бедра, от большого вертела до наружной точки сочленовной линии колена.

132. Длина голени, от внутренней точки сочленовной линии колена до верхушки внутренней лодыжки.

133. Высота икры, т. е. высота задней точки наибольшей окружности икры над плоскостью, на которой стоит исследуемый субъект.

134. Высота стопы, т. е. высота верхушки внутренней лодыжки над полом.

135. Длина стопы, от задней точки пятки до конца большого пальца.

136. Щирина стопы, от наружной точки плюсне-фалангового сочленения большого пальца до наружной точки того же

сочленения малого.

137. Выстояние пятки назад, т. е. расстояние между перпендикулярами, опущенными на плоскость пола из верхушки внутренней лодыжки и из задней точки пятки.

138. Отклонение большого пальца стопы кнаружи от срединной линии тела. Ноги сдвинуты так, что пятки и плюсне-фаланговые сочленения больших пальцев соприкасаются; измеряется расстояние между концами внутренних краев (обращенными к срединной линии тела) ногтей больших пальцев. Половина этого расстояния дает величину отклонения большого пальца от срединной вертикальной плоскости.

139. Высота свода стопы, т. е. высота перпендикуляра, опущенного из бугорка ладьевидной кости на плоскость пола (плоская или высокая стопа?)

140. Длина большого пальца, от плюсне-фалангового сочленения этого пальца, по тылу, до его конца.

141. Высота верхнего края лобкового сочленения над полом.

142. Высота пупка над полом. Оба последние размера определяются, ставя человека против вертикальной стены и отмечая наугольником соответственные точки на стене; затем измеряют высоту этих точек.

143. Отстояние конца среднего пальца от коленной чашечки.

144. Большой размах рук, т. е. наибольшее расстояние между концами средних пальцев при распростертых горизонтально руках; для этого исследуемого субъекта ставят лицом к стене (по Брока спиной к стене; но это неудобно, потому что тогда руки остаются почти на весу) и заставляют захватить руками возможно большее расстояние в горизонтальном направлении.

145. Окружность шеи на уровне перстневидного хряща.

146. Окружность груди; лента накладывается под нижние углы лопаток и идет через соски, причем субъект держит руки на голове и считает: раз, два, три и т. д.

147. Та же окружность при возможно глубоком вдохе.

148. Та же окружность при возможно глубоком выдохе.

149. Окружность живота на уровне пупка.

150. От конца грудины (без мечев. отр) до пупка.

151. От конца грудины до лобка.

152. Охват плеча в толстом месте (средина двуглавой мышцы).

153. Обхват предплечья в самом толстом месте.

154. Обхват предплечья в самом тонком месте.

155. Обхват кисти у пястно-фаланговых сочленений 4 пальцев.

156. Обхват среднего пальца у основания.

157. Обхват среднего пальца у ногтя.

158. Охват бедра в самом толстом месте.

159. Обхват коленного сочленения на уровне средины коленной чашки.

160. Охват голени на уровне самого толстого места икры (высота задней точки этой окружности и есть высота икры).

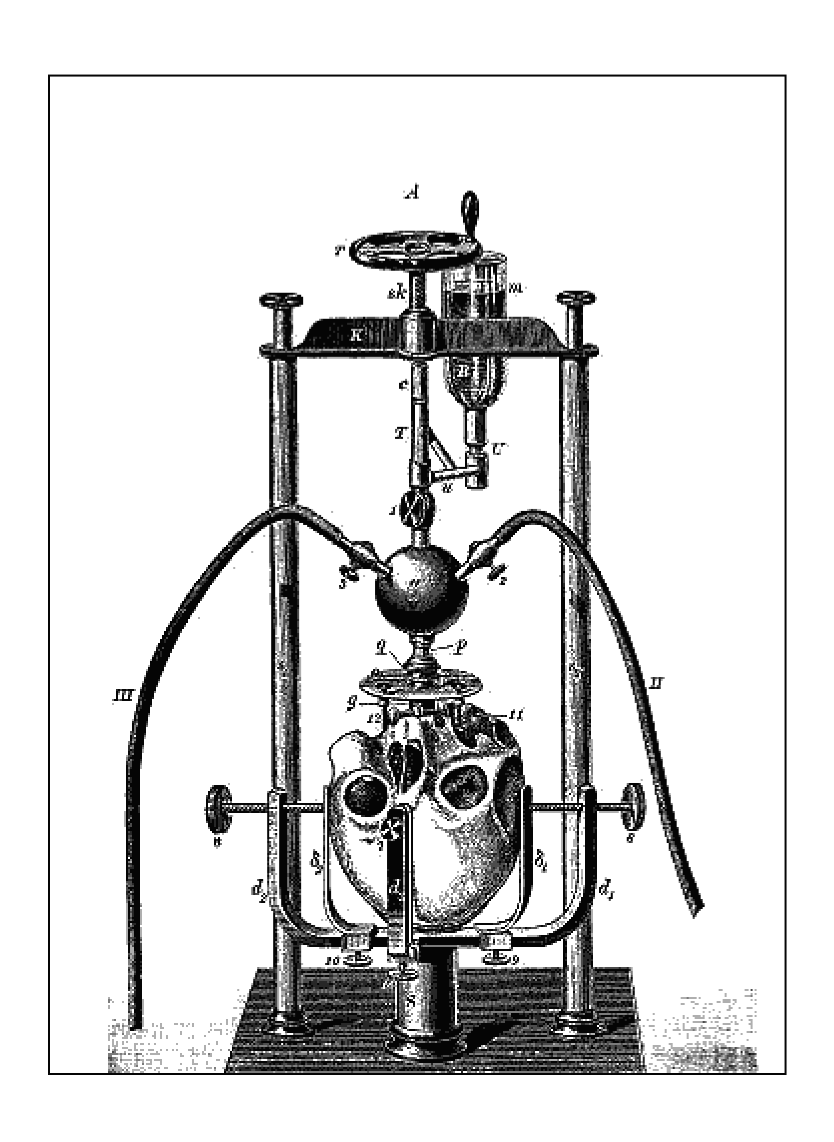
161. Обхват голени в самом тонком месте над лодыжками.

162. Обхват подъема стопы; лента накладывается на высшую точку подъема, на тыле стопы сверху, а снизу приблизительно на границе средней и задней трети подошвы, так что она лежит несколько косвенно: спереди и сверху, назад и вниз.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Общие сведения:
№ исследуемого субъекта.
Место исследования.
Время исследования.
Имя, отчество, фамилия, пол.
Родина.
Племя, раса.
Звание и сословие (наследственное или приобретенное?).
Занятие.
Экономическое состояние.
Телосложение и питание.
Тип лица и личная красота.

1. *Лета (№ 1).*
2. *Цвет волос (№ 4).*
3. *Цвет глаз (№ 12).*
4. *Рост (№ 2)*
5. *Объем груди (№ 146).*
6. *Большая окружность головы (№ 13)*
7. *Наибольший продольный диаметр головы (№ 29).*
8. *Наибольший широтный диаметр головы (№ 25).*
9. *Длина лица до альвеолярной точки (№ 71).*
10. *Длина лица до подбородка (№ 73).*
11. *Наибольший поперечник лица (№ 90).*
12. *Наименьший лобный диаметр (№ 23).*
13. *Внешний глазничный диаметр (№ 27).*
14. *Углы нижней челюсти (№ 89).*
15. *Щирина носа (№ 95).*
16. *Высота носа — от переносицы до подносовой точки (№ 70).*
17. *Высота черепа от макушки до центра ушного отверстия.*

A
r
sk
m
K
B
e
T
U
u
1
3
2
q
p
III
II
g
12
11
d
d_2
d_1
10
9
S

Как измерять людей

(Справочник по антропологии)

С. М. Хомяков

КАЗАНЬ
Типо-литография Императорского Университета.
1911

В России свыше сотни народностей; многие из них почти не исследованы (Пермяки, Зыряне, Остяки); о многих даже наша интеллигенция ничего не знает (Арбунсумуны, Кайтагцы, Самурзаканцы).

Несмотря на такое обилие еще нетронутого наукой материала, у нас до сих пор антропология не получила права гражданства: нет специальных кафедр в университете, нет пособий, более или менее полных руководств; не выработана единообразная программа для измерений.

Между тем время идет: народности исчезают, сливаются и под безразличным всеобъемлющим наименованием: русский — уклоняются от оценки антрополога.

Вот почему всякий врач, под руками которого ежедневно проходят сотни больных и здоровых людей, учитель, изнывающий в глухом медвежьем углу, следователь обширного участка могли бы принести огромную пользу науке, посвящая часы своего досуга измерениям окружающего их населения.

Для них преимущественно и составлен мой справочник.

Само собой разумеется, что занятие антропологией предполагает хотя бы общее знакомство со строением человеческого тела.

На первых порах можно ограничиваться учебником анатомии и физиологии человека пр. Завьялова. (ц. 90 к., изд. Пирогов. тов.).

Желательно, чтобы измерения производились над здоровыми людьми. Измерения больных имеют свою ценность только под условием точного обозначения диагноза их болезни.

Краниология есть подотдел антропологии, изучающей физический тип человека.

По К. Э. фон Бэру ее задача — «выразить немногими техническими терминами совокупность типических отношений черепа».

Определяя среднее из целого ряда измерений над отдельными индивидуумами, мы создаем характеристику антропологического типа, обозначаемого Петри, как «группа людей, объединенных по известной сумме антропологических признаков». При этом следует иметь в виду, что для точного вывода необходимо измерить достаточное число индивидуумов.

Кетле считает, что 10 тщательных измерений одного возраста и пола правильно сложенных людей достаточно для установки среднего типа. Велькер повышает это число до 30.

Ввиду же того, что для антропологии имеет значение не только характеристика среднего нормального типа данного племени, но и многочисленные вариации его, вообще рекомендуется измерять возможно большее число, держась для удобства подсчета круглых цифр: 100, 200, 300 и т. д.

Чтобы полученные результаты можно было сравнивать с наблюдениями, добытыми ранее, антропологи точно обозначают пункты, от которых они откладывают свои измерения, подробно описывают и самую технику. «Наблюдатели, — говорит Топинар, — которые публикуют измерения, не определяя точно их приема, рискуют не убедить никого».

На черепе школа Брока, а за ней и остальные антропологи отмечают:

Basion (основание) — точка сечения переднего края большого затылочного отверстия с медианной плоскостью.

Opisthion (задний) — точка сечения заднего края затылочного отверстия с медианной плоскостью.

Inion (затылок) — наибольшее отстояние protuberantiae occipitalis externae от латеральной плоскости.

Obelion (обелиск) — место скрещения стреловидного шва с поперечной линией, соединяющей оба теменных отверстия (foramina parietalia).

Lambda (греческ. буква L-l) — точка слияния ламбдовидного шва с стероловидным.

Bregma (макушка) — место большой фонтанели в точке соприкосновения стреловидного и венечного швов.

Metopion (лоб) — точка скрещения медианного обхвата с

наименьшей прямой между лобными буграми.

Ophryon (бровь) — точка перекреста наименьшего поперечника лба с сагиттальным обхватом черепа.

Sthefanion (венок) — точка пересечения венечного шва линией semicircularis-temporalis.

Nasion (asterion — звезда) — точка соединения носо-лобного шва с медианной плоскостью.

Alvion (abveola — ячейка) — точка скрещения края альвеолярного отростка верхней челюсти (между резцами) с медианной плоскостью.

Mention (mentis — мнение) — точка перекреста медианной плоскости и края подбородка.

Gonion — верхушка внешнего угла нижней челюсти.

Dacryon — точка совпадения лобного отростка верхней челюсти, лобной и слезной кости.

Pterion (перо) — область сближения лобной, теменной, височной кости и большого крыла клиновидной.

16 апреля 1906 года в Монако была выработана международная программа для краниологических измерений. Секретарь международной комиссии, созванной для этой цели, Папилльо, говорил между прочим:

«Франкфуртское соглашение отброшено даже в Германии, французский метод далеко не объединен. Нами должно руководить не национальное чувство, а желание объединить программы исследований на началах удобства, простоты, точности и биологического значения каждого измерения».

Президентом комиссии был берлинский анатом Вальдейр, а вице-президентом — итальянский антрополог Серджи.

Я помещаю программу в русском переводе, пользуясь подлинником, помещенном в Revue de l'ecole d'antropologie. 1907 г. № II.

Инструментами служат: измерительная стальная лента, толстотный циркуль, скользящий циркуль. (Можно приобрести и в России у Рихтера, Петербург; ст. около 25 рублей. Очень удобен для дороги набор по Р. Мартину).

Краниометрия:

1) Наибольшая длина черепа: от наиболее выдающейся точки до наиболее отстоящей точки затылочной кости.

2) Наибольшая ширина черепа: искать толстотным циркулем наибольшего размаха его ветвей, избегая чешуи височной кости и строго держась вертикальной нормы.

3) Высота черепа: a) от базиона до брегмы. b) между брегмой и верхним краем ушного отверстия.

4) Наименьший лобный диаметр: наименьшая прямая между височными гребнями.

5) Наибольший лобный диаметр.

6) Наибольший мастоидальный диаметр: в области внешних фасеток мастоидального апофиза на уровне слухового отверстия искать наибольшего размаха циркуля.

7) Скуловой наибольший диаметр: в области внешних фасеток скуловых дуг искать наибольшего размаха.

8) Диаметр назо-базилярный: от назиона до базиона.

9) Диаметр альвеолярно-базилярный: от срединной точки переднего края альвеолярного края до базиона.

10) Диаметр подбородочно-носовой: от назиона до ментиона.

11) Диаметр назо-альвеолярный: от назиона до альвиона.

12) Высота носа: от назиона до точки перекреста медианной плоскости с наименьшей прямой, соединяющей нижние края aperturae pyriformis.

13) Щирина носа: между боковыми краями носового отверстия.

14) Диаметр межглазничный: наименьшая прямая линия между точками, где слезный гребень (posterior) встречается с нижним краем лобной кости.

15) Глазничный диаметр: между точками, где встречаются швы, образованные лобной, слезной и в. челюстной костями.

16) Глазничная высота: от верхнего до нижнего края глазницы, избегая изломов и раковин, если они существуют.

17) Щирина верхнего альвеолярного края верхней челюсти: ищут, руководясь краями внешних фасеток, наибольшего размаха циркуля.

18) Высота альвеолярного края: от точки перекреста медианной плоскости с линией, соединяющей основания передних резцов верхней челюсти (с краем альвеолярного отростка) до линии, соединяющей задние края альвеолярных отростков.

19) Длина затылочного отверстия: от базиона до опистиона.

20) Щирина его.

21) Сагиттальный обхват: от назиона до опистиона.

22) Поперечный обхват через брегму между гребнями непосредственно перед ушными отверстиями (там, где выбегают скуловые отростки).

23) Горизонтальная окружность.

24) Черепная емкость.

Комиссия не указывает способа измерения емкости черепа.

Лично я рекомендую способ русского антрополога Вейнберга. Последний пользуется искусственным саго, зерна которого довольно равномерной величины (не более 2 мм в диаметре). Зерна остиндийского саго для научных целей неприменимы. Саго в 9,5 раз легче дроби и в 2 раза легче бисера. (Встряхивать наполненный саго череп излишне).

Цефалометрия:

1) Наибольшая длина головы.

2) Наибольшая ширина.

3) Высота головы: измеряется антропометрическим наугольником от макушки до верхнего края слухового отверстия. (Для лиц, не имеющих под руками этого инструмента, я рекомендую при измерении роста отмечать и высоту ушного отверстия над полом. Вычитанием можно тогда получить искомую величину).

4) Наименьшая ширина лба.

5) Наибольший мастоидальный диаметр.

6) Наибольший скуловой диаметр.

7) Наибольший нижнечелюстной диаметр: между гонионами.

8) Высота лица: от начала волос до ментиона.

10) Диаметр носо-ротовой: от назиона до разреза губ.

11) Диаметр носо-альвеолярный: от назиона до альвиона.

12) Высота носа: от назиона до точки перехода носа на верхнюю губу.

13) Щирина носа: наибольшая прямая линия между крылями носа.

14) Наибольшее отстояние верхушки носа от его основания.

15) Диаметр глазничный внешний: между внешними углами глаза.

16) Диаметр глазничный внутренний: между внутренними

углами век, не захватывая карункулю.

17) Щирина рта: между углами рта, держа его в среднем положении (etant dans sa postion moyenne).

18) Высота рта.

19) Наибольшая длина уха.

20) Длина хрящевой части уха: от верхнего края helix до нижнего края хрящевой раковины.

21) Щирина уха: между двумя параллельными линиями, из которых одна касается переднего края завитка, а другая заднего.

Для черепов, имеющих нижнюю челюсть, программа Вальдейера добавляет следующие пункты.

I. Расстояние между внешними фасетками суставных отростков.

II. Расстояние между гонионами.

III. Длина восходящей ветви: от верхнего суставного отростка до гониона.

IV. Наименьшая ширина восходящей ветви.

V. Высота симфиза: от края альвеолярного отростка до нижнего края симфиза.

VI. Челюстной угол: по способу Брока гониометром его же имени (измерение при работе «в поле» недоступно), т. е. угол, образуемый задним краем выходящей ветви с нижним краем челюсти.

VII. Высота тела нижней челюсти: измеряется высота от линии, параллельной линии, проведенной между первым и вторым моляром.

При описании признаков, не поддающихся числовому измерению, можно руководствоваться инструкциями М. Общества Любителей Е. А. Э.

Телосложение: толст, худ, средней упитанности?

Волосы: мягкие, жесткие, средние; курчавые, волнистые, прямые; густые, редкие; плешь есть или нет?

Борода: длинная, средняя, короткая; прямоволосая, волнистая, курчавая; есть или нет?

Усы: длинные, короткие, густые, редкие; нет?

Баки; Брови: густые; небольшие. Ресницы: длинные, средние?

Волосатость тела?

Цвет волос на голове: белокурый, светло-русый, темно-русый, черный, рыжий, светлого или темного оттенка. Нет ли пучков иного цвета? Есть ли седина?

Цвет волос на бороде и усах?

Цвет радужной оболочки глаз: серый, голубой, светло-карий (с радиальными желтыми или карими полосками), карий, черный, зеленый (светлого или темного оттенка)?

Цвет кожи: (на прикрытых местах тела) белый, розоватый, желтоватый, смуглый, красноватый, весьма смуглый, темный? Пятна другого цвета есть, нет?

Переносье: плоское, выпуклое, вдавленное?

Прорезы глаз: открытые или узкие, горизонтальные или косые (т. е. с приподнятыми наружными углами); складка у внутреннего угла глаза есть или нет?

Нос: прямой горбатый (орлиный), вздернутый (курносый), тонкий, средний, широкий; резко ограничен на боках от щек или незаметно сливается с ними?

Губы: средние, тонкие, толстые?

Щеки: полные, средние, впалые?

Подбородок: выдающийся, прямой, покатый назад?

Уши: оттопыренные, средние; мочка отделена или приросшая; раковина равномерно загнута по краю, слабо загнутая, имеет 1–2 выступа кверху.

Зубы: плотные, с промежутками; широкие, средние, узкие; гнилые — сколько; двойные, лишние?

Необходимо помнить, что череп или голову изучаемого субъекта нужно описывать в известном порядке, руководствуясь «нормами», специально для этого установленными.

А именно:

Norma verticalis Blumenbachii — описание головы сверху.
Norma frontalis Henleii — описание головы спереди.
Norma occipitalis de Baerii — описание головы сзади.
Norma temporis Virhowii — описание головы сбоку.
Norma basilaris Owenii — описание черепа снизу.

«Достаточно, — говорит Петри, — определить наибольший диаметр широты черепного свода, поставив ножки циркуля, как это, к

сожалению, обыкновенно делается на глазомер, а затем повторить то же измерение, всмотревшись в черепной свод in norma verticalis, чтобы… убедиться, что первый пример, как произвольный, не дает постоянных результатов, а второй может быть доведен при известном навыке до необходимой точности».

Существует еще Norma mediana Lissauerii, когда очертания черепа как бы проектируются на рассекающей его медианной плоскости.

Срединная норма имеет большое значение для краниологии. К сожалению, вычерчивать очертания черепа на миллиметровой бумаге (лучше всего Faber), пользуясь программой Вальдейера, неудобно.

Поэтому специально для вычерчивания я добавляю обычно следующие измерения:

1) Диаметр от Inion'a до Mention.
2) Диаметр от Inion до разреза губ.
3) Диаметр от Inion до подносовой точки.
4) Диаметр от Inion до верхушки носа.
5) Диаметр от Inion до Nasion.
6) Диаметр от Inion до Glabell'ы.
7) Диаметр от Inion до точки начала роста волос.
8) Диаметр двуушный: между ушными отверстиями (верхним краем meatus audit. externi).

Пользуясь добытыми результатами, можно очень точно зачертить абрис головы в срединной норме и дальнейшие измерения производить уже на чертеже.

Необходимо строго следить, чтобы за всё время работы центр слухового отверстия и нижний край глазницы были на одном уровне (у исследуемого субъекта) — в плоскости Меркеля.

Наконец, упомянем о так называемом «морфологическом методе описания черепа» Серджи. Серджи классифицирует свои типы черепов или разновидностей на основании простого осмотра, дополняя последний измерениями.

Употребляемые им технические термины отчасти уже получили права гражданства в антропологии, отчасти введены самим автором.

Приведу некоторые из них:

долихоцефал (длинный) — длинноголовый;
мезоцифал (средний) — среднеголовый;
брахицефал (короткий) — короткоголовый.

Череп гипсицефалический (высокий) — высокий череп

Череп ортоцефалический (прямой) — средний череп;

Череп хамэцефалический (низкий) — низкий череп;

Череп лептопрозопический (тонкий) — продолговатое лицо;

Череп мезопрозопический — среднее лицо;

Череп хамэпрозопический — череп с низким лицом.

Череп лепторинический (тонкий; нос) — череп с тонким носом.

Череп платиринический (широкий) — со сплющенным носом.

Череп гипсиконхический (высокий; глазница) — с большими глазницами.

Череп прафантический (впереди; челюсть) — с выдающейся вперед челюстью; вернее, с альвеолярным прогнатизмом.

Череп прогнатический (челюсть) — для полного прогнатизма.

При обработке материала приходится пользоваться:

1) Пропорциями, т. е. отношениями частей к целому.

2) Индексами, т. е. отношениями главнейших протяжений плоскостей или тел друг к другу.

Отметим важнейшие из них.

I. Индекс ширины.

Его формула = $\frac{\text{Ш.черепа} \times 100}{\text{длина черепа}}$

Причем черепа, имеющие индекс = 75 и менее называются долихоцефалами;

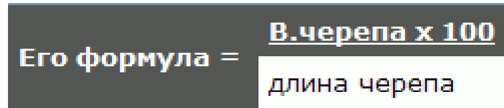
75–77,77 — субдолихоцефалами;

77,78–80,00 — мезатицефалами;

80,01–83,33 — субрахицефалами;

83,34 и более — брахицефалами.

II. Индекс высоты

III. Глазничный индекс:

$$\text{Его формула} = \frac{\text{Высота глазницы x 100}}{\text{ширина глазницы}}$$

Хамеконхия — до 80,0.
Мезоконхия — от 80,1–85,1.
Гипсиконхия — 85,0.

IV. Носовой индекс:

$$\text{Его формула} = \frac{\text{Ширина носового отверстия x 100}}{\text{высота носа}}$$

Лепторинея — до 47,0.
Мезориния — от 47,1–51,0.
Платириния — от 51–58,0.
Гиперплатинирия — выше 58,0.

V. Небный индекс:

$$\text{Его формула} = \frac{\text{Ширина нёба x 100}}{\text{длина нёба}}$$

Лептостафилиния — до 80,0.
Мезостафилиния — от 80–85,0.
Брахистафилиния — 85,0. (Вирхов).

VI. Индекс профиля:

$$\text{Его формула} = \frac{\text{Basion-Alvion x 100}}{\text{Basion-Nasion}}$$

По Флауэру:

Ортогнатия — 98%
Мезогнотия — 98–103%
Прогнатия — свыше 103%

VII. Индекс лица:

$$\text{Его формула} = \frac{\text{Высота лица x 100}}{\text{ширина лица}}$$

Хамэпрозопы — 80,01 и более.
Мезопрозопы — 70,01–80,00.
Лептопрозопы — до 70,00.

Относительно измерений на туловище не выработано единообразной методики.

Программа Московских антропологов ограничивается следующими измерениями:

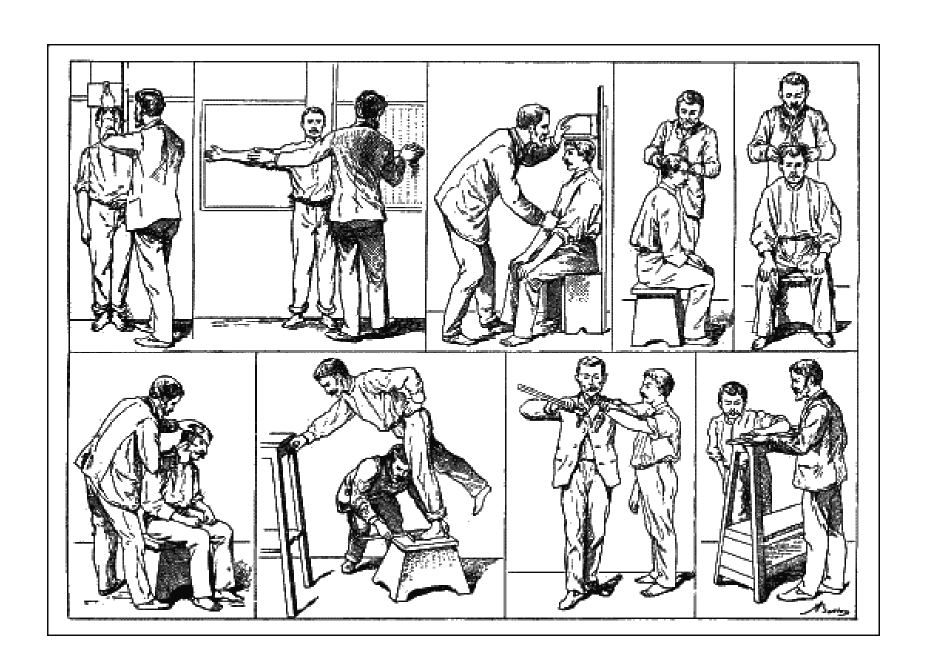
Высота над полом (№№ 20–40) макушки головы, слухового отверстия, края подбородка, остистого отростка у шейного позвонка, верхнее-плечевого отростка, epicondylus'a (у локтя), шилового отростка лучевой кости, нижнего конца вытянутого среднего пальца руки, вырезки грудины, (сосков), пупка, верхнего края лобкового скрещения, верхнеепередней подвздошной кости (spina ant. super.), большого вертела, шва промежности, линий коленного сустава, внутренней лодыжки. Объем груди подмышками; большой размах рук, длина ступни, вес тела.

Если возможно, к измерениям следует приложить фотографию изучаемого субъекта, а также отпечатки его пальцев, образцы волос, подобную родословную и пр.

Измерения, если нет времени обработать их самому, следует отсылать в Казанское общество естествоиспытателей, Московское общество любителей Антропологии, Естествознания и Этнографии и др. ученые общества.

Из более или менее необходимых пособий можно рекомендовать:

1) Антропологию Петри (особ. т. II). 1895–1897 г.
2) Антропологические таблицы Брока (пер. под ред. Богданова, 1879).
3) Антропологический состав населения России Ивановского.
4) Человека Ранке. Р. п. 1900 г.
5) Таблицы умножения О'Рурк. 1905 г.

Новые работы по криминальной антропологии

П. Н. Тарновская

С.-ПЕТЕРБУРГ
Типография Дома Призрения Малолетних Бедных. Лиговка, д. № 26.
1892

(Доклад I секции Русского Общества охранения народного здравия, 27 декабря 1891 года)

Два года тому назад, в заседании I секции Русского Общества охранения народного здравия, я делала сообщение: «о Воровках» и высказала некоторые выводы касательно антропометрии признаков вырождения и других биологических данных, присущих этому классу женщин, — выводы, вызвавшие в то время оживленные прения.

По поводу этих данных я решаюсь сделать новый доклад в уважаемом собрании в виду работ, появившихся в литературе этого вопроса, в которых я нашла, между прочим, подтверждение высказанных мною тогда выводов.

Скажу сначала о новой книге профессора Ломброзо «Криминальная Антропология», появившейся в 1890 г. и ныне вышедшей 2-м, значительно дополненным, изданием.

Цель этой книги, по автору, — сделать обзор работ по антропологии преступников, работ, за последние годы весьма обильно появляющихся, в особенности на итальянском языке, и разбросанных по журналам.

Разбирая с горячей похвалою работы Марро, своего ученика и последователя, профессор Ломброзо останавливается на капитальном сочинении Марро — «Преступные характеры» (1889 г.). Приводя в пример громадные заслуги в области ботаники, профессор Ломброзо говорит, что Марро поистине, заслуживает быть названным «основателем криминальной антропологии», и восстает против

мнения, высказанного его противниками, будто работы Марро представляют противоречие исследованиям самого профессора Ломброзо. «Напротив, — говорит этот последний, — работы Марро вполне подтверждают мои; они только более подробно развивают то, что я высказывал в общих чертах; он выделяет уже подвиды и категории там, где я заметил лишь общий тип. Прогресс в науке, именно, и заключается в выработке и дальнейшем развитии подробностей, идя от простого к сложному». Я привожу дословные выражения главы итальянской школы, потому, что в своей последней книге: «Философия уголовного права», наделавшей так много шуму, известный ученый юрист Тард, один из выдающихся противников современной антропологической школы, в резкой критике, делаемой им над Ломброзо, говорит, что лучший ученик его Марро, и тот приходит к противоположным заключениям относительно выводов профессора Ломброзо.

По поводу последнего сочинения Тарда, я не могу не заметить, что книга эта, имевшая очень большой успех преимущественно между юристами, но не врачами и естественниками, во многих местах клонит к осмеянию и умалению данных, добытых антропологами путем таких тщательных и усидчивых трудов. Каждый, делавший исследования в области естествознания, по опыту знает, сколько нужно потратить времени, энергии и непрерывной работы, чтобы достигнуть каких-нибудь результатов в предпринятой работе.

Прекрасно владея даром слова, Тард столь же блестящ и остроумен в своих нападках на антропометрию, на законы наследственного вырождения и проч., сколь и мало доказателен. Он, не стесняясь, отрицает биологическую теорию Дарвина вообще, теорию наследственности в частности, оспаривает признаки вырождения, передаваемые потомству болезненным восходящим поколением, и, подымая на смех многие данные, выработанные экспериментальным путем, не противопоставляет ни одного личного опыта или наблюдения всему тому, что он старается опровергнуть. Аргументации своей, чисто метафизической, он придает абсолютное значение непреложных доказательств и считает, что ловких ораторских приемов совершенно достаточно, чтобы произнести приговор над теми малыми еще, но положительными данными, которыми располагает в настоящее время антропология, достигнув их весьма медленно, путем громадных и продолжительных трудов многих исследователей.

Здесь, конечно, не место разбирать подробно объемистую книгу

ученого юриста. Но на выдержку возьму лишь один пример из области его нападок на отличительные черты преступников.

Отрицая у преступников общее сходство, зависящее от признаков вырождения, переданных им путем патологической или вообще неблагоприятной наследственности, Тард задается вопросом, чем же мотивируется та общность и сходство их внешности, которые он, однако, допускает у многих из них, — «общность и сходство, которое легче подметить, чем формулировать», торопится он добавить.

Позволю себе заметить, что уж эта одна фраза Тарда: «общность типа, которую легче подметить, чем формулировать», рисует одним метким штрихом разницу, существующую между представителем умозрительных наук и антропологом — этим тружеником в области естествознания. Исследователь, владеющий точными методами, выработанными вспомогательными естественными науками, не затрудниться разобрать и подробно описать те тонкие отличительные признаки, представляемые наблюдаемым им объектом, и, руководствуясь ими, нередко опишет отдельный подвид уже известного типа и, таким образом, уловит и обособит явление на основании совершенно точных данных там, где представитель умозрительных наук, как в данном случае, будет затрудняться формулировать видимое им сходство или различие.

Но возвращаясь к общности типа, которую Тард все-таки допускает в преступниках, по мнению его, эта общность чисто социального характера и зависит от сходства, наблюдаемого у людей, занимающихся одним и тем же ремеслом, как, например, портные, кузнецы и проч. «Гипотеза эта, — говорит он, — совершенно достаточно объясняет не только анатомические особенности, отличающие преступников. Каждая профессия налагает известную печать на своих представителей, не только что ремесло, но даже класс, слой общества, раз он чем-либо отличается от толпы, тотчас выделяется своими особенностями. Так, например, Мануврие, исследуя серию черепов выдающихся представителей либеральных профессий, нашел у них прекрасно развитые лбы, значительно большую емкость черепа, применительно к средним цифрам, при сравнительно малом развитии лица.

Если проследить, с целью изучения, в мельчайших подробностях артистов, ученых, философов, инженеров, — продолжает Тард, — то, конечно, можно вывести из каждой категории этих лиц характерный тип, общий для представителей одной профессии.

И даже весьма вероятно, что этот тип был бы яснее и менее

сомнителен, чем пресловутый тип преступника. Тем более, что из всех жизненных путей карьера преступника всего менее подлежит свободному выбору, причем вследствие быстрого вымирания порочных семейств наследственная передача особенностей и свойств не успевает продолжительно влиять на потомство. На путь преступления попадают с детства; большинство известных убийц и воров суть заброшенные дети, сироты, не знавшие отцов и матерей».

На это положение Тарда следует заметить, что заброшенные дети, и даже сироты от рождения, все-таки успевают наследовать анатомическую организацию и воспринять другие предрасположения и свойства, переходящие к ним от родителей, причисляемых самим Тардом к числу «порочных семей». Отвергая наследственную передачу, Тард одновременно с этим допускает, однако, «вымирание порочных семейств», забывая, или игнорируя, что порочные семейства именно потому и вымирают, что накопляется чрезмерно много органических недочетов, ненормальностей, передаваемых наследственно через целый ряд поколений, пока кумулятивное действие этих аномалий не обусловит в конце концов вымирание рода. На этом основании прекращение потомства в семьях идиотов, кретинов, карликов и проч., в которых суммировались дефекты многих последовательных поколений, и составляет конечное проявление вырождения.

Такими явными противоречиями наполнена книга Тарда, в общем производящая впечатление блестящего фейерверка — много красивых сравнений и фраз, но никаких веских доказательств, ни одного собственного наблюдения в опровержение тех фактических данных, которые с таким трудом, терпением, и так медленно достигаются антропологами и к которым так свысока и презрительно относится ученый юрист.

Извиняюсь за длинное, но необходимое отступление в область криминалистов старой школы, силящихся подорвать доверие к антропологии — этому важнейшему оружию в руках новой положительной школы уголовного права, и возвращаюсь к ее трудолюбивому родоначальнику.

В своей «Криминальной антропологии» проф. Ломброзо далее разбирает работы д-ра Росси, Фригерио, проф. Градениго и д-ра Оттоленги.

Д-р Росси работал над антропометрией черепов. Данные Росси подтверждают цифры Ломброзо и Марро. Фригерио и проф. Градениго писали об аномалиях уха, число которых весьма

значительно у преступников.

Д-р Оттоленги писал о форме носа и об ассиметрии носовой вырезки. Такого рода ассиметрия носовых отверстий названа Велькером pteleïforme, и наблюдается, согласно исследованиям Оттоленги, весьма редко у нормальных людей, между тем, как у преступников он находил ее в 36 %. Затем Оттоленги написал целый ряд статей о чувствительности у преступников и исследовал у них отдельно все органы чувств. Исследования эти дали следующие результаты:

Болевая и общая чувствительность у преступников понижена. Острота зрения увеличена. Обоняние и вкус понижены, хотя эти органы чувств также не особенно сильно развиты и у нормальных простолюдинов.

Интересную книгу свою проф. Ломброзо заканчивает тремя предложениями:

1) Для юристов, решающих вопрос жизни и смерти сотен тысяч людей, необходимо ввести в курс наук обязательное изучение тюремоведения (l'enseignement de la Science penitentiaire).

2) В высшей степени важно фактическое изучение личности преступника.

«Прошло то время, — говорит Ломброзо, — когда думали, что следует изучать болезнь вместо больного, — преступление, а не самого преступника».

3) Изучение это обязательно должно производиться в самих тюрьмах. «Если из любви к науке и для нужд практической медицины мы аускультируем в госпиталях и больницах сотни чахоточных, ощупываем раны хирургических больных; в акушерских клиниках позволяем студентам исследовать беременных женщин и в психиатрических отделениях наблюдать душевно-больных, то почему же думают, что знакомство и изучение учащимися личности преступника будет сопряжено с большими трудностями?» — говорит в заключение автор.

Перехожу теперь к последней работе проф. Ломброзо, появившейся лишь нынешней осенью.

В журнале Королевской Медицинской Академии в Турине, в № № 9 и 10 за 1891 г., появилось предварительное сообщение проф. Ломброзо и ассистента его Оттоленги под названием «Женщина преступница и проститутка».

Авторы задаются мыслью выяснить, как часто встречаются у женщин-преступниц признаки вырождения, совокупность которых у

мужчин-преступников обусловливает преступный тип — tipo criminale.

Одним из главных затруднений, сопряженных с такого рода исследованием, авторы считают разнородность национальностей населения тюрьмы, куда попадают преступницы из разных провинций Италии. Не так-то легко, говорят авторы, найти даже 100 нормальных женщин из одной и той же местности для контрольных опытов; ибо и те нормальны лишь для данной провинции, в другой же могут показаться отклонениями от преобладающего там типа. Так, например, среди тосканского населения, уроженка Калабрии или Сардинии уже может показаться не вполне нормальным типом.

Трудностью найти однородный материал объясняются, по мнению авторов, противоречия, встречаемые в цифрах у различных исследователей по этому предмету. Далее авторы переходят к литературе этого вопроса, на чем я останавливаться здесь не буду и прямо перейду к их личным наблюдениям.

Предметом их исследований были: 964 преступницы, 150 черепов преступных женщин, 349 проституток, 125 нормальных женщин и 30 черепов также нормальных женщин.

Рассмотрение признаков вырождения у сказанных лиц авторы начинают с неправильностей черепа, которых у преступниц 40 %, причем чаще всего наблюдались косые черепа — plagiocephalia.

Из аномалий лба чаще встречались лбы, отклоненные назад (fronte sfuggente). У отравительниц такие лбы наблюдались в 16 %; у воровок в 10 %; у детоубийц в 4 %.

Чрезмерное развитие нижней челюсти авторы наблюдали у воровок в 27 %, и в 26,2 % у проституток.

Выдающиеся скулы, в среднем, наблюдались в 20 % у преступниц и в 40 % у проституток; последний признак авторы считают преимущественно свойственным проституткам.

Аномалии ушей у преступниц встречались авторам в 5,4 %, у воровок в 35 % и у проституток в 52 %.

Прогнатизм челюстей у преступниц был замечен в 7 % и у проституток в 13 %.

Тонкие губы у нормальных женщин наблюдались у 2 %; и у преступниц в 14 %. У проституток тонкие губы не встречались вовсе.

Неправильные зубы отмечались авторами у преступниц в 16 %, у воровок (по последним исследованиям авторов) в 38 % и у проституток в 41 %.

У 206 преступниц отклонение носа влево наблюдалось в 22 %,

вправо всего в 3,4 %. У проституток отклонение носа встречалось в 8 %.

Мужской тип лица (fisionomia virile) у преступниц встречался в 13 % и у проституток в 10 %.

Монгольский тип лица, ни разу не наблюдавшийся авторами у 100 нормальных женщин, был отмечен ими в 14 % у преступниц, и в 9 % у проституток.

Татуировка, столь часто встречаемая авторами у мужчин-преступников, у женщин едва достигает 2 %. Авторы приводят любопытную особенность, найденную Бергом, из которой видно, что из 804 проституток-датчанок оказалось 99 % татуированных.

К числу признаков вырождения, несравненно чаще наблюдаемых у преступниц и у проституток, чем у нормальных женщин, авторы относят еще рост усов у женщин, изобилие вертикальных морщин на лбу и преждевременное поседение волос.

Резюмируя свой перечень признаков вырождения, авторы приходят к следующим заключениям:

1) Число сказанных признаков несравненно меньше у преступниц, чем у преступников-мужчин.

2) По сравнению с нормальными женщинами, у преступниц чаще преобладают следующие аномалии: неправильности черепа вообще и plagiocephalia преимущественно; аномалии лба — из последних чаще всего отклоненные назад лбы, затем выпуклые лобные бугры; далее — выдающиеся скулы, объемистые нижние челюсти, неправильности зубов, тонкие губы и мужской тип лица.

3) Все сказанные признаки вырождения несравненно чаще встречаются у проституток.

Переходя к преступному типу (tipo criminale), авторы говорят, что одно изучение столь часто наблюдаемых признаков вырождения еще недостаточно для выяснения так называемого преступного типа у женщин, совершающих преступления. Тип этот можно будет установить лишь из совокупности различных черт и особенностей, при синтетическом изучении этого вопроса.

Те же самые признаки вырождения, отдельно взятые, могут, конечно, наблюдаться нередко и у нормальных людей; но одновременное существование нескольких из этих признаков у человека обусловливает тот анатомический облик, к которому подходит так называемый «преступный тип».

К полному преступному типу авторы относят лиц, представляющих одновременно 4 или более признаков вырождения.

К неполному, или полутипу, они причисляют лиц, обладающих не менее, как тремя признаками вырождения; ноль-типа, или отсутствие типа, составляют те лица, которые вовсе не имеют признаков вырождения, или представляют одну и не более 2-х аномалий.

Такое отсутствие преступного типа наблюдалось авторами у 55,9 преступниц. Цифра эта совпадает с наблюдениями некоторых других исследователей по этому предмету. На этом основании, из совокупности данных, добытых другими наблюдателями, авторы выводят среднюю цифру в 55 % отсутствия преступного типа у женщин-преступниц.

Сообщая результаты своих наблюдений над антропометрией преступниц и проституток, авторы говорят, что нашли наибольшую окружность черепа у женщин убийц, а именно 532 мм. У отравительниц средняя цифра окружности головы равнялась 517 мм. У детоубийц 501 мм.

Авторы считают вероятным, что рост и вес у преступниц и у проституток меньше, чем у нормальных женщин.

По отношению к возрасту, наблюдалось наибольшее количество воровок и проституток в возрасте между 20 и 30 годами.

Менструация у воровок наступала между 13–14 годами у 36 %. Между 15–18 годами у 39 %. До 13-летнего возраста у 9 % и после 18-ти лет у 12 %.

У проституток преждевременная менструация наступила у 16 %; в нормальном возрасте у 43 %; запаздывала у 29 % и была поздняя у 9 %.

В области функционального исследования авторы постоянно наблюдали связь между анатомическими признаками вырождения и отклонениями в органах чувств. Связь эта была особенно выражена по отношению к чувствительности. У преступниц и у проституток общая чувствительность была понижена сравнительно с нормальными женщинами. Но в особенности была притуплена болевая чувствительность у проституток, у которых авторы нашли 28 % полной аналгезии.

В своих контрольных опытах авторы нашли очень тонкое осязание у 16 % нормальных женщин.

Среднее осязание у них они наблюдали у 56 % и притупленное у 25 %. Те же опыты, повторенные у преступниц и у проституток, обнаружили тонкое осязание лишь у 1,78 %; среднее у 51 % и притупленное в 46 %.

Вкусовые ощущения были выражены вдвое слабее у преступниц и

у проституток сравнительно с нормальными женщинами.

Обоняние еще резче различалось и было в 3 раза слабее у преступниц, чем у нормальных женщин. У проституток обоняние было еще более притуплено, причем оно совершенно отсутствовало у 19 % отличавшихся, как выражаются авторы, слепотою обоняния (cecite olfactive).

Исследование поля зрения не дало столь резких отклонений.

Сосудодвигательная реакция у преступниц решительно притуплена, говорят авторы. Лишены были способности краснеть в средней цифре 81 % из них. При этом было замечено, что преступницы, не краснея при расспросах о совершенном ими преступлении, скорее смущались при разговоре о расстройствах их менструаций.

При исследовании 50 преступниц и проституток авторы нашли усиление сухожильного рефлекса у 25 % и ослабление в 16 %. Нормальный рефлекс был в 59 %. У нормальных женщин сухожильный рефлекс отсутствовал лишь в 2 %.

Обращаясь к этиологии, в смысле болезненных прецедентов у преступниц, авторы говорят, что последние, равно как и проститутки, отягчены болезненной и алкогольной наследственностью.

Сводя всё вышесказанное, в заключении своего предварительного сообщения, проф. Ломброзо и д-р Оттоленги говорят:

1) признаки вырождения гораздо чаще встречаются у преступниц, чем у нормальных женщин. Чаще всего у преступниц наблюдались аномалии черепа вообще и косые черепа в особенности (plagiocephalia). Затем аномалии лба, челюстей, тонкие губы, аномалии зубов и ушей, и мужественный тип лица. Но все эти особенности, и преимущественно аномалии черепа и выдающиеся скулы, несравненно чаще бывают у проституток.

2) Преступный тип у женщин-преступниц встречается реже, чем у мужчин. У преступников в 31 %; у преступниц — только в 18,7 %. У проституток они проследили его в 37,1 %.

3) Антропометрические измерения преступниц указывают нам, что вес их и рост меньше, чем у нормальных женщин; емкость черепа и протяжение кривых головы также меньше, при большем развитии костей лица. Все эти особенности гораздо резче выражены у проституток, чем у преступниц.

4) Биологические данные указывают, что преступницы отличаются сравнительно поздним наступлением менструаций, между тем, как у проституток оно скорее преждевременно. Последние вообще рано

начинают половую жизнь.

Образование влияет на преступления в том смысле, что утончает лишь приемы самих преступлений.

5) В области функционального исследования у преступниц наблюдается ослабление общей и болевой чувствительности, притупление осязания, вкуса, обоняния, отклонение поля зрения, причем все эти изменения у проституток выражены резче, чем у преступниц.

6) Наконец, этиологические данные, добываемые с трудом, вследствие большой смертности в восходящем поколении, тем не менее, несомненно указывают на громадное влияние патологии и дурной наследственности в деле возникновения преступности и проституции.

Одним словом, заканчивают свое resume авторы, с какой стороны не рассматривать наш вопрос: с точки ли зрения анатомии, биологии или этиологии, мы придем к одному заключению: преступница представляет анатомические и функциональные особенности, отличающие ее от женщины нормальной; свойства эти не всегда резко выражены и обнаруживаются главным образом при тщательном, сравнительном изучении; особенности эти и ненормальности несравненно резче выступают у проституток, чем у преступниц.

Чтобы пояснить нашу мысль, продолжают они, скажем, что преступница относится к проститутке так, как случайный преступник к преступнику врожденному. Из этого, однако, не следует, чтобы каждую преступницу считать случайною. Но по мере продолжения изучения криминального типа в связи с различными видами проступков и преступлений, мы убеждены, что удастся установить и для женщины типы случайной и врожденной преступницы, как это уже сделано для преступника-мужчины.

Закончив этим реферат последней работы Ломброзо и Оттоленги, то есть предварительного сообщения обещанной большой их работы, — я позволю себе сказать еще несколько слов. Я хочу заметить, что, несмотря на дальнее расстояние, разделяющее Италию и Россию, независимо от совершенно различных бытовых условий, климата, расы, различного развития и строя жизни этих двух стран, и, наконец, вопреки всякой моей солидарности в работе с проф. Ломброзо, он тем не менее пришел, по отношению к преступницам и проституткам, к тем же выводам, которые я имела честь доложить в собрании общества 2 года тому назад.

Тождественность заключений, к которым теперь пришли проф.

Ломброзо и д-р Оттоленги, с тогдашними моими выражается в следующем:

1) Антропометрические заключения их доказали, как и мои, что окружность черепа и размеры головы у преступниц, а в особенности у проституток, меньше, чем у нормальных женщин, при одновременном большем развитии костей лица. Их средняя цифра окружности черепа у преступниц и воровок, взятых вместе, равная 532 мм, близка к моей для проституток, равной 531,62. Проф. Ломброзо и Оттоленги также нашли, что рост и вес у проституток меньше, чем у нормальных женщин.

2) Они также констатировали наступление преждевременной половой зрелости у проституток, как с точки зрения менструации, так и в смысле начала половых отправлений.

3) При исчислении признаков вырождения у преступниц и проституток многие средние цифры Ломброзо и Оттоленги совпадают с моими; так, например, цифра 35 % аномалий зубов у преступниц, цифра 27 % аномалий лбов и проч.

4) Ломброзо и Оттоленги так же, как и я, думают, что одни и те же признаки вырождения, но отдельно взятые, наблюдаются нередко у совершенно нормальных людей, и что только одновременное существование нескольких таких признаков у человека, в совокупности с отклонениями моральной сферы, дает право причислять его к дегенерированному типу.

5) Основываясь на этиологических данных, представленных преступницами и проститутками, Ломброзо и Оттоленги так же, как и я, признают громадное влияние патологической и алкогольной наследственности в деле возникновения преступности и проституции. И, наконец,

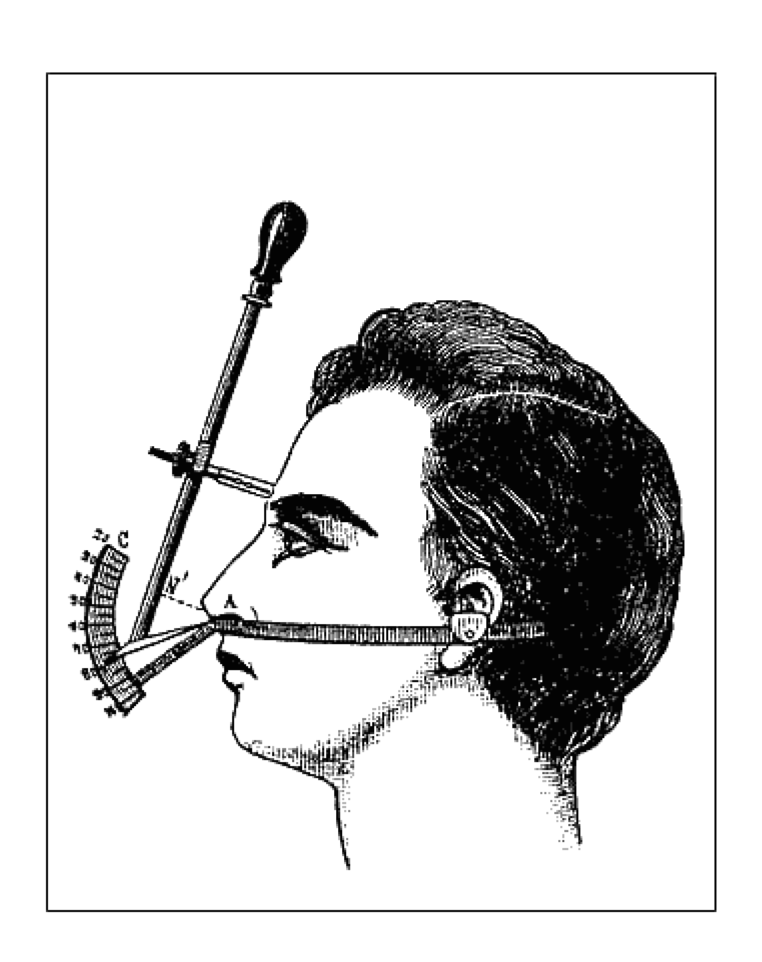
6) считаю всего более важным подтверждение, делаемое Ломброзо и Оттоленги, одного смелого заключения, высказанного мною в Обществе 2 года тому назад, а именно: что дегенеративный тип у привычных проституток несравненно сильнее выражен, чем у преступниц, которые все-таки ближе подходят к нормальным женщинам.

Факт этот выяснился из моей работы совершенно для меня неожиданно и в то время смущал меня немало. С тех пор я продолжала свои исследования над женщинами преступницами —

убийцами, отравительницами, поджигательницами; по настоящее время у меня собрано около 140 наблюдений, из которых вновь выяснилось, что число признаков вырождения у преступниц менее, чем у привычных проституток. Подтверждение этих выводов, которые я нахожу в только что реферированной мною работе Ломброзо и Оттоленги, сделанной в отдаленной от России стране, над людьми совершенно иной расы и совершенно других социальных условий, доказывает, насколько верны и точны методы исследования, которыми пользуется антропология. По мере накопления работ, дающих тождественные результаты, следует ожидать, что так называемые преступные типы, ныне находящиеся в зачаточном состоянии, с увеличением числа работ в этом направлении выяснятся определеннее, подобно тому, как современным невропатологам удалось из хаоса прежних отдельных симптоматических данных установить вполне определенные формы нервных страданий и дифференцировать истерию, истеро-эпилепсию, хорею, различные виды эпилепсии и эпилептоидных состояний там, где в былые времена судорожные явления объяснялись участием злого духа, бесовского наваждения или колдовства. Антропология в применении к преступникам, так называемая криминальная антропология, наука еще весьма юная, и, как всё новое, подвергается резкой критике и подчас нападкам со стороны тех отраслей знания, установившийся авторитет которых она колеблет в силу своего развития и открываемых ею новых научных истин. Но на пути своем она быстро двигается вперед и, быть может, уже не так далеко то время, когда она приобретет полное право гражданства не только среди естествоведения, но и получит практическое применение в области юридических наук.

Нужно желать и надеяться, что в ближайшем будущем криминальная антропология ляжет в основу уголовного права и уложения о наказаниях. Самое название: «Уложение о наказаниях», невольно возбуждающее мысль об устрашении и возмездии, тогда заменится более гуманным и более справедливым по отношению к преступникам «Уложением об исправлении».

Не карать злую волю, а исправлять слабую и больную — вот к чему должно стремиться человечество.

C
N'
A

Об органах чувств у преступниц и проституток

П. Н. Тарновская

Уменьшение чувствительности у преступников представляет один из многих вопросов, поднятых Итальянской школой, столь обильной работами по криминальной антропологии.

Из работ по функциональному исследованию преступников за последнее время особенно выделяются работы Оттоленги и Джурриери. Но вообще, авторы не вполне сходятся в своих выводах, что, конечно, зависит от крайнего затруднения работать на больших числах, с вполне однородным материалом, т. е. над людьми не только одной расы, одной географической местности, но еще принадлежащих к одинаковой социальной среде. Последнее условие имеет большое значение в деле восприимчивости органов чувств, и, как мне кажется, до сих пор недостаточно бралось в расчет при функциональном исследовании.

Затруднение найти совершенно однородный материал в этом отношении гораздо больше, чем может казаться с первого взгляда.

Сегодняшнее сообщение мое имеет предметом 200 женщин средней полосы России, исследованных в 1892 г.: из них 50 женщин-убийц, 50 воровок, 50 проституток и 50 честных здоровых женщин для сравнения. Все 200 из крестьянской среды, за самым ничтожным исключением, — все почти безграмотные. У них исследовалось зрение, вкус, обоняние, слух, болевая и общая чувствительность, сухожильный рефлекс, признаки физического вырождения. Само собой разумеется, что они подверглись и антропометрическим измерениям.

Поле зрения исследовалось периметром Forster'a, и вот сравнительная таблица полученных мной средних чисел:

Поле зрения в средних цифрах.

	Честные женщины		Женщины убийцы		Воровки рецидивистки		Привычные проститутки	
	COS	COD	COS	COD	COS	COD	COS	COD
Снаружи	85	85	78	78,5	83,5	82	85	83
Изнутри	72	72,5	59	69,5	71,5	72	63	64,5
Сверху	57,5	57	47	50	55	56	56,5	57
Снизу	64	64,5	52	58,5	61	62	62	61,5

Средние эти доказывают, что поле зрения несколько ограничено у женщин-убийц, сравнительно с нашими другими категориями, у которых наружное поле зрения колеблется у всех одинаково, между 85–83°, то есть почти нормально. У женщин-убийц наружное поле зрения для левого глаза равно 78, а для правого 78,5. Внутреннее, верхнее и нижнее поле зрения их также несколько уменьшены.

Вкус. Имея дело с крестьянским населением, вкусовые органы которого не особенно сильно развиты, я придерживалась исключительно только 4 самых обыденных вкусовых веществ, каковы: сахар, поваренная соль, уксусная кислота и хинин. Дозировка была следующая: 1 грамм кристаллической поваренной соли на 500 грамм воды, следовательно 0,5 %. Для сахара: 8 грамм на $^1/_2$ литра воды. Уксусной кислоты бралось 4 грамма на 500 воды. Хинина 0,5 грамма на 1000 грамм воды — следовательно, в концентрации 0,05 %. Само собой разумеется, что перед каждым новым исследованием рот испытуемой выполаскивался. Вот в коротких словах полученные результаты:

Таблица вкусовых ощущений.

	Женщины-убийцы	Воровки	Проститутки	Честные женщины
Правильно отличали все 4 вещества	30%	52%	30%	30%
Правильно отличали 3 вещества	34	22	32	34
Правильно отличали 2 вещества	36	18	28	24
Правильно отличали 1 вещество	8	6	6	10
Ни одно из четырех веществ не отличалось правильно	2	2	4	–

Предметом самых частых ошибок был соленый раствор, потом кислый и затем сладкий. Вернее всего определялся горький вкус. Честные женщины представили перед остальными лишь то преимущество, что между ними не оказалось ни одного случая, где бы все 4 вкусовые вещества определялись неверно.

Нормально определяли все 4 вещества 30 % женщин-убийц, проституток и честных женщин. Воровки значительно превзошли эти 3 категории, ибо они совершенно правильно определяли все 4 раствора в 52 %. Это сравнительное изощрение вкуса у воровок сравнительно с честными женщинами объясняется следующими обстоятельствами. Контингент честных женщин был нами взят из

крестьянок Тульской губернии, почти не выезжавших из своих деревень, совершенно безграмотных, мало развитых, у которых с понятием кислого соединялось представление лимона, с понятием соленого — вкус селедки; поэтому они поражались слабостью предлагаемых растворов, и только после нескольких повторных проб приучались верно определять вкус капли, попадавшей им на язык. Убийцы также все принадлежали к деревенскому населению Проститутки, а в особенности воровки, принадлежали преимущественно к городскому населению, имели больше потребностей и более изощренный вкус. Этим я объясняю меньшую восприимчивость у нормальных крестьянок к вкусовым ощущениям, сравнительно с воровками. Несомненно, во-первых, что существует разница в степени развития вкусовых восприятий между деревенским населением и жителями городов, точно так же, как существует разница в этом отношении между простолюдинами и между культурными классами общества, у которых способность эта более изощрена. Во-вторых, при исследованиях над нормальными крестьянками я убедилась, что восприимчивость их вкусовых впечатлений и способность верно определять вкус слабых растворов значительно может быть увеличена путем упражнения.

На этом основании, позволяю себе еще раз повторить, что во избежание ошибок, для подобного рода сравнительных функциональных исследований, необходимо брать лиц для сравниваемых категорий не только из одной местности, но и из одинаковой общественной среды, и одинаковых условий развития. Иначе будут получаться ошибочные выводы, основанные вовсе не на отсутствии или притуплении данной функции, а просто потому, что исследуемый субъект с мало изощренным, например, обонянием или вкусом, на первых порах не может достаточно быстро определять впечатления, получаемые от слабых растворов. Тот же субъект после некоторого навыка и разъяснений приучается распознавать слабые соленые растворы, казавшиеся ему водой при первоначальном исследовании. Разноречивость результатов, получаемых различными наблюдателями, главным образом зависит от недостаточной однородности исследуемых ими категорий лиц.

Перехожу к обонянию.

После нескольких неудачных проб с эфирными маслами я остановилась на 2 наиболее общеизвестных веществах: на одеколоне и нашатырном спирте, смешанных в различных степенях с водой. Самые слабые растворы для одеколона были 5 капель на $^1/_2$ литра

воды, следовательно, однопроцентный раствор. Для нашатырного спирта 4 капли на $^1/_2$ литра воды, т. е. 0,8 %. Хотя растворы эти не представляли, по-видимому, затруднения к распознаванию, тем не менее далеко не все женщины отличали их от простой воды, а именно:

Таблица обоняния.

	Нормально	Ослаблено	Отсутствовало
Женщины-убийцы	66%	24%	10%
Воровки-рецидивистки	72%	20%	8%
Привычные проститутки	66%	24%	10%
Честные женщины	82%	18%	–

Безошибочно различали сказанные растворы 82 % честных женщин. У 18 % из них обоняние было ослаблено, т. е. не различая 1 % растворов, они определяли запах в более насыщенных пробах. Между ними не было ни одной, у которой бы обоняние вполне отсутствовало, как это наблюдалось в 10 % у проституток и убийц. У двух последних категорий обоняние было одинаково притуплено в общей сложности в 34 %. У воровок обоняние было ослаблено в 20 % и отсутствовало у 8.

Исследование слуха производилось с помощью карманных часов. Если звук их ясно отличался на расстоянии не менее 2 метров, то мы принимали это за норму среднего слуха. По нашей таблице, оставляя в стороне первый столбец цифр соответствующих нормальному слуху, мы получаем при сложении 3-х последующих столбцов, что слух был ослаблен:

У убийц в 46%
У воровок — 32%
У проституток — 24%
У честных женщин — 14%

Таблица слуха.

	2 м и дальше	1 метр и ниже	50 см	Глухие	Итог
Убийцы	54%	14%	26%	6%	46%
Воровки	68%	20%	10%	2%	32%
Проститутки	74%	16%	8%	2%	24%
Честные женщины	86%	4%	10%	–	14%

Из представленной таблички явствует, что слух лучше всего был

развит у честных женщин, крестьянок тульской губ. (86 %), и хуже всех у женщин-убийц, представлявших 46 % ослабления слуха.

Болевая чувствительность определялась санным аппаратом Дюбуа-Реймонда, изготовляемым в Берлине фабрикой Крюгера.

Против ожидания моего, я получила почти одинаковые цифры для всех 4 категорий моих женщин, с весьма лишь незначительными колебаниями.

Болевая чувствительность в средних цифрах.

	Честные крестьянки	Проститутки	Воровки	Убийцы
Средний возраст	26 лет	23,5 г.	34 г.	31 г.
Сближение катушек в миллим.				
Верхняя конечность – внутр. поверхн.				
Предплечие левое	674	665	627	648
Предплечие правое	683	665	635	660
Ладонь левая	385	563	372	388
Ладонь правая	387	514	345	378
Спина – лопатка левая	684	672	694	751
Лопатка правая	685	622	697	752
Лицо – щека левая	845	755	847	883
Щека правая	843	731	831	884
Нижн. Конечность – внутр. поверхн.				
Голень левая	610	670	632	667
Голень правая	621	671	634	662

Маленькая особенность в этой табличке относится, между прочим, к проституткам. Приближение катушек одна к другой на расстоянии 884–831 мм уже вызывала боль при дотрагивании электродом до лица у честных женщин, одинаково у воровок и у убийц. Для проституток, постоянно употребляющих румяны и разные притирания, могущие изменять проводимость кожи лица, потребовалось сдвинуть катушки на 1 см ближе — ибо они ощущали боль лишь при 755–731 мм. Наоборот, проститутки были гораздо чувствительнее к боли, при прикосновении электрода к их ручным кистям. У всех других категорий женщин боль вызывалась лишь при сближении катушек на расстоянии 388–345 миллиметров. Проститутки же вовсе не могли перенести эти степени сдвигания катушек, ибо уже на расстоянии 563–514 жаловались на боль.

Полнейшее отсутствие ручного труда у привычных проституток, как мне кажется, объясняет эту меньшую выносливость проституток к

боли. Тем более, что рядом с этим пришлось убедиться в полнейшей нечувствительности ладоней у многих честных женщин-крестьянок, занимающихся полевыми работами в деревнях. У 10 % из них, при сближении катушек вплотную вызывались судорожные сокращения мышц руки — но боли не ощущалось при дотрагивании к загрубелым от ручного труда ладоням. В заключение, однородность наших цифр для всех 4 категорий наших женщин не позволяет нам разделять воззрение о значительном притуплении чувствительности у преступниц.

Чувство места исследовалось с помощью эстезиометра Вебера и было самой затруднительной частью моей работы, вследствие крайней кропотливости, а главное, трудности получать определенные и точные ответы. Внимание исследуемых женщин чрезвычайно быстро утомлялось, и нередко получались неодинаковые показания касательно одного и того же места при повторном исследовании. Приходилось прерывать последнее, давать женщине отдохнуть, а затем начинать сначала, на что, конечно, уходила масса времени. Полученные результаты представляю в следующей табличке, из которой видно, что у женщин-убийц чувство места было всего слабее развито; затем следовали воровки. Проститутки и честные женщины представляли почти одинаковые цифры.

Таблица чувства места

	Предплечие. Внутр. поверх.		Кисть. Ладонная поверхн.		Пальцы рук. Внутр. поверх. последней фаланги	
	левая, мм	правая, мм	левая, мм	правая, мм	левая, мм	правая, мм
Убийцы	23	22	14	14	4	4
Воровки	16	15	12	12	4	4
Проститутки	13	12	9	9	3	3
Честные женщины	14	14	9	9	3	3

Перехожу к коленному рефлексу.

Весьма распространено мнение, что коленный рефлекс легко вызывается у громадного большинства нормальных людей и отсутствует лишь у табетиков, при прогрессивном параличе, при поперечном миэлите. А так как известно, что tabes и прогрессивный паралич несравненно реже наблюдается у женщин, чем у мужчин, то я была вправе ожидать, что встречу коленный рефлекс у всех моих женщин, за самыми малыми, быть может, исключениями. Однако, начав несколько лет тому назад антропометрические исследования над проститутками и воровками, мне пришлось увидеть, что коленный рефлекс у них представлял весьма часто отклонения от нормы; порой он был ослаблен, порой усилен; иногда отсутствовал вовсе, и все

старания вызвать его оставались тщетными. Чаще же всего рефлекс был ослаблен. Продолжая отдельными сериями эту работу, я постоянно наблюдала разнообразие коленных рефлексов, что меня поражало уже у преступниц, и тем более у проституток — всё молодых женщин, крепкого телосложения, у которых ничто не заставляло предполагать поражения задних столбов спинного мозга, поперечного миэлита, и вообще каких-либо других нервных поражений. Такое частое изменение коленного рефлекса у проституток не могло не возбуждать моего недоумения и не внушать желания найти объяснение этого явления. Позволю себе привести средние коленного рефлекса: у проституток прежних серий, составивших 150 человек, я нашла 66 % различных неправильностей и отсутствия рефлекса. У последней серии из 50 проституток, у которых делалось приводимое функциональное исследование, аномалии и отсутствие рефлекса было найдено у 54 %.

Вот как распределялся коленный рефлекс у настоящих 4 категорий женщин:

Коленный рефлекс

	Нормальный	Усилен	Ослаблен	Отсутствует	Итого
Честные женщины	80%	2%	18%	–	20%
Убийцы	60%	4%	26%	10%	40%
Воровки	56%	6%	26%	12%	44%
Проститутки	46%	10%	30%	14%	54%

Из приведенной таблички мы видим, что коленный рефлекс был нормален у 80 % честных женщин, и лишь в 46 % у проституток. Работы д-ра Фигнера, недавно подтвержденные исследованием д-ра Зарубина, показали, что у мужчин, страдающих сифилисом, в конце второго инкубационного периода коленный рефлекс представляет следующие особенности. Коленный рефлекс очень часто в это время усиливается, затем падает ниже нормы, и через несколько дней возвращается к тому состоянию, каким он был до наступления вторичных явлений сифилиса.

Спешу оговориться, что проститутки, о которых здесь речь, не были в условиях больных д-ра Зарубина. Во время наших антропометрических исследований ни одна из них не представляла явлений продромального периода сифилиса, так как мы брали лишь привычных проституток, пробывших в домах не менее 2-х лет и находящихся, следовательно, в более позднем периоде болезни. Наконец, у некоторых проституток, свободных от сифилиса,

встречались те же неправильности коленного рефлекса. Но зато все проститутки, о которых здесь речь, поголовно имели в своем восходящем поколении пьяниц родителей, и сами большей частью предавались злоупотреблению спиртными напитками. Имев случай наблюдать неправильность и отсутствие рефлекса у хронических пьяниц и, в особенности у тех из них, которые имели в своем восходящем поколении алкоголиков, мне кажется возможным допустить, что частое отклонение от нормы в коленном рефлексе профессиональных проституток и воровок не чуждо алкоголизму, существующему в их восходящем поколении.

Сравнительная таблица физических признаков вырождения. (в %)

	Убийцы	Воровки	Проститутки	Честные женщины
Аномалии черепа, оксицефалия, косоголовость и пр.	30	28	24	2
Чрезмерно выдающийся затылочный бугорок	10	20	34	8
Затылочно-теменное вдавление	34	50	26	8
Покатый назад лоб (sfuggente)	14	10	16	2
Чрезмерно выпуклый, гидроцеф. лоб	18	8	10	–
Развитие лобных бугров	6	12	10	4
Развитие жевательных мышц	6	4	–	–
Асимметрия бровей	40	26	44	4
Асимметрия лица	14	18	28	–
Прогнатизм лица	6	10	–	–
Неправильное соотношение частей лица	6	10	20	2
Уродливые носы (приплюснутые, курносые)	12	20	12	4
Отклонение носа на сторону	20	22	10	4
Седлообразное нёбо	16	12	32	8
Прирожденное несросшееся твердое нёбо	14	18	12	8
Уродливость ушей	40	42	42	10
Неправильно растущие зубы (Гутчинсон, Парро)	40	58	78	2
Пелурсия (волосы, растущие на лбу)	2	–	6	–
Местный цианоз (asphyxie locale)	2	–	–	–

Покончив с функциональным исследованием, я скажу еще несколько слов о физических признаках вырождения. Как видно из прилагаемой таблички, женщины убийцы обнаружили 30 % неправильностей черепа, как-то: оксицефалию, стеноцефалию, косоголовость и проч. Таких же неправильностей черепа воровки представляли 28 %, проститутки 24 %. У честных крестьянок был найден только один случай косоголовости. Аномалии лица — ассиметрии, прогнатизм и проч., наблюдались в 26 % у убийц, в 38 % у воровок и в 48 % у проституток. Неправильно развитые зубы встречались также крайне часто. Не говоря уже о кариозных зубах, которые так часты, что перестали даже считаться неправильностью и

приобрели некоторым образом право гражданства, я упоминаю здесь лишь о неправильно растущих зубах, нарастающих друг на друга или, наоборот, чрезмерно редких, зубах Гутчинсона, Парро, атрофии некоторых зубов, отсутствии наружных верхних резцов и проч. Такого рода неправильностей у женщин-убийц мы нашли 40 %; у воровок 58 %; у проституток число аномалий зубов достигло громадной цифры — 78 %.

Не вдаваясь в подробности длинного перечня найденных физических признаков вырождения, замечу только, что у воровок этой серии затылочно-теменное вдавление было отмечено у 50 %, т. е. ровно у половины из них.

Так как признаки вырождения имеют значение лишь постольку, поскольку они наблюдаются одновременно на одном и том же субъекте, мне кажется следует упомянуть, что

Женщины-убийцы:

в 10 % не представляли ни одного признака вырождения;
в 14 % имели 2 признака вырождения;
в 38 % имели 3 признака вырождения;
в 16 % имели 4 признака вырождения;
в 16 % имели 5 признаков вырождения;
в 4 % имели 6 признаков вырождения;
в 2 % имели 7 признаков вырождения.

Воровки:

4% были свободны от признаков вырождения;
6% имели по 1 признаку;
18 % имели по 2 признака;
22 % имели по 3 признака;
14 % имели по 4 признака;
20 % имели по 5 признаков;
10 % имели по 6 признаков;
6% имели по 7 признаков.

Проститутки:

4% имели 1 признак;
12 % имели 2 признака;
22 % имели 3 признака;
30 % имели 4 признака;

16 % имели 5 признаков;
12 % имели 6 признаков;
2% имели 8 признаков;
2% имели 9 признаков;

Таким образом, мы видим, что проститутки представляли наибольшее число признаков вырождения, соединенных в одном лице.

Честные женщины, взятые для сравнения:

в 32 % были свободны от физических признаков вырождения:
в 36 % имели по 1 физ. призн. вырождения;
в 26 % имели по 2 физ. призн. вырождения;
в 4 % имели по 3 физ. призн. вырождения;
в 2 % имели по 4 физ. призн. вырождения.

Следовательно, $^2/_3$ честных женщин не имели вовсе физических признаков вырождения, или представляли по одной аномалии, и только $^1/_3$ из них имели от 2–4 ненормальностей, причем чаще всего это были неправильности зубов, аномалии ушей и чрезмерно выдающиеся затылочные бугры.

Не буду утомлять на этот раз почтенное Собрание изложением цифр, полученных при антропометрическом измерении настоящей серии женщин; скажу только, что передне-задний размер и окружность черепа были, как и прежде, больше у честных женщин, сравнительно с остальными тремя категориями, при одинаковом приблизительно росте; причем рост воровок был наименьший, а рост убийц наибольший.

Средние размеров головы и роста.

	Передне-задний размер мм	Окружность черепа мм	Рост
Честные женщины	178	529	1 м 54
Убийцы	177	528	1 м 56
Проститутки	177	526	1 м 54
Воровки	176	525	1 м 52

Резюмирую всё вышесказанное:

1) Поле зрения было немного сужено у убийц.

2) Вкусовые ощущения оказались слегка притупленными почти одинаково у всех 4-х категорий наших женщин, без резких

изменений у преступниц; притупление это, как кажется, следует объяснить свойствами среды, из которой брались наблюдения, причем городские жительницы были восприимчивее к слабым растворам, чем деревенские. У последних способность распознавания, несомненно, совершенствовалась путем упражнения.

3) Обоняние и слух были ослаблены у убийц и у проституток.

4) Чувство места было ослаблено у убийц.

5) Болевая чувствительность была почти одинакова у всех 4-х категорий, и не была уменьшена у преступниц, по сравнению с честными женщинами.

6) Коленный рефлекс был видоизменен у привычных проституток в 54 %. Все они имели алкоголиков в своем восходящем поколении, и сами предавались злоупотреблению спиртными напитками.

7) Причины некоторого притупления обоняния и слуха, а также отчасти и чувства места у наших преступниц, при сохранении вкусовой восприимчивости и болевой чувствительности, остались для нас совершенно необъясненными.

Нам кажется, что в этом отношении к разъяснению многих темных вопросов в организации преступников, могли бы способствовать гистологические исследования мозга, вовсе не предпринимаемые с этой точки зрения. Были бы весьма желательны, например, микроскопические исследования теменных и височных долей, Аммониева рога и прочих частей, в области которых Тамбурини, Лучиани, Серпили и другие дали такие интересные экспериментальные исследования. Новые гистологические работы при помощи метода Гольджи были бы также весьма желательны для внутренней капсулы, в области carrefour sensitif, где уже немало лет тому назад Шарко и Вейсиере нашли локализацию анэстезии органов чувств.

Так много говорилось и говорится в общих словах о пагубном влиянии наследственных болезней, алкоголизма и проч., что пора было бы приступить поближе к более детальному изучению этих общих причин, вызывающих различные болезненные явления, и к дифференцировке тех патологических процессов, которые в результате дают столь различные болезненные проявления.

Независимо от общих неблагоприятных наследственных влияний,

очевидность которых теперь никто уже не оспаривает, в каждом отдельном наблюдении существует еще множество личных, бытовых и нравственных особенностей, которые необходимо брать в расчет.

Каждое отдельное наблюдение изобилует особенностями, свойственными анатомическому и гистологическому строению данного субъекта, на котором, конечно, должны отразиться все те нарушения и погрешности против гигиены, все те излишества и злоупотребления, накопившиеся несколькими поколениями предков тех несчастных, обделенных судьбой и людьми, которые силой обстоятельств подпадают в область криминальной антропологии.

Таким образом, задачи криминальной антропологии всё более и более расширяются в том отношении, что для всестороннего, подробного изучения преступника становится необходимым во 1) тщательное изучение его внешней организации; 2) обстоятельное знакомство с его прошлым — детство, воспитание, семья, болезни; с дальнейшей его жизнью — занятия, привычки, социальный быт; 3) знакомство с его нравственным обликом для уразумения причин, побудивших его совершить преступление, и, наконец, 4) — что составляет до настоящего времени существенный недостаток — посмертное исследование с более подробным и тонким изучением нервных центров.

Об убийствах и разбоях на Кавказе

Э. В. Эриксон

Вестник Психологии,
Криминальной Антропологии и Гипнотизма
Под общей редакцией акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.
Год III-й. Вып. I.
С-ПЕТЕРБУРГ, Стремянная 12.
1906 год.

Кавказ по распространенности убийств и разбоев занимает из всех стран, входящих в состав Российской Империи, первое и выдающееся место, несмотря на весьма энергичную борьбу с этими преступлениями административных и судебных властей и немалым материальным средствам, издерживаемым на просвещение местного населения. Естественно, что психиатру и психологу, интересующемуся этнопсихикой, и криминальному антропологу не вполне может прийти иной раз на мысль вопрос: не имеют ли значение в этиологии убийств и разбоев на Кавказе врожденные особенности психики отдельных племен и рас, населяющих край, и не играют ли в этого рода преступлениях также некоторой роли, а если играют, то в какой степени — психические и нервные болезни людей. Попытаемся, хоть немного разобраться в этом сложном, трудном для решения, но практически важном и интересном вопросе.

Грузины, населяющие Тифлисскую губ., являются одним из наиболее культурных народов на Кавказе, достигших уже в XII–XIII столетиях довольно высокой степени цивилизации. Они всегда отличались воинственностью и отстаивали свою национальную независимость более или менее удачно в течение длинного ряда веков — от греков, римлян, персов, арабов, монголов, турок и т. д. Уже одно обилие в Грузии величественных замков и крепостей свидетельствует о тяжелых для нее временах кровавых столкновений с ближайшими соседями и упорной бесконечной борьбы со вторгавшимися в страну с разных сторон завоевателями. Летописи и другие письменные исторические документы, в свою очередь, убеждают нас, что в Грузии, как и вообще и на Кавказе, кровавые войны, междоусобицы с необычайными насилиями и изуверствами были испокон веков

явлением самым обычным. Что касается внутренней жизни народа, то в Грузии до присоединения ее к России хотя и существовало судопроизводство, но фактически царил самосуд и полный произвол над личностью человека. Жизнь никогда высоко не ценилась, и каждый принужден был отстаивать ее и свои интересы сам собственными силами. Ныне грузины так же, как и прежде, воинственны, задорны, впечатлительны, горячи; гнев вспыхивает у них чрезвычайно легко, а решение следует быстро. Из всех туземных племен, населяющих Закавказье грузины отличаются наибольшим простодушием, беспечностью и страстью к пирушкам и веселью. В праздники слышатся около духанов музыка, пение, ссоры; крик, хохот. В семьях при всяком поводе тоже изрядно веселятся и стар и молод, и мужчины, и женщины, и гости, и хозяева. При таком складе характера естественно, что у них на пирушках, на свободе, храмовом празднике около духана и пр. чрезвычайно часто возникают ссоры, легко завершающиеся печальной драмой. Убийства в форме скрытого разбоя, особенно настоящими организованными бандами, грузины совершают много реже. Как всякое племя, грузины имеют свои особенные черты характера, передающиеся по наследству и резко бросающиеся в глаза в европейском обществе, что свойственно, впрочем, всем аборигенам Кавказа и всякому известно. Насколько можно проследить по историческим документам, основные черты характера грузин за 1500 лет едва ли значительно изменились.

Близкие грузинам по крови имеретины, мингрельцы и гурийцы Кутаисской губ. имеют очень много общего с ними по историческому прошлому и темпераменту. В проявлении своего удовольствия, восторга и веселого настроения духа вообще они более сдержанны, не так покорны судьбе, не так беззаботны и добры. Имеретины горделивее, мстительнее их и между прочим, необычайно склонны к сутяжничеству. Впрочем, эта последняя черта характера свойственна многим другим племенам, населяющим Кавказ, особенно грекам, и влечет за собой часто кровавые расправы. Гурийцы гораздо вспыльчивее и раздражительнее грузин и даже имеретин, самолюбие у них выражено сильнее, при этом они смелы, храбры, хитры, прекрасные стрелки и отличные ходоки. Они стройны, красивы, в обращении любезны и деликатны, в манерах благородны и исполнены чувства достоинства: они поэты в душе и живут больше чувствами и страстями, чем холодным рассудком. Как грабители они в глазах не только соотечественников, но и пришлого элемента слывут за обладающих рыцарской душой; так, ограбив торговцев, едущих в

одном экипаже с дамами, они вежливо с видимой искренностью извиняются перед последними за причиненный испуг и беспокойство. Гурийцы и имеретины развитее, трудолюбивее и оборотливее грузин. Мингрельцы, имея общие свойства характера с другими племенами той же картвельской группы, отличаются склонностью к воровству и ко всякого рода предприятиям честным и нечестным, связанным с удалью и молодечеством; настоятельны они не менее имеретин и гурийцев. Свободолюбие свойственно всем картвелам, но менее всего настоящим грузинам, держащим себя в отношении, например, к русским довольно приниженно. Религиозны все, но религия, видимо, мало сдерживает побуждения к насилию, раз возникнет к тому повод; гурийцы, например, дают сравнительно с другими названными племенами особенно много убийств и разбоев, именно во время строго соблюдаемых ими постов и в дни храмовых праздников. Хотя патриотизм грузин, имеретин, гурийцев и мингрельцев не идет дальше привязанности к родной скале, родному селению, любимых долин, гор, ущелий, пней и лесов, но племенческие убийства у них явление не редкое, особенно в последнее время экономических неурядиц и общего брожения умов.

Аджарцы обладают строгими нравами и суровым видом, свободолюбием, самоуверенностью, трезвостью и сознанием собственного достоинства. Это мужественные, рослые, физически крепкие люди. Мусульманская вера, горные стремнины и дикие пышные леса по сторонам ущелий тормозят проявление веселого настроения духа, накладывают на все действия людей свой особый отпечаток серьезности. Во взаимных отношениях аджарцев наблюдается поразительная дисциплина, что особенно бросается в глаза в дни мусульманских праздников, когда главное удовольствие поселян выражается в скромных посещениях своих друзей и знакомых и в коротких полуофициальных визитах младших к старшим. Нет в аджарских селениях ни песен, ни плясок, ни даже музыкальных инструментов. Шумных ссор не встречаешь. Всё кругом необычайно тихо, погружено в какое-то своеобразное скучное спокойствие. Даже листья на деревьях редко колышутся и шумят, даже птицы отличаются безголосием, скрытностью в чаще лесной. Малоподвижный, молчаливый аджарец обладает, однако, не холодным темпераментом и при случае может развить большую двигательную энергию, например, в сутки пройти пешком верст 60; призвание к умственному труду у него, однако, очень слабо. Вооруженный всегда с ног до головы, он во всякий момент готов

вступить в кровавый бой и уступать врагу не привык. Отличаясь самолюбием, обидчивостью, впечатлительностью, порывистостью, недостаточной общественностью и переоценкой собственной личности, аджарец с легким сердцем, подчас с сознанием исполненного долга спокойно убивает намеченную жертву. Изуверства над мертвым делом он себе, однако, никогда не позволяет, хотя бы и ненавидел убитого до глубины души. Убить сразу одним выстрелом — вот его девиз. В былые времена Аджария наводила своими разбоями ужас на все окрестности, а в ней самой не было свободного проезда даже по главным дорогам. Только в последнее десятилетие народ до поры до времени присмирел, хотя убийства из мести процветают по-старому. Перевал в Аджарию через Арсианские горы до сих пор носит название «кровавого» и разбои вблизи него изредка повторяются.

Лазы, живущие тоже в Батумском округе, поближе к Черному морю, по своему характеру не представляют резких отличий от аджарцев, лишь более предприимчивы и обирательны и менее склонны к разбоям.

Хевсуры, как обитатели самых диких и труднодоступных мест на альпийских высотах главного Кавказского хребта, обладают нравами, сохранившимися в первобытной чистоте с чрезвычайно давних времен и складом характера, поддающимся крайне слабо влиянию европейской цивилизации. Хевсуры самоуверенны и надменны; они подвижны и смелы в своих горах, но спустившись с них в долины медлительны, робки, смотрят подозрительно исподлобья.[8] Их интересует собственная крохотная родина, внутренний быт их маленьких обществ, традиции рода и племени, и больше ничего. Старшие в роде их — земное начальство, кинжал и винтовка — лучшие друзья. Кровная месть, как пережиток великого прошлого, считается у хевсур священной обязанностью каждого взрослого мужчины. У них свое судопроизводство по традициям, свои правовые террасы с пояснениями относительно времени мести, формы ее, возможной замены штрафом и пр. Каждому увечью своя оценка: убийство, например, односельца, считается более тяжким преступлением, чем человека из другого села, убийство жены или детей не преследуется путем мести, а штрафуется, и т. д. Хевсуры имеют и рыцарские черты характера — не бить лежачего, щадить слабого и безоружного, держать раз данное слово. Между прочим заслуживает упоминания существование у этого племени поединков на шпагах в полном воинском облачении (шлем, кольчуга, наручники,

щит и пр.) и фехтование, как предмет воспитания мальчиков. При учебных боевых схватках и на поединках дело не идет дальше легкого поранения; появление хотя бы нескольких капель крови у кого-нибудь из схватившихся считается достаточным доказательством, кто победил. Хевсуры, живя почти на границе вечного снега не испытывали на себе гнета от победителей и покорителей и привыкли веками к своеволию; тем не менее преступлений, если не считать кровной мести, у них поразительно мало.

Тушины, живущие также высоко в горах, умственно гораздо развитее хевсур. Они воинственны, храбры, мстительны, ловки в движениях и крепки на ноги и, как все горцы, отличаются большой физической силой. К хевсурам тушины относятся дружественно, но крайне враждебны к вороватым кистинам (тоже горцы-соседи). Интересы тушин чисто пастушеские и городская цивилизация им, как и вообще горцам, не по душе, а к жизни в низменностях не приспособлен их организм в антропологическом отношении. Тушины всё же менее замкнуто живут в своих горах и посещают, в противоположность хевсурам, города с торговыми целями. Пшавы, населяющие долины менее высоких гор того же Тионетского уезда, а также Душетского Тифлисской губ., добродушнее хевсур и тушин и вообще более напоминают настоящих грузин, с которыми родственны по крови, но крайне невежественны. Убийства на почве мести у тушин и пшавов является делом самым заурядным, но разбойничьих банд они, как и хевсуры, не образуют, и вообще к разбоям склонности не обнаруживают.

Сванеты — горцы Кутаисской губернии, — по своему психическому складу составляют много общего с упомянутыми племенами картвельской группы. Они отличаются добростью духа, любят веселиться, особенно за выпивкой, молчаливы, смелы, выносливы, назойливы. Хотя они крайне невежественны, однако неприличных ругательных слов у них будто нет и самое худшее бранное слово — «О! Глупый!». Тифлисский психиатр Д. И. Орбели, посетивший недавно Сванетию, говорит о населении ее следующее: «Количество преступлений у сванов очень невелико. Все споры решаются своими старшинами и только немногие доходят до мирового судьи. Все дела решаются без возражений. Разбоя, поджога, убийства, грабежа и пр. сваны почти не знают. Зато сильно царит в Сванетии кровавая месть, составляя очень тяжелое пятно на народонаселении. Сваны, однако, этого убийства не считают за преступление; напротив, это нравственный долг. Убийца по кровавой

мести не лишается имени честного и почетного человека». Сравнительно частым источником семейных раздоров и кровной мести является у них похищение девушек и женщин, которых по отношению к мужскому полу населения сравнительно мало, и, во всяком случае, недостаточно. Увоз замужней женщины у них, почти у всех горцев, карается смертью похитителя. Сванетов зачастую сдерживают от убийства сознание необходимости потом из опасения мести бежать от семейного очага и родных гор, привязанность к которым безгранично велика. Если принять во внимание, что Сванетия является страной с необычайно большим, можно сказать, с наибольшим относительным количеством эпилептиков и дегенератов и разных школ невропатов вообще, то невольно приходится удивляться сравнительно очень слабому, как будто даже наименьшему, развитию преступности в населении.

Армяне — народ самый умный и способный на Кавказе, стремящийся к просвещению и имевший свою науку, литературу еще в те отдаленные времена, о коих русская история едва ли имеет сведения, даже о собственном отечестве. Географическое положение древней Армении с тяжелыми условиями жизни в тисках смежных более сильных народов, выработала в армянах особенности этнопсихики, которые в тысячелетней борьбе за независимость являлись для них наиболее выгодными. Армяне вспыльчивы, настойчивы, трудолюбивы, изворотливы, осторожны и поглощены интересами торговли и наживы. Видя в деньгах силу, они алчны, завистливы и крайне бережливы. Приобретая на каком-либо поприще или в каком-либо деле власть, они делаются несносно дерзкими и жестокими, особенно в отношении к слабым или подчиненным не своего племени. Лица администрации Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губернии единодушно жалуются, что с армянами им гораздо труднее справляться, чем с живущими о бок с ними азербайджанскими татарами, так как первые плохо подчиняются чужим, например, русским правилам и законам и всему, что не дает личных денежных или иных выгод, или идет в ущерб интересам племени. Хотя из армян в кавказских войнах многие выдвинулись на крупные посты, однако, это еще не говорит о воинственности народа в открытых боях; отбывают воинскую повинность армяне крайне неохотно, прибегая к всевозможным уловкам избегнуть ее, в то время, как представители картвельской группы населения часто гордятся ношением воинского мундира и оружия. Армяне зато люди гораздо более дальновидные и ловкие и тонкие политики; благодаря этой

черте характера, они дали России немало видных государственных деятелей, например, Лорис-Меликов, Делянов и др. К сожалению, непроналистический эгоизм их не имеет границ, и общегосударственные интересы им, собственно говоря, чужды. Брать от окружающих племен и народов как можно больше и давать как можно меньше — вот их девиз. У них существуют свои литературные, музыкальные, политические и разные другие кружки, союзы, общества. Взаимопомощь охраняет у них племенную связь; посторонние элементы, в жилах которых не струится армянская кровь, тщательно отстраняются от армянских торговых синдикатов, акционерных обществ и пр.; капиталы предусмотрительно хранятся в иностранных банках и т. д. Браки у армян прочные и семейные отношения хороши, как и у грузин, но женитьба армянина на русской часто влечет за собой убийство последней родственниками мужа.

Из всех племен на Кавказе вражда к русским оказывается наиболее сильной и сознательной у армян. Между грузинами и армянами существует вековая вражда, которая при случае ведет к кинжальной расправе. Как ни странно, с татарами армяне живут дружнее, но в нынешнем, злополучном для России году, вспыхнула между ними, вероятно старая, затаенная вражда в Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерниях и началась резня и перестрелка с сотнями человеческих жертв с той и другой стороны. Впрочем, все кавказские народности не любят армян, смотрят на них как на своих поработителей в экономическом отношении и как на опасных конкурентов, обладающих умом, ловкостью в торговле, льстивостью перед власть имущими и людьми нужными, саморекламированием и капиталом, почему армяне, особенно богачи, делаются жертвами убийства и разбоя чрезвычайно часто. В Турции и Персии отношение к ним общества такое же враждебное, если еще не большей степени; курды персидские, и особенно турецкие, никем не сдерживаемые в своих инстинктах, а порой и наши, изуверствуют над армянами, вырезывая целые семьи самым беспощадным образом. В общем, надо сказать, что в армянах гораздо сильнее, чем в грузинах, вырисовываются еврейские черты характера, и это одна из причин нелюбви к ним окружающих народов, хотя и картвелы принадлежат в антропологическом отношении к семейству семитов. Нельзя также не отметить того факта, что насколько можно проследить по историческим документам, характер армян за 1500 лет не изменился в своих основных чертах.

Адербейджанские татары, имеющие иранское происхождение и

примесь тюркской крови, самое разбойничье племя в Закавказье. В то время, как, например, надтарцы как обитатели глухих ущелий и дебрей леса отличаются спокойным внешним видом, ходят медленно, плавно, говорят тихо, не торопясь и не перебивая друг друга, адербейджанские татары, напротив, как истые дети степей, привыкшие испокон веков к кочевому или полукочевому образу жизни, подвижны, болтливы, крикливы, лихие наездники; от их раскочевок или селения сутолока и шум доносятся до нашего уха уже с очень далекого расстояния. Первые чистоплотны и аккуратны, вторые неряшливы и держат себя с меньшим достоинством, хотя трезвы и корректны в обращении с людьми. Аджарец разбойник, пробирается очень осторожно, притаив дыхание, и метким выстрелом убивает свою жертву чаще из-за угла, татарин делает среди белого дня самые отчаянные нападения, напр. на проезжие омнибусы и берет не столько хитростью, сколько крайней дерзостью и необычайной ловкостью и смелостью. Татары вообще народ ленивый, вялый, жестокий, крайне самолюбивый и вспыльчивый. Богохульство, святотатство, взяточничество, обман, мошенничество у них наблюдаются однако редко. Зато ссоры из-за пастбищ, потрав, баранов, собак, женщин, обычны и ведут у них то и дело к кинжальной расправе; женитьба татарина на христианке влечет за собой убийство провинившегося родственниками-мусульманами. Пребывание кочевников на альпийских высотах считается самым подходящим временем для выполнения задуманной мести, так как на высокогорные пастбища на 6–9000` над уровнем моря не может простираться достаточный надзор властей и там живут кочевники так как жилось от 100 и 1000 лет назад На местах зимнего пребывания татар хищнические инстинкты, унаследуемые от предков, сдерживаются существующим административным режимом, снимаясь же с места со своими стадами, кочевники выходят совершенно из-под власти наших законов.

В Бакинской, Елисаветпольской и отчасти в Тифлисской губ., словом, там, где преобладает в населении татарский элемент, разбои поныне существуют в самых широких размерах. Разбойники нападают обыкновенно в сумерки или в ночную пору на богачей и вообще на людей зажиточных, особенно на купцов. При этом они проявляют часто некоторое благородство, напр. не грабят женщин, отобрав у проезжих ценности и деньги оставляют ровно столько, сколько нужно для возвращения домой, большей частью не убивают, если жертва нападения не оказывает явного сопротивления, а отдает

сейчас же все свои наличные богатства. Между собой члены татарской разбойничьей банды очень солидарны, они не выдают друг друга, содействуют взаимоспасанию, подбирают раненного товарища не только из страха быть через него уличенным, делят поровну добычу, дружбу и честное слово, данное хотя бы совершенно постороннему человеку, хранят свято.

Знаменитый Керим-бек, в течение 16 лет наводивший своими разбоями ужас на всё население Кавказа и недававший изловить себя никаким способом, убил на своем веку до 150 человек; в 1869 г. он вдруг исчез. Думали, что разбойник убит, но потом оказалось что он ушел добровольно в Персию, явился только что возвратившемуся из Парижа Шаху Наср-Эддину с повинной, дал ему честное слово никогда больше не разбойничать, был помилован, скоро получил чин полковника персидской армии и с той поры вел себя до самой своей недавней скоропостижной смерти безукоризненно. Все окружающие его любили и уважали и ничто не напоминало, что это — человек не заурядный, а один из страшнейших разбойников Кавказа 70–80 годов, послуживший темой для целого ряда интересных повестей, рассказов и легенд. Насколько известно, это был рослый, красивый, видный и здоровый мужчина, без каких-либо уродств, или явных признаков вырождения. Из пяти братьев его четыре были тоже разбойники.

Насколько могущественны, смелы и ловки татары, можно судить, напр., по случаю, недавно имевшему место в Елисаветпольской губернии. На поимку некоего Джа Фар-бека, бывшего в ссылке за разбои и бежавшего с каторги, выехала, как водится, команда полицейских стражников (бывших солдат) из 12 человек и одного интеллигента, добровольно присоединившегося. Заметив беглеца укрывающимся в камышах на берегу Аракса, стражники окружили его, но разбойник ловко, перебегая с места на место, отстреливался, пока не убил семерых и не переранил остальных, причем интеллигент, искавший сильных ощущений, пал первым, сраженный пулей; сам же разбойник благополучно скрылся. Недавно он был убит в перестрелке, но уже в Турции; неудивительно, что разбойники держат в страхе даже администрацию. В нынешнем году на кочевках в горах Елисаветпольской губернии разбойник Дали-али справлял свадьбу своей дочери совершенно открыто; администрация не рискнула отправиться туда для ареста, так как собралось до 500 человек гостей, хорошо вооруженных, готовых дать отпор. Керим-беки, Джафар-беки, Алай-беки, Дали-али и т. п. лица, промышлявшие на Кавказе разбоями, люди психически совершенно нормальные. Огромное

большинство других излавливаемых разбойников не обнаруживало тоже ни малейших признаков психического расстройства или аномалий характера при беспристрастной судебно-психиатрической экспертизе.

Персияне, таты, танышинцы, населяющие восточную часть Закавказья, гл. обр. по побережью Каспийского моря, люди смышленые, разумительные, расчетливые, вежливые, очень гостеприимные, трезвые, но льстивые, вспыльчивые и жестокие, самоуверенные и фанатичные. Они имеют приличные манеры, гордую осанку, деловитый вид. Они редко занимаются открытыми разбоями, но вообще убийства у них — явление самое заурядное и особенно многочисленное в дни гилиитских постов, когда нервная система истощена неправильностью и недостаточностью приемов пищи (едят ночью), а также курением опия и неумеренным потреблением крепкого табака. Самоистязание при народных шествиях (мистериях), заключающееся, как всем известно, в изрезывании себя кинжалом, прокалывании кожи иглами, подвешивании через сделанные в ней отверстия замков, биение себя цепями по обнаженному телу с выкрикиванием в такт «шахсе-вахсе», идет рука об руку с насилиями над другими людьми; затаенная месть особенно часто приводится в исполнение именно в это время.

Курды, по своему психическому складу во многом напоминающие цыган, племя гораздо более разбойничье, хотя организованные банды курдинские наблюдаются реже татарских, к тому же курдов на Кавказе сравнительно не так много. Они ленивы, неряшливы, вспыльчивы, жестоки; они беспощадны к врагу, ненадежны в дружбе, вороваты до необычайной возмутительной степени. Уважают они только себя и своих старших. Нравственность их вообще очень низка, суеверие чрезвычайно велико, а настоящее религиозное чувство развито крайне слабо. Грабеж, убийство, война — их прямая врожденная потребность и поглощает все интересы.

Из тюркских племен Закавказья турки и туркмены работящи, честны и миролюбивы, каракалпахи уже более склонны к грабежам и убийствам.

Более или менее отуречившиеся греки отличаются всеми особенностями, свойственными греческой народности в Европе, но переняли от своих поработителей-турок мстительность; так, напр. храмовые праздники у них являются одновременно и днями мести, почему опасающиеся быть убитыми не идут на народные гульбища. Склонности к разбоям у них, однако, нет вовсе.

На Северном Кавказе кто не поражался суровым видом лезгинов, чеченцев, кабардинцев, черкесов, ингушей и т. д. Уже осанка, манеры, мимика, голос горцев указывают на основные черты их характера. Глядя на их лица, трудно себе представить, чтобы эти люди могли, напр., громко, весело смеяться. И, действительно, горцы поражают своей серьезностью; баловаться, играть, вообще шумно веселиться, к чему так склонны грузины, угрюмые сыны гор считают неприличным для взрослого занятия. Даже дети их не отличаются шаловливостью и смотрят мрачно исподлобья. Необходимость устраивать свою жизнь среди почти безлюдных скал в суровом климате, отстаивать свои родные горы от натиска соседей и разных завоевателей выработали веками в мужчинах воинственность, настойчивость, физическую крепость и силу индивидуальной воли, развили самолюбие, гордость, потребность отличаться удалью, веру в себя и пренебрежение к другим.

Горцы Дагестана — люди смышленые, способные к умственной работе, трезвые, с определенными сложившимися нравственными представлениями; чувство законности врождено в них, но их правовые понятия сильно отличаются от наших. Горцы чрезвычайно крепко придерживаются обычаев своих предков и старины глубокой, а также мусульманского права, заимствованного с юга. Им свойственны лукавость, вкрадчивость, корыстолюбие, жестокость и другие пороки при многих очень хороших качествах характера, напр., патриотизме, религиозности, гостеприимстве, внешнем приличии в поведении и пр. Судебные дела довольно однообразны и сводятся, главным образом, к убийствам из мести или в запальчивости. Настоящие разбои в Дагестане нечасты и ныне можно всюду проезжать без опасения быть ограбленным или убитым.

Ингуши, являясь самым разбойничьим племенем на Северном Кавказе, наводят страх на всю Терскую область. Храбрые и дерзкие до необычайности, они делают нападения среди белого дня не только на проезжих в поле, но даже на магазины в центральной части г. Владикавказа организованными бандами, причем по совершении ограбления или убийства умеют исчезать с поразительной быстротой. В ночную пору в городе, не говоря уже об окрестностях, опасно даже ходить; уже в 8 часов вечера закрываются все лавки. Чем труднее и рискованнее предприятие, тем больше оно манит ингуша, который испытывает, по-видимому, необычайно приятное чувство после каждой удачи.

Осетины имеют много общего с ингушами, но гостеприимны,

вежливы, терпеливы, выносливы и, в общем, более нравственны. Воровство, грабеж и убийства у них, однако, довольно часты и объясняются историческим прошлым. Умственные способности осетин не только при сравнении с другими горцами, но вообще поразительно хорошие и многие оканчивают средне-учебные заведения, чего не наблюдается у черкесов, кабардинцев, абхазцев или ингушей.

Черкесы и кабардинцы воинственны, гостеприимны, имеют приличные манеры, уважают седину и гражданственность в туземном смысле слова. Вследствие вспыльчивости и мстительности, убийства у них так же часты, как у осетин, чеченцев и других горцев Северного Кавказа, но открытые разбои совершаются ими несравненно реже, чем ингушами. Как всех горцев их характеризует дух своеволия, стремления к независимости, упорное отстаивание своего мировоззрения.

У абхазцев мальчики часто воспитываются до 7 лет в чужой семье, чтобы матери не привили им излишней нежности чувства, слабоволия, робкости, а когда подростки возвращаются в родительский дом, им устраивают экзамен в стрельбе в присутствии приглашенных на торжество гостей (надо убить ласточку влет) и затем благословляют дедовской винтовкой. Если отец был убит, то сына посвящают в историю его смерти и вменяют ему в обязанность готовиться к кровомщению и исполнить адат, когда наступит совершеннолетие. Абхазцы, как все горцы, побеждены силой, но, в сущности, не покорены по сие время, многие инстинкты их подавлены, но не заглохли окончательно.

Что касается кочующих в предкавказских степях ногайцев, караногайцев и калмыков, то это — народ низкого нравственного уровня, но к убийствам не особенно склонный, а настоящими разбоями не занимается вовсе. Кумыки тоже совершенно не воинственны и оружия не любят. Антрополог И. Пантюхов, хорошо знакомый с туземцами Кавказа, характеризует их так: «В психическом отношении, несмотря на многоразличные местные влияния, кумыки сохраняют некоторые общие черты обитателей великой Скифии. Выражение лица их спокойное, задушевное, добродушное и даже благодушное. Они слабее реагируют на впечатления, чем жители юга, никогда не торопятся, двигаются медленно, держатся с достоинством. У них нет обусловленных темпераментом, голодом и фанатизмом, наклонностей к авантюризму, нет и равнодушия к жизненной обстановке, к грязи и неряшливости лезгин и других соседних

народностей».

Запальчивость свойственна всему коренному населению как степному, так и нагорному. Однако у степняков Закавказья она выражена явственнее, чем в населении степей Предкавказья. Эта черта характера передается по наследству с таким упорством и постоянством, что ни школа, ни домашнее воспитание, ни строгость законов не могут сдерживать ее в должных границах, и множество убийств именно в ней берут свое начало. Невольно удивляешься, какого ничтожного повода иногда бывает достаточно, чтобы люди, только что сидевшие рядом за дружной беседой, вдруг схватились за кинжалы. Туземцы часто приходят в состоянии аффекта в полное беспамятство и тогда не разбирают, кого и за что убивают. Лишь по миновании такого приступа возбуждения туземец начинает подводить итоги содеянному и размышлять о том, кого и за что он убил. При такой легкой возбуждаемости людей неудивительно, когда то и дело читаешь в местных газетах, что сын убил отца или, наоборот, брат заколол кинжалом родного брата или мужа своей сестры. Кто вмешивается в схватку получает обыкновенно свою долю, и ссора между двумя лицами нередко кончается убийством нескольких, а случается и целый десяток мертвых тел устилает поле случайно возгоревшейся битвы. Возьмем пример: как-то однажды недалеко от Владикавказа некий чеченец получил при посторонних оплеуху от женщины — явление крайне редкое в туземной среде, так как за поведение жены отвечает муж, то пострадавший побежал в дом оскорбительницы его чести и наповал убил ее мужа. Брат последнего, схватив винтовку, побежал в дом убийцы и уложил на месте его сына. Началась между семьями перестрелка, давшая через несколько дней 8 человек убитых и много раненых. Или приведу для иллюстрации случайно подвернувшуюся мне газетную корреспонденцию, каких можно при желании собрать немало: «Из-за того, что два барана жителя сел. Гуро (хевсура) Тионетского уезда Тифлисской губ., не укарауленные мальчиками-пастухами, 6 июля 1902 г. перешли покормиться на землю сел. Шатилы, между жителями того и другого получилась ссора, перешедшая на другой день в вооруженную схватку, в результате чего со стороны шатильцев было убито 2 и ранено 14 человек, а со стороны гурийцев убито 7 и ранено 5».

Медленно думающие, нерешительные и добродушно-спокойные русские, расселившись сравнительно немногими поселками среди туземцев, даже таких головорезов, как татар, действуют несколько охлаждающим образом на горячий темперамент и быструю

решимость представителей коренного населения Кавказа. Самый акт убийства у туземцев совершается быстрее, чем у русских.

Однажды в урочище Белый Ключ Тифлисского уезда в лесу татарин напал с обнаженным кинжалом на русского солдата-дровосека с целью отнять дрова; русский долго боролся с врагом, и когда, наконец, убедился, что не справится, он перекрестился, схватил с земли топор и наповал убил татарина. Грузин на месте русского поступил бы иначе: он сперва заколол бы врага, а потом принес бы Св. Георгию искупительную жертву за то, что тот даровал ему победу.

Обязанность быть всегда готовым к кровомщению передается у мусульман из поколения в поколение как священный обычай и закон. До выполнения того, к чему призывают совесть и общественные правовые представления, человек чувствует себя неудовлетворенным, подозрителен, боится намеков односельчан на отсутствие самолюбия, ходит скучный, задумчивый, рассеянный, как говориться, сам не свой. Замышляющий убийство отлично знает, что по Российским законам за такое преступление его присудят на каторгу, но потребность мести так велика, что он делается решительно неспособным противостоять фиксировавшейся в его сознании идеи и испытывает душевные муки, пока не выполнит то, что хочет и что инстинктивно требует его душа. Обвинение в трусости и отсутствие самолюбия для туземца самое тяжкое обвинение и ложится на всю его семью; человек не вытерпит, убьет того, кого считают необходимым убить и он, и родственники, или, как бывает иногда у татар, выселится в Закаспийскую область, или в Персию, или даже лишают себя жизни. В огромном большинстве случаев люди, совершившие убийство из мести, не представляют никаких таких признаков органического вырождения, которые обращали бы на себя особенное внимание при сравнении с непреступниками, психически совершенно здоровы и далеко не принадлежат к лицам наиболее запальчивым. Часто дегенеративным субъектом является тот из мусульман, которому чужды правовые представления его общества, его среды и который не унаследовал мстительного и горячего характера своих предков.

На Кавказе явление обычное, что отдельные семьи и даже целые деревни десятками лет враждуют между собой, и в таких случаях нет конца убийствам по очереди то на одной стороне кого-либо, то на другой. Кровная месть в том и заключается, что один из членов семьи убитого должен в свою очередь убить кого-нибудь из семьи убившего, причем не особенно важно кого, лишь бы то был взрослый мужчина, а не женщина или ребенок. Мусульмане нередко посылают

предварительно сказать семье своего врага, что такой-то будет убит, дабы не лишать человека возможности принять меры к бегству или оказанию сопротивления. В некоторых местах, напр. в Дагестане, на это дается даже законный срок. Уже их этого видно, что о психопатии желающего совершить убийство из мести не может быть и речи. Принцип мести в менее видной форме существует и у христиан — армян, грузин, имеретин, греков, а также у придерживающихся собственно языческой веры хевсур, писавов, тушин, кистин и осетин, так что дело не только в исламе, хотя последний играет на Кавказе с давних времен видную роль в направлении общественной жизни. Мстительность, как особенность характера, во всяком случае, более древнего происхождения, чем учение Магомета и законы Турции и Персии; последние, распространившись на многие места Кавказа, только санкционировали наблюдавшееся в жизни явление, формулировали более точно в правовые нормы. Таким образом, многие, особенно мусульмане, проявляют мстительность не только в силу внутреннего влечения, исходящего из злой воли, но и как долг туземной морали, созданной и закрепленной в людях арабскими, персидскими и турецкими юристами и учеными.

С течением времени под давлением обстоятельств, месть стала несколько изменять свою внешнюю форму: вместо убийства начинают всё шире распространяться поджоги и, если принять во внимание, что пожаров от поджогов ныне доходит до 80 %, то можно себе представить, сколько убийств этим предотвращено, но это обстоятельство в то же время свидетельствует о крайней стойкости мести, как черты характера и юридического представления. Поджигатели, совершив свое гнусное дело, моментально исчезают. Их вполне удовлетворяет сознание, что они отомстили врагу своему истреблением его имущества. Потерпевшие обыкновенно догадываются или даже знают виновника, но молчат — довольные, что сохранили жизнь и счеты кончены.

Если вычислить общую цифру людей, погибающих в течение года от убийства на 100 000 населения по губерниям и областям, не считая умерших от ран впоследствии, сокрытых убийств, которых много в районах с мусульманским населением и на альпийских высотах во время кочевок, а также убийств новорожденных, то оказывается следующее: Ставропольская губ. дает 4,4, Кутаисская 11,3, Карская область 12,7, Кубанская 13,9, Тифлисская губ. 15,8, Терская область 18,2, Эриванская губ. 20,1, Черноморская 23,2, Дагестанская область 25,5, Бакинская губ. 35,2, Елисаветпольская, где убийства составляют

30 % всех преступлений, 54,1. В приведенном ряде цифр на одном конце находятся местности с преобладанием христианского населения, на другом — мусульманского. Из этого можно заключить, что на общее число убийств влияет чрезвычайно сильно исповедуемая религия. Круглым счетом убийц мусульман в 5 раз больше, чем христиан, причем они несколько реже принадлежат к суннитам (аджарцы, лазы, абхазцы, горцы Дагестана), чем к шиитам (татары, персияне и др.). Да и среди мусульман одного толка в разных местах, дело обстоит не одинаково; так, среди татар убийства наблюдаются много чаще, чем среди персиян, хотя оба племени шииты. Необходимо иметь также в виду, что разбои процветают главным образом в тех местах, где мусульмане не имеют мечетей и достаточного количества в мусульманском смысле развитых мулл, как напр., в татарском населении Джебраильского уезда Елисаветпольской губ., или Борчалинского уезда Тифлисской губ., или в Ингушском районе Терской области. Аджарцы Батумского округа Кутаисской губ. очень религиозны и убийств у них несравненно меньше, чем у крайне мало молящихся адербейджанских татар, но больше, чем у христиан названной губернии. При соприкосновении христианского населения с мусульманским некоторые утрачивают одну веру и не усваивают другой; для таких отщепенцев нет уже ничего святого на свете и они также дают немалый процент убийц, грабителей и воров. У мусульман убийства чаще сознательные и умышленные, чем в запальчивости, у христиан наоборот. На распространение убийств на Кавказе несомненно влияет и то, что муллы, эффенди и кадии (судьи) получают образование за пределами Закавказья не в духе, конечно, нашей цивилизации.

На Кавказе вследствие уже одной борьбы за существование населения разнородного этнологического состава чрезвычайно много убийств приходится на город. Совершаются убийства и тут в запальчивости или из мести, больше на базарах, чем в других местах, чаще в праздники, чем в будни. Из городов наиболее убийств дает относительно и абсолютно Баку (татары), за ним идет Владикавказ (ингуши), потом Тифлис (армяне и грузины) и т. д.

Чувство ревности влечет за собой чуть ли не половину всего числа совершаемых мусульманами преступлений, и в том числе убийства занимают первое место. Любовные похождения замужних караются у них большей частью смертью. Так как мусульман-алкоголиков сравнительно очень мало, а убийства из ревности очень часты, то в бреде ревности искать их причину не приходится. Конечно, тут имеет

значение и оскорбленное самолюбие, и несоблюдение традиций. Относительная недостаточность в женщинах дает тоже лишний повод к ревности. У христианских племен ревностью объясняется тоже не малый процент убийств, но здесь алкоголь играет весьма часто выдающуюся роль. У туземцев Кавказа семейные ссоры являются вообще необычайно частым поводом к убийству. Вспыльчивый характер, быстрая решимость, самолюбие и врожденная привычка к личной расправе при постоянном нахождении при себе или в доме оружия, легко ведут к печальной развязке семейной ссоры.

Убийства с ограблением совершаются преимущественно татарами, ингушами и гурийцами. На грабеж, связанный с убийством, грузины, имеретины, армяне и, тем более, греки, идут много реже, причем армян наталкивает на этого рода преступления их необычайная алчность к деньгам и зависть к богатым. Среди грабителей-убийц картвельского происхождения попадаются люди зажиточные и даже сравнительно образованные; так в одном мне известном случае преступник получил образование почти полное в реальном училище, другой в семинарии. В числе лиц, сделавших недавно вооруженное нападение на Потийское казначейство среди белого дня, оказался один местный князь — гуриец, имевший каменный дом в Тифлисе и вообще не бедный. Самый грабеж является таким образом, для некоторых лиц как бы второстепенным делом, мотивом нападения служит иной раз просто врожденная потребность в ухальских выходках, рискованных предприятиях, страсть наводить ужас на людей. Грабители-разбойники при своих нападениях на жилища, хутора, церкви, экипажи, почту, поезда и пр. обыкновенно обнаруживают заботу о своей личной безопасности: одна часть банды грабит и убивает, другая предусмотрительно стережет поблизости. Конечно, экономические причины содействуют тому, что заглохшие было хищнические инстинкты при первом удобном случае всплывают наружу.

На Кавказе, как я уже сказал, убийства гораздо чаще среди мусульман, чем среди христиан, а между тем душевные и нервные болезни — наоборот. Самое разбойничье племя — адербейджанские и вообще закавказские татары, между тем именно среди них заболеваемость психозами и неврозами, сравнительно, напр., с грузинами и армянами мала. Душевные и нервные болезни наиболее распространены в Кутаисской губ., где население, наоборот, сравнительно мирное, что видно уже из вышеприведенных цифр, особенно, если исключить гурийцев и мусульман Батумского округа.

Те местности, где множество помешанных, слабоумных, эпилептиков и дегенератов всякого рода, как напр., Горийский уезд Тифлисской губ., вовсе не выделяется количеством убийств, а в Боргалинском уезде той же губернии наблюдается как раз обратное явление: болезни нервной системы и психики редки, а убийства и разбои крайне часты… Наиболее невропатическое предрасположение наблюдается у сванетов, между тем разбоями они вовсе не занимаются, а убийства вообще у них вряд ли чаще, чем у грузин или армян; у ингушей наоборот — необычайная распространенность разбоев и всякого рода насилий при нервной системе очень устойчивой в отношении к заболеваниям и т. д.

В вопросе об убийствах на Кавказе, как стране виноделия, чрезвычайно важно уяснить себе этиологическое значение алкоголизма. О последнем я писал особо, и потому здесь в подробности вдаваться не стану. Скажу только, что в этом отношении нельзя не отметить прежде всего большей разницы между мусульманами и христианами: у первых число убийств в состоянии алкогольного опьянения сравнительно ничтожно, у последних необычайно велико и приходится таким образом на время выделки вина и водок. Темперамент туземцев таков, что если только поссорятся между собой собеседники несколько подвыпившие, то схватка и взаимные поранения почти неизбежны. Убийства в нетрезвом состоянии особенно часты у грузин и вообще племен картвельской группы христианского вероисповедания. Армяне почти не уступают им в этом, всё же злоупотребляя алкоголем несколько меньше, не так часто имеют повод убить кого-нибудь или самим быть израненным кем-либо в запальчивости. У мусульман гость или кунак (друг) — лицо священное, и ссора в доме задерживается сознанием долга всякого гражданина не нарушать обычаев предков, не осквернять убийством жилища; об этом не забывается даже за выпивкой. За смерть гостя обязан отомстить хозяин. Немалое число убийств у христиан (грузин, армян, гурийцев, имеретин и пр.) и подхристиан (осетин, хевсур, сванетов и др.) приходится на долю одержимых ясно выраженным бредом потаторов, нравственным извращением, патологическими эффектами, приступами автоматизма и другими формами душевных и нервных расстройств алкогольного происхождения, однако вывести процент отношения этих случаев к другим пока не представляется возможным.

Из душевных болезней, часто влекущих за собой убийство, заслуживает упоминания довольно распространенная

преимущественно в городах паранойя с бредом преследования или бредом мести; мусульмане и без того подозрительны и мстительны, и лица даже только с параническим характером при данных бытоусловиях чрезвычайно опасны для общества. Из других психопатических состояний, делающих иногда убийство, следует назвать эпилепсию, имеющую на Кавказе, главным образом, среди христианского населения поразительно широкое распространение. Убийство под влиянием галлюцинаций, к которым туземцы, живущие в местных ущельях и в горах, склонны в общем более, чем степняки, не редки. Так как призрение душевнобольных на Кавказе поставлено чрезвычайно плохо, и сумасшедшие, проживая в семьях, свободно расхаживают по улицам и домам своих знакомых и родственников, то естественны и кровавые драмы, о которых в местной прессе сообщается чуть не еженедельно, и я бы мог привести массу случаев, не дошедших до печати. Нельзя не отметить того факта, что Кавказ вообще необычайно богат дегенератами всякого рода, причем среди племен картвельской группы и среди армян их особенно много. Хотя специальных исследований страны в этом направлении никем не производилось, но они наверное показали бы, что среди туземцев Закавказья дегенератов в психиатрическом и антропологическом смысле гораздо больше, чем хотя бы среди русских средней полосы Европейской России. Это обстоятельство, однако, еще не позволяет приписывать частоту убийств и разбоев на Кавказе распространенности дегенерации.

При диких суевериях и глубоком невежестве населения глухих деревень весьма естественно, что некоторый, правда сравнительно очень небольшой, процент убийств, выпадает на долю обвиняемых или только подозреваемых в напускании порчи на людей, в колдовстве, в сношениях с дьяволом и т. п. У писавов, напр., существует дикое поверье, что можно найти в лесу клад, если сделать из человеческого сала свечу, зажечь ее и ходить, пока она не сгорит; где свеча потухнет — там и надо рыть. В результате такого поверья в Писавии случались убийства жирных проезжих людей, которым вскрывали стенки живота, извлекали жир и т. д. В горах у писавов, хевсур, тушин, ингушей, чеченцев и др. наталкивают на убийства иногда гадальщицы, указывающие невежественной толпе мнимых врагов общества.

Среди убийц, заключенных в тюрьму, психозы и неврозы всякого рода довольно обычны, но тут необходимо принять во внимание, что туземцы очень плохо переносят лишение свободы, особенно

одиночное заключение, во всяком случае хуже русских, и легче заболевают душевным расстройством. Кому не известно, как ловко, с какой неустрашимостью, с каким риском для жизни убегают из тюрем и с каторги кавказские разбойники? Тоска по родине и воле охватывает всё существо пленного преступника, и смерть ему не страшна. Отношение туземцев-преступников к смертной казни поразительно спокойное; многие присужденные к ней сами надевают себе петлю на шею с точным сознанием своей правоты. Надо сказать, что смертная казнь, широко практиковавшаяся на Кавказе в течение всего XIX столетия, вряд ли намного уменьшила общее число убийств и разбоев. Мне приходилось беседовать со многими кавказскими убийцами в городах Сибири и нашего Дальнего Востока: они казались мне замкнутыми в себя, не разговорчивыми относительно преступления, держались в одиночестве, занимались мелкой торговлей и мечтали возвратиться когда-нибудь в родные горы; ни малейшего раскаяния в совершенных преступлениях я в них заметить не мог. На расспросы о причинах убийства следовал с их стороны обыкновенно один ответ, одно оправдание себя: «у нас такой закон, такой адат, у вас другой».

Нигде не встречается так много случайных убийств, как на Кавказе. Туземцы, постоянно осматривая огнестрельное оружие или показывая его другим, или стреляя на охоте, свадьбе, при болезнях, родах, или при сумасшествии кого-либо с целью отогнания беспокоющих бесов и т. д., нередко нечаянно попадают в кого-нибудь из случайно подвернувшихся людей. Кулачные схватки и бои на дубинках, как национальная забава, иногда, правда редко, влекут за собой убийство по неосторожности. Убийства «по ошибке», напротив, очень распространены. Хотя туземцы стреляют прекрасно, всё же иногда попадают не в того, в кого метят, особенно, если дело происходит в сумерки или ночью.

Возраст убийц в огромном большинстве случаев не меньше 21 года и не больше 50 лет; преступники, не достигшие 17 лет, составляют исключение. Почтение к седине удерживает молодежь от насилия над стариками, а эти последние, в свою очередь, не имеют юношеского задора, редко вступают в ссору и уже потому не являются в качестве обвиняемых в убийстве. Если же требуется от них исполнение адата — отомстить врагу, то на это существуют сыновья. В свою очередь, детей убивают большей частью попутно, как опасных свидетелей содеянного ими в состоянии патологического аффекта или в припадке помешательства. Дети, особенно мальчики,

являются вообще гордостью родителей, и только новорожденные вне брака делаются иногда жертвой насильственной смерти, но и тут процент убиваемых, сравнительно с таковым взрослых, самый ничтожный. Нередкое нахождение мертвых тел мальчиков 8–13 лет на окраинах Тифлиса, Баку и др. городов находит себе объяснение в изнасиловании и последующем убийстве мусульманами-педерастами.

На Кавказе на 1 убитую женщину приходится убитых мужчин в Ставропольской губ. 6,3, Терской области 9,3, Кутаисской губ. 9,9, Дагестане 10,2, Карской области 11,3, Бакинской губернии 11,5, Елисаветпольской 12,0, Эриванской 14,0, Тифлисской 15,0. Круглым счетом для всего населения мужчин убивается в 11 раз больше, чем женщин, причем наблюдается особенно сильное преобладание убийств мужчин у мусульман, гл. обр., благодаря распространению адата мести на этот пол. Большая разница в приведенных цифрах, в значительной степени зависит от численности в губернии или области мусульман, размеров губернского города, условий статистики и пр.

На Кавказе очень редко бывает, чтобы убийцами являлись женщины: у горцев — осетин, лезгин, хевсур, а также у мусульман вообще, они слишком порабощены и обезличены, и в житейских неурядицах ищут выхода скорее в самоубийстве. Еще 2–3 столетия назад девушек продавали на невольничьих рынках как товар, причем красивых, особенно мингрелок, гуриек и черкешенок персидские и турецкие скупщики живого товара увозили массами на свою родину. Ныне женщины пользуются относительной свободой у грузин, имеретин, гурийцев, мингрельцев, абхазцев и армян; у многих других племен адат молчания при старших, обязанность безличного послушания мужу и прислуживания ему, обычай прятать свое лицо от взоров мужчин и пр. накладывают на женщин печать забитости, приниженности и безволия. В старинных песнях, которые еще ныне поются, даже христианками, преобладают унылые мотивы; уже из этого можно заключить, что женщинам прежде жилось очень тяжело и радостей приходилось им переживать мало. В содержании песен проглядывает подчас, однако, не только покорность судьбе, но умение постоять за свою честь, свои интересы. Убийства, совершаемые женщинами, наблюдаются чаще у имеретин, гурийцев, мингрельцев и грузин, а особенно у русских на Северном Кавказе. Причинами у туземок являются месть, ревность, самооборона при увозе девушки, попытки изнасилования; у русских — пьянство мужа и пр. Туземная женщина очень мстительна и приходит в состояние аффекта так же легко, как и мужчина, а в гневе смелости у нее достаточно. Стоит

вспомнить случай из времен присоединения Грузии к России, когда грузинская царица собственноручно кинжалом заколола нашего генерала.

На Кавказе огромное число судебно-медицинских вскрытий, можно сказать большинство, приходится производить по поводу смерти от кинжальных или огнестрельных ранений. Кинжал висит у каждого туземца за поясом, и человек оскорбленный или обобранный чем или кем-либо, первым делом хватается за него. В Аджарии у каждого мужчины имеются сбоку заряженный пистолет, за плечами винтовка, с этими оружиями он не расстается, куда бы ни шел, а гяуру (христианину) не дает до них дотронуться. В Дагестане вооружены даже горские евреи. Русские сектанты, немецкие колонисты и те привыкают к ношению оружия. Убийство из огнестрельного оружия совершается преимущественно мусульманами. В Бакинской и Елисаветпольской губерниях от него погибает людей вдвое больше, чем от кинжала, в Ставропольской губ., где туземный элемент составляет небольшой процент, наблюдается обратное: от холодного оружия погибает людей вдвое больше, чем от огнестрельного. Нельзя, между прочим, не упомянуть, что туземцами высоко ценятся кинжалы, которые уже омыты человеческой кровью; по суеверным воззрениям толпы, мстительное таким образом оружие придает хозяину его смелость, энергию, силу и счастье в бою. Любовь туземцев к оружию тоже врожденная и так велика, что многократные попытки администрации разоружить население некоторых мест, напр., Абхазии, Черкессии или Дагестана приводили лишь к усилению этой любви, перевооружению поселян оружием новейших образцов. Топор, нож, бритва, утюг, молоток и тому подобные орудия убийства употребляются гл. обр. русскими.

Убийства в запальчивости происходят обыкновенно около духанов, на свадьбах, в публичных домах, в увеселительных заведениях, на народных гульбищах в дни храмовых праздников, в бане и т. д., намеренные, напр., из мести, вне дома или на дому, особенно, когда жилище стоит в пустынном месте где-нибудь на окраине города или селения. Духаны служат зачастую притонами для убийц и разбойников. Содержатели этих заведений обыкновенно видели на своем веку немало преступников всякого рода, укрывали их и нередко сами носят на себе следы кинжальных ран. Они гордятся, когда могут указать на дверях, ставнях, стенах, пулевые пробоины и отверстия и передать подробности их происхождения, историю страшного события, причем сами они в рассказе почти всегда

являются лицами едва не пострадавшими от нападения разбойников. Немало духанов открыто именуются разбойничьими, например, в Борчалинском уезде Тифлисской губ., и путнику, застигнутому в дороге спустившейся темнотой, жутко и не безопасно ночевать в таком подозрительном месте. Правда духаны лишь временная стоянка разбойников. Большинство их скрывается в селениях у кого-либо из своих родственников под видом мирных жителей. Некоторые живут зимой в аулах и деревнях у кунаков (друзей), летом бродят на кочевках, в диких ущельях и зарослях леса и всюду, где только удобно укрыться таким лицам. На Араксе ночным пристанищем для них является, напр., летом опустевшие земляные постройки и камышовые сараи ушедших в горы кочевников; на зиму опасные разбойники уходят в Персию.

С самого начала владычества русских на Кавказе и по сие время среди жертв убийства необычайный процент выпадает на лиц администрации от низших до высших чинов. Правда чаще всего погибают от пуль или кинжальных ран пристава, участковые или уездные начальники, однако, в список убитых нетрудно внести имена лиц, занимавших высокие должности. Убийства, направленные против лиц администрации, бывают всюду на Кавказе и совершаются лицами разной национальности, обыкновенно туземцами, инициаторами оказываются крайне часто армяне. В основе этих преступлений лежит, конечно, принцип мести, однако, не столько личной, сколько общественной. У армян убийцы нередко являются людьми наемными, причем на русской территории часто действуют турецко-подданные армяне, а турецкой — русско-подданные; впрочем, наем убийц бывает и у татар. При судебном процессе, возникшем несколько лет тому назад в Баку по поводу убийства судебного следователя С-ского, было раскрыто существование в городе целого бюро наемных убийц. Татары, ингуши, осетины, черкесы, абхазцы, кумыки и другие племена не занимаются политическими вопросами, не мечтают о получении прежней независимости, совершенно не помышляют о воссоздании княжества, ханства или чего-нибудь подобного. Только армяне открыто и тайно стремятся к политическому обновлению; иные льстят себя даже надеждой восстановить древнее армянское царство. Вот почему именно у этого племени так часто случаются убийства своих же единоплеменников за измену идеалу манаршенизма, т. е. соединения турецких, персидских и русских армян в одно автономное целое, — за невзнос богачами платы в существующий будто для этого заграницей

особый «капитал» или иные тайные социальные кружки и организации.

В последнее десятилетие пробудилось народное самосознание у грузин, имеретин и гурийцев и стремление к самоуправлению, что вместе с экономическими неурядицами повлекло за собой увеличение политических убийств.

Небезопасной при данной обстановке является деятельность судебных следователей, на которых смотрят многие поселяне по своему невежеству как на элемент, вносящий дезорганизацию в исторически сложившиеся у них правовые представления. Судебная профессия сама по себе очень уважается туземцами, особенно мусульманами, как видно по их отношению к своим судьям из народа, решение которых остается безапелляционным. Надо сказать, что между местными вековыми обычаями и правовыми представлениями и нашими законами существует несомненно некоторый разлад, и нашим судьям приходится слишком часто невольно возмущать своими решениями и действиями народные массы. Повод к убийству может оказаться таким образом готовым. Кроме того, наши судьи, не владея туземными языками, составляют следствия по справкам и опросам, наведенным через полуграмотных переводчиков, зачастую взяточников и проходимцев всякого рода, и мало обращают внимание на чрезвычайную распространенность на Кавказе лжеобвинений из мести; быть может поэтому судьи делают часто, по слухам, ошибки в своих постановлениях и решениях, никем не разоблаченные. Дороговизна нашего суда для живущих вдали от городов тяжущихся и свидетелей, и канцелярская волокита с бесконечными справками по разным инстанциям, поселянам совершенно непонятными и кажущимися излишними, мешают его необходимой популярности. Кроме того, у поселян нет достаточной веры в знание судьями тех мелких дел, которые с сельской точки зрения чрезвычайно просты. При столкновении пришлого элемента с коренным населением края правыми, по народной молве, являются слишком часто не туземцами. Наконец, быстрота в делах, где туземцы являются обвиняемыми и медлительность, где они оказываются элементом страдающим, вызывает затаенное оскорбление, которое временами выливается в открытый протест с оружием в руках.

Случается, что судебные тяжбы, уже разобранные в нашем суде, переходят в руки разбойников, которые невежественными поселянами порой считаются более компетентными в судопроизводстве, справедливее и лучше осведомленными по части заветов предков и

местных обычаев и законов. Этому особенно много способствует существующее, нередко действительно недостаточное, знакомство молодых юристов, приезжающих на Кавказ из Европейской России и впервые видящих туземный быт, с местными многообразными условиями жизни и намеренное, вероятно необходимое, игнорирование ими мусульманского права и тех законов грузинских царей и армянских правителей, которые по сие время сохранились в устном предании в недрах народа и применяются при самосуде. В результате наши судьи часто ненавистны толпе, особенно малокультурным поселянам, а многие разбойники вопреки ожиданию являются подчас народными любимцами, о них слагаются даже невозможные рассказы, их окружают ореолом славы, как защитников бедных от притеснителей, эксплуататоров и богачей. Народная фантазия не лишает разбойников сознания чести, порядочности и ума. В преданиях, легендах, известиях и сказках убийцам и разбойникам отводится иногда более почетная роль, чем настоящим судьям. Надо сказать, что многие крупные разбойники оказываются, в известном смысле, действительно носителями народной мудрости, они лучше обыкновенных мирных поселян знают, напр., предания старины глубокой, сказания, обычаи, нравы и прежние законы страны. Они властны в глазах толпы, беспощадны к изменникам общины, страшны своей местью, но с точки зрения поселян, во всяком случае, свои люди., а не пришлые покорители, которые менялись с каждым столетием. Нередко явному разбойнику, погибшему от пули, посланной за ним погони, односельчане ставят в знак признательности даже памятник. Таковые имеются, напр. в Горийском уезде, Тифлисской губернии.

Лица военные, особенно солдаты, делаются жертвами убийства гораздо чаще тогда, когда посылаются ловить разбойников или имеют столкновение с поселянами из-за леса, пастбищ и пр., словом затрагивают так или иначе старые порядки и привычки. Туземцы вообще уважают, чтят храбрость, даже жестокость, но не выносят трусости. Звание военного само по себе с их точки зрения привлекательно и почтительно. С другой стороны, нападение на военных по своим последствиям очень опасно, что разбойники знают по опыту.

На русско-персидской и русско-турецкой границах попытка контрабандистов улизнуть от таможенного налога необычайно часто заканчивается убийством, но это мало кого устрашает, и все привыкли к тому, что если наши пограничники пристрелят кого-либо из

контрабандистов, то наоборот они или их мстительные родственники убьют кого-нибудь из наших солдат или офицеров. Необходимо иметь в виду, что причиной бесконечных перестрелок является не только контрабанда, но и постоянное общение жителей между собой в пограничных районах, вопреки существующим на этот счет узаконениям. Так многие персияне, адербейджанские татары, армяне и турки наших пограничных владений имеют родственников по ту сторону Аракса и вообще границ Русского Государства и наоборот. Жители, не признавая административных границ, ездят друг к другу по семейным делам, кто-нибудь из наших поселян приглашается, например, в гости или на свадьбу в Персию или Турцию; отказываться от приглашения, с туземной точки зрения нельзя, а 15 рублей платить всякий раз за проходной билет для бедного человека невозможно, и вот туземцы постоянно норовят пройти как-нибудь окольными тропами и камышами на ту сторону или оттуда к нам, и делаются в этот момент легко жертвой удачно пущенной пули. Наши пограничные поселяне, тем более турецкие или персидские, не владеют русским языком и хорошо не знают смысла оклика стражников. Стража же очень бдительна, не только по причине обилия контрабандистов, но и потому, что из Турции, особенно из северной Персии на русскую территорию часто переправляются разбойничьи банды в 20–30 и даже 100 человек, которым приходится давать потом настоящие сражения со многими ранеными и убитыми на той и другой стороне.

На Северном Кавказе огромное количество жертв убийства среди казачества является следствием хищнических наклонностей ингушей, то и дело подстреливающих солдат из мести или с целью отнятия соблазнительной для туземца винтовки.

На Кавказе случается сравнительно редко чтобы убили врача, а в Дагестане этого не бывает никогда. У мусульман, а они-то и являются наиболее опасными разбойниками, достаточно узнать, напр. по форме одежды, что перед ними врач или по местному «хаким», и его тогда наверное не тронут. Исключения, конечно, бывают, и я бы мог привести примеры, где жертвами делались врачи — в Тифлисе, Эривани, Пятигорске и нек. др. местах. Судебно-медицинская и канцелярская деятельность врачей, особенно последняя, с точки зрения невежественных поселян является фискальной, связана с изменой интересам местного общества и существует будто лишь в угоду начальству и в наказание поселянам.

Очень редко жертвами убийства делятся лица духовного звания —

муллы, эффенди и христианские священники разных вероисповеданий. Известно немало случаев, где разбойники напав на проезжий омнибус или перекладную и встретив там лиц, которых по нравственным воззрениям преступников не только убивать, но и просто грабить не полагается, извинялись и пропускали дальше.

Итак, причины убийств и разбоев на Кавказе очень сложные и разнообразные. В общем, их можно подразделить на внутренние и внешние. Первые лежат в психоантропологической организации племен и народов, населяющих край, во врожденных особенностях характера отдельных индивидуумов, а также психических уклонениях и болезнях людей, вторые — в сложившихся веками условиях семейного и общественного быта, неодинаковых в разных местах, в экономическом положении страны, отсутствия образования и надлежащего воспитания, в господстве правовых представлений, созданных арабскими юристами и дополненных турецкими персами, столкновении на маленькой территории нескольких цивилизаций и т. д. Причины второй категории изучались с давних пор нашими юристами; по данному вопросу существует уже довольно обширная литература. О причинах первой категории этого сказать отнюдь нельзя. Богатейший материал по криминальной антропологии, какой содержит в своем населении Кавказ, пока пропадает для науки за отсутствием исследователей. Мы еще вовсе не имеем этнопсихологических исследований населения страны, недостаточно знакомы с нормально-антропологическими особенностями его и психологией жителей разных мест Кавказа, почему очень труден анализ кавказских убийств и разбоев с точки зрения ломброзовской школы криминальной антропологии. В увлечении некоторыми тенденциями современной криминальной антропологии легко преувеличить значение психопатологических факторов и оставить без надлежащей оценки психоантропологические. Что может быть верно для Италии, еще недоказательно и, во всяком случае, не доказано для русских владений, особенно такой пестрой в этнологическом и антропологическом отношениях страны, как Кавказ. Конечно, в ряде причин убийств и разбоев в крае некоторая доля приходится и на психопатологию, однако гораздо менее значительная, чем иной быть может полагает. С другой стороны невольно навязывается мысль, что этнопсихика со всеми ее внешними проявлениями меняется не так быстро как издаваемые законы, требования и правила, и многое преступное является в известной степени неизбежным следствием психоантропологической организации людей, передаваемой по

наследству из поколения в поколение, из века в век. Какая бы раса ни явилась господствующей над населением Кавказа через 300 лет — славянская ли, тевтонская ли или монгольская — всё равно: многие черты характера, свойственные испокон веков аборигенам страны, считаются неизменившимися, хотя, конечно, всеобщее просвещение не может не смягчить к тому времени, ныне не в меру жестокие, нравы людей.

Материалы для антропологии русского народа

А. Н. Краснов

Русский Антропологический журнал № 3.
1902 г.

Два года тому назад я обнародовал небольшую заметку об антропологических исследованиях и измерениях в Харьковском и Волковском уездах. Этой работой я пытался установить факты существования некоторой разницы в форме головы у харьковских великороссов и малороссов. Некоторые другие, менее уловимые, особенности телосложения у той и другой народности, мной подмеченные, заставили меня расширить район моих исследований, распространив их на всю степную половину России. Как известно, в Харькове находится сборный пункт, через который проходят осенью, останавливаясь для ночлега, целые сотни и тысячи новобранцев, направленных из разных губерний юга Росси на ее окраины. Благодаря любезности местного воинского начальника П. И. Зейна, которому считаю своим долгом принести мою искреннюю благодарность, я имел возможность осматривать многие из проходивших в истекшем году партий и пополнить измерениями и снимками, имеющиеся в опубликованных заметках данные.

Сборные пункты представляют для антрополога тот интерес, что новобранцы проходят через них партиями однородного состава. Они еще не перемешаны, а идут поуездно, представляя из себя, если не этнически, то географически однородные группы, в этнологическом составе которых можно скоро и легко разобраться. Значительное большинство уездов и губерний южной и западной России здесь бывает представлено, и человеку, ревностно принявшемуся за дело, здесь можно было бы перемерить за короткое, сравнительно, время представителей всех уездов южной России.

К сожалению, новобранцы идут непрерывно — и днем, и ночью. Сроки их пребывания очень коротки, что при массе других занятий и отсутствии надлежащего числа помощников, не позволяло мне измерять все проходившие через сборный пункт партии, и я поневоле

должен был удовольствоваться лишь некоторыми из них. Вот почему предлагаемый материал носит все-таки отрывочный характер. Но если он заинтересует читателей, то нескольким антропологам, занимаясь совместно на сборных пунктах России, легко будет покрыть ее цифрами, дающими среднюю для главных особенностей хотя бы только русского населения отдельных уездов нашего отечества, как это давно сделано для других европейских государств.

Пребывание новобранцев слишком кратковременно, а условия помещения их, по крайней мере в Харькове, слишком неблагоприятны, чтобы можно было брать все интересующие антропологов меры и дополнять их фотографиями с нагих индивидов во весь рост. Помещения слишком темны и холодны, чтобы даже с весьма светосильными объективами можно было получать снимки без двойных контуров (от дрожания тела снимаемого) и достаточно резкие. Вот почему приходилось ограничиваться снимками лица в фас и профиль и немногими, но в возможно большем числе получаемыми, мерами. Мы отказались отмечать рост новобранцев, как потому, что некоторые партии бывали искусственно подобраны известного роста (моряки, артиллеристы, гвардейцы), так и потому, что работа в этом роде уже была исполнена профессором Д. Н. Анучиным. Я ограничился данными о цвете волос, глаз и форме головы, хотя имею довольно богатый материал из лицевых и носовых показателей, который думаю обнародовать позже. Я лишен возможности поместить здесь все снимки с новобранцев, которые мной сделаны. Помещаю только те, которые считаю особенно типичными[9], т. е. такие, которые многократно повторялись среди лиц с одинаковыми головными показателями и черты которых с теми или другими примесями или вариациями можно было встречать у сотен лиц, принадлежащих к той или другой группе, характеризующейся окраской глаз и волос — блондинов или брюнетов. Под полными блондинами я разумею в списках лица с серыми или голубыми глазами и светло-русыми волосами. Все новобранцы, представляющие соединение темно-русых или различных оттенков коричневых волос с серыми или голубыми глазами или наоборот — светлые волосы с глазами пестрыми, светло-карими или зелеными и зеленовато-коричневыми, мы относим к смешанному типу; наконец, брюнетами мы здесь называем лица с глазами чисто карими, iris которых однородно темно-коричневый и с волосами оттенков от темно-коричневого до черного Большая часть предлагаемой работы была совершена мной совместно с прив.-доцентом Харьковского университета А. М. Покровским, с которым

мы вместе производили измерения, фотографирования и подсчеты. Задачей наших исследований было определить характерные черты народностей русской и малороссийской. Если измерялись попадавшиеся инородцы, то только попутно и постольку, поскольку измерения эти проливали свет на особенности народности русской. Число их было весьма незначительно. Само собой разумеется, что и число русских новобранцев, измеренных нами, еще чересчур мало, чтобы на основании его можно было сделать какие-нибудь положительные выводы. Нужно еще очень большое число цифр, чтобы выводы были убедительны. Потому, если мы и позволим себе в конце статьи подвести итоги наших наблюдений, то лишь только для того, чтобы показать, в каком направлении желательно вести дальнейшие исследования. Мы помещаем сперва голый фактический материал, касающийся обеих народностей.

Подводя итоги измерений великороссов, взятых из 10 различных губерний и 21 уезда, мы не можем не поразиться той однородностью состава, которая их характеризует. Везде бросается в глаза преобладание белокурого, светлоглазого типа. Несмотря на то, что население упомянутых выше губерний сильно смешанное в большинстве случаев, особенно там, где мы имеем большое число измеренных, блондины составляют от 20 до 50 % всех измерявшихся, и только в немногих уездах, где население сильно смешано с татарами, этот % падает до 14–16 %. Допуская всевозможные случайности при составе отдельных партий, нельзя все-таки не признать, что в 10 означенных губерниях основным элементом великорусского населения должна была быть какая-то белокурая, светлоглазая раса, которая, несмотря на смешение с черноволосой, давшая малочисленных гибридов с переходного цвета глазами и волосами, сохранилась в своем чистом виде в лице столь многочисленных абсолютных блондинов.

Ее влияние сильно и в помесях, так как число серых глаз еще больше, и серые глаза преобладают и у тех гибридов, у которых волоса приняли более темную окраску под влиянием примеси крови более пигментированной расы или действия солнца. Белокурые представители вместе с тем более однородны. В них мы находим наиболее обычные, так сказать, типичные для великороссов физиономии, которые на всем обширном протяжении, занятом 10 означенными губерниями, постоянно повторяются, так что, смешав снимки, вы будете поставлены в затруднение сказать, из какой губернии он взят. Тем не менее великорусские блондины не

однородны. Мы имеем между ними целую гамму переходов от крайнего для русских черепов долихоцефализма к не менее крайнему брахицефализму.

Если принять, что форма головы, как это считает большинство антропологов, есть устойчивый расовый признак, то людей с головным показателем в 71 и 91 нельзя считать за представителей одной и той же расы. Как в Западной Европе, так и здесь мы должны допускать влияние двух рас — длинно- и круглоголовой. И здесь первая господствует в северной половине района, не настолько однако, чтобы подавлять последнюю, но она малочисленнее, чем в Южной и Юго-Западной России, где, как мы увидим, брахоцефалов подавляющее большинство. Здесь они не всегда составляют половину. Тождественны ли эти долихоцефалы с тевтонской расой европейских антропологов, которая как известно, господствует на севере Европы, — я не берусь судить.

Измерявшиеся мной немцы Петроковской губ. отличались от наших великоруссов большей волосатостью тела и рыжеватым или даже совсем рыжим цветом волос, тогда как русские волосы русые, каштановые или соломенно-желтые и тело у большинства русских гладкое при большем, чем у немцев, развитии бороды. Сравнение наших портретов с типами скандинавских долихоцефалов, помещенных у Риплея (Races of Europe), говорит, однако, о большом сходстве с последними; если же принять во внимание веками длившиеся условия иной обстановки жизни, пищи и культуры, то нет ничего невозможного, что эти русские долихоцефалы есть лишь вариант скандинавской расы. Для осторожности мы предпочли назвать ее бореальной, так как элементы ее рассеяны и между белокурыми финскими народами, живущими среди великоруссов, например, мордвы. Мы вполне были даже склонны видеть в этих долихоцефалах ассимилированных финнов, приволжских и приокских потомков Мери и Мурома, вошедших в состав великорусского племени. К сожалению, недостаток фактического материала не позволяет выяснить этого вопроса. Как увидит читатель из последующего, и чуваши, и черемисы в основе своей представляют черноволосые племена. Одна мордва изобилует блондинами. Но небольшое количество мордовских новобранцев, попавшихся мне, дало большое разнообразие типов, столь сходных с русскими, что я затрудняюсь провести между той и другой народностью какое-либо различие. Среди мордвы было столько же брюнетов, сколько блондинов или почти столько же. Между блондинами были брюнеты-

долихоцефалы, причем и те и другие обликом были похожи на русских, если не считать особенности выражения лица, с антропологической точки зрения не существенной. Таким образом, видеть в мордве одну из финских рас, давших долихоцефальные элементы русских, затруднительно, так как или мордва слишком перемешалась с великороссами, или в основу ее легли те же почти элементы, что и у русских. Дальнейшие исследования приволжских финнов должны выяснить их значение для происхождения белокурых долихоцефалов, которых мы пока окрестили бореальным типом великороссов. Это благодаря примеси этого типа, головной указатель в среднем у великороссов оказывается ниже, чем у малороссов. Он колеблется около 80, редко поднимаясь до 82 и иногда падая до 79. Поднятие его до 82 обязано обыкновенно большему преобладанию белокурых же брахицефалов, которые в некоторых уездах, как в Казанской и Вятской губ., особенно преобладают. Эти брахицефалы отличаются и более круглым лицом и всем обликом подходят гораздо ближе к тем белокурым, сероглазым индивидам, которые дают тип нашему малороссийскому населению. Читатель, просмотрев снимки наиболее круглоголовых великоруссов, помещенные на таблице, увидит, что сходство между ними и белокурыми малороссами весьма значительно и во всяком случае больше, чем между столь редкими среди малороссов блондинами-долихоцефалами. Мы потому и позволили себе назвать этот тип славянским, так как славянский элемент — единственный, связующий эти две народности и общий им обеим. Хотя мы и не имеем еще точных доказательств, что эти белокурые брахицефалы непременно славянского происхождения, есть однако много данных, наводящих на эту мысль. В губерниях с новгородской колонизацией — Вятской, Казанской — эти белокурые брахицефалы преобладают. Мы их находим во Владимирской, Ярославской и Новгородской губх. Сама Москва по мере того, как она из финской делалась славянской, становилась всё круглоголовее. От круглоголовых блондинов есть все переходы к длинноголовым. Не есть ли это смягченная форма гибрид между теми и другими? Они потому представляют нечто промежуточное, они многочисленнее тех и других, красивее их и представляют наиболее характерные великорусские физиономии. Того же самого я не сказал бы о великорусских брюнетах. Взгляд на серию из 5 наиболее распространенных типов покажет вам противное. В большинстве вы видите, хотя и несколько смягченные, но чисто инородческие физиономии. У большинства вы признаете татарское влияние. Но

выражение «татарский тип» должно быть употреблено с большей осторожностью. Хотя изучение татар не входило в мою программу, но незначительное число татар Астраханского и Бирского уезда Уфимской губ, прошедших через мои руки, заставляет думать, что татары, подобно великороссам, далеко не представляют из себя однородного целого. С одной стороны, белокурые элементы и здесь довольно многочисленны, но отношение их обратное тому, что у русских: на 9 полных брюнетов в Бирском уезде из 31 человека было лишь 2 блондина. Они-то повторяют почти в чистом виде белокурых блондинов, встречавшихся среди русских и мордвы, или дают смягченные тюркские типы, — очевидно, продукт их гибридизации с белокурыми аборигенами; все они брахицефалы. Но и темноволосый татарский элемент не однороден (средний его показатель 80). С одной стороны, мы встречаем брахицефалов с более или менее правильными чертами лица, очень похожих на попадающихся и среди русских, которых мы назовем сарматским типом, так как он широко распространен по Волге и в свою очередь примыкает к брюнетам малороссам так называемого ретийского типа, и настоящих долихоцефалов (с показателем 78) с раскосыми глазами, двойным монгольским веком и плоским носом — со всеми чертами монгольского типа. Наконец, особенно в Уфимской губ., а отчасти и Казанской, попадаются татары брахи- и долихоцефалы с плоской физиономией, очень напоминающей широко распространенный среди черемис и чувашей тип, и наряду с сарматским типом дающий себя чувствовать у русских брюнетов.

Вот все эти татарские типы в смягченной форме вы встретите и среди русских в Саратовской, Астраханской, Пензенской, Симбирской, Курской, Тамбовской и др. губерниях и, как говорю, одного взгляда на прилагаемые снимки достаточно, чтобы видеть, что мы имеем дело в лице этих русских брюнетов с обруселыми инородцами. Разница только та, что волосы, совершенно черные у инородцев, у русских, вероятно, под влиянием примеси посторонней крови, становятся темно-коричневыми.

Между русскими брюнетами попадаются как долихо-, так и брахицефалы, что и не удивительно, так как те же элементы мы встречаем у татар, чувашей и черемис, но интересно то, что большинство, походящее к сарматскому типу, умеренные брахицефалы. Наряду с этими татарскими типами в Воронежской губ. мы встречаемся с брюнетами иного рода, особенно часто дающими себя чувствовать в смешанных типах. Мы встретимся с ними у

малороссов в большом числе; и здесь в их лице невольно хочется видеть следы влияния соседних брюнетов-малороссов. Не могу не упомянуть о сравнительно редко попадающихся резких долихоцефалах-брюнетах. В то время, как одни из них сходны с инородцами, особенно с приволжскими финнами, другие представляют особый тип. Есть ли это обычный бореальный тип, сильно пигментированный под влиянием смешений с одной из черноволосых рас, или это тип особого рода, — должны выяснить последующие наблюдения. Так или иначе, из всего сказанного ясно вытекает следствие, что темноволосая раса не может быть названа русской. Это — привходящий элемент, заимствованный главным образом от финских и тюркских и, быть может, от южных и западных народностей, с которыми приходили в соприкосновение основные белокурые элементы русского народа. За это говорит ничтожный процент настоящих брюнетов в более чистых русских губерниях, редко превышающий 10 %, то обстоятельство, что даже и эти брюнеты никогда не имеют черных волос, свойственных родственным типам, и что облик их, как показывают приложенные снимки, всегда пополняет черты инородческих племен, несколько смягченные и сглаженные. То же можно сказать и о смешанных элементах. В них проскальзывают черты русских брюнетов и с тем большей силой, чем сильнее пигментирован рассматриваемый индивид. Таковы предположения и мысли, на которые наводят данные, получившиеся от рассмотрения 800 с лишним великорусских новобранцев черноземной полосы России.

Малороссы. Я не публикую здесь уже напечатанные ранее измерения. Приводимые далее цифры есть результат новых измерений, произведенных осенью 1900 г. Как видно из этих цифр, мы располагаем менее богатым материалом, касающимся малороссов, чем великороссов. Я имел возможность измерить малороссов только из 7 губерний в числе 603 человек, причем во многих уездах эти малороссы содержали примеси русских и молдаванских элементов. Тем не менее бросались в глаза следующие характерные особенности племени: прежде всего большой средний показатель головы. Он везде колебался от 82 до 84, причем последняя цифра господствовала везде, где мы имеем дело с чистокровным малороссийским населением; показатель становится ниже там, где мы видим примеси русских или молдаван. Величина среднего показателя обусловливается не столько большей величиной головного index'a у малороссов (круглые головы мы встречали и у великороссов), сколько иным отношением

показателей. У великороссов индивиды с показателем 80 и ниже составляли иногда половину, а в большинстве случаев более четверти измеряемых новобранцев; у малороссов, по крайней мере там, где не было примеси великороссов, их было всегда менее четверти, иногда же самый ничтожный процент. Несомненно, что в основу малороссов ложится какое-то брахицефальное племя. При ближайшем рассмотрении эти брахицефалы оказываются неоднородными. Чаще всего мы встречаем здесь белокурых брахицефалов, иногда с очень высокими показателями, как 88. Многие физиономии этих блондинов походят на встречающихся у великороссов, как то может свидетельствовать сравнение таблиц снимков. Но, так как эти брахицефалы встречаются в большом числе в чисто малороссийских областях и носят чисто малороссийские фамилии, трудно предположить в них следы великорусского влияния. Напротив, мы встречали их и в Белоруссии, и в Польше. Измерявшиеся мной новобранцы из Петроковской и Ковенской губ., давали такие же физиономии и показатели. Вот почему я и назвал этот белокурый, сероглазый, круглоголовый тип славянским, так как его мы встречаем с незначительными вариациями у всех славянских народностей России. Я не могу, конечно, утверждать, чтобы этот тип и был потомком славян, ассимилировавших другие народности в единое русское племя, — для этого нужно больше фактов и данных, но я не могу не обратить внимания читателя, что этот тип есть единственный общий всем говорящим славянскими наречиями народам России, и он тем многочисленнее, чем несомненнее славянское происхождение населения той или другой местности. Другой брахицефальный, широко распространенный среди малороссов, тип — это брюнеты с темно-коричневыми волосами и карими глазами. Его мы видим везде и часто он встречается в чистом виде. Красиво и гораздо легче, чем предыдущий, сложенный тип этот создал славу красоты малороссов. Такими брюнетами представляют себе обыкновенно малороссов северяне. Такими воспевает малороссийских парубков их народная поэзия. К сожалению, даже и среди чистокровных малороссов такие малороссы составляют от 8 % до 12 %, а где % брюнетов более, там мы имеем уже дело с посторонними примесями. По характеру своему они ближе к сарматскому типу. Это — такие же брахицефалы, но черты их лица правильнее. Нет ничего резкого, тюркского; напротив, из всех представителей русского народа это тип наиболее европейский, тот, который вы найдете у французов, у южно-германцев, — словом, он представляет поразительное сходство с

ретийским типом Деникера или альпийским Риплея. В чистом виде мы его находим только среди чистокровных малороссов, и происхождение его загадочно.

В южный районах особенно часто мы встречаем еще рыжеватых или черных брахицефалов с голубыми глазами и сильно приподнятым затылком и типы с резко выраженными сарматскими чертами. Это, по-видимому, гибриды какого-то кочевнического долихоцефального типа чистой формы, которого мы не встречали. Долхоцефалы-малороссы — троякого типа. В одних вы видите несомненно великорусские черты. Они особенно часты по соседству с русскими селениями или в городах. Между ними есть и брюнеты, но большей частью блондины или, еще чаще, смешанный тип. Другие — долихоцефалы, большей частью в Подольской губ., ясно выраженные брюнеты с молдаванским типом. Я имел возможность измерить 27 человек Сорокского и 34 Соковского уездов Бессарабии, набранных из молдаванских сел. Тут были блондины, брюнеты, а больше всего смешанного типа, долихо- и брахицефалы. Долихоцефалы были большей частью брюнеты с чертами более резкими, чем те, что сказывались у малороссийских долихоцефалов. Брахицефалы-блондины молдаване были почти тождественны со славянским типом. В гибридах видны элементы и того, и другого типов. Средний показатель был 80; долихоцефалов было лишь немного менее, чем брахицефалов.

Итак, малороссийское население, изученное нами по измеренным новобранцам, отличается от великорусского почти полным отсутствием обильных у великоруссов блондинов-долихоцефалов, присутствием в основном круглоголовом, белокуром и сероглазом элементе брюнетов-брахицефалов альпийского типа, связанных с господствующим славянским типом массами помесей и переходов и примесью значительного числа сторонних темноволосых элементов: татарского, молдаванского, быть может, монгольского, цыганского, еврейского и других южных народов. Эти элементы, растворившись в основной массе и без того более богатой брюнетами, дали с блондинами бесконечную гамму смешанных типов, крайне разнообразных — иногда красивых, иногда очень некрасивых с зелеными, светло-карими глазами и темно-коричневыми волосами, что в общей сложности делает малороссов народом, обладающим, в сравнении с великороссами, значительно большим процентом брюнетов и гораздо большим процентом лиц, имеющих при светлых или переходного цвета глазах темно-коричневые волосы. Как

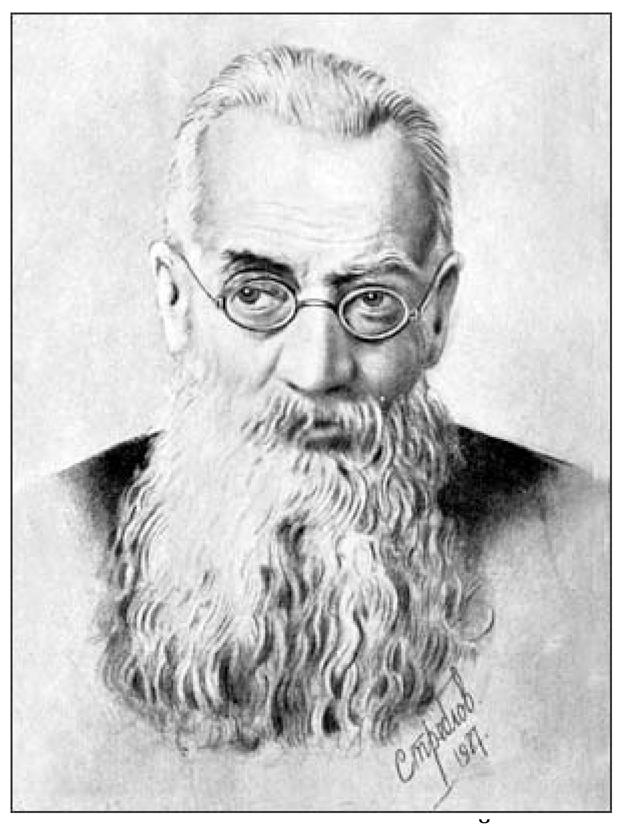
основное положение, можно, однако, высказать: насколько для великороссов брюнеты являются элементом чуждым, так сказать, привходящим, ассимилированным, настолько то же хочется сказать о малороссийских долихоцефалах. Таковы мысли, на которые наводят наши измерения и записи. Последующие, более многочисленные измерения, должны будут подтвердить или опровергнуть эти предположения.

Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?

Г. Е. Грумм-Гржимайло

С.-Петербург
Типография «В. С. Балашев и К°». Фонтанка, 95
1899

(К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)

Исследование вопроса о том, почему китайцы рисуют демонов

рыжеволосыми, привело меня к нижеследующим выводам:

Одним из до-китайских народов, населявших бассейн Желтой реки, были рыжеволосые ди.

Эти ди, делившиеся на множество общин, которые управлялись выборными старшинами, вышли побежденными из борьбы с китайцами, распространившими свою власть из Шань-си, и цянами, спустившимися в Китайскую низменность с Тибетского нагорья. Часть ди ушла при этом на север от Гобийской пустыни, часть же выселилась в Сы-чуань и Юнь-нань, где встретила родственные племена, уже успевшие перемешаться с автохтонами южного Китая, принадлежавшими к негритосской расе.

На севере ди дали с черноволосыми маньчжурскими, тюркскими и финскими элементами целый ряд смешанных племен, к числу коих в древности относились — ухуань, тоба, уйгуры и киргизы, а, может быть, и угорские племена; в настоящее время наиболее диских черт сохранилось у тунгусов и сойотов; вероятно также, что некоторые енисейские роды являются прямыми потомками дисцев; последним же следует приписать и, так называемые, чудские могилы.

Подобное же поглощение рыжеволосового элемента черноволосым происходило и на юге, но там процесс этот замедлился, благодаря топографическим условиям страны.

Несмотря на столь незавидную судьбу, постигшую ди, они успели оставить глубокий след в китайской истории. Чжоу были дисцы. На почве религиозных воззрений последних возникли в Китае конфуцианство и даосизм. Диский культ предков (гуев) перешел и к китайцам, которые стали, по традиции, изображать их рыжеволосыми, причем в их представлении гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами-демонами.

Поводом же к настоящему исследованию послужила живопись, которой украшены были внутренние стены старой кумирни в предместье Нань-гу-чэна (южного старого города), города, лежащего к югу от Гань-чжоу-фу, в провинции Гань-су.

Картина изображает некоторые отделы ада, в которых грешников подвергают всевозможным истязаниям: их варят в кипятке, распинают на кресте головой вверх и головой вниз, им вылущивают глаза, вырывают язык, их четвертуют, режут на куски, обдирают с них кожу, сажают на кол, толкут в ступе, поджаривают на сковороде, скальпируют, распиливают пополам, у них вырезают внутренности, им разбивают череп и предают множеству других мучений. Всё это делают «гуи» — демоны по приказанию князей-ванов, управляющих

десятью отделами ада. Фигуры этих палачей и одного из десяти князей ада — Янвана в точных копиях представлены на прилагаемых здесь рисунках. В художественном отношении они не заслуживают, конечно, особенного внимания, но зато они представляют крупный интерес в другом отношении.

Художник хотел придать «шоу-гуям» отталкивающий, свирепый вид, князь же ада нарисован без всякой утрировки: это рыжеволосый, краснолицый и широкоскулый субъект с большим, круглым носом и голубыми, глубокосидящими глазами, густыми нависшими бровями, столь же густыми усами и бородой клином. Это не плод воображения художника, это — портрет. Но кто мог служить ему оригиналом? Уж, конечно, не современный европеец, так как китайцы только потому и величают европейцев «янь-гуй-цзы» — заморскими чертями, что своих гуев искони рисовали рыжеволосыми.

В последнее время вновь было сделано несколько попыток доказать, что китайцы пришли в бассейн р. Хуан-Хэ (то есть в «Страну цветов») с запада. Но некоторые синологи отнеслись по-прежнему к этой гипотезе отрицательно; однако, и те и другие сошлись в том, что, примерно, за XXV столетий до Р. Х. китайцы занимали лишь ничтожную часть территории современной Китайской империи, а именно, южную половину Шаньси с прилегающими к ней частями провинций Шэнь-си, Хэ-нань и Чжи-ли. Эта страна называлась «Страной цветов»; во все же стороны от нее в необозримую даль уходили леса и луга, заселенные дикими пастушескими и охотничьими племенами.

Много веков прошло прежде, чем китайцы, раздвигая свои владения вширь и глубь, вырубая леса и осушая болота, побеждая девственную природу и оттесняя дикарей, достигли, наконец, берегов Янь-цзы-цзяна и Желтого моря. Их колонизационное движение в восточной Азии в эту эпоху можно сравнить с колонизационным движением европейцев в Северной Америке. Подобно краснокожим индейцам, автохтоны, населявшие бассейны огромных китайских рек, уходили перед китайцами, не столько побеждаемые оружием, сколько надвигающейся на них культурой.

Это было время Яо, Шуня и Юя, славных устроителей китайского государства.

Итак, китайцы уже на заре своей исторической жизни являются культурным народом; рассадником же этой культуры служит страна, обнимающая $^1/_{30}$ часть современного Китая. Лучи китайской культуры освещают ныне более половины старого континента; но

никто из синологов, отрицающих гипотезу Terrien de Lacouperie, не ответил еще на вопрос, как могла эта культура зародиться, развиться и достичь высокого совершенства у одинокого небольшого племени короткоголовых, разобщенного со всем остальным миром волнами диких народов и необъятными пространствами девственных стран. Hirth довольствуется тем, что указывает, что в области чистых искусств Китай развивался самостоятельно до начала нашей эры, когда впервые на его орнаментах стали обнаруживаться чуждые западные влияния. Но так ли это, и на столько ли нам известна археология Востока, чтобы строить такие смелые заключения? Не окажутся ли, например, так называемые «гу» — высокие башни, возводившиеся государями Чжоуской династии и совершенно забытые только при Юанях, копиями с уступчато-пирамидальных храмов Ассирии? А ирригационное искусство? Оно могло зародиться в сухой Сирии и Иране, но не «Стране цветов», не в прежнем Китае, обильном лугами и лесами и прекрасно орошенном огромными водными системами Хуан-Хэ и Янь-цзы-цзяна. Ныне Китай весь распахан, его леса уничтожены, его лёссовая поверхность изрезана оврагами и тальвегами; всё это в совокупности высушило его почву, во много раз увеличив и ее испаряемость; теперь он, действительно, нуждается в орошении; но тогда? Конечно, нет. А между тем мы видим китайцев, занимающихся канализацией уже за двадцать веков до Р. Х. Ясно, что при обработке полей ими применялись не ими самими выработанные, а унаследованные приемы. Не доказывает ли это, что китайцы были народом пришлым, а не аборигенами земель бассейна реки Хуан-хэ? Но если они были пришельцами, то откуда же, как не из окрестностей того древнейшего очага культуры, который находится в передней Азии, и куда искони сходились народы разных рас и языков как бы для того только, чтобы сложить там в одну сокровищницу знаний создания своего гения?

Китайцы некогда называли себя «народом ста семейств», как бы указывая на свою первоначальную малочисленность. Иначе они называли себя еще «черноволосыми», может быть, в отличие от племен, тогда обитавших к северу от Желтой реки.

О последних китайцы сообщают нам лишь самые скудные сведения; тем не менее, мы знаем, что, по крайней мере, некоторые из них были рыжеволосыми.

Уже за XV столетий до Р. Х. китайцы различали четыре расы дикарей. Живших на севере они называли «ди», живших на востоке — «и», на юге — «мань» и на западе — «жунь». Георгиевский так и

говорит, что инородцы различались китайцами по четырем странам света. Но такое расселение главных инородческих рас, составлявших первобытное население Китая, конечно, только случайность; к тому же мы видим жунов не только на западе, но и в провинциях Хэ-нань, Ань-хой, Чжи-ли и Шаньдун, из чего не можем не заключить, что китайцы различали окружающих их инородцев не по месту их жительства, а по расовым их особенностям.

К каким же расам относились эти четыре группы инородцев? Об этом судить теперь с достоверностью трудно, но вообще принято думать, что «и» по языку и по расе принадлежали к тагало-малайскому типу, «жуны» по языку к тибетско-бирманскому, по расе же к переходному типу между малайским и монгольским, «мани» по языку частью к индо-китайскому, частью же к тибетско-бирманскому, по расе же, главным образом, к европейскому типу, значительно, однако, смешавшемуся с первобытным черным. К европейскому же типу отношу я и «ди».

Инородцев «ди» принято почему-то считать народом тюркско-монгольской расы и языка. Я постараюсь доказать, что мнение это ошибочно.

Первыми тюрками, с которыми нас знакомит история Средней Азии, были хунны.

Сыма-цянь говорит: «Еще до времен государей Тхан (Яо) и Юй (Шунь) находились поколения хянь-юнь и хунь-юй»; Цзинь-чжо, комментируя это место «Ши-цзи», пишет: «Во времена государя Яо (хунны) назывались хун-юй, при династии Чжоу — хянь-юнь, при династии Цинь — хун-ну». Вообще же, мы нигде у китайских историков не встречаем отождествления ди с хуннами. Что же касается первых, то у Сы-ма-цяня мы находим следующие, относящиеся к ним, указания: при упадке благоустройства в государстве Ся (2205–1766), пишет он, Гун-лю лишен был должности главного попечителя земледелия. Он бежал к западным инородцам и построил городок Бинь. По прошествии слишком 300 (более 400) лет инородцы «жун-ди» стали теснить потомка Гун-лю, князя Шань-фу. Последний бежал к горе Ци-шань, где построил город и положил основание дому Чжоу. Далее же сказано: «Вынь-Вун, князь удела Цзинь, прогнал жун-ди, поселившихся в Хэ-си, между рек Инь-шуй и Ло-шуй, под названиями чи-ди и бай-ди».

Отсюда видно, что «жун-ди» были предками красных и белых ди; действительно, во всех тех случаях, где у Иакинфа переведено «жун-ди», Георгиевский говорит или о «жунах» или только об одних «ди».

Итак ясно, что Гун-лю удалился к «ди», где и принял их полукочевой образ жизни, «претворился в жуна», по выражению Иакинфа. Его потомки положили основание уделу Чжоу, а засим и китайской династии Чжоу (1122–225), которая была рыжеволосой. Так как Гун-лю был китаец, то светлый цвет волос у царей династии Чжоу мог явиться только как результат метисации с инородцами ди. О случаях подобной метисации говорит нам и история. Китайский иероглиф «ди» составлен из двух иероглифов: огонь и собака. Но не проще ли передать этот иероглиф словами «огненные (то есть рыжие) собаки»? Что «ди» принадлежали к белой (и, вероятно, белокурой) расе, подтверждается и тем обстоятельством, что среди них были великаны (чан-ди).

Terrien de Lacouperie допускает, что народ Чжоу, то есть метисы китайцев и ди, а, стало быть, и эти ди, имели примесь арийской крови; но с этим выводом не вполне соглашаются другие ориенталисты; так, de Harlez, например, пишет: «Дарместетер прав, высказывая сомнения в арийском происхождении народа чжоу (tcheou), так как в пользу такой гипотезы можно привести лишь этнические особенности этого народа и сходство его нравов с нравами арийцев, чего, конечно, еще недостаточно для придания ей желательной достоверности; вот почему в своей книге «Les religions de la Chine» я и назвал чжоу'цев народом докитайским, приближающимся к арийцам своими обычаями».

Но ведь подобное предположение не заключает в себе ничего невозможного? В доисторические времена белая раса имела совершенно иное распространение, чем теперь. Ее остатки в различных градациях метисации и теперь еще сохранились на островах Полинезии и Зондских (индонезийцы — даяки, баттаки, с островов Самоа, и т. д.), в Индо-Китае (в горах Ассама, Бирмы, Читтагонга), в южном Китае (о них мы будем говорить ниже), в Маньчжурии, в Японии (высший класс населения, айно), на крайнем северо-востоке Сибири (коряки, чукчи) и в Северной Америке (калоши и др. племена); наконец, в северном Китае и по настоящее время сохранился еще длинноголовый тип. Следы крови белой расы видны и в современных тангутах. Бель пишет даже, что встреченные им ганьсуйские тангуты напомнили ему цыган. То же говорит и Пржевальский. Среди сфотографированных нами тангутов имеется один с римским профилем. Правда, некоторые антропологи полагают, что тангуты произошли от смешения желтых короткоголовых с дравидийскими племенами, подобно населению некоторых частей

Бутана, Непала и Кашмира, чем, между прочим, будто бы, и объясняется их длинноголовость, темный цвет кожи, прямо поставленные глаза и тонкий, прямой нос; но подобное предположение ничем не доказано.

Итак, из вышеизложенного нельзя, как кажется, не вывести заключения, что племя «ди» было рыжеволосым (может быть, правильнее было бы сказать — белокурым?); среди них попадались люди атлетического сложения (чан-ди), тоже этническая особенность, указывающая на то, что в жилах этих «ди» текла если не чистая кровь белой расы, то в примеси очень значительной. В дальнейшем мы, впрочем, увидим немало подтверждений этой гипотезе.

В VII веке до Р. Х. ди распались на два отдела — белых и красных ди, и множество родов, из коих китайские историки называют: «сянь-юй», «фэй» и «гу» среди белых ди и «цзя-ши», «гао-ло-ши», «цян-цзю-жу», «лу-ши», «лю-сюй» и «до-чэн» среди красных ди.

Все эти роды жили частью в Чжилийской, частью в Шаньсийской провинции. Но сверх того были поколения «ди», которые жили и в западных провинциях Китая, а именно в Ганьсу и Сы-чуани. Многочисленные данные, сохраненные нам историей, убеждают нас в том, что ди были даже единственными коренными обитателями этих провинций, исчезнувшими только с течением веков, под напором двух темноволосых родственных рас: цянов с запада и китайцев с востока. Это исчезновение было вызвано с одной стороны плохо организованной, но не прекращавшейся борьбой с пришельцами, с другой — смешением победителей с побежденными, о чем говорят нам китайские историки, перечисляющие смешанные роды жунов и ди, жившие в Гань-су; несомненно также, что таким же смешанным народом были и Чжоуцы, овладевшие в 1122 г. до Р. Х. Китайской империей.

О ганьсуйских и сычуанских ди китайская история говорит нам очень мало; тем не менее и этого немногого вполне достаточно для того, чтобы восстановить постепенный ход угасания здесь этой расы.

«Сянь, князь удела Цинь, — говорит эта история, — прошел с войсками к вершинам реки Вэй-шуй, где и покорил ди-жунов и вань-жунов». Его же преемник, князь Сяо, царствовавший с 361 по 337 год до Р. Х., еще далее распространив свои владения, отослал ко двору 92 старшин жунов и ди.

Эти завоевания вызвали массовые переселения ди на юг, в горные дебри Шу-цзюня (Чэн-ду-фу) и Хань-чжуна. Среди переселившихся туда в эту эпоху родов наиболее значительными были: «маоню»

(косматых буйволов) и «бо-ма» (пегих лошадей); с отделами этих племен мы будем иметь еще случай встретиться на севере, в горах Алтайской системы.

Но далеко не все «ди» ушли на юг; оставшиеся в провинции Ганьсу просуществовали там еще семь веков. По крайней мере, мы имеем относящиеся к ним известия, помеченные 323 годом, именно, в этом году, по словам китайского историка, правитель области Цинь-чжоу отложился от дома Чжао и возвратился в Лун-си, где тамошние цяны и ди поддались ему.

Что касается до поколений «мао-ню» и «бо-ма», то им еще долго суждено было играть видную роль в истории Сы-чуани и южной Гань-су.

Бо-ма поселились в скалистых, высоких и неприступных горах Чэу-чи. С течением времени они настолько усилились, что китайцы вынуждены были признать за их главарем право на княжеский титул. Таким образом с 322 г. по Р. Х. официально было признано существование диского княжества (царства Ву-ду), одно время (в конце V и в начале VI века), распространявшего свою власть на север до Цинь-чжоу и Ци-шань (ныне округ Фын-сян-фу), на восток до Хань-чжун-фу и на юг до Лянь-чжоу. В 436 году диский князь (царь) Ян-нан-дин провозгласил себя государем великого царства Цинь; он «учредил штат чинов, подобно императорскому; но, несмотря на сие, неупустительно представлял дань обоим дворам: Вэй и Сун, то есть северному и южному». После нескольких дальнейших успехов государство это, наконец, пало в 506 году, истощенное непосильной борьбой с северным Китаем (империей Юань-вэй), причем царство Ву-ду переименовано было в область Дун-и-чжоу.

Дальнейшая судьба дисцев рода «бо-ма» нам неизвестна, как равно неизвестна судьба и других сы-чуаньских поколений ди, живших в округах Инь-пин (в области Лунь-ань-фу), Пин-гу (Лун-ань-фу), Янь-ши (округ, находившийся, как кажется, к западу от Пингу) и во многих других. Вероятно, они были частью истреблены, частью поглощены соседними народностями; возможно, однако, допустить, что после разгрома 506 года некоторые роды их откочевали еще дальше на юг, где продолжают существовать и поныне. Так, например, китайцы сообщают нам, что в горах Би-цзи-шань, окружающих озеро Дянь-чи (Чжань-чи), к югу от города Юнь-нань-фу, и в горах округа Нинь-чжоу живут дикари «пу-тэ», имеющие рыжие бороды; в горах близ города Яо-чжоу живут другие дикари — «яжень» (дикие люди), имеющие рыжие волосы и желтые зрачки, и

т. д. Сверх того, рыжеволосые племена сохранились еще в наиболее недоступных местах северо-восточной Бирмы (катты) и в приграничных частях Юнь-нань'ской провинции. Однако, некогда рыжеволосые племена занимали значительно больший район, что доказывается существованием в южном Китае племен, несомненно происшедших от смешения с народом белой расы; так, например, китайцы нам говорят, что у живущего по реке Юань-цзяну племени «диян-гуй» зрачки желтые, что племя «хэй-ли-су», населяющее округ У-дин-чжоу, имеет высокие носы и глубоко-сидящие глаза, что у «маней» области Юн-чжоу высокий рост и впалые глаза и т. д.

Ди, населявшие Чжилийскую и Шаньсийскую провинции, были частью вытеснены отсюда китайцами уже в V веке до Р. Х.; но в Ганьсуйской провинции, как мы видели выше, ди продержались до IV века по Р. Х. К этому именно времени относится и темное сказание китайцев о переселении дисцев на север.

Именно, у Иакинфа мы читаем:

«В продолжении великих перемен, последовавших в Китае в последней половине III века пред Р. Х. красные кочевые вытеснены были в степь, где они уже под названием «ди-ли» заняли пространство от Ордоса к западу. В 338 году по Р. Х. они поддались дому Тоба; но в самом конце IV века ушли на северную сторону песчаной степи, и там, вместо прежнего названия «ди-ли» получили наименование «гаогюйских (?) динлинов». Далее у Иакинфа сказано, что «гаогюйцы суть потомки древнего поколения чи-ди». Но это очевидная ошибка, так как гаогюйцы или чилэ были предками уйгуров. Эту путаницу, противоречащую как вышеприведенным фактам, так и дошедшим до нас преданиям уйгуров, произвел автор «Бэй-ши» (истории северных дворов), и так как он один только и выводит гаогюйцев из Заордосских степей, то мы и вправе игнорировать это указание; справедливым же остается лишь факт переселения динлинов на север и их смешения там с тюркскими элементами.

О древних хагясах, отличавшихся высоким ростом, рыжими волосами, румяным лицом и голубыми (зелеными) глазами, китайцы так и пишут, что они произошли от смешения первобытных жителей этой страны (Гянь-гунь) с динлинами.

Хагясы в Танские времена говорили уже на одном из тюркских диалектов. По соседству, однако, с ними жили племена, которые обликом походили на хагясов, но говорили другим языком. Эти племена носили разные наименования, из коих для нас имеют значение: «бо-ма», один из отделов которого, как мы уже знаем, успел

образовать по южную сторону хребта Цзун-лин царство Ву-ду, и «ма-нао», в котором нельзя не признать южный род «мао-ню».

Как далеко динлины распространились на север, восток и запад, нам в точности неизвестно; однако, несомненно, что остатки их и поныне еще находятся среди черноволосых тюрко-монгольских племен, разбросанных в огромном пространстве Сибири и сопредельного Китая. Так, Барроу, например, говорит: «Мы видели маньчжуров, сопровождавших посольство Макартнея, в Пекине; как мужчины, так и женщины их чрезвычайно красивы (fair) и отличаются превосходным сложением (florid); некоторые из них имели светло голубые глаза, прямой или орлиный нос, темно-русые (brown) волосы и довольно большую, густую бороду». Шотт заимствует из «Истории Киданьского царства», написанной в XII столетии, интересное указание на существование среди киданей белокурого племени, имевшего зеленые, желтые и светло-серые глаза. Спафарий, посланный в Китай в 1675 году, упоминает о «пегой орде», некогда жившей по Оби, ниже Кети. К этой же «пегой орде» русские XVII столетия относили и вымерших теперь уже коттов, аринов и ассанов и так называемых енисейских остяков. Радлов, в 1861 году посетивший Алтай, передает, что среди приграничных («черных») сойонов попадаются русые с удлиненными лицами, тогда как дальше вглубь страны сойоны являются уже наполовину белокурым, рослым народом, известным у окрестного населения под именем «желтых» сойонов. Наконец, и по настоящее время среди казаков (Средней, Большой и Малой орд) можно встретить немало белокурых. Антропологические исследования Зеланда показывают, что казаки представляют смешанное население, так как к основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, с широким лицом и с приплюснутым носом, с темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый, с горбатым носом, с длинным лицом и светлыми глазами. Конечно, эту примесь могли дать и усуни, но ведь и на усуней нельзя смотреть иначе, как на отдел динлинов, уже в очень раннюю эпоху оттесненный юэчжисцами в южные отроги Алтая.

Что динлины были народом пришлым в южную Сибирь и Саяно-Алтайский горный район, видно, между прочим, также и из того, что их потомки — котты и енисейские остяки говорят языком, имеющим, по мнению Terrien de Lacouperie, сродство с древнекитайским диалектом. Этот факт остался бы без всякого объяснения, если бы мы не знали, что динлины пришли в Енисейскую тайгу из северного Китая, где они свыше тысячелетия жили под влиянием китайской

цивилизации.

Остатки дисцев в чистом виде сохранились, по-видимому, только среди дикарей «яжень»; может быть, эти дикари и доныне удержали элементы своего первобытного языка; все же остальные племена, в которых можно видеть потомков дисцев, вероятно, уже свыше 25 веков говорят на чуждых им наречиях соседних племен. Это жаргон, в котором тибетские слова перемешаны с китайскими, бирманскими и другими. И что эта речь сложилась уже с незапамятных времен, видно из того, например, факта, что родственное «лу» племя «мелам» говорит не на современном, а на первобытном тибетском языке, когда слова писались так, как выговаривались. Засим в языке «лу» заметно влияние индокитайского языка, что, по мнению Terrien de Lacouperie, может быть объяснено лишь в том случае, если мы допустим, что «лу» пришли из северного Китая, где они жили по соседству с докитайским, ныне исчезнувшим, народом, «mon-taï», уже в историческое время вытесненным из Шань-дуна сначала в Ху-бэй, а затем (уже при Танах) в Гуй-чжоу. Эта легкость, с какой дисцы воспринимали чуждые языки, сказалась и на севере. В Танскую эпоху хагясы говорили уже на уйгурском языке, хотя не подлежит сомнению, что в ту отдаленную эпоху примесь тюркской крови у хагясов должна была быть еще весьма незначительной.

Эта особенность тем более замечательна, что динлины среди прочих алтайских племен отличались наиболее высокой культурой, без сомнения, частью заимствованной ими у своих прежних соседей — китайцев. Об этой культуре говорят нам как китайские историки, так и сохранившиеся до настоящего времени в северной Монголии и южной Сибири остатки цивилизации, приписываемые мифическому народу чудь.

Но если всё происходило так, как мной здесь рассказано, то невольно возникает вопрос, как мог исчезнуть совершенно бесследно народ, обладавший таким огромным распространением и в то же время настолько многочисленный, что, например, одни хагясы могли выставить около 80 тысяч войска.

Ответ на этот вопрос мы, кажется, найдем в психическом различии характеров длинноголовых блондинов и черноволосых короткоголовых. Постараемся с этой точки зрения сгруппировать всё то, что знаем о белокурых народах Средней Азии и Южного Китая.

Характер дисцев нам мало известен. Они имели сердца тигров и волков, говорят нам китайцы, обращавшие пленных ди в своих телохранителей и полицейских. Что «ди» были свободолюбивым и

подвижным народом, что они распадались на множество, по-видимому, очень мелких родов и сплачивались в одно целое лишь в редких случаях и притом ненадолго — это говорит нам вся их история. Китайцы удивлялись их мужеству, но побеждали их часто, так как имели дело не с массой народа, а с отдельными их поколениями; к тому же они пользовались их взаимными счетами и искусно направляли их друг против друга.

Что «ди» не были склонны к подчинению, выше всего ставя индивидуальную свободу, видно из того, что они без колебания бросали свою порабощенную родину и расходились — одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежития. Так они, с течением веков, добрались с одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, с другой до Алтая и южной Сибири.

Но и тут и там они сохранили психические особенности своего характера. Вот что говорят нам, например, китайцы о южных инородцах Серединной империи, сохранивших еще в своих жилах кровь древних дисцев.

Бань-шунь'ских маней («ба-ди») китайцы описывают в таких выражениях. Родоначальником их был инородец из уезда Лан-чжун, прославившийся убийством белого тигра. Его потомки жили по обоим берегам реки Юй-шуй и отличались силой и храбростью. Они всегда шли в авангарде войск Ханьской династии и побеждали. Они любили пляски и песни. Когда Гао-цзу услышал одну из них, то воскликнул: «С этой именно песнью Ву-вань одержал победу!», и велел обучить ей музыкантов. Когда впоследствии они восстали и император хотел двинуть против них войска, то хань-чжун'ский Шан-цзи заметил: «Ба-ди семи родов имеют заслугу в том, что убили белого тигра. Эти люди храбры, воинственны и хорошо умеют сражаться. Некогда, в годы правления Юн-чу (107–113 по Р. Х.), цяны, вступив в округа и уезды Хань-чуань, разрушили их. Тогда к нам на помощь явились ба-ди, и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому бань-шунь'ские мани и были прозваны «божественным войском». Цяны почувствовали страх и передали другим родам, чтобы они двигались на юг. Когда же во втором году правления Цзянь-хо (в 148 году) цяны вновь вторглись с большими силами, то мы только при помощи тех же ба-ди несколько раз разбили (отразили) их. Цзян-цзюнь Фынь-гун, отправляясь в поход на юг против ву-ли, хотя и получил самые отборные войска, но мог совершить свой подвиг лишь при помощи

тех же ба-ди. Наконец, когда недавно произошло восстание в округах области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиков помогли нам опять-таки ба-ди…» и т. д.

Лао живут в южной Сы-чуани (в области Нин-юань-фу), куда еще при Цзинях переселились из южной Шэнь-си (Хань-чжун-фу). В эту эпоху они распадались на множество поколений, подчинявшихся выборным старшинам. Они были весьма многочисленны; так, одних только северных лао насчитывалось до 200 тысяч семейств. Их грабежи и разбои побудили туземцев выселиться на восток, после чего роды «лао» заняли все горные долины от Лянь-чжоу на юг; при этом часть их смешалась с туземцами (с я-жень) и обратилась в землепашцев, часть же, укрепившись в горах, продолжала вести разбойничий образ жизни. Эти «лао» вели бесконечные войны с китайцами, но не сомкнутой массой, а каждая община, каждое селение отдельно, за свой риск и страх. Только в редких случаях несколько их родов соединялось вместе; например, это имело место в 639 году, когда китайцы одержали над ними решительную победу, захватив предварительно в плен до 10 000 мужчин и женщин. Последнее известие китайцев о южных поколениях «лао» относится к началу IX века («лао» с этих пор не беспокоили границ), о Нань-пин'ских же «лао» (Чун-цин-фу) к началу XII столетия. Этих «лао» китайцы характеризуют в таких выражениях: среди всех инородцев «лао» отличаются тем, что их трудно подчинить каким-либо законам и общежитию. По своему характеру они сходны с птицами и зверьми, так как в гневе отец и сын убивают друг друга. Мстя за обиду, они непременно убивают своего противника и, убив, — съедают. Они нападают друг на друга также ради грабежа и захваченных в плен продают как свиней или собак; печальной участи быть проданными в рабство не избегают даже родственники! Лао, проданный в неволю, громко рыдает, не покоряется своей участи и при первой возможности убегает. Но если его вновь ловят и связывают, то он смиряется, считая, что потерял честь и перестал быть благородным. Собаки у них чрезвычайно ценятся. За большую собаку дают раба. Равным образом за убитого отца сын приводит матери собаку. Их старейшины выбираются из самых сильных и храбрых; они называются ланхо, тогда как остальные только хо. При его выходе впереди и позади несут знамена, трубят в рог и бьют в барабаны. Лао ходят по горам с такой же легкостью и быстротой, как по ровному месту; они прекрасно владеют коротким оружием, а также умеют «лежа на дне реки, бить ножом рыбу». «Они движение считают признаком жизни».

Вообще, они самые непостоянные, самые сумасбродные из маней и их невозможно вполне усмирить; даже лао, смешавшиеся с китайцами, не потеряли своей природной дикости.

О яньчжоуских манях китайцы говорят, что стрельба, охота, месть и убийства составляют все их занятия. Они сходны с «лао». Мужчины их очень храбры (тверды), женщины целомудренны. Среди них «сяо мани» отличаются наибольшей свирепостью и коварством: если хоть несколько поперечат их желанию, они тотчас выхватывают ножи.

Цонь-мани, по словам тех же китайцев, любят драться и пренебрегать смертью. Характер их злой и смелый; из-за устного оскорбления они с оружием в руках бросаются друг на друга. Мстят и убивают, не стесняясь родством. Грабежи и разбой — их излюбленные занятия. У тех, однако, которые поселились среди китайцев, нрав заметно смягчился. Они выщипывают бороду и усы. В подобных же выражениях характеризуются и «гань» — и «хэй-лоло», причем добавляется, что «хэй-лоло» «боятся быть битыми, но не боятся смерти»; то же подтверждается и для «мяо-лоло».

«Ло-у» никогда не расстаются с мечом и копьем. Любят спиртные напитки. Характер их надменный и злой: убивают друг друга при ссорах. Бреют бороду. Управлять ими очень трудно.

«Хэй-лису» — самые смелые из южных инородцев. Никогда не расстаются с оружием. В ссоре иногда из-за одного лишь неосторожного слова убивают друг дуга несмотря на родство. Вообще, имеют буйный характер. Если ранены отравленной стрелой, то немедленно вырезают себе сами пораненную часть тела. Ходят по отвесным, совершенно недоступным скалам с таким же проворством, как собаки цзяо (?).

У «лу-цзи» характер также дурной: когда отец и сын, старший и младший братья рассердятся, то убивают друг друга.

«Мосе» храбры и свирепы. Хорошо ездят верхом и владеют оружием. При малейшем противоречии бросаются с ножом на противника, но прекращают ссору, если вмешивается женщина.

«Я-жени» имеют характер весьма свирепый и дерзкий. «Встретивши человека — тотчас убивают» (?) Всходят на высоты и проходят самые недоступные места, точно передвигаются при помощи крыльев.

«Голо-мани», имеющие глубокие глаза и горбатые носы, бреют усы, но оставляют бакенбарды. Они имеют превосходных лошадей. Проводят жизнь в охоте, и отлично владеют оружием. Набранные из них отряды всегда шли в авангарде. Пословица говорит: «шуйси'ские

голо, рассекая голову, целят в хвост», то есть, с одного удара рассекают пополам. Они высокого роста.

Сун-пин-и дерзки и насильственны; сами приготовляют оружие; бороду и усы бреют.

Эти особенности характера ди наблюдаются и у северных динлинов и родственных им племен.

Бо-ма, говорит нам китайский историк, распадались на роды, независимые друг от друга. Они часто воевали с хагясами, на которых походили лицом.

Хагясы были сильны, горды и стойки; татуировка служила у них отличием храбрых.

Ухуань, по словам китайцев — прямых потомков дунь-ху, Георгиевский считает за дисцев, вытесненных в V веке до Р. Х. на север. Истина, однако, заключается в том, что дисцы, уйдя на север и северо-восток, образовали там несколько смешанных племен с преобладанием то диского, то тунгусского или тюркского элемента. К числу таких смешанных племен и должны быть отнесены ухуаньцы, которые отличались мужеством и запальчивостью; в гневе убивали друг друга, но, подобно дисцам, никогда не посягали на мать. «Женщины, — пишет Colborne Baber, — пользуются чрезвычайным уважением у черных лоло; на них возлагаются иногда даже обязанности родовых старшин. Лучшей гарантией безопасности для иностранца, желающего проникнуть в земли лоло, было бы иметь в качестве проводника лоло-женщину; тогда он мог бы быть уверен, что личность его была бы для всех священной». О некоторых диских родах китайцы также пишут, что драка между мужчинами прекращалась, как только на сцену выступали женщины. У ухуаньцев «в каждом деле следовали мнению жен; они военные дела сами решали». Подобно дисцам, ухуаньцы имели выборных старшин, избиравшихся из числа сильнейших и храбрейших, причем звание старшины не выделяло избранного из числа остальных соплеменников; среди ухуаньцев господствовало полное равенство: не было ни слуг, ни господ, а потому старшине предоставлялось самому пасти свой скот. Войну ухуаньцы считали серьезным делом. Женщины пользовались у них свободой выбора мужа, и в их брачных обычаях легко усмотреть полную аналогию с брачными обычаями южных дисцев. В самом деле, вот, что читаем мы на этот счет у Иакинфа: «Кто хочет жениться, старается сойтись с девушкой за три месяца и даже за полгода до брака». У дисцев «чжун-цзя» «все свадьбы начинаются с непозволительной связи: каждый год в начале

весны пляшут при луне и, высмотрев того, кто люб, уходят с ним и не сдерживаются». У «хуа-мяо» ежедневно в начале весны молодые люди и девушки, одевшись во всё лучшее, уходят в поле и там пляшут под звуки флейт; затем, с заходом солнца, расходятся попарно и домой возвращаются лишь перед рассветом. Подобный же обычай существовал и у племен «бай». У дисцев «лун-цзя» вступали в брак при несколько иной обстановке: весной лун-цзя вбивали на ровной площадке кол, называвшийся «чертовым шестом» (гуй-гань; без сомнения, грубое изображение предка), и, взявшись за руки, плясали вокруг; наплясавшись же, разбегались парами. После этого родители уже теряли право на девушку, пока не представляли за нее выкупа; брак же заключался после возвращения девушки под родной кров. У «хэй-мяо» возводилась особая временная постройка, куда собиралась молодежь из окрестных селений; здесь они знакомились между собой и вступали в любовную связь Девушки возвращались домой иногда после трехдневной отлучки, иногда даже шестимесячной, после чего родители требовали у жениха «тоу-цянь», то есть, буквально, денег за ее голову; если требование не исполнялось, то брак считался несостоявшимся. У «мяо-лоло» и доныне женщина выбирает себе мужа. У «голо» шести родов браку предшествовала пляска; «понравившийся взаимно» уносил девушку на спине — обычай, удержавшийся у них с доисторических времен. У «лао» не мужчины, а женщины ухаживали перед браком. У «жань-маней» родство считалось только с материнской стороны. У «хэй-лоло» братья передавали друг другу жен, «не находя в этом ничего странного». Это уже переход к полиандрии.

Возвращаемся к ухуаньцам, о которых Иакинф далее пишет: «Потом (вступивший в брак) посылает сговорные дары и переселяется в женин дом», где работает год или два, после чего тесть щедро награждает его и, отпуская, отдает ему все вещи, находившиеся в жилище дочери… «в обычае также брать жен после братьев». У инородцев «бэ» было также принято, чтобы бедный, не могущий представить сговорных даров, отслуживал в доме тестя три года. Тот же обычай существовал и у «во-ни». У «мяо-цзы» зять в течение некоторого времени проживал в доме тестя, независимо от того, были или нет представлены сговорные дары, долженствовавшие, впрочем, только возместить расходы последнего на свадьбу.

Весьма интересна также та роль, которая ухуаньцами отводилась собаке: ей поручалась охрана души умершего в пути до места успокоения последней на горе Чи-шань. Среди всех народов

восточной половины Средней Азии культ собаки господствовал только у дисцев. Уж одно это обстоятельство в связи с преданием о выходе ухуаньцев из Приамурского края, могло бы служить доказательством высказанной мной гипотезы о смешанном происхождении ухуаньцев, если бы не имелось китайских свидетельств в том, во-первых, что динлины составляли лишь один из отделов «дунь-ху» и, во-вторых, в том, что среди тунгусов много веков спустя существовали еще белокурые люди. Они выделялись своей бешенной храбростью и обыкновенно составляли авангард киданьской армии.

Да и поныне еще тунгусы в своем характере сохранили много диских черт. Кастрен выразился однажды, что тунгусов можно назвать «дворянами среди инородцев Сибири», и Меддендорф вполне согласился с верностью подобного заключения. Он не может достаточно нахвалиться их ловкостью и уверенностью в движениях, их стройностью, их, наконец, рыцарскими особенностями характера. Впрочем, подобное же впечатление производили они на всех путешественников без исключения. «Мужеством и человечеством, и смыслом, — писал 75 лет тому назад Ганстен, — тунгусы всех кочующих и в юртах живущих превосходят». Штраленберг отзывался о них в следующих выражениях: «Из всех народов Сибири тунгусы выделяются своей силой, ловкостью и наиболее высоким ростом: они очень напоминают итальянцев; вместе с сим — это единственный в Сибири народ, который и в наши дни (писалось в 1730 году) удержал у себя обычай татуировки. Тунгусы, — пишет Миддендорф, — это положительно горный народ, пробуждающий в нас воспоминания об особенностях обитателей наших европейских Альпов. Они обладают известной выправкой, исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, но вместе с тем закалены физически. Если мы хотим продолжать свое сравнение с европейским населением гор, то мы должны будем передвинуться дальше на запад; только там, пожалуй, можно еще встретиться с беззаботной удалью тунгуса, который в своей первобытности, главным образом, хлебосол, любитель удовольствий и ветреник. Тунгус очень подвижен: не повезет ему в одном месте, он отправляется в другое и подвигается всё дальше и дальше, так что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь с самыми различными племенами. Жизнь тунгуса представляет вообще поразительную смесь кочевания с оседлостью… Нередко он строит себе небольшой постоянный сруб из отвесно поставленных бревен; но

он никогда не привязывается к этому дому и, если нужно, тотчас же покидает его на несколько лет, а иногда — навсегда.

Вот как описывает Миддендорф свое прибытие в становище тунгусов.

Караван наш был встречен пальбой из винтовок. Собравшиеся тунгусы салютовали, несмотря на дороговизну и редкость пороха… За стрельбой последовал бал, причем в среде тунгусов разразилось какое-то плясовое бешенство энтузиастов. Сначала образовался маленький кружок, вперемежку мужчин и женщин, в том числе и совершенных старух. Схватившись за руки, они начали довольно хитрую пляску, заключавшуюся в передвижении ног в стороны. Вскоре, однако, круговая пляска оживилась, движения обратились в скачки и припрыгивания, всё тело заходило ходуном, лица разгорелись, восклицания стали шумнее, восторженнее. Вскоре сбросили сначала полушубки, а потом и меховые штаны. В заключение всех обуяло бешенство. Зрители то и дело срывались с места и исчезали в вихре пляшущих. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хогюй, хогюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдо, эханьдо! хэрга, хэрга!» и т. п. восклицания становились всё громче… И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоров осипли, а члены перестали двигаться от изнеможения. За этой демонской пляской последовал чай с пуншем. К стыду нашего общества я должен заметить, что те самые тунгусы как бы преобразились и соблюдали самое сдержанное приличие… Затем настала очередь и речам, напоминавшим мне опять наши европейские красноречивые нации… Речи приняли высокий полет…

Тунгусы, вообще, большие любители кутежей и заработанные деньги спускают самым легкомысленным образом. На сборища женщины, в особенности же девушки, являются всегда сильно разряженными. Но мужчины ни в чем им не уступают… В сравнении с суммами, растрачиваемыми тунгусами на пирушки, цены, платимые ими за жен, очень умеренны. При этом надо иметь также в виду, что жена входит в дом мужа не бесприданницей. Нередко даже приданое жены служит основным фондом, на котором строится благосостояние будущих супругов, так как у тугусов не в обычаях наделять сыновей после женитьбы.

«У тунгусов, — пишет князь Дадешкалиани, — отец — глава и полный господин семьи. Но в отношениях его к детям и жене совсем не наблюдается рабской зависимости последних, как это мы находим у гольдов и ороченов. Напротив, отношения отца к членам семьи

самые гуманные, любовные. Многоженство или сожитие, кроме жены, с наложницами совершено неизвестны тунгусам… Уплата калыма, вследствие бедности, производится по частям и совершается так: жених переселяется к родителям невесты и половину заработка вносит в их дом. Как скоро условленная сумма выплачена, молодые отправляются на житье в дом родителей мужа… Отец давления на выбор дочери никакого не оказывает. Она вольна принимать или не принимать предложение».

Вообще, у тунгуса замечается такая же любовь к индивидуальной свободе, как и у южного дисца. Все их старшины, как родовые, так и ведомственные — выборные лица. «До покорения тунгусов русскими, — пишет Латкин, — между их племенами постоянно происходили раздоры и побоища. У них и теперь еще сохранились предания о славных бойцах и воителях, к которым обыкновенно примыкали более малочисленные и небогатые семьи, и таким образом образовались их роды, так что подобный боец или воитель составлял ядро, около которого группировались его сородичи и соратники, тем более, что такой богатырь почти со всеми был еще и в кровном родстве, вступая в супружество с дочерьми примкнувших к нему семьян, которые считали за великую для себя честь породниться с богатырем… В старые годы между тунгусами существовала вендетта или наследственная месть за кровные обиды… Прежде тунгусы отличались мужеством, отвагой, ловкостью, добросердечием и правдивостью. Характер у них, вообще, пылкий и легко возбуждающийся; вместе с тем тунгус безусловно ловкий и неустрашимый охотник. Тунгусы хорошо владеют кузнечным инструментом, даже сами выделывают охотничьи винтовки… Летом, при рыбной ловле, плавают в легких берестяных лодках с плоским дном, удобным для переноски на голове, и весьма неустойчивых для непривычного, но тунгус не боится в ней плыть через стремнины и пороги, бойко гребя веслом. Против воды они в этих лодках настолько быстро идут, что обгоняют тихоходные енисейские пароходы… В тайгах тунгусу всюду дорога… Тунгусы не боятся и медведя; некоторые бьют его один на один из своих небольших винтовок; подчас же выходят на него, имея в руках только пальму (нож, прикрепленный к палке)…» У Латкина мы находим еще одно интересное указание, которое заслуживает быть приведенным: «Тунгусы, — говорит он, — при круговом танце, вокруг воткнутой в землю палки, припевают в такт, переступая с ноги на ногу, — и так проводят иногда всю ночь».

Мы знаем уже, что усуни первоначально жили в южном Алтае; в южную же Сибирь удалились впоследствии и некоторые роды дисцев (дили, динлины). Таким образом уже a priori следует допустить, что черноволосые аборигены этой страны (главным образом уйгурские поколения) должны были иметь значительную примесь крови белой расы. Подкрепить это предположение какими-либо историческими свидетельствами мы, к сожалению, не можем; но зато мы располагаем данными, которые, в виду вышеизложенного, могут считаться весьма ценными. Уйгуры, говорит нам история, подразделялись на множество независимых друг от друга родов, имели выборных старшин, отличались, по крайней мере в первый период своей исторической жизни, свободолюбием (что и служило им главной помехой к сплочению в одно политическое целое) и чрезвычайной храбростью; на их долю выпало играть на севере Средней Азии ту же роль, которую искони играли дисцы на юге, с той лишь разницей, что силами дисцев распоряжались черноволосые и короткоголовые китайцы, а их силами «геройствовали» черноволосые и короткоголовые тукиесцы, в обоих случаях представители одной расы — более пассивной и консервативной, с менее развитым чувством индивидуальной свободы, но в то же время проявляющей большую любовь к родине, а потому и более способной образовать прочный государственный организм.

Заметим еще, что в свадебных обрядах уйгуров сохранилось диское влияние: сторона жениха отбирала из табуна, принадлежавшего родителям невесты, лучших лошадей, сам же жених, как кажется, некоторое время проводил в доме тестя.

О вымерших аринах Мессершмидт передает нам, со слов туземцев, что они отличались необыкновенной отвагой. В их обычаях сохранилось еще кое-что общее с ухуаньцами; так, например, ссылка преступников. Известно также, что арины и котты оказали наиболее энергичное сопротивление русским и в союзе с киргизами нападали даже на Красноярский острог.

Обские остяки передавали Мессершмидту, что их страну некогда населял воинственный народ, управлявшийся старшинами и имевший особое письмо. Здесь идет речь, конечно, о пегой орде, остатки которой в ту эпоху (1721 г.) еще сохранялись кое-где в Нарымском крае.

Из вышеизложенного видно, что как северные, так и южные дисцы отличались одними и теми же чертами своего племенного характера: горячим темпераментом, презрением к смерти, решительностью и

необыкновенной отвагой; это были воины по натуре, по призванию: они вступали в борьбу ради самой борьбы и, дорожа своей индивидуальной свободой, не выносили подчинения, в какой бы форме последнее не проявлялось. Будучи подвижными, энергичными, деятельными и в то же время не отличаясь большой привязанностью к родине, они покидали последнюю, когда условия жизни в ней изменялись, и расходились всё дальше в поисках стран, где их социальная жизнь, в форме мелкой общины, управляемой выборными старшинами, могла иметь еще место. Где бы, однако, дисцы ни жили, их главными и излюбленными промыслами всегда были охота и рыбная ловля, которые вполне удовлетворяли их бродячим наклонностям, их предприимчивой натуре, в высшей степени самостоятельной и рыцарской; они не выносили деспотизма, но и сами никогда не были деспотами ни в семье, ни в кругу своих рабов и подчиненных. В силу этих расовых особенностей характера, а также отсутствию в их натуре похотливости, дисцы являются в Азии единственным народом, у которого моногамия составляла первичную и основную форму брака. Но будучи бродячим народом, дисцы легко воспринимали и элементы культуры: китайцы дают нам на этот счет множество доказательств. Восприимчивые, легко возбуждающиеся, дисцы искали общества. Их собрания, отличавшиеся редким весельем, сопровождались музыкой и пляской. Про них китайцы писали, что «они умели весело пить вино», не делаясь мрачными пьяницами, подобно соседям — черным короткоголовым. Их любовь к детям и родственникам поражала китайцев. Они всегда были готовы помочь своим одноаульцам или односельчанам, и эта характерная их черта всецело удержалась и у их потомков: про сойтов, например, пишут, что некоторые их работы имеют общественный характер. Вообще, на дисцах вполне оправдывается та общая характеристика белокурой расы, которую дает нам Лапуж.

Длинноголовые блондины, говорит он, не были способны к систематическому труду и бережливости; поэтому, несмотря на то, что им нельзя отказать в известной инициативе, их техническое развитие всё же стояло бы у них всегда на низкой ступени, так как для новых открытий необходим прежде всего запас знаний, орудий и материалов, могущих послужить исходной точкой для новых идей, а их-то они и не в состоянии были бы накопить; вот почему также у них не могло бы возникнуть и более сложных общественных установлений. Они жили бы исключительно грабежом и охотой и вели бы бродячий образ жизни, столь, впрочем свойственный их натуре.

Для них отечеством была вся вселенная. Будучи предприимчивыми, они решались на всё и вступали в борьбу из любви к ней, а не из расчета на прибыль. Умственный их кругозор был очень широк, их пожелания и помыслы — смелы, поступки же соответствовали последним. Прогресс — у них врожденная страсть (оттого-то они так и переимчивы). Они требовали уважения к индивидуальной свободе и скорее старались сами возвыситься, чем унизить других. Вообще же, в смешанном обществе они были активным началом. Во время феодализма светловолосые длинноголовые составляли дворянство, а художественные памятники Египта, Ассирии и Халдеи доказывают, что высокорослый блондин и там выступал в качестве героя; тип Ахиллесов и Агамемнонов сохранился еще среди блондинов Скандинавского полуострова, да и римские патриции имели то же происхождение… До завоевания Галлии римлянами, говорит Лапуж далее, в ней насчитывалось около 5–6 миллионов населения, короткоголовых и блондинов. Чуть ли не миллион погиб в войнах с Цезарем и столько же продано было в рабство. Мертвыми в этой борьбе пали преимущественно энергичные блондины, поэтому после поражения Верцингеторикса Галлия становится самой трудолюбивой, зато и самой раболепной римской провинцией. Искра восстания вспыхнула лишь на севере, где светловолосые элементы были более многочисленны. Такое положение вещей продолжалось несколько столетий; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, сначала в качестве союзников, затем в качестве победителей, длинноголовые проникают в страну в V и последующих столетиях, и вместе с тем страна оживает. Несколько сот тысяч новых пришельцев было вполне достаточно для того, чтобы раболепствующее население в несколько миллионов человек настроилось на воинственный лад. Засим в течение нескольких веков светловолосые великаны рассеивались отсюда по соседним странам (крестовые походы, экспедиции и войны феодалов). В позднейшем периоде эти элементы основывали колонии, принимали участие в движениях реформации. Но все эти походы, борьба за идею, движения крестоносцев, инквизиция, отмена нантского эдикта уничтожили самые энергичные длинноголовые элементы, и когда они гибли, короткоголовый берег свои силы и побеждал при помощи пассивного выжидания. Великая французская революция, во главе которой по преимуществу стояли блондины, лишь узаконила антропологический факт — победы более многочисленных короткоголовых над длинноголовыми блондинами. Наконец, современное политическое ничтожество Франции является

последствием господства короткоголовых.

К этим выводам Лапужа большинство относится с сомнением. Действительно, они основаны на непроверенном материале. Но в главных чертах они, безусловно, верны, и вся история дисцев служит тому доказательством.

В силу вышеизложенных причин численность белокурых может возрастать лишь весьма медленно. В случае же их смешения с короткоголовыми идти даже быстро на убыль, так как метисы дают большой процент в пользу последнего типа. Именно, такая судьба постигла как северных, так и южных дисцев.

Уже китайцы заметили, что у хагясов мужчин меньше, нежели женщин, и что то же явление обнаруживается и у южных дисцев, например, у лао, ло-маней и рыжеволосых яженей; а позднее о тех же хагясах Абульгази писал, что настоящих киргизов осталось уже немного, но что их имя в его время стали принимать те монголы (тюрки), которые переселились в бывшие киргизские земли. Ныне же к северу от Гобийской пустыни нет уже ни одного рыжеволосого племени: дисцы частью погибли здесь во взаимной борьбе, частью в войнах с короткоголовыми, частью же слились с этими последними, образовав несколько смешанных народностей, отличающихся более высоким ростом, чем остальные монголоподобные племена; таковы казаки, сойоты, кость мэркыт у торгоутов и т. д.

Насколько возможно судить теперь по дошедшим до нас отрывочным известиям о религии дисцев, мы должны думать, что у них одновременно существовали все три стадии религиозного мышления, а именно — поклонение природе (тотемизм), шаманизм и, наконец, поклонение предкам, не развившееся в антропоморфизм, может быть, благодаря лишь тому обстоятельству, что диской общине были в то время чужды монархические принципы. Припомним, что у одних дисцев существовал культ Пань-ху, в котором более древний тотемизм (культ собаки) слился с культом предка, у других культ лошади, который слился с культом предка (Ма), что цоньские мани, «ло-у» и «мосе» (mosso) поклонялись небу, «хей-лоло» — звездам, «бэ» — духам гор и деревьев, ухуаньцы — небу, земле, солнцу, луне и звездам и т. д. Шаманы (даси, банма) играли у них видную роль и обыкновенно призывались к больному для изгнания из его тела злого духа. Но уже в ту эпоху, в которую застает дисцев история, основой их религиозных воззрений был культ предков и героев, культ, который за время господства в Китае Чжоуской династии получил полные права гражданства и в этой стране (даосизм, конфуцианство).

Насколько у дисцев все общественные установления были связаны с поклонением предкам, видно хотя бы из того, что новобрачная, вступая в дом своего мужа, приносила жертву его предкам — обычай, который и до сих пор удержался в Китае.

У дисцев не было настоящего идолопоклонства; но они приносили жертвы изображениям своих предков. Мысль ставить на могилах статуи явилась, конечно, у дисцев в позднейшее время. Она возникла из предположения, что дух умершего некоторое время витает над трупом. Для того, чтобы дать ему приют, первоначально втыкались в могилу сосновые (?) ветви, заменившиеся затем деревом и камнем, которым стали придавать человеческую форму. Может быть, однако, этой второй стадии в развитии идолопоклонства предшествовал обычай ставить над могилой чучело покойного. Китайцы сообщают, что у «лао» сохранился обычай сдирать с убитого (умершего?) человека, обладающего густой бородой и бакенбардами, кожу с лица, натягивать ее на бамбук и поклоняться такому чучелу как своему предку (демону, гую). Ему приносятся жертвы с барабанным боем и плясками, причем ничто не жалеется; неимущие продают себя даже в рабство, чтобы только участвовать в общем жертвоприношении.

Вероятно, позднее статуи заменены были писанными изображениями предков; так, мы знаем, что мяо, имевшие общие могилы, покрывали стены «зала предков» их изображениями. В этой стадии культ предков или гуев перешел и к китайцам, которые стали по традиции изображать их рыжеволосыми, причем, однако, в их представлении гуи перестали уже быть предками, а явились лишь духами — демонами. Это единственно возможное объяснение того факта, что китайцы рисуют гуев рыжеволосыми.

Итак, мы теперь можем ответить на поставленный выше вопрос: кто служил оригиналом портрету, нарисованному на стене нань-гучэнской кумирни и долженствовавшему изображать князя ада — Ян-вана? Это был «ди», но «ди» — метис, в крови которого уже текла кровь монгола.

Сохранились указания, что уже во времена Чжоу'ской династии китайцы имели обыкновение рисовать портреты чужеземных послов, и что тот же обычай удержался и в последующие времена; так, китайцы, например, пишут: «Министр Дэ-юй представил… так как хагясы открыли свободное сообщение с Серединным государством, то надобно написать портрет их государя для показа будущим векам». «Янь-ши-гу представил доклад, в котором просил дозволения по примеру Чжоу'ских историографов, во времена Ву-вана составивших

Ван-хуй-бянь, составить Ван-хуй-ту, где были бы нарисованы и описаны одежда и убранство инородцев (маней)…» и т. д. Более систематическую работу в этом направлении предпринял император Цянь-лун, по приказанию которого был составлен замечательный труд, озаглавленный Хуан-цзин-чжэ-гун-ту и представлявший иллюстрированное описание инородцев Китая. Такие альбомы могли, без сомнения, служить прекрасным источником для заимствования и, надо думать, что и нань-гучэнский художник имел один из них под руками, когда писал Ян-вана и гуев.

Несравненно труднее определить, к какому из диских племен принадлежали оригиналы, с которых рисовали эти портреты.

Если сравнить одеяние гуев и какого-нибудь «мяо-лоло» прошлого столетия, то оно окажется почти тождественным. Но того же нельзя сказать про прическу, которая у гуев весьма своеобразна: волосы с висков зачесаны у них кверху, темя же, сплющенное в гребень, выбрито.

Обычай придавать черепам особую форму среди дисцев, по-видимому, не был распространен; он практиковался лишь в некоторых частях Восточного Туркестана, первоначально населенного также одними лишь племенами белой расы. Так, Сюань-цзан говорит, например, о жителях владения Цзе-ша: они имеют «наружность пошлую и неблагородную. Зрачки у них зеленые. Тело раскрашивают. Новорожденным в обычае приплющивать голову». О Куче он пишет также, что там, «когда родится ребенок, ему сплющивают голову, придавливая дощечками», взрослые же стригут волосы вплотную. Обычай брить голову распространен был и у уханьцев. Но, вообще, этот обычай дисцы могли заимствовать и у того народа, с которым смешались, так как в шоу-гуях ясно заметна значительная примесь чужой крови: отсутствие растительности на лице, широкий подбородок у одного из гуев, выдающиеся скулы — всё это свидетельствует, что перед нами метисы, удержавшие весьма мало диских черт. В той же нань-гучэнской кумирне я заметил черноволосого пигмея ио-чжэна, одетого точь-в-точь как шоу-гуи, но представляющего карикатуру на человека: широкое, плоское, безволосое лицо, вместо носа — две дырки, выдающиеся надбровные дуги, огромный рот и необыкновенной ширины подбородок, — всё это такие черты, которые должны были изменить диский тип именно в том направлении, которое обнаруживается у нань-гучэнских рыжеволосых шоу-гуев. Но что же это была за человеческая раса? Вероятнее всего, что это карикатурное изображение негритоса,

подобно тому, как шоу-гуи — карикатура на представителей какого-либо смешанного племени.

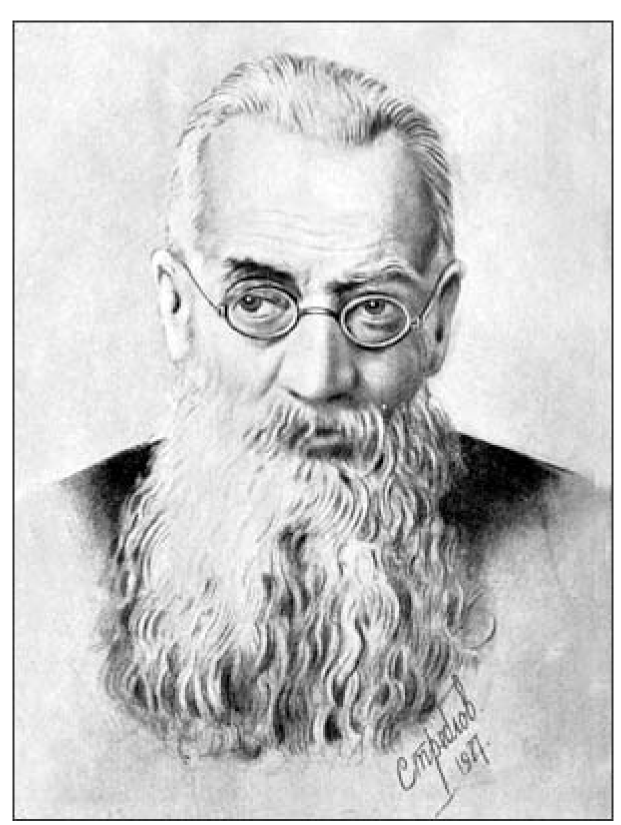
Тогда как шоу-гуи — портреты людей, выхваченных из народа, оригинал Ян-вана, был, вероятно, действительно старшиной племени; вот почему он и удержал более диских черт: большой рост, рыжие густые усы и бороду, крупный нос и т. д. Выбритое темя он покрывал оригинальной шапочкой, крашенной ушами (не была ли эта шапочка из шкуры, снятой с головы какой-либо кошки?) и (вероятно) глазками павлиньих перьев; его верхнее платье — длинный халат с воротником, собранный на груди и подпоясанный кушаком с металлическими бляхами, — сделанное из шелковой материи, не носило никаких украшений, наконец, на рисунке видны штаны и высокие с узкими и загнутыми носками сапоги, какие были в употреблении только у горцев. Сходное одеяние, может быть, мы и теперь могли бы найти у инородцев южного Китая.

На этом я считаю возможным закончить исследование вопроса о том, в силу каких причин китайцы рисуют своих гуев рыжеволосыми.

Белокурая раса в Средней Азии

Г. Е. Грумм-Гржимайло

С.-Петербург
1909

Поводом к составлению этой статьи послужили читанные Д. Н. Анучиным в Географическом обществе доклады об енисейских остяках, материалом же — по преимуществу данные, которыми я уже пользовался при составлении главы VIII т. II и III т. III «Описания путешествия в Западный Китай». В этих главах литература вопроса о белокурой расе Внутренней Азии оказалась почти исчерпанной, так что новым в настоящей статье является лишь несколько иная распланировка материала, дающая более полное

освещение затрагиваемому в ней предмету и рельефнее выделяющая значение излагаемых в ней фактов. Подбирая эти последние, я, однако, не забывал, что история должна писаться ad narrandum non ad probandum.

«Можно считать доказанным существование в былые времена в Центральной и Северной Азии расы с зелеными глазами и рыжими волосами. Но что же сталось с ней?» Топинар.

Поставленный Топинаром вопрос еще очень мало разработан, и даже тому, что нам в этом отношении известно, я могу дать, в тесных пределах настоящей статьи, лишь самый поверхностный очерк. Тем не менее, я всё же попытаюсь, хотя бы в общих чертах, нарисовать картину постепенного поглощения монгольским морем территории, первоначально занятой этой расой.

Раскопки курганов и могил показывают, что уже в эпоху доисторическую в долине р. Селенги столкнулись два этнических антипода — крайняя короткоголовая (головной указатель — 93,6) и крайняя длинноголовая (тот же указатель — 68,4) расы. Первая отличалась большой высотой черепного свода, необыкновенной шириной затылка и грубостью форм как нижней челюсти, так и всех частей черепа, вторая — значительной вертикальной сплющенностью черепа, сильным развитием надбровных дуг и длинным и плоским теменем.

Но эти первобытные расы, из коих вторая, может быть, ближе всего подходила к австралийской, с течением времени исчезли, и им на смену в той же области явилась новая народность поддлинноголового типа с умеренно-высоким черепным сводом, умеренным лбом и небольшим затылком. Но и эта народность не удержалась на Селенге и, вероятно, в начале нашей эры уступила свое место среднеголовому племени, отличавшемуся, при среднем росте, крепким телосложением, очень развитой мышечной системой и непропорционально большой головой с высоким черепным сводом. Еще позднее здесь появился новый народ подкороткоголового, судя по женским черепам, даже короткоголового типа, с узким лбом и ясно выраженной у большинства платицефалией. Наконец, в VI веке, а может быть и раньше, в той же области произошло новое перемещение этнических масс, причем очевидное преобладание получили крайние короткоголовые, отличавшиеся низким ростом, малыми размерами черепа, узким лбом и большинство — платицефалией.

Таким образом в западном Забайкалье и в порубежной Монголии

обнаружился процесс весьма последовательного вытеснения менее короткоголового элемента более короткоголовым, что должно было происходить частью насильственным, частью естественным путем, при скрещивании.

Но куда же под напором короткоголовых отступили из долины р. Селенги племена длинноголового типа?

Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту горную область, как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующие длинноголовые насельники этой области, принадлежавшие, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, может быть, даже европейской, что доказывается как конформацией их черепов, так и гипсовыми масками, из коих некоторые отличаются замечательной красотой и чертами лица вполне европейскими.

Но что же это была за раса, и как велики были пределы ее распространения?

Для разрешения этого вопроса мы должны оставить область палеоэтнологии и обратиться к истории.

Она знакомит нас с четырьмя племенами, населявшими Среднюю Азию вне китайской стены и имевшими голубые (зеленые) глаза и белокурые (рыжие) волосы, а именно: усунями, хагясами, динлинами и бома. Всего вероятнее, что усуни были народом смешанного происхождения, о хагясах китайцы также передают, что они «перемешались с динлинами», что же касается бома, то их родство с динлинами будет доказано ниже. Таким образом только этот последний народ и должен считаться носителем тех физических признаков, которые сближают рыжеволосую и длинноголовую расу Средней Азии с европейской.

О динлинах, как таковых, китайцы дают нам самые скудные сведения, но в «Бэй-шы» мы находим указание, что народное название красных ди (чи-ди) было ди-ли, изменившееся в динлин по переходе их в конце IV века по Р. Х. на северную сторону Гобийской пустыни, а это дает нам возможность восстановить всю многовековую историю этого народа и указать на те остатки его, которые и поднесь сохранились еще во многих глухих уголках Внутреней Азии.

Указание «Бэй-шы» подтверждается и китайской надписью на орхонском памятнике, воздвигнутом в честь Кюль-тегина в 732 году. Эта надпись гласит, что песчаная страна, граничащая с Китаем, т. е. южная окраина Гоби, была родиной динлинов. Но она же, согласно

китайским данным, была родиной и дили, иначе чи-ди.

Что динлины жили некогда и к югу от Гобийской пустыни, явствует также из того, что население области верховий Хуан-хэ вело свое происхождение от динлинов.

Засим имеется указание, что и предками бома были дисцы. О бома, как одном из отделов ди, упоминает уже Сыма-цянь. Около 118 г. до Р. Х. дисцы бома покорены были китайцами, и из занятых ими земель образован был военный округ Ву-ду-цзюнь. Бома в Вуду застали уже население, состоявшее из дисцев поколения ба (ба-ди), которые управлялись князьями из фамилии Ли. Столицей этого княжества был город Лё-ян. При князе Литэ «ба-ди» овладели Лянь-чжоу и Чэн-ду-фу. Преемник Ли-тэ — Ли-сюн в 306 г. по Р. Х. провозгласил себя императором. Но уже сорок лет спустя это царство пало, и на смену ему стало возвышаться царство дисцев «бо-ма». Этих бома в отличие от северных китайцы называли западными бома. Должен оговориться, что иероглифы, коими писались названия этих племен, не одинаковы: в первом случае они означают «белая», во втором — «пегая» лошадь. Но когда идет речь о китайской передаче иностранных слов, то нельзя придавать этому факту большого значения; так укажу, например, на народное имя дубо (tupo), которое также писалось различными иероглифами. Как бы то ни было, о другом государстве бома, находившемся к северу от Ву-ду, история не упоминает. Но если так, если сибирские и ганьсуйские бома составляли части одного и того же народа, то это неоспоримо доказывает, что «динлин» и «ди» представляют лишь варианты одного и того же племенного прозвания.

Ди принадлежали к числу автохтонов Китая. Они составили даже ядро того народа, который в 1122 г. до Р. Х. овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу (1122–225). Следует добавить, что инородцев ямяо китайцы считают потомками чжоуцев и что за таких же потомков выдают себя и инородцы вони.

Мне кажется, что всех этих свидетельств совершенно достаточно, чтобы считать доказанным, что динлины, дили и ди китайских летописей были одним и тем же народом. Этот факт объясняет нам также, почему современные китайцы в большинстве являются мезоцефалами, а в IV веке, подобно хуннам, даже чертами лица значительно отличались от монгольского прототипа. Заключаю это из следующих строк китайской летописи: «Ши-минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве, и при сем убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами». «Возвышенные носы» указывают на то, что в жилах хуннов и

китайцев того времени текла кровь той загадочной расы, к которой принадлежали динлины и которую я склонен считать родственной европейской. Основатель династии Хань (206 г. до Р. Х.) был также человеком не монгольского типа: «Гао-ди имел орлиный нос, широкий лоб и был одарен обширным соображением», — читаем мы о нем в «Ган-му».

Вытеснение динлинов из долины Желтой реки началось, вероятно, с того момента, когда в ней осели китайцы, но только в Чжоусскую эпоху борьба между автохтонами и пришельцами приняла решительный характер.

Динлины имели сердца тигров и волков, говорят нам китайцы, удивлявшиеся их мужеству и воинской доблести. Из них они набирали отряды телохранителей, из них же составляли всегда авангард своих войск. Когда император Гао-цзу услышал одну из их воинских песен, то воскликнул: «С этой именно песней Ву-ван (1122 г. до Р. Х.) одержал свою победу!», — и велел обучить ей музыкантов. Хань-чжун'ский полководец Шан-цзи держал однажды следующую речь в защиту ба-ди: «Ба-ди семи родов имеют заслугу в том, что убили белого тигра. Эти люди — храбры, воинственны и хорошо умеют сражаться. Некогда цяны, вступив в округа и уезды Хань-чуань, разрушили их. Тогда нам на помощь явились ба-ди, и цяны были разбиты на голову и истреблены. Поэтому баньшунские мани и были прозваны «божественным войском». Цяны почувствовали страх и передали другим родам, чтобы они не двигались на юг. Когда же впоследствии цяны вновь вторглись с большими силами, то мы только при помощи тех же ба-ди несколько раз наносили им поражения. Цзян-цзюнь Фынь-гун, отправляясь в поход на юг против ву-ли, хотя и получил самые отборные войска, но мог совершить свой подвиг лишь при помощи тех же ба-ди. Наконец, когда недавно произошло восстание в области И-чжоу (Юнь-нань), то усмирить бунтовщиков помогли нам опять-таки ба-ди. Эти подвиги… и т. д.». Динлины были свободолюбивым и подвижным народом, они распадались на множество, по-видимому, очень мелких родов и собирались для отпора врагу лишь в редких случаях и притом на самое короткое время — это говорит нам вся их история. Китайцы только потому и побеждали их, что имели обыкновенно дело не со сплоченным народом, а с отдельными его поколениями; к тому же они пользовались их взаимными счетами и искусно натравляли их друг против друга. Что динлины не были склонны к подчинению, выше всего ставя свою индивидуальную свободу, видно из того, что они без

колебания бросали свою порабощенную родину и расходились — одни на север, другие на юг, туда, где еще был простор, куда не добирались китайцы со своим государственным строем, чиновниками и правилами общежитиями. Так, они с течением времени добрались с одной стороны до бассейна Брамапутры, Иравадди и Салуэна, а с другой до Байкала, Алтая и южной Сибири.

К концу V века до Р. Х. вытеснение динлинов из нынешних Чжилийской и Шаньсийской провинции закончилось. К этому именно времени и должно быть отнесено, согласно китайским сведениям, первое переселение их на север — в Маньчжурию, к озеру Байкалу и в Алтайско-Саянский горный район. Действительно, уже за 200 лет до Р. Х. хунны застали там несколько динлинских владений, которые и покорили.

Сопоставляя эти данные с результатами палеоэтнологических исследований Талько-Грынцевича в западном Забайкалье, мы должны приурочить хуннов, отличавшихся, как мы уже знаем, выдающимися носами, к тому среднеголовому, сильно сложенному типу, который оставил после себя глубокие могилы с погребением в срубах, по форме своей напоминающих иногда современные гробы. Действительно, у китайцев мы находим указание, что хунны хоронили своих покойников в гробах.

Что касается динлинов, то культ погребения отличался у них особенной сложностью. Заботы об умершем не прекращались у них иногда в течение многих лет, причем гробницы устраивались в этих случаях так, чтобы покойника возможно было время от времени навещать. Делалось это с различными целями и, между прочим, для соскабливания отгнившего мяса с костей. У некоторых родов динлинов трупы, впрочем, сжигались. Распространен был также обычай не сразу предавать земле умершего, а предварительно хоронить труп или кости во временной гробнице до похорон, устраивавшихся всей общиной. Тогда вырывалась общая могила, в которой и слагались иногда останки сотни людей. Таково происхождение так называемых «маяков» — курганов обширных размеров, заключающих общую могилу со множеством трупов. О погребении киргизов (хагясов) говорится лишь, что кости покойников собирались у них по прошествии года и тогда уже предавались земле. Засим надлежит еще заметить, что в некоторых случаях динлины воздвигали на могилах высеченное из камня или резанное из дерева изображение покойного — обычай, перенятый у них впоследствии тюрками.

Последнее, отмеченное историей, переселение динлинов на север относится к концу IV века по Р. X. Алтайско-Саянское нагорье было в это время уже наводнено тюрками, смешавшись с коими динлины и образовали народ уйгурский. На это указывают сами китайцы, писавшие, что уйгуры именовались в прежнее время ди-ли. Это же подтверждается и рисунком в «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэн», изображающим уйгура человеком с толстым носом, большими глазами и с сильно развитой волосяной растительностью на лице и всем теле и, между прочим, с бородой, начинающейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями. Характерная особенность: уйгуры, подобно древним киргизам, носили серьги — обычай, распространенный у динлинов, но не у тюрков. В «Землеописании периода Тай-пин (976–084)» также говорится, что уйгуры лицом походили на корейцев. Наконец, припомним, что целый отдел уйгурского народа имел некогда название «желтоголовых» уйгуров, уцелевших, может быть, даже до наших дней в лице белокурых мачинцев Кэрийских гор.

Насколько быстро были утрачены уйгурами особенности динлинского типа — неизвестно, относительно же киргиз имеется следующее мерило: в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза преобладали у них настолько, что «черные волосы считались нехорошим признаком, а (люди) с карими глазами почитались потомками (китайца) Ли-лин»; к XVII же веку, когда с ними впервые столкнулись русские, киргизы оказались уже совершенно иным народом — черноволосым и смуглым.

Столь быстрая утрата киргизами, да и другими племенами динлинской расы, своего первоначального типа объясняется, впрочем, до известной степени той политикой, которой по отношению к ним держались их турецкие и монгольские завоеватели; так, еще во времена хуннов часть динлинов уведена была на юг, в Нань-шань, где, смешавшись с цянами и да-ху (?), и образовала племя цзы-лу, засим, в конце VII века хан Мочжо выселил часть киргиз из долины реки Енисея, а их земли передал тюркам, так же позднее поступил с ними и Хубилай. Других случаев выселения киргиз нам не известно, но и этих двух в связи с практиковавшейся турками и уйгурами заменой их родовой администрации тюркской, частыми войнами и возмущениями, сопровождавшимися избиением мужчин и уводом в плен женщин, вполне достаточно, чтобы объяснить огромную убыль киргизского народа, засвидетельствованную для XIII века «Юань-

ши». Абул-гази же писал: «Настоящих киргиз осталось ныне очень мало; но это имя присваивают себе теперь монголы (тюрки?) и другие, переселившиеся на их прежние земли». С этим-то конгломератом разных народностей под общим именем киргиз и должны были столкнуться русские при занятии Енисейской долины.

В X веке среди киданей жило еще белокурое племя, шедшее всегда в авангарде их вредоносных полчищ; засим даже в конце XVIII века среди маньчжур встречались, и притом, по-видимому, нередко, субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой, ныне же среди тунгусских народностей этот тип более не встречается. Он удержался, однако, далее к востоку, в северной Корее, где и до настоящего времени, светлые глаза, рыжие волосы, густые бороды и кавказские черты лица — явление далеко не редкое.

На западе, где в прежнее время динлинский элемент был, по-видимому, более многочисленным, светловолосый тип сохранился полнее, хотя и здесь он вымирает быстро. Ядринцев находит, однако, еще возможным писать, что татарско-монгольский тип, господствующий в южном Алтае, превращается на севере, в лесах Бийского и Кузнецкого округов, в почти европейский. В частности он указывает на кумандинцев, в особенности же на живущих вдали и без всякого общения с русскими инородцев Мрасской долины, которые, будучи отделены от телеутов и других алтайцев монгольской расы кочевьями так называемых черневых татар, успели в полной мере сохранить свой первобытный тип; многие даже поражали его своими как лен белокурыми волосами и голубыми глазами. Свидетельство Ядринцева не стоит одиноко и подтверждается показания и Радлова, Адрианова, Клеменца и других путешественников, встречавших белокурых инородцев в Алтайско-Саянском горном районе, мне же тип этот не попадался, хотя я и искал его среди туземного населения долин Кемчика и Чуи.

К северу и западу от Алтая светловолосый элемент удержался доныне среди так называемых енисейских остяков и казаков Большой, Средней и Малой орд. Антропологические исследования Зеланда показывают, что казаки представляют смешанное население, так как к основному типу, сравнительно низкорослому, безбородому, с широким лицом и с приплюснутым носом, с темными глазами, присоединился другой — рослый, бородатый, с горбатым носом, с длинным лицом и светлыми глазами.

Динлинский элемент сохранился еще кое-где и на южной окраине

Внутренней Азии.

В то время, как в Чжилийской и Шаньсийской провинциях динлины были истреблены уже в V веке до Р. Х.; к западу отсюда, в провинциях Шэнь-си и Гань-су, они сумели удержаться еще около тысячелетия. В 350 году по Р. Х. им удалось даже объединиться и на короткое время, под управлением династии Фу, образовать в западной половине Китайской империи могущественное государство Цинь из областей, входящих ныне в состав провинций Гань-су, Шэнь-си, Сычуань и Юнь-нань, причем 62 владетеля южного и восточного Китая принуждены были признать себя их вассалами. Но уже в 394 году вследствие внутренних неурядиц это эфемерное царство распалось. Впоследствии получило некоторое значение другое динлинское владение — Ву-ду; но и оно пало в 506 году в непрерывной борьбе с северным и южным Китаем. Засим динлины выступили еще раз на историческое поприще во второй половине X века, когда, имея во главе князей из монгольского дома Тоба, основали в Ордосе и Алашани царство Ся. Население этого государства, победоносно вышедшего из борьбы с китайцами и киданами, сумевшего поладить с чжурчженями и покоренного лишь монголами, было смешанным из монголов (тугухунь), китайцев, хуннов, тюрков шато и тукиэ, но ядро его составляли потомки динлинов, сами себя называвшие ми-хоу, у окрестных же народов более известные под именами: «минак» или «миняг» у тибетцев, «дансян» у китайцев и «тангут» у монголов и тюрков.

Что ми-хоу или, как их называет Ходгсон, маниаки были потомками древних динлинов, видно из следующего:

Дансяны, обосновавшиеся в Ордосе, выселились сюда из долины Тао-хэ в 660 году под напором тибетцев.

У китайских историков мы находим указание, что дансяны, жившие в горах, служащих водоразделом рек Тао-хэ и Вэй-шуй, были потомками динлинов бома царства Ву-ду, и что соседившие с ними на западе байланские цяны были также известны тибетцам под именем динлинов.

Наконец, что племя миняг было не тибетского происхождения, подтверждает со своей стороны и Миньчжул-хутукта.

Такой племенной состав тангутского государства (Ся-го), в особенности же преобладание в нем динлинского элемента, объясняет нам и происхождение современного типа ганьчжоуского тангута, который ближе подходит к кавказскому, чем к монгольскому.

Перехожу к той части инородческого населения южного Китая,

которая известна под именем маней.

«Мань» не составляет этнического названия: оно означает лишь жителя лесов в отличие от «тань» — жителя безлесных гор и плоскогорий. Под этим именем у китайцев известны мелкие племена, по типу принадлежащие к различным расам, преимущественно же к монгольской и той, которая близко стоит к европейской, по языку же, согласно классификации Cust'a, к семействам тибето-бирманскому, мон-аннамскому и тай.

Выделить из числа маней племена европейской расы, а тем более такие, которые представляют смешанный тип, благодаря малому знакомству нашему с южным Китаем, пока невозможно; безусловно, однако, должны считаться потомками динлинов, кроме ныне уже отибетившихся поколений, ведущих свое происхождение, согласно китайским данным, от ба-ди, иначе — баньшуньских, бацзюньских и наньцзюньских маней, также — цзе-цяны, яо-мяо, вони и рыжеволосые я-жень и путэ.

Рыжеволосый элемент до настоящего времени удержался кое-где в юго-западном Китае, в глухих ущельях Гималаев и Индокитайских гор. По крайней мере такого рода указания мы находим у архим. Палладия Кафарова и Потанина. Засим, о «тангутах» окрестностей Лавранского монастыря, в Амдо, Бадзар Барадийн говорит как о народе, типом лица, а иногда и белокурым цветом волос, в сильной степени напоминающем европейцев.

Но если светлый цвет волос и утрачен многими поколениями, ведущими свое происхождение от динлинов, то того же нельзя сказать о других особенностях динлинского типа: высоком росте, могучем телосложении и чертах лица кавказского типа. Этими особенностями отличаются еще многие племена южного Китая; их подметили и о них, помимо китайцев, согласно показывают почти все посетившие эту страну европейские путешественники.

Вышеизложенным ограничиваются те данные, которые в своей совокупности могут служить ответом на поставленный Топинаром вопрос.

Но к какому же типу следует отнести это белокурое племя Внутреней Азии?

Колльман заметил о черепах, взятых из восточно-сибирских курганов, что хотя они и долихоцефальные, но отличаются от черепов европейских, имея специально азиатскую форму.

Значит ли это, что динлины принадлежали к другой расе, чем белокурые европейцы, или только что под воздействием монгольского

элемента белокурая раса Средней Азии получила такие специфические особенности, которые выделяют ее из европейской среды? Ответа на этот вопрос мы пока не имеем, но для правильной оценки высказанного Колльманом мнения надлежит принять во внимание нижеследующее:

Длинноголовый тип не может считаться пришлым в Среднюю Азию, так как он существовал там уже в неолитический период, по форме черепа напоминая низшие — Канштадскую и Эгизгеймскую — расы Европы.

Белокурые народы Средней Азии характеризуются следующими признаками: рост средний, но часто высокий (киргизы IX века, черные лоло), плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо (усуни); цвет кожи белый (ярко-белый у киргиз) с румянцем на щеках (киргизы, черные лоло, амдосцы); белокурые волосы прямые, но иногда и кудрявые (енисейские остяки); нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный (енисейские остяки, хэй-лоло, многие отибетившиеся поколения Амдо и долин верхнего Ян-цзы-цзян'а); светлые глаза (динлины, усуни, киргизы, динлины (?) среди киданей, маньчжуры в XVIII веке, енисейские остяки, некоторые маньские племена). Это те же признаки, которые характеризуют и белокурую расу Европы. Возможно ли, однако, допустить сосуществование двух рас, различных по происхождению, но одаренных одинаковыми физическими признаками и психическими особенностями. Конечно, нет.

Склоняясь к тому, что динлины составляли обособившуюся ветвь белокурой европейской расы, я не могу обойти молчанием и вопроса об их языке.

Языки, одни — целиком, другие — частью, передаются от одной расы к другой, от одного народа к другому, причем утрата родного языка происходит тем скорее, чем он труднее для усвоения, менее выработан и приспособлен к передаче бесконечных оттенков мысли. Закон этот общий и распространяется в одинаковой мере на победителей и побежденных. Примером могут служить, не говоря уже о динлинах, маньчжуры, утратившие свой язык, нейстрийские франки, перенявшие галло-римское наречие, ославянившиеся болгары, народы, известные у нас под общим именем кафров, говорящие на языке «банту», но отличающиеся друг от друга по типу, и т. д. Остается также открытым вопрос: которая из четырех рас, одновременно населявших Европу, говоря на праарийском языке, сумела передать его остальным трем. Всего вероятнее, что это не

были длинноголовые блондины, а если и так, если вместе с тем подтвердится и общность происхождения европейских и азиатских блондинов, то вопрос о динлинском языке получает совершенно особый интерес и значение.

Лингвистические признаки, как говорит Брока, дают только указания, но не решение вопроса о различии или общности происхождения народов. Не будучи постоянными, признаки эти раскрывают лишь одну из фаз, пройденных историей рас. Они столь же драгоценны, как данные истории и этнические и археологические признаки, но их нельзя сравнивать с анатомическими и физиологическими признаками, сохраняющимися, несмотря на скрещивание и влияние окружающей среды, а эти последние не противоречат гипотезе о принадлежности динлинов к белокурому европейскому типу.

Чаши из человеческих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа

Л. Ф. Воеводский

Одесса

Печатано в типографии Ульриха и Щульце, в Красном переулке, дом Щварца № 3

1877

(Этологические и мифологические заметки)

1. Несколько предварительных замечаний о современном состоянии мифологии. Противоположность направлений Якова Гримма и Макса Мюллера. Этимология и семазиология мифов. Неудовлетворительность солярных и метеорологических толкований и необходимость более полного — этологического изучения мифов.

Вопрос о существовании людоедства у Индогерманцев имеет важное значение для всякого, кто хочет уяснить себе хоть приблизительно ход древнейшего культурного развития которого бы то ни было из народов этой семьи. В ином месте я уже имел случай заметить, что допустить в начале или вообще в раннюю эпоху этого развития существование каннибальской дикости, значит отказаться разом от множества воззрений, выработанных тысячелетиями, и что особенно в классической филологии такое допущение произвело бы более сильный переворот, чем можно подумать на первый взгляд. Большинство наших современных трактатов о вопросах, касающихся древнейшей культуры классических народов, о древнейших периодах религии и права, науки и искусства, находятся прямо или косвенно в зависимости от предположений совсем противоположного характера. Усомнившись раз в идиллической «невинности» прародителей нашей культуры, пришлось бы проверить снова множество «самых несомненных результатов науки», причем очень многое оказалось бы далеко не вполне верным, отчасти же совсем негодным. Но для этого пришлось бы собирать иногда такие данные, которые до сих пор оставлялись без внимания, и нередко установлять даже новый метод

для решения совсем новых вопросов. Всё это, конечно, несравненно труднее того рода исследований, для которых вопросы давно поставлены, решения предначертаны и материал уже подготовлен, причем, даже в случае неудачи, против упрека в бесполезности или безуспешности работы всегда представляется возможность сослаться на пример авторитетных предшественников, трудившихся столь же безуспешно над той же задачей.

Гениальный основатель германской и, косвенным образом, всей новейшей философии, Яков Гримм, конечно, не только не обходил вопроса о диком состоянии наших предков, но, напротив, тщательно собирал все данные, свидетельствующие о последнем, сознавая чрезвычайную важность этих данных для науки. «И преимущественно, — говорит он, — я выбирал то, из чего можно было бы убедиться, что и дикое состояние имеет свою хорошую сторону и составляет необходимую ступень нашего развития». Эти золотые слова имеют глубокий смысл, в который, к сожалению, большинство филологов не желает вдуматься. В тех случаях, когда положительно нет возможности обойти молчанием этот вопрос, они довольствуются повторением старых предрассудков, облекаемых только, для большей убедительности в шумные фразы, вроде пресловутого изречения Макса Мюллера: «Мнение, будто человечество медленно выдвигалось из состояния животной дикости, не может быть больше поддерживаемо». Так, напр. по отношению к Грекам известный немецкий филолог Рихард Фолькманн высказался недавно следующим образом: «В настоящее время, в противоположность воззрениям, господствовавшим во второй половине прошлого столетия, считается с научной точки зрения просто немыслимым делать на основании изучения совсем диких, нецивилизованных народов и племен какие-либо выводы для уяснения греческого быта в век героев (так!), а тем более во времена Гомера» и т. д. При этом, странным образом, он ссылается на результаты современной этнографии и психологии народов!

На самом же деле «изучение современной этнографии и психологии народов» ведет самих представителей этих наук к совсем противоположному взгляду. Известно, что основатель и даровитейший представитель последней науки Штейнталь подвергся недавно жестоким нападкам одного классического филолога за то, что осмелился судить о гомеровской поэзии на основании понятий о народной поэзии, составленных по поэтическим произведениям Финнов, Русских, Татар и других народов, забывая, что Греки

отличаются от этих народов чуть-ли не как небо от земли. Что же касается представителей современной этнографии, то достаточно указать здесь, как они смотрят, напр., на произведения народной словесности Маориев, дикарей Новой Зеландии, которые отличаются от прочих Полинезийцев с одной стороны большим умственным развитием и красотой телосложения, с другой стороны замечательной жестокостью и кровожадностью, вследствие чего у них более чем у других свирепствовало кровомщение, детоубийство и людоедство. Джордж Грей, собиратель эпических сказаний Новой Зеландии, находя эти сказания детскими и нелепыми, замечает, однако, что в поэтическом отношении они не ниже древнегерманских и древнекельтийских. Приводя это мнение, Герланд прибавляет, что по своему содержанию они ни в чем не уступают индийским и даже греческим мифам и сказаниям, и что благодаря только крайне невыгодным внешним условиям, в которые поставлены жители Новой Зеландии положением и природой обитаемой местности, у них, как и вообще у полинезицев, не появился свой Гомер, «который бы создал из этих сказаний один большой эпос, для чего эти сказания представляют вполне пригодный, богатый материал». Следует ли еще напоминать здесь, что все ученые, вникающие более основательно в дух современных народных преданий и обычаев и изучающие на основании этого древний быт Индогерманцев, что ученые, как Кун, Альбрехт Вебер, Шварц, Ган, Маннгардт и др., считают необходимым, по примеру Якова Гримма, объяснять мифы и суеверные обряды всех индогерманских народов на основании предположения, что эти народы были первоначально дикарями в самом строгом смысле этого слова. Да стоит, наконец, взглянуть только на быт самих Греков, каким он еще является после Гомера, в исторические времена. Сколько тут явных остатков грубейшей дикости: человеческие жертвоприношения, бичевание невинных детей, иногда до смерти, на окровавленных алтарях кровожадных богов, выбрасывание новорожденных детей, преследование и наказывание неодушевленных предметов за убийство, и множество других признаков крайней грубости нравов и понятий! Относительно последних достаточно просмотреть только древнейшие учения греческих философов, чтобы понять, до чего были дики понятия простого народа: если, например, еще Эмпедокл мог назвать морскую воду потом земли, чем он и объяснял ее соленый вкус, то понятно, почему Анаксагор подвергся преследованию в Афинах, осмелившись сказать, что солнце не есть живое существо, а только раскаленная

каменная масса.

И в виду всего этого находятся однако ученые, как Фолькманн, утверждающие, что «с научной точки зрения просто немыслимо делать на основании изучения совсем диких, нецивилизованных народов и племен какие-либо выводы для уяснения греческого быта в век героев, а тем более во времена Гомера»! В таком случае странно только, отчего Фолькманн не отрицает прямо, чтобы Греки были вообще когда-либо, хотя бы в древнейшие времена, дикарями, — подобно тому, как Макс Мюллер вообще отрицает, что человечество находилось первоначально в состоянии животной дикости. Но останавливаться долго на подобного рода парадоксах не стоит. Относительно изречения Мюллера достаточно будет привести лишь следующие слова Жирара де Риалль, удачно выставившего всю несостоятельность его теологического направления.

«Подобные слова, — говорит он по поводу вышеприведенной фразы Макса Мюллера, — произнесенные в отечестве Дарвина и Гёксли, кажутся, по крайней мере, странными, — особенно в устах такого ученого, как Макс Мюллер. Что теория об изменении видов не удовлетворяет ум его, это я понимаю; что он отказывается соображаться с ней при объяснении начала человечества это я понимаю еще лучше — так и в настоящее время должен поступать всякий благоразумный — но из этого не следует, чтобы закрывать глаза пред очевидными фактами. Положим, что в 1856 году (когда появилась статья Макса Мюллера о сравнительной мифологии) еще не были сделаны те открытия антропологические и археологические, которые познакомили нас с известными замечательными данными относительно древних обитателей земли… Но уже тогда имелась возможность изучить быт низших рас: житель Тасмании, Папуас, Минкопи, Эскимос были известны этнологам и представляли собой живые и несомненные образцы людей, еще очень немного удалившихся от состояния настоящих диких зверей».

Но как бы то ни было, во всяком случае, ясно по крайней мере одно: что в столь важном деле существует до сих пор очень резкое разногласие. Это последнее объясняется только крайней неразработанностью всех вопросов, более или менее близко касающихся первобытного дикого состояния теперешних культурных народов, в особенности Греков, относительно которых исследования в этом направлении дали бы особенно много чрезвычайно важных результатов. Вот почему я считаю вообще необходимым, чтобы внимание современной науки было обращено в эту сторону. Но более,

чем в каком-либо другом отношении, мне кажутся необходимы такого рода исследования для мифологии.

До сих пор наши филологи довольствовались в большинстве случаев проверкой на самых разнообразных мифах своих однообразных солярных и метеорологических теорий. Солнце прогоняет ночной мрак, туча закрывает солнце, молния поражает дождевую тучу, и другие т. п. описания простейших явлений природы оказываются теми элементами, из которых сложились с течением времени самые разнообразные мифы. Нельзя оспаривать, что в большинстве случаев это предположение справедливо, так же точно как справедливо, что необозримое богатство слов всех индогерманских языков сводится к незначительному количеству первоначальных корней. Но тем не менее для уразумения настоящего смысла какого бы то ни было мифа редко бывает достаточно одного только указания на эти первоначальные элементы. Спрашивается еще: почему они явились в данном мифе в таком, а не в ином сочетании; и в чем состоит особый смысл именно этого сочетания; и насколько первоначальное значение элементов сохранилось в данном случае, и не заменилось ли оно, быть может, новым, значительно отличающимся от первоначального? Желание объяснить миф единственно на основании первоначального значения составных частей его вносит в него почти всегда нелепый смысл, очевидность которого можно стушевать только при помощи натяжек, облекаемых обыкновенно в форму остроумных «сближений», туманных замечаний о «силе народного поэтического творчества» и т. п. приемов, недостойных науки. Если бы не подобные фразы, то многие толкования мифов с первого же взгляда представлялись бы столь же несостоятельными, как если бы мы, например, объясняли значение сочетаний слов «красные чернила» и «черная краска» на основании лишь первоначального значения слов «черный» и «красный», не обращая при этом внимания на особый смысл каждого сочетания в отдельности.

Вот почему, признавая в солярных и метеорологических объяснениях мифов долю правды, можно вместе с тем считать их иногда очень неудовлетворительными. Они представляют, так сказать, только этимологию некоторых составных частей мифа, и, оставляя совсем без внимания семазиологию, т. е. историю изменений значении этих последних, не представляют и не могут представлять в большинстве случаев настоящего объяснения целого мифа.

В моем «Каннибализме» я показал, в особенности на примере

цикла сказаний о Ликаоне и Зевсе Ликэйском, в какой степени в мифах отражается бытовая сторона народа. Имея преимущественно в виду доказать существование людоедства в древнейшее время, я мог указать на замечательное множество мифов, древнейшая форма которых оказалась понятной только при допущении фактического существования людоедства и человеческих жертвоприношений в смысле угощения богов человеческим мясом. Теперь я могу сделать еще один шаг в этом направлении. Я убедился, что в сознании древних Индогерманцев особенно сильно отразился период резких бытовых изменений, сопровождавших устранение людоедства. В культе это устранение выразилось переходом от человечьих жертвоприношений к жертвованию сперва, кажется, лошадей, потом коров, овец и т. д., причем, конечно, у многих народов долго встречались еще рядом с этим и настоящие человеческие жертвоприношения, принимающие, однако, всё более и более смягченный характер: в жертву приносились женщины, дети, под конец считалась достаточной для этой цели самая незначительная часть человеческого тела. Мифы, предания и сказки всех индогерманских народов полны более или менее ясных свидетельств о человеческих жертвоприношениях и об устранении, или, точнее, о замене этих последних животными. Каковы бы ни были первоначальные элементы любого рассказа о «борьбе светлого принципа с темным», почти во всяком случае можно показать, что уже в древнейшие времена смысл этих рассказов был тот, что новый, более гуманный культ заступил место прежнего кровожадного культа, что он поборол безобразное чудовище, требовавшее человеческих жертвоприношений.

Этот переход в жизни народов мне кажется не менее многознаменательным, как переход от язычества к христианству. На сколько христианство успело видоизменить народные религиозные предания и превратить их в легенды о святых чудотворцах и подвижников веры, на столько же, если не в большей степени, в указанный период, с устранением людоедства, первоначальные мифы и предания видоизменились и пересоздались в новые рассказы о том, как совершился столь важный переход, кто был виновником этой новой эры, и, наконец, каким образом менее драгоценная жертва — ребенок, лошадь и т. д. — могла заступить место взрослого человека. Пока мы не поймем этого смысла большинства древних мифов, мы не будем в состоянии восстановить с достаточной точностью более первоначальную форму и смысл тех элементов, из которых сложились

эти рассказы.

Вот почему толкования наших мифологов не удовлетворяют нас, несмотря на очевидную правильность большинства делаемых ими предположений. Только вникая во все подробности древнейшего культа, изучая со всей тщательностью обряды, которыми сопровождались жертвоприношения взрослого мужчины, женщины, ребенка, лошади, быка и т. д., мы поймем значение таких рассказов, как напр. о чудесном ребенке, представителем которого является у нас мальчик-с-пальчик, и которого у Греков заменяет между прочим дельфин — этот «символ» не только Посейдона, но и дельфиского Аполлона, спасший Ариона и многих других; только тогда мы поймем настоящий смысл бесчисленного множества сказаний о чудном коне, который спасает героев, борющихся с чудовищами, причем между прочим, нам станет понятным и громадное значение индуистских Асвинов, рожденных от родителей, превратившихся в лошадей, и происхождение Кентавров и т. п. загадочных существ. Можно сказать, что почти вся греческая мифология состоит преимущественно из подобных рассказов, мотивирующих переход от одного культа к другому. При этом следует заметить, что элементы, из которых они сложились, получали новый смысл без всяких сознательных метафор, без всяких натяжек, а напротив самым естественным образом, точно так же, как и всякое слово с течением времени меняет незаметно свое первоначальное значение. Я думаю обосновать и пояснить эту мысль достаточным количеством примеров. Во всяком случае, она кажется заслуживающей проверки.

Всё это делает, на мой взгляд, необходимым изучить прежде всего как можно тщательнее все следы первобытной дикости и в особенности людоедства.

В настоящей статье я старался представить обзор данных, свидетельствующих об употреблении черепов вместо чаш, и вообще об утилизации человеческих костей. Следующую статью я намерен посвятить рассмотрению сказаний о «певучих костях» и «вещих головах», т. е. о приготовлении музыкальных инструментов из частей человеческого тела, с тем, чтобы затем приступить к вопросу о замене человеческой жертвы «символом человека» в связи с вопросом об обрядах, которыми сопровождалась эта замена.

2. Неприкосновенность умерших и утилизация трупа. Скифы: полотенца, чехлы для колчанов и черпаки из человечьей кожи; чаши из черепов; мертвые всадники. Погребальный обычай Патагонцев.

De mortuis nil nisi bene! Этот возвышенный взгляд, общий всем

цивилизованным народам, успел уже в глубокой древности вызвать законы, налагавшие иногда большее наказание за оскорбление чести умершего человека, чем за оскорбление живого. Замечательно однако, что, несмотря на то признание, которым он пользовался в продолжение стольких тысячелетий, ему до сих пор не удалось окончательно вытеснить и заменить собой соответствующие более грубые и, очевидно, более древние понятия — о неприкосновенности мертвого тела. Как глубоко укоренились эти последние в сознании народов, об этом свидетельствует наглядным образом, между прочим, история анатомии. Как жестоко ни обращались древние медики с телом живого человека, которого они резали и жгли «для его же собственной пользы» самым немилосердным образом: с минуты смерти это самое тело становилось неприкосновенным, и разрезывать его, хотя бы и для ученых целей и для пользы всего человечества, считалось уже возмутительным святотатством. Сжигалось ли тело предварительно, или нет, во всяком случае «прах» усопшего предавался земле, и каждый Грек и Римлянин, увидя случайно на поверхности земли человеческие кости, считал святейшим долгом прикрыть их хоть двумя-тремя горстями земли. Неудивительно после этого, что еще Гален, во II в. по Р. Х., мог изучать человеческий скелет только в Александрии, и что впоследствии ему только два раза удалось видеть скелет человека: один — смытый водой из могилы, другой — непохороненный труп преступника, полусъеденный хищными птицами. Из христианских времен можно указать на знаменитую буллу Бонифация VIII de sepuluris, изданную в 1300 г., которая за рассекание трупов и вываривание человеческих костей грозила отлучением от церкви. Таким образом, анатомия очень долго считалась безбожным и противоестественным нововведением. Кто следил за новейшими попытками восстановить древний обычай трупосожжения, тот знает, что и этому последнему, несмотря на всю его рациональность, приходится бороться в настоящее время с такими же затруднениями.

Мы знаем, что воззрения, выработанные лишь с течением культурного развития, проникают иногда так глубоко в сознание народов и ложатся в основание такого множества инстинктов, что кажутся потом вытекающими, как говорят, «из самой природы человека». Такое значение, между прочим, имел в свое время и тот самый обычай трупосожжения, который является нам теперь столь противоестественным. Чтобы убедиться, как тяжело было язычеству расстаться с этим священным обычаем, унаследованным из

древнейших времен, стоит только взглянуть на трогательные примеры глубокой грусти язычников при устранении его христианством, или, всего проще, стоит только вспомнить гениальное стихотворение Гёте, «Коринфская невеста». Подобный пример представляет в настоящее время привязанность некоторых народов к обычаю умерщвлять и хоронить вместе с умершим его вдов, его друзей и рабов, — обычая, для нас столь неестественного, и столь естественного там, где он укоренился.

Если бы не подобные примеры, то можно было бы подумать, что наш принцип неприкосновенности умерших вытекает непосредственно из глубины общей всему человечеству природы, что основанием служат для него самые первобытные инстинкты, отрицание которых может явиться лишь результатом своего рода «культуры», которую мы вообще так склонны считать виновницей всякого «уклонения от природы». В таком случае, видя уже в рассекании и сжигании трупов уклонение нашей цивилизации от природы, мы должны были бы признать утилизацию человеческого тела для чисто эфемерных целей окончательно плодом «перезревшей культуры». Подобного рода попытки действительно представляются нам прежде всего в этом виде. Так напр. Гоффманн фон Фаллерслебен в одном юмористическом стихотворении замечает насмешливо, что нет уже ничего, чем бы люди не воспользовались на своем пути прогресса: «употребляется в дело весь человек, его испражнения и даже его жир — для приготовления свечей!»

Мы знаем однако, что такая эксплуатация мертвого человека встречается у народов, которых мы считаем не без основания стоящими на низкой ступени развития, именно у народов, преданных каннибализму. Настоящий каннибализм есть полная эксплуатация всего человека. Так напр. у Ниам-ниам человеческий жир употребляется, по свидетельству Швейнфурта, для освещения. Другие дикие народы приготовляют из трубчатых костей убитого врага трубки, из зубов его ожерелья, опять иные из костей врага делают багры, буравы и т. п. У дикарей Австралии людские черепа, преимущественно черепа родителей и родственников, приготовляются в виде сосудов для питья. Тамерлан, как известно, сооружал на пути своих кровавых завоеваний даже целые громадные постройки из человеческих черепов. Такого же рода постройку представлял в древней Мексике между прочим амфитеатр Тзомпантли, в котором даже вся площадь была вымощена человечьими черепами. В Гвинее подобным образом была сооружена божница у реки Бонни. Все эти

примеры утилизации трупа находятся в теснейшей связи с каннибализмом.

Если же мы допускаем, — на что имеем полнейшее основание, — что и нашей культуре предшествовал период людоедства, то окажется, что известные явления, кажущиеся с одной стороны признаком переразвития, представляются с другой также следствием недоразвития. Действительно, в истории культуры нетрудно подметить множество подобных фактов, и вследствие этого нередко приходится слышать о круговом движении культуры, о периодическом повторении одних и тех же явлений в истории человечества и т. п. Такой взгляд вытекает впрочем лишь из поверхностной оценки фактов, не вникающей в их внутреннее значение, и не понимающей вследствие этого, что настоящий смысл каждого факта в истории определяется временем и средой, в которой он является, а не внешними признаками, которые, конечно, не могут не повторяться в истории постоянно, — подобно тому, как в начертании самых различных чисел мы постоянно повторяем одни и те же цифры.

Оставляя в стороне прямые указания на каннибализм предков теперешнего цивилизованного мира, и довольствуясь в этом отношении тем, что мной изложено в сочинении «Каннибализм в греческих мифах», я остановлюсь здесь преимущественно на примерах утилизации разных частей человеческого тела помимо употребления в пищу. Эти примеры могли бы уже сами по себе служить достаточным доказательством, что у теперешних культурных народов первоначально не существовало принципа неприкосновенности мертвого тела.

Тут прежде всего рассмотрим, что нам сообщает Геродот об обычае Скифов.

«Относительно войны, — говорит он, — у них принято следующее. Скиф пьет кровь первого убитого им в сражении человека. Головы же всех им убитых он несет к царю, ибо, принесши голову, он получает право на участие в захваченной ими добыче, в противном же случае лишается этого права. Кожу с головы (Скиф) сдирает следующим образом: сделав надрез вокруг ушей, он берет голову в руки и вытряхивает ее (из кожи); затем соскабливает мясо при помощи бычачьего ребра и дубит (кожу) руками. Сделавши ее таким образом мягкой, он получает из нее нечто вроде полотенца. Он прикрепляет ее к уздечке лошади, на которой едет верхом, и гордится (этим украшением). Ибо у кого больше таких кожаных полотенец, тот

считается знатнее. Многие из них делают из содранных кож даже платья для надевания, сшивая их наподобие тулупов. Многие же сдирают с правых рук мертвых врагов кожи вместе с ногтями и делают их них чехлы для колчанов. Человеческая кожа оказалась толстой и блестящей, самой, пожалуй, блестящей из всех по своей белизне. Многие, наконец, содравши кожу и с целого человека и растянувши (распяливши) ее на шестах, разъезжают с ней верхом. Вот каков у них обычай. С самими же головами (т. е. черепами) — не всех, впрочем, а только своих злейших врагов — они поступают следующим образом. Все они отпиливают прочь всё, что пониже бровей и очищают (остальную часть черепа). Бедные пользуются черепом в этом виде, обтянувши его только снаружи воловьей сыромятной кожей. Богатые тоже обтягивают кожей, но сверх того еще позолачивают изнутри и употребляют в таком виде вместо чаши. Так же точно они поступают и со своими собственными родственниками, если, в случае спора, одержат верх над ними перед царем. Когда к ним зайдут особенно уважаемые гости, то они приносят, т. е. показывают им эти головы, присовокупляя, что это родственники, затеявшие войну, но побежденные ими. Это у них называется доблестью».

По поводу этого места я уже имел случай высказать несколько замечаний в моем «Каннибализме», где я воспользовался им для пояснения мифов об Аполлоне, сдирающем кожу с Марсия, и Афине, сдирающей кожу со своего отца Палланта, и прикрывающейся этой кожей во время сражения. При этом случае я указал также на сочинение Гиллани, который, доказывая исконное существование людоедства у древних Евреев, приводит между прочим известие из Диона Кассия о том, что во время своего восстания при императоре Адриане Евреи в Кирене ели убиваемых ими Греков и Римлян и надевали на себя содранную с них кожу, что в свою очередь напоминает человеческие жертвоприношения Ацтеков.

Приведенное описание Геродота отличается замечательной обстоятельностью в передаче даже мелочей, так что невольно приходит на мысль, что, посещая греческие колонии на северном берегу Черного моря, он имел случай сам видеть описываемые им предметы: чаши из людских черепов, полотенца и чехлы для колчанов из человечьей кожи. Это еще подтверждается тем способом, как он выражается о белизне человеческой кожи: «кожа оказалась (собств. «была») толстой и блестящей» и т. д., причем, в рассматриваемом отношении, кончено, всё равно, справедливо ли суждение Геродота,

или нет.

Не останавливаясь особенно на очень распространенном обычае, отрезывать в знак победы голову и другие части тела, я приведу для сравнения только следующее место из истории культуры Клемма, где говорится о сдирании головной кожи у дикарей Америки.

«Абипоны, поваливши врага ударом копья, вонзают нож в затылок умирающего, отрезают с неимоверной быстротой голову и прикрепляют ее волосами к своему седлу или к поясу. Находясь с добычей вне опасности, они снимают кожу с этих голов, делая надрез пониже носа от одного уха до другого, и отделяя затем искусно кожу от черепа. Кожу эту (скальп) они сушат и хранят. Иногда они хранят также и череп и употребляют его в виде чаши для питья. Часто они отрезывают у мертвого пальцы, нижнюю часть уха, и другие части тела. Дикари Северной Америки довольствуются одной головной кожей… Поваливши противника, они наступают ему на шею ногой, схватывают левой рукой за волосы (собственно, единственный пук волос, оставляемый несбритым), натягивают таким образом головную кожу и делают вокруг надрез острым ножом, после чего быстро сдергивают кожу с головы… Для этой цели Индейцы нарочно отращивают на макушке пук волос… Эти скальпы Северные американцы уносят с собой в знак победы, как доказательство своего геройства, сушат и красят их и хранят из у себя. Когда военный отряд возвращается с поля битвы, то впереди несут эти скальпы, прикрепленные к концу тонких палок, длиной в 5–6 футов; затем следуют пленные, а за ними уже идут сами герои, поднимая свой ужасный победный вой. Каждая отдельная добыча скальпа, точно так же, как и каждое пленение живого врага, знаменуется особым воем».

Таким образом, относительно сдирания кожи с головы противника, мы видим замечательное сходство между Скифами и Абипонами. В то время как дикари Северной Америки сдирают скальп с живого противника, довольствуясь зато только головной кожей, Скифы и Абипоны прежде отрезывают голову. В остальном разница между ними состоит в том, что Абипоны вместе с головной кожей сдирают только часть лицевой кожи, именно только ту часть, которая находится повыше рта. Скифы же вместе с головной сдирают кожу и со всего лица, не исключая и подбородка, и даже с верхней части шеи, — одним слово, всю кожу с отрезанной головы, за исключением только ушей. Этим объясняется, по-видимому, и то, что Скифы пользовались ей не только как украшением, но и как настоящим полотенцем, для утирания рук. По крайней мере такое

заключение можно сделать, не говоря об указаниях позднейших писателей, из слов самого Геродота: «сделавши ее таким образом мягкой, он получает из нее нечто вроде полотенца».

Что касается кожи, сдираемой с правой руки и употребляемой в виде чехла для колчана, то здесь заслуживает внимания одно замечание Нейманна, несмотря на то, что Нейманн вообще слишком увлекается теорией Ганзена о монгольском происхождении Скифов. Уже Ганзен высказал по поводу рассматриваемого места Геродота неопределенную догадку о возможности сопоставить его с тем местом той же книги Геродота, где говорится о подарке Скифов царю Дарию, состоявшем из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Нейманн же, ссылаясь на книгу Палласа о Монголах, указывает на замечательное обстоятельство, что в законах Калмыков всякий раз, когда говорится о стрелах как о предмете награды или взыскания, число этих стрел определяется цифрой 5: как, например, смотря по обстоятельствам, штраф состоит из одной лошади, или из одной овцы, или из пяти стрел. Отсюда Нейманн заключает, что в колчане находилось пять стрел, так что пять стрел представляли собой как бы один предмет. Если так, то не лишено вероятия, что кожу, содранную с целой руки и представлявшую, следовательно, пятипалечную перчатку, Скифы употребляли вместо чехла для колчана потому только, что у них колчан заключал в себе пять стрел.

Очень неудачные объяснения были вызваны словами Геродота: «многие, наконец, содравши кожу с целого человека и растянувши ее на шестах, разъезжают с ней верхом», точнее: «возят на своих лошадях». Ганзен, приписывая Скифам — без достаточного основания — умение приготовлять, подобно Монголам, кумыс, полагает, что кожа, содранная со всего тела человека, служила Скифам таким же сосудом для помещения кумыса, какой приготовляется Монголами из кожи разных животных для той же цели. Не удачнее и догадка Кольстера, что кожа, растянутая на шестах, представляла нечто вроде штандарта. Оба они понимают Геродота так, как будто бы он говорил, что Скифы разъезжают с кожей вместе с шестами, на которых на распяливалась. Но вероятнее и проще всего, что эти кожи служили чепраками: для этого они, конечно, должны были предварительно расправляться на шестах. Что человеческая кожа действительно служила иногда для такой цели, можно заключить из столь часто цитируемого по поводу Скифов сочинений Палласа, именно из изображений некоторых божеств или демонов, помещенных между рисунками в его книге. Кроме того, мы

имеем положительное известие Помпония Меллы о Гелонах: «Гелоны прикрывают себя и лошадей кожей врагов: себя кожей с голов, лошадей кожей с остального тела». Галоны же были по Геродоту соседями Скифов и говорили на греческом и на скифском языке. Таким образом мы имеем у Помпония Мелы повторение того, что Геродот говорит о самих Скифах: что они сшивают себе тулупы только с головной кожи, кожу же со всего человека «возят на своих лошадях».

В рассматриваемом месте Геродота особенно интересно известие о приготовлении Скифами чаш из людских черепов, — известие, подтверждаемое и другими древними писателями. Этот обычай тем замечательнее, что встречается не только у теперешних дикарей, но оказывается существовавшим и у всех более или менее известных народов Европы.

Но прежде, чем оставить Скифов и обратиться к рассмотрению по возможности всех имеющихся указаний на существование подобного обычая у других народов, обитающих или обитавших в Европе, я позволю себе упомянуть еще об одном скифском обычае, который, если и не относится, пожалуй, прямо к вопросу об утилизации человеческого тела, зато во всяком случае кажется крайне несогласным с нашими понятиями о неприкосновенности последнего. Здесь я имею в виду известное описание Геродота царских похорон у Скифов, — в особенности то, что он сообщает при этом случае о пятидесяти мертвых всадниках, расставляемых на могиле царя. Считаю, однако, не лишним привести здесь всё это место Геродота, как можно строже придерживаясь собственных слов его.

«Могилы царей находятся у Герров в том месте, до которого Борисфен (Днепр) судоходен. Когда у них помрет царь, они выкапывают здесь в земле большую четырехугольную яму. Приготовивши ее, они берут умершего, тело которого покрыто воском, брюхо же разрезано, очищено, наполнено истолченным кипарисом, ладаном, семенем петрушки и укропа и зашито опять, и везут на колеснице к другому народу. Принимающие привезенный труп делают то же, что и царские Скифы: отрезывают себе кусок уха, стригут вокруг головы волосы, делают надрез вокруг рамен, царапают себе лоб и нос, и протыкают через левую руку стрелы. Оттуда они везут труп царя на колеснице к другому подвластному народу; с ними следуют те, к которым они прибыли прежде. Объехав с трупом все народы, они прибывают к последнему подвластному народу, Геррам, и вместе с тем — к могилам. Потом, уложивши тело в гробу на тюфяк

и воткнувши в землю с обоих сторон умершего копия, укрепляют на них шесты и покрывают затем плетеньем; в свободном же широком помещении гроба они хоронят одну из наложниц, удушивши ее, а также виночерпия, повара, конюшего, слугу, вестника, лошадей, золотые чаши и часть всего прочего. При этом не употребляется только серебро и медь. Сделавши это, они все вместе делают большую насыпь, стараясь на перерыв друг перед другом сделать ее как можно больше.

По истечении года они опять делают следующее. Взяв пригоднейших из остальных слуг (это бывают природные Скифы; ибо, кому царь повелит, те прислуживают ему; покупных же слуг у них не бывает) и, удушив из них пятьдесят человек, а также точно и пятьдесят красивейших коней, они вынимают из них внутренности, очищают и наполняют брюхо мякиной и зашивают. Установивши одну половину косяка от колеса на двух деревянных кольях, вогнутой стороной вверх, а другую половину на двух других, и укрепивши подобным образом много таких косяков, они продевают сквозь лошадей, во всю их длину до самой шеи, толстые шесты и помещают их (т. е. лошадей) на косяках. Из них первые (т. е. передние) косяки поддерживают лопатки лошадей, задние же обхватывают брюхо у ляжек. Передние же и задние ноги висят на воздухе. Надевши уздечки с мундштуками на лошадей, они вытягивают их головы вперед и привязывают затем к кольям. Каждого же из пятидесяти удавленных юношей они усаживают на лошадей следующим образом. Когда они проткнут сквозь тело каждого вдоль хребта прямой шесть по самое горло, то снизу торчит часть этого шеста, которую они и тыкают в дыру, находящуюся на другом шесте, продетом сквозь лошадь. Уставивши вокруг могилы таких всадников, они уходят». — Дальше рассказывается, что труп частного человека Скифы возят на телеге по знакомым и родственникам в продолжение сорока дней, причем подносятся покойнику все те яства, которыми угощаются и провожающие его. Потом его хоронят, после чего следует очищение посредством потения в бане.

Для отдельных частей этого описания можно было бы представить, конечно, множество аналогий из обычаев различных народов. В особенности обычай хоронить вместе с умершим не только его оружие и разные другие предметы, но также и жен, рабов и лошадей, не представляет, как известно, ничего особенного. В статье Гримма о трупосожжении собрано множество подобных примеров из истории и народных преданий Греков, разных германских народов,

Славян и др. Более замечательным представляется размещение коней со всадниками над могилой год спустя после настоящих похорон. Это, очевидно, своего рода жертвоприношение. Души всадников и коней, посредством помещения их тел на могиле, поступают в услужение к умершему. Для этой же цели некоторые Индейцы помещают на могиле шесты со скальпами, принадлежавшими умершему, иные же размещают на могиле черепа людей, принесенных в жертву. У кочующих народов является естественным ставить на могиле лошадь или чучело, приготовленное из ее кожи, что чаще всего встречается у разных народов Северной и Южной Америки и, между прочим, было также в обычае у Монголов. Быть может, что у нас след этого обычая сохранился в прекрасных рассказах о верном коне, не оставляющем могилы своего господина, как напр. в предании о Марке-Кралевиче, который, умирая, приказывает своему коню Шарацу стеречь себя. Это в свою очередь напоминает дикие народы Южной Африки, у которых к могиле умершего приставляется сторож, не смеющий оставлять могилы иногда в продолжение целого года. Что же касается совершения жертвы так долго спустя после похорон, то подобный обычай является крайне распространенным особенно у разных народов Америки и островитян Южного Океана, где похороны совершаются иногда в несколько приемов в продолжение долгого времени после смерти. В Африке после смерти дагомейского царя преемник его почти ежедневно сообщает ему всякое событие своего собственного царствования, для чего каждый раз зарезывается раб, долженствующий исполнить это поручение.

Чтобы указать при этом случае, в какой степени опасно делать заключения о сродстве народов на основании сходства отдельных черт в обычаях, — чем особенно увлекаются поклонники теории о монгольском происхождении Скифов, — я позволю себе привести только следующее описание погребального обычая у Патагонцев, которое заимствую из сочинения Лёббока «Доисторическое время». Этот обычай представляет, кажется, больше аналогий со скифами, чем какой-либо другой, между тем как предположение о сродстве или о заимствовании тут вовсе немыслимо.

«После смерти туземца следуют замечательные обряды. Кости умершего очищаются тщательно от мяса и вывешиваются высоко на связанных ветвях и шестах, с тем, чтобы они высохли и побелели от влияния дождя и солнца. (Из дальнейшего видно, что это только более примитивный способ консервировать труп, или точнее, скелет умершего). Отвратительная работа очистить скелет поручается одной

из более уважаемых жен умершего, и, пока она этим занята, Патагонцы ходят вокруг шатра, одетые в длинные шубы и с лицом, намазанным сажей. В руках они держат длинные шесты или копья, поют плачевным голосом и ударяют по земле, чтобы Валихусы, т. е. враждебные духи, испугались и бежали прочь. (При этом они также наносят себе раны в знак печали). Лошади умершего закалываются (или удушаются), чтобы он мог ездить на них на том свете в Альгуэ Мапу, т. е. в стране мертвых. По истечении года кости завертываются в кожу животного и укладываются на любимой лошади покойника, нарочно оставляемой для этой цели. С уложенными таким образом костями туземцы путешествуют иногда далеко, пока не достигнут настоящей могилы, где похоронены предки умершего. Тут кости приводятся в настоящее положение (в каком они находились в живом человеке) и прикрепляются друг к другу посредством шнурков. Потом этот скелет одевают в лучшее платье, украшают жемчугом, перьями и проч. и кладут к другим трупам в четырехугольную яму. В гроб кладут также оружие умершего и устанавливают наконец вокруг могилы несколько мертвых лошадей, стоящих на ногах и поддерживаемых кольями. Иногда они воздвигают на могиле кучу камней». Вероятно, что у Патагонцев приносились в старину — по крайней мере, в более важных случаях и человеческие жертвы (посредством удушения?). Несомненным указанием на это служит обычай наносить себе раны в знак печали по умершим.

В обычае Скифов нас больше всего поражает варварское обращение с трупами, расставленными на могиле, обращение, могущее сравниваться только с сажанием на кол или распинанием на кресте. У Персов, семитических народов и вообще везде, где эти способы находятся в употреблении, они имеют значение наказания и служат примерами позорной смерти. У Скифов рассматриваемый обычай кажется тем более странным, что эти «всадники» были не рабы, а свободные Скифы. Нельзя довольствоваться и простым замечанием, что многие народы считают далеко не позорным даже бросать умерших на съедение собакам и хищным птицам. Более понятным обычай покажется лишь тогда, если мы будем рассматривать его как жертвоприношение. Человеческое жертвоприношение, будучи в самом принципе отрицанием высшего значения человека, представляет собой грубую утилизацию материального человека. Как остаток глубочайшей древности, когда еще не могло быть и речи о неприкосновенности или даже святости мертвого тела, оно удержало свой первобытный характер в

религиозных обрядах позднейших эпох и продолжало существовать нередко и у таких народов, у которых воззрения на загробную жизнь и вообще на значение человека успели до крайности измениться. Вот почему и скифский погребальный обычай представляет такой контраст между обращением с телами царя и других Скифов с одной стороны, и печальной участью этих всадников на царской могиле с другой. Что же касается в особенности сажания на кол и распинания на кресте, то вообще вероятно, что первоначально и то и другое имело значение жертвоприношения солнцу.

3. Чаши из людских черепов в истории разных европейских народов; в культе; в медицине; в народных преданиях.

Из всех вышеприведенных примеров утилизации мертвого человека у Скифов обычай приготовлять чаши из людских черепов является особенно распространенным в разных частях света. Выше мы уже встречали его в Южной Америке у Абипонов. Подобных примеров у неевропейских народов вероятно можно было бы насчитать довольно много. Но для нас интереснее подобного рода известия о народах, обитающих или обитавших в Европе.

Обыкновенно по этому поводу указывают прежде всего на то, что сообщается самим же Геродотом понаслышке об Исседонах, хотя и можно сомневаться, относится ли сюда это известие в строгом смысле. Вот что говорит Геродот об Исседонах: «Когда помрет у кого отец, то все родственники приводят к нему домашний скот; потом, заколов и разрезав мясо на куски, они разрезывают на куски и умершего родителя хозяина, перемешивают всё мясо и подают для еды. Голову же его, оголив и очистив, они позолачивают и потом обращаются с ней как со святыней, устраивая (для них?) великие годовые жертвоприношения. Это делает сын отцу, подобно тому, как Эллины празднуют день рождения». Подобное известие сохранилось еще о другом, неизвестном из других источников либийском народе, Панебах, именно в одном из отрывков «Сборника замечательных обычаев» Николай Дамаскского: «Либийцы Панебы, когда у них помрет царь, хоронят тело его, голову же отрезывают и, позолотив, ставят ее в святилище». Обычай хранить головы родственников особенно известен у жителей Новой Зеландии, но встречается и у других полинезийских народов и в Америке. В Европе находим нечто подобное у древних Галлов. Диодор Сицилийский и Страбон сообщают о них следующее известие, почерпнутое обоими, по-видимому, из одного источника, Посидония Родосского (на которого ссылается Страбон), жившего в конце второго и в первой половине

первого столетия до Р. Х. Именно: Галлы отрезывали головы павшим в сражении врагам, привязывали эти головы к шее своей лошади, возвратившись с победным пением домой, прикрепляли их к стене у входа в свое жилище. Посидоний видел сам такие украшения во многих местах. Головы же знатнейших врагов они бальзамировали кедровым маслом и хранили в сундуках. Показывая такую голову, хозяин обыкновенно прибавлял, что ему самому, или его предкам, предлагали за нее большие деньги, и что они, однако, не продали ее. Иной хвастался, что не согласился продать даже на вес золота. При этом случае Страбон замечает еще от себя, что обычай обвешивать, возвращаясь с сражения, шею лошади головами убитых врагов и потом прикреплять эти головы у входа жилища встречается у северных варварских народов особенно часто. Темная память о подобных обычаях сохранилась, кажется, до сих пор в разных сказках. Во всех этих случаях голова родственника или царя имеет, однако, более или менее значение священных мощей и нередко заступает место целой мумии. Это, конечно, не мешает допустить, что позолоченные головы, хранимые Исседонами в святилищах, отделывались в виде чаш, подобно черепам некоторых католических святых, о которых будем говорить ниже. Такое предположение не находит, однако, прямого подтверждения в словах самого Геродота. Если же впоследствии, у Помпония Мелы, мы встречаем известие, что «Исседоны приготовляют чаши из голов родителей точно так же, как Скифы из голов своих злейших врагов», то это, быть может, вытекает просто из смешения двух цитированных нами мест Геродота, о Скифах и об Исседонах, или, что еще вероятнее, из произвольного толкования последнего из них.

Зато мы имеем достаточное количество несомненных известий о других народах, что они именно приготовляли чаши из людских черепов.

Ливий рассказывает о кельтийском племени Бойев, как они после кровавой победы над Римлянами (в 216 г. до Р. Х.), снесши в храм доспехи и голову римского предводителя Постумия, оправили очищенный череп его, по обычаю, в золото, чтобы совершать из него, как из священного сосуда, возлияния при торжественных случаях, и чтобы вместе с тем этот череп служил бокалом для жреца и заведующих храмом. Силий Италик упоминает мимоходом об обычае Кельтов пить за столом из черепов, оправленных в золото. Аммиан Марцеллин говорит о Скордисках, живших в его время во Фракии, что по преданию они были некогда народом свирепым и диким,

приносили пленных в жертву богу и богине войны и с жадностью пили человеческую кровь из черепов.

Павел Диакон (умерший в 800 г.) рассказывает, что он сам видел в руках лангобардского царя Ратхиса или Рахиса ту знаменитую чашу, приготовленную из головы убитого Кунимунда, из которой Албоин (. 574 г.) заставлял пить вино свою жену Розамунду, дочь Кунимунда.

Подобное, как известно, передается о болгарском царе Круме. Иречек в своей недавно вышедшей книге, следующим образом описывает поход и печальную участь византийского императора Никифора. «После двухлетних приготовлений Никифор, во главе многочисленной армии, вступил снова в Болгарию, грабил страшно в продолжении трех дней, сжег столицу Крума и гордо отклонял всякое предложение мира. Но ему не было суждено возвратиться домой. Крум велел загородить засеками все проходы через Балканы. Никифор скоро увидел себя обойденным и окруженным со всех сторон, так что воскликнул: «Никто не надейся спасти себя бегством; разве превратимся в птиц!» 26 июля 811 года, с самым рассветом началась резня. Всё византийское войско было истреблено. Убит также и император и множество знатных Греков. В плен никого не брали. Победоносный царь болгарский велел наткнуть голову несчастного Никифора на копье и выставит в продолжение нескольких дней напоказ. Потом он велел оправить череп в серебро и пил из него здравицу на пиршествах со славянскими боярами».

Из отечественной истории, наконец, мы имеем относящееся сюда известие о печенежском князе Куре, который, поразивши русского князя Святослава в 972 г., велел сделать из его черепа чашу.

Для полноты нельзя не упомянуть здесь и о чаше Байрона, сделанной из людского черепа. «Садовник, — рассказывает Байрон, — копая землю, нашел череп, принадлежавший, вероятно, какому-нибудь веселому монаху ньюстэдского аббатства того времени, когда оно уже перестало быть монастырем. Пораженный его огромностью и тем, что он так хорошо сохранился, я возымел странную мысль сделать из него чашу для вина. Я отправил череп в город, и он возвратился ко мне оттуда отлично отполированный и какого-то пестрого цвета вроде черепахи».

Наконец, считаю не лишним заметить хоть мимоходом, что в новейшее время в раскопках свайных построек в Швейцарии были найдены две крыши человеческих черепов, служившие, как полагают, в виде чаш для питья; и что подобная же чаша была найдена в Рейнской провинции.

Итак мы встречаем этот обычай у разных народов, в том числе и у германского племени Лангобардов. В доказательство, что пример Албоина не должен считаться исключением, Гримм приводит из «Германских древностей» Авентипа (. 1534 г.) следующее место: «Черепы убиваемых в сражении неприятельских предводителей и знати они украшали оправой и давали пить из них в праздничные дни тем, кто убил в открытом сражении неприятеля. Это считалось великой милостью и честью, подобно тому, как монахи в Эберсберге поступают до сих пор с черепом Св. Севастиана и монахи Нижнего монастыря в Регенсбурге с черепом Св. Эрнгарта. Сын не смел садиться за один стол с отцом, равным образом никому не давали пить из священного неприятельского черепа, прежде, чем кто убьет неприятеля в открытом сражении». Из других источников Гримм указывает, что в Трире монахи лечили от лихорадки, давая пить из оправленного в серебро черепа Св. Теодульфа, и что еще в 1465 году давали пить из черепа Св. Квирина. Такое употребление мощей он сближает с указанными примерами языческих обычаев и сравнивает также с почитанием мощей у древних Греков.

В основательности такого сближения убеждает между прочим следующее место из Плиния, где он говорит об употреблении частей человеческого тела против разных болезней. «Откуда могло взяться, — восклицает он с негодованием, — такого рода лечение? Кто должен считаться виновником того, что яд является более невинным средством, чем употребляемые против него лекарства? Положим, подобные обряды выдуманы варварами и вообще чужими народами. Но разве Греки не превратили всего этого в свое собственное искусство? Существуют же исследования Демокрита, (в которых говорится), что в известных случаях бывают полезнее головные кости преступника, в иных — друга и гостя. Аполлоний пишет, что в случае зубной боли самое лучшее средство царапать десны зубом умершего насильственной смертью. Мелит говорит, что подтек глаз излечивается желчью человека. Артемон предписал против падучей болезни пить ночью ключевую воду из черепа человека убитого, но не сожженного. Антей же изобрел пилюли, приготовляемые из черепа человека, умерщвленного посредством повешения, — против укушения бешеной собаки». Эти известия мы можем еще пополнить некоторыми изречениями древних медиков, дошедшими до нас в их сочинениях. Скрибоний Ларг, живший в I в. по Р. Х., говоря о способах лечения от падучей болезни, замечает, что «некоторые пьют в этом случае свою собственную кровь или же

принимают в продолжении 30 дней по три ложки (лекарства) из черепа умершего». Квинт Серен, живший около 200 г. по Р. Х., советует против той же болезни между прочим пить дождевую воду, накопившуюся в брошенном черепе человека.

Таким образом, примеры подобного рода утилизации частей человеческого тела, сильно напоминающие собой грубость людоедских обычаев, встречаются чуть ли не у всех народов. Относительно Славян можно было бы указать здесь на поверье, что свеча, приготовленная из человеческого жира, имеет свойство делать того, кто ею обладает, невидимым, и что даже в новейшее время бывали случаи, что в руки правосудия попадались лица, задумавшие воспользоваться этим свойством при совершении кражи. Такие суеверия не имеют, однако, для нас особенного значения ввиду того, что очень легко могут быть занесены к нам извне, подобно множеству других суеверных обрядов. Но как бы то ни было, во всяком случае, едва ли следует сомневаться, что и здесь мы имеем дело с фактом, находящимся в теснейшей связи с рассмотренными выше. Чем же, однако, объяснить подобные факты? Каково их происхождение?

Яков Гримм впервые обратил более серьезное внимание на эти вопросы. Говоря в особенности об употреблении черепов вместо чаш, он, по обыкновению, не ограничивается данными истории, но приводит еще аналогии из народных преданий, верований и поэзии. Из французской поэмы о Гарине Лотарингском (Garin le Loherain, нем. Lohengrin) он приводит следующий пример. Герберт построил собор и похоронил в нем Фромонда. Из уважения к его храбрости он взял из гроба его череп, велел оправить в золото и драгоценные камни так, чтобы только в одном месте можно было, отодвинув оправу, увидеть самый череп. Фромондин, сын того Фромонда, был чашником у Герберта и подавал ему видно из этой чаши, не зная, что в ней кроется череп отца. Узнав однажды секрет, он сделался с тех пор врагом Герберта, несмотря на то, что последний и уверял его, что велел сделать чашу не в насмешку над его отцом, а из любви к нему. Другой пример, приведенный Гриммом из Эдды, не может служить убедительным доказательством существования такого обычая у Германцев. Вёлундр, сын финского короля, из мести против шведского короля Нидада убивает обоих сыновей последнего, делает из их черепов чаши для Нидада, оправив их в серебро, из глаз драгоценные камни для жены (т. е. глазные камни, оправленные в кольца, — по Гримму), из зубов ожерелье для дочери его, которую вдобавок насилует, напоив предварительно мёдом. Наконец, Гримм

цитирует еще слова Рагнара в датской поэме о Краке: «Скоро будем пить пиво из углубления черепов».

Из такого сличения исторических данных со сказочными Гримм пришел к следующему заключению: «Очевидно, что (первоначально) только черепа знатных врагов служили бокалами; подобным образом (впоследствии) и черепа друзей и родственников сохранялись на память, как драгоценность. Пить из них считалось почетным и целебным, и допускалось только в великие празднества в знак отличия. Таким образом этот древний обычай как бы освящается и теряет свою дикость. Кажется, что впервые восстала против него поэзия, соблюдая требования более гуманных чувств».

Следует, однако, заметить, что те данные, на которых опирается этот вывод Гримма, не представляют еще достаточной полноты. Так из Эдды можно привести пример, который тем важнее, что доказывает ближайшую связь рассматриваемого обычая с каннибализмом. В песне об Атли, Гудруна, чтобы отомстить своему мужу, убивает двух своих сыновей, рожденных от него. «Вот эта чаша, — говорит она мужу, — это их черепа: в чаше я поднесла тебе красную кровь их. Их сердца изжарены мной на вертеле (или копье). Я подала их тебе вместо телячьих сердец. Ты съел их один и ничего не оставил. Ты ел их с жадностью, и губы у тебя хорошие!». Известно, что в Эдде, в Нибелунгах и в немецких народных сказках подобные грубые черты встречаются очень нередко. Недаром в Эдде в уста Фригги влагаются следующие слова: «Вам (Один и Локи) никогда не следовало бы упоминать пред народом о ваших похождениях Что вы, Азы, делали в древнейшие времена, эти деяния скрывайте пред народом». Ввиду этого позволительно будет усматривать остаток самой грубой дикости и в известном представлении небесного свода черепом, гор — костями, земли — мясом Имира, а также обратить внимание и на то, что, по русской поговорке, плошки да черепки те же горошки, и что в немецком языке череп называется между прочим Hirnschale, т. е. мозговой чашей.

4. Русская людоедская загадка. Соответствующая чешская сказка. Сказки о Василисе Прекрасной. Черепы и кости человеческие в культе Бабы-Яги.

После того, что нами рассмотрено выше, для нас получают особое значение те данные из песней и сказок славянских, которыми мы теперь заключим наше беглое обозрение. При этом я должен заметить, что, будучи мало знаком с народными произведениями славянской словесности, могу привести только то, на что натолкнулся, так

сказать, случайно.

В моем «Каннибализме» я уже имел случай привести следующую песню:

Я из рук, из ног коровать смощу,
Из буйной головы яндовускую,
Из глаз его я чару солью,
Из крови его пьяно пиво сварю,
(вар. Из мяса его прирогов напеку)
А из сала его я свечей налью,
Созову я беседу подружек своих,
Я подружек своих и сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую:

Ой, и что таково:
На милом я сижу,
На милова гляжу,
Я милым подношу,
Милым подчиваю.
А и мил предо мной
Что свечою горит?

Никто той загадки не отдгадывает.
Отгадала загадку подружка одна,
Подружка одна, то сестрица его.
— «А я тебе, братец, говаривала,
Не ходи, братец поздным поздно,
Поздным поздно, поздно вечера».

Ссылаясь на то, что мной сказано об этой песне в «Каннибализме», я могу здесь ограничиться приведением только следующих слов Хомякова, высказанных по поводу ее. «Отрицать ее подлинности нельзя, хотя бы даже она была только местной, но такая же точно песня записана и в других местностях, следовательно, она довольно общая в Великорусской земле. Предполагать позднейшее изобретение нет причин, ни по тону, ни по содержанию: окончание загадкой как будто указывает на древность». Категорически отрицая бытовое значение этой песни, Хомяков видит в ней «изломанную и изуродованную космогоническую повесть, в которой богиня сидит на разбросанных членах убитого ею (также божественного) человекообразного принципа».

Главная причина ложного понятия, которое себе составил

Хомяков об этой песне, кроется в предположении, что женщина, загадывающая загадку, сама убила своего «милого», против чего я уже высказался в моем сочинении. Не видя в ней отпечатка страсти, он, конечно, был прав не считать ее «гнусным выражением злой страсти, доведенной до исступления». Но не следовало только утверждать, «что, как песня, эта песня не имеет ни смысла, ни объяснения», что она «невозможна психически». Она очень возможна психически, если мы только отнесем ее происхождение во времена, когда еще каннибализм существовал в полнейшей силе, когда упоминаемые в песне факты сами по себе не представляли ровно ничего предосудительного.

Это предположение я могу теперь подтвердить одной чешской сказкой, которая содержит в себе вариант нашей песни. Позволю себе привести эту сказку в том виде, в каком она передается Креком в его «Введении в историю славянской словесности», появившемся одновременно с моим «Каннибализмом».

«Весть о красоте одной молодой королевны привела ко двору короля много молодых людей, просивших ее руки. Между ними были два королевича, которые особенно понравились ей. Так как она не могла выйти замуж за обоих вместе, то решилась, наконец, в пользу одного из них, другому же отказала. Тот, получив отказ, подумал: «Если бы не было этого другого, то выбор выпал бы на меня. Убью же его, и она будет тогда моею». Сказано — сделано. Однажды, когда любимец королевны охотился в лесу, другой королевич убил его коварным образом. Королевна стала сильно грустить. Но она не показывала виду, решившись отомстить за смерть возлюбленного. Она велела себе на память сделать из черепа убитого чашу (или бокал), красиво оправленную в золото и драгоценные камни; из костей рук его, чтобы постоянно иметь его пред глазами, она велела сделать четыре прекрасных подсвечника; из ног его — ножки стула; а из длинных прекрасных волос его она сама себе сделала пояс, вышитый золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Скоро после этого второй королевич обратился к ней со своим предложением и просил не медлить с ответом. «Хорошо, — ответила королевна, — приходи завтра на ужин; я загадаю тебе загадку; если тебе удастся отгадать ее, то буду твоей женой; в противоположном же случае ты должен лишиться головы». «Что это за загадка, которой бы я не разгадал?» — подумал про себя королевич, и в следующий день вечером явился. В одной из комнат ужин был уже подан. Королевна сидела на своем стуле, опоясанная волосяным поясом, пила из своей

чаши, и на столе горели свечи в четырех подсвечниках. После ужина королевич попросил загадать загадку. «Слушай же и отвечай:

На любви сижу,
На любовь гляжу,
Любовью опоясываюсь,
Из любви пью твое здоровье».

«Загадка хороша, — говорит королевич, — лучше и быть не может. Садись на мои колена, я обниму тебя руками, смотри мне ласково в глаза и поцелуй меня, и загадка превратится в действительность: твоя любовь — это я». «Твой ответ неверен, — сказала гневно королевна, встала и указала на свой стул: — Вот я сижу на ногах моей любви, которую ты убил коварным образом». Указывая поочередно на подсвечники, пояс и чашу, она сказала: «Вот, я смотрю на руки моей любви; вот, пояс из ее прекрасных волос; и вот, из ее черепа я пью твое здоровье. — В отомщение: голова за голову!». Немедленно она созвала своих слуг, которые, схватив королевича, отрубили ему голову. Королевна же решилась с той поры не выходить ни за кого замуж и осталась весь век незамужнею».

Эту сказку Крек приводит как пример бытовой сказки. Ее основная идея состоит, по Креку, в том, чтобы показать, что в старину из черепов умерших лиц делали бокалы. Мне же, напротив, кажется, что эта сказка передает лишь отдельный эпизод какого-либо старинного сказания, основная идея которого никак не могла состоять именно в том, что в свое время не представляло ничего особенного. Интерес, вероятно, был сосредоточен на характере королевны, на ее беспредельной любви к возлюбленному, ее скорби после его смерти и ее мудрости, обнаружившейся в умении придумать такую хитрую загадку. Но как бы то ни было, для нас важно, что и Крек не отрицает бытового значения подобных рассказов. Он считает ясным до очевидности, что употребление черепов вместо чаш было в обычае Германцев и Славян. Только вопрос о появлении этого обычая он считает неразрешимым. Относительно Славян Крек находит возможным допустить даже заимствование от Скифов.

Я полагаю однако, что мы имеем теперь достаточное основание, чтобы отрицать заимствование от Скифов. Особенно вышеприведенная русская песня, при всей своей отрывочности, дышит такой наивностью, людоедство представляется в ней в такой первобытной чистоте и, так сказать, невинности, что о заимствовании от другого народа, тем более, если этот последний считать

иноплеменным, не может быть и речи. Напротив, всё ведет к тому, что в нашей песне следует усматривать один из драгоценнейших остатков глубочайшей старины, — времени до разъединения индогерманской семьи. При некотором умении пользоваться народными преданиями в совокупности с данными истории, или точнее, при нежелании извращать смысл этих данных, мы находим множество явных следов существования каннибализма у всех индогерманских народов: Индийцев, Греков, Римлян, Кельтов, Германцев, Славян. Даже в Зендавесте, памятнике особенно скудном в рассматриваемом отношении, мы читаем между прочим следующее:

> *«Создатель! Когда бывают чисты те люди, о чистый Агурамазда, которые ели труп мертвой собаки или мертвого человека?»*
>
> *На это ответил Агурамазда: «Они нечисты, о чистый Заратустра».*
>
> *«Эти люди созданы для пещер» и т. д.*

Итак, вопрос не в том, существовал ли вообще когда-либо у наших предков каннибализм. Он существовал несомненно. Вопрос может заключаться только в том, до каких пор он удержался, и каким образом, и вследствие каких обстоятельств в памяти народа могли сохранится те многочисленные следы, которые о нем свидетельствуют. По отношению к Славянам эти вопросы можно формулировать напр. следующим образом: существовал ли еще каннибализм у Славян после их отделения от Германцев и Литовцев, и, если существовал, то в какой мере?

В пользу утвердительного ответа на первый из этих вопросов, можно было бы сослаться на следующую песню, если бы не подлежало сомнению славянское происхождение одного из тех двух прикарпатских племен, к которым она относится. Вот она:

Гуцуле, Гуцуленко,
Де вы Бойкаділы?
Чи сварылы, чи спеклы,
Чи сырого съілы?
— Не сварилы, не спеклы,
Не сырого съілы:
Піймов Бойко в полонину
Да го вовки съілы.

Гуцулы и Бойки — это два соседние племени в Галиции, говорящие на почти одном и том же наречии русинском, но крайне отличающиеся между собой характером и сильно недолюбливающие друг друга. Боек робок, неразвязен, но зато трудолюбив; Гуцул, наоборот, смел, отважен, но ленив. А. А. Кочубинский, у которого я заимствую эти указания вместе с приведенной песней, считает Гуцулов русскими горцами, между тем, как Вагилевич, по словам г. Кочубинского, один из лучших знатоков галицкой этнографии, считал их потомками Узов, в доказательство чего приведены им веские лингвистические доказательства.

Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса, постараюсь указать на некоторые другие данные нашей сказочной литературы, свидетельствующие о людоедстве и людоедских обычаях. При этом я имею в виду исключительно примеры утилизации разных частей человека и оставляю совершенно в стороне все другие следы и более прямые проявления людоедства.

В рассматриваемом отношении особенный интерес представляет известная русская сказка о Василисе Прекрасной. По поводу ее Афанасьев замечает: «Весьма знаменателен рассказ о черепах, глаза которых светят и жгут, как огонь: представление это основано на древнейшей доисторической связи понятий: зрения, света и огня, (о чем см. «Поэтические Воззрения» I стр. 153). Василиса Прекрасная несет воткнутый на палку череп, глаза которого освещают ей дорогу среди ночи: этот рассказ напоминает нам прекрасный образ трубадура Бертрама даль Борнио в Дантовом Аде: он несет свою собственную голову, отделенную от тела, за волосы и освещает ею путь, как фонарем».

В этих словах обнаруживается известный коренной недостаток почтенного труда Афанасьева, выразившийся так ясно в самом заглавии его книги «Поэтические воззрения Славян на природу», — недостаток, общий, к сожалению, почти всем современным мифологам. Находя народные предания поэтичными, они считают их вместе с тем произведениями поэтическими; они, несмотря даже на делаемые ими иногда усилия, не могут проникнуться мыслью, что то, что для теперешнего образованного человека является результатом поэтического творчества, может на иных ступенях развития являться путем простого наблюдения и сухой логической работы мыслительной способности.

Для объяснения столь замечательной черты народного предания Афанасьев довольствуется указанием на «древнейшую

доисторическую связь понятий: зрения, света и огня»! Но связь этих понятий продолжает однако существовать в значительной степени и поныне, — существует она и в понятиях современного образованного человека. Между тем, придумать нечто подобное самостоятельно, не заимствуя ничего из народной «поэзии», мы бываем не в силах. Какова же должна быть пылкость фантазии народа, какова сила поэтического творчества! Какого сокровища лишились мы вследствие нашего образования! Но не проще ли допустить наоборот, что мы лишились только той первобытной грубости нравов и понятий, при которой подобные вещи могли быть и считаться простой истиной, и что поэтичными они кажутся нам только потому, что у нас самих уже слишком развились «поэтические воззрения» по отношению к предметам наших ученых исследований?

В основании подобных рассказов кроются не вымыслы, а факты, в них отразилась грубость древнейших времен. Что они дошли до нас в такой первобытности, этим мы обязаны не столько поэтическому творчеству народа, сколько отсутствию такого творчества. В Дантовом рассказе о Бертран-де-Борне первоначальный смысл действительно затемнен поэтическим вымыслом; зато в «Василисе Прекрасной» он выступает во всей чистоте, но вместе с тем и во всей своей грубости. В самом деле, эта сказка в высшей степени замечательна своей первобытностью. На мой взгляд, в ней нет ни одной черты, которая обусловливалась бы вымыслом. Вот в кратких словах ее содержание:

Мать Василисы, умирая, оставляет ей куклу, вынув ее из под одеяла: «Береги ее при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета». Отец Василисы женится на вдове, у которой своих две дочери. Мачеха и обе сводные сестры, завидуя красоте Василисы, хорошеющей с каждым днем, между тем как они сами становятся всё дурнее и дурнее, думают изнурить ее всевозможными работами. Но тщетно: она всё исполняет при помощи куклы. Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчик, где жила (отдельно от семьи?), и подчивает ее. Однажды отец уехал из дому на долгое время, и мачеха переселилась на житье в другой дом возле дремучего леса. В лесу на поляне избушка Бабы-Яги (ср. чуланчик Василисиной куклы), которая никого к себе не подпускала (так!) и ела людей, как цыплят. Осенью мачеха раздает всем девушкам работы: одной — кружева плести, другой — чулки вязать, Василисе — прясть (из этого можно

заключить, что эти три дочери были первоначально день, ночь и утренняя заря), потом гасить огонь во всем доме, причем одну из своих дочерей заставляет потушить как бы нечаянно и ту свечку, при свете которой они работали. «Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-Яге!» Мачехины дочки отговариваются, что им и без огня светло: той, что плела кружево, светло от булавок, другой, что вязала чулок, — от спиц. Пришлось идти за огнем Василисе. Она зашла сперва в чуланчик (и здесь у куклы оказывается свой чуланчик!) и поставила перед куклой приготовленный ужин. Куколка поела и глаза у нее заблестели, как две свечки (так!). «Не бойся, — сказала она, — ступай, куда посылают; только меня держи всегда при себе».

Вышедши из дому ночью, она встречает по дороге сперва белого всадника: сам белый, одет в белом, конь под ним белый и сбруя на коне белая, — и на дворе стало рассветать; потом красного, — и взошло солнце. К вечеру очутилась перед избушкой Яги-Бабы: забор из человеческих костей; на заборе торчат черепа людские с глазами (так!); у ворот вместо верей ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Скачет черный всадник — и наступает ночь. Но скоро у всех черепов глаза засветились, и по всей поляне стало светло, как среди дня. Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из-за лесу Баба-Яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает. Она заставляет Василису приготовить ужин, что эта последняя и исполняет, зажегши предварительно лучину от тех черепов, что на заборе. Поевши, Баба-Яга приказала Василисе очистить в следующий день четверть пшеницы от чернушки, а сама легла спать. Рано утром старуха проснулась, встала и выглянула в окно: у черепов глаза потухают: явился белый всадник — и совсем рассвело. Баба-Яга вышла на двор, села в ступу, появившуюся на ее свист вместе с пестом и помелом, и выехала со двора при появлении всадника. Между тем Василиса накормила ночью куколку объедками от ужина Бабы-Яги. Зато кукла исполняет трудный наказ старухи, так что днем Василиса может осматривать на досуге дом Бабы-Яги, который поражает ее изобилием во всем. Вечером является Баба-Яга и остается ею довольной. На зов бабы «Верные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!», являются три пары рук, и уносят пшеницу вон из глаз. Следует по-прежнему ужин и новый наказ: очистить мак от земли по зернышку. В следующий вечер старуха

опять довольна Василисой и велит своим «слугам» из очищенного куклой мака выжать масло. В разговоре с Ягою-Бабою Василиса спрашивает ее только о виденных ею по дороге всадниках. «Это, — отвечает ей старуха, — всё мои слуги верные: день, солнышко красно и ночь. — Хорошо, что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе: я не люблю, чтобы у меня сор из дому выносили, и слишком любопытных ем».

Получивши от Яги один череп с горящими глазами, снятый с забора и накинутый на палку, Василиса несет его домой для мачехиных дочек. Оказалось, что с той поры, как ушла Василиса, у них не было огня: сами высечь никак не могли, приносимый же огонь от соседей немедленно погасал. Внесли череп в горницу, — а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда не бросятся, — глаза всюду за ними так и следят: к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло. На следующий день Василиса зарывает череп в землю и отправляется жить в город, к одной старушке. Тут к концу зимы (так!) она выткала полотно такое тонкое, что сквозь иглу вместо нити продеть можно. Об этом, при посредстве старушки, узнает царь, влюбляется в Василису Прекрасную и женится на ней. У него Василиса живет счастливо вместе со старушкой, своим отцом, возвратившимся между тем из путешествия, и с куклою, которую по конец жизни своей носит в кармане.

В этой сказке мы имеем пред собой очевидно слияние нескольких вариантов одного и того же основного предания, чем, должно быть, и обусловливается удивительная первобытность почти каждой черты ее, и почти полное отсутствие тех искажений, которые неизбежно являются в большинстве сказок вследствие смешения разнородных преданий. Важнейшие мифологические черты в ней я отметил курсивом; но остановлюсь только на некоторых из них, ибо подробное рассмотрение всей сказки потребовало бы обширного трактата.

Василиса Прекрасная и две сестры ее, т. е., по-видимому, утренняя заря, день (или вечер) и ночь, соответствуют приблизительно трем всадникам: дню, солнцу и ночи. Мачеха, кукла, Баба-Яга и старушка суть очевидно образы одного лица, управляющего частями дня (или временами года). В сказке, особенно в описании жилища Бабы-Яги, сохранились явственные черты старинного культа этого божества. Во всей сказке нет, вероятно, никаких поэтических прикрас. На первый взгляд, правда, можно подумать, что в ней кроются аллегорические

образы, например, в описании трех всадников. Но это только так кажется. Если белый и черный всадник называются «день» и «ночь», то это следует понимать в том же самом смысле, в каком красный всадник называется «солнцем»; т. е. эти, или стоявшие, быть может, первоначально на их месте подобные слова означали первоначально не денной свет и не ночную темноту, а самые источники света и тьмы, они означали виновников этих явлений, которые представлялись в данном случае всадниками. Лишь с течением времени, когда эти воображаемые лица оказались несуществующими в действительности, их названия получили свое теперешнее, переносное значение: вместо причины они стали означать следствие. Подобным образом, например, появилось, вероятно, и отвлеченное понятие слова «весна», от корня vas в значении «одевать». Земля покрывается цветами, воздух наполняется благоуханиями и т. д. Эти явления в совокупности (далеко не соответствующие, конечно, всем признакам нашего научного понятия «весна») объяснялись появлением чудесного лица, весны, в том смысле, как свет объясняется появлением светящегося предмета. Но, спрашивалось, кто же эта весна, какова она с виду? Вероятнее всего, это девица, любящая зелень и цветы. Она украсила землю цветами: вероятно и она сама одевается в цветы. Такое воззрение отразилось между прочим в наряживании Ляли (т. е. весны) у Белоруссов, Додолы у Сербов, Пирпируны у Греков, Maibraut у Германцев и т. п. Иногда представляли себе виновника весны, на основании разных других соображений, зеленым мужчиною. Так, например, в одной немецкой сказке, представляющей один из множества вариантов нашей сказки о Василисе Прекрасной, одна маленькая девочка отправилась из любопытства в дом ведьмы, не послушавшись предостережений своих родителей. Ведьма (Frau Trude) спрашивает ее: «Отчего ты так бледна?». Дрожа от страха, девочка отвечает, что на дороге она встретила черного мужчину. «То был угольщик». — «Потом я увидела зеленого мужчину». — «То был охотник». — «Потом я увидела мужчину красного, как кровь». — «То был мясник». — «Ах, Frau Trude, я очень испугалась: я заглянула в окно и вместо вас увидела черта с огненной головой». — «Тогда ты увидела ведьму в настоящем наряде: я давно ждала тебя; теперь ты должна мне светить». Сказавши это, она превратила девочку в полено и бросила ее в огонь. Когда пламя разгорелось, она присела и, греясь у огня, сказала: «какой яркий свет!». — Соответственно представлению весны зеленым мужчиной, существуют весенние обряды, в которых девочка заменяется мужчиной, Maikonig. Вообще подобным путем

появилось множество сказаний и обрядов, кажущихся аллегорическими, но не имеющих в действительности по своему происхождению ничего общего с аллигорией, т. е. с преднамеренным иносказательным выражением известной идеи.

Во всяком случае, относительно «Василисы Прекрасной» нетрудно убедиться, что эта сказка представляет множество реальных черт, и что ее следует рассматривать не как накопление поэтических тропов, а как серьезный рассказ — о том таинственном божестве (отождествляемом в иных случаях с божеством земли), которое управляет олицетворениями времен дня и года и становится таким образом для всей природы виновником жизни и смерти.

Для нас особенно важны сохранившиеся в ней черты культа того божества, которому соотвествуют Баба-Яга, куколка, старушка и отчасти сама мачеха. Хижина Бабы-Яги, являющаяся иногда, как увидим ниже, палаткой, обтянутой человечьею кожей, находится в лесу на поляне; так же точно и дом, куда переселилась на житье мачеха, стоит у самого леса. Эти избушки были, вероятно, похожи на монгольские и калмыцкие юрты и в особенности на древнейшие жилища Финнов, коты. Последние представляют собой палатку конической формы, сложенную из очищенных от коры еловых или сосновых кольев, посередине которой под отверстием, оставленным для дыма, находится очаг. Летняя кота покрывалась снаружи берестой и строилась у берегов озер и рек, куда привлекал жителей рыбный промысел — На зиму они переселялись в зимние коты, обтянутые кожей или войлоком. Зимние коты стояли уединенно в лесу, так как каждой семье необходимо было для охоты большое пространство леса, и непосредственно за котою начинался дремучий лес. Замечательно, что и в рассматриваемой нами сказке мачеха переселяется, по-видимому, осенью в дом, «возле которого был дремучий лес».

Судя по нашей сказке, святилище, являющееся хижиной Бабы-Яги, было окружено забором из человеческих костей. Вероятно не лишены реального значения и упоминаемые в сказке вереи, запоры и замок из разных частей человеческого скелета.

На заборе торчат людские черепа. В этих черепах хранится (священный) огонь, который разводится в них к ночи, когда совершалось, по-видимому, и жертвоприношение божеству. Это последнее, вероятно, изображалось иногда с головой, представляющей нечто похожее на эти черепа: «куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки», с чем следует сравнить

вышеупомянутую «огненную голову черта», а также и поверье, что у ведьм красные глаза, которыми они могут видеть хорошо только ночью. Черепы, светящиеся ночью, сильно напоминают следующий болгарский обычай, удержавшийся до сих пор:

«На болгарских могилах, кроме обыкновенного креста, на котором написано или вырезано имя покойного, родственники устраивают небольшие, около аршина вышиной, шкафчики из камня, или из ярко выкрашенных досок. В этих шкафчиках помещаются: лампадка, каганец, или просто горшок с угольями, и восковая свеча. Бедные люди вместо шкафчика ставят на родную могилу один лишь большой горшок с выбитым боком, а под ним складывают несколько камней и промеж ними втыкают свечу. Существует у Болгар поверье, что каждую субботу, и преимущественно от Воскресения Христова до Троицына дня, души умерших прилетают на землю — одни для испрошения прощения за грехи, а другие — праведные, для наставления своих близких на путь правды и спасения. В силу этого древнего поверья, каждую субботу на болгарских кладбищах родственники покойных зажигают в шкафчиках и в горшках свечи, а самые могилы поливают виноградным вином и окуривают ладаном. Вечером же накануне Вознесения, и вообще в одну из промежуточных ночей от этого праздника до Троицына дня, болгарские женщины совершают на могилах своих родственников особый обряд, нечто вроде древне-славянской тризны. Тут они зажигают уже все без исключения лампады и свечи; на жаровнях воспламеняют уголья и, бросая в них ладан, окуривают им могилы; здесь же, в память покойного, идет угощение знакомых и бедных принесенными с собой кушаньями, вином и ракией (виноградная водка) и раздача милостыни нищим. Женщины всю ночь остаются на кладбище и в промежутках между угощениям и милостыней молятся со свечами в руках на родных могилах. Вспомним здесь индийский вариант сказания о принесении огня. В рассказе Catapatha-Brahmana'ы о Пуруварасе и Урваши — рассказе, который считают, как известно, прототипом сказания об Эросе и Психее, — Пуруварас, по совету Урваши, высказывает пред Гандхарвами желание уподобиться им. Гандхарвы отвечают: «У людей нет огня, при помощи которого, совершая жертвоприношения, они могли бы уподобиться нам». Они положили огонь в чашу и дали ему со словами: «Если ты будешь приносить жертвы посредством этого (огня), то сделаешься одним из наших». Если, следовательно, огонь хранили уже в древнейшие времена в горшках и чашах, то нет ничего удивительного, что для этой цели

употреблялись и людские черепы.

Такая «огненная голова» должны была, конечно, обладать разными магическими качествами в глазах простого народа. Одним из них было, вероятно, и то, что обнести такую голову вокруг двора служило лучшим средством против грабежа. По крайней мере, на это указывает существующий поныне обычай обносить от воров вокруг двора человеческий череп. С течением времени в воображении народа, особенно под влиянием памяти о прежних человеческих жертвоприношениях, которыми несомненно сопровождался культ божества «с пылающими глазами», могло, и даже должно было образоваться представление о том, что глаза этой головы иногда сожигали людей в уголь, как это и говорится в нашей сказке о Василисе Прекрасной. Вероятно подобным путем развилось, между прочим, и сиамское поверье, что глаза особенно благочестивых отшельников обладают этой способностью по отношению к их врагам, вследствие чего и называют их Phra-Rusi-Ta-Fai, т. е. «великими пустынниками с огненными глазами». Интересно, что рядом с этим существует в Сиаме поверье, что отрубленная голова ведьмы может блуждать по ночам как приведение в виде огненного шара. Напомним также, что «жгучие глаза» играли немаловажную роль и в суеверии древнего классического мира.

Возвратимся же теперь опять к разным описаниям жилища Бабы-Яги, какие мы встречаем преимущественно в русских народных сказках.

В одном белорусском варианте сказки об Ивашке и ведьме, жилищем последней является хатка на курьих лапках, в которой пахнет человеческим мясом; дверные петли сделаны из человеческих суставов, закрутки — из рук, и вся хатка обтянута человеческой кожей. Как объяснить себе эту встречающуюся так часто в русских сказках «хату на курьих лапках» или «избушку на курьих ножках», которым ничего соответствующего не встречается в иностранных сказках? Еще более странным кажется, что эта избушка во многих сказках поворачивается. Прежде всего очевидно только, что в данной белорусской сказке изображается палатка, обтянутая человеческой кожей. Быть может, что из-под этой палатки выглядывали нижние концы шестов, вследствие чего палатка напоминала своим видом курицу, сидящую на цыплятах, желтые лапки которых выглядывают из-под ее крыльев. Таким образом палатка могла получить название избушки на курьих ножках подобным образом, как даже целые пристройки у домов называются крыльями (Flugel, les ailes), не говоря

уже о крыльях мельницы. В таком случае поворачивание избушки следовало бы объяснять предположением, что в ней находилось несколько дверей, то раскрываемых, то затворяемых поочередно, сообразно, быть может, с движением солнца, так что поворачивание было только кажущееся. В сказке о Василисе Прекрасной таким дверям, по-видимому, соответствуют окна: Баба-Яга выглядывает в окно и видит появление белого всадника Существует, как известно, множество песней и сказок, в которых говорится о хоромах с тремя окнами, о церквях с тремя дверями:

Едны дверечка — исход солнечка,
Други дверечка — полден солнечка,
Трети дверечка — заход солнечка…

Апалатчи во Флориде приветствовали восходящее и заходящее солнце у дверей своих жилищ. Они рассказывали, что солнце само построило себе коническую гору, Олаими, с тропинкой, ведущей по спиральной линии к пещере, которая находилась на восточной стороне горы и представляла собой солнечный храм. При восходе солнца, когда лучи его падали в храм через главное отверстие, так же точно и в полдень, когда лучи падали туда через другое отверстие, нарочно для этого проделанное, Апалатчи приветствовали его пением и воскурениями. Это происходило во время солнечных праздников, четыре раза в год. Другие поклонники солнца, луизианские Натчесы, нарочно строили солнцу конические постройки, в которых поддерживали священный огонь, хранили кости умерших предводителей и поклонялись солнцу три раза в день.

Быть может, что по крайней мере в некоторых случаях вся хижина Бабы-Яги действительно поворачивалась на одной ноге — подобно нашим ветряным мельницам. В таком случае было бы понятно, почему то хатка Бабы-Яги, то сама Баба-Яга является иногда стоящей на одной ноге. Алмазный дворец Змея в русской сказке «вертится словно мельница». В польской говорится о Вихре, что он имел тело великана, а голову змея, ездил на огненном крылатом коне и своим бурным дыханием приводил в сотрясение свой собственный серебряный дворец, стоявший на курьей ножке, и, очевидно, представлявший не что иное, как ветряную мельницу. Замечательно, что в сказке о Василисе Прекрасной говорится даже о пшенице, которую три пары рук должны смолоть, и о маке, из которого они должны выжать масло. Во многих сказках о Бабе-Яге и подобных мифических лицах мы имеем, по-видимому, просто смешение хижины

ее с мельницей, — смешение, которое столь естественно, если допустить, что палатка Яги в каком-нибудь смысле представлялась поворачивающейся. Этим объясняется также, что во многих русских сказках Яга-Баба является уже с длинным железным носом (мельничный вал), вросшим в потолок, хотя первоначально вид и длина ее носа обусловливались, вероятно, разными другими причинами. Во всяком случае, мы не можем вполне удовлетвориться объяснениями вроде того, которое читаем в «Поэтических воззрениях» Афанасьева: «Этот дворец или избушка — метафора (так!) ходячего облака. В числе различных представлений, соединившихся с молнией, она уподоблялась и ноге; блеск молний и удары грома потрясают тучи и приводят их в бурное движение, и потому народные предания говорят о ноге, на которой вертится облачное здание Бабы-Яги и Змея. Нога эта — петушья или сорочья, что объясняется из той связи, в какую поставил древний миф петуха и сороку с явлениями грозы (о сороке см. гл. XXI). Другие сказки говорят, что избушка Бабы-Яги поворачивается на курьих ножках, на собачьих пятках, а замок бога ветров вертится на мышиной ножке: собака — символ (так!) вихря, мышь — разящей молнии».

Относительно связи Бабы-Яги с мельницей следует указать еще на одно очень глубокое основание, вследствие которого в понятиях народа святилище Яги могло отождествиться с мельницей уже очень давно, — когда еще не существовало ни ветряных, ни даже водяных мельниц, а были в употреблении только ступы да ручные мельницы. Баба-Яга заведует жизнью и смертью человека и всеми крупнейшими явлениями природы. День, солнце и ночь, как мы видим уже из нашей сказки о Василисе Прекрасной, представлялись лишь ее «верными слугами». Подобным образом не может подлежать сомнению, что и времена года управлялись этой же богиней. Когда идет снег, то это происходит оттого, что эта богиня (немецк. Frau Holle) взбивает свою пуховую постель. Недаром-то Василиса удивляется в доме Яги «изобилию во всем». Но вспомним, что, по-видимому, уже в древнейшие времена источником всяких благ являлась и чудная мельница, встречающаяся неоднократно в преданиях разных народов. Вспомним здесь только известную мельницу Фрода, Гротти, и те сказочные волшебные мельницы, которые мелют стариков и возвращают им юность, здоровье и красу. Сюда же относятся, между прочим, и греческие могущественные богатыри-близнецы Молионы, как олицетворение верхнего и нижнего жернова, а также, по всему вероятию, и финский Зампо, из-за которого являются в Калевале

воюющие народы. Иногда даже само солнце, как источник разных благ, уподоблялось жернову или мельнице. Млечный путь представлялся, между прочим, следом от муки, изготовляемой этой мельницей. Сам Зевс, первоначально бог солнца, назывался «Мельником». Словом, было время, когда мельница считалась одним из существеннейших и необходимейших условий человеческой жизни. Если же с другой стороны и Яга имела когда-либо указанное выше значение, то отождествление ее жилищ с мельницей должно считаться делом в высшей степени естественным.

В связи с отождествлением жилища Бабы-Яги с мельницей находится очевидно и представление, что Яга прилетает в ступе, пестом (мельничный кулак?) правит и помялом след заметает. Что же касается свиста, шуму и треску в лесу, которым сопровождается прибытие Яги, то из этого, конечно, не следует, чтобы Яга представлялась только олицетворением ветра или вихря. В Лагоде, близ Христиансбурга, негры ежегодно устраивают большое празднество в честь Шимавонга или посла богов, который называется также Бибри (чудесный или непонятный), Адья (огонь) и Урзограндо (великий тигр). Его храм, круглое, покрытое соломой строение, обсажено прекрасными деревьями. Вблизи живут служители его, на обязанности которых лежит содержать в чистоте храм, наблюдать за появлением бога и слушать его речи. К концу августа Шимавонг дает знать своим слугам, в какой день ожидать его прибытия; является же он обыкновенно в полнолуние. Весть об этом немедленно сообщается всем жителям страны, и вечером накануне прибытия негры собираются вокруг его хижины с разными жертвами и подарками. Вдруг, около 3 часов утра в воздухе слышится гул, подобный тому, который производят весной дикие гуси во время полета. Шимавонг прибывает в свой храм и земля и храм дрожат. Негры падают ниц и приветствуют бога тихим хлопаньем. Подобным образом и Фантиев фетиш является в своем святилище, окруженном лесом и горами, три раза в год: всякий раз происходит при этом землетрясение, и деревья гнутся.

Из сказки о Василисе Прекрасной видно, что культ изображаемого в ней божества, заведующего, как мы уже заметили, всеми крупнейшими явлениями природы, окружался замечательной таинственностью. Баба-Яга «не любит, чтобы у нее сор из избы выносили». Она не допускает к себе никого, кроме своей жрицы, Василисы. Мать Василисы, умирая, вынимает куколку из-под одеяла и велит никому ее не показывать, и Василиса носит ее кармане. Это

напоминает таинственность большей части древних культов и недоступность некоторых святилищ. Из древнего классического мира достаточно напомнить здесь недоступность для мужчин храма Весты, и с другой стороны недоступность вообще для народа святилища Зевса Ликэйского: всякий, случайно попадающий в это последнее, превращался в оленя, т. е. приносился в жертву, или, другими словами, Зевс пожирал его как оленя, подобно тому, как Баба-Яга ест людей, как цыплят. Из обычаев других народов можно привести здесь для примера, что в Ирландии у города Кильдарэ в честь Св. Бригиды поддерживали «вечный огонь» за забором, к которому не смели подходить мужчины. Этот обычай устранен, как остаток язычества, в 1290 г.

Отчасти такая таинственность и была, вероятно, причиной чудовищных изображений Бабы-Яги в разных сказках, так что нелегко теперь составить себе точное понятие, каков был вид идола или кумира этого божества в действительности. Заметим, однако, еще следующее. Всё святилище было, по-видимому, наполнено человеческими костями. В сказках говорится, что Яга или ведьма, покушавши человеческого мяса, разметает косточки и катается по ним, или собирает все кости, раскладывает их на земле рядом и катается или валяется на них, что сильно напоминает кровать или стул из человеческих костей. Быть может, что — на основании вышеупомянутого представления о мельнице, мелющей человеческие кости — кумир этого божества стоял (и поворачивался?) на подставке из человеческих костей: это могло дать также повод к тому, что Баба-Яга часто является в сказках с костяной ногой, которая впоследствии могла замениться костылем. Но всё это имеет только значение догадки. — Зато из нашей сказки мы можем сделать еще несколько других, менее сомнительных заключений.

Особенного внимания заслуживает то место сказки, где говорится, что во время отсутствия Василисы не было в доме огня. На острове Лемносе ежегодно, в известный день, тушили во всех домах огонь и не разводили его в продолжении целых девяти дней, до тех пор, пока корабль не привозил с острова Делоса новый огонь, взятый с жертвенника Аполлона. Гримм, по поводу этого рассказа, приводит известие о праздновании начала жатвы у североамериканского племени Криков: «Празднество начинается трехдневным строгим постом, во время которого гасят по домам все огни. В четвертый день утром верховный жрец добывает посредством трения новый, чистый огонь, после чего женщины приступают к уборке хлеба и плодов».

Дальше из самой же сказки о Василисе Прекрасной мы можем заключить, что культ, память о котором сохранилась в этой сказке, сопровождался человеческими жертвоприношениями: Баба-Яга «ела людей как цыплят», не говоря уже о других указаниях (людские кости, запах человеческого мяса и т. п.). Судя по другим русским и иностранным сказкам о Бабе-Яге, Яге-Буре, Ведьме, Holle, Trude и других, соответствующих ей лицах, в жертву приносились преимущественно дети. В этом отношении не лишены значения и упоминаемые в нашей сказке три пары рук. Появление этих рук станет менее загадочным, если допустить, что человеческие руки приносились в жертву, подобно тому, как это делалось у Скифов, Лузитан и, вероятно, также у многих других народов. В сказках мы нередко встречаем, что даже сами родители отрезывают своим детям головы, вырезывают язык, отрубают руки и т. п., исполняя этим требование третьего лица. Но чем объяснить появление именно трех пар рук? Вероятно, это число находится в какой-нибудь связи с количеством всадников (белый, красный и черный). Что оно не должно считаться случайным, явствует, между прочим, из немецкой сказки о «трех фельчерах»: чтобы показать свое искусство, один из них дает отрубить себе руку, другой — вынуть сердце, третий — глаза, и все вместе ложатся спать, в намерении возвратить эти части каждую на свое место, и заживить раны посредством живой воды. Отрезанные части (замечательно каннибальское сопоставление: руки, сердца и глаза!) девочка положила в шкап; ночью является любовник девочки, солдат, и просит поесть. Она кормит его ужином, который вынимает из шкапа. Когда солдат, поевши, ушел, оказалось, что из шкапа исчезли спрятанные в нем части человеческого тела. (Очевидно, что их съел солдат; но в сказке виновницей является кошка, незаметно будто-бы утащившая их из шкапа во время посещения солдата). Здесь, по-видимому, девочка занимает место Василисы, солдат — Бабы-Яги, шкап — Ягиной хижины, а три фельчера — трех пар рук.

Со временем вместо целой руки стали жертвовать палец. Не желая пока останавливаться на этом вопросе, далеко еще не разработанном надлежащим образом, укажу только на следующее: в одной немецкой сказке говорится о заколдованной мельнице; является стол с разными яствами, придвигаются с нему стулья и начинается пир; но людей не видать: являются только пальцы. В другой сказке один бедный крестьянин, у которого было очень много детей, получает от своего кума в подарок скляночку с чудесной водой (вероятно, взамен жизни

ребенка), которой исцеляет больных так, что становится знаменитым врачом и зарабатывает много денег. Однажды он отправляется в дом кума. На первой лестнице ему попадается навстречу лопата и метла, которые бранятся и дерутся друг с другом. «Где живет кум?» — «Выше», — отвечает метла. На второй лестнице он видит множество мертвых пальцев. «Где живет кум?» — «Выше», — отвечает один из пальцев. На третьей лестнице он натыкается на кучу мертвых голов, которые велят подыматься еще выше. На четвертой лестнице он видит рыбы в сковороде, которые сами жарятся на огне (подобно тому, как в других сказках один ребенок должен изжарить другого). Поднявшись на пятую лестницу, он очутился у двери и заглянул через ключевину в комнату. Тут он увидел, что его кум с рогами. Когда он вошел в комнату, кум поспешно лег на кровать и прикрылся одеялом (ср. куколку, которую мать Василисы вынимает из-под одеяла). Когда изумленный гость спросил его относительно виденного, то кум отвечал, что всё это ему только так показалось: на первой лестнице спорили слуга со служанкой; что он принял за мертвые пальцы, то были лишь корешки змеиной травы (Skorzenerwurzeln); что ему показалось кучей мертвых голов, то были кочаны капусты. Когда тот спросил о рыбах, жарившихся на сковороде, то эти рыбы сами вошли в комнату и подали себя на стол. Наконец он сказал, что видел самого кума с рогами. «Это неправда!» — возразил кум. Тут гостю стало страшно и он убежал.

Итак, полагаю, не может подлежать сомнению, что культ Бабы-Яги сопровождался человеческими жертвоприношениями. В подтверждение можно было бы привести еще множество данных из народных верований и соответствующих культов разных народов, на которых считаю, однако, лишним останавливаться. Всё свидетельствует, что рассматриваемый нами культ имел громадное значение, и что Баба-Яга была верховным языческим божеством, — подобно «богу богов» Святовиту, огромный идол которого стоял в аконском храме, с четырьмя бородатыми головами на отдельных шеях, обращенными в четыре разные стороны и соответствовавшими, вероятно, не только четырем сторонам света, но и четырем временам дня и года; подобно Триглаву, которому приписывалось владычество над небом, землей и адом; и многое другое. Святовит, Триглав и т. п., — есть ли это лишь различные изображения и видоизменения того Деда-Всеведа чешской сказки, к золотому дворцу которого отправляется герой сказки за тремя золотыми волосами? В том дворце живет вещая старуха, — мать его: «Дед-Всевед, — говорит она, —

мой сын, — ясное солнце»; вечером он прилетает западным окном в виде старичка с золотой головой, утром он встает золотовласым ребенком и вылетает через восточное окно. Вещая старушка — наша Баба-Яга. Вследствие этого, в народных поверьях и обрядах рядом с бабою, или вместо нее, является нередко дед. Что касается глубокой древности этих божеств и их культа, то она подтверждается существованием подобных верований и обрядов, между прочим, и у древних классических народов. Не желая останавливаться здесь на сравнении, замечу только, что не говоря уже о разных многоглавых змеях и о чудовищах, вроде Гериона, Кербера и др., стоит только вспомнить самые выдающиеся (первоначально солнечные и лунные) божества Греков и Римлян, чтобы убедиться, что на них отразились, очевидно, те самые представления, которые у нас являются, так сказать, воплощенными в образе Святовита, Бабы-Яги и подобных им мифических существ. Таковы напр.: изображавшийся иногда с тремя глазами Зевс, «отец мужей и богов»; двуглавый и четырехглавый Янус, «бог богов» (divum deus); разновидный и превращающийся постоянно бог Вертумн, который принял однажды, между прочим, вид старухи с костылем; трехглавая «царица мертвых» Геката, всемогущая и всезнающая волшебница; кроме того, напоминают особенно многими чертами нашу Бабу-Ягу Деметра, Веста, Bona Dea, Anna Perenna и мн. др. Также лишь мимоходом могу напомнить здесь, что подобно тому, как Дед-Всевед, возвратившись домой стариком, превращается в ребенка, так же точно и «многоизворотливый» Одиссей возвращается домой стариком и вслед за тем опять молодеет.

После этого не удивительно, если с именем Бабы-Яги и сродных с ней мифических лиц связываются воспоминания из очень древних времен. В некоторых поверьях сохранилась, если не ошибаюсь, даже память о том, что в день ее празднества поклонники угощали мясом детей не только свое божество, но ели это мясо и сами, и что впоследствии нежелавшие вкушать такой пищи, должны были, как полагал народ, приплатиться за это своей собственной жизнью. Немецкая Берхта, соответствующая нашей Яге, требует, чтобы в последний день года подавались на стол клецки и рыба. Всякому, кто вместо того наестся в тот день иной пищи, она разрезывает брюхо, вынимает съеденное, наполняет брюхо сечкой, или же смятой соломой и кирпичами, и зашивает его лемешем вместо иглы и железной цепью вместо нитки: другими словами, этот человек умирает — причем замечательно также, как сильно обращение Берхты с его телом напоминает выше рассмотренный обычай Скифов. Такая

строгость наказания станет понятной только тогда, если предположим, что названные кушанья были первоначально не простые клецки и не простая рыба. Мы уже видели, что рыбы, жаренные на сковороде, заменяют в одной сказке очевидно детей, хотя и трудно сказать, что могло способствовать такому уподоблению. Мимоходом мы коснулись также другой немецкой сказки, в которой мачеха варит ребенка и подает его отцу на съедение вместо клецек (Klump). В последнем случае, впрочем, не лишено для нас значения и то, что она варит эти клецки только из рук и ног ребенка; куда она девает остальное тело, сказка не говорит.

Искусство, больные нервы и воспитание

(по поводу «Декадентства»)

Г. И. Россолимо

Незабвенной памяти Сергея Сергеевича Корсакова

Речь, читанная в годичном заседании Общества Невропатологов и Психиатров при Московском Университете 21 октября 1900 г.

Положенный в основу нашей речи взгляд на современное искусство есть результат фатального соприкосновения некоторых явлений из жизни духа с новейшими завоеваниями в области нормальной и больной деятельности нервной системы; он представляет отражение объективированного искусства и художественного творчества наших дней в зеркале биологической критики. Поэтому для выяснения сути и значения основанных на таком новом взгляде суждений и выводов я считаю необходимым предварительно разобраться, если и не детально, то, по крайней мере, по существу в тех научных мотивах, которые обусловливают известный характер изображения в нашем зеркале.

Я заранее чувствую, как трудно будет нам в короткий срок с полной отчетливостью ориентироваться в той картине, которую представляет столь сложное явление личной и общественной жизни, как искусство; я чувствую, что многие детали и промежуточные нюансы спектра должны будут пройти незамеченными, в силу чего основные тона картины выступят с чрезмерной, быть может, даже схематически-грубой простотой; однако важность намеченной задачи, думаю, не только нам дозволяет, но и заставляет нас высказать назревшие мысли именно теперь, когда весь цивилизованный мир, у порога нового века, старается глубже разобраться в последних явлениях жизни человечества и дать себе ясный отчет в них.

И наша жизнь, жизнь русского общества, подчинилась общему течению событий; последние десятилетия представляют у нас резкую реакцию против эпохи шестидесятых годов, давших широкий простор явлениям интеллектуальной жизни, раскрывших настежь свои окна и двери для науки и для общественных вопросов: не без чувства сожаления мы должны отметить значительный упадок завещанных нам высоких стремлений одновременно с чрезмерным культом искусства во всех его, как низших, так и высших, проявлениях; ослабевший от умственного утомления мозг обратился к удовлетворению своих низших, эстетических потребностей. В силу ли дальнейшего логического хода психических явлений, или по простому

совпадению, мы в последнее время встречаемся уже с усиленным развитием нервных и психических болезней и, как будто бы случайно, наталкиваемся на необходимость сопоставления болезненных состояний нервной системы с явлениями из области художественного творчества.

Такое бросающееся в глаза совпадение, конечно, не может пройти незамеченным для всякого мыслящего и наблюдательного члена современного общества, и тем более оно резко выступает в глазах врача, имеющего дело с нервными и психическими болезнями и привыкшего не только особенно чутко подмечать всё, что эти люди творят, всё, что является результатом различных сторон их психической жизни, но и подвергает тщательному анализу самые процессы мышления, намерения и поступки этих людей; и потому неудивительно, что литература последнего времени успела обогатиться несколькими весьма ценными трудами из пограничной области психиатрии и эстетики, неудивительно и то, что нам приходится всё чаще и чаще останавливать свое внимание на характере болезней и на свойствах нервной системы людей, занимающихся искусством — с одной стороны, а с другой стороны — на произведениях художественного творчества по отношению к тем их сторонам, которые требуют, помимо художественной критики, еще и анализа психиатрического.

Как ни обидно, быть может, это для тех, кто относится к искусству со священным трепетом, как к дару получаемому свыше, с благоговейным чувством признательности, — тем не менее приходится мириться и с беспредельными правами мысли, для которой всё должно быть, когда это необходимо, не чем иным, как объектом анализа.

Здесь, впрочем, в интересах целесообразности научного исследования, считаю своим долгом сделать оговорку: к сожалению, научный исследователь, увлеченный своей привычкой, забывается до того, что приступает к анализу художественного произведения, совершенно упустивши из виду, что условия художественного творчества в иных случаях решительно требуют уклонения от научной точности; он готов подвергать художественные образы точному психиатрическому разбору, ставить диагностику и ранжировать их по клеткам психиатрической классификации и т. д. Не говоря о бесплодности подобной работы, мы думаем, что подобная специальная точка зрения исходит из неправильного понимания психологических законов эстетики.

Один из наиболее выдающихся художников нашего времени и в то же время образованный врач А. П. Чехов так выразился по этому поводу (см. «Автобиографические сведения»): «Условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем».

Дж. Рёскин, этот непримиримый апостол красоты, идет еще дальше и, со своей беспощадностью фанатика, обрушивается на науку и знание, говоря, что ученость, т. е. точное знание, не только не может быть художнику полезна, но, в большинстве случаев, должна приносить вред.

Так или иначе, но не в том задача науки, чтобы уличать искусство в неточности: это недоразумение не прекращается с тех пор, как существует знание и искусство, и, надо сознаться, всегда в этом споре правда будет на стороне тех, кто, в силу своего художественного чутья, склонен признавать за искусством особые законы логики и правды. Тем менее есть у нас оснований на этом останавливаться, что в нашу задачу входит более определенный предмет, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем.

I

Для выяснения столь важного вопроса, как отношение современной роли искусства к степени распространения нервных и психических заболеваний, должна служить вся совокупность материалов по вопросу о частоте и характере последних у людей, занимающихся искусствами; сюда относится всё то, что касается, во-первых, болезней, развившихся у художников во время их деятельности или до нее, и, во-вторых, те особенности творчества, которые проливают свет на состояние здоровья художника, так сказать, художественные симптомы болезни.

Всем понятно, что если за последние годы контингент нервно- и душевно-больных увеличивается, то для этого имеется очень много причин, лежащих как в самом организме наших современников, так и в условиях их окружающих, и что едва ли мы отметили совпадение усиленного интереса к искусствам с развитием заболеваний нервной системы с той целью, чтобы признать искусство единственным источником всех зол; достаточно мы знаем, как велико для развития нервных психических болезней значение усиленной душевной деятельности, чтобы считать себя обязанными дать себе ясный отчет о том, какое положение, в ряду подобного рода больных, занимают люди, специально эксплуатирующие свои эстетические вкусы и стремления.

В этом отношении журнальные записи врачей, отчеты психиатрических больниц и имеющиеся специальные биографии выдающихся художников, музыкантов, артистов и поэтов дают достаточный материал для того, чтобы установить, что люди, занимающиеся искусствами профессионально, составляют весьма значительный процент всего числа нервно- и психически-больных, особенно, если будет принято во внимание ничтожное отношение профессиональных художников к общей массе городского населения. И, тем не менее, подобные цифры должны составлять только малую частицу того огромного числа художников, которые только потому считаются здоровыми, что не лечатся, а между тем страдают одной из многих болезненных форм, с которыми они мирятся нередко то как со счастливой особенностью дарования, то как с неизбежным злом, не считая их за болезнь, или о которых не сообщают врачам по различным, им одним известным, соображениям. И весь этот

материал гибнет вместе со всем тем, чем мы обязаны умышленно или неумышленно неполным в медицинском отношении биографиям. Требуется большое усердие, большой интерес к науке и еще больший такт в выборе, для того чтобы из кучи окружающего нас в жизни разбросанного материала можно было извлечь относящиеся к нашему вопросу данные. И, тем не менее, на основании изучения заведомо больных, с одной стороны, и наблюдения художественных натур — с другой, не только приходится убедиться в том, что среди как профессиональных слуг искусства, так и дилетантов, особенно велико число нервно- и душевно-больных, но удалось довольно точно изучить преобладающие и, по-своему, наиболее характерные формы заболеваний.

Тут речь идет не только о тех крайностях, которых Ломброзо коснулся в своем трактате «о гениальности и помешательстве»; не к одной только гениальности сводится художественное дарование, и не одно помешательство может быть легко определяемо. Насколько велико число ступеней от художественной бездарности до гениальности, настолько же разнообразны и многочисленны заболевания нервной системы в пределах между здоровыми нервами и помешательством. После того, как знаменитый туринский психиатр доказал с полной очевидностью близкое сродство между нервной системой гения и психически больного, главная основа положена, но осталось еще многое дополнить, открылось огромное поле для научной работы и для детального изучения еще многих других сторон вопроса.

Оставим в стороне те болезни нервной системы, которых происхождение носит характер чисто случайный и не имеет никакого отношения ни к прирожденным свойствам человека, ни к роду его занятий. Такие болезни не находятся ни в какой внутренней связи с условиями и особенностями жизни нервной системы художественной натуры и мы не желали бы следовать примеру тех авторов, которые запутывают и без того сложный вопрос, включая в число данных для заключений такие формы, как апоплексия мозга, инфекционные психозы, сифилитические болезни головного и спинного мозга и т. п. Для чистоты наших выводов обратим лучше внимание на те формы, которые всего чаще встречаются у людей с художественным талантом.

Взглянем ли мы на одаренных малолетних, на гордость, а впоследствии и несчастие обладающих ими семейств, на воспитанников музыкальных школ, училищ живописи, драматических

классов, явившихся учиться с известным запасом природных дарований, на молодых дилетантов, на большинство профессиональных истинных музыкантов, художников, литераторов, артистов, а тем более на истинных творцов и выдающихся художников, мы всюду найдем огромное число представителей так называемой невропатической семьи, отмеченных тем или другим из признаков дегенерации: при общем для всех представителей этой семьи условиях наследственного расположения к нервным и психическим болезням, с физическими признаками вырождения, мы будем встречать то одни функциональные задатки к страданиям нервной системы, то уже развившиеся болезни. На первом плане стоит так называемая нерво- и психопатическая конституция, выражающаяся у людей с талантом, всего чаще, во множестве расстройств сосудодвигательной системы сердечного нервного аппарата, сосудодвигателей конечностей и внутренних органов; со стороны двигательной сферы в виде мышечных подергиваний, главным образом, всевозможных двигательных тиков и, кроме того, в различных функциональных неправильностях со стороны внутренних органов, всего более, в области половой сферы.

Из патологических особенностей психики людей с художественным талантом приходится чаще всего встречаться с наклонностями к навязчивым идеям и навязчивым эмоциям, с иллюзиями, псевдогаллюцинациями и реже с истинными галлюцинациями слуха и зрения, с наклонностью к фантазированию и вымыслу, с разными колебаниями в настроении в пределах двух противоположных крайностей, хотя и с преобладанием меланхолического настроения, с мистицизмом, повышением и аномалиями некоторых влечений, главным образом, половых, с наклонностью к алкоголизму, и при всем этом, с большой психической впечатлительностью, неустойчивостью, непостоянством вкусов и стремлением к смене и новизне впечатлений.

Вся эта совокупность аномалий, которые занимающий нас тип приносит в жизнь вместе с талантом, представляя из себя характерные черты натуры, может доставить обильную пищу и послужить прочным фоном для тех болезней, которые столь часто поражают художников под влиянием ли профессиональных занятий, или вследствие различных жизненных условий: разовьется ли неврастения в силу какого-нибудь истощающего момента, она скажется особенно охотно в сосудодвигательных расстройствах и сердечных явлениях, которые потянут за собой ряд навязчивых страхов и идей

ипохондрического и другого характера; она выразится в половых расстройствах, в тикозных явлениях и, у молодых пианистов и скрипачей, в судорожных и невралгических расстройствах в руках. Вспыхнет ли истерия, всего чаще у певиц и драматических артистов, она получит яркую специфическую окраску, благодаря участию одного из вышеприведенных нервно-психических признаков дегенерации. Разовьется ли то или другое психическое расстройство, — выступит на сцену меланхолическое состояние, галлюцинации, иллюзии и псевдогаллюцинации, мистический или сексуальный бред и т. д.

Приводя эти данные, касающиеся состояния нервной системы людей, одаренных художественными способностями, мы имели в виду привести их как сырой материал и пока не думали устанавливать определенного отношения между прирожденными и приобретенными аномалиями нервной системы, с одной стороны, и талантами, с другой; единственное, что можем пока отметить — это то, что люди, эстетически одаренные от природы, обладают настолько патологически-тонкой нервной организацией, что очень часто бывают жертвами более или менее тяжких заболеваний; кроме того мы можем установить следующие 4 случая соотношений между природными художественными дарованиями и состоянием нервной системы:

1) *Талантливость и дегенерация.*
2) *Активно проявляемая талантливость и дегенерация.*
3) *Талантливость и болезнь.*
4) *Активно проявляемая талантливость и болезнь.*

Что же касается вопроса о причинной связи этих двух явлений, то мы к решению его постараемся подойти после того, как уясним себе более или менее физиологию и патологию художественного творчества.

II

В задачу нашей беседы не входят специальные эстетические вопросы, и потому мы не можем здесь останавливаться на том, что такое искусство, каковы его цели, виды и приложения; мы постараемся выяснить его сущность, а также и условия художественного творчества лишь постольку, поскольку вопросы эти имеют отношение к болезненному состоянию нервной системы.

> *«Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».*

Вот как Л. Н. Толстой определяет искусство в своем обширном и оригинальном трактате, озаглавленном: «Что такое искусство».

Искусство есть один из способов проекции известных душевных процессов, и представляет, в отношении своего физиологического значения, полную аналогию с простой речью, служащей для выражения мысли при помощи определенных символов; однако разница заключается в том, что искусство посредством зрительных образов, звуковых, словесных или более сложных, сценических, приемов стремится передать прежде всего лежащее в основе чувство, или облеченную в чувство же идею, и передать их так, чтобы, воспринимая художественный образ непосредственно, независимо от усилий внимания и мысли, мы с полной яркостью испытали бы данную эмоцию; сознание же в этом процессе должно содействовать главным образом тому, чтобы возникающий образ не ускользал и тем сознавался бы весь необходимый для воспроизводимого образа материал; для контроля же и для самокритики оно должно служить лишь постольку, поскольку оно не препятствует главному, при художественном творчестве, процессу — его бессознательной основе, художественному трансу.

Таким образом процесс художественного творчества, с одной

стороны, и с другой — процесс эстетического наслаждения от восприятия чужих произведений должны представлять два аналогичных явления, в состав которых входят одни и те же психические и физиологические процессы, только расположенные в обратном порядке. В первом случае, т. е. при активном художественном творчестве, исходной точкой всего является эстетическая эмоция и облеченная в нее идея, в рамки которой с соответствующей гармонической стройностью укладываются как сопутствующие первичной эмоции, так и последовательно возникшие, на почве ее и по велению законов эстетики, образы — зрительные, слуховые, словесные, двигательные и т. д. Во втором же случае, т. е. при эстетическом восприятии чужого художественного творения, происходят те же процессы, но в обратном порядке, т. е. восприятие художественно-стройного образа дает в результате эстетическую эмоцию. И здесь и там фигурируют как элемент эстетической эмоции, так и элемент образов.

Эстетическое волнение, один из дериватов чувства приятного, может возникать при условиях воздействия либо простых соотношений элементов восприятия одного из высших органов чувств — зрения, слуха, мышечного чувства, как это доказано психофизическими опытами, либо более сложных впечатлений, выходящих, по степени и содержанию своему, за пределы сфер одних органов чувств в область более сложных интеллектуальных и этических сторон нашей деятельности: в первом случае, т. е. когда речь идет о сочетании линий, цветовых тонов, звуковых тонов, простых двигательных и мимических образов, можно говорить об эстетической эмоции, как об ощущении; во втором, где образы затрагивают различные душевные ситуации, составленные из сочетания чувств, где они выражают идеи, общественные и этические идеалы, мы имеем дело с эстетической эмоцией, как сложным чувством и настроением.

В физиологическом отношении эстетическая эмоция выражается в тех же явлениях со стороны нервной системы, как и всякая другая эмоция, и интенсивность характерных для всякого волнения процессов находится в прямой зависимости от вызвавшего эмоцию стимула; тут имеет значение интенсивность воздействия в зависимости от степени восприимчивости субъекта, от способности его к специфической реакции на тот или другой стимул элементарно-эстетический, идейный или этический; но в то же время выдающуюся роль для интенсивности эмоций играет специальная организация

нервной системы, проявляющаяся в более или менее значительной подвижности сосудодвигательной, симпатической, нервной системы.

По Фере всякая эмоция — и эстетическая в том числе, прибавим мы, — будет ли она вызвана внешним влиянием, или толчком из области воображения, сопровождается одними и теми же изменениями в мозгу, а, следовательно, и в исходящих из него импульсов для симпатического нерва. Изменения эти распространяются на кровообращение всего тела, выражаясь в усиленном скоплении крови то во внутренних органах, то в периферических; отражаясь на функции различных железистых органов, на деятельности органов пищеварения, размножения и дыхания, они подают повод к резким колебаниям в ходе химических процессов в органах нашего тела, к скоплению электричества на поверхность тела; другими словами, нет ни одного из растительных процессов, который был бы свободен от влияния душевных волнений. В свою очередь, напряженность этих явлений бывает различна у различных людей, и натуры с чувствительной эмоциональной сферой проявляют все упомянутые изменения соответственно степени своей впечатлительности.

Эстетическая эмоция занимает в этом отношении одно из первых мест, особенно в виду того, что способные к ней люди обладают вообще в высокой степени впечатлительной натурой и, при существовании у них склонности к тому или другому виду творчества, они своим любимым делом систематически подвергают испытанию свою чрезмерно чувствительную склонность. Напрасно Джон Рёскин думает, что «пока художник будет работать спокойно, всё, что он сделает, будет хорошо и верно; а всё, что он сделает в тревоге, будет фальшиво, бессодержательно и никуда не годно». По заявлению Силли, «Байрон, Гете, Диккенс и другие свидетельствуют о необычайном душевном волнении, которым сопровождалась их работа». и далее «еще Платон заметил нелепость мнения, что будто бы произведение, полное творческой фантазии, может быть создано в состоянии полного хладнокровия. Душа должна для этого испытывать жар и холод, как в лихорадке. В минуты вдохновения всё существо человека потрясается до его сокровеннейшей глубины, и то, что скрывалось годами, внезапно выходит наружу».

Что же это, как не глубочайшая пертурбация всей физической и духовной организации, как не участие в эмоции всех сил человеческих, как не высшее напряжение пульса жизни?

Истинное художественное произведение, подобно всякому

живому существу, получившему жизнь от своего творца, живущему ею и разливающему ее вокруг себя, должно состоять из души и тела: кроме живущей в ней эмоции оно должно обладать и телом, и формой, вмещающей в себе душу. Тело художественного произведения — это те образы, которые дал им художник; и они тогда только удовлетворяют своему назначению, когда сливаются с элементом эмоции в одно неразрывное целое, когда они во всех своих частях, по всем своим свойствам, гармоничны между собой и обусловливают полную художественную гармонию всего произведения; поэтому художник, обладающий способностью матового стекла фотографической камеры, валика фонографа или листа протокольного журнала, никогда не в состоянии будет вылить свое вдохновение в форме истинно-художественного произведения.

Для достижения своих эстетических целей художник должен обладать совершенно особенным воспринимающим и проецирующим аппаратом, отличающимся не столько точностью, сколько творческой активностью, не столько способностью воспоминания образов, сколько способностью фантазирования, т. е. воображением. Однако для того, чтобы последнее оказалось на высоте своего призвания в деле создания истинно-художественного произведения, необходимо, чтобы оно выступало в одно время и в полном согласии со всеми ассоциируемыми с ним остальными элементами эстетико-психологического процесса, и в свою очередь, оно должно иметь в основе своей особенно выраженную возбудимость чувствующих центров мозговой коры: само искусство есть, до известной степени, чувственный бред, и художественное произведение есть не что иное, как иллюзия; чем ярче условные образы, тем полнее впечатление и тем ярче вызываемая ими эмоция. Только крайне чувствительные центры мозговой коры способны давать зрительные и слуховые иллюзии, псевдогаллюцинации и галлюцинации, — явления столь часто лежащие в основе художественного творчества, как об этом свидетельствуют сами художники и, еще более, их произведения.

Факт этот представляется еще более важным после того, как трудами Кандинского было доказано, как для психически здоровых, так и для больных людей, такое состояние мозговой деятельности, при котором в сознании являются весьма живые и чувственно до крайности определенные образы, однако, резко отличающиеся, для самого восприемлющего сознания, от истинно-галлюцинаторных образов тем, что не имеют присущего последним характера объективной действительности, но, напротив, прямо сознаются как

нечто субъективное, однако, вместе с тем, как нечто аномальное, новое, нечто весьма отличное от обыкновенных образов воспоминания и фантазии. Явление это, которому Кандинский дал название псевдо-галлюцинаций, которое на общепринятом языке описывается как внутреннее слышание, внутреннее видение, наблюдается в различных сферах чувственного восприятия; оно доступно многим здоровым людям в состоянии промежуточном между сном и бодрствованием, а у людей с большой наклонностью к чувственным представлениям, у всякого рода художников, оно занимает очень видное место в ряду душевных процессов, выступая особенно резко при различных нарушениях равновесия нервной системы: при душевных волнениях, при художественном трансе, при инфекционных болезнях, под влиянием возбуждающих напитков и т. п. Отличительной чертой псевдо-галлюцинаций психически здоровых людей надо считать отсутствие навязчивости и повторяемости их появления в сфере сознания; навязчивые же псевдо-галлюцинации подобно истинным галлюцинациям, присущи скорее душевно-больным.

Для художника, живущего в мире грёз, нуждающегося в таких образах, каких действительность не в состоянии ему дать в момент необходимости, а воспоминание образов может давать не с достаточной яркостью и образной обособленностью, такая способность, доходящая подчас до патологической степени, представляет настоящий клад и, как мы постараемся дальше показать, во многих случаях она играет в процессе художественного творчества главную роль и может достаточно служить к характеристике не только самого произведения, но и психологических и патологических особенностей творца.

Итак, вот два главных элемента психической стороны художественного творчества: 1) образ и 2) его эмоциональная окраска; с одной стороны образ — зрительный, звуковой, словесный, двигательный, образ простой или идейный, с другой — неразрывно сплетенное с ним в одно гармоническое целое настроение. Этим бы дело и кончалось, если художественному произведению было бы суждено возникать в сознании и тут же оставаться скрытым от посторонних глаз и ушей. Но дело в том, что помимо этих свойств, в художнике постоянно живет потребность поведать другим свои чувства в созданной им форме, и вместе с тем, та импульсивность, которая, подчас, против воли самого художника, по простым законам физиологии, понуждает его к проекции наружу результатов мозговой

работы и требует от художника особого умения передать всё так, как оно сложилось в его мозгу; воспроизводящего же продукт чужого творчества заставляет так вникнуть и уйти в это произведение и так выполнить его, чтобы казалось, что первоначальная творческая работа принадлежит ему, а не настоящему творцу. Этот процесс особенно важен с нашей, физиологической, точки зрения, тем, что требует от художника способности отрешаться в момент работы не только от всего окружающего, но и от самого себя, заставляет его проявлять интеллектуальную деятельность в виде подчинения эмоций и чувственных образов воле.

Там, где речь идет о более простых психологических процессах художественной работы, как при живописи, музыке, дело сводится к искусственному переживанию более простых элементов духовной жизни; здесь неестественное напряжение воли и внимание не достигает той степени, как при литературе, а еще более при сценическом творчестве, где личность художника должна быть отодвинута тем дальше, и насильственное отрешение от своего «я» должно быть тем полнее, чем сложнее образ, чем сложнее соотношение душевных элементов изображаемой личности. Этот процесс по своему психологическому характеру напоминает, до некоторой степени то, хотя и более глухое, по своей полусознательности состояние, которое переживают субъекты, получившие гипнотическое внушение превратиться в то или другое лицо и выполнить соответствующую указанной личности роль.

Таким образом мы видим, что, во-первых, в художественном творчестве участвуют три элемента психической жизни, т. е. 1) эмоция, 2) воображение с образами воспоминания и псевдо-галлюцинациями и 3) специальная интеллектуальная энергия, служащая для управлениями первыми двумя моментами в целях регулирования или возбуждения их; во-вторых, эмоциональная сфера должна быть не только особенно чувствительна сама по себе, но и должна под влиянием известного сочетания образов давать место специфической, так называемой, эстетической эмоции. В-третьих, образы должны отличаться яркостью, телесностью, должны сочетаться с известным чувством и способствовать мотивированному настроению и, сверх того, не должны прерывать связи с остальным духовным миром художника, наконец, в-четвертых, чувствительность эмоциональной сферы и корковых центров высших органов чувств должна быть настолько велика, чтобы влияние воли на бессознательный мир могла бы граничить со способностью

самовнушения образов и настроений, — другими словами, если возбудимость мозговой деятельности художника не должна переходить за пределы нормы, то во всяком случае она должна занимать пограничную область между нормальным состоянием и патологией; поэтому нет оснований настаивать на том, что самый процесс художественного творчества есть в простом смысле слова патологический процесс; тем не менее, однако, следует признать, что он требует таких особенностей нервной системы и приводит ее в такие состояния, при которых более чем возможны расстройства ее деятельности в зависимости всего более от сторон ее, участвующих в качестве элементов процесса нормального художественного творчества.

III

Если всякая душевная деятельность, требующая известной степени напряжения, стоит человеку сил, а потому и здоровья, то тем более это имеет место у артистов, художников и поэтов, нервная энергия которых достигает, в виду сущности их психического процесса, крайних степеней напряжения как в количественном отношении, так и вследствие неминуемого раздвоения духовной жизни. Поэты, как об этом свидетельствует Мадден в своей книге «Infirmities of genius», в среднем умирают гораздо раньше, нежели ученые. Эмоциональная деятельность у художника сопровождается интенсивными физиологическими спутниками, она в большинстве случаев происходит без достаточно определенной цели, независимо от хода сознательно направляемой умом психической жизни и, наконец, она бывает без меры продолжительна — и это всё, по Фере («Pathologie des emotions»), суть признаки болезненной эмоции. Проводя большую часть своей жизни в мире эмоций, художник, тем самым, не только хронически истощает свои силы, но и открывает в то же время широкий простор для душевного волнения и для властвования его над всеми остальными проявлениями духовной жизни, а отсюда один шаг до каких угодно болезней — от истерии и неврастении до глубокого психического расстройства.

С другой стороны, крайнее напряжение воображения, постоянная жизнь среди образов, произвольное вызывание их в сознании и управление ими, может служить последней ступенью к патологическому состоянию психики и к определенным психическим болезням. Все истинные художники, музыканты, поэты и особенно драматические артисты, имеющие способность всецело отдаваться своей работе и производить искренние и талантливые образы, очень хорошо знакомы с тем состоянием усталости духовной и физической, с той повышенной душевной впечатлительностью и раздражительностью высших чувственных центров, доходящей до настоящих галлюцинаций, которые являются на смену напряжению творческой энергии. Достаточно привести пример из книги Ломброзо («Гениальноать и помешательство»), где речь идет о живописце Спинелли, упорно работавшем над картиной; когда он достиг цели и изобразил Люцифера во всем его безобразии, то последний явился ему во сне и укорял его, зачем он изобразил его таким уродом. Этот образ

потом в продолжении нескольких лет преследовал Спинелли и едва не довел его до самоубийства. Еще пример приводит Верга, знавший одного художника, который, долгое время упражняясь в рисовании змеевидных линий, стал видеть их перед собой днем и ночью, под конец даже превратившимися в настоящих змей; это до такой степени мучило его, что он пытался утопиться.

Не можем не привести еще одного крайне интересного случая: Виганд упоминает об одном художнике, который мог сохранять в памяти один раз виденное лицо и впоследствии представлять себе его в каких угодно положениях; он кончил тем, что перестал отличать воображаемые лица от виденных. Мы бы никогда не кончили, если бы занялись приведением всех относящихся сюда примеров: их слишком много в имеющихся биографиях художников, музыкантов, поэтов; мы ограничимся лишь указанием на те последствия, к которым очень легко может приводить сценическая игра, ведущая к замене своего «я» другим, долженствующим на время окончательно вытеснить первое из психических рамок субъекта.

Как велика и трудна эта работа видно из того, что подобная трансформация личности достигается при гипнотических опытах лишь с людьми, одаренными крайнее впечатлительной, истерически-восприимчивой нервной системой, и не только ведет за собой временное истощение нервной системы, но и дает повод к развитию настоящей истерии или других патологических состояний там, где они существовали только в скрытом виде. Поучительный пример мы находим в «Мыслях о сценическом искусстве» С. А. Юрьева касающийся знаменитой английской артистки миссис Сиддонс: «Величайшим торжеством миссис Сиддонс была роль леди Макбет. Ее концепция этой роли была так страстна и так изящна, так одухотворена драматическим гением, и вместе с тем преисполнена такой жизненной реальности, что зрители, слушая и глядя на нее, совершенно переносились из Лондонского театра XVIII ст. в старый замок на севере Шотландии, плакали и содрогались, потому что перед ними воскресала с осязательной ясностью ужасная, потрясающая жизненная драма. Миссис Сиддонс сама всегда совершенно сливалась на время представления с различными типами, воспроизводимыми ею на сцене. Следующий случай, относящийся к этому периоду ее истории, показывает, до какой степени она отождествлялась с воспроизводимыми ею образами поэтического творчества. Однажды, поздно вечером, мистер Сиддонс сидел у огня в скромной семейной гостиной, которая в их беспритязательной хозяйстве служила и

столовой, и задремал… Вдруг его разбудили поспешные шаги по коридору. «Кто бы мог это быть», спросил он себя с удивлением, вскакивая и протирая свой сонные глаза. Но он не успел себе задать этого вопроса, как вдруг чья-то дрожащая рука поспешно открыла дверь, и в комнату вбежала женщина; мистер Сиддонс смотрел на нее с безмолвным удивлением и с некоторой примесью страха. Перед ним стояла его жена, прелестные волосы ее были распущены, платье в беспорядке, лицо дрожало от сильного волнения. Смущенный, встревоженный, он спросил ее, что с ней; она же, вместо ответа, бросилась ему в объятия и разразилась слезами. Он нежно успокаивал ее, не зная, что и подумать. Она понемногу успокоилась и тогда объяснила мужу всю тайну случившегося с ней. Вместо того, чтобы улечься спать, она сидела и изучала роль леди Макбет и так увлеклась этим изучением, ужас переживаемых героинею шекспировской драмы ощущений так охватил ее, она так ясно видела перед глазами все фазисы драмы, точно она участвовала в ней; ею овладел безумный ужас, и она убежала искать общества людей».

В той же статье С. А. Юрьева мы находим еще указания на бывавшие галлюцинации зрения у знаменитого московского Мочалова, и еще на не менее даровитую Рашель, которой, при изучении ролей, овладевало такое нервное возбуждение, что совершенно скрывало перед ней реальные образы; она не только вела себя в соответствующем ее роли положении и костюме, но видела и окружающих ее в занимавшей ее сцене лиц. В начале ее сценической деятельности это случалось с ней весьма редко, а потом, с развитием этой деятельности, подобные явления стали происходить всё чаще и чаще.

Другая точка соприкосновения процесса художественного творчества с патологическим состоянием нервной системы заключается в том, что для первого, когда оно вдохновенно и выливается из глубины души, требуется известное нарушение равновесия нервной системы; это, по-видимому, есть необходимое условие для более интенсивной эмоции и для возникновения более ярких, в то же время и более стройных образов, а при условиях обостренного внимания, и для более легкого оперирования этими элементами. Очень многие из так называемых здоровых художников, т. е. таких, которые в период своей творческой жизни не проявляли (я это говорю на основании общих биографических данных) явных признаков нервного расстройства, обязаны подобным временным ненормальным условиям немалым числом своих произведений. Как

часто при каких-нибудь невзгодах, житейских неудачах под влиянием случайного воздействия извне на чуткую и впечатлительную нервную систему или во время лихорадочного состояния рождались в голове поэтов, музыкантов, художников перлы их творческой работы. «О, если бы можно было записать мечты горячечного, какие великие и высокие вещи мы увидели бы иногда выходящими из его бреда», — восклицает Ж. Ж. Руссо.

Как часто сам артист с целью нарушить нормальные физиологические условия деятельности нервной системы, старается изменить кровообращение в мозгу горячими ли компрессами на голову, холодной ли ножной ванной, лежачим положением, а в особенности веществами, действующими отравляющим образом на мозг, для того, чтобы получилось общее возбуждение или наплыв разнообразных или специфических образов. Жорж Занд во время работы уничтожала огромное количество папирос; Бодлер отравлял себя умышленно гашишем для того, чтобы черпать образы и настроение из мира специфических грёз; нам известно, что один выдающийся русский писатель, уже умерший, страдал периодическим запоем, начинавшимся каждый раз, как он, для более успешной деятельности воображения, сопровождал работу усиленным, умышленным уничтожением графина водки за графином. К этой же категории явлений можно отнести и пример, касающийся Тальмы: этот знаменитый артист усилием воли заставлял исчезнуть для себя многочисленных зрителей, наполнявших театр; на их место он сажал своим воображением скелеты, и тогда его игра достигала такой силы и правдивости, такой жизненности, какой без этого, по его мнению, она никогда не могла бы достигнуть.

С другой стороны, обострение творческой способности очень легко может иметь место там, где необходимые стороны мозговой деятельности пришли в состояние повышенной возбудимости под влиянием такого состояния, как сомнамбулизм; я был свидетелем того, как один студент-юрист, не проявлявший никогда никаких поэтических, ни других артистических наклонностей, и страдавший естественным сомнамбулизмом, так назыв. лунатизмом, написал во сне при мне очень милое четверостишие, охарактеризовавши в поэтических выражениях и в удачной форме волновавшие его в то время чувства к одной молодой особе. В другом случае я был вызван экстренно к одной пациентке, талантливой музыкантше и композитору, которую я лечил тогда от большой истерии; я застал ее с небольшими признаками жизни, с петлей на шее из полотенца,

привязанного к ножке кровати; на столике, у открытого пианино, лежал исписанный лист нотной бумаги; выяснилось, что по возвращении домой из консерватории она впала в беспамятство, проделала некоторые фазы своего обычного припадка и, не приходя в сознание, села за инструмент, сымпровизировала и набросала партитуру очень интересной и разработанной части фортепианного трио; не выходя из сомнамбулического состояния и изливши в музыкальной форме свою тоску, она, всё в том же состоянии беспамятства, затянула петлю на шее. Придя в себя, она ничего не понимала из происшедшего и не узнала своего произведения.

Все приведенные примеры указывают на возможность временного появления художественного творчества и на обострение существующего дарования под влиянием различных условий, выводящих нервную систему из состояния равновесия. Но художественный талант может вспыхнуть и занять в жизни человека первенствующее место вследствие аналогичных поводов, отличающихся от вышеприведенных больше в количественном, нежели в качественном отношении: здесь мы встречаем те же моральные и физические причины, истощающие нервную систему, с той только разницей, что для появления дотоле скрытого таланта требуется, по-видимому, то суммирование моментов, ослабляющих нервную организацию будущего художника, то более грубые, глубже потрясающие душу шоки. Известный композитор Гретри приписывал появление таланта падению на его голову большого бревна.

Психические болезни занимают далеко не второстепенное место в ряду ненормальных состояний нервной системы, способствующих проявлению артистических стремлений; это могут засвидетельствовать все психиатры; они вам могут представлять ежедневно пачки бумаги, исписанной хорошими и плохими поэтическими произведениями, коллекции нормальных и патологических рисунков, орнаментов и произведений скульптуры и архитектуры, у них в палатах не прекращается декламация и музыкальные импровизации.

Весьма красноречивые данные мы можем почерпнуть из статистики Ломброзо: ему пришлось изучить из всего числа имевшихся под наблюдением душевно-больных 107 субъектов, предававшихся занятиям искусствами и распределенных по роду болезни в следующем порядке:

25 параноиков с галлюцинациями и бредом преследования.

21 слабоумный.
16 с бредом величия.
14 с острыми и периодическими психозами.
8 меланхоликов.
8 прогрессивных паралитиков.
5 нравственно-помешанных.
2 эпилептика.

Из них 46 больных занималось живописью, 27 — поэзией, 11 — резьбой, 10 — скульптурой, 8 — музыкой и 5 — архитектурой.

Замечательно то, что профессиональных артистов из 107 артистов больных было всего 8 живописцев (из 46) и 10 архитекторов и резчиков по дереву (в том числе были и столяры): остальные же 89 больных обнаружили художественные наклонности во время психической болезни. Из этой же таблицы видно, что наиболее частые виды художественного творчества, вызванного душевной болезнью — это живопись и поэзия, и что больше всего больных артистов приходится на те формы, которые характеризуются нарушением равновесия эмоциональной сферы, с одной стороны, и обманами чувств — с другой; почти наравне с этими двумя моментами стоит и упадок интеллектуальной деятельности; небольшой же процент меланхоликов необходимо приписать характеру самой болезненной формы, сковывающей обыкновенно всякую деятельность больного.

Таким образом, вся совокупность приведенных материалов и соображений заставляет нас думать, что толчком для художественного творчества и стимулом, направляющим на путь артистической деятельности и удерживающим на ней особенно легко могут являться весьма разнообразные аномалии равновесия нервной системы, начиная с простых и преходящих комбинаций в ее деятельности и кончая глубокими расстройствами психики.

IV

Относительно произведений искусства принято говорить, что для каждого человека то хорошо, что ему нравится, другими словами, — не должно существовать в одном случае всеобщего признания художественного произведения, в другом случае — всеобщего непризнания. Однако этот ложный взгляд на эстетическую реакцию различных людей не выдерживает никакой критики. Если даже допустить, что в одну эпоху специфическая эмоция вызывается одним произведением, одним мотивом, одной манерой, в другую же историческую эпоху — другими проявлениями художественного творчества, что неразвитому ни в каком отношении, ни в общем, ни в эстетическом, жителю пустыни, может нравиться то, что европейцу с развитым вкусом кажется диким — и обратно; если допустить, наконец, что двум людям, стоящим на одной и той же ступени культурности, но смотрящим на вещи с различных точек зрения, могут нравиться различные картины, различная музыка, различные литературные произведения, тем не менее, однако нельзя отрицать и того, что дикаря можно развить до того, что на него будут производить впечатление Шекспир, Моцарт и Рафаэль, что древнему афинянину мог бы понравиться Пушкин, Репин и Глинка, что, наконец, русский способен испытывать удовольствие от Россини, Альфреда де-Мюссэ, Мункачи. Настоящее искусство подчинено таким психофизиологическим законам, обязательным для всех людей, которые должны заставлять всех здоровых людей испытывать одни и те же чувства под влиянием художественных произведений, созданных по естественным законам психологии и физиологии. Такая способность произведения искусства вызывать однородные ощущения в нормальном человеке и должна характеризовать творение, как произведение нормального искусства.

Говоря о художественных работах психически ненормальных людей, не следует разуметь обязательно произведения тоже больные: различные душевные болезни не обязаны затрагивать все стороны психической деятельности или непременно органы художественного творчества у различных больных; вследствие этого и психические элементы, участвующие в эстетической деятельности, у одних больных могут быть сохранены, у других могут находиться в патологическом состоянии, и отсюда понятно, почему в одних

случаях вы не отличите картины, музыкального произведения, стихов или прозы душевно-больных от таких же продуктов деятельности заправских, психически здоровых, художников, и почему от других произведений искусства душевно-больных сразу получается впечатление чего-то ненормального.

При некотором внимании и навыке к искусствам, имея притом в виду индивидуальную степень технической подготовки различных душевно-больных, можно, на основании изучения их произведений, провести резкую границу между здоровым, нормальным творчеством и патологическим: можно, в одном случае, говорить с уверенностью о болезненном произведении душевно-больного, в другом приходится воздерживаться от квалификации психического состояния художника.

Оставляя в стороне вопрос о количественных расстройствах выражения эстетических эмоций у душевно-больных, так как тут, при нормальном содержании, дело сводится в большинстве случаев к экспансивности или к одностороннему способу выражения волнующих чувств, мы обратимся к качественным особенностям патологических произведений искусств и постараемся дать их общую характеристику.

Особенности этих работ касаются, во-первых, содержания, окрашенного известным чувством, во-вторых, формы, в виду чего живопись и литература, которым наиболее доступно образное выражение известного душевного содержания, стоят на первом плане; музыка, в этом отношении, как искусство, сводящееся исключительно к звуковой передаче весьма ограниченного круга чувств, редко приходит на помощь больному, переживающему много ощущений, мыслей и положений, и нуждающемуся с этой целью подчас в бесконечном ряде символических приемов.

Другое дело — живопись: какие чувства, представления и идеи не сводятся к зрительным образам, или не ассоциируются с ними? Сфера зрительных представлений до того богата, что может дать неистощимый запас образов для какого угодно бреда, для выражения какого угодно настроения.

В художественных произведениях душевно-больных, страдание которых сводится к чрезмерно напряженной в одну сторону или специфически окрашенной духовной работе, содержание представляет резкие особенности в зависимости от характера болезни: при маниакальном возбуждении вы увидите сложный сюжет, большие толпы фигур, большие и роскошные здания, много сложных орнаментов, совершенно излишних украшений на зданиях и людях;

рисунок должен давать понятие о силе, могуществе, о богатстве и славе, для чего больной обращается ко всем общеизвестным символам, вроде божества, сияния, короны, оружия и т. п. или сам изображает свои, ему одному понятные символы.

Меланхолик изображает страдания — заключение в тюрьму, пребывание в аду, распятие, смерть, черепа, кладбища, темные силы, чертей, фантастические чудовища и животных, вроде вампиров, волков и т. п., особенно змей и змееподобных зверей, — и всё это выражается опять-таки посредством тем большего числа и тем более ярких существовавших и изобретенных им для данного случая условных образов, чем интенсивнее у него тоска и чем больше у него ассоциируется представлений с основной нотой его настроения.

У эротомана на первом плане стоит овладевшее им влечение; в его произведениях трактуются сюжеты, имеющие отношение к его либидозным представлениям: пылающие сердца и влюбленные пары на одном конце лестницы, а на другом — самые удивительные обнажения и криминальные сочетания эротического характера.

Неистощимый запас образов, необходимых для художественных произведений, дают психически больному галлюцинации, иллюзии и псевдогаллюцинации, причем то вся картина передает содержание галлюцинации, вроде страшной рожи, заглядывающей в окно, или каменного человечка, лежащего на тыле ступни, то галлюцинация служит только аксессуаром и входит в состав отдельных элементов рисунка; по характеру своему образы, порожденные галлюцинаторным процессом, бывают весьма различны и характерны для различных болезненных форм; всего же чаще встречаются зрительные галлюцинации алкоголиков и тогда они носят специальный характер устрашающих: рожи, черти, змеи, крысы, пауки, пылающее пламя, окровавленные трупы, убийцы и т. д.

Содержание произведения больного художника имеет большое значение для определения состояния его интеллекта: чем стройнее компоновка, чем яснее смысл, тем больше есть оснований думать о сохранении интеллекта, чем нелогичнее трактовка основной идеи и настроения, тем с большим правом можно думать о наступившем слабоумии: тут вы встретите недоделанные вещи, где нет ни начала, ни конца, и нельзя доискаться смысла, вас будет поражать множество лишних подробностей и, наконец, вы будете свидетелем полной разнузданности воображения, всего чаще, с преобладающим отсутствием чувства стыдливости.

В произведениях душевно-больных, как и в нормальных

произведениях, форма и манера имеют не меньшее значение, чем содержание; уже из вышеизложенного ясно, что для выражения содержания и, главное, — волнующего настроения, больные крайне охотно прибегают к символам самого разнообразного свойства, чем их работы резко отличаются от нормальных художественных произведений; необходимый там, где содержание не соответствует задачам искусства и где недостает цельных художественных образов для передачи эстетической эмоции, этот прием оказывает услугу больным, обуреваемым патологическими моментами и неспособным в одном гармоническом целом вылить наружу волнующую их эстетическую эмоцию. Но сверх того наклонность к символизму у душевнобольных должна считаться явлением атавистическим, указывающим на вырождение формы и на возврат ее к давно прошедшему, и тем еще более оттеняется символизм, как патологическое явление.

Спору нет, что искусство, по существу, явление из области иллюзий, разумеет в себе условные образы, как необходимое орудие выражения более подчеркнутого настроения; но там, где такие символы служат для облегчения передачи при скудости художественного творчества, они суть символы эстетической нищеты; там же, где они предпочитаются с целью произвести особенное впечатление, взамен естественных для всякого здорового человека представлений, где они имеют в виду особую сторону, особую эпоху, ребяческую трактовку, или факты из другой области и где они должны служить для дополнительного ощущения чего-то, долженствующего, якобы, усугубить эстетическую эмоцию, — там такие символы суть результат нарушенной гармонии психической деятельности. С той ли самой целью или, вернее, вследствие сужения области представлений и наклонности к навязчивым повторениям, больные художники нередко прибегают к частому повторению одной и той же формы, одного и того же символа.

Наряду с богатством символов в произведениях душевно-больных и самый рисунок их представляет некоторые характерные особенности: мы здесь встречаемся с грубо обведенными контурами, с неправильными пропорциями, преувеличением размеров и искаженным размером частей по отношению к перспективе, с нелогичным расположением фигур наподобие японских изображений; при этом в тех случаях, где подобные ошибки не зависят от исходящих из слабоумия причин, они должны быть приписываемы манерности больных, имеющей целью какое-нибудь особенное

впечатление. Стоит еще упомянуть об особой наклонности душевно-больных к пунктирным контурам и теням из точек, а еще о частом стремлении к рисованию змеевидных линий и орнаментов, дающих материал для часто фигурирующих в их произведениях змей и драконов.

Наконец, и элемент цветовых тонов не остается иной раз у наших пациентов без своей couleur locale и сказывается известными специфическими особенностями при некоторых психопатологических состояниях; так, например, для живописи алкоголиков надо считать характерными желтые и особенно красные тона, которые то вяжутся с огненными и кровавыми сюжетами их произведений, то не имеют с содержанием ничего общего. С другой стороны, бледные тона являются первенствующими у иных больных, имевших до того способность передавать свои образы во всяких надлежащих красках: Ломброзо упоминает об одном известном художнике, хорошем колористе, который, в состоянии вторичного слабоумия, ограничивался лишь белыми и серыми тонами и стал особенно удачно передавать эффекты зимних пейзажей.

Мы несколько подробнее остановились на особенностях патологической живописи и считали бы излишним вдаваться в подобный же анализ других форм художественного творчества уже по одному тому, что, например, литературные произведения, а главным образом, поэтические, которым душевно-больные предаются не менее охотно, чем живописи, представляют в патологических случаях особенности, аналогичные с произведениями больных живописцев: здесь мы встречаем тот же специфический оттенок в содержании, ту же дисгармонию между содержанием и настроением, с преобладанием то первого, то второго, ту же необузданность фантазии, весьма часто с ярким преобладанием эротических мотивов; здесь нам бросается в глаза та же более или менее бессвязная многоречивость, зависящая то от наплыва образов, то от болезненного многословия, та же вычурность стиля и формы, неудержимая игра словами и стремление к изобретению новых, подчас бессмысленных словесных символов, то же тикозное повторение одного и того же слова или выражения, — пресловутый rabachage, проходящий яркой полосой чрез всякого рода художественные произведения душевно-больных. Другими словами, как различные явления в сфере мысли и чувств, намерений и поступков, так точно и различные проявления художественной эмоции могут при анализе больной психики иметь значение симптомов со всеми их характерными чертами, необходимыми для

постановки диагноза.

V

Вот вкратце то, что дает нам в настоящее время невропатология и психиатрия. Вот те факты, которые устанавливают взаимное отношение между жизнью больных нервов и искусством. Тут мы, с одной стороны, видим, к каким вредным последствиям могут приводить при известных условиях занятия искусствами, с другой — те уродливые превращения, которым подвергается искусство в руках душевно-больного. Мимо этих фактов мы не можем пройти, не остановивши на них внимания. Это сама жизнь; это одна из крупных сторон жизни духа; это относится к внутренней жизни всех народов, и не коснуться этого в один из тех редких моментов, когда представляется возможность встретиться с интеллигентной публикой и поделиться с ней мыслями по поводу занимающего всех вопроса, мы не считаем себя в праве.

Нас в этом отношении поддержит Макс Нордау одной из последних страниц своей книги «О вырождении»:

> *«Психиатры, — говорит этот выдающийся врач-философ, — в свою очередь не поняли своего долга. Настало время, когда они должны выступить, наконец, вперед: это большая ошибка, — говорит Бианки, — превращать психиатрию в святилище, в недоступную ни для кого Мекку». «Делать наблюдения, — говорит далее Нордау, — большая заслуга, но этим не исчерпывается задача психиатра. Недостаточно, если он обнародует свои наблюдения в специальных изданиях. Он должен говорить, прежде всего, с массой образованных людей, а не с врачами или юристами. Он должен распространять знания в популярных брошюрах или на столбцах газет».*

Насколько можно согласиться с мнением этого писателя относительно всяких вопросов научной психиатрии, мы здесь решать не станем.

Вопрос об отношении болезней нервной системы к искусствам, вместе с немногими другими, занимает исключительное положение, особенно в последнее время. В начале нашей речи мы уже указали на одну из сторон современного искусства, именно на его чрезмерное распространение за последнее десятилетие. Укажите мне ту

интеллигентную семью нашего времени, где бы не раздавалась музыка, — игра на рояле, на скрипке или пение. Если вы мне укажете на таковую, я в ответ назову такие дома, где инструмент берется с бою, особенно, если в семье преобладает женский пол. Прокатитесь весной, летом или осенью по окрестностям большого города и вы не найдете ни одной дачной местности, где бы пред избушкой или березовой рощицей не сидел один или несколько фабрикантов масляных этюдов, которые зимой с радостью ждут открытия всякой, какой бы то ни было выставки, чтобы пощекотать свой художественный взор и высказать свои соображения относительно манер, планов, настроения и гаммы тонов. Попробуйте попасть в один из многочисленных театров наших столиц на интересующий вас спектакль и вы с трудом добудете себе билет; дирекция же театра вынуждена ставить одну и ту же вещь по 30–50 раз в сезон; но если вы не попали в театр, вы почти ежедневно имеете возможность присутствовать при том, как многочисленные любители драматического искусства изо всех сил стараются коверкать или произведения искусства, или свою личность.

Это одна сторона.

Другая сторона искусства наших дней заключается в той специальной его окраске, которая заставляет меня упомянуть о любопытном наблюдении над самим собой: когда, лет 15 тому назад, мне впервые пришлось рассматривать рисунки и читать стихи психически-больных, на меня большинство подобных произведений искусства производило глубокое впечатление своей внешней уродливостью и диким содержанием — до того они резко отличались своим патологическим характером от того, что дала в то время живопись и поэзия; прошло всего 15 лет и от этой беспредельной разницы осталось очень мало, — настолько в некоторых пунктах приблизились друг к другу произведения некоторых представителей больного и здорового искусств. Как же это могло произойти?

Или все душевно-больные художники и поэты выздоровели и стали писать так, как писали нормальные творцы прошлых лет — это первая возможность.

Или способность моя отличать одно от другого настолько притупилась, что я перестал отличать плохое от хорошего — это вторая возможность.

Или с искусством произошло нечто такое, что сблизило антиподов и местами затерло границу.

Против первого предположения говорит, однако, то, что рисунки и

стихи душевнобольных за это время не проявили особенной наклонности к прогрессу и как бы застыли на точке замерзания.

Против второго говорит то, что среди произведений современных поэтов, беллетристов и живописцев мы всегда сумеем отличить более приближающиеся к творениям больных от таких, которые на них менее похожи или даже вовсе не похожи.

Остается еще третье предположение, которое, как это ни печально, а все-таки придется допустить. Его необходимо допустить, потому что ничем иным нельзя объяснить того яркого сходства, которое представляют многие из произведений современного искусства с продуктами больного воображения в отношении то замысла, то выполнения. Чем иным, как не проявлением больной души, вы объясните крайнее стремление у некоторых современных художников и поэтов к аллегоризации подчас даже самых обыденных явлений, к демонизму и чертовщине, к изображению болезненных психических явлений, вроде галлюцинаций, бреда и т. п., наклонность к самой удивительной символической передаче настроения и чаще всего до болезненности мрачного, меланхолического? Чем, как не психопатическими странностями, объясните вы нелогические формы, извращенные перспективы, японизм, скандинавизм и тому подобные экзотизмы, инфантилизмы с детской манерой рисунка, всякого рода архаизмы, вроде прерафаэлитизма, византизма; различные условные манеры, не преследующие другой цели, кроме оригинальности, наподобие пуантиллизма, змеевидных линий и т. п. ухищрений, чем так богат сецессион; условные до нелепости звери и растения — лебеди, павлины, змеи, драконы, вампиры, орхидеи, лилии, ирисы, хризантемы и такие бредовые и нечистоплотные персонажи, как Succubus и Incubus; специфические колориты бесцельно-красные и желтые, бесцветные серые и бледно-зеленые и бледно-феолетовые тона в художественном слове и на полотне; чем, наконец, объясните вы падение истинного искусства до всё более и более входящего в моду декоративной формы с нагроможденным до болезненного ухищрения и претенциозным орнаментом?

Как живо напоминают вам творения психически-больных то, что вы можете сплошь и рядом встретить на любой из современных выставок картин, принадлежит ли картина кисти известного, болезненно-оригинального художника, или ничтожного подражателя чужим чудачествам. Возьмете ли вы знаменитого Макса Клингера, вы встретите у него и галлюцинанта и символического вампира, сосущего кровь из сердца спящей или мертвой девушки, вы увидите

лежащую в гробу женщину с венком цветов на голове — это мать, а на ее груди сидящего на корточках голенького ребенка, обращенного удивленным и скорее веселым личиком к вам — это ее дитя, а всё должно изображать счастливое неведение ребенка; как будто бы для подобной задачи художнику может пригодиться только самая сумасшедшая и дикая форма. Взглянете ли вы на работы не менее, если не более, знаменитого Франца Штука, вы через каждые пять картин увидите одухотворенные змеевидные линии душевно-больных в форме настоящих толстых змей, свернувшихся в кольцо или отталкивающе извивающихся вокруг бесстыдно-обнаженных женских тел, и всё это вперемежку с ничего не говорящими современному здоровому уму и сердцу козлиными ногами фавнов и сатиров. Вздумаете ли вы посмотреть собрание произведений нашего, нашумевшего за границей, соотечественника Саши Шнейдера и вы ничего не встретите, кроме прекрасно выполненных самых разнообразных демонических иллюстраций бреда преследования мрачного меланхолика, в виде темных сил, дьявола, страшилищ, цепей, вы узнаете вашего знакомого Incubus'a, на тряпке, покрывающей бедра злого духа, вы заметите не менее знакомые змеевидные линии то выходящие, под видом смрадного дыхания, из пасти обезьяны, повисшей на кресте позади распятого Спасителя, то сливающие дым погребального факела с развевающимися волосами страшной старухи, налегшей всей тяжестью своего отвратительного тела на сына, сидящего у гроба мертвого отца.

И куда бы вы ни обратились дальше, к Генри Мартину с огненно-красным Данте, шествующим среди буро-красного леса; к Берн-Джонсу, с нелогическим сочетанием фигур на детски условном фоне пейзажа картин старинных мастеров; к Францу Мельхерсу с его фламандскими сюжетами японски-детальной работы, на фоне японски-условного пейзажа; к прославленному мюнхенскими художниками полу-голландцу, полу-мулату Яну Тооропу с его кладбищами, черепами, преступными рожами или покойниками дегенерантами, протягивающими свои костлявые руки в белых лайковых перчатках, или с присутствующей при бредовой оргии девицей в белом ночном костюме у развалившейся избушки на берегу скорее вертикального зеркала, чем пруда и под стоящими, ветвями вниз, фантастическими деревьями, и, наконец, к картинам со случайно брошенными фигурами то под один, то под другой край рамы, то состоящими из тела без головы, то из головы без тела среди поля, усеянного цветами, или к иной тому подобной бессмыслице, — вы

всюду увидите наших пациентов, вы легко узнаете основные черты творений душевно-больных с преобладанием больного настроения, с несоответствием между формой и содержанием, с иллюстрацией психопатических состояний, с больными символами и тонами, со слабоумной концепцией, с бесконечным числом условных знаков, о значении которых представляется каждому решать по своему усмотрению.

А литература последнего времени, поэзия, беллетристика, драма? Разве вы не замечаете, как в ее чистые струи всё чаще и чаще вливаются ручьи, несущие нечто, ничего общего не имеющие ни с сущностью, ни с задачами ее? Разве пресловутое литературное декадентство и символизм с преобладанием сюжетов из сферы больной души, с изощренной словесной иллюстрацией маловажных индивидуальных и случайных чувств и настроений, с обезличением творений в интересах хитросплетенных сочетаний мертвых слов и музыкальных звуков, не есть то же, что и некоторые течения в современной живописи, не напоминает ли, вернее, тех ламентаций и рифмований, которые с утра до вечера раздаются под сводами домов для умалишенных с их характерными чертами: неологизмами, аллитерацией, эхолалией, копролалией, рабашажем?

Вспомните знаменитого Поля Верлена с его поэтическими произведениями и с его феноменальным катехизисом поэта:

> *«Музыка прежде всего, и в ней ты должен предпочитать диссонанс; пусть она будет неопределенна и как бы растворима в воздухе. В ней должно отсутствовать всё, что имеет какой-нибудь вес, какую-нибудь устойчивость.*

Слова твои должны быть подобраны не без ошибки; нет ничего более ценного, как пьяная песня, где неопределенное сливается с определенным.

Нам важен оттенок; не краски, а именно оттенок. О! Один только оттенок венчает мечту с мечтой и валторну с флейтой».

Вспомните версификаторов, дающих человечеству перлы поэзии, вроде следующего:

«Сегодня, если хотите, мне близко безумие
 всего:
Как растение скучную жизнь я стараюсь вести,
 мерно шепчутся листья:
Песочным пластом я способен тяготеть к

средоточию;
В беспорядочных чувствах вращаться светилом
земли!»

А сколько еще других подобных произведений с павлинами, лебедями, хризантемами, орхидеями и т. п.!

Вспомните последователей алкоголика и галлюцинанта Эдгара По с его ужасами, патологическими страхами, красными огнями и кровью, так свободно переживающих переход к самому безумному демонизму. Вспомните драматургов и писателей, вроде Метерлинка, Киплинга, Ибсена, наполняющих литературную атмосферу, наряду с истинно-художественными произведениями и такими произведениями, как «Втируша», «Слепцы», «Когда мы, мертвые, проснемся» и т. п., такими неясными условностями, которые или требуют особенного толкования со стороны артистов, или неминуемо ведут к нескончаемым спорам о том, что именно автор хотел сказать.

И этого всего будет достаточно для того, чтобы понять, что как в литературе нашего времени, так и в живописи и других изобразительных искусствах, всё более и более завладевает вниманием публики течение, чуждое истинному искусству и скорее подходящее к искусству больных нервов; достаточно этого и для того, чтобы считать это фактом огромной важности в то время, когда условия самой жизни требуют наивысшей степени напряжения общественного сознания.

VI

Выше мы признали обязанностью психиатра делиться с образованной публикой всем из области его науки, что представляет общественный интерес, но думаем при этом, что мало еще делиться одними фактами и теориями; вопросы науки тогда только приобретают общественное значение, когда они способствуют, по мере сил, освещению дальнейшего пути жизни человечества. Мы не желали бы заслужить упрека Макса Нордау в том, что «не хотим позаботиться о гигиене души, в то время, как во всех других областях знания стало общим местом, что гигиена выше терапии, что общественное здоровье больше выигрывает от мер предупредительных, чем от лечения уже запущенной болезни».

Признавая необходимость эстетического развития, как одного из элементов воспитания нашего юношества по отношению к совершенствованию органов чувств, к выработке чувства гармонии и понятия о прекрасном, к пониманию художественно выраженных возвышенных идей, мы, в то же время, не можем не потребовать, с точки зрения гигиены нервной системы, таких мер, которые не только не помешали бы осуществлению задач эстетического воспитания, но и способствовали бы сохранению здоровья подрастающего поколения.

Меры эти должны сводиться:

Во-первых, к устранению того общего утомления нервной системы, которое влечет вначале к неврастении и истерии, а впоследствии и к более тяжким нервным и психическим заболеваниям. Против этого грешит современная постановка музыкального воспитания еще не окрепших молодых организмов, обременяемых и в специальных школах и при домашних занятиях инструментальной музыкой чрезмерной физической и эмоциональной работой над развитием техники, что в свою очередь может, слишком рано для восприимчивой части юношества, открыть доступ к сильно волнующим произведениям музыкальной литературы. В возрасте недоразвившейся и еще неокрепшей нервной системы занятия музыкой должны сводиться к самой элементарной подготовке и к самой ограниченной в количественном отношении работы, и рациональное, с гигиенической стороны, пение должно стоять на первом плане.

Во-вторых, к обузданию чрезмерно развитого воображения и к

правильной дисциплине его на почве неинтенсивных и отнюдь не неприятных эмоций и образов, для чего должно быть обращено особенное внимание на крайне осторожное развитие эстетического вкуса посредством произведений живописи и литературы; в этом отношении заслуживает упрека как посещение общих выставок картин и скульптурных работ, так и те произведения так называемой детской литературы, которые так склонны к злоупотреблению символистикой и к развитию чрезмерной чувствительности; сюда же относятся и детские иллюстрации, преждевременно навязывающие свои импрессионистские, зловредные для детей, тенденции.

И, в-третьих, к сохранению индивидуальных нормальных свойств личности одновременно с заботой о выработке цельного умственного и нравственного склада. «Вместо того, чтобы посылать ваших детей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы детской жизни», — вот совет знаменитого Н. И. Пирогова родителям пятидесятых годов. Если в специальной педагогической литературе раздаются всё более и более энергические протесты против посещения детьми театров и против участия их в детских и любительских спектаклях, то тем более против подобных позорных забав должна вооружиться гигиена нервной системы, на основании того, что сценическое искусство, понуждающее к раздвоению личности, наряду с неизбежным и неизгладимым извращением собственной личности актера, пагубно действует и на весь ход жизненных процессов нервной системы.

Это всё должно служить лишь оговоркой к принципиальному признанию занятий нормальным искусством и должно иметь в виду их гигиеническую нормировку.

Другое дело представляет вырождающееся искусство: лечить такое зло, как вырождение в искусстве, было бы делом совершенно бесплодным: дегенерант неизлечим; но обезвредить такого больного — это уже одна из важных задач гигиены, так как многие психопатические состояния отличаются своей заразительностью, особенно, когда доходят до восприимчивого сознания субъекта с предрасположенной нервной организацией.

Дело в том, что современное декадентство находит для своих завоеваний двоякого рода пути: первый — это путь союза между однозначащими величинами: явился писатель, ныне монах Гюисманс, который нашел на художественном горизонте офорты Фелисьена Ропса и создал редкое единодушие между эротоманом поэтом и безумным символистом, таким же эротическим демономаном,

творцом сплетенных в безобразную группу, в поднебесии, при тусклом сиянии мутного месяца, женского тела с лошадиным черепом.

Что декадентство имеет свойство не только возникать в отдельных личностях, но и заражать других, это ясно уже из самой сущности эстетической эмоции, заключающейся в необходимой способности последней возникать под влиянием индукции, и именно так, что художественные произведения одного рода заражают больше одних, произведения другого рода заражают других; однако натуры или только очень впечатлительные или не представляющие своей собственной эстетической личности, склонны легко подчиняться то тому, то другому влиянию, особенно, если им в этом поможет мода, как преобладающее направление вкусов данного времени.

Это — второй путь; и как первый, с точки зрения принципа l'union fait la force, так и второй, как процесс заражения, приводят к одному и тому же печальному результату, во многом напоминающему любой из коллективных пороков, развивающихся на почве болезненной организации. Общественная гигиена не в праве игнорировать подобное зло и целью своей должна поставить нейтрализацию его с одной стороны, с другой — правильную постановку эстетического воспитания народных масс и подрастающего поколения. Конечно, очень трудно заставить вырождающихся художников писать не так, как они пишут, а как-нибудь иначе; недаром эти художники, которые не хотят видеть ничего, кроме пресловутого искусства для искусства, спешат заявить, что искусство свободно и для него никакой закон не писан, и что законы пишет само творчество, как бы сумасбродно оно ни было, прибавим мы. И в самом деле, трудно представить себе какие-либо определенные регламентации для деятельности, протекающей, в значительной мере, в области бессознательных мозговых процессов; нельзя также отрицать и того, что успехи искусства не малой долей своей обязаны тем творцам, которые, идя во главе специально-эстетического прогресса, нередко, даже в последнее время, давали нам, наряду с уродливыми продуктами больного воображения, и истинные образцы художественного творчества. Их вина в том, что по своей невменяемости, они не в состоянии анализировать себя настолько, чтобы отмечать свои здоровые произведения от больных. Тех из них, кто поступает вполне искренне и бессознательно по отношению к продуктам своего больного мозга, строго винить нельзя, но трудно и направить их на путь истинный; это сделает время при помощи беспощадного и стихийного, трезвого суда

общественного сознания, который всегда для своей эпохи сумеет точно установить понятия о добром и дурном, о нравственном и безнравственном. В отношении этих творцов наука обязана только установить свою точку зрения, давши психологическую характеристику их деятельности. Другое дело там, где речь идет как о преднамеренных, так и о бессознательных прозелитах, которые для своих творений сознательно или бессознательно черпают пищу и вдохновение из больных, хотя и натуральных, источников. Здесь наука во всеоружии должна вступиться за тех, кому грозит опасность от патологических течений в современном искусстве; она должна указать на тот вред, который может произойти как для нравственности, так и для состояния нервной системы, от разнузданности воображения, от культивирования и разработки болезненных мозговых процессов, от крайнего преобладания работы фантазии над деятельностью интеллектуальной. Современное искусство, так называемое новое искусство, ищущее якобы новых путей, вернее, потерявшее голову в погоне за оригинальностью и новизной манеры, стиля, навязывающее свои декоративные тенденции, индивидуальные настроения и своеобразный сюжет, живо напоминает талантливого, но и неуравновешенного ребенка из вырождающейся семьи, капризного, раздражительного, крайне впечатлительного, неустойчивого ни в настроении, ни в поступках, навязывающего свои фантастические измышления при всяком удобном и неудобном случае, суетливого эгоиста, не только не способного к общежитию и к правильному для своего возраста душевному развитию, но, подчас, и вредного для окружающих его здоровых детей. Этот ребенок, правда, обещает много хорошего, из его скрытых способностей может получиться и много полезного для дела, которому ему суждено служить; но для этого он должен подвергнуться не только строгому воспитанию, но и систематическому лечению.

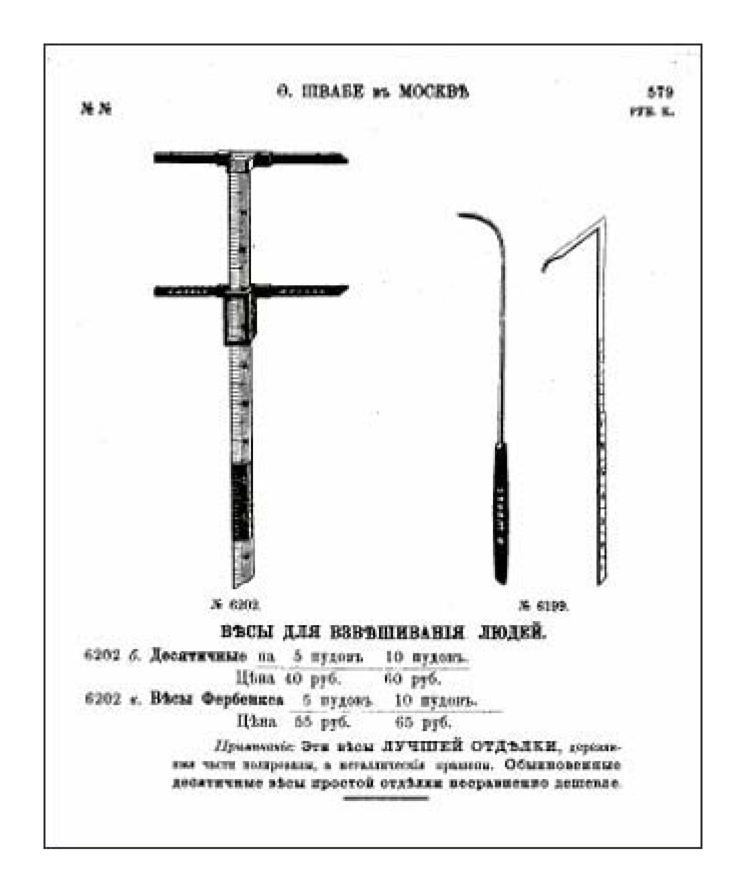
Вот откуда вытекает необходимость гигиены эстетического воспитания, ее медико-педагогическая задача; отсюда вытекает и необходимость нормировки художественного воспитания вообще.

Никто из вас, надеюсь, не сделает из моих предшествующих рассуждений того вывода, что всех указанных отрицательных сторон искусства достаточно для признания безусловного вреда от всякого искусства. Необходимость эстетического воспитания взрослого человека и ребенка признается всеми, и я признаю ее вполне: нормальное искусство не шло бы в своем развитии рука об руку с

прогрессом человечества, если бы оно не составляло отражения большой части его духовной жизни. Пусть искусство делает предначертанные ему успехи, пусть оно дает человеку радости и счастье, пусть педагоги, наряду с дисциплиной ума и тела, не забывают доставлять нашим детям счастливые минуты эстетического наслаждения. Но пусть в то же время искусство, способное, подобно другим проявлениям человеческого духа, уклоняться иногда в своем развитии от правильного пути, подлежит и соответствующей критике; и если мы, вместе с Джемсом Сёлли, считаем себя в праве относиться к истинному, хотя и вырождающемуся, художественному таланту, со смешанным чувством почтения и благодарности, с примесью некоторого человечного чувства, похожего на сострадание, то тем более, при наличности наших знаний и во имя общественного здоровья, во имя торжества разума, во имя целесообразности общественного строя, мы признаем себя обязанными лишний раз предостеречь наших современников как от злоупотребления искусством вообще, так и от столь сладкого и, в то же время, гнилого плода, как вырождающееся искусство.

Пусть поле деятельности принадлежит только одному искусству, — искусству трезвому, бодрому, здоровому, искусству, отражающему в себе благородные чувства и идеи; если же современное искусство склонно изменить своему высокому значению, то необходимо сделать всё возможное для того, чтобы вернуть к жизни те художественные стремления, которые не раз служили духовному совершенству человека.

Каталог фирмы Швабе

№ № Ѳ. ШВАБЕ въ МОСКВѢ 579

руб. к.

№ 6202. № 6199.

ВѢСЫ ДЛЯ ВЗВѢШИВАНІЯ ЛЮДЕЙ.

6202 *б.* **Десятичные** на 5 пудовъ 10 пудовъ.

Цѣна 40 руб. 60 руб.

6202 *в.* **Вѣсы Фербенкса** 5 пудовъ 10 пудовъ.

Цѣна 55 руб. 65 руб.

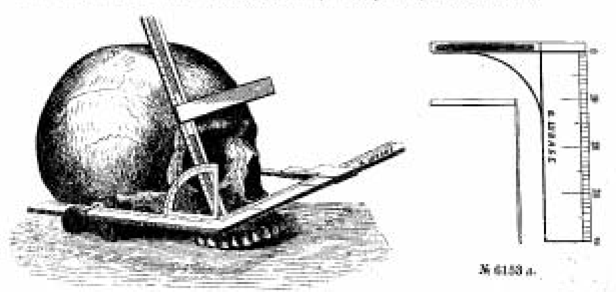
Примѣчаніе: **Эти вѣсы ЛУЧШЕЙ ОТДѢЛКИ,** *деревян*-ныя части полированы, а металлическія [illegible]. **Обыкновенные десятичные вѣсы простой отдѣлки несравненно дешевле.**

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

А. Антропометрія.

6151. **Мѣрительн. лента,** см. стр. 439, № 4187—4188.

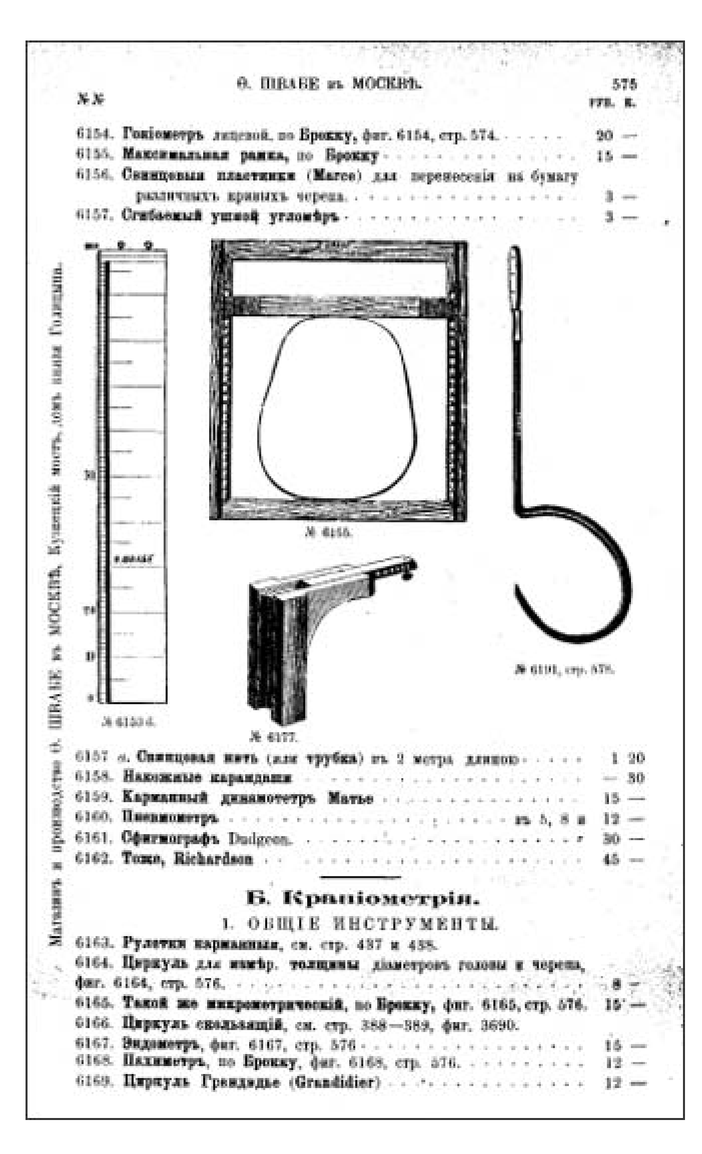
6152. **Мѣра для измѣр. человѣч. роста,** см. стр. 439, № 4189—4190.

№ 6154.

№ 6153 а.

6153. **Станокъ деревянный** (складной **двойной** метръ **по Брокку**) для **измѣренія человѣческаго роста,** съ **подвижнымъ** и неподвижнымъ **угольниками,** съ **дѣленіемъ на** миллиметры **для антропологическихъ цѣлей,** фиг. 6153 а и 6153 б, стр. 574 и 575. 20 —

№№		руб.	к.
6154.	**Гоніометръ** лицевой, по **Брокку**, фиг. 6154, стр. 574.	20	—
6155.	**Максимальная рамка,** по **Брокку**	15	—
6156.	**Свинцовыя пластинки (Marce)** для перенесенія на бумагу различныхъ кривыхъ черепа.	3	—
6157.	**Сгибаемый ушной угломѣръ**	3	—

№ 6153 d.

№ 6155.

№ 6177.

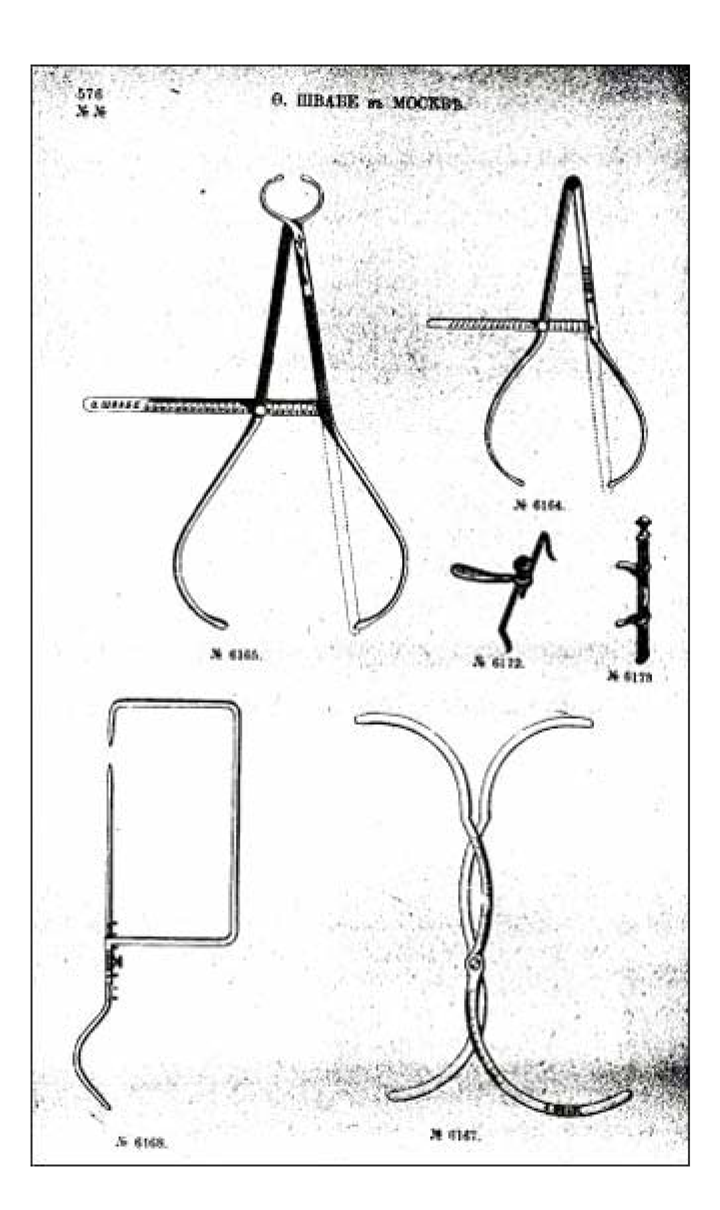
№ 6191, стр. 578.

6157 a.	**Свинцовая нить (или трубка)** въ 2 метра длиною	1	20
6158.	**Накожные карандаши**	—	30
6159.	**Карманный динамометръ Матье**	15	—
6160.	**Пневмометръ** въ 5, 8 и	12	—
6161.	**Сфигмографъ** Dudgeon.	30	—
6162.	**Тоже, Richardson**	45	—

Б. Краніометрія.

1. ОБЩІЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

6163.	**Рулетки карманныя**, см. стр. 487 и 488.		
6164.	**Циркуль** для **измѣр. толщины** діаметровъ головы и черепа, фиг. 6164, стр. 576.	8	—
6165.	**Такой же микрометрическій,** по **Брокку,** фиг. 6165, стр. 576.	15	—
6166.	**Циркуль скользящій**, см. стр. 388—389, фиг. 3690.		
6167.	**Эндометръ**, фиг. 6167, стр. 576	15	—
6168.	**Пахиметръ**, по **Брокку**, фиг. 6168, стр. 576.	12	—
6169.	**Циркуль Грандидье (Grandidier)**	12	—

№ 6165. № 6164. № 6172. № 6179. № 6168. № 6167.

2. ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ПОЛОЖЕНІЯ ЧЕРЕПА.

6170. **Краніостатъ человѣческаго черепа** . . . . 8 —
6171. **Краніостатъ для сравнительной анатоміи** . . . . 12 —

№ 6178.

6172. **Орбистатъ съ кремальерой**, фиг. 6172, стр. 576. . . . . . . 9 —
6173. **Орбистатъ на винтѣ**, фиг. 6173, стр. 576. . . . . 6 —
6174. **Глазничныя иглы** . . . . — 75
6175. **Бимиллиметрическая линейка**. 3 50
6176. **Краніофоръ Брокка**. . . . . 15 —
6177. **Либель** (Libelle) **Брокка**, фиг. 6177, стр. 575. . . . . 3 50
6178. **Краніофоръ Топинара**. . . . . 8 —
6178 *a*. **Тоже усовершенств. штативъ весь металлическ. и съ металлическ. подвижной колонкой съ череподержателемъ** . . 20 —
6179. **Дощечка для проекцій** . . . . 8 —

№ 6180.

3. ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ РИСОВАНІЯ ЧЕРЕПА.

6180. **Краніографъ Брокка** . . . . 100 —
6181. **Стереографъ Брокка**. . . . . 120 —
6182. **Мыщелковая подвѣска и свинцовая нить Брокка** . . . . 10 —
6183. **Такой же снарядъ болѣе легкій отъ замѣны массивныхъ деревянныхъ стоекъ металлическими**. . . . . 24 —

№№		руб.	к.
6184.	**Эндографъ Брока**	35	—
6185.	**Цефалометръ Антельма**	125	—
2186.	**Цефалометръ Антельма**, видоизмѣненный Бертильономъ	125	—
6187.	**Камера люцида Вульстона** смотр. стр. 94 № 1042—1044		
6188.	**Діографъ Гавarда**	140	—

4. СПЕЦІАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

6189.	**Лицевой гоніометръ Брока**, смотр. № 6154.		
6190.	**Паріетальный гоніометръ (Quatrefages)**	65	—
6191.	**Затылочный затерпасъ Брока**, фиг. 6191, стр. 575	6	50
6192.	**Затылочный гоніометръ** съ раздѣлен. дугою **Брока**	25	—
6193.	Затылочный гоніометръ прямоугольный, фиг. 6193, стр. 577.	25	—
6194.	**Циркуль съ тремя ножками**	4	—
6195.	**Циркуль толщины съ тремя вѣтвями**	15	—

№ 6202 а.

№ 6190.

№ 6196.

6196.	**Гоніометръ ушной Брока**, фиг. ½ 6196.	25	—
6197.	**Мозговой вѣеръ Сегонда**	3	50
6198.	**Ринометръ Брока**	25	—
6199.	**Сфеноидальный крючекъ и оптическій зондъ**	8	—
6200.	**Портампрэнтъ (Porte-empreinte) для внутренней поверхности черепа Брока**	6	—
6201.	**Два акустическіе внутренніе зонда**	3	50
6202.	**Скользящій циркуль, антропометрическій** модель **М. Топинара**	20	—
6202 а.	**Остеометръ съ гоніометромъ и транспортиромъ**, фиг. 6202 а.	20	—

Примечания

1

В Северной России женщины способны рождать до 50-го года, а мужчины (разумеется, не все) способны оплодотворять до 75-го года.

n_1

2

Французы называют это безобразие: Tablier.

n_2

3

Бушмены (Boschismanes) отродье Готтентотов и самая низшая степень человеческого рода.

n_3

4

Измерительная лента должна быть из очень гибкого, но в то же время мало вытягивающегося материала, лучше всего из слегка пропитанной клеем ткани.

n_4

5

1 вершок = 44,45 мм.

n_5

6

Торжественное открытие Музея Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого весной текущего года показывает нам, что интерес к антропологии действительно возрастает.

n_6

7

Давит.

n_7

8

До сих пор лишь один хевсур получил среднее образование и дослужился до чина статского советника.

n_8

9

Авторские снимки в настоящем издании не приводятся.
n_9

FB2 document info

Document ID: 6f2bd3ed-f4f8-40e2-9a2c-3cc0726dd8ae
Document version: 1
Document creation date: MMX
Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

- jurgennt

Document history:

v.1.0 — создание fb2-документа — © jurgennt, апрель 2010 г.

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.30.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.30.0 написанного Lord KiRon